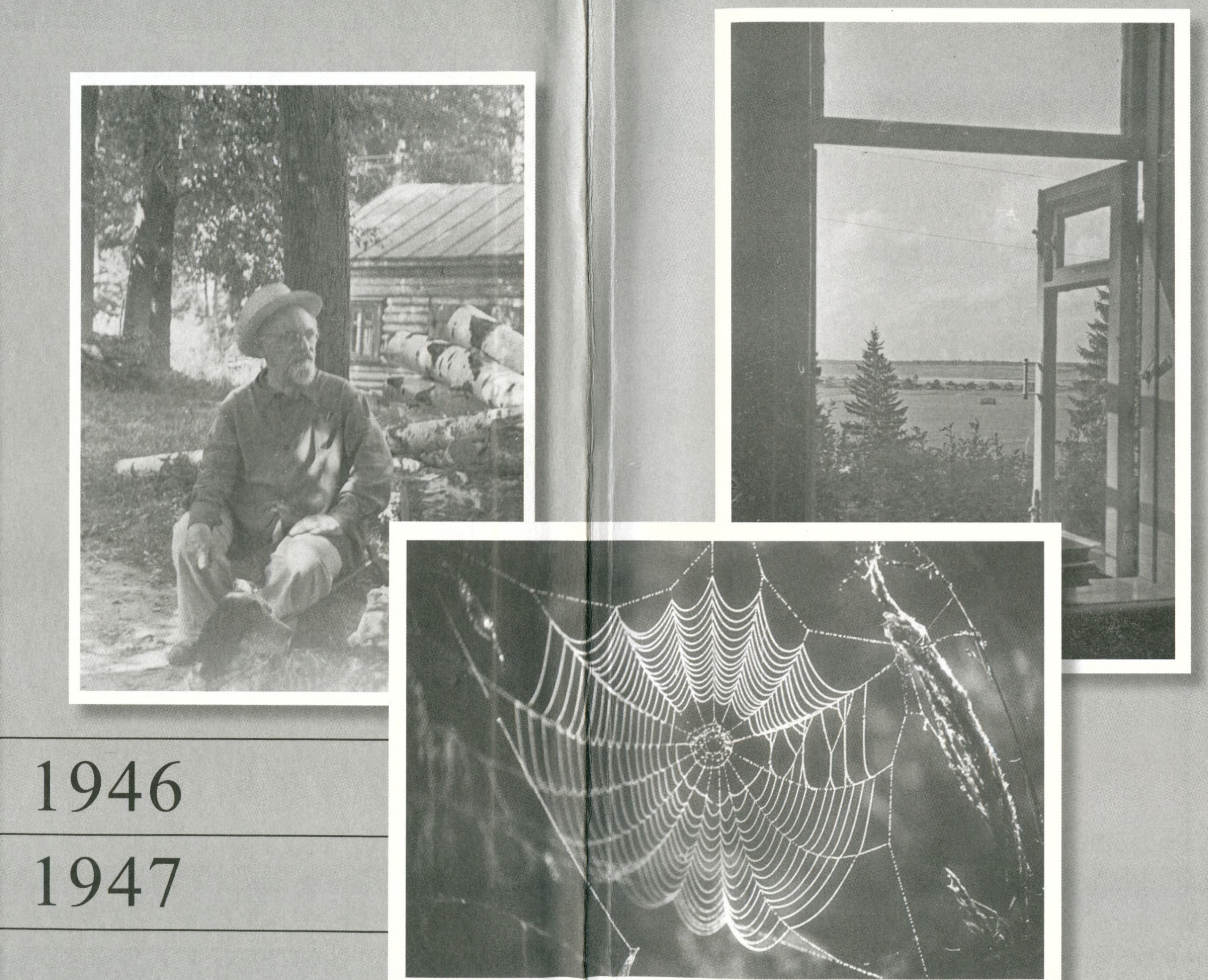
М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1946 – 1947

1946

1947

М.М. ПРИШВИН

Дневники

1946
1947

Новый Хронограф
Москва
2013

УДК 821.161.1-94»1944/1945»Пришвин М.М.
ББК 84(2=411.2)6-49
П77

Издание осуществлено
при поддержке Президентского центра Б.Н. Ельцина

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках программы ФЦП «Культура России»

Пришвин М.М.
П77 Дневники. 1946–1947 /Подготовка текста Я.З. Гришиной, Л.А.Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной; указат. имен — В.А. Устинов. — М.: Новый Хронограф, 2013. — 968 с. — ISBN 978-5-94881-222-9

Книга М.М. Пришвина «Дневники. 1946–1947» охватывает два первых послевоенных года. Содержание и характер дневника в эти годы определяется контекстом социальных и культурных установок современности, которые не дают никакой надежды на возрождение страны («12 Марта 1946. В наше крепостное время свобода делать что хочется кажется чудом»). В эти годы война и победа осмысляются писателем сквозь универсальную идею дома - в 1946 году подмосковная деревенька Дунино становится для него точкой свободы, единственным и необходимым для творческого роста местом на земле. Вопреки все более ужесточающейся литературной ситуации в стране Пришвин напряженно работает над романом «Осударева дорога» о строительстве Беломорско-Балтийского канала.
Агентство CIP РГБ

При оформлении форзаца и нахзаца
использованы фотографии М.М. Пришвина

ISBN 978-5-94881-222-9

М.М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1946

1947

1 Января. Погода очень мягкая, с метелицей, как вчера. Я начал рано выходить, сегодня грипп возобновился, валяюсь весь день. Лева был с визитом, говорил, что у него и мать, и теща, и племянница, и так, всем народом, встречал Новый год. Петя поздравил из Эстонии.

Панферов звонил, что «Мирскую чашу» готовит к печати.

2 Января. Грипп дал мне возможность перечитать Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо».

Вот было же время, когда поэты шли впереди революции, и в свете их творчества наши политики являются просто дельцами. В этой поэме вся русская революция 1917 года. По этой поэме теперь можно видеть, насколько же подготовлено было сознание народа, прежде чем в борьбу вступили дельцы-большевики.

Удинцев вчера сказал по поводу наступающего цензурного облегчения:

— Но писателей-то совсем нет.

— А маршалов, — ответил я, — вспомните: Ворошилов, Буденный, Тимошенко — какие это маршалы! Но пришла война — пришли маршалы.

Так будет и с литературой: начнется истинно мирное строительство, откроется внимание к жизни народа, явятся писатели. Писатели тоже как грибы растут при подходящей погоде, но грибы нельзя выдумать, а писателей сколько угодно. Дай только тему с оплатой труда — и их явится сколько угодно. И кто даже совсем неспособен к такому труду — выучатся и будут писать.

Панферов вчера сказал, что перелом в литературной политике уже совершился:

— Вот я беру «Октябрь» на себя, и мне дали без оговорок: мне гарантировали свободу от чиновников.

Приятно было слушать, но кто же это Панферов-то сам, почему его личный успех у властей является успехом русской литературы? Панферов наивный дикарь, но он русский и, кажется, дерзкий. Возможно, что его успех явится и началом нашего, тем более что он печатает «Мирскую чашу».

Собачки, конечно, не могут между собой разговаривать человеческими словами, но как-то все-таки разговаривают. Для простоты можно принять, что они нашими словами говорят, а то невозможно никак рассказывать.

Хорошо на воздухе: тихо, нехолодно, снежинки нехотя летают, светленько от свежего снега, но выходить на воздух боюсь.

Был Константин Сергеевич Родионов, свидетель старинной Лялиной жизни. (У него есть в Рогачеве писатель-охотник, ему можно отдать в натаску Жульку. Еще у него есть в Москве брат, тоже охотник, он же сказал о Кузнецове с НИЛа, инженер, охотник, адрес записал.)

Он высказал хорошую мысль о том, что отношения с людьми есть труд, а не удовольствие только, как думают иные «потребители» таких отношений.

Узнал, что Елизавета Влад. Трубецкая умерла в тюрьме в Талдоме, что Гриша в лагере, а другой сын (Андрей или Владимир) вернулся с фронта героем, в орденах. Таким образом, род Трубецких продолжается. Разгром семьи произошел из-за того, что какому-то знатному грузину, вроде Енукидзе, вздумалось поухаживать за княжной Голицыной, племянницей Трубецкого. Легкомысленный «князь» воспользовался этим и отвез Гришу при содействии Енукидзе в Париж. Гриша сильно болел астмой. В

Париже Гришу на руках носили, души не чаяли, и астма прошла. Но «князь» опять поехал в Париж и легкомысленно сманил Гришу домой, Гриша и домой не доехал, как понял, в какую ловушку попал он.

Если человек, высказывая какую-нибудь свою задушевную мысль, оглядывается на какой-нибудь авторитет, вроде Достоевского, разделявшего ту же мысль, то помните: этот человек есть не поп, а дьякон. Так вот и этот Родионов — дьякон, конечно, а Удинцев даже дьячок, хотя оба превосходные люди.

В новогодней статье Тихонов пишет о «темах», ожидающих писателей: какая-то ярмарка невест — это темы, а писатель — жених, как в старой Москве, приезжает на ярмарку и выбирает. Между тем невесту еще кое-как, имея в виду «род», можно как-нибудь выбрать, но отношение писателя к теме еще более интимное, чем жениха к невесте. Это никак не родовое или групповое, а только личное отношение. Невеста может и не нравиться, если она богата: стерпится — слюбится. Но тема писателю должна нравиться, и выбрать ее он может только сам. Между тем, выводя темы на ярмарки, вы, добрейший Тихонов, тем самым привлекаете спекулянтов, которым выгодно заниматься этими темами.

Лучшее в моих отношениях к Ляле — это никогда не изменяющее мне чувство ее высоты, не поддающееся измерению и вычислению. Вчера, когда Родионов вспоминал старое, и я Лялю в нем ясно себе представил, то как бывает в горах — все хочешь и как хочешь увидеть какую-нибудь прославленную вершину, вроде Адыл-Су, и все облака, тучи, туман, и вдруг как-нибудь нечаянно глянул в ту сторону, и она вся бело-серебряная стоит на фоне синего неба.

Так я и Лялю вчера видел, и снова предстало в непонятной сложности ее падение. Я вполне понимаю, что весь Олег вырос из нее и что она тем самым считает его сво-

им дитем, как мать. Но ведь это до какой-то поры дитё, а дальше оно перерастает материнские чувства, оно становится выше, как Сам Бог выше Богоматери. Вот тут-то, с той высоты на бедную мать и повеяло холодом. И этот-то холод и был причиной, повергнувшей Лялю в бедствие...

Ее падение было ответом на его «аскетизм» (как отчуждение без оправдания): это был грех на грех. Кончилось бы это тем, что он бы сделался не монахом, а писателем и Ляля была бы ему такой же чудесной женой-другом, как мне.

Эти два очень русских человека: Родионов и М.* разговаривали по душам. Р. демонстрировал свое «не простить» в отношении к церкви, но большевикам простил — за победу: немцев ненавидит, как русский.

— Эти воскресшие русские, — ответил М., — меня занимают, вы не один.

— Но мне кажется, что любовь к родине является тут не сама по себе, а как повод «простить»: явно же, наконец, что большевики победили, и это все делается у них «как надо», так надо же как-нибудь чем-нибудь оправдать свое «простить». Вот и явилось это: я — русский.

— А что тут хорошего? Если я, русский, являюсь как творческая личность, например Тютчев, то чем хуже немец Бетховен или Шиллер? Если же я русский в смысле представителя масс, то в этом смысле нет народности хуже русской, потому что нет мерзости, на какую бы не способен был русский человек. Единственная его сила — это что под огромным давлением он может сплоченно действовать... Но это сила не нравственного порядка. Что вы можете на это ответить?

Я отвечаю: — Люблю русских.

Из Некрасова «Кому на Руси...»:

— Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём.

* М. — сам Михаил (примечание В.Д. Пришвиной).

А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведреный денек.

В связи с этим думал о Маяковском, что вся его искореженная поэзия направлена против самой попытки спеть такую песенку: тут что-то и от падшего ангела, и от народного революционера Некрасова, и от демона, и даже от Ленина, обрекавшего на жертву «личную жизнь». Если же сама личность идет в жертвенную печь, то где же и родиться такой песенке, веселой и ясной?

3 Января. Мой бестемпературный грипп продолжается. Читал в эмигрантском журнале «Встречи» среди всего очень скучного и жалкого хороший очерк Александра Гефтера «Кило сахара». Это — русскими глазами французский быт во время войны. Так вот надо бы попробовать написать из русского быта для американских глаз.

Психологическое объяснение происхождения машины заключается, по-видимому, в том, что, работая, человек все время стремится к тому, чтобы ему легче, удобней работать и в идеале даже совсем освободиться от труда. Машина начинается счастливой придумкой: человек что-то придумал и стал через это хозяином, а работать стала машина за него *сама* (автомат); если в состав рабочего механизма входит и человек, то он работает тоже автоматически.

Отсюда возникает вопрос моральный большой важности: если хозяин машины, взявший на себя инициативу труда, получил через машину свободу, то другой через это автоматизировался и стал человеком-роботом. Так вот есть ли человеку от машины прибыль в свободе? На это, по всей вероятности, ответят, что нет: человеческое Хочется через машину убывает. Но при помощи машины создается много больше, чем руками, и это — создавать больше — необходимо, т. к. людей становится больше и их потребности возрастают.

Таким образом, рост автоматически движется в сторону человеческого Надо, но никак не Хочется. И это ничуть не иллюзия, что кустарный человек был свободней машинного и потому именно, что тягость труда нес на себе, а не перекидывал на другого.

Все это известно, конечно, но замалчивается и не переменяется только потому, что каждый мнит себя более умным и способным свалить с себя бремя труда на более глупого и менее образованного. Евреи этот принцип машинного века поняли лучше других и, смекнув, всем народом стали рождать и воспитывать людей, способных уклоняться от бремени физического и автоматического труда.

Но вот пришел социализм...

Автоматизм еще больше сказался в отношении идей: появился в полном смысле слова образованный дурак, специальностью которого является повторение сказанного авторитетными людьми.

4 Января. Грипп продолжается, и все та же сиротская погода. Заказали статью для «Красноармейца».

Смутно как в тумане вижу: сидят вокруг стола женщины и вытягивают из белых тряпок нитки, что-то еще с ними делают и, в конце концов, получаются туго перевязанные пучки. Эти пучки, называемые *корпия**, и назначены для раненых. Мне было тогда всего три года, и это была турецкая война 1876.

Вот сколько я живу, сколько сознаю и сколько лет связываю в своей личности.

<*Зачеркнуто:* Но помните — это не одно только «счастье», в этом счастье есть и своя личная заслуга. Говорится же неплохо: «дуракам счастье!» А «дураки» — это те,

* Корпия — перевязочный материал, состоящий из нитей расщипанной ветоши (хлопковой или льняной).

кому годы проходят как с гуся вода. А кто мало-мальски сознает и пытается связать проходящие годы — тому... >

Не выходит.

Другое начало.

И вот эти пучки корпии почти 70 лет тому назад — единственное воспоминание из моей жизни, связывающее время нашей нынешней войны с героическими народными войнами прежних времен.

Мне было всего три года, но я хорошо помню, что серьезное глубокое настроение этих женщин и даже самое слово «корпия» во мне вызывают теперь представление о какой-то большой нравственной связи женщин в тылу и воинов на поле битвы.

Вот это первое мое гражданское детское впечатление было единственное, в котором гармонично связываются все элементы, составляющие понятие отечества и родины: тут и природа, и народ, и правители, и личность — все вместе в единстве, как рассказывали нам наши отцы, как описывал Л. Толстой в своей книге «Война и мир».

<*Приписка на полях:* Корпия! какое прекрасное слово моего детства. Увы! оно было единственным.>

Мне было 8 лет, когда был убит царь Александр II... мнения хороших людей, какие казались мне близки, вроде как бы одобряли это убийство...

С тех пор еще раздели[лись] в моем сознании понятия родины и патриотизма: родина,мне казалось, — это все хорошее, что было когда-то, а [le patriotisme]* — это вывезено из Франции к нам на затычку.

Доброе старое вино стало уксусом.

И так время шло, и всякая война, свидетелем которой я был, мне теперь представляется как звенья, входящие в огромную цепь великой русской гражданской войны.

Перед каждым старым человеком, сохраняющим полное сознание, стоит задача или вернее лежит на нем тяж-

* [Le patriotisme] (*франц.*) — патриотизм.

кое бремя оправдать свои годы ответом на вопрос: — Для чего ты жил на земле?

Вот почему и гнется старый человек, а не только по тому одному, что ноги становятся слабее.

Со стороны-то легко ответить на вопрос, для чего ты жил, старый человек. Ответ простой: — Для того, чтобы связать время человеческим смыслом.

Так просто, а вот поди-ка свяжи...

Но я попробую связать.

Мне было три года от роду, когда я получил свое первое гражданское впечатление, которое мне предстоит почти через 70 лет сейчас связать с последней победой Красной Армии над немцами.

Это было в 1876 году. Я помню, сижу за большим столом и вокруг стола под висячей лампой...

5 Января. Позвали доктора лечить грипп. И как только побывала у меня какая-то глупая женщина, не успели даже лекарства принести, грипп сам прошел.

Набросал статью для «Красной Армии».

Прочитал впервые чудесную вещь Гофмана «Золотой горшок».

Читаю взасос Маяковского. Считаю, что поэзия — не главное в его поэмах. Главное то, о чем я пишу каждый день, чтобы день пришпилить к бумаге. Сколько пишу, и нет ничего: день отрывается и возвращается в прошлое. А Маяковский свои дни пришпилил к бумаге. Потомки будут ругаться и будут, может быть, плеваться, но дело сделано, день пришпилен. И это пришитое есть правда, которой, оказалось, служил Маяковский. Наверно, за правду-то он и погиб.

6 Января. Завтра в 12 дня заседание о толстовском наследстве: работа над русской сказкой. Председатель комиссии Шолохов, члены А. Платонов (друг Шолохова), фольклорист Нечаев и я. Шолохов назначен председателем, как коммунист.

7 Января. Рождество.

Устроили елку при семи свечах. Позвали Власовых и Яковлевых. Говорили о том, что Гитлеру оставалось пять минут до победы и что будто бы он уже сказал (это Леоновым вывезено из Нюрнберга): «Бог мне простит за Лондон и Москву». И тут вдруг все провалилось (есть о чем подумать!). Еще говорили о евреях, что у нас на них теперь везде нажим (чем между прочим и объясняется мой успех у Потемкина и в «Детгизе», успех за счет Маршака).

Кононов обещает мне отдать том сказок из Толстовского наследства.

Массовое вознаграждение писателей, в том числе и меня, медалью «За трудовую доблесть».

8 Января. На фоне массовости (русских в Союзе писателей не больше $^1/_3$, даже $^1/_4$) вспомнились резко те, которым не дали.

Меня рядом с Ценским посадили в Президиум, и это устроил наверно торжествующий Панферов (и журнал получил и выбирается в Вятке). Еще сидели со мной Соболев и Асеев.

Раздавал награды усердный молодой человек, коммунист Краснопресненского района. Он тряс усердно руки писателей, чем важнее писатель, тем усердней. А когда подходил пожилой с костыликом, вроде Григорьева, то молодой человек сбрасывался с возвышения и бежал навстречу. — Видишь, — сказал я Ляле, — как народ наш почитает писателей. — Это трогательно, — ответила она, — лет через 30 это даст хорошие плоды.

Не знаю, какие это даст плоды. Самая характерная черта условий нашей литературной деятельности, это что слову вменяется народом и партией прямо же и самое дело, что у нас слово и дело одно, а не разделяется, как в «культурных» странах промежутком «подумал»: сказал, подумал и сделал. Это, с одной стороны, и хорошо — это серьезно, а с другой — и скучно: со словом нельзя пошутить, поиграть (живо помню время, когда кончился фельетон). Слово сейчас подчинено правде.

9 Января. Английский сеттер Жизель была названа так в честь балерины Улановой, прославленной своими танцами, особенно в балете «Жизель». Маленькая белая сучка...

Наша домработница вчера, в самом начале месяца, потеряла все наши хлебные карточки и сама ходит как ни в чем ни бывало. Это меня так расстроило, что просто смотреть не могу на Марию Васильевну.

Одно утешение в такие бедственные дни — это моя собака английский сеттер Жизель, или попросту Жулька. Ей теперь восемь месяцев и это уже собака, большая лохматая, в рубашке голубовато-серебристого цвета (блюбельтон). Погляжу на нее, поглажу, дам чего-нибудь, поиграю и обыкновенно все горе как рукой снимет. Но в этот раз встреча с Жулькой не помогла. Главное, плохо и это злило меня, что я ей, Марье Васильевне, тысячу раз говорил не таскать зря с собой карточки, брать их только если за хлебом идешь. Вот это упрямое непослушание точило, точило меня, и теперь я просто глядеть не мог в сторону М. В.

Жульку я в это утро не заметил, а прямо подошел к часам, чтобы их завести. И слышу, за мною скрипнула половица. Ну, думаю, это она — мой враг! Какая нахалка, думаю, ведь и в ус не дует, ей хоть бы что. Подходит к окну, останавливаясь любуется с высоты шестого этажа на утреннюю Москву.

Завожу часы нарочно долго, чтобы вышла М. В., ушла, а то, боюсь, при встрече не выдержу.

Часы заведены. Она стоит у окна и не уходит.

Какая нахалка!

У меня закипает душа, но я удерживаюсь и начинаю заводить будильник.

После будильника больше терпеть не могу и, натянув туго вожжи, сдерживая себя, как коня трензелем, говорю чужим металлическим голосом: — Марья Васильевна, на вашем месте я бы не в состоянии был любоваться Москвой из окна.

И повернувшись к ней лицом, смело в упор глянул.

И что же я увидел! Представьте себе огромное окно, под ним радиатор, а на половину радиатора от пола возвышается сундук с барахлом, а на сундуке не Мар. Вас., а Жулька, поставив на него задние лапы, передние же положила на подоконник, а носом своим мокрым водит по стеклу.

Знаете утреннюю Москву, когда внизу скребут, изредка переговариваясь дворники, а вверху галки проснулись и тысячами все перекликались весело, здороваясь друг с другом, летают вперед и назад, завертывают с шумом, исчезают сразу все и вдруг все опять сразу появляются. Вот Жулька и следит за ними, и носом водит по стеклу, и мокрый след на стекле тут же застывает, и карта настоящая географическая выходит: вот узнал: вышла Аляска, вот Скандинавский полуостров, Австралия.

Галка летит, Жулька пишет, куда галка — туда нос.

Встало над Москвой прекрасное солнечное утро, и я совсем даже и забыл, что Мар. Вас. потеряла хлебные карточки.

10 Января. О казенном антисемитизме сказали, что такого не существует, но есть среди крупных партийцев антисемиты, каким был, например, Щербаков, а теперь Потемкин. Вот когда такой высокий вождь неловко выскажется против евреев, внизу везде побежит антисемитизм. В таком соотношении находятся Потемкин и Кононов, и отсюда кампания против Маршака.

На вопрос о выборах мне сказали так: известно, что земельная рента происходила из разности естественного плодородия разных земель. Такая точно разность существует и в личностях, и вот эта разность между умнейшим и глупейшим, превращаясь, как рента, в обезличенное состояние, и является силой общественности вновь олицетворяемой захватчиком власти. Истинный демократизм и состоит именно: 1) в процессе отчуждения полезного качества от личности, 2) в создании органов управления этими обезличенными качествами в пользу пролетариата.

Советские выборы и есть процесс олицетворения обезличенных качеств и состоят из двух процедур: 1) назначение кандидата партией, 2) оформление кандидатов на выборах.

На вопрос мой, для чего же нужно такое оформление, похожее на какой-то спектакль, мне ответили:

1) это нужно для показа другим странам;

2) это нужно для контроля действия всего аппарата управления (смазка машины, крепеж и мойка);

3) это вызывается необходимостью, вытекающей из программы партии. Это есть практический выход и лучший, потому что в партию-то идут самые активные люди, а из партии активнейшие назначаются к выборам.

NB. Не забыть, как ребята (после охоты) указали в темноте дорогу и сказали, что эта дорога ведет к их члену Верховного совета, который им делает много всякого добра. Вспомнить тоже Поликарпова, что он берет на себя всю тягость управления Союзом, что при Поликарпове самим писателям легче: пиши себе всласть, в то же время в этом сваливании с себя общественных обязанностей какое-то падение, вроде падения личности крестьянина, когда поняв, наконец, преимущества городской жизни, бросает землю и переходит в рабочие.

11 Января. N. сказал: научились выпрямлять энергию атомов, но человек ведь тоже атом общества. Так почему бы и человека не выпрямить, чтобы он не вращался только вокруг себя?

12 Января. Если сознание человека отделить от себя, чтобы энергия этого сознания выпрямилась и была полезна всем, и сам человек, источник этой энергии, забыл бы себя, то божество бы исчезло из состояния человека, и он превратился бы в такую же стихию, как огонь, вода и все другое, и мир остался бы без субъекта. И коммунисты правы, отрицая всякое божество, потому что божество предполагает субъекта.

На самом деле все не так страшно, потому что у коммунизма нет философии и все их понятия заимствованы из философии для практических целей политики.

Марии Алекс. я очень наивно сказал о своем браке: — Вы знаете, что сходясь с женщиной, я тем самым сходился с церковью, я пришел в церковь, как к женщине, и там и тут был брак. И если вот этот брак противопоставить церковному, который связал ее с нелюбимым мужем, то который же брак истинный: этот, живой, или тот, мертвый?

Это было наивно, потому что каждый самовольник...

13 Января. Продолжается оттепель, льет с крыш. После рассвета, однако, лужи подернулись льдом. Зима вышла определенно сиротская. Приехал Петя из Ревеля. Вчера нашел профилакторий. Собираемся в Узкое. Готовлю сборник «Мирская чаша».

То, что думал вчера о браке ночью, понял: эту борьбу правил установления с правом личности на свободу в любви (правила борются с правом) я понял как борьбу за единство в любви.

«Язычеством» называли, в конце концов, и языческую свободу — это утверждение полигамии (свобода мужская оплодотворять женщин сколько хочется). Вот с этим чисто животным петушиным свойством человека и борется христианская церковь, утверждая единство Божие и в этом «естественном» человеческом влечении.

Значит, можно сделать такое заключение о борьбе в браке Надо (правил церковных) с Надо (правил свободного человека): в том случае человек может освободить себя от церковного обета, если в новом своем чувстве он стремится к еще большему единству, чем раньше: раньше его «женили» по правилам, теперь он женится сам по праву. Впрочем, и церковь допускает развод, руководствуясь именно этими мотивами.

Для человека нет ничего нового в природе: в своей собственной душе он может найти все формы природы: и небо и землю и солнце свое и тьму свою, и поющих птиц, и лягушек — все, все! Но природа не может ответить тем же человеку, сказать ему: ты весь содержишься во мне. Душа человеческая, или вернее не душа, а какой-то основной атом души, вокруг которого вращаются все остальные природные атомы, не содержится в природе, и это есть сам человек.

В Нюрнберге сейчас происходит суд над преступлением против этого самого человека. Так нам об этом говорят, по крайней мере, так мы должны понимать. Нам не хватает одного: какого-то свидетельства современного божественной сущности человека («самого человека») в оправдание засвидетельствованной войной дьявольской сущности просто человека в этом его «новом язычестве».

Почему мы все не чувствуем притока радости в удовлетворении правдой суда над преступниками против самого существа человека? Не радость слетает к нам, а наползает, как необходимость, осторожность. Например, трудно понять, почему «гитлеризм» не разбирается у нас в журналах философски, со всех сторон, спокойно и убедительно. Мы думаем, это потому, что наша частная «философия» вообще боится общей философии. Не говорят, потому что нужно новое слово какой-то личности, дерзающей выйти за пределы «диамата». Но такая личность не появляется. И может быть, политически выгодней сейчас вообще помолчать.

Мы вспомнили сейчас слова Калинина о себе, он подчеркивал эгоистические личные мотивы в своем продвижении и как бы необходимость их, особую правду. — Он не один так говорит, — сказала Ляля, — я часто это слышу от большевиков, не человечностью аргументируют, а личными интересами. Что это? — А это, — ответил я, — исстари ведется у марксистов против народников. Если сослаться на человечность, то этим самым вооружаешь противника: ты дал ка-

плю человечности, а народник выльет на твою голову ушат слов. Если же выставить ego, то это будет как камень для упора ног. Упираясь в этот камень, можно выставить против «человечности» мораль классового материализма и пр.

14 Января. Рождение Нат.Арк.: 70 лет.

Хватил мороз. Отвел машину на профилактику. Вечером у нас елка: Ия с Сережей, Лева, Галина с детьми, все Удинцевы и Родионов. Елка была настоящая, как у людей. Пахнуло семьей. Ляля совсем молодец!

15 Января. Мороз. Два раза ездил на станцию за машиной и не привез: сменили кольца, перетянули подшипники — и не могли завести.

16 Января. Праздник отмороженной ноги, 6-я годовщина (с 1940 г.).

Мороз. Это было в воскресенье у Баранцевич. Одна женщина (докторша) рассказала, что сегодня утром шла в районе Новодевичьего монастыря и слышит звон колоколов. Она подумала, не чудится ли ей. Шла женщина, спросила ее, слышит ли.

— Нет, — отвечает та, — ничего не слышу.

— Извините, — говорит, — значит это у меня в ушах звон.

— Звон? — говорит. — А вот сейчас будто и я слышу.

И только вымолвила, слушают вместе и опять ничего.

— Ну, так решили, — это нам почудилось.

А в понедельник Борис. Д-ча спрашивают: — Слышали новость? Звон разрешили.

17 Января. Мороз сломило. Проклятый грипп сидит в носу и дыхании, и голова слаба, не берет на подъемах. Пишу «Голос шофера-любителя».

Начитался «Британского союзника». Газета в тайном плане содержит задачу выявления в русских условиях су-

щества благородной британской личности. Читая, приятно отдохнуть от нашей неумной пропаганды себя самих и самохвальбы.

Но и так подумаешь: — А может быть, в этом отказе от официального признания личного начала таится бессознательная охрана этой творческой энергии?

Так я понимаю, что самое существенное в государственной деятельности — это сделать все сущее полезным для всех, а чтобы достигнуть этого, нужна рационализация с последующей механизацией.

Так, например, если государство интересуется лесом, то прежде всего со стороны запаса топлива, потом регулировки климата, здоровья и т. д. Лес сам по себе не интересует государство. Точно так же и личность человека получает от государства оценку своих полезных свойств (стахановец, орденоносец и т.п.). Но личность как таковая непроницаема для государства и автономна.

Вот тут-то, в этой точке и начинается разделение государства и церкви, как собора личностей, и в этой же самой точке образуется и сотрудничество государства и церкви. С этой точки зрения понятны и современные споры между церковниками тихоновского толка и сергианского: тихоновцы говорят об автономии личного начала, сергианцы о сотрудничестве духовного собора личностей с трудовым коллективом государства.

NB. Допросить Мар. Алекс. о мотивах ее непризнания сергианской церкви.

Грипп не дал мне вчера с Лялей сходить ко всенощной (чтобы отметить шестую годовщину нашей встречи). Вспоминая теперь, не могу не надивиться случайности этой встречи: до того ведь было в ее душе и моей все капризно и сложно.

Только теперь понимаю, что Ляля до меня никого не любила в том смысле, что, отдаваясь, никому не отдалась, и даже своему Олегу, потому что он был монах. Чтобы самой отдаться, Ляле нужно было, чтобы ей кто-нибудь совершенно отдался. Олег этого не мог в силу склада своего духа.

Вот именно это-то самое и понудило ее попробовать самой отдаться кому-нибудь. Вот она это и пробовала, и отталкивалась, потому что она встречала естественное мужское насилие и не могла в нем забыться. Впервые она (в 40 лет!) только со мной не почувствовала насилия: я ей совсем отдавался, и за то она совсем отдалась мне. Тут я ей был не как мужчина, а как ребенок, и она могла перешагнуть со мной от непорочности девы-невесты к святости женщины-матери.

Часто я думаю, что избран я был совсем даже, может быть, не за высокие качества свои, за поэзию, за что-нибудь такое, а за простоту свою и чистоту свою самую наивную, как у своей матери: я слушал ее, как ребенок, и это пробудило в ней женщину-мать. Я же слушал ее потому, что она все понимала. И отчего-то единственно с ней я совсем не чувствовал границы между чувственностью физической и тем душевным любовным пониманием. Никакого «свинства» не было в наших отношениях.

18 Января. Третий раз возобновляется грипп.

Много свидетельств тому, что дожил до почетной старости (слава и здоровье).

Плохо спится по ночам. Чтобы заснуть, хожу по аллеям, дорожкам и границам-валам нашего и соседнего имений, которых теперь нет на свете.

Заниматься самому машиной — это исходит из тех же мотивов, какие побуждали Толстого заниматься пахотой.

19 Января. Грипп. Сижу дома. Написал «Голос шофера» (вспомнил газетную работу).

20 Января. Грипп. Лежу весь день. Читаю Серову: «Байкал» под «Колобок».

21 Января. На окнах сильный мороз. Должен приехать Шевцов от «Вечерки» за статьей «Шофер».

N. сказал: социализм — это общественный строй, в котором каждый гражданин является добровольным сторожем души другого.

Пришел еврей с клеем по фарфору Михаил Климентович Тимофеев, инженер, но клеит чашки за 5000 р. в месяц, и все родные и друзья клеят фарфор. Весь фарфор мой склеил за то только, что я Пришвин, которого не читал, но слышал от сыновей, ныне убитых на войне. И денег не взял.

22 Января. К. говорил: чтобы немца понять, надо понять его Pflicht* в религиозном происхождении, т. е. так же, как русское послушание. Вот теперь читаешь в газетах о судах: — Вы расстреливали детей? — Да, расстреливал. — Собственной рукой? — Да, первых — чтобы подать пример. — А у вас есть свои дети? — Есть. — Как же вы могли? — Я как член партии выполнял дело расовой теории, показывая пример мужества, это мой Pflicht.

И еще рассказ о немцах под Можайском: губные гармошки, шоколад, добрый старый немец-солдат выпил и пляшет. Дружба, идиллия. На другой день этот же старик устанавливает провода, чтобы сжечь дом и всю деревню, и всем отвечает добродушно: «Приказ, приказ!»

Итак, за что же их судят? Только за послушание, т. е. за то, что он, добрый человек, послушался приказа воли, ныне объявленной злою. Но если бы с атомной бомбой Гитлеру удалось поспеть раньше Америки, то воля Америки была бы названа злой, и тот же немец получил бы награду за расстрел детей. Значит, суд — это есть суд человеческий, как продолжение той же силы войны: суд как торжество победителя. Немцы сделали все для победы, но победа *вышла* на другой стороне. Немцы слишком много взяли на себя в деле победы. Но можно и так понимать, как понимал автор «Илиады»: люди дрались, а боги им помогали.

23 Января. Грипп медленно проходит. Вызываю доктора и буду просить воздуха.

---

* Pflicht (*нем.*) — долг.

Немцы выразились в этой войне в погроме евреев, американцы молитвой Рузвельта, русские... чем русские? Нам самим этого не видно, потому что нам трудно, не до того.

Вчера Ляля была у Поликарпова за путевками в Узкое. Обещает дать через две недели.

Отправил в «Вечерку» «Голос шофера».

Огнев — это редкостный у нас тип консерватора, ему вообще дорого то, что устойчиво, и потому он идет вперед, не спуская глаз с прошлого (задом наперед). Огромное же большинство, можно сказать все, идут у нас, не оглядываясь на прошлое.

24 Января. Доктор требует еще две недели домашнего заключения и после на месяц в Узкое.

Значит, 24 + 2 недели = 7 февраля; скажем, 10 + 1 мес. = 10 марта. До отъезда 1) Подать о домике. 2) Поговорить с божеств. плотником. 3) Совет Сахалина о «Победе» и починка крыла. 4) Вопрос о резине.

Я написал Ольге Вас. Серовой в г. Улан-Удэ. Вот еще одна бабочка, летящая на огонь.

В Крещенье Мар. Вас. обманула Лялю в чем-то, как это с ней очень часто бывает, а сослалась на то, что она должна была достать святой воды. Надо было ответить, что раз мы такие сволочи, что норовим друг друга обмануть, то чего стоит сама святая вода. Но Ляля была так возмущена, что не захотела тратить лишних слов, схватила бутылку со святой водой, чтобы вылить ее на Жульку. В это время я пришел и помешал. — Ты-то веришь, — спросил я Лялю, — что крещенская вода есть святая и через нее могут быть исцеления? — Если она получена от хорошего человека, — ответила она, — то конечно верю: почему не могут быть чудеса? Но если под предлогом святой воды черт знает что делают, так почему бы ее не вылить на собаку?

Религия Ляли мне тем дорога и близка, что в существе своем она действительно независима от всевозможных церковных лесов, окружающих верующего человека и заменяющих обряды словесных формул людей нецерковных. Сегодня мы говорили о том, что если у нас опять определится на службу Аксюша, то не забыть говорить ей, что мы обвенчаны и венчал нас о. Александр. — Ей ведь это нужно и она через это будет нам лучше служить. Но ты и всем говори, что венчались. И это будет правда. — Как правда? — спросил я. — Мы же не венчались... — Нет, мы больше чем перевенчались: мы состоим в браке с тобой, раз наше сближение было нашим восхождением к Богу, то мы вполне имеем право говорить о том, что мы венчались. И привела какого-то святого из Четьи Миней, который высказался о браке так, что в исключительных случаях в брак могут вступать сами любящие друг друга люди без всяких посредников. <*Приписка на полях рукой В.Д. Пришвиной:* «Отказываюсь, никаких я таких Миней не знаю (Ляля)» *и рукой М.М. Пришвина:* «Забыла. (М. М.)».>

Итак, Ляля живет, как всякий бедный человек живет на земле, придавленный к ней тяжестью своего тела, живет и ходит под небом и грозным и ласковым.

Бедный человек знает где-то в себе закон, не зависимый ни от тягости земной, ни от грома небесного, ни от ласковых лучей солнца.

Этот закон бедный человек носит в себе, не смея его обнаружить, носит и делается отцом и дедом, и сыновья, и внуки, и правнуки молча носят, и никто об этом не знает — разве только чудесные зеленые листики в смоле и росе, или цветы полевые, или птички в песнях своих, и воды шумом весенним и в отражениях открывают нам то, о чем мы промолчали.

Вот когда моя религиозная Ляля, иногда вдруг нарушая все нажитое, все установленное, говорит как самая отчаянная революционерка и анархистка, тут я вижу, что она это говорит из себя, и того, что в себе, о чем мы все молчим и что носим, не смея обратить это в мысль и слово.

А оттуда, если хватит духа, сказать уже все можно, сказать, не считаясь со всеми преданиями, с творениями св. отцов, потому что это уже прямо от Бога.

Итак, я думаю, этот закон в себе существует в душах людей, но разно: у одних он поближе к человеческому выражению его, у других подальше, у одних совсем на кончике языка, у других где-то в затылке, а у иных так далеко-далеко, что им нужно озираться, искать, трепетать. У Ляли этот закон на кончике языка и, бывает, соскакивает с языка.

У меня это тоже бывает, только, наверно, очень редко и мало.

А большие русские писатели этим и жили и этим питали русскую литературу.

Сегодня Леонов выступает в «Правде» с торжественным словом Сталину, как «первому депутату». Неискренность, напыщенность, риторика последних высказываний его, мучили, вероятно, не меня одного. Но есть и поклонники этого кушанья, это, наверно, те наивные советские граждане, которым в этом мутном потоке слов чудится та настоящая великая литература, о которой они, вообще, слышали, но прочитали это «Слово», отбросив все старое...

Есть в русском человеке готовность повергнуться перед каким-то неоспоримым авторитетом, как раньше было: это царь и Бог. Так это описано у Толстого было с [Николаем] Ростовым, так мне рассказывал Влад. Серг. Трубецкой о своем свидании с царем Николаем II на яхте «Штандарт». И наконец то, что было с дядей моим при проезде царевича по Сибири и что сам чувствую где-то в себе, это считаю особенной чертой славян, отличающей их от гордых варягов (вот, вероятно, я ближе, чем раньше, подошел теперь к различию между немецким Pflicht и русским послушанием).

Чудится какая-то высшая потребность духа не вознестись, а отдаться. Не в этом ли «женственность» славянского духа?

А вот тоже и Раскольников, распростертый перед народом на площади. А Горький тоже перед народом (в существе). А «Хозяин и работник»?

Вот я и думаю теперь прочесть рассказ Леонова о Сталине с хорошим замыслом: что это русский интеллигент-пыжик сбрасывает с себя все нажитое в гордости и как [Николай] Ростов...

Если это найду — все прощу, нет — подхалимство.

(А может быть, и явление массового подхалимства есть внешняя сторона внутреннего покаяния.) (Как назвать?)

Прочитал с болью «Сталина»: неужели он не заслужил от русского человека прекрасного слова благодарности от чистого сердца! Не сомневаюсь в том, что Леонов настраивал свою душу на это, но слова почему-то вышли все фальшивые, взятые не из души, а откуда-то со стороны, от Гоголя, что ли, или еще откуда. И ничего, ничего общего не имеет эта болтовня с той душой русского человека, о которой я думал, приступая к чтению.

Но как же быть? Заслужил же Сталин настоящие слова благодарности русского человека, прямое слово, как провод прямой от чистой души?

Нет, нет! даже и для того, чтобы достойного достойно поблагодарить, нужно самому быть сделанным из металла крепкого и ковкого, «а не плющиться как низменная глина иссыхающая, сохраняющая отпечаток последней ноги, которая на нее наступила» (Лесков).

25 Января. Сегодня написать и завтра отправить заявление о домике: 1) Вознесенскому в Совнарком. 2) Калинину. Дозвониться до секретаря Калинина.

Составить сборник для «Советского писателя»: рукопись от Румянцевой (сегодня дозвониться).

У Жульки во рту была кость, блоха так больно укусила Жульку, что та выпустила кость изо рта и, свернувшись кольцом, все забыв на свете, стала работать частыми зубами у основания хвоста. Норка этого только и ждала: услыхав па-

дение кости, она бросилась со своего места, схватила кость и была такова. Жулька не поймала блоху, но хорошо прочесав частыми белыми зубами укушенное место, встала на ноги и грустно посмотрела в ту сторону, куда Норка унесла кость. По собачьим неписаным законам кость теперь переходила в собственность Норки и виною этого перехода была сама Жулька: нельзя было ей из-за блохи забывать кость. К счастью для Жульки, очень скоро после этого кто-то постучал в дверь. Как всегда, более отзывчивая на шум Норка первая подняла великий лай, бросилась к двери, кость ее падая стукнула и Жулька, смекнув, возвратила себе свою собственность.

«Соборяне» — это одно из величайших явлений русской художественной литературы: это повесть о хороших людях.

26 Января. Теперь так ясно видишь эти разные точки зрения на жизнь, идеалистическую (философия личности) и материалистическую (философия общества). Вспомнилась Дунечка в своей школе и поп. Стоило бы стать каждому на точку зрения другого и как бы хорошо было, и согласно развивалась жизнь. Но поди стань! Тут не в принципе дело, а во времени: время не пришло.

Было время, когда нельзя было говорить о том, что земля вертится — забили бы. И было время (уже было!), когда нельзя было сказать, что земля неподвижная. А теперь пожалуйста! Теория относительности признана, и каждый легко может стать на ту или другую сторону.

Так точно пришло теперь время, когда церковник не только может, но обязан стать на точку зрения государственно-материалистическую, как, наоборот, государственник-материалист обязан стать на точку зрения идеалиста-церковника.

— Итак, милостивый государь, вы, как член партии коммунистов, можете презирать церковную организацию, быть ее смертельным врагом, но вы обязаны стать на точку зрения церковника, и это есть ваш долг в отношении сознания и всего мира.

Теперь подходит к этому время, но попробуйте сказать это до срока, предупредить войну — и те же умные слова будут мягки, как вата, и будут лететь, как хлопья на ветру.

Друг мой, слово наше подобно хлебному семени, и всякое слово, как семя, должно падать в доброе время на добрую почву.

То, что я раньше писал о тайном стремлении русского анархизма к монархии, равно как и каждого бунтаря и разбойника к покаянию (Раскольников), и что это нашло реализацию и материализацию в коммунизме — эта мысль очень большая, очень сложная, ее нельзя так бросить, как я ее бросил, ее надо поднять и нести, нести.

NB. Партия (большевиков) как сознание народа (голова), государство как орудие партии. Эсеры боялись государства...

Знаете ту снежинку, которая слетает с еще рыжего неба, но все больше и больше светящегося. Вот-вот вырвется солнце, но перед этим чуть-чуть сверху трухнет крупными снежинками, и вот одна снежинка, последняя, о которой я говорю, крупная, уже летит в солнечных лучах. Это бывает, когда свету заметно прибавилось и от этого начинаешь ждать чего-то еще, и вот это «еще» — редкий снег в солнечных лучах.

Помню, было мне в Булонском лесу как явление духа, что красота, добро и все хорошее существует в мире независимо от нас, а мы, отдельные люди, когда прикасаемся к ним, то спешим увиденное сделать своим. И тогда мы для смотрящего на нас со стороны как капельки пара, замерзая в кристаллы, тяжелеем и падаем. Небожители тогда, видя нас, может быть говорят по-своему, вроде чего-нибудь нашего: «снег пошел», мы же сами пишем картины, стихи сочиняем, объясняемся в любви, танцуем, поем, шепчем, как шепчутся и шепчутся снежинки между собой.

Две силы формируют мир, действуя одни в сходстве, другие в различии.

То, что в сходстве идет, мы сознаем как законы, то, что в различии — как личности.

Умирая, все идет в сходство, рождается в различие.

И это все высказано в сказке о живой воде и о мертвой.

27 Января. Вчера «поместный собор»: братия собралась в глубокой пустыне, и один из них спросил: — Ну, а если это собралась нечистая сила, захватила храмы Божии и бесы оделись в ризы и стали служить. Как же при таком-то сомнении нам ходить в храмы? Тогда старцы погрузились в молчание долгое, трудное. И наконец, старейший из братии разрешил молчание и на вопрос о том, ходить ли в храмы даже и при том сомнении, ответил: — Надо ходить. И все это приняли, что надо ходить.

У верующего православного отца сын во время войны, приспособляясь к условиям военной жизни, поступил в комсомол. Отец извинил это ему и даже сам почувствовал себя «беспартийным большевиком». Но случилось, он встретил молодого человека, который был в больших боях, много раз был ранен, получил множество наград и, сохранив в чистоте веру отцов, обошелся без компромисса и не поступил в комсомол. С этого началось его расхождение с сыном, а сын приходил к тому, что комсомол совместим с православной верой. Спор их свелся, в конце концов, к вопросу о нравственной возможности быть православным коммунистом. Старец на это сказал: — Чего вы так беспокоитесь о том, как кому называться: если один называет себя православным, а поступает как свинья, так он же и есть свинья, а если коммунист работает для Бога, так в нем же и есть Бог.

Сколько страданий, сколько горя, сколько отупения в бессмысленном каторжном труде и усталости мертвой без утешения и расставания безвозвратного... Но ты, соловей, пой!

Мысль эта правильная о том, что Лютер, восставший на католицизм за личность, привел немцев к культу Pflicht

и к Гитлеру. К чему-то приведет нас поклонение Безликому? И не есть ли моя борьба в социализме – борьба за личность? Но эта борьба, как ясно вижу, теперь слепая: личность даже и во Христе не есть опора (но пой, пой, соловей!).

Щекин-Кротов читал свою будто бы принятую «Новым миром» статью о «Кладовой солнца». Ничего о статье сказать не могу: очень хвалит, очень любуется собой.

Много беседовал с Родионовым: женственная натура с сердечным умом.

28 Января. Надо бы подавать о финском домике для Истры, но как только подумаешь, что надо будет строиться, доставать деньги, гвозди, тес и т. п., то прямо тошнит. Не пора ли остановиться на том, что есть.

Больная наша на днях возвращается. Родионов сказал, что ближайшие два года мне будет трудно: Ляля будет занята болезнью матери, а у меня будто бы непременно будет мелькать мысль: поскорее бы умерла. Я на это ему сказал, что вот уже шесть лет живу с Лялей, а теща все умирает, и Ляля и я прикованы к ней, и я очень страдаю от невозможности жить с Лялей, как хочется. Но ни разу я не позволил себе подумать о конце тещи.

– Константин Сергеевич, – сказал я, – я люблю Лялю и она меня любит не меньше, в этом источнике я нахожу себе силу запрета думать о худом. А потом еще я часто думаю, что без тещи этой едва ли было бы мне лучше. Мне даже, когда очень начинают хвалить в литературе, становится не по себе, как будто переел. Так и счастье это без тещи <*Приписка при перепечатке:* неправда. – *М. П.*>.

NB. В «Соборянах» учитель достал кости мертвеца и учится по ним анатомии, а мать учителя, просвирня, просит похоронить «его» (т. е. личность человека, носившего эти кости). Так встречается философия материи с философией личности (идеализм) в их извечной борьбе (вода живая и вода мертвая).

29 Января. Вчера вышел на воздух и вслед за тем усилился кашель, и утром сегодня поднялась температура, болит голова, дело дрянь!

«Типы» введены в литературу критиками-рационалистами по примеру классификаторов в естественных науках. Но у самих писателей нет никаких типов и даже наоборот: писатель дает единственное, как образец, а критик-публицист превращает его в тип. Но так же это и надо: поэт творит идеал-образец, а публицист материализует его в тип.

30 Января. Выходил на воздух два раза по 15 минут. Пробиваемся в санаторий. В воскресенье вернется теща из больницы. Ее выписывают, потому что вылечить скоро нельзя.

Вчера был у нас Каманин. Пробыл три года у немцев в плену со всей семьей, каким, кажется, надо бы вернуться озлобленным. Мы объясняли их относительное спокойствие тем, что одно дело фашисты, другое — немецкий народ. А еще, что русские такое пережили у себя, что у немцев и не особенно страшно. И этот свой пережитый опыт у себя является как «ум»: что русский умнее немца и потому и в плену отлично изворачивается. Самое же главное объяснение равнодушия, что, в конце концов, спаслись: и теперь хорошо, а что было — о том и вспоминать не очень-то хочется.

Ночью в перерывах сна прибегаю к такому способу, чтобы заснуть: обхожу тропинками и улочками обжитые в детстве и юности места. Так обошел родину Хрущево, обошел Елец, Белев. Во время обхода монастырских угодий — Жабыни по Оке возле Белева — начал засыпать, и вдруг стал вместо городов и деревень обходить видных членов Союза писателей: обошел Ценского, Фадеева, Федина и еще кого-то. От этого обхода у меня осталось очень тяжелое чувство: как будто после обхода этих живых людей я впервые понял, почему мертвецы, которых мы хороним, как-то недружелюбны к нам: им просто нет никакого дела

до нас, они сами по себе и больше ничего. Таким особенно показался мне Ценский. Но утром это тяжелое чувство развеялось и, напротив, представилось, что все они ревниво хранят дружелюбие и вообще все люди неплохи и ожидают только хорошего времени, чтобы вдруг открыть свои лучшие чувства.

Хлопочем с Лялей дружно о разных прекрасных вещах, в том числе и о финском домике на Истре. В основе этих хлопот лежит жизненная вера в возможность перемены своей жизни к лучшему. Но иногда меня охватывает лень и апатия и начинает казаться, будто эти наши хлопоты не стоят тех радостей, которые мы через них ожидаем. Надеюсь, что виною этой апатии является грипп.

Зина Барютина сказала, что она страстно ждет поста. Я ее понимаю, потому что так же страстно каждый год жду весны. Это неважно что — пост или весна, важно, что страстно ждать может только неудовлетворенный человек. И я должен признаться, что, конечно, теперь при Ляле ожидаю новую весну далеко не так страстно, как раньше, когда я был одинок. (А как-как! я был одинок, Боже мой!) Так что радость поста и радость весны вытекают из одной и той же пустыни.

31 Января. Ангел является к нам, когда мы засыпаем: это наш ангел-хранитель, имя которого мы носим и раз в год поздравляем друг друга «с ангелом».

1 Февраля. Так весь январь и прошел в гриппе. Вчера начал выходить, хотя все еще кашляю.

Ночевала Перовская «в таком положении» (т. е. в состоянии судимости).

— Как меня, — сказал я, — шесть лет тому назад ругали за Лялю, а почему? Потому что всем хочется мерить поступок человека на свой аршин. Теперь все замолчали.

— Не все, — ответила О. В., — некоторые говорят: «Все-таки, в конце концов, он поступил, как ему хочется».

— Ну, какое же это возражение.

Иногда, конечно, приходится поступать не как хочется самому, а как надо поступать, т. е. подчинить свое желание долгу. Но из этого вовсе не следует, что человек всегда должен поступать не как ему хочется. Бывает, [то] что надо (должен), ему и хочется.

Подумайте, какие мы, русские люди: вот человек поступил правильно, а его готовы судить за то, что так правильно поступить ему и хотелось. Моральным поступком называют у нас такой, когда хочется так, а надо иначе, и человек поступает как надо.

Вот в том-то и дело, деточки, что поступить, как самому хочется, гораздо труднее бывает, чем поступить согласно общей морали, «как надо». И трудней, и опасней: достаточно вспомнить самовольную любовь в родовом строе или во всяком строе борьбу за личное выражение в искусстве. А религия, если понять ее как борьбу за личное выражение в Боге.

Величайший аскет босыми ногами стоит на камушке именно потому, что ему самому надо (т. е. ему хочется) прийти этим трудным путем к Богу. Аскетическая радость происходит именно потому, что аскет достигает своего удовлетворения своим хочется: вот, скажем, и является ему св. Дева: он достиг. Так, говорят, преподобный Серафим и умер радостный на камушке, встречая грядущую к нему Божью Матерь.

· Подумать, не у нас ли у одних, русских, или во всем славянстве живет такая мораль, что хороший человек непременно должен жить не как ему хочется.

И вообще в русском Надо нет личного желания, как, наоборот, немец свое Pflicht выполняет с охотой и радостью.

Впрочем, в конечном результате русский как будто выигрывает: у немца личность человека сливается с государством (что показала война!).

Русский при всех своих государственных и общественных невзгодах остается личностью. Даже и сквозь коммунизм русский пронесет свое особенное лицо (стоит посмотреть только, с какой внутренней свободой русский держится возле своего большого начальника).

Вчера встретил Катаева и, чтобы не молчать, спросил о собаке его покойного брата. Я не первый раз его об этом спрашиваю и вполне его понимаю, что он обозлился. Я, говорит, не люблю ни собак, ни охоты. Началось ожесточенное qui pro quo*. И почуяв, что он зарвался, пошел на отступление. — Охота, — говорит, — это у вас поза, но писатель вы превосходный: какой язык, но пишите вы не о том, что надо. — Как! — закричал на него я, наступая и сжав кулаки, — я именно тот единственный, кто пишет что надо. Так и запомните: «Пришвин пишет только о том, что надо». После того Катаев смутился и смиренно сказал: — А может быть, и правда: пишете что надо. — То-то, — сказал я. И простился довольно дружески.

Помнить, какую бы выгоду не представляла дача — пусть пятьсот тысяч за сто тысяч — она свяжет меня по рукам и ногам, принесет невозможную суету и после всего окажется, что речка эта мелка, в лесах [нет] дичи. Что там-то где-то...

У меня есть два личных желания, необходимых, как мне кажется, для возможности творчества: 1) своя непроницаемая для звуков хозяйственной жизни комната с ключом и друг мой Ляля, но целиком без забот о больной матери; 2) возможность в любое время жить и работать в природе. Кажется, что для этого нужно купить дачу, посадить к теще надежного человека и все...

2 Февраля. Городской человек всегда по-разному характеризует сезон, потому что о погоде говорит по себе: как

* Qui pro quo (*лат.*) — здесь: путаница, недоразумение.

ему самому жилось, так он и говорит о погоде. Вот хотя бы эта зима была мягкая и малоснежная, а вчера Перовская сказала, что зима у нас сейчас и снежная и суровая. — Вот вчера было –30. Я проверил и оказалось –12, а ей показалось, потому что не зима суровая, а суровая политическая обстановка складывается вокруг ее личности.

Вчера был Курелло с женой. Перед войной мы с ним хотели ехать на Псху (долина в горах за Сухумом). Война расстроила это путешествие, а теперь: — Неприятный эпизод прервал наши сборы, — сказал К. — теперь давайте их продолжать...

И мы начали говорить о прелестной долине как будто ничего не было.

Из всех коммунистов мне нашелся один только по душе, да и тот немец (Курелло). В порядочности ему, пожалуй, не уступает Бонч, но развит Бонч как-то узко. А больше не знаю, разве Шолохов, Фадеев? Этим опять не хватает кругозора философского.

Курелло говорил, что у немцев не было 17-го века (т. е. Шекспира, Данте и вообще подобного разрешения средневековых вопросов, как было у всех). У всех европейских народов был свой период формации личности, а у немцев освобожденная из-под религиозного гнета личность без всякой культурной переработки пожиралась государством.

У Курелло трое детей и русская нянька из монашек. Нянька считает Альфреда Ивановича верующим (это коммуниста-то!) потому, что 1) он хорошо знает Библию, 2) он очень хороший человек. И вот где начался истинный мир русских с немцами: в семье немца-коммуниста.

Какую борьбу вынес Курелло! Какой победитель! Но считаю, что и наш Фадеев, сумевший выйти целым из положения секретаря ССП, из необходимости палачества и т. п. и написать роман... тоже победа (я не читал «Молодой

гвардии», но предвижу успех книги, в которой толстовский прием изображения жизни будет применен к разрешению вопроса о «чуде победы русских»). Если у него роман будет победный, то и нам, застрявшим в поэзии личностям, будет свободней.

А почему бы и не поехать на Псху в половине июля и не вернуться в октябре-ноябре? Там отлично можно зарабатывать фотографией. Ну-ка, Михаил, встряхнись-ка!

Качества, создающие героя во время войны, не всегда могут создать героя мирного времени.

Сколько отдельностей в человеческом мире, столько и случаев, и вся жизнь была бы цепью случайностей, если бы не заложенное в нашу природу стремление к закону и правилу.

Это стремление, однако, наполненное в основе своей желанием добра человеку, с другой стороны питает робких людей, не смеющих опереться в жизни на качество своей индивидуальности.

И вот в этом чередовании законного начала и случайного (личного) и проходит вся история человечества.

Каждый успех законного начала (взять церковь в христианстве) создает массу его потребителей, слабых людей, облепляющих закон, как облепляют в море корабль рачки и прилипалы.

Явление Ницше было восстановлением личности.

Но прошло время, и все слабое было сброшено в бездну с насиженных мест.

Теперь снова потянет к закону, и люди, постепенно слабея, начнут насиживать свои места.

Всякая хорошая встреча с «хорошим» человеком не своей национальности, а какой-нибудь другой, «высшей» или «низшей», является преодолением границ презрения или подобострастия, или каких-то еще душевных границ, отвечающих географическим границам, охраняемым штыками.

В этих встречах мы как будто уничтожаем границы, лежащие между народами и всегда поднимаемся в своих собственных глазах. Кажется, будто в узенькую калитку вышел за пределы повседневного бытия в родном народе. Но я не вижу иного выхода в такую стихию интернационала, как только через узенькую калитку личности Имярека.

Как только делается обобщение — еврей, немец, русский, — так сейчас же определяются и границы, охраняемые внизу штыками, вверху — презрением или подобострастием.

(Написано по поводу прихода образованной еврейской девочки и прекрасного немца Курелло.)

Та же самая земля, как и у нас, а растет на ней! — Что растет-то, чувствую, спрашивают меня мои родные, живущие отсюда за много тысяч верст. И я стараюсь про себя запомнить, что рассказать после своим, когда я приеду домой. И так каждый неведомый край показывается необычайным...

3 Февраля. Сегодня мы должны возвратить больную домой. Определяется все яснее, что Барютины переселятся к нам. А мы возвращаемся к начальной мечте (довоенной) поехать в Глубокую.

Постоянно встречаемся с вопросом об отношении коммунистов к религии.

Несомненно, что коммунисты, как материалисты, должны отрицать существо Бога: если Бог — тезис, то коммунизм — антитезис. В жизни, однако, существует коммунизм с его атеистическим государством и церковь, имеющая задачу теистического объединения людей. Мало того! церковь молится о государстве, а государство оказывает помощь церкви.

И так оно и должно происходить в жизни: тезис борется с антитезисом, и в этой борьбе рождается нечто новое, синтез, в котором не содержится памяти своего происхождения из тезиса и антитезиса.

Так что если представить самого себя сознательным истуканом, то можно стать на точку зрения коммуниста — и прав, на сторону Церкви — тоже. Но мы не истуканы сознания, а личности, и поскольку мы живые личности, мы участвуем в борьбе тезиса и антитезиса. Как личности, мы, во-первых, испытываем эту борьбу в собственной душе...

Погода теплая, тает. С трудом завели машину и к обеду доставили больную домой.

Вечером был Замошкин. Разговор о депутате-доброделателе (идеальном и возможном среди простых людей). Но, вообще, депутаты заняты своей работой и им на добро времени нет.

(Духовное разложение Леонова похоже на последствие цепного процесса атомов.)

Новое о Поликарпове: кончится тем, что уйдет. Искреннее желание правительства — вызвать из народа выдающихся личностей (нет, и нет Горького), но все, кто выдается, тут же и разлагается. Леонова будут гнать в Горькие. Это уже что-то последнее, после, может быть, начнется что-то другое (к лучшему или к худшему).

«Цепной процесс» в Японии (человечество у бездны).

4 Февраля. Тепло, вода.

Характеристика писателя в книжечку «Огонька» «Кладовая солнца».

Михаил Михайлович Пришвин родился в 1873 году вблизи города Ельца Орловской о-и. Учился в елецкой классической гимназии, но закончил среднее образование в г. Тюмени Тобольской о-и. Высшее образование начал в политехническом институте в г. Риге, но за участие в революционном кружке, руководимом известным марксистом В.Д. Ульрихом («Данилыч»), был арестован. Закончил высшее образование в г. Лейпциге (Германия) в университете по агрономии.

Несколько лет служил агрономом (в Богородицких хуторах В.А. Бобринского, в Московском земстве, в Запольской опытной станции близ г. Луги). За время агрономи-

ческой работы М.М. Пришвин писал в агрономических журналах. Составил несколько книг, из которых более известная «Картофель в полевой и огородной культуре» изд. Девриена.

Около 1905 года М.М. Пришвин навсегда заканчивает свою деятельность агронома и с тех пор занимается исключительно художественной литературой. Весь этот период своей жизни писатель пытался изобразить в автобиографическом романе «Кащеева цепь».

Характерно для М.М. Пришвина, что свою литературную деятельность он начинает участником этнографического сборника Ончукова и Шахматова, издает близкую к народному творчеству книгу «В краю непуганых птиц». Родная земля, родной народ остаются неизменной темой М.М. Пришвина, темой жизни, к которой он подходит как агроном, как этнограф, фольклорист и писатель. Множество написанных Пришвиным охотничьих и детских рассказов несут на себе явный отпечаток приемов народного творчества, хотя он тщательно замаскировывает их происхождение, никогда не пользуясь народными мифами. Все произведения Пришвина являются как бы попыткой удостоверить читателя, что сказки не обязательно связаны с мифами прошлого народного творчества, а что и собственный миф поэта, имеющего дело с современной действительностью, может обогащать нас волшебными сказками.

Представленная на конкурс в 1945 г. на лучшую детскую книгу сказка-быль «Кладовая солнца» удостоена на этом конкурсе первой премии — является очень характерным образом всего творчества М.М. Пришвина.

В этой сказке жизнь болота с его зверями и птицами описана с точностью естествоиспытателя и в то же время в совершенно сказочном преображении.

5 Февраля. Мое рождение и «Гебуртстаг».

Оттепель с солнцем, совсем как весной. Вечером долгий дождь.

Утром выручал номер машины в милиции (отняли у Солодовникова за колпаки) <*Позднейшая приписка рукой*

В.Д. Пришвиной: свалились на улице — беззаконие>. Лева обедал. Вечером ходили получать деньги за «Милочку». После пробовали зайти в церковь (надо же как-нибудь и к чему-нибудь вывести годовщину моего рождения и нашего брака geburtstag). Но церковь была заперта.

Татьяна Васильевна Хорькова, дева лет 30, завела романтическую переписку с фронтовиком. По письму ее приехал военный шофер и уехал. Через законное время Хорькова пошла «под декрет» и родила. Но ребенка заразили в больнице и он через несколько дней умер. Вместо того, чтобы сохнуть деве по ребенку, она вошла во вкус: она еще молода и может еще родить много. И она стала искать мужчину с единственным расчетом родить от него нового ангела. (В рассказе «Жених») хорошо бы вывести параллельно двух женщин: одна, как Хорькова, ищет мужчину, хладнокровно выбирая из расчета иметь ребенка, другая Жениха (личность).

Мой пасьянс очень простой: выкладываются из колоды 4 карты четырех мастей и на них наращиваются все остальные карты. Я заметил, что когда приходят в основание дамы, то пасьянс у меня не сходится. Карты во все времена питали суеверие, меня, понятно, это тоже коснулось, и я про себя, конечно, не доводя до полного сознания, поверил: дама пришла — ничего не выйдет. Однажды это ясно дошло до моего сознания, и я спохватился в борьбе с нарастающим суеверием. Я даже дошел до того, что вину перекладывал на пиковую даму: потому дама прекрасная не приходит ко мне, что среди них Пиковая дама.

Довольно, сказал я, пусть дама не приходит ко мне, а я сам возьму: не выйдет раз, два, три. В конце концов, должно же выйти! Так я и сделал. И вот нужно же так: сотни раз я складывал этот пасьянс и не мог добиться удачи, когда даму я ждал и она приходила сама. Но как только я сам взял ее в руки и сам поставил на нее пасьянс — с первого разу вышел. И мало того, с тех пор пасьянс вообще не хуже стал складываться при дамах, чем при других картах. И

даже я наблюдал некоторое нарастание суеверия в другую сторону: именно когда дамы приходят, мне кажется, они приносят мне счастье.

И вот уже действительно наступило время: дамы приходят и все такие хорошие. Сегодня прислала письмо из Краснодара Вера Васильевна Горовленко, и чувствую, что такое письмо может получить не всякий писатель и что тут дело уже не во мне, а в вере моей.

6 Февраля. Приходил Перцов поздравлять с «Кладовой солнца». Я слишком много высыпал ему бисера.

Он, между прочим, сказал, что, прочитав мою сказку о мальчике-герое, <...> сказал себе: значит все это правда, чудесные силы русского народа, и так впереди будет все хорошо.

Думал ли я об этом, когда писал свою сказку!

7 Февраля. Приходил плотник для постройки обители моей на Истре.

Адрес его: ст. Переделкино Киевской ж. д., пос. Чоботы, Северная улица, дача Бабушкина.

Василий Иванович Федотов.

8 Февраля. Хватил мороз 23 градуса!

«Жених» проясняется: это две сестры, Зина и Катя, живут в большой квартире (изобразить выразительно как у Диккенса, или как у меня животные в болоте с темой их душ: ненавидят все советское, но делают отлично по чувству добра; среди них опровергающий громкоговорителя).

<u>Мышеловка</u>. 5-го февраля стукнуло 73 года, а я все не унимаюсь, и пустая мышеловка кажется тайной. Я сказал об этом Ляле, и она мне: — Ну, брось, какая в этом тайна: это у всех — мышеловка.

Да, конечно, она так измучена болезнью матери, что не до этого... И мне это передалось, и во мне перестала действовать та сила, и тайна исчезла, и мне стало это у ней,

как у всех: мышеловка, и я стал в этот раз к женщине, как доктор. Так оно прошло. (Памяти В.В.Розанова.)

9 Февраля. Мороз. Вот какая зима слабая, что маломальски мороз — и радуешься.

Подал прошение о финском домике, завариваются планы на Истру.

Спокойно нарастает уверенность в том, что «Жениха» напишу: это будет человеческая повесть, но будет написана так же просто, сильно и увлекательно, как «Кладовая солнца».

Володя говорил вчера, что раз Перцов приходил, значит ему от «Кладовой солнца» запахло Сталинской премией.

Радость до бессмертия, страдания до конца мира и отупение до бесчувствия, и все это нисходит на людей в той или другой мере, образует характеры, делает лица, и между ними течение токов, понимаемых ими в борьбе.

Послушайте ручей в лесу — там это все на стороне, послушайте себя, как в лесной тишине: это наше и то, что там делается, сходится в одно. И когда это общее дело в себе и природе коснется души, поглядите на что-нибудь — и все станет понятно в движении, в борьбе и жизни: птичка, шелестящая сухими листиками ранней весны, и листик этот, выражающий жизнь свою особенным запахом, и песня зяблика, отвечающая песне ручья.

Я хотел сказать не то, что написалось, хотел сказать, что этот чувственный мир в себе находится в острой борьбе, а там, на стороне, то же самое проходит для нас бесчувственно, но оно — то же самое, и вот именно это мы и называем «природой». Но иногда нам кажется, будто *природа*, эта жизнь на стороне, когда-то была нашей личной жизнью и как-то вышла из нас, и что поэзия есть постижение былого единства.

В этом и есть поэзия, как мост между нашим первым человеческим миром в себе и тем вторым миром природы,

как будто наши души переселяются туда и мы, живые, в природе узнаем наши души.

Наука, напротив, считает первым миром мир природы, а человеческий мир в себе вторым, происходящим из первого: там миллионы лет борются бесчувственно и бессмысленно для того, чтобы образовался мир в себе — человеческое сознание.

Так искусство и наука будто двери из мира природы в мир человеческий: через дверь науки природа входит в мир человека и через вторую дверь — дверь искусства — человек уходит в природу и тут сам себя узнает и называет природу своей матерью.

Володя предложил вчера мне составить сборник «Охотничья собака» для юношества на два листа, из которого $^{3}/_{4}$ листа отдается очерку и $1^{1}/_{4}$ старым рассказам. «Анчар», «Соловей» («Смертный пробег»), «Лада» (2 рассказа), «Кента», «Ярик», «Верный», «Кайзер», «Пан», «Ромка».

Начало: Вы, молодые охотники, понимайте собаку охотничью как уж вам там заблагорассудится, для меня же, старого охотника, собака — это ключ, которым открываются мне тайны природы. Нос, нос — вот что самое главное: не можем мы своим носом за пятьдесят метров чуять невидимый след пробежавшего зверя, птичку в болоте. И то же вот ноги и легкие: не можем мы часами и даже днями целыми мчаться во весь дух по невидимому следу зверя в лесу. А слух! белка или куница обронила посорку — ничего не слыхал, а она остановилась, моя лайка, поставила туда ушки рожками — и я увидал.

Или бывает в жизни только одна. За свои долгие годы я это проверил. И... как сказать? Если выбрать из них, конечно, была у меня одна. Но ведь так же и все живое на свете: из десяти колосьев один больше...

От «единственной» к дружбе с собакой... противопоставить барству.

Приходила Мария Ефимовна Абрамова и для журнала «Семья и школа» предложила написать Ляле и Елаги-

ну статью: «Воспитание детей в природе ... Пришвиным», как-то так.

И мы живем в обмане только потому, что из самой жизни смотрим на жизнь. Этому одному и учит нас опыт жизни: недостоверности этой точки зрения, необходимости переменить ее. Все настоящее искусство только этим и занято.

Начиная со сказки, уничтожающей время и место (в некотором царстве, при царе Горохе), все искусство только этим и занято, чтобы установить точку зрения на жизнь в вечности (sub specie aeternitatis).

Значит, и у нас теперь именно потому и не растет большое искусство, что художник из самой очень подвижной жизни должен смотреть на жизнь. Художник сидит на стуле, а стул под ним едет. Не успел кончить картины, как не на что больше глядеть: проехали! И наскоро сделанные картины иллюстрируют только суету сует.

Читаю газету о комитете безопасности, о мире во всем мире и думаю об атомной бомбе. Вижу, на сцену выходят актеры и говорят о мире всего мира, а под сценой черти засели с атомной бомбой.

10 Февраля. Выборы.

С 10 утра мы были на выборах, а после тут же на Кузнецкой перешли к ранней обедне. Впервые на выборах я понял, что это не какая-то комедия для заграницы, а серьезнейшее государственное дело, содержащее в себе перепись всего населения, плюс, пожалуй, и присягу. В этот раз собственно от выборов осталась только графа, в которой избирателю предлагается подчеркнуть своего кандидата. Но подчеркивать было некого, потому что кандидат в бюллетене один: на голубом Вавилов, на белом Булганин. Благодаря этому не нужен был конверт (какая экономия!) не нужна и кабинка: уединяться-то незачем. Но кабинки все же были для желающих, вернее, для формы. Вокруг чистота, порядок, вежливое обращение, украшения, ра-

дио, разодетая молодежь. И так вся страна, $^1/_6$ часть мира в один день, празднуя и поздравляя друг друга, проходит перед урнами. Вспомнишь старинное царское управление с его народом-сфинксом и сравнишь с этим — куда девался этот сфинкс?

И все-таки сфинкс существует. Мы об это говорили, когда выходили из церкви: ведь никто же не понимал, что он делал, ни большевики, ни их противники, одни говорили неправильно одно, другие — другое, но делали все одно и то же им неведомое, и вышло из этого для всех неожиданное.

Я был рад услышать от Ляли мою старинную мысль о том, что «пустыня» наша не в стороне где-то, куда надо идти и все бросать, что есть и что было, а тут, возле себя. Вот эти хотя бы выборы, от которых не уклонится ни один человек, — разве это не есть самая настоящая, самая суровая пустыня, и разве спасающийся в этой пустыне человек не святее того, кто спасался в обыкновенной физической пустыне в песке и камнях?

Жених. Один из планов повести должен выразить ту мысль, что все эти люди (Раттай, Елена Конст., Мар. Вас. и друг.: человек с громкоговорителем) говорили одно (ругали большевиков), но имея в виду свой какой-то обычный идеал добра, делали как раз то, чего хотели большевики (такие интеллигенты, как Удинцев, Замошкин).

И пусть Зина тоже, как и сестра ее Катя, родит (мне пришло это в голову, глядя на Богородицу). Жених вместо Америки идет на фронт, на смерть. И Зина отдается ему такому, и через это показать, почему и рождаемое будет свято. А у Кати будет обыкновенное рождаемое.

11 Февраля. Переживается суровая речь Сталина: и после такой-то войны, таких-то страданий, такой победы все те же пятилетки, все те же колхозы и гонка вооружения (в намеке на умножение научных институтов). Ни одного ласкового слова хотя бы для детей... Но видно по детям («Кирюша празднует»), что им и не нужно слов, радость жизни

у них включена в самую жизнь (Кирюша наверху топает так, что штукатурка падает). Не им это, а нам, старикам, хочется ласкового слова, именно слова, а не пряника из ширпотреба.

Милые старички! выкиньте из головы это баловство, вспомните отцов, добровольно уходивших в суровую пустыню, молитвами которых вы и теперь существуете. Вот она! сама пустыня пришла к вам, станьте босыми ногами, голыми коленками на камень и терпите, закаляя кость на камне и дух свой в душе. Разве это не в вашей воле?

Сущность этой критики, этого ворчанья действительно состоит в потребности ласкового слова, утешения. До того критиковали своих, что ждали от немцев ласкового слова. Показал бы немец! — Ясно? — Нет, опять хочется ласкового слова. — Забудь это, вспомни грех свой — и на камушек!

[А.М. Коноплянцеву]

— Ты, мой друг, не смущайся тем, что в душе ждал немца, а тебе потом дали медаль за доблестный труд по борьбе с ним. Тот же воображаемый тобой немец ничего общего не имел с действительным: твой немец был просто именем свойственного человеку идеала разумного порядка или просто добра.

Ты не один — миллионы людей, презирая ведущих начальников, не понимая лозунгов их политики, делали лучшее только потому, что во всякое время, на всяком месте стремились к нему. И сколько мальчиков из крестьян, втайне желая прихода «немца» (лучшего), шли на войну и там, узнавая действительного немца, отдавали жизнь свою за борьбу с ним за родину (истинное свое лучшее).

И ты, мой друг, свое пораженчество не вменяй себе в особенный личный грех: нет в этом греха именно потому, что тут не было ничего личного, таких, как ты, были миллионы, если же кто знал правду и вел к тому, что вышло — к победе, тому, живому — счастье и честь, а кто умер — слава и память.

Тебе же дается медаль за то, что и сомневаясь во всем, сохранял свой идеал добра и соответственно с этим делал согласное со всем своим народом. Помни свои сомнения,

смиряйся, и через это делаясь мудрым, ободряйся в творчестве добра и облегчай тяжесть собственных промахов тем домыслом, что и некоторым настоящим героям, а может быть, даже и всем, их дела дались не сознанием, а счастьем, им «вышло» одно, тебе — другое.

Некая Клавдия Максимовна пришла ко мне, как к писателю, и в усердии своем, как попу, принесла дары: варежки, чулки и сушеную малину. Ляля это любит, и слышу, она уже сговаривается коз покупать...

Что-то задело меня. Я заглянул в глаза К. М., обращенные к свету, и неподвижные зрачки остановили мое внимание. «Как у сумасшедших», подумалось, и я спросил: — А вы деловая? Она стала перечислять во множестве свои разные дела, а я остановил ее, когда она говорила о пчелах. — Я чувствую, — говорит, — должно быть из-за пчел махну на Дальний Восток. — Зачем же так далеко? — А там есть бархатное дерево, вы знаете? — Есть, отвечаю, бархатное дерево, ну, так что же? — Вот с бархатного дерева получается целебный мед...

И тут я понял, что наш странный дом готовится принять нового странного члена.

Впервые начинаю понимать тещу. Ляля, конечно, в существе своем человек не от мира сего, странница, артистка без предмета, и мы с ней по душе очень похожи. Теща за нее в постоянной тревоге. И вот теперь только я понял, как нужно с Лялей быть осторожным, как нужно ее беречь! Отныне никаких огородов, дачных работ.

12 Февраля. Потепление со вчерашнего дня. Снегопад. Вчера вечером твердо намечено переселение Барютиных к нам, таким образом, как будто все наши семейные трудности кончаются. Ляля будет свободна от мучительных обязанностей на кухне, отчасти и по уходу за матерью. Это у нас событие такое же большое, как в государстве выборы.

Некий человек хотел на выборах смухлевать, как в те выборы. Но мудрец ответил ему: — Ни в каком разе об

этом и не мечтай, теперь не обманешь. — А я в кабинку войду и там вычеркну. — Теперь в кабинку идут только те, кто намерен смухлевать, и это замечено.

Какой жалкий путь смухлевать и выйти из воды сухим, когда все мокрые!

Шел великан, слушал, склонившись, маленького и улыбался рассказу во всю свою широкую добродушную морду. А когда встречался прохожий, то великан смотрел на него, не снимая улыбки, и тот с удовольствием глядел на него.

13 Февраля. Перовская — это даже не натуралист, а просто биографист, ограниченный кругом животных. Особенно плохо понимают такие примитивные писатели значение диалога. Они понимают его наивно, как разговор. Между тем диалог берется для выявления личного начала в повести: такой-то человек может только так вот сказать. Соответственно с этим и слово в диалоге берется большей частью особенно выразительное, слово-личность. Вместе с тем, также сюда входит по возможности интонация, музыкальность речи. Диалог еще не стихотворение, но очень близок к этому роду поэзии.

Маяковский просто стер границу между диалогом и стихотворением. Вот почему натуралистам и биографистам надо бояться диалога, потому что они работают скелетами слов, в которых уже нет души.

14 Февраля. Сегодня нехолодно, хотя не каплет с крыш, как вчера, даже в полдень. Впервые вчера видел, как в маленькую лужицу под капелью в полдень с крыши слетел воробей и омылся в ней. Это воробьиное крещенье и сретенье. (Сретенье завтра.)

Вчера бился с Перовской, старался не обидеть ее, претерпевшую лагерь. Очень самонадеянная, кажется, от глупости.

Ночью в первый раз в жизни своей был обрадован доставленной мне рукописью В. Смирнова «Открытие

мира». Пишет он так же чисто, как Чехов, а вдохновенье черпает заметно у меня. Благодаря этому — Чехов без чеховского пессимизма... Нет, не только: есть и от Л. Толстого немного, вообще чудо как хорошо. Ляля, проснувшись, в электрическом свете, заметила у меня слезы и стала меня распекать. — За что же? — спрашиваю. — Да за нервы. — Я же в восторге! — Ну, и будь в восторге, а зачем же распускаешь нервы. Она очень хорошо поняла вещь, но не смела выразить свой восторг, пока я не прочел.

Сегодня справился по телефону: это писал учитель из Ярославля, очевидно, такой скромный, что не решился рукопись отправить в большой журнал и отдал ее в детский журнал «Дружные ребята».

Я всегда смотрел на русскую классическую литературу или вернее на душу русского писателя, как на копилку народную, где слезы людей превращаются в радость. Против этого понимания стали «инженеры душ». И так эти инженеры заполнили литературу, что, казалось, чары нашей русской копилки исчезли. Даже когда сами инженеры уверяют, что в моей литературе сохраняются эти чары, и когда я даже и сам в это поверю («Кладовая солнца»), мне все-таки бывает грустно: что это значит, если я остаюсь один, старинный писатель... И вдруг вот другой, и какой еще!

15 Февраля. (Сретенье.)

Пересыпает февральский снежок, подвевает сретенский ветерок.

1) Междунар. книга. 2) Континенталь. 3) Гематоген. 4) Рыбников. 5) Третьяковская галерея. 6) Собачья книга.

Правило общественной жизни (как в природе):

1) Все в единстве и каждый по-своему.

2) Всему свое время и свое место, но каждый, как может, стремится выйти из своего времени и оторваться от своего места.

К «Жениху»: — Видела во сне стрельбу, проснулась, прибралась — принесли письмо (стрельба во сне — письмо наяву).

Материалы у Рыбникова:

1) Время сборов по эвакуации картин (по Волге?). Время возвращения.

2) Технические условия эвакуации картин.

3) Жизнь в пустой Третьяковке (для сохранения плана в повести).

4)Жизнь картин в эвакуации.

5) Сокровище бесценное (искусство не [зависит] от культа) Троица Рублева и еще? Не потому ли так популярна Третьяковская Галерея?

16 Февраля. Солнечно морозное тихое утро. Предвесенний воздух питает той радостью неудержимой, от которой рядом с Лялей и умирающей тещей становится немного неудобно...

Вчера Борис Дмитриевич так сказал, что Ляля спасла жизнь своей матери и за то та полюбила ее «для себя». И что неприятности наши родились из ревности.

Сегодня утром чувствую — бьется во мне голубь радости, но Лялю мне жалко до боли: Боже мой, вся жизнь у нее прошла не для себя!

— Ляля, — сказал я у ее постели, — вот что рассказал мне о тебе вчера Б. Д.

— Да, — ответила она, — я мать свою спасла.

— А я никого не спас.

— Нет, ты меня спас.

— Ну вот, я тебя любил и делал все для себя.

— А Разумнику два года в ссылку деньги посылал.

— Я этого не помню и не хочу помнить: я мог посылать, мне это ничего не стоило. А что не побоялся посылать, так опять мне это можно, мне стыдно бояться.

— Ну, так может быть с тебя и не спрашивается того, что с меня: ты ребенок, ты мальчик, ты играешь. Подожди, не думай об этом, и твое время придет.

Не забыть эту первую зорьку возле стены Ивана Воина — бледно-розовую полоску, а внизу уже огоньки.

И во всенощной загадка на две свечи у Скорбящей — моя и Лялина — которая раньше догорит, ну и... моя была выше, потом Лялина выше, моя снизилась, потом сравнялась, потом Ляля понизилась. Становилось уже страшно, что загадал, что останусь я один гореть. Свечкам оставалось гореть всего по вершечку, вдруг протянулась старушечья рука, схватила обе свечи, опрокинув, погасила и бросила тут же на подсвечник. Отлегло от сердца: вместе умрем.

Понимание икон простым народом независимо от живописного качества. Тут обрядовая сущность православия: можешь так молиться, как они, так целовать икону, так кланяться, воображать — и ты православный. Нет — ищущий какой-нибудь.

Человек хочет сделать лучшее. Значит, он, двигаясь вперед, оставляет за собою худшее. И мы с тобой, мой друг, остаемся среди худшего и, оставаясь в нем, хотим оправдать его. Так образуются прогрессисты и консерваторы: то и другое естественно необходимо.

17 Февраля. Великая метель. Но и сквозь метель чувствуешь начало борьбы за весну. Воробей у капели: крещенье воробьев, коты на крыше, забылась полоска бледно-розовая вечерней зари над темной с редкими огнями Москвой, и церковная стена Ивана Воина. Утро: коты на крышах, с крыши на крышу к затертому ампиру. Старуха в солнечный полдень сушит щепки для самовара.

Весна в Москве и другие времена года, как один из планов «Жениха».

Осень: вороны у льда. Вороны сквозь лед видят рыбу: вороны-путешественники — с неосуществимой мечтой поймать золотую рыбку. Жизнь московских галок (массы, шум крыльев, перекличка: все ли, все ли?). Морозный ве-

чер, но солнце оставило свой запах, и та бледная первая зорька. Перекличка галок вечером: все ли?

Ездили с Чагиным в здравницу у Звенигорода. Поземка. Предательски свежий подвижной снежок на ледени-стой дороге. Машина вырвалась и покатилась юзом вниз. Окаянные люди, шоферы, стояли и глядели на нас. Вытащили машиной за 100 рублей. Их древняя ненависть к барам: советская пугачевщина.

Не одежда красит человека, а человек ее перекрашивает. Шоссе Энтузиастов, или, по-старому, Владимирка.

Ремизов жив и пишет воспоминания.

Блат. «Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно...».

Сковородка. Человек попал в рай, и ему там показалось скучно. Вдруг слышит музыку, пенье, ликованье. — Вот, — говорит райский житель, — мне бы так, где это? — А это, — отвечают ему, — в аду. — Значит, там хорошо, пустите же меня скорей в ад. — Пожалуйте, — сказали ему, и открыли двери, и выпустили, и райские двери закрылись для него навсегда. — Пожалуйте, — говорят, — на сковородку огненную. — Как же так: я слышал музыку, ликованье. — Ничего не значит, — сказали ему, — это у нас агитация и пропаганда.

Конечно, это еврейские анекдоты, и их очень много. И против этого всего легкоскептического юмора стоит прямо честный энтузиаст-администратор (в административном восторге) Поликарпов. Но он не устоит — его выпрут. И так рождается черносотенник, вроде тех шоферов, которые стояли возле нас, когда мы пробовали своими силами вытащить машину.

18 Февраля. Золотой день весны света.

Вчера на дороге видел полярную пуночку, беленькую предвесеннюю птичку, и возле нее красных снегирей.

Делал маленькую книжку о собаках. Вечером после солнечного дня пил воздух, как вино.

Читал в Б[ританском] С[оюзнике] о новой книге Хаксли Юлиана, биолога, о генетике. Мысль его та, что человек в своем развитии удлинил период своего детства за счет плодовитости, а детство есть время развития, личного формирования. Эволюция человека стала возможной только потому, что многоплодие стало редким явлением (модифицирующий ген...).

Эволюционное развитие есть постепенное возрастание независимости от окружающих условий и степени воздействия на них. Тут же и расизм (замкнутая среда) разобран, как вредная для эволюции человека теория. Мелькает мысль о биологическом состоянии девственности и аскетизма, как рычагов прогресса. Достать книгу через Огнева.

19 Февраля. Легкий мороз. Солнце сквозь тонкие облака. Рассказал Ляле биологическую теорию Хаксли и для христианки тут не было ничего нового. Так, новая биология с новым дарвинизмом подходит к христианству, утверждая его. И старинный спор в наше время кончается.

Вместо «с Богом» теперь иногда в шутку говорят скороговоркой: — «Ну, пошел, Бога нет».

Приготовить в «Смену» страницу образцового дневника. Идея будут та, что дневник должен писаться, но никак не о себе, как писал, например, бывший царь Николай II, вернее не о себе, а от себя, или из себя.

20 Февраля. Круглосуточная метель. Закончил книжку о собаках. Вечером был Рыбников. Рассказывал об эвакуации Третьяковки. Ляля записала.

Образ Третьякова очень понятен: он выходит из особого аскетизма во имя рубля с трансформацией во имя культуры (так мой дядя Игнатов прочел подряд весь Энциклопедический словарь Брокгауза).

Я сказал: — Место, где творит человек во имя Божие, и есть храм. — Кто это сказал? — спросила Ляля. — Я говорю, — ответил я, — и то же Христос говорил. И вот это место есть храм, а не то здание, где люди молятся. — Нет, — ответила Ляля, — место, где люди молятся, освященное, есть храм, но молиться Богу можно на каждом месте. А ты делаешь со своей мысленкой как сектанты и варвары: попалась мысленка — и вот уже собственник кричит: моя, моя, и она выше всего, выше Христа, выше храма!

Это она верно сказала, и это происходит на каждом месте, где русские. Взять сейчас речь Вышинского о положении в Греции и сравнить с ней речь Бевина. У русских часто выходит, что попал на мысль, и будто выиграл в лотерею сто тысяч и загулял.

Кому это интересно, что я, положим, какой-нибудь никому не известный гражданин Тютюпкин, подобно всякому живому существу, добываю себе продовольствие, устраиваю семейную жизнь и т. п. Может быть, когда-нибудь и понадобится Тютюпкин, и все им заинтересуются. Тогда другое дело. Но пока лучше всего, если Тютюпкин, приступая к дневнику, вовсе забудет себя и станет заносить в дневник впечатления от жизни независимо от своей особы.

Вопросы к А.А. Рыбникову.

1. Эвакуация. Когда началась — проводы и вернулись (встреча). И куда ездили.

2. В чем заключалась работа.

3. Технический работник (экскурсовод или реставратор).

4. Шедевры.

Встреча. Что произошло.

Дневник пишется или для себя, чтобы самому разобраться в себе, и вроде как бы посоветоваться с самим собой, или пишется с намерением тайным или явным войти в общество и в нем сказать свое слово. В последнем случае, именно когда надо сказать людям о себе, то это можно сделать, лишь если сумеешь от себя отказаться.

Впрочем, и не только дневник, но и все человеческое творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найтись или возродиться в чем-то другом. Тут и думать-то особенно нечего, стоит только поглядеть на все живое в природе и понять: все живое — зверь, птица, дерево, трава умирает для себя, чтобы воскреснуть в другом.

Из этого не выходит, чтобы человек превращался в животное или брал себе с него пример. У человека есть своя человеческая область, где он умирает и возрождается. Эта область — его человеческое творчество, или его собственный путь к бессмертию. Если бы это знать на каждом месте и во всякое время, то нечего бы нам было бояться смерти и атомной бомбы.

Есть две реальности: одна, что после нас остается, другая — к чему мы стремимся. Умирая, мы оставляем сделанное и недоделанное и остаемся с тем, к чему стремимся. В этом смысле каждый художник много раз в жизни своей умирает и возрождается: произведение его остается, а другая реальность, стремление, вновь воплощается.

Рыбников сказал, что побывавшие за границей солдаты поглядели там на хорошую жизнь и теперь сравнивают свое с тем. Вот почему начался прижим и будет продолжаться долго, пятилетка за пятилеткой, и что это скучно, и как-то ни война, ни мир...

22 Февраля. Спокойный сильный мороз и солнце. Сколько мучились, доставая путевки в здравницу Академии наук, и оказалось, что по блату это можно сделать в какой-нибудь час. Значит, потому-то и водят нас учреждения за нос, что все делается по блату. Все сделал Ной Соломонович.

Ляля с трудом нашла магазин, где склеивают фарфор. Заведующий отказался ей дать жидкости для склеивания и требовал, чтобы она сервиз доставила к нему. И вдруг седеющий джентльмен из евреев, узнав, что для Пришвина, весь преобразился и сказал, что для Пришвина он сам придет к нему на квартиру и все сделает бесплатно. В воскресенье он к нам пришел. Поняв, что он мой читатель и почитатель, я спросил, какие мои книги он читал и что ему больше понравилось. — Извините, — ответил он сконфуженно, — я вашего ничего не читал. — Как же вы про меня знаете. — У меня, — ответил он, — двое сыновей, оба погибли на фронте. И я помню, как часто они о вас говорили, как они вас любили.

Вполне понятно, почему этот гражданин потерял свой оптимизм. Он ожидал, что после победы начнется реконструкция жизни, а никакой реконструкции не вышло и все осталось по-старому, или, вернее, минус настроение тех, кто повидал жизнь за границей. И все та же по-прежнему перспектива войны.

Правильно сменяются февральские дни: день морозно-ясный и вслед за ним теплеет и метет.

Первое в четверг — мы постараемся оттянуть поездку в здравницу до 11-го.

До тех пор дела: 1) Сдать Володе «собаки». 2) Договор о сказках в Детиздате. 3) У Чагина договор на «подмосковную книгу» — предложить переиздать всю книгу «Охотн. рассказы» или из нее 10 л. «Школа в кустах». 4) Завтра в субботу налить бензин и съездить к Сладкову (телефонить сегодня). Отвезти вещи Курелло. 5) На профилактику. 6) Заправить «Жениха» в Третьяковке. 7) Сходить к Главизне [Головенченко].

Взять с собой: Пиш. машину, пузырек с чернилами, ручку, карандаш, бумагу, пирамидон.

23 Февраля. Хлопотали у Поликарпова о путевке, просил за нас Семашко, нарком Потемкин, и все ничего не

выходило. Оказалось, нужно было съездить к незначительному человечку и этот Ной Соломонович в несколько минут все устроил. И такой путь устройства скорый, спокойный, называется блатом. В этом способе является древность, недаром тут имена Ноя и Соломона. По всей вероятности и у нас в литературе все зависит от какого-то Ноя, и может быть, во всем государстве таится и ждет своего времени тот же Ной, смертельный враг всякого героизма, смертельный в том смысле, что всякий героический порыв умирает, а бессмертный Ной остается со своим компромиссом, учетом и подражанием.

«Мирская чаша» вся измызгана редакторами, и теперь в «Октябре» предлагают мне еще выправить. Начинаю подозревать, что Калинин был прав: вещь неудачная. Главное, что я сам потерял с ней связь. И вероятней всего ее совсем не следует печатать.

Решаю, за что взяться во время отдыха: за «Канал», или за «Жениха», или за разработку дневников.

Канал теперь мне очень легко написать, как победу долга над произволом каждого или победу идеи единства всего человека, победу закона, правила: в лице Сталина — революция, разлив нашел свое русло, река потекла в берегах. Мне кажется, я мог бы написать это без подхалимства, разве только с маленьким расчетцем. Но вот этого-то расчетца я и боюсь. В конце концов, конечно, хочется занять соответствующее мне место, но страшно: никто еще [при] сов. власти без ущерба себе места такого не занимал, и если одолел время, то сам трагически в нем погиб (Маяковский, Есенин). С другой стороны, почему же не написать без расчетца: мог же я написать «Кладовую солнца». Почему, глядя на нее, не написать и «Канал» независимо от расчетца, и большую победную вещь.

Не огорчаться, не выскакивать с обидой своей, а постоянно удивляться, как это самое страшное минует меня. Помнить всегда: горе находит тебя, когда ты сравниваешь

свое положение с лучшим, а радость — с худшим. В жизни надо быть, как в лесу ходишь: глядишь, любуясь вверх, никогда не упуская из виду того, что у тебя под ногами.

Рыбников о Репине: не писал голых женщин — почему?

24 Февраля. Только теперь начинаю понимать, что «Мирская чаша» раздражает или, скажем, не увлекает начальников сов. литературы: в ней ярко выражено право личности на оценку общественных явлений: пусть даже эта оценка правильная. Это подчеркнуто субъективная вещь, тогда как, напротив, «Кладовая солнца» — вещь объективная.

Между прочим, нельзя тех же начальников упрекать в неприязни к искусству, напротив, все они страстно ждут настоящего неподхалимского произведения. Их можно скорее упрекнуть в преувеличении значения литературы в их глазах (это, понятно, исходит от варварства). Конечно, от варварства в основе. Но дальше получается так, что варвар начинает обращаться с ней, как медведь с пустынником, муха сядет, а он хлоп по мухе. Только тут не муха, а желание добра пустыннику выражается тем, что наравне с железной рукой и другими сырыми материалами пускается в печь, в огненный чан, на переплавку. Медведь представляет себе, будто он делает очень полезное дело для государства, и для искусства, и для самого деятеля искусства (пайки и всякий блат).

При таком-то отношении правительства к слову прежде всего надо позаботиться автору о том, чтобы скрыть свое мнение и вещь носила правдивый характер. Итак, мне надо, как автору, подчинить себя, свое мнение, свое «хочется» творимому единству мнений, называемому у меня в «Канале» именем «Надо».

Словом я сделаю с собой то самое, что сделают с собой все мои герои — строители Канала. И вообще «Канал» надо писать так, что мы, находящиеся на свободе, в сравнении с каналоармейцами только очень относительно свободны,

что все мы освещены одним светом этого «Надо» и что это «Надо» несет нам ветер истории, но не партия, не Сталин.

Пусть Сутулов, с точки зрения личника, человек недалекий, но он верно чувствует человеческое «Надо» и делает правильно. Напротив, Анна, женщина, таящая в себе, как всякая женщина, младенца как небывалое существо: она *мнит* о нем. Сутулов понимает каждого рабочего, но внутри себя все эти «Хочется» сводит к общему «Надо». Напротив, Анна извне руководствуется делом партии, а внутри себя втайне от самой себя держится своего Хочется, личного начала. Это будут Митраша и Настя.

Выйти пустыннику из такого опасного покровительства можно только так, чтобы не спать, а постоянно беречь свое мнение (свое «хочется»), стараясь делать согласно «хочется», а выходило бы «как надо». Величайшие образцы творчества произошли именно так, что художник выразил свое мнение («хочется»), претворив его в дело хозяина. И верный раб тоже так именно служит господину своему тем, что личное «хочется» относит к большому Господину и через это делает лучше самому своему хозяину (как монах поблагодарил Бога за то, что удалось хорошо сделать хозяину). Помнить себя как раба Божия — значит спасать свою свободную личность.

25 Февраля. Солнечно морозный февральский день, идешь по улице и будто поднимаешься на ледники в горах: под ногами снег и лед, а с тела на солнце хоть рубашку снимай.

Говорят, что Репин не нарисовал ни одной голой женщины. Почему это? С каких времен пишут художники голых баб, почему же Репин? Порок это или добродетель?

Варвары обращаются с искусством, как медведь обращался с пустынником: желая добра, хлопает лапой по мухе. А еще похоже у них на какой-то чан, куда искусство бросают как черный металл на переплавку, чтобы сделать из него полезные вещи.

Выйти художнику из своего опасного покровительства можно путем обращения к высшему началу управления, откуда расходятся пути хозяина и работника. Другими словами, надо включить в свое творчество такой план, который отвечал бы и требованиям начальника и сохранял бы личность работника. Никакая социология не может разрешить этого вопроса. Назовем же этот план творчества правдой.

Художник, начиная творить, молит Бога о даровании правды (не это ли: «Научи мя оправданием Твоим») и, когда кончает и хозяин приходит и радуется, художник благодарит Бога, что ему удалось угодить, что его лучшее желание, обращенное к Богу, его собственное личное «Хочется» и хозяйское «Надо» сошлись в единстве творения, как сходятся два ручья, бегущие в реку с той и с другой стороны.

Понять себя, как раба Божия, значит спасти свое «Хочется» (личность), заключив ее вовнутрь необходимого «Надо».

Когда я совершаю какой-нибудь проступок, я очень удачно защищаюсь тем, что беспрерывно отвечаю на все упреки, повторяя одно и то же, как самый маленький мальчик: не буду, не буду! Я так к этому привык, что когда однажды милиционер остановил меня свистком за неправильный поворот и потребовал права шофера, чтобы их отнять у меня, я стал повторять: не буду, не буду. И милиционер самого свирепого вида чуть-чуть улыбнулся и чем-то довольный отпустил меня словами: — Ну, смотри, отец, другой раз попадешься — не прощу. И я в ответ повторяю: не буду, не буду! С тех пор я вовсе перестал бояться автомилицию, скажу свое «не буду» — и всякий меня отпускает.

Итак, решено: Михаил откладывает «Жениха» и берется за сказку или былину «Падун». Собравшись с духом, махну вещь напролет, не обращая внимания на главы, которые не пишутся.

26 Февраля. Снежок падает и тепло, только не тает. Все так рано чувствуют весну, чего, кажется, в прежние время не бывало: вероятно, покойней жилось.

Были в «Октябре» на суде редакции, подсудимым была моя несчастная «Мирская чаша». Но прежде чем выслушать приговор, я сам высказался о ней, о причинах мытарства с нею, именно, что произведение носит характер оправдания личного мнения. Со мной все согласились, и когда я заявил, что печатать сейчас не буду, все обрадовались и облегченно вздохнули. К чести Панферова надо сказать, что он готовился все-таки печатать. Так окончилась, наконец, эта моя болезнь, названная «Мирской чашей».

Готовлю сборник для Чагина, 12 листов, под названием «Кладовая солнца», и в нем кроме «Солнца», «Родники Берендея» и «Рассказы егеря».

Думаю о Курелло: вот немец-то, настоящий, прежний, из старой семьи. Впервые слушая его, понял, что такое в человеке честность: это есть направление ума к внешнему миру, ума, минующего собственную личность. В результате такого действия ума образуется атеизм, или безбожие, и то, что сказано в «Фаусте»: «В начале было дело».

Русский же человек исходит настолько из себя, что часто у него даже и не доходит до дела, и если доходит, то все у него совершается нечестно. Внешний ум его с «честностью и прямотой» вероятно и порождает стремление к власти (охоту властвовать).

И «господа» это те, кто способен глядеть на внешний мир прямо, минуя себя, открывать законы господства человека над миром. Люди, вооруженные такими законами науки в германском представлении, и составляют «высшую расу». Человек этой высшей расы, минуя личный внутренний опыт, вместе с тем и «грех» переносит из себя во внешний мир. Представитель высшей расы господ готов отнести этот грех к человеку низшей расы, как определение раба.

Внешний ум, минуя личность, определяется материалистично и, вообще, «В начале — дело» есть материализм. Напротив, «В начале — слово» есть философия личности — идеализм (действие внутреннего сердечного ума).

Вот почему коммунист-немец Курелло воспринимается нами как «честный», а какой-нибудь русский коммунист, пусть хоть Панферов, воспринимается как лукавый человек.

27 Февраля. Внешний ум с его «честностью» вероятно и к власти приводит, и «господа» — это те, кто способен на внешний мир глядеть, минуя себя, и оттого «грех», порождаемый внутренним опытом, перемещается из себя вовне, отчего появляется такая вера, что не я виноват, а кто-то вне меня, и что если эту причину зла уничтожить, то будет всем хорошо.

Внешний ум, минуя личность, определяется материалистично: его интересует материя, и, вообще, «внешнее дело» есть материализм. Напротив, «В начале бе слово» (личность) есть философия личности, есть идеализм (внутренний «сердечный ум»). Прерафаэлиты. Они восстали против тех настроений, которые поддаются предварительному учету разума, и потом уже запоздали для поэзии. Символы — индивидуальные заместители обобщаемых групп.

28 Февраля. День как вчера, очень мягкий, но не тает, на небе желтые тучи и порошит.

Отвез Чагину «Кладовую солнца». Доктор наговорил о приготовлениях к воздушной обороне Москвы. Конечно, врет, но такое настроение — это реальность. Все чувствуют, что война не кончилась, и, вообще, не так кончаются войны. — Взять могли, — сказал доктор, — шутка ли так расшириться: от Курильских островов до Адриатического моря. Но сумеем ли удержать? — Тревожно! очень тревожно! — Не тревожься, тебе это вредно.

Природа — образ мировоззрения поэта (Горнфельд).

Наверно, так на этом и надо остаться, что человек должен быть одинок и мало того! должен к этому привыкнуть и в обществе быть как в обществе и никогда не выходить из себя. (Это я для пробы пера написал.)

1 Марта. Вчера с утра зима рванулась было с морозом и ветром, нарушила, было, спокойное вялое чередование одинаково мягких дней. Но среди дня явилось богатое солнце и все укротило. Вечером опять воздух после мороза и солнце было, как летом на ледниках.

Пейзаж в литературе обыкновенно играет служебную роль: даже у Тургенева пейзаж — это не свободная природа, это что-то вроде дачи для души человека. Вот отчего картины природы в литературе нельзя, как в живописи, назвать просто пейзажами: это не «пейзажи» — это картины природы, пока еще очень редкие в литературе.

Чехов явно издевается над пейзажами-«дачами», рассыпая их тысячами в своих рассказах, большею частью чтобы показать тоскующую душу человека в такой даче-пейзаже. Вот, например, у него солнце величественно склоняется к западу. Мы приготовились встретить муэдзина, молящегося на минарете. Вместо этого в лучах вечернего солнца по пыльной дороге катится бричка ветеринарного фельдшера. И мы уже вперед знаем, что выйдет из встречи лучей великого солнца с душой маленького человека. Но у того же Чехова, измученного думой о человеке, природа однажды вырвалась из дачи-пейзажа и развернулась великой картиной его «Степь».

Некоторые думают, что художник развертывает картину природы за счет человека, даже что он этим путем убегает от него. В картине природы всегда присутствует человек. Вот мостик у Левитана — он тем нам и мостик, тем нам и дорог, что по нему только что прошел человек. Какой это человек — мы не видим, но, конечно, хороший, наш человек, без которого и природе самой совсем одной невозможно остаться.

Да вот почему это так, что когда художник пишет не дачу-пейзаж, а развертывает свободную большую картину природы, то тем самым поднимается у него невидимо, непонятно вверх и сам человек.

Не есть ли это то самое, что Горький (не знаю, сам ли он это придумал или взял у кого) называл геооптимизмом, или английский писатель Джефферис — расширением души, вступающей в общение с природой.

В наш век огромного безмерного устремления с реальной материальной и всякого рода полезной помощью к ближнему человеку люди ревниво относятся ко всяким личным выходам.

И я сейчас уже чувствую, как некоторые слишком практические люди готовы подозревать мой геооптимизм, расширение души и устремление к природе как средство моего ухода от непосредственного дела в отношении к ближнему трудящемуся в общественном деле товарищу.

Единственным средством моего [оправдания] в этом отношении я всегда считал предоставление себя на суд общества, каким всегда является выход в свет создаваемой картины. Но оказывается мало и этого: бывает, и сами судьи обманываются, там недооценят, там переоценят. Убедительно бывает, когда другой кто-нибудь создает близкое к твоим мыслям.

Навестил Коноплянцева. Он говорит, что после удара ему в книгах все показывается чужим: все там нелепо, чуждо. — Ну, а свой-то есть какой-нибудь мир? — Есть какой-то, но не такой.

Мы решили, что раньше он читал чужие мысли, а теперь, когда остается только свое, только для себя, все то отпадает, как лишнее.

Ольга Серова. Байкал (Вступительная заметка М.М. Пришвина).

2 Марта. Набросанная вчера заметка о «Байкале» Серовой пойдет вместе с «Байкалом» в «Смену». А тему о «пейзаже» следует развить и к примеру «Байкала» Серовой присоединить («Смена». Школа радости).

Школа радости. В искусстве слова все являются учениками друг друга, но каждый идет своим собственным пу-

тем. Школы, как в старинной живописи, у нас теперь нет никакой, но есть, конечно, у каждого родственное внимание, обращенное к тому или другому автору, предпочтительно перед всеми.

Ко мне обращаются часто начинающие молодые авторы за советом, если они выбирают себе темой природу. Помнится на страницах «Смены» год или два, а может быть, и три тому назад я приводил опыты молодых авторов с моими какими-то советами, называя такое наше содружество «школой радости».

Сейчас меня очень порадовала одна сибирячка Ольга Серова, прислав в эту нашу школу свой опыт художественного описания Байкала. Прочитав, я вспомнил начатую когда-то нами школу радости и пришли в голову некоторые мысли, которыми захотелось мне поделиться, прежде чем дать отрывки из книги Серовой «Славное море».

Я думал, почему картину природы, которую пробует нарисовать словами Серова, нельзя назвать в литературе «пейзажем», как в живописи, и что это значит в искусстве слова — пейзаж.

И вот оказалось, что пейзаж в литературе, вопреки принятому в живописи обозначению картины природы имеет чисто служебное значение фона для изображения лица человека.

Солнечный день с утра, как день восторга. Выходишь на улицу — и огромный свет, как бы силится свалить тебя, подхватить и унести.

Только в городе с такой силой взрывается весна света. Такой могучий свет и такой слабенький слышится звук знакомый, и тоже исходящий из весны. Прислушиваясь, я мало-помалу понял этот звук как позывные воробья. После долгих поисков я, наконец, нашел его в глубине разрыва обшивки одного деревянного домика: там в ямочке между ветхими бревнами он неустанно чирикал и в этом была вся его брачная песня весны.

На улице стали продавать мимозу.

3 Марта. Опять вернулась старая мысль о милостивом самарянине, которому бедный человек сел на шею. Предпочитаю этой морали другую: бедный человек отказался принять милостыню под тем предлогом, что есть человек много беднее его. — Ему и подай! — сказал бедный. И, сделав тем самым последнее усилие в пользу ближнего, умер.

И так, значит, милосердие предполагает силу и в том, кто дает, и в том, кто принимает.

И еще милосердие должно быть тайным, это значит, что бедный должен пользоваться им как невидимой силой.

И еще милосердие должно иметь очи, чтобы ясно видеть, где нужна его помощь.

И еще милосердие должно быть очень умным, потому что это чувство очень опасное и не очень умный человек через него делается жертвой недоброго. (Так, разбираясь, и дойдешь до Раскольникова и Гитлера).

Все бы можно было решить в пользу правды, если [бы] среди подлежащих истреблению испорченных масс не находилось несколько праведников, которых невозможно узнать и отделить от всех. Эти праведники, как веревками, связали наши руки, и мы становимся бессильны против всякого зла. Сами евангельские истины стали веревками... Понятен выход Сверхчеловека, но дальше...

Ездили в Пушкино. Второй день восторга (пир световой). В Москве все движется в такой день (вода, птицы, люди меняют одежду, мимозы, позывные воробьев). В лесу же в это время все по-прежнему неподвижно, только свет и голубые тени, и воздух, как в горах.

Весенняя тревога. В такой-то вот день светового восторга на великом пиру некий человек вышел из дому. Его душа была, как в заводи бывает вода рядом с большой быстробегущей весенней рекой. Этой воде тоже хочется убежать вместе с рекой, но большая вода, коснувшись этой воды, закручивает ее в тесноте заводи. Это у челове-

ка бывает, когда он, потеряв любимого и единственного, движется ко всем, чтобы не быть одному, хочет каждого, чтобы заменить единственного, и все движется, движется вокруг, не смея понять, что утраченное мгновение жизни единственно и заменить его невозможно...

За столом у доктора читалось письмо его сына из лагеря. Он пишет, что искал случая повеситься, но не смог найти: в камере тюремной человек к человеку. Но нашлась книга Пришвина о весне света (сборник «Корень Жень-шень»), и вдруг дверь тюрьмы как бы открылась ему. Отец, старый доктор, не мог читать, все за столом плакали. Я пробовал пошутить: вот за что вы меня пирогами-то кормите. Но не помогло... «Такими простыми словами, — писал он, — и так тонко сказать!»...

И он не один такой, а очень много. И, значит, вот есть же такие веселые души, от которых раненые и замученные радуются, а не чувствуют себя еще хуже, встречаясь с обыкновенным счастьем. Это заражающее раненых людей веселье происходит из души, которая перемогла свое личное горе и обрадовалась тому, что по назначению своему должно радовать всех — свету неба и цветам земли и...

Мальчик Митя шел голосовать в горсовет и сказал: — Ну, идем в голсовет.

Увидев вечером огни и флаги в «голсовете», он воскликнул: «Да здравствует Африка!» И с тех пор у него надолго пошло, как хорошо, как восторг, так и «Африка».

Когда подошли к луже, бабушка взяла его на спину. «Глубже, глубже! — кричал Митя. — Бабушка была в сапогах, и ей можно было идти по глубине. — Вот хорошо, — говорил Митя, — ты, бабушка, настоящая лошадь!»

N. оставил костыли дома, пришел на своих ногах в первый раз и сказал: — Ну, вот, наконец, сняли с меня инвалидность. Услыхав это, Митя сказал: — А как жалко, дядя! если бы не сняли инвалидность, ты бы мог всю жизнь на костылях ходить.

Утром поехали из Москвы, была зима, а приехали вечером — на больших улицах везде черный сухой асфальт. Но и за городом серединки шоссе везде почернели.

Носилов очень сложный человек. Он мне говорил роскошные слова о «Кладовой солнца». Помня вчерашний с ним разговор по телефону о том, что я рассказывал ему впервые о «Кладовой солнца» и он удивлялся, я теперь спросил его: — Значит, вы достали ее? — А как же, давно достал и прочел. И в восторге!

Явно, что не читал, а уж так ли не сладко-приятно уверял меня. Вот так из бездарности такие и подобные люди создают величины, получающие самостоятельное вращение в мире. И счастлив, кто вовремя успел остыть от этих похвал и остаться самим собой. За себя в этом отношении больше теперь не боюсь, у меня есть валюта: похвалы из тюрем и больниц.

Природа. Душа всего человека может быть и составляет в своем великом единстве то самое, что мы называем природой (М. Пришвин. Школа радости).

4 Марта. Пост. Канон Андрея Критского.

Отец Александр и «Господи, Владыко живота моего!». Собрались лучшие люди и бичуют себя словами царя Давида, а недобрые люди, разбойники, знать ничего не хотят. Надеемся, что и до них дойдет.

Какой же мой-то грех, в чем мне каяться? Я его знаю, но не могу назвать, и его нет среди общих грехов. Я бы назвал его как грех прощения и забвения, особая слабость и распущенность под видом доброты в то время, когда надо немедленно действовать, не прощая, не забывая, — это раз, и еще — я не имею ни малейшего расположения к добру, и хотя его и делаю, но не по своему замыслу и усердию, а по слабости: не могу отказать. Скорей всего это есть «дух праздности».

Из хороших же духов в великопостной молитве чувствую на себе веяние духа смиренномудрия (а может быть,

отчасти и целомудрия). Эти духи образуют мою совесть. Но вот как раз-то эта совесть и удерживает меня в раздумье перед прямым добрым делом, а раздумье и совсем лишает охоты к добрым делам. Моя совесть как будто питается не только смиренномудрием и целомудрием, а и страхом преступления. Нравственно же здоровый человек не должен чувствовать своей совести, точно так же, как не чувствует физически здоровый человек своего здоровья.

Итак, идем дальше. Получается из этого рассуждения, что совесть или страх преступления, а вместе с тем, значит, и сознание представляются вторичными качествами человека, что лучше их нам представляется непосредственное действие нравственно здоровой натуры.

Есть у нас у всех такое чувство: так поэты славят девственную природу, Толстой — зовет к земле, Гитлер — к здоровой расе и т. д. И я, когда встречаю честного немца Курелло, дивлюсь и восхищаюсь прямоте его действий и обилию знаний. Коммунисты, конечно, тоже исходят из этого первичного нравственного здоровья человека.

Так мы все уповаем, но при первом испытании отступаем от этой теории первичного нравственного здоровья — «действенная природа» всюду портится: Толстой смешон со своею пахотой, Гитлер безумен, и я сам, разобрав Курелло, понимаю этого немца-коммуниста вполне как фашиста: он внешний человек, и раскрытие его личности в делах вполне может привести к открытию чего-нибудь вроде атомной бомбы. Итак, первичное нравственное здоровье не существует, это наша мечта («Идея»).

К чему же я прихожу? К возможности оправдания себя в отступлении от непосредственного действия: ценою разрушения своего первичного нравственного здоровья, которое вовсе и не было так хорошо, ценою обретения страха преступления я образую свою совесть и сознание. И окончательно: грех есть фактор моего сознания: — Дай мне зрети мои прегрешения.

Ф. поставил вопрос так: чем отличается в большом моральном плане коммунизм от фашизма?

Фашист стремится к господству над миром во имя расы, коммунист — пролетария.

Преступление и отступление: личность человеческая, возникающая путем преступления и путем отступления.

Немцы — путем преступления, русские — отступления.

Идеология преступления (завоевание) и идеология отступления (православие).

А что это социализм (большевизм)? Это взрыв скопленной народной энергии.

Приходил Александров из «Смены», настоящий русский Александров, окончивший ИФЛИ. Он сказал, что ни в каком журнале невозможно хорошо работать из-за делячества и администрирования. Есть и рукописи, есть и люди, но деляги и администраторы забивают все пути.

— Но, позвольте, — ответил я, — вы это вообще говорите, а в частности всегда имеется какой-нибудь люфт. Возьмите в пример меня: я весь в люфте. Есть и другие. Давайте говорить в пределах люфта.

Он очень удивился такой возможности, и не мудрено. По молодости он думает, что все на свете движется общими мерами, и верит в возможность применения какой-то такой меры, что вдруг станет всем хорошо. В опыте своем к старости мы понимаем, что общие меры есть посев неизвестных семян на неизвестные годы. И в то же время мы узнаем, что «люфт», т. е. личное сознание необходимости, есть основная тайная сила движения.

5 Марта. После трех величайших по яркости света дней пришла хмурая метелица с холодным ветром. Из сломанного желоба ампирного здания лилась вода на дерево и застыла на нем сосульками. Придет красный день, и золотые капли с этих сосулек побегут по сучкам дерева.

Прелести природы. Нашла меня мысль одна и осталась со мной.

Это мысль о том, что наше всеобщее верование в изначальную девственность природы есть наш собственный миф, как тоже есть миф наш о девственной морали первобытного человека, и все эти мифы не больше как ответвление основного мифа о золотом веке.

И что самое главное, сладость какой-то золотой свободы этого мифа исходит из фактической полной неволи. Начиная движение (сознание) от стены, в которой мы были заделаны, нам кажется, будто не мы это двинулись, а стена пошла.

Так и золотой век (с ним и Руссо, и Толстой, и др.) — это мечта об утробе, в которой мы были неподвижны в отношении сознания.

Мечта об утробном покое — вот первая прелесть* того, что нам дает чувство природы.

И есть еще другая прелесть, возникающая в чувстве природы: это мечта о всем человеке, гармонически организованном и целесообразно устремленном из прошлого через настоящее в будущее. Эта прелесть природы похожа на зеркало, в котором видишь себя звеном всего этого человека. И эта вторая прелесть, знакомая почти каждому, прямо противоположна прелести золотого века.

Там прелесть питается забвением сознания, здесь, напротив, возможностью единства движения сознания всего человека. И я думаю, что когда мы смотрим в это зеркало и говорим: «природа», то эта называемая нами природа есть сам человек. И еще я замечал, что когда мы видим себя в это зеркало, то повседневный конкретный индивидуум бывает похож на каплю воды, взлетающую в брызгах водопада.

Это «прелести». А к этим прелестям разобрать природу, как антитезу человека, его соперника и врага. И наконец, природу на службе у человека.

---

* Прелесть — здесь (*церк*).: соблазн.

Момент гармонии, когда природа это весь человек и весь человек есть природа.

Вот это все понимание природы и дать в «Канал», и момент равновесия природы и человека дать во исполнение: «да умирится же с тобой и покоренная стихия» (т. е. что канал построен).

Самое же главное, это надо изобразить стихию человека (стихию сознания) рядом со стихией воды и другими стихиями в естественной борьбе.

Итак, наметим картину взаимоотношений человека и природы, которые должны быть показаны в «Падуне».

Нескромные свидетели. Читаю воспоминания Ильи Толстого и думаю о детях, как о нескольких свидетелях нашей жизни. Вот мой Лева тоже — что-то ведь напишет о мне, а что? если и десять минут при жизни моей не может осмелиться искренно что-нибудь сказать, и понимает моё всё по мерке на свой аршин.

6 Марта. Преждеосвященная.

Начинаю «Падун» писать, т. е. рассказывать в образах, доступных в понимании всем возрастам, как «Кладовая солнца», о своих переживаниях и мыслях в отношении человека и природы. Сутулов и Анна будут раскрытием Митраши и Насти, но только ввиду сложности задачи надо пуще пригвозживать их к быту. Способ писания будет такой: продирать намеченную главу во что бы то ни стало, только чтобы дойти до сцепки со следующей. Все дело в сцепке.

Прислали на отзыв рукопись Григорьева о Горьком для детей. Григорьев, не имея ни малейшего чувства поэзии, в своих книгах пробует обойтись без нее, и его проза движется не поэзией, а вроде как бы особыми григорьевскими щелчками. Щелк! и видишь в словах, как в зеркале, самого Григорьева. Так он не пишет, а щелкает. Думаю, что все в писании начинается от музыки: это от музыки взмывает стихами поэзия и, сгущаясь, утверждается в прозе. Так и

река бежит: берега — это проза, а все что бежит в берегах — это стихи.

Володя сказал об этой книге, что в ней сказывается старческое многословие. Старость тут ни при чем, потому что у Григорьева никогда в словах не было поэзии, и проза его была деревянная. Это один из мучеников литературы, мнящий заменить поэзию честным делом.

Дня три уже хозяйничает у нас К.Н. Барютина, и очень хорошо, так спокойно и приятно. И все у нее выходит хорошо, потому что в хозяйстве она понимает его служебное назначение и сама определяется слугой. А вот теща в хозяйстве — это барыня, ее дело распоряжаться, властвовать. Но слуг-то нет для нее, и вот бедная теща сидит, как рак на мели. Вспоминается доктор в Пушкине: тоже король без штанов с одной претензией на трон. В этом свете разделения всех по природе на слуг и господ стараюсь понять себя и Лялю (мы похожи): мне кажется, что по природе своей мы господа, но мы сознательно отказались от господства, и через это мир подданных сам к нам пришел, и мы, совсем не думая, и даже отрицая господство, стали царями, мы с ней не слуги, не господа, мы — цари.

Сегодня годовщина смерти Шишкова. Мне придется выступать.

Группа русских писателей (кровь не в похвальбу, а в необходимость). Смирение. Юмор. Детское Село — годы — томы (жизнь писателя). Ленинград подрезал. Я понял: не тот! Но он скрывал. Привыкли: нет, кажется, ничего, тот. И юбилей. Это произошло. Последний разговор: — Но ведь хотелось утешить, и стыдно: нет утешения. Это так. Его нет больше. Примем это — нет, и нет утешения. Кто на очереди? Утрата обогащает сознание. Впервые видишь человека.

Выступал, может быть, и неплохо: некоторые поняли. После слов: русская литература всегда была литературой совести, а в Европе было произнесено: «совесть — химера», кто-то даже крикнул: «верно»!

Только в общем эта речь была ни к чему, потому что понимающих и сочувствующих людей было мало. В конце концов, мне было стыдно. Ляля сказала, что талантливых было только трое: чтец Орлов, пианистка Юдина и я. Но зато бездарных! особенно какой-то профессор истории из евреев, до того самовлюбленный и глупый, что пока говорил, покрылся густой короткой шерстью и, переливаясь, блестел под электричеством.

*7 **Марта.*** Солнце и вчера и сегодня, хотя и не на весь день. Собираемся в воскресенье ехать в «Поречье», в дом отдыха. Внутри себя разбегаюсь на взлет — писать «Канал». Дал бы Бог одним духом промахнуть как-нибудь сразу, как «Кладовую солнца».

В нынешний сезон сделано: 1) Кладовая солнца. 2) Старый гриб («Мурзилка»). 3) Дружба («Вокруг света»). 4) Любимая земля («Огонек»). 5) Маленькие рассказы («Огонек»). 6) Собаки (книга). 7) Родники Берендея (книга). 8) Школа радости («Смена»). 9) Милочка («Сов. женщина»). 10) Выступление в Наробразе. 11) Выступление, фольклорная секция ССП. 12) Выступление, годовщина смерти Шишкова.

Депутат. Начальное насилие (выборы). Депутат оправдал насилие, жизнь стала лучше. Мало-помалу начальное насилие перешло в сознание должного, необходимости, равное свободе. Население полюбило своего депутата.

Искренность есть чувство момента преходящего, временного. В этот момент Искренний совершил в согласии с моментом ряд поступков, которые для следующего момента будут ложными: искренний лжет.

Ляля сейчас находится в состоянии особенной нежности к матери: сюсюкает, требует абсолютной тишины. «Вот, Ляля, — сказал я ей, — ты это сердцем постигаешь, что раз мать засыпает, то нужна тишина. Пойми же через

это самое, что когда я пишу, то это требует такого же с твоей стороны отношения, как если мать засыпает». Она ужасно обиделась, раскричалась, расплакалась.

8 Марта. Голубой рассвет. Черный крест. На перекладине креста притулилась галочка. Луковица под крестом черная, а купол ободран, и сквозь проволоку розовеет заря.

Господи, Владыко живота моего!

Молюсь и вспоминаю о том, как молились ученые, переступая в новый атомный век. Так же точно молились, как дикари у своих вигвамов, как и мы тоже молимся о том, чтобы наше дело, в котором все мы невольны, пошло на добро людям.

Вчера приходила М. А. Ее спросили: — Вы не пробовали в церковь сходить? — Пробовала, — ответила она, — и не могла молиться, ушла.

Эта раскольница, в точности моя старуха из «Падуна». Смотри на нее, Михаил, и пиши, смотри и на этих ученых во главе десятков тысяч рабочих, не понимающих, что они делают. Рабочие делают, веря, что ученые знают, а те сами ничего не знают и, делая нечто ужасное, молятся Богу и просят, чтобы творимое ими пошло на добро. Вот так и всем нам, вынужденным делать социализм, надо делать и молиться, чтобы творимое всеми пошло на добро. И точка.

Раскольничье чувство (эсхатологическое) возбуждается вмешательством новых людей (Рузвельта или Петра I) в переустройство нашей материальной жизни, задевающее и разрушающее привычный уставной молитвенный чин. Им хочется быть, как было, они против движения. Но люди множатся, а это значит движутся и материально выходят из чина, как змея выползает, оставляя позади себя форму. Так и раскольники остались стражей покинутых форм. Так и эти остаются назади и через них-то и можно теперь, наверно, понять сущность раскола.

Сейчас у этих новейших раскольников нет борьбы за форму, как у прежних. Значит, там тоже не в шкуре было дело, и мертвая шкура им лишь осталась за какой-то грех. Рабочие делают, веря, что ученые знают, а те сами ничего не знают и, делая нечто ужасное, молятся Богу и просят, чтобы творимое ими пошло на добро. Вот так и всем нам, вынужденным делать социализм, надо делать и молиться, чтобы творимое всеми пошло на добро. И точка. Общий с нынешними раскольниками грех этот был в использовании молитвы для заграждения движению жизни: их молитва (двуперстие и пр.) обратилась в мертвую форму за то, что сопротивляясь необходимому движению, люди этой молитвой хотели сцепиться с прошлым. А там, назади, был пожар Ниневии. И жена Лота превратилась в соляной столп.

Так и сейчас сзади нас великий пожар: там все горит, и должны быть счастливы тем, что с одной котомкой и посохом можем идти вперед. Кто вздохнет о прошлом, кто оглянется назад, обращается непременно в соляной столб.

Ученый молится, включая автомат на первоначальный взрыв атомной бомбы, молится, потому что и за себя страшно. А летчик, которому приходится эту бомбу бросить на Японию — ему за себя не страшно и он уже, наверно, не молится, разве только молится по привычке, чтобы бомба попала в цель.

А палач, который должен в упор стрелять в человека или топором рубить ему голову? Или тот старик-немец: вчера выпивал с крестьянами, плясал с девушками, играл на губной гармонике, угощал девушек шоколадом, а сегодня поджигает дома и плачущим женщинам повторяет: приказ, приказ! т. е. что не сам он это делает, а кто-то другой. Может быть, и этот немец молится тоже, чтобы дело его пошло на добро.

Но нет, оказалось, что из этого дела вышло зло, и он, молясь о добре, в деле своем подчинялся злой воле. Он должен был разобраться в себе и не подчиняться приказу? Скорее всего да: если его обманули — он не виновен,

умный отвечает за глупых. Но если попало в голову сомнение в начальнике своем, то как же тут стать на коленки, сливая волю Божью с волей начальника, у немцев так оно и было: в массе они были глупы.

9 Марта. Вчера и «Красная звезда» пригласила меня, предлагая какие угодно деньги. Так что в этот сезон заметно шансы мои поднялись много выше. Этому, конечно, способствовал я сам только отчасти. А скорее всего время в отношении литературы переменяется.

Поза без позы. Иона Пантелеевич Брехничов, исчезнувший из памяти, появился, прислал стихи на «Лесную капель». Стихи плохие, с претензией на изысканность. Через них понял я, как трудно написать «Лесную капель»: для этого нужно быть самим собой. Писать такое похоже на позирование фотографу: нужно сделать позу без позы (т. е. надо владеть своей позой).

Завтра отправляемся в «Поречье» (под Звенигородом), дом отдыха Академии наук.

10 Марта. Утром перед отъездом, завет художнику:

— Стремись делать царство Божие на земле, как на небе.

— Стремись направлять всю земную материю к делу любви, как отцы церкви управляли телом своим.

— Пойми, что дело твоей личности есть единственный мост к делу общему и Божьему. Без этого дела вера твоя мертва и все слова твои пусты.

— Материализм есть дело связи твоего отношения ко всему делу человечества, как к своему собственному.

Вчера был у меня еврей-предприниматель под маркой ЦК, представитель делячества, такой же как N. представитель администрирования.

В 9 у. выехали из Москвы и в 11 у. приехали в Поречье, и через час устроились так хорошо, как и не мечтали. Тихий, теплый и крупный снег падает весь день. Вечером

прошлись в Дунино, где 16 лет назад Ляля провела свой первый год замужества и где узнала о смерти Олега.

11 Марта. Тепло и валит валом крупный снег. После двухчасовой прогулки в лесу все спать хочется и не спится: голова ватная. Надо привыкать к воздуху.

Люся рассказывала о любовном конвейере в доме отдыха: все основано на том, что по любовным законам нельзя оказывать внимание тому, кто нравится, а другому.

12 Марта. С утра хороший мороз и солнце. Вышел человек, строитель царства на земле, как на небе, и приступил к своей работе великой...

Эта работа состояла в борьбе сил добрых и злых, светлых и темных, красивых и безобразных и всего того, что в мире говорит «да» и что — «нет».

Весна света — это чаяние Жениха (см. Фета). В будущую повесть о «Женихе» (московская весна) надо взять и этот план. А земля ранней весной, как невеста вся в белом со звездами и в голубых поясах.

13 Марта. Читал речь Черчилля в Фултоне. Очень был похож Черчилль на прежнего доброго нашего барина (вспомнить Варгунина!), который все свое благодушное наличие относил к народу и противопоставлял его большевикам. Этим людям казалось невозможным, чтобы в Божьем мире абсолютное зло могло преодолеть добро. Мало-помалу мы перешли через черту этого круга, ограничивающего добро нажитым уютом, свойственным нашему русскому народу.

И вот теперь в Англии начинается продолжение тех же домашних чаяний, Черчилль говорит даже прямо об английском «очаге», и так же, как немцы об арийцах, — о народах, говорящих на английском языке.

Дал почитать Ляле, и первые слова ее после прочтения были: — Не следует нам с тобой покупать дачу: будет война. А мама, прочитав, теперь, наверно, и чемоданы укладывает.

Все зависит пока от США, но не пойдет же Америка на войну с СССР из-за Англии, и мы не полезем на бомбу. Пока [неясно], что там будет в дальнейшем, сейчас все ограничивается дуэлью Черчилля с каким-нибудь Тарле и последующим из этого открытого спора расширением нашего политического кругозора.

С трудом начинаю входить в «Падун». Вижу людей: 1) Марью Мироновну, 2) Сергея Мироновича, 3) Зуйка (Курымушку) и других второстепенных русских людей. Неясен Сутулов в смысле конкретного выражения и Анна. Надеюсь понять Анну путем сопоставления тайной женственности с явной прямотой эмансипации. Что же касается Сутулова, который должен *стоять*, то типа такого не вижу и думаю, что это не простой тип, как [отличник] у немцев, а очень сложный и временно существующий для определенной цели (а впрочем, если Ильич в своем прообразе Базаров?), или, если взять поповскую кровь: кто это Успенский? А Седов из Талдома? И то, чего нет у Достоевского. Подумать! А Игнатов И.Н.? Обязательно или нет, что Стоящего на своем подпирают жиды (Еврей-Санчо).

С восьмой главы начиная пойдет рассказ о строительстве, как приключение Зуйка, и так до конца с перерывом на Аврал. И еще: не дать ли «правду» как дело устройства Царства Божия на земле?

Иной человек соглашается только потому, что боится себя и думает: а что как опять мое несогласие в такую злость перейдет, как было в прошлый раз, и опять будет беда?

Нет, уж лучше в этот раз обойдусь и подумаю, нет ли какой правды и в их словах.

И только взял себе это в ум, как и в самом деле: получается какой-то смысл в словах противника и стала понятна та сторона.

Так вот согласился раз, два, а там пошло и пошло. И когда прошло время, то увидел себя самого как будто со

стороны — экий ежик какой, подумал сам о себе, чего это я так фыркался: не разбою же нас учат, а просят, уговаривают делать полезную вещь.

Анна к Зуйку и всем, как Ляля: «что же ты не сказал» или «что же ты не сделал»?

Как будто каждый человек сам во всем виноват и есть причина всего (к ссылке на объективные причины — нет объективных причин).

14 Марта. Евдокия.

Вчера 1-е вливание глюкозы, ходил 5 часов, не спал после обеда. Чувствовал себя превосходно, а спал все так же неважно.

Начал работу над Падуном — если бы это в последний раз!

Никогда не было мне таких счастливых условий жизни: весна, и Ляля со мной без всякой помехи, и леса мои возле дома, и любимая работа, и никаких забот о еде. Что еще надо человеку? Только одно, что заслужил это счастье, а не украл. На этот вопрос могу ответить лишь после того, как напишу «Падун»: напишу — заслужил, не напишу — украл.

Вчера на прогулке одна штанина у меня спустилась, другая осталась подобранной. Встретился мальчишка и говорит: — Одна портка ворует, другая торгует.

Названы и показаны источники общественного зла: у них капиталистический. индивидуализм, у нас социалистический тоталитаризм. И оба эти зверя исполнены самых добрых намерений: там личность в идеале, тут общество.

Жизнь человеческая. Люди как будто стоят все в очереди перед магазином, в котором находится жизнь. И каждый в очереди, получив своей паек, отходит и, вкушая, кончается, не зная, за чем он стоял, ждал и вкушал.

Слушая этот разговор, Зуек вспомнил семгу, как она стремится вверх через порог: ей так хочется и так это надо.

— И чего стоят с испокон веков, — продолжим разговор, — чего ждут?

— Хочется! — ответил Зуек.

— Вот, вот, засмеялись, каждому чего-то хочется, и спутает, и не понимает, за чем стоял, чего хотел.

— Значит, так надо, — ответил Зуек.

Теперь каждый живет, как ему хочется, и весь-человек должен смотреть за ним — не во вред ли всем его «хочется». Только и занят тем весь-человек, что глядит за каждым и поправляет, как надо.

А когда придет время и перекуют человека, то каждый человек будет жить как надо, и весь-человек заживет, как ему хочется.

Если в Греции отступятся англичане, власть будет захвачена коммунистами — в том и другом случае выступают «тотализаторы» во имя своей правды, не считаясь с простым человеком (слово, сказанное Черчиллем).

Теперь следует разобрать, кто же этот «простой» человек, определяющий справедливые выборы. Есть ли это фикция демократии точно такая же, как «пролетарий» — фикция коммунистов, или же «простой» не только фикция, а действительность.

Мы знаем, во-первых, что коммунист, выставляя пролетария, отрицает «простого», считая его фикцией буржуазии. Если взять нашу действительность, то «мужик» — это «простой» человек (хороший, простой), если же взять рабочего, то это «пролетарий».

С простым человеком связан очаг, с пролетарием — общественность, гражданственность.

NB. В настоящий момент (46 год) «пролетарий» — это рабочее слово государственности, а «простой» — личного начала, семьи и пр.

15 Марта. Вчера на вечерней прогулке Ляля сказала: — С нетерпением жду солнечного дня. — А почему солнечного? — спросил я. — Зачем так выскакивать, в природе все

совершается закономерно, и наше дело понимать и различать дни. Посмотри сейчас на небо, вон там даже и через деревья видно, что такого серого неба не могло быть раньше: по-моему, это небо уже переход от весны света к воде.

Мы зашли к леснику, узнали, что тетеревов мало, но вальдшнепов много. Взяли адреса в Дунине на случай, если захочется здесь жить и летом.

Твердо держим линию самооздоровления: глюкоза, пять часов ходить и спать перед обедом.

С утра нависло, темнеет, теплеет. Идет снежок, но в лесу свой снег: это, подтаивая, падают комья снега, разбиваясь друг о друга в пыль.

Два дерева росли тесно рядом: сосна-пионер и под тенью ее елка. Долго они мучили друг друга. Наконец пришли дровосеки и срезали: елку пониже, так что мне теперь удобно было сесть отдохнуть, а сосну повыше. И так, сев на еловый пень, я теперь с удобством прислонился спиной к сосне и стал ожидать вальдшнепов.

Зимой от снежного груза многие деревья согнулись арками через дорожку. Весною они разогнулись, выпрямились. Но одно дерево и весной не вернулось в свое положение и осталось. Так лето прошло и сучья его, направленные вниз, в тень стали хиреть, а которые вверх стоят, как внуки на гнутой спине старого деда, тянутся вверх. Сколько-то лет прошло, и теперь на старой спине целый лес вырос, а внизу над головой прохожих одни торчки.

Поищи прямую палочку в лесу: издали сколько их прямеників, а подойдешь — нет ни одной даже и близко к хорошему. Вот и подумаешь, что так и все совершенное, прекрасное, доброе не где-нибудь на стороне, а в тебе самом дано, как задача: найди это и обрадуйся.

16 Марта. В Евдокию курица напилась (14-го) — только курица, и то в полдень под желобом. На другой день (вчера) тепла, сырости весенней прибавилось, но в валенках еще

вполне можно ходить. В голове кружится речь Черчилля и ответ Сталина: Черчилль выступает как человек со всеми знакомыми нам человеческими личными свойствами. В словах Сталина вовсе нет личного человека и тоже сверхчеловека с истерическим петушиным подпрыгиванием и выкрикиванием. Сталин говорит безлично, как механический робот. И если Черчилль сказал как ему «хочется», то Сталин говорит как «надо».

Будет война или нет? По словам вождей открытых и смелых, кажется, нет: слишком все открыто. По фактам, особенно в Греции, война уже началась.

В Дунине смотрели у старушки Катерины Александровны дом, соблазнились купить его и вспомнили, как, тоже перед той войной, купили себе дом в Рузе.

Люся (Чагина), благодаря необычайной своей глупости, открыла душу девушки в ее устремлении к Жениху. Он один, конечно, кого она ждет, но тех, за кого она его может принять, великое множество. Вот почему девушка вертит шейкой, как птичка во все стороны. Помнится, когда я упрекал за это Козочку, она мне ответила, что так и каждая девушка и что нельзя другого требовать от девушки. — Ты тоже такая была? — спросил я Лялю. — Тоже такая, — ответила она. — И тоже вертела шейкой? — Во все стороны, пока тебя не нашла. Теперь ни на кого не смотрю, теперь у меня — ты.

В литературе это свойство девушек передано стесненно (Наташа Ростова). Вполне развернулось оно в письмах во время войны («Жених»).

Вспомнилось. Бывало, чуть шевельнется чувство к женщине, сейчас же его давишь мыслью о том, что с этим чувством нельзя будет вернуться домой. Разобрать в другой раз происхождение такого «целомудрия». Не годится ли это чувство для Ариши в отношении Сутулого: он ей нравится, но она сберегает свое материнство (ее девочка умерла).

Почему Розанов, А. Толстой, М.Стахович не хотели оставаться со мной наедине?

Восхищаюсь словами Сталина о простом человеке тори-Черчиллю: у Сталина пролетарий, как принцип простого человека, а Черчилль имеет в виду простого человека в небольшом домике. Восхищаюсь и Черчиллем, тем, что в словах его что-то домашнее: барин хочет потрепать пролетария по плечу.

17 Марта. На днях в оттепель, когда падали комья снега с деревьев, разбиваясь друг о друга, и внутри леса непрерывно падал свой внутренний мельчайший снег-пыль, вместе со снегом падала хвоя. И теперь, когда сверху все опало, внизу на ровной белой снежной постели от комьев образовалась рябь, а от хвоинок серая сетка. И зимой от ветра, бывало, выпадали хвоинки, но снегопад их закрывал. Но теперь эта серая сетка уже последняя, теперь снег будет подтаивая просачиваться вниз, а слои хвоинок сходиться, и снег от их массы сереть и темнеть. А когда бросятся вниз по оврагам ручьи, то и все хвоинки понесутся куда-то, и с хвоинками семена, сброшенные ветром. Тогда вода будет помогать ветру.

Не могу справиться с собой, когда, бывает, подкатывает под сердце радость. Да ведь как подкатывает, тут и воздуху радуешься, что где-то невидимые веселые птички поют, и что из толчеи людской какие-то глазки показались. И даже если и нет ничего, и не к чему придраться моей радости из-под сердца, то радуешься просто тому, что живешь. Так в глубокой тиши не слышишь движение крови своей, там — крови, тут — жизни. И когда это поймешь, вдруг спохватишься! Погляди же, как люди живут. Вот тут и начинается борьба: в себе и природе — радость, а на людей глядишь — тоска. Да так и борешься, и путей ищешь: как бы эту радость жизни людям отдать.

Бывает, кажется — как долго, долго жил! А бывает, кажется, как скоро жизнь прошла. Долгой кажется жизнь,

когда разбираешься по людям: сколько людей прошло, а я все живу. И короткой, когда подумаешь о том, как все люди повторяются в добывании своего хлеба насущного, и я тоже вертелся как волчок... — пустяком покажется время мое, и все, кто вертелся со мной, — все пустяки.

(Разговор не свой. Птички веселые весной.)

Лес сверху почти совсем очистился, а внизу фигуры еще все целы, только быстро изменяются. Раньше, бывало, увидишь на дереве Александра Македонского и так целый месяц ходишь и смотришь на него. А вот была коленопреклоненная женщина, как на могилах из мрамора с надписью: «Покойся, милый друг, до радостного утра», а сегодня на этом месте сидит болонка в черном ошейнике. Пришлось наблюдать сегодня, какие ничтожные причины влияют на образование снежных форм. Был березовый пень, и на нем должна была образоваться круглая куполом шапка. Но из-за двух веточек можжевельника шапка вышла тройная.

NB. Человек — это охотник шел за кузницей: шел до Хиж-озера, по этой тропе Зуек пришел туда. И когда пришел, хлынул дождь и отрезал его.

NB. Человек прошел в лесу раз, два, три — и пошла в лесу тропа человеческая. А по этой тропе человеческой зайцы, куницы, птицы всякие пошли: им легче тут идти, чем по снежной целине — и пошли. Так много было в этом лесу беляков, что от человеческих следов скоро ничего не осталось. Но тот человек, вернувшись откуда-то, снова прошел по заячьей тропе, и все прежние звериные следы прижал к старым следам человеческим.

Потом скоро туман и дожди распустили ручьями весь снег в лесу и на темно-зеленом бруснично-черничном и моховом ковре осталась плотная ледяная тропа. Вокруг нее было вязко местами и топко: почти невозможно идти. Но по этой ледяной тропе можно идти легко и уверенно. Зуек и пошел по ней сначала правильно в сторону Выгозе-

ра. Но вскоре куница сделала петлю, человек тоже за ней напетлял, за человеком зайцы, лисицы. Обернувшись вокруг себя, Зуек потерял направление и, думая, что идет в сторону Выга, пошел на Хиж-озеро. Пришел к озеру. Описание плавины. Дерево — то дерево осиновое. По сучьям определил север и понял, что шел в обратную сторону. И только понял, вдруг хлынул теплый дождь. Под выворотень (дырка). До вечера лил дождь и всю ночь. Утром весь лесной ледок-черепок и всю тропу... Зуек остался. Новая глава. Весенняя вода хлынула неожиданно для строителей и начались прорывы. Точное описание по своему основному сюжету, вроде интермедии.

NB. Быть может, надо создать особый познавательный план, только не такой тяжелый, как у Жюль Верна, а легкий, не затрудняющий читателя, а напротив, для отдыха его.

Позвали обедать к хозяину (Борис Абрамыч и Галина Донатовна). Когда были все вместе, то говорили, что войны, конечно, не будет. А с глазу на глаз хозяйка Ляле сказала: — Конечно, война.

Но теперь сгладилось между собой время без войны и время с войной, что как-то все равно стало: так и так пропадать, а если можно пожить хоть денек, так живи!

К философии «Надо»: есть «Надо» из прошлого, оно закрывает путь к будущему, и есть «Надо» из будущего, закрывающее путь к прошлому. Первое — в старухе-староверке, второе — в Сутулове, Сутулов таким и останется: с отрицанием своего прошлого. Анна переметывается свободно туда и сюда. Изобразить, как старуха прорвала «Надо» прошлого.

В каком-нибудь 1895 году — ровно 50 лет тому назад — где-нибудь в Ельце мы, марксисты, бились с народниками, потом очень скоро большевики с меньшевиками, а теперь во всеевропейском круге коммунисты и лейбористы — чем тоже не большевики и меньшевики. Как это родилось!

Мелькнула такая ясная мысль, что в нашем коммунизме, конечно, дело идет о ближнем, «пролетарий» — это другое название ближнего.

Сталин говорит, что коммунисты появляются там, где были фашисты (в Англии не было фашистов, зато и не было коммунистов).

18 Марта. Вчера было солнце сквозь облака. Утром немного морозило, в полдень подхватило. Вечером полная луна и чистейший прекрасный воздух. Хочется, чтобы весна так и побыла на этом и после сразу бы все оборвалось. Сегодня утром туман.

М.Т. Звенигородский сказал:

— Русский коммунизм вышел из личного пренебрежения властью, из анархии: в царское время русский человек всегда был личен и власть презирал. Он готов был на всякие лишения, только бы самому быть в себе и при себе.

Кулаки, мироеды, были организаторами земледельческой жизни. Народ в революцию показал, как он чтит этих организаторов. Вот эти «массы» взяты были в социализм. Партия дала этим массам начальников. Сила взялась из этой же готовности всего отдать себя, лишь бы остаться при себе. Война воскресила дремлющую личную жизнь, как удаль (удаль — другой полюс власти).

Понятно, почему сел еврей на шею русского народа, сел как администратор. Но еврей, человек племенной, он устраивается у власти родовыми группами и тут же скоро множится, ничуть не церемонясь. Это обращает внимание (что это за родовой социализм?). Возникает в новой форме еврейский вопрос (борьба с Маршаком, трагедия Поликарпова и т. п.). Еврейский вопрос обращается в русский: вопрос о признании русским человеком государства. Тут идет борьба оседлых людей с кочевниками за власть. Еврей — это кочующий администратор (сегодня у Литературного фонда, завтра организует клейку фарфора...).

Моя книга о Надо включает и вопрос формирования власти в разноплеменном анархическом обществе. (Партия — очаг власти, власть — как необходимость.)

Наше время: кочующий администратор должен смениться оседлым.

«Поречье» требует поведения: 1) Брать для себя что нужно, но не одолжаться, не входить в зависимость. 2) Наблюдения маскировать охотой: я — охотник, значит, дурак.

Кочующий администратор на строительстве канала (Берман, Коган, Фирин и др.), сами были в плену и, выбиваясь из плена через троцкизм, все погибли в этих бегах. (Кочуют всегда с семьями: взять цыган, а евреи тоже цыгане — абсолютно те же и только пейзаж другой.)

Вот если бы удалось в Сутулове найти черты оседлого, основного администратора (каких я помню хороших администраторов или начальников: 1)Директор Елецкой гимназии Закс (латыш). 2) Кутузов у Толстого. 3) Хорь у Тургенева. 4) Базаров у Тургенева «за правду стоит». 5) Ленин со всеми своими предками (Чернышевским в особенности). 6) Достоевский. 7) Гоголь. 8) Пушкин.

19 Марта. Вчера с утра на солнце деревья покрылись роскошным инеем и так продолжалось часа два, потом иней исчез, солнце закрылось, и день прошел, как все эти дни, тихо, задумчиво, с капелью среди дня и ароматными лунными сумерками под вечер.

Ляля вечером пошла звонить в Москву и получила там двойной удар: и по ее личной травме и по нашей общей от войны: гепеушники или получили задание держать население в страхе перед войной, или же они сами по своей гепеушной природе такие: пугают близостью войны. Я совсем не подготовлен и теряюсь перед Лялиной психической травмой, больше: боюсь своего бессилия. Но война

новая не пугает почему-то: как-то «к одному концу» подумаешь, и становится неплохо, и перо не выпадает из рук.

Наблюдал начало образования на снегу круглых колодцев от осиновых листиков. Падают и сейчас еще с осин старые сухие листики. До того они держались на деревьях морозом, а теперь, когда в полдень мороз не держит, они падают, темные, на белый еще не тронутый снег. Солнечные лучи, падая на темный лист, нагревают его, и оттого под ним тает снег и круглый листик опускается с каждым днем глубже и глубже. Он остановился на том месте, где не достанут его больше солнечные лучи. Так образуется круглый колодец с обледенелыми стенками и толстым ледяным дном. При таянии снега в дальнейшем колодец наполнится водой и когда прилетят зяблики — вот где будет им купаться, обмыться. Бывает, от купанья птичек, встряхивания крылышек маленькая радуга стоит над колодцем.

Вчера был огненный в полнеба закат — страшно смотреть! Потом скоро огонь этот погас и вышла потом с другой стороны огромная красная луна.

Нужно было ожидать на сегодня ветра, а пришла тишина, сияющий солнечный день. С утра было –10, но быстро стало повышаться.

Чекист уверен в том, что каждая женщина в его власти. Достаточно ему сказать: «Я вас где-то видел» — и она вспыхнет и выдаст себя, а дальше все как по маслу. Подумав о том, что мне из-за этого придется бросить весну и работу, я утром пошел к нему и под предлогом спросить его, как надо получить разрешение на револьвер, сказал ему о своих высоких знакомствах и что через них я спас одного человека из лагерей. Ушел я от него вполне довольный: теперь он не сунется, теперь знает, с кем дело имеет.

А может быть, и весь цвет женщины вырастает из слабости перед грубой силой: что-то вроде белой лилии в болоте на длинных подводных стеблях. (— Красота — это

факт! — сказала Дынник.) Ну, а мы-то все, стремящиеся к красоте (красота — это природа, устроенная нами в гармонии), разве наш-то путь проходит не в той же борьбе творческой силы с насилием.

Конец «Падуна» — это гармония природы, созданная человеком, победа творческой воли над силой — насилием.

20 Марта. Какой денек вчера просверкал! Как будто красавица пришла «ослепительная». Мы притихли, умалились и, прищурив глаза в поле, смотрели себе под ноги. Только в овраге в тени деревьев осмелились поднять глаза на все белое в голубых тенях.

Обе наши хозяйки, Ольга Ильинична и Елена Васильевна, очень ладно живут, потому что Ел. Вас. женственная, уступает, а О. И. настойчива и требовательна. Давно, давно пора эти силы Мужчины и Женщины понимать без помощи анатомии.

Ночь была звездная, и день пришел пасмурный — и славу Богу, а то со сверкающим мартовским днем не справишься, и не ты, а он делается твоим хозяином.

Книга «Падун» просветляется в трех частях: 1) Вступительная часть (написана). 2) Перековка человека. 3) Весна и вода.

Видится ясно и центральная идея: это аскетическое «Надо» как сила всего собранного человека.

Столько горя в людях теперь! Мы близки к радости конца: пусть даже скорей будет война, пусть даже атомная бомба — лишь бы конец. Это нам высказала вчера простая женщина, убиравшая ванну, и не только это, а и рассудила даже и для чего это все: для общего хозяйства на всей земле, и что если будет общее хозяйство, то не будет и войны.

Светлые окошечки в темных елках то и дело закрываются и опять открываются перелетающими с сучка на сучок, с ветки на ветку весенними перелетными птичками.

Вчера был день, когда зима прощалась с весной. Сегодня взялась за свое дело весна, весь день летел снег, и вместе с тем теплело и на ночь осталось выше нуля.

Под вечер мы гуляли с Лялей в лесу. — Не могу как-то, Ляля, переварить в себе, что ты была невестой монаха и женою Вознесенского и Лебедева. Не помню, в который раз она мне рассказала свою любовную историю. Как она убежала от Вознесенского («профессорша»). И как Олег, не понимающий жизни идеалист, вовлек ее в свои мечты и ничего не сознавая бросил ее одну в жизненную борьбу. Потом умер Вознесенский, и Лебедев открыл кампанию за ее руку. Видимо, он был в безумном половом угаре и на время удовлетворил себя с какой-то особой. Тут-то Ляля вдруг согласилась выйти за него. И когда вышла, он не мог ей дать ничего, кроме чувственности. — Вчера, — сказала Ляля, — был такой прекрасный день, сегодня ненастье. Жизнь моя прошла, как сплошное ненастье. — Ну, а как же теперь-то, со мной? — Ах, с тобой, ну, с тобой — какой тут может быть разговор... — Милая, — ответил я, — ты и на жизнь смотришь неправильно, как на природу. Сколько нужно пережить природе ненастья, прежде чем ей удастся создать, с нашей точки зрения, праздничный день. Надо научиться в ненастьях видеть грядущий праздничный день.

Беседа с аспирантом-геоботаником, недавно принятым в партию.

— Ирина, — спросил я, вы читали Евангелие? — Никогда. — А мать ваша? — Думаю, и мать не читала. — Но как же вы обходились: сколько знаете теорий, и логий, и разных «измов», но почему же у вас не шевельнулся ни разу интерес к теории любви? — В комсомоле это было трудно, на войне невозможно. И так выросло целое поколение. — Неужели мать вам не объясняла, что значит: люби ближнего как самого себя? Нет, не объясняла, но сама любовь у нас была. —

Любовь для своего обихода — так и курица любит. — А для чего же еще? — Для понимания того, чему вы служите. Если бы вы знали, например, что нравственный смысл партии, которой вы служите, есть любовь к ближнему. — А какая же может быть еще любовь? — Еще к Отцу нашему небесному, или как у Ницше говорится, любовь к Дальнему.

Так я говорил, а она слушала, и слова мои падали, как семена. — Неужели и этого не знаете, — спросил я, — что однажды вышел сеятель сеять и одно семя попало на добрую землю... Никогда не слыхали?

— Нет, не слыхала, ну и что же дальше? Тоже о любви?

— И какой еще любви! той самой любви, в которой многие падают и называют ее унизительною животною страстью. Царь же Соломон эту самую любовь вознес до небес и показал нам, что если захочет человек, то эта животная страсть сделается священной.

Возможный ответ Ирины: — Но если люди мучают друг друга и убивают, в конце концов, для дела любви, то зачем же им об этом говорить: они должны убивать, а мы им будем говорить о любви. Они перестанут тогда убивать и мучить?

— Нет, они не будут напрасно мучить и убивать, а только во имя любви. И такая борьба во имя любви называется правдой.

Увы, об этом чем-то никому сказать нельзя: это только для себя, и если все-таки скажешь, слова твои будут падать на землю камнями.

21 Марта. Всю ночь бушевал ветер, и слышно было в доме, как вода капала. И утром не пришел мороз: то солнце выглянет, то сомкнутся тучи и тряхнет крупой, как из мешка. И так быстро мчатся облака, и так зябко белым березкам, так они качаются.

Мышь скреблась. Достали Дымку — кота. Выдвинули все ящики. Заперли кошку и ушли. Через час приходим, видим на полу пятнышко, Дымка то полижет его, то ляжет

на него спиной, а пузом вверх. Сразу все поняли. И после этого мышь замолчала.

После обеда взялось солнце, и ветер постепенно стих, так опять мы провели [день]в лесу на мартовском пиру света. Ляля неузнаваема: никакой суеты и вся сосредоточена на себе: лечится чуть ни в первый раз в жизни, лечится, потому что это идет у нее за дело.

Луна взошла поздно, и лунный свет на снегу, остекленевшем от наста, давал отражения, похожие на морские.

22 Марта. С утра валил весь день неуемный снег. Из Москвы приезжал Павлик, муж Вали Майоровой, она продала в Переславле свой дом-развалюшку за 43 тыс.! и теперь переезжает под Москву. Он лейтенант и очень серый, хотя и член партии. Мне хотелось завести с ним умный политический разговор, и я ему сказал кое-что о Черчилле, кое-что о наших бедных русских людях и о страхе перед атомной бомбой. Собрав все усилия, чтобы сказать от себя что-нибудь умное, он, наконец, выговорил: — Да, конечно, бытие определяет сознание.

Игорь, мальчик, при отце Майорове в церковь ходил и очень был интересен. Теперь же при новом отце не ходит и говорит: — Этот папа у нас не святой, и мама теперь в церковь больше не ходит.

23 Марта. Молитва об узелке любви.

Воля приговоренных к смерти. Эта воля все крепнет, и теперь уже не говорят о петле. И Геринг не кается, напротив, он даже и шутит. В нашей стране Раскольникова и Пугачева, сказавшего: «Через меня, окаянного, Господь Русь покарал», — этого не было и, наверно, быть не может. Зато у нас есть нечто другое, более трудное для изъяснения.

Говорят о тишине: тише воды, ниже травы. Но что может быть тише падающего снега! Вчера весь день падал снег, и как будто это он с небес принес тишину. Этот целомудрен-

ный снег в целомудренном мартовском свете младенческой пухлотой своей создавал такую обнимающую все живое и мертвое тишину! И всякий звук только усиливал ее: петух заорал, ворона звала, дятел барабанил, сойка пела всеми голосами, но тишина от всего такого росла. Какая тишина, какая благодать, что как будто чувствуешь сам благодетельный рост своего понимания жизни, прикосновение к такой высоте, где не бывает ветров и не проходит тишина.

Среди дня так потеплело, что на дороге в колдобинах, выбитых автомобилями, появилась вода.

Начало 7-й главы (2-я часть: «Перековка»).

Дедушка наш, беломорский сказитель Мирон Иванович, так нас учил:

— Сказки, деточки, не у одних нас в Беломорье, а у всего человека сказываются все об одном и том же — как добро в жизни нашей перемогает зло. Но каждый из всех людей ведет эту сказку по-своему. Так вот, деточки, когда начну я сказывать, не перебивай меня: тут я хозяин, а ежели кто вздумает перебивать, я в первый раз скажу: — Слушать не слушай, а врать не мешай. И во второй раз теми же словами скажу: врать не мешай, я к добру выведу. А в третий раз ежели кто перебьет, замолчу.

Так сказывал наш дедушка.

Начало рассказа.

Идешь, а сбоку в глазу за редкими стволами деревьев — там подальше! — бегут домики длинной деревни. Остановишься на них посмотреть, и они остановятся и глядят на тебя всеми окошками.

Начало рассказа.

В чистом белом поле показался лыжник черный, и за ним черным столбиком остановилась собачка. Лыжник побежал, собачка осталась сидеть черным столбиком. — Почему она за ним не бежит, — подумала Ляля, — почему и назад не уходит в деревню, если ей страшно бежать в чистом поле за лыжником? Почему она торчит в поле черным

столбиком? Поглядев еще раз в ту сторону, Ляля поняла: это и вправду был столбик, а не собака.

24 Марта. Пасмурно, погода как и вчера с утра готовится к таянью. Мы готовимся встретить Жульку. Это не вышло. Повалил необычайно густой снег, и до вечера валил, все в запас на весну.

Новые перспективы устроиться: показался флигелек в Дунино.

Философия этики чрезвычайно проста: в отношении к себе лично мы все идеалисты, и в смысле «Cogito ergo sum»*, и в смысле жизненных аппетитов.

В отношении же к ближнему все мы материалисты, одни в смысле материальной помощи ему, другие чтобы того же ближнего ободрать в пользу себя.

Как день и ночь получают единство в отношении к свету, так точно философия идеализма и материализма едина в отношении к человеку.

Идеализм – это отношение к Дальнему (через себя самого), материализм – к Ближнему. И если кто-либо заявляет, что он только материалист, это значит отношение к Ближнему. Точно так же и тот, кто определяется к Дальнему, идеалист, стремится уйти от ближнего дальше, в пустыню.

Церковь – это связь материального мира с идеальным, это поцелуй Бога, человека и твари.

25 Марта. Как и в тот раз после великого снегопада пришла великая тишина.

Определен в «Канале» план сказки и правды (Dichtung и Wahrheit**). Зуек – это сказка, Сутулов – правда. (Из

---

* Cogito ergo sum (*лат.*) – Мыслю, следовательно, существую – философское утверждение Рене Декарта.

** Dichtung и Wahrheit – поэзия и правда – так переведен на русский язык автобиографический роман Гете (пер. Н.А. Холодовского).

«Кащеевой цепи» Алпатов и Несговоров.) Открылась правда (Падун вертел камень).

И Зуек исчез, сказка исчезла.

Время между уходом и приходом создать из того чувства, которое, помню, в детстве было между крестной смертью и воскресением: чувство трагедии.

Передать это чувство страшного времени разлучения Ближнего с Дальним в смерти Сергея Мироныча.

Помнить, что откровенная беседа (Анны со старухой на Карел. острове) будет выражением двух потоков духа, похожих на полет пчел: туда за взятком и сюда со взятком. Этот поток существует в жизни человека: *туда* к Дальнему, *сюда* к Ближнему. Надо быть благодатным, как Зуек, чтобы разрешить этот спор души, или «счастливым» в таланте, как определяет меня Ляля.

26 Марта. Роскошный крупный редкий снег из светлых облаков. Небо обещает солнце.

Хочу использовать свои страдания от кино для описания борьбы своего «хочется» с «надо», хочу решить эту борьбу в пользу «надо».

Коллектив каждого дома отдыха любит кино, у нас особенно. Я его ненавижу, потому что вытаскивают из меня насильно глаза, отчего на другой день болит голова и пропадает весь рабочий день. И уйти некуда: уйдешь — не впустят. Сидеть же в своей комнате — барабан в уши. Что делать? Все радуются, и Ляля с ними, а я мучусь. Ляля предлагает ходить со мной по воздуху (с 9 до 12 ночи). Но разве я допущу, чтобы она лишилась радости из-за меня.

— Милый мой, но если ты готов переносить ночное одинокое собачье мыканье из-за того, чтобы [не] лишить удовольствия свою Лялю, то почему же ты не хочешь понять, что среди всех всюду находится чья-нибудь Ляля, и ты ради нее должен (Надо) принести в жертву твой день отдыха (твое Хочется).

NB. Все правильно, только оказалось на деле, что фильм был очень пошлый и весь коллектив от него также страдал, как я, и все мучились, принося свой день отдыха в жертву несуществующему в действительности коллективу и несуществующей какой-то «Ляле».

Россия в борьбе с Германией доказала силу своего русского естественного немеханизированного, как в Германии, коллектива. Конечно, победа могла бы и не произойти. Но несомненно, что если русский солдат позволяет себя вести лейтенанту лишь потому, что тот лучше и больше понимает, чем он сам, то это выше, чем если он, как немец, позволит себя вести только потому, что ведущий есть лейтенант (чин).

В русском коллективе нет, как в немецком, культуры бараньего начала, самодействующие формы чинопочитания еще не успели овладеть народом. И в этом смысле наш общественный строй есть действительно демократический. Наше народно-личное начало, это Хочется, подчиняется общественному Надо в силу сознания его превосходства, наше личное Хочется, приняв Надо, как смерть личного, воскресает в Хочется всего коллектива.

Скажут — это есть оправдание рабства. Но спрошу, с какой точки зрения. Если с точки зрения германского механизированного благополучия... Но благополучие — временное равновесие [и] не может быть моральным критерием. Это благополучие не может стать гарантией мира (или может?). Если же не может, то я предпочту наше «рабство», которое имеет назначение действовать против истоков войны.

Итак, наш простой человек останавливает перед Надо свое Хочется только потому, что в этом Надо понимает Хочется всего человека. Так действуют живые народные организации, как сельскохозяйственные артели взаимопомощи (как всякая работа «за водку», как разбойничьи шайки и т. п.). Вот эту силу живого коллектива мы и вложим в строительство канала, изобразив его в соподчинении русского Надо и Хочется.

Вчера говорю Ляле: — Думаю, ты любишь меня больше матери. И вот почему: без матери ты можешь жить сколько угодно, не скучая, а без меня тебе будет сразу же скучно. — Это значит, — ответила Ляля, — что мать я просто люблю, а тебя люблю и для себя. Не понимаю, — сказал я, — не понимаю любовь не для себя. Вот я все люблю только для себя и не каюсь: от моей этой любви всем делается лучше. — И не кайся, потому что тебе так дано, ты родился счастливым. Я тоже родилась счастливой, но мне выпало на долю столько мучений, что любить для себя я больше уже не могла до тебя.

Вероятней всего эта любовь не для себя питается жалостью и сопутствующим ей страхом утраты основ, общих всем хорошим людям (совесть). Из этого нравственного болота и вытекает... любовь Магдалины ко Христу, а так же и образуется нравственная тирания тех, кто подменяет Христа. Впрочем, и любовь для себя, как я ее понимаю, тоже питается тиранией собственников, которых называют язычниками.

27 Марта. Начинается золотой день.

Кипяток вскипел. Вилка вытянута из штепселя. Огненная печь потускнела и стала серым... металлом. Но пусть! То, для чего существует электрическая печь и чем она живет — энергия, бессмертна: вот дымится крутой кипяток и боги встают (садятся за чай).

Наливаю кипяток и развожу мыло.

— Ты что это? — Собираюсь бриться. — Сам? — Сам. — Зачем тебе самому, внизу парикмахер, спустись, он тебя обреет. — Извини, дорогая, мне хочется самому.

И так я бреюсь сам, и мне действительно приятно, что я это делаю сам, и мне хотелось бы так во всем быть: все своими руками, все своей головой — во всем, везде сам и сам.

А есть люди, и их так много, что везде и во всем ищут, как бы самому не тратиться и получать готовое. Понимаю, как это приятно и как это даже необходимо для всех. Самому для себя сохраняться и принимать для себя работу других. В этом политэкономия: производитель и потреби-

тель. То и другое необходимо. Но почему- то меня тянет первое: везде и во всем, чтобы я сам.

Сегодня 27-е, до Благовещения 7 апреля 10 дней.

Сверху снег и снег, но от лучей солнца капельки невидимо проникают вниз к месту соприкосновения веточки со снегом. Эта водица подмывает, снег с еловой лапки падает на другую. Капельки, падая с лапки на лапку, тоже шевелят [веточки], и вся елка от снега и капель как живая, волнуясь, шевелится, сияет. Особенно хорошо смотреть сзади против солнца.

Жаворонкам время, но сесть некуда, везде снег, ни одной проталинки. И каждый день снегу еще прибывает. А выпадет светлый день, как сегодня, с утра хватит мороз градусов в 10 и тепло от солнца, только чтобы с ним покончить. Река до того бела, до того вся под снегом, что узнаешь берега только по кустикам. Но тропинка через реку вьется заметная, и потому только, что днем, когда под снегом хлюпало, проходил человек, в следы его набежала вода, застыла — и теперь это издали заметно, а идти колко и хрустко.

В серые дни в полдень, когда теплело, на елках от тающего на лапках нарастали сосульки изо дня в день. Сегодня на солнце они все закапали, а потом и загремели вниз вместе с питающим их на лапке маленьким ледником.

Мы живем с Лялей так дружно, что нам самим кажется, будто это только у нас или что, во всяком случае, этим можно гордиться. Сегодня я во время вливания не утерпел похвалиться Фриде своей Лялей. На это она почти удивленно сказала: — Но ведь вы же ей муж, как же можно не любить женщине своего мужа. — Но ведь... — я внимательно поглядел на нее, и она поняла и ответила: — Это, значит, не муж, если не любовь, значит, не муж. — Так вот ей не пришлось, но это ничуть не поколебало ее убеждения в

наличии у всякой женщины естественного богатства любви к мужу, и что у нее нет — это ничего не значит. Оттогото все еврейки неотрывные жены и хозяйки. Перед ними надо хвалиться русской женщиной не в том, что она мужа любит, а что захочет — и может обойтись и без мужа.

Кончился день у директора, я зашел отдать газеты и впал в разговор часа на два. Узнав об этом, Ляля обрушилась на меня за самоопустошение. Это отчасти верно — выгоды тут нет никакой! Но я думаю, что она не права, называя это просто «болтовней». Во время болтовни я, во-первых, сам о чем-то догадываюсь, во-вторых, люди, ответно увлекаясь, часто открываются. Это мой прием полезного общения, недешево мне стоящий самому, — иногда опустошающий, иногда бывало, опасный, особенно со стороны. Делаю вывод: надо больше самому контролировать эти выступления, чтобы они не перешли потом в старческую болтовню (если уже не перешли), с другой [стороны], никак не замыкаться важностью и не пытаться переделать себя, как хочется Ляле, в епископа или генерала.

28 Марта. Утром рано закрывались солнечные просветы, и образовалось утро серое с ветерком.

В воскресенье 31-го, если придет машина, поеду в Москву по всем делам, чтобы потом неотрывно сидеть. Тяжело пропустить Пасху (не в смысле похристосоваться и поесть), я просто не знаю, возможно ли это сделать без ущерба самому себе, если иметь в виду Лялю. Надо подумать.

Вчера, когда я сказал «цензура», директор поправил: у нас нет цензуры. — Как? — Так, если как вы сами говорите, «президент»* советуется с писателем о его работе, то какая же это цензура? — Хорошо, — ответил я, — дело не в слове, если не цензура, то есть нечто худшее, чем

* «Президент» — имеется в виду Сталин и его личное влияние на развитие литературного процесса в СССР .

цензура... есть самодействующий механизм запрета всего нового в области нравственного осознания жизни, есть организация косности, против которой бессильно правительство, баюкающее себя тем, что у нас нет цензуры, облизывающее сладкие слюнки над тем, что «президент» советуется с писателем в то время, как сам «президент» ничего не может против того, что встает вместо цензуры. Что вы скажете, если старый писатель встречает невероятные трудности при печатании своих новых вещей, то какие же препятствия встречает молодой? — А это правда.

29 Марта. Серое утро, вчера напряженное, принесло опять снегопад. Но и серым днем, без помощи солнца, был побежден мороз далеко до полудня. Снег стал мельчать и дошел до того, что только очень приглядевшись, можно было понять — снег это или дождь. А к вечеру моросил уже настоящий дождь.

И ночь прошла, и утро пришло без мороза.

Выразительно потемнели деревья и, омытые первым весенним дождем, запахли корой.

Ляля вчера упрекнула меня в лени: — Ты не пишешь, а только мудришь в своих дневниках. Раньше без меня ты писал от тоски, теперь я тебя избаловала: тебе хорошо, ты и не пишешь.

Меня это очень задело.

Привиделся сон, будто в большом каком-то соборе я после обедни подошел к великому старцу — священнику и, приложившись ко кресту, сказал ему: «Благословите, отец Александр, на подвиг, хочу с этого разу начать новую жизнь». На эти мои слова о. Александр ответил: «Куда тебе на подвиг: после 70 лет мы вас таких не благословляем на подвиг. Куда тебе!» И сел, недовольный, на скамеечку.

Слава Богу! Хороший сон. Крепко берусь за работу и, если надо будет, пожертвую Пасхой. А Ляля за меня постоит и оправдает.

К полудню погода разгулялась, и образовались в первый раз за весну громадные роскошные кучевые летние облака. К вечеру стало вовсе безоблачно, но потянуло на мороз. Заря погасла очень медленно, и деревья сильно пахли корой.

30 Марта. Безоблачное утро с легким морозом. Павлик Хамов (муж Вали Майоровой), коммунист, продал в Переславле дом и хочет купить новый поближе к Москве. С другой стороны, ему предлагают быть в Смоленске директором завода. Колебания: по жене — надо купить дом и сидеть, по партии — администрировать. Если по партии — будут гонять, этого он и боится. Долго я думал, почему коммунистов гоняют. Теперь понимаю.

Под влиянием сна вчера написал целую новую 7-ю главу. И так хочу дальше, не засиживаясь, вперед и вперед, как перегоняют администратора, иначе выйдет [как] у Горького его жвачка «Клим Самгин». Надо спасаться, если только еще не поздно.

31 Марта. Вчера от солнца снег так размяк и в колдобинках на автомобильной дороге столько набралось воды, что Ляля в валенках промочила ноги. В лесу на южной опушке показались возле деревьев проталинки. К вечеру стало холоднеть. Сегодня утром рано сильная метель, но на небе не сплошные облака и постепенно синеет. Какое небо стало ярко-голубое, особенно хороша эта бирюза в лесных просветах.

Вчера с плотником Вас. Ив. осматривал оба дома, маленький — 40 тыс. — оказался хорошим. А большой дом очень соблазнительный. Сегодня Ляля едет в Москву уговаривать каких-то старушек продать нам его. Я же должен съездить в Голицыно к хозяину маленького, просить его не продавать.

С этого дня решил писать дневник точный, без малейших уклонений в болтовню. И еще буду больше следить за

своей головой: писать в меру, не напрягаясь. Вместе с тем, надо постоянно думать и о профилактике головы: не «творить», как я это люблю, на людях (удерживаться словами: «во всякое время, во всяком месте»).

Николай Иванович Таллинг, директ. з-да «Металлист» (вчера с забора хлопнули по лицу комком снега, пошел пожаловаться и познакомились).

Иван Осипович Панфилов, ст. мастер завода ЭМЗ* в Голицыне, хозяин маленького домика.

День прошел в чередовании сильной холодной метели и солнечных просияний. Ваня привез Катерину Ник. с Жулькой. В призме хозяйства Кати Мария Васильевна оказалась золотым человеком (так я это и знал про себя). — А как Наталья Аркадьевна? — спросил я (без Ляли). — Ничего, — ответила она, — вы сами знаете, какая она: вовсе не понимает времени, живет на всем готовом и привередничает. Но я смотрю на нее, как на больную. — Трудно это? — Очень. Вот как: раньше я целый день на службе была, теперь я на всем готовом и мне тяжело.

Боже мой! Значит, как же трудно Ляле-то! С мученицей живу и... не хочу этого знать. И, узнав, не могу отделаться от неприязни: это не по силам мне (но надо быть сильным).

После вечернего чая Ляля уехала в Москву узнавать о большом доме, а я завтра пойду узнавать о малом. Желаю больше малого, потому что в большом будет трудно.

За ужином за мой столик вместо Ляли сели две девушки, сербка Драга и ей подобная русская. — Почему в ваших книгах задушевность? Вы так человека любите? — спрашивает девушка. — Нет, — ответил я, — люблю не человека, а язык, я держусь близости речи, а кто близок к речи, тот близок к душе человека.

---

* ЭМЗ — электро-машиностроительный завод.

1 Апреля. Утро ясное, мороз –10. Вскоре стало как вчера: снежная метель и вдруг солнце и громады летних облаков. Ездил после завтрака в Голицыно поездом. Переговорил с Иваном Осип. Панфиловым о том, что он, имея в виду меня, подождет неделю, не будет продавать. На обратном пути на ст. Звенигород привязалась женщина-инженер, разговорились. Признали за высшее счастье личную свободу. Трудно это, сказала она, и не всякий может. Что трудно, ответил я, с этим согласен, а что не всякий может — нет! Всякий может, но всякий сознает необходимость, борясь за свободу. Трудно это — и не хотят расщепить оболочку своего атома свободы.

(Про себя подумал, что как бы просто было сказать: Христос указал нам этот путь, но миссия нашего времени сказать об этом иными словами.)

Сторожем в «Академию» поступил старичок из Салькова Александр Романович, это пчеловод и мичуринец (тип, возникший в период революции: любительство получило научную основу).

Душа воды — облака. Сила тяготения заставляет облаками воду падать на землю: слияние и падение есть одно и то же. Слияние капель и падение создают из свободных облаков рабочую, и коварную и прекрасную стихию воды. И та же вода рабочая под лучами солнца (Жених земли) получает освобождение и вознесение в рай (на небо), где снова происходит слияние и падение. Облака — это коллектив пузырьков — неслиянных: это по-нашему собор. Вода — это слияние и сила воды — это сила слияния, бессознательная, имеющая назначение. Удивительно, что эта аналогия с человеческой жизнью выражается в св. крещении: крестятся, т. е. принимают на себя долг христианина водой, стихией, имеющей трудовое назначение. (Положение Зуйка в 3-й части книги надо понимать как крещение.)

2 Апреля. Это все делает северный ветер: холодище ужасный. Бедные грачи жмутся к полотну ж. д.: единственное

место, где можно ходить по земле и на что-то надеяться в добывании пищи.

Вчера вечером угощал халвой Елену Васильевну и Ольгу Ильиничну. Объяснил им, что дом покупаю не так для себя, как чтобы отвлечь Валерию Дмитриевну от матери. — О, Боже мой, — воскликнула Ольга Ильинична, — ведь это первый легкий паралич, и в таком положении она может быть годы и годы! И обе очень одобрили мой план отвлечения Ляли. — Вам не 18 лет, вы можете требовать себе и с нравственной точки зрения свободы для возможности работать. А тем самым вы будете делать и для Валерии Дмитриевны. Пусть это компромисс, но это единственный выход.

Итак, надо быть определенно твердым и помнить, что не теща сама по себе тяжела мне (теперь она меня совсем не касается), а тяжело переносить разрушение Ляли. Я должен ее отвлекать. Так поговорил с женщинами по душам. — С вами легко, — сказали они, — будто вы тоже женщина. — Конечно, — ответил я, — ведь я тоже рожаю.

Чудом можно считать материальное воплощение наших чаяний душевных, по общему мнению, невозможных (таково зачатие бессеменное). А сейчас, в наше крепостное время свобода делать что хочется — кажется чудом. И те, кто это может делать, являются тайными вождями народа. То, что я могу писать свои сказки, — есть чудо. Все, что затрудняет мою работу, — необходимо, так как иначе не было бы и чуда. И вот только дал бы Бог с этим чудом в душе умереть, а не сдать его в руки смерти. (В этом чуде, в этом рождении личности и будет победа Зуйка.)

Вчера ехал со мной в вагоне лесник Доронин, который в дилемме большой дом или маленький открыл третью возможность: купить дом тети Кати с обязательством ее саму взять навсегда (докормить и похоронить).

Метель в поле страшная, наст, однако в лесу от собаки не проваливается. Сквозь метель Жулька увидела летящую

птичку и со всех ног во все легкие бросилась за ней по насту. Она догнала, схватила, но это не птичка была, а старый желтый сухой дубовый лист. Но ничего! вот другой летит — и она уже не бежит за ним. Так и мы тоже за мечтой своей, за птичкой, а потом научаемся тоже мечтой своей управлять и свою птичку не смешивать с каким-нибудь листиком.

Как все затихает, когда удаляешься в лес, и вот, наконец, солнце на защищенной от ветра полянке посылает лучи, размягчая снег. А вокруг березки полосатые и каштановые, и сквозь них новое чисто бирюзовое небо, и по небу голубому проносятся белые прозрачные облачка, одно за другим, будто кто-то курит, стараясь пускать дым колечками, и у него колечки все не удаются.

3 Апреля. Утро началось глухой метелью. Но если ветер переменится (весну задерживает сев. ветер), это к добру.

За своих врагов молиться не всякому можно, и я не знаю таких молитв. Но как же оставаться без такой молитвы, если сказано: люби врагов своих? Так вот и молюсь я за врагов своих, как за друзей, только далеких, которые делают нам добро через неприятное, которые вообще не знают, что творят.

Сегодня жду возвращения Ляли из Москвы: помолиться наверно захочется ей и задержится, но встречать пойду. И сам я через Лялю чувствую некоторую неловкость в отдалении себя. Вообще Ляля для меня есть «живая церковь».

Вычитал в «Британском союзнике», что по нашему примеру там тоже стали выпускать дешевые книги громадными тиражами. Среди этих книг Б. Шоу: «Спутник интеллигентной женщины по социализму и капитализму, советизму и фашизму». Значит, англичане стали большевизм называть «советизмом».

Весь день была та же борьба в природе, то снежная метель, то солнце, и такая метель, что даже лесные дорожки

на полянках перемело. Вечером стало стихать и заря была спокойная, бледно-розовая. непрерывная в нижнем кругу и поверх голубыми обрывками и стрелками.

Приехала Л. из Москвы измученная, расстроенная тысячами дел, которые так любят на нее наваливаться. Дачу продадут нам за 60 тыс. плюс сюда ремонт, всего 100. Но главное не в этом...

Друг мой, кто бы ты ни был, далекий или близкий, и ты сам неведомый, живущий в глубине моей собственной души, призываю вас всех помочь мне, дайте мне совет. У меня есть два личных желания, необходимых, как мне кажется, для воплощения творчества, первое — своя непроницаемая для звуков хозяйственной жизни комната с ключом и друг мой Ляля, но целиком, без забот о больной матери. И возможность в любое время жить и работать в природе. Кажется, что для этого надо купить дачу, посадить к теще надежного человека — и все.

Помнить, какую бы выгоду не представляла дача — пусть 500 тыс. за 100, она свяжет меня по рукам и ногам, принесет невозможную суету, и после всего окажется, что речка эта мелка, в лесах мало дичи, что вот там-то где-то куда лучше...

Михаил! послушай наш совет: будь только посетителем и не вяжись ты ни с каким имуществом. Впрочем, посоветуйся с какой-нибудь чужой умной женщиной, вроде Донатовны, а потом откройся Ляле. И так-то она обрадуется!

4 Апреля. Ветер стал повертываться к западу, но небо прежнее с утра и снегопад. В обед стало яснеть, теплеть, снег мякнуть и вечер образовался теплый апрельский «с глазком» (солнце через кусты).

Алекс. Ром. Романов, пчеловод, предложил мне бросить попытки купить дачу, а к его домику пристроить трехстенку и заняться с ним пчелами.

— Жена моя, молодая женщина, ей 42 года, будет ухаживать за вами.

— Сорок два! — сказал я, — а вам?

— Шестьдесят семь.

— Как же так вышло? — А так вышло: старая жена подавилась косточкой и померла. Необходима хозяйка, я ее и взял.

Все стало понятно. А когда пришла Ляля, разговор возобновился о том, что жена у него молодая, что живут они с ней прекрасно. До того, говорит, ладная женщина, что когда старая жена приезжает — эта с ней обходится хорошо.

— Старая жена! а вы же говорили, что старая жена у вас подавилась косточкой.

— Совершенно верно, а это первая моя жена, самая старая...

— Сколько же их всех?

— Только три.

Троеженец. Безбожник («Бога попы выдумали»). Тронутая параличом правая нога и рука. Обиженный: при царе был революционером, а пришла революция — его раскулачили. Слухи, что и сейчас богат. Возбужденный (ночи не спит), встревоженный. Людей называет по имени и отчеству без фамилии из уважения к ним. — Бывало, Николай Николаевич или Александр Александрович... — Какой Александр Александрович? — Ну как же вы не знаете — Чумаков Александр Александрович. Всем предлагает войти с ним в пай и развести пчел. Соблазнял еврея: дайте денег, я буду работать, а вы в Москве мед есть.

Вечером опять вернулись к даче. На совещании у директора выяснилось, что дачу покупать надо, но не за 55 тыс., а за 45. Еду завтра в Москву с намерением или купить за 45, или отказаться.

5 Апреля. Зорька нежнее щечки младенца и в тишине, слышится, падает и тукает редко и мерно капля на балконе... Из глубины души встает и выходит восхищенный человек с приветствием пролетающей птичке: «Здравствуй, дорогая». И она ему отвечает. Она всех приветствует, но понимает приветствие птички только человек восхищенный.

В этот день всюду стала выступать вода, этим днем началась весна воды.

После завтрака с директором осматривали дачу. Встретился председатель сельсовета. Возник вопрос о правах владельцев (владельцы не вводились во владение).

В 5 в. поехал на директорской машине в Москву. И будто с севера ехал на юг: снег на полях все мелел, мелел, потом обратился в лед и под Москвою бежали последние ручьи.

Весна воды пришла за 4 дня до Благовещения (не доездили).

Мои дела: 1) Разговор о даче с Таней (сегодня или завтра утром). 2) Завтра: приготовить ружья и сходить в охотничий магазин. 3) Кремлевка — за глюкозой. 4) Детиздат. 5) Чагин. 6) Книги приготовить. 7) Ваня. 8) Лимит.

Переговорил с Т.С. Николаевой, завтра будет ответ, положительный — хорошо, нет — гора с плеч.

6 Апреля. Теплая ночь, безоблачное утро. Приехал вчера в Москву, будто в Крым перевалил на Южный берег или Пасху устроили вдруг. И вообще, развязка весны была без всякого толчка и только уж глазами увидели: мы едем!

Как мы из глубоких снегов выехали на шоссе и на полях снега были потоньше, но все еще без проталин: и мало-помалу показывались проталины больше и больше, и наконец, поля покрывала лишь тонкая ледяная корочка, а из Москвы неслись навстречу нам ручьи.

Ваня ехать отказался. Обещает переменить мотор, если будет разрешение от Косенкова (Антон Федотыч, отдыхает в МК). Получил лимитную книжку на бензин. Купил 100 патронов на Неглинной. Поднял Детиздат на деньги для дачи. Сложили аванс под ненаписанную книгу в 20 лист. плюс аванс за редакцию сказок, плюс за «Лисичкин хлеб»,

плюс за маленькие книжки и всего набралось 25 тыс., а нужно 60. Заглянул в ГИЗ. Знакомство с директором, «Главизной»*. Приятная встреча от директора: — Ваша марка после войны поднимается. Наскребли за «Избранное» 30 тыс. плюс, оказалось, Воениздат издает тоже массовым тиражом — 20 т. сейчас плюс 70 тыс. за лето! Плюс Чагин дает сейчас 15 т. и после еще столько же. Победа. Но пустил в ход все средства болтовни. Особенно всем понравилось, как самая современная мысль, что женщина возвращается в дом. — Она была в длинной юбке, а когда вошла в революцию — оголилась. Теперь опять юбки длиннеют. Но все-таки женщина возвращается домой в более короткой юбке, чем раньше была.

Так все прекрасно сложилось, но вечером пришла Татьяна Сергеевна с отказом на мои условия (40 тыс. плюс Пушкино) и сказала, что старуха требует 50. Задаток вернули. Гора с плеч. Откладываю до возвращения Ляли в Москву. Если до тех пор не продадут, то вероятно согласимся на 45. А впрочем, видно будет...

На Красной площади подошел ко мне довольно прилично одетый гражданин сред. лет, снял шапку: — Разрешите вас спросить? — Пожалуйста! — Слово «гнусность» пишется через «тэ»? — Нет, конечно, без «тэ». — Очень вам благодарен. Еще обращаюсь к вам с просьбой — дайте мне рубль. У меня было только десять. Вот возьмите десять, — сказал я, — это вам за ***«гнустность»***. — Ничего, — ответил он, — кроме такого великодушия, я от вас не ожидал.

7 Апреля. У Жульки (11 мес.) началась течка.

Благовещение.

Ветер повернулся с севера, подстыло, натянуло тучи, повалил валом снег, и пока мы ехали из Москвы домой, мокрый валил, слепил машину. Всюду прорывалась вода, но

---

* ГИЗ, «Главизна» — (*устар.*) глава, голова; в данном случае речь идет о Ф.М. Головенченко, директоре ОГИЗ, Государственного издательства художественной литературы.

снег закрывал на глазах все проталины. Во второй половине дня метель кончилась, явилось солнце и к вечеру стало морозить. Так образовался чудесный тихий весенний вечер, каждая звездочка показывалась своим собственным лицом, как на картине или в рамке: одна-единственная звезда и ее окружение: всякие звезды, чающие жениха березки, река измененная, потемневшая среди белых берегов. Когда же четко и ясно определился молодой месяц с дополнительным кругом, первенство от звезды перешло к нему.

Сделка с Чагиным у Шахновского, питались водкой и анекдотами.

Кончился Поликарпов (его поймали на самодурстве: запретил хороший рассказ Пановой, а «Знамя» взяло и напечатало). Позвали куда следует и Поликарпов кончил свою литературную карьеру подобно «лит. руководу» (Мишке). Чагин понял его как «шкраба». — А Головенченка? — Тоже «шкраб». Принять к сведению, что судьба и Поликарпова и Головенченко по слухам давно уже предрешена в силу того, что эти шкрабы, запоздавшие коммунисты, не понимают времени: время теперь компромиссов, зализывания ран, рассасывания нарывов. Они же, шкрабы, сами того не зная, выступают не на волне революционного подъема, а на волнах административного восторга. И вообще, от великого человека до Поликарпова один только шаг.

Самая характерная черта нашего времени, что женщина возвращается домой. Но вы, старые маркизы, не радуйтесь: она возвращается с таким опытом, какой вам и не снился. Вечная память вам, стриженые девицы, синие чулки, отдающие счастье свое на благо будущей женщины.

8 Апреля. Утро ясное, как золотое стеклышко. Зяблик запел. С утра было десять гр. мороза, потом солнце разогрело, но все-таки таяние умеренное. Забереги все растут,

и уже видно, что лед лежит на воде и незаметно для глаза поднимается. Тетя Катя сказала, что вот как вода дойдет вон до того уступчика, начнется ледоход. В лесах еще полно зернистого снега, но в полях сорочье царство (памяти С.А. Клычкова), все пестро: белое — снег, черное — пар, желтое — жнивье.

На деревьях в Дунине скворцы (дня четыре уже прилетели) и прилетели маленькие птички чечетки, во множестве сидят и все поют. Мы ищем, где бы нам свить гнездо (дачу купить), и так всерьез, так, кажется, вправду, и в то же время где-то думаешь тайно в себе: я всю жизнь ищу, где бы свить гнездо, каждую весну покупаю где-нибудь дом, а весна проходит, и птицы сядут на яйца и сказка исчезает.

Так, может, и у всех самцов в природе: сказка или песня господствует до тех пор, пока не выйдет срок и начнется царство правды, тогда господствуют самки, сидят, трудятся, выводят детей, кормят, поят, оберегают от хищников. Бывает, еще поют запоздалые синицы, бывают и люди такие, еще живут сказками, когда правда уже всем режет глаза.

Правда и сказка — вот тема всей моей жизни, и это будет главным планом в «Канале», и это есть моя жизнь.

9 Апреля. Ночь прошла в тепле. Пришло серое утро, и начался первый весенний решающий дождь. Вчера вода пришла на зимовки насекомых, и выползли массами из воды на снег козявки — одни были крылатые, и их перепончатые крылья закрывали все их тельце, длиной побольше сантиметра; у других были только зачатки крыльев, и они торчали пелериночкой, а тело их было винтиком, и в конце винтика хвостик в виде острого шильца. Вся масса ползала по снегу вверх к лесу, и те, что с пелеринкой, и крылатые. Некоторым из крылатых, немногим удавалось с воды подняться на воздух, и эти счастливцы летели, минуя снег, прямо на лесные проталинки. Это было как буд-

то «Израиль вышел». Сегодня утром весь снег был усеян трупиками умершего или обмершего «израиля». Но без сомнения многим удалось и спастись, и Мертвое море Израиль перешел.

Вчера мы услышали песенку, поглядели вверх на дерево, а там поползень, это деловая вечно занятая птичка, сидел на сучке неподвижно и пел.

Да! Подумать только — поползень пел!

Сегодня поползень на том же сучке сидел с небольшим сухим сучком в носу: вчера пел, а сегодня уже вьет гнездо. Но я был счастлив, что заметил вчера его песенку. Значит, подумал я, и Галина Донатовна тоже когда-нибудь пела. И может быть, даже сама правда жизни, наша суровая ужасная правда Ленина и Сталина таит в себе песенку или сказку, и рассказать или спеть ее жребий падет на меня.

Несколько дней тому назад в Дунине Жулька бросилась на белую утку. Мы успели поймать Жульку, и утки она не коснулась. Вчера из этого домика, где была возня с уткой, вышел молодой человек на костылях с безумно вытаращенными глазами и начал безобразно орать на нас, обещая застрелить собаку. — Ваша утка жива и здорова, а за собаку вы ответите, — спокойно ответила Ляля. И после мне говорит: — Я удивляюсь, как ты смолчал, это так на тебя не похоже. — Это было мое большое достижение, — ответил я, — приходит, наконец, время, когда я вообще овладеваю собой.

(«Учитесь властвовать собою».)

До вчера из-под сплошных слившихся серых туч лил дождик. На закате, предшествуя солнцу, очистилась неширокая круговая полоса. Край тучи был огненный, полоса нежно-зеленого цвета. Когда солнце перешло вниз эту полосу и село, огненный край тучи стал разрываться, и мало-помалу все небо очистилось, и засияли звезды.

10 Апреля. Слегка подморозило. Ветер юго-восточный. Небо в голубых просветах. Утро неопределенное, потом солнце пришло — температура градусов +5 и ветер с юга, а не тепло. Вероятно, мы уже привыкли к теплу и проявляем большие требования. Вода в реке сильно прибывает. Была небольшая передвижка льда. Поют все ручьи. В полдень видел русскую картину: река со взломанным беспорядочным льдом, широкие забереги, кучевые небольшие частые и спокойные облака, в бесконечность уходящие, и там далеко уцелевшая от погромов церковь. К вечеру небо стало темным, но под конец солнце вырвалось неопределенной формы огнем и на реке темнеющей показались розовые льдинки (торчки), и сосна в таком свете выступала из темного бора. Мы шли, оглядываясь на солнце, вдоль берега к Дунину.

Днем ездили в санаторий МК к Косенкову Антону Федоровичу. Нашли его, и он охотно подписал бумажку на смену мотора. При входе в Шереметьевский дворец (времена Павла I) встретил меня восторженный читатель, который решил встретить весну «по Пришвину». Вот и в Госиздате тоже сказали, что после войны мои шансы поднялись. Дорого то, что это свидетельствует о каком-то моем деятельном участии в творчестве мира (правда — это только еще борьба или война за любовь, но сказка — это любовь сама).

Сегодня утром, чуть взглянув на рукопись, вдруг понял, как просто можно подойти вплотную к действию, поручив рассказать кому-то на одной страничке о двух годах строительства канала. Это еще раз наглядно представило мне творчество, как борьбу с определенным местом и временем за «некоторое» место, за «некоторое» время («в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе»). Вот почему среди всякого рода художников столько людей легкомысленных и глупых и почему может быть «дуракам счастье», почему Иванушку называют «дурачком»: легкомыс-

ленным людям легче всего перейти из определенного времени и места в «некоторое»! Вот почему из определенного времени и места в «некоторое». Вот почему и среди легкомысленных счастливцев так редки великие души, соединяющие в себе счастье Моцарта с трудолюбием Сальери.

11 Апреля. Утром подморозило, потом отпустило и повалил надолго валом снег. Река за ночь тронулась и лед прошел. Узенькая река Москва стала могучей.

Вопрос решен. Лед идет, и между собою шепчутся льдины. Вопрос решен, вопрос решен.

В хвойном лесу снег подтаивая убрался и глубоко только местами. Южные опушки все живут, северные — в глубоком снегу. Все утро и до полдня бродил с Лялей в метели, доходились до солнца.

О даче так складывается у нас, что будем все делать, чтобы купить, но если нельзя купить — не судьба и, значит, к лучшему.

К вечеру стало морозить, луна вышла, хрустело под ногами. Так и шел я берегом реки, под ногами хрустела колкая правда жизни, сверху на воду лились мягкие волны любви, ручей где-то глубоко под снегом журчал о таинственных недрах жизни, где любовь встречается с правдой.

12 Апреля. Утренний мороз и открытое на все небо солнце.

Вторые сутки идет лед.

Вопрос решен.

И ответно шепчутся льдины между собой: решен, решен.

Какой вопрос и как решен?

— Решен, решен!

Река пошла.

Вместе со льдинами какое-то мгновение проходит... ухватился бы...

Наши художники пишут с утра до ночи, и все им мало, и никогда не насытятся, и никогда не поймать им мгновенье. Если бы удалось — стал бы бессмертным, потому что это мгновенье бессмертно.

Доверяться нельзя: это — слепое доверие, что-то между глупостью и преступлением, но верить необходимо...

— Есть в составе чувства любви какое-то начало, переступающее через чувство жалости, как назвать его, Ляля, как?

— Мне кажется, это чувство ценности самой личности человека.

— Не совсем ясно, только оно несомненно есть.

Например, это есть в словах Ленина о том, что человек должен к социализму перешагнуть через свое отечество, что сын должен принести в жертву отца, а отец, как Авраам, сына. Беседа наша привела к мысли моей о том, что правда есть борьба за любовь, что взяв иную аналогию, можно сказать: выход Израиля есть правда, как начало борьбы за Палестину, но в Палестину (любовь) пришли уже не те, кто начал борьбу за любовь (Палестину).

И вот хорошо бы мне так сделать, что в лице Сутулова будет дан образ русского революционера, имеющий идеал всего человека (Интернационал), а Зуек после всего приходит в Палестину.

Эту мысль о разрыве процесса любви на делание (правду) и на радость достижения (что в Палестину приходят не те, кто вышел из Египта) надо, если возможно, показать в процессе весны.

13 Апреля. Ночь перестояла на теплых градусах. Но с утра идет на ветру крупа и снег. Воды в реке убавилось, и много. Ляля уехала в Москву. Мечтаю за эту рабочую неделю «продрать» «Канал» до уверенности в том, что вещь будет создана.

Затор льда в Дунине прорвало, и от этого вода сильно спала. На берегах остался лед, часто льдина одна верхом на другой, как лягушки зеленые.

Чем краше день, тем настойчивей вызывает и дразнит нас природа: день-то хорош, а ты как? И все отзываются, кто как. Счастливей всех в этом художники.

(На этом мотиве можно описать всех в доме отдыха, как материал к «Жениху».)

Маленькая льдина, белая сверху, зеленая по взлому, плыла быстро, и на ней плыла чайка. Пока я в гору взбирался, она стала бог знает где, там вдали, где виднеется белая церковь в кудрявых облаках под сорочьим царством черного и белого.

Большая вода выходит из своих берегов и далеко разливается. Но и малый ручей спешит к большой воде и достигает даже и океана. Только стоячая вода остается для себя стоять, тухнет и зеленеет.

Так и любовь у людей: большая обнимает весь мир, от нее всем хорошо. И есть любовь простая, семейная, ручейками бежит в ту же прекрасную сторону. И есть любовь только для себя, и в ней человек тоже как стоячая вода.

Малые темные льдинки проходят по освобожденной воде, как, бывает, у нас при созерцании великих творений проходят мелкие мысленки: слышишь ушами великую симфонию, и тут же совсем не к месту спешат эти мысленки.

Ходил долго в лесу, слушая ручьи... Бегут сдержанно. Часто видишь замерзшую ледяную поверхность и из нее бубнит ручеек. Слышал витютня. Появляются проталины. Южные опушки везде потемнели и хорошо живут. В ближайший теплый вечер можно постоять вечером на тяге, послушать хотя бы дроздов.

14 Апреля. (Вербное воскресенье.)

Мороз –5. Безоблачно. Река еще спала, и похоже, что тем все и кончится: будет спадать, пока не войдет в свои берега. Весна вышла недружная, но нельзя сказать и что затяжная, середина на половине.

Очень холодно, северо-западный ветер, солнце и не тает. В лесу снег. Видел коршуна. Из нескольких муравейников только один выслал пятнышко живых муравьев на разведку. На другом муравейнике, неподалеку от этого, я сидел как зимой. В иных местах в лесу снегу по пояс, и то провалится, а то ничего. Вот кто-то след проломил. Пробую выбраться по этому следу и думаю с опаской: выведет ли он меня на дорогу?

Случается, пролезет один какой-нибудь человек по глубокому снегу, и выйдет ему, что недаром трудился. По его следу пролезет другой с благодарностью, потом третий, четвертый, а там уже узнали о новой тропе, и так благодаря следу одного человека на всю зиму определилась дорога зимняя. Но бывает, пролез человек один, и так останется этот след, никто не пойдет больше по нем, и метель-поземок так заметет его, что никакого следа не останется. Такая всем нам доля на земле, и одинаково, бывает, трудимся, а счастье разное.

Такая сила весеннего солнца, что даже иной кирпич зеленеет!

15 Апреля. Ночью валил снег, все завалил и сейчас, в 7 утра, валит великой силой из-под северного ветра. Термометр на нуле.

Вечером вчера солнце освещало верхушки деревьев, а внизу темнело. И в то же время была полная луна на небе, готовая сменить солнечный свет. Вот погас последний солнечный луч. Художник положил кисть. — Чуть-чуть не кончил. — Что же вы теперь будете делать? — Придется ждать солнечного вечера: нужно одно только мгновенье. — Но такое мгновенье в природе не повторяется: пришло и прошло. — Конечно, ничего не повторяется, пришло и прошло. Но приходит подобное, и я вспомню неповторимое и удержу его.

Весь день несло снегом, а с крыш лилось, вечером показалось солнце, вышел на тягу и не достоял: ветрено, холодно и видно, что рано: в березах даже нет сока.

Вчера приезжал Нечаев (фольклорист), чтобы сговориться со мной о работе над сказками. Его не пустили в дом отдыха под тем предлогом, что постановлено гостей не пускать. Какой же он гость? Нечаев уехал разозленный. Этот случай вдруг открыл мне глаза на легкомыслие моей затеи с покупкой дачи в том расчете, что здесь будут кормить. А вдруг тоже так, постановит президиум не давать курсовок? И тогда сиди со своим домом в пустыне!

16 Апреля. Мороз с северным ветром, стыдь ужасная. Затяжка действия в ходе весны — самое неприятное.

Опять болит голова, опять пирамидон. Вот и дом отдыха! не в коня корм.

Мертвая погода.

Вчера я под вечер пошел проверить лес — нет ли надежды на тягу. Сзади меня близилось солнце к закату, и вдруг все стало меркнуть. Я оглянулся и увидел, что из-под низу солнце встречает темная туча, что быть сейчас проливному дождю или снегу. Я все равно шел вперед, будь что будет. Тучу пронесло вбок, явились кудрявые облака. Но подул холодный ветер, и всякая надежда на вальдшнепов исчезла. Я повернул назад, и тут все радостные надежды стали отлетать.

Возрожденная мысль о покупке и устройстве дачи представилась вздором: зачем наваливать на себя новые трудности? Как просто показалось вернуться в Пушкино, и оттуда ездить куда захочется на машине, например, в охотничий дом отдыха к Кирсану.

Утром я хотел даже дать телеграмму Ляле не покупать дом, но встретил Галину Донатовну и рассказал ей о своих колебаниях. — Бывают же такие иллюзии, — сказал я, — мне понравилось, что здесь Ляле не нужно думать о кухне, и я решил купить дом здесь, чтобы меня вечно кормили. А завтра президиум отменит курсовки. — Вам разрешат, — возразила она, — у нас откажут — пойдете в президиум, там откажут — к Вавилову. — А разве это приятно ходить? — Так не все же так будет? — Пока солнце взойдет,

роса глаза выест. — Ну, хорошо, а пока роса, поросенка откормите, вот вам и проблема питания разрешена.

Мало меня утешила «проблема питания», и я так решил: пусть Ляля купит — хорошо, а не купит — того лучше, а уж маленький дом покупать — ни в коем случае.

Начинаю подумывать, что и этот упадок духа, и головная боль явились под воздействием мертвой погоды и отъезда Ляли.

Личная жизнь.

— Как вы думаете, — спросил я Галину Донатовну, — вот к примеру Чагин, сколько знаю его, сколько лет слышу его анекдоты, стихи, выпиваю с ним рюмочку и не знаю, какой он внутри, есть у него что-нибудь за душой. — Есть, конечно, он любит литературу, он трудится день и ночь над книгами, и мы все знаем, что у него же нет ничего. — Подвижник? — Не скажу. — А как же иначе: личную жизнь он отдает. — Да ничего не отдает. Теперь личная жизнь понимается иначе. Раньше женщины все говорили о личной жизни, и мы знаем теперь, что это: это теперь разрушено, и личная жизнь женщины новой сливается с жизнью общественной. Так вот и Чагин: на том месте, где у прежнего человека была личная жизнь, — у него кукла* и кошки, а личная жизнь его в издательстве. Он ничем не жертвует из «личной» жизни. Ее просто теперь нет, и рынка и магазина такого нет, где находится личная жизнь.

Новая женщина.

После того мы разговорились о новой женщине, что новая женщина тоже общественница, а не домашняя хозяйка. А когда после того разговор перешел на ее Алика, на то, какой он хороший, как она его любит, я сказал: — Вот вам и личная жизнь, а у Чагина этого нет и любовь к книге у него — сублимация.

Общее впечатление от нее, что она говорит общие слова, как все коммунисты: твердые избитые слова. Но пусть!

* Имеется в виду жена Чагина.

«Сам человек» (личность) — это тайна, о которой нельзя никому говорить, потому что на очереди стоит «Весь-человек» (общее дело).

Перековка.

Чуть-чуть мелькнуло при разговоре с Фридой о слиянии людей, как выходе атомной энергии из оболочки: атомы исчезают, остается энергия. На это Фрида сказала, что [руководители] это понимают иначе. — Как понимают? — спросил я. И перебил ее рассказом своим о «всем человеке». — Сам человек не исчезает, -сказал я, — исчезает только оболочка его индивидуальности, а сам человек в существе своем и есть весь-человек. — Нет, сказал С[талин], мы не кузнецы и не можем перековать человека, но мы акушеры и можем только помогать родам всего-человека.

Еще мы говорили о том, что мужчина измельчал, что рушился тот «женский мир», куда он входил хозяином: теперь женщина заняла его место. Но есть область, где мужчина честно может бороться с женщиной: ведь вся эта техника, которой теперь занялась женщина, есть не что иное, как огромная кухня. В существе своем женщина ничем не изменилась, творчество останется за мужчиной. Возьмите повара... А разве вам не нравится наша повариха?

17 Апреля. Раннее утро, тихое и безоблачное. Но мороз и хруст. Дует слегка с запада.

Повторяю решение: если купит Ляля большой дом, запрягусь — буду отстраивать. Не купит того, маленький не куплю и буду держаться Пушкина и думать об Истре.

Как время-то! Давно ли я вспоминал романтику комсомольца XIX века. А теперь новые вспоминают романтику 20-х годов этого века, время Дзержинского!

И нужно сказать, что для меня новая романтика даром прошла, и вот это-то и разделяет меня с ними. А теперь...

План окрестности Дунина.

Вечер тихий и нехолодный, но вальдшнепов не было. Заря была звукоемкая.

18 Апреля. Раннее утро солнечное, тихое, пахнет легким морозцем. В лесу снега еще много, но весна вышла сухая из-за морозцев: вода постепенно всасывалась в землю.

Мысли в голове: 1) Сказать советскому человеку слова «личная жизнь» — и он или не поймет этого, или подумает о пережитках прошлого. Так вот, что это: вперед мы двинулись или назад к пчелам? 2) Война и мир. Война всегда общественна и противопоставлена личной жизни: личность жертвует собой для коллектива и вместе с личностью исчезает страх смерти: на людях и смерть красна. (Ваня сказал о смерти: «Это не важно».) Мир, напротив, всегда личен, он похож на луг, покрытый различными цветами. Мир — это цветение всего человека. Личность расширяется до идеи бессмертия. Страх смерти преследует человека («Смерть Ивана Ильича»). 3) Идеализм — это философия личности. Материализм — философия общества.

Скрипач Веременко Леонид Петрович (Зал Чайковского). Он сказал мне:

— Как прекрасно вы пишете о природе. Да! Природа — это все!

— Нет, — говорю я, — это не все.

— Ну, вот еще. Вы целиком во власти природы.

— Как так целиком? Вот, к примеру, возьмешься искать в лесу к Новому году правильную елочку. Сколько проищешь, а все-таки такой правильной, какой хочется, не найдешь: хоть один сучок, да не тот. Но это ничего: длинен сучок, я подрежу, короток — надставлю, подвяжу, нет сучка — просверлю дырочку в стволе, вставлю свой и будет правильная елочка. А вы говорите, я весь в природе! Вернее будет сказать — вся природа во мне самом: природа совершенная, прекрасная, и я в обыкновенной смешанной природе только выбираю мало-мальски подходящие

образцы. Я их показываю, и все узнают по ним свою собственную, дремлющую в себе природу и радуются, открывая ее в себе.

Леса обширные, но порослевые, худосочные, елки-березки, как всюду. Но отдыхающие люди восхищаются: такое чудесное место, нигде нет прекрасней, березки, как в сказке (иногда говорят: заря такая прекрасная, как на картине). Так очевидно, что усталые измученные люди творят из этой бедной природы свою, что та, желанная природа живет в них самих (в сказке или картине), но они в себе ее видеть не могут и в обыкновенной природе узнают ее, как в зеркале.

19 Апреля. Вчерашний день — совершался апрельский переворот. Началось солнечным утром. К обеду стало захмыливать и теплеть. Вечером пошел дождь, тот самый, когда вдруг запахнет земля и, бывает, даже пар от земли поднимется. Ночь прошла в тепле, утром солнце при +5.

Вчера подали записку, я понял, что от Ляли о доме. Прежде чем раскрывать письмо, подумал, что лучше, купила она дом или нет? И, подумав, ответил: хорошо, если не купит, но если купит, то лучше. В записке было: «Дача куплена — ура!». И я очень обрадовался. А что хлопот будет — так ведь есть из-за чего и похлопотать, это не Пушкино.

Директор сказал, чтобы я не думал о сроках моего пребывания в доме отдыха и намекнул на рекламный характер моего присутствия в доме (это неглупо).

Очень мне везет в этом доме и от этого возникла в душе доброта: как, бывало, злился я на этих отдыхающих «потребителей природы», а теперь и они хороши. Это потому, что я «первый в деревне», и никто не оспаривает моего первенства. В самом деле, я как будто создан для дома отдыха: природа меня вылечила от душевной болезни — я ведь тут все прошел, и зато нигде так не принимаются радостно мои писания, как в санаториях.

Вчера собрался ехать с директором в Москву, но день такой (сегодня вальдшнеп пойдет, откроется березовый сок, запоет певчий дрозд) — жалко. Поеду завтра по ж. д.

Беседую, как всегда, с людьми обыкновенными, о чем думаю сам для своей работы, и ясно вижу, что жизнь движется в направлении дифференциации: взять врача, который был по необходимости войны хирургом: теперь врачи расходятся по специальностям. Взять эти бесчисленные заводики («Металлист»), изготовлявшие снаряды. Теперь они делают кастрюли, электропечки и т. п. Начинается с этого. Мне теперь стал ясен мой путь в прошлом, причины торможения моего творчества, не вовремя я акцентировал на этом своем «сам человек» (личность), и особенно это было в «Фацелии». Так странно думать — не глупее же я Фадеева или Федина, но почему же все вовремя понимают, я же бьюсь головой в стену. Фадееву просто завидую во всех отношениях, кроме таланта, и своего глупого коня, влекущего меня в неведомое, не променяю никогда на электровоз.

Утром до завтрака осматривал дачу и после завтрака осматривал с Михаилом Ивановичем (управляющим дома отдыха).

(План дунинского дома.)

Вечером пришел прораб Петухов Георгий Александрович и я в третий раз с ним осматривал дачу. Он взялся сделать мне смету ко вторнику. Хорошо, если он сделает тысяч на 30.

20 Апреля. Итак, это началось в четверг вечером: пошел на ночь теплый дождь, запахла земля. В пятницу зазеленели леса. Вечером, наверно, тянули вальдшнепы. Сегодня утро теплое, пахнет корой и землей, всюду птицы поют.

Из Москвы Ляля телеграфирует о том, чтобы я ехал и приготовился пробыть в Москве несколько дней. Так вот

ждал, ждал и когда дождался — бросай! И как-то ничего: как будто вечно ждать и вечно бросать желанное может в привычку войти.

Еду в Москву. Думаю, что покупка дачи во всех отношениях удачное дело, очень удачное решение всех трудных вопросов в нашей семье и моих писательских. Это как будто судьба и счастье.

В вагоне по пути в Москву смотрел на непрерывный мелкий окладной дождь. С виду совершенно осенний дождь, а внутри как вспомнишь, весь льется на жизнь, на рост, на песню.

Старичок из отдыхающих возвращался на службу, исполненный благодарности дому отдыха, и Академии, и Вавилову («что за человек!»). Старичок этот из немцев, говорит с легким акцентом. Он в вечном движении: служит курьером в Академии, движется с 4-х утра до 12. Спать может всего четыре часа. Он весь исполнен готовностью добра советским детям (деловым порядком связан с воспитанием их). Он хорошо понимает, как пали дети во время войны, и всей душой отдается делу их исправления. Типичный русский немец тургеневского понимания немца. И вот это начало, назовем его добрая воля, как это голубое сияние всего человека по непостижимым законам жизни обратилось в злой умысел — как это могло произойти?

Сейчас чувствую всю жизнь свою как тоску по этой доброй воле и воистину «зрю» в этом свои прегрешения: нет и нет во мне этой воли, и семья моя, Ефросинья Павловна, сыновья — прямой плод этой бедности моей души.

Лечил, лечил Лялю, а она приехала в Москву, набегалась и уже опять грипп. С деньгами у нее дела хороши, с дачей неопределенность и торопливость: сама еще не видалась с хозяевами, а махнула на веру мне: «Ура! дача куплена». Это меня чуть-чуть огорчило, но, по-видимому, все кончится благополучно. Вообще у Ляли в делах всегда огромное усердие, но при множестве всех дел она пло-

хо чувствует главное, куда и надо устремляться, жертвуя даже делами менее важными. У меня, напротив, есть большой талант концентрации моих (небольших) сил на «главном». Этим я и в литературе беру.

«Главным» в этом случае были, конечно, не деньги, а ясность в отношениях к продавцам дачи. Прежде всего, надо было бы броситься к ним и лично получать уверенность в них: тут все. Но мое раздражение скоро прошло.

Вечером мы ходили к Ивану Воину. Как и прошлый год, из церкви пар соединенного дыхания. Весь двор был полон людьми с горящими свечками (тихо и сыро). На ограде сидели мальчишки со свечками и крестились. Ждали крестного хода, но священник так и не вышел из церкви. Потом запели «Христос Воскресе!». Среди мальчишек, наверно, были и такие, кому внутренняя жизнь церкви встала тайной и вопросом на всю жизнь. И как же глубоко это чудодейственное влияние и как далеко оно от поверхности жизни взбаламученного мира!

21 Апреля. (Светлое Христово Воскресение.)

С утра небо наполовину в легких облаках. Тепло. Тишина. Чувствовал в словах: «Христос Воскресе» все выражение, весь смысл лица земли и человека.

В 12 дня придет декан Географического факультета просить меня принять участие в их издательстве. Такова судьба! Выгнали меня из Елецкой гимназии, а в 19 году эта же гимназия пригласила меня быть в ней учителем словесности (honoris causa*). Из этой же гимназии я пробовал, будучи мальчишкой, убежать в Азию: тогда смеялись, я плакал. а теперь подумать только! географический факультет... Как же это важно — сохранить свою жизнь для того, чтобы увидеть нечто с высоты. Совершенно похоже на горный путь в высоту.

---

* Honoris causa (*лат.*) — букв. «ради почета»; за заслуги, почетный.

Разговор с деканом: 1) Издательство; 2) Вопрос о выборах в Академию. Иметь под рукой: 1) Диплом Географического общества. 2) Отзыв Горького и Хаксли. 3) Собрание сочинений.

Пожалуй, надо остаться на весь понедельник, чтобы послать Лялю договориться со старухами, и уехать с уверенностью. Мне кажется, к этой даче ведет меня судьба (т. е. сила сверхличная), та судьба, которая вела меня в «Азию» и привела в «край непуганых птиц», и опять привела в этот край, когда строился канал, и сейчас пишу эту работу, поднимаясь по тому же пути. Есть такая судьба! и я чувствую ее руку в этом деле.

Но если это дело не выйдет, то я огорчаться не должен: не судьба. Итак, иду, мне кажется по воле судьбы, но, м. б., я ошибаюсь... Такое обычное душевное состояние действующего человека, во-первых, заставляет концентрировать силы (судьба) и позволяет спокойно спуститься с высоты (несудьба), в этом и есть рабочая ценность понятия судьбы.

22 Апреля. Как и вчера сияющий день.

Вчера был у Лебедевой-Критской (Наталья Александровна). Оказалось, это не «старуха», а женщина умная, образованная, стоящая много выше тех, кто ее выставлял «полоумной». Мы с ней хорошо и твердо сговорились.

Ляля хворает по обыкновению гриппом. Целый день провел в «планировании» летнего образа жизни. Решено поселить у нас в Москве Барютиных.

23 Апреля. Третий день Св. недели тоже ясный, но с ветерком, с перебегающими облаками и тучами. Выехал в 8.17 утра и сразу увидал, что без меня произошло. Орешник зацвел. Лягушки вышли (это произошло в пятницу). Узнал, что вальдшнеп тянет даже у нас через двор. Петухов встретился, завтра даст смету. Приехал, как домой.

Из Москвы остались в памяти «дети свободы» — Валек и Настя: отец — либерал, толстовец, путешественник

и etc. — сманил детей, и они теперь переживают муку мученическую!

Еще в Москве: судьба-несудьба. В последний раз, когда я шел к хозяйке дома, я шел с большим чувством радости на тот случай, если состоится наша сделка, и в то же время я думал: «Какая это гора свалится с плеч, если сделка не состоится». Так я понял в первый раз в жизни, какую огромную и полезную роль играет в моей жизни вера в судьбу. Итак, судьба — это сверхличное начало жизни, может быть равнодействующая всех физических и духовных сил в отношении какого-нибудь субъекта (против рожна не попрешь).

По пути из Москвы думал о «Канале» и, представляя себе ход весны как Падун, очень был близок к уверенности в том, что в это лето я закончу эту свою работу.

К первомайской речи: беседа со скрипачом. Природа не идол, а место человеческого творчества. Человек больше природы. Пример: елочка правильная, палочка прямая.

Богородице Дево, радуйся.

Ходил на тягу. Вальдшнепов было довольно много, но я стоял не на месте.

Вот теперь больше не нужно резать березку, чтобы узнать, началось ли движение сока.

Лягушки прыгают — значит, и сок есть в березе, тонет нога в земле, как в снегу, — есть сок в березе.

Зяблики поют, жаворонки, и все певчие дрозды и скворцы — есть сок в березе.

Мысли мои старые все разбежались, как лед на реке, — есть сок в березе.

Я с трудом могу оторваться от бушующего в лесу ручейка, размывающего последний снег на дороге. И когда оторвусь все-таки и вспомню о небе, что небо еще прекрасней такой прекрасной земли, — и мне открывается в небесном

сиянии вся моя возлюбленная во всем своем внутреннем царственном величии, и мне хочется упасть к ее ногам — это значит, есть сок в березе.

В лесу встретилась усталая женщина, она в восторге сказала мне: «Какие березки, нигде на свете нет таких!» Я согласился с ней — ей хорошо на душе, она впервые обрадовалась березке, впервые их видит, пусть эти березки будут лучше всех. Но я видел много берез и знаю — это не лучшие. И среди всех мною виденных прекрасных берез я помню только две совершенных — одна стояла у самого края обрыва, другая...

24 Апреля. Солнце вчера опустилось в тучу, а из тучек, бывших под ним, изредка падали большие теплые капли. Тишина была полная, и после тяги в темноте пошел теплый дождь.

Утро сегодня светлое с очень легким морозцем. На скамеечке, на решетчатой спинке, по планкам тесными рядами сверкают замерзшие капли вчерашнего дождя.

Я вспоминаю разговор с Удинцевым, недовольным своими церковными впечатлениями. Ему не нравится, напр., что верующие («едоки»), ставя свою свечку на жертвенник, иногда стараются спихнуть свечку своего ближнего. И я теперь, вспоминая эту жалобу на эгоизм простого человека, думаю: до какого надо дойти упадка и душевного распада, чтобы обращать внимание на такую дрянь! И почему непременно верующему надо загнать себя в церковную ужасающую тесноту? Почему тебе лезть туда, милый интеллигент, что тебя гонит внутрь этого церковного стада?

Но понимаю, понимаю, тебе, друг мой, неприятно от этого. Тогда зачем же ты тянешь меня в тесноту, выйди из храма, стань у ограды и, глядя на пар сплоченного человеческого дыханья, выходящий из окон и дверей, молись о том, чтобы и твое отдельное дыхание на свежем воздухе где-нибудь сошлось с дыханием всех в высоте. Я так де-

лаю, и все, о чем я пишу — это есть «всякое дыхание да хвалит Господа!».

Из Московского: Ляля лежала в кровати больная, у ног ее сидела Софья Павловна Коноплянцева, и обе разговаривали о мне, как о ребенке.

Мысль-чувство и тема для «Канала»: вся природа стремится выйти из своего рокового заключения в кругу рождения и смерти, а человек — это строитель пути. Вот почему в борьбе с водой человек должен стать победителем.

Зеленая кофточка.

Поднимался в гору с демобилизованным военным (бухгалтер Госбанковского дома отдыха). — Сердце стало неважное, — сказал он, — был в двух войнах в Карпатах. Был кавалеристом. А знаете, кавалерист, когда что видит, хватает себе за седло: годится. Раз увидел: валяется зеленая вязаная кофточка — и за седло: годится. Вот захотелось выпить молока, заехал. Хозяйка и с ней девочка. Напоили, накормили и что дать? Вспомнил кофточку. — Куда ей? Впрочем, замуж выйдет. — Приходит новая война. Я все забыл. Приезжаю на постой. Молодая женщина... Это была та самая. Мать умерла. А она замуж вышла, и кофточка цела до сих пор.

25 Апреля. Чувство-мысль для Зуйка: свобода есть необходимость, перенесенная на себя самого (у хорошего хозяина жить вольно, хотя свободы нет). Свобода — человеческое дело, воля — стихийный дар; свобода — от заслуги, воля — по наследству (урка всем хорош, и плох для одного, у кого украл: таким образом действует против личного начала в человеке).

Моральный план Зуйка: природа (Хочется) научает его взять на себя необходимость (Надо). Тому же самому научается и Анна.

Вчера была тяга самая красивая, какие только я в жизни видел. Но протянул только один и я его убил. Жулька

выстрела не испугалась, вальдшнепа нашла сама и сделала подобие стойки. Научилась лежать по приказанию.

Испортился предохранитель. Нечаянный выстрел*.

Сегодня с утра брызжет теплый дождик. Петухов дал смету по коммерческим ценам на 20 т. (читай 30), а по твердым ценам 10 (читай 20). То и другое приемлемо.

Помню меньше недели тому назад яркий солнечный день. На берегу изнывает огромная льдина, подпертая другою льдиной на скат. Под этой крышей в полумраке идет дождь. Когда вышли лягушки, то, спаренные, стали скакать туда.

Видели вы, как сигает лягушка, догоняя другую, и, достигнув, вдруг делается одна и дальше прыгают две, как одна?

Впереди вся дорожка шевелится, будто это ветер поигрывает старыми листьями — а это прыгают с урчанием спаренные лягушки (противно смотреть — на человека похоже). На других животных смотреть ничего, на лошадей, быков, тигров, часто жалко, как, например, собак: и то же по человечеству. Противней же всего в этом на человека смотреть. И в этом полное расхождение с животными.

На той стороне уже трактор работает. Смотришь с этого берега и шевелится в голове: что, может быть, десятки тысяч лет прошли жизни человеческой от начала сохи до начала трактора. Но грачам ходить все равно, что за сохой, что за трактором, те же черви. А люди? Только очень немногие движут жизнь вперед, к этому небольшому числу сколько-то сочувствующих, «средних» людей, остальным решительно все равно, соха или трактор, были бы лишь червячки.

На тяге. Тишина звучная, не знаешь, куда лучше смотреть — в себя или на березки в малиновом свете, не знаешь, что лучше слушать — себя или птичек.

---

* Случайный выстрел в потолок среди публики в кинозале.

В эту зарю так было в небесных цветах, так согласно высвистывали свои сигналы певчие дрозды, что как-будто из переходящего цвета зари и рождался звук певчих птиц.

Ничто не отвечает нашей личной сокровенной молитве так, как одетая березка на разноцветной заре. Сквозь неодетые веточки видишь море голубое и розовое самой зари, а вершина высится к небу, и каждая веточка стремится туда в высоту. И смотришь, как стремится березка к высшему миру, и чувствуешь, что и весь мир так, и впереди человек — строитель пути. И тут понимаешь, почему в природе больше находишь понимания этого движения ввысь, чем в самом человеке: некогда ему, он должен строить путь для всех: путь, по которому пойдет вся природа, и звери, и березки, и все.

Смотришь на березку, а на тебя снизу смотрит малиновый глаз какой-то лужицы на дороге, белой по краям с протаявшей середкой.

Ручьи бегут снеговые с чистой холодной водой, и сквозь воду — зелень брусники, оживаюший мох зеленый.

День-красавец предмайский разгорелся до невозможно прекрасного: больше нечего ждать, тут все. И вдруг охватила тоска. Я почувствовал единственный выход из этого ужасного состояния — ехать к Ляле. Бросился к поезду и в 11 веч. прибыл в Москву.

Ехал с Фридой Ефимовной. Рассказывал ей свое, она свое. А тема разговора была моя известная: Ницше, Сверхчеловек, Гитлер, борьба с жалостью, с эксплуатацией человека человеком через жалость, называемую любовью.

26 Апреля. День, как и вчера, всем дням день. Ляля предвидит, что дачу мы все-таки купим. Устраивался с машиной, обещали сделать к 6 мая. Разговор с Солодовниковым: — Ив. Серг., не заводите собственности — это хомут. — Совершенно согласен с вами! Но подумаешь: а разве служба не такой же хомут. — Нет! В собственности ты сам

лично впрягаешься, жертвуешь самым дорогим для человека чувством личной свободы. На службе тебя запрягают и тебе самому можно сохранять про себя в запас свободу и жаловаться на «объективные причины» своей неволи.

27 Апреля. С виду день как эти дни, роскошный и жаркий, в тени +20, но совсем голубое небо только в зените, к горизонту оно сереет, как будто в бочку меду золотого прибавили ложку черного дегтя. Во второй половине дня показались кошачьи хвосты. Вечером заря тихая, но холодная, вальдшнепы плохо тянули.

Цветет орех и ранняя ива. Показалось волчье лыко. На южной опушке леса позеленели берега снежного ручья. Позеленели [дорожки до] бровки. [Заухала] сова вечером.

Жулька неслась за трясогузкой по берегу. Манера трясогузки вдруг повернуть круто на воду — раз! и Жулька с высоты, как с трамплина, в воду. Выбралась — и опять, и опять трясогузка на воду (понимает!), и опять Жулька — бух! А в третий раз Жулька поняла и не поддалась. Бросила трясогузку и за бабочкой — долго не выходило, но пришлось удачно — хвать! и бабочка во рту. Вот удивительно. Стоит удивленная, спрашивает: куда она делась? Летела, казалось, такая значительная, а во рту бабочка как дым и собака не чувствует. Можно и передохнуть. — Х-ха! — выдохнула Жульба спертое дыханье, и бабочка вылетела и опять замотылялась.

Вечером с Аликом ходили на тягу. Паренек славный, не раздражает.

Воды в реке еще много. Основная вода бежит с такой силой, что завертывает стоячую воду разлива, и та образует два течения, основное вниз и рядом с ним вверх (рыба, плывущая вверх на икрометание, облегчая себе путь против воды, избирает себе, конечно, это второе течение вверх...).

Я как женщина, которой надо родить, чтобы определить себя, смотрю на землю влюбленный, земля меня

и держала своей красотой, и я мало чувствовал красоту неба. Мне казалось всегда, что небо — это какая-то нереальность: облака — туман, синева — воздух, и все, в общем, неправда и не всерьез (как-то взять нечего). А Ляля пришла ко мне с небом, и я тоже за ней стал подниматься, она же снисходительно поощряла мою любовь к земле, понимая эту любовь как стремление всего лучшего живого к небу, к солнцу. Так вот мы и живем, я смотрю на землю, она смотрит на небо. Мы сходимся в том, что, уходя ввысь, мы должны захватить с собой и все наше любимое на земле.

Подрядчик Петухов Георг. Алекс. встретился и сказал, что отказ Зубова — недоразумение: ему не умели дать понять, что это не ремонт, а незначительная работа в неурочное время с ничтожной стратой материала. Как Ляля неопытна! Такая умница — и поди вот... В другой раз надо бы обдуманно выбирать для нее роли. Тут дело даже не в уме, а в благородстве: нет у нее в голове той маленькой способности расчетца жизненного, который так поразному выражен у еврея, у немца, у русского. Сущность этого расчетца у всех одинакова, но у всех по-разному она выражена в отношении к высшим свойствам ума.

Какое удивительное средство в жизненной борьбе: судьба — не судьба. И как я это раньше не знал! Вот теперь как хорошо думать о даче своей в Поречье: будет судьба — будет дом, нет — не надо: не судьба. Итак, будет — обрадуюсь, не будет — тоже обрадуюсь.

28 Апреля. Красная горка.

Утро пока хорошее, но ветерок с каждым часом сильнее. Цветет волчье лыко.

NB. 29-го хорошо поработать. 30-го Ляля приедет. 1-го мая празднуем в «Поречье»: три дня праздника: вторник, среда, четверг. 3-го в пятницу отдать Ване ключи, послать Мар. Вас. с ключом на завод и напомнить. В среду 1-го ловить Зубова, не будет — самому к Зубову, может быть, послать Петухова.

По мере того, как теща дальше и дальше уходит в болезнь, Ляля становится и серьезней и раздражительней, а я сам себе кажусь все более легкомысленным. Мало того! даже и самое лучшее, мои религиозные переживания с Лялей, начинают мне показываться как переживания не человека, а художника. Но я не говорю, что это действительно так, а что по мере того как там что-то изменяется, я изменяю свой взгляд на себя...

Что это, жалость? Как я Леву жалел! И куда это все делось?

У Хорьковой уютная комната. Ревет безобразно радио. — Вы это не выключаете? — Нет, никогда. Если я выключу и буду одна, то начинаю реветь и мне кажется, я с ума схожу.

Вечером ветер восточный улегся, пришли сплошные облака, пасмурно и тепло. Вальдшнепы хорошо тянули. Алик убил одного и обезумел от счастья.

Чувствую, что «судьба — не судьба» придумана человеком, который в пути, когда ему ветер был взад. Дуй же, дуй, мой добрый ветер, и повертывай железку судьба — не судьба, как тебе хочется, только бы моя Ляля была жива и здорова.

29 Апреля. Фомина*.

Четкий план моральный — вот что надо сделать при наличии захватывающей красоты первого начала. Это мораль заключается в переходе «Надо» (императива) от объекта в обладание самого субъекта. Урка обладает воровской свободой. Если же он презираемый им императив берет на себя, то он сам лично должен выполнить это веление лучше всех. Они похожи на запертую воду (ловить

* Неделя, следующая за Пасхальной, в память о чуде уверования апостола Фомы в Воскресение Христа.

силу воды плотиной умеют даже бобры, а о человеке и говорить нечего: человек ловит воду, ловит ветер и зверя, ловит легко, зная привычку его возвращаться по кругу домой: ловушку ставят на то место, откуда его согнали). И так же силу этих людей на канале обращают на пользу всего человека, сокращая им срок наказания, заманивая достижением счастья возвращения в свой дом. Но как поймать свободу испорченных людей, умеющих жить свободно за счет счастья другого? Как поймать на службу всему человеку силу тех, кто живет для себя, и в себе нет у него ни дома ни крова и ничего, излучающего ласку, и нежность, и уют, и счастье согласия своего личного дела с огромным делом всего человека, ведущего за собой в царство вечности и блаженства всякую тварь?

Это чудесно у человека, что иной из нас способен снять с себя последнюю рубашку и в счастливом порыве при выходе из глубокого радушия отдать ее ближнему. Но, конечно, перед этим порывом надо довольно и потрудиться, чтобы иметь свою то рубашку, нужно научиться беречь ее, стирать, гладить, пришивать оторванные пуговки, быть ее собственником и разделять вместе со всеми: своя рубашка ближе к телу.

Надо широко использовать народную мудрость как мораль — по примеру босяцкой морали.

30 Апреля. Вчера на тяге теплая серая навись. Стоял на перекрестке: во все стороны были усыпаны желтой прошлогодней листвой пути-просеки, как языки широкие, [сходящиеся] все уже и уже. А над ними так же вершины деревьев сходились все ближе и ближе, выгрызая из неба светло-серые языки. На перекрестке была группа дубов — в одну сторону просек был из лиственного леса, там млеют и тают березки с осинками: березки белые, осинки молодые зеленые, почки у березок наклюнулись. В другую сторону лес был смешанным: там и тут из серого выступала темная ель. В третью сторону одни елки — там скучно! В четвертую по двум сторонам одни частые березки, белые

на желтом, и по желтому не спеша в мою сторону ковылял линяющий беляк, и белые пятна были на нем как белые клочки снега в оврагах.

Днем вчера дождик редкий и теплый капал и березовые почки на глазах лопались и выпускали зеленые хвостики. Где-то, наверно, сохранились пятнышки снега, но не увидишь глазами — не вспомнишь о снеге. Лягушки закончили икрометание, и кое-где возле усыхающих луж икра эта усыхает.

На тягу ходит со мной Алик, сын хозяина, он лейтенант 20 лет, был учеником средней школы, взят на войну и три года в Люберцах сидел на аэродроме, болтался. Теперь будет зубрить за среднюю школу. Родители его избаловали, матушкин сынок в полном смысле слова. В темноте ребята, возвращаясь с тяги, обыкновенно стреляют. — Ай и мне стрельнуть? — спрашивает он. — Не делайте этого, лес любит тишину. И Аксаков над такими охотниками смеялся: называл их ахальщиками и пукальщиками. — Вот те, — сказал я, — кто так стреляет, ахальщики, а кто им подражать хочет, как вы — пукальщики.

Художники (Антонов и Шурпин) написали с меня этюд и оба в восторге от натуры.

Сегодня жду Лялю и думаю о той девушке, которая, по словам Т.В. Хорьковой, односторонняя: читает Евангелие, св. отцов и плачет. А вот Ляля не односторонняя, никак! Она и Евангелие читает, и плачет, и в то же время, скосив глаза на земные предметы, узнает в них небесное. Она похожа душой на березу весной, которая, устремляясь всеми своими веточками к небу, распускает корешки свои по земле, чтобы захватить с собой туда и любимые свои камешки. Так и Ляля обняла меня всего своими корешками: и будь доволен, Михаил, лучше ее тебе не было и не будет.

Надо изобразить отчаяние людей всех и на этом фоне — волю всего человека. Отчаяние: туфта-плывун, психоло-

гия вора — все вместе делаем «объективные причины» и безнадежность.

— Что ты возишься с сумасшедшей старухой? — спрашивал Сутулов Анну, — мало разве тебе наших контриков на канале. — Нет, — ответила Анна, — она не против нас, она против Антихриста, против царя Петра 1-го. Я хочу ее освободить от химеры, снять повязку с глаз ее, подвинуть ее к усилию, чтобы сбросить со спины своих мертвецов и обрадоваться жизни, как радуется мать после муки, встречая и узнавая ребенка своего. — Делать вам, женщинам, нечего! — ответил, усмехаясь Сутулов, — я только удивляюсь, до чего у вас это крепко держится, скорей всего и все сказки и повести разные рождаются от вас. И только страшно, что некоторые мужчины, поэты всякие, подчиняются вам, и, глядя на вас, делают свои сказки. Но эти-то хоть что-то делают и ведут к хорошему, уверяют всех, что добро побеждает зло на земле. Вы же просто делать ничего не хотите и проводите время в сказочных предприятиях. — Ты, Сашенька, дорогой, в этом немножко надо понимать. — Может быть, — добродушно ответил Сутулов, — мне только времени жалко терять на сказки, ситчики тоже выбираете, советуясь, какой ситчик к лицу. Заставляя работать на свои причуды фабрики громадные. Сколько бы за это все потраченное время можно было сделать добра на земле. — Люди рождаются от этого, — ответила Анна, — родился маленький и в ситчик. Тебе бы хотелось в чугун его, а мы — в ситчик. — Ну, маленький, это понимаю, — а старуха зачем тебе? — Эта старуха необыкновенная, она жизнь отдала чужим детям.

Вчера на тяге тишина, деревья вознеслись всеми сучками своими к закрытому небу и будто молят богов небесных открыть его. Спишь-не спишь и врастаешь в землю среди собратьев своих.

Сегодня с утра было сумрачно, потом начало прояснevать и сильно теплеть. К полудню стало ненормально тепло, очень похоже перед грозой.

Ходил Лялю встречать и не встретил. Первая муха привязалась к щеке, летит и не отстает.

Впервые стал читать жизнь деревьев в лесу. Над обрезом дороги по мху был целый ковер из малюток-елочек, и только изредка возвышалась над ними малютка сосна, хотя среди взрослых деревьев было сосен не меньше, чем елок. И опять захотелось заниматься микрогеографией, и порадовался я, что может быть скоро будет у меня свой участок в лесу.

С двухчасовым приехала Ляля. День обошелся без дождя. Вечером ходил на тягу — ни одного!

Ляля сказала, что есть возможность без утраты задатка отступиться от покупки дачи. Но зачем отступаться? Одну-то комнату для жилья всегда можно отделать, законсервировать остальное и потом продать за те же деньги.

Так прошел первый день майских праздников — роскошный день, открывающий, как открывает луч света пылинки в комнате, все недостатки души человека. И страшен, страшен для чуткого человека такой божественный день: тут высвечивается весь внутренний человек наружу. И как редко встретишь человека в соответствии с природой, как редко его праздничная радость отвечает радости, посылаемой небом всему человеку.

Зина Барютина и Ляля имеют то общее между собой, что, отдаваясь молитвенному полету религиозной души, в то же время не оставляют любовным вниманием и заботой земную жизнь человека, постоянно открывая прекрасное, существующее на земле, как на небе. Такой была наверно и артистка Ермолова и другие высококультурные люди, строящие жизнь на земле, как на небе. Их таких, наверно, очень-очень мало, и они-то скорее всего и есть святые, соответствующие нашему времени.

Ляля вчера на ночь мне сказала. — Ну хорошо, мы купим дом, а что если мы останемся вдвоем? — Я об этом ни-

когда не думал, — ответил я. — Но если так, то чем же наша жизнь изменится? — Может быть, мы ездить будем?

Увы, мы тоже стареем: поездим, поездим — и захочется домой.

1 Мая. Лучше такого майского первого дня быть не может. Мы примерялись к новой жизни на своей будущей даче. (Микрогеография.) Художник писал меня. Бабушка пришла «со старыми знаменами» (как они истрепались). — Чем объясняются немецкие зверства? — Тем, что мысль (идея) в своем практическом осуществлении разделяется на два момента: приказ — выполнение, благодаря чему на одной стороне остается доброе намерение, на другой «зверства».

2 Мая. Первый гром. С чистого неба гремело, и мы все спорили — стрельба или гром. Меня мучили художники, пользуясь солнечным светом. Только уже к обеду, к 3 часам вечера, тучи, наконец, сомкнулись и пошел дождь. Часа через два дождь прошел, и сразу ивы и березы оделись в прозрачную зеленую одежду.

3 Мая. Рождение Жульки.

Всю ночь шел дождь. Утро серое, сырое, прохладное (+6). И так весь день, а вечером стало совсем холодно (+4). Так вышли «майские холода». Но влага очень нужна, и несмотря на холод, все на глазах зеленеет.

Сговорились с директором о порядке осады нашего дома: начать с Зубова (Иван Васильевич) и только с согласия его действовать на Вавилова (почему бы самому директору не сказать два слова Зубову?). Встал вопрос о Домаше. Решили из-за нее не расходиться с Лебедевой. Сходили к даче, там познакомились со сторожем-соседом Иваном Тимофеевичем.

4 Мая. Утро, как вчера, серое и холодное, но к вечеру стало немного теплеть и вечер был очень тихий. Можно

было с успехом постоять на тяге, но общество Ляли всегда замещает мою тягу на охоту. Собираемся завтра ехать в Москву и действовать по следующей программе: 1) Звонок к Чагину. 2) К Зубову. 3) При отказе Зубова к Тихонову — Вавилову.

Вечером пришел Василий Иванович и дело наше с покупкой дачи повернулось в благоприятную сторону. Если Академия не согласится мне помогать, можно выпросить материал в Техснабе и в отношении рабочей силы согласиться помимо Петухова с Вас Ив. Достать остается лишь доски. Завтра утром мы и об этом решим.

5 Мая. В тишине в тумане распускаются и зеленеют больше и больше березы. Еще немного — и весна вступит в ту пору, когда вызов, брошенный природой подняться во всю свою высоту человеку, перестанет будоражить (какое слово-то подходящее!) душу.

Так сошлись в одну точку: узел моей работы над «Каналом», узел дачного строительства и узел весны — одно исключает другое. Приходится делать так: узел весны сам собою развязывается, узел строительства развязать в Москве, а узел творчества перенести на сколько-то вперед и на какой-нибудь месяц-два заняться книгой «Моя страна».

Прежде в молодости, бывало, чтобы заснуть я пользовался счетом до тысячи, считаешь-считаешь, отгоняя тем тревожные мысли, постепенно глупеешь, да и заснешь незаметно.

Теперь же я мысленно перемещаюсь в село Хрущево Елецкого уезда, Орловской губ., где я родился и вырос. Слышал я, что никаких следов не осталось от дома, где я родился, от великолепного парка и сада, и что даже пруд, в котором я ловил пескарей и карасей золотых и серебряных, теперь спущен и на илистом дне его колхозники выращивают капусту.

Тем удивительней бывает мне ночное путешествие, восстанавливающее с необычайной точностью, четкостью

и яркостью то, чего для всех людей уже больше не существует и о чем, кроме меня единственного, никто на земле не может свидетельствовать. Всматриваясь с закрытыми глазами в то, чего нет в действительности, я догадываюсь о происхождении всей созданной мною картины природы. А разве не так создавались лучшие картины природы, написанные мною. Побываю, окунусь в землю, потом уеду...

Всего удивительней в этом путешествии на родину для меня теперь кажется, что дорогие для меня в детстве деревья выступают теперь наравне с дорогими людьми. Больше! Дорогие люди — все, даже любимая мать, даже красивая Маша, из которой я создал себе Марью Моревну, выступают в моей памяти с какой-то душевной ношей, обременяющей их не за свои, а чьи-то чужие им грехи. Но деревья мои, тоже личные, как и люди — каждое дерево я вижу теперь, как человека, со своим собственным лицом — все эти деревья выступают безо всякого бремени прекрасные и святые. Собаки наши вспоминаются тоже святыми или скорее ангелами, но среди собак, впрочем, были и подлые.

Основной источник благодати, называемой теперь по-ученому геооптимизмом, исходил от деревьев и всего зеленого покрова земли. К сожалению, у меня нет никаких знаний, позволяющих делать исследования в этой области психологии творчества. Я могу говорить лишь о своем личном опыте, опираясь на то, что у меня ужасно выходило, и было признано в свое время, и до сих пор признается.

Всей этой своей географией я обязан вот этому чувству благодати, исходящей от родной земли. Признаюсь, мне было иногда неловко за свой геооптимизм перед человеком, обреченным на страдание, но я оправдывал себя тем, что то ведь тоже страданье, и все-таки, в конце концов, благодатное чувство природы непременно воскресит.

Приехали в Москву, а тут теща встала и ходуном ходит и заполняет собой все. Она представляет себя надменной барыней, глубоко презирает «пролетариев» и т. д. Не-

счастная Ляля бросилась в церковь — не помогло («даже “Христос Воскресе” поют неправильно»). Тоска охватывает мою бедную подругу, звонит кому-то из своих по телефону: «я в плену» и т. п. Психическая зараза перекидывается на меня, за Лялю вырастает злоба на тещу и я думаю: при чем тут Бог? Не есть ли это горшее падение, если вместо того, чтобы самому что-то сделать, обращаешься к Богу, чтоб Он это за тебя сделал? И где та черта, за которой кончается возможность человеческая помочь себе самому и своим ближним собственными средствами, та черта, за которой Бог принимает человеческие жалобы? У старушки Анны Дмитриевны, бездомной скиталицы, нет такой черты: сама она по глупости отдала свою комнату и стала бездомной. И у Ляли, конечно, нет такой черты, потому что сама она избаловала свою мать, изнежила, распустила... Значит, надо самой твердо взяться, умно, расчетливо...

И еще к этому: все бумаги о моем наследстве сделаю на Лялю. Поэтому она берет себе в наследство мое смутное чувство готовности, если окажется нужным и возможным, помогать Левиной семье (Петя сам справится).

6 Мая. Вдруг совершилось чудо: теща обняла меня и просила прощения за вчерашнее, объяснила все своей ненормальностью, что на нее «нашла тоска», когда она прочла в газете о двустволке и соединила это с выстрелом своим в доме отдыха. Какой бред! А приходится делать выводы.

Ляля от этого сразу преобразилась, у нее выскочило из души все тяжелое. И она предложила бросить сейчас же Пушкино, везти мать в дом отдыха и в Дунино. Что это? Легкомыслие или всезаполняющая любовь к матери?

Был на заводе: машина готова. Слушал рабочих и вдруг понял вот что. Это вот чувство мое необходимости признания личности, такое глубокое, в себе живущее, вдруг явилось вовне: каждый рабочий сейчас мечтает, как бы ему выбраться с завода на волю и делать то, что ему хочется, то, из-за чего выносится по существу невыносимая жизнь.

Моя страна. I часть — Родина. II — Север.

Марья Васильевна вновь потеряла лимитную книжку за весь месяц май! Уговаривались с Лялей много раз не давать книжку М. В., особенно в начале месяца. И не давали. Но Мар. Вас. вдруг чем-то угодила Ляле, и та сразу ей поверила и отдала книжку. Опять не знаю, как это назвать? Легкомыслие? Нет, это не легкомыслие, а какое-то взъерошенное истерическое состояние души. Как-то одновременно и серьезно все, и все несерьезно, и любит она мать и не любит, и верует и не верует, теряет и тут же находит выходы: — Ну, что же такое, потеряли книжку, я продам золотое кольцо.

*7 **Мая.*** (Узловой день.)

Майские холода продолжаются. Марья Васильевна сбегала к Ивану Воину и вслед за тем позвонили, что книжка нашлась.

Встреча с Неверовым. Приезд Таллинга. Вечер в ЦК [комсомола]. Михайлов. Часы. Бумага от Михайлова к Таллингу. Триумф Михаила.

Выход в вечность лежит на пути через узкие ворота современности.

Только через совсем узкие ворота современности есть выход к вечности.

8 Мая. Ходили к Лебедевой, отдали ей за дачу еще 5 тысяч (всего 10) и без расписки (для шику). Предательство Шахновского. У Ноя Соломоновича в Академии без «ключа» (просьба о курсовке на лето). Влетел к Вавилову и потерял доверие секретаря.

Вспомнилось время, когда ходил в министерство земледелия, достигая командировки по изучению скотоводства в Данию (а нужно было там изловить убегавшую от меня невесту). Страшно вспомнить, земля под ногами ходит...

Бросились к Чагину, а там митинг Победы. Выступай! И делать нечего, выступил, впервые закончив речь Ста-

линым. Но Чагин (хороший человек!) помог (вспомнился Виктор Иванович Филипьев из того страшного времени, тоже добрый. Есть и на такие случаи люди!).

От вчерашней утомительной ночи, от этой сегодняшней Академии («ключ» нужен, «ключ, ключ»! Кажется, Таня дружит с женой Вавилова). Нашелся же «ключ» в ЦК комсомола, так и... но только этот сундук с тяжелым старинным замком... пахнет нафталином.

Охватила ужасная усталость и меня, и мою подругу, засыпали рядом, как два полена, без всякого чувства друг к другу.

9 Мая. День Победы.

Из этого дня надо сделать себе день отдыха и пойти с Лялей к Ивану [Воину]. Завтра утром, в субботу, поеду в Поречье. Там я после завтрака в 12 д. направлюсь прямо к Таллингу. К вечернему чаю явлюсь к директору (как ни в чем не бывало!).

И буду строить дом второй раз в жизни: первый построил в 1917 году (нужно же!) и теперь без года через 30 лет опять! Не знаю, хватит ли духу устроить дом в полном смысле слова, но дом как ценность — это можно сделать и надо.

10 Мая. Сырость, холодно. Еду в Поречье подготовить все для встречи хозяйки дачи в воскресенье 12-го. Заговариваю себя на холодный тон.

Сел в поезд (Звенигород) в Москве, полил холодный дождь, когда приехал, дождь обратился в снег. Выслали эмку, попал в третью очередь и только около двух дня приехал домой. Тут снег повалил во всю мочь, земля белая и сквозь снег едва видны зеленеющие березы. (С 3 мая начались «майские холода».)

11 Мая. Ниже +2 не было, все-таки снег, конечно, за ночь растаял. Небо расчистилось, солнце и ветер южный,

но с утра нет тепла. В холодную ночь сжимались сосуды растений. Через наклюнутые почки лип выдавило сок, и на каждой почке висела большая, как ягода, капля густого и липкого, как глицерин, сока. Между пальцами этот сок был точно как глицерин, вязкий, но не сладкий. Как только солнечные лучи коснулись веточек с этими каплями, сосуды расширились и капли исчезли.

Вчера на вокзале, как пришла эмка, два жидочка, схватив чемоданы, сломя голову понеслись к ней и заняли места. Но еще хуже было, что полупролетарий Иван Мих., старый чекист, тоже сел со своей дочкой в первую эмку. В следующую эмку, через час, нам удалось отправить всех пожилых женщин. И в последней, через три часа после прихода поезда, со спокойной душой уехали сами старики.

И так ясно было, что не мыло служит измерителем культуры, а готовность каждого уступить место другому, готовность, порождающая уверенность на всякое время и во всяком месте, что твое от тебя никуда не уйдет, напротив, если я откажусь, то оно, мое, само придет ко мне и будет просить открыть для него ворота.

Художник Шурпин сказал: — Я пишу для народа, я верю в народ. — Гитлер, — сказал я, — тоже верил в народ свой, как высшую расу. А вы тоже так верите? Он понес ахинею. — А вы? — спросил он. — Верю, — ответил я, — в то, чего сейчас нет в народе. — А было? — Было и будет, — ответил я.

Леонов пишет так же противно, как Гоголь после обращения в православие: Гоголь в православие, Леонов в коммунизм. Удивительно, как это в мире природы: воробей капнет — и то земле навозцу прибавится. Но ни от Гоголя ничего не прибавишь православию, ни от Леонова коммунизму. Отчего это?

Чувство современности, по-видимому, рождается из веры на пути ее к делу: это дитя веры и дела.

Михайлов при обсуждении плана моей работы сказал: — Вот хорошо было бы вам в своей работе показать, что в процессе создания нового мы сами вместе с тем изменяемся.

Это я слышу уже не в первый раз от коммуниста. Надо это принять во внимание: все люди, делая канал, изменялись.

Спросишь, куда кто идет — не скажут: если по правде, то никто не знает, куда он идет. Тем удивительней, что все-таки все идут, что какая-то сила помимо их сознания движет ими, и каждый, раздумывая на ходу о всем на свете, это место о движущей силе предусмотрительно обходит. Вот этот-то обход главного у одних «со страхом и верою», у других с уважением и почтительностью, у третьих с гримасой и есть непостигаемое...

Как мы мучились, доставая путевку в дом отдыха Академии, и вдруг ключ нашелся: Ной Соломонович! Теперь то же к Вавилову: секретарь, как собака, не пускает. И вдруг Таня по телефону: — Да вы бы к Вавилову! — Рад бы, — отвечаю, — да как попасть. — Очень просто, у меня дружба с его женой.

Так и нашелся ключ от всей Академии.

В поезде. — Посмотри, детка, в окно, к какой это станции подходим. Прочитай! — Мужская! — кричит мальчик. Все смеются. — Это не то, читай дальше. — Женская, — кричит мальчик. Опять все смеются. И наконец, прочиталось: Голицыно.

Был и дождь в этот день — все было. К вечеру потеплело, и охватила душу вся мощь природы начала мая. Пошли на тягу, и сначала было прекрасно и, слушая птиц, я испытывал ту же самую радость, когда Ляля слышит в церковном песнопении, отвечающем тому или иному месту годового круга. (На реках Вавилонских, Христос Воскресе и др.) Это состояние на тяге удивительно похоже на все-

ношную. Деревья молятся, как люди, простирая все свои веточки к небу. Птицы как певчие на клиросе. Кукушка похожа на дьякона и есть священник невидимый, но все знают, что он есть и ждут его великого выхода.

И вот не знаю, отсюда вышло наше богослужение, из природы, или оно от нас сюда пришло и сейчас сюда приходит через меня и таинственно-скрытый священник природы — это я сам? Отвечаю на это: — Нет! Это не я начинаю и управляю мистерией вечерней зари, чувствую, что я сам подчинен.

Солнце еще не село, месяц показался на небе. И когда село солнце, то месяц стал разгораться, и вокруг все стало сыреть и холоднеть. Раньше времени умолкла кукушка и все птицы. Время от времени как спросонья крикнет кто-нибудь и смолкнет. Солнце село в синюю плотную тучу.

Девственная природа тем радость, что в ней себя ребенком чувствуешь и так по-ребячески понимаешь, что все вокруг живет без хозяина, и сам это все получаешь даром, как родительский сад.

Впервые понял, что содержится в слове милость и почему русский народ взлелеял царя милостивого, почему «милостивый государь», почему и «милость Божья» и все такое. Милость — это внимание к личности, к частности, к случаю, это есть то самое, что я называю родственным вниманием.

Противоположное начало этой милости есть немилость («в немилость впал», т. е. исчез, как действующая личность), то же и «закон», приказ, казнь — словом, все, что относится ко всем, но не к каждому. От Бога, равно как и от злой силы, может исходить торжество общего начала и казнь личности, но в верованиях русского народа если одно сопоставляется с другим на выбор, то или другое, то чаша с милостью перетягивает, и говорят: страшен черт, да милостив Бог (Христос).

Собственно говоря, я к этой милости пришел через оскорбление управляющим делами Академии И.В. Зубовым. Выслушав по телефону просьбу П.И. Чагина помочь ремонтом дачи писателю М.М. Пришвину, он сказал бывшему в его кабинете Б.Л. Шахновскому: «У меня своих стариков довольно, академиков, буду я еще помогать старику от писателей». Оскорбительно тут было «старику», потому что в искусстве стары только те, кто не может больше участвовать в творчестве. Вот рассасывая в себе эту невыносимую грубость ограниченного человека, я и понял милость, как внимание к личности. И мне представилось ясно теперь, что в каждом администраторе есть два противоположных начала: одно очень простое, личное и всякому доступное («каждая кухарка может управлять государством»): это, что перед законом все равны (Бог любит всех одинаково); второе начало — это, что каждый из всех чем-нибудь своим отличается и милостивый администратор должен это принять во внимание (Бог любит всех, но каждого больше).

Меня это наводит на мысль, что мое Надо и Хочется вполне отвечает — первое всем, второе каждому (милость). И этот состав творческой власти надо разделить между Сутуловым и Анной.

Всякий дурак может приказать стричь овец под одну гребенку, но хороший хозяин в каждой овечке видит свое, как будто он любит всех, но каждую больше.

Луч света проник в темный ельник и открыл нам, что там на рогатке сидел зяблик и о сухой сучок точил так свой носик.

12 Мая. Ночью еще был дождь, утро нехолодное, ходят большие кучевые облака.

Вчера не застал Таллинга, но понял, что скорее всего мне нужно пользоваться не кем-нибудь отдельно, а всеми: в райплане — лес, от Таллинга — железо и краску, от Шахновского — транспорт и рабсилу, от Академии — путевки и т. д.

Ходил к Таллингу, потом вместе на дом смотрели. Заметили, что крыша железная покрыта слоем земли в $1/4$ аршина и на земле малинник вырос. — Малину, — сказал я, — понимаю, это птицы натаскали, а откуда земля? — И землю тоже. — Как, птицы? — И птицы, и все. На самом деле это невозможно и спорить нельзя. Таков человек.

А Петухов сказал мне о подвальном помещении: — Тут никто не жил.

После Ляля сказала: — Какая внизу хорошая квартира. — Отличная, — ответил Петухов, — тут люди жили.

Так сказывается в мелочах человек.

Точно так же Шахновский: — Машина моя в вашем распоряжении. А когда попросишь — нет! И так во всем — нет и нет. Очень маленький уязвленный человечек. Администрирует, распоряжается, прячась из-под печки.

Шофер его — маршал двора, вечно пьян и всех кроет матом. (Есть всякое властное начало в человеке: он, тесть лесничего (пекарь), дьячок у Ивана Воина.) («Хорьки» по-Тургеневу.)

Ляля привезла из Москвы «старуху» (Наталья Алекс.). Заказали на завтра председателя сельсовета. Таллинг свел с Вас. Иван. Вечером Ваня, уезжая, посадил в машину. Возня с трактором. Троса нет. «Пахан» (шофер) гремел на весь двор. За типами моей повести недалеко ходить.

13 Мая. Майский мороз –1. С утра солнечно. Сегодня должна совершиться покупка дома, и Ляля уедет в Москву. Что-то вроде свадьбы Подколесина, так бы и выпрыгнул сам в окно. И это вечное: везде и каждому в промежутке между решением и действием хочется убежать в сторону, прыгнуть в окно.

Недоволен я собой: весь я в настроениях, нет смелости и прямоты, нет лукавства достаточного. Боже мой! как я жил и как я живу! Одно, одно только верно — это путь мой, тропинка моя извилистая, обманчивая, пропадающая...

В природу у каждого есть свое окошечко, он смотрит туда в окошко, как в поезде смотрят люди: собственно говоря, смотрят в себя, а в природе это свое внутреннее отражается. Часто в себе видишь одну мерзость, и чем глубже ищешь, тем хуже, и тогда, как спасаясь от себя, схватишься за то, что видишь, и вот каким оно тогда покажется прекрасным!

Так вот, значит, под словом «природа» мы и понимаем это самовозрождение по склонности нашей боготворить, приписываемое «природе». Так язычники поклонялись солнцу, звездам и месяцу и всем стихиям природы. И мы не дальше их, когда прибегаем к целебной силе природы. Но мы много дальше язычников и пантеистов, когда в этой «природе» видим милость Божию или рождение личности человеческого существа, называемого нами Христом.

Около времени вечернего чая пришли девушки: предсельсовета и агроном. Они поставили печать к заготовленной нами бумаге, и двухмесячная борьба и колебания были закончены: развалины дачного дома стали нашим владением. По настоянию Ляли я подарил Критской книгу «Жень-шень» с надписью: «Наталии Александровне Лебедевой-Критской на память о счастливом хомуте: я счастливо влез в хомут счастливого 13 мая 1946 г., она счастливо из него вылезла».

14 Мая. С утра холодный дождь. И так уже прошло 12 холодных майских дней почти с ежедневными дождями. Почти уже две недели распускаются березки и все еще стоят скорее желтенькие, чем зеленые и сквозь них...

Утром проводил Лялю с хозяйкой дома, и гора с плеч свалилась: дом мой. Бродил под дождем до обеда, стараясь избавиться от головной боли.

Из-под толстого слоя зимовалых* длинных хвоинок в сосновом бору пробиваются зеленые листики земляники.

* Зимовалый — пролежавший всю зиму, перезимовавший.

Цветение черемухи остановилось в зеленых кисточках мелких бутонов, и глядя на них, вспомнились свои собственные бутончики жизни, остановленные внешним холодом. А когда стало лучше, мои бутончики начали мало-помалу раскрываться, и на старости лет я зацвел.

Пришел милиционер санинспекции Галкин и заявил, что санинспекция водоохранной зоны запрещает сделки, подобные моей. По выяснении этого дела с директором оказалось, что запрещение можно обойти. Завтра приму меры.

У нас в обращении три мировоззрения:

1) еврейское родовое (массово-фаталистическое);
2) русское революционное (героически-общественное);
3) [русское] православное (лично-соборное).

В первом личность вовсе не имеет признания, во втором личность утверждается в жертвенности (умирает за други), в третьем личность умирает за други (героизм) и воскресает.

Все эти три отстоя русской истории в настоящее время видны очень отчетливо: революционное движение в существе своем кончилось (старые знамена поистрепались), остаются два, назовем, состояния мысли: еврейское и православное.

15 Мая. Утром сегодня поднимался от земли пахучий пар и останавливался в парке белым туманом. Земля курилась. На белом фоне тумана против солнца черным горошком, посыпанным в воздухе, виднелись всюду липовые почки, шоколадные, но все еще не раскрытые. Наверно, тут они в тепле земного пара и раскрывались. А из земли пар все валил и валил, как дым кадильный.

На душе становилось возвышенно, сама душа поднималась вверх, и в этом движении вверх сквозь белый туман, сквозь черные стволы яснела истина, как Солнце. И казалось, что если бы взяться покрепче, то можно бы так и удержаться навсегда на пути к истине.

Странно было вспомнить, как вчера в читальне отдыхающие, прочитав в газете о том, что и май и июнь будут по температуре ниже среднего на два градуса, ныли, брюзжали, жаловались на перемену климата и т. п. Бедные «средние» люди, глупые как кролики, не знали, что душа живет не средней температурой.

Рано, до завтрака пойду во вторую Загородную, где живет Галкин, дам ему денег и попробую устроиться без своей поездки в Рублево. И вообще на дачу надо смотреть как на пробу: выйдет — очень хорошо! Нет? Тоже неплохо: гора с плеч, что все это пустяки в сравнении с тем, что мне хочется и что я могу сделать.

Температура в тени доходила до +25. Ждали грозу, но нет! — вечер вышел тихий, ласковый, трудно было оторваться от реки. Ночью накануне этого роскошного дня кричала сова, утром пел соловей.

Милиционер Галкин обещал 21 поехать с моими бумагами к Мускату. Я взялся было за бумажник, он отказался и сказал: — Кончится дело и тогда... Показал большой палец. Вечером на даче раздавал вассалам землю под картошку.

16 Мая. К утру безоблачно, юго-восточный ветер и в тени +20. Березы стали сильно убираться, но сквозь зелень кукушка видна. В бору сильно запахло смолой. Весенний ручей, столько времени неустанно бормотавший, разбился на озерки и остановился. До завтрака ходил к Таллингу сказать о санинспекции, чтобы подождал соваться с ремонтом.

Водокачку обслуживают два тургеневских старика, один из них, Щербаков, обещает сделать водопровод в мою дачу и ванну.

И сделаем! Вообще все сделаем, и мне кажется, эта дача, благодаря своему расположению возле рыбной реки, боль-

шого леса, и что болото недалеко за рекой, и что Москва — рукой подать, и что санаторий будет тут же, доктора, и что местность самая здоровая, и нет комаров, и много бывает грибов и ягод, и что великолепные дали виднеются, и вблизи берега, холмистые березовые и сосновые — по всему, по всему будет у меня чудесно. Я смею сказать, что материальная радость от этой дачи будет отвечать духовной радости, какую дала мне Ляля своим приходом $6^1/_2$ лет тому назад.

А правда, сколько мне от Ляли пришло. Вот слушал недавно, как Венгров задиристо ругался, и я думал, что раньше и я мог быть таким, а теперь никогда. Вообще, Ляля родилась от моей мечты, она точно такая, какую мне надо было.

Венгров рассказывал мне, как он распоряжался монахами в Белых Берегах, и что один из них на пасеке даже с зябликами разговаривал, и он, Венгров, направил туда к нему детей от ОНО и монах этот давал детям мед и огурцы.

И еще вспомнилось о том, какое бодрое письмо я послал умирающему о. Афанасию. Наверно, он испугался моей бодрости. Какая уж тут бодрость, если у него семью отняли и, главное, церковь, выстроенную им самим. Он был уже не от мира сего, а я ему бодрости прибавить хотел. Теперь стыдно.

Сейчас ($7^1/_2$ вечера) летний теплый дождик идет и им пахнет точно, как пахло когда-то и в Хрущеве. Липы заметно распускаются. В кустах черемухи сквознячок стремится оторвать от дубовых прутиков старый прошлогодний лист. И как он трепещет, этот старый лист! Кажется, будто он вину свою чувствует: кругом все молодые листики, зеленые, блестящие на старых веточках сидят, а он, единственный старик скрюченный, сидит на молодой веточке.

Читаю с восхищением «Записки охотника». Мы были наследниками прекрасной точки зрения Тургенева на простой народ: точки зрения свободной человеческой

личности на существующее и уже осужденное рабство. Так мы и продолжали (мама: Как я мужика любила!) до тех пор, пока необходимость создать новое государство и защитить его (война) сделала невозможным свое личное чувство свободы отображать в простом человеке. Наше чувство личности повисло в воздухе, и единственным зеркалом его стал Христос.

Ни удивляться, ни обижаться, однако, тут не следует. Надо только помнить, что вызывая коня свободы (личность), вызываешь вместе с тем всегда и барьер, через который твой конь будет перескакивать: умел... умей и... (как это говорится?). И последний самый страшный барьер — это смерть, и последнее усилие — это скачок через смерть.

17 Мая. День начался легким светлым облачком, смягчающим солнечный свет. Очень тепло уже третий день.

Брожу весь день между липами, и вдруг вспомнилось Хрущево: там был тоже такой легкий для дыхания воздух. С тех пор я не дышал таким воздухом. Бедный Михаил! Всю жизнь в болотах скитался и думал, будто лучше и нет ничего.

А часы золотые? Тоже всю жизнь в руках не держал и как обрадовался.

А Ляля? Вообще ничего никогда у меня настоящего, как у всех, не было.

А мать-то моя! Та даже и умерла, не испытав женской любви.

Да и вся Россия такая жила в бедности, не думая о том, .что где-то лучше живут и нам бы можно тоже...

Потешились вы над монахами, над этим «фольклором», но только помните, не будь их — не было бы у нас Пушкина, Достоевского, Толстого, Тургенева, Гоголя, и что распространяя теперь в народе этих классиков, вы действуете, как миссионеры православной культуры.

Вера без дел мертва, а любовь? Дело любви — это дети, но если не дети? Если не дети, то все: всякое дело на свете должно быть делом любви. Так вот и сочинения Тургенева были делом его любви. (При чтении «Записок охотника».)

18 Мая. Вчера на ночь пошли майские жуки. Утром первое, что бросилось в глаза — это липа одевается.

Роскошные, самые роскошные дни. Люди наши бродят, как пьяные мухи.

Сегодня у нас голубой туман. Зеленой видится только близкая первая кулига* леса, а вторая подальше голубая, как облако, и оттуда к нам в два-три голоса летит неустанное «ку-ку». Семь березок у нас на дворе вместе срослись внизу и так все вместе выросли и состарились.

Меня кормили, за мной ходили, убирали, почитали — и все было так, что ты сиди и пиши. Так нет же! Как только мне стало очень хорошо жить, я стал искать себе заботу, высматривать, выспрашивать и, наконец, нашел себе полуразваленную дачу, купил, истратил все свои деньги и стал ремонтировать: забота бесконечная. И все это похоже на «а он мятежный ищет бури, как будто в буре есть покой».

То же самое помнится, когда после великих мучений с большими приключениями невеста моя, наконец-то, сдалась и написала родителям письмо о том, что она замуж выходит, и вручила мне это письмо, как паспорт к родителям, я вдруг похолодел и все мое очарование рухнуло; если бы она не догадалась... разорвала письмо и воздвигла новое препятствие такое, что я всю жизнь не мог его преодолеть.

Не очевидно ли, что сущность жизни есть борьба, и радость жизни есть торжество победителя. Если же радость дается без борьбы, готовая, как невеста моя, как покой белого паруса, как счастье писать в доме отдыха, то мы сами

* Кулига — здесь: участок леса, поляна в лесу.

вызываем препятствия. Вот именно только на этой основе я и купил себе этот дом на реке и столько взял хлопот на себя...

В темном ельнике там и тут, как зеленое пламя, вспыхнули березки, осинки, рябиновые и всякие лиственные кусты.

Свобода, наверно, не обман, свобода скорее всего есть вызов на борьбу. Это стремление к свободе заложено самой природой в душу самца, а в мире человека в душу героя. Величайший герой вызывает на бой самую смерть и побеждает ее, перешагнув через собственную смерть.

Мне так ясна сейчас моя работа: Куприяныч (не Данилыч) — это дух свободы, исчезающий в лесу туманом. Сквозь туман слышится хохот гугая (филина). Дальнейшая борьба с природой, покорение зверей, превращение плавины в корабль есть образ борьбы всего человечества за свободу.

А может быть, есть путь иной к свободе, чем дерзновенный вызов героя. Мудрец, не объявляя свободы, берется покорно нести то бремя, которое ему завещали отцы. Таковы у нас Тушин толстовский, Максим Максимыч у Лермонтова, «акушеры» у Маркса. Все это, однако, действительно не больше как социальная поправка (временна́я) к сущности героя.

Таковы наши герои революции, «смиренные» Каляевы, Ленины. На этом пути смирения героя, впрочем, родится и перестраховка: чеховская еврейка учится в консерватории музыке, а потихоньку ходит на зубоврачебные курсы.

Ветерок загулял по вершинам деревьев. Вижу, как заиграли на березе молодые клейкие и блестящие листики, слышу, как зашумели ели и сосны, но шум этих нежных листиков я больше уже не слышу и это слышать трудно: этот шепот почти такой же, как шепот падающих снежинок...

Как зеленое пламя, вспыхнула береза в еловом темном лесу, и ветерок уже заиграл всеми ее листиками и будет играть всю весну, все лето и осень, пока все не сорвет и не останется береза опять одна со своими голыми прутиками. — Ты знаешь, Жулька, — сказал я своей умнице, — эта березка тоже когда-нибудь как мы с тобой бегала, но ей понравился ветер и что он играет ее листиками. Вот она остановилась и отдалась ветру, и с тех пор она стоит так, а он ею играет.

Сегодня такая трава, что роса уже мочит ногу. В лесу зеленая трава хоронит желтые прошлогодние листья. Нога еще чувствует не траву, а эти листья... но они уже не шумят...

В сущности, каждый субъект любой твари, как новорожденный месяц, находится в дополнительном кругу всего мироздания. Благодаря этому у людей создался путь отступления: пусть, рассуждает иной, я не герой, а маленький человек, но всякий маленький заключен и окружен дополнительным кругом всего мироздания. Эта мысль у Достоевского дана в человеке из подполья, этим, наверно, живут и кроты, и всякая дрянь находит себе оправдание и утешение.

Впервые, сравнивая мать свою с другими женщинами, понял, какая она была прекрасная женщина. Чувствую, что мой идеал человека рождается во мне от матери: смотрю на нее и вижу все...

Сегодня расцветает черемуха и запела везде иволга. И так это сошлось: майские жуки, черемуха, иволга, роса на траве.

Типов не надо искать: типов нет и не нужны они. Надо каждому человеку в его жизненной борьбе находить противника и делать так, чтобы один понимался через другого. Так, напр., нашего директора Шахновского сразу можно понять через шофера Бодрова. Как художники дают не

цвета сами по себе, а их отношения, так и мы людей должны давать не типами, а в отношениях друг к другу.

Так вот отношение воды к берегу, женщины к мужчине, Анны к Сутулову — если бы мне удалось это преобразовать... Сутулов –Тушин. Это ново и это социализм.

Пошел в гости к Галине Донатовне. Это чуждый в основе своей человек. Надо бы отшучиваться, а я всерьез. Это представительница серединного тупого бабьего коммунизма. Но это надо понять хорошо.

Так рассуждаю: администратор дает приказ, общее распоряжение. Навстречу общему действует личное начало: выполняющий приказ встречает личность, и, выполняя приказ, учитывает особенность случая. В этот момент он делается творцом чего-то нового.

Хочу думать, что этим мы победили немцев, это способность русского применяться к случаю (к личности). Напротив, немец погиб от принципа (приказ).

Мне нужно было часа $1^1/_2$ говорить об этом, чтобы моя собеседница сошла со своего трафарета.

Я взял пример. В Ельце матросы отбирали оружие. Нотариусу Шубину 80 лет. У него мундирная шпага. Матрос навел пистолет на старика:

— Давай шпагу!

— Он поступил сознательно, — сказала Галина Донатовна.

— Так же сознательно, как ветер.

— Нет, он держит принцип: отнять оружие у классового врага.

— Это общее сознание, но не личное. Матрос должен был как личность понять, что мундирная шпага не оружие, что старый нотариус — не классовый враг. Итак, я утверждаю, что это был глупый стадный матрос, выполняющий приказ, как баран, что на этом немцы провалились, а русские победили личным, не механизированным сознанием.

Моя собеседница замолчала. Но чувствую, она замолчала в сомнении к моим словам, точно так же, как я узнал в ней враждебное моему духу страшное начало сплющивания личного в общее. Про этих людей говорят: «пушкой не прошибешь», а я хочу словом. Главное же в том, что у нас существует запретная зона личного мнения и на границах зоны разместились охранники, враги личного мнения.

Впрочем, надо помнить еще и вот что: что общий ум, общий принцип, охрана границ, вообще борьба за общество, устранение произвола, анархии, установление закона — это столь же нужное дело, как и дело самой личности, особенно у нас, русских. И вообще, при недостатке хлеба необходимы очереди и хлебные карточки. Это надо понимать, а не биться против очереди при недостатке хлеба.

19 Мая. На ночь шел теплый, как парное молоко, дождик, и утро настало роскошное. Цветет черемуха. Первый раз в жизни читаю «Записки охотника» целиком и ясно вижу, что вот это все от самого Тургенева, как «Одиссея», «Илиада» — все от Гомера. И что мы, пишущие, и наши современные критики не могут знать, что именно от нас останется. И останется ли что-нибудь? Тоже вопрос.

Очень, очень скучно без Ляли, но ничего, это известно, что чем больше тоска, тем потом лучше будет писаться. Надо переносить, она, бедная, там тоже не от радости сидит.

Привязалась женщина-геолог (координаты нерушимы) — живой пример в доказательство того, что эмансипация женщин есть выход их из семейной кухни в мировую кухню человечества, причем выход этот сопровождается восхищенным утверждением: восхищение поварихи.

Познакомился с писателем-географом (Владислав Якубович). Я ему изложил свою старинную мысль о войне славян с немцами, как войне личной идеи (послушание) с государственной (Pflicht), и он отлично понял меня. Мало того! В разговоре со столяром Вас. Ив. (он был на войне) я

эту мысль раскрывал в сравнении отношений немецкого офицера к солдату и русского, и что русский «дурак» подчиняется, оставляя для себя кое-что (смекалка?), и вот это «кое-что» и решило победу. Вас. Ив. это понял и признал. То же признал раньше и помощник директора, чекист бывший Иван Мих. Мазуров, прибавив, что наши лейтенанты вгорячах порядочно-таки на этом пути перестреляли солдат («Правда, конечно, и их потом тоже»).

NB. Об этом надо подумать: что современный наш страх перед «Cogito, ergo sum» многим обязан выходу поварихи и няньки на сцену общественной деятельности.

Якубович сказал, что тупомыслие средних [членов] нашего общества есть необходимое следствие революции и войны и что обращаться можно только теперь или к старшим, или к малым.

20 Мая. С 15-го мая идут дни один краше другого, и чем лучше, тем сильнее льет из души моей тоска. И я чувствую, что так это и быть должно, и такая сущность поэзии (белеет парус) — достижение покоя сопровождается вихрями. И тут как-то все сводится к близкой душе: есть такая — в такой день она должна быть здесь, нет — надо ехать куда-то или лететь...

Вчера вечером — осада деревенскими мальчишками (все орут, и все курят и дерутся) дома отдыха: стремятся проникнуть в кино и стучат в дверь. Время от времени дверь открывается и комендант Коля хлещет палкой. Весь интерес мальчишек — увернуться от палки и произвести шум. Тип мальчишки-хулигана (то же, что и у меня в гараже). Два выхода: 1) поймать, исколотить; 2) вынести кино на воздух и давать картины всем на стене (так уже было)... Третий — пример Макаренко.

Неправильно делать, рассчитывая на или так, или сяк, нужно собирать все на пользу своего дела: и так — и сяк, все дай сюда.

21 Мая. Вчера добрался до Лаврушинского, все были дома. Ляля видимо очень смущена тем, что должна сидеть возле матери и оставлять меня одного. Надо всячески успокоить ее тем, что мне хорошо, интересно и все будет отлично. И пока такое положение, мне нужно подтянуться самому и строить свою поэму как твердую вещь, как дачу, и дачу строить, как поэму. Весь участок я засею медоносными травами и зимой достану пчел. К зиме дача будет готова, весной, е.б.ж.*, выпущу на свои липы своих пчел.

22 Мая. Сухой плеврит.

Сегодня утром рано, наконец, свиделся со своей машиной, заправился в колонке и благополучно по новой неведомой дороге через Успенское добрался до Поречья.

23 Мая. Среди дня температура спала до 35, потом медленно стала повышаться до нормальной. Очень надеюсь, что все тем и кончится. Заказал Вас. Ивановичу на завтра Таллинга. Теперь с машиной и документами дело в моих руках.

Маруся (фельдшер) рассказала мне о своей жизни и просила совета, что ей читать, чем заниматься, чтобы сложить свою жизнь хорошо: медицину взять, педагогику или что.

— Медицину? хорошо. Педагогику? очень хорошо, но любовь дороже всего. Постарайтесь с этим устроиться.

Потом пришел неглупый человек Якубович. Я ему рассказал о Марусе и моем совете. Да, сказал он, это человека занимает на семьдесят пять процентов. Думая о том, что любовь — это все, я сказал, нет, я думаю все 100. Уступаю вам, сказал он, но один процент придется удержать: на 99%. Мне это показалось неглупо, и я рассказал о «нафталиновом» профессоре, который всем занятно рассказывал о своей чудесной жене и все им восхищались, но садиться

---

* Е.б.ж.— аббревиатура, придуманная Л.Н. Толстым (означает «если буду жив»), которой он обычно заканчивал свои письма.

рядом с ним, зная, что он будет говорить о жене, избегали. Может быть, сказал я ему, для полноты не хватало вашего одного процента.

После Якубовича пришел Венгров, я ему тоже рассказал о Марусе.

— Любовь! — Ответил он, — что под этим понимать, какая любовь? — Вся любовь. — Ну тогда, конечно, в ней все сто процентов.

24 Мая. Оделся, умылся, встал, хочу жить здоровым, а там как выйдет. «Ох, ох!» — покряхтываешь и кажется это самому не всерьез. С другой стороны, подумываешь: может быть и все, кто кряхтит, тоже не всерьез. А это мы, здоровые, глядя на них, боимся страдания, и наше сострадание больше всерьез, чем самое страдание.

Ефр. Павл. через Леву прислала письмо с приглашением на именины. Хочу ей так ответить:

Дорогая Ефросиния Павловна, рад бы приехать, но не выйдут у нас с тобой именины, которые как-то ведь нужно «справлять». Лучше я просто в один прекрасный день заберу Леву с внуками в машину и прикачу по хорошей погодке. А насчет одиночества, то подумай, сколько у нас теперь одиноких женщин, одиноких по-настоящему. У тебя же сыновья и внуки и, Бог знает, сколько разных смоленских родных.

25 Мая. Вчера вечером приходил Якубович с книгой своей «Занимательная география», Алик с рассказом о рыбе, которая у него сорвалась с крючка, юноша с темой человек в природе (сам-человек), Вас. Ив. от Таллинга с тем, что завтра утром ехать в исполком за лесом.

Таллинг превратил меня в прораба. Но я не тужу: сделаю себе жилье в доме, сделаю гараж, забор и все остальное на будущий год.

Мы не знали, что эта береза сухая, даже когда соседние деревья начали чуть-чуть зеленеть. Но раз утром, когда

солнце было позади нас, на востоке, мы услышали шум пропеллера и тень самолета, как тень от облака, пробежала по всему зеленеющему парку. Тогда представилось, будто одно дерево, одна большая береза не вышла из тени, но тень обожгла ее. Тут только мы и поняли, что береза была сухая.

Юноша пришел с вопросом о девственной природе: я люблю природу, сказал он, но не все ее любят и оттого девственная природа разрушается. А некоторые говорят: и пусть, мы закуем землю в асфальт.

— Мало ли глупостей говорят, — ответил я, — и пусть уничтожают девственную природу. Пока человек будет чувствовать в глубине самого себя как нечто «настоящее», как сокровенную реальность жизни «познай самого себя», до тех пор сохраняется девственная природа, потому что сама-то природа есть сам человек.

Узнал, что у меня сухой плеврит. Зам. председателя райсовета Полетаев Ник. Ник., вид простецкий, но узнав, что я покупаю и ремонтирую дачу, спросил: — Вы хотите на ней оленей разводить пятнистых? — Вроде этого, — ответил я. — Постараюсь вам помочь всеми силами.

И в одну минуту я получил 25 м^3 леса, о которых хлопотал уже с месяц напрасно. Так нашелся метод моей дальнейшей работы: все делать самому, ничего через председателей.

Маруся рассказывала, сколько всего она вынесла на войне: и холод и голод, и страшную контузию, и раны. — И чувствую, сказала она, что еще и еще больше могла бы вынести, но одного не могу: обиды. И как сказала «обиды», глаза ее наполнились слезами. После того рассказывала, какой хороший человек ночной сторож дядя Вася. — Чем хорош? — Тоже обиды боится: не обидеть бы кого.

26 Мая. С утра доклад Вас. Ив.: завтра начнут делать рамы. Доронин будет готовить лес к дороге...

27 Мая. Болезнь ухудшается (заболел в среду). Доктор Фрида (порочное существо) утверждает, что сухой плеврит — это три дня. Люди же, у кого он был — три недели. Никогда не видал врача столь утонченного в цинизме, как Фрида — сам порок.

Встав поутру, напился кофею, и уже это самое последнее, если дошло до того: стал раскладывать пасьянс, а Жулька ушла на балкон. Глядела, глядела Жулька через балюстраду и, наверно, ей стало так же скучно, как мне. Она высунула голову ко мне в комнату, долго глядела и, поняв, что у меня еще хуже, чем там на балконе, вернулась на балкон. (Не забыть старинное намерение описать отношение собаки к человеку, как к богу.)

После вчерашней моей выходки (разнес Фриду при людях в пух и прах) начался за мною великолепный уход и сразу как будто полегчало.

Большое и маленькое в стихии воды не как в стихии человеческой: большое, мол, оно тем хорошо, что большое, а как ты маленький, то и отходи прочь, жалкое создание. В стихии воды — у своего места велик океан, а у иного — в лесу или в пустынном оазисе — маленький ручеек совершает не менее великое дело. И маленький ручеек, подбегая к океану, не ежится, не останавливается как торопеющий перед большим человек, а как равный, как брат весело сливается: сейчас он был ручеек, а вот уже он и сам океан.

28 Мая. Вернулись майские холода. Болезнь — не лучшеет, по ночам спать нельзя, рвет кашель. День хожу сонный, вялый. Ляля приехала. Зубов не дал курсовку на лето. На Панферова мои надежды.

29 Мая. Отправил с Галиной Донатовной письмо Ефр. Павловне. Панферов и Таллинг одного типа коммунисты: делая неплохо основное дело, стреляют вокруг холостыми зарядами.

30 Мая. Холодный (+10) серый день с дождичком. Подозреваю, что плеврита и не было, а кашель горловой. Вчера подписали договор с Василием Ивановичем (плотником). Приходил Таллинг. Сегодня гонец направлен в Голицыно по лесным делам. Рамы делаются. Надеемся на следующей неделе поднять лес.

Две старушки — два тупика. Анна Дмитриевна и Наталья Аркадьевна. Нат. Арк. — верующая «для себя», т. е. что причаститься полагается и т. п. Анна Дм. — не смеющая верить («раньше не верила, а теперь откуда возьму?»).

Лева ворвался. Отдал ему письмо к матери. Заказал на завтра Таллинга, едем в Голицыно за лесом и за кирпичом. Заплатил 700 р. за доски (10 для рам и дверей).

Вдруг почувствовал улучшение в здоровье.

31 Мая. Стоят прохладные солнечные дни.

Цветет сирень. Ландыши еще не открылись.

Чудо делается силой Божьей, а правда — рукой человеческой.

Впервые сел за руль. Ездили с Т[аллингом] и Лялей в Голицыно. Бился с бабой-законницей за лес. Лесничий Борис Леонидович Антонов. В обход закона по примеру короеда. Липа растет на глубоких почвах.

Трудно было в душной кабинке, все думалось — дунет ветерок и все вновь начнется. Но все обошлось хорошо. Вечер был роскошный. Пел соловей.

Мне потому вспоминается Хрущево, что с тех пор я и не жил в здоровой природе и мало-помалу забыл, что она существует. Я жил в болотах, в комарах, понимая такую природу как девственную, как самую лучшую. И с Ефр. Павл. жил с вечной благодарностью Богу за хорошую, верную мне бабу. А разве мать моя жила не тем же чувством благодарности за жизнь, какая она ей пришлась, не имея никакой претензии на лучшее?

И вот почему, когда я вышел из болот и стал здесь на глубокую почву, где липы растут и нет комаров, мне кажется, будто я вернулся в Хрущево — лучшее, прекрасное, какого и не бывало на свете.

В таком чувстве и заключается секрет долголетия (своего рода «чти отца и мать»), т. е. будь доволен тем, что дано тебе. Очень возможно, что в этом чувстве таится и вся сила русского народа: край родной долготерпенья.

1 Июня. Роскошный жаркий день. Ландыши в бутонах. Все цветет и поет.

Первая ночь прошла без изнурительного кашля. Теперь до двух недель болезни остается дня 3–4, набраться сил и плеврит окончен (две недели). Но силенок мало после болезни. Ляля это подметила и ну мучить меня! Из Москвы дошло, что и теща там тоже мучится моей болезнью: чистейшая культура эгоизма (бабье начало). А впрочем, пусть! Мужество и великодушие...

Собака между природой и человеком (наблюдение). Мы сидели на своей верхней одежде на лужайке, окруженной липовым подлеском. Среди высоких лип и еще выше их стояла могучая береза и тихонько шевелила там, в высоте на ветру, своими зелеными прядями. Жулька там что-то заметила и стала наблюдать, как на стойке, не шевеля своими белыми ресницами. Мы были счастливы, в нас только чуть-чуть скребло, что, может быть, уже и нет больше сил ответить этому празднику природы. Но это чувство было далеко в глубине. Мы были счастливы, ничего не думали и тоже вместе с Жулькой следили за движением ветвей в куще березы. Вдруг там раздался резкий крик дрозда-рябинника и, вместе с тем, появилась смущенная испуганная ворона. Маленькая сравнительно с ней птичка дрозд взлетела ввысь и падала на ворону, и та виляла во все стороны, носясь между деревьями, удирая в ужасном испуге. Жулька бросилась...

Ольга Ильинична относительно мучительства жалостью сказала, что это у Ляли общебабье чувство: без

этого нет бабы на свете. Тогда мне стало понятно и мое раздражение, мой протест: это мужское чувство жизни безличное. И тоже понятна та суровость, с которой относится умирающий мужчина к близким, напр., кн. Андрей у Толстого (естественное отстранение своего личного, случайного человеком, стоящим у порога вечного). Такой возведенный к идеалу муж является победителем самой смерти: он может перешагнуть через смерть. Напротив, женщина, возведенная к идеалу, является заступницей, хранительницей всего личного: она не переступает через смерть, оставляя мертвым хоронить своих мертвецов, а, напротив, рождает бога, который будет победителем смерти, рождает личности (т. е. момент жизни человеческой (бессмертной) рождает бессмертное мгновенье).

У древних то, что мы называем теперь «индивидуальностью», называлось «смертными», а богами — то, что мы теперь называем в человеке «личностью». Но надо помнить, что в широкой массе и даже среди философствующих людей индивидуальность и личность есть одно и то же (напр., у Волынского: «Что такое идеализм?»).

2 Июня. Жарко с дождем и грозой и парко, как летом на море.

3 Июня. Ночью дождь, днем парит.

Рано утром приходил Доронин. Я настроил его на короедные деревья.

Часть рам сделана. Дело за кирпичом.

Утром неожиданный автобус в Москву и Ляля моя в один миг собралась, и я «опять один». Лег на кровать читать г-жу Бовари, увлекся, пролежал бог знает сколько и, встав, почувствовал себя здоровым. Это чувство здоровья раскрывается, прежде всего, в пробуждении интереса во всем: вся жизнь интересна, за что ни возьмись. И все дорогое тебе становится дороже.

Реализм в искусстве — это есть, иначе говоря, путь к правде: искусство на пути к правде. Реализм — это, вернее всего, русская школа, тождественная с общим устремлением истории нашей морали в ее движении к правде. Может быть, и ложь-то наша особенно так велика из-за общего направления к правде. Может быть, и реализм Гоголя является обманом самой правды. Недаром же о Гоголе некоторые говорят, будто всех людей своих он выдумал и заставил всех нас в них поверить.

Но есть и какая-то истина в этом движении русского искусства к осуществлению правды, что-то вроде решения богов: сотворим человека. И человек был сотворен...

Вечером сказали: умер Михаил Иванович Калинин. И я ответил: — Царство ему небесное.

4 Июня. Вчера вечером на своем берегу проводили солнце под тучку. Утро вышло дождливое и теплое.

И человек был сотворен на величайшие страдания, какие только мог испытывать человек во все времена. В советское же время мы корчились, глядя именно на этого сотворенного нами человека! Как будто все время секли по заду и приговаривали, показывая на русскую литературу: «гляди, гляди, чего захотели! На, вот тебе еще, и еще, и еще!»

(Краснодарский пчеловод Шалыгин рассказывал, как он портрет Пушкина распространял по таежным деревням.)

Впрочем, еще нельзя разобрать, за что именно секли, то ли за то, что принимали участие в творчестве человека, то ли за то, что, сотворив идеал, сами живем как скоты.

Каждый простой русский человек в глубине души своей чувствует какую-то общую всему народу мерзость, какой вообще нет ни у какого народа другого.

Как он, какой-нибудь американец, скажет русский человек, может это знать, если ему даже встречаться с этим никогда не приходилось. Живет американец хорошо, и

если выйдет плохо — то всегда виден путь спасения: перечет и опять хорошо. Болезнь русского есть и его здоровье, эта болезнь есть идеализм. Его легковерие и неопытность состоит в том, что никогда он не был богат.

Теперь, поглядев как немец живет, он больше не будет шалить. Если только жизнь не кончится в новой войне, русский народ скоро оправится...

Когда я думаю о полюсе, которого достигали герои, питая иллюзии, и кончилось против иллюзии тем, что полюс есть математическая точка, то я всегда прихожу к мысли о правде: «Неужели же и правда, которой мы все по мере сил достигаем, есть тоже какая-нибудь математическая величина на глобусе человеческой морали?» И думаю, что это да и что это правду не уменьшает, а возвеличивает.

Вроде того как в наше время гимназистки, кокетничая, говорили: «Идеал недостижим», т. е. несъедобен, неудобоварим, не может быть использован для чувственного потребления, а представляет собой величину математическую как полюс, как правда — величину априорную.

Лес на холмах — деревья на небе, и там между ними коршун вьется. Милый мой! рай, чистый рай и по лугу тропиночка белая только одна, и только сюда, а отсюда уже нет обратной тропы. Пришел человек — и тропинка пропала. Покажется другой — и опять видишь, что по белой хорошей тропинке идет.

Премировали доярку путевкой в дом отдыха Академии наук. Деревенская пожилая старушка сидит с другими отдыхающими за круглым столом, прислушивается, вдруг засмеется — все делают вид, что не замечают. Хлеб из рук при еде не оставляет на столе, а вместе с рукой опускает на колени, и с ним опять поднимает ко рту. Кошку увидала и обратила внимание на нее, как будто увидала существо из своего мира... Встретит человека на лестнице, остановит-

ся, растерянно глядит на него, а кошку встретила — обрадовалась, кошка — знакомая тварь. Спереди гладко, тонким каштановым слоем, будто кожей обтянутая голова, а назади кулачок. Платья разные надевает из сатина. Но почему-то все одинаковыми кажутся. Потому что, наверно, что без всякой претензии и фасонов, все на один старушечий фасон, и только цветочки разные.

5 Июня. (23 мая по-старому: Михаил.)

Прошло ровно две недели после начала болезни, но силенок мало, t = 35,5, чуть полежал — и вспотел, и вместе с тем явился страх перед новой простудой.

Заклеймен лес 9 куб. (всего 25). Ездил к Таллингу, смехотворному шефу, за людьми. По обыкновению он показал шиш. Бросаю его. Все на Вас. Ивановича. Завтра он возьмет людей, лошадь и привезет круглый лес к дому.

По строгой прямой, часто махая крылышками, прилетел по своим семейным делам скворец.

Было все [зеленое], но вчера на лугу сразу везде брызнули одуванчики (Июнь).

Рыбаки.

— Так это разве крючок? — Мал? — Велик! Большой крючок на большую рыбу, а если подойдет малая и нет больших? — А если большая подойдет? — Большая и на маленький крючок попадется, а маленькая на большой никогда. Вот почему я ловлю всегда на маленький крючок. И подумав немного, Галкин продолжал: — Не то же ли самое с людьми: как раз самые-то большие попадаются на маленький крючок. И нам это видно, вот как видно! — Кому это вам?

Милиционер ответил: — Нам, рыбакам.

Правда-да! Правда-да! Правда-да участвует в творчестве, как замазка на зимних рамах, она скрепляет, чтобы не продувало...

Хорошие манеры — хорошая вещь! Но, бывает, скажут: манерно. Так вот и дипломатия — это как система государственных манер — тоже хорошая вещь. Но, бывает, скажут: говорите прямо, к черту дипломатию.

То же и с политикой: к черту политику, дипломатию, манеры. И начинается революция.

А когда пройдет революция, то опять берутся за манеры.

6 Июня. Забрав все вещи в машину, в 6 утра выехал в Москву с тем, чтобы устроить переезд в Пушкино, а самому время от времени наезжать в Поречье. По пути заехал в Дунино, познакомился с председателем колхоза Фед. Ив. Панфиловым. Заехал на минутку к Доронину, узнал от него, что вчера по случаю бури лес на дачу не возили, что упало от ветра два дерева для меня.

Приехав в Москву, думал, попаду на свои именины, а оказалось, они были вчера (5-го) и я весь день святого ангела провел за чтением «Мадам Бовари» Флобера. Только благодаря опыту с Лялей понял сокровенную мысль Флобера: изобразить Магдалину, маскируясь насмешками над церковной практикой. Дивиться надо, как могла эта книга иметь успех в Сов. России.

Человеки все веруют в богочеловека, Христа, а если кто отказывается, то это, друг, твоя вина, ты должен был их в этом убедить. Но не тужи, времени еще много, потрудись, успеешь сколько-нибудь, а после тебя найдутся другие, потрудятся и, когда настанет время, — вся власть на земле сменится милостью — тут придет снова к нам Господь Иисус Христос.

Наметились дела: 1) Ликвидировать плеврит. 2) В суб. 12 д. к Моршакову за материалами для дачи. 3) Заключить договор на книгу: «Наша страна» (или «Моя страна»?). 4) Достать для Жульки шпагатину. 5) Ул. Белинского. 7) Вечер Горького.

Хороший человек.

Проводили на тот свет М.И. Калинина. Это один из тех известных русских людей, о которых все говорят в один голос: хороший человек. Так точно вот сейчас говорят о ночном стороже в Поречье, все в один голос: дядя Вася — хороший человек. Над гробом Дунечки кто-то сказал: хороший человек.

Хороший человек должен при своих добродетелях обладать умом достаточным, но, м. б., не исключительным. Скорее он должен быть человеком умным в смысле ума общего, мыслить всегда, имея в виду ближнего. Бывает, кто-нибудь скажет: хороший человек, но... Тогда все вскинутся: без всяких «но»! просто хороший человек, и дай Бог, чтобы все были такими, — на земле бы тогда рай был! И это лишнее: просто хороший человек — и тут все.

И все-таки я утверждаю, что это какое-то «но» существует молчаливо при хорошем человеке. Так скрипучее колесо останавливается всегда с таким предупреждением: я остановилось, я молчу, но вот погодите, как двинется телега... Так точно и хороший человек — это что-то вроде остановки движения, роздыха в молчанье. Калинин — вот да, но... Сталин... И колесо опять заскрипело.

7 Июня. В Москве. Сотворив дела, хотим в воскресенье съездить с первым возом в Пушкино (на Троицу).

Первый раз у меня темпер. нормальная и чувствую себя лучше. Вот бы выздороветь! Пожить еще хочется на «Фацелии».

Из головы не выходит «Бовари» Флобера. В этом романе поставлена тема «преступная любовь», а сам, читая, думаешь: настоящая любовь всегда преступна. И многое из пережитого становится понятным: напр., почему Ляля, болезненно жалостливая, и правдивая по природе, когда дело доходит до «священной жертвы», становится такой жестокой, такой лукавой и коварной... И все глубже и глубже понимаешь сокровенный смысл притчи о грешнице, когда Христос что-то тростью писал на песке и говорил: кто не чувствует себя грешным, пусть первый бросит камень.

Настоящее искусство действует как мина, взрывающая обстановку привычных положений, и ты, кормчий, хороший человек, ведущий корабль к благополучию всех, бойся подводных мин пуще всего.

Вычитал из статьи Шолохова о Калинине, что ему Калинин хвалился тем, что к нему приходил старый умный писатель и он, Калинин, не струсил и прямо сказал: «Плохая и холодная вещь». Ясно, что писатель — это я, а плохая вещь — «Мирская чаша». Что же касается «холодная», то это, наверное, перепуталось у Шолохова. Теперь становится понятным все поведение Калинина... Этот бедный слесарь хорохорился на президентском кресле, понятно и все лишнее, о чем он говорил. Это он старался выпрыгнуть из своего президентского положения. Бедный хороший Михаил Иванович! Не знал, какого змия ласкал ты на груди своей.

История с автомоб. номером. Весь день в кабине душной из-за номера и перевода стоянки на Казачий.

И все сделали, и все на пользу. Вечером были Игнатовы. Рассказывали о Вавилове («физикан»). «Гордость» Наташи и «смирение» Евст. Вас. (представь себе оба лица!).

8 Июня. Изо дня в день жара. В ЦК комсомола у Моршакова. Достал три ящика стекла. Часть печных, оконных, дверных приборов. Достал письмо на кирпич, на штукатурку. Сильно продвинул дело строительства.

Когда он взялся за поэзию — пришлось признать даже облака за реальность, и когда жизнь заставила уважать государство, то реальностью истории оказались парады! Облака и парады! Еще немного, придет длительный мир, и наши «материалисты» поймут, наконец, реальность личности в человеческой жизни и вместе с личностью реальность Бога.

Преступная любовь: 1) Мадам Бовари. 2) Кармен. 3) Анна Каренина. 4) «Грешница» в Евангелии. Когда Христос тростью писал на песке. 5) Св. Магдалина.

9 Июня. Троица.

Навестили Пушкино. Валек и Настя. Распад дома Артемьевых (хирург Михаил Георгиевич, жена его Клавдия Лукинична, старшая дочь главн. врач поликлиники Валентина Михайловна, младшая дочь, замужем за наивным малым, ее детки. И герой романа, возлюбленный Валентины Мих., инженер «Cher amie» (Шерами). Старики разбежались, младшая сестра с детьми ушла, осталась Валентина и Шерами привел свою мать. Валентину душит астма. Если не задушит вовремя, Шерами ее посадит и завладеет домом).

Рекс разлопался и стал похож на Геринга (а весь развал-то и начался из-за Рекса).

Валентина рассказывала о местных администр. нравах, о положении врачей и больных. Мороз пробегает по коже.

Меня остановило на улице блестящее общество, в нем был директор театра Вахтангова, какой-то член Верховного Совета, какой-то знаменитый актер и др. Все подвыпившие, начали восхищаться моими рассказами. — По радио слушаем, восхищаемся. — Ну, как же, — ответил я, — мне золотые часы подарили. Никто не понял моей иронии. Кто-то сказал: — Часы! — это очень наивно придавать значение часам. — Вы не понимаете, — ответил я, — в наше время, помню, в день коронации в Ельце на Сенной площади был воздвигнут высокий гладкий столб, кажется, даже намыленный, и наверху столба лежали серебряные часы. Вот все и бросились по мылу наверх. Только один самый умный не бросился в очередь, а дождался конца. И когда мыло все стерлось, он полез, и дополз, и взял часы. Вот я и хотел вам сказать, что и я дополз, и взял часы, да еще не серебряные, как тогда, а золотые. Дай Бог и вам доползти. Тогда все меня поняли и завопили: — Доползти, доползти!

Благодаря слухам о моей болезни, слава Богу, меня не тащат на 10-летие Горького. «Встреча с Горьким!» Видел я

Горького, но вот именно встречи-то не было. Все кругом около. Но «Бабушка» его — это драгоценность. В ней моя встреча, и есть нечто в моих писаниях, удивившее Горького, — тут тоже встреча.

10 Июня. Накладная на стекло и печные приборы.

11 Июня. Звонили в Поречье: дом строится.

12 Июня. Еду с утра на профилакт. станцию.

Думаю о наследстве, какое мы оставляем своим детям... Вот уж наследство! Атомная энергия и «весьчеловек», т. е. что весь-то человек вне времени яснее показывается...

На Якиманке у забора на камне сидел, опустив глаза, старый человек, очень красивый и весь насквозь осмысленный. Что, он устал или только очень задумался?

Я взглянул на него и в душе встрепенулась знакомая радость. Не знаю, с каких пор, даже в детстве она посещала меня, эта радость конца. Мне всегда казалось, что в руках человека находится средство радостной кончины «живота». Сейчас понимаю, что именно этим чувством жили аскеты. Теперь, в наше время суровых условий жизни, стоит только их принять, как принимали аскеты: принять, признать — и будешь свободным. Только непривычно как-то думать: признать жизнь как неизбежное страдание и через это стать свободным и радостным.

Вчера был у нас гомеопат Грузинов, не очень образованный, но правильный человек: верующий православный врач.

Ночью звонили из Поречья, что дом строится, что надо достать провода и арматуру.

13 Июня. Даже самое легкое дыхание ритма в душе поэта исходит от вечности, куда мы все друг за другом уходим. И врожденное всем нам чувство природы, культуры,

связи — все это долетает до нас живых с той стороны, где собирается наша общая могила от начала веков. Но это большая тайна, постигнуть которую можно только любовным и милостивым вниманием к жизни.

Пермитин читал рассказ о медвежьей свадьбе, чудесный алтайский ландшафт, но той чуточки, в которой собирается человеческий смысл ландшафта, нет. Вместо него какая-то чепуха, выводы ума, грубые догадки. Вот почему и трудно так писать о природе — из-за этой чуточки. Левитан только этим и взял, Тургенев, но и то теперь даже у них грубовато.

Дела наши на ближайшее время.

Сегодня шнур для Жульки и сборы в Пушкино. Накачать баллон. Захватить аккумулятор. Снести в ЦК заявления об арматуре. Коврики для машины. Кожаный чемодан (термос, «Канал»). Машинка + дневник звенигородский. Резинов. сапоги + чулки.

14 Июня. Переезд в Пушкино.

Перовская рассказывала, что однажды мать ее разговорилась на улице с «крымчаком» туберкулезным, пожалела его и привела к себе на квартиру. Оказалось, что чекист. Он высмотрел, что полквартиры не занято и явился с ордером. Отец бросился. Но мать удержала его, отправилась по начальству, ее там оскорбили, и она скоро умерла. Этот рассказ в коллекцию. Важно в нем то, что отец бросился, а мать вступила в переговоры. Так вот эти две души: броситься или удержаться.

Это самое у Маруси: героизм и обида, т. е. что героизм мужской для нее, женщины, привыкшей сносить обиду, пустяки («а боюсь одного: обиды»). На фоне героизма обида.

Это в «Канал» к Анне: «обида» ее в обмане, а мужчины-герои и их дело — это детское дело в сравнении с обидой.

NB. К воде: падение воды с неба сопровождается слиянием ее капель и работой на земле. Напротив, ее «вознесе-

ние» на небо сопровождается освобождением от работы, образованием капли — отдельности и соединением их в нераздельно-неслиянное сообщество, называемое облаками.

Весь день в сборах. Вечером перекатились в Пушкино. Семья Николаевых (Скороходовых). Насиженное место, и как хорошо.

Вот чем и дорога человеку жизнь на земле: все дорогое сердцу и земле дорого, и она это свято хранит, и когда нужно бывает человеку, все возвращает, и человек возрождается.

Вот откуда и консерватизм: корни его в земле, в добре, в навозе. И если бы человеку стоять и расти вверх — какое бы могучее дерево выросло между землей и небом. Но человек движется в сторону, в ширину, его может прельстить неизвестное, прельстить скитание.

15 Июня. Июнь проходит сухой и знойный, вопреки всем метеорологическим предсказаниям.

Люди между собой.

Мысль богословского доклада С.С. Толстого была такая, что искупление достигается прощением.

— А если чувствуешь всей душой, что простить нельзя, и просишь силы только, чтобы удержаться и не простить?

— Ну, это люди, — ответил Цветков, — люди между собой.

И все построение искупления стало понятным, и так во всем и везде: стоит выключить счеты людей между собой, и систему гармонического мироздания может построить каждый гимназист.

И почему так неприятно, каким-то баптизмом веет от доклада: потому что люди сейчас находятся в аду, который сложился из счетов их между собою, и вести извне представляются какой-то раздражающей агитацией и пропагандой.

Нужно наличие некоторого благополучия между людьми, чтобы явилась возможность строить систему гармонической морали. Нужно время, чтобы зализать душевную рану, обиду.

16 Июня. Христианский аскетизм — это, прежде всего, отказ от служения своим желаниям и готовность принести все свое индивидуальное в жертву Богу. При таком отказе от индивидуальности желаний утверждается личность в Боге (монах), как единичное звено в составе всего богочеловека, распределенного в пространстве и времени.

Коммунизм — это тоже аскетизм как отказ от служения своим желаниям и готовность принести все свое индивидуальное в жертву всему человеку, распределенному в пространстве и времени.

Коммунизм есть аскетизм во имя самого человека.

Коммунизм есть религия человечества, есть разрешение счетов людей между собой.

В христианском аскетизме отказ от личных желаний есть личное дело: сам человек отказывается, и вот именно тем, что он остается сам (в Боге), он тем самым сохраняет свою личность. Таким образом «свобода» есть рабочая ценность понятия «Бог».

В коммунизме то начало, которое у христиан есть Бог, — у них это общее материальное благо, питающее всего человека, распределенного в пространстве и времени. В этом общем благе заключается все естественное богатство, все орудия производства.

Двойственность в коммунизме: принципиально индивидуум заинтересован в коммунизме материально: так жить ему легче, лучше. Но это идеал, а путь к нему — отказ от *всего своего* во имя общего дела создания хороших условий жизни для всего человека.

Выходит так, что коммунист, имеющий идеал благополучия земного человека, для себя должен отказываться от

всего материального и отдавать жизнь свою на благо будущему неизвестному человеку (предполагается, что этот будущий человек достоин принесенной ему жертвы).

Двойственность в том, что материальное благо будущего человека достигается идеальными средствами, т. е. жертвой личными желаниями во имя общего материального блага. На этом пути личность человека, этот идеальный мир должен оскудеть (он идет в жертву).

Спасением на этом гибельном пути является то, что люди не знают, что делают, что выходит совсем не то, о чем говорят.

И наш коммунизм, может быть, является лишь какой-нибудь парадоксальной формой борьбы человека за идею единства человека в пространстве и времени. Тем более, какой разговор может быть о принципе коммунизма, когда изображаться будет самое переживание.

Анна определяется в удивлении перед легкостью того, что называется героизмом, и подавленной, и растерянной перед сущностью обиды (ее чекист).

17 Июня. Жара непрерывная и угрожающая. Предстоящая отмена хлебных карточек вызывает мысль о голоде. В течение двух недель решится этот страшный вопрос в ту или другую сторону. Гроза без дождя.

Впал в последнюю лень (через болезнь) и теперь уже начинаю лечиться не от болезни, а от лени. Еле доплелся до леса, но там ожил и успешно учил Жульку.

Созревает план взять себе всю семью Николаевых, но, конечно, после испытания. На днях заберем В. С., покажем ему строительство в Поречье и там оставим. Через какой-нибудь месяц определится его работоспособность, и если все хорошо, то предложим взять к себе на зиму в Москву или же определить внизу в Дунине, купить им корову, поросенка и кур. Они будут стеречь дачу, машину,

ходить за животными. Потом выясним — сколько нам, сколько им.

18 Июня. Вчера гремело из пустых облаков, сегодня заметно стало прохладнее. Орут молодые грачи, надулись везде одуванчики. Было очень хорошо здесь, когда мы приехали из Москвы и сравнивали дачу с Москвой. Но прошло три дня, и мы воткнулись в огород: сидим в огороде, а пройтись некогда.

Озеро-слезы.

Акуловское искусственное озеро в народе называют «озеро-слезы» за то, что на дне его осталось три села и что работали над ним заключенные. Но сегодня озеро сияло нам совершенно, как естественное, и как будто не было тут никогда пролито слез.

Так везде и всюду природа в существе своем не «равнодушная», а скорее «сама по себе», но, конечно, бывают и совпадения: хорошо нам — и мы там видим хорошее, плохо нам — и видим слезы, даже в озере.

Заругали мы Пушкино, а вот как хорошо в жаркий день сияет Акуловское озеро! Ищут лучшее место в юности, когда верят, что на хорошем месте и сам станешь хорош. Когда же юность проходит, то и вера в лучшее место проходит, и каждое место кажется прекрасным, если самим хорошо. Так вот и бедная Ляля, считавшая лучшим местом на свете Кавказ, сегодня признала лучшим местом на свете Московскую область и в Московской области Дунино.

Но есть тяга в природу, исходящая из совсем другого источника, чем юношеская вера в лучшее место.

Нас манит в природу какая-то гармония всего существа, которая при нашем приближении, однако, исчезает, если только мы сами не забываемся в действии (бесполезная пахота Льва Толстого и полезное Мичуринское садоводство).

А что же это нас манит, откуда гармония? Думаю, что манит нас со-творчество, в котором находятся все живые и

неживые существа мироздания. Тем или другим способом мы стремимся примкнуть к нему.

Другой вопрос, почему Байрон, Толстой, Лермонтов, Пушкин — все эти наши учителя изображали распад высшего существа (человека) при соприкосновении с гармоническим естественным порядком. Почему разрушитель, осквернитель, но не богочеловек, пребывающий в сотворчестве с Богом.

Засуха, жарко. Картошка еле-еле показывается. Поле сухое белеется. Прилетал грач и, видимо, вдруг наткнулся на массу червей. Не для себя прилетела эта грачиха: слышно и здесь, как орут молодые грачата в ожидании матери. Но что делать? Она не может взять сразу и унести всю россыпь червей. Нечего делать, ей приходится клевать червей самой. И она клюет, слегка издавая тот самый звук, какой издают грачата в ожидании червя. Клюнет и крикнет, клюнет и крикнет. И отчего-то становится жалко грачей.

Читал повесть Чертовой «Цветник над бомбоубежищем». В повести рассказано, как одна 40-летняя мать потеряла на войне сына и как она утешилась тем, что родила другого. Рассказано все толково, но без озарения. Думаю сам, что мать рождает вообще одного ребенка, вернее каждого, с отдельным счетом: каждого в единственном и неповторимом переживании... Нет, младенец у матери есть каждый в своем роде единственный, и тем он и есть человек (драма Т.В. Хорьковой). Беспризорница без любви дожила до 35 лет. Затеяла переписку с фронтом. Он приехал, она забеременела. Его убили. Она его не очень жалела, но безумной радостью встретила ребенка. Ей казалось, что нашелся ключ от вечной радости жизни: такие пустяки, только маленький роман, и явится такое чудо — ребенок! Случилось, ребенка заразили в больнице и он умер. Тогда-то вдруг оказалось, что [не] так-то просто найти отца новому ребенку: именно вот потому-то и трудно, что в голове ребенок, а не жених или муж.

19 Июня. После той пустой грозы стало прохладно, хотя солнце по-прежнему открытое. Вместе с этим стало много лучше. Со времени начала плеврита, а этому, наверно, уж месяц, мне кажется, я сидел где-то под раковиной, и вот только сейчас выползаю...

Ездил в Новую Деревню на Болото с Жулькой, и она выдержала свое крещение в болоте водою и плеткой. Бекасы рвались из-под носа молодые и вялые, но она их не чуяла, а глядела на пикающих в кустиках болотных овсянок. Это пиканье маленьких птичек, знак тревоги, созвало их множество, Жулька дрожала под плетью, порываясь ринуться за ними, и не раз даже бросилась, но крепкий шнур возвращал ее под плеть. В этот раз она поняла только, что она возле какого-то дела, что дело это серьезно и страшно.

Кустики на болоте были очень редкие и маленькие, и на каждом во всех сторонах сидели тоненькие желтые птички и пикали. И вспомнил я то время, когда сам был как Жулька, и тоже сидели вокруг меня во всех сторонах птички, и хотелось броситься на каждую, и тоже невидимый шнур был вокруг моей шеи и чья-то рука держала его.

В мою жизнь входят Валек и Настя. Как хозяйка и работница Настя безупречна. Тревогу внушает Валек, что он пустится в какую-нибудь затею, а тягость жизни их сложится с нашей и ляжет на Настю... но... посмотрим, что скажет испытание Валька, пусть он строит мне дом.

Ленин был всего на 3 года старше меня, и какие дела он творил, когда я в сравнении с ним был почти как Жулька. Вот надо и это принять во внимание, имея в виду изобразить душу собаки в отношении к человеку, как человека в отношении к Богу.

Написать Чертовой. Ваша вещь написана хорошо, но тема такая большая, что ждешь озарения, между тем как по прочтении остаешься в пределах нашего ratio. Умная Вы, все у вас правильно, но почему-то хочется, чтобы Вы запутались (не хочу сказать: заблудились). Вы желаете,

напр., утешить женщину, потерявшую сына, рождением другого, а мне хочется ей сказать серьезно и властно: — Нет утешенья! Так мне сказал один человек, когда потерял я друга, и безумные эти слова остались мне на всю жизнь вехой жизненного утешения.

Но, м. б., я ошибаюсь, потому что имею панический страх к тому, что называется «современная тема». Я чувствую, что Вас критики должны будут хвалить за «мать-героиню», и вот уже у меня, как у ежа, поднимаются против них иглы, а Ваше сокровенное для меня из-за этого не раскрывается, и я сужу вещь мимо Вас. Когда появится повесть в печати, я еще прочту и, если пойму иначе, напишу Вам. Будьте здоровы, привет Вам и большое спасибо за «Милочку», Валерия Дмитриевна, конечно, тоже искренно желает Вам всего лучшего.

Ночью видел Толстого за сохой и Горького, диктующего какой-то барыне: — Милюков — это неумный человек. И у Толстого притом, и у Горького в лице была одна и та же глупинка...

20 Июня. Лялины именины.

Люди думают о тебе много меньше, чем ты сам о себе думаешь, а потому, когда вспоминают тебя и говорят о тебе, дорожи этим чрезвычайно и благодари как только можешь. (Мое новое отношение к юбилеям. Сказать на юбилее в 1948 году е. б. ж.)

Валек рассказывал о своей жизни, представляя ее, как дом во всякое время и во всяком месте (творчество добра). Не мог сказать, что есть любовь («не испытал»). Какой-то добряк без всякого воображения. Отношения с Олегом: «не мог идти его путем».

Брат Насти Сергей погиб вместе с Олегом. Он был вместе с Олегом влюблен в Лялю, но выбрал себе невесту другую, красивую девушку. После его смерти [она] постриглась и жила десять лет монахиней Ангелиной. И вдруг

забеременела от механика и родила. А механик ушел на войну. О дальнейшем неизвестно.

Второй урок Жульки на болоте Новой Деревни.

На сосне высоко была засохшая веточка, от веточки отходил тончайший невидимый сучок, на невидимом сучке сидела и давала сигналы вниз маленькая тоненькая птичка, болотная овсянка.

— Пи-пи! — пищала желтая болотная канарейка. И со всего болота слетались такие же и отвечали:

— Пи-пи! — И рассаживались на мельчайших кустиках, болотных деревцах, стараясь сесть как можно ближе к Жульке.

Это была настоящая атака болотных овсянок и всего животного мира.

Коровы тупо расставились. Девушки голые в озере с лилиями. Непрерывно летая кругами, жалился чибис, спрашивая: «Чьи вы?» Бекас, вопреки всем привычкам, загромоздился на верхушку ели и оттуда на Жульку кричал: «Ка-чу-ка-чу!»

Все это расстраивало Жульку, и она через это не пускала в ход свой нос. Но я терпеливо после каждого взлета бекаса заставлял ее нюхать теплое место. И мало-помалу она увлеклась, стала прихватывать носом и один раз на одно мгновенье даже сделала стойку.

И так мой нынешний день слился со многими десятками лет моей охоты. Я вспомнил Яловецкого и старика, убившего лося, как он из последних сил поднялся и вдруг ему счастье: убил! Как он был счастлив! И в этом религия охотника: радостью жизни преодолеть свои немощи.

Жулька вдруг поняла [меня] как охотника, и теперь не отходит от меня и глаз не спускает.

Да, это, конечно, религия мужчины — преодолеть немощи усилием, занятым в чувстве радости жизни: только этим усилием испытывается мужская любовь. У женщин, напротив, любовь испытывается жалостью, готовностью не преодолеть страдание, а взять его на себя с ближнего.

Сейчас Ляля отдала себя матери и ждет вцепиться в меня, когда я поддамся. И цифра лет моих, лежащая на одной чаше весов, ежегодно усиливается новой и все более и более тяжелой гирькой.

Усиливается, чувствую, и радостное упование на неведомый источник бессмертных жизненных сил. Эти силы творческой любви я стремлюсь видеть в том же Христе, питающем в то же время и женскую жалость. Может быть, в этом и есть особенность нашего человеческого Бога, что Он соединяет в себе оба пола.

Я недолюбливаю тещу за то, что ничего она в жизни своей не нашла, кроме того, чтобы питаться жалостью дочери. Самое же неприятное — это когда она, бывает, поправится, т. е. станет такой, какая она есть без болезни, тогда не вызывает сочувствия к себе даже у Ляли. Тогда Ляля с ней начинает спорить, вздорить и даже ругаться. Вроде того бывает, как если бы Ляля в сокровенной глубине своей думала: «Из-за того ли я боюсь и отдаю свою жизнь, свое лучшее». И вот об этой-то матери, здоровой, глупой, с претензией на власть, кругло определяющейся в границах мещанства, Ляля мне говорит семь лет, уверяя меня, что она во всякое время готова [ее] оставить и уехать со мной на Кавказ. Иногда мелькает у меня противное подозрение, что теща это в Ляле понимает и сознательно поддерживает (отчасти, конечно) режим сострадания.

1-й рассказ шофера.

Валек рассказал мне, как он за бензин достал себе у одного шофера лампочку. И оба разъехались, имея в машинах по одной светящейся фаре. Через некоторое время В. был остановлен милицией и посажен в ката- лажку. Ему приписали какую-то страшную аварию, в которой погибла одна женщина и четверо были искалечены. В. сказал, что он вез с собой двух пассажиров, которые могут засвидетельствовать о его нормальной езде. Три дня искали их и когда нашли, В. был выпущен.

— Почему же вы, — спросил я, — не сказали о том, что с одной фарой в эту ночь вы были не один.

— А не спрашивали, — ответил В., — на допросах я всегда отвечаю только на то, о чем спрашивают. Но вот именно в этом двойнике моем и было все дело. Я бы никогда не выдал его по своим нравственным правилам: какой бы ни был шофер, но он мне товарищ, а те легавые, и я товарища своего не могу предать легавым. Но мне на допросе там сказали: «Вы говорите, что не пьете вина. Хорошо! Ну так представьте себе, что ваш товарищ напился и пьяный задавил на ваших глазах вашу жену, брата, сына. Как бы вы на это реагировали?» Вот этот вопрос стал мучить меня и через неделю я принял решение, которое не считаю правильным. — Какое решение? — Я пришел в милицию и рассказал о лампочке. — Меня сейчас же спросили, не знаю ли я учреждение, в котором работал шофер. Я сказал, что в Плодоовоще. Конечно, там виновника сразу нашли. Но я не считаю, что поступил вполне правильно. Я не могу быть заодно с теми судьями, которые...

На этот рассказ я сказал, что интересного и специфического русского в нем только то, что русский человек может поколебаться в подобных случаях.

2-й рассказ шофера.

Еще он рассказал, как однажды со своим грузчиком обратил внимание на сено на полигоне. — Чем ехать пустыми, — сказал грузчик, — погрузим сено: от нас его мало убавится. Хватит и им и нам. Я согласился. Мы погрузили и поехали. Вдруг едет навстречу человек на дрожках и в форме. Стоп! Начинает осматривать машину, передок, рессоры и постепенно обходит кругом. А грузчик идет за ним и в руке у него огромная железная ручка. Неизвестный человек обошел машину, сел на дрожки и уехал. — Что же нам теперь делать? — спросил я. — А мы сейчас свернем и поедем по другой дороге. — А если он номер заметил? — Нет, не заметил и не посмотрел, — ответил грузчик, — я за ним шел и ручка была у меня в руке, если бы глянул, то не встал бы. И я уже в уме держал один добрый выворотень тут близко в лесу: опрокинул бы выворотень и никто бы никогда не нашел. Мы благополучно проехали, но

«от сумы и от тюрьмы не отказывайся» никогда не было мне так ясно в своей правде. Мне ведь даже и в голову не приходило, зачем он, обходя машину с автоинспектором, в руке ручку держал.

21 Июня. День в день жаркие дни без дождей.

Лень моя рано ли, поздно ли разрешится новой попыткой написать «Канал». Сейчас уже наплывает готовность писать. Очень чувствую старуху, Зуйка, животных, плавину, даже стройку. Плохо складывается роман Сутулова с Анной.

После нескольких месяцев перерыва со мной произошло то удивительное, испытанное только с Лялей, чувство связи без разврата, которое можно назвать «на земле, как на небе».

Весь же простой люд, все мальчишки и «мужчины» в этом случае поступают наоборот: «на небе (ах, дурак, дурак, в кои-то веки пришлось тебе на небо попасть!), как на земле».

И прямо после этого на короткое время ночью ливнем обрушился дождь.

22 Июня. Серыми тучами с утра грозился дождь, и только после обеда стал моросить мелкий и теплый.

Третий урок давал на болоте Жульке. В этот раз птички своим пиканьем — чибисы и особенно кулик на дереве (бывает же так!) — так развлекали ее, что она нос свой вовсе не обращала на внимание, нос не чуял, все внимание было из глаз и на слух. Я начал терять терпенье, как вдруг произошла катастрофа.

Наверно, мы близко подошли к гнезду кулика, потому что черный кулик вдруг бросился к самому носу Жульки и сделал на мгновенье как-то так, будто лететь не может и падает.

Жулька рванулась, стальное колечко лопнуло и собака моя во всю мочь ринулась на кулика.

Тот не спешил, а, равняясь в полете с бегом собаки, стал уводить ее от гнезда в глубь болота. Птички болотные, овсянки присоединились к кулику, бекасы вырывались и все манили мою Жизель вдаль.

Поняв, что гнездо его в безопасности, кулик вернулся на свое сторожевое место наверху ели и передал вести обман какому-то бекасу. Вскоре тот передал другому, этот третьему, четвертому, пятому. Вылетела из-под самой лапы вялая водяная курочка, тряпкой пролетела несколько и вдруг упала в болото. Мало-мальски опытная собака тут пустила бы в дело нос и стала бы искать водяную курочку по следам. Но Жулька не могла перейти с глаз на чутье.

В это время единственная близкая птичка, совсем маленькая, тоненькая, как шильце, увидев близко ворону, сочла ее более опасной и бросилась на нее. Ворона от маленькой птички в панике бросилась вверх, птичка за ней. Жулька проводила их и вдруг опомнилась: где же хозяин? Я успел скрыться за куст можжевельника. Жулька бросилась на мой старый след. Долго в безумном страхе от потери хозяина носилось бедное животное по болоту с раскрытой от утомления и жары пастью, с розовым длинным языком, пока, наконец, не приблизилось к кусту можжевельника и оттуда грянуло страшнее выстрела: — Лежать! Она упала как застреленная, и я тихим коварным голосом сказал: — Поди сюда! — И она поползла. — Ты где была? — спросил я, поднимая плеть. — Молчит. — В раю была? — Молчит. — А я за нее отвечаю: — Конечно, в раю, — и спрашиваю: — Сколько там птиц-то, в раю, а? Так зачем же ты вернулась под плеть? Молчит. — Значит, — говорю , — рай-то пуст без хозяина, пуст? И отвечаю за нее: — Пуст! После того я опустил плеть и не стал бить несчастную собаку, обманутую, измученную, униженную райскими птицами.

Как мы в социализме похожи на собаку в болотном раю, на собаку, потерявшую хозяина. И как страшен и пуст этот рай без достойных его, без хозяина. Согрешил человек — и рай опустел.

Чувство цельного (гармонического) человека или всего человека (собранного) есть, в конце концов, чувство хозяина, чувство богочеловека, но почему, каким образом это лучшее в каждом отдельном человеке обращается в человекобожескую секту («религию человекобога»).

Это потому, что человек во времени не может быть собран, по тому одному, что времени конца нет и всего человека не можем мы взять из будущего. Да, невозможно втиснуть всего человека во время, которое есть всегда наше время, и объявить этого, нашего, конечно, человека богом.

Приехал Петя, довольно измученный. Жалуется на падеж в Зверосовхозе, на политику после победы, на заседание 4-х в Париже и путч де Голля и на все вообще. И все это «плохо» на стороне есть самооправдание тому личному плохо, которое зависит от себя самого. В ближайшее время ему надо прямо в глаза сказать.

У Ляли, наконец-то, выкопали ее основную болезнь, миокардит, как последствие ее ангин и дифтеритов. Это, конечно, лучше, чем видеть болезнь и не знать, в чем дело. И хорошо, что она больше не будет рваться к физическому труду, к которому неспособна.

Вечером ходили к Носилову (Влад. Мих. и Нина Дмитр.). Он удивился тому, что я так чувствую текущее время.

— Вы дивитесь, — сказал я, — что я, понимая время, могу сочинять сказки. Но я не могу их не сочинять: это есть дело жизни. И почему если всем плохо, то и мне, как вывод из этого, должно быть плохо? Напротив, я думаю — пусть всем! а я как-нибудь вырвусь или дождусь лучшего (хорош пример в 17 году, когда я строил дом в Хрущеве, а надо было удирать). Второй пример: строил в Старой Рузе перед немцами. И пусть! и вот теперь, может быть, и выстрою.

23 Июня. Начинает на грядках глубинка краснеть и, говорят, в лесу видели первые ягоды земляники. Это значит, что тетерева начали выводить и скоро выйдут на ягоду.

Сегодня мы с Лялей и Вальком поедем в Москву. В понедельник введем Валька в московские дела, во вторник поедем в Дунино, введем в те дела.

Сегодня пасмурно, тепло и от земли поднимается пар, и все как в парнике или оранжерее.

24 Июня. Шефствовал, а Ляля орудовала. Добыли электропроводку, стекло, печные, оконные приборы. Сближение с Вальком.

Некий человек ссорился постоянно с женой из-за ее, казалось ему, личных недостатков. а потом через друзей узнал, что все эти недостатки не жены его, и что это вовсе не недостатки, а существо женщины (материал для психологического рассказа о женщине).

25 Июня. Сегодня едем на короткое время (не пропустить пушкинскую клубнику) в Поречье проверить стройку, оставить для наблюдения Валька.

Погорелые: Валек и Настя.

Носилов Влад. Мих. присоединяется к людям типа моего Кащея (Александр Романыч, Иван Николаевич, сосед в Пушкине, Кукарин).

В Голицыне заехали на кирпичный завод. В Дунине принял работу. Стройка затягивается, но идет. Ввел в дело Валентина. Наверно, хорошо поможет.

26 Июня. Роскошные дни, роскошная природа, земляника поспела. Но даже в Пушкине, даже с тещей мне лучше и живется и пишется, чем здесь одному. Возможно, однако, что не так и в Ляле тут дело, как что нетерпеливость моя при стройке делает стройку более невыносимой, чем теща.

28 Июня. Сегодня едем обратно через Рублево. Взять обратно договор на покупку дачи.

В. едет с нами, чтобы уплатить в Москве за распиловку леса, устроить стекло, выправить бумагу на кирпич, на толь и т. п. В общем, строительство идет удовлетворитель-

но, дача будет чудесная и стоить будет очень дорого. Однако немедленно надо проверить наличие средств и браться за дело.

Липа и дуб здесь в лесах северных как будто нашли себе место встречи и в некоторых кварталах, соединившись с осиной и березой, вытеснили ель и сосну.

«Мечтать» — это значит в настоящем, вместо дела мысленно потреблять будущее. Наоборот, дело — это производство будущего. Вот почему смеются над бабами, которые, не купив корову, заботятся о подойнике. Итак, мечтатели — это потенциальные потребители.

Вот и сейчас я озабочен мыслью о самой возможности при моих средствах и составе семьи пользоваться дачей, а Ляля расспрашивает, где бы ей поближе достать для дачи цветов. Нельзя никак сказать о ней, что она ничего не делает, а только мечтает. Напротив! Она вечно в деле. Но горе ее в том, что дело у нее делом, а мечта мечтой, и она от этого как всякая женщина или раба, или потенциальная царица.

Но может быть, в том-то и есть дело мужа, чтобы сделать жену свою настоящей царицей, как пытался бедный Олег (и все, как глубже подумаешь, все в этом маленьком боге, ребенке).

Ехали той дорогой, где расположены Горки, Барвиха и все так хорошо!

В Рублеве искали и не нашли договор на дачу. Помощник заведующ. рассказал о их «борьбе с человеком». Дело в том, что охрана воды сводится к охране леса, а охрана леса — к охране его от человека.

Какие бы ни были люди, молодые и старые, мужчины, женщины, невежды и образованные — все равно лес гибнет при соприкосновении со всяким человеком.

По возвращении в Москву увидели газеты, в которых объявлены новые лауреаты. — Не смотри, — сказала

Ляля, — тебя там нет. После того звонила она Перцову и тот спросил: — А разве выставляли? Я не слыхал. И так все пояснил: — Вот только один Фадеев получил премию по правде: написал роман «Молодая гвардия» бесспорный. Остальные все организуют свое получение. Вера Инбер над этим билась три года. А о Пришвине и пишут мало, и нигде его не видно. Следует на это дело поднять трех людей: Тихонова, Еголина и Шолохова.

Ну, конечно, откуда же взяться премии! Но так это противно и скучно. Лучше возьмусь за «Канал» и вложу себя в работу: может быть, так, верхним чутьем, и добьюсь, и выйдет вроде как с «Кладовой солнца»: только за два печатных листа собрал денег не менее ста тысяч, и вещь вышла не на премию, а на славу. Так, поболев часа два, как тогда за детей (ленинградских), собираюсь с духом и неудачу с премией принимаю как хлесткий удар по ленивой жопе своей.

Валек прочитал в свои 50 лет «Войну и мир» и сказал, что хороших женщин он в романе не нашел и Толстой прошел мимо них. Больше он ничего не мог сказать о романе.

29 Июня. Промотался без малого недельку (уехал в понедельник) и вернулся в Пушкино есть клубнику. По пути сказался тяжелый характер Валька: мрачный, болезненный человек.

Зной продолжается, и вести с юга все хуже и хуже. И так не у одних только нас. После войны началась война с голодом, и эта война тоже мировая.

30 Июня. Жара. Со всех сторон слухи о засухе. Видимо, вступаем в новую войну и самую страшную: войну с голодом. Характерно для нашей этой войны, что слухи рождаются об изоляции Москвы и т. п.

У какого-то русского человека душа проколота насквозь и для такого во всякой обиде виновата советская власть. Мне думается, что есть и не раненые вроде Фадее-

ва, Шолохова. И эти не раненые яснее видят души проколотых: их не обманешь.

Насквозь проколота душа Евгения («Медный всадник») и «да умирится» в моральном плане должно воскресить душу Евгения.

При очистке стен моей дачи от обоев были обнаружены газеты 1899 года (год рождения Ляли). В газетных объявлениях — с прежними ценами. (Пропасть между тем временем и нашим, а я все живу!)

Я сказал директору ВАРЗа: — В советских условиях гораздо легче построить завод, чем лично для себя дачу. — Это совершенно верно, — ответил Семен Лазаревич.

Первый дом я построил в Хрущеве, он погиб в огне революции, второй в Загорске: взбунтовавшаяся Ефр. Павл. отобрала. Третий в Старой Рузе. Он попал под немцев и уцелел частично, так что я продал его и жил на эти деньги целый год. Четвертый дом, надеюсь, будет на счастье.

«Трудящиеся г. Ельца в лице председателя Елецкого радиокомитета Гинзбурга по случаю 800-летия г. Ельца» приглашают меня выступить со своими воспоминаниями. Вспомнить о том, что меня выгнали из Елецкой гимназии, выгнали из родного угла, замучили брата, сестру. Но что я! уверен, что творчество «родины» среди ельчан интересует единственно еврея Гинзбурга, и то исключительно как политическое задание.

Раньше я рано утром в предрассветный час вставал в радостном трепете и верил, что если убедить всех вставать рано, все будет счастливы. Теперь, если рано встану — встану разбитый, а полежу, подремлю часа два — ничего. И теперь я больше не верю, что всех людей можно убедить рано вставать и что они от этого будут счастливы. Боюсь, как бы этот упадок не перешел на мое писательство. Все

как-то идет к тому, и остается только одна надежда: что если я падаю оттого, что все вокруг меня падает, то может быть там, на стороне отчего-нибудь будет лучше.

Живая вода и мертвая.

«Вода живая» — эта вода поднимается на небо и, собираясь пузырек к пузырьку, образует облака. «Вода мертвая» — вода падающая или просто рабочая вода. И то же в стихии человеческой (sic): наука — «мертвая вода» — все разбирает на составные части, искусство — составляет и оживляет.

1 Июля. Вчера было очень душно днем и жарко. К вечеру собралась гроза, брызнул дождь, стало прохладно. И на ночь небо осталось закрытым сплошными облаками. Был и ночью небольшой дождик. Утро первого июля пришло серое, и небо все как матовая лампа.

Ляля не понимает горячку увлечения мужского, как, напр., у Толстого описано: егерь кричит: «жопу» старому князю. И вот тут разница двух полюсов: хороший человек, старый Ростов, смиряется перед егерем, вполне понимая, что он действительно «жопа». А вот хороший ли Валентин? Посмотрим, как он будет себя вести. Если же Ляля права, и я обидел его, то Бог мне просит: Он один знает, как я страдал за Жульку, попавшую в руки самолюбивого глупца.

Обида, в конце концов, неминуема. Она как речная вода обтачивает камешки, делает нас кругленькими, чтобы могли мы вместе катиться в море по назначенному пути. Когда Маруся рассказывала о своих геройских подвигах на войне (ходила даже в атаку), я удивился ее бесстрашию и спросил: — Значит, вы ничего не боитесь? — Это ничего, — ответила она, — но одного боюсь.— Чего вы боитесь одного? — Обиды, М. М., обиды, одной только обиды боюсь.

Так говорила женщина, попавшая в мужское геройское дело: все это для нее пустяки. Но вот именно с горной высоты этого дела особенно ясно видна та долина женской обиды, откуда поднимаются вверх руки к небу за помощью

и уста шепчут молитву. С каждым мигом герой, поднимаясь вверх, раскрывает себе новые горизонты, и все дальше и дальше от него в тумане скрываются долины обиды и слез, все дальше, все глубже, и там, на снежной вершине, он уже не видит этой долины, а только чувствует ее сердечной своей глубиной и каждую новую горнюю мысль этой глубиной проверяет.

Василий Иванович.

Вас. Ив. (столяр), весьма достойный человек, у него прекрасная семья (все девочки), но семья большая, и он должен много работать, чтобы доставать для нее содержание. Но как он может на 350 р. жалованья содержать такую семью. Он должен изворачиваться, плутовать, в глазах начальства он плут. И такие мы все до одного человека (не считая очень немногих, устроенных благополучно). Мирное положение тем и характерно, что сочувствие наше постепенно переходит к таким «плутам» и государству тоже хорошо: растет семья — растет народ, растет народ — цветет государство. Так вот, честностью каких-нибудь декабристов, началось разрушение нашего государства и советским плутовством всех его граждан оно опять устраивается.

Два пути человечества и одно беспутье:

«Я» есть начало и конец мира.

Я в мире не один:

1-й путь: я — это творческий атом человеческой личности (христианство).

2-й путь: я — одна из единиц всего человека (социализм).

Сегодня в четыре дня выезжаю на машине к Пете с тем, чтобы поучить Жульку стрельбой бекасов в Новодеревенском болоте.

Под вечер ездил в Новую Деревню по делам Жульки. Убил бекаса, показал. Продолжает до упаду носиться за птичками. Встал тяжелый вопрос о чутье.

2 Июля. День начался хорошим длительным дождем. Получено стекло и разрешение на распиловку. Требуют ремонта гаража. Массовое поспевание садовой клубники.

Жулька засыпает на голом полу под кроватью. Ночью ей становится неудобно на жесткой постели. Тогда она встает и начинает драть пол когтями, и так сильно, так звучно, что все просыпаются. Дерет же она пол, как драли ее древние предки землю, чтобы поудобней устроить спанье. Наверно, во многом и мы тоже, как собаки, по-древнему ведем себя в культурных условиях.

Стали говорить о том, что вот человек подходит к старости и ни с чем. — А сколько он делал добра на всяком месте и во всякое время. — Ну, это и мы делаем, сами даже не замечая того. Дело не в этом случайном добре, а в устройстве личной жизни так, чтобы вся жизнь сознательно была направлена на добро. — Да ты, мама, — сказала Ляля, — посмотри на Михаила, он делает как будто все для себя, а выходит для других. Валентин же весь для других, а в конце концов, все для себя.

Читал сегодня дневник и мелькнула мысль о том, что выбрать из всех дневников записи и сделать книгу «Михаил Пришвин. Дневник».

Устройство личной жизни в Советском Союзе называется блатом.

Директор санитарной охраны сказал нам, что это закон: лес гибнет в соприкосновении с человеком. Я же подумал и о поэзии: тоже и поэзия гибнет при соприкосновении с цивилизованным человеком.

3 Июля. Холодно, как в сентябре веет, ровно-матовое закрытое небо, вот-вот пойдет дождь. На проволоке висят капельки дождя ночного и между каплями птичка маленькая — дождевичок Пикалка.

Трепач Ник. Ив. Таллинг: воровать нельзя в положении коммуниста (генеральское положение), да и дело такое, что незаметно по-директорски украсть нечего. И вся драма видна по семье: сидят босые на щавеле. Вот и остается только «трепать». А жена грустная... вот от чего.

Валентин достал стекло, порезал и определил в гараже. Возник вопрос о немедленном ремонте гаража. Продвинуть немедленно кирпич. Валентин поехал в Дунино подгонять работу.

Целые два месяца не перечитывал «Былину» и сегодня решился, прочитал и обрадовался: весной я очень продвинул работу и можно надеяться, что осенью кончу.

Анна тем покоряет старуху, что вводит ее в новое «Надо», отвечающее древнему аскетизму, что все строительство против «слабости» веника, и в этом возрождении является новый человек, представитель стихии человеческой, подчиняющий стихию природы.

У Валентина воспаление тройничного нерва. Ему предложили пирамидон, он отказался от этих «нежностей». И вообще он мужественный и мрачный, родной брат моему Пете. Но это печоринское мужество скрывает у каждого представителя свою ахиллесову пяту. Стоит дотронуться до этой пяты — и герой заревет как ребенок. Такой «демон» только и думает о своей пятке — вот откуда и собирается в нем сила, мужество. Взяться бы вот так себе и каждому, чтобы не растерять свою душевную силу даром на каждом шагу по-обывательски, а все думать и думать, собирать, сосредоточивать в себе одну мысль об одной какой-нибудь своей пятке, и какая сила соберется у каждого! Вот этой силой скряги собирали себе богатство (махорочный король Романов в Ельце. У него была молельная, за аналойчиком Богу молился, а внутри аналойчика сыновья прятали бутылки). Сила Кащея.

Вечером после дождя (в июле дожди каждый день) удалось подбить бекасу крылышко. Десятки раз Жулька находила его, но только работала не верхним чутьем, а шла больше следами. Стойки не делает по чутью (только по глазу). Вообще, она еще не развилась достаточно для стойки по бекасу. Надо попробовать по тетеревам.

4 Июля. Солнечное утро, но не стойкое: наверно, опять будет дождь. Петя заезжал по пути к матери в Загорск. Собирается, если утвердят, ехать на год в Германию в огромный лисий питомник.

Некоторые говорят, что нужно жить для себя, другие учат жить для ближних, а я думаю, каждому следует найти такую точку применения сил, чтобы жизнь для себя сама собой выходила жизнью для ближних, для дальних, для всех.

Да, наверно, так огромное большинство людей и живет для всех под предлогом личного удовлетворения. Особенно это выразительно ясно в отношениях пола, вначале эгоистических до драки с противником, а потом приводящих к жизни для семьи, для общества и государства.

Большое искусство — это одна из форм аскетизма. Художник — это монах, девственник, часто имеющий облик распутника, это монах «в душе». И вот именно поэтому, как все признают, семейная жизнь художника находится в противоречии с его призванием. Яркий пример этому — жизнь Олега.

Редко, однако, мы бываем в жизни чистыми представителями своего назначения, мы смешанные, и большею частью глубокие противоречия у нас разрешаются простыми неполадками.

День холодный простоял без дождя. Вечером по пути из Москвы заезжал Петя. Сговорились встретиться и поехать на Царево озеро в понедельник в 3 д.

Приехала Зина. Узнал, что в Загорске восстанавливается «Троица», что нашлось уже 50 монахов во главе с

Гурием (маленький монашек, худой, глаза горят), что восстановлены мощи пр. Сергия и в соборе два раза в день совершается служба.

Холодно. Ветрено. А все-таки летние птички поют.

5 Июля. Холодное серое утро. Ляля едет в Москву. Приехала Мар. Вас., слышала по телефону, что «Кладовую солнца» предлагают в кино, а кто — неизвестно. Это, наверно, выйдет.

Вчера начал очень спокойно и уверенно рыть свой «Канал». Думаю, что вырою.

Писательство — концентрация силы всей личности в слове.

Биологическая роль монашества направлена на расширение периода развития в человеке (его детства).

И если успехи человека в борьбе за существование вида Homo Sapiens обязаны удлинению периода развития (детства), то не ясно ли, что христианский аскетизм есть самая могучая сила, самая величественная среди других сил, направленных к торжеству личного начала в человеке над родовым множеством, потому что монах — это агент силы, продляющей в человеке период его развития.

В «Канал»: Пришел день, как приказ хозяина, управляющего небесными силами: — Довольно вам, свободные облака, носиться по ветру в небесном пространстве, легкие воздушные пузырьки воды, сливайтесь, и легкие капельки сливайтесь в тяжелые и падайте на земле. Сливайтесь там, на земле, в ручьи и реки и работайте на пользу земле, пока человек не приберет вас к рукам. Довольно гулять, падайте, падайте! Пришло время работать. И вода стала падать.

А какой наст был перед тем! Начало: Всю ночь Данилыч с Зуйком шли по насту вперед как по скатерти ... Куница ... свежий след.

6 Июля. Ночью брызгало дождем. Утро холодное, серое и ветряное.

Охотно берусь за работу.

За чаем Жулька прыгнула на стул мне за спину и, увидев на дереве в окно воробья, уставилась в него. Я отрезал горбушку белого батона, чуть-чуть для запаха помазал сливочным маслом, поднес к ее рту. Она рассеянно взяла горбушку в рот, слюни потекли у нее изо рта, но горбушку она не жевала и все глядела и глядела на воробья. Только уже когда я открыл окно, согнал воробья, она позволила себе заняться горбушкой.

По рассказам Насти-козочки вижу, что как немцы ни грубы, ни отвратительны (попросила уступить дорогу, а он спихнул ее в канаву), но личное оскорбление от своих закрывает чувство родины.

Тут много значит быть собственником клочка родной земли.

Тут нравственная задача перешагнуть через себя.

Вечером пролило теплым дождем. Заметно стало теплеть.

7 Июля. Начало возвращаться лето. Натаскиваю Жульку. Впервые она подняла нос с травы и, захватив ветер, стала медленно подходить к озерку. Это она по уткам шла. Пришлось одну убить. А доставала ее Ляля.

Жулька сейчас в том периоде роста сознания охотничьей собаки, когда впечатление через «на глаз» сменяется пониманием через чутье. Впечатление «на глаз» производит мгновенное безумное стремление схватить. И все стойки ее сейчас делаются с «наглаза», переходя в рывок.

Напротив, если дичь схватывается чутьем, то является необходимость подкрадываться по невидимой дичи, выжидать пахучей струи воздуха. Результатом такого скрадывания является настоящая умная стойка. Так делала сегодня Жулька по уткам. Бекасов по воздуху она еще не умеет схватить. И все еще безумно рвется гонять птичек и

кур. Вчера за кур отмолотил ее плетью. Но дальше с плетью надо быть осторожным и очень, а то можно испортить, как Ярика: после ошибки будет уходить или возвращаться домой.

Сад цветет, и каждый нагружается в нем ароматом. Так и человек бывает как цветущий сад: любит всех, и каждый в его любовь входит. Мать моя была такая: любила всех и каждого, но ни на кого не тратилась.

Это, конечно, еще не любовь, а скорее всего это нетронутый клад души, от которого истекает настоящая любовь.

Начало любви — во внимании, потом в избрании, потом в достижении, делах, потому что любовь без дел, как и вера — мертва. Но мне кажется, любовь, вытекающая из цветущего сада, как ручей — ручей любви, претерпев необходимые испытания, должен прийти в океан, который так же, как и сад цветущий, существует для всех и каждого.

Цветущий сад — это образ покоя, океан — вечности. А любовь — это, прежде всего, движение, в любви мы теряем покой, чтобы найти себе вечность. И наше избрание в любви («избирательное средство» у Гете) есть наше ограничение. Вступая в любовный поток, мы, как и всякий поток, ограничиваемся берегами: мы боремся с берегами за вечность.

Так бывают души как цветущий сад, из таких душ вытекает любовь, направленная к вечности. Но бывает, рождаются люди с вечностью в душе...

8 Июля. Лето вернулось. Утро сияет. Жду Петю ехать в Царево учить Жульку. Пишу о воде...

Жулька по глазу бежит долго даже за стрижами, по слуху — стоит: определяет, где это пищит. По перепелам сегодня определилось хорошее чутье, схватывает по ветру далеко и сейчас же носом в землю: не умеет чутьем измерить расстояние, раз пахнет, значит под носом.

Мышью побежала птичка по лесу. Что это, поврежденная птичка? Поглядел, а внизу две кочки рядом и на них сосновая ветка, а под веткой между кочками в темной

глубине желтые рты, открытые на наш шум. Что же это, веточка сосны сама собой упала и прикрыла гнездо или птички — самец и самка — потрудились над нею, приволокли? Если приволокли, то вот бы поглядеть, какая это была работа. Но скорее всего птичкам выпало счастье, ветер сбил ее с сосны и прикрыл.

Бегает за летающими в небе стрижами, задумывается от писка болотных овсянок — такая затянувшаяся инфантильность и некоторый недорост. Не от глистов ли? Надо заехать к ветеринару.

Зачем Зинаида Николаевна наводит Лялю на мысль, что Настя завидует ее положению жены писателя? Мудрый человек постарался бы в этом случае отговорить: «нет, не завидует», и так бы подстроил все, чтобы женщины друг другу напрямик сказали: нет, нет. Мудрый стремится неполадки всякие вывести из круга сознания: нет их, нет и не должно быть.

То же самое, о том, что мать Ефр. Павл. была колдунья. Конечно, я виноват, что сболтнул: ведь колдунами в народе смоленском называют также и добрых знахарей. Александра Матвеевна была добрая знахарка. Между тем Зинаида Николаевна прямо сказала Ляле, что болезнь матери ее, может быть, и объясняется колдовством. Хорошо, что в природе Ляли нет суеверия, и на нее не производят впечатления глубокого слова подруги, но... я, принимая «святость» З. на веру, все никак не могу углядеть эту святость сам: по делу добра, по-видимому, да, но по мудрости — не вижу! а без мудрости добро, как без соли еда.

— Не человек это, а Бог, — сказала Марья Мироновна. — Пусть Бог, — ответила Анна, — и, наверно, Бог тоже стареет. В древнее время приносили богу жертвы быками, кто теперь, и вы тоже, Марья Мироновна, не станете: бог тот устарел. Не сердитесь, голубушка, не сердитесь, что я скажу: для нас теперь тот Бог, которому непременно двумя перстами молились, тоже устарел.

Искусство есть в существе своем движение и начинается от лучшего: хочется лучшего, чем данное...

9 Июля. Вчера самый тихий вечер, прохладный. Сегодня гроза. Дождь. Профилактика в Пушкине. Застрял у завода № 9. Выручил [Носилов]. Появление Валька. Сорвалось с языка (о кладе).

Читал в «Правде» Александрова о современных буржуазных теориях социализма. Очень захотелось вмешать сюда голос сердца от нашей земли. Но тут все «на счастье».

Моя идея всего современного времени — это преодоление всего личного в оценке современности. Душу воротит от жизни, но не от того ли воротит ее, что жизнь не такая, как тебе лично хочется?

Отсюда следующий вопрос: а если душу воротит, то из чего же делается мост Надо между тобою и личностью? Не иначе, как вера в нечто существующее и определяющее жизнь помимо тебя, и ты по доверию к этому Нечто определяешься в своем Надо.

10 Июля. Утро прохладное с матовым солнцем после дождя. Говорят, что дожди еще могут поправить картошку. Но, вообще, — плохо.

Этот прошедший год после войны, говорят, был труднее военного, но будущий год, говорят, будет еще труднее прошедшего. Но так говорят, а там, как выйдет, неизвестно.

«Обида» в моем рассказе означает что-нибудь вроде искушения, через которое роковым образом переходит все личное Хочется в общее Надо.

Никто не уверит русского человека, что послушание может быть радостным.

Демонический путь человека — это путь обиды: ты обижен и обижай других.

Иной путь — это через личную обиду к общему делу. А общее дело — это, конечно, не хозяйственная организация,

а новая длящаяся в лучшем человеческая жизнь. (Какая-то движущаяся религия, движущаяся государственность, движущееся общество, обитающее в складных кибитках.)

Дарья Никитична — новое имя моей героини (Даша). Необходима мотивировка ухода Зуйка. Пусть это будет тоже обида (о, как чувствителен к обиде русский рабочий!). Напр., пахан преследует Зуйка за то, что он «ссучился с легавыми», а тот не хочет «греха» (обиды) принять, как необходимости, и от «греха» (обиды) уходит (напр. «трубка»). Не согласен с урками в методах выхода из «обиды» — понятно. Почему же не хочет идти с легавыми, т.е., быть курьером («собачкой»), понятно: «собачкой» не хочет, а как «надо» не может (мал, сказочен).

Итак, обида русская — это личное ощущение необходимости (Надо), преодолеваемой двумя путями: первый путь — «социально близкие» (преступление), второй путь — путь «легавых», т. е. организации власти. Зуек в природе получает свидетельство в том, что все животные обижены и он берет над ними власть, чтобы их вывести. И он поступает по образу и подобию тех легавых, от которых уходит.

Получится параллель дела собирания обиженных революцией людей на канале и обиженных наводнением животных на плавине.

(Революция как наводнение.)

Вода хоронила старые берега, выгоняя все способное двигаться, заставляя их...

Знакомые из породы Кащея (Кащеистые):

Сосед в Пушкине Иван Николаевич.

Алексей Кукарин (трактир «Капернаум», Новгород, 1910 г.).

Ростовщик («принял Христа, как заразу, как сифилис»).

В.В. Розанов — писатель.

Введенский — в Загорске (домовладелец, церк. староста).

Александр Романович (Поречье, дом отдыха, 1946 г.). (Богом не пользуется.)

Носилов — Пушкино 1945–46 гг.

Клюев, поэт, не будь стихов, был бы подходящий.

Среди них нерелигиозный один только Алекс. Романыч, впрочем, неравнодушный, со злобой на попов.

У каждого до того все свое, до того в себе, что только не говорят. — Знаем мы, знаем все, ничем не удивите!

Женщина молодая с большой полной грудью, а лицо нарочито сердитое-пресердитое, как будто к ней постоянно тянутся чьи-нибудь руки, чтобы за грудь схватить, и она на них: пошли вон от меня, срамники, безобразники! Если же знакомый кто встретится, то лицо становится доброе и простодушное.

11 Июля. Петров день.

Расцвели все цветы. Поспели садовые ягоды. Показались на яблонках яблоки.

Ух, какая работища нависла надо мной и тоже, как яблоко, показалась из моей зелени.

Зина свободно гуляет ко всенощной и служит людям, когда и где ей хочется. Ляля прикована к умирающей матери (7-й год только при мне умирает!), прикована любовной цепью к писателю (Настя этому очень завидует) и не может идти в церковь.

— Не в человеке дело — тут Бог ведет. — А если вам хочется в это дело Бога вмешать, так ведь, бабушка, если Бог, то Он и делает по-своему: на земле, как у себя на небе. — На земле, как на небе! — И человек ему помогает. Чем же это плохо строить канал? Помните, Вы говорили Зуйку, что озера северные остались, как следы божественной колеи. По этой колее с древних времен люди ездили и царь Петр:

сами знаете. Мы же только расчищаем колею, соединяем озера, при чем тут антихрист? — Милая, ты по человеческому разуму говоришь, много ли мы с тобой понимаем! Ты почитай Св. Писание и увидишь, что все сбывается.

12 Июля. Гроза и дождь. В Дунине дела без меня не идут. Выезжаю завтра, чтобы вечером быть в Дунине.

13 Июля. Гроза и дождь. По пути в Москву около Перловки один из группы ребят, Петруня, резким движением бросился мне под машину. Ни тормоз, ни поворот влево не помогли. Фара ударила его в голову, а правое крыло сбросило его на обочину. В больнице врачи определили положение тяжелым, а нянька сказала: «Не выживет». Весь день прошел в оформлении дела. И к вечеру без шоферских прав я вернулся в Пушкино.

14 Июля. Гроза и дождь. У Ляли определилась свобода от «счастья»: «И слава Богу!», — сказала она. Так вот переменчивы женщины. Но так и должно, если идти по жизни ощупью, как идут женщины.

Я был самый осторожный водитель и был уверен, что со мной невозможна авария. Но при наших условиях есть несомненно «объективные причины», влияющие на дело управления автомобилем. Кто же виноват? Кажется, родители, пускающие семилетних детей бегать по шоссе. Но родители служат и не имеют возможности держать нянек. Виновного нет, значит, ты, невиновный, должен делаться жертвой и, значит, чувствовать «обиду». А если так, то что же такое «счастье»? В русском понимании счастлив тот, кого обида обошла. «Счастлив твой бог, — сказал разбойник, — что ты мне под нож не попался» (рассказы няни).

Обида и счастье — два фактора, определяющие психологию русского народа.

«Грех», раз кем-нибудь содеянный, имеет свойство ложиться виной своей на невинного и существовать как

«обида». Боже мой, как же грешен русский народ, если в нем столько обиды!

На машину с разбитой фарой и помятым крылом смотреть не могу, а ведь машина — это свобода моя, это счастье мое...

Боюсь, что в связи с моим возрастом отберут у меня любительские права и заставят держать шофера. А еще, что травма душевная разрастается. Да и рассудок говорит, что это ребячество — при наших условиях мне, старику, водить машину. При иных условиях, как ни езди осторожно, все-таки остается какой-то процент на то, что или ты кого-нибудь раздавишь, или раздавят тебя. Последнюю неприятность при езде на машине избежать нельзя, а первую можно: это нанять шофера, ответственное лицо.

Боль сошлась в душе тройная и оттого, что причинил другому маленькому человеку смерть, и оттого, что боюсь утраты моего счастья (свободы передвижения), и оттого, что начинается грипп.

Как хорошо это, как глубоко это, и как по-русски определяется наше счастье: от сумы и тюрьмы не отказывайся.

В Горьковские дни почему-то у меня ничего не прибавилось к Горькому. И вообще мне чуть-чуть досадно, что сердце почему-то не ложится у меня к нему. Но спасибо-спасибо ему за «Бабушку». Спасибо Мухиной и Корину за портреты.

NB. Мелькает мысль сделать Зуйка просто счастливым среди обиженных, а катастрофу в лесу дать как испытание «счастью» в том смысле, что и ты, счастливейший мальчик, подлежишь действию того же закона: от сумы и от тюрьмы не отказывайся. А впрочем, настоящая мысль явится законным порядком, как следствие своего прилежания и изображения картины весенней воды (недаром и эпиграф взят из «Медного всадника»).

Яшин, поэт, прислал мне свою книжку, величая меня учителем и другом. Он талантливый, написал одно прекрасное стихотворение «Сосновая грива». Есть и другие неплохие стихи, но все какая-то изображается деревенская гражданственность под гармошку. Надо ему написать, дать понять, чтобы он не очень бы колхозился и...

Больной ест на здоровье.
Здоровый ест на работу.
А кто не работает, тот не ест.

15 Июля. Утро тихое, небо ясное, земля влажная, травки росистые и в иных разноцветные огоньки. Постараюсь усилием, духом преодолеть недомогание (грипп) и понимаю в этом своем усилии то огромное усилие духа соединенного человека (Церковь), утверждающее зачатие Богочеловека от Духа Святого.

По улице идет обыкновенная парочка. Он — в полувоенной форме, она, грудастая, в белом с голубыми полосками. Но не утомляясь повторенностью пар, радостный дух мудреца устраивает в каждой новой паре своеобразие и в этом чем-то своем у каждого понимает движение Божественного творчества.

Сцена в скиту Красная поляна. Все вошли в церковку и там молятся, а Валентин сидит один на дровах. О. Даниил подходит к нему, спрашивает, почему он не в церкви, а так сидит на дровах. — Боюсь, — отвечает В., — кто я такой, чтобы войти в храм Божий. — Ну, сиди, сиди, — сказал Даниил, — можно и так.

Вот у настоящих наших революционеров и были такие души: «не называй имени Бога всуе», или «одежды не имам да вниду в онь». И Валентин, и Митраша, и брат мой Николай, и великое множество русской интеллигенции и, может быть, массы простого народа из-за того и попов презирали.

Так вот теперь и о радости творчества думаешь, о том равновесии душевных сил, благодаря которому образует-

ся движение творчества. Нет ли и в этом равновесии того самого «счастья», которое выходит только из сравнения с другими: те обижены, а тебя обида обошла. Вот тут-то я и усматриваю в своем писательстве нечто, идущее не от обычного «счастья» (как у Михалкова, Симонова).

Перебирая свою жизнь, вижу, что обиды в ней сколько угодно и что творчество мое вышло путем особого смирения в процессе борьбы с личной обидой. Мое творчество не есть обычное «счастье», а усилие радостного выхода из личной обиды: это есть путь к радости, но не к счастью.

Однако чувство равновесия сил души, присущее состоянию творчества, в жизни может подменяться довольством тем, что «все в порядке». Особенно это заметно при уходе за машиной: доведешь до совершенства машину и доволен. Вот это довольство я пока не могу обрести после аварии и к машине даже подойти пока не могу, и даже не уверен, что смогу когда-нибудь преодолеть свою тревогу. Напротив, на творчество, исходящее не от счастья и довольства, травма моя совсем не распространяется. Так это потому, что из двух разных источников вытекает довольство счастливых и творческая радость.

Счастье у людей «выходит» иногда, а радость достигается...

Вера содержит в себе творческое начало жизни, по нашей вере возникает небывалое в жизни природы: мы, люди, творцы его и раньше нас этого не было.

Сегодня написал главу о Даше с возлюбленным ее юности, после чего следует ряд глав об аврале, в котором разрешается судьба действующих лиц. После аврала идет глава о плавине и заключение о достигнутой радости. Прописать сейчас все до конца, как в живописи углем, не прибегая ни к каким материалам. Достигнуть полнейшей уверенности и тогда спокойно разделывать красками.

О духовном материнстве надо так понимать, что «духовное» прилагается к обыкновенному материнству, как исключающее материнское собственничество.

Ляля уехала в Москву по делам. Я — за работу, и это душу мою, чувствую, вылечивает.

Теща опять ожила и опять в противоречии. Очень парит, говорю. Нет, сегодня не особенно. Если бы я сказал: сегодня прохладно, она бы, наверно, — парит. Опять, говорю, и сегодня будет гроза. Нет, говорит, я чувствую, нет: и ветер другой. Конечно, грянула страшная гроза с ливнем.

16 Июля. День в день стоят: утро до обеда тихое, солнечно свежее, к обеду парит, после обеда гроза. А вчера был даже и ливень. Вечером вчера приехал Валек за машиной. Сегодня он едет в Звенигород с бензином (кирпич перевозит) и вечером вернется, завтра привезет Лялю.

Ляля звонила в больницу и прислала сказать, что мальчик жив и есть надежда на выздоровление. Валек рассказывал, что даже грубые шоферы после аварии с человеческими жертвами недели две ходят смутные.

Замечательно, что Мар. Александр. — церковница, общественница, уставщица. А Зина удовлетворяется молитвой, считает, что православие вовсе даже не занимается обществом и спасает каждого лично. (Путь Серафима Саровского.) Но она согласна с тем, что это недостаток православия, и он устранится лишь единением церквей. Разбираясь в прошлом этого недостатка, мы подумали, не является ли он следствием раскола? Вследствие раскола церковь осталась при государстве неподвижной, а раскольники двигались вперед образованием сект мистических и рационалистических. Из этих сект интеллигентское религиозное безбожие, завершенное коммунизмом, приняло на себя государственную власть.

Автоинспектор, человек, перегоревший на войне в танках (не раз замертво вытаскивали из горящего танка), восхищается из всех стран больше всего Чехословакией. — Те же славяне, те же привычные лица, а какая честность, какое уважение, какое доверие к человеку. — Что же это, культура? — спросили мы. — Культуры и у нас много, что и говорить, нет! я думаю, это от Божеского закона у них. — Католики? — Не знаю...

Устойчивое нравственное правило для воспитания детей нам нужно сейчас больше, чем хлеб. Для этого, прежде всего, нужно вернуть родителей в семью и сделать так, чтобы дело добывания хлеба насущного не разделялось в каждом из нас на две разные книги: 1) (Для государства) похуже. 2) (Для себя) «блат».

При полном упадке нравственного воспитания евреи своей пропагандой семьи, возможно, приносят большую пользу. (После чтения «Пионерки».)

17 Июля. Вчера день обошелся без грозы и дождя. Утро прошло неспокойное, небо наполовину в светлых облаках, ветерок, прохлада. После обеда дождь и гроза.

Приходил Данилов Михаил Фед., директор профстанции в Пушкине. Это наш прежний старшина, побывавший в Европе. Двойная улыбка, похожая на свет в автомобиле, кроме обыкновенных фар еще подфарники: улыбается общей улыбкой, а подфарники играют сами по себе для оживления, веселости, для таинственных слов, подмигивают, и не поймешь.

Итак, вот эта общественность, выпавшая из православия (раскол — это борьба церкви с государством), была подобрана Петром, потом декабристами. Православие — это кладовая личного начала (Серафим Саровский), женственных сил. Но мужская сила («общественная») отнята у него «безбожниками».

Допустим, что у каждого есть талант личный, и мы устанавливаем общее понимание: каждый спасается лично (церковь). Но есть какой-то остаток бесталанных или же желающих им заниматься — это рабочий класс, пролетариат, мужики, общественность и т. д. Католичество устраивает и этот остаток безликий, т. е. тех, кто сам себя не хочет устраивать.

Создать главу о потере людьми Зуйка (сказки) и это связать с потерей у Даши Степана (одеколон) и что Падун камень вертел. Вместе с тем, дать перед этим обоснование ухода Зуйка (сказки), когда останется «Надо» без «Хочется».

Лирическое отступление автора, соединяющее людей долга, (Надо), оставленных сказкой, и с другой стороны, сказка без человека (тоска Зуйка по человеку среди природы). Хорошо бы так соединить главу о растаявшем насте с главой о гибели Степана (одеколон).

Глубже понять чувство «Надо» в «Кащеевой цепи» + мысль Джеффериса о 15 тысячах напрасно прожитых человечеством лет, о том «пролетариате», который стал теперь пугалом еще более страшным, чем «бог» в инквизиции.

При ударе фары о детскую голову был удар в мою душу: машина остановилась, и я сам остановился. Произошло то самое страшное, о чем думать себе я никогда не позволял. От всего меня остался обрубок, или пень, или шея, с которой снесена голова. И вот к этому обратилась Ляля, загораясь любовной решимостью, и перекрестила широким смелым открытым крестом. Навстречу этому во мне что-то дрогнуло, и я понял, что жив я и надо жить дальше.

Данилыч дает картину свободы в природе: в виде свободной искорки, вода на работе — лампочки и т. д. Но Зуек, уйдя в природу, видит, что нет ничего в природе и все это от человека, и потянуло его к человеку.

Попадется на глаза что-нибудь от машины, сопровождавшееся раньше напоминанием о чем-то хорошем, связанным с обладанием машиной. Теперь, наоборот, такая встреча сопровождается болью утраты: как будто бросил курить и на глаза попала папироса. Напротив, играющие мальчишки раньше раздражали, а теперь жалко смотреть на них.

Вот это-то и есть старение, как сознание неизбежной участи, как разделение горьким опытом жизни с детьми: ты больше не ребенок, и хорошо, если наставник.

На-ставник: что то вроде на-таски: на-таскивать собак, на-ставить детей.

18 Июля. С утра дождь окладной, серый. Беспокоюсь, что Ляля не возвращается. Вчера «углем» нарисовал канал. Теперь дело пойдет увереннее.

Зин. Ник., как только встала с постели (грипп), установила «благоговейный» режим. — Для этого, — сказала она, — нужно каждому думать о другом. — Только не всем и не сразу о другом, — ответил я, — некоторым нужно устроить лично себя, чтобы возможно было помогать другому. Она с этим вполне согласилась.

Женский альтруизм (служение ближнему) происходит из материнства (ребенок — это «другой»). Своего нет ребенка — «альтруизм» в полном смысле слова.

NB. Ляле оставался один шаг до «альтруизма» и, вместе с тем, отказа от жизни «земной» (так она постоянно и выражается, будучи уверенной, что настоящая жизнь — «неземная»).

Разрушенное материнство здесь у женщин служит основанием веры в жизнь там (духовное материнство). Происходит то же самое обобщение, как у мужчины, когда он делается вождем — «не для себя живу, а для всех». (У Мужчины вождеобразование, героизм, у Женщины духовное материнство, служение).

NB. Вот не в этом ли «обобщении» и заключается причина страданий человечества, и, вообще, его «грех»? Не-

даром же бесплодную женщину в древности побивали камнями, недаром английскому королю (вождю) подсунули парламент из трудящихся (лейбористов). Эта страшная мысль, наверно, и породила таких страшных людей как Ницше, Гитлер, Розанов.

Трагедия Розанова: в бегстве от обобщенности (идеи) в конкретное он ушел в семью (природу, Библию), но Mater, к которой он припал, была заражена сифилисом (Бутягина Варв. Дмитр.) и семья, созданная им, вся распалась (дочь удавилась, сын сбежал и погиб и т. д.).

То же произошло и с Гитлером: его расизм конкретизировался на расе не «высшей».

А Ницше, создавая сверхчеловека, в нем увидел Христа и сошел с ума.

Неизвестно, мучениками какого нового мира были эти люди, столь дерзновенные, но увы! и после величайшей мировой катастрофы мы еще не видим Духа Святого, сходящего на праведников.

Но в коммунизме (русском) утверждение жизни — есть факт.

Против женского обобщения (духовного материнства) коммунизм с грубым цинизмом выдвигает мать-героиню, против обобщения и в вождеобразовании коммунизм засыпает «вождей» орденами.

Тут замечательно, что самая способность мужской личности к обобщению, к отвлечению учтена как фактор общего дела, женский режим альтруизма находит в обществе естественное применение.

Наш коммунизм имеет одно противоречие: стремясь к конкретному, он сам есть концентрация отвлеченности. Он похож на леса, при помощи которых строится дом: самого дома нет — только леса.

Лад, чистота души, гармония, детскость — вот источники нашей радостной жизни... из чего мы про себя исходим и отчего рождается на лице улыбка. И вот обида: это про-

должает быть у людей — все так живут, а я нет. Из этого два выхода: 1) борьба за себя. 2) работа на людей.

Соц-вреды на канале после того, как убеждались в невозможности стоять за себя, начинали работать на других.

Когда меня ударило в самую душу и я там, в душе, оглох, ослеп, отупел, то извне послышался голос: — Езжай, сюда, живо! — И я очень искусно развертывался на шоссе. — Езжай в больницу! — Ехал верно и уверенно в больницу, в милицию, в автоинспекцию, обратно в больницу, обратно в милицию (мне вспоминается, что я работал лучше, чем когда был свободным). И вот этим объясняется работа на канале, а не «перековкой». Путем работы можно уходить от себя, заваливать песком свою душу.

Весь день то дождь, то солнце, роскошно парит, все растет, поправляется. Настя приехала, привезла добрые вести о том, что Ляля сегодня приедет из Дунина и что там все благополучно строится.

Когда я был маленький, религия считалась за простым народом («Дядя Влас»), а образованные «просвещенные» люди были безбожники. Теперь стало наоборот: образованные больше верят, чем простые.

«Канал» теперь больше не фикция и не помойная яма, куда я отводил свои мысленки. Теперь рисунок готов, и я могу сделать вещь. Теперь нужно: 1) выписать самый канал, чтобы читатель видел его географию, плотины, шлюзы, 2) нужно дать каналоармейцев, 3) связать всех лиц действием аврала, 4) разработать глубже и шире природу воды.

19 Июля. Вчера весь день то дождь, и сильный, то солнце. Полное насыщение влагой. Утро сегодня опять солнечное и, наверно, опять будет дождь.

Вчера возвратилась Ляля из Дунина, она заехала в больницу и узнала, что «крестник» хорошо поправляется

и скоро выйдет, при нем сейчас мать. Так, пережив муку, опять возвращаюсь к «счастью», потому что все опять говорят: «Какое счастье!».

Обошлось без дождя. Ходил в лес с Жулькой.

Ключ от леса — название, тема сборника лесной поэзии.

Лес в солнечное утро после дождя.

Лес мне открылся как храм.

Сижу, отдыхаю на пне. Над лесом плавно кружит хищник — что это он так добычу высматривает?

А вот там, на высоте, от которой слезы в глазах делаются, чуть темнеется в синеве темное пятнышко, и оно тоже на таких же кругах: это второй хищник. Но на такой высоте и коршуну невозможно ничего усмотреть на земле. Значит, и этот кружится не за добычей.

Встретился машинист с паровоза: успел набрать корзину первых белых грибов и теперь бежит на паровоз. Вот этот любит природу.

За обедом я сказал нашим христианкам: — Для христианина, каким он был до сих пор, весь мир есть больной, за которым надо ухаживать. Такой христианин не знает, что делать, если мир показывается здоровым. Настоящему христианину будущего века надо стать перед лицом здорового мира.

20 Июля. Вчера обошлось без дождя, но вероятно дождь и гроза где-нибудь были. Утро сегодня опять безоблачное и опять на горизонте на синем показываются светло-золотистые горбы невидимых облаков.

Микрокосм. Мне тяжело и противно после аварии ехать в Москву и объясняться в автоинспекции. Попросил Валька, дал ему доверенность. Он вернулся ни с чем. — По всей вероятности, — сказал я Ляле, — он просто не стал

там разговаривать с начальником, а спросил секретаря. Разговор с начальником противен его природе, и он прав, он больше сделает, помогая мне в области природы, больше сделает, помогая мне в области строительства.

— Попросту говоря, — ответила Ляля, — он перекладывает неприятное на другого: за него должна делать я. — Конечно, — ответил я, — так и надо: ты мне гораздо ближе. — Значит, он перекладывает дело на ближнего. — Очень может быть, — ответил я, — что же, так и надо, а то как скажут «ближний», так вот и давай ему все: и люби ближнего, и жалей ближнего. Пусть же и он сам, этот «ближний», наконец, постарается и оправдает свою любовь. Выполнение интимно-душевных услуг непременно должно быть делом «ближнего». Впрочем, и весь мир на этом стоит: один, перекладывая дело на Ближнего, служит Дальнему, другие, принимая это дело, служат Ближнему.

Так я ответил, понимая Макрокосм через свой повседневный Микрокосм. Но практически сделаю так, что, приветствуя уход Валька к Дальнему и Лялино принципиальное служение Ближнему, схожу сам в автоинспекцию. И чувствую, что и в Макрокосме меня за это похвалят: выходит и Дальнему хорошо, и «ближнему» кукиш в нос. <*Позднейшая приписка:* Все-таки ходила-то Ляля!>

Я помню, как мать моя все муки хозяйства брала на себя, а сестра Лидия занималась цветами, культурой цветной капусты и пирожными по Молоховец.

Вот когда мать несколько потускнела в своих заботах (как говорила она: «Все сам, сам, как не посмотришь сам, так и нет ничего»), Лидия стала бояться за нее и стеречь. После ужина мама уйдет к себе в спальню, читает на ночь в постели Евангелие, Лидия не уходит из столовой и слушает, как она перелистывает, шевелится. — Уйди же ты, наконец, — кричит мама. — Не уйду! — отвечает Лидия. И так они ссорятся. И многие сердобольные поддерживали Лидию в том смысле, что вот мама все «сам», а Лидии даже и этого не дает: постеречь ее конец. Помню, не раз я просыпался ночью от крика, когда мать с полотенцем в руке

прогоняла дочь от себя. Кончилось тем, что мать, заключая арендный договор с мужиками, сильно раскричалась и вдруг ушла молча в свою комнату. Наступила внезапная тишина. Лидия, услыхав тишину, бросилась в комнату матери, а та, умирая, хрипела в постели. И в семейной хронике осталось лукавое предание, будто мать, увидев Лидию, на мгновение очнулась и, не будучи в силах прогнать ее, показала язык.

Из всех нас Лидии одной досталось хоронить нашу мать. Мы постепенно один за другим съезжались, и каждого из нас Лидия брала за руку и вела через сад за церковную ограду, где было кладбище для привилегированных лиц (церковь стояла на нашей земле). Я помню, как привела меня Лидия, показала молча рукой и сказала: «Вот!» И в этом словечке у нее собралось все неразрешимое в жизни, как будто хотела сказать: «Вот все и разрешилось». Мы плакали, обнимались, но про себя не чувствовали разрешения спора в этой могиле.

21 Июля. Казанская.

Тихое летнее безоблачное утро. Два дня уже не было дождя. Вчера ездил за палочками для помидоров в лес. Зин. Ник. Барютина ездила со мной, женщина без кишечника, как бабочка, урожденная монахиня и проходит не в шутку путь святости. Все у нее решено во Христе, но решено в своем опыте. Она почти святая, да еще с университетским дипломом. Единственное возражение к ней — это что она природная монахиня, и это возражение исчезло бы, если бы сам был по природе монахом. Но я не монах, а брошенный в мир обиды, как в болото, бедный человек с такими слабыми силенками: вылезти бы как-нибудь самому.

Третий день прошел без дождя. Клубника кончилась. Вишни кончаются. Поспела черная смородина. Яблоки, белея, выглядывают из темной листвы. Мальчишки обдумывают план нападения.

Животные в наводнении — обиженная водяная крыса, по крысе этой — все звери в обиде... Волк, например, —

волк отводит глаза. Лучик вечернего солнца описать по глазам животных. Зуек это увидел сначала у водяной крысы, пересмотрел тоже на медведе, на лосе и зайцах (а волк отвел глаза), и кончилось ящерицами, которые полезли вверх за лучом. Луч света, как луч разума: там луч света, тут луч разума, и у животных и у человека. Куда бы ни падал луч — всякий глаз загорался смыслом. Водяная крыса как будто поняла что-то, лучик исчез... сучок, поглядела на человека опять тем глазом, что-то поняла, тут крыс нет, надо к своим, к крысам... Зуек понял: к людям. И человек стал человеком.

Судьба муравейника (как вышли муравьи... и как их залило: узнать у биологов). Слепые кроты. Белка — хвостиком вверх. И так в вечернем солнечном луче план общечеловеческий — и как звери все к «своим», так и люди когда-то сбились. Физический план: то дерево и вокруг него и на него все. Судьба муравейника: всем спасаться на дереве... По этому дереву ящерицы. На этом дереве белка, куница. Итак, в вечернем солнечном луче план обиды человеческой — и как звери все «к своим», так и люди когда-то сбились.

Животные в наводнении, люди в революции. Революция людям была как наводнение. И те, кто начинал ее и действовал, — шли от обиды. И те, кто терпел, получил ее вновь. Революция с далеких времен Пугачева и Разина шла как весной наводнение, срывая плотины государственных сооружений. Она шла от обиды народной и выгоняла людей, как выгоняет вода животных из их личных норок и гнезд. Эти люди не считались со знамением времени и законами, охраняющими их личное существование, считая и законы всего человечества.

22 Июля. День опять простоял в красоте, только под вечер подкатила грозовая туча, обошла нас и вечер опять просиял. Приезжали Барютины. Катерина и Николай. Говорили о Рокоссовском, что вот «обиженный», который

сумел так победить себя в обиде, что победа его над собой для всех стала победой над немцами.

Как у животных: личное спасение — к своим на общее дело.

Поиски человеческого плана в «Аврале»: эта плотина, преградившая могучую реку Выг, была сделана не только из земли, песка, гравия, камней, не просто это были ряжи, или корзины с камнями, перерезавшими реку. Это был труд человеческий и в труде, как в воде, сливались каплями люди. Где-то в той общей плотине был участок Артема... вторая родина: катушка в два года, и тут надо расставить людей в том же порядке «к своим», как у животных у того дерева в вечернем луче: и тут дать четко то человеческое, чего нет у животных. Показать аврал человека в ином свете, чем аврал у муравьев. У животных «свое» только в роду своем, а у человека свое — в чем? Основное: дать отличие человеческого аврала от муравьиного. Чем отличается человек, умирающий для общества, от муравья? Аврал и война — одно и то же (на миру и смерть красна). Мы не знаем только, как погибал муравейник за общее дело. Если бы мы знали. Но мы не знаем этого о муравьях и считаем, что делают они это бессознательно по инстинкту. А про себя мы это знаем и называем это человеческим сознанием, изучаем, записываем, исправляем. Как на этой плотине делался свой личный участок, где каждый обошел свою обиду личную, и он стал ему второй родиной.

Психология «Надо» в лице Сутулова. Показать, что это «Надо» чекиста вышло тоже из обиды: что решился делать и надо держать. И каждый, строя вторую родину, находил свое «надо» в плотине: в отношении себя — желание увидеть первую родину, и в отношении участка — надо держать.

Каждый человек находил другого человека, которому рассказывал о себе, и так люди от человека к человеку все знали о себе. И вот мы знаем, что когда заревел по радио «Аврал», инженер Маслов пришел в себя и ясно представил себе (изображение), и вышел с готовностью, если надо, умереть за общее дело, «как за свое».

Итак, плотина растет и крепнет в обход личной обиды. Герои: кто — Рокоссовский?

Валек не был таким: у него ничего не было. Но все общее дело и законы революции ему были не по нем. И он до тех пор это говорил вокруг себя очень резко, пока в этом не увидел вред, и человек разделился надвое: его «сам по себе», его «хочется» осталось при нем в себе, а его Надо действовало на него со стороны. Сам по себе в своей жизни он вертелся вокруг себя и жужжал против всех, как кубарь, но тоже по тому же самолюбию делал отлично то, что ему надо было делать.

NB. Был обиженный человек и вертелся на оси своего обиженного сердца, как маховике без трансмиссии. Однажды луч разума, точно такой же, как в живой природе луч света, осветил его неохотное дело, и в голове его родился план. Тогда вся его душа, как живая вода, бросилась на план, как на берег, и стала его размывать. И, размывая этот план, стала как вода намывать на другом берегу. Это новый план ясный, совершенный, как будто смысл не в личной обиде, как будто после того ремень был перекинут с его маховика на шкив, началась жизнь, не похожая на прежнюю: Аврал!..

У реки было два берега — один природный, подчиненный закону тяготения: один камень давил на другой, нижний следующий камень давил на оба нижних, и так, чем выше, тем сильнее давление. Ничего между камнями расти не могло. Только на камнях — корни сосен. Другой берег был намывной. Вода била в тот мертвый берег, отрывала от него мельчайшие частицы и намывала на другую сторону. Эти мельчайшие частицы, соединяясь, оставляли между собой место для влаги и воздуха. Ветер-сеятель приносил семена, и живой берег покрывался цветами и лесом.

И у человека так бывает родина его, как берег, обмываемый водой его жизни. Бьется жизнь-вода о берег этой первородины и намывает вторую незаметно, пока вдруг, очнувшись освобожденным от обиды и боли, он не увидит чудесные берега новой второй родины, созданной его личными усилиями. В этой плотине...

— Аврал, аврал! — услыхали люди, создавшие эту плотину, как свою новую родину.

23 Июля. План на ближайшее время.

Завтра в среду 24-го в Москву по делам:

1) Петровка (удостоверение).

2) Моссовет и т.д.

25-го поехать к Пете, предложить Дунинскую охоту и до 1-го августа переехать в дом отдыха и работать там до 8 сентября. Денежный подсчет.

Так поглядишь на любое дерево, как раскидываются на нем ветки: растет ветка вверх, и росла бы — нет! обида какая-то на пути, и она шарах! в сторону, а там, где шарахнулась, узелок остался. Погляди и поищи, сколько узелков, сколько обиды. И так мы, люди, обходим обиду и узелки завязываем в душе.

Вода в рассказе должна играть свою роль, как человеческое лицо, как герой, да так точно и вся «природа»: ничего даром, для украшения, настроения, а всякая даже соринка должна действовать.

У камней была сила в том, что они давили друг друга, у намывного берега сила была в том, что тончайшие живые корешки, присасываясь к частицам земли, связывали их, у воды сила была в слиянии капелек, и эта сила была больше тех. У человека, у всего разбитого человека, у человека, создающего новую природу, была связь между людьми сильней и удивительней даже, чем у воды, и эта связь была источником его господства над старой природой. В чем эта связь? Если бы можно было на человека со стороны посмотреть, то, наверно, легко бы можно об этом сказать, но как же посмотреть самому на себя со стороны? Если так догадаться? И некоторые догадываются, что это смерть всех связывает, что каждый, чуя конец неизбежный, спешит избыток жизни своей передать ближнему. Или, напротив, в борьбе с личной смертью человек получил разум. Или, может быть, разум связывает: каждый понимает, что если

сложить всего человека в общем деле для пользы всех в один рабочий механизм, то каждый, работая для всех, потеряет страх к своей смерти: на людях и смерть красна. Как догадаться? Но несомненно — сила в связи. И еще что нам каждый различен, а сам человек существо единое. И еще о многом можно догадываться и все может быть и похоже на природу, а может быть и неверно. Одно только верно, что связь какая-то есть между людьми во всем человеке, много сильнее, чем у огня и даже у великой и самой близкой к человеку стихии воды. Так вот неизвестная могучая сила связи людей между собою вступила в борьбу с той могучей силой слияния частиц у воды. И когда сказали: «Весна!» — это сказали, что началась смертельная тотальная война их слиянного «коммунизма» капелек водных с единой и неслиянной связью, с нашим коммунизмом человеческим.

Работа над Падуном: 1) Точный рисунок Канала, географии, истории, строительства, техники и т.п. 2) Лица аврала (Плотина). 1) Как они ехали. 2) Как с ними встретился Зуек. 3) Все в аврале.

24 Июля. Ночью перед рассветом сильный дождь. Утро облачное, земля парит, и лес в синей дымке. И дыханию, и глазу все мягко вокруг, и воздух обнимает, как тело. Потом в Москве хлынул дождь на весь день.

На ночь опять вернулась невыразимая мысль всей жизни. Это мысль о человеке и природе, что душа человека находится в каком-то соответствии с природой, что сам человек тем только и человек, что соединяет в себе все, что есть в природе, расставляет эти свои части на места, и когда это верно приходится — все на местах — то нечто достигается новое в жизни, называемое по-разному: культурой, прогрессом, творчеством. И тогда вся природа включается в человека.

Если же гармоническое действие в человеке не удается, то природа выпадает из человека и рассыпается на куски, облеченные в красоту и безобразие, в добро и зло, правду и ложь, тьму и свет, войну и мир.

Тогда как бы под действием мертвой воды весь мир распадается на части — и это состояние [тоже] получает имя природы.

Когда же к этому хаосу снова подходит человек с живой водой и все эти части складываются в человеке, и тогда природа перестает быть отдельно от человека, и непременно происходит что-то новое, начиная от маленького живого человечка, кончая новым великим показом...

Зуек на плавине со зверями — «природой» — и должен дать образ единства мира (ведь за ним сказка) — он со зверями как облако, и рядом с ним поднялась пузырями прощеная вода, и облако принимало все формы видимых существ природы. Зуек на своей плавине похож был на такое облако.

После «приказа» Зуйка показываются морские суда, и под ними под водой Осударева дорога. Эти суда представить как факт, как победу (над немцами) в обход обиды. И лось-скиталец подошел и напился новой воды.

В Москве в автоинспекции допрашивали три часа. Встреча с отцом «крестника». Требует уединенного разговора (невозможно при автоинспекторе согласиться, показать, что виноват). Мой ответ: «Я не чувствую себя виновным, ищите судом».

На измученную душу появился Валек из Дунина: у него все не ладится, потому что не имеет дара общения с людьми и глядит на всех волком.

25 Июля. Утро в Москве солнечное, дальше — увидим. Ночь при уличных звуках через форточку, почти не спал. Думаю только о том, как бы из Москвы выбраться.

Dominum Omnes*.

---

* Laudate Dominum, omnes gentes (*лат*). — О, хвалите Господа. Пс. 116.

Личный заказ заменяется номером. — Дайте мне сапоги. — Какой номер?

А как я спасся и сделал посильное добро (написал несколько добрых рассказов, кое-кому помог). Спасался я только личным усилием в обход обиды своей жизненной: Dominum Omnes мне протягивал руку, но я таким в обиде своей, чувствовал себя непригодным для общего дела. И такое все православие, оно занимается только делом личного спасения и оставляет в стороне общее дело.

Между тем я помню, что в отношении Dominum Omnes я именно чувствовал себя недостойным по личным своим свойствам, что вовсе не враждебно отталкивался от Него, напротив, я признавал и Его право, и могущество, и мысль, но... Он хорош, я — никуда. Эти мысли имеют и весьма простое выражение: нельзя, напр., сшить сапоги, не выучив себя сапожному ремеслу. Так и православие учит нас делу строительства души.

К чему это? К тому это, что путь личного спасения применим лишь к личности, но, кроме личного дела, есть дело общее (Dominum Omnes), гражданское, и с ним есть свое Надо. Значит, Сутулов — это Dominum Omnes. и что это есть вера такая, сила, подобная силе земного тяготения (кирпич на кирпич). Но вспомни, что твое личное спасение не было бы таким, какое оно теперь есть, если бы не было в тебе какого-то отношения к Dominum Omnes. И не было бы на реке намытого плодородного берега, если бы не было берега первозданного (камень на камень).

Ляля продежурила у Моршакова полдня, достала 15 к. олифы, 15 к. гвоздей, толю и бумагу в Моссовет на остальное.

Вечером приехали в Пушкино.

26 Июля. Обычное солнечное утро, безоблачное, как у людей бывает счастье, такое полное, что выступает тревога о неминучей беде.

Состояние духа «женское», т. е. тревожусь пустяками, не имеющими значения (напр., встречей с отцом «крестника», другими капризами).

Камень давит на камень, и этой силой держится скалистый первозданный берег реки. А на верхнем камне у дерева стоит человек, тоже как будто сложенный тою же силой, образующей в душе каждого работника его Надо. Крепко стоит человек, воткнув в торфяной чехол на скале свою палочку.

А другой человек силой связи своей с другим человеком похож больше на воду, чем на скалу. Каждой капельке в этой воде хочется убежать, оторваться, улететь от своей массы, разлиться, унестись к облакам и отдаться на волю ветра.

Нет! каменный скалистый берег силой своего тяготения не дает разбежаться каплям воды, куда им хочется, и заставляет делать что надо. И тогда каждая капля воды, ударяясь о каменный берег, схватывает от него песчинку и уносит ее на другую сторону, и вся вода там намывает новый берег, наволок, плодородный, зеленый, где трава растет, корнями обнимая намытые песчинки, неуклонно вверх.

Вот и люди так на строительстве тоже распределяются между их надо и их желанием, и в каждом можно увидеть борьбу между его необходимостью и его личной свободой...

Но есть незримое существо в этой борьбе, никто его не видел, но все чувствуют его, когда подходят к Падуну и, забыв все на свете, отдают все свое внимание падающей воде.

Гул, хаос!..

Но все кончено — это не брызги, это весь водопад как одно существо. И эти тысячи людей — это не обрывки — это весь человек.

И вот этот незримый человек...

«Осударева дорога» должна играть свою роль и быть описанной, и такой, какой она была при Петре, и как я ее видел, и как она утонула.

Эта старушка когда-то отдала все свои средства и силы просвещению народа. Что она могла тогда сделать? В несколько лет усилием государственной власти весь народ стал грамотным и «просвещенным». Настало время, когда все заняты собой, как в Америке, а старушки все живут. И сколько у нас было таких досужих людей, тративших жизнь свою бог знает на что. Какое-то раздражение чувствуешь на этих людей. Между тем ясно, что современный человек делается хуже, чем они. Впрочем, к идеалу человека теперь присоединяется какое-то деловое мерило.

Если на воздух давить — он твердеет. Если человека стеснять, он начинает рассчитывать свое время и дорожить свободной минуткой.

27 Июля. Вчерашний день весь просверкал без дождя. Наши удовлетворенно говорят: — Ну вот, лето какое! И вспоминают 1940 год в Тяжине. Разгар черносмородинного сезона.

За чаем вчера вспомнилось, как на вокзале молодой человек, взглянув на меня, вслух сказал своей девушке: «Это, случайно, не Пришвин?» Мы посмеялись над «случайно», и Зинаида Ник. сказала: «Вы, М. М., счастливый человек: первое счастье — это полное соответствие вашего физического и душевного здоровья: мало осталось таких людей. Второе счастье — это широкое признание в обществе вашего дела. И третье — это, что Ляля с вами». На это я ответил ей, расхваливая ее счастье тоже со всех сторон. После того теща вдруг заговорила тоже истерически повышенно: там, говорила она, указывая на Зину, — Бог, а тут — на меня — человек. После того, успокаивая тещу, я сказал: — Не надо так резко расчленять, отделять Бога от человека. Бог без человека — это что-то близкое к атомной энергии, а человек без Бога — это вроде свиньи, и еще, пожалуй, много хуже.

Вот удивительно, Ольга Александровна, отдавши жизнь свою просвещению народа, и добра, и умница, и образованная, и даже верит в Сталина, а все-таки в чем-то

несовременная и тем, как всегда в этих случаях, чем-то раздражает. Напротив, Зин. Ник., равнодушная к общественности, молится Богу, утешает людей, и ее бытие ничуть не противоречит как-то новым нашим американским темпам жизни. Я думаю, это оттого, что личность О. А. сложилась на досуге, в благоприятстве, а Зинаиду Николаевну закаляла нужда и борьба.

Так и все новое время тем хорошо, что нет в нем больше ни барской блажи, ни пролетарского любоначалия, а взамен этого нарастает серьезное отношение каждого к собственной жизни.

Человек праздный, вообще, теперь поглощается временем для большого строительства жизни будущих поколений. Теперь не до жиру — быть бы живу.

Что же касается тех празднолюбцев, тех певчих жизни, кому предназначено своими именами расставлять вехи движения сознания человеческого и связи людей (культура), то явление их и существование не подчинено обычным законам размножения и бытия. С этой точки зрения, мало значит и то, что современное искусство, литература, театр находятся в упадке. Может быть, именно этот упадок общего искусства и является ширмой перед сценой, на которой за кулисами готовятся к выступлению неведомые никому актеры.

Мог народ немца разбить, значит, он и во всем другом покажет себя. И так ясно видится, что это «другое» скажется в чем-то большем, чем национальность — русская, украинская, грузинская и т. п.

И особенно надо понять, что в существе своем коммунизм есть русское явление, что евреи к нему только примазались.

После аварии у меня в душе некоторая ущемленность, не располагающая к поездкам на машине. Эта ущемленность происходит от потери полной уверенности в своем водительстве. Раньше я думал, со мною ничего не может случиться, теперь, случиться всегда может, как ни будь

осторожен. Раньше была детская радость в водительстве, игра, теперь остается только дело, притом не особенно приятное.

Плохо еще, что ведь и вся игра, в том числе и мое писательство, основана на доверии к себе. И вот я боюсь, как бы эта психологическая травма в автомобильном деле не распространилась на другие мои игры. Вот для этого-то, я думаю, надо мне преодолеть душевную травму и в ближайшие дни ехать в Москву, и это само собой выйдет, что с большой осторожностью.

Когда разлетелась фара в куски, и мы были уверены, что это голова разлетелась, меня охватило чувство такое, что вот пришел конец всему хорошему, дорогому, что связано с ездой на машине: и охоте, и даче, и природе даже, и вообще всякой жизненной игре, которая питает мое чувство свободы.

Если бы, однако, я не повинился сразу, а загнув номер, укатил бы от потерпевшего, я бы замучил себя страхом перед тем, что меня поймают и, значит, психика моя будет, как у Раскольникова.

Вот об этом-то я теперь и думаю, что у Раскольникова в душе был не моральный стыд перед содеянным, а страх такой же, как если бы я удрал от раненого. И мне кажется, что прекращение задуманного дела у Раскольникова из-за страха есть менее моральное дело, чем если бы он продолжал бороться со страхом и делал то, что задумал. Словом, Раскольников сдрейфил, и Достоевский на этом построил свой мещанский роман, полагая в основу совести страх.

Достоевскому надо было разрешить это убийство Раскольникову и оставить его наедине с этим фактом, как если бы и я вот, подмяв мальчика, был бы без свидетелей и в один миг мог унестись от него. Вот тогда бы я был взвешен морально, потому что я бы свободен был в своем поступке, уехать или подчиниться суду. Сейчас же я ничего не могу сказать: мне кажется, что мною руководил только страх, хотя, конечно, за этой стеной где-то была и совесть. Удивительно, как я раньше не понимал неправильности

психологической в построении романа Достоевского и только теперь понял по себе, по собственному страху лишиться участия в жизненной игре.

Если сдавливать воздух — он твердеет, а если стеснять жизнь человека, он начинает понимать время, выгадывая себе свободную минутку для себя. Пусть даже и не будет у него этой свободной минуты, но все равно мысль о ней делает его изобретателем и часто освобождает себя и людей...

28 Июля. Жарко. Понемногу начинаю привыкать ездить, как ездят настоящие шоферы, без удовольствия и с сознанием, что раз ты ведешь машину, значит, тем самым участвуешь в необходимом убийстве.

Половина поля ржаного уже в «бабках»*. Смотрю на рожь, вспоминая, как я всю жизнь смотрел на нее. Это было глубоко радостное чувство, как золотая цепь цветения. В год объявления Первой мировой войны я смотрел на рожь с тревогой от множества кузнечиков. В год второй войны я спрашивал: кому достанется эта рожь? И теперь, наконец-то, прежнее детское чувство иссякло до конца: я думаю о возможности конца жизни со всей силой ее размножения. Если же вопрос переходит сюда, то откуда же взяться чувству радости жизни.

Прокурор Джексон сказал, заключая Нюрнбергский процесс: «Если мы не сумеем и т. д. — можно будет с основанием сказать, что 20-е столетие приведет к гибели цивилизации».

И даже если сказать «планеты», это все будет в области фактов, а не только выдумки.

— Скажите, — сказал доктору, — во мне есть, живет чувство радости жизни, которое не покидает меня даже вот и в таких положениях, мне кажется, что люди спасутся...

---

* В «бабках» (*местн.*) — в снопах.

— Конечно, спасутся, — ответил доктор, — я тоже так и сам думаю и тоже про себя радуюсь: непременно спасутся. Эта радость от внутреннего чувства вечности.

— А я, — сказала Ляля, — прямо непосредственно чувствую радость конца этой жизни. Возможность светопреставления стала фактом. Я считаю уже и то большим прогрессом, что факт размножения, казалось, столь утвердительный, встречается с фактом уничтожения.

Приезжал Борис Дмит. Удинцев накануне поездки в Свердловск (санаторий). Лица на нем нет. Мелькнуло при расставании: увидимся ли? Я задал ему вопрос: — Страх человеческий — позорное чувство и настолько, что простое лишь отрицательное отношение к страху делает человека прекрасным: бесстрашный человек. Но есть страх Божий: этот страх столько же возвышает человека над животным, как тот, скотский, унижает. Этот страх ответственности за жизненный дар. Так вот, был ли этот страх Божий у какого-нибудь поэта его темой?

В чувстве конца (эсхатологическом), как он был у староверов, каким он в детстве показывался через старух или в литургии («со страхом Божьим и верою»), несомненно присутствует этот «страх» (страшна ответственность перед Богом за жизнь). Не худо иметь эту мысль, изображая Выгорецию.

Удинцев говорил, что Панферов не на «черепках» провалился, а черепки явились последствием провала его подхалимского романа у Сталина, что будто бы в этом романе Панферов так полз, что «песок шуршал».

29 Июля. Озимое наполовину в «бабках». Болото заметно желтеет и подмирает.

Влажная жара продолжается.

Ляля уехала в Москву, ее дела: 1) Добыть мои права. 2) Материалы у Бахреева. 3) Лимитные продукты. 4) Термос. 5) Олифу.

Завтра должна вернуться.

Жульку надо отдать в натаску Пете, направить его в хозяйство Военного общества.

Ходил в лес.

И вот над тихим озером на безоблачном небе возникло одно, как воздушный корабль, и вслед за ним корабль за кораблем потекли прекрасные облака.

Борьба водяных растений со сладкими злаками.

Солнечные пятна и просветы за частыми стволами то закрываются, то открываются. Что это? Ветер ли шевелит там высокими травами, или это птицы низко пролетают, или медленно заяц проходит...

Вся вершина высокой ели загружена частыми и тесными молодыми зелеными шишками, и над этими подарками на самом верху последняя мутовка раскинула пальчики короткие.

Шел в лесу и, вероятно, стал уставать. Мысли мои стали снижаться и уходить из лесу домой. Но вдруг я почувствовал себя внезапно радостным и возвышенным, глянул вокруг и увидел, что это лес стал высоким, и стройные прекрасные деревья своим стремлением вверх поднимали меня.

Счастье? Да, конечно, счастье необходимо, но какое? Есть счастье — случай, это Бог с ним. Хотелось бы, чтобы счастье пришло как заслуга. Вот хотя бы Ляля — это, конечно, мое счастье. Но разве я-то не заслужил его? С каких далеких лет я за такое счастье страдал и сколько лет в упорном труде обходил свою личную обиду, совершенствовался, достигал признания общества, и чего-чего только не терпел. Нет, нет! я свое счастье заслужил, и если каждый соберет столько усилий, чтобы обойти свою оби-

ду, то почти каждый будет счастливым. Я говорю «почти», потому что не вся сила жизни сосредоточена в своих руках, почему и говорят: не судьба или что от сумы и тюрьмы не отказывайся.

30 Июля. Опять роскошное утро.

«Страх Божий» вложить в глаза (отблеск вечернего солнца) водяной крысы и вспомнить угрозу Евгения в «Медном всаднике»: у них, у крыс это возмущение невозможно (показать).

Цивилизация — это движение, и каждый шаг ее вперед несет смерть, каждая машина требует жертвы.

Тогда является вопрос: не назад ли? (Толстовство, бегуны — в особенности бегуны: так это близко к страху животных перед человеком. А кустари в Кабарде? А в сущности, и такие, как Бострем, это все бегуны от Медного всадника, все потерпевшие.)

Отец моего «крестника» бросился на меня совершенно так же, как Евгений на гиганта (боюсь только, что у моего «Евгения» был расчетец содрать что-нибудь с меня, но это так и быть должно в пересчете великого на малое).

Бог Иова есть тот же Медный всадник, и Иов — Евгений. «Да умирится же» возможно лишь в признании Евгением за действиями Петра высшей силы, в чувстве Страха Божия.

Чтобы Страх Божий понимать, нужно понимать в себе самом Бога, значит, быть участником всего Божьего дела, а не своего личного.

«Обход обиды» и состоит в том, чтобы согласовать свою личность конечную с планом всего творчества жизни. (Но как унять эту боль обиды, и еще перед лицом обидчика?)

А раскольники-самосжигатели? Вот тоже Евгений — и рядом с этим безумием еврейский компромисс.

В детстве сестра приезжала из Италии и рассказывала, как беспечно живут люди у кратера Везувия. Тогда казалось это

странным и непонятным. А сейчас при атомной бомбе весь мир в таком и еще худшем положении. И ничего. Нет даже тех маленьких детей, какими мы были, чтобы ужаснуться нашим рассказам о жизни у нового всеобщего Везувия. Некоторым даже весело от возможности взрыва: один конец.

Ходил на рынок за молоком и на пути догадался, что старуха в нашей современности должна быть с хитрецой (что хорошо вышло в ее брате) и двойственностью. Это видно уже на ее «слабости» в отношении больных людей. В главе «Уход» надо мотивировать ее уход победой над немощью (поясница). И окончательно выразить это тем, что весло оказалось в гробу.

Дионисий сказал: живите тут, где отцы благословили и кончалися, хотя и много ходить и ждать, да тут сорока кашу варила, таковское сие место по времени.

31 Июля. С утра брызнул теплый дождик, но небо все в летних обещаниях, через облака просвечивает, кое-где голубое и сами облака то голубеют, то золотятся.

Валек приехал с доброй вестью: перевезли кирпич и доски. Начинаю собираться на продолжительное житье там.

Зинаиде Николаевне поставили прямо вопрос, будет ли она переезжать к нам, с тем, чтобы помочь нашей семье, а мы поможем ей. Она ответила мне почти в точности словами Онегина: «Когда бы жизнь домашним кругом» и т. д. Из этого ответа я сразу понял, что с Барютиными у нас ничего не выйдет и, может быть, это слава Богу: они хороши по-своему, мы по-своему, а вместе выйдет нехорошо. Пока что в сентябре поместим месяца на два тещу в санаторий, потом сиделку наймем.

Кроме того, чтобы собой меньше обременять Лялю, погружусь в Дунинское пустынножительство.

Но главное мое дело теперь — это писать без всяких уклонов и одумок «Падун» и написать его, «Падун» за все ответит и все оправдает.

Ближний — это с кем жить, а Дальний — это с кем умереть.

Является какое-нибудь желание, соединенное с мыслью, правильное. Но если дальше подумать о том, что из этого выйдет, то впереди ничего не видно, мысли не хватает и остается одно желание. Вот если тогда подождать в желании и предоставить все времени, то вскоре появляется ясная мысль, а желания больше уже нет. И жалко становится прошлого, что не удержал желание и позволил жизни засмыслиться.

1 Августа. На 2-е августа назначаем поездку основательную в Дунино.

1) Купить термос, катушку+лески+блесны для спиннинга, удочки.

2) Пиш.машинку, работу, бумагу, перо-чернила, клей, ружье, ящик с патронами, клей резиновый (пузырек)+ключ от гаража.

3) Обувь: резин.сапоги+тапочки+сандалии+башмаки.

4) Одежда.

5) Позвонить Саушкину.

6) Пересмотреть ответы на письма.

7) Счет финансов и папку с документами.

8) Чай-сахар, нож и вилку и ложку и чайную.

Работа на даче: 1) Достать колючей проволоки. 2) За осень обсадить забор. 3) Сложить печи, провести электричество. 4) Оборудовать низ.

Деньги 1-го августа:
На книжке — 20000
Чагин — 12000
Госиздат — 12000
Детиздат — 25000

69000

Валентину — 1400 р.
Счет Вас.Ив. — 9 тыс.
Накат — 1тыс.
Печная работа — 2000
Крыша — 1000
Забор — 2000
Окраска внутр. — 500
Обивка — 200
Перегородка — 200

16800

2 Августа. (Ильин день.)

Похолодали ночи, но дни солнечные, хотя и не такие уже жаркие.

Выехали в Москву и Звенигород. Осложнения в ГАИ: задерживают права, но как-то начинаю привыкать. Удача в Моссовете, резолюция Кабакова: «Надо дать». Значит, у меня теперь есть все для строительства.

3 Августа. Намерен попасть в Дунино, по дороге в Переделкино за толем.

Зин. Ник. в своем «добротолюбии» не обрела формы (и такова отчасти Православная церковь) и потому ее добрые дела случайны и малодейственны. Если бы даже клобук и мантия — совсем бы другое было. И потом это постоянное чтение книг на поповско-славянском языке! Так что в этой религии есть нечто влекущее в бесформенность. (Гоголь и о. Матвей.) Гуманизм — освободитель формы. А большевизм? Разве это движение тоже не было против форм? Вернее, не просто форм, а живых форм, т.е. новых форм вечности.

NB. Раскрыть намеченные темы.

В Переделкине получили толь. В доме отдыха заняли мою комнату. После неприятного разговора с директором устроился у него до 7-го августа, пока освободят комнату.

Вечером прошелся к даче, и мне стало хорошо. Прекрасная затея с этой дачей, и даже если самому мало придется пожить, приятно думать, что этим имуществом Лялю уже никак не будут беспокоить мои «наследники». Умное дело вышло с этой дачей.

4 Августа. Вьюн-паразит, обвивая и присасываясь к осинке, ольхе, не брезгует даже и крапивой, ему все растения хороши, были бы только податливы. А люди? Разве не вьется возле каждого из нас свой паразит? Разве не думаем мы почти о каждой человеческой парочке, что кто кого из них обовьет?

Пустил в ход проводку электричества: завтра будет готово. Сегодня пущу печников, называются кровельщик,

маляр, привезли тес, завтра на поиски колючей проволоки. Итак, за август надо все закончить, а на сентябрь привезти Л. и начать жизнь.

А Валек — это чистейший анархист русский.

Мой сосед — «обиженный герой» — не позволил мне поставить столб для провода электричества на своей земле. — Да вам же это выгодно: вам близко будет взять ток. — Пусть выгодно, а не хочу жить в столбах.

5 Августа. Всю ночь шел окладной дождь и утром (сейчас) продолжается. Говорил с агрономом о том, что из-за сухого лета лист рано будет желтеть. Изгородь он советует сделать из липы — одну на три метра и между ними махровый шиповник, на метр три черенка. Нанял печников, три печи и низ сложить 2500 р. к 20 августа. Купил цемент $^1/_2$ тонны 500 р. Доски на двери 10 шт. по 50 р. = 500 р. Необходимо подготовить 4 см тес на потолок. Сегодня закончат проводку электричества. Искать в дом сторожа-жильца. Дача будет во всех отношениях идеальная (имея в виду близость Москвы).

Валентин рассказывал, что он с этой «компанией» (религиозных искателей) был противоположных убеждений. Но теперь это мало имеет значения: корень этой породы один и тот же.

Меня вчера окружили в парке женщины и, узнав во мне Пришвина, начали объясняться в любви. — У вас, наверно, было счастливое детство? — спросила одна. — Без обиды не обошлось, — ответил я, — но счастье мне было не в детстве, а в том, что я обиду свою обошел. Мы все обижены и должны зализать свою рану, зализал, заживил — и счастлив.

— Это большое счастье, — сказали мне дамы, — встретиться с любимым писателем.

— Вы преувеличиваете, — ответил я совершенно искренно.

Это спокойствие и кажущееся равнодушие к признанию похоже на то чувство, когда весной на току убьешь глухаря: сколько мучился! а когда достиг, и глухарь валится с дерева считая сучки, то как будто ничего не случилось, вся душа как стоячая вода. Но таково удовлетворение во всем: довольная душа не течет.

6 Августа. После суточного дождя какой перерыв и сегодня опять дождь.

Вчера печники приступили к работе. Дело закипело. Если буду сам следить, к сентябрю вчерне дом будет кончен. И говорят, что каждая затраченная единица вернется с нулем. Находится женщина с двумя детьми на сторожку.

Отделана вновь I-я глава «Падуна», так пойдет дальше. Ich will, ich soll, ich muss — как это по-русски? Хочу, должен себе, должен кому-то. Хочу и желаю: хочу — это ближе к могу, а желаю — подальше... Желание у человека похоже на родник у воды, на исток. Больше и больше накопляясь, желание действует как хотение: хочу, но это еще не значит могу. Вода, скопляясь, набирает силу, так и желание скопляясь, усиливаясь, принимает на себя долг. Ich will und soll. Долг — это рабочее состояние наших желаний. Но что же значит по-русски ich muss? Это значит долг без личного участия: слушаю! Итак, желание, исток души у человека, встречает в самом начале зависимость первую, как необходимость (не рабочее движение, а рабское послушание). «Слушаюсь!» (ich muss): это у воды есть слияние капель, у человека рабство. И так в стихии совершается целесообразная работа, как действие неведомой воли (Бог). В человечестве же при встрече с необходимостью (обида) является долг, как личное сознание необходимости. В этом долге перед собой (долг: обойти необходимость) человек познает другого человека и соединяется с ним. Но в то время, как души одних людей соединились в единство долга общественного (новое ich muss, новое послушание), в это время рождается новая душа с ее привычным желанием и, еще не определившись в себе, встречает уже готовое новое

обязательство для себя — «слушаюсь!» (ich muss). И тогда новая душа начинает новую борьбу с установлением общества, как с необходимостью, обретая в этом свой долг (ich soll). Бредняк (ивняк) = бредовые кусты (ивы).

7 Августа. Серое утро, пока без дождя. Собираюсь решить вопрос, можно ли здесь оставаться или ехать в Пушкино. За эти дни истрачено: 1 тыс. за лес, 500 за цемент, 500 на доски для дверей, 500 руб. Валентину на заказ духовок и еще что-то, 370 — проводка электричества.

Решено о стороже: Вас. Ив. предлагает в Москву дочь.

Переписал, расширив первые главы ($^1/_2$ листа). Похоже, что так и пойдет вся работа красками по углю.

Навись серая осталась на весь день. Вот-вот, казалось, дождь, но обошлось. В лесу было тихо, задумчиво, прохладно и сыро: совсем осенний день, но грибов нет, одни сыроежки.

У человека нынешнего слово не держится (в смысле «не давши слово, крепись, а давши слово, держись»). Сущий моральный понос. Если кто что обещал, то действуй немедленно, иначе понос все вынесет.

В лесу валят мой короедный лес по 30 р. кубометр. В доме одна печка наполовину готова. Ставят ворота. Расчищена дорога для машины. Электр. введено, вечером дом светится. Сделаем!

8 Августа. Утро серое с нависью, как вчера. В лесу задумчиво. И уже редко встретится липа, у которой бы не было золотой веточки.

Вчера с Валентином говорили об обходе обиды. Он говорил, что имел врага, которого искал убить. Но ему встретился председатель ревкома, поймавший врага, убившего его отца. Он мог бы его расстрелять, но не сделал этого, а сам три ночи не спал. После того и В. не стал больше искать своего врага. Вообще факт смерти за зло не удовлет-

воряет. — А вы как? — спросил он меня. — Я обыкновенно отвожу душу на что-то другое: раз было, весь трясся от злости, но схватил ружье, заряженное картечью, разнес вдребезги ворону и совершенно успокоился.

Вечером из-под туч у реки светила огненная полоса зари. Мне пришло в голову, что Травка в моем рассказе в какой-то мере есть ответ на те вопросы, которые поднимает заря у реки, лес и летучие мыши. (Жулька и за ними пробовала гоняться, но они скоро исчезли в тумане.) Да, это так: на такие вопросы ответ может быть только делом оформления мысли.

Старые вещи разделяются на те, которые не годятся и их бросают, и на те, которые делаются лучше и дороже от времени. Охотничий домик чайного короля Попова, в котором я живу, выглядит теперь лучше, чем при хозяине.

9 Августа. Вчера к вечеру солнце на западе прорвало толстое небо и садилось в огненных клочках. Сегодня облачность не серая, а синяя с просветами. На рыбалке познакомился с инженером Фроловским Петром Александровичем.

Большой навозный, черный с отливом жук пустился летать по прямой, развивая большую скорость. С разлету он напоролся на колючую проволоку. Острие пронзило ему место, соответствующее нашему началу спины. И остался на проволоке, умоляя всеми лапками о помощи. Я снял его и, отпуская, сказал: — Не летай, дурак, напрямик.

Вспоминаю одну женщину: я жил с ней, а через много лет встретился и «там прошлого нет и следа» и даже больше, мелькала мысль «как это я мог с ней!». Другую — тоже так, и третью... Но я не могу представить себе Лялю в том же положении, потому что с ней у меня было не только по плоти, и вот это «неплотское» остается навсегда, и оно именуется «духом». И если говорится «родился от Духа

Свята» — это родился от этого... Но, впрочем, и не только от этого одного.

Коммунизм уничтожил личную жизнь, но теперь личная жизнь, напрягаясь, вступает в борьбу с коммунизмом: коммунизм не может обеспечить работника, и он после казенного дела должен работать на себя (налево).

Коммунизм готовил людей к войне, а личная жизнь, ныне возникающая, создает то, что называется «мирной жизнью».

Выходом из этих «ножниц» может быть только установление законных (а не «налево») форм личной жизни...

На очереди вопрос формирования личности в условиях коммунизма (возрождение).

Лена сказала, что ее хозяева «ужасно хитрые» (он еврей, она полька), и это у нее значило — эгоисты, т. е. умные для себя (хитрость и есть ум для себя). Не хватает аналогичного хитрости имени, определяющего любовь для себя.

10 Августа. Вчера, наконец, очистилось к вечеру небо и луна вся целиком поднялась над нашей усадьбой. Девушки орали песни безобразно, а где-то в стороне кто-то чудесно играл на гармонии, два женских голоса мило пели, и их пение было лучше всего, лучше луны и согласно со звездочками между сучков.

Я подумал о природе под эту песенку, что «природа», как все ее понимают, есть не что иное, как чувство гармонии человека со средой, явится это чувство в себе — и человек, выходя из себя, радость свою называет природой. Так точно о хорошей согласной и ладной семье говорят: какой это прекрасный дом. А природа — это дом человека.

Вечером в нашей усадьбе усталые люди спать ложатся, молодые поют. Утром встают — и за работу, утром никто не запоет. Будет ли когда-нибудь время, когда утром люди как птицы будут с песней вставать и, обрадованные на восходе солнца, будут согласно делать такое, что каждому хочется?

11 Августа. Солнце вчера садилось, как бывает иногда: под солнцем из облачков между солнцем и землей на небе складывается золотой город. Направо от меня солидный гражданин метал спиннингом, налево на холме сидела седеющая, очень красивая женщина, глядела на вечерний городок под солнцем.

«Сияй, сияй прощальный свет
Любви последней, зари вечерней».

Печников прогнал. Доставлено на лесопилку 3 кбм. Валентин измучен. Что есть Валентин? Реликт народников, толстовства.

12 Августа. Солнечно и празднично. В золоте солнечных пятен вскрики иволги, как зеленые волны. А тени в лесу густо-синие. Вышел к реке, кто-то голый как убитый лежит на песке, отдыхает. А за рекой из деревни звуки от человека, того самого, какого вчера видел на жнитве овса. Это не прежний человек на поле, мужик, соединенный со своею душою привычкой обязательного уважения к труду и упреку своей совести. Теперь все эти привычки разбиты и человек стал отвлеченным человеком: человек и человек, не лошадь, не корова...

Валентин познает людей в двух планах: первое, как он держит себя с людьми, выше него стоящими, как держится с теми, кто ниже его.

Работаю над главой, где люди, как павшая вода. Медленно, но движется верно.

Водворил семью Лены у себя на даче. Донатовна смекнула вдруг (с запозданием), что ведь тем самым она подготовила...

14 Августа. Вечером Ляля приехала проверить.

16 Августа. 15-е провел с Лялей.

Пошли с Лялей утром купаться. Шел рабочий с железным крюком. Жулька бросилась с лаем на его бабу. — Не

кусается, не бойтесь, — крикнули мы. Но рабочий железом бросил в собаку, но промахнулся. Бросил еще и опять. Но он убил бы ее, всем домом отдыха любимую невинную собачку. Это — классовая злоба в обстановке коммунизма.

Сюжет для рассказа о том, как Жулька поймала бабочку и выпустила (действие замедляется рассказом о том, что у собаки нет потовых желез, и от того она не могла быть с сомкнутым ртом).

Характер национальной злобы и классовой.

Мы удим рыбу нахлыстом в Москве-реке, а Ваня ловит нам кузнечиков и пользуется правом свободы задавать любые вопросы. Сегодня он меня спрашивает:

— Вы как пишете свои книги, руками или машинкой?

— Пишу, — ответил я, — руками, а вот она...

Я указал на жену.

— Она пишет на машинке.

Жена спросила Ваню: — Да, я тоже пишу. А скажи, какой, по-твоему, больше писатель, кто пишет руками или на машинке?

— Конечно, — ответил Ваня, — тот больше, кто пишет на машинке.

— Да почему же так?

— Потому что на машинке скорей можно писать, и он много больше напишет, чем руками.

Не знаю, какого числа в августе.

Ляля спит в новом доме. Я поутру иду к реке. При солнечном свете с неба капает, большие капли на воде становятся пузырями и плывут вместе убегающими туманами вниз по реке. Так река умывается.

В голове человек с железным крюком и «классовой ненавистью», пытавшийся убить мою Жульку.

Так человек, зараженный злобой, энергией зла, как лейденская банка электричеством, разряжается безлично на того, кто к ней прикасается.

Энергия зла в настоящее время является нам в атомной бомбе. Кто виноват в ней? Кто этого Кащея Бессмертного выпустил на свободу? Ученые виноваты: не надо было им открывать. Тот гражданин так говорил, что, пожалуй, немцев напрасно остановили: «к одному бы концу» вышло, а теперь два конца и «оба лучше». Если бы немцы создали единую власть, то не на кого было бы бросать бомбы. Но человек крепок задним умом. Делать нечего, по-видимому, Карфаген должен быть разрушен: зло совершит весь свой путь, и мир на земле начнется уже после Карфагена.

Казалось, речка вот только умоется, сбегут с нее туманы и пузырьки от крупных капель дождика, и вот тогда ляжет на зеленом лугу серебряное полотенце реки. Но вдруг собрались тучи, обложили все небо, загремел гром и пошел настоящий большой долгий дождь. Тогда вспомнилось, как вчера перед закатом солнца явилась на западе высокой стеной серо-голубая завеса, солнце село в нее и нам остался надолго золотистый край голубой завесы. Это значило, что солнце «в тучку село».

Женя помогал шоферу наладить что-то в машине. Дело было вечером в темноте. Подошли хулиганы и начали мешать. Шофер отогнал их и одного задел рукой. Хулиганы явились из леса с камнями, шоферу ноги перебили, а Жене проломили голову. После оказалось, что Жене проломил голову ближайший его друг, не узнавший его в темноте. Не друг ли какой-нибудь нас всех теперь бьет пушками, бомбами и всем, что только ему не попадается под руку? И какая же это страшная тьма вокруг нас, если друг, такой же человек, как и мы, не узнает нас и бьет как врагов.

Если бы только доходило до нас все, что говорят о нас люди, так невозможно было бы жить и что-нибудь делать хорошее. Вот почему нельзя на людях показываться в своем виде, и всем нам приходится надевать условную маску, личину.

Все вокруг приветствуют строительство моей дачи и радуются моему счастью, и некоторые говорят: «Вы сами не знаете, сколько добра вы сделали своими книгами».

Но Валентин говорит, что люди, с кем он общается, злобствуют на меня, и самое имя мое «Пришвин», только потому, что имя это известное, является флагом раздора. Такое противоречие происходит оттого, что я получаю свои сведения о себе от читателей, а Валентин — от «классового врага» всей культуры.

И действительно, несмотря на социальную революцию и все пережитые страдания и приспособления «классовый враг» в этом смысле сохранился. Не знаю, конечно, однако, в какой мере прежняя злоба мужика на барина соответствует нынешней злобе пролетария на чиновника и работника культуры. Одно время разряды этой социальной злобы были так велики, что принимались как оправдание наших несправедливых мучений. Теперь, по-видимому, начинается новая зарядка.

А впрочем, трудно сказать, конечно, на основании слов Валентина, он, как мученик революции, естественно задевает своими ранами за сучки и преувеличивает зло, а кроме того он не причастен к творчеству связи между людьми (культуры), не находит делового применения своих сил и так наливает свой сосуд жизни не вином и не ядом, а чем-то вроде дегтя: пахнет мужиком, рабочим, а сам не мужик, не рабочий, не барин, не татарин, не купец. Скорее всего, это реликт народничества, старой морали народничества и толстовства.

Все яснее и яснее вижу свою неспособность служить «ближнему» (что за семья у меня!) и обреченность моей жизни на «дальнего». И в этом горьком, с одной стороны, и радостном, с другой, сознании начинаю различать людей и дело их: нет никакого сомнения, что оба эти нравственные направления, к ближнему и к дальнему, в нашем жизненном кругу противоречат друг другу и сходятся в одно за предельной чертой, там, где не женятся и не выходят замуж, где нет печали и воздыхания, но жизнь бесконечная.

Явление красоты есть не что иное, как свидетельство о Дальнем, и нет ничего неразумнее, как рассматривать эти явления с точки зрения морали в отношении наших ближних...Карикатурно-убийственный пример этому был РАПП.

Моя жизнь была посвящена служению Дальнему, который милостиво теперь возвращает мне ее через Ближних (читателей).

Андрей Федорович Мутли, владелец двух чудесных девочек, мне прямо сказал: «Вы и не знаете, что вы сделали для наших детей!» Доктор Артемьев прочитал нам письмо, в котором сын его из лагерей пишет, что книга Пришвина «Жень-шень» вынула его из петли. И много таких свидетельств, вплоть до появления Ляли, выразившей собою величайшее выражение любви ближнего.

Ольга Павл., услыхав ворчанье Жульки, сказала: — Я ее кормлю, а она мурзится.

17 Августа. Вчера вечером после дождя очень потеплело, и от земли повалил пар. Подумал о грибах и сегодня по утру, очень хорошему, пошел. Но я был очень смущен и расстроен вчерашним подсчетом строительства, не мог войти в радость леса и вернулся с двумя грибами.

Ольга Павловна вчера спросила Лялю: — Михаилу Михайловичу ведь 70 лет, а вам? Ляля ответила — не 45, а 50. — Ну, хорошо, пусть 50, в постели ваш муж ведь не может? — Отчего, — ответила Л., — нет, он может. — То-то, а я вот подумала... У меня, когда умер муж, я так плакала, плакала, а потом так мучилась без этого... Обратилась к докторам, а они мне посоветовали найти любовника. Вот зачем я к вам обратилась с вопросом, что по себе знаю, как трудно терпеть.

Ляля была в ужасе от такого разговора, и мне показалось — в женщине явно небо любви и земля. Нехорошо, что со стороны обыкновенным людям кажется, будто Ляля старика околпачивает. Но наплевать...

Ужасно расстроила Ляля своим приставанием с чистотой, с «жалостью», мерещится психоз, возможность такой же «любви», как у нее с матерью. Как подумаю о такой Ляле, так вся моя «природа» разлетается. Но видно какая-то неведомая сила (Ангел-хранитель) спасает меня от уныния. Вдруг подходит к моей машине Крутиков и предлагает пособие от Литфонда. Тут же решили достать вечную курсовку и сделать Ваню моим шофером. Половину горя сбыл.

18 Августа. Спал в машине, Ляля в моей комнате.

Утром сходили на реку умываться. Очень она слабая от постоянной нервной траты. А река! Боже мой, как она вечно дрожит и тоже сколько печали и радости.

Чувствую в себе покорность судьбе: поручаю себя, будь что будет, не гонюсь даже и за своей радостью жизни — отнимется — умру, вот и все.

Елена Васильевна Штейнгауз зашла к нам. Она сибирячка, славянка с Байкала, сильная, крупная женщина. — Почему же фамилия ваша такая, у вас немец в роду? — Нет, в роду у нас только славяне, а у мужа все русские, а фамилия у нас еврейская. И рассказала нам их историю жизни. Штейнгауз был еврей, заведующий больницей, жена его русская — врач Анна Ивановна. Девушка-сиделка у них забеременела от солдата, который вскоре погиб в Японской войне. Анна Ивановна укрыла беременную девушку, сохранила ей «честь» (а ребенка у нее взяла, ребенок Лавр Николаевич). Жизнь двух матерей: первая по духу (интеллигенция), вторая по плоти (народ) — точь-в-точь Ефр. Павл. Как открылось: родной матери делали операцию, она написала. Студент Лавр, ее сын, приехал, переживая и радость (мать!), и страдание, что приемная мать — не родная.

19 Августа. Еще с вечера при луне, когда я ложился спать в машину, вокруг между березами поднялся туман. Утром солнце с трудом проникло в лес через туман и тут-то вот и

работали пауки. Одна старая высокая береза склонилась над глубоким оврагом. Паук спустился с самой высоты до самой глубины оврага. Когда солнце подняло туман, дунул ветерок, оторвал паутину, и она, свертываясь, тронулась в неведомый ей путь. На малюсеньком листочке паутины паучок сидел и плыл в воздухе по ветру, сам хозяин, создавший корабль, и он-то уж, наверно, знал, зачем и куда ему ехать.

Вечером ели уху у Мутли, сваренную возле моего дома.

Ночью страшная гроза в большом тепле.

20 Августа. Теплое утро после грозы, насыщенное влагой и кислородом. Спускаясь с бугра по мокрой траве, поскользнулся, пришлось бежать, а разбежавшись, не мог остановиться и прямо в халате бухнулся в воду. Очень теплая вода, везде булькают рыбки, прихватывая чудесный озонированный грозою воздух.

Необходимы сюжетные мотивы ухода Зуйка. Для этого создать обидные отношения с «социально-близкими» («ссучился с легавыми» — кто эти легавые?).

Расхождение с соц-близкими (пионерами) в отношении к сказке. Сейчас я и Валентин в отношении к искусству, то же самое расхождение и с социалистами. Сказку изгнали, а она вернулась.

Вечером проводил Лялю.

Насыщен ее любовью, как губка в воде. Чувствую, что мало молиться о ее здоровье. Надо просить помощи себе для охраны ее здоровья, очень она слабая.

21 Августа. Основное руководящее нашей совестью чувство жизни такое, что все мы живем для целого, всего человека, и каждый из нас в тишине души своей согласу-

ется с ним (со-весть) и согласует своего ближнего (люби ближнего).

Но только в исключительный момент жизни удается нам понимать свою личную жизнь в согласии со всем этим тайным человеком (напр., во время атаки делается и «смерть красна», в пору любви тайный весь человек радуется, обнимает и целует нас). «Светлый человек» брата Николая.

«Аврал» должен быть изображен как атака, в которой исчезает страх смерти. Наряду с этим Кащей Бессмертный...

Мы преодолеваем смерть личную, отдавая душу за други: в этом есть назначение смерти. А Кащей лишен этой смерти и, вместе с тем, друга. Смерть есть имя конечного в своем поиске связи. Момент творчества есть момент преодоления смерти, личного начала, и соединения... Кащей не творит, и его эпитет «бессмертный» равнозначен с эпитетом без-совестный.

(Саватеев, ученик елецкой гимназии, остался в воспоминании, как бессмертный — Кащей Бессовестный).

Все стремится к единству, и нация есть метод борьбы за единство (богоизбранный народ). Конечный момент этой борьбы будет победой какой-то нации и группы наций, объединенных государственной властью. И этот момент будет концом необходимости национальной борьбы. Конец Германии был концом...

Планы мои. Если Валентин приедет сегодня, завтра с ним еду, закончив все отношения в доме отдыха. Если завтра, то еду послезавтра, т. е. в четверг или пятницу.

В молодости мы очень богаты жизнью и охотно всем в долг раздаем свои богатства, но когда под старость пойдем долги собирать — никто не дает. И это очень обидно! И вот почему так редко встречаются добрые: в молодости мы это

не замечаем, как люди все добрые, а в старости видеть добро мешает обида. Если же постараться и суметь обойти свою обиду, то какие же люди все добрые!

Приехал Валентин, привез «Правду» с постановлением ЦК. «Наплевизм». Понято все, как демонстрация власти ввиду создавшегося международного положения (Китайская война, иранское дело, германское и т. п.).

Итак, это уже несомненно, что никакое сотрудничество мирное наше и их в этих условиях невозможно, и война опять на носу. Их сила — атомная бомба, наша сила — боевой «пролетариат».

Ночью опять ужасающая гроза. Живем совсем как в Батуме или во Владивостоке.

22 Августа. Опять после грозы ночной такое росное утро, что становится даже тревожно: в московской природе так никогда не бывало, и нет ли тут... — Чего нет-то? — То... помолчим, вон люди идут!

Осторожность! Конец болтовне! А то возьмут и продемонстрируют на тебе нашу атомную бомбу, как на Зощенко и Ахматовой.

Наше время — жизнь на вулкане.

А природа (не перед концом ли?) вспыхнула радостью.

Приехал в Москву. Решили «дать в зубы» 500 автоинспектору, попробовать, нельзя ли этим путем выручить права. Не удалось. Отложили на завтра. В[алентин] поехал в Пушкино. Я остался в Москве.

Разгром «Звезды» распространяется на Союз писателей. Требуют удаления Тихонова. Знакомое чувство обиды встает, чувство возмездия и конца, как у староверов. Но, как и староверы нового времени, мы знаем, что наша легенда о конце не сходится с действительным концом, и потому именно не сходится, что имеет личное человече-

ское происхождение из обиды, из гордости. Действительность находится за пределами личности, и чтобы видеть правду, нужно всю личность свою до конца изжить за други свои, и вот там в «других» этих явится правда.

Никогда не было времени на Руси, в котором человек русский так жаждал бы идти нога в ногу с правительством, но...

Вот теперь только я понял, почему тогда напали на «Лесную капель»: «Капель» — это явление личного порядка, а война требует поглощения личности коллективом. Из этого выходит, что разгром Ахматовой есть знамение войны.

23 Августа. Утро в Москве облачное с просветами солнца и парное. Продолжается погода приморская.

Собственно, чего мы боимся? Мы боимся, что наше правительство так перегнет палку, что победа наша пойдет ни к чему, что... Никто не против самого строя, но не хочет воевать. И едва ли будут. Мы боимся, что «здравый ум» оставит правительство в решительный момент.

Немцы же сглупили в такой момент, преподав идею высшей расы «тотально».

Точно так же идея коммунизма, преподаваемая тотально, не создает нам друзей среди иных народов.

(Не носить, а отвести обиду.)

Уважаемая Галина Донатовна, я послал записку к Б. А. с просьбой дать 10 литров бензину (я ему дал 300 и он мне сам сказал, что мой бензин я всегда могу получить). Посланный вернулся ко мне, сказав так, что Вы записку не приняли, сказав, что Б. А. завтракает, и направили к зам. директора. Зам. директора ничего не знал о нашем договоре с Б. А. и директором, и потому мне остается лишь выехать на шоссе и в течение нескольких часов выклянчивать бензин у чужих шоферов. Я уверен, что прочитай Б. А. мою записку, он бы распорядился иначе, чем Вы. Пишу это Вам как старший с дружеским советом... (Не послано.)

Лариса Леонидовна Мутли сказала вчера, что ее «женское» вмешательство в дела никогда не ссорит ее с мужем, потому что он всегда стоит выше этого и улыбается. Я ответил, что в литературе у нас с Валерией Дмитриевной то же самое: я всегда выше и улыбаюсь, но автомобиль нас ссорит, потому что я Москвы не знаю, а она знает лучше и, войдя по-женски в это слабое место, пытается овладеть мною как шофером. И тут у нас происходят ссоры. Так что несомненно есть некий круг чисто мужского действия, за черту которого нельзя пускать женщину, и это *нельзя* Ницше дал в образе кнута: идешь к женщине — не забудь кнут.

Между тем женщина всегда жаждет этого «кнута» в смысле служения и не простит мужчине, если у него кнут слаб. Формы же «кнута» могут быть прямой его противоположностью. Напр., если женщина имеет страх перед насилием, кнут мужчины выразится в особой нежности и формальной уступчивости вплоть до бытия под башмаком до тех пор, пока башмак не поднимется просто от скуки быть в одном положении.

По страшной жаре и духоте пробрался потихонечку в Гослитиздат и Детгиз. Получил прекрасно изданное «Избранное» (в Берлине).

Денежные дела вполне удовлетворительные:

Госиздат	— 27 т.	25 т. — достроить
Детиздат	— 5 т.	45 — на жизнь
МК	— 13 т.	Хватит на год.
Литфонд. пособие	— 20	

	65	

После вечернего чая повел машину свою в Пушкино и к вечеру благополучно прибыл домой.

24 Августа. Проснулся в бабьем царстве и все за мною ухаживают. Да, есть, есть это что-то чисто мужское, чего нельзя упустить без разрушения личности. Это

необходимо-мужское является силой, начиная от физической силы-насилия, кончая творческим внушением. Точно так же есть и чисто женское служение, исходящее от материнства, начиная от физического страдания в родах рождением человека, кончая духовным материнством, [рождением] богочеловека.

В этом свете многое становится понятным. Так, напр., часто видишь — глупого мужчину обслуживает умная женщина: это она обслуживает его, как, напр., кошка будет кормить соболенка: тут в молоке дело, а не в личности. Но материнское молоко (материя) питает и личность (идеология). Таким образом, с этой точки зрения, материализм (особенно наш, социалистический) есть культ матери в существе своем, а идеализм — культ мужа-творца (героя), рождаемого от Духа и Девы. И вот что я говорю сегодня об утверждении мужского начала, недоступного женщине и независимого от нее, из этого утверждения и выросло «бессеменное зачатие».

Социализм и коммунизм происходят от Mater, в них утверждается безликая саморождающая материя... В этом есть правда в отношении времени и неправда в отношении к вечности, потому что в вечности «царство Мое не от мира сего», там рождается муж не от Mater, а от Девы и Духа.

Вот почему коммунизм всегда был и будет враждебен религии Христа.

Вот почему Зощенко и Ахматова приносятся в жертву коллективу.

Итак, значит, есть две правды: большая правда вечного, где не женятся и замуж не выходят, и малая правда жизненная, правда движения жизни во времени...

Перцову.

Дорогой Виктор Осипович, прочитал Вашу статью о себе и вдруг понял Ваш визит ко мне с поздравлением рождения «Кладовой солнца». Вы действительно искренно обрадовались рождению моей сказки, я же думал, что

Вам нужны от меня лишь материалы.

Кроме всего приятного для себя лично, я усмотрел в статье некий Ваш «перец», который мог бы Ваши последующие статьи сделать еще более ценными для всех нас. Вам надо вплотную стать к материнской служебной природе нашего времени Mater, извлечь из нее сознание то, что сами агенты нашего времени делают «научно» (между нами: бессознательно). Находясь в тесном общении с ними, вы отберете из них не то, что они навязывают писателю, воображая, будто они больше его понимают, а что от них самих закрыто их текущей политикой. Почитайте их статьи (напр., новый журнал «Культура», кажется): все статьи имеют отрицательное направление, а своего «да» они не умеют сказать. «Кладовая солнца» и Ваша статья о ней есть очень робкое первое «да» в этом смысле. Я говорю «первое» не в отношении одного себя. Ведь я очень мало слежу за литературой, но хорошо знаю, что я не один, что это не я, а мы, и что, значит, кто-то и еще делает то же самое. Критику никто не мешает уловить этот дух и по-своему пропагандировать примерами, как Вы это сделали в статье своей и что я называю «перцем» ее, а если хотите и солью. Побольше, побольше того перцу и соли желаю вам найти, потому что критики, учителя есть соль земли и что Горы, о которых пишет Л. Толстой, имеют одну несчастную судьбу (я это давно заметил: беда, если соль станет несоленой): при всем своем великолепии они вдруг закрываются тучами, возможно, еще более суровой борьбы.

Посылать нельзя, скажет: обрадовался — это раз, и второе, нельзя быть так напрасно откровенным, да еще на бумаге.

25 Августа. Ночью дождик. Утром пасмурно и тепло. До того лето избаловало, что не хочется и думать о холодах близких и неминучих.

Если причина явления видна, то этой причиной оправдывают всякую гадость: так вот и «наплевизм»

объясняют теперь «международным положением». Необходимо, будто бы надо было ввиду международного положения демонстрировать общественное Надо против личного Хочется. Ведь то же самое пробовали перед войной — уничтожить мое Хочется («Лесная капель»). Но меня спасло от разгрома мое искусство, мое тайное служение «искусству для искусства». Вот и теперь, имея в виду «ведущую мораль» показным планом, в тайне моего сооружения должна гореть печь моя для искусства. Пусть, напр., я намерен восхвалять Сталина, а политика его провалится. Я провалюсь вместе с политикой, если погаснет свет искусства, но если искусство... Тут только один вопрос: согласится ли гореть тот огонь, если «показной» план будет несостоятельным. Да, конечно, то и другое должно быть в единстве.

26 Августа. С утра небо сплошь туманно, завешено, и моросит мелкий дождь.

Трудность создания «Падуна» заключается в том, что я хочу создать «ведущую» вещь, в которой я честно отстаиваю наш коммунизм против индивидуализма. Я отстаиваю матерински служебную идею в борьбе за творческое единство всего человека на земле.

Соблазненный свободой Зуек уходит в природу и вместо свободы познает необходимость («обиду»), [распространенную] на всю природу. Свободу он понимает как борьбу с необходимостью всей плененной природы и всего плененного человека. Все звери на плотине потому и присмирели, что чувствовали «страх Божий» перед ведущим их человеком. Итак, опыт Зуйка показать, как свободу, порожденную сознанием необходимости. Эту избитую мысль показать в переживании человека и животных (водяная крыса с веточкой). Животные, идущие вслед за Зуйком по тропе человеческой: тут и олень, и лось, и волк, зайцы... Жаркий час. Как заливало муравейник и муравьи по дереву через... смолу.

Дать образ (в Зуйке) цельной личности человека, отвечающего и включающего в себя всю природу, определяющую каждому свое место, благодаря чему и создается то чувство гармонии, которое мы называем «природой». Сутулов — это Максим Максимыч в форме чекиста, а Пахан — это Печорин.

Уступка, компромисс, обход обиды — все это естественно приходит и находит моральное оправдание в порядке материнского служения. Отсюда и моральное оправдание в нашем времени политики, как будто противоречащей героизму (мужскому).

27 Августа. Небо завешено, все ровно матовое, как и вчера, но дождя нет и как будто не будет.

Ошибся, дождь был до обеда. Намерен писать. На профилактику машины и на болото. Пока работаю над «Каналом».

Сказка исчезла из жизни...

Чтобы увидеть Палестину, нужно прийти в нее цельным, молодым.

Работники канала утратили этот взгляд, а Зуек первый увидел, что они сделали.

И после него — все увидели.

(Апофеоз.)

28 Августа. Небо опять серое, ровно матовое, как все эти дни. Под этим небом, сосредотачиваясь, собираешься сам в отношении людей в такое же холодное серо-равнодушное существо и чувствуешь, что есть такие люди, так они живут в расчете, свободно от приязни и неприязни. Да так оно и быть должно: раз небо такое, то и люди, значит, такие есть. В человеке еще бывает такое, чего нет в природе, но в природе никогда не бывает и не может быть такого, чего нет в человеке.

Вчера пробовал читать Ляле свою работу, но недоделанные вещи трудно читать даже другу. Но в общем я

познакомил ее с моей работой, она понимает, как много стянуто у меня в единое материалов. Мы так решили, что к весне я работу должен кончить непременно. До 1-го апреля — 7 месяцев = 35 тыс., которые можно достать. Решено.

Жулька, моя молодая, мраморного цвета английский сеттер, носится как угорелая за птичками, за бабочками, даже за крупными мухами до тех пор, пока горячее дыхание не выбросит из ее пасти язык. Но и это ее не останавливает. Вот нынче была с ней у всех на виду такая история. Желтая бабочка капустница привлекла ее внимание, она бросилась за ней, подпрыгнула и промахнулась. Бабочка замотыляла дальше, Жулька за ней — и хап! Бабочка — хоть бы что, летит, мотыляет, как будто смеется.

Хап! — нет. Хап, хап! — нет и нет.

Хап, хап, хап! и бабочки в воздухе нет.

Тогда среди наших детей началось волнение. — Ах, ах, — только и слышалось. Бабочки нет в воздухе, капустница исчезла, сама Жулька стоит неподвижная, как восковая, повертывая голову то вверх, то вниз, то вбок.

В это время горячие пары стали нажимать внутри Жулькиной пасти, у собак ведь нет потовых желез. Пасть открылась, язык вывалился, пар вырвался и вместе с паром вылетела бабочка и, как будто совсем ничего с ней не было, замотыляла себе по-над лугом.

До того измаялась с этой бабочкой Жулька, до того, наверно, ей трудно было сдерживать дыханье с бабочкой во рту, что теперь, увидев бабочку, вдруг сдалась. Вывалив язык, длинный, розовый, она стояла, хахала и глядела на летающую бабочку узенькими и глупыми глазами.

Дети приставали к нам с вопросом: — Ну, почему же это нет у собак потовых желез?

И другие им отвечали: — Если бы у них были железы и не надо было бы им хахать, так они бы всех бабочек переловили.

День прошел без дождя. Временами даже и солнце показывалось. Ездил на болото — все желтое и ни одного бекасика. Завтра утром на профилактику.

«Серапионовым братьям» совсем не повезло: Зощенку публично высекли. Всеволод Иванов провалился с Берлином. Федин судаком ходит. Расправа с ними (Зощенко) безобразная, но не больше как если бы при атаке в кого-то пуля попала и он на ходу кувыркнулся. Нам смотреть на это некогда: надо бежать вперед самому, не глядя на товарищей.

Есть, однако, при этом неприятное чувство, похожее на неприязнь к убогим людям, когда они попадаются под ноги и мешают бежать. Так и тут подумываешь о «Серапионовых братьях»: а что в них было хорошего? Ведь сила-то их была групповая: держались вместе, выставляли себя. А вот пришел развал, и нечего вспомнить. Но Ахматову истинно жалко... И все из-за группы — сглупила старуха.

Сегодня мне от работы моей пахнуло верой. — Почему бы, — подумал я, — не писать для себя, как будто я в самом деле открываю новые берега сознания...

29 Августа. Ранним утром было солнышко, потом солнце вышло в светлую сеточку из белого и голубого, дальше ячейки бело-голубого стали смыкаться...

Чем убийственна теща — это что она беспрерывно болтает глупости, имея претензию завязать умный разговор, при этом она всегда наготове броситься в атаку за свое высказывание, а ты с «больной» не имеешь права и спорить. При этом Ляля всегда двойная: одно лицо, милосердное, обращено к матери, другое, умоляющее, — ко мне. Чувствую, что эта теща уморит нас или, во всяком случае, меня. А из-за спины этой умирающей тещи показываются две другие: одна — Людмила — еще похуже, другая — Мария, говорят, получше. На Лялю нет никакой надежды, знаю, что в крайнем случае она предпочтет мать, выбирая между «больною» и здоровым. Себя же чувствую бессильным, потому что мало-помалу Ляля делается мне совсем необходимой (для духа). Вот кажется, все мечты, все силы, все средства положил, чтобы устроиться отдельно в Дуни-

не, но теперь, дай Бог, чтобы одна только теща жила там, а не сделалось из одной три. При таком направлении жизни я попаду под конец в старушечью богадельню.

Но... мне нужно написать мою вещь, я напишу и спасу всех старух и сам от них вырвусь. Может быть, тут дело даже и не в теще, и не в тетках, а в каком-то старушечьем христианстве, от которого душу воротит.

Но только при глубоком очищающем душу воздухе чувствуешь все малодушие и ничтожество страха перед богадельней. Михаил! Ты же богатырь, встань, встряхнись, оглянись кругом, ну что за пустяки эти старухи. Делай свою вещь, как дело веры, а ты выдумываешь на кого бы сослаться — на старух!

Записываю с опозданием по «Британскому союзнику» — умер Уэллс. «Уэллс был перстом, указывающим человечеству путь к спасению. Не его вина, что мир не мог стать на эту дорогу» (Ньюс Кроникл).

На какое подобие сему явлению в человечестве можно указать сейчас у нас? Указывают на Максима Горького. Но были у нас и Короленко, Л.Н. Толстой и... да были же! И государству очень нужны такие личности для выставки плодов своих.

Если прислуга воровка, то как ни прячься от нее, рано или поздно она что-нибудь украдет. И если идущий с тобой по тропе захочет идти впереди, то он пойдет вперед, а ты вслед за ним, считая постыдным для себя делом заступить другим дорогу. И если среди трудолюбцев будет домогатель власти, то он своего непременно добьется, как добивается своего злоумышленник.

30 Августа. С ночи на утро перешел окладной дождь. Серое мутное утро, а на душе все так ясно и твердо.

Одни люди, назовем их деловые, получают мотивы своих действий непосредственно от жизни, другие, назовем их в плохом и хорошем смысле мечтатели или качествен-

ные люди, в поступках своих руководствуются мотивами, качественно преломленными в их душе.

У меня есть подозрение, что властные люди происходят от первой психической группы, они же прямые, честные выразители народной воли (немцы были такими). Еще подозреваю, что мораль революции и сводится к сбрасыванию идеологических покровов, создаваемых людьми второй сложной группы, состоящей из личностей.

Вчера на прогулке я сказал Ляле, что во избежание суеты тещу я отвезу в Москву в первую очередь, а потом будем увозить вещи. Ляля ответила, что подумает и постарается подготовить к этому мать. Нотка зависимости, беспомощности была у нее в голосе, и это меня задело и я полез напрямик: милая моя, сказал я, в конце концов, я же хозяин: мне дело надо делать, а не стеречь причуды тещи. И я доказал ей ясно, что нужно поступить так, именно как я предлагаю. За обедом Ляля сказала о моем предложении теще почти дрожащим от робости голосом. Я темной тучей навис над женщинами, и теща не смела возражать. Только бы попробовала!

И вдруг первый раз за семь лет я, наконец-то, все понял в отношениях этих двух женщин, ограниченной, эгоистически властной (может быть, и не эгоистически властной) матери и совершенно лишенной эгоистической основы дочери, идеалистки, мечтательницы, христианки. Мало того! себя самого понял, и не совсем как безвольного. Работая в одиночку, я скопил себе силу, которая действует на таких людей, как теща, как Раттай, не прямо через мою личность, а через мою славу, возможности.

Первый раз, интуитивно, я понял сущность тещи еще в Усолье при столкновении и сделал правильное (раз навсегда) решение не доверять теще, не входить с ней в сентиментальные отношения. Благодаря этому Ляля завоевала себе в хозяйстве значительную свободу. Но теперь у тещи остается в руках страшное средство власти над дочерью — это пользование своей болезнью...

Тут еще чего-то много-много решилось при вчерашнем моем постижении жизни. Я теперь, напр., знаю, что в Ду-

нино пускать тещу можно не больше как на один летний месяц, два другие пусть проводит в санаториях. Ни в коем случае не запускать в Дунино тещину жизнь, и не для себя только, а и для Ляли самой. Пусть Ляля с первого месяца жизни в Дунине будет чувствовать себя совершенно свободной от своего плена, воспитывается в здоровом, необходимом, естественном эгоизме.

Вот хотя бы даже эта «святая» Зина, а ведь чем она святая? Только тем, что умело хозяйствует в этом своем здоровом эгоизме, обращенном на служение людям, как цельному, единому бессмертному божественному существу. А разве я, природный эгоист, не... А разве монахиня Мария Александровна не...? У, какая! Но если эта сила жизни, этот камень, фундамент треснул, как у Ляли, самому невозможно его цементировать, нужна помощь со стороны. И я должен оказать Ляле эту помощь под тем предлогом, что это я для себя, как писатель, делаю.

Так что — это раз, и твердо-твердо: тещу в Дунино только на месяц, второе — заманить всеми средствами Барютиных в свою квартиру. Лучшим средством будет не приставать к ним, а почаще зазывать, чтобы они привыкали.

Святая единая мысль, заложенная во все дела современности, — это что весь человек на земле стремится к согласованному единству всех своих частей, что это единство, несмотря на все ужасы столкновений (водопад), ближе нам, чем когда-либо было.

В этом направлении моя работа должна быть вдохновенной.

Итак, если е.б.ж., до весны я ее напишу. Все мои помыслы сюда.

Пять молодых людей идут на фабрику и среди них одна девушка-блондинка. Идут себе и вдруг что-то девушка [говорит], и все смеются, и она среди них идет как царица. И правда, она что-то знает. Что она знает?

Я думаю, она знает одну обыкновенную вещь, какая не приходит в голову молодым рабочим: она среди рабочих знает, что одна, что... (боюсь высказать).

Злая девочка. Семилетняя худая бледная, с вытянутым лицом девочка поставила ногу на ступеньку терраски дачной и оступилась и больно ударилась коленкой. В руке ее была палка, от боли со злостью она ударила ею по голове пятилетнего мальчика и убежала наверх. А мальчик постоял, постоял, удивленный, и вдруг как заревет, как заревет! Не от боли он орал, а от обиды и криком своим долго наполнял дачную тишину.

Тут же гуси были и кто-то хворостиной их погнал, пошутил с гусями и ушел. А гуси обиделись и, вытянув шеи, долго гоготали. Мальчик орал, гуси гоготали.

Старик с козой на поводке попал на кочерыжки среди баб с коровами. И вот принялись бабы чистить старика...

Погода: на дню было сто перемен, и солнце было, и дождь был, и так была серая мга. Я ходил за грибами, весь хорошо просырел, набрал на жареное подберезовиков, маслят и на солку сыроежек.

31 Августа. С утра густой туман. Ожидаешь, что выйдет из тумана, почему-то с хорошей надеждой. И вот выходит из белого первая темная елка, необыкновенно прекрасная. Она и без тумана бы прекрасна была, но без тумана их много, мы привыкли и не обращаем внимания. Что будет еще выходить из тумана — потом расскажу. Мы, конечно, ждем солнца.

Туман не уходил, а сгущался, и вдруг начал скатываться дождем и падать водой, и зашумела вода по листикам, по яблочкам.

Передать надо в «Канале» сопротивление всей природы (и человека, как природы) всему новому: раскрыть природу сопротивления: всякое «хочется», быть может, коренится в наследственной привычке. Оно есть наследственное Надо. Вот почему семге хочется то, что Надо.

NB. Как Хочется (желание) переходит в долг Надо, когда решение принято.

— А может, — подумал Зуек, — и то большое Надо, чему подчинено все строительство канала, тоже началось с того, что кто-нибудь очень сильный, великий человек (от всего человека и за всего) захотел для [себя], и было великое Хочется, и стало великое Надо для всех?

Итак, показать весь побег Зуйка в психологическом переходе от личного Хочется к природному Надо.

Итак, показать в Зуйке рождение личного Надо, показать живое Надо всего человека на фоне отжитого, аскетического Надо старухи. Напр., как надо воде размывать берег, и человек это Надо взял у природы.

Как Надо каналоармейца перешло в его Хочется (он стал работой сокращать годы своего заключения). Но так и всякий труд, вся его *«охота»* состоит в придумке сокращения. NB. Ввести заключенного, который нашел свою охоту в сокращении туги труда и в превращении себя в «термометр» (канал).

Показать и Надо (из природы), и Хочется, воды и духа. Необходимость — Надо. Сознание — Хочется.

Серебряные караси в своем тинистом пруду вспоминали золотой век, когда все караси будто бы золотые были. Этот прудик был [далеко от русла канала], и казалось, что сюда-то уж не дойдет вода. Но незаметно и сюда подкралась вода. Прудик [затопило] и караси стали расходиться в разные стороны, все дальше и дальше [друг] от друга. И каждому серебряному карасю стало казаться, будто в своем родном пруду они были когда-то золотыми.

От всего Выгозера осталась одна только карга. Это Осударева дорога, похожая на клюв альбатроса, длинный с бугорком на конце. Вода подняла и всю каргу, весь длинный клюв альбатроса, а бугорок остался и на нем небольшой куст бредняка (ивы). Он и весь мысок был как шерстью покрытый бредняком и тут в этой шерсти пряталась, питаясь

прутиками водяная крыса. Вода подняла все ивовые кусты, и крыса перешла на бугорок. Но и бугорок мало-помалу исчез и водяная крыса... Кончик хвоста давал кружки. Она была совсем одинокая, куда делась ее родня? Погибла. Она поняла [свой путь спасения], о чем еще не может сказать. Она решила, поплыла: изобразить решение как явление сплоченной мысли у человека. (Аналогия Зуйка.)

Какой это был тихий вечер, какая алая заря погасала. Но некому было любоваться красотой этого вечера. Зуек работал, звери угрюмо искоса поглядывали, когда почему-нибудь нарушался ритм работы.

И вдруг все звери повернулись к человеку. Человек замолк и стоял в глубоком раздумье. Алый свет зари алым пламенем отразился в глазах человека и блеснул всем зверям. Вдруг радость озарила лицо человека, он что-то понял. Это была та самая радость свободы, понятой человеком в неволе, [в плену] необходимости. Зуек, работая, увидел, что весь остров, как [в доме] пол, несколько клонится в его сторону. Он понял, что [это неспроста], его что-то держит. Под водой канат. Он бросился рубить его и только тронул острием [топора корень], весь остров вздрогнул [и поплыл], и все звери увидели, что человек это сделал: так Надо! Звери поверили в свое счастье: с ними был человек. Изобразить как бога. И алый свет божественного сознания. (Суеверные существа.)

Мало-помалу разбежались и успокоились волны. Опять тишина. Водяная крыса плыла с веточкой. Ящерицы и пятна света. Огонь костра.

Верхушка ели была как два расставленных вилочкой пальца и между пальцами третий длинный [палец] высоко поднимался и на его кончике птичка сидела и неслышно для всех пела зарю.

Муравьи как слава коллективу (остров наклонился — муравьи на дерево). Крыса — слава личности мыслящей.

NB. Зуек должен показать связь с работой на канале, что это пришла освобождающая вода и это сознание алый свет.

Дятел работал для себя — долбил гнездо... Поползень пел.

Дятел, поползень были похожи на тех людей, у которых вовсе нет чувства общего дела и весь мир — одному долбить, [другому] бегать по деревьям вниз головой. Как же это они так?

То же и щука у берега небольшая проглотила маленькую, а большая проглотила эту и все три щуки... скопа, и она терзает их...

Этим показать, что и люди есть такие: даже перед гибелью мира будут заниматься своим.

Остров рухнул. Зуек вдруг просиял. Это алый свет все озарил, и он просиял. Он вдруг понял, конечно, не как мы понимаем умом, а как почувствует себя вдруг разом во всем человеке каждый из нас, когда озарит его мысль. Тогда кажется, будто весь мир живет как желанное Хочется всего человека, расходящееся, как Надо во всех составных его частях.

И Зуек как будто разделился надвое: сейчас только он захотел, и все исполнилось по его желанию, а вот опять новая забота, и опять ему что-то Надо.

Повторяясь в унаследованных привычках, размножаясь, они повторяли самих себя, и им никакого дела не было до тех, кто вышел из закона повторения и получил какое-то новое назначение испытывать новую судьбу. Дятел долбил у гнезда, поползень пел...

После обеда приехали Нечаев с Воробьевой по делу сказок. Приходится за них браться, а то ведь после тома Толстого следует том Пришвина.

Вечером приехал Петя с объяснениями. Вот человек! по тому, как важно держится, все думают, какой он умный. А он вовсе не умный...

Можно ли обвинять человека, если он был добр к своим детям, подавал своей жизнью добрый пример, но не воспи-

тывал их наказанием, как обыкновенный педагог? Конечно, и можно и должно обвинять такого отца людям посторонним, но никак не тем, в отношении кого он был добр.

Став на эту точку зрения, Ляля защищала меня...

Нет! Нет! вещи существуют на свете, мы не все в них выдумали, в них есть самостоятельная сила — это сила вещей.

И есть люди, целиком подвластные этой силе, через этих людей мы узнаем вещи, какие они существуют сами по себе.

Эти люди сильны самой силой вещей, так же как мы слабы в сравнении с ними тем, что мы что-то в себе противопоставляем силе вещей: что-то свое личное, чисто человеческое.

Но тем же самым мы и сильны: пусть нам это дорого стоит, но это мы, только мы изменяем направление действия силы вещей, и через это вся жизнь изменяется.

1 Сентября. Теплое и хмурое утро, вот-вот дождь. На базаре появились белые грибы.

После Пети у обоих нас «ватная голова». Петина лестница женщин-жен очень похожа на лестницу брата Сергея от женщины-врача до сиделки. В основе этого явления слабость мужчины, который собирает себя не в деле (в творчестве), а в женщине (пример мужчины Степан Разин: «он княжну свою бросает»). В этом устремлении к женщине таится сладость господства и отсюда является падение.

NB. Что это за романтизм такой?

Материал для повести «Жених».

2 Сентября. Один за другим проходят, день в день смотрят пасмурно-туманные теплые дни. Не хочется, однако, чтобы они скоро проходили, боишься чего-то...

— О, бедный, о, как жалко! — воскликнула Ляля и показала мне. На углу Тургеневской, отдыхая, стоял какой-

то простецкий человек, у ног его лежал грязный мешок на грязи, а из мешка на грязь высунулся пятачок носа живого существа, запрятанного в мешок.

— Ты о нем это тужишь? — спросил я.

— О нем, — ответила она.

И вдруг это меня тоже коснулось: я почувствовал живое существо в последнем унижении, в обреченности. Мало того! Я почувствовал через нос поросенка самое время, и в нем себя самого и своего ближнего, тоже в мешке, тоже с пятачком... в грязи.

Ляля в глубине души ходит сердитая на мать, но вид делает для нее самый милый, называет «мамуленька» и все прочее. Она серьезно сердита после объяснения с Петей. И еще бы! Семь лет добивалась взорвать наши фальшивые отношения с Петей, добраться до его души. И вот добилась: я написал резкое письмо, Петя взорвался. И как раз тут-то теща, ничего не понимая, только чтобы утвердить свое Ego, начала сглаживать углы наших отношений с Петей, похвалив его корректность, осуждением моей доброты. Как Ляля страдала от рассуждений матери и как расстроилась. А теща не останавливалась, не понимая дочь, не жалея, молола ее душу словами как жерновом. И чудилась жизнь в этих словах, как чертова мельница, где все лучшее, все святое, все личное размалывается в муку, на питание, на размножение... Вот почему и говорится, что враги человеку — домашние его: домашние-то как раз и есть жернова той мельницы.

Во мне созревает (очень медленно) понимание жизни в отношении Мужчины и Женщины (будущая повесть «Жених»).

Утром пришло солнце и держалось до обеда, потом был теплый дождь и опять повеселело. Пока было солнце (с 7 до 1 ч), я был в лесу, набрал за 5 часов корзиночку белых, подосиновиков и маслят.

Облетевшие листья уже запахли пряниками.

Редки белые грибы, но зато, как найдешь, так и набросишься на них коршуном, срежешь и вспомнишь, что обещался, увидев, не резать, а полюбоваться. Опять обещаешь и опять забываешь.

В осиннике до того осинки теснили осинку, что даже и подосиновик норовит найти себе елочку и под ней где-нибудь...

Грибы — это школа внимания. Доходит до того, что кажется, будто от силы внимания именно и рождаются грибы. Вот почему и говорят, что твой гриб от тебя не уйдет, т. е. будь внимателен...

Особо замечательное свойство внимания, что оно подчиняется воле, что им можно управлять, им можно пользоваться в делах добра, равно как и зла.

Как материя и энергия, равно как разные виды энергии, сводятся, в конце концов, к единому источнику жизни, так и все виды талантов сводятся к единому источнику творческого внимания.

И молитва тоже есть не что иное, как организация внимания к готовым божественным словам.

Даже и Царство Небесное «нудится» силой внимания. И в этой точке, именно во внимании сходится физическая и духовная природа человека: «обратите внимание».

Большой белый, в лампу, гриб обратил на себя мое внимание.

Активное и пассивное. Женщина обратила на себя его (Мужчины) внимание. Или: Он (Мужчина) обратил на нее свое внимание.

Завтра Ляля едет в город по делам.

3 Сентября. Облака светлые с голубыми просветами, ветер. Ляля едет в Москву, вернется завтра во второй половине дня..

На злое дело — подскажи только — и всякий способен, на доброе — редкий.

Зло сделать много легче добра.

И все-таки мы почему-то живем и собираемся жить в будущем лучше в том уповании, что добро побеждает зло.

4 Сентября. Солнечный теплый день. «Весь день стоит как бы хрустальный!»

Когда бывает сорвана душа со своего основания, как на фронте, то ум работает с необычайной точностью. Вот в таком состоянии и совершаются подвиги отчаянной храбрости (фронтовая душа).

Когда бывает сорвана душа, то самому кажется, будто для данного дела тем самым устранена какая-то помеха, и от этого ум действует яснее, чище, точнее.

Несорванная душа, собираясь в себя, втягивает внутрь и внешнего человека: так происходит Максим Максимыч, и, наоборот, Печорин с освобожденным умом весь вовне.

Самое наиестественное движение у человека, если он видит хулиганствующего мальчишку — выдрать его. Это в природе человека, а педагог начинается там, где человек останавливает в себе это естественное движение и старается обойтись без дранья.

— У меня есть мысль, — сказала Кат. Ник., — погодите, сейчас я пойду, заверну керосинку и скажу. — Мысль моя, — сказала она, вернувшись, — вот какая. Я познакомилась с Натальей Аркадьевной, когда дочь ее была в ссылке. У нее было горе, и она была вся собрана в заботе о дочери. Ей было очень трудно, но все-таки она добилась своего и поехала к ней в Сибирь. Она была тогда совсем другой человек. Я бы никогда не сошлась с ней, если бы встретила такой, какая она теперь. Неузнаваема! И все наделало благополучие, которое пришло к ней вместе с вами. Тут она потеряла чувство современности и вообразила себя хозяйкой в прежнем духе. И стала каждым словом,

каждым поступком своим мешать людям, понимающим современность и согласующим с ней свои поступки.

Да, это, конечно, «мысль». Живи они вдвоем, Ляля весь день на службе, мать в комнатной заботе о дочери, так, может быть, они бы и жили на Тишинском в скромной комнатке, Ляля бы спала на сундуке, захватывала бы по пути со службы чего-нибудь на обед. Если бы Ляля так могла, то мать и провела бы жизнь так и непостыдно... Но Ляля не могла... Ляле жить хотелось самой, и ей в голову даже не приходило жертвовать собой до конца для жизни ограниченной и недоброй старухи-матери.

Все жизненное дело избалованной «маркизы» состояло в заботе о физическом благополучии дочери. Но когда дочь стала жить сама, то мать осталась ни при чем и стала думать не о дочери, живущей благополучно и счастливо, а о себе, о своих болезнях. Мало-помалу она поняла, что только болезнь ее является средством привлечь к себе внимание.

И стала отлично болеть и тем жить...

Нас могут спасти только Барютины, если согласятся у нас жить, а к этому — мы вдвоем в Дунине. Но неизвестно — согласятся ли...Это будет испытание самим Барютиным. Не согласятся — мы останемся при особом мнении о них... Если Барютины не согласятся, то при очередной ссоре с дочерью у тещи может повториться удар и смерть матери может лечь тяжело на душу Ляли. Не вижу выхода, кроме включения Барютиных в нашу семью. Не вижу выхода, потому что сам лично до того пристрастен к Ляле, с одной стороны, пристрастен до объективности добра, и к теще пристрастен, с другой стороны, и тоже до объективности зла, и потому не вижу положения, в котором я мог бы действовать равнодушно и умно. Но не хочу и пассивно ждать катастрофы.

В лесу.

Если гриб зовется подосиновик или подберезовик, то это вовсе не значит, что каждый подосиновик живет под

осинками и подберезовик под березками. Сплошь да рядом бывает, что подосиновик таится под елочкой, а березовые грибы сидят на чистой лесной полянке, окруженной елками.

Еловый подрост уже усыпан золотыми монетками.

Один грибник приходит с мелкими грибами, другой с крупными: один внимательный, и пользуясь силой внимания, видит мелкие грибы. Другой мелочей не видит возле себя, и не он направляет на гриб внимание, а сам гриб, большой, как лампа, обращает на себя его внимание. У таких грибников большинство грибов –крупные.

Есть поганки — крупные зонтики на высоких ножках, и посреди у них воротничок.

В лесу и в солнечный день — сумерки, а тут уже нападала разноцветная листва и закрывает разноцветные шапочки грибов.

Озеро сегодня совсем тихое и голубое. Прилетели две большие черные нырковые утки и когда сели, то будто бы утонули в воду, и остались от них на светлом только небольшие темные нисходящие полоски.

Характеры людей нечего описывать, они выйдут из поступков (как, напр., вышли в «Кладовой солнца»), а поступки должны тоже сами выйти из психологической разработки сюжета.

5 Сентября. Вчера Настя приехала под вечер, сказала, что низ моего дома в Дунине готов, крыша окрашена, потолки засыпаны, двери навешаны. Я уснул в блаженстве и от проведенного в лесу дня, и от известия о даче, уснул крепко-накрепко. Вдруг, слышу, Ляля, приехала, и я еще сонный, спрашиваю о деньгах, достала ли. Она ответила мне уклончиво, и я вдруг рассердился и этой встречей обидел ее. А она, обессиленная, бегала до упаду по нашим делам. Утром

теперь я понять не могу себя, откуда могла взяться во мне жестокость, если я вообще злюсь, когда заместитель в моих делах приходит с неудачей, второе — это все было почти во сне. Но все-таки веяние холодного эгоизма в душе моей напомнило мне о теще, о ее постоянном состоянии, и я подумал о себе: «Неужели это явления старости?». Не дай-то, Боже! Не оставь меня во всякое время, на всяком месте!

Разгром ССП в связи с политической международной обстановкой выбивает из головы мысль, из сердца необходимую радость, из рук перо. Собака ласкается — и не можешь ей ответить своим обычным покровительством человеческим — я не уверен в себе, в моем дне. Вроде того, что надо готовиться к концу: сжечь рукописи, продать дачу и с деньгами уехать на Псху.

6 Сентября. Солнце вернулось. Богатая росяная «пороша». Весь день солнце.

Мысль моя о событиях такая, что воевать мы не намерены, потому что не с чем воевать, но показывать свою готовность собираемся на каждом шагу. Вот от писателей и требуется в настоящее время показывать («агитация и пропаганда»).

Мы обсуждали вчера идеологический план «Канала» и решили так, что эта работа будет не в защиту нашего коммунизма, а направлена будет против того, что называется «свободой». Если скала (берег) есть для воды необходимость, то размывание водою скалы есть, как у нас, людей, работа сознания, а намытый плодородный берег — «наволок» есть наша свобода, понимаемая как осознанная необходимость (размытая скала).

Вторая аналогия свободы будет аскетизм старухи, и вот тут-то надо показать, что аскетизм есть творческая сила сознания при условии какого-то соответствия Надо — Хочется, называемого современностью.

Иначе говоря, творческий аскетизм есть усилие человеческого сознания в деле образования свободы (сознания необходимости).

Итак, есть два Надо: первое, как необходимость, данная природой, вторая необходимость — управления самим собой.

Жизнь есть движение от необходимости к свободе, и потому на земле все живое является и необходимым и свободным.

И все на земле можно рассматривать как движение от свободы к необходимости (рождение — смерть) и, наоборот, от необходимости смерти к свободе возрождения.

Материя движется в сторону разрушения, дух движется в сторону воссоздания (творчество).

Желание и воля (анализ Хочется и Надо).

7 Сентября. Небо в голубых просветах, в белых прозрачных и темных облаках влажно.

Завтра именины тещи. Разговор с Валентином и отчет его. В понедельник перенесение тещи в Москву.

Математика — это язык, на котором говорят другие науки (акад. Соболев).

Ляля мне подсказала сделать то, что у меня давно складывалось: именно, ввести в свою худ. прозу некоторые основные мысли произведения, как морально-басенное заключение. Так сделано у меня в некоторых детских рассказах и особенно в «Кладовой солнца» о том, что правда есть суровая борьба людей за любовь. Этот прием в большом произведении будет совершенно новым и отвечающим времени.

Наши желания (эмоции) без участия управляющей воли (Надо = Sollen) разбегаются (во времени), как вода, преодолевающая весною сопротивление берегов.

Желания, или влечения, или мечты?

Напр., явилось «желание» попасть в райскую долину на реке Псху.

Как эта мечта перешла в решение улететь из Москвы на самолете? Началось с недовольства Москвой и воспоминаниями юности Ляли, проведенной на Псху. Образование в душе двух полюсов движения: Москва + Псху. Накопление разумных фактов в пользу движения (Курелло) на Псху. Наконец, приходит решение ехать. Значит, приходит при благоприятном к движению расположении элементов моей души (т. е. вообще при желании, «сам захотел»), при том, что называется хочется. Душа в это время как у невесты свободной птичкой порхает в желаниях: «хочу не хочу».

И вот желания не желания, скопляясь в борьбе, на какой-нибудь стороне образуют решение, которое есть действие воли. После решения девичье состояние души («хочу не хочу») исчезает, преобразуясь и собираясь возле нового центра души, выступающего как Надо в отношении всех прежних хочу не хочу.

Называется «принять решение».

Случилось, что некто в этом решении поддался более сильной воле или «сам» решил — результаты одинаковы: Раскольников под каким бы влиянием не решил убить старуху, с момента решения он несвободен, ему это Надо сделать. Раскольников находится «во власти своей идеи». То же и Гитлер — самозван.

Спрашивается, кто же свободен в своих решениях и не испытывает плена, когда приходит от желания к решению. Наверно тот, кто сам не берет на себя право решения, а смиренно и с напряженным вниманием ожидает решения от «батюшки-матушки» (невеста), от судьбы, от Бога. Достоевский осуждает в Раскольникове своеволие. И мы, осуждая сейчас в России «свободу», осуждаем в ней своеволие наших исторических анархистов.

Итак, всякое решение, если оно приводит к плену себя самого, есть решение своевольное, не согласованное с во-

лей мира. Свободно только то решение, в котором душа человека не попадает в плен (Надо) и в своем решении радостно и безгранично расширяется. Мы это ярко испытываем, заключая в формы свое поэтическое, музыкальное и всякое иное аристократическое движение души. Точно так же равное удовлетворение получает всякий работник, совершенствуя до конца свое мастерство, раскрывая до конца свою личность. Все эти люди своими решениями освобождаются, а не попадают в новый горший плен (творческий аскетизм). Нам ответят на это, что наши общественные условия (буржуазия) не дают возможности раскрываться высшему существу человека и от рождения физически определяют его на конвейерное рабство труда, разрешаемое войнами и революциями; что вот именно имея идеальный гармонический труд всего человека, мы принимаем решение против него, как против неживого, предустановленного состояния, прикрывающего возможность живой творческой гармонии труда, его творческого аскетизма. И каждый работник у нас является, во-первых, подчиненным некоему Надо, собирающему на войну всех, содержащих в душе потенциальную силу творчества всего человека против предустановленной гармонии человека буржуазного общества, распространяющего на земле войны и революции. На той стороне складывается определенное расширение войны, и у нас как было, так и теперь таится неизбежное, вытекающее из самой идеи единства Надо (воли) человека, решение. Каждая из сторон решение противника считает своеволием. Из этого анализа видно, что педагогическая басня о труде на материалах Беломорского канала еще с большим успехом могла быть написанной по материалам, напр., строительства завода Форда в Америке («всю Америку, говорит Форд, посажу на автомобиль»). Спрашивается, не в том ли сущность строительства Беломорского канала, что это строительство является демонстрацией строительства всего человека на земле, что главное — эта идея единства всего человека впервые признана не в мечтах (хочу не хочу) как было в утопиях, а в решении, устанавливающем общечеловеческое Надо.

8 Сентября. Именины тещи. Всю ночь, то усиливаясь, то ослабевая, лил дождь, и утро пришло в дожде окладном, небо все равно пепельное, деревья немые, живо объясняясь, перебирают веточки и, советуясь, важно покачиваются.

У Ляли бедной опять грипп. Смотрю на нее и от нее на тещу и Катю, обыкновенных женщин, и думаю — откуда ты взялась?

Ляля сказала: — Мама все-таки умней, чем Катя. — Может быть, — ответил я, — но зато Катя добрей, а ты злей, и Катя работает, а теща только мешает. — Ты знаешь ее только с одной стороны, с хорошей ты ее не видишь. — С какой же? — Меня любит. — Любит тебя для себя. Если бы она тебя любила для тебя, то и меня бы любила. Да это еще в моем положении, воображаю, как мучила она бедного Алекс. Вас.! — Это-то верно, — сказала она и повернулась на бок.

Мне кажется, я тещу не люблю не за нее и не за себя, а за Лялю. Эту злость я не могу перемочь и не пытаюсь, довольно, чтобы она поднялась против Ляли и Ляля подняла свой раздраженный голос и напрасные рассуждения, чтобы у меня задрожала вся «внутренняя моя». Тут ничего с собой не сделаешь, единственное — удалиться и приходить в добродушие. Если Барютины поселятся и удастся удержать Дунино, я хоть частицу Лялиной души спасу.

Понимаю, почему так долго не решаются Барютины ехать к нам: Зина молится о решении. Так вот и надо, и в этом все управление жизнью: надо не решать самому, а дожидаться, когда Бог решит. Это правило лежит и в основе самого творчества жизни. Человек отступает от немедленного решения и, предоставляя решение Богу, говорит об этом вслух людям: подумаю.

— Хорошо, хорошо, подумайте, — отвечают по телефону. — А когда позвонить? — Не знаю, подумаю, а приду к решению, сам позвоню.

Есть чувство Бога во всем, в грозе, в буре, космосе, и есть чувство присутствия Его в себе самом или возле себя, и в самых коротких отношениях...

Научные открытия и технические достижения движутся без назначения. Социализм, создавая для всего мира единый хозяйственный план, назначает их на пользу человека. Разговор пока идет только о пользе.

Приезжал Александр Ник., Барютины подъехали к вечеру, Валентин с женой, цветы появились, именины как следует! Валентин доложил, что строительство в Дунине подходит к концу.

Зощенко и Ахматову исключили из Союза. Говорят, что З. даже сидит. Ни с какой знакомой точки зрения невозможно понять этого инцидента. Советуют понимать его с точки зрения международного положения. Но это уже нечто вроде «воли Божией» или как если бы на мирной конференции кто-нибудь рассердился бы и насрал на общий письменный стол.

9 Сентября. Говорят, что в Дунине великой силой взялись белые грибы. Всего трясет — так хочется пособирать, и в то же время думаешь, что как-то все такое не ко времени. Что вот когда устроюсь, придет время — тогда можно будет этим заниматься, а теперь не до грибов, не до охоты, не до рыбы, даже и не до природы.

Сегодня отправил тещу в Москву с Валентином.

Ляля иногда в суждениях своих о женщинах сама высоко заносится и все у нее дуры, и она вроде как бы единственная — «таких не найдешь». Это происходит у нее от раздражения, связанного с прикосновением одной духовно-личной природы женщины к другой, родовой. Ляля не одна такая — сколько существует и было замечательных артисток! (Ермолова, Комиссаржевская.) Но у них был талант, как выход из одной природы женщины в

другую, от служения своему личному ребенку, своей избе, к служению всему ребенку-человеку, всему его Дому. У Ляли нет этого выхода через талант, а только через «любовь». И вот та любовь, родовая, обыкновенная, женская, и эта, другая, направленная к чему-то высшему (духовному), соприкасаются, и Ляля от невыносимости бабьего начала заносится. Мать совсем не понимает, из-за чего Ляля кричит, в то время как слова ее банально-бабьи беспрерывно, как пилой, ранят душу, обреченную на духовную любовь.

10 Сентября. Теплое влажно-серое утро. Разгар роста белых грибов (в Дунине). Вчера Валентин водворил тещу в Лаврушинском. Сегодня и мы расстаемся с Пушкиным.

История с Зощенко — Ахматовой мало-помалу превращается в чувство щемящей безнадежности.

Никакое личное усилие, никакое счастье больше не отстраняют зрелище бедности, озлобленности, уродства жизни всего русского народа. Остается только смотреть на все в щемящей печали и при встрече глазами кого-либо дружески-страдальчески улыбаться ему.

Читаю книгу о Беломорском канале, и Сутулов показывается тем существом, какое узнал я в себе, когда вошел в творчество: занятым своей мыслью во всякое время, во всяком месте. Это особое чувство свободы в авторстве («сам») переживается полудикарями как творческая власть («той рече — быша, той повеле — и создашася»). Чекист — это творец, ему все можно. Через это чувство самости (открытие в себе самом всесильного творца) открывается чувство класса, пролетариата, труда: что в классе своем каждый может освободиться творцом. Через это объясняется и вожделенное восклицание писателя Семенова на Неве, глядящего на линию дворцов: «Все-все сделал рабочий класс!»

Я могу такого человека понять, сложив два свои переживания: 1) юношеское уверование в марксизм, как сек-

тантскую мечтательность, 2) авторство как воплощение самости: материализм.

В этом процессе корректив себя самого то, что у христиан — смирение, у артиста — культура, у большевика — верность партии, Сталину, Ильичу, Марксу.

Смирение и универсализм, то есть что найденная истина обязательна для всех (тоталитаризм).

(NB. Наша юношеская «компания» превращается в партию.)

Тут еще: я лично в марксизме переживал прозелитизм — и вождя («я сам») в литературе, так вот это помнить...

Приехал в Москву в общество старых женщин: Анне Дмитриевне 70 лет, теще 70, Катер. Ник. 60, Мар. Вас. 50 и Ляле 45, а на горизонте их еще множество. И вот как ни хороша Ляля, а такая тоска иногда охватит по мужчине, по товарищу!

Я ехал в Москву на электричке и на метро. Ляля навязала тяжелую корзину с двумя горшками никуда не годных цветов. Тоску настоящую переживал в толпе. Ругал «баб». — Но ведь она же любит эти цветочки, — сказала Катер. Ник. — Любит, — сказал я, — так и носи сама, зачем же любовью своей отягощать других? Настоящая любовь боится посредника.

Записал как-то не то: мне хотелось поставить рядом мою сверлящую мысль одну, которую я несу везде, на улицах, в метро и всюду, и вот эта мысль мужская, добротно-эгоистическая и нужная всем отягощается нелепыми горшками, и в то же время без этих горшков почему-то нельзя: у всех, у всех горшки, и личность всякого творца есть дробь, числитель которой — мысль, знаменатель — горшки.

11 Сентября. Москва. Утро встало в разорванных тучах с переменным светом. А душа моя поднялась хуже, чем небо: смутная, забитая неясными упреками и вся в гвоздях.

Окружен ангелами — относительными, как Мар. Вас., Катерина, Зинаида Барютины — ангелами в отношении к теще, и без тещи мне совершенно ненужными, и ангелами безусловными, как Ляля, Жулька и Нора.

Выслушав вчера Катерину, прямо испугался: как будто не она это говорила, а я. Так в отношении прислуги она сказала, что при теще никто, кроме Мар. Вас., служить у нас не будет. И на то возражение, что теща больна, что у нее даже был паралич, она ответила: «Да, но она поправляется, а рассчитывать жизнь свою на смерть ближнего не приходится». Но самое тяжелое, самое трудное, это что Ляля только хорохорится, сама же целиком во власти матери и совершенно бессильна в руководстве над нею: фактически, что мать захочет, то и сделает. А Ляля только раздраженно орет. И этот вечно раздраженный тон, сменяемый выработанной годами искусственной нежностью, становится мне совсем невыносимым, мало-помалу душа моя, как рыба, попадает в сети врага. В дальнейшем я должен или превратиться в один из типов мужей религиозных женщин: в Рождественского, не смеющего площадь перейти без молитвы Иисусовой, в Леву, Людмилиного мужа, в тусклых, обезволенных людей, или убежать от тещи решительно и не сдаваться ни на какие поблажки.

Избаловался я, трудновато в мои годы рассчитывать на одинокую жизнь, но это необходимо, потому что в борьбе за Дунино придется Ляле поставить ультиматум: ни на месяц, ни на неделю тещу туда я не пущу. — Или я, или твоя семья прежняя, — сказала она мне. И я отверг семью. Теперь пришла ее очередь, пусть выбирает: или меня, или тещу. Наверно, она ставила мне свой ультиматум, имея в виду мое счастье. Так что и я: болею тещей я только за Лялю, просто не могу переносить беду их любви. Знаю, что Ляля употребит все силы души своей, чтобы склонить меня на обычный компромисс, знаю, что если или-или, она должна будет остаться с матерью. И вот на этот-то случай я должен тренироваться пустынножи-

тельством. Как это трудно сделать в условиях большой любви, показывает пример Л. Толстого — так и не смог! Или вот пример Валентина, в своем упорстве похожего на длинный железный гвоздь с демонической шляпкой: так он отстаивает свое мужское достоинство. Я же намерен так отстоять свою пустыню, чтобы этой борьбой никак не задеть свою душу, а напротив, — пусть душа оживет, как оживала она на Лаврушинском, когда я убежал туда от ворkотни Ефр. Павл.

Итак, вот мое решение: все делать для освобождения души Ляли моим способом, то есть создавая для нее свой собственный эгоистически-неприкосновенный уголок жизни. Это мое решение отдаю на обработку духу, идущему впереди меня, и теперь уже не я хозяин решения, а он, неведомый мне «промыслитель».

Между прочим, читая «Британский Союзник», все время чувствую, как англичанин, подходя к решению, препоручает свой план какому-то неведомому промыслителю.

В. говорит, что виноват в ошибке жестокости, примененной к русским, не Гитлер, а сам немец: весь немец такой, чувствующий превосходство расы своей, что не будь в немцах этого, не было бы и немцев. Вот именно и надо мне выразить лучшее русского человека в его вере в человека всего, всесторонне участвующего в творчестве.

Его же рассуждение о классе, что когда кому хорошо — он чувствует себя в одном классе, когда плохо — в другом, что «пролетариат» есть творческое обобщение, рабочая антитеза в борьбе разнородных сил. То, что в древности называлось богами (Илиада), есть все рабочие теории самого человека, и вопрос, существуют боги или нет, есть они или нет, решать надо так: боги вышли из человека и через это стали больше, чем есть: они стали боги в борьбе своей за единство.

Вообще-то, говоря «Бога нет», разумеют, как дикарь разумеет о воздухе: раз не видно, значит и нет.

Начало Дунинского хозяйства: взять с собой в первую машину самоварчик, охотн. сапоги и резиновые, термос, ружье и патроны, купить лампочки и плитки 220, блесны и удилища, насыпки для сенников, подушки, одеяла, простыни, полотенца личные, тряпки, клеенку на стол, занавески, лампу, керосин, спички, кочергу, ухват, топор, вилы, лопату и пр., ведра, кадки, чугун, кастрюли, сковородки, посуда всякая, умывальник, шайки, таз эмалированный, мочалку, мыло, угольный утюг.

12 Сентября. Очень тепло, а сегодня даже и светло. Рынок завален белыми грибами.

Самое главное, чему я научился от Ляли и чего, может быть, она сама не подозревает в себе, это...

Да, это тайный вопрос, до того тайный, что... не знаю, как и назвать. Представить надо себе человека до того актером, что игра для него стала реальностью, игра — это в самом деле, а все остальное — несущественно.

Потом игра эта, нужно сказать, не какая-нибудь где-нибудь, а в своем собственном сердце и неизвестно для кого. И еще, что игра эта находится в таком большом споре с жизнью, что иногда и подменяет жизнь, и, называя себя жизнью, говорит: это Я!

Возьмем какой-нибудь жизненный фактор, пусть любовь. И вот я играю в любовь, жертвую всем для возлюбленной, вкладываю в нее всю душу, работаю, мучусь, старею, а в тайне, в самой глубине души, в тайне, таимой от себя самого, я свободен там и от любви... и даже, если и Бог, и я честно служу Ему и молюсь, а в той тайне свободен и от Бога, и от социализма, и от всякого добра, и скорее всего вот то-то, содержимое в последней тайне, неприступной для себя самого, и есть истинный Бог.

Иногда игра наша в жизни бывает так совершенна, что и то таинственное неприступное существо в игре нашей, может быть, как по лесенке нисходит... Но это же в нашей власти, мы сами можем только играть.

Что Ляля своего Бога «разыгрывает» — в этом смысле для меня нет ни малейшего сомнения, потому что ведь и я тоже такой: играю в надежде глупейшей, что Недоступный и от всего Свободный заинтересуется и выйдет на мою лесенку. В этом смысле — мы священнослужители. Но вот для меня вопрос, но, впрочем, нет: какой может быть вопрос, что и любовь наша тоже игра, и мы не вправду любовники, а два мастера сцены сошлись, заинтересованные друг другом.

Сколько у Ляли житейских недостатков, но когда начнешь в раздражении, обобщая их, добираться до ее существа, то всегда оттуда падаешь и стыдишься за то, что затеял это. Между прочим, она уверяет меня, что в отношении меня у нее никогда не бывает подобного искушения распространять недостатки моего характера на мою душу. В душе моей она не сомневается.

К повести «Жених»: как женщина самца постепенно превратила в батюшку.

13 Сентября. Тепло. Серое небо с обещанием света и радости. Поскорей бы выбраться к грибам.

Собаки, конечно, не понимают мыслью Бога, как люди, но зато они своего бога видят, им это дано: видеть бога. Люди с низшим интеллектом тоже верят больше глазу, и даже воздух, невидимый глазу, но осязаемый, им менее вероятен, чем то, что берется на глаз.

Для чувственного человека мысль совершает непрерывные чудеса, но он действия всех этих электроволн принимает не как чудо, а как хитрость, умысел, вроде воровства (человек как бы Бога обкрадывает). Вот это обнищание духа наравне с фактическим нарастанием чудесного и сопровождает движение цивилизации, вместе с нарастанием зла.

Вчера Лева приходил с дочкой, и мы с ним впервые говорили по душам, и я впервые был ему как настоящий отец

и друг. Если так же дойдет до Пети и, может быть, успеет дойти и до Ефр. Павл., то это возрождение семьи надо будет считать делом Ляли.

Лева мне напомнил о том, как мы определялись в начальные и последующие годы революции, и спросил:

— Значит, мы ошибались, мы были дураки?

— Значит, — спросил я в свою очередь, — были умными те, кто делал революцию?

— Да!

— Спроси их теперь, и действительно умные из них скажут, что они ничего не видели и ни чего не понимали.

— Кто же вел жизнь?

— Борьба тех, кто называл себя политиками, и тех, кто отстаивал нравственные начала, созданные историей своего народа. Эта борьба и сейчас продолжается: одни домогаются атомной энергии, чтобы утвердить власть, другие — любовь.

Дела на сегодня: 1) Собачий вопрос. 2) Машину поставить в гараж. 3) Съездить к Крутикову. 4) Страховка Дунина. 5) Визитер с бумагой и кукольный театр.

14 Сентября. Утренний дождь мелкий из серого неба осаждается и надежды не видно на свет. Охотничьи рассказы Панюкова. Предложил «Кладовую солнца» в кукольный театр.

Зотов Иван Андреевич, егерь, ст. Быково.

Газета «Культура и жизнь», или «Все там будем».

Разгадка несчастья Зощенко: фашисты напечатали его книгу под заглавием «Правда о советской России». Писал он и понятия не имел о такой «Правде», а вот вышла все-таки правда.

Заказал Крутикову ссуду на 25 тыс. и путевку: на след. неделе позвонить.

История падения 2-го секретаря комсомола Мишаковой («Ишаковой»). Месяц Москва радовалась. В ней содержится в кубе то, что в царское время мы называли черносотенством.

Вспомнил мать Долохова («Война и мир») и понял из современности, почему Толстой сделал головореза сентиментальным: из психологии босяков наших (беспризорников) понял. Вспомнил пример животного эгоизма: «Шурка Егоров».

Желания в душе приходят тоже, может быть, по каким-нибудь своим сосудам, невидимым нам, как кровь, и тоже давят на стенки их, и мы это давление чувствуем, когда говорим, что хочется нам того-то, а надо делать другое. Вот это надо и есть то же самое в душе человека, что в теле его давление крови на стенки сосудов. Но то же самое в природе и с давлением воды на скалистые берега: вода стремится выйти из берегов и свободно разлиться, но скалы берегов удерживают: воде хочется вылиться, но ей надо работать, и она замывает берег скалистый и намывает берег плодородный. Там вырастают деревья зеленые, травы цветущие, и вода, поднимаясь вверх по их сосудам, испаряется через листики, и так, совершив свою необходимую работу, свое великое Надо, получает свободу. Так вода, так и кровь, так и душевное желание, так и сама мысль человека. Само желание рождается в борьбе со своими собственными другими желаниями, а разум — это их поле борьбы. Но вот какое-нибудь желание победило другие и вышло на свет как желание личности разумного человеческого существа. Другие желания исходят от другой личности и от третьей и начинается борьба различных желаний между людьми, и люди разделяются на друзей и врагов. Если бы воробьи не погибали от врагов, то они наполнили бы весь мир, и на земле из всего животного мира остались бы одни воробьи. Так и желания наши личные облекаются в пищу чего-то большего, чем только мы. Что же это большее? Враги наших желаний еще не означают врагов всей

нашей личности, входящей творчески в состав всего человека. Враги наших желаний могут быть друзьями всей нашей личности, и вот этих врагов надо уметь понимать и любить. Если бы только мы могли понимать этих наших друзей! Но нет! Мы некоторое время их не можем понять, и эти наши лучшие друзья должны пребывать какие-то сроки как наши враги. В основе «я сам» мерит желания от самых примитивных до отдать жизнь свою за други. Но если я, желая скушать пирожок, протягиваю к нему руку, а мне говорят. — Нет! весь пирожок ты не можешь съесть, как хочется тебе, есть еще один желающий и тебе надо отказаться от половины в пользу него. Так возникает первое надо в пользу твоего ближнего, и так в нашем человеческом обществе, состоящем из личных желаний, утверждается некое надо в пользу ближнего и за счет нашей самости. Вот этим ограничением желаний под предлогом пользы ближнего и занимается государство. Социализм есть охрана этого государственного принципа заботы о ближнем против личного произволения всякого рода властелинов. Аскетизм есть школа человеческой личности в направлении сокращения своих чувственных желаний в пользу таких, которые материально неограниченны («не о едином хлебе жив человек»).

Приглашают на собрание московских писателей, и меня подмывает тоже сказать что-нибудь. Напр., я бы начал так: Искусство для искусства как тайная личная рабочая теория творчества для меня есть аксиома. Если я напишу хорошо, то польза для ближнего, я уже хорошо знаю, выйдет непременно. Только бы хорошо написать! Вот от какой печки начинается мой танец писателя. К сожалению, эта моя личная рабочая теория, как я убедился, не годится для общего пользования, у иных получается распад красоты и добра. Написано красиво, а пользы нет: бесполезно. Вот почему я держу свою рабочую теорию в глубокой тайне от всех для одного себя.

Но зато когда эта теория приносит вред, то я, тайно пользуясь тем [же] самым, не смею бросить камень во

вредителя. Вот почему обвиняется Ахматова в проповеди упаднического искусства? Не печатайте — зачем вы печатаете! В Ахматовой виноват Тихонов. Тихонов виноват серьезно, но не Ахматова.

В деле Зощенко я могу быть смелее, потому что скептицизмом в литературе никогда не страдал и к сатире юмористической и аллегорической не считаю себя способным. Кроме того, я понимаю себя как писателя, обязанного быть человеком современным, глубоко чувствующим несовременность сатиры во внутреннем советском обращении. И совсем не потому, что сатира может быть дурно истолкована врагом, а потому, что она ослабляет первоочередное дело утверждения новой морали социализма.

15 Сентября. В солнечных лучах улепетывают быстро остатки хлопьев ночного одеяла.

Читал в признаниях Флобера, что вера в личное бессмертие, по его мнению, исходит от недостаточного смирения перед вечностью. Ляля на это возражает так, что без веры в личное бессмертие невозможно добро на земле, что с этой верой мы приходим на землю и постепенно теряем. Вот это верно: мы родимся, как бессмертные, со всей вечностью в душе, и если бы общество построилось на идее охраны такого детства, то на этом пути всем нам открылся бы путь к личному бессмертию.

«Будьте как дети» и есть этот путь. — А что вы скажете, если «бессмертный», играя, погнался за птичкой, попал под машину и нарвался на смерть? — Я скажу, что мы недостаточно хорошо охраняли этого ребенка. — А если это произошло от эпидемии, от случая? — То же самое: мы допустили перерыв потока вечности, мы виноваты: надо было действовать.

Зуек (детство). — Весь человек (вечность, бессмертие, творчество). Творчество, как вечное рождение. Смерть, тьма, зима, берега, зло.

Постановление ЦК — это последний этап революционной этики, направленный против личности, реализующей себя в искусстве. То же самое говорил Легкобытов Блоку на вопрос его: «Что мне делать со своей личностью? — Бросьтесь в наш чан, — отвечал Л., — и воскреснете вождем народа». И если мы все в нашей домашней философии, поднимая вопрос о загробной жизни, разделяемся: одни остаются при бессмертной личности, другие претензию на личное существование объясняют недостаточным смирением перед вечностью, то разве и постановление ЦК не есть требование смирения личности перед вечностью и наше сопротивление — есть сопротивление личности. Так надо и помнить, что эта тема о поглощении личности и есть основная тема истории русского народа и его интеллигенции.

Остап у Гоголя образец воина, Андрий — это художник. Остап идет прямо к цели, Андрий должен между собой и родиной ставить некую Музу и, очарованный ею, погибает для родины. Русская революционная этика требует от Андрия, чтобы он эту Музу привел в отцовский дом и, как бабу деревенскую, заставил работать на общее благо дома.

Думаю много о силе, как общей подкладке добра и зла: на этой подкладке добро и зло — два разнопоставленных агента в творчестве, без силы нет ни зла, ни добра. Значит, в том и в другом случае, собираясь на путь добра, равно как и зла, мы должны обеспечить себя силой.

16 Сентября. Серое мутное небо.

Удар по бедному человеку: повышение государственных цен в геометрической прогрессии и пайковых денег в арифметической — прямо по Мальтусу. Старухи застонали, сильнее собираясь с силами.

Перовская служит прислугой у профессора.

Пермитин, вернувшись из ссылки, написал коммунистический роман и подал в партию, как Бородин. Теперь определится, конечно, на гадость.

Вчера на ночь я Ляле сказал:

— Личность в русской истории, мне представляется, стоит всегда перед искушением во имя общего блага броситься в некий чан. Помнишь Андрия в «Тарасе» у Гоголя, соблазненного красотой. Мы вместе с Гоголем ему сочувствуем, но во имя общего дела, родины отец убивает его.

Помню, как Блок стоял у края чана секты Легкобытова и вождь секты искушал его: — Бросьтесь в наш чан и воскреснете вождем народа. Блок отвечал: — А куда же денется моя личность? Нет, не могу!

(Но после не утерпел и в своих «Двенадцати» бросился и не воскрес.

А постановление ЦК — разве это не подлинный чан?)

А Флобер, высказывающийся о личном бессмертии, что претензия на бессмертие есть недостаточное смирение перед вечностью — разве это и у французов не то же искушение чаном, что и у русских?

— Ты забыл, — ответила Л., — о Коньке-горбунке: помнишь, он бросился в чан кипящий и остался невредим, а царь бросился по его примеру и сварился. Эта сказка обещает нам бессмертие личности.

Так мы утешаемся сказками.

Решил на московское собрание писателей пойти, послушать внимательно и помолчать. Если же потребуют, то сказать что-нибудь, не высказываясь по существу, добродушно и, может быть, простодушно. Нового ведь тут нет ничего, разве возмущение Крупской на то, что я утенка назвал стахановцем, питается не теми же соками?

План: сегодня — сборы, завтра — собрание, среда — выеду в Дунино.

Достал резиновую лодку и, вообще, вся жизнь складывается очень ладно: тоже вот и Барютины переезжают, и с прислугой, и все.

Но удар от постановления ЦК выбил самую душу. С какой стороны не примешься думать, и все нет выхода. В

тюрьме, бывало, обидят и тут же компенсируешь себя злостью будущей революции. А теперь мысль о революции или какого-нибудь подобного выхода не утешает. Этого выхода нет: революция не выход, и в этом безутешная новость нашего положения.

Почему бы они не могли предложить ССП разобрать это дело и после того, имея мнения самих писателей, как материал, присоединить к нему свое авторитетное заключение?

Потому что они имели прямую директиву непосредственно от самого политического факта. Предоставив писателям разбираться в этом деле, не имея возможности предоставить в их руки эти секретные факты, они бы писателей поставили в неловкое положение. Так, наверно, и все в этом деле, если все учесть, то злой воли не окажется, а так само собою выходит.

Так и во всем другом: так оно выходит, и если ты сказал «А» в революции, то получай теперь «Б». Серьезная революция, наверно, бывает один раз в таком-то народе, после чего складывать свою обиду в копилку новой революции пропадает и охота, и смысл.

Такое состояние духа у нас впервые, и мы должны к этому привыкнуть, и образовать свое новое гражданское поведение. Вот это новое и надо мне дать в моей новой работе.

С этой единственной точки зрения, то есть осознания необходимости и через это обретения свободы, и надо наблюдать завтрашнее собрание писателей.

17 Сентября. Небо поутру с надеждами, среди серого чуть розовое и голубые отсветы.

В природе не весь человек, но природа вся в человеке, отсюда понимание природы по себе и в то же время объективное.

Решаю вопрос с утра, ходить или не ходить на собрание, где будут сечь писателей. Хотелось бы мне приблизиться

к сознанию необходимости, найти в этом разум послушания. Но я боюсь, что голоса возьмут люди с личной целью выдвинуть себя, побольше наговорить и наврать.

На случай необходимости что-то сказать: всякий революционер собирает угли, горящие над головой врага человека, и в этом его жизнь и оправдание: не за себя он стоит, а за человека. Но рядом с ним живет либерал, который свои личные обиды успокаивает в себе этим же способом, собиранием горящих углей над головою врага. Угли революционера накаляются его молчанием: молчит, а угли горят. Либерал не может молчать, и жар его уходит в слова, так возникает сатирическое и юмористическое умонастроение. Несчастье Зощенко в его консервативном либерализме и вытекающем из этого несвоевременном пользовании сатирическим юмором. Наше время рождает нового человека и требует утверждения жизни, приветствия, а не отрицания. «Нет!» — это прошло. «Да!» — совершается.

Сатира должна перестать быть орудием внутреннего пользования и направиться на общего врага человека.

На собрание московских писателей решил не ходить, потому что мне-то какое дело?

Ходил в Кукольный театр (детский) и решил не браться за переделку «Кладовой». Поэтическая пьеса для детей должна быть прямо такой и написана, а не переделана. Написать же такую пьесу можно лишь владея, хотя бы мысленно, средствами кукольного театра. Словом, поэт-драматург должен держать точно так же актера на ниточке, как актер держит на ниточке куклу.

18 Сентября. Переменная облачность и тепло. В. приехал из Дунина и говорит, что грибы растут еще. Мы поедем завтра.

Как формы природы, взятые из души человеческой, убеждают в реальности их больше, чем натуральные, так

и может быть создан особый язык животных из натуральных звуков по образу и подобию языка человеческого.

Итак, изучать природу надо вдвойне, и такой, как она является нам в измерениях внешних, и такой, как она живет с далекого времени в нашей душе. Первая природа первозданная, вторая нами, людьми, образованная, то есть образованная по образу нашему и подобию.

Короли (рассказ шофера).

Посадил я королей на дрова по десять рублей с человека до пристани. И только подкатил к пристани — скок! Мои все короли с машины — и по трапу все на пароход. Да и мало того! Мне видно было, как с парохода они шмыгнули в буфет прикладываться к рюмочке, да еще на меня поглядывают: ловко, мол, мы за его счет выпиваем. Стал я дрова с машины складывать и вижу — лежит бумажник, битком набитый деньгами и документами. Положил я бумажник в карман, гляжу, бегут обратно по трапу мои короли.

— Здравствуйте! — говорю. — Разве не с вами я уговаривался, что по десять рублей до пристани. — Вот, — говорят, — получай. Беру деньги, а сам думаю, как бы мне их поучить.

— Чего это, — говорю им, — вы поскакали, когда нужно было заплатить: сначала бы заплатили как люди, а потом бы и скакали, как лягушки. — Нам, — говорят, — нужно было на пароходе вещи устроить. — А, так? — говорю. — Ну, вот и мне тоже надо сейчас на пароход. Я пойду, а вы покараульте мою машину, согласны? — Согласны, только зачем же тебе на пароход? — А вещи свои, — отвечаю, — мне нужно устроить.

Глядят они на меня, как овечки и понимают меня, а спросить о бумажнике не решаются. А я на них этаким демоном и с улыбкой демонической. Иду я на пароход и в буфет. Выпил, закусил, гляжу в окошко: сидят, ждут.

Пароход дал первый гудок. Они затревожились. Я выпил вторую. Пароход дал второй гудок. Я еще выпил. Смотрю, короли не выдержали, бегут. Я пропустил их на пароход, и как только они убрались — скок! на трап и вниз. Тут

пароход дал третий гудок, трап убрали, а они все к борту. Швырнул я им бумажник и кричу на прощанье:

— Смотрите, в другой раз не грязнитесь: не будьте свиньями, мои короли.

Думаю, что добрые писатели пощадили мой талант и мои годы: не позвали меня на собрание, а сам, к счастью своему, не полез на рожон.

19 Сентября. С утра небо паханое, но светлые и серые, и голубые борозды.

Еду в Дунино.

Приехал в Дунино к полудню.

Из беседы с Валентином более ясно, чем раньше, понял причину победы русских над немцами: это была победа того народного начала, силы, которую русский интеллигент чувствовал по себе то как добро, которое надо поставить как высшее («поклониться народушке» по Горькому, раствориться в нем по Толстому, броситься в чан по Легкобытову), то робко (это замечательно, что робко: Мережковские) выставив против народа-истока свой интеллигентный флаг.

Вот это страшное народное начало было спущено, как атомная бомба, против немца как интеллигента, и немец был слаб именно тем, что он был интеллигентом и злоба его была жестокая, немилостивая, гордо-интеллектуальная.

Эта сила народная исходит из вечной тренировки голодом, то есть смертью: русский простой человек — крестьянин приучил себя к близости смерти (свидетельство всех лучших писателей), как бы встречая ее на людях (на людях и смерть красна). Вот это чувство бесстрашия перед смертью «на людях» и создает ту «удаль», против которой мякнет и немецкий интеллигент, и даже его превосходное чувство-сознание «Pflicht».

NB. Разобрать Pflicht рядом с той русской народной силой, которую можно назвать удаль послушания, удальское служение или удаль безначалия перед лицом смерти: смертная удаль.

(Смертная удаль.) Мой Аврал должен быть написан и в [книгу] должна быть вписана психология смертной удали.

Постановление ЦК о Зощенко в своей моральной оценке уничтожается откровенным безобразием, издевательством грубым и почти мальчишеским над моралью еврея-интеллигента.

Мудро будет не принимать это на себя, как не принимали мы многое, многое до сих пор, все ниже и ниже спускаясь по лестнице интеллигента к народной стихии, к этому «Сфинксу».

(Валентин, конечно, бежал к немцам как к интеллигентам и добился того, что интеллигент дал ему в морду: с этого разу у него пробудился патриотизм.)

NB. Большевик хочет быть интеллигентом высшим, сверхинтеллигентом, способным привести в разум и самого «Сфинкса». Он обманул сфинкса «землицей» замечательно: земля стала наша, но не моя (а сфинкс хотел землицы именно себе). И второй раз обманул его родиной: родина наша, а я на костылях и с орденом, а в кабак идти не с чем.

Сфинкс остался в совершенных дураках!

Можно себе представить, какой напряженный момент войны нашей русской, нашего интеллигента с нашим сфинксом, мы сейчас переживаем.

(Но удары судьбы неизменно должны ложиться на голову Сфинкса.)

Сила собственности состоит в том, что она есть творчески-организующее начало жизни, а слабость — что ее свободное развитие (свободная конкуренция) возвращает нас в действие круга стихийных сил (войн). Мы говорим против этого, что человека нельзя вместить всего в природу, закопать его в землю, что и как ни закапывай — макушка его будет видна. И значит, над естественным влечением жить хорошо и с охотой, называемом чувством

собственности, следует поставить высшее руководство, подчинить это чувство чему-то высшему.

У христианина это высшее начало — Христос (Бог).

У коммуниста?

То, за что мы сейчас боремся: весь-человек в своем творчестве.

— Хорошо, — скажете вы, — но весь человек, сливающийся своими творческими личностями в единую творческую личность всего человека, и есть Христос!

— Может быть, — отвечаем мы, — но сейчас мы не можем произнести имя Христа, потому что имя использовано для иных целей и больше не может удерживать человеческие массы от злодейства.

20 Сентября. Дунино.

Вчера вечером пошел мелкий дождь, и утро пришло, а дождь все идет. И так весь день.

Вчера вокруг дома собрал маслят, зажарил с картошкой и впервые поел в своем доме. После того провел свет и в тепле первый раз переночевал в своем доме. И, проснувшись утром, достал столик, табуретку и за чаем прочитал из Исаака Сириянина о том, что если в желании своем иметь пределом смерть, то это желание всегда победит (имея в виду подчинить свою страсть Богу).

Эта мысль мною высказана в начале «Падуна».

Заметил, что против курения действует сила самозаговора. Трудность состоит в решимости на самозаговор. Распустился и тянет ужасно, неприлично, унизительно. Стоит, однако, поговорить с собой наедине — и не только не хочется, а даже противно.

Но как трудно остаться с собой наедине!

В этом и есть сила аскетов, и все их ученье в том, чтобы научиться оставаться с собой наедине, или, как они говорят — с Богом.

NB. Прочитать Сириянина с целью понять сущность творческого аскетизма и в чем эта и ныне единственная сила человека, как такового, отличается от аскетизма отцов церкви.

21 Сентября. Вчера был дождь весь день. Вечером даже ливень был, а после того на короткое время вызвездило и с веранды я увидел Большую Медведицу и другие звезды, с детства такие знакомые и родные. И вся небесная обстановка моего домика была как мебель собственной души моей, и даже сама душа, казалось, досталась мне от первых пастухов...

Стучат топоры, и очень как-то все по мне, все расставляется в моей душе на свои вечные, предназначенные места, вхожу в себя.

Мне живо вспоминается время жизни моей на хуторе Бобринского в 1902 году. 44 года тому назад, когда мне было 29 лет! А как ясно вспоминаются даже записи.

Помню, записывал тогда, что Бога нужно искать на границе природы, там, где природа кончается и начинается человек.

С тех пор прошло почти полстолетия и оказывается, что с тех пор я так и не отходил от этой темы, и все, написанное мною, было об этом, и на этой теме я и умнел, и богател.

И так ясно стал теперь этот вопрос, что хоть пиши письмо Иосифу Виссарионовичу о существе, которому мы служим и мучимся, как его назвать: Христос? — Нет, Человек? — Нет. Кто же?

И опять весь день дождь, и опять корзина грибов, маслят и волнушек.

Ссора с травоядной Марией и мир благодаря Лене.

Вчерашнее мелькнувшее счастье от Большой Медведицы вдруг предстало во стыд и упрек, и не живым питающим образом, а той мертвой условностью, которой живут духовно-мертвые люди (с манерами). Вижу ясно, что теща не случайность, а необходимость, а спасение мое и выход в моем писании и, конечно, в Ляле.

22 Сентября. Хмурое небо и свежо немного, вот-вот опять дождь. Комнату мою вымыли, вычистили. Начинаю пожинать урожай своего весеннего посева: посеял, все лето боролся, растил — и вот мой дом, как яблоко, как мысль, поспевает и звезды небесные, как обстановка души моей, появляются над моими сенями.

Как мало я сделал для поэзии, но как чудесно для поэзии создана природой и Богом моя душа.

Вот я увлекся Большой Медведицей, понял и вспомнил всю свою свободу — и вдруг такая резкая боль прошла по мне, и я подумал: «Нет ли в этой радостной встрече с Медведицей измены?». Со всех сторон я вертел эту мысль и честно убедился, что измены нет, и, написав ей письмо о сухой штукатурке, подписал: «Целую мою единственную и вечную».

И теперь, вспомнив это, думаю, что ведь мне уже 73 года, и чего-чего только не пережил, и все в основе души остается прежнее естественное здоровье души, и что, значит, первое дело педагога — это охрана здоровых душ и второе — уже лечение и исправление душ испорченных и больных.

Не заболеваю ли, Боже сохрани! Кошмарный сон мучил, и я его разгадываю, что он относится к странному роману моему с Козочкой. Я располагался к ней, как женщине, ожидающей от своего возлюбленного любовного действия. Стоило ей чуть только тронуться в эту сторону, и я бы надолго увяз и ничего бы не получил из этого опыта, кроме плохого, мучительного и жалкого. Но она не посмела... она не могла допустить, что во мне так просто. Она подозревала во мне высшую любовь. Глупенькая она была и смутная. В ней, вообще, ничего не было, ни мысли, ни страсти. Но я-то? И вся глупость моя в любви этой происходила, как у акробата, от борьбы равных сил: одна сила тащит в одну сторону, другая в другую, а в результате это глупейшее черепашье движение человека по веревке.

Сколько неприятного я записал в своем дневнике о теще, но стоит представить себе, что Ляля умерла, и все неприятности от тещи опрокидываются на себя: не мог отблагодарить Лялю хорошим отношением к теще!

Это раз, и я боюсь этого, и второго боюсь, что Ляля уйдет из жизни неузнанная, что я был признан ею из благодарности за мои малые услуги.

Дождь весь день. Плотники загуляли, наверно, и не пришли. Тишина в доме. На окне запотелом, исполосованном струйками, притулилась бабочка и уснула. Лежа на своей койке, я смотрю на нее и сам тоже, как эта бабочка: тоже совсем неподвижен и телом и мыслью, а чувствую: жив.

То было мифотворчество, а то богоискательство, теперь же надо и совсем бы всерьез — миротворчество. (Этому посвящена моя работа: «да умирится же с тобой и покоренная стихия».)

Творчество на своем пути разделяется надвое: одна дорога ведет к собственности, порождающей непременно зависть и войну даже в том случае, если собственность добыта честным трудом (пример — евангельский Лазарь). Вторая дорога ведет к творчеству мира, к тому, что называют искусством или культурой. Деятели культуры и есть в истинном смысле слова те самые миротворцы, которые по заповедям блаженства Бога узрят.

Итак, творческий исток — это личное самоощущение с радостной готовностью собою все захватить. Если бы не было препятствия, то этот творческий поток превратил бы весь мир в личность единую, в Я.

Но неминуемо этот поток встречает препятствие...

NB. ...препятствие, т. е. в человеческом потоке, врага. Происходит борьба всех против всех. И так очень похоже на водопад.

Поток творческий встречает враждебный поток, начинается война...

Человеческий поток похож на водопад: падает и разбивается на брызги и капли. Каждая капля несет в себе дополнительное ощущение всей воды, и так человеческая личность ощущает весь мир для себя, имея назначение, как брызги водопада, слиться со всею водой.

Война — это падение, мир — воссоединение.

Так что же есть собственность? Похоже, как будто это есть имя войны (борьбы?) за себя (за свою личность). Это берега течения каждого из нас, это как у ручьев, у каждого свой... путь в океан.

Вчера за предоставленную Марье жилплощадь я потребовал от нее работы. Она плохо работала. Я сделал ей замечание. Она выпалила нехорошие слова. Я на это велел ей уйти и оставить мой дом. Через некоторое время пришла Лена и сказала, что Мария плачет, что она очень жалкое существо, и если надо, то она сама за нее будет у меня работать. Я обрадовался, простил, послал детям Марии конфет, и она сама вскоре явилась и отлично сделала работу. Лена была миротворцем в этой войне — и война эта была очень полезной: она вскрыла тайные опасения Марьи, что я за жилплощадь превращу ее в рабыню, и мои мысли тайные о том, что семья Марьи усядется на моей жилплощади. Два потока встретились, побушевали и потекли вместе.

Миротворческая роль Лены исходила из: 1) любовь к племянникам, воспитанная одиночеством, страданиями, 2) возвышающая любовь к родным до любви к человеку, 3) разумный человек, 4) собственное достоинство, питаемое качеством труда (была прислугой директора, ее обидели — ушла в свинарник, и теперь довольна). Какой-то намек вырастает на миротворческую роль России.

Помню, Лева сказал мне: — Помнишь, папа, позиции, на которых мы стояли в ходе революции? — Еще бы не помнить: позиции бессмертия личности, если эта личность является выразителем Истины. — Но ведь победи-

ли другие люди, значит, мы были дураками? — А ты спроси теперь тех, кто шел против нас: стоят ли они за то, что тогда они выставляли. Наверно, и они скажут, что были дураками.

23 Сентября. В 70-х годах прошлого столетия Флоберу, представителю падающей латинской расы, было известно, что пруссаки одолеют Францию, а Пруссию уничтожат славяне. И он же пророчествовал, что политика станет важнейшей секцией Академии наук (как у нас теперь хотят сделать). Только тогда не знали, что и сама наука с ее Академией находится в зависимости от «политики», что вот теперь из самой науки никак не сделаешь вывода, в какую сторону пойдет атомная энергия, в сторону добра человеку или зла...

В этой войне славян с немцами победа вышла на стороне природы («природа науку одолевает»).

А под «природой» надо понимать что? («Умом Россию не измерить».) Это «чан»?

(Вопрос Блока: «Куда деть свою личность?»)

Необходимость сверхличного чувства, или веры, исходящей из чувства жизни... Есть такая наша вера (все сводится к переживанию Валентина, получившего от немца удар в лицо).

На вопрос мой В. о поднятии цен, о том, как это могли примириться люди так сразу, он ответил: — А что же поделаешь, там наверху тоже, наверно, приходится выкручиваться: необходимость заставила их это сделать. Это говорит уже новый человек, вошедший в «государственный смысл».

Прежде мы страховали дома от пожара, теперь вся земля всего человека стоит перед прямой угрозой погибнуть в огне, и мы, люди, все люди, весь собранный в единство человек, ищем такое учреждение, где бы можно было застраховаться от пожара всей земли.

Печку подогрели, бабочка проснулась на окне, немного полетала и опять уснула. Так вот и не знаешь, что с ней делать: здесь держать — уморно, тюрьма, выпустить — холодно. Северный ветер дует, руки стынут на воздухе. А грибы все растут: волнушки, рыжики, маслята особенно, и белые изредка все еще попадаются. Хорош был один мухомор, ярко-красный и спустил из-под шляпки вниз вдоль ножки белые панталоны, и даже с рубчиками. Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобралась, губки скруглила, мокренькая и умненькая. А масленок масленку рознь, то дряхлый весь, а то попадется такой упругий и жирный, что из рук выскочит да еще и пискнет.

Придут скоро морозы, а потом и снег накроет грибы, и сколько их останется в лесу недосмотренных и не доросших до семени пропадет, и пойдет в общий котел на общее удобрение, на общий обмен. Так вот жалко становится недоросшего, недосмотренного гриба в лесу, а сколько людей так пропадает!

Бывает, простой человек молча работает и все делает хорошо, а сказать об этом ничего не может. Спросишь его о грибах, и он поведет в лес и укажет всякий гриб, но говорить о грибах, отделять слово от самой жизни не может. Но все равно, слово невысказанное живет в нем и образует лицо.

Наверно, и у зверя, и у птицы, у деревьев, у трав и цветов эта же самая сила образует форму, дает выражение и сообщает нам страх от змей, радость от цветов, прелесть от крылышек птицы. А то если бы и у них красоту их растили из той же самой силы, что выращивает у нас, людей, наше великое слово Любовь, то как могли бы узнавать наши человеческие черты, распределенные в природе, узнавать их, воспринимать, понимать их, отвечать им и радоваться.

Поднимает тебя волна и поднимайся, только помни всегда: это ты не сам, а волна тебя поднимает. Пользуйся высотой и живи. Только отделяй ту высоту, на которой ты

сам от себя поднимаешься, и ту, на которую тебя поднимают.

Горький перед нами стыдился своей высоты. Или Новиков-Прибой на гастролях в провинции и в Москве среди нас.

Бывает, долго толкуешь о чем-нибудь простому человеку, целиком погруженному в дело добывания средств существования. И вдруг лицо это осветится, осмыслится и станет, будто он все это знал давным-давно, только считал это ненужным для него делом и позабыл.

Слово — это лицо человека, и так же, как у каждого листика на дереве есть свое выражение, так и у каждого человека есть свое собственное, единственно ему принадлежащее слово. Пусть даже это свое тайное слово никому не удается сказать, но все равно, он этим словом живет, оно образует его выражение.

24 Сентября. Шестой день в Дунине живу и только сегодня встретил с балкона утреннюю зарю. И если не явятся облака — будет непременно мороз. Но, я думаю, они явятся и мы еще пособираем опенки и рыжики.

Книга писем Флобера, рисующих положение поэта во время нашествия немцев, — замечательная: понимаешь всю беспомощность служителя слова и думаешь о теократии, милитаризме, бюрократии, о временах жрецов, воинов и т. д., и ясно видишь, что никакая «кратия» не пристает к художникам: они вечные слуги, понимающие себя господами. И такое воображаемое состояние в мирное время более или менее поддерживается, а войны и революции вдруг обнажают тело жизни и срывают с него разноцветные одежды.

У нас теперь почему хвалятся перед всем миром, будто у нас первая литература? Потому что стремятся искренно превратить ее в непосредственное (политическое) орудие

жизнетворчества, так же, как барана или плуг, без всяких специфических «приятностей», сопровождающих художества. Эти «приятности» как в творчестве авторов, так и сотворчестве потребителей искусства все относятся к пробуждению самости, являются атмосферой личности. Бараны же и плуг направлены ко благу среднеарифметического из человечества, происходит встреча обуха с острием иглы.

Особенность искусства, однако, в том, что оно содержит в себе силу, как вода, размывающая скалу, как трава, своими зелеными иголками пронизывающая весной все «обухи».

Весь вопрос только в том, откуда берется у политиков этот задор, чтобы сделать искусство своим непосредственным орудием. Не из самой ли прагматической природы социализма, этой старухи, пожелавшей поработить золотую рыбку?

Но если так, то при отказе золотой рыбки служить, откуда же в душе появляется смущение и что оно значит?

Происхождение смущения такое же, как вечное тяготение великих поэтов Пушкина и Лермонтова к презираемой ими аристократической среде. Тут презрение к власти и невозможность без нее обойтись, тут общие корни различных пород, как на привитых яблонях разные сорта, спор о первенстве материи и обнимающей ее форме.

Наш современный спор, породивший «государственный наплевизм» (слово взято у Ленина), сводится к следующему: ЦК требует справедливо от искусства агитации и пропаганды своих идей. Это правильно, это надо. Но неправильно ограничение искусства одной только сферой агитации и пропаганды.

Необходимо признание авторства, то есть служения художника искусству для искусства.

При ограничении же сферы искусства ЦК отнимает себе авторство, как в крепостное время помещик отнимал себе у девушек jus primae nostis (право первой ночи).

Тут мы на ножах, а [так] как художники лишены ножей (и не надо их! Боже сохрани!), то приходится верить в тайную жизнь слова (форму), похожую на жизнь ручья под упавшей на него скалой: рано ли, поздно ли скала будет размыта и ручей придет в океан.

Удивительно только одно, что как это люди, объявившие политику наукой, а науку кладовой человеческого опыта в жизни, повторяют извечные приемы насилия, не учитывая выводов исторической науки. Скорее всего, это происходит во исполнение мудрости народной: «природа науку одолевает», то есть что опыт человеческий, как он ни хорош, ни могуч, не может быть занесен над всей жизнью и обращен против нее, против ее авторства, ради пользы человечества.

Человек есть высший агент природы в своей борьбе за движение, за свой смысл, за Слово (форму) с другими агентами — косности, тьмы, хаоса, но, будучи участником творчества, он не может отделяться от целого (природы) и противопоставлять себя ему: в такой борьбе природа его одолевает.

Нам близко в природе ее авторство или самородность, что гриб, напр., *сам* растет. Как только чуть-чуть не сам, напр., шампиньон, искусственно выведенный — это уже не природа, или парк вместо леса, или курица вместо птицы. И девственная природа нас манит именно авторством, что в ней все само собой, без человека.

Второе, что это воздействие человека на природу всегда эгоистично, всегда для своего короля, как Версаль для Людовика.

— Есть грибы? — спросил я дочь лесника.

— Волнушки, рыжики, маслята — этого много, — ответила она.

— А белые?

— Есть и белые, только теперь начинает холоднеть и они переходят под елки. Под березками и не ищите, все под елками.

— Как же это они переходят, — сказал я, — видали вы когда-нибудь, как грибы ходят?

Девушка оторопела, но вдруг поняла меня и, сделав плутовской вид, ответила с улыбкой:

— Так они же ночью ходят, как я могла видеть.

«Есть в осени первоначальной» хрустальный день. Вот он теперь. Тишина! Не шевелится ни один листик вверху, и только внизу на неслышимом сквозняке трепещет на паутинке сухой листик.

Все впало в хрусталь, все неподвижно, и вдруг там, в стороне между березами, тихо-тихо, неслышно, как тень на стене, показалась Божия Матерь, идущая утешать страждущих людей.

Был когда-то частый березняк, под березками редко так, кое-где росли елки. Теперь березняк кончился, а редкие елки на свободе широко разрослись, так широко, что под ними жизнь располагается целыми государствами: муравейники и грибы во множестве.

Размечтался возле большой, красивой, похожей на мечеть, поганки: кто ее делал, эту мечеть, ведь не доберешься, и так все в природе, никто не может добраться до автора. Но не то ли же самое и в человеческом творчестве, называют имена великих художников, и тысячи ученых добираются и не могут добраться до самого творчества и самовольно повторить его, подлинный автор и в человеке остается неизвестным.

Волнушка, вырастая, попала на прутик, и он разделил ее и сделал похожей на заячью губу.

В этой хрустальной тишине березки и обсыпанные золотыми и красными листиками елочки и осинки, и старые пни, и сухостойные чудища ушли в себя, и их не было, но когда я вышел на полянку, заметили меня, и все обратили на меня свое внимание и вышли из своего оцепенения.

Тоска по человеку и страх одиночества, когда я нашел себя, вдруг исчезли: и человек свой родной и близкий оказался во всякое время и на каждом месте. Вот почему я и спорю с Лялей, когда она говорит, что хорошие люди выходят из среднего дворянства и что она не любит мужиков. Тот человек, близкий, везде и всюду, только надо быть самому свободным, сильным, здоровым душой. Давайте помогать и удивляться этим людям в первую очередь, а потом, во вторую очередь, пойдем к труждающимся и обремененным. Этот маленький вариант милосердия, по-моему, не лишает Евангелия его святого назначения.

Гриб стоял, как избушка, спустив свою серую крышу почти до земли.

25 Сентября. Тепло. Все небо в ровном тумане и нельзя сказать поутру, что выйдет из него, дождь или солнце.

Последний день дунинской первой недели моего житья. В. привез газеты. Героическая борьба старухи (Домаша, 80 лет) за жизнь, то поднимется, то ляжет, когда поднимается, носит из лесу шишки мешками и собирает кусочки, когда ложится, то гадает, и ей за это несут. Вот укоряющий образец умирающей теще! Попробую развить свой героизм в своей работе.

26 Сентября. Серое хмурое утро и ветер, а все тепло.

Вчера прочитал речь Жданова все о том же Зощенко. В этом выступлении скрытая в революционной этике ненависть, чисто средневековая к искусству, наконец-то, откровенно раскрывается, и имена Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Плеханова ставятся в оправдание насилия над личностью художника. То, о чем догадывались, теперь названо.

Как мужики громили усадьбы помещиков, так теперь правительство выпустило своих мужиков от литературы на писателей с лозунгами из Ленина о том, что литература и все искусство являются частью дела партии (т. е. искусство есть агитация и пропаганда марксизма).

И вот что получается из этого: сколько я потратил усилий, чтобы дать в своем «Канале» именно то, чего страшно жаждет ЦК, художественного выражения нашей идеи в чистом виде, в идеале, противопоставлением европейской и американской традиции. И вот теперь руки отнимаются, хочется забросить всю десятилетнюю работу и спрятаться опять в охотничьи рассказы.

В самом деле, как воспевать теперь категорический императив коммунистической этики, если он валится на ребенка и давит его у тебя на глазах. Получается что-то вроде сказки о рыбаке и рыбке: старуха потребовала от рыбки, чтобы она сделала ее владычицей морскою и сама бы ей стала служить. Точно так же и у нас получится с искусством: золотая рыбка тоже уйдет, но какие-нибудь золотые караси будут, конечно, служить (надо прочитать Фадеева роман «Молодая гвардия», чую — это золотой карась).

«О, как хочется помириться с пруссаками! — сказал современник Флобера, — но как только я начинаю это, так меня начинает тошнить».

Он же сказал:

«Мы, французы, погибаем, латинская раса кончается, но из этого вовсе не выходит, что правда на стороне пруссаков и надо к ним идти: правду пруссаков скоро уничтожит правда славян. Стоит ли расставаться с лохмотьями латинской расы из-за временной правды пруссаков?»

Интересный рассказ В. о том, как немцы сделали из него немецкого солдата и как, в конце концов, он отдавал честь, и, казалось, все кончилось. — Но это не конец! — повернул он вдруг рассказ, уводивший в безнадежное животное рабство. И вдруг... война была уже в России, сделано было распоряжение (приказ!) разобрать на дрова жилище бедной женщины. И вдруг двое русских перешепнулись, направили автоматы на офицера, а все другие... Ура! И поехали на грузовике в Россию (какое счастье!).

Казачий офицер Зеленой армии молился Николаю-угоднику и другим святым угодникам, а Божией Матери

не молился, снял ее и завесил платком, потому что Она для всех милостива (и для большевиков). Офицер просто понимал, что Она за них.

<*Приписка на обложке тетради:* Милость случая.>
Любовь, окрашенная злобой и гордостью.

Как вода размывает гранит, так и общество находится в вечной борьбе с индивидуальностью. Тезис: Я стою на своем, говорит каждый камень в природе. Антитезис: Но я тебя все-таки размою, отвечает вода. Синтез борьбы воды с камнем — плодородная почва, на которой вырастает дерево, на котором каждый листик заявляет: я стою на своем, а соки размывают — и синтез: дерево толстеет.

Для автора нет типов, есть только личности, из которых читатели должны сделать типы. Так, Дон Кихот начинался у Сервантеса какой-нибудь конкретной личностью, а читатели делали и до сих пор все делают и делают тип.

Автор создает личности, а читатели из личностей делают типы.

Так и в природе — только индивидуальности, а люди (Линней и пр.) их классифицируют.

27 Сентября. До обеда обошлось без дождя, потом дождь и под вечер солнце. До обеда набрал целую корзину рыжиков, белых и шампиньонов. К вечеру приехали с Валентином в Москву.

28 Сентября. Солнечный день. Ездил с Лялей к Чагину, потом в Сокольники за лодкой. Вечером ходили к Ивану и немного восстановил старое в новом.

29 Сентября. Еще одно чудесное солнечное утро. Ляля хочет ехать в Пушкино за рассадой клубники и смородины.

Вспоминаю недавнюю свою охоту за рыжиками в Дунине. Липовый лес. Слетают желтые листочки. От иных

деревьев, одетых в золото, как будто свет льет в пасмурном лесу. Аромат упадка, тления. На тропе Тузик караулит двух старушек, одна боевая, энергичная, другая в лиловом пальто, со следами былой красоты на лице, робкая, тургеневская, усадебная. Обе они с трудом пришли, пытаются найти белые грибы, непременно белые, хотя время волнушек и рыжиков и опенков. И всех проходящих грибников спрашивают о местах, где растут белые грибы.

Листик за листиком падают на лиловый капор когда-то красивой женщины, быть может, певицы, быть может, актрисы... И вдыхая аромат тления, думаешь: — Да неужели же через какие-нибудь шесть месяцев на этих самых деревьях с отлетающими желтыми листьями появятся почки острые, прокалывающие бирюзовое весеннее небо, и с ними вместе поднимется наша душа, и эти самые старушки даже, может быть, приплетутся за подснежниками и фиалками. Потом новые смолистые листики покроют черные стволы и веточки.

А мы? Да, конечно, и мы той же самой жизнью живем, мы, листики, в глубине души все чувствуем единый ствол жизни, на котором сидим и знаем свой сучок, свою веточку, знаем, что неминуемо с нею придется тоже расстаться, и только часто забываем то, что вся природа хранит в себе, как святой закон: на смену падающим придут молодые, и жизнь смертных в существе своем бессмертна. Мы, люди-листики не всегда это помним, у нас для этого не хватает героического смирения, удобряющего почву творческой природы.

Поток любви совершает круговое движение, от себя течет и к себе возвращается, и так вся любовь, как электричество, уходит от себя со знаком минус — любовь жертвенная, питающая, материнская, и приходит со знаком плюс — любовь для себя, эгоистическая, детская и стариковская. Огромное большинство старых людей живут этой любовью для себя и с нею уходят, и с нею возвращаются детьми и проходят жизнь в потоке любви от себя.

И вот, Михаил, до чего хорошо ты это все понимаешь, но почему же, имея ежедневно перед своими глазами по-

ток жертвенной любви дочери и эгоистической поток окостенелой в эгоизме матери, не можешь унять в себе неприязни и, поняв в этой любви для себя враждебную силу, не можешь принять ее как необходимость, и так осознать ее, как необходимость, и в этой свободе мысли, рожденной необходимостью, понять любовь к врагу — к врагу! а не то что к беспомощной старушке.

Придут Лева, Игнатовы, Замошкин. Надо Замошкину поставить вопросы:

1) Этика личности, посвященная оправданию своего возрождения. Явление личности (взять Шекспира) и есть оправдание Возрождения. Это весна.

2) Какая мысль пробилась в этих совещаниях о постановлении?

3) Какие положительные меры предвидятся со стороны партии для помощи возрождению литературы.

4) Само государство и партия, и все «пролетарское дело» есть только необходимая составная часть, скрепляющая ствол жизни всего человечества.

5) История «постановления».

6) Глашатай свободы (Панферов) и как он попал впросак.

7) Откуда эта мысль «застенить» русское искусство.

8) О романе «Молодая гвардия».

9) Пример исторического поглощения государством личного начала: сила и рост государства за счет этого: Левиафан питается живыми существами настоящего в обеспечение рождения будущего...

10) Все настоящее, от человека до листика — лично, все будущее безлично. Левиафан — это зверь, беременный будущим.

11) Настоящего все ждут, но когда оно наступает, все спешат его поглотить и отправить в будущее.

12) Искусство — это цвет лица человека, а Левиафан чувствует его по своему пищеварению.

13) Искусство — цвет лица, а Левиафан — это живот всего человека. И понятно, что с точки зрения Левиафана

цвет лица является частью, даже лишь признаком пищеварения.

14) Нынешний вопль — это сила ли? Едва ли: цвет лица является сам, как следствие хорошего пищеварения и его нельзя сделать искусственно.

5) Нынешний вопль — это от несварения в желудке у Левиафана.

16) Здоровый цвет лица или сделанный белилами или румянами? Румян, давайте румян! Но здоровый румянец является сам.

К М.А. Стаховичу у меня была классовая злоба, и я из-за нее не мог к нему подойти. Но Горький говорил о Мише Стаховиче, как о славном парне. Горький, значит, мог преодолеть свою пролетарскую злобу и стоял этим выше меня. И так, вообще, «классовая злоба» — это есть сила зла, которой можно пользоваться в политике, но должно в себе самом преодолеть. Валентин до сих пор питается этой злобой (зеленый герой).

Искусство, как поведение.

Есть такое дело у человека, и его много-много, когда его делаешь, то и в голову не придет поглядеть ночью на звезды, а днем на облака. И если кто-нибудь станет с этим вмешиваться, то ему скажешь так же, как сказал Цезарь на войне одному поэту: — Уйди отсюда, дурак! Так вот человек этот делает и, бывает, неделями, месяцами неба не видит и раздражается, если ему напоминают о какой-то жизни небесной. Мало того! даже и хорошо понимающий небесную жизнь, глядя со стороны на этого занятого человека, находит нравственное оправдание его отвращению к религии, поэзии, искусству.

Революция со всеми своими последствиями (вплоть до необходимости убивать человека) и есть то самое дело, которое несет с собой человеку нравственное оправдание его отвращению к жизни духа, обращенного к небу. Революция, и особенно наша революция, обратившая себя в государственное дело, ищет философию не личного, но

общего дела, поэзию, искусство общего дела, и с ними вместе такого неба, которое со своими звездами, и солнцем, и месяцем могло бы спуститься на землю и помочь человеку строить справедливую человеческую жизнь.

Ученые постоянно работают над этим обращением небесной жизни в законы природы, делающие постепенно человека и землю существом всемогущим. Но эта великая работа ученых останавливается на перекрестке путей, ведущих к добру или злу. Искусство, желанное для революции, должно решить эту задачу и вывести человека из раздумья, идти ему по пути добра или зла. Искусство революции должно быть образом поведения.

30 Сентября. Переменная облачность. Третий день сухой. Выправился после депрессии (это иногда бывает) и начинаю думать о своем манифесте «Искусство как поведение».

Ляля сегодня за чаем говорила матери: — Ты, мама, мало понимаешь в наших делах, потому что ты любишь только меня, и меня только как мать. Но есть такое место в человеке, расположенное за пределами материнства. Вот Зина так нам говорила: — Если бы я взяла на себя семью, то я и была бы в семье, и ею была бы поглощена. Но я не обзавелась семьей и смотрю на семейную жизнь так: пусть живут! Дай Бог, чтобы им было хорошо. Я же имею право на личную свободу, чтобы молиться, может быть, и за них.

Так что есть такое место в человеке вне законов семьи, и у Михаила Михайловича есть такое место, и если бы его не было у него, я бы за него не пошла.

Разговор о семье и таком месте вышел у нас от разговора о положении художника в обществе: общество тоже семья, те же принудительно-нравственные законы, а художник занимает такое место, обеспечиваемое талантом и смирением.

Не знаю, как об этом сказать, очень не хочется, совестно даже, но чувствую, что надо сейчас непременно ска-

зать. Я думаю о том таинственном кукише, который носят в душе своей многие советские граждане, произнося свои речи, и особенно писатели и деятели искусства. Не будь у нас в запасе этого кукиша, давно бы у нас был бы и Белинский, и Лев Толстой, явились бы многие смелые люди, подобные им, идущие к правде прямым честным путем. Я сейчас ясно чувствую время и в связи с этим понимаю настоятельную необходимость вскрыть этот разлад, в результате чего в душе художника между его общественным Надо и личным Хочется заводится кукиш. Я не ошибусь, если скажу, что именно вот этим неловким обнажением таинственного кукиша и обрушил Зощенко на свою голову камни, и этот обвал открыл нашим глазам наличие кукиша у многих, и заставил заглянуть в себя.

И вот бывает же так! При полном отсутствии в душе своей кукиша, при глупейшей неспособности к нему я заметил в себе искуснейшую маскировку под кукиш в том смысле, что вот, мол, и я тоже большой хитрец и не думайте обо мне плохо. Мне случалось произносить речи от совершенно чистого сердца и в совершенной простоте. Когда же я отдельных людей спрашивал о себе, мне отвечали, что понимают меня, как величайшего хитреца. Я дивился этому, а теперь понимаю: я неумно маскировался под кукиш. Вот это неприятное открытие унизило меня в своих глазах и заставило глубоко задуматься.

Я думаю, что разлад таится в самой природе вещей. Вот все мы знаем, что есть у каждого человека дело и его так много! Повседневное дело для семьи, для общества. Мы тоже знаем, что человек, как и рабочая машина, снабжен некоторым люфтом, необходимым для самого дела. Я не об отдыхе говорю, а о свободе, о личности.

1 Октября. Вернулся дождь окладной и весь день бубнил. В ночь на 29-е тоска невероятная стала меня душить. Утром встал с решимостью побороть беду. Сделал обычную запись и вдруг понял, что необходимо мне выступить в печати с откликом на постановление: почувствовал, что это надо и я могу. Мысль овладела мной и вечером в по-

недельник я сказал об этом Замошкину. И вот вчера уже новый редактор «Нового мира» Симонов звонил мне о готовности напечатать немедленно отклик. И я начал писать.

2 Октября. Не солнечный день, а дождя нет. Собираемся с Лялей ехать в Дунино.

И это правильно, чудеса будут, они впереди.

Положа руку на сердце, разве можно удовлетвориться наличием нашей литературы, разве слово наше вполне отвечает делу? Но все-таки мы пользуемся всяким случаем заявить, что наша литература теперь первая в мире. Она действительно первая по своим возможностям и по сопровождающей ее движение нашей вере.

Дело вызывает наше слово, материя требует формы или огня. Посмотрите, как на пожаре вся материя своими частями теснится в очередь, чтобы поскорее сгореть. И человек тоже стремится, весь человек устремлен к огню, но тут выступает наше человеческое творчество и сила личности создает...

По пути в Дунино пошел дождь. Немного не доехав, посадили машину в яму. Ляля ушла, прислала помощь. Плотники доканчивают потолок внизу и зимние рамы. Костя делает дорогу в гараж. Приезжал Родионов Конст. Серг. с целью осмотреть наш дом для зимовки пчел. Вот еще один из коллекции Лялиных типов.

3 Октября. Такое же хмурое небо как и вчера. Видно, после трехдневной солнечной передышки опять придет серия непогожих дней.

Не только у художника, но у каждого человека есть своя тайная философия, которой он сознательно или невольно пользуется в своем деле. Так вот и у меня, посвятившего себя делу поэтического изучения природы, есть своя домашняя теория. Мне кажется, что всю природу

можно найти в душе человека со всеми лугами, цветами, волками, голубями и крокодилами. Но всего человека вместить в природу невозможно, и не закопаешь всего, и не сожжешь огнем, и не утопишь в воде.

Гордиться тут особенно нечем, вся природа всем составом своим сотрудничает с человеком в создании слова, как высшей формы. Но завершение творчества происходит только в человеке и в этом смысле слово человеческое много значительней солнца, от которого как будто рождается вся жизнь на земле. Множество солнц блуждает в бесконечной вселенной, но слова там нет. И если бы оно там нашлось, то нашелся бы и брат человека, такой же творец, как и наш человек.

И вот, когда я с этим пониманием слова возвращаюсь в природу, я всякую букашку застаю за работой создания того в человеке, что выходит потом за пределы природы. Мало того! когда я напишу об этой работающей на человека букашке, множество людей, кто поумней, узнает себя в этой букашке, а кто поглупей обижается на то, что поэт занят букашкой, а не человеком. Очень, очень трудно застать природу в момент ее сотрудничества с человеком в творчестве слова, но если застанешь, то из шестидесяти воробьев, сидящих плотным рядом серых грудей на заборе, узнаешь сразу того воробья, который в этот миг участвует в творчестве слова, и пищит он особенно.

Но у меня сложилась своя личная практическая теория, совершенно достаточная как для моей работы поэтического изучения природы, так точно и для повседневного понимания жизни. Это не символ, не аллегория — это моя вера. Правда, вера эта колеблется: поймут — обрадуешься, не поймут — переживаешь.

Вот я сейчас приведу пример, как я со своей домашней философией разбираюсь в Шекспире. Меня удивляет, почему читатель остается на стороне Цезаря, когда тот так грубо выгоняет поэта, инженера душ человеческих. Неужели же Шекспир или Цезарь, тоже писатель, не разделяет высказанного мной предложения о движении всей

жизни природы и всего человека к слову (мысли). Не может быть! Ведь он же и меня научил этому и заразил верой своей в назначение всего человека. От Шекспира же отчасти произошла и вся эта удивительная в своем священном понимании гуманности русская литература.

Как помнится, у Шекспира не сказано о поэте, что он был с «пыльцой». Нет! Очевидно, дело в том, что служитель личного начала в человеке, инженер душ мешал Цезарю, как таковой, что и, вообще, есть моменты в строительстве всего человека чисто материального характера, и настолько материального, что инженеру душ самое лучшее не входить в палатку Цезаря и не мешать ему стихами. (Что же делать ему?)

А разве в повседневной-то жизни не бывает такого, когда за столом читает поэт стихи, и вдруг хозяйка дома, вспомнив необходимое для общего дела, бросая стихи, уходит за чем-нибудь на кухню. Материнская забота о человеке, о всем человеке, о его общем деле оправдывает поведение хозяйки стола. И в этом смысле Шекспир оправдывает грубый и как будто бессмысленный поступок Цезаря.

Нашу революцию, воспринятую мною еще в младенчестве, я так и понимал, как материальное и даже материнское дело. И с тех пор, как я стал только чуть-чуть понимать слова Старших, я слышал, что со своим личным делом, какое бы оно ни было священное и полезное в общем творчестве природы и человека, нельзя соваться, пока не совершится, не исполнится материнская цель социальной революции. Эти слова старших всюду распространялись, и стар и мал твердили согласно: сначала социальная революция, а потом личная жизнь. На этой формуле мы выросли.

Но что же делать личности, которую нельзя погасить в материнской заботе о человеке?

Так в истории русской интеллигенции возник страшный вопрос: о возможности самого искусства в условиях материальной озабоченности нашей земли. Со стороны го-

сударства: Что делать? Со стороны художника: Как быть? Или: какую песенку петь серому воробью из шестидесяти? Разрешение вопроса — воробей так решил: что если он запоет настоящую песенку, то все воробьи ее запоют. И вот запели все шестьдесят одну песенку, а каждый воробей пел по-своему. Так делает вся природа, так делает человек, создавая свой фольклор, так, наверно, надо делать и нам.

В мертвое для революции десятилетие (1907–1917 гг.) вопрос этот — что по́шло, то пошло́, что пошло́, то по́↓шло — решен был отрицательно: творческий индивидуум оторвался от своего материнского пупа, и вот «пошла писать губерния»!

Чисто в литературном отношении тогда было создано множество замечательных вещей, но вся литература в целом была похожа на осень, когда, роняя по-своему листья, каждое деревце выступает по-своему, и опавшие листья тлеют...

Это была осень искусства с освобождением индивидуума в то самое время, когда идейно был объявлен в Европе крах индивидуализма.

Но эта литература была в резком противоречии со всем русским искусством, таившем в недрах своих возможности искусства, питающего наше общественное поведение.

Вот сейчас, когда я пишу, осень, листопад, умирание. Но отчего же трепещет радостью моя душа? Сквозь этот похоронный траур природы я вижу, как после всего очищается бирюзовое небо и на тех же веточках, откуда упали сейчас желтые листья, острые ароматные почки будут прокалывать небо, и на пахучих деревьях будут петь птицы.

Это чувство радости жизни в будущем, побеждающее и в декадентскую осень, пробивалось через тление.

Это чувство жизни невыразимо во время листопада и это именно оно, тайное чувство радости жизни, когда умирают люди: тогда жалость охватывает нас, и мы плачем, и только в сокровенных складках души таим при покойнике, радуясь о том, что сами остались в живых и, может быть, дождемся новой весны.

Эта тайная любовь к жизни побуждает нас оплакивать своих покойников из Гомера своими словами: и так, вспоминая милых умерших, мы ехали дальше, втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых.

4 Октября. Первые белые мухи. Пролет гусей. Опенки собирали.

Холодно, хмуро, ветер злой, листья летят. Наша печка не греет. Мы зябнем. Ляля втайне зла: руки ее бессильны и душевный героизм висит в воздухе.

Отправляем Мар. Вас. с железом в Москву для починки гаража и в Пушкино за войлоком для конопатки стен. Когда вернется Валентин из Киева, направим его доделывать печи. А может быть, бросить эту дачу до весны? Продолжаю думать об отклике на постановление ЦК ВКП.

Шалуны. Есть не только у художника, но у каждого мыслящего человека своя домашняя рабочая гипотеза, без которой человек не может быть личностью. И, задумав оправдать себя самого, свое право идти в лес слушать птиц в то время как мой друг, подобный Каляеву, идет к общему делу прямым коротким и ясным путем, я вынужден раскрыть свою рабочую гипотезу. Что делать? Если я ее не раскрою, то при всеобщей чистке художников мою гипотезу могут принять за кукиш в кармане, кто-нибудь напишет о кукише, начнут дразнить, и тогда вывернуться будет трудней, чем теперь отбросить самолюбие и показать леса, окружающие мое строительство.

Есть у людей легкомыслие и есть излишняя озабоченность, в крайней форме и то и другое, как болезненные состояния. Так и у меня в доме М. В. легкомысленна, а Ляля озабоченна, у М. В. вечный праздник в душе, у Ляли...

Ляля принесла корзину опенков огромную и чистила их до полночи. У меня корзина была по силам. Оттого это усилие пошло мне на радость, у Ляли на злость. И эта злость разрушила мой праздник.

5 Октября. Ясный день с легким морозцем. Почти что нарочно заблудился в лесу. Ляля остается от холода бездейственная в доме и злится на меня за недосмотр и разное. Надо же на кого-нибудь злиться, когда самому нехорошо.

6 Октября. Дунино. Роскошный с морозцем сияющий день. Долго задумчиво стоя у реки и, когда очнулся, увидел, что рядом со мной почти так же у воды сидел куличок и тоже задумался, наверно, о своем далеком пути в теплые края.

Неполадилось с динамо. Просил Лялю сходить за электриком. Наотрез отказалась. Обидно было потому, что избаловала она меня лаской, а тут вдруг ни с того ни с сего: я целое утро возился с машиной, мне предстоит ее везти, тут же вот надо помочь — и нет! Впрочем, все это истерического происхождения и от бессилья. В конце концов, стало жалко ее, и моя досада перешла в глубокую печаль, с которой приехал в Москву и с нею лег спать: и вот именно не тоска, а печаль.

7 Октября. Москва.

Лялю надо жалеть, прощать, строить свое особое поведение в отношении нее, потому что она является жертвой своей ненормальной матери. Вся надежда, что я, приспособляясь в борьбе за жизнь, овладею как-нибудь ее душой и направлю на здоровый полезный труд.

А насколько заразительна болезнь тещи! Сегодня ночью она разбудила нас. — Кто-то со двора поехал на машине, не нашу это машину увели? — Мама, — крикнула Ляля, — иди спать, сколько машин на дворе, почему наша? Теща ушла, я заснул, и во сне или полусне мне вспомнилось, что Петруня в разговоре с Николаевым обронил слова о моей машине, что он номер ее помнит и по номеру знает, когда я дома, когда нет меня. А вчера я оборвал его просьбу денег за мальчишку. Но это же настоящий бандит. Так почему бы ему теперь в отместку не

увести ночью машину. И так теща меня заразила своим страхом, я вскочил и бросился вниз с мыслью, что машину увели. А она стоит себе целехонькая. — Но ведь увести могли бы? — спросит теща. — Конечно, могли. — Значит я права, что разбудила ночью? — Нет, матушка, если вечно думать о чем-нибудь дурном и со страхом и трепетом его ждать, то ни одной минуты нельзя жить спокойно и ничего делать нельзя.

Жизнь основана на доверии, которое не всегда оправдывается, значит, на доверии героическом и жертвенном. Вы же и себе не доверяете, самой себе...

8 Октября. Открытое солнечное с морозцем утро. У Чагина выходит «Кладовая солнца» в толстом виде с охотничьими рассказами. Деньги получить.

Родионов перевозит к нам в Дунино казенную пасеку зимовать. Посмотрим, какой он, и оставим у себя пасеку насовсем.

Кукольный театр лезет ко мне. Я лезу через Шкловского в Кино с «Кладовой». Читал черновик «Поведения» Ляле, и как будто выходит очень хорошо. Постараюсь превратить «Поведение» в книжку.

9 Октября. Опять солнечное утро тихое с морозцем, воздух! что за чудеса!

Позвонить в 12 д. Анисимову (о кукольном театре) и после него к Крутикову. Ждать звонка Шкловского. Проехаться к Мясникову (о 5 томе). Вечером проверить гараж.

Этим не оправдаешься лично, что тебе хочется жить: жить хочется всем. Не оправдаешься и тем, что целью поставишь себе жить хорошо и этой цели даже достигнешь. Ты увидишь тогда в хорошей своей жизни зависть окружающих тебя бедных людей и поймешь, что «жить хорошо» есть не конечная цель человека. Вот тут и разойдется твой личный путь со всеми: всем хочется жить хорошо, а тебе этого мало, ты пренебрегаешь своим материальным имуществом и начинаешь чего-то искать.

Вот так мы и встретились с богоискателями, поэтами замечательными конца модернизма накануне революции.

Тогда, как и теперь, мне просто жить хотелось, и уж нечего говорить о том, что очень хотелось жить хорошо. Я не скрывал этого, я писал только о том, как жизнь хороша, что такая чудесная в нашей стране природа, такая великая наша земля...

Странно, что мое поэтическое выражение простого желания жить хорошо очень нравилось декадентам и они поощряли меня. Отвечал я им благодарностью, я взял их модную тему и тоже принялся в Петербурге бога искать.

Однажды на лекции о сверхчеловеке, широко распубликованной аршинными афишами, я встретил в простецкой одежде мужчину лет под пятьдесят, очень плотного, упрямого видом, и сразу понял в нем сектанта.

— Что вас привлекло на эту лекцию? — спросил я соседа.

— Сверхчеловек, — ответил он.

И тут же прямо и просто объяснил мне, что бог, всем миром почитаемый боженька, уснул, не умер как у Ницше, а именно уснул:

— В мире все движется кругами, — пояснил мне сектант, — приходит круг и человек спит, а бог работает, когда же бог устанет и уснет, просыпается человек. Сейчас бог уснул, встает человек. Вот я увидал на афише «Сверхчеловек» и пришел послушать, не про этого ли ожидаемого нами человека будет разговор.

Лекция была о Лермонтове, как о сверхчеловеке. Читал Мережковский.

— Ну, что? — спросил я после лекции соседа.

— Не то, — ответил он, — я ошибся.

Так я познакомился с вождем секты «Новый Израиль» Легкобытовым Павлом Михайловичем и передал дело изучения его секты исследователю сектантского религиозного движения В.Д. Бонч-Бруевичу. Теперь есть в сочинениях Бонч-Бруевича огромный том «Чемреки», содержащий материалы об этой замечательной секте. В предисловии к этой книге автором выражается благодарность

мне, и говорю я сейчас об этом только для того, чтобы мне верили: все так было действительно и ничего я для красного словца не выдумываю.

Не изучение мне было дорого: изучение делал Бонч-Бруевич лучше меня, и ему сектанты, члены коммуны «Новый Израиль», верили больше, чем мне. Мне дорого было соприкосновение с людьми, которые всерьез верили в грядущего человека как в Бога.

За эту веру свою они отдали всю свою жизнь, со всеми своими заработками, достатком, с женами, детьми своими. У каждого из них для себя ничего не оставалось.

Знакомя нас с членами своей общины, Легкобытов говорил нам:

— Это наш кипящий чан, и в нем сваривается весь человек, прошу вас, бросьтесь в наш чан и вы воскреснете вождями народа.

Как далеко были мои личные чувства от этого чана! Возможная жизнь, казалось мне, была так прекрасна, мне так просто хотелось жить хорошо.

— А что же, — спрашивал я Павла Михайловича, — на что я вам нужен буду?

— Как на что, — восклицал он, — вы будете одним из наших вождей, мы с вами весь мир [победим]. Только спешите, спешите, скоро будет жатва, нивы уже побелели, и вот-вот все микроскопы замерзнут.

— Какие микроскопы? — удивился я.

И это оказались микробы.

Так он всегда говорил, и чувствовал недостаток своего образования, и в наивности своей просто хотел использовать меня как писателя, для того чтобы опрокинуть всю мировую культуру в свой чан.

Меня соблазняла сила этого человека, и его страшная вера в добро, и его презрение к всякого рода слабости.

Вспоминаешь теперь себя среди этих людей, выставлявших свои позиции.

— Какая ваша позиция? — спрашивали меня в религиозно-философском обществе.

— Какая? — спрашивал я изумленно.

— Мы спрашиваем, христианская?

— Какая же еще может быть?

И меня удовлетворенно записывали в христианскую секцию. Но у меня не было никакой позиции, я просто делал себе литературную дорогу.

Собственно говоря, у меня все-таки была позиция, это что мне жить хотелось. Но этим одним не оправдаешься, что тебе хочется жить. Я просто жить хотел, как и вся наша страна, все наши крестьяне, рабочие, купцы, мелкопоместные дворяне. Жить, жить! и этим не оправдаешься лично: все жить хотят.

Десять лет я выращивал сад, удобрял, поливал, подрезал, опрыскивал от насекомых. Теперь ем свои фрукты...

Но зачем это? Другой не растил сад, а наживал деньги, и когда стало их довольно, ему привозят на грузовике готовые деревья в огромных кадках — и в один день сад был готов.

И вот двое живут, один сам вырастил сад, другой купил его.

Третий служит обществу и получает возможность пользоваться садом за свои заслуги, скажем, в области медицины, и тоже рядом с теми живет, и так их три соседа: один посадил сад, другой купил, третий заслужил. Один чувствует сад по себе самому, другой по деньгам, третий по заслуге.

10 Октября. Солнечный день. Работал над «Поведением».

11 Октября. Потеплело и захмылилось с утра. Пошел дождь. Тепло.

То дождь, то солнце, как бабье лето.

В детстве меня учили не класть руки на стол, и когда я их клал, то по моим маленьким рукам хлестали большие руки старших...

Работа о «Поведении» перевалила на вторую половину и скоро будет готова.

12 Октября. Переменная погода теплая с ветром, как весной, к вечеру холодней, ветер перешел в бурю, ночью повалил снег.

Написал труднейшую главу о «Поведении». Ходили на Скрябина. Видел множество асимметричных и уродливых лиц, среди них старуха Нежданова. Музыку не понял и мучился, такая музыка, что никак ни на чем отдохнуть нельзя, ни полянки, ни лавочки, в голове будто в узкой улице стог сена везут сухого, шумливого. Стало понятным, почему собралось слушать эту музыку столько асимметричных лиц: здоровому трудно выдерживать эту «божественную игру».

13 Октября. 1-й зазимок. Поутру пурга...

Но как раз в том-то и дело, что писатели начала века никак не были шалунами. Совсем напротив! Их захватила та самая болезнь, которая по отдельности нападала на крупнейших русских писателей, особенно этим страдали Гоголь, Лев Толстой. Болезнь эта — в распаде души художника на чувство правды и красоты.

Ляля сказала: — И мне яблочко! Я выбрал два, одно порумяней — ей, а позеленей — себе, но по пути к ней раздумал: порумяней взял в свою руку, а позеленей протянул ей. — Нет, нет, — сказала она, — знаю, ты похуже взял себе, а мне даешь получше. Я покраснел. — Вот еще и покраснел, давай, давай сюда! И она вырвала мое румяное яблоко. — Как? — удивилась она. — Так! — пробормотал я смущенно, — так захотелось, и я себе порумяней взял. — Правильно сделал, — утешила она меня.

В добро или во зло было творчество, пойдет созданное на жизнь или на смерть, остается неизвестным до последнего звена в творчестве нравственного синтеза,

образующего поведение. До сих пор наука в отношении нравственного синтеза слова своего не сказала. Но искусство... сколько великих примеров! Так почему бы нам сейчас, в самый страшный небывалый ответственный до невозможности момент, осторожно не взять это на себя: мы должны в последний момент сказать свое слово, образующее поведение.

Секрет долголетия, конечно, в том, что когда очень-очень захочется жить, нужно желание отяготить балластом, как при полете на аэростате. И когда потом жить не захочется, начать сбрасывать понемногу балласт. Так нас воспитывают умные родители, и об этом в древней заповеди сказано, что если будешь чтить отца и мать, и будешь долголетен.

Возился в гараже с машиной. Вечером приходил Каманин Федор Георгиевич, битый-битый человек. Приходил Конст. Сергеевич Родионов, будущий мой сосед в Дунине. Его мысль такая, что добрые отношения между людьми являются плодом труда. С этой мыслью он и просится мне в соседи. Но я же завален таким трудом, не хватит у меня жизни с темами своими разделаться. Я ничего не ищу от соседа, потому что за его добро я должен платить своим, а у меня на это времени нет. Думайте, как лучше себе, меня же оставьте. Очень боюсь этого человека, но возможно, что будет от него хорошо.

Зазимок за день не растаял.

14 Октября. Снежку, наверно, еще подвалило, просеки совсем белые.

К поведению:

Редко бывает на войне убит человек пулей, лично в него посылаемой. Вот почему невероятно страшно одному идти, догонять на шоссе свою часть и принимать на себя лично пули, направленные вообще на неприятеля. Но как только одинокий человек нашел свою часть, весь страх

пропадает, и тот же самый трус в одиночестве становится героем на людях и страх смерти совсем исчезает. Точно так же и в так называемой мирной жизни часто человек чувствует себя под пулями, иной растерян и норовит куда-нибудь спрятаться, иной изо всех сил старается догнать свою часть.

Я лично всю жизнь догонял свою часть. И все мое поэтическое изучение природы есть ни что иное, как путь одинокого солдата, догоняющего под градом пуль свою часть.

Сейчас в нашем идейном мире летят пули и бомбы мировой войны и, с одной стороны, от человека ужасно отталкивает — это, наверно, от неприятеля, а с другой стороны, приходит небывалая тяга к человеку, и в этом человеке ищешь своего спасения.

Странно, что никто из писателей, даже и Лев Толстой, не изобразил той радости, когда одинокий человек догоняет свою часть радости, преодолевающей самую смерть, радость известную, засвидетельствованную народной мудростью: на людях и смерть красна.

А может быть, это кто-нибудь и описал, только мне сейчас на ум не приходит. Впрочем, скорее всего я же этим и занимался всю жизнь: мое чувство природы и есть выражение той великой радости, когда одинокий человек догоняет другого.

Началось это очень давно, когда я еще учился в гимназии...

15 Октября. Полухолодно, полуснег...

Искусство, как поведение, дало трещину. Я прочел Ляле недописанную главу, и она отнеслась к вещи как к дому, когда он был недоделан, что его нужно продать, а вещь теперь вся не так написана. Это настоящее преступление — открывать свою работу, когда она не сделана.

Теперь сразу нахлынули на меня злые мысли, которые я все время отгонял, как бесов.

Мысли эти о невозможности в наших условиях приблизить красоту к правде, о том, что удар ЦК не вызовет нрав-

ственного ответа, а только оглушит на время лягушек, как упавший чурбан, что мой голос, даже если бы удалось напечатать, остался бы гласом вопиющего в пустыне.

На тяжкое раздумье отвечаю так: если не прозвучит мой голос как надо, во всяком случае я этим закреплю свои берега. Надо собраться с духом и кончить, а потом будет видно.

Как удивительно сходится мысль о словесном творчестве с движением воды в берегах. В наших реках северных один берег называется берегом в собственном смысле: это берег, который держит воду. Ударяясь об этот берег, вода его понемногу размывает, и плодоносные минеральные частицы складывает на другой стороне и там растет намываемый плодородный берег, называемый наволоком.

Так и наша река словесного искусства, ударяясь о берег Правды, создает наволок Красоты.

И как мы в реках закрепляем берега от чрезмерного размывания, как защищаем, сажая растения на берегах намытых, так теперь надо писателю брать лопату, выходить на защиту своих берегов...

16 Октября. День казни.

Снежку все подваливает каждый день понемногу. Познакомился с соседом на Лаврушинском, с надомником Виноградовым Борисом Михайловичем (сетки для сумок плетет), у него гончая, с ним ездить будем. Вчера были на лекции Деборина о международном положении. «Я таки два раза был в Вене». По «таки» узнали еврея. Ничего-таки нового он не сказал.

Леночка-машинистка с голоду умирает: писатели перестали писать.

17 Октября. Забил себя головоломной работой над статьей «Наши берега». Завтра конец. Приходил Лосев Серг. Мих., рассказывал о Германии. Не господами, так рабами, но все-таки были немцы нашими учителями и ими останутся.

18 Октября. День солнечный, морозный. Закончил «Наши берега»*.

Вечером читал Замошкину «Берега». Он был восхищен и заключил: «Не могу, конечно, знать, как примут, но ауспиции** блестящие». Впрочем, прочитав вслух, я сам понял, что у меня вышло, и я сделал то же самое, что хотел, и сделал «по совести» А удастся ли найти резонанс — это второе дело и от меня не зависящее. Я сделаю, что могу: в воскресенье передам рукопись Замошкину, в понед. он передаст Симонову.

В понедельник, отложив попечение о сделанном, покачу на замерзающую дачу.

И еще слышал, будто немцы из американо-английской зоны перебегают на русскую. Объясняют тем, что те офицеры унижают немецких, требуя субординации, так, если победитель идет по тротуару, немец должен идти на панель и т. п. У нас же этого ничего нет, и я ставлю вопрос: добро это или расхлябанность русских, не умеющих сохранять свое достоинство во власти. Но может быть, это и добро разоблачения власти. Во всяком случае немцы тоже формалисты, как англичане, и бегут к русским, потому что тут легче.

19 Октября. Нерешительно тает, но на крышах есть еще белые пятна.

20 Октября. Вечером дождь, к утру легкий морозец, так вот идет себе осень, идет...

«Берега» переписаны, и сегодня сдаем рукопись Замошкину.

21 Октября. С утра, как вчера, легкий морозец, как в марте, и облака с просветами и надеждой на явление лучей солнца.

---

* «Наши берега» — *приписка Вал. Дм.:* Мих. Мих. радовался впоследствии, что их не напечатали.

** Ауспиции — здесь: предсказания.

Вчера сдал рукопись Замошкину, и он при нас прочел по-редакторски. Сдал рукопись и в полном глубоком смысле слова «почил», т. е. сделав все, что от себя зависело, дальнейшее предоставил делать Богу: теперь уже не мое дело, а Его. И я могу быть спокойным, если моя рукопись даже будет отвергнута: значит, это будет к лучшему, как уже было с повестью «Мирская чаша».

Возражения, с другой стороны, от гордых людей, окаменевших в своем нравственном возмущении, мне не страшны. Конь, на котором они ехали, их растрепал, и на коне их давно уже едет другой. Ахматова, по-видимому, принадлежит к этой партии гордецов. И у Игнатовых, конечно, наследственная гордость. (Илья Ник. Игнатов, умирая, отказался отведать белой муки, своего академич. пайка: не хотел брать ничего от большевиков.) Видите, мои милые люди, есть вера в жизнь и в свое назначение сделать для этой жизни что-то лучшее — такая крепкая вера, что упавший с коня садится на корову и на ней тихонько продолжает свой путь. Вот такое преодоление гордости почетнее и труднее, чем бытие с кукишем в кармане.

Симонов очень умно сделал, что написал статью в защиту Леонова, потому что есть две группы вредных людей: первая — люди с кукишем в кармане типа Зощенко, вторые страхуются своим служением принципам революции и господствуют, вскрывая кукиши. С первой группой людей разделываются «постановлением», с другой должны разделаться те, кто хочет нравственно оправдать это постановление и возвысить его.

Временщики и проходимцы на одной стороне (А.Н. Толстой!) и как назвать тех, кто на другой?

После положительного ответа о «Берегах» еду к Фадееву для устройства чтения в клубе и по делу «Избранного» в «Советском писателе».

22 Октября. Вчера на ночь лил дождь, и утро пришло теплое и хмурое.

Решил так, что если будут требовать от меня более решительного осуждения богоискателей и снобов, то отказать им и вообще держать себя «еже писах, писах»*.

Занятие всякого рода художеством, как особенно личное дело, питает трепетное самолюбие, способное с годами и успехами застывать, как лава, в гордости. Думаю, что вот такая гордость и привела Ахматову к столкновению, вернее к тому, что ее так безобразно столкнули.

«Берега» являются подлинным выражением моей личности. Так вот вчера я сказал Тане: — Меня беспокоит «Кащеева цепь», что я там обругал учителей, а учителя на самом деле были хорошие.

— Вот и я тоже думала о своих, — ответила Таня.

— А еще я думаю, — продолжил я, — что, может быть, и правительство наше тоже так: мы его ругаем, а оно хорошее. И еще я думаю, что и Гете был в таком же состоянии души под конец жизни, когда выступил против франц. революции. И что вообще революция проходит и оставляет раздумье, и наша революция, достигнув совсем не того, чего мы хотели, прошла.

Мои очередные дела:

1) Дождаться ответа «Нового мира» и в связи с этим ответом: 2) Выступление в клубе писателей. 3) Выступление в Литературном музее. 4) Свидание с Фадеевым для устройства «Избранного» в клубе писателей. 5) Свидание с Симоновым для устройства в Кино. 6) К Мясникову о 5 томе. 7) Вечер Чагина. 8) Прочитать «Тихий Дон» и «Молодую гвардию».

Из других дел: 1) Воскресить «Жениха». 2) Броситься и написать «Канал». 3) Организовать помощь Леве: дать ему каким-нибудь способом почувствовать необходимость и его внимания к нам. 4) Думать о книге «Искусство как образ поведения».

* «Еже писах, писах» — что написал, то написал.

Пример Ахматовой такой, что показывает наглядно невозможность в Сов. Союзе подниматься ввысь индивидуально. И непонятное мне торможение моего роста какими-то, как мне кажется, злыми темными силами есть то же самое следствие настороженности к индивидуальному росту. Шолохов — чуть ли не единственный пример естественного хорошего роста советского писателя. К хорошему росту и зависти нет. Если видишь, кто растет с узлами, с хитростью, с кукишем в глубине себя, вроде как А. Толстой, то бывает тяжело, неприятно, мучительно. Если же талант честно растет, как у Шолохова, то думаешь: — Ладно! если так можно, то и я подрасту.

Сторожа правды. Художественный талант — это как всякая способность и даже как всякая сила распределяется неравномерно между людьми и у людей возбуждает между собою борьбу за первенство. Есть правильный путь борьбы и роста личности в этой борьбе. Каждый истинный художник не боится этого роста, если он правильный, и думает про себя: ладно, если так растет художник, то и я подрасту. А неправильный рост подавляет и разрушает искусство. Вот за этим правильным ростом искусства наблюдают особенные люди, критики, как сторожа правды.

Название книги, имеющей темой «Искусство как образ поведения», будет у меня «Русская правда».

Один живет разборчиво, рассчитывая на «так» или на «сяк» (так и сяк). Другой все собирает на пользу, ему все годится, все — и так и сяк, все дай сюда.

У меня свое, у тебя свое, у него, а вместе — это родина. Чувствовать вместе «свое» мы учимся на войне.

Бывает, как ножом полоснет по душе смертная скука и пройдет тут же, потому что ты сам в это время мимо чего-то прошел. Так бывает: заинтересуешься, разберешься в том, отчего это вышло. И у меня причиной всегда бывает нечто бывшее с тобой, надоевшее тебе и повторяемое потом с другими автоматически: паспортный стол, бес-

конечная очередь, мещанская любовь, литературная карьера. Все это, вызывающее душевное недомогание своим повторением, кончается смертью, она заканчивает скуку повторения. Напротив, любовь сопровождается различением, и все в любви является вновь.

23 Октября. Вчера из сплошного желтого неба весь день моросил дождь и сумрачно было. И в этот сумрачный день моя карта на советском столе была бита. Симонов сказал Замошкину, прочитав мою работу, что его мутит.

Ночью дождь сделался снегом, и утро пришло белое, кругом во всю мочь метель.

Переживаю неудачу, как было с «Лесной капелью», с «Мирской чашей». Так же, как и с теми вещами, и тут чего-то добьюсь, все пойдет на пользу, но воистину героическая попытка разбить стену недоверия к себе не удалась. Пишу Фадееву:

Дорогой Александр Александрович, прошу Вас о двух вещах:

1) Я узнал, что в издательстве «Советский писатель» есть возможность издать 100 книг в виде «Избранного». Меня они не позвали, а я во всяком случае заслуживаю попасть в число ста. Прошу, устраните это недоразумение.

2) Не имея возможности по состоянию здоровья участвовать в собрании, посвященном августовскому постановлению ЦК, я написал свое мнение в худож. форме. Я написал его, заимствуя основные мысли из моей мемуарной работы на тему «Искусство как образ поведения» («Русская правда»). До сих пор не могу решить вопрос: писать мне эту книгу, как посмертное произведение, или же можно надеяться и при жизни на внимание. Ваше честное заключение о цикле идей и форме их изложения может очень помочь разобраться мне и определиться в современности.

Во-вторых, я прошу Вас посоветовать — выступать ли с такой вещью мне в печати, будет ли от кушанья моим читателям добро или зло с расстройством желудка. Вы это должны знать, и я поступлю, как Вы решите.

Если же не выступать в печати, то не выступить ли в Союзе писателей в открытом или в закрытом собрании? В этом случае учтите, что я ищу в этом выступлении скорее повода к согласию, чем к воинственным спорам, как бывало в юности.

Будьте добры, не задержите меня ответом, в какой хотите форме: письменно, или назначьте встречу, или даже по телефону (131–44–30). Жму руку.

Когда я написал свои «Берега», то чувствовал укол от положения Ахматовой и многих поэтов, и других людей, подобных Евгению из «Медного всадника», через трупы которых проскакал гигант на бронзовом коне. И все мои литературные попытки мне представляются попытками прицепиться к коню «Медного всадника» и перескочить вместе с ним через трупы.

А что другое сделал Пушкин, когда после картины с безумием Евгения написал: «Да умирится же с тобой и покоренная стихия». Стихия! Но как же человек? Надо чувствовать себя хорошо, чтобы, имея в виду будущее, мириться с настоящим, надо самому сейчас лично иметь интерес живого в настоящем, заставляющем забывать и трупы, и голод людей.

Оставаться в этом с христианской моралью нельзя, и вот, наверно, это, скрываемое поэзией, мое раздвоение моральное и мутит таких простейших «американцев», как Симонов. Так будет и с «Каналом», если я не в шутку буду «мирить» стихию с «Медным всадником».

Петр I тем силен, что он и не знает высшей морали, что он сам как стихия, и то же и все эти Симоновы и пр. и пр. Они сильны незнанием.

А знающий эту высшую мораль человек, чтобы действовать для будущего и быть в мире с собой должен неминуемо, как Гитлер, отбросить, и с ненавистью, христианскую мораль. Недаром, недаром все вспоминается матрос в начале революции, стрелявший в актера, говорившего стихи о Христе. Недаром и социалисты так ненавидят религию. Чтобы жить для будущего человечества, нужно самому

жить и, значит, тем самым, не стесняясь, давить другого. А по христианству этого нельзя. И тут рождается злоба. Какой же выход? В мыслях нет выхода: выход есть в жизни.

Ставский погиб из-за того, что послал рукопись Сталину и тот отверг ее, как Цезарь поэта: уйди, дурак, и не мешай. После того Ставский бросился на войну и погиб. Панферова тоже разнесли после того, как он послал рукопись Сталину и тот отверг. Посылают к первоисточнику мнение, которое держится критиками очень определенного, стандартного типа. Отсюда вывод, что не Симонову дал я свою поэзию, а Цезарю, и тот мне ответил в точности как я написал: уйди, дурак, и не мешай.

С деньгами плохо: обманул и подвел Госиздат. Спина ужасно болит, ходить почти не могу. Надо собирать все силенки, зажечь огонь и разогнать наступающих волков.

24 Октября. Ночью –10. Днем мороз –5. Временами солнце, временами снег. Зима самая настоящая. Начал процедуры глубокого прогревания. Начал битву за деньги в Гизе. Нашел 7 тысяч в Детгизе. Установил денежный режим: 10 тысяч плотникам, по 5 тыс. в м-ц до 1 марта. Начинаю писать «Канал» по утрам до 10 ут. После того процедура, прогулка до обеда. В 4 д. подготовительная работа до 7 веч.

Все эти Михалковы, Симоновы и проч. не имеют никакого преемства революционного и народного, для них правительство есть просто стул, на котором они сидят. Вот почему все им легко дается, успех, ордена, слава. Под ними сидят сторожевые существа, навострив уши. Это бездари, трепещущие за свое положение: Кирпотин, Субботский...

Постановление само по себе плохое, но мы должны из него сделать хорошее: постановление похоже на удобрение животное, какое-нибудь свиное, мы же похожи на растения, выращиваемые на этом удобрении. Так все прекрасное растет на говне.

Вечером угощал Чагиных. Были Реформатские. Интересно было, что таких поэтов, как Симонов, не имеющих прошлого, называют «декадентами». Смеялись над Фадеевым в его высказываниях о философии, напр., о Бергсоне с точки зрения марксизма. Вообще, становится очень неловко, когда в связи с этими высказываниями вспоминаешь содеянное, т. е. «Берега». Ведь я писал, рассчитывая на живые силы, скрытые в современной литературе. Но если там лишь «декаденты»? Когда же я сказал о Симонове, что его мутило от моей рукописи, то все решили в одно слово, что, значит, очень хорошо у меня.

25 Октября. Стоит зима и мороз ночью –11 (по «Вечерке»). Ходил на процедуру в Кремлевку. Готовился у Городецкого к бою с Головенченком за договор. Придет Саушкин заключить договор на книгу «Моя страна».

Когда егерь натаскивает кровную собаку, у которой предки на протяжении столетий учились тому же самому, чему теперь учит егерь, то собака не вновь усваивает приемы охоты, а как бы вспоминает приемы своих предков. И егерь ничуть не удивляется, когда собака сама делает мертвую стойку, сама начинает искать челноком. Егерь говорит: — Этому нечего собаку учить — это у нее врожденное.

А человек, приступающий к изучению природы или своего собственного прошлого — разве человек в неизмеримо большей степени, чем собака, тоже не вспоминает себя самого в своих предках, животных, растениях, в стихиях, неподвижных скалах. В стихии огня, воды, ветра. Поэты с древних времен поют нам о человеке, вмещающем в себя природу, о всем том, что он вспоминает в себе самом, когда внутренним вниманием созерцает природу.

Сколько всего пережил человек прежде чем мысль его облеклась в форму слова, и это слово стало до того характерным человеческим спутником, что потеряло всякую связь с физической природой. Мало того! Мысль человека обернулась к природе, как ее господин, и мало-помалу ста-

ла ее переделывать: леса стали садами и парками, появилась домашняя птица, домашние животные. Вода, огонь, ветер стали человеку служить. И наше изучение природы стало иметь определенную цель: мы изучаем природу в целях ее подчинения и практического служения человеку.

Вот такое изучение природы стало в неизмеримой степени преобладать над тем сосредоточением своего внимания на собственной душе, вызывающей при созерцании природы воспоминания о себе самом, каким был сам.

Изучение природы стало опираться только на методы научные с простейшей целью, а всякое другое отношение к природе, скажем, материнского характера, природе как матери нашей, перешло в область поэзии.

Но почему не может быть поэтического изучения природы с целью не практического господства над нею, а с целью установления своего родства с ней, знакомства со своими родственниками, образующими наше общее всему человеку материнское начало?

Пришел Саушкин, Удинцев. Читал им «Берега» и получил возражения со стороны коммуниста. Я понял, что фигура Легкобытова с его чаном — самая одиозная фигура для коммуниста. «Воробьиная гипотеза» непонятна. Традиция Правды одобрена. Жалкий лепет Удинцева из-за присутствия мальчишки-коммуниста. Тут происходит встреча силы организации со «своим мнением» (которое можно высказывать только с друзьями). При невозможности высказать «свое мнение» все стали по-разному врать, в то время как коммунисты крепче и крепче стали работать на общее мнение. По-своему думать коммунисту не возбраняется, но думать по-своему надо на общее мнение с целью сварить, сковать, сплавить цельного человека.

Заключен договор на книгу «Моя страна», в которой автор делает «открытие» природы и людей нашей страны.

Саушкин возмутился разделением у меня Красоты и Правды на две реки. — Но так же и есть это в жизни, — отве-

тил я, — иначе не писал бы Тургенев союз «и» между Хорь и Калиныч, а писал бы в одно слово Хорь-Калиныч. — Почему вы берете в образец Тургенева? — сказал Саушкин, — берите Сталина в образец: у него есть замечательные стихи. И рассказал нам о грехах молодости Сталина в области поэзии.

После ухода Саушкина умница моя Ляля сказала, что если мы будем вариться только в своем соку, то можем отстать от современности. Молодец, Ляля! Но вопрос стоит в том, как же выйти из этого варева в своем соку? Вот пример Замошкина и Удинцева, которые с утра до ночи варятся у коммунистов и ничего у них не понимают.

Тут надо понимать не через простое общение, а из себя. Вот сейчас мелькает «перековка» человека из «Канала», и это соединяется с мечтой Саушкина о едином человеке, подобном Сталину, соединяющему в себе Правду и Красоту. И начинаешь понимать, что современность вызывает из хаоса цельного человека. А слова его о том, что русский человек, как никакой в мире, получает от природы, сохранившей свою цельность, идею единства человека в себе — это же моя мысль, и я об этом вопию, и я больше в этом современный, чем мои современники. Так что не к людям бегать за современностью надо, а следить за движением собственной души.

26 Октября. Переменная облачность на нуле. Сделал 3-ю и последнюю процедуру прогревания, стало хорошо. Купил себе башмаки (1000 р.), Ляле туфли (1200 р.). Приехала Мар. Вас., привезла весть о том, что дачное строительство подходит к концу.

27 Октября.В седьмом часу на рассвете, когда галки летят над Москвой, думал у окна, что живое восприятие мира как органического целого и есть чувство Бога. Возможно, что таким путем, т.е. взяв рабочую гипотезу мира как органического целого, можно распространить на людей чувство живого Бога. И скорее всего этим чувством всеобъемлющего живого творческого начала я и действую

на читателей своих. По всей вероятности, в том и есть моя борьба и мое расхождение с директивой времени, что систему господства, предлагаемую нам, я хочу превратить в систему поведения как в отношении природы, так и в отношении самого человека. Для этого стоит только ввести представление мира как органического целого, и сейчас же от этого система господства сменится системой служения.

В словах Саушкина о значительности типа человека в СССР перед обычным типом человека, благодаря его особой связи с девственной природой страны, содержится намек на возвращение в такой форме народничества. А впрочем, это движение к человеку природы может образоваться географическим путем, точно так же, как рост величия искусства древней Греции учителя пытались объяснить красотою природы (геооптимизм).

Наше восприятие непременно пользуется силой воспоминания, потому что мы, прежде всего, должны вспомнить то, что было и потом. Сравнивая с ним то, чего еще не было, мы создаем себе представление о видимом.

Все что я вижу — это все было, и в нем еще нечто небывалое. Все, что было, я узнаю силой прирожденного мне воспоминания, а все, чего не было, представляю себе посредством сравнения с тем, что было. Я говорю о новом предмете: похоже, будто, как будто, словно...

28 Октября. Мещанская мораль

В работе моей «Берега», по репликам коммуниста Саушкина, раздражающим местом был Легкобытов с его чаном, в который каждый член коммуны должен броситься. Вот тут-то он и воскликнул: «Мещанство!» То есть как можно понять переключение своего личного поступка, отдать свое личное достояние ближнему, на общее дело.

Итак, в нашем прошлом мещанством называлась эгоистическая концентрация ценностей; тут же у большевиков под мещанством понимают всякую попытку построения

морали общественной на основе личной морали, эгоистической, равно как и альтруистической.

У большевиков личность закрепощена формулой: сначала социальная революция — потом личная жизнь; лично человек может быть как ему хочется. Дело в том, что моральный центр переносится с личности на общество: делай для общества все, что тебе назначается, а живи, как тебе хочется.

В личной морали получается вроде как бы с ездой на перекрестке без регулятора: поезжай когда и как хочется, только не мешай ехать другому. Если же ты мешаешь, то поглядят на твою общественную работу, если ты там делаешь правильно, то здесь тебе сделают отдельную дорогу, потому что твое отношение к ближнему определяется твоей общественной работой. Так в идеале, и так жили и живут все исключительные люди: они так заняты там, в своем большом деле, что в деле регулирования отношений с ближними им давалась относительная свобода.

Теперь же у нас мораль великих людей распространилась на всех и в результате всего родился чиновник, существо вроде грибка, каких-то особых дрожжей, переделывающих и прежнюю личную мораль, и прежнюю общественную в государственную принудительную систему поведения. И в той системе определение «мещанская мораль» значит просто прежняя мораль, личная или общественная, все равно, предполагающая в человеке самоопределение, а не, как теперь, назначение.

В моральной области все так запуталось, что успех может иметь только тот, кто плюнул на все, забыл все прошлое и действует хитро по злобе дня. Упрощение моральное, декаденс моральный и похабный.

Надо немедленно раскаяться в «Берегах» и вернуться к «беззаботному» образу мысли и жизни.

В «Капель»: Излюбленные переулки у московских шоферов — это где нет регулятора и каждый держится прави-

ла: поезжай куда и как тебе хочется, только гляди на другого и не мешай ему тоже ехать как и куда ему хочется.

29 Октября. Хмурое небо, клочки снега на крышах, среди дня улицы мокнут, ночью подсыхают. Душа моя сморщена и в мешочке грязном завязана мертвым узелком. Никакой боли нет, ни в голове, ни на сердце, но ничего делать не хочется, и тускло в себе, как на небе, и даже пятнышек белых нет, как на крышах. Люблю только Лялю, и это очень хорошо: значит, могу же любить, а ведь это не мало.

«Берега» во всяком случае не принесут мне вреда, напротив, от критики их я поумнею. Но дело не в пользе или вреде, а в тех тайных помыслах, кружившихся возле этой работы. Я, гордый Пришвин, мечтал кому-то угодить этими «Берегами», мечтал перехитрить всех и, расчистив себе дорогу, расширить свое влияние. А вместо всего этого надают мне щелчков по носу и возвратят на прежнее место гражданина 2-го разряда, где мне и пребывать до конца дней моих.

Дело в том, что сила моего пера вся в чистоте души, а тут я, как мать моя, бывало... Такая почтенная седая женщина, уважаемая всем уездом и честнейшая. И вот, когда соберутся гости и начнут играть в крокет, она потихоньку проводит в воротца свой шар ногой. Она думает, что это незаметно, а все видят, и всем за нее стыдно. К этому состоянию матери моей присоединяется еще что я сам понимаю, что все видят, как я шар свой провожу носком сапога.

С этим состоянием души надо покончить и возродиться. Жизнь покажет, как это сделать, потому что я буду держать это в уме постоянно — никогда не тратить красивого слова, подставляя его, как Леонов, взамен правды.

Церковь против моего окна вся облупилась, от купола остались только проволоки, целая сеть каркаса покрыта галками. Наверху сияет по-прежнему крест, а внизу вокруг церкви всякий хлам, столы опрокинутые, скамейки, железки какие-то, обручи, как будто Спаситель опять рассердился и опять выгнал торгующих из храма, и выкинул все их барахло.

Вот эта самая христианская наша личная мораль подвергается страшной критике времени: время говорит христианину — ты не отделаешься теперь личными добрыми делами! Погляди на эту ободранную церковь, ее поставил еще более наивный человек, чем ты, замоскворецкий купец хотел церковью этой загладить свои грехи. Он, простой купец, гладил грехи свои церковью, как утюгом, ты же гладишь книгами, и все равно: лично вы себя спасаете, раздавая бедным копеечки или, все равно, рубли, тысячи. Все равно! Даже если и жизнь свою отдадите, спасая свою душу, — этим не спасетесь! Нужно самую душу отдать людям и спасать не себя, а людей. Но Боже мой! Есть и эти слова в Евангелии о душе. Значит, не Христос виноват в этой ободранной церкви, а тот наивный замоскворецкий купец, который церковью хотел загладить свои личные грехи.

И ты, писатель, тоже пиши-греши, молись, спасайся, но когда придет час отдать свою душу за други, не отделывайся от этого собранием своих сочинений: твои сочинения со временем обдерут так же, как ободрана теперь эта замоскворецкая церковь. И все твои личные внутренние полочки, скамеечки, перегородки, все будет выброшено, как вот теперь выброшено из этого бедного храма.

В конце концов, собрание сочинений не больше, чем храм, в котором собираются люди молиться и автор в нем, как священнослужитель. Так, если говорит Пушкин, то это, значит, храм Пушкина, так же и Достоевского, и Льва Толстого, и в особенности сочинения Шекспира — это совершенно, как храм.

Вчера были на пьесе Катаева «Сыроежки». Вот уж халтура! И много ниже по искусству, и вреднее, то есть ниже в отношении пошлости, чем Зощенко. Между тем в короткое время он заработал на ней около миллиона! И вообще, у него миллионы, и в то же время он ненавидит, наверно, правду советской власти, как дьявол. Поди вот, выступай в таком обществе за правду советской власти.

Бывает, честнейшие, серьезные люди, когда им придется играть вместе с людьми в какую-нибудь игру, вдруг на глазах всех сплутуют и от этого за них всем становится стыдно. Это значит, в серьезном деле они таили в себе, держали себя на вожжах, а игра — это не дело, в игре они вожжи ослабили — и все вышло наружу.

30 Октября. Наконец-то, пришел день неравнодушный, легкий утренник и безоблачное небо.

Вчера в заключение дня выдержал битву с Головенченком (директор ГИЗа) за 16 тыс. Я взбесился и на 75% разыграл истерику, чуть не дошло дело до гипсовых фигур. В разгар скандала Ляля объявила себя юристом и спасла положение: деньги выплатили. Только очень дорого стоило.

Показались явные признаки грядущего голода. Политика направлена к тому, чтобы охранить деньги от падения — их не дают, с другой стороны, сокращение выдачи пайков. Наша домашняя политика — выколачивать деньги откуда только возможно и запасаться в то же время необходимыми продуктами, хотя бы лишь овощами.

Приходила Дева, говорила о народном возмущении. Я ей сказал, что время теперь уверять всех, что правительство наше самое хорошее, какое только может быть по нашим временам. И что самому нашему традиционному православию 3-го Рима пора бы перестроиться на единство всех Римов. Признано даже врагами, что мы боремся за справедливость, за единство планового управления мировым хозяйством. Так почему бы и церкви не обнять собою эту идею, и благословить ее, и создать новые символы для внедрения идей в сердца верующих так же, как древнее православие внедряло идею родины...

Эрнест Хемингуэй — пикантный пессимизм, типичный для Запада, как типичен, с другой стороны, пошлый юмор. Почитать таких — и становится так понятна наша линия литературного поведения и радости. И моя линия...

Чтобы пьесу написать настоящую, надо принять людей так же близко к сердцу, как я принимаю природу.

Аскетизм на радость и аскетизм на печаль. Так вот ввиду наступающего голода Ляля призывает к самоограничению — это на печаль, потому что если меньше будем потреблять, то будем слабеть, получим грипп и умрем. А я призываю к деятельности, которая даст нам возможность хорошо питаться — это аскетическая радость.

Раскаяние в попытке написать «Берега» привело меня к мысли о пустыннике Исааке Сириянине, который однажды впал в искушение сделаться епископом и потом обратно бежал в пустыню. Когда я об этом рассказал Ляле, она вспомнила рассказ из патерика о двух монахах, которые вырвались в город и там поблудили. По возвращении один из монахов раскаивался и очень мучился. А другой, посмотрев на него, сказал: — Перестань мучиться, ничего не было. Ляля рекомендовала и мне в отношении «Берегов» быть как тот монах: — Ничего не было. И с веселым духом говорить об этом: — Писал, но теперь это не я.

БЗС. Новый отдел в дневнике «Борьба за существование». По всем признакам приближается голод. Необходимо так организовать борьбу за существование, чтобы возможно было написать «Канал». Для этого надо ежедневно часть времени, и, может быть, не меньшую, посвящать мысли о хлебе насущном. БЗС («Борьба за существование»):

Наличные		Возможности	
На книжке	5000	Географ.издат. аванс	30000
На руках	4000	Литфонд	25000
Детиздат	17000	Кукольный театр	
Зап. книжка	4000	Сценарий	

	30000		
Гиз	16000		

Всего	46000		

Постройка возьмет 10000

Остаток 36000

31 Октября. Равнодушная и безразличная погода, небо хмурое, земля промерзлая.

Вчера впервые видел «Женитьбу Белугина». После спектакля говорю Ляле: — Сколько у тебя было? — Что ты хочешь сказать? — Сколько раз у тебя обрывалась любовь? — Почему обрывалась — я любила, сколько они заслуживали, и сейчас всех люблю. — А знаешь, я иногда проверяю себя: люблю тебя и горжусь. — Мною гордишься? — Нет, собой, что могу так долго держать в себе чувство.

Через Белугина понял свою любовь в Париже: это любовь дикаря. Подумаешь — наверняка безнадежная и глупая. А вот Островский сумел найти выход из этой любви. Это замечательно! И потому по ходу пьесы нельзя догадаться, чем кончится.

— Знаешь, Ляля, я недавно думал, что сколько бы ни было у тебя опытов любви, ты из всякой любви выходила девушкой. — Это было верно до тебя: с тобой я потеряла девственность. — Как это? — Так: девственность — это, значит, свобода. Вот был у меня законный муж. Не понравилось мне: я пошла к старцу спросить: как мне быть. Он велел оставаться женой. А я взяла сумочку, положила в нее вещи свои, отнесла маме и у нее осталась: ни мужа, ни старца не послушалась и осталась девушкой. Ты же меня навсегда привязал к себе, это значит — ты лишил меня девственности. Я теперь не сама иду, а за тобой: я твоя жена.

Почему в современности чувствуешь настолько себя умнее, чем в прошлом, что даже бывает стыдно себя и вспомнить? Так, бывает, читаешь превосходную страницу и на ней одна грубая стилистическая ошибка — и стыдно! Вот почему наверно и в прошлом себя глупым чувствуешь, и стыдно за него, что там видишь ошибки свои, а в современности их еще не сознаешь. Как же, значит, счастливы те, кто о прошлом не думает и не принимает его во внимание (Симонов и Михалков).

1 Ноября. Погода безразличная, да и не до того: отняли у Ляли секретарский паек, 300 гр. хлеба и купить негде. И у меня лит. карточку отняли и, говорят, отнимут и лимит. В таком состоянии духа смотрю на кота голодного и вспоминаю, что в таких случаях люди в досаде говорят котам: — Лови мышей! хотя в доме нет ни одного мышонка. Так тоже и нищим в таких условиях говорят: — Бог подаст. Неужели так будет и мне? — И очень просто! — отвечаю себе.

И, оставляя на совести сказавшего «Бог подаст!», принимаю это в душу, как радость: Бог мне подаст, я в это верю и это знаю. Если сохраню в себе равновесие, необходимое для творчества, буду хорошо писать в трудное время, как и в хорошее время писал хорошо, то непременно мне Бог подаст, потому что Он очень близок, Он тут во мне, и ходить мне к Богу куда-то незачем. Подаст непременно!

Хемингуэй — это фронтовая душа, то есть такое состояние духа, когда прирожденный человеку идеал небесной гармонии втоптан в грязь, от него ничего не осталось, а между тем к удивлению себя самого ум работает гораздо яснее даже, чем в гармонии с сердцем. Это у него умные записи последнего сердечного стона. Валентин весь такой: фронтовая душа.

Нужно ли это? Наверно, нужно на время. Но думаю, если это только по силам, сохранить чувство гармонии и преподать его даже в последнем стоне своем, как возможность, как поддержку...

2 Ноября. Продолжается равнодушие с легким морозиком.

Думаю о необычайной аналогии в области материи и духа: там расщепление атомного ядра, тут — вскрытие личности по формуле: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Там, в расщеплении — явление необычайной силы, тут, в социализме — скоро будет еще удивительней...

Вчера был у Симонова: рукопись пойдет к Александрову. И пусть ее ходит. Был у Горбатова. Заказал кино.

Вечером критиковал Баляскина (Дальний Восток), сговаривался о кукольном театре. Начал определять Л. в группком. Вчера же начал «Канал» и с радостью убедился, что он вчерне написан.

Уланова и Сутулов. Уланова — это деклассированная девушка из дворянской среды (сейчас у меня это Ляля, в прошлом — Измалкова, Людмила Краевская, Елена Бакунина, Мария Энгельгардт и ее матушка, мать Богданова и их множество): Тургенев, судя по «Нови», этих женщин только чуть-чуть понюхал. Сутулов же из мужиков или купцов, как Белугин в «Женитьбе». Таких парней теперь хоть пруд пруди (Панферов), и я сам такой.

Тут обожание страстное, классовая неприязнь, разрешаемая любовью (люблю Лялю и не люблю тещу именно классовой нелюбовью). Девушка дворянская в процессе деклассирования (Трубецкие): лишнее, условно повторяемое, характеризующее среду, а не личность, выпадает и остается — вот что это остается? Это то самое, что тайно содержится в высшем классе и закрывается ограждающей его пошлостью среды, оно-то и влечет купца, пролетария, оно-то и сводит его с ума: оно-то и влекло Пушкина и Лермонтова к себе, несмотря на презрение к среде: благородство, к примеру.

Недавно провиделся развратитель (Козочки), как таковой, и я сказал Ляле: — Перебрал всю интеллигенцию и не нашел в ней ни одного такого, а спустился к рабочим, к солдатам, и сколько хочешь! — Вот, — сказала она, — пример тебе хорошей среды: интеллигенция — это море культуры, и в нее, как в море, вливается реками и ручьями все лучшее из всех классов. Только нашим культурным классом было дворянство и из него внесено в интеллигенцию больше всего.

Если воздух давить, он твердеет, и нам известно вещество — твердый воздух. Так, если и человека стеснять, он начинает рассчитывать свое время и дорожить свободной минутой, и в эту минуту свободную создавать совсем но-

вое, чего в мире еще не бывало. У [воздуха] — твердость, у человека — свобода. Воздух под давлением становится твердым, а человек, понявший необходимость давления, становится свободным.

Мало-помалу один за одним люди на канале... (вторая родина).

Природа — это все, чем был сам человек, и почти все, что содержится в нем теперь.

Поиски причин моей тревоги в данный момент.

1) Обида от Литфонда (ссуда).
2) Неприятность техосмотра автомобиля.
3) Успокоение от рукописи «Нов. мира».
4) Тревога за Дунино.
5) Лишение карточек.
6) Радость от уверенности создания «Канала».
7) Лева.

Итак, в душе борются две силы: одна творческая и другая... — из пяти тревог. Все понятно.

3 Ноября. Погода безразличная. Мои прежние радости стали заботами и среди застывающего мороза озабоченной души остается остров спасения — этот мой многолетний труд: «Канал имени Сталина» (название — вопрос).

Начинаю Лялю проводить в группком. Был Н.Н. Ляшко. Говорили о продовольственной катастрофе. Объясняют ее ошибкой статистики, неуправкой в доставке хлеба, недородом, а возможно и военной тревогой. Но все чувствуем, что мало этих объяснений [для] такой невозможно грубой продовольственной расправы: об отмене карточек и вместе с этим у младенцев отнимается питание: матерей лишают карточек! Выходит, что карточки отменили в том смысле, что отняли хлеб.

4 Ноября. В природе безразличие.

Реформатская звонила, что сестра ее Елена Вас. вернулась из ссылки в Загорск, была на охоте и убила двух беляков. Когда-то я кокетничал этими зайцами: вот, мол, великие дела совершаются, а Михаил Пришвин охотится. Теперь все это отошло в область предания: время переменилось, забота, как наводнение, дошла до последней крысиной норы, и последняя водяная крыса выплыла. Я даже не думаю больше о том, как бы пережить, я думаю, написать бы только «Канал».

В рубле вечности нет. — А в чем же тогда, по-твоему, вечность? — Не в рубле, а в душе, — ответил Волков. — А душа — это пар. — Как хочешь. Пахан — это Валентин. — Ум без совести лучше работает, скорее и чище.

Башни кремлевские упираются в низкое небо и в нем прячут свои шпили. Александровский сад убран инеем. Земля сухая. Река течет и курится.

Валентин — скульптурный пахан. Никольский и жена его — скульптурные буржуи (имечко-то какое, Евдокия Терентьевна!). Живут для себя, целый день работают, оба грязные, а людей поят молоком и [кормят] огурцами: мещанское равновесие души.

Если только нет тайной военной причины этого бедствия, а [все это] результат хозяйственного управления, то, конечно, это так не пройдет и явятся большие перемены.

«Наши берега» пусть ходят по рукам, но в печать — нини, Боже сохрани!

— Как я могу стоять за что-нибудь в политике. Если я не в курсе дел и в курс войти не могу, потому что прежде чем войти в курс, я должен отрезать себе путь к возвращению (так говорил огородник). И еще он говорил: — Я даю обществу огурцы в феврале месяце и за труд свой получаю от общества деньги, все остальное, как то — заботы о бед-

ных, о просвещении, а народном здоровье, спорте — это все я делаю по своему желанию: хочется — делаю, нет — и нет. И вот еще кричат социалисты: материализм! А разве не мы, буржуазия, повели новые вехи истории и материи? Мы взяли эту страсть у земли, у животных, у трав, принесли ее в город, обратили страсть земли в страсть золота и отдали за нее, за материю, душу свою. Нам было страшно, мы спасались, каждый по-своему, добрыми делами, церкви строили, кормили попов. А вы говорите: материя! Кому о ней говорить!

5 Ноября. Луковицу купола видно, а креста не видать, а иней на деревьях переночевал, и теперь деревья на земле, не покрытой снегом, темной — будто цветущие яблони.

Понимаю так, что идол золотой возник из труда: сверхмерный страстный труд накопления — вот что породило обожание золота и создало подмену Бога (идеала) материей (Волков). Точно так же, как в наше время эта страсть, как змея, сбросив с себя старую шкуру в имени материализма, сама превращается в иную форму, в диктаторскую власть.

Если ехать, то завтра ехать надо непременно, а сегодня провести техосмотр, достать бензин. Или можно ехать 7-го?

— Так что же, по-твоему, так отцам-пустынникам и сидеть бы на местах, кормить кровью своей комаров? — Вот и кормить бы, думаешь это легко? — Не о том, что легко или трудно, а что какая из этого людям польза, если отцы не делом занимаются, а кормят собой комаров. — А пример? думаешь, мало это — пример? Люди примером живут, один глядит на другого: Иван запрягает, Семен глядит на него, понимает: наступило время пахать — и себе запрягает. Люди примером друг по другу живут. Прежде пример, а потом польза. И отцы-пустынники нам пример подавали. Когда же примера не стало и начали думать только о пользе, абы засеять побольше, абы попариться — тут богатство

пришло, и слабость, и зависть. Тогда пришел сильный и умный царь Петр и заставил божественных людей отливать пушки.

6 Ноября. Иней на деревьях, наверно, от ветра истратился, но сосульки остались, и небо серое сегодня повыше, а земля мерзлая, черная и все по-старому: безразличные дни смотрятся друг в друга, как в зеркальных отражениях.

Рассказывал вчера Володе о своих «Берегах», что замысел был мой помочь нашей пропаганде. — Разве, — сказал я, — не важно Александрову, что старейший честнейший писатель собирает внимание своих многочисленных читателей в пользу правительства? — Ошибаетесь, — ответил он, — им совсем не нужно считаться с мнением народа, привлекать народ на свою сторону, они без этого обойдутся и важно им только одно: партия.

Карточки начинают понемногу возвращать, и возникает вопрос: — А что этот испуг наш, отнявший у государства столько трудодней, не больше ли стоит хлеба, чем получилось прибавки от разбойничьего нападения бюрократии на тружеников? Не будь диктатуры, взял бы палку, поколотил бы этого начальника (не помню, как его назвали, как-то на букву «К»). А теперь пойдешь, поколотишь, и скажут, что это я на правительство бросился. Так сиди и молчи. И запасайся продуктами для себя, чтобы пережить голодные времена в надежде, что потом будет лучше. — А что, за эту зиму много ведь людей перемрет от голода? Володя, как будто спросонья, совсем равнодушно, даже с зевком, ответил: — Да, наверно, порядочно. И через некоторое время, оживая, добавил: — Мало ли чего в прошлом было! — А запасаетесь? — Нет, как-то привыкли ко всему: мало ли что в прошлом было, так и теперь: тоже пройдет.

Володя сказал, что роман ему трудно писать — слишком много знает.

Я вспомнил Горшкова, художника, с его небом: «Какое небо, и вот я его белилами!» Мне пришло в голову написать в «Огонек» рассказ о Горшкове и Репине. Конец – слова Репина: он был гениальный.

И после этих слов свое заключение: десятки лет прошло с тех пор, и сколько раз по ночам, когда не спится, вставал неразрешенным старый вопрос, как это можно быть неталантливым, а гениальным? И я так себе разрешаю этот вопрос: можно быть гениальным человеком и неталантливым художником. И когда я так разрешил себе этот вопрос, вслед за ним встал другой: что же лучше? Быть гениальным художником и паршивеньким человечком или наоборот: плохеньким художником и гениальным человеком?

Вопрос остается для меня нерешенным, потому что в жизни своей я видел несколько гениальных художников, но все они были люди достойные. И не могу вообразить себе такого, чтоб он был и гениальный художник, и паршивенький человечек. А М. Горшков, значит, не художник, а чем-то иным оправдал в себе человека. Чем? Так и осталась мне загадка. И я до сих пор все пытаюсь ее разгадать.

Начало очерка.

В Ельце на Манежной улице, не знаю, как она теперь называется, есть дом братьев Горшковых, большой двухэтажный каменный дом с колоннами. В нижнем жил хозяин дома, старик Петр Николаевич Горшков, по прозвищу Перка-брех, а верх снимала моя мать. В глубине двора этого дома, с выходом в сад, стояла баня, и в ней жил второй владелец каменного дома с колоннами, художник Михаил Николаевич Горшков. Дом был большой, наверно, художник мог найти себе место, но жить в бане, окруженной деревьями, было одной из его причуд. Второй причудой художника было питаться одной гречневой кашей и никого не затруднять ее приготовлением: был он холостой и не держал прислуги. Третьей причудой его было вечное

странствование на своих двоих. Ранней весной он уходил и возвращался осенью, когда поспевали яблоки.

Мы, ребята, приходили к нему за яблоками, ели у него их целыми днями, и он не уставал беседовать с нами, маленькими, как со взрослыми. Он рассказывал, нимало не считаясь с нашим возрастом, мы ничего не понимали, но благодаря этому рассказу его давалось нам чувство возвышенного. Хитрец или простец, он приводил нас в сферу возвышенного только тем, что считался с нами, как со взрослыми. Не мы одни ходили в баню к художнику, но и многие взрослые люди. И разговоры были часами, днями, ночами о таких вещах, какие мы тогда понять не могли.

Никто из нас никогда не видел, чтоб М. Н. писал что-нибудь. Только один раз он поставил меня под березу и написал меня и березу до того прекрасно, что теперь ни с чем не могу сравнить. Вдруг он перестал писать и позвал меня. — Смотри, хорошо? Прекрасно было, и я, и береза, а неба не было. — Почему неба нет? — спросил я. — Вот из-за неба-то все и остановилось, — ответил он, — смотри, какое оно прекрасное, и я не осмелился: как это я такое прекрасное и буду мазать белилами. После того он приписал мне в рот папиросу, пустил дым, и потом из этого дыма стали складываться облака и закрыли и меня, и березу. — Что же это такое? — А вот небо это у меня и там: какая гадость у меня тут и как прекрасно там.

Некоторые в городе говорили: — Какой он художник, если ничего не пишет? И смеялись: — Чудак! Другие говорили: — Он замечательный колорист, его ближайшие товарищи и друзья — Репин, Васнецов, Маковский. Третьи говорили, что на чердаке дома под замком хранится его большая замечательная картина «Фауст». Четвертые — что никакого Фауста нет, и не художник он, и что уж какой тут Репин: просто чудак, и что у них это в роду: брат Петр кулинар и думает только о еде, Валентин наездник, Владимир музыкант для себя, Михаил художник для себя.

И вдруг весь город был потрясен необычайным событием: в город приехал Репин и направился прямо в баню

к Горшкову, так он прожил несколько дней, написал портрет Михаила Николаевича и уехал. Тогда все бросились в баню смотреть портрет, и я тоже, конечно...

Прошли десятки лет, среди которых был год, когда мне кто-то сказал: Горшков умер. И после этого слуха прошло еще много лет. Я пришел в Тенишевский зал в Ленинграде на лекцию Чуковского о Некрасове. Не помню, то ли я рано пришел, то ли запоздал лектор, но вышел значительный промежуток времени между моим приходом в зал и началом лекции. — Смотрите, — сказали мне, — вот и Репин идет. Я стал у стены, Репин прошел мимо меня и сел в первом ряду. Это был старичок худенький, небольшого росту.

Я один раз слышал его выступление на большом съезде художников, и его манера говорить поразила меня и на всю жизнь вдохновила. Он говорил не как ораторы говорят для отвлеченной аудитории, а как говорит кто-нибудь для семьи своей или друзей дома. Мы все время речи Репина, очень смелой, освобождались от условностей, становились большой семьей почитателей искусства, людьми родственно-связанными своим служением общему делу.

С тех пор Репин, конечно, постарел, подсох, но все же это был Репин, мне вспомнилась его речь, и вдруг захотелось мне перекинуться с ним двумя-тремя фразами.

— Как бы мне с ним познакомиться? — спросил я.

— С Репиным! да разве можно знакомиться с Репиным, у него и незнакомые все знакомые. Подойдите просто к нему и приветствуйте.

— Здравствуйте, Илья Ефимович, — сказал я, подсаживаясь к Репину.

— Здравствуйте, милый мой, — ответил тот, — что это вас давно не видно? Откуда вы приехали?

Тут я соврал: — Из Ельца приехал Илья Ефимович.

— Из Ельца! Ну, рассказывайте, как там живопись в соборе, не чернеет? Только пойдемте в буфет чай пить — успеем, пока Чуковский начнет.

Так я познакомился с Репиным и сел с ним за чай как совершенно и хорошо знакомый свой человек. Правда, он не знал моего имени, не знал, чем я занимаюсь. Но в общении с ним это меня не смущало, казалось, будто это все личное мое неважно, а самое главное, общее, входящее в каждого человека, составляющее как бы всего человека, он знал, и это одно было важно и для него, и для меня.

Я рассказал ему о живописи в соборе, который он реставрировал. О елецких купцах, о елецкой муке, о блинах, и так мало-помалу подошел к его другу Михаилу Николаевичу Горшкову.

— Талантливый он был художник? — спросил я.

Он немного подумал, поморщился.

— Нет! — сказал он решительно.

Потом еще подумал, вдруг весь встрепенулся, сразу помолодел и еще решительней сказал:

— Да, но он был гениальный!

После того раздался звонок, и мы, не торопясь, пошли на Чуковского.

С тех пор прошло много лет. Нет Репина, жизнь вся изменилась до того, что иной раз ляжешь спать — и не можешь заснуть. Без предисловия написать о прошлом невозможно. Я все время думал про себя, что я молод, не старею и никогда старым не буду. И удивительней всего, и сейчас так внутри себя, а со стороны — дедушка! Нечего делать!

*7 **Ноября.*** Выехал в 8 ч. и успели до начала демонстрации выбраться из Москвы.

Поля затрушены снегом и по снегу белому зеленые тропинки: два-три человека прошли — и зеленая тропка. Иней на деревьях держится недели две, тот самый, о котором в Москве я думал, что кончился. Лист на березах (и на всех деревьях) в этом году не опал и темно-желтый держится густо и страшно. Это и что иней на голую землю, по народным приметам, дурной признак в отношении будущего урожая.

Провели день в обществе, старые знакомые, художник Антонов и художница Зелинская Раиса Николаевна объяснялись мне в любви.

8 Ноября. Пришло немного сверх нуля, и весь иней исчез. В лесу так тихо, что лес ли это? Не я ли сам оглох и не слышу. До того тихо, что слышишь, как своя кровь в себе звенит колокольчиками.

Сделалось великое дело: благополучно рассчитались с плотниками. При расчете Ляля так умно вела себя, что я любовался ею. Есть женская хитрость, как особое качество ума, а есть благородство ума — вот что я так люблю у Ляли.

Страшный сосед за столом, наглый всезнайка-марксист, представитель духовный смерча, пронесшегося из конца в конец по всей русской земле.

Вечером чудесно танцевал повар, Ляля пробовала обучать Ваню танцевать. Блестело в электрическом свете вывернутое белое маленькое ухо академика, играющего в дурачка. К художнице Зелинской у меня было то же самое чувство, как во втором классе гимназии к Кате Лагутиной.

Вечером явился мороз –4 и вышла луна.

9 Ноября. Солнечный день при –5.

Исправление печей (Влад. Серг. Савин). Визит проф. Кондратьева Сергея Петровича (классическая филология).

По реке сало плывет, прирастая к мысам заберегов.

Узнал от Кондратьева, что хлеб наш пошел во Францию на выборы коммунистов.

А Хозяин уехал в Сибирь заготовлять хлеб.

Сосед Иван Тимофеевич критикует:

— А почему?

Как будто знание причин успокоит его и примирит. И оно действительно так, это знание всех примиряет, кроме тех, кого высекли.

Валентин — настоящая фронтовая душа, и я переживаю последствия его кипучей деятельности: не живу в собственном доме и переделываю все печи. Фронтовая душа, или без царя в голове: он как будто и друг рабочих, а в душе собственник, потому что начал эту дружбу лишь потому, что у него отняли собственность. Человек без царя в голове и совершенно то же, что и Марья Васильевна.

... (Станюковича), осталось лишь 12% фильма.

Заказали Вас. Ив-чу закончить недоделки. Печнику печи. Завтра закупим картошку, возвращаемся.

10 Ноября. Вчера вечером легла пороша, а сегодня потеплело, потекло и везде потемнело. Утром выехали из дома отдыха в Звенигород, купили на базаре 4 мешка картошки по 250 р. По приезде в Москву оказалось, что картошка плохая. В Москве цена 400 р. мешок.

8-го от кровоизлияния в мозг умер А.М. Коноплянцев, сегодня похороны. Он умер в отчуждении от общества, но в своей семье.

Минутное увлечение при встрече с художницей и последующее возвращение к Ляле показало мне явственно (и наконец-то) всю разницу между серьезным жизненным чувством и поэтическим или чувственным легким увлечением. Стала понятна самая природа брака втроем и как это можно, любить двух одновременно, и почему в таких случаях люди не разбегаются.

Художникам велено написать свое credo, и вот Антонов, телом похожий на быка, способный неплохо работать с утра до ночи, от света дотемна непрерывно месяцами, должен теперь написать свое credo. Он приглашает к себе

в комнату литераторов, говорит им о себе всевозможное, и когда ему покажется хорошо, велит: напишите. Я попробовал посидеть с ним полчаса и даже вспотел, так мучительно было сочувствовать соловью, принужденному о песне своей рассказать своими словами. Во время этого сеанса я вспомнил одного судью в Загорске, до того прославившего себя своим мудрым разбирательством человеческих дел, что сам генеральный прокурор приехал на него поглядеть. Увидев действительно гениального судью, Крыленко отправил его на шестимесячные юридические курсы. После этих курсов гениальный судья явился совершенным дураком, и вскоре его отстранили от дел, и он запил, и жизнь окончил в канаве. Боюсь, так и некоторые художники кончаются в напрасных попытках изложить свое credo.

11 Ноября. Еще темно. Слышу и сквозь каменные стены капель.

Вчера вечером чудесно написалось начало «Канала». Чувствую, как никогда, что дело художника есть воскрешение умершего.

Вижу из Москвы сейчас нашу реку в Дунине. Широкие забереги с мысиками, на мысики намерзают плывущие льдинки, проход между мысами все сужается, но все еще пропускает плывущее «сало». И вижу — это не река, а душа моя, и не вода, а радость моя, и не частые льдинки, а душа моя покрывается заботами. Но я собираюсь подо льдом с силами и верю, что придет моя весна, и все мои заботы-льдинки обратятся опять в радость.

Если не очень устану после процедуры глубокого прогревания, то постараюсь в память умершего «крестного» навестить Леву.

12 Ноября. Подморозило опять и с утра между облаков голубое и лучи солнечные...

Вчера был Андрюша (из Хабаровска) и Лева. Андрюша стал умным, сделался редактором краевой газеты. Он

думал, что за эти семь лет только он поумнел, а Лева, друг его, остался таким же дураком, как был. Он вспомнил, как Лева тогда достал себе трость-шпагу и как она сама у него проткнула чью-то руку. И привез Леве в подарок самурайский меч. А Лева сам стал умным, он день и ночь работает по фотографии, чтобы достать картошку для семьи. На что ему меч?

— Мы жертвы, — сказал Лева. — Жертвы, так, друг мой, — сказал я, — у жертвы есть свое страшное оружие. — Какое? — А сознание. — Как так? — Почитай Евангелие. Вся эта замечательная книга написана об оружии жертвы: это оружие есть крест, и сим победиши.

Я не успел досказать свою мысль, и коммунист Андрюша, и Лева-жертва не поняли меня. Вошла неудачливая актриса Светлана и начался разговор о театре. А если бы она не вошла, это незначительное существо, если бы мысль моя разгорелась и перешла в их душу! Вот роль незаметных и ничтожных существ и вещей.

Лева даже, как слепая жертва «идеи Ленина», симпатичней, чем Андрюша, друг его, сумевший учесть рычажную ценность этой идеи, начавший доить идею, как корову, для личного благополучия.

Оправдание Аврааму (жертва сыном) заложена в его вере в Бога, такое же оправдание Ленину в его вере в идею. — А если идея неверная? — спросила Ляля. — Как я могу идти под нож Авраама, если у меня шевельнулась мысль о том, что идея может быть и неверная? Андрюша отвечает, что Ленин не вышел бы со своей идеей, если бы сама идея не жила в массах, не была их собственным внутренним импульсом. И Авраам не мог бы принести сына в жертву, если бы Исаак не верил, не нес в себе того же Бога, как он, Авраам. Весь вопрос сводится к тому: имеет ли русский народ в себе веру Ленина или ее («идею») навязала ему диктатура («шайка»).

Оправдание жертвы.

Позвольте, я колеблюсь между решениями: идея верна, идея неверна, и сам проверяю в себе, верна ли эта идея. Все мои поступки направлены к тому, чтобы найти этой

идее оправдание в себе самом. Ведь я же сам тоже народ, и во мне самом должна быть эта идея, если она идея народная. Вот почему я требую от людей, выступающих с идеей Ленина, чтобы [каждый] выступал с нею сам и вступил в партию как сам.

Вторая мысль — это оправдание Ленина-Авраама, закалывающего жертву.

Великий Инквизитор, который сжигает Христа. Вел. Инквизитор не для Бога сжигает Христа, а для блага всех (см. Каифу).

Человек что-то делает, и очень хорошо. Но вот ему поставили вопрос — рассказать, как именно он делает. Тогда он стал думать только об этом, как он делает, а делать перестал. (Судья в Загорске и художник Антонов.) Трагедия каждого художника, жертва роста сознания.

13 Ноября. Ясное утро. Вчера отвезли купленную картошку в Измайлово на сохранение к Никольским. Навестили вдову Коноплянцева. Родить легче, чем похоронить: никакой любви, а надо похоронить. Коноплянцев, умирая, рвался домой на свою квартиру, вскакивал, одевался. Ему показывали предметы домашние, он не узнавал, очень удивлялся и продолжал стремиться на свою квартиру.

Дома теща в повышенном настроении говорит, что хочет жить, пробует одной не парализованной рукой учиться писать на машинке, хочет заниматься хиромантией как ремеслом. Словом, тоже в какой-то катастрофической фазе и нечего тут сопротивляться, разбираться: от этого никуда не уйдешь. И может быть, сейчас у нас в СССР каждый живой человек прикован к мертвецу и должен это выносить.

Был агроном Влад. Иван. Гумилевский, прежде страстный охотник, теперь говорит, что всю охотничью радость заботы съели. А я- то думал, что это происходит только со мной. Слава Богу, что еще пишу по охоте. (Охоту бросил,

но пишу еще по охоте). Хорошо, отлично пишу, но боюсь, как бы новая забота не съела эту последнюю охоту.

14 Ноября. Небо с утра низкое, пока сухо, а ветер южный.

Ходим подавленные будущим, настоящее — только заботы. Настоящее держится личностями — хорошо нам, т. е. каждому в отдельности, а вместе всем это «хорошо» дает чувство настоящего в смысле и нынешнего, и того, что это есть с подлинным верно.

Вчера Ваню отправили в Муром за продовольствием и за отцом. Дачу отказали страховать и Ляля в панике: ухлопали все деньги, а дачу ни застраховать нельзя, ни продать, и самим жить тоже нельзя, печи не работают.

Ходили в цирк. Оказалось, и цирк тоже мертвый, как все наше искусство.

15 Ноября. Злой ветер с морозцем наметает пятнышками мелкий редкий снежок.

16 Ноября. Морозный солнечный день, но бесснежно. 9-й день со смерти А.М. Коноплянцева. Пошли к обедне к Ивану Воину, там была и Софья Павл. жена его. Постарался за службой вспоминать Александра Михайловича Коноплянцева в разных этапах моей жизни, и это была вся моя жизнь, начиная со второго класса Елецкой гимназии, он тянулся ко мне. Он был свидетелем моего побега из гимназии, он был восприемником моей литературной купели, был кумом моим и, в конце концов, приветствовал мою новую жизнь с Лялей. Мучился он в своей болезни долго и людей своих мучил. Он этого желал и говорил, что желал бы перед смертью помучиться. Представляю себе Лялю, что я ее мучу, и не понимаю, как это можно желать мучений: в том-то ведь и дело, что сам меньше мучишься, чем мучишь людей. Это явление эгоизма, желание мучений (а есть такие, вот и Бострем), и недаром же молятся о христианской кончине безболезненной и непостыдной. И

дай, Господи, мне такой кончины, чтобы как можно меньше ею мучить близких своих, чтобы воспоминание о мне осталось ободряющее, поднимающее.

17 Ноября. Рассвет был на румяном небе, но потом ветер поднялся, сошлись между собой низкие рыже-серые облака. А морозец на крышах остался.

Души хороших людей (Валентин, Мар. Вас. и др.) в процессе нашей жизни суетной распадаются в трудовой своей (скажем, эгоистической) основе, из душ их, как из атомов, вырывается космическая энергия, они вечно движутся и как бы схватывают все налету. Никакого дела они не могут свершить (вот трудовое выражение: ведь самое трудное — это свершить, т. е. докончить; есть другое: «лиха беда начало» — но это для того, кто может совершить или свершить).

Явление фронтовой души (как было у меня при наезде на мальчика) вполне аналогично освобождению атомной энергии. На этой же почве зарождение фронтовой энергии является убийством (опять аналогия с атомной бомбой).

Ляля принадлежит тоже к типам распада, но она это сознает и подпирается моральными костылями, и судит людей этой моралью, и Ваську тоже, а Васька слушает.

Все идет к этому. Во всем мире теперь наверно тысячи людей умирают ежедневно с голоду, а в Аргентине миллионы тонн пшеницы пускают на топливо, и об этом знают примусник Никитин и лифтерша Наташа, и каждый понимает необходимость единства мирового хозяйства. К этому (единству) «все идет».

В кошмарном сне приходило в голову: несть тайного, что не будет явным в смысле, что все субъективное, душевное станет объективно-материальным (был человек Форд, его забудут, и будут знать от него только автомобиль «форд»). Но есть и другое: ничто материально объективное, доступное всем, не может явиться на свет, не проходя через лич-

ную тайну, и никакая личная тайна не даст плода своего, если ее раскрыть до срока, до конца периода, называемого личной свободой или творчеством. И не так ли надо понимать наше время, что оно вводит систему общественного рабства, как барьер для прыжка творческой личности с девизом «будь сильным». (Так говорил Заратустра.)

Или, наоборот, все делается против сверхчеловека, и время работает на Слово, организующее всего человека в единство. В «Канале» я буду держаться последнего. Пахан — сверхчеловек. Сутулов — натуральный человек, идущий к единству всего человека. Анна — это путь слова, Зуек — свершитель (дух). Пусть это будет как леса при постройке дома, и я должен стоять на лесах, чтобы класть на глине свои кирпичи, и когда будет готов дом, бросить леса, эти доски, измазанные кирпичами и глиной.

Зуек выйдет из меня самого, т. е. сделает то, что я делаю повседневно: старый мир мне служит как подмостки, как возбудитель для постройки своего собственного мира, для понимания духа видимой жизни, т. е. человеческой души, за всякой живой тварью или созданной вещью. Зуек — это буду я со своей «воробьиной гипотезой».

18 Ноября. Морозно без снега, но солнечно и весело.

Удалось купить белую булочку. Мы ее разделили на три части. Наслаждение было после черного хлеба, но... вспомнились наши обжоры-купцы и подумалось: далеко не уйдешь с таким наслаждением.

Читаю понемногу Джона Голсуорси «Сагу о Форсайтах».

Все-таки теща героически борется за свою индивидуальность. Нас поражает, как это она могла сохранить после всего нетронутым это свое какое-то глубокое властно-мещанское «я» и остается в неприкосновенной сущности.

Думаю, что в прогрессе человека — не фактическом (какой тут прогресс!), а потенциальном — чувство собственности должно перерождаться в служение.

И у нас в мире сейчас идет спор американцев с нами: они за собственность (личность), мы за служение (общество). Мы впереди.

Но вот вопрос: не пережив чувства собственности, не воспитав себя на служение ей (т.е. себе), можно ли перейти к служению обществу?

В нашем примере пока мы видим на каждом шагу рост неуважения к государственной собственности (массовое воровство, «блат»). Очень просится на язык: Colchosia (latifundia) perdudera Russuan (Italian). Боюсь, что скоро будут на улицах городов ловить беглецов из колхозов и возвращать их обратно.

Вчера банщик, худой, голый, с пояском на бедрах, Егорушка, рассказал, что его дедушка под Зарайском лишился хлеба и иждивенческой карточки, а ему 90 лет, пройдет и упадет. — Вот бы, — сказал Егор, — вам туда поехать, посмотреть на него. — Зачем? — Книжку написать. — Да что же туда писать? — Как что: живой же человек, неловко. Напишите, что ежели курице отсечь голову, будет другая курица, а человек не курица, с человеком так нельзя поступать.

Ах, Андрюша, Андрюша, вспомнил я своего племянника-коммуниста... Слышишь ли ты этот голос народный, на котором воспитывалась наша интеллигенция и создала прославленное во всем мире искусство как образ поведения? Вот что разделяет нас с тобой: не можем мы *умириться* с этим, а вы именно через это должны перейти, тут между нами абзац, точка по ту сторону и тире: мы остаемся на точке, а вы начинаете с новой строки.

Число на молитву: число и дела (какая это сила!).

19 Ноября. Снежная метель. Написал VIII главу. Думаю о смене родового (собственнического) чувства служебным (та же сила). Телеграмма от Вани: задерживается, мать в больнице. Масло украли. Подозрение на тетю Машу. Звонок Фадеева: явиться завтра в 1 дня («Берега», книга в «Сов. писателе», шофер, Литфонд). Ляля подала в груп-

пком. Отказался смотреть на повешенных (фильм Нюрнбергский), боюсь, что останется в глазах.

«Канал» движется хорошо. Верю, что по этому каналу выберусь в море из своих болот.

20 Ноября. Ясно, мороз, резкий ветер. Зима.

Фадеев весь опух от пьянства. Ничего не понял в моей вещи, ничего не принял. Пахнуло отдаленнейшими временами марксизма, когда я его пережил и вышел на волю. Так вот та самая неволя мысли от Ульриха (1898 г.) до РАППа и оказалась без изменения до нынешнего дня. И какие поганки вырастают на этой почве, посмотришь только на них: Субботский, Лебединский, Кирпотин, Пузырь (все забываю его фамилию) и великое множество шкрабов марксизма, и все евреи! Если что выходит живое из этой сети, то берут или натурой (наивностью), или понимая марксизм как путь заграждения, который умело можно обойти. И мне он не мешал, пока я, умница, не полез прямо на колючую проволоку.

21 Ноября. Михайлов день

Ясно, морозно, злой ветер. Зима. –17.

Несильный [удар] от свидания с Фадеевым. Надо, впрочем, радоваться, что, проглотив пилюлю школьного марксизма, успел отстоять свой сборник в «Советском писателе» — раз, и возбудить ходатайство о шофере — два.

Читал в Б[ританском]С[оюзнике] речь Эттли* и понял, что в точности у нас большевики, у них меньшевики.

Завидую Михалкову, который, смеясь всем животом, схватил все ордена и все блага советской жизни. Дивный плут!

Национальное, русское все наше выметается, но из него выбирают что-то (напр., Пушкина). Просеивают через

---

* Клемент Эттли — премьер-министр Великобритании, британский политик, который сменил Черчилля в 1945 году.

какое-то сито русскую культуру еврейские шкрабы марксизма.

22 Ноября. Большой мороз. Тихо. Земля еле прикрыта снежком.

На слова Эттли о свободе индивидуума, свободе слова и демократии отвечать можно так же, как меньшевизм; они точно так же говорили и на их слова не посмотрели, потому что свобода слова приводит немедленно к зависимости. Принцип свободы индивидуальности нашел смерть свою в мировой войне. И точно так же теперь устанавливается принцип свободы коллектива, который должен процвести, увянуть и найти свой конец так же, как нашел конец свой принцип свободы индивидуальности.

Необразованный и талантливый парень Фадеев силен только тем, что необразован и тем самым смел, и может говорить авторитетный вздор.

Страшный суд.

Все, все у нас на земле, и не когда-нибудь, а сейчас, о чем только ни подумает человек — все уже есть и делается возле него. Так и Страшный суд: чем же это не страшный суд, как судят теперь. Вы не смотрите на тех, кто судит, что какие это, мол, судьи, Сашка с Ивашкой — знакомые человечки. На них не смотрите, через них только судят незнакомые судьи, и вы сейчас отвечаете не за свои лично грехи, а за грехи тех, кто вас породил.

Когда пришла «Аврора» и против Васильевского острова дала залп по Зимнему дворцу и потом пришло утро, октябрьское хмурое и сырое, то в эту природную хмарь вмешалось особое человеческое чувство сомнения, страха и чего-то еще такого похожего на то чувство, когда тебя ведут на суд и ты идешь, а судей нет: вместо судей люди, которые не знают сами, что делают. Тебя выводят к ним, но ты из-за них не видишь судьи, и они спрашивают, а отвечать тебе некому. Тут в этом чувстве Октября и было начало конца света. И это теперь продолжается, переходит

на другие страхи. И люди теперь только тем и заняты, чтобы как-нибудь спастись от конца.

Мы раньше думали, что там эта страсть остановится, что там загасят пожар. Но там загорелась война, и показала нам всем эта страшная война, что и там беззащитны против этого страшного суда, и что так будет везде, и что это есть именно конец света и его Страшный суд.

В Ветхом Завете нас били по заднице, в Новом стали бить по лицу.

23 Ноября. Ваня приехал.

Рассвет пришел серый — не теплеет ли?

Опыт с запоминанием дня удался: я всегда теперь буду помнить, какой день мы переживаем. Такое же упражнение необходимо с новыми людьми: запомнить, записывать, вспоминать. Пример: вчера был фотограф Васин от «Пионерской правды». (А то был у меня С.С. Толстой, читал что-то об искуплении, и я забыл, какой он и что читал.) Организовать особо внимание при встречах: сгущенное внимание образует запоминания.

Молитва как собирание силы внимания.

Внимание создает тот камушек, на котором стоял св. Серафим перед смертью.

Пишу XII главу «Канала». Необходимо дать в какой-нибудь форме.

Что теперь осталось в ССП от всех добродетелей Горького? И спрашивается, к чему все его добродетели? Чувствую, что как разгадалась загадка Фадеева, так можно бы разгадать и загадку Горького. Она мне вчера явилась в том, что он со мной что-то обходит, чего-то боится, в чем-то плутует, в чем-то глуп. Скорее всего, воспринял от Короленко какую-то настоящую правду, рос в своей славе в обход ее и боялся с ней встретиться. Когда же его сделали «великим», то он, конечно, стал жить во лжи.

Сегодня, к несчастью, идти на раут у Магницких. Использовать вечер как опыт внимания.

Пытаюсь понять сверху город (солярий) в гармонии и не могу. Надеюсь, что это придет.

Запирают воду плотиной и определяют силу ее на мельницу, вертеть колесо на человеческую пользу. Так бы вот и напрасную повсюдную женскую речь запереть и направить.

И запирают. Милиционер стал на посту и молчит.

24 Ноября. Продолжает теплеть. Среди дня мокро.

Вчера мучились скукой на банкете у Магницких (Андр.Никол. и Лидия Петровна), устроенном по случаю избрания профессора в члены-корреспонденты Академии наук. Молодая актриса театра Вахтангова (Елена Мих. Коровина). Говорят, очень талантливая, а по виду блондинистая девушка, могущая быть и милиционером, и кондуктором, и бухгалтершей. Муж ее, инженер Зайцев, из породы Кристи-Михалковых, черноокий, истасканный, больной. Мать Лены была средняя порядочная женщина. Старушка-библиотекарша из толстовского круга Екат. Васильевна Толстая (жена какого-то сына Толстого), была парализована, а теперь совсем ожила. Был проф. Северцев, блондин с узким и еще более удлиненным лицом от бороды, жена его армянка (стареющая). И еще был то ли глухой, то ли так молчащий с женой, у жены каштановые, ближе к рыжему волосы, у него длинные папиросы и больше у обоих никаких признаков для запоминания. Разговоры самые шаблонные, хозяйка носится, хозяин прячется в еде.

25 Ноября. У Вани мать умерла.

Вечер у Магницких в субботу теперь вспоминается как цирк: два клоуна натянуто смешат, а кругом сидят и силятся, чтобы от себя прибавить, хоть что-нибудь выжать из себя в поощрение клоунам.

Учительница рассказывала, что «Сталин наверно этого не знает»: как бы мог Сталин допустить, чтобы учителям русским, голодным, измученным вколачивали в голову евреи политграмоту, чтобы жестокость лишения хлеба соединить с жестокостью требования служения «идее». «Дошло до того, что хоть засучи рукава». Мало в этом утешения, дорогая! Идея, которую вам вколачивают в голову, есть воинственная идея нашего времени, и не у нас только, а во всем мире. И голодные не только у нас, а голодает $^{3}/_{4}$ населения земного шара. А евреи — это слуги времени, они живут, чтобы не дать себя времени, а взять себе от времени все.

Подарок из Англии (перевод «Жень-шеня») был последним. Вдруг совершился перелом: раньше Англия («заграница») была нам масштабом культуры, и эта марка вдруг была брошена. И это было сделано не зря. В настоящее время той прежней опоры нам нет: смотреться больше некуда, везде духовная нищета и противопоставить нашей «идее» нечего.

Ваня рассказывал, что когда мать его была при смерти, то жалость ее оставила и она велела ему (любимому сыну) уходить: — Ступай, работай, чего ты время проводишь!

26 Ноября. Вот время какое: встаешь — хмуро, потом ясно, и наоборот, встаешь — ясно, а потом все захмылится. Вчера поутру небо было закрытое, а потом явился небывалый по зимнему день: нельзя было найти разницу с Мартом. Разве только, что вот нет снегу еще, а в Марте характерный голубой снег.

У Ляли опять и опять повторяется во сне приход Олега в суровом виде. «За что он мучит меня, — возмущается Ляля. — Он постоянно говорил мне при жизни: “Отложим Любовь до встречи на том свете”. Что это за требование! И я понимаю еще в то время: мы были юные, мы жизни вовсе не знали. А теперь это говорить мне...»

Мне она объяснила, что это травма, то же, что у меня Инна* снилась лет пятьдесят.

Редко Ляля бывает в тоске, но после этих снов ходит весь день сама не своя. Ей очень скоро все надоедает: сейчас ей надоели мои дневники, особенно дача, гараж. Это естественно для ее натуры артистической, не нашедшей устройства в соответствующем труде, может быть, так же и матери, не имеющей ребенка. Она любит меня, как ersatz и своего личного таланта, и материнства. И конечно, по временам изредка она чувствует этот эрзац и тогда ей снится монах с его суровым упреком.

Два военных, поддерживая пьяного инвалида, спускались на эскалаторе и когда сошли с лестницы, то пьяного инвалида поставили как куклу, находя ему точку устойчивого равновесия. И когда инвалид, опираясь на костыль, удержался, бросили его и ушли. Публика разошлась, и осталась у метро молодая девушка, милиционер. Инвалид увидел ее и направился к ней. Запомнилось холодное отвращение в лице девушки.

27 Ноября. Солнечный день с легким морозцем. Болела голова после кошмарного сна, в котором я что-то забыл сделать и из-за этого произошло несчастье. Сначала я забыл на 5 дней навестить собак, Кенту и выжлеца. Когда вспомнил и пришел, выжлец кончился, а Кента лежала... Потом я взял пять маленьких цыплят и отнес их в поле и забыл, а вспомнил уже дома. Попросил Лялю сходить поискать их, а сам обещался собраться и догнать ее. Но когда я вышел из дому за ней, то забыл шляпу и вернулся. И так весь день прошел, и когда Ляля вернулась, измученная жарой, то сказала, что цыплят она не нашла и, значит, они погибли. А хозяйка цыплят была моя на Васильевском острове году так примерно в 1903-м, т. е. 43 года тому назад, когда мне было 30 лет.

---

* Инна — героиня автобиографического романа «Кащеева цепь», прототипом которой была Варя Измалкова.

За эти дни я постарался посмотреть на Россию из Америки, и жизнь наша оттуда представилась похожей на пьесу «Бранд» Ибсена. Мы идем, изнемогая, за Брандом, а истинный Бог, за которым бы нам надо идти est deus caritas*. И этот dues тоже у нас есть та личность, которую мы неминуемо пропускаем или приносим в жертву своего движения, своего будущего, как и, делая всякое обобщение, неминуемо пропускаем частность, и, таким образом субъект умирает в объекте.

28 Ноября. Вчера мы были в детском кукольном театре на «Аленушке». $^3/_4$ пьесы сидел и думал: мне скучно, а может быть для детей хорошо? Когда же стало хорошо (к концу), перестаешь думать о детях, потому что было всем хорошо. Итак, конечно, не все, что хорошо, [хорошо] и для детей, но все, что хорошо для детей, должно быть хорошо и для взрослых. Вот почему, писатель, если ты можешь так написать для детей, чтобы это читали с увлечением и взрослые, то сознавай себя самым современным и нужным писателем (сознаю: я — такой).

В ночные часы проснешься и определяешься — где, в каком ты океане, под каким небом плывешь. Так ночью я пробудился и берегов привычной жизни вовсе не было: ни «заграницы» не было, ни идеала культурной жизни Англии, ни «чти отца твоего». Между тем все люди в отношении своих близких были хорошие, и многие мужья за жен своих готовы были всегда отдать свою жизнь, также сыновья за отцов, девушки за матерей. Эта внутренняя любовь в обществе, образующая чувство родины, на войне или в строительстве лагерном и является движущей силой как внутренняя энергия, если раздробить самые атомы. Состояние мира и есть накопление этой семейной (внутриатомной) энергии, семья — это атом общества. Война — это дробление семьи-атома.

Пушкинскую дачу определяем Шильдкреду.

---

* Est deus caritas — (*лат.*) Бог милостивый. Ср. у Ибсена: «Сквозь раскаты грома Бранд слышит голос: “Бог, он —Deus Caritas”».

Получили сухую штукатурку.

В Союз писателей. А.А. Фадееву.

Дорогой Александр Александрович!

В прошлом месяце через т. Крутикова я обратился к Вам с просьбой поддержать мое ходатайство в Литфонде о ссуде мне 25 т. руб., мотивируя мою просьбу тем, что я израсходовал все средства свои на постройку дачи вблизи Звенигорода и у меня теперь нет средств для того, чтобы окончить мою литературную работу. Меня известил т. Крутиков, что Вы ходатайство мое поддержали, т. Храпченко утвердил его. После того Литфонд направил ко мне своего служащего, который подробно допрашивал меня о мотивах своей просьбы. Но мало того! В район Звенигорода был командирован другой служащий, который осмотрел мою дачу и убедился в том, что она существует и недостроена. А после того мне в просьбе моей отказали за неимением средств.

Александр Александрович, почти за полстолетия моей лит. работы я впервые обратился за помощью в литературную организацию. Второе — всем грамотным людям известно, что я даром хлеб не ем. Третье — всем известно, что я человек честный и если я сказал, что дачу построил, значит она существует. И, в конце концов, совсем непонятно, зачем предпринимать такую оскорбительную проверку, если самих средств, из-за которых поднят вопрос, в наличии у Литфонда нет. У меня остается такое впечатление, что эта история основана на каком-то недоразумении, что может быть люди, которым поручено это дело, не знают, кто такой Пришвин (так было со мной с т. Поликарповым в первые недели его назначения). Вот почему я и обращаюсь к Вам с просьбой спросить их...

29 Ноября. Ноябрь вообще простоял неплохой на легком морозце, исключая несколько дней по –20, не дрызглый, и несколько дней было таких ярко-солнечных, что совсем как в марте.

Работа остановилась, представляя собою блестящее начало. Теперь начнется crescendo с большой концентрацией действия вокруг Зуйка. Теперь надо добиться в себе ясного фокуса всех вещей и не ползти к нему, как было до сих пор, а лететь.

30 Ноября. Дни все одинаковые, почти на нуле.

Вчера был в Колонном зале на Неделе книги. Сидел рядом с Маршаком, дважды лауреатом. Первый раз, наконец-то, понял, что ордена хотя и вовсе не соответствуют движению таланта в человеке, но независимо от таланта они отвечают положению человека в государстве, его уму, хитрости, такту. Горький положил этому начало: орденов в то время не было, но почести всякие относились к нему не как к писателю, а как к государственному человеку.

Плохо вышло со стороны Телешева, который тоже зачем-то приплелся. Председатель предложил почтить старейшего у нас гражданина — племянника Ленина — и назвал имя, похожее на Телешева. Имя так было похоже, что Телешев встал и принял на себя аплодисменты. А после того разобрался и, сконфуженный, уехал домой.

Я не решился выступать со своими финтифлюшками и, наверно, хорошо сделал.

Месяц кончился снегом.

1 Декабря. Пороша, наконец-то, пришла и сейчас снег летит. Шильдкред сказал: — Не могу быть с коммунистами: делаю все, как советский гражданин, но быть коммунистом не могу: я в Бога верую. — А разве нельзя быть и коммунистом, и в Бога веровать? — Нельзя: у них делается все «научно» и сомнение исключено, а христианство есть выход из личных мучительных сомнений: «верую, Господи, помоги моему неверию».

Разве нельзя свое личное дело понимать как исполнение воли Божьей: утвердиться в своем таланте и принести дары Богу — разве не сказано об этом в притче о талантах? — Конечно, можно, только на Суде будут разбирать

твои дары и назначать цену им, считая твое золото не по весу, а по самой вере твоей.

Надо просить не любви к врагам, а понимания врагов, какие враги свои и какие Божьи, и, поняв, просить силы бороться с врагами Божьими и любить врагов своих личных.

Надо установиться в себе по своему гению и сказать ясно: ты гений, единственный в мире и неповторимый. Утвердив в себе своего личного гения, во-первых, надо это сделать тайной, образующей личность, и, во-вторых, немедленно признать какого-то своего гения в каждом человеке. После того надо искать выражения своего гения, понимая, что и каждый тоже стремится к выражению своего гения.

2 Декабря. Утром в темноте дождь, но на крышах что-то белеется.

Женщина пришла от генерала и спросила. — Вы слышали? Ей ответили: — Нет. И она: — Не слыхали? Ну, так я не буду рассказывать. И как же она правильно поступила. Даже и это передают шепотом друг другу, что вот одна женщина была у одного генерала и узнала от него потрясающую новость, и когда после того к ней обратились с вопросом: — Какая это новость? — она ответила словами: — А разве вы не знаете? — Нет. — Ну, так я не скажу. — Что же это может быть, — старались догадаться передающие о визите женщины к генералу. И сами отвечали: — А разве война? И опять сами же: — Да нет, какая теперь война. Разве... Догадка осталась невысказанной и высказать ее невозможно, потому что она бесформенна и чувство это логически не может быть выражено. Это чувство последней надежды на что-нибудь вроде «да минует меня чаша сия».

Ляля читала «Молодую гвардию» и хвалила Фадеева за добрые чувства к молодежи. Мы любим молодежь за их естественную веру в бессмертие. Если только они здоровы и хороши, то они живут как бессмертные. Да, собственно

говоря, и мы, только застрявши в болезнях и неудачах, начинаем обращать внимание на то, что все умирают. И только в самой великой беде нашей рождается в Вифлееме дитя с мыслью о неминуемой смерти.

Да и стоит только взглянуть на массу всяких людей — мужчин, женщин, молодых и старых, бегущих по улицам, чтобы увериться в наличии силы бессмертия, презирающей мысль о том, что все люди смертны. Все смертны, скажет бегущий в очередь за солеными огурцами, а я как-нибудь, может быть, и не попаду в это число. Пусть смертны, а я вот еще поживу и погляжу, как у меня самого это выйдет!

Мысль эта жизненная о себе как исключении в отношении смерти у молодых окружена ореолом распространенного «я» за всех таких же молодых, здоровых, хороших. Но дальше это чувство радости жизни переходит в эгоизм самосохранения, в индивидуализм. Хороший человек, старея, принимая в опыте своем неминуемую смерть близких ему людей, «уходит в себя», пытаясь противостоять смерти по-иному, чем в молодости радостью жизни.

А то, что молодость радуется жизни, это надо понимать и приветствовать, как дерзкое и прекрасное начало борьбы человека за свое бессмертие. Этим и должна у меня в «Канале» закончить свой путь бабушка Мария Мироновна (прочитать Фадеева и напитаться этой мыслью, как напитался у меня сам Фадеев моими запевками).

Итак, жизнь развивается по двум путям, исходя из начального чувства радости жизни (бессмертия), — это чувство: все смертны, а Я как-нибудь проскочу.

Первый путь: самосохранение (индивидуализм).

Второй путь: сознание личности всего человека и себя самого как необходимой рабочей части всего органического целого.

Мой Зуек представляет собою центр чувства молодой радости жизни (бессмертия) среди эгоистов, подлежащих перековке. Мне надо перекинуть мост (канал) от той радости жизни к чувству радости жизни человека, перекован-

ного на строительстве, радости эгоиста, нашедшего свое место в органическом целом всего человека.

Одна из запевок в тех главах, которые следуют за уничтожением падуна: скорее всего это запевка предшествует смерти Мироныча. Мироныч видел скалы, по которым падала раньше вода, скалы черные, похожие на челюсть, выброшенную из когда-то прекрасного рта на лице. И он знал, что не было больше того чудесного творения природы в самой природе, но это творение было в нем теперь. Но как же так? И нет, и есть. Или он, может быть, уже умер и теперь видит такое, что видел и любил на земле. Нет больше на земле водопада, а вот он не только видит, но и слышит. Хочет идти к падуну, встал. — Куда? — Домой! — Дедушка, очнись: ты же дома, вот, смотри, наш стол. — Стол-то наш. — А вот образа. — И образа наши. — Смотри, ты сам же стены рубил: вот бревно новое. — Новое, да, а как же я слышу — падун шумит. Слышишь? — Да, слышу, — Мироныч вдруг очнулся совсем: — Это плотину прорвало. Беги, беги, скорей! [Зуек] ушел. А Мироныч упал и шептал: беги, беги!

Все на свете ложь с одной стороны и правда с другой...

Так и вся жизнь как одна монета — с белым лицом и черной изнанкой.

3 Декабря. Продолжается оттепель. Вчера спектакль «Пигмалион», артист. Зеркалова (помни!): как цветочницу сделали герцогиней. Мысль: хорошо жить в некультурном классе — там счастье. Но если вышел «в люди», назад вернуться нельзя. На этом построена история России новая: земледелец уходит от земли и не возвращается. В этом свете толстовство.

Проф. Туров рассказывал, что он, как проф. и директор университетского музея, получал литер А, а заведующих музеями лишили литера А. И его по ошибке лишили за музей, забыв, что музей университетский и он заведует

им, как профессор. Он доложил это министру Кафтанову, но [письмо] застряло в аппарате и нет возможности его найти.

4 Декабря. Введенье ломает леденье. Река Москва очищается.

Продолжается оттепель. Подписан договор на пьесу в кукольном театре.

Читал Асанова «Волшебный камень».

5 Декабря. Все так же. Ищу для Зуйка мотивы к побегу в Природу. Сам когда-то бежал, но сейчас понимаю и чувствую Бога возле себя — бежать некуда. И вообще, мы живем настолько сильно, страшно, что с нами тут и все...

6 Декабря. Ночью выпала пороша. Вчера были у нас кузины. Как было у их родителей — не так-то уж очень они были умные, но почему-то в присутствии их хотелось быть умнее себя и что-то показать, так точно и с этими кузинами... Даже потом на себя досадно. В дальнейшем это надо кончать. Конец!

Читал книгу «Волшебный камень» Асанова. Сказать ему, что волнение от пережитого, вызывающее [желание] написать, не надо обдумывать до конца, вернее заключать в оболочку логики. Надо, напротив, успеть, пока не замкнулась цепь, вызвать из первичного волнения ряд образов, отвечающих волнению. Если же выставлять образы после того как удовлетворишь себя логически, то образы эти будут не живые, а кукольные.

Монархия наша имела идеалом покой человека, зато самая жизнь человека состояла в борьбе. Теперь идеал — это борьба.

Смерть боится здоровья, и старость при здоровье проходит как самое лучшее время жизни человека. Почему бы тогда не поставить себе идеалом общественной и личной жизни человека здоровье? Потому что это само

собою понятно и в настоящее время является механическим делом движения цивилизации. Наш моральный идеал прежде всего исходит из современности и должен быть живым. Моральным идеалом нашего времени является борьба за единство хозяйственного плана всего земного шара.

Выступал в Педагогическом институте с чтением своего «Царя природы». Несмотря на то, что читал отвратительно, все почувствовали величие картины. Проф. Половинкин (геолог) сказал, что картина прошлого, подлежащего затоплению, так прекрасна, что едва ли после этого «новые берега» можно показать лучшими. Проф. Саушкин (коммунист), напротив, сказал, что пафос автора лежит не в картине природы, а в единстве староверского «надо» с нынешним государственным «надо» большевиков. Я же им, как мог, объяснил, что прошлое представлено мною в состоянии покоя, а настоящее и будущее я дам в движении. Каждому животному в этой динамической географии будет предоставлена индивидуальная возможность спасения и в этом должна открыться красота единства человека с природой.

7 Декабря. Пороша, выпавшая вчера ночью, за вчерашний день совершенно растаяла. Ночью, однако, прихватил мороз, и сегодня всю Москву посыпают песком.

Получил заказ от «Дружных ребят» написать приветствие ко дню 20-летия журнала. По секрету сказали, что просили о том же Сталина. Возможно, что и не просили, а говорят, чтобы козырнуть. Но я, как только ушла Карасева, взял да и написал «Наше счастье».

«Канал» пишу и мало-помалу подхожу к самому действию. Остается сделать экспозицию второстепенных лиц (массу) — и самолет мой поднимется.

8 Декабря. Вязка Норки.

Вернулась ноябрьская погода, небольшие морозы при бесснежье.

Повязана Норка у Северцевой с Джерри (ей 7, ему 9). Колония ученых. Северцева — собашница (она своего добьется: не бойтесь, поженятся). Проф. Туров убежал с живописью, Огнев к мышам — 7-й том кончает.

Вечером на «Король-олень». Явилось сомнение в постановке «Кладовой солнца»: кукольные сказки все на чудесах, возможно ли дать сказку без чудес в кукольном театре? У меня поэзия заменяет чудеса, но что заменяет у них чудеса?

Природа, как зеркало Божье... но вообще в природе, как в зеркале, мы видим себя, конечно, и Бога, поскольку и Бог живет с нами, а если Бог нас оставит, то едва ли мы и его увидим в природе.

Мои родители насадили сад, и я вошел в него, как в рай, и если в этом раю был Бог, то это сделали мои родители, они так делали, что Бог пришел к ним на помощь и поселился в этом саду.

Это же самое делал и я своими книгами, насаждая сады... Как я их делал — это мое дело и никому не интересно, если вопрос приходит к тому, что я делал, а не как делал.

Во все времена мы это «что» и понимали как Бога и этим «что» убеждали других.

Огнев Сергей Иванович — мышиный король.

Вопрос о служении... Церковь после царя стала молиться за того, кто царя убил. И не слыхать что-то, как это объясняется.

Выходит так, что приходит только Надо со стороны, было бы одно только Надо, только безусловная сила принуждения, диктатуры, и ты, раб ее, имеешь перед собою путь свободы через сознание необходимости. Выходит, все равно, пленили тебя коммунисты или фашисты. (Вспомнился рассказ Валентина о том, как воспитывали фашисты, и потом вышел ему случай освободиться.) Так можно дойти до того, что подчиняясь «врагам», будешь стрелять

в «друзей». Когда немец дал ему в морду — он почувствовал себя русским и бежал. Так что это внешнее Надо, фашисты или большевики захватят, или вода, или лава вулкана — все равно! Это катастрофа, и в ней каждый должен найти свой личное Надо, свое sollen*. Война — катастрофа, революция — катастрофа, и в ней для каждого является Muss (мышь должна бежать из норы) и в то же время каждый из этого Muss должен сделать ich soll. Возможно, что таким образом совершилось и «происхождение видов».

Иметь в виду осторожность в обращении с аналогией затопления с революцией.

Но... Зуек находит себя в катастрофе водного затопления наравне с водяной крысой — это связь человека с природой. А на канале «хочется» рождается так же, как в школе... Канал — это школа труда, в котором каждый находит свои способности, и это нахождение и есть переход от müssen к sollen.

9 Декабря. Небольшой мороз и умеренный ветер. Вторая вязка Норки и возвращение ее домой от Турова. Передал Еремину (литературная редакция кино) «Кладовую». Ляля ездила в Госиздат на согласие засчитать с 3 издания «Избранного» договор (остаток в пользу нас около 30 тыс.). Написал поздравление в журн. «Дружные ребята» — «Наше счастье».

Вечером была Клавдия Максимовна с мужем. Страшный разговор о лагерной жизни.

Узнал, что Петр ехал по «осударевой дороге» и за ним везли виселицу (а Пушкин: «Да умирится же с тобой» и «Красуйся, град Петров»).

Урок: фокус вещи, или главный план — чистота души Зуйка, как вообще смысл таких катастроф есть рождение новых личностей, сосредотачивающих в себе смысл события. На Пушкина надо смотреть.

---

* Muss (*нем.*) — долг; ich soll (*нем.*) — я должен; от müssen к sollen (*нем.*) — от «должен», потому что понимаю, что должен, к «должен», потому что обстоятельства принуждают.

10 Декабря. Ясное утро. И весь день как стекло, а ночью луна.

Были сестры Олега Светлана и Тамара. Похожа эта Тамара, старшая сестра, на леди Макбет, сама длинная, лицо худое, губы тонкие, глаза же черные, маленькие, как муравьиные.

Еще был секретарь начальника охоты Кузнецова Холостов.

Вечером приходила Галина сказать, что Лева грозится покончить с собой. Постараюсь помочь. Как бы там ни было, но Леву после Ляли я люблю больше всех. Возможно, что если все с себя счистить, то и Ефросинию Павловну я тоже люблю, но это не то, что Леву: я Левой болею, как мать, и тут даже эгоизм отчасти: душа Левы в своей основе точно такая же, как моя, только без таланта и образующего талант поведения.

Завтра пойду в «Сов. писатель» и после 6 веч. зайду к Леве. Попросил Махова завтра прислать к нему психиатра.

Тружусь выписать место, соединяющее вступительную часть книги ($^1/_3$) с основной ($^2/_3$), в которой кульминационным пунктом, мне думается, будет Водяная крыса (солнце в глазу).

11 Декабря. Лунная ночь перешла в солнечное утро: сквозь морозную дымку пробились солнечные лучи, а луна осталась. Не хватает снегу.

Дым из городских труб распределяет красоту в городе (ночью дыма не видно, а разноцветные лампочки в большом доме то покажутся, то спрячутся — это дым, или на вечерней заре огни горят и померкнут — это дым, и т. д.).

Кому легче жить: коту или кошке. Каждый скажет — коту. А поглядишь весной на кота, какой он приходит изодранный, с рваными ушами. Сколько раз тоже приходилось видеть, как где-нибудь на пятом этаже на крыше свернутся коты клубком и валятся вниз на камни. Какой

тут — легче! Нет, конечно, труднее, опасней, но когда мы говорим «легче!», мы думаем о том, что коту даже и драка, даже и опасность в охоту, а кошке даже любовь в неволю: посмотреть только, послушать, как она орет, как стонет и жалуется, когда, выгнув спину, стоит под котом.

Жизнь, какая бы она ни была трудная, но одному полу она в охоту, другому в неволю, одному хочется жить, другому жить надо.

Все искусство наше рождается из нашего Хочется, и все воспитание детей и связанные с ним государственные обязанности определяются женским бременем Надо.

Мораль — это творчество женщины, и если мужчина ее начинает творить — собственное творчество его погибает (Гоголь, Толстой).

С какой-то отдаленнейшей точки зрения человеческий род на земле похож на длинный фитиль, зажженный, чтобы взорвать земной шар и превратить его в небольшое солнце. Фитиль горит, после него остается зола — это наши покойники, наше прошлое, движение искры вперед — это наше настоящее, а будущий мир — это мы все, обращенные в солнце.

В «Советском писателе» уговорился об «Избранном» (ред. Левин) и о томике новых вещей в 4 листа.

Вечером к Леве, играл в семье в подкидного дурака, остался дураком и почти понял, что супруги валяют со мною дурака. Нет никакого сомнения в том, что Лева устал, разбит, но «самоубийство» — это психическая симуляция, чтобы привести меня в состояние готовности им помочь.

Ночью, проснувшись, в ясном уме, согласованном с сердцем, понимал эту войну народов и вообще наше время как игру злых сил на естественном доверии народных масс. Рубят лес на дрова — он молчит, не спрашивает, на что дрова. Так и простак — используются его способности верить и за

веру свою отдавать жизнь. Но так и было всегда? Подставляется простаку предмет верования. Теперь что-то другое. Используется... Вот взять хотя бы симуляцию самоубийства у Левы: сын (пролетарий) использует жалостливую душу отца (с его точки зрения, буржуаза) и насилует. Но это только мой пример зарождения разрушительной силы, основанной не на доверии к ближнему, а на неравенстве. Является особая новая сила, похожая на атомную энергию, и являются инженеры этой силы зла между личностями, обращаемой на всеобщее добро. Но положим, это проходит и пройдет... анализировать природу власти...

Лиля Лавинская (жена скульптора) — художница в образе нищенки с подвязанной рукой.

Остатки разбитого ЛЕФа (почему застрелился Маяковский?).

Они понимают наше время как возрождение РАППа.

12 Декабря. Ясные морозные дни и лунные ночи, зима с морозом в –20 и больше, но снега нет.

К происхождению власти...

Власть имеет идеальную задачу: поступающую в ее аппарат силу зла (в частности, соцвредов) направить к добру всех людей и самый источник зла, вредного человека, обратить на добро.

Сам власть имущий хочет добра людям больше всякого добродетельного человека: этим он хочет оправдать свои преступления на пути к власти (добрые цари — только в сказках, но и там их хлещут ведьмы по мордам). Во искупление зла — действия Петра I и Иоанна IV. И еще дальше: во искупление своего личного зла (пахан украл у одного, а все — ему друзья) он делает добро для всех.

Так Бетал разоряет бедного владельца сада, чтобы на этом месте выстроить курорт.

Так уничтожают Зощенко и Ахматову, на благо всех.

Так образуется сила обобщения: путем уничтожения, убийства случайного.

И так очень похоже, что власть происходит от разрушения атомного ядра человечества — личности.

N. говорил, что сейчас время особенно характерно тем, что человек общественный извне (на людях) живет верой, а человек в себе (или дома) не только не верит этому, но презирает и ненавидит.

Вот почему на писателя, имеющего успех казенный, смотрят как на предателя, как на доносчика, подхалима и не прощают ему. Так было с А. Толстым, так происходит сейчас с Фадеевым. Но Шолохова все одобряют.

13 Декабря. Еще темно, а говорят, что мороз ослабел и начинает снежить. Неправда — снежок порхнул, а мороз еще сильнее, и ясно.

Вчера был Володя. Я пользуюсь им как зеркалом партии, т. е. смотрю в свои мысли в свете партии. Уверился, что эволюция Müssen (надо) в sollen (я обязан) и Wünschen (хочется) — есть в точности желанный педагогический план.

Как мог Пушкин, заступаясь за Евгения, возвеличивать Петра? Как это можно так разделить себя? Наверно, надо быть очень богатым душой и мудрым, и это состояние духа похоже «на люби врагов своих». И вот только если я открою в себе большое чувство — я напишу свою сказку «Царь природы».

14 Декабря. Царь природы. (Сказка-быль.)

Еще позднее вышел месяц, еще выше взошел. И мороз еще крепче, и утро еще светлее. До Николы Зимнего остается шесть дней.

Никто еще не давал красоту дыма в большом городе (и птиц: галки, вороны).

Вчера был этнограф Нечаев Александр Николаевич для ликвидации затеи со сказками.

Когда он развивал мне тему национальной сказки в свете бр. Гримм, я вдруг сопоставил себя, как создателя сказки какой-нибудь, с тем человеком, кто сейчас встал бы, разогнал, растоптал бы паразитов русского языка, поднял бы знамя русского слова...

И опять тут явился мне Пушкин со своим Евгением и Петром, и Пришвин со своим Зуйком и Сталиным, со своей мыслью постоянной о молитве за врага. «Медный всадник» и есть молитва за врага. На этом чувстве понимания значения врага и надо выставить обращение старухи в православие.

А Толстой сказал Нечаеву: — Ты мелко мыслишь. Медный всадник точно так же мог бы сказать Евгению: –Ты мелко мыслишь. И каждый, кто сейчас упирается со злобой в Сталина, тот мелко мыслит.

Мелкомыслящий (мелкотравчатый) упирается в «слезу ребенка» (личность) и не может пропустить ее, чтобы сделать обобщение, т. е. пропустить или убить ближнего (как Раскольников убил старуху).

Этим сопротивлением обобщению держится вся христианская мораль, весь Достоевский (почему его и не признают большевики).

Обобщение с христианской точки безнравственно и допускается не больше как враг, за которого надо молиться и учиться любить его.

Дьявол, обобщающий, подводит нас к атомной силе разрушительной, но встает Бог и определяет энергию на дело любви.

Так вот, значит, у врага в руках обобщение как сила разрушения, уничтожения «ближнего», личности, но в то же время у святого подвижника в руках есть сила воскрешения (творчества), направленная на дело разрушения, — в молитве за врага.

И вот отчего разрушающий, обобщающий знает, что он есть часть силы, которая вечно разрушает (убивает), чтобы вечно создавать новое (Мефистофель).

Вроде того получается, что разрушитель будит своим действием (обобщения) спящего Бога и тот воскрешает убитого в новом.

Капитализм обвиняется в систематическом обобщении, пропускающем хоть жизнь бедного человека, или «пролетария».

Это есть система убийства бедного человека, жертва пролетарием в пользу расширения «дела» (цивилизации).

Кризисы и войны возвращают от «дела» (обобщения, роста империи) к действительности.

Мы подхватываем эту силу действительности (пролетария), но пользуясь ею, сами подходим к тому же методу обобщения, значит, вовлекаемся в неминуемый кризис.

Вся надежда, что вовремя одумаемся и что этот последний зажим кончится как и РАПП.

Мало того — чувствовать себя первым человеком на занятом месте, нужно приучить себя сидеть с готовыми локтями, чтобы не пустить на свое место других (понял это, когда у Образцова в кукольном театре сидел между иностранцами). И то же, когда думал о карьере А.Н. Толстого: какой счастливо-бесцеремонный был человек.

— Хороший был человек Шишков, — сказал я, думая образом смиренного и глубокого человека поправить давление на себя А.Н. Толстого, — вот был человек! — Да, — ответила Ляля, — человек... только неинтересный.

Это было против того, что я хотел: чувствуя в себе какой-то основной недостаток против Толстого, что то ли я беззащитен, робок, то ли ограничен — не знаю! я хотел прикрыться Шишковым, а он при всех достоинствах «неинтересный». — А вот, — сказал я, — ты интересная женщина, что говорить, и сколько поклонников, а Зина неинтересная, и никаких поклонников. А смотри, какая она перед Богом значительная, с тобой и не сравнить!

И Бог милостив, и царь милостив только при наличии необходимости беспощадной жестокости в отношении людей: казнит, казнит и вдруг помилует. И Deus caritas Бранда является после жестокого испытания.

И то же в ипостасях давно: Отец и Сын.

В нашем православии обманчиво выдвинут Сын, как возможность жизни, целиком основанной на милосердии. Вот откуда, может быть, явился Евгений (Медный всадник) и в то же время в здоровой душе Пушкина явилась и поправка к нему: «Красуйся, град Петров!».

На этом предпочтительном почитании Сына и забвении Отца возникает и русский образ революционера (Евгений — да и Ленин?), но на этом фоне обязательной милости безликая, т.е. лишенная образа Отца, жестокость, и часто у революционеров милость и жестокость в одном лице.

И я думаю, что мой «Царь природы» явится демонстрацией силы природы в руках ее царя, той здоровой силы творческой и общественной, которая отстраняется от русского интеллигента культом Deus caritatis. Реставрация староверческого грозного «Спаса Вседержителя» от старухи через природу в Зуйка: «Надо» против слабости.

Когда я напишу своего «Царя», мне кажется, я буду мудрецом: только боюсь, что никогда не напишу и дураком умру. Как приятно в этих сомнениях поглядеть на «Кладовую солнца»: вот написал же! так вот и с «Царем»: будь таким же, как в «Кладовой», и напишешь. И как подумаешь, так и веришь... Напишу!

До Нового года «продрать» «Царя» до конца.

15 Декабря. Продолжается серия морозно-солнечных дней без снега.

Перечитал написанное и стало ясно, что фокус всей вещи есть Царь природы (Зуек) в борьбе с водой. Сила человека против воды в том, что она сливается, а у человека (Зуйка) есть своя неслиянная часть, благодаря чему каждый делает общее дело по-своему (каждый ведет <u>свой</u> канал). Тем же самым разрешается превращение müssen в sollen.

Был Вахмистров Вас. Вас., брат Над. Вас. Реформатской, помесь барина с егерем.

Были вечером Валентина и Сергей Яснопольские, инженеры с Беломорья. Пробовал выспрашивать о канале, но они или очень тупы, или у меня самого фокус вещи переместился с аврала на Зуйка и тем самым интерес мой переместился с плотины в природу — ничего я от них не получил.

16 Декабря. Потеплело, порошит.

Вчера видел афишу с лекциями о русской литературе, с заключительными разделами: А. Толстой — «Петр I», Шолохов — «Тихий Дон», Фадеев — «Молодая гвардия». А Пришвина не было, и это меня укололо, хотя не было и Достоевского, и Лескова. Неприятный этот укол! Разве сам-то я не чувствую, что делал хорошо и сделал, что мог. И все-таки колет. Нечто вроде как у Пушкина и Лермонтова, столь независимых людей, их тяга к светскому обществу. От этого чувства унизительного можно отделаться, только если бросить литературу. Но т. к. это нехорошо и невозможно, то остается продолжать соревнование и надеяться на лучшее в творчестве, целя́щее всякое унижение самолюбия.

Разум бывает прекрасен, когда показывается людям своими далекими границами, обнимающими огромный простор.

Это как выходишь из темного леса на берег и открывается море.

Или как Пушкин, замученный мыслью о судьбе бедного Евгения, вдруг как будто на берег океана выходит и говорит: «Красуйся, град Петров, и стой!»

И еще сильнее и бесконечно шире, чем океан, открываются границы разума, когда вдруг вспоминается Распятый с Его словами: «Прости им», и самому захочется помолиться за своих врагов.

17 Декабря. Сильнейший из всех бывших нынче морозов –23.

Много вчера придумал для своего «Царя» и сегодня начинаю разрабатывать с того места, когда Зуек сговарива-

ется с бродягой о побеге (начало динамической части). Так определилось: 1-я часть — экспозиция природы с историей, 2-я часть — экспозиция действующих лиц, 3-я — динамическая. Решил написать вперед динамическую часть и после вернуться к доработке действующих лиц. Возможно, что 3-я часть будет вчерне и доработается после 2-й.

Приехала Жулька. Ваня прописан. Ждем Ваниного отца. Сегодня поеду доставать разрешение на лося.

Устроился с лосем (Мих. Степ. Кузнецов).

Приходила Л. Лавинская (из компании Маяковского, Бриков, обломки ЛЕФа).

Так все это было близко к Ягоде и ГПУ.

Источник поэзии (Маяковский) сливался с источником власти (Ягода, Брики) в одной воде.

Становится понятным то чувство врага, о котором я говорил Ставскому (— Чувствую, что меня кто-то не любит, Сталин? — Что вы! Сталин вас любит!). Вот это самый враг и был, что стоял возле Маяковского (Агранов), и та же сила (власть), что рубит лес на дрова (для пользы). И надо помнить, что это же последняя сила, утверждающая берега наших возможностей («Красуйся, град!»). Мы чувствуем эту силу отрицательно в страданиях ближнего (Евгений) и положительно («люби врагов своих») в осуществлении, когда Евгений умрет и с ним современность пройдет в «прошлое», и осуществится будущее («Красуйся!»).

«Люби врагов» в некотором смысле означает и люби будущее, потому что не они создают будущее: а они только тем создают его, что разрушают наше настоящее и, разрушая, вызывают нас строить будущее (Евгений — это настоящее, а «да умирится же!» — это будущее»).

18 Декабря. Мороз и ясно.

Были на генеральной репетиции «Ромео» Прокофьева. Во втором акте не мог удержаться от слез — до того прекрас-

на музыка, чары Улановой и ансамбля. Третий акт перегружен, финал пошл. Чувствуешь тиски со стороны, как везде.

19 Декабря. Николай.

Вспомни брата своего, Михаил! Какой был хороший человек и как не пришлась ему жизнь от начала и до конца. А что? не его ли «идею» (о Светлом человеке) теперь я веду и хочу провести ее... Брат должен быть мне благодарен.

Поздравил Асеева — попал не в того Николая (Асеев в июне — Николай Кочанный). Пришли к Замошкину — тот именинник 9 мая (Вешний).

Симонов пришел в «Новый мир» и всех обласкал, а потом постепенно, наполняя своими редакцию, старых стал выжимать тихо, как вода выжимает из норок мышей.

И бедный Замошкин уходит (Тургенев в «Отцах» мог расправиться с отцами, опираясь на образ Базарова, — и Базаров действительно был!). А нас, «идеалистов», теперь выпирают — во имя кого?

Образование — наша сила, совесть наша, разве близость ко времени? но разве не отдаем мы всего, только чтобы сблизиться со временем?

По всей вероятности, побеждает теперь американизм, состоящий из способности в нужный момент предпочесть действие идее (этому движению помогают чрезвычайно евреи).

Любитель чтения сейчас может все прочитать, и вдруг окажется — пропустил Аксакова, не читал! Учатся на ходу, между делом, урывками.

20 Декабря. Пасмурно, метет, слабый мороз.

Неприятности по случаю 80% лося. Решение вопроса о Леве (И. Ив. Махов помог).

21 Декабря. Оттепель.

Когда происходит какая-нибудь гадость (вроде как с хлебом было: всех лишить, а потом дать обратно), то Галина Д. рекомендует не обобщать гадость и относить ее не к прави-

тельству, а к головотяпству отдельных людей. Так создается «вредитель». Если же бывают случаи, где исключительно правительство виновато — надо терпеть и ждать, когда оно поймет свою ошибку (на ошибках мы учимся).

Леву устроили в санаторий Ховрино (со вторника). Отлегло от сердца.

Вечером был Чумаков, рассказывал, как у него из 30 утят и 40 цыплят остался один цыпленок и утка, думали, цыпленок — курица, вышел петух. И стали жить петух с уткой на чердаке.

22 Декабря. Вчерашнее все подмерзло. Вечером приходил знакомиться Кулешов с женой, он режиссер, она киноактриса.

Голова у меня была тяжелая, едва сидел. Придется отдохнуть.

Есть мысль: она распространяется у людей по доверию. И есть умысел, весь основанный на недоверии... пишу после ухода Володи: десять лет пишет роман, от всех скрывая, и даже не дает прочитать жене. Это «умысел», и думаю, что роман будет плохой. Жизнь наших подпольных кружков вся была на умысле.

На свой аршин разве можно мерить людей, но нельзя тоже и чужим аршином смерить себя: как ни прикладывай к себе чужие мерки, все что-то остается такое, чего никак нельзя захватить на вершки.

23 Декабря. Красный тихий день с умеренным морозом. Ваниного отца не отпускает колхоз. Он послал телеграмму — «разбился». Пошли с Лялей, встретили Илью — отдали справку на Ваню. Встретили Вирту — заказали ордер на туфли. Зашли в офицерский клуб — покончили с лосем: лось будет. Звонил Мих. Степ. Кузнецов о том, что Жульку скорей всего возьмут на выучку в Военное общество.

24 Декабря. У Еремина (Дмит. Иван.) в студии. Обсуждение возможности сценария «Клад. солнца». Борьба между режиссерами Роу (Детфильм) и Згуриди. Победа Згуриди.

25 Декабря. Спиридон-солнцеворот. Света не видел, с утра раннего пишу заявку на сценарий.

К обеду пришла Софья Павловна Коноплянцева и сказала Ляле:

— Меня вы не спрашивайте, как я живу: я вся отдана служению семье сына. Не спрашивайте, какие отношения у меня с невесткой, какие бы ни были: меня нет.

— Вот это чудесно! — обрадовалась Ляля.

Это отвечало ее идеалу.

— А как у вас отношения с Марией Михайловной (сестра Александра Мих.)?

— Она Марья, я Марфа. Она читает духовные книжки и всё, в себя живет и недовольна мной, что я бросила все свое личное для семьи, для других. Неправа она, она эгоистка?

Ляля замялась.

— И не читаете ничего, и в церковь не ходите?

— Ничего, ничего, все для семьи.

Ляля оторопела.

И ей это было не в бровь, а в глаз: она теперь, глядя на Софью Павловну, увидела себя в обезьяньем виде, видела обезьянье изображение своей морали о том, что надо отказаться от себя и жить для других. Хороша бы она была, если бы отказалась от меня и стала бы служить своей больной матери! Нет, милая, ты любишь меня для себя, тебе просто хорошо со мною жить.

Выбрось это из себя, выбрось вместе с этим любовь к искусству, к разнообразию в людях, оглупей совершенно, отдайся одному своему долгу в отношении матери и сделайся такой же обезьяной, как Софья Павловна. Но из этого еще не следует, что надо брать пример с Марьи Михайловны, поглощающей духовные книги только для себя и видящей в этом цель «самосовершенствования».

26 Декабря. Завтра позвонить о собаке, сегодня о проволоке.

Заканчиваю [сценарий]. Вечером прочитал в студии Дм. Иван. Еремину и, к величайшему моему удивлению, он тут же заключил со мной договор на 50 тыс. и дал на руки 25%. Столь удивительный выход из трудного положения меня оглупил. Тысячи на три я решил купить всего и принести домой, но когда пошел покупать — ни на что не решился, купил только на 1 р. три папироски, одну тут же выкурил, а две дома спрятал.

27 Декабря. Пишу своего «Царя» успешно.

Красота — солнце добра.

Добро нам показывается и тянет к себе, если осветит его красота.

Путь художника — это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра. Мы все этого ждем от художника и плачем от радости, когда это ему удается...

28 Декабря. Были у Яковлева на рождении: был Федин, Леонов, Лидин. Говорили наигранно, деланно, как говорят в таких случаях литераторы. Леонов пошутил с вопросом: — Есть Бог? Я ответил: — Есть!

29 Декабря. Были у Кулешова Льва Владим. (жена Александра Сергеевна). Читал я свою заявку и получил ценные указания. Сценарий — 60 стр., 8 картин, т. е. три листа.

Неизвестный поэт Машков Алекс. Вас. (Кировская обл., Кайский р-н, п/о Лесное. Муз.драм.театр) прислал стихи:

Вчерне лежит вокруг меня
Мир грозно-голубой.
Мне мало ночи, мало дня
Чтоб быть самим собой.

У жизни тысячи вершин,
И что ни шаг — обрыв.
Я слишком много совершил
Одним уж тем, что жив.

30 Декабря. Ездить ни в метро, ни в трамваях невозможно, так все забито народом: все готовятся к празднику. У нас — увы! — нет праздника, потому что Ляля признает праздники только церковные. Я подчиняюсь, потому что ведь Ляля ведет меня на этом пути, меня слепого. Но чувствую, что выключение себя из общих праздников очень пахнет сектантством. Христианские праздники духовно-эстетические постепенно растворили в себе церковный быт: так и получалось, что помолятся в церкви, а потом домой за ветчину; тогда хоть помолятся, а теперь, не молясь, и не за ветчину даже, а только за «сухой паек» — и то празднуют. А мы? У нас сейчас пост. Наверно, так надо, но хочется под Новый год вместе со всеми напиться и буйствовать, и танцевать где-нибудь на площади...

31 Декабря. Раздумывал ночью о сценарии своем, помышляя о работе Кулешова с Шкловским и почему у них не должно выйти живой картины. Потому что они берут кадры свои из головы и так создают нечто неживое, отвлеченное. Тут же в первый раз в жизни я понял, почему художники-живописцы являются рабами своей натуры. Оказывается, не затем нужна им натура, чтобы выписывать ее правильно, а чтобы сохранить в красках тот жар души, который поднимается в момент восприятия. И вот почему лично я всю жизнь держался своей натуры, и вот почему вышла у меня «Кладовая солнца».

Вечером позвали «кузин», встретили с ними Новый год, они у нас по-родственному переночевали.

Я слегка захворал, ночь провел в кошмарных снах, и так начался 1947 год.

М.М. ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ

1946

1947

1 Января. Все поехали, наши и Игнатовы, к Удинцевым в Соломенную Сторожку и вернулись к обеду.

Вечером пришел Яшин Александр Яковлевич, поэт с женой, очень симпатичная пара. Пришел К. С. Родионов. Ночью буйствовал поэт Луговской так бешено, что слетел и рассыпался лепесток от люстры.

2 Января. Возобновились морозы, вероятно рождественские. День просверкал золотой.

Решили послать Ефр. Павл. телеграмму: «Поздравляем Новым годом, сердечно целуем. Валерия и Михаил Пришвины». Инициатива в этом была от Ляли, но тоже Ляля сказала, что мириться духовно — да, а встречаться ни в коем случае: это невозможно.

3 Января. Морозы рождественские.

Показался конец работы, но еще не показалась ее значительность.

Вспоминаешь, сколько было случаев, когда что-нибудь вздумается неверное, и его не выполнишь только отдаваясь чувству «не хочется» (была одна фельдшерица, была одна учительница, одна еврейка, да и мало ли!). Сколько было такого: не захотелось, и спасся от ужасной гадости. Наоборот, я не помню ни одного случая, когда я бы раскаялся от того, что сделал, как хочется: ни одного случая! — А у меня наоборот! — ответила Ляля. — Значит, ты человек по природе более правильный.

4 Января. Царя Соломона, болеющего гриппом, посетила царица Савская с двумя детьми (художница Зелинская-Платэ Раиса Николаевна, дочь академика Зелинского).

5 Января. Последнюю главу «Аврал» перед последней частью откладываю и начинаю последнюю часть «Пленная вода».

С первого дня Нового года не выхожу из дому, грудь заложена, изредка кашляю, чувствую слабость — ни здоров, ни болен.

Происходят выборы в РСФСР нашим способом, путем разных плотин и дамб складывается сила, подобная стихийным силам, но порождаемая только человеком как совокупностью. Внутри этой силы каждый элемент ее борется за свое первенство, и это движение каждой части к первенству составляет особенность силы человеческого общества сравнительно с силами природы, называемыми стихиями (ветер, вода, огонь).

Впрочем, не только человеческая сила, но и всякая органическая жизнь построена на том же самом движении к первенству, и каждый лист на дереве, благодаря этому, стремится к единству организма по-своему.

Человек в своем движении сглаживает эту борьбу всей природы за первенство, и потому вещи, которые он создает, — мертвые вещи (рукотворные, «фабричные» и т. п.), имеющие служебное или полезное назначение. И все, что делает человек, лишено этой внутренней борьбы за первенство, в том числе и сам человек (чиновник, партчеловек), создаваемый силой общественности.

Наше устремление к «природе» есть стремление к тому, чтобы вырваться из тисков механизации и включить себя в среду, основным принципом которой есть борьба за первенство. Это мечта людей или усталых, или нетерпеливогордых (Толстой).

Нет! пример природы нас должен вдохновлять не к побегу из среды человеческой, а к борьбе за единство по-своему: каждый из нас, глядясь в природу, как в зеркало, должен узнать сам себя и таким, узнанным, действовать за идею единства в обществе как живой, а не механизированный человек.

Борьба за такого человека (личность) ничуть не противоречит идеям коммунизма, но практика этой борьбы за личность может враждебно встретиться с практикой борьбы за единство.

Аврал — это единство.
Зуек — личность.

6 Января. Сочельник. Все еще не выхожу, а за неделю, вижу, побелели крыши, подсыпало снежку.

Перовская с Лялей идут в церковь в 4 утра. Есть надежда, что Перовская выйдет замуж за математика. Как старается! — Ляля, может быть, и ты меня так добивалась? — Что ты! я была влюблена, я плакала. А впрочем, зачем доказывать? У нас вышла любовь, чего же больше?

Вчера ночью сблизились между собою два слова, мечта и вода, и до того, что я взял карандаш, и у меня необходимейшая глава для всей композиции и вся вещь пришли в единство (до того было два центра, Аврал и Огонек зари).

Так вот и надо понимать, что в поэзии (искусство слова) происходит борьба неведомой стихии, похожей на воду, с рассуждением, похожим на берег, и победа бывает, только если вода размоет берег...

7 Января. Рождество. Начал выходить.

Устроили елку. Галина без детей (и чего-то она к Ляле топорщится). Светлана с мальчиком (запомнить: такой худенький). Мальчик Платэ (Раисы Никол.). Володя Елагин. Играли в шарады и т. п.

8 Января. Родина. Выступаю в Лит. музее с «Царь природы». Начало: матрос в лесу: что-то есть.

42 года тому назад «В краю непуганых птиц» = «что-то», но что? <*Приписка:* наивная книга.>

В течение войны разрешилось: это чувство родины, тщательно оберегаемое от обобщения идейного. Это «что-то» и самый Беломорский канал: что-то есть.

Итак, первый план в книге — это картина нашей родины.

Природа. Мой побег в Азию как источник борьбы за первенство.

Моя природа везде как борьба за свое место.

Все путешествия как проверка своих сил, явление личности.

Заключение: ни малейших признаков стремления автора создать занятное чтение — это так легко!

1) Родина. 2) Природа — это зеркало, в котором можно увидеть себя как человека: все борются за существование, а человек за первенство. 3) Дух альпинизма.

9 Января. Вчера первый раз после болезни (небольшой грипп или просто кашель, вспомнилось, что моя мать никогда не болела) вышел на свой вечер в Лит. музее, Ляля читала, я говорил. Все вышло хорошо, но чувство было такое, что читал среди родственников. Чувствовал, что все они очень опасаются, не примажусь ли я к большевикам.

Некий ощипанный старик Гуревич, желая показать свою образованность, пустил на мой канал Фауста, он говорил: — Пусть в первой части бес ведет Фауста, но она хороша, а во второй части, где Фауст становится к природе в положение преобразователя или приспособителя ее к человеческим целям — как-то ничего не выходит.

Так он, возможно, сам имея лишь одну цель, показать свою образованность, уколол меня и тем, что сравнил с Гете, и тем, что указал на безнадежность моей позиции в отношении природы. Я не успел ему возразить тем, что Фауст сам ведет канал, а у меня Фауст находится в положении каналоармейца.

Там человеч[еская] природа есть мефистофельское наваждение, здесь природа как место борьбы человека за первенство (за личность).

А в общем, как написал Сталин по поводу какой-то поэмы Максима Горького: «Эта штука посильней “Фауста”».

Очень хорошо беседовали с Лялей о той главе, где вода посмеялась над раскольницей, мечтающей об огненной смерти: она и рада, что осталась жива, и ей мучительно стыдно. Вода кружит ее карбас, повертывает к вороне, и она видит, как ворона сидит до конца и потом пересаживается на крышу... Вот водяная крыса вынырнула к вороне. Так и она тоже сидела, как ворона.

10 Января. Сегодня придет Згуриди Александр Михайлович, кинорежиссер.

Царь природы. Педагогическая поэма.

В чем же педагогика?

Природа есть место борьбы за существование. Человек же сделал ее местом борьбы за первенство свое. Тут, в природе, человек получил свое первенство, и вот почему его тянет в природу: там он царь. Но человек...

Основная мысль та, что необходимость, или приказ со стороны, человек превращает в свободу, значит, приказывает сам себе то самое, что ему навязывает чужая воля. Так, если я должен поневоле участвовать в выборах, то это необходимость. А если я сочту это своим собственным делом, то я могу даже и попасть в депутаты.

Нужно устроить свою душу прежде, а потом и квартиру: с души начать, а не с квартиры. Но если устройство души приводит к необходимости принять ближнего, то нужно непременно и о квартире подумать. Вот этот «материализм» и является нашим желанным делом: чтобы не с пустыми руками встретить ближнего.

Бывает, сядешь за стол, и не пишется: мысли прыгают, как в чехарде. От нечего делать тогда возьмешься за приборку на столе, в комнате. И когда все приведешь в порядок, то, бывает, и мысли тоже построятся, сядешь и работаешь. Так бывает, но это вовсе не значит, что порядок в мыслях непременно зависит от порядка в квартире.

11 Января. Приходил с рукописью мелкий человек в военной форме (Петр Иванович Новицкий), помесь еврея с белорусом. Он был соседом по квартире с Зоей Космодемьянской и теперь этим положением пользуется. Пишет мелкие вещи о попах под фольклор и малограмотно. Ох, и много же этого мелкого человека! сам по себе такой человечишко — комар! но вместе они, собранные, подчиненные, представляют собою физическую основу государства. На них-то вот и надо смотреть с точки зрения всего собранного человека, получающего определенное рабочее назначение. И культивировать надо его в этом служебном направлении, оставляя в стороне понятия и личности и народа.

Здоровье на труд, и труд на здоровье!

Все наше стариковское отношение к выборам, к критикам, цензуре и тому подобным несвободам происходит от несовременного нашего понимания «народа».

В наше время понятие «народ» относилось к источнику власти, теперь народ — это массы, находящиеся под воздействием или влиянием партии, что вполне соответствует пониманию народа при царе до революции.

Состояние народоправства было мостом между царизмом и нынешним положением, диктатурой.

И на практике, издавая, напр., книги, хотя бы для детей, разве главное в оценке книги состоит в признании самих детей? Конечно же, нет. Так почему же книгу для взрослых мы будем отдавать на суд «народа»?

Все понятно, только на практике выходит, что мы отдаем книгу не на суд народа, не на суд партии, а на суд бюрократии. Вот откуда берутся такие порывы, как у покойного Ставского, и теперь Панферова, и, наверно, многих других послать книгу на суд Сталина.

12 Января. Морозы рождественские стоят средние, от 12–20 гр. Понемногу подваливало снежку, и теперь земля хотя и не больно густо, но все-таки и в полях и в лесах под снегом.

Победоносцев свою критику парламентского строя основал на двух положениях: 1) на критике рационализма и 2) на том, что не добро лежит в основе природы человека, и добро создается воспитанием.

Наше время не отказывается от положений Победоносцева.

1) Рационализм? Наш рационализм есть не больше, как оборонительная система от реакционной мистики. Исходные же положения о единстве человека в творчестве жизни принимаются на веру.

2) Добро человека, присущее будто бы самой природе человека, признается возможным лишь при условии общественного воспитания.

3) Из этого выходит, что и выборы наши не европейские подкупные, а наши выборы есть система воспитания народа в общественной деятельности и подготовка народа к делу управления государством.

Итак, если раздумать хорошенько, то у нас все обстоит хорошо. Но почему же никак не поднимается навстречу этому хорошему изнутри себя самого «осанна»?

Во-первых, конечно, самое простое — это что, может быть, в основе профессии писателя и природы поэта лежит чувство свободы, и встреча этого личного Хочется с государственным Надо, какого бы ни было оно происхождения, монархического или социалистического, все равно есть борьба (как борьба воды с берегами).

С детства народниками мы были воспитаны для такой борьбы, и в процессе жизни присоединили к этому поэтический талант, ныне привлекаемый для целей пропаганды. Вероятно, в этой встрече поток личного сознания (живой воды) с внутренней необходимостью размывать камни <зачеркнуто: госуд. необходимостью>... противопоставление личному потоку берега общественности и порождает чувство неприязни ... к чему? и не скажешь.

Катушка Фауста. Итак, мой Фауст получает в наше время «катушку» (десять лет). Положительный смысл этого в том, что Мефистофель со своими причудами нравственными и философскими, составляющими понятие свободы, исчезает. Фауст, как и всякий зверь, попадает в систему необходимости борьбы за существование. (Помимо того, что должно поэтически само собой «выйти», надо иметь в виду педагогический план повести.)

План:

1) Катушка для Фауста есть природо-общественный корректив, изгоняющий из личности действие Мефистофеля и реализующий ее в правде.

2) Борьба за существование в природе есть борьба за первенство каждого как высшего представителя своего рода: это есть правда природы. Фауст сдает экзамен на первенство человека в борьбе за существование: он царь природы.

3) Но Фауст, проходя школу природы, вышел победителем только потому, что он содержал в себе навыки борьбы за первенство всего человека.

4) И его опыт этот раскрыть в опыте каналоармейцев.

Возражения к нравственной системе: «Катушка Фауста».

Если «Катушка» есть нравственная система, выгоняющая из человека беса своеволия и возвращающая его на путь человеческой правды, то почему же плеть рабовладельца или оглобля свекра в родовой семье не могут [быть] даны тоже как нравственная система?

Потому что и плети и оглобли время прошло. Возражения против такой системы воспитания явились, когда система эта отжила.

Фауст не боится ни кнута, ни оглобли, его Мефистофель боится лишь правды. Так что всякой свободе соответствует своя форма принуждения, отживает не самое принуждение, но лишь форма его, которая в свою очередь определяет новую форму свободы.

13 Января. Вчера был с Лялей на «Адмирале Нахимове», патриотический фильм без глубокого фокуса, направленный против англичан.

— Знаешь, Ляля, — сказал я, — часто ли тебе приходит в голову, что мы пленники своего времени и склонны судить новое время по себе? Я принимаю новую действительность только с этой поправкой.

И еще «знаешь, Ляля?» в обратном направлении. Это когда на твое пережитое ложится вызов тех благополучных в гордости и высокомерии. Тогда ты опять судишь о них с пристрастием, значит, для суда над ними тебе тоже надо иметь свой коэффициент для поправки.

<*Приписка:* Пелевин Владимир Иванович> педагог, профессор химии, редактор детской энциклопедии, придет в конце февраля с проектом 2-го тома энциклопедии «Природа». Предлагает мне написать руководящую статью.

Пелевин сказал: — Есть радость познания, а еще есть радость незнания. Вот у вас — вся радость показана: и от знания, и от незнания.

Ему не очень понравилась «Кладовая солнца», а больше всего «Лесная капель».

Когда Ляля стала ему раскрывать аскетизм в моих терминах «хочется — надо», он выставил разрушение как фактор творчества. — А если разрушать, то и это ведь тоже бывает «надо»? — Разговор ушел от нашей темы и расплылся.

Но такое умонастроение следует (полезно) иметь как корректив моему скольжению в область послушания, которое принимается мною лишь как путь от необходимости к личной свободе, от müssen к sollen.

14 Января. (Старый Новый год. Рождение тещи.)

В 12 дня просмотр мультипликации.

Просматривали мультипликацию (был и Маршак). Мультипликация наша — это испорченный Дисней: все наспех, все кое-как, все не до конца, и по всему еще утюгом прошлась чья-то рука.

<*Зачеркнуто:* Надо понять необходимость силы разрушения, чтобы понять заповедь «люби врагов своих»: полюби разрушать.>

Вечером гости были: все Удинцевы, Родионов и Елена Константиновна неизменная.

15 Января. Начинаю понемногу понимать урбанистов: город как остров спасения для человека, место, где, с одной стороны, личность человека может укрыться от контроля, с другой — где он может создавать не стадный коллектив.

Это чувство мне пришло, во-первых, под влиянием современных условий жизни: полной невозможности жить в природе (в провинции), утраты прежней веры в то, что там, у Лукоморья, есть дуб зеленый: дуб этот срублен. Что-то вроде наступления воды, выжимающей из берега мышей: так выжало из провинции всю интеллигенцию. И стало понятно, что связь с природой имел я эстетическую, а не моральную (не корнями держался, а ветками): ходил за ягодами, грибами, сказками, а не по основному делу.

Надо наконец понять, что природа само по себе не девственна, а эта девственность есть 1) мечта, рожденная в городе: эта девственность есть возвращение Фауста в молодость при посредстве Мефистофеля. 2) Это есть форма верования человека в себя самого, природа, как мы ее теперь понимаем, есть гармоническое воздействие человека в хаосе.

Человек пришел в лес за елкой к Новому году и целый день искал правильную и не мог найти. Пришлось взять неправильную, длинные сучки подрубить, на пустых местах просверлить дырки и вставить новые. Второй пример: когда глядишь на цветок в природе, то думаешь — не может такого живого прекрасного цветка создать человек. Когда глядишь на люстру венецианскую, то думаешь: не может природа создать такого бессмертно прекрасного. Значит, творчество природы и творчество человека различаются отношением ко времени: природа создает настоящее, человек создает будущее, красота природы ограничена жизнью рода <*приписка:* кажущаяся>, красота человека...

Подвести эту философию к статье о природе в детскую энциклопедию.

Были у Платэ-Зелинской Раисы Николаевны. Ляля ей завидует: у нее два чудесных мальчика, она талантливая художница и красивая. Совсем счастливая женщина. За столом были родители мужа, какие-то французские или какие евреи, вроде Маршака, разговор был светский о театре Образцова.

16 Января. Праздник отмороженной ноги. Не праздник вышел, а суета для подготовки приема нужных людей. (Вместо праздника.)

Погода мягкая перед Крещенскими морозами.

Надо помнить, что я вышел из толстовского времени, когда стремились опроститься и уйти в природу. Война, две войны после того показали нам природу под углом зрения «Хочется» и «Надо».

Уходя вчера от «счастливой женщины», Ляля сказала: — Я ей завидую и чувствую через нее тоже, что много счастливых браков. — Так бедная монахиня подходит к тому миру, от которого была насильственно отторгнута иллюзией святого безбрачия. Ей бы теперь ребеночка, но родить в 47 лет — это почти что умереть (вот какой возможен трагический конец побега в безбрачие!).

17 Января. Оттепель. Из каждой новой водосточной трубы в Дунине капало.

Едем в Дунино и сегодня думаем вернуться.

Первозданные камни — берег (огонь), вода — как женщина обнимает, и это она порождает новую жизнь. (Огонь и вода.)

Написана глава-посредник с идеей воды как силы единства.

Создать ритмическое соотношение глав-посредников, соединяющих динамические главы.

Написать остается: 1) Аврал. 2) Заключительный.

Ездили показывать Дунино отцу Вани Никите Петровичу (советский развязный мужик). Поняли, что из Ваниной затеи перегнездить отца ничего не выйдет. Стал и передо мной вопрос о трудности хозяйства в нашем положении. Ляля меня долго мучила своим неверием в нашу дачу: — Зачем же она с таким воодушевлением начала? — думал я и злился: целый год она твердила: «продать и продать». Теперь вижу, она была права, как всякий будет прав, если скажет, что если все смертны, то, значит, и мы тоже умрем.

Раздумье о даче явилось оттого, что в разговоре с Ваней поманила весна под Муромом и дача показалась чечевичной похлебкой, полученной за продажу первенства.

Сила воли. («Сила воли» — это не народное понятие.)

Послал на завод вулканизировать камеры. Ваня провозился весь день: доставал в канцелярии бумаги, «оформлял» дело на 8 руб. — Там была в отделе вулканизации Петрулевич, — сказал я, — она без всяких бумаг мне делала такое в полчаса. — У нее была сила воли, — ответил Ваня, — и она могла, а нынешний начальник не может. — Оказалось, что у Петрулевич мужем был Косенков, начальник всех московских автомоб.-ремонтных заводов, и через мужа Петрулевич на заводе имела большую «силу воли». Так в представлении русского парня слабоволие начальника являлось силой воли рабочего.

18 Января. Оттепель. План: за Январь вчерне закончить «Царя» и законсервировать. За Февраль написать сценарий. Март: возвращение к «Царю» — до 7 Апреля (Благовещение). За весну и лето кончить «Царя», составить «Моя страна».

Крещенская оттепель.

18 Января. Оттепель. Дела: 1) Колючая проволока. 2) Резина. 3) Режиссер Згуриди. 4) Воскресенье — выступление

в избирательном участке и обед с Никитой. 5) Ограничение Вани. 6) «Советский писатель».

Выступление на избирательном участке. Рассказать об электрической лампочке: это огонь, заключенный в форму.

Все виды человеческого творчества — это тоже огонь (талант), заключенный в форму. Стихи Пушкина <*зачеркнуто:* и город Петра>.

Вечером были гости Ив. Ив. Махов и с ним, как всегда, его друг хирург Федор Федорович, Серг. Серг. Туров с женой Лидией Георгиевной (ур. Морозовой) — [лес]. Ник. Ив. Замошкин с женой Ольгой Ник. Пили водку, Махов начал водительствовать, и под его балагурение все здорово подвыпили. — Какой прекрасный вечер! — сказала теща. — Не вижу ничего прекрасного в том, чтобы сидеть вечер с пьяными дураками. — Но ведь большинство же так! — сказала теща.

А какое мне дело до большинства.

— Почему вы такую склонность имеете к большинству? — спросил я.

— Миша, — сказала Ляля, — не дразни мою мать.

Одно только на этом вечере осталось для меня ценное: это когда Махов, болтая, сказал: — Хороша, велика, необходима техника, но душой я все-таки стою за лошадку. — Почему-то и я, — подумалось мне, — но почему? — И ответил себе так, что лошадка все-таки *сама* бежит, и не всякого даже она и повезет: вот эта правда живой неподменной природы и сохраняется за лошадкой. Природа каждого из нас раздевает, и каждый знает свою природу и во лжи своей тоскует по правде (правда — это природа, и природа есть я сам). Махов едет в автомобиле и мечтает о лошадке, потому что автомобиль — это все для дела, навязанного ему, а лошадка — это он сам, Махов, забитый — это понятно, стремится к себе, к первоисточнику своей жизни, к попам, к родине с лошадкой. Но если он царь природы? если царь, если Сталин все бросят, как не свое? Нет! если

царь, то надо царствовать, а не бежать от царства в «природу», а «лошадку» (природу) чувствовать в себе как любовь, правду, истину.

Ванина «Сила воли».
«Канал» — это сила воли Царя природы.

19 Января. Крещенье. Оттепель.
— Человек-то, может быть, как раз и есть то, что мы называем чувством природы. Там все делается то самое, что и мы делаем, но *чувствуем* только мы. Есть очень дельные люди, но бесчувственные, и если он что-нибудь даже и большое делает, мы их дела не укладываем вместе с сокровищами самого человека.

Чуть-чуть начинаю шевелить душу в ответ на слова мои ежедневные «научи меня любить врагов своих».
Первая ступень к врагу — это: «прости им, они не знают, что творят».
Вторая ступень: все дурное, направленное против меня, отделить от них и от себя, как отделяются ящики при распаковке ценных предметов.
Третья ступень — найти общую с собой сущность и, сложив, отнести ее к Богу нашему.
Итак, три ступени всего, но велик труд их переступить. И этот труд есть величайший в мире творческий труд человека, заключенный в словах: «Научи меня творити волю Твою».
Значит, любить врагов своих возможно, только так трудно, что почти и невозможно. Между прочим, на этом пути, конечно, и война как средство раскрыть ящик с запечатанным в нем сокровищем, война за любовь, священная война.

20 Января. В тепле, как весной, валом валит снег.
Дочь Никиты Пшеничного служит «Завгероинями», т. е. заведующей отдела помощи матерям-героиням.

Два раза читал «Царя» (в Пед. институте) и в Лит. музее. В первом случае проф. Покрышкин (геолог), расхвалив

мое изображение края, сказал, что лучшего после проведения канала ожидать нельзя, между тем как оно должно быть; значит, предстоит встреча поэзии с должным, и это никогда не ведет к добру.

Точно так же в Лит. музее некий Гуревич, похвалив первую часть моей работы, высказал злые предчувствия о второй, напомнив, что и Гете 2 часть, где Фауст работает на канале, не так удалась, как первая, и это есть результат измены автора своему поэтическому отношению к природе и перехода к идее вмешательства человека в дело природы с целью осуществления социального добра.

Пришлось вспомнить 2-ю часть «Фауста», и оказалось, что я бессознательно работаю над темой 2-й части «Фауста», где человек воздействует на природу в целях социального добра.

Что привело Фауста на канал? Постепенное приближение к старости как к необходимости: прошлая свобода оказалась ложью (Мефистофелем), и место лжи заступила правда-добро.

Таким образом, вся разница моего Фауста и того состоит только в разном осуществлении необходимости: там постепенно и добровольно: Фауст сам подходит к необходимости соц. правды. Здесь соц. правда как необходимость обрушивается на индивидуума.

Там Фауст жил-развивался до сознания <*приписка:* он нисходил до> необходимости. Здесь Фауст взят необходимостью и освобождается сам.

Не тут ли и наше отношение к «природе»: одна природа как идея поэзии свободы, нисходящей к необходимости, другая идея необходимости (правды), восходящей к свободе.

Там движение весенних сил. Там весна, чреватая зимой, здесь зима, чреватая весной.

Там весна как данное, здесь зима. Там движение радости до истощения, здесь движение от горя к радости и обогащение. Движение свободного к необходимости (смерти) начинается чувством личного бессмертия. Движение из необходимости к свободе (когда солнце на лето, зима на мороз) начинается наживанием свободы (день прибавляется).

Итак, есть два времени года:

1) когда день прибавляется, 2) когда день убавляется

1) движение жизни от необходимости к свободе, 2) от свободы к необходимости

1) Славяне, 2) Закат Европы

1) Хочется, 2) Надо.

Приходил Рыбников и трепал всевозможное (их три трепача у нас: Чумаков, Махов и Рыбников). Политические сказки о *<4 слова вымарано>* и пр. Рассказ о реставрации Репина с чувством плена людей, ходящих возле власти (то же и мне было при визите к Калинину). Кухня власти: везде, во всем своя кухня и свои нужники.

Нужник! какой великолепный образ необходимости: говно и цветы или клубника. Необходимость и свобода = говно и клубника; из говна клубника, из клубники говно. Один Фауст начинается клубникой (красота, свобода, бессмертие) и кончается говном (добро, польза, канал). Другой — наш Фауст — начинается говном.

Был у Еремина, который систематически взялся пугать меня сценарием, приставляет ко мне редактора, какую-то «Марковну». Ляля предложила обогатить сюжет включением в сценарий ленинградских детей. Эта мысль замечательная и Еремину очень понравилась. Еще я вспомнил свой рассказ «Торф». И сказал Еремину: — Не пугайте меня, я ведь сам представляю из себя кладовую солнца, всю жизнь чающую эксплуататора.

21 Января. Снег и тепло (только не тает).

Теперь оба дела: 1) «Царь», 2) Сценарий — одинаково представляются в одной и той же задаче преодоления необходимости. Одна работа будет обогащать другую.

Приступаю к сценарию.

Консервирую «Царя». Memento: без навоза не вырастишь розу, но поэт все-таки будет славить розу, а не навоз

(т. е. у-добре-ние). И если есть задача пропагандировать правду, то это не значит всем показывать нужник: надо показать, прежде всего, самую розу и оставить немного навоза, перегнившего, осоломленного, чтобы показать рядом с красотой и добро, рядом со свободой и необходимость, из которой она выбилась.

Чужая мысль, самим собою не выношенная, мешает поэтическому творчеству, но своя мысль собственная всегда обогащает поэзию и создает глубокий фокус.

Какой чудесный вопрос художнику: — Видели ли вы в своей жизни красавицу, и сколько раз, и при каких обстоятельствах?

Увлечение прагматизмом, т. е. оценкой всего сущего, отношением его к трудовому процессу, дошло до того, что и праздник — это высшее состояние духа, достигающего радости, обратили в отдых, а произведения искусства, образующие праздник, — для них это средство отдыха, развлечения. А у нас мало того! получаемый отдых в свою очередь используют для агитации и пропаганды.

— И пусть их! но что тебе? — Не дают мне быть самим собой. — Не может быть! для этого есть время у каждого.

22 Января. На вечер в Москве таяло, ночью чуть-чуть придержало и припорошило.

Понимаю, как вот пишу теперь, что во время аврала у людей является высокое желание отдать душу за других людей и самому стать <*зачеркнуто:* навозом> добром истории. Но если вот уже скоро 30 лет прошло в этом обращении себя в добро или навоз, то откуда взять душевный восторг? Разве...

— Спасаясь от черта, Гоголь присягнул внешней церкви и утратил свой талант.

Гете бросил Фауста на общее дело, лишив его не только таланта, но даже и глаз.

Толстой закончил дело художника «толстовством».

Все это происходило потому, что каждый неудовлетворен был развитием своей личности и каждый хотел вырваться из себя и там, вне себя, погибал, превращаясь из художника в чурбан.

Происходила подмена личности чем-то безличным, все равно, пусть это, как у Гоголя, церковь, у Фауста народ, у Толстого общество и т. п.

Личность может быть реализована только в Боге.

Мать ходит за ребенком, и все мы чувствуем по ней свою мать, как за нами тоже мама ходила. И так у нас создается святой образ женщины-матери. Но теперь женщина работает одна доктором, другая кондуктором, третья милиционером, четвертая архитектором. Работают они по-женски, по-своему, старательно, усидчиво, но все-таки, как бы по-женски они ни работали, мы в них не чувствуем свою мать. Но сегодня в метро девушка-милиционер взяла под руку какую-то старушку, провела, усадила в вагон. Было приятно смотреть, и не я один поглядел, а всем было приятно, потому что в девушке-милиционере мы узнали все свою мать (сюда же незабываемый эпизод встречи в метро девушки-милиционера с пьяным инвалидом, и на лице у нее борьба живого отвращения с долгом милиционера).

23 Января. Метелица и похолодней.

Симонов, Маршак et tutti quanti*. Не в них дело, а в системе, к которой сам не можешь приспособиться. Наша система в литературе требовала как основания нравственной личности, в идеале — пророка.

Теперь никаких пророков и даже советчиков не нужно: истина есть некое данное (известное в ЦК), а писатели — это работники в области агитации и пропаганды.

И нравственность теперь не есть личное достоинство, а деловая необходимость.

* Et tutti quanti (*лат.*) — и все прочие.

Воровство, например, оно не наказывается само по себе: сделай одолжение, воруй сколько угодно для себя, но не переходи черту, когда воровство твое вредит производству.

Нет ничего абсолютного в области нравственности: можешь и лгать сколько угодно, если ложь твоя имеет рабочую ценность в деле пропаганды <*2 вымарано*>.

Все директоры, инженеры, рабочие на производстве откровенно воруют, но автоматический процесс производства в грубых чертах контролирует и держит воровство в границах дозволенного. Эта прагматическая мораль, независимая от личной нравственности, охватывает весь народ, и голод уничтожает всюду личную нравственность как пережиток.

Вот это, наверно, и отделяет меня от таких товарищей, как Фадеев, Симонов, Маршак, Горбатов, и я им так же неприятен, как неприятны мне самому отсталые представители нашей прежней интеллигенции, упрямо считающие, что прежнее абсолютно хорошо, новое — плохо.

Надо до конца изгнать из себя остатки мечты о том, что я, более талантливый и умный, могу их обмануть: их не обманешь. Брось это! работай, как лучший ремесленник, сохраняя личные мотивы в глубочайшей тайне в ожидании того времени, когда «абсолютная истина» станет на свои ноги, т. е. сделается всеобщим достоянием.

Сноска: Et tutti quanti (лат.) — и все прочие.

24 Января. Злая метель.

Вчера начал писать сценарий.

Ходили в МХАТ на «Идеального мужа» Уайльда. Думал о времени в художественном произведении, что без времени нет искусства. В «Идеальном муже» дается то время, когда о серьезной «высокой нравственности» можно было говорить не всерьез, а сквозь шутку. Это время отлично дано у Уайльда. Но это уже не наше время серьезное. И понятно, почему эту пьесу Уайльда у нас только что терпят, как вкусное блюдо для живущих в Совете несоветских людей.

25 Января. Морозный солнечный день. Великолепно сообразил материал сценария, ввел в «Кладовую» детей и чувство родины. Почувствовал всей душой: — Сделаю! — и радостный пошел покупать шомпол и пироль*. Возле охотничьего магазина некий охотник рассказывал, как упустили волка. Не забыть лицо охотника поэта-маньяка в переходах к жизни через плутовство.

Охота, природа, врожденное чувство поэзии, наивная семья законсервировали мою единственную любовь, и так я сохранялся до прихода Ляли. Все последующие вскрытые недостатки моей семьи истекали из моей поразительной наивности. С приходом Ляли я впервые почувствовал ту любовь, которой все люди живут и о которой только и написаны все трагедии и драмы, от классической древности до Шекспира и до нас, любовь как двигатель человеческой нравственности, поведения.

Странно, как я мог, ничего не понимая в человеческой жизни, писать, и с успехом? Вероятно, поэзия может обходиться без морали, если поэт безотчетно содержит ее в себе.

Думаю, что после «Царя» душа моя выльется в драму. Сценарий будет к этому подготовкой.

26 Января. Морозно-солнечный день. У Ляли вечером t 40°. Я в тревоге носился по городу, доставая лекарства. Но в глубине души даже тревога о Ляле мне хороша: эта тревога настоящая и свидетельствует о том, что и любовь моя настоящая, и что живу я по-настоящему. Даже если бы она умерла, и то — хорошо: это будет тоже по-настоящему и во свидетельство того, что в руках людей есть великая сила любви и добра.

---

* Пироль — универсальная смазка типа «Пироль» для огнестрельного оружия.

Вечером у постели Ляли говорил с З. Барютиной и слушал ее рассказ о том, как она работает в кабинете методистов и в то же время не упускает из виду внутреннего человека, что внешний человек (новый человек), которого мы строим все, похож на врага внутреннего человека. — Не о нем ли сказано, что его надо любить? Не надо ли понимать это «любить» как на́полнять содержанием жизни этого внешнего человека, «врага»?

NB. В этом смысле «любить» значит и делать. Эта любовь есть созидание церкви. И вот чего не может учесть политика, для которой довольно того, что церковь не бунтует и молится за правительство. Она не понимает, что в этой молитве вовсе нет двоедушия: эта молитва есть выражение любви к врагу.

Категории человеческой нравственности очень немногочисленны, но они движутся во времени и пространстве, постоянно тем самым изменяя свое выражение, свою форму. Вот почему художнику надо понимать свое время, надо быть современным. Вот почему нельзя механически перенести форму эпохи Антигоны в эпоху «Идеального мужа» Уайльда.

<*Зачеркнуто:* Человек вышел из зверя от жалости.>

То ли какой-то самец, видя что-нибудь страшное, о себе подумал: что, может быть, и ему так скоро придется. И пожалел соперника своего. То ли самка, потеряв своего ребенка, пожалела чужого? Да, скорее всего, на путь жалости первая вышла самка, и она влияла на жестокость своего льва, образуя в нем царственное милосердие.

Так от жалости начинается в мире природы человек, и мало-помалу он отделяется от своих предков и начинает сознательную борьбу за любовь.

Один человек рисовал неприличные формы и, устыдившись, заделал, думая, что нет на свете другого человека с таким помыслом и таким способом запутывания линий. Но пришел другой человек, имевший такие же помыслы, и разгадал.

27 Января. Оттого мы стремимся к дикой «девственной» и нерукотворной природе, что утомляемся от своего дела, оттого, что хочется выйти из-за кулис своего дела и сесть в публику.

Человек делает, как и природа, создает лучшее, но посмотреть на дела свои из публики не может, как смотрит он на дела природы. Весь вопрос сводится к тому, чтобы получить настоящий выходной день от участия в человеческих делах и забраться в такое далекое место, где человеческое дело соединяется с делом природы как неразрывное целое, как Ветхий и Новый Завет соединяются в одном переплете под золотым крестом.

Вот и будет весь успех моего «Царя» зависеть от того, сумею ли я найти такую точку зрения.

28 Января. Ночью застала меня мысль, что наше Хочется (свобода личности), конечно, вышло как победа девушки, перешагнувшей свое родовое Надо, и что это Надо, брошенное родом, попало в руки нации и так возвратилось к носителю свободы. Так из родового Надо выросло отвлеченное, и девушка вступила в гражданский брак («записалась»).

Мировая война с последующим социализмом поставила вопрос о единстве всех наций в отношении еще более широкого Надо. Какая же еще должна быть война, чтобы Надо как необходимость стало осознанием необходимости личностью и тем самым было бы достигнуто царство свободы. Когда это будет, и будет ли, но про себя, т. е. втайне, каждый может двигаться (подвизаться), согласуясь, как та первая девушка, с личным чувством свободы (т. е. с Богом). Что-то приблизительное...

Но главное в настоящее время — это, скажем, чувство права необходимости, то благословенное чувство свободы, которое бы чувствовал Фауст, если [бы] его изловили в СССР и заключили бы в лагерь на Беломорском канале. Потому что сущность свободы Фауста состояла в тайной жажде необходимости. А то если бы Фауст действительно

был бы предназначен к свободе, то зачем бы ему искать помощника в Мефистофеле.

Успешно и с энтузиазмом работаю над сценарием, понимая себя режиссером, выбираю актеров и заставляю их действовать.

29 Января. Хороший тихий мороз, в морозной дымке солнце.

Споры Ляли с тещей. Главный аргумент тещи — это ссылка на «всех», или на «большинство людей», или на то, что «так было всегда». Ляля, напротив, аргументирует личностью, т. е. тем, что еще не бывало в людях и каждый раз является по-своему и по-новому. Теща стоит за Хочется, Ляля за Надо (как Хочется, так и Надо имеют два смысла, одно бытовое Хочется, как у тещи, обертывается бытовым Надо). Например, надо справлять именины. Другое Надо есть личное Хочется, переходящее в Надо к себе (ich soll).

<*Приписка рукой В.Д. Пришвиной:* в подлиннике нет страницы, см. в копии.> Итак, они спорили об именинах. Зина весь день в борьбе за существование. Катя сидит домохозяйствует. Приходят Катины именины, и она их справляет, покупая на Зинины гроши белой муки, созывая гостей. Теща оправдывает Катю: все так делают. Ляля осуждает. (В наши годы не читать надо Евангелие, а делать его, делать.)

— Идеи, идеи! — сказала моя тетушка Ксения Николаевна, — что же тут хорошего? — А что вы, тетушка, понимаете в этих идеях? — Что понимаю? Вроде колечка, как пускают изо рта курильщики, только идеи — колечки нужные, их ловят и сажают на стерженек. Одно колечко к добру, другое к злу. У каждого человека в душе есть стерженек, и каждый сажает себе на него колечки добра и зла, сам сажает, или они сами садятся — все равно, дело в стерженьке, в том, что держит колечки, а не в одних идеях. Сами же идеи

все равно как дым, вот отчего я и сказала тебе «идеи, идеи, что в них хорошего?» Не в них самих дело, а в стерженьке. Есть сила держать — и самое зло обернется в добро: жизнь заставит! нет силы: и добро обертывается в зло.

Понял, друг?

31 Января. Оттепель. Набросал труднейший акт сценария (Ботик) и теперь уверен в своем деле. Цель теперь в том, чтобы за Февраль сделать сценарий и сдать. Ляля поправляется. Чувствую, как всегда, себя виноватым.

1 Февраля. Отчего это, если я серьезно рассержусь на Лялю и бываю этим подавлен, после непременно приходит раскаяние? И это всегда (правда, эти вспышки становятся все реже, и их не было, кажется, уже несколько лет). Со стороны посмотреть, кажется, зверюга какой-то в сеть попал и делает попытки вырваться, и эти рывки являются все реже и реже...

В русском народе есть бытовая ненависть к попам, бывают очень хорошие ребята (брат Николай), но попов ненавидят и смеются над ними. Теперь это явление получило через гос. власть право на бытие. Неужели это явление есть реакция на то насилие, которое было при крещении?

Когда месяц большой выходит из-под земли, то если на сучок какой-нибудь, на веточку смотреть, как она движется по месяцу, то наглядно понимаешь — не месяц это, как кажется, а земля летит со своими сучками, веточками, деревьями и со мной самим.

Очень люблю этот опыт и всегда при этом вспоминаю учителя чистописания в Елецкой гимназии Постникова Николая Евгенича. Он жил в Черной слободе в маленьком деревянном домике, а мы ездили по Черной слободе за город, где мы и жили. Ездили мы после занятий, когда Постников был уже дома и сидел у окна с большой седой бородой. После, наверно, он уже в гимназию и совсем не

ходил: утром ехали, вечером, в праздник, в будни — он все сидел, всегда его огромная борода была у окна.

Я вышел из четвертого класса гимназии и уехал сначала в Сибирь, потом в Ригу, потом за границей был и ездил по всему свету. Но куда бы я ни заезжал, всегда, почти каждый год возвращался домой и всегда в Черной слободе видел бороду белую во все окно. И когда я опять и опять видел эту бороду, мне, молодому бегуну, казалось, будто старики целую вечность живут. Признаюсь, я даже со страхом ждал прихода такого времени для себя: придет какое-то «прочее время живота моего», и все остановится.

Но когда старость пришла — «прочее время» ко мне не пришло. И когда я теперь на месяц смотрю, как быстро по его поверхности несется веточка нашей земли, то всегда вспоминаю бороду Николая Евгенича: не борода была вечностью, а сам я, молодой, как веточка, мчался.

2 Февраля. Пишется великолепно сценарий «Серый помещик».

Почувствовал сущность нашего социалистического строя как советский прагматизм. Через это ясно стало, в каком противоречии с нашим строем находится христианский идеализм: христианин (личность) или врач, или стахановец.

В молитве Господней «да будет воля Твоя на земле, как на небе» означает разрушение времени, пространства, при которых воля Божия не может исполняться, как на небе. В этой молитве земная жизнь представляется как «хлеб наш насущный дажды нам днесь», но не как абсолютное благо, как в прагматизме. В христианстве смерть преодолевается силой духа личности, в прагматизме личность уничтожается в торжестве коллектива (на людях и смерть красна).

Соц. прагматизм в религиозном плане есть «в начале было дело».

Материализм есть свидетельство моего доброго отношения к ближнему. И если социализм видит абсолютное

добро лишь как материальную реализацию отношения личности к ближнему (а что сверх того, то от лукавого), то путь наш складывается из трудовых пятилеток.

Человечество переживет социализм, когда будет достигнуто единство хозяйственного управления во всем мире и эта основа земной жизни всего человека на земле сделается второй природой.

Социализм есть установление (законы) второй природы (человеческой). Это есть человек как царь природы.

3 Февраля. Мороз. Лосев (охотник) говорит, что волки после войны стали другие: понюхали табачку на губах мертвецов и всего того, чем так страшно пахнет человек. И оказалось это не так страшно: мертвые даются без сопротивления, мертвые люди ничем не отличаются от дохлых лошадей. А после мертвых начали пробовать и живых, детей, идущих в школы. Попробовали живого мяса человеческого и стали не такими, как раньше.

Фашизм и коммунизм одинаково обходят трагедию. В нашей практике так просто закрывают глаза на смерть: как будто ничего с людьми плохого и не случается. Смерть есть случай, есть личное дело, а для жизни дается закон: жить не для себя, а для общества. Человек, посвятивший себя обществу, тем самым делается от-личником, его все узнают, как своего рода первенца, победителя в борьбе за первенство, за лучшее, он в орденах, и портрет его печатается в газетах.

У фашистов народ, у коммунистов масса, понятие мало раскрытое. Масса в сокровенном значении своем у коммунистов означает человека слитого, как вода, потерявшего индивидуальный состав свой, означает всего человека, это весь человек, определяющий собою жизнь отдельностей.

У фашистов массы называются народом арийской расы. У тех и других, таким образом, трагедия есть личное дело.

Поручить в дальнейшем М. Пришвину четко определить границы христианства и коммунизма (Фауст, ра-

ботающий на канале, есть первый коммунист, носитель правды общественной в обход трагедии христианства).

Поголовное отупение людей наших, как нам, постигающим трагедию, это представляется, надо попробовать пересмотреть: надо поискать между ними лицо «нового человека», лицо в отличнике (пока же лицо Ленина мне кажется похожим на Хоря в рассказе Тургенева или Петра Великого).

4 Февраля. Сильный мороз.

Тема о высшей морали, стоявшая внутри меня за стеной, ныне становится мало-помалу видимой. И замечательно, что новая идея (т. е. тоже высшая мораль) поставлена официально литератором. Потому-то и пишут все драму, потому и я начинаю, как будто я тайный марксист. Впрочем, я надеюсь обойтись и без Маркса, если буду верен себе и буду писать о той радости жизни, какая бывает последствием трагедии. Они же будут понимать как радость языческую, пантеизм, детство и т. п. вздор.

5 Февраля. Мое рождение. Метель.

Мысль известная-переизвестная, ношенная и, казалось, изношенная, а вдруг опять вернется и станет поперек пути, как забор. Так в последние дни стала мне против жизни православная мысль о смерти, все то, с чем Розанов выходил против Христа, а Мережковский возражал ему тем, что стрелы его направлены против Церкви, но не против Христа. Я сам был под влиянием Розанова и освободился от этой тяги к «язычеству» только с прихода Ляли. Она мне собою показала пример возможности во Христе любить жизнь, а не смерть: эта жизнь как суровая борьба за любовь.

Но как много надо пережить, перемыслить, чтобы до этого понимания дожить. И вот только это христианство останется. Мы это видим: на наших глазах народ уходит из-под влияния попов.

Строили новый мост Каменноостровский, а ходили по старому. Мы видели, проходя по старому мосту, лю-

дей, строящих мост, различали их: один стоял по колено в воде, другой по горло, третий... Когда же новый мост построили и люди пошли по нем, то пошли по нем с каким-то собственным личным правом, совсем не думая о тех, кто строил его, понимая новый путь через мост как вторую природу, создаваемую человеком. Вот это чувство обладания второй природой и выражается в словах: человек — это звучит гордо (социализм). Напротив, память о тех, кто строил мост кто по колено, кто по горло в воде, знание этой личности человека, претерпевающей ради общего блага, есть христианство. («А по краям-то все косточки русские»).

6 Февраля. Дня три непрерывная метель.

Пчельник Родионова проваливается. Новый кандидат: некий Ветров из Тарусы.

Высшая нравственность — это жертва личного своего начала обществу. Высшая безнравственность — это жертва личностью со стороны самого общества.

7 Февраля. Метель остановилась. Вся Москва завалена.

Не выборы, а отбор людей государственных. За что стоит непартийный человек? Или за то же, что и партийный, или за себя лично. А так как «лично» у огромного большинства значит за личное бытие, то... то, милый мой! Затаись в своей непартийности и молчи.

Поэтическое дарование имеет судьбу свою ту же самую, что и любовь — всеобщее дарование. И любовь иных приводит к браку и рождению чудесных детей, и та же любовь является беспутством. Так и поэзия приводит к браку личности с обществом или тоже к беспутству.

8 Февраля. Мороз до −30 и остатки снежных заносов. Похоже на Святки.

Высшая нравственность — это жертва своей личностью в пользу коллектива. Высшая безнравственность — это когда коллектив жертвует личностью в пользу себя

самого, коллектива (напр., смерть Сократа, не говоря о Христе: «прости им, они не знают, что творят», т. е. безнравственны). Корни анархизма.

9 Февраля. Мороз.

Мороз пуще вчерашнего, тишина, дым столбами.

Вчера читал Елагину сценарий и убедился по нему, что цели своей достигаю: сценарий будет художественный, и его напечатают везде, а это верный залог того, что он будет принят.

Направляю в Томилино Ваню с больной сестрой Перовской.

У потребителей добра есть о нем свое мнение, определяемое пригодностью добра к потреблению. Вот тут-то является ненавистник такого добра, злой разрушитель его, о ком говорят: я хочу зла, а создаю добро. (Возможно, что и антихриста дело — разрушить христианство и явить истинного Христа — «второе пришествие».)

<*Приписка:* Потребители добра и противники потребителей, защитники его. Человек является спорным существом, а не ищет добра или зла.>

Вчера я сказал Елагину, что пишу сценарий. — Это меня, — ответил он, — мало интересует: я знаю, что у них в главке сидят несколько болванов и не дают никому ходу. Кто пишет сценарии? Сами режиссеры и пишут под указку этих болванов. А после того, как я ему прочитал сценарий, он совсем забыл о «болванах» и восхищался и говорил о постановке, совсем забыв, что он перед тем говорил.

Выборы наши — это есть в существе своем отрицание выборов: опуская в урну имя назначенного человека, тем самым я отказываюсь от себя самого в пользу государства: нет меня, есть государство, или я и государство — это одно. Или это как ручей вливается в океан: ручей кончается в океане. Об этом состоянии и думают, когда говорят, что у нас самые свободные выборы: свобода есть сознание необходимости.

10 Февраля. Метель. Выборы вчерашнего дня сегодня представляются совершенным и окончательным отказом гражданина от личной правды, имевшей раньше имя свободы. Гражданин современный признает теперь волю надличную и возможность своего личного освобождения от нее только правдой труда, направленного на общее благо.

Вчера были на пьесе Островского: «Правда хорошо, а счастье лучше».

Моральный хор, заключающий комедию или драму, есть форма выхода из трагедии: там воскресение, здесь — нравственное обновление. Этот хор и есть то самое главное и самое трудное для выражения по-новому. Это и надо иметь в виду в «Сером помещике».

Добродушие. Россия больше, чем где-нибудь, набита была ленивым добром, из лености, или пренебрежения, или страха человек не принимает борьбу и отступает. По пути отступления он наполняется мечтой о любви, дружбе и других прелестях добродушия.

По природе своей человек я добродушный, но в то же время очень самолюбивый, и это самолюбие заставило меня не отступить в борьбе со злом, как делают все добродушные люди, а бороться по возможности. Вот эта необходимость борьбы при запасе добродушия и не дала мне, с одной стороны, выскочить в люди ни с чем, с другой — утонуть в ленивой мечтательности.

Приходил Федор Маркович Левин, редактор сборника, и сказал мне, что у Ленина есть такие слова (приблизительно): «Мы добыли социализм, а теперь надо понять, что с ним делать». Эти слова Ленина он применил к оценке моего писательства в том смысле, что я вышел из борьбы за идею и призываю к жизни.

Приходил редактор «Дружных ребят» Дмитрий Васильевич Ситников звать меня на 20-летие журнала. Увидев,

что на билете в числе приглашенных на первом месте жирным шрифтом напечатан Маршак, а я в хвосте с мелочью, решил не ходить. Как писателя не детского, а вольного, они должны бы почтить особенно, они же хамствуют. И так, зная, что мое выступление нужно только им, но не детям (детям нужны мои рассказы), я решил «наплевать». И вспомнил поговорку своего дяди: — Вам говорят: не плюй в колодец, пригодится напиться, я говорю: не пей из колодца — придется плюнуть.

В то время как Черчилль думает, что гроза повисла над Европой, я уже знаю, какая это гроза: она уже прошла над моей Европой, и я уже давно строю свою новую Европу на другом континенте.

11 Февраля. Пишу третью часть «Серого помещика». Задача — все написанное навести на Серого.

12 Февраля. Весна света (1-й яркий день).

Сильно морозно, ветерок, небо собирается открыться. Вчера приходил Пелевин по части детской энциклопедии: от меня хотят руководящей статьи о любви к природе. И вчера же пригласили быть председателем Общества охраны природы. Очевидно, «царь природы» после столь ужасной борьбы своей склоняется к милости.

Итак, мне теперь надлежит вынашивать мысль о любви к природе.

13 Февраля. Когда утром, причесываясь, смотрюсь в зеркало, то неприятно бывает, и я думаю: старею, скоро буду просто старичок, как Бахметьев. Но потом, спасаясь от общей судьбы, смотрюсь в сделанное мною кое-что <*исправлено:* прошлое... то что делал> и опять там нахожу себя молодым. А когда мелькает мысль, что: маловато, Михаил, ты сделал в своей жизни! — и зеркало начинает тускнеть, я смотрюсь в третье зеркало: <*позднейшая приписка в авторской машинописи:* в глаза моего друга, и никогда не встречаю в них сомненья>. Тогда шевельнется во мне

радость, и я совсем юношей думаю о своей будущей работе и после того пью чай и готовлюсь к утренней работе.

Возрождение Тальникова.

Слушали ектению Шаляпина, вспомнился Горький, предлагавший Шаляпину соединить свое искусство с современной политикой социализма и тем обеспечить влияние своего искусства на более долгое время. Теперь Горького даже в Кремле потихоньку называют «публицистом», а Шаляпин в Пантеоне, и когда слушаешь пластинку, мороз продирает по коже и прекрасная Россия является, какой о ней и не мечтал.

Когда садишься писать и не складывается в голове как надо, попробуй довериться перу и начинай писать что придется. И бывает, напишешь, доверясь перу, такое, чего никогда не придумаешь. Такой был весь Шаляпин: такого не выдумаешь!

14 Февраля. Тихий мягкий день.

В Моссовете: я — председатель оргкомитета по охране природы.

Ляля сказала, что Шаляпин если бы пел литургию, молиться бы нельзя было: Шаляпин на себя берет все.

15 Февраля. (Сретенье.)

Весь день метель. Ездили в Дунино. Вспомнилось, что листья на деревьях в эту осень остались на деревьях, и это считается дурным предзнаменованием. Сейчас напомнили нам, что если май будет сухой, а он, похоже, будет сухой (ноябрь был мокрый, значит, май сухой), то не миновать голода. Вот еще казнь!

С нами ездил некий Ветров из Тарусы, кандидат в управляющие моей дачей, ездила Таня Игнатова. Побеседовали с Иваном Трофимычем и бабушкой Александрой Михайловной, посетили Макриду Егоровну.

Дача моя — великолепное творение.

16 Февраля. (Начало Масленицы.)
Морозно-солнечный день весны света.

Заканчиваю 3-ю часть «Серого помещика» (облава).

17 Февраля. Морозно-солнечный день.

Прочитав мою статью «Школа радости», вчера пришла ко мне девушка и спросила:

— Существует ваша школа?

— Если вы пришли — она существует. Зачем вы пришли?

— Стихи принесла.

— Значит, существует. Вы пишите стихи и этим занимаетесь?

— Нет, я работаю по холодному металлу.

18 Февраля. Морозно-солнечный день.

Карьера Шаляпина демоническая. (В какую церковь ни придет, везде узнают: — Шаляпин поет! — и перестают молиться.)

Демоническая личность и обезличенный коллектив.

Церковь как разрешение спора между обществом и личностью.

Наплывание вопросов.

На очередь: прекращение болтовни в обществе.

Вчера мелькнуло сделать в сценарии «Кладовую» в осень. И сразу стало все ясно, и можно сказать, что вчерне сценарий готов.

19 Февраля. Радость познания и собирания и радость обладания.

Спектакль «Горячее сердце» в Художественном театре.

Вместе с марксизмом возникло направление духа, которое находит удовлетворение и радость в пригонке ду-

ховного явления к историческим схемам социальной жизни... Так точно есть радость распределять мух по системе Линнея, рассаживать жуков и бабочек на булавки. И пусть! плохо лишь то, что это занятие признается высшим.

Материал для статьи «Любовь к природе»: напр., грубая форма обладания — «Ваня и журавль» — охота в своих формах: охота с ружьем, с фотоаппаратом и охота за словом. Живопись вся целиком основана на радости обладания. Итак, любовь к природе коренится в радости познания и радости обладания.

Почему-то слава пуста, почему? (Шаляпин.) Но если бы Шаляпин полюбил Лялю, жизнь его не была бы пуста. (Ектенья!)

Я мало сознаю, что не талант решил мою жизнь в пользу меня, а любовь моя к Ляле (раскрыть).

20 Февраля. Еще солнечный день, весна света пришла вместе с Масленицей (а блинов не будет!).

Охрана природы. Человек когда-то не в шутку боролся с медведями и крокодилами, теперь пришло время это охранять. Но медведи и крокодилы, лютые, страшные, перешли в душу человека и беспокоят нас ракетными снарядами, атомными бомбами.

21 Февраля. По Сеньке шапка — это значит: всякий народ достоин своего правительства.

Есть у человека основное устремление — это выйти за пределы естественного ограничения своей жизни. И есть два пути для удовлетворения этой цели: первый путь — это размножение, второй путь (придумать слово, выражающее обратное размножению, напр., уединение) — уединение, или формирование личности и творчество. Начало устремления (того и другого) каждый из нас переживает у себя в постели, и все венчается Ветхим и Новым Заве-

том, соединенным под одним крестом (то же, если сказать: Правда и Творчество).

На примере Мантейфеля можно видеть гибельную встречу правды и творчества (как двух автомобилей на площади). Правда и творчество — это два пути разных у человека, а ложь — это подмена одного другим.

22 Февраля. Блины у Реформатских. Разговор о «Мирской чаше»*. В ответ на гоголевское ощущение мира через «Страшную месть» некий голос: — А я вам скажу нечто вам новое: та война — да, а эта война есть пошлость, и чтобы это понять, достаточно взять в руки газету с информацией об устремленности европейских стран в колонии. — А страдания человека, куда же вы деваете страдания, на которые отзывается «Мирская чаша»? Ответа не было, как не было ответа и на «Мирскую чашу»: глас вопиющего в пустыне («пустыня» в смысле пустоты).

Узнал, что во время РАППа Фадеев, Авербах, Ермилов и другие рапповцы отказали Маяковскому в приеме в РАПП.

Линия от Фадеева вверх до Жданова есть линия кнутовища, а все эти Субботские, Ермиловы, Кирпотины — охвостья. Вот и хочется, как хочется признать русскому человеку свою государственную власть, но трудно, невозможно высказать это, упираясь глазами в охвостья.

Остается помнить предостережение Чехова об осторожном обращении писателя к городовому.

И все это «фу-ты! фу-ты!», отзывающееся из себя на фырканье свободолюбцев, тоже почему-то противно.

Единственный выход — признание необходимости факта «рабства» и вытекающего отсюда крика: — Спасайся, кто может! — Это тем, кто может спасаться, а что вы

* Имеется в виду «Повесть нашего времени» (1945), которую так и не удалось опубликовать.

скажете нам, средним людям? — Я скажу, что нет средних людей.

23 Февраля. Воскресенье. Прощеный день*. Оттепель.

Были Магницкие, и с Андреем Николаевичем был разговор о «борьбе за первенство» у человека против борьбы за существование (моя мысль).

После того он указал на разное положение творца в науке и в искусстве.

Художник чем глубже уходит в свое дело, чем совершеннее его произведение, тем ближе он к людям, тем больше он «не один». Ученый, напротив, чем глубже, тем меньше его понимают, тем больше он один.

Коллективизация в науке и направлена против этого факта, но получается от этого уничтожение священной борьбы за первенство (из-под рук ученого наглец от коллектива вырывает работу и присваивает ее себе).

24 Февраля. Мороз, торжествующее солнце, блеск капе́льной воды на стенах.

Вчера Магницкий, слушая рассуждения женщин о том, что хозяйка не должна делать сама, развил эту мысль до того, что вообще администратор не работает, и, заострив эту стрелу, пустил ее против демократии.

Мое возражение: почему же быть администратором не может быть свойственно демократии?

Но несомненно, что администрирование есть одно из средств осуществления мысли и в то же время есть один из главных источников зла. («Натуральное хозяйство и кустарничество» Бострема.) И почему у нас администраторы «летят»?

Начался пост. Мы были на «Мефимонах»** (канон Андрея Критского).

---

* Последнее воскресенье перед Великим постом.

** Мефимон, ефимон, нефимон (*греч.* — с нами Бог) — в русском церковном обиходе название повечерия, включающего Великий покаянный канон Андрея Критского.

Бросил курить.

Держать все эти семь недель память о «празднословии» и спокойствии (художественная болтовня в обществе и раздражение — долой!). Если я мог остановить себя в курении, то почему же не могу это остановить.

Ольга Александровна, Евгения А. Немчиновы и еще две старушки живут вместе — музей человеческий. Надо их иметь в виду, не упускать их.

Избранное перевели на английский.

Сценарий кончаю, остается эпилог.

25 Февраля. Первое собрание оргкомитета Московского общества охраны природы.

26 Февраля. Суточная снежная метель. Кругом говорят, что воды будет много.

Насчет лишних слов (празднословия) иметь в виду Тальникова — частословие неудержимое. Второе — раздражаемость при возражении, то, что происходит у Ляли от слов матери. Тут нужно не просто терпение, а прием улыбающегося снисхождения... Вот именно в том-то и дело, что при борьбе с собой или с другими нужна не голая мысль (дух праздности, уныния и пр.), но еще технический прием, отвечающий индивидуальности, так сказать, стиль поведения.

Сценарий готов, остается подчистка. В воскресенье читаю Кулешову (а может быть, и в субботу). И после того переписка и распределение (1. Студия. 2. Михайлову. 3. «Октябрь»).

27 Февраля. Воет морозная метель, и в каменном доме — как в деревенской избе. Лева приходил. Ляля хотела быть педагогом (за невнимание к отцу)... хочется сделать по-своему, как надо (и по морали), а нет способности, силенки для этого, и

вот получается удар по себе. У Ляли не только с Левой это, а со всеми, и с прислугой, с хозяйством. [Для того], что обыкновенной хозяйке дается самим делом, без всякой траты души, Ляле нужно пускать в дело всю душу: Ляля душой работает, как художники. Так точно работал и я агрономом, пока <*зачеркнуто:* не стал на дело души своей> не добился работы по душе. Итак, я работаю по душе, а Ляля душу свою пускает в дело.

Он работал по душе, она же душу свою пускала в дело.

Проекты названий сценария: Серый помещик, Кладовая солнца, Правда Антипыча и, наконец, Большая семья.

Лемуры (у Гете): так, может быть, и теперь смотрит Черчилль на «пролетариат», и Гете это предусмотрел.

28 Февраля. «Обыкновенный концерт» в кукольном театре Образцова показался пошлостью <*далее в подлиннике вырезано*>.

1 Марта. Встает цветущий день.

Природа — это материал в творчестве всего нашего сознания: хозяйственного, познавательного, нравственного, поэтического. Человек, как царь природы, располагает всем этим материалом.

Природа не любит пустоты <*приписка:* (трудно писать о природе)>.

Анализ перехода от беспорядочной рубки леса к охране и древонасаждению, от борьбы с дикими зверями к их домашнему приручению.

Никогда не поздно посадить дерево: пусть плоды не себе достанутся, но радость жизни у старца начнется с раскрытием первой почки посаженного растения.

Мой сценарий закончен (23 Января — 1 Марта). Сегодня или завтра читаю Кулешову, определяюсь в своем мне-

нии и пускаю в дело, т. е. переписываю, отчищаю и отдаю на суд: 1) Мосфильм; 2) Журнал «Октябрь»; 3) Михайлову. К Михайлову будет просьба: а) напечатать в «Комсомолке»; б) повлиять на изготовление фильма к 30-летию.

Дела: 1) Гвозди. 2) Порохо-патроны для 20-ки. 3) Фотопленка (у Еремина и Кулешова). 4) Машина Турова и Ваня. 5) Колючая проволока. 6) Тес у Ив. Серг.

Вечером читал сценарий Кулешовым и оказалось, что это не сценарий, а больше пьеса для драмтеатра, потому что в сценарии диалоги стоят на последнем месте, а здесь на первом; второе — прикованность к месту, как в театре.

Итак, это будет печататься как драматические картины.

Большая семья. Драматические картины.

От автора.

Сказка-быль «Кладовая солнца» обратила внимание деятелей театров <*зачеркнуто:* и кино>.

В процессе работы над сценарием или пьесой для театра я остановился...

В попытке моей создать на основе своих рассказов пьесу для театра я остановился на том месте, где автор должен расстаться с читателем и встречается со зрителем, потому что пьеса или сценарий имеют в виду зрителя, но не читателя.

В этих драматических картинах автор останавливается на том месте, где...

В этих драматических картинах автор частично использовал некоторые свои напечатанные вещи («Кладовая солнца» — сказка-быль, «Рассказы о детях»). Драматические картины эти являются тем этапом творчества, когда автор должен бы расстаться с читателем и встретиться со зрителем театра или кино. На этом пути к пьесе или к сценарию автору не захотелось расставаться с читателем, предоставляя ему самому с книгой в руке воображать себе действие на сцене или на экране, в надежде, что драмати-

ческие картины останутся самостоятельным литературным произведением и в то же время явятся <*зачеркнуто:* полуфабрикатом для пьесы или сценария> материалом для пьесы (с соответствующей переработкой изображения природы) или сценария (с поправками в изображении человека).

2 Марта. Метель. В Информбюро о работе к 30-летию.

В этом году я намерен закончить многолетний свой труд, педагогическую поэму на материале строительства Беломорского канала. Эта работа по замыслу должна иметь значение большого разговора с читателем всех возрастов и всякого образования.

Продвижение работы у меня сопровождалось опытами создания сказки-были, моей формы. Последний из этих опытов, известная теперь многим сказка-быль «Кладовая Солнца» окончательно убедила меня в возможности осуществления «большого разговора», и я уже начал было уверенно подходить к концу своей педагогической поэмы. И вдруг мне явилось предложение со стороны кукольного детского театра написать по материалу «Кладовой солнца» пьесу, после кукольного театра то же предложение сделал театр мультипликации, потом Мосфильм, и после кино сам собою возник вопрос о возможности «большого разговора» не с читателем, а со зрителем драматического театра.

На этом пути, увлекаясь совершенно новой для меня формой, я подошел было к тому моменту работы над пьесой для экрана или сцены, когда автор расстается с читателем для удовлетворения зрителя. Мне было трудно <приписка: я просто не мог в силу привязанности к материалу> расстаться с читателем, и я свои драматические картины «Большая семья» написал сначала для чтения с намерением после опубликования приспособить их путем соответствующей переработки и распределения агрегатов* для

* Агрегат (*лат.* – aggregatus) – соединенный, собранный, нечто составное, совокупность элементов, образующих систему.

сцены и для экрана. «Большая семья» сейчас закончена и передается в печать.

В ближайшее время я надеюсь возвратиться к своей основной работе и в этом году закончить свою педагогическую поэму.

Кроме того, этот год начался для меня зарей возможности близкой моей душе общественной деятельности, приглашением на руководящую роль в оргкомитет Общества охраны природы и предложением Педагогической академии участвовать в создании Большой детской энциклопедии, один из томов которой будет посвящен природе.

5 Марта. Метель.

3-го Марта в понедельник читал сценарий Игреневу, двум Елагиным и Шильдкрету. Определилось название формы произведения: «киноповесть», сделаны поправки. 4-го снес Леночке в переписку. Сегодня, 5-го, получу, сделаю поправки и 6-го вручу работу Еремину с такими словами: — Дмитрий Иванович! я совершенно уверен в вашем добром расположении ко мне и готовности во всем мне помочь. Но с самого начала я заметил в вас некоторую робость, как будто я, мальчик от литературы, должен пройти невероятное испытание по назначению Бабы-Яги. Имейте в виду, что этой робости в отношении Яги я совершенно не чувствую. Мне заказан был сценарий литературный, но не режиссерский, т. е. я должен создать вещь для читателя, вещь, из которой режиссер сделает сценарий для зрителя. <*Зачеркнуто:* Я написал киноповесть, которая интересует меня своей литературной судьбой, но не сценической.> Свою киноповесть я не составлял для сцены, как делает большинство, а создавал литературную форму киноповести, имея в виду главным [образом] читателя от кинематографа. Я не предвижу требований поправок... Еже писах — писах!* <*Зачеркнуто:*

* «Еже писахъ — писахъ» (*пер. на ст.-сл. с лат.*): Quod scripsi, scripsi — «что написал, то написал», знаменитая фраза, приписываемая Понтию Пилату.

и поправок никаких я делать не намерен под давлением, как не делал никогда в литературе.> Моя работа закончена, и я должен получить полное вознаграждение за этот мой честный труд и совершенно исключаю требования поправок в нем со стороны. Если же сценарий будет назначен для постановки, то я, конечно, готов всецело отдаться в распоряжение кинематографа.

6 Марта. Пасмурно и тепловато с утра, а потом опять метель.

Фауст под конец задумал устроить земной рай, и в высший момент его восторга: — Прекрасное мгновенье, остановись! — его мечта о канале превращается в факт могилы: творчество и действительность распадаются. Однако, несмотря на положение Филемона и Бавкиды, Фауст находит себе высшее оправдание, точно такое же, как в «Медном всаднике» находит себе оправдание Петр: — Красуйся, град Петров! — Там и тут проблема личности и общества разрешается в пользу общества, причем исключительно благодаря скачку авторов: Гете скачет через Филемона с Бавкидой, Пушкин через Евгения.

Приходил Глеб Удинцев и исповедовался Ляле. Он говорил, что когда слушает родных, нападающих на большевиков, то не понимает, во имя чего они их отвергают: ведь он же не знает того положительного, с точки зрения чего они обвиняют.

Контрреволюция приближается по трупам людей, погибающих от голода, и первое страшное ее нападение — это что не дай Америка продовольствия и оружия, война бы кончилась в пользу немцев в 42 г. <*приписка:* и еще, что хлеб у нас был, но его правительство за границу отправляло>.

Поправляю переписанную «Большую семью» и теряю суждение свое о ней: оба чтения ничего не дали. Буду просить прочесть Федина.

7 Марта. День просверкал.

С утра ничего не поймешь, куда пойдет день, на ясно или опять пойдет снег.

Замечаю, что весна в душах людей современных стала раньше наступать, чем в далекие времена, когда жизнь была спокойная. Тогда в феврале никто в городе не говорил о весне, а теперь (по старому сейчас только февраль) со всех сторон слышишь: весна.

Вчера сдал «Большую семью» в киностудию, Еремину, Федину и сговорился с Перцовым: он возьмет читать 11-го. После их чтения дам в «Октябрь» и Михайлову.

Сегодня мысль, прикованная к волкам с 21-го Января, освободилась. Итак, сценарий отнял $1^{1}/_{2}$ месяца (около 4-х листов).

На книжке	– 15 тыс.	Гвозди, штукатурка и	
Географ. книга	– 7 тыс.	проволока.	
Госиздат	– 24		
Мелочи	– 5	порох	
	41		
Сов. писатель	– 30 тыс.	Возможно	
	71 тыс.	Советский писатель	— 20 тыс.
Географ. [книга]	– 20	Фильм	— 40
	91 тыс.		60
			Всего 150 тыс.

С неделю тому назад на какой-то улице я услышал этот первый звук первой моей ранней весны: это воробей чирикает невидимый.

8 Марта. Женский день.

Кулешову Льву Владимировичу: — Художественное произведение многопланно в отношении автора и безгранично в отношении читателя, зрителя, слушателя: сколько читателей, столько и «планов». Расположение этих планов делается автором в строжайшем порядке под воздействием неизвестной нам силы, которую в просторечии называют «талантом», по-

рождаемой природой, или Богом (художник по природе своей, художник Божией милостью). Вся тайна этой неведомой силы, по-видимому, состоит в размещении планов. Использовать художественное произведение можно всесторонне, но малейшее прикосновение к размещению планов расстраивает произведение и лишает его влияния. Формализм и есть вмешательство разума в расположение планов.

Когда я прочитал Кулешову «Большую семью», он признал ее отличным художественным произведением, но малограмотным в отношении кинематографа. — Как же быть? — спросил я. — Нужно, — ответил он, — взять три полоски, выписать на них все сцены и потом по-новому кинематографически разместить. Я испугался и не дал ему размещать.

Думаю об этом смещении планов и представляю себе, как сеятель, подготовив почву удобрением и взрыхлением, бросает в нее семена; после того он уходит, предоставляя каждому зерну бороться за жизнь свою самостоятельно. Так делает все сила божественная, а сила демоническая нарушает эту гармонию, вмешивается и смещает планы творчества, подменяя волю Божью своей (искушение Христа). У демона тоже что-то получается (механизация).

Истощился идеал, стали мы с голоду все эгоистами.

9 Марта. Утро пасмурное, к вечеру солнце, весна ослепительная. И есть переулочки в Замоскворечье, где сохраняется тишина и в какую-то минуту перед самым вечером в сумраке можно встретить себя самого в детском виде и наслаждаться счастьем детства под чудесный говорок засыпающих галок.

Все Замоскворечье рушит снег с крыш. На крыше дома в снегах таится Агафон, и оттуда слышится: — Ёб, ёб! — Девушка с лопатой внизу ожидает падающий снег. К ней подходит с лопатой другая: — Ну, что Агафон? — Что Агафон, — повторяет эта, — ёб, ёб, кричит, а снег не дает.

Наконец освободили мою машину, и Ваня увез Жульку к Пете.

День раздачи щенков, вечером пришла Раиса и взяла своего, кличка этой сучки будет «Муза Пришвина».

Воспоминание с явлением смысла нашей встречи с Кулешовым: формализм — это попытка рационализировать самые истоки творчества, это мефистофельская потеха, это форма явления духа, идущего сотворить зло и творящего против воли добро (т. е. зло его идет в пользу творчества и тем становится добром, а сам дух отрицания остается ни с чем).

В тот момент, когда Кулешов предложил все сцены моей пьесы с помощью ножниц и клея распределить на три полосы и потом все перестроить по-новому, я понял те сцены Фауста, когда он смеется над всемогущим бессилием Мефистофеля. И чувствовал я в себе сам, как Фауст, всемогущество божественной силы. Мало того-о! я понял даже, почему, наделав на земле столько гадостей, от Маргариты до канала, Фауст был все-таки прощен: не за дела он был прощен, а за веру свою в Бога живого.

<u>Бульдожинка</u> (сюжет рассказа в детский журнал «Золотая медаль»).

Нора моя получает госснабжение, и если происходит собачья выставка, я должен ее выставлять. Мне было известно, что Нора моя совершенный по форме своей спаниель (описание). Но... бульдожинка.

На выставке встречается главный собачий судья Чумаков. — А. А.! — говорю я, — вы будете судить? — Нет, — говорит, — спаниелей не я сужу. Назвал судей. Посмотрел Нору. — Да все равно, кто бы ни судил, такой другой нет: золотая медаль обеспечена. — Нет, — ответил я, — у нее бульдожинка. — Он поглядел в рот Норе и покачал головой. — Золотую не дадут. — Не дадут золотую, а серебряную я сам не возьму. Не хочу ничего. Зарегистрируйте, — я

проводил на выставку. И кончено. Бульдожинка не мешает быть ей производительницей, корм будут давать. — Конечно, будут, и зарегистрировать можно, только я вам не советую уходить. Я поглядел на него и вижу, он мне подмигнул. — Как?! — подумал я про себя, — неужели и Чумаков плут? А он мне, еще раз подмигнув, наклонился к уху и шепнул: — Ведите на ринг, бульдожинку судьи, может быть, и проглядят.

Я растерялся и, поглядев на него, пошел в сторону ринга.

Чумаков живет где-то за городом, чуть ли не в глиняной хате: спит на ящике, покрытом ковром, у него любимые собаки, кисть охотничьего художника, влюбленная в него жена и гитара. Человек он совершенно неподкупный, и вдруг подмигнул! Я растерялся, подумал: значит, так бывает! Нечего мне разыгрывать тоже честного дурачка. И вышел на ринг.

Мы, спаниелисты, стали один за другим и повели по кругу своих собак. Было три судьи. На первом кругу один судья всмотрелся в мою Нору и весь второй круг не отрывал от нее глаз, на втором кругу второй судья влюбился в Нору, на третьем кругу все три судьи подошли ко мне и попросили провести ее отдельно.

10 Марта. Весь день валом валит снег. Осенью листья остались на деревьях, говорили о голоде. Теперь летит снег, и говорят об урожае.

«Большая семья» читается Ереминым, Фединым, сегодня дам Перцову. На днях передам Михайлову.

От автора. Задача автора была написать киноповесть так, чтобы она, предназначенная для экрана или сцены, оставалась и повестью для чтения. Не расставаясь с читателем, автор предлагает вещь режиссеру как технически легкоприспособляемый материал.

Итак, надо решить:

1) Интересна ли эта киноповесть в чтении, вернее, есть ли это произведение искусства.

2) Пригодна ли она для приспособления к показу на экране или сцене.

3) Есть ли в киноповести «Большая семья», предназначаемой для молодежи и народа, достаточно воспитательных начал, оправдывающих усилия для широкого распространения.

<*На первом развороте новой тетради:* Если будет вода и в ней ни одной рыбки — я не поверю воде. И пусть в воздухе кислород, но не летят в нем ласточки — я не поверю этому воздуху. И лес без зверей с одними людьми — это не лес, и тростник без диких уток, и жизнь без таящегося в ней Слова — все это только материал для кино.>

11 Марта. Метель. По делам общества был в Моссовете у Лоцманова Ивана Федоровича. Просил об устройстве Вани. Наговорил на пленку «Мои тетрадки».

12 Марта. Мороз, солнце, тихо. Разгар весны света в Москве.

Даже и ранние лучи солнечные перелетели низенькие дома теневой стороны Замоскворецкого переулка и, расходясь, осветили всю красную сторону. Сосульки, захваченные горячими лучами, не сразу поддались. (1-й этап весны: воробей; 2) перекличка галок вечером; утро, полдни, вечер.) Даже от дыма на солнце на белых крышах ложились голубые тени.

В городе начинается первая весна, как в городе когда-то родилось наше нынешнее острое чувство природы, и так, наверно, в плену тоже родилось и наше чувство свободы.

Слушал «Да исправится» у Ивана Воина и приходил в себя.

Направил Ваню с Лялей в Моссовет. Рукопись «Большой семьи» направил Перцову.

13 Марта. Пасмурное утро с просветами солнца.

Что скажет Федин о сценарии? (Сегодня.) Приготовился идти к Михайлову.

Любовь к природе с тягой на бродяжничество зарождается в городе (туда, туда!) в человеческой тесноте. А любовь к человеку зарождается в природе. Там — тянет в одиночество, в пустыню, здесь — к людям.

14 Марта. Евдокия (1 Марта). Еще один светозарный день.

Мы говеем. И та́к я ненавижу того человека (помни: кого), до такого края доходит наполнение мое злобой, что, кажется, вот еще чуть-чуть, и я буду за него молиться. (Значит, молитва за врага есть освобождение себя от злобы.)

Был Федин и честно рассказал мне о недостатках «Большой семьи». Он такой же умный, как Кулешов, и, кажется, болеет тем же. Вывод: достать бы денег из Кино и отложить печатание «Большой семьи». На дипломатическую работу пускаю Лялю.

15 Марта. Пасмурно, не идет, а «садится» очень редкий и мелкий дождик, еле уловимый щекой. Мы с Лялей выполнили сегодня свой долг.

Вчера позвонили из Студии с приглашением в субботу в два дня на разбор сценария. Но после звонка к Еремину вышло, что идти нам не надо. Еремин сказал, что все сценарий одобряют, он лично поражен тем, как можно было сделать вещь такого общественного значения из «Кладовой солнца». Я страшно обрадовался такому признанию, потому что вопрос о деньгах тем самым кончается: деньги заплатят. Мне же ведь только бы деньги! Итак, затея моя, по-видимому, удалась, и если есть в сценарии недочеты с точки зрения драматургии, то картина края сделана замечательно, а волчья облава единственная. Надеюсь, что «Большая семья» будет питать меня, как «Кладовая солнца».

Вчера заходили к Раисе. Узнали, что Библиотека иностранной литературы закрыта. Это производит удручающее впечатление: какой-то упор в стену неизбежности новой войны. Что нас спасет теперь?

Розановой Т.В.

Татьяна Васильевна!

Я посылаю Ефр. П. регулярно 250 р. в месяц, и как только является возможность, посылаю ей единовременно, сколько могу. В прошлый раз я послал ей единовременно 5000 руб. (+ 1000 р. взял Лева), потому что получил премию за книгу «Кладовая солнца». Почему вместе с моими сыновьями Вы смотрите на меня как на копилку денежную? Если мои сыновья «обременены» семьями, то почему Вы знаете, что я тоже не обременен? Вы, дочь писателя, должны бы знать, что для честного писателя, каким был Ваш отец и каким являюсь я, его ученик, читатели и слава не являются сладким блюдом, а бременем, в миллионы раз превосходящим обыкновенное бремя семьи. Я уверен, Т. В., что Вы понятия не имеете ни об условиях моего труда, ни об условиях моей семейной жизни и общественной деятельности. <*На полях:* Недавно явился ко мне сын Лева с заявлением, что он покончит с собой вследствие трудной жизни. Мне пришлось устроить его в санаторий и обеспечить семью его для меня крупной суммой денег.> Так на каком же нравственном основании Вы, во всех отношениях младшая, берете на себя право судить меня? <*Приписка:* И судите меня, выслушав наветы одной стороны. Но это не судья, если судья знает только одну сторону.>

<*Зачеркнуто:* Боюсь, что это происходит от самонадеянности, греха, который происходит у Вас от разных причин, из которых одна — это несчастное совпадение прошлого Вашего письма с получением мною премии.> Вы подумали, что моя посылка денег вызвана Вашим письмом. Чтобы не вводить Вас впредь в заблуждение, я сообщу Вам о себе следующее. У меня сейчас есть надежда на скорое получение более или менее крупной суммы за одну мою трудную работу. Я намеревался из этой суммы послать сколько-то

и Ефросинье Павловне. Но из-за Вашего письма, чтобы лишить Вас самонадеянности, помощь эту я пошлю несколько позднее. Надеюсь <*не дописано*>... Я очень боюсь, что Ваша самонадеянность происходит от случайного совпадения в прошлый раз Вашего письма и моей посылки денег Е. П-не. Запомните, Т. В., раз и навсегда: Ваши обращения ко мне будут иметь обратное действие, и никакое Ваше «христианство» меня не растрогает.

От Перцова по телефону разбор сценария: 1) Отяжеленность действия Ботиком. 2) Идеологическая сторона: слова о правде висят в воздухе. 3) Доктор из начальной живой фигуры делается мертвым резонером.

Все суждения, Кулешов, Федин, Перцов, сходятся в одно, и, вероятно, то же самое скажут от студии. Остается сесть за работу и поправить, как надо.

Хорошее в этой работе на людях, что как-то спадает с тела проношенная рубашка художественной амбиции и видишь свое тело, имеющее ту же судьбу, как и у всех людей. Вот даже и то мое обычное самочувствие, будто подхалимы не дают мне хода, отстраняя, лишают признания — и это чувство отходит вместе с той изношенной рубашкой. Никто не отстраняет меня, а сам я, занимаясь своим домашним художеством, — сам я не хочу участвовать в общественной жизни. И не как-нибудь участвовать там фактически, писать на потребу или быть заговорщиком, а и в тайне души личной своей не принимать в этом участия. Может быть, это единственный человеческий выход из невозможного положения. Но гордиться этим и фыркать на тех, кто мучится таким бытием, не будучи в силах оторваться от обычной морали, — не следует.

Дружба амфибии с амбицией, или как черепаха задрала нос и когда увидела сверху, куда завела ее амбиция, спряталась под свою броню (рожденный ползать летать не может).

И Ляля моя — черепаха. Мы и полюбили-то друг друга за то, что оба мы — черепахи.

16 Марта. «Адриенна Лекуврер», драма-комедия Скриба. Пьеса паршивая, но Алиса Коонен замечательна. Эта артистка сумела в наше время построить театр, назначенный обслуживать личное начало героини (по старинке). Удержаться на этой личной позиции все (!) советское время — это огромное дело.

Чем больше действия, тем дальше отступает значение слова: в кино движение совсем отстраняет значение слова, и сценарий надо писать, имея в виду немой фильм. Но и в драме слово имеет второе значение и во всяком случае служебное. Хорошую пьесу можно смотреть на непонятном языке и все понимать. Принцип театра: «в начале было дело», а в чистой поэзии принцип: в начале было слово.

И пусть мой сценарий не пьеса, а честная халтура, все равно, я через эту работу понял, насколько выше в поэтическом смысле «Кладовая солнца» в сравнении со сценарием. Мало того! я через эту работу понял, какой у меня был неделовой подход к литературе и вместе с тем, какое богатство дал мне мой неделовой подход.

В настоящее время (наверно, и всегда так было) идет борьба между организованным трудом, необходимым для государства, и свободным трудом, формирующим личность.

По-видимому, и государство знает и понимает, что личность есть главный фактор народного богатства, но если сказать это вслух, то каждый осел объявит себя личностью.

Государство вынуждено вынуждать, обречено давить на личность и тем самым ставить для нее все большие препятствия. По-видимому, это внутреннее сознание и является той основой, на которой могла сохраниться личность актрисы Коонен.

Мудрость охраны личности человеческой в условиях промышленного конвейера.

17 Марта. Побеждающий солнечный день, мороз, а в полднях льют все сосульки, и такие частые, и такие дружные.

Игренев налезает с кукольным театром, придется еще потерпеть.

«Обыкновенный концерт» наконец-то снят: пошлость очевидная, но успех был оттого, что в нем явилась хоть попытка какая-нибудь пошутить, посмеяться. Мораль заела советского человека!

Неотложные дела: 1) Поправка сценария. 2) Сценарий кукольникам. 3) Ремонт гаража и машины. 4) Патроны 20 калибра и порох. 5) Фото (пленка у Еремина). 6) Широкоугольник у Левы. 7) Письмо Розановой.

18 Марта. Утро непонятное, серое, ветер с юга. Вскоре начало мести.

Кладовая Солнца. Пьеса для кукольного театра.

Дело хлопотное. Надо написать черновик, обсудить с Игреневым и потом отделать.

Адриенна Лекуврер — это лицо актрисы Алисы Коонен, а за кулисами ее внутренности, ее зад. Мы видели ее с лица и пришли в восторг, а вчера актер Игренев рассказывал, какой нужен зажим всех актрис и актеров, работающих на это лицо. — Как же так, — сказал я Ляле, — неужели каждый человек, как актер, распадается на лицо [и] внутренности? Значит — нет! Коонен — не личность. Именно тем и характерна личность человека, что лицо не отделяется, а рождается, как рождается цветок согласно со всем организмом растения. У настоящей актрисы и за кулисами все хорошо.

Пробовал написать ей, но споткнулся: вышло как-то и неестественно — это раз, и в несоответствии с ее возрастом (60 лет), и даже как-то ни к чему.

19 Марта. Утро солнечное, и мороз занимается легкой живописью на окнах.

Сегодня Еремин в студии дает свои указания на поправки сценария. В неделю я должен все закончить.

В студии признали, что с литературной стороны сценарий хорош, но требует поправок со стороны идейной: 1) Правда Антипыча не может быть правдой экрана: весь этот план долой. 2) Колония ленинградских детей — это больные дети, на экране нельзя показывать больных детей, значит, весь Ботик долой, и вместе с тем краеведческий план — долой. 3) Красавица, т. е. девочка, которую били — нельзя в СССР детей бить. 4) Природа слишком глубоко взята, пахнет мистикой. 5) Показано мало колхоза.

Настоящий бы художник, имеющий свое достоинство (амбицию), должен бы плюнуть и уйти, а я обрадовался, что дают возможность поправить и обещают деньги. Так обрадовался, что купил яблок, 100 гр. икры и литра водки. Обижаться-то не на кого: экран — место государственной пропаганды, и если я беру деньги, то должен делать, как велят, а не как хочется.

Записав это, принялся за переделку сценария, и вдруг меня охватила страшная тоска. Плохо, что Ляли не было дома и, не имея возможности с кем-нибудь перекинуться словом, я отдался унынию. Ложась спать, почти решил поставить крест над сценарием. Но, как это постоянно со мною бывает в тяжких случаях жизни, после полуночи я начал выбираться из своего ада, и к восходу солнца само собой подготовилось ясное решение работать над сценарием и победить.

20 Марта. Утро пришло не безнадежное, с просветами небесными...

Сценарий. Сделать пролог «Завет автора режиссеру».

— Тот уголок родной земли, где я родился, по случайности не стал материалом для моего изображения, но по этой земле я научился понимать и любить всякую землю. Я понял, что поэзия, как и атмосферное электричество, всюду является одной из сил, образующих лицо края. Вот и вас, уважаемый режиссер, я прошу вникнуть с любовью в эти мои картины природы и человека избранного мною

уголка русской земли и добраться самому до его поэзии. Сделайте нам поэтический фильм из природы окрестностей древнего русского городка Переславля-Залесского и дайте нам образ населяющего эти холмы и болота русского человека. Не преувеличивайте наши ярославские холмы и не делайте их Альпами: наши звонкие борины и так хороши. Не подменяйте наши ярославские болота швейцарскими долинами. Наши болота коварны и злы и неприглядны, но в них таится солнечная энергия, они являются кладовой солнца. В этих болотах, коварных и злых, есть своя огненная правда. И человек, живущий возле этих болот, ждет осуществления своей правды, как тысячелетний торф, заключенный в болотах, ждет огня.

Режиссер! обратите свое любовное внимание на уголок земного шара, исхоженный мною на собственных ногах вдоль и поперек. Я хочу быть художником, только чтобы обратить ваше внимание на все наши местные прелести. Сделайте из моего любимого края фильм, похожий на ручей, бегущий из моховых болот в океан.

Позвольте мне сказать мое последнее слово перед тем, как, исполнив свой авторский долг, я передам все мои поэтические догадки в ваши руки для изображения их на экране. Давайте же начнем наш поэтический фильм. Земля наша очень много страдала, но она молода и сильна, смотрите: вот шоссейная дорога белой лентой рассекает холмы, покрытые темными лесами. Это не холмы, это улыбки нашей встающей родной земли. <*На полях:* Из Некрасова.> Смотрите, по этим холмам-улыбкам дети идут так смело и решительно, будто они дети одной великой семьи, заключающей в себя всего человека. Сделайте поэтический фильм!

Итак, путь мой из ада:

1) Пролог. – Сделаю.

2) Тереза вместо Сони. Побег Терезы в дивный край. Ботик всполохнулся. Доктор – искать. Тереза встречается с [Настенькой]. Конаков спасает ее (председатель). У Терезы узелок с куклой и нотами. 3) Доктор находит Терезу

у Коршуновых. 4) Конаков — председатель колхоза: ряд примеров помощи колхозников детям по мере движения [сезонных рабочих] (напр., Конаков отнимает косу и начинает сам косить). Разработать: Митраша и Настя садятся против Ботика в лодку. Колония, проводы (лодку дети [помогают босиком]). Тереза за роялью. Лодка в Вексу. Антипыч навстречу (Антипыч с Травкой в лодке). Разговор с Антипычем. Ботик. Тереза за роялью. [Мама] поет. Тереза с узелком. Узелок. [Настенька] раскрывает: кукла и ноты. Тереза встречает Конакова.

Даже и целоваться на людях стыдно, а о дальнейшем и говорить нечего! Показывать <u>это</u> можно уже, когда родится ребенок. Так и в творчестве то же правило: показывать можно только уже готовую вещь.

Заходил к Леве и вижу, что он возвращается к прежнему: вид никуда! Я рассказал, как я накануне мучился и к утру вернулся к радости. Лева обернулся к Галине и сказал: — Вот у меня ведь точно так бывает? — И так он весь в меня, но дальше этого, сам от себя, не движется: так и обезьяна и очень похожа на человека, и нет в ней самого главного человеческого свойства: личного, двигающего начала.

21 Марта. Оттепель серая, все потекло. Но к вечеру стало подбираться, и ночью явился мороз.

Пишу сценарий.

22 Марта. Солнечное утро. Спасибо, Мороз, придержи весну, пока я не кончу сценарий.

Не тужи, Михаил, это тяжкое время, второй побеждающий РАПП (второе пришествие РАППа) рано или поздно пройдет. Пройдет!

<u>Коллектив, подмененный конвейером.</u>

(По-видимому, в этой формуле выражается болезнь нашего времени.)

— Коллектив и конвейер — это такие же заменяющие друг друга антиномии, как свобода и необходимость, как Марсельеза и mein lieber Augustin*. Рабочий в конвейере — это работа направо, для государства, и рабочий налево — это для себя.

Три рабочих ипостаси современности: коллектив — в идеале, государство — конвейер направо, и Я — налево.

Директору 1-й студии Мосфильма Д.И. Еремину.

Уважаемый Дмитрий Иванович,

Направляю к Вам сценарий, исправленный мною согласно указаниям, изложенным в Вашем письме. Пользуюсь случаем высказать некоторые замечания по поводу этого письма.

Правильным я считаю замечание относительно внешнего расширения и осложнения темы и содержания сказки-были «Кладовая солнца», изображения колонии ленинградских детей. Но я напоминаю Вам, что именно Вы в личном разговоре нашем считали содержание «Кладовой солнца» идейно недостаточным для фильма, служащего не только художественным целям, но и целям государственной пропаганды. Моя вина была в том, что я поддался такому внушению, взяв на себя непосильную задачу оперировать поэтически неосвоенным материалом. Между тем «Кладовая солнца» содержит в себе все элементы для создания оригинального поэтического фильма о жизни природы и человека. Поэтическое изучение нашей страны, знакомое каждому гражданину на Западе, особенно в Англии, еще совсем не дошло до России. Мы только говорим об этом, но почти ничего не делаем. «Кладовая солнца» потому так и принята дружно всеми, что эта вещь является пионером огромного дела поэтического изображения края. Огромное достоинство этой вещи и в том, что она, почти как произведение фольклора, доступ-

---

* Mein lieber Augustin — австрийская народная песня «Мой милый Августин», считается, что была написана в Вене во время эпидемии чумы 1678–1679 года.

на всем возрастам и людям всякого образования. Неужели недостаточно этих элементов для государственной пропаганды?

К счастью, я не настолько поддался действию внешней нагрузки, чтобы совершенно испортить весь фильм.

Правильное замечание освободить фильм от внешней нагрузки я постарался выполнить. Связанные вместе с этой нагрузкой идеологические экскурсы в область правды, социального единства людей и т. п. обезврежены.

Замечания о недостаточной характеристике действующих лиц («свое говорят, как маленькие пришвины») считаю неправильными. Мои главные действующие лица Митраша, Настя, Антипыч, бабушка Аграфена Дмитриевна <*не дописано*> и берусь это доказать той критике, какая явится после публикования сценария в журналах.

22 Марта. Сороки. Утром было солнце, вечером развезло и потекло.

Вечером справляли именины Александра Алексеевича Шахова. Собралось четыре поколения во главе нас с Алексеем Григорьевичем Дояренко. Были Замошкин, Слезкин, Ильенков. Разговаривал с Алекс. Григ. о своей особенности: вечером бываю в отчаянии, к утру начинаю радостно борьбу. Он назвал это здоровьем.

23 Марта. Снег идет мокрый, и все течет в Москве. Вчера у Шахова на пирушке чуть-чуть повеяло «хорошим человеком». Есть такой ветерок весенний, когда он веет, то чувствуешь, как может быть хорош человек, если и не во всех своих индивидуальностях, то очень во многих, тот «средний» человек, образующий основу всего человека.

Борьба за картошку теперь — это борьба за жизнь. Но, конечно, нельзя извратить и сказать: жизнь есть борьба за картошку. Есть подобное какое-то извращение в поэзии Пастернака. Пока не могу это выразить, но понимаю. (NB. Все понимаю, но сказать ничего не могу. Собака: — Понимаю, и больше ничего мне и не нужно: понимаю и слу-

шаюсь.) А если сказать, это значит выразить, т. е. понятое самим предоставить другим на рассмотрение.

Нам представляется, что природа лежит вне нас, и мы, рассматривая данное, организуем его согласно нашему представлению. «Реальность» (вещественность) нашей природы образует гармоническое сочетание хаотической природы вне нас (что это?) и того, что в нас (категории). Так вот, извращение Пастернака состоит в том, что он лишает свои «категории» зависимости от хаоса и строит свою природу из «ничего», т. е. из категорий, прикладывая их самовольно к элементам хаоса. (Почитать Пастернака и выразить.)

Был цветочек чудесный (какой?). Пришла коса на него: это Царь природы косит сено для своей коровы. Этот цветочек в «Медном всаднике» Евгений, в «Фаусте» Филемон и Бавкида. Достоевский — за цветочек, за слезу ребенка, за Евгения, за Филемона. В наше время велят закрыть на это глаза: Царь природы косит сено для своей коровы.

Библия в отношении к крови (жертва Авраама Богу: заря костер зажгла). Да! весь этот страшный вопрос для истории и морали в религии определяется жертвой и разрешается Христом.

Так все было решено в отношении своего времени.

Вопросы вечные решаются для своего времени. Новое время требует нового решения тех же вопросов. Как же в наше время решается вопрос о жертве?

Чувство природы, чувство женщины и чувство Бога в разных формах есть одно и то же чувство в своем существе, и все это образует цве́тень (луг). Но приходит сюда «Царь природы» и начинает косить луг для своей коровы — вот тут уже действует что-то другое.

24 Марта. Дождь (с вечера 23-го).

Воистину настало время, когда «бытие определяет сознание», какой-то теплый поток жизни, подобно Голь-

фстриму, текущий в холодных берегах сознания установленного, неподвижного. *<²/₃ страницы вымарано.>*

Вечером были на Вертинском (тоже демонстрация личности — успех!). Познакомились с партизанским генералом Вершигора Петр Петрович. Я ему сказал: — Успех Вертинского есть успех личности. Нельзя коллектив подменять конвейером. — Да! — ответил он, — на своем месте конвейер хорош, но в искусстве — нет!

25 Марта. Дождя нет, но тепло: весна воды в природе началась, а в Москве весна грязи, и что еще будет, когда со дворов потечет.

«Поправки» сценария кончаю, два-три дня, и все!

Тещу с трудом перевезли в Ховрино. Ляля очень расстроена. Ясно: теща уходит в болезнь, а Ляля в тещу. Ляля меня даже упрекнула: «Жалости нет в тебе, и оттого у нас с тобой разное понимание тещи». Что делать, пришлось только плечами пожать. Неужели же и мне становиться в эту погибельную очередь: теща в смерть, Ляля в тещу и я в Лялю. Вздор! Жалею Бетховена, который, преодолевая болезнь и нужду, боролся за существование и отдавал существование в творчество. Я жалею его, но эта жалость к умирающему глупому и эгоистическому существу есть яд паука. Но теперь надо кончить с этим и быть корректным. Так пришли мы к такому месту развития наших отношений, когда быть корректным становится нравственной задачей. Итак, Михаил, помни и заруби себе это на носу: с Лялей больше ни одного слова об этом: de mortuis aut nihil, aut bene* (это и есть нравственная корректность).

Чувствую, как в глубине души совершается работа мысли на тему: личность и общество (цветок на лугу и коса).

* De mortuis aut nihil, aut bene (лат.) — о мертвых (следует говорить) хорошо или ничего (не говорить).

Вспомнилась формула юности «я — маленький». Вертинский пел о маленькой актрисе, о маленькой балерине. И цветок — он маленький, коса большая. У них такие разные назначения, и вся беда, что маленький выражает претензию на [положение] или осознание большого (сталкиваются, как Евгений с Медным всадником).

Когда в жизни своей мы подходим к необходимости решать трудный вопрос, некоторые (большинство) обращаются к книгам или ищут совета. А немногие только решаются — не решать трудного вопроса, а терпеливо дожить до решения.

Сегодня я должен кончить «улучшенный сценарий».

26 Марта. Вода!

Снег изнутри, на дворе, приваленный к забору, сквозь трещину между досками дал на тротуар фонтан. И некоторые, обходя его, говорят: — Вот еще и бахчисарайский фонтан явился!

Когда идешь по тротуару, держись правой стороны. Если же будешь на человека смотреть и считаться с ним, и он применяться к тебе, то непременно, уступая друг другу, вы встретитесь лбами. Вот почему не рекомендуется считаться с интересами встречного, а держаться всегда своей правой стороны.

Жалость к матери — это яд, который вошел в нее за грехи. Она отвергала брак, презирала материнство. За отрицание брака она получила мучительное блуждание между мужчинами. За отрицание материнства получила мучительный крест ухода за *<1 строка вымарана>* матерью.

27 Марта. Сегодня в Москве над разливом грязи мало-помалу из серых облаков вышло солнце.

Вода затопила у Никольских нашу картошку (3 мешка).

Сегодня даю Еремину сценарий «Серый помещик».

Ваня начал ремонт машины на заводе.

Вчера были у Александры Николаевны Крутовой и Жени Рождественской.

Недаром мы сошлись два старика здоровых (Дояренко) у Шахова и говорили о том, что только теперь стали видеть себя. Я думаю об этом так, что, пожалуй, нужно очень долго расти вверх, чтобы получить способность видеть себя не в себе, а отдельно на стороне, как будто человек созрел и вышел из себя.

28 Марта. Пасмурное утро с просветами надежды на ясный день. Весна воды идет, как ей и надо быть: хорошо, ровно.

Вчера ходил на Поварскую пешком сдавать «улучшенный» вариант своего сценария. Одет был слишком тепло и оттого очень устал. После похода дома смотрел на стрелку часов и видел, как двигалась минутная стрелка: до того устал, что видел по стрелке, как жизнь уходит и оставляет меня одного. Но это не было то тоскливое состояние, которое называют «одиночеством», это было как будто бы я трудно шел или бежал вместе со всеми по дороге, но, увидев пень в стороне, сел на него и, спокойно отдыхая, стал равнодушно смотреть на бегущих мимо меня. Такое состояние духа бывает иногда, когда проснешься среди ночи и лежишь, не открывая глаз. Тогда не на что смотреть, как теперь на стрелку часов, обгоняющую твою жизнь. Тогда видишь себя самого, как вагон, оторванный от поезда, освобожденный от внешней силы, принимаемой собой за свою. («И влекла меня жажда безумная, жажда жизни, вперед и вперед».)

Вот бы в таком состоянии хорошо бы описать свою жизнь...

Вижу ясно теперь, что моя мать, купеческая дочь, в дворянском имении жила как живое сухопутное суще-

ство, брошенное в жизнь, как в воду, с единственным священным заветом: «Плыви!». Она плыла по завету и вдруг умерла, так и не увидев берега.

Есть и во мне эта наследственная тревога о береге. Мать просто наивно плыла, я, просто наивно плывя, ждал берега.

И вот это смутное стремление к берегу, понимаемое как чувство природы, привлекло ко мне читателей: он куда-то плывет, давайте за ним!

Сейчас малообразованная советская интеллигенция (критики, администраторы литературы и т. п.) понимают меня как выходца из высоких кругов искусства прежних времен. Они ужасно ошибаются, я выходец из той же самой полуобразованной, плохо воспитанной русской интеллигенции, какую они сами теперь представляют. Ядро истории, двигаясь по пути своего назначения, ввело весь этот метательный конгломерат в какую-то иную атмосферу, и вот он засветился весь, как огромный хвост кометы. Я представляю собой светящуюся пылинку этого хвоста. Да, я плоть от плоти этой кометы, разметавшей свой хвост вокруг всего земного шара.

Мое первое чувство какого-то далекого прекрасного берега я познал в виноградном саду на Кавказе.

Моя «прекрасная дама» явилась мне тогда при чтении «Frau» Бебеля как «женщина будущего». Из этого чувства выросло мое буйство, стремление к социальной катастрофе, к писательству, к народной женщине язычества (Ефр. Павл.) и, наконец, к Ляле. Этот романтизм разночинства таится в каждом разночинце. Почему я так и ненавижу <1 вымарано>, что узнаю в нем свою же частицу кометного хвоста, но частицу не страдающую, как я, а обрадованную и довольную всем этим мрачным светом кометы.

Вчера на ходу, раздумывая о Жене, Ляле, Зине, понял их как выразителей избирательной силы, образующей в мужчине идеал. Этой силой действует каждая девушка,

реализующая этот идеал в ребенке. Но такие, как Женя, Ляля, Зина, не хотят закончить силу своего избрания одним ребенком. Нет! им мало и двух, и трех, и ста, и тысячи. Их избирательная сила уходит в бесконечность. Они удовлетворяют себя тем, что реализуют свое избрание приводом избранного в церковь и тем самым рождают Христа. Зина, Женя, Ляля — это все богородицы с большим или меньшим правом на это положение.

И это настоящие христианки, не желающие, как еврейки, как язычницы, рождать частное с верой в то, что из него когда-нибудь сложится Целое и Мессия придет. Он уже существует, этот Мессия: Он пришел. Вот почему этих женщин отталкивало от себя исчезновение себя в действии слепой половой силы: отталкивание, отрицание физического мужа, родства, родственника и даже положения физической матери. Если же в силу сцепления фактов жизни такой девушке придется сделаться женой и матерью (Женя при совокуплении прямо лишилась сознания), то рожденное дитя само по себе не является звеном цепи, подводящей нас к Мессии, а явлением Богочеловека, обреченного на страдание. И брак у них есть форма Голгофы, и рождение детей есть осуществление распятия, и радость есть радость страдания.

Наша новая жизнь возражает против христианства, обрекающего человека на страдание, принимаются все меры к тому, чтобы отвести людей от вида страдания (страданий так много, что я, сберегая себя, при всяких катастрофах на улице отвожу глаза).

Возражение таит в себе правду, но понимания нет. Мне лично нужно приблизиться к этому пониманию через женщину: кончить тем, чем я начал, «женщиной будущего».

Ляля отличается от всех христианок тем, что она от культа страдания хочет двигаться к чему-то вроде свободы, праздника духа.

NB. Итак, история революции разночинства двигалась от идеала «женщины будущего» до идеала «мать-героиня». Посмотрим!

29 Марта. Чувствую по себе, что за городом в полях под снегом вода, что ручьи находят уже себе путь к реке, и понемногу лед поднимается. Машина в ремонте, я не могу там это видеть, но, может быть, тем сильнее это я чувствую здесь в себе.

На субботу 5-го Апреля приглашен в школу в Рублеве, где меня чтут. Буду устраивать там звено нашего Общества охраны [природы].

Позвать на совещание природоведов Лукашевич и Пелевина. Написать «скрижали» дела охраны природы.

Сделать опыты с фотографией.

Дать сценарий Кулешову (сегодня позвонить).

Направить Лялю на прием витаминов, вдыхать мятные капли (купить).

Сходить в «Советский писатель» (о книге).

Вчера звонил Ляле Маршак и восхищался мною как поэтом возрождения: — Это удивительно! вращался среди декадентов, а теперь является выразителем возрождения, притом чем старше делается, тем лучше пишет.

— Что это? — спросил я Лялю.

— Жареным пахнет от тебя, — ответила Ляля.

Я порадовался: очень возможно, что кто-то власть имущий где-то что-то хорошо сказал о мне.

Если правда, подумаешь, ветер дунет мне в зад, куда направить свою ладью, чтобы не совестно было? И тут же ответил: проси издать собрание сочинений, будешь сыт на несколько лет.

Случайно взял в руки «Лесную капель» и неотрывно прочитал с половины и до конца. Все перезабыл, многие отрывки читал совершенно как новые, многому дивился — как хорошо! и многому радовался, что в свое время успел об этом сказать.

Березин, секретарь МООП (Московского общества охраны природы) поднял, как советский, вопрос о

продлении человеческой жизни. Начался спор о Лермонтове с короткой жизнью и Аврааме с жизнью долгой. Мы с Лялей стали за Лермонтова, упрямый и недалекий Б. потянул на Авраама. Так на нашу сторону стал идеализм, Лермонтов, Новый Завет, на его сторону Ветхий Завет и материализм.

И спор с недалеким человеком вышел очень неглупый, стало ясно, что путь коммунизма, как он теперь выступает, есть путь возвращения в лоно Авраамово (вероятно, недаром около коммунизма и роятся евреи).

NB. У меня собирается букет христианок для моего «Жениха», стремящихся свести жизнь к единству. Нужно собрать противоположную сторону: женщину-множителя (мать-героиню) в современной обстановке и русскую. (Софья Андр. Толстая? Софья Павловна Мстиславская?)

30 Марта. Серое небо над Москвой, из дворов текут реки грязи, заглянешь в иной двор, и вот ледник, настоящий ледник, и можно даже по нем понимать образование настоящих морен...

Я вспоминаю настоящую речку, как она теперь изменяется каждый день и порождает в своей душе особые стремления, и летят они, как стрелы...

Вот река... Вы подошли. И тут бывает по-разному: то захочется рыбу поудить, то искупаться, и мало ли что? погулять по берегу, покататься... Даже задумаешься, и то в конце концов для себя что-нибудь вспомнишь, по-иному что-то в своей жизни переставится: все о себе, все для себя! Но вот когда застанет весна в Москве, увидишь текущие со дворов реки грязи и вспомнишь настоящую реку, представишь себе весну там на воле — тогда собираешь в душе воспоминания, и все для реки, и ничего для себя.

Так вот и все наше чувство природы возникает в городе, и охрана ее является как милость царя природы.

(Тема для лекции в школе в Рублеве.)

31 Марта. Туман в окне, как молоко, ничего не видно, ничего сказать нельзя. Только знаешь, что тепло и весна движется безостановочно.

Новые и новые письма от литературных неудачников. Надо написать общий ответ (начать с семинариста в краю непуганых птиц). Общее всем: необразованные. Ничего не сделаешь образованием, но и без образования ничего не напишешь.

На днях, когда буду себя чувствовать покрепче, поеду по ж. д. в Звенигород, все посмотрю и потом вернусь, чтобы устроить свой переезд.

Вычитал в отрывном календаре:

«В природе милости нет, человек должен требовать от нее милости» (Мичурин).

В природе нет милости, и человеку нечего ждать от нее милости. Человек должен бороться с нею и быть милостивым и охранять природу, тогда он является ее царем-победителем (Пришвин).

Вирус — это промежуточное состояние между живыми существами и неживыми.

1 Апреля. Пасмурно с просветами. На Оке ледоход. Вот-вот и река Москва пойдет.

Как просто взял власть Симонов! неплохо и у Фадеева. Не зависть чувствую, а удивление и некоторое унизительное в себе подозрение в зависти. Ночью проектировал этих любовников власти на любовь к женщине, и вспомнилась «Козочка». Казалось, ничего не стоило взять ее (вместе спали!), но я не взял. А без меня какой-то черноусый в доме напротив нашего стал ей моргать, и в три дня все совершилось. Но мало того! вся жизнь прошла до 67 лет, и ни одна женщина не могла соединить в

единство мой дух и тело, и вышло это только с одной-единственной Лялей.

Так точно и власть! Нечего лицемерить, втайне мы все к ней льнем: хочется каждому власти (любоначалие = любострастие). Но как легко она дается Симонову! плюнул в сторону, откашлялся и царствует, а мы достигаем этого всю жизнь, работая в таланте, и царствуем уже после смерти своей.

Так вот, товарищи, я выступаю перед вами делегатом от мертвых.

Березин (секретарь ОХПРИ) принимает витамины и мятные капли. Ищет долгую жизнь, мечтает о бессмертии. Мы доказывали ему час целый, что бессмертие не в долготе, а прекрасном мгновении. И когда связали его по рукам и ногам, он сказал: — Скорее всего, есть два рода людей — для гениальных бессмертие в мгновении, а для обыкновенных людей в долготе жизни.

Закончил рассказ «Золотая медаль» (раз — пришло в голову на прогулке воспоминание о Чумакове — что «проглядят», два — записал сюжет, три-четыре — написал).

Вчера были Женя с Сашей — любящая пара. У Жени с Сашей я понимаю: С. эгоистически вызывает, а Ж. отдается, обнимает и вообще делает то самое, что в физической жизни делает сосуд, утоляющий жажду жизни (церковь на место того сосуда). Ляля то же самое делала со мной: топила в своем материнстве мою «идею». (Идея вообще в физическом мире отвечает penis'у.) Происходит материализация идеи, отвечающая творчеству или деторождению. Какая же, и есть ли граница между природным размножением и творчеством (там и тут со-итие).

Вспомнить спор с Березиным о долгой жизни и прекрасном мгновении. Наивный философ кончил разделением людей на гениальных с короткой жизнью и на рядовых с долгой. А это разделение в действительности есть

разделенность пола: идея, мужское начало несет в себе «прекрасное мгновенье», материнство — длительность, вот когда раскрылся смысл нашего длинного спора с простаком. Ох, и чудесна Россия этими своими простаками, в них все наше будущее, это есть форма детства и отрочества.

Человеческое творчество есть организация материи в интересах человека.

Размножение есть самодеятельность природы (материи): само-, т. е. без участия человека, деятельность, самодеятельность есть творчество.

Итак, в жизни есть две силы: 1) размножение как творчество природы или самотворчество и 2) творчество человека или организация материи (природы) в интересах человека (вопрос: что есть «человек», во имя которого все на свете организуется).

<*Приписка:* Первое в человеке есть стремление к единству (идея), включающему порядок, т. е. расстановку предметов согласно плану, имеющему в виду «лучшее» для человека.>

Материя находится в состоянии непрерывного самотворчества. Такая живая материя проникает в существо человека и образует в нем то, что мы называем «сам». Напротив, идея нас «осеняет», «приходит в голову», говорят: «идея родилась» или фаустовское «прекрасное мгновенье», и вообще «отец» — он не сам, он больше, чем сам, это mater (мать, материя) делает в нас то, что мы называем «сам».

Так что в собственном своем смысле жизнь есть самотворчество природы (материи), с вечной заботой о длительности существования, возрождении, возобновлении, жизнь эта похожа на искру прерываемого тока электричества.

Самотворчество природы способствует размножению человека, и это размножение подчиняет себе «идею», т. е.

творчество самого человека – это падение. (NB. Гитлеризм был уничтожением человечества в пользу господ[ства] расы, коммунизм рано или поздно бросится на размножение (пойдет хирургия).)

2 Апреля. Тепло, пасмурно с просветами. Ляля вышла на воздух.

Антокольский в журнале «Знамя» опубликовал статью, посвященную культурному преодолению «постановления». Моя тема не удалась мне, а ему удалась вполне. Не удалась мне, потому что я не мог обиду оторвать от сердца своего и, желая это укрыть, затемнял смысл, и местами выходило двусмысленно. При новых попытках выйти на общую дорогу надо твердо помнить, что дорога наша одна, что люди по ней тесно идут, и ты иди тоже по ней и неси свою котомку, как все. Но помни, что...

3 Апреля. Утро в тумане. Ляля поедет за моей путевкой на 15-е Апреля (вторник на Пасхе). Я побываю в Дунине в понедельник 7-го Апреля. В субботу студия созывает новый суд над моим сценарием, сказали: «Спешное совещание, чтобы поскорее заплатить Пришвину деньги».

Антокольский приводит пример из речи Мануильского: министр тысячу раз извинится за то, что подвинул к себе пепельницу, и в то же время обдумывает, как бы отнять для своего государства целый какой-нибудь остров с большим населением. Я бы не мог воспользоваться таким примером, потому что слишком много вижу обратного: министр восторгается жизнью на острове будущего и рассеянно тычет зажженной папиросой в глаза ближнего.

Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем там не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь – так хорошо становится. А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Станешь догадываться о хорошем и поймешь: это весна.

Антокольский взял темой пушкинский парадокс «поэзия глуповата» и стал серьезно доказывать обратное: что поэзия умная, как это у нас требуется. Смысл же пушкинских слов в том, что нельзя человека в реторте* сварить. А еще отсюда вытекает правило смирения для неудачника, который «умом» хочет выйти из своего положения. (Такие Игнатовы, умные кузины мои.)

Ляля достала путевки мне на месяц, себе на две недели, начиная с 15-го.

Приезжал Борис Кирыч Анюхин, рассказывал безутешное о Хрущеве, о Ельце. Он очень понял меня, когда я сказал, что ночью вижу Хрущево, каким оно было, и дивлюсь его существованию в себе. — И еще больше удивительно, — сказал я, — что это видение свое я могу описать, и люди не только наши это видят, но и чужие. И я принес ему английские книги, в которых Курымушка называется little Peterkin**. — Как меня примут на родине? — спросил я. — Примут с почетом, как важное лицо, и ничего не выскажут и вопрос свой личный к вам затаят. — Что же это за вопрос? — Этот вопрос каждого из нас: а что же для человека сделано такого, на чем вы несете свою славу? Вы же помните соломенные избушки Хрущева с земляным полом? Теперь хорошо, если встретите всю крышу: часто половина раскрыта и съедена голодным скотом, в окнах стекло — только одно, другие заложены подушками или соломой. Из всех ваших сверстников осталось два-три, остальные умерли от недоедания.

4 Апреля. Делегаты весны. За окном моим под черной железной планкой балкона привесились четыре большие, тяжелые, светящиеся капли и светят мне, как делегаты вес-

---

* Реторта (*лат.* — букв. повернутая назад) — сосуд с длинным отогнутым горлом, употребляемый для перегонки каких-либо жидкостей.

** Peterkin — герой английской сказки.

ны, и говорят мне по-своему на понятном только мне языке: — Мы, делегаты этой весны, новой, приветствуем тебя, старого делегата своих отцов и дедов, и просим тебя, старого человека, от новой весны — возьми нас и покажи нас людям молодым, рожденным любить этой новой весной.

Апрельский свет — это темно-желтый, из золотых лучей, коры вербы и черной, насыщенной влагой земли. В этом свете мы теперь ходим.

Вчера после рассказа Анюхина о моей родной деревне был на юбилее соратника Маяковского, режиссера Кулешова. Зал был наполнен его учениками, режиссеры Айзенберг, Пудовкин, Герасимов и другие знаменитости искренно приветствовали. А от министра вместе с поздравлением что-то вроде плевка: премия в размере месячного оклада: И это человеку, который всей душой, как Маяковский, отдавал себя открыто делу Сталина. Так что есть у всей этой компании во главе с Маяковским какая-то непрочная склейка с делом Ленина — Сталина, как будто склеивают их только слова, а в существе у них в самой народности нет ничего (ничевоки).

И все искусство это кинематографическое, без авторитета, без традиции, ничевошное, и становится тогда только искусством, если к нему присоединяется живопись, драма, поэзия и музыка. Кино само по себе не искусство, а механизм, подобный микрофону или автомобилю. И «урбанизм» их ничевошный, нечто вроде того, как я искал душу машины, ее индивидуальность, а на заводе мне сказали, что индивидуальность в машине — это порок, машина не должна иметь индивидуальности, она бездушна. Я не нашел души в машине, Маяковский в своем городе: ничевошники.

И все-таки она есть, душа эта, и в машине и в городе, это душа хозяина машины.

В нашем Обществе охраны природы наметились два понимания природы: 1) традиционно-биологическое:

природа за городом; 2) природа в городе, т. е. урбаническая точка зрения.

Человек приходит в природу из города, музыкально, поэтически, живописно исследует ее и создает новую природу по своему образу и подобию.

Вся живопись, музыка, поэзия, поскольку они направлены к природе, движутся одним мотивом охраны ее.

Наука, присоединяясь к делу хозяйства (Морозов), вся направлена к делу охраны наших естественных богатств от истощения.

Кто же против нас?

От поэта до ученого все за охрану, кто же наш враг, от кого мы будем охранять природу? кто наш враг? (NB. Здоровье человека — это главная область природы, подлежащая охране. Значит, вредители здоровья человека — это первые наши враги.)

Скрижали завета.

1 Заповедь. Дело охраны природы есть дело охраны здоровья человека.

Отсюда вопрос: что такое здоровье, и каков этот человек, здоровье которого нам надлежит охранять — и раскрытие этих вопросов составит содержание всех скрижалей. («В здоровом теле здоровая душа», элемент здоровья — чувство праздника («Помни день субботний»).)

Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози и пр.

Итак, это Бог в нас говорит: «Я», и рядом с этим «Я» находится «я» личное, рожденное, долженствующее расти до «Я» Сына Божия. Одно «Я» как идеал вне времени и другое [во времени].

Ход весны. Движение весны в этом году было ровное, больше пасмурными днями, чем солнечными полднями. Вчера 3-го в Москве валил сплошной лед по реке. Сегодня лучи солнца проходили сквозь пары. Вечером теплый, мелкий и частый дождь. Река очистилась и быстро наполняется. Канава забита льдом. Везде строятся заграждения. Паводок в полном разгаре.

На юбилее Кулешова повидал весь наш киношный актив и понял ясно, что кино есть лишь механизм для распубликования искусства, нечто вроде микрофона, печатного станка и т. п.

5 Апреля. Утро солнечное.

Завтра Ваня отвезет меня до станции Звенигород, и я пешком пройду в Поречье и все увижу в природе.

Спросите кого угодно, что это значит, природа, о которой мы говорим ежедневно, и никто не даст ясный ответ.

Мы скажем: природа — это все, что существует и возникает без участия человека. При таком определении непонятна задача нашего Общества охраны природы, потому что в природе находятся вековые враги человека, с которыми он и теперь ведет повседневную борьбу за существование.

Нет, мы не всю дикую природу хотим охранять, а только ту, которая в борьбе человека за существование стоит на стороне человека, ту природу, которая идет ему на здоровье.

Решаемся сказать: охрана природы в нашем смысле есть дело охраны здоровья человека.

Но, скажем, книгохранилище, лаборатория: они, несомненно, являются тоже условием здоровья современного человека. Мои сверстники, с которыми я в деревне играл, теперь все почти умерли, а среди ученых, бывших еще моими учителями, некоторые живы и некоторые работают усердно на славу нашей родины. (Назову профессора Прянишникова.) Полезно приглядеться, каким способом эти старцы охраняют свою «природу», или здоровье, для своей творческой работы. Мы увидим, что книгохранилище и лаборатория играют немалую роль в охране их здоровья. Мне кажется больше: изучение борьбы за достойное существование этих замечательных старцев дало бы больше материалов в деле изучения вопроса о продлении жизни, чем изучение мумифицированных старцев, живущих где-то в счастливых горных долинах.

Итак, не одна природа является источником здоровья современного человека и, значит, наше Общество нельзя назвать просто Обществом охраны здоровья человека. Но, несомненно, наше дело состоит в охране той природы, которая способствует здоровью и силе человека в его борьбе за существование.

Заповедник является хранилищем условно самозарождающейся благодетельной силы природы. Мы вносим культурную жизнь, напр. отстреливаем ястреба, истребителя домашней птицы. В заповеднике наличие ястреба благодетельно для выработки сил в борьбе за существование куропаток и тетеревов: без ястреба куропатки вырождаются.

<*Зачеркнуто:* Наряду с заповедником дикой природы нашей охране подлежит и городской парк, хотя он и не является предметом той природы, которая возникла без человеческих усилий.>

Перечислить все, что подлежит охране. И после того показать необходимость включить в дело охраны вторую природу.

И кончить охраной детства.

Детство как явление природы, этот «золотой век» наш требует особой охраны. Может быть, и вся наша «природа» есть воспоминание золотого века каждого из нас, когда мы были заодно с природой и не знали страданий, связанных с именем человека. Вот эту природу детства мы должны особенно оберегать — «верните нам ребенка».

«Ум», к которому апеллирует Антокольский против «глуповатой» поэзии, часто является заплаткой или сшивкой на том месте, где обрывается талант.

6 Апреля. С утра дождь. Все-таки поехали с Ваней в Дунино. По дороге началась снежная метель. Возле туберкулезной больницы отпустил Ваню и пешком пошел в Поречье. В лицо било снегом. Ноги скользили по льду, проваливаясь, сапоги подтекали. И все-таки где-то из засыпанного снегом седого дерева слышался хрип скворца.

Пришел к Шахновским, болтал часа два. За это время явилось солнце, и все засияло.

Поля голые, в лесах еще снегу довольно. Река прошла (передвижка) третьего дня, но повыше еще стоит лед. За последнюю ночь вода поднялась на 80 сантиметров.

Вечером берегом реки прошел на дачу свою. Сильный холодный ветер при ярком солнце. Редкие льдины, иные стояком, розовые на солнце, стремительно неслись по лазурной реке. В легком пальто было холодно, и страшно было смотреть на реку, и красива она была страшно. Пролез на дачу по снегу. В лесу еще довольно снегу, и только морозы изо дня в день могут спасти Москву от потопа.

Вечером радовала меня милая женщина Татьяна Сергеевна (очень простая и веселая, напомнила мне брата Сашу, простая, а видит и слышит хорошо). Познакомился с пианисткой (преподаватель консерватории, встречался в Кабарде). Лия Моисеевна Левинсон, К 3-11-75, ул. Огарева, д. 5, кв. 4. Еще была хитрая Фрида.

NB. Моя мать только к старости стала красивой женщиной, привлекавшей общее внимание и почет. Так и у меня...

Говорили о вреде лиризма.

7 Апреля. Ранним утром было солнце, а потом повалил снег, и на весь день. Ехал на грузовике к поезду 8.40. Приехал домой очень усталый от холода и болтовни.

Будьте как дети — это не значит: будьте детьми. Это значит, будьте только подобны детям.

8 Апреля. Пасмурно с просветлением, ночь прошла без мороза.

Женщины: Раиса забывает все у мольберта, Татьяна — с античной природой, проста, но все видит и слышит.

9 Апреля. Раисе сказал, что был в кругу интересных женщин; она чуть дрогнула и выдала свою женскую ежедневную тайную борьбу за себя как за самую интересную. (Нам, писателям, это знакомо: втайне каждый из нас — лучше всех, и в этом нет ничего дурного: это условие борьбы за первенство.) Татьяне Сергеевне тоже я сказал, что с нами приедет в дом отдыха красивая Раиса. И по ее простому лицу пробежала тень. Но если бы Ляля узнала, что я люблю достойную женщину — она бы, мне кажется, перемогла себя и постаралась бы растворить свое страдание в великодушии и так вышла бы из этой борьбы за первенство.

Лева вчера пришел в условленный срок, принес деньги, показал их. Ляля сказала: — Вы нуждаетесь? Спрячьте и принесите, когда будет лучше. И дала ему 1000 руб. на праздник для матери. У Пети родился новый мой внук Николай. Ия тоже там живет, в Пушкине. И Петя между женами как петух.

Написал ответ Серовой и через ее попытку написать «Байкал» (ее сочинение распалось на Байкал без девушки и девушку без Байкала) понял свою заслугу изображения природы «с девушкой», т. е. мне удалось превратить свою лирику в зеркало с отражением в нем природы (чего стоит «Черный араб» или «Жень-шень»!).

Эта осознанная моя способность дает мне надежду на то, что я вернусь к «Каналу» и напишу.

В этой работе я должен сделать шаг вперед от изображения такой-то земли к человеку, царю природы.

Да, я думаю, это правда, что Ляля вышла из бабьего круга: если бы я сошелся с женщиной, недостойной меня, она бы, презирая, переболела скоро и вернулась к себе; если бы я нашел женщину, с которой бы мог идти дальше — она бы с болью, но без спора уступила меня. Вот моя Ляля — это святая.

10 Апреля. Великий Четверг.

Вечером вчера резкий ветер, ночью морозик, утро ясное, но... что-то не везет Апрелю в этом году, весь он был пасмурный и деловой: не нам на радость, а только чтобы растопить снег и затопить низменности. Зато как хорош был в этом году март, и я этот март записал (сценарий).

Вчера был Игренев, говорил, что «Русский вопрос» — смертная скука. Так оно и быть должно, потому что в этом «вопросе» ни направо, ни налево нельзя чувствовать себя свободным в сторону правды.

Ездили в Ховрино к теще. Уговорил доктора продержать ее еще 3 недели после срока, до 4-го мая. Доктор армянин и симпатичнейший, и у нас с ним возник обмен философских настроений в плане Надо и Хочется (врач и поэт, Евгений и Медный всадник и т. п.), и опять какой же выход? Метода нет, если только признание личности в человеке не включает в себя и метод.

Ляля выдержала стояние до 9-го Евангелия, и в давке видел, как у одного длинноволосого на конце каждого волоса блестела капелька пота. Упасть нельзя, и если даже умрешь, то будешь стоять. Эта пытка верующим создалась из-за разрушения церквей, естественное возмездие и пример невозможности извне подавить веру в человеке. Давка в церкви — это форма борьбы за веру.

А разве вся наша жизнь в <*1 слово вымарано*> не есть тоже давка с потовой капелькой у каждого на каждом волоске? И разве тоже нет среди нас мертвецов, задавленных людей, которым и упасть некуда?

Возвращаюсь и не могу вернуться к своему «Каналу», к этому вопросу о выходе из давки, из этой необходимости давить друг друга — к личной свободе и миру. Чувствуешь, что никаким домыслом тут не возьмешь и сознание необходимости требует поступка (в данном случае поступком будет создание книги).

Хочется и Надо — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь, и выходом всегда был поступок.

Побег из школы в Азию кончился неудачей в утверждение «Надо», в марксизме («женщина будущего») кончилось тюрьмой, в любви (Ина) — последним унижением; но благодаря той тюрьме я не попал в нее в советское время, благодаря Ефр. Павл. явилась Ляля, благодаря писанию агрономических книжек о картофеле явилась поэзия.

Итак, всякое влечение у меня в сторону свободы личной кончается неразумным поступком, который непременно приводит меня к необходимости (Надо), и переживание необходимости (гимназии, тюрьмы, брака, нелюбимого дела) приводит к выходу из царства необходимости в царство свободы. Нет! значит, выход на волю заключается не в самом поступке, который приводит сначала к необходимости и после того к свободе. Не поступок только решает вопрос, а явление (образование) личности. Умирение («да умирится же с тобой...») происходит в рождении личности, как в физическом рождении человека мать после мук приходит к радости через явление нового существа.

Медный всадник (Надо) есть образ безличный, образ человеческой необходимости, через которую должен пройти каждый человек и сама стихия. Он прав в своем движении... и не он будет мириться, а с ним будет мириться «стихия» путем рождения личности.

Итак, «да умирится же с тобой и покоренная стихия» означает рождение личности. И, значит, Евгений (как тоже и еще сильнее: Филемон и Бавкида) является нам как вестник наступающих родовых мук. И окончательное решение этой борьбы Хочется и Надо в пользу Хочется с воскрешением Евгения и Филемона с Бавкидой есть рождение Христа, есть явление света в темной борьбе, выход свободной личности из недр необходимости.

Примирение состоит в том, что личность приносит с собой новое измерение всех ценностей, создаваемых Мед-

ным всадником. Примирение в том, что то, прошлое измерение было необходимо. Примирение заключается в улыбке личности и, может быть, осторожно, шепотом и любовно сказанных словах: «Мы говорим на разных языках». И окончательно: «Любите врагов своих».

В природе рождается человек, и потому мы часто говорим «мать-природа». Из этого факта является у нас милость к природе.

В природе человек умирает от нападения на него видимых и невидимых врагов. Он умирает в борьбе с этими врагами своими, включенными в природу.

Природа является местом борьбы человека за существование. Значит, природа человеку и мать, и злая мачеха.

Из этого начались все наши сказки.

Сборы: Пятница, Суббота, Воскресенье, Понедельник.

Пятница: Еремин после обеда, с 5–9 заверить справки. Позвонить в 11 д. Лоцманову о конце Апреля. Доверенность Мар. Вас. на книги у Чагина, она же в Литфонд бумагу и одеяло; Рукопись Платонова. Разговор с Сурковым.

Книги об Армении.

Барютиным телеграмма: Уезжаем Дунино вернусь 25-го Апреля вас перевозить.

Воскресенье: Мар. Вас. в Ховрино насчет картошки.

11 Апреля. Солнце, мороз и ветер. Ходил в студию, выправил анкету на вторые 25%.

Пробовал войти в работу, раскрывая себе свою вечную спутницу, мысль о Надо и Хочется.

Напросился на воскресенье Перцов. Ничего как-то не ждешь от этих разговоров хорошего. Вот в Николе Новокузнецком, Ляля рассказывала, поп очень сытый и коренастый устроил в церкви лесенку и над лесенкой кафедру

и залезает сам по лесенке и говорит. — Сытый, — сказала Ляля, — коренастый, и благодаря этому сохранил способность и охоту говорить проповедь. — Так вот это же и у нас в литературе, хотят чиновники разделить писателей на три класса: первый — немногие совершенно сытые, второй вроде меня — средние и третий — голодные. Через сто лет поймут, почему писатели наиболее ревностные *<4 слова вымарано>* были и наиболее сытыми.

Странно, что я не могу побороть в себе и неприязни к политикам, и в то же время приятности, если меня кто-либо из них похвалит. И тоже ловлю себя иногда на приятном чувстве, когда воображаю, что меня куда-то позовут и там признают. Чуть только подумаешь холодно, и все это исчезнет, как дым, но... это подлое во мне все-таки есть и действует тайно и, несомненно, составляет одну из сил, образующих борьбу человека за первенство. Эта подлость есть, наверно, и у святых и тоже у них действует где-то под лостью (что это — лость?).

Итак, под лостью, а сверх лости у меня все-таки есть вера в Слово. Только благодаря этой вере я мог заняться такой расстановкой агрегатов моей души, чтобы направить бормотание своего ручья в Океан (т. е. Слово).

Если я приеду на мою родину в Елец как знаменитость, мне покажут достижения агротехники, каких и не снилось моей матери. Но если я потребую, чтобы мне показали мою родную деревню, то я увижу, что за 30 лет она вконец разорилась. И так во всем мы живем напоказ, и война, единственное наше достижение, выходит теперь, тоже была не для нас и тоже напоказ. На родине моей личной и на твоей родине, мой друг, ничего нет, но вся наша родина славится и величится. <Зачеркнуто: Так все, как небо, раскинулось над пустым Ничего. Другими словами, у нас нет личности.>

Нет писателей, и есть большая литература!

Столб. На Большой Садовой есть чугунно-граненый столб и на нем два больших кругло-матовых фонаря. Столб стоит на самом краю панели, а с другой стороны забор, ограждающий ремонт дома. Между столбом и забором может пройти только один человек. И если двое встречаются, то другой должен идти по другую сторону столба. Но там с панели на улицу ступенька, и возле ступеньки бежит весенний грязный ручей. Встречному приходится одну ногу поставить прямо у подножия столба и, обняв его, другую ногу пронести над ручьем. Так целый день с утра до полночи бедные люди обнимают чугунный столб, а он ничего-то не чувствует! И сколько между нами, людьми, таких столбов: их обнимают, а они ничего-то не чувствуют.

Это не способ! Вот это «не» и есть то самое отрицание, которое лишает сил действовать и воскликнуть осанну. Для «способа» нам нужен наш личный идеализм с возможностью каждому достигнуть свободы. Вместо этого *<4 слова вымарано>*: мы можем, восхваляя *<1 слово вымарано>*, получить славу и деньги. Так и получают этим способом ловкачи *<2 слова вымарано>* деньги и славу. Но есть у нас в зрачке у каждого какой-то человечек, голова вниз, ноги вверх: этот человечек нашептывает нам, что это не способ. Вот бы этого человечка вывести нам из опрокинутого состояния, вот бы поднять его! И вот это усилие, этот каждому из нас присущий идеализм чурается того способа.

Чуть непоздоровилось, и сейчас не знаю, к чему это выйдет. Но солнце на дворе такое яркое, так празднуют дома, крыши, кресты и всякие цветные тряпки канун великого праздника Светлого Христова Воскресения, что и я это почувствовал и понял эту свою прирожденную радость жизни как существо здоровья. Это все было мое здоровье и поэзия в нем, вернее: такое здоровье, что даже и поэзия в нем. Охотничье чувство — это и есть чувство здоровья или радости жизни, и поэзия, свойственная охотникам, есть выражение радости жизни.

В здоровье рождается радость жизни и может дойти до поэзии, и религия наша христианская вышла из радости жизни (другое дело, во что это вылилось).

12 Апреля. Солнечный день после ночного мороза. Вечером пасмурно, ночью подмерзло и трусил снежок. Но мы пошли в церковь (Новокузнецкую) до снега, и было очень хорошо: тихо и не холодно. В домах у верующих светились огни, неверующие спали. На Пятницкой отдыхающие рельсы подсказали нам и на все вокруг так поглядеть: закончилась грохочущая жизнь, и все предметы теперь имеют возможность раздумать: что это было? Вдруг в этой московской тишине закричал петух, и раз, и два, и три, как по Евангелию...

В церкви великое событие: приспособили микрофон, и богослужение вышло на воздух. Мы стояли, прислонившись к забору, и слышали все до одного слова, <*1,5 строки вымарано*>. Но это нам так хорошо от радио, а настоящие народные верующие, наверно, не могли в сладость помолиться без мучения. Когда из церкви выходили потные, измученные и все-таки радостные люди, Ляля что-то сказала вслух о вере, и ей кто-то ответил, имея в виду перенесенные мучения: — Будешь веровать! — А старушка на это прибавила: — Господь за нас больше мучился!

И это настроение как-то присоединялось к тону всей нашей жизни нынешней: что так ли мы сами в жизни теперь мучимся, и даже все наши муки ничто в сравнении с тем, как мучился Господь, но все это мы перенесем, переживем, и все кончится радостью воскресения.

Мы дома разговелись вдвоем с Лялей и, обнявшись, радостно уснули.

13 Апреля. Все наши серванты*, и даже Ваня, собрались за чайным столом.

Взять с собой: 1) Пирамидон. 2) Чай, сахар. 3) Мыло. Дневник. Канал. Ружье. Часы большие. Набить 24 к. па-

* Имеется в виду прислуга: servants (*англ.*).

троны. Масло. Термос. Фото (заряд. катушки). Лодка. Спиннинг. Бритье. Компас.

14 Апреля. Утро солнечно-морозное, тихое.

Вечером вчера были Родионов, Елагин, Громов, Игренев, Перцов. Уговорились с Игреневым, что кукольная пьеса назовется «Блудово болото» и автор будет куклой.

Вчера Ляля потащила к Пасхальной вечерне. Вначале было хорошо, но потом началось потение общее, коммунизм православный. Я снял пальто, шляпа в лепешку. По пути к выходу потерял палку и сам впал в паническое малодушие. «Будешь веровать!» — чудился вчерашний голос в том смысле, что жить хочется — будешь стоять за жизнь, за Христос Воскрес.

Приходила Марья Алексеевна и прочитала свое личное «верую».

Слово содержит в себе и дела́, но слово больше действия, нельзя все свое Слово подменять делами: вначале было слово, потом из слова вышло дело. И не так оно вышло, что непременно тот самый, кто поднял слово, перешел потом к делу. Поднявший слово тем самым поднял и дело, он подумал (той рече!), и оно сделалось (быша), «той повеле», и «создашася». Это положение первенца в творении. Но возможно, что кто-нибудь начнет с дела, и это значит, что он не сам от себя делает, а по чьей-то инициативе: такова вся техника.

Вчера Перцову оговоркой сказал о своей работе: мысль мою выразить можно только в образе, но мысль эта такая большая, что я не боюсь судьбы моей вещи: мысль эта больше наших препятствий.

15 Апреля. Густой туман с обещанием подняться и раскрыть богатства Апреля.

Сегодня после обеда (часа в 4) переезжаем в «Поречье».

Говорили о перевоплощении поэтов и трудностях такого перевоплощения (в пример приводили моего «Черного араба» и вообще мою природу). Понимаю условие для такого перевоплощения: страстное одиночество в пустыне, когда сама земля, природа и какие-то люди на ней становятся заместителями желанного существа. Это чувство есть исходящий из себя свет любви, и дело поэта изображать освещенные этим светом предметы.

NB. При анализе происхождения поэзии как заместителя любви (Эрос) надо не забывать, что у меня это чувство утраты предшествовало во мне встрече с предметом моей любви, т. е. что чувство утраты, свойственное моей личности, преобладало перед стремлением к обладанию.

Когда она передала мне письмо к родителям и попросила прочесть его, и я прочел простые слова о том, что она полюбила порядочного человека и намерена выйти за него замуж, я вдруг охладел, смутился, на мгновенье увидел я ее как очень обыкновенное существо, повязка вдруг упала... Это продолжалось какое-то мгновенье, но она, по-видимому, поняла меня и вскоре взяла письмо обратно. И как только она это сделала и снова стала недоступной, я опять начал безумный роман с Альдонсой, обязанной быть Дульцинеей. Вот эта «Дульцинея» и стала ее врагом, и за нее она меня возненавидела: она отстаивала в себе Альдонсу.

Итак, моя «Ина» была поводом для явления Дульцинеи: моя Дульцинея явилась из обрыва родового провода жизни.

Все раскрытые мною богатства содержатся внутри каждой жизни и действуют невидимо и бессознательно, проводя жизнь из рода в род.

Свет сознания человеческого является, как и свет электрический, — между полюсами, в человеке [проявляет] личность. Без личности не может быть сознания, но жизнь протекает, конечно, безлично, сама по себе.

В настоящее время выхода на историческую сцену народных масс сознание стало вредной силой, и стахановец подменил собой личность. Наши коммунисты чувствуют жизнь как государственно-общественно-родовую, и почти все утрату личной силы сознания вовсе не чувствуют.

Большевики безличны, их враги стоят за личность. Большевики подменяют личность, творящую сознание, индивидуальностью, и даже капиталистической (буржуи).

Возвращаюсь к теме: разлука (Дульцинея), т. е. прекращение чувства рода, т. е. фактор образования личности и сознания, потенциально был во мне и до встречи [с Дульцинеей], я родился обреченным на разрыв с Альдонсой.

Подлежит анализу явление Фацелии, т. е. как бы вмещение Дульцинеи в Альдонсу. Фацелия — это как бы склад всех собранных мною за время разлуки богатств сознания.

Итак, чтобы понять мою «природу», надо понять жизнь мою в трех ее периодах: 1) От Дульцинеи (детство: Марья Моревна) до встречи с Альдонсой. (Парижская Варвара Петровна Измалкова: Ина Ростовцева.) 2) Разлука и пустынножительство. («Семейная жизнь» с Ефр. Павл.) 3) Фацелия (встреча с Лялей и жизнь с ней). И все как формирование личности, рождающей сознание. Итак, природа, с одной стороны, есть сама наша жизнь, протекающая в берегах родового общественно-государственного долга («Надо»), и тоже природа в свете нашего сознания, порождаемого личностью (Свобода, «Хочется»), природа как зеркало нашего личного сознания.

Вывод: 1) Рост нашего личного сознания открывает нам, какие несметные богатства таятся в нашей жизни. 2) Природа в берегах долга есть место борьбы человека за свое первенство среди населяющих землю тварей. 3) Природа в свете нашего сознания есть место строительства новой желанной природы как царства свободы (свидетельство предметов нашего искусства).

16 Апреля. Вчера мы доехали благополучно. Сегодня третий день, как стало тепло и пришел настоящий Апрель. Поле озими еще не омылось и желтое, а лужица на поле ясно-голубая, а синий лес вдали подчеркнут белой полоской. Вдоль реки лежит цепь оставленных водою льдин. Одна особенно большая лежит на другой и сверху на нее капает, капает. Малые льдины от толчка распадаются на длинные чистые кристаллы, похожие на хрустальные подвески от люстры. В лесу пестро, где белое, где черное, на черном виднеются зеленые листики перезимовавшей земляники, а земля под нею еще не оттаяла. Зяблики поют везде, и начинают оживать лягушки. Одна скакнула в ручей и понеслась вниз (мотив каждой весны: есть ли сок в березах?).

Раиса с сыном и Татьяна с сыном, и мы, и я как предводитель женской дивизии. Мальчики подрались, женщины, как кошки, — уши прижали. Но женщины и умные, и милые, обе с мужьями, но не постоянно возле мужей.

17 Апреля. Солнечно и холодно, ветер. Я утром до завтрака проходил в лесу: еще много снегу, и даже ходить тяжело. Большая поляна, где тянут вальдшнепы, вся очищена от снега, и даже дубовые листья просохли, и ветер играет листьями. На поляне этой могучие дубы.

Дятлы напали на елку и раздолбили ее внизу со всех сторон.

Северные опушки лесные белые, южные в голубой воде, поле чистое и мажется, а березы мокнут (капает березовый сок). На реке за одни сутки от всей цепочки льдин остались небольшие грязные бугры, ударишь по ним ногой, и разбиваются на длинные чистые кристаллы. Кроты работают. Но трава, даже на опушках под лужами, еще не зеленеет, и нога на земле чувствует лед.

Я спросил двух женщин, одну с мальчиком, другую свободную: — Кто ближе к природе во время родов, мать или ребенок? Женщина с мальчиком ответила: — Ребе-

нок. Женщина свободная: — Мать. — Понятно, — сказала первая, — ребенок, говорят, вначале и видит не так, и слышит плохо, и ничего не понимает. Он, конечно, ближе к природе. — Так вы понимаете природу, — ответила вторая, — будто природа слепая, глухая. В природе есть все, и это может знать только человек очень близкий к природе. Ближе всех в этом к природе рождающая женщина: она одной стороной своей даже сама природа, а другой — она человек.

Я вчера высказал свою заветную мысль о немцах, что они и русские — единственные идеалисты на свете, что география даже обеспечивает единство этих народов, и если эти народы соединятся, они добьются хозяйственного единства во всем мире. — Не дадут, — ответила Раиса. — Но ведь в этом же и есть смысл нашего требования единой демократической Германии. — Все равно не дадут! — сказала она решительно. И я по тону реплики понял, что в этих кругах нет ни малейшего даже сомнения *<1,5 строки вымарано>*. Так оформился новый этап контрреволюции. Положение ухудшается сравнительно с прошлым тем, что невозможно прибегнуть к обману, каким был НЭП: теперь всякую такую уступку поймут как сдачу позиций: сдай в одном, и все полетит. Остается усиление диктатуры и надежда на большой урожай. Диктатура — это в руках человека, а урожай? (Вот когда пришло время решать загадку «природа науку одолевает».) Тридцатилетие все скажет. Но все-таки дело в руках «природы», или «счастья», или случая.

— Вдохновение! — сказала Татьяна. — Никакого вдохновения нет, — ответила Раиса, — есть только труд, труд и труд. А вы как думаете, Михаил Михайлович?

— Я думаю о чудесном саде, какой мне достался от матери без всякого моего личного труда. После я пробовал делать сады, но они даже в малой степени не дали мне той радости, какую дал мне сад матери, полученный мной без труда. Есть ли вдохновение? я не знаю, но есть целый мир

как великое Данное, получаемое нами без труда. Мой личный труд есть лишь средство добиться права на обладание этим наследством: одному это легче дается, другому труднее. Есть, наверно, счастливцы вроде Моцарта, кому это право дается одним вдохновением, другой, как осел, идет в гору с тяжестью и до снежной вершины никогда не дойдет.

Иван Тимофеевич (Филемон и Бавкида) ни за что (караул соседский) получал ежемесячно от меня 200 рублей. Он счистил снег с крыши и за это попросил еще 150 р. И в тот самый момент, как он попросил, он погубил всю свою карьеру (мы его поняли и отстранили). Так это правда, что с человеком надо съесть пуд соли: соль ешь — это надо! Но постижение человека совершается мгновенно, и случай возможен, когда поймешь и без соли. Но метод постижения — это соль, на соль можно всем опираться, а на случай только счастливому.

Занимаюсь с Женей проектом электрификации дома. Завтра он к этому приступит.

Отказал Константину в жительстве в моей избушке. Придется то же сказать и Марье.

18 Апреля. В пятницу после обеда постучался Женя — проводить электричество в даче, я хватился — нет ключа.

Я хватился — нет ключа, искал, Ляля взялась точить, ключа я не мог найти. Пошел дождь, я накинул плащ, и мы пошли без ключа. Дождь был не особенно теплый, лягушки прыгали редкие, вялые. Я с горечью думал о ворчании Ляли, стараясь очистить ее от этой истерической шелухи, присущей, оказывается, всем женщинам. Понимаю это явление как рефлекс материнства, как Надо самой природы, обращенное к детям своим. Так это и следует понимать: Надо, как надо носить, как беременность, как проклятие Божие: в болезнях рождать и в поте лица трудиться для добывания хлеба (к этому еще и драться за хлеб и любовь).

И рядом с этим Надо природы — какие в той же природе образцы свободы: эти порхающие с цветка на цветок бабочки, не имеющие даже пищеварительных каналов... да и мало ли всего! А наше искусство, все наше человеческое Хочется! А наше упование на то, что рожденный Девой сотрет главу змия (этот наш обдуманный путь к свободе).

По приходе на дачу оказалось, пробой держится на двух маленьких гвоздиках. Женя принялся за электрификацию. Завтра он поедет в город, привезет калоши и замок.

Ходили к директору и получили отказ в жилище семье рабочего, которого они же спихнули нам. Вообще директор этот человек из подполья гепеушного, т. е. человек малый, на малом месте, ищущий повода демонстрировать свою власть. Только при помощи Ляли я не вышел из себя, а колол его со смехом мефистофельским. Потом мы ходили к его жене, и я наблюдал после Надо (одного из факторов государственной власти) у женщины явление дипломатии. После дипломатической дамы спустились к Константину, герою нашей беды, и не могли понять, гордец он большой или тоже плут. По пути познакомились с новым соседом, башкиром и капитаном, танкистом, имеющим виды на разведение белых мышей.

Еще в этот день (пятницу) Раиса удачно начала портрет Ляли. Я долго рассказывал ей о судьбе Трубецких и Лопухиных, соревновавшихся в деторождении (как оказалось, в интересах рода). После рассказа осталось такое чувство, будто целые миры человеческие сошли в океан, а я на островке зачем-то живу и пишу о себе, стараясь представить свое как смысл всего прошедшего.

19 Апреля. Вернулась зима, все белое, летит снег. Лягушки все спрятались.

Много раз сегодня появлялось солнце и пряталось в летящих по ветру тучах. В промежутках валом валил снег, лавины белых крупных хлопьев закрывали собой темные ели, и опять солнце сметало с земли снег. И так весь день,

а вечером на заре ветер кончился и в светлой тишине начало морозить.

20 Апреля. Утром тихо, солнечно, морозно. Но, скорей всего, днем будет, как и вчера.

Женщина ходит между женщинами, как в музее между картинами. Они все замечают друг у друга и все разбирают между собой, и со стороны кажется, будто они и родятся только для своего женского суда. Но мужчина не обращает никакого внимания на средства, какими достигается общее впечатление. Он проходит между ними, как жених, выбирающий себе невесту по сердцу, но не по одежде. И, конечно, женщины иначе судят мужчин, чем своего брата: как <u>он</u> одет — это на втором плане и больше для глупых.

Раиса продвигает портрет Ляли, но портрета, вероятно, не будет, потому что Раиса не может чувствовать духовного человека («язычница»).

Сюжет, рассказанный вчера нам Раисой. Старушка одинокая, домик разваливается, некому помочь. Великий безучастный мир и одна-единственная, никому не нужная старушка годами за семьдесят. Приходит странник, ему тоже за 70 и никого из родных. Уговорили их жить вместе. Все повеселели, радость пришла: человек с человеком встретились. Утром бабушка злая сидит одна на ступеньках. — Чего ты? — Прощелыга оказался, я его выгнала. С чем пришел! мне за 70 лет, к смерти готовлюсь каждый день, а он с чем пришел! Не стерпело сердце, выгнала я его: пакостный старик. И опять одна.

Фокус рассказа: 1) Радость встречи человека в пустыне. 2) <u>Неловкий шаг</u>. 3) Чувство ада: ее вечность в том, чтобы сидеть на месте в ожидании, пока избушка завалится и выгонит ее к перемене; его вечность в движении, в ожидании встречи.

(Крестьяне до того обнаглели, что драли за свои углы невозможно. После долгих исканий мы нашли себе в Ду-

нине избушку с разваленным сараем, бабушка Лиза: печальные большие глаза.)

Раиса очень кокетливая, вечно представляется, и у нее это выходит мило: глядишь на нее и радуешься. И красивая, и талантливая, и умница. Но она совсем «француженка», и духовного человека нет в ней вовсе. Я бы не мог влюбиться в нее, как у нас это вышло с Лялей, а «пошалить» мне совсем не дано, и мало того: я этого боюсь, и всякая попытка в этом привела бы к «неловкому шагу» (вот откуда взять образ старика, вечного странника).

Чувство «неловкого шага» (боязнь этой опасности) преследовало меня с малолетства, оно породило мой романтизм, мое странничество. Оно назначило мне 30 лет жить с ничего не понимающей во мне женщиной, оно привело меня к Ляле, страдающей, как и я, невозможностью выйти к «обыкновенному» состоянию из своей «духовности».

Раиса рассказала о своем отце (академик Зелинский), как к нему в его 72 года пришла женщина молодая и начала жить у него в кабинете и стала его верной женой, даже родила двух детей. А старая жена отдавалась музыке, и академик оставался без ухода («странник»). В этом вышел счастливый шаг, как и у меня с Лялей: счастье в выходе из «духовного» состояния в обыкновенную жизнь (Фацелия): Дон-Кихот нашел свою Дульцинею (наверно, так и Сологуб женился на Чеботаревской Анастасии).

И вот почему, если большой, знаменитый человек (у А.Н. Толстого это было, как у Зелинского и др.) сходится с новой женщиной, говорят бабы между собой: «она его поймала». Это значит, что в какой-то степени все мужчины застенчивые странники, и женщины их «ловят».

Сочетание Мужчины и Женщины — явление очень сложное: все бывает, но «выход из духовности» (застенчивость), по-видимому, есть трудность, противоположная «язычеству», Дон Жуану, свойственная в той или другой мере многим, быть может — один из факторов культуры.

Да и сам Дон Жуан есть один из идеальных моментов выхода из трудности, образ, созданный мучительной думой о выходе.

NB. Быть может, трудность выхода из духовности есть коренной вопрос девушки и редко лишь для мужчины, носителя необходимого насилия...

Сколько мы должны были «сговариваться» с Лялей, чтобы соединиться: я должен был войти в церковь, она — пойти со мной на охоту.

NB. Может быть, не разумом, главное, человек отличается от животного, а стыдом: человек начал стыдиться животного размножения и, как в Книге Бытия, стал одеваться. Вот с тех пор именно, как человек почувствовал стыд, русло реки природы сместилось и осталось на старице, а человек в своем движении вырыл новое русло и потек, все прибывая, а природа течет по старице, все убывая. На свои берега человек теперь сам переносит и устраивает по-своему все, что когда-то он взял у старой природы.

21 Апреля. Утро почти теплое было, солнечное, потом пасмурно. Поют певчие дрозды. На северной опушке под синим лесом исчезла белая полоса. На южной опушке ручьем стекает из леса последняя вода. Ледяные тропинки. Березовый сок. Бабочки на теплых опушках.

Вчера с Раисой ходили в Марьино, где живет эта бабушка Марфа Никитична, прогнавшая странника. Оказалось, странник этот был садовником, и старуха (82 года) вся оживает, когда гордо рассказывает, что она его прогнала.

В Лялином портрете Раиса как будто нарочно выбрала такой ракурс, с которого видится самое некрасивое. Я так люблю свою Лялю, что никогда не смотрел на нее с этой точки. И теперь никак не могу отделаться от портрета: так он торчит из Ляли, как из зеленой весенней травы прошло-

годняя желтая солома. Вот если бы я был молодой и желанный для Раисы человек, то какую бы свинью она подложила этим портретом своей сопернице. Мало-помалу Раисина точка зрения на Лялю победила «родственное» сопротивление, и сама Ляля вместе со всеми радуется портрету. (Но мелькнувший сюжет о портрете, похожем на атомную бомбу, разрушившую семейное счастье, пусть останется в памяти.)

22 Апреля. Коронный день апреля. Все сбросили зимнюю одежду и вышли по-летнему.

Земля начала оттаивать. На сильно разогретой опушке леса, усыпанной старыми листьями, невидимо исходящий пар в полной тишине всего воздуха создавал частные вихревые движения: сухие листья поднимались вверх и кружились в воздухе, как бабочки. И бабочки, и зяблики порхали между листьями, не поймешь, где бабочка, где птичка и где лист.

Утром на еще желтой, в зимней рубашке паутинно-плесенного цвета озими зеленели только края луж, а к вечеру вся озимь позеленела.

Лягушки показывались поодиночке то там, то тут, вялые, сонные, и в эти последние ненастные дни, но спаренные лягушки показались только сегодня.

<*Приписка:* Убил вальдшнепа.>

К вечеру леса вдали начали синеть, и воздух стал как вуаль, почти как туман: это пар, поднявшийся за день от земли, начал сгущаться.

На тяге дрозды пели особенно выразительно, и я слушал на пне в полном чувстве свою литургию.

Попробуйте записать песнь соловья и посадить ее на иглу граммофона, как это сделал один немец. Получается глупый щебет и ничего от самого соловья, потому что сам соловей — не только он один с его песней: соловью помогает весь лес или весь сад...

И даже если рукой человека насажен сад или парк, где поет соловей, все равно: человеком не все сделано, и человек не может сделать того, о чем поет сам соловей. Его можно дождаться — он прилетит, можно создать место, сад или парк — он прилетит, но петь он будет сам, его не заведешь (природа неподражаема).

Так я думал, слушая певчих дроздов, разыгрывающих вечернюю зарю. Было так, что они пели все вместе, хором, потом был перерыв, и после перерыва пели птицы поодиночке, как будто один дрозд задавал вопрос, и другой, подумав, отвечал ему (как в Голубиной книге, один спрашивал, от чего зачался свет, отчего солнце, отчего звезды, а другой отвечал).

Мне вспомнились почему-то Тузик и Серый. Тузик — маленькая собачка под стать моей Норке, Серый — огромная нелепая помесь русского дворного кобеля с немецкой овчаркой. Оба они, Тузик и Серый, смертные враги (как Тузик морщит нос и гонит великана). Когда Норка вышла и побежала далеко от меня, Серый побежал за ней, а Тузик пришел ко мне и стал дожидаться: он знал, что Норка не дастся Серому и в конце концов прибежит ко мне. Так и вышло. А когда пришел Серый, то Тузик, как хозяин, просто сморщил нос, и Серый не посмел подойти... Ему стало не по себе, он подошел к дереву и поднял ногу. Как раз в это время раздался гудок у металлистов. Серый, потомок древних волков, узнал в этом звуке сирены голос предков своих, поднял голову вверх и завыл. И как же иначе ему петь? в природе звук — это сигнал общей жизни. И пусть тысячи лет прошли с тех пор, как предки Серого выли, сигнал общего дела, общей жизни стаи сохранился у Серого. Он туда отзывался, Серый, он это не для себя.

И соловей поет сам.

Но почему же я когда шел на тягу и услыхал, что какой-то дачник где-то там в лесу напевал своим дамам из какой-то оперетки свое «тру-ля-ля», я испугался встречи с таким

человеком, как испугался Робинзон, увидав след человека в первобытном лесу?

Неужели этот испуг оттого, что человек раздробил свой основной голос, голос всего человека, на частные голоса индивидуальных претензий?

Первого вальдшнепа я прозевал, второй прошел стороной, третий свалился далеко, я его долго искал, и когда Норка наконец нашла его, показалась звездочка и тяга кончилась. Но когда я укладывал ружье в чехол, один еще протянул.

В доме отдыха все собрались на кино. Мне пришлось пройти в грязных сапогах и с вальдшнепом между публикой. Все мне аплодировали, и я подарил нашей художнице два краевых пера вальдшнепа.

До Ляли у меня был такой голод на женщину, до того я был нищ в этом, до того беспомощен на всякую, какая бы захотела взять меня... И ни одна не хотела, как я узнал от Перовской: потому больше, что не смели, думая, что такие, как они, мне давно надоели. Но с Лялей я стал богатеть, и сейчас я, пожалуй, такой, как меня представляла Перовская. Тот страх нищего у меня теперь совсем прошел, и с женщинами у меня теперь спокойная хорошая дружба.

Природа неподражаема (нельзя ни соловья, ни ветер записать на пластинку). Творчество в человеке (талант) есть сила природы. Формализм, урбанизм и пр. имеют отношение к природе такое же, [как] рука, расстанавливающая вещи, к самим вещам.

23 Апреля. Повторился, только еще жарче, вчерашний день. Но к вечеру началась в природе тревога, хотя было тихо, но птицы не пели. На тягу пошел с Лялей, тянуло хорошо, и я три раза подряд промазал.

24 Апреля. Все утро провожал Лялю в Москву. Вечером позировал Раисе на балконе у себя. День очень жар-

кий с ветром. Тревога в природе нарастает. Наверно, будет гроза.

Петухов приступает к ремонту.

Проводил Лялю в Москву.

25 Апреля. Тревога перешла и на сегодня: тепло, солнечно, ветрено. Боюсь, что начинается самое неприятное для весны: сушь. И как только начнет сушить, так начнешь думать о засухе, а если засуха, то и конец...

(«По краюшку, деточки, ходите».)

Но люди как ни мучились, как ни умирали, как ни издевались враги над всем, что для них было свято, люди оставались людьми и рождались с чувством бессмертия.

...и вдруг явилось это особое чувство, как будто поглядел на всего проходящего в мучениях и смертях человека со стороны и бесстрастно и подумал: а как же иначе? как иначе понять и назвать этот путь к бессмертию, как не Голгофой? Вот она, Голгофа, перед нашими глазами, и человек, спотыкаясь, несет свой крест, не забывая ни на мгновенье мысль свою о <*зачеркнуто:* жизни вечной> бессмертии...

Сегодня утром в шоколадного цвета березовых густых почках (птица сядет и скроется) я разглядел кое-что. — Так ли? — подумал. И еще раз поглядел с другой стороны, и отсюда тоже мелькнуло зеленым: начинают раскрываться березовые почки.

На березах натюкнулись в почках зеленые носики. А ночью видел во сне опять, теперь уже, значит, через 45 лет Парижскую встречу. Итак, прошло почти полстолетия, и она все приходит с упреком: — С моей стороны было для тебя все: я тебе отдавалась — ты не взял; я за тебя хотела выйти и принесла тебе письмо к родителям — ты не захотел: я поняла это и разорвала письмо. Ты захотел взять душу мою — и взял: я с тобой, пока ты навек не закроешь глаза. <*Приписка:* — Нет, — ответил я, просыпаясь, — не ты, со мной теперь Ляля.>

К вечеру стало тихо, и пошел ровный дождь. Это было счастливым разрешением вчерашней тревоги.

Приехал художник Шурпин, забраковал портрет Ляли несправедливо. Но эти старые вхутемасники* тем хороши, что примитивны и цельны. Любил я когда-то мужиков, погибли они все, но в этих художниках воскрес этот мужик.

26 Апреля. После вчерашнего дождя пришло солнечное утро. Весь лес был одет крупными каплями. Лучи солнца, проходя сквозь насыщенный парами воздух, падали там и тут снопами, и в этом кругу света деревце, убранное каплями, сверкало иногда всеми огнями.

Солнце обнимало темный хвойный лес и теплом своим раскрывало на елях пасмурные тайники, освобождая последние семена из шишек. Слетело одно семечко в такую глубину темного леса, куда горячие лучи еще не дошли. Там от вчерашнего дождя натекла с деревьев и собралась лужица, теперь еще покрытая тонким прозрачным цветистым ледком.

Я смотрел на эти цветы в лесу, охваченном солнцем, и вспомнил прекрасную девушку в нашей столовой. Среди некрасивых лиц она была как это цветистое зеркальце природы среди темных стволов и корней, скрюченных и узловатых. Личико у нее было кругленькое, будто снятое с солнца, это солнце у человека было так правильно и тонко отделанное, как только отделывает в ранне-утреннем свете весной мороз свои чудесные зеркальца природы в тайниках темных лесов. В столовой сидит она, заметная отовсюду, и когда встает, то будто лебедь поднимает вверх опущенную голову, а чем выше поднимает голову, тем, как и лебедь, становится прекрасней. Только со страхом смотришь тогда на эту лебедь, превращенную в прекрасную девушку, — найдется ли для такой Иван Царевич?

— Как зовут ее? — спросил я вчера.

---

* ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские, учебное заведение, созданное в 1920 году в Москве.

— Таня, — ответили мне, — студентка.

Я думал, она или в консерватории, или в поэзии, или в живописи.

— Она изучает музыку?

Мне ответили:

— Нет, она изучает нефть.

Разговор наш оборвался на этом, а теперь, удивляясь цветисто-ледяному зеркальцу природы в лесу, охваченном солнечным жаром, я почему-то вспомнил Таню, и мне показалось — это она! Еще несколько десятков минут, и от чудесных прозрачных цветов мороза, этой чистоты, ясности тут останется вода, а там? ... неужели от этой чистой девушки с такими ясными глазами тоже останется одна только нефть? Но какой чистотой веет в душу от этих цветов мороза.

Елена Оскаровна Лещинская еще с прошлого года целится написать мой портрет, но теперь ее подруга по институту Раиса Зелинская перед самым носом перехватила ее модель.

— Раиса Николаевна, — сказал я ей сегодня, — просила меня никому не даваться, пока она не кончит. Да и мне самому неприятно служить моделью одновременно двум женщинам.

— Вполне вас понимаю, — ответила она, — я подожду. Ну, как у нее идут дела с портретом?

— Чудесно! — ответил я, — она очень талантливая.

— Очень! — подтвердила она.

— И что мне удивительно, — сказал я, — она превосходная мать, как она воспитывает двух своих мальчиков, где вы такое видели! Как редко в женщине соединение служения семье без ущерба искусству и служения искусству без ущерба семье.

— Совершенно исключительное явление! — согласилась Елена Оскаровна.

Я смотрел на эту Елену и дивился, как она, женщина, претендентка на модель, так искренно подтверждает совершенство своей соперницы. Тогда я опустил свой душевный зонд еще поглубже.

— Признаюсь, — сказал я, — Раиса меня увлекает, она очень интересная женщина!

Елена потупила глаза, чуть-чуть покраснела и ничего не сказала.

И я понял, все, все можно уступить Раисе: талант, материнство, образование, ум, но женщину — нет! Прекрасная Елена должна быть интересней прекрасной Раисы.

27 Апреля. Утром не было солнца, но прохладно. Вечером стало теплее и моросил дождь.

На тягу не хожу: проходит моя охота, связанная с одиночеством, нет одиночества, нет и охоты.

На березах еще вчера явились вилочки, двойные и тройные, черемуха раскрывается.

Устиновичу: «Соки земли» — название замечательной и когда-то любимой и популярной в России книги К. Гамсуна. И потому название Вашей книги теми же словами неловкое. Подражание форме календаря Пришвина слишком уже подражание и в существе своем незаконно и не нужно (есть уже вещь, для чего ее повторять?). Есть в книге целый ряд рассказов как сочинения на тему. Напр., можно коротко и ясно сказать: по шерстинке, оставленной раненым волком на кусту, я догадался о направлении убегающего раненого волка. Вы же пишете «на тему» шерстинки волка целый рассказ «следопыта». От этого блинопечения необходимо отделаться и помнить всегда, что только крайняя необходимость принуждает нас умножать слова. Есть, однако, в книге целый ряд простых рассказиков, в которых примерка автора к Пришвину дала хорошие результаты: рассказы охотничьи, т. е. болтовня о природе, делаются рассказами литературными. Рекомендую в дальнейшем не смотреть на Пришвина и вообще меньше думать о литературности, а больше о содержании, которое нужно передать с наименьшим расходом своих собственных слов.

Смотрели чудесный фильм «Погонщик слонов», и я намотал себе на ус героя, мальчика, получившего божеские

почести. Мне нужно тоже так же просто сделать своего Зуйка, только незаметно в «Царя природы» вместить Аполлона с глазами, да не безглазого античного, а с нашими современными глазами.

Раиса во время сеанса сказала мне две хорошие вещи: 1) что после смерти Есенина принесла ему на могилу образок. 2) На слова мои о женщинах, в числе которых в болтовню мою попала и Ляля, ответила: Валерия Дмитриевна стоит далеко выше всех нас, обыкновенных женщин, она вообще исключение, и с ней нельзя сравнивать или ее вмешивать. — Простите, — ответил я, — сболтнул. А с вами бывает тоже так: сболтнешь, и стыдно, а слово, знаете поговорку: не воробей. Бывает с вами? — И еще как! — ответила Раиса и расхохоталась. Чем-то она мне очень нравится, и при наличии Ляли отношения мои с ней какие-то детски-пастушеские, чистые и невинные. Не будь же Ляли у меня, непременно бы все перешло в глупости. Вот и видишь теперь, какой чудесной очистительной грозой был мой страшный роман с Лялей, какие умные слова я написал в «Фацелии» о любви...

Жених у Тани очень хороший мальчик, но пониже ее ростом, как будто она Лебедь, а он только гусь. И пока они по-детски любят друг друга, как Лебедь и гусь голова к голове у воды глядят вниз на рыбку — все хорошо! Но что будет, когда Лебедь, желая встряхнуться, развернет вверх свою лебединую шею, поднимет свою лебединую грудь, взмахнет своими лебедиными крыльями и полетит. Она полетит, и за ней полетит не лебедь, а гусь...

Увидел маленькую птичку, и когда она с кустика на кустик перепорхнула на сирень с зелеными бутонами, с большой радостью узнал в ней яркого разноцветного щегла. И тут же увидел, что сверху с неодетой березы между ее весенними крестиками, вилочками, сережками и шоколадными почками следит за птичкой внизу другой щегол: она прыгает внизу, а он с веточки на веточку наверху, она с кустика си-

рени на смородину, а он [с] березки на березку вверху. Щегол — это моя детская любимая птичка, и, мне кажется, от нее получил я свое неуемное и стыдливое жизнеутверждение. Кто же у них теперь, думал я, там внизу действует, и кто сверху следит, ни на мгновенье не выпуская другого из виду, он наверху, она внизу? Или, наоборот, он внизу. Перышек, отличающих у щеглов самца и самку, нельзя было разобрать издали, и я стал решать задачу по человеку...

28 Апреля. Ни тепло, ни холодно. С луга в речку быстро уходит последняя голубая вода, и вслед за тем скоро сам луг становится как вода, только не голубая, а зеленая: голубая вода в речку уходит, зеленая приходит на луг, а на черный квадрат выдрался трактор и затарахтел.

Лягушку все знают, как она квакает в теплой воде, когда ей хорошо, но мало кто слышал, как она пищит, когда она попадает в зубы собаки. Я первый раз в жизни своей услышал этот звук, быстро оглянулся, освободил несчастную лягушку. Она скакнула в ручей, и быстрая вешняя вода унесла ее. Лягушка исчезла, но панический звук остался во мне. И так все в природе, наверно, так же умирает и оставляет в душе человека что-то свое. И это все от природы, скопляясь в душе человека, ищет выхода, образует талант, создающий новую природу. Может быть, затем и существует на земле человек, чтобы данную дикую природу, обреченную на звериную борьбу за существование, переделать на человеческую в единстве закона и милости.

И, может быть, тоска человека о какой-то чудесной природе и есть начало мук возрождения им новой милостивой и прекрасной природы. И, может быть, эти муки возрождения и радость явления в мир нового, небывалого, мы называем искусством.

Электрификация дачи закончена. Теперь надо переложить печи и выкрасить стены.

Этюд мой делается на даче, портрет — в доме отдыха. С Раисой у меня отношения веселые, вольные, у са-

мой границы, за которой начинается серьезное царство моей Ляли. Все женщины, по словам Раисы, глядят на меня как на единственного интересного мужчину в этом доме, и это в 74 года! Я почти ощущаю, почти, кажется, готов назвать причину моего жизнеутверждения: как будто кем-то от рождения моего был поставлен некий вопрос о единстве природы и человека, и моя жизнь длится как борьба вслепую за это единство. Ничего лишнего, никакой блажи для себя. И если я теперь так забавляюсь с женщинами, то эта свобода невинная, детская дается мне только за то, что я, как рыцарь, стою на часах у врат завоеванного мною царства моей Ляли. И думаю, что эти порядочные женщины за то и награждают меня особенным вниманием, что видят и понимают мою державу и меч. «Вы отличный хозяин! — сказала Раиса, — вы твердо держите что-то, и оттого у вас все само делается».

Это я-то хозяин!

29 Апреля. Пасмурно, холодно. Раиса пишет мой портрет, я для веселого глаза ей сказки рассказываю, и вдруг входит Ляля.

Приехала белоруска Аня, очень некрасивая, но дельная девка: делает и радует.

С Ваней ходили на тягу. Было после дождя солнечно и так холодно, что ни один вальдшнеп не пролетел. Ваня убил рябчика.

Сегодня Раиса мне сказала: — Я думала, вы — святой, а пока писала портрет, догадалась, что в вас тоже... — Враг? — сказал я, — конечно, и у меня свой враг, и у всех святых тоже свои враги, и только тем они святые, что не поддаются врагу.

Надо обдумать это, почему так в моем опыте художники органически нечутки к искусству слова: тем самым, что у них краски и линии, они как будто лишены чувства слова, тупы на него, чужды.

30 Апреля. Первая студия Мосфильма,

директору Д.И. Еремину.

Уважаемый Дмитрий Иванович!

На Ваше последнее письмо с предложением сделать новые поправки моего сценария «Серый помещик» согласно высказываниям Ваших сотрудников сообщаю Вам следующее.

«Кладовая солнца», от которой мы исходим, как литературное произведение стоит много выше, чем литературный сценарий «Большая семья», но зато эта вещь много ближе к кинематографу. Переделка этого сценария согласно сделанным многочисленным замечаниям дала нам новый сценарий «Серый помещик», который как литературное произведение стоит еще много дальше от «Кладовой солнца», но совсем уже близок к кинематографу. В новом требовании переделки уже звучат имена режиссеров, к которым я должен приспособить свою вещь: напр., ввести жизнь животных в подробностях по манере т. Згуриди.

Я не могу сделать поправки в этом духе, потому что <*зачеркнуто:* от меня как писателя тогда уже ничего не останется> не знаю, какой именно режиссер будет работать по моему сценарию. <*Приписка:* Художественная ценность состоит в том, что природа и человек в нем показаны в полном равновесии.>

Я предлагаю Вам послать в министерство сценарий «Серый помещик» в том виде, как я его написал, он как литературный сценарий будет, во всяком случае, лучше того, который выйдет, если сделать его согласно последним высказываниям <*зачеркнуто:* противоречивым и неглубоким>. Со своей стороны, согласно договору, я не откажусь от поправок, когда их предложит мне сам режиссер, которому будет поручено министерством написать режиссерский сценарий.

1 Мая. Прохладно (только +3). Тихо. Пасмурно. Раскрылись почки на березах и остановились. Нора гоняется за трясогузкой. Плотная зелень озимого поля. На пару ходят овцы.

Веточки черемухи, обвитые сухими лианами паразита плюща, на веточках первые листики. Грустно смотреть на этот союз с паразитом ароматной черемухи. Но ничего: скоро зеленые листья и целомудренные цветы закроют паразита, а еще и так сказать: тут у черемухи радость жизни побеждает цветами сушь паразита, а у нас, у людей разве...

Разговаривали с Альфредом вчера о необходимости в общественной жизни авторитета и традиции, и он мне сказал, что в военных делах Сталин был вынужден признать возможность ошибки Ленина (в суждениях о каком-то германском полководце): значит, авторитет ущерблен, и вот почему Вольтер предлагал выдумать Бога. Нужен тезис (Бог, абсолют), чтобы оправдать изменчивость, движение человека (антитезис), чтобы явился синтез: богочеловек.

Начальник у нас в СССР особое понятие: он и есть, и его нет, он какое-то вмещение сразу и тезиса и антитезиса. Так точно и праздник: и есть и нет. Люди копают огороды, и если подойдете к ним, скажут: «С праздником», и на ваше удивление отвечают: «На то и праздник, чтобы лично о себе позаботиться».

Жалость (болезненное чувство) питается чувством смерти и свойственно только человеку, животное чувство смерти есть страх.

2 Мая. Дождик с утра мелкий и холодный, мелкий — хорошо! не сразу выльется; холодный тоже хорошо — не сразу высохнет. Такая погода в природе и людям хороша в доме отдыха: не сонно прогуливаются, а с утра танцуют «западные танцы».

Аня копает огород.

Фокусы Раисы (унесла портреты).

3 Мая. Пасмурно, холодно (почти на нуле).

В какой-то деревне был мужик, похожий на Ленина, так его и звали «Ленин», и у него было много детей, и их

звали «куйбыши» (остроумие началось со смеха над титром в «Балерине» «езжай!» вместо «поезжай» и кончилось куйбышами).

NB. Помнить о «Женихе», что это только в России, что в Америке, напр., наверно, мужчина очень тверд.

<*Приписка:* Русская женщина таит в себе возможность Жениха, даже если она и проститутка.>

NB. Началось тем, что Ляля во время сеанса спросила Раису: — Дети у вас крещеные, а не знают молитвы «Отче наш» — это нехорошо: крещение детей обязывает родителей.

Художница собрала свои вещи и ушла. Но после обеда принесла обратно Лялин портрет и стала к нам примазываться.

Холодно сегодня, как в ноябре, когда снега ждут. Леса издали все еще коричневые, и только если близко разглядывать веточку, видно, что почки зеленеют. Кукушка явится после этих майских холодов.

В природе самцы одеты более нарядно, чем самки, а у людей самки наряжаются много больше, чем мужчины, как будто в развитии жизни когда-то произошел перелом, и женщины взяли верх.

(Фонарик светляка висит у самца.)

Еремину:

Уважаемый Дмитрий Иванович!

Мне доставили в «Поречье» (дом отдыха) не сразу Ваше письмо, и я на него могу ответить только теперь. Меня удивляют до крайности те противоречия, которые предъявляют в своих требованиях Ваши сотрудники кинематографа ко мне как автору «Кладовой солнца». Началось с того, что «Кладовую солнца» объявили произведением недостаточным <*зачеркнуто:* с точки зрения коммунистической пропаганды>.

4 Мая. Воскресенье (рабочее, т. е. зачтенное в работу вместо 3-го дня майских праздников). С утра, как вчера, пасмурно на нуле. В эти майские холода зацвела заячья капуста, как ей полагается, вся разом.

Брак втроем. Я испытал все формы любви и даже на короткое время форму брака втроем. Все формы любви всегда меня обогащали, как будто я поднимался в гору и расширял свой кругозор, все формы любви человеческой поднимали меня, кроме формы брака втроем.

Есть материализм потребительский: человек потребляет материю для своего счастья; и есть материализм, когда дух человеческий, как бы страшась своей свободы, хватается за материю, как утопающий хватается за соломинку. Тогда в этом стремлении удержаться все предметы, схватываемые духом, становятся такими, как будто ты сам только что родился и увидел их своим первым глазом. Вот таким первым глазом Гоголь смотрел на вещи и так создавал свой реализм, похожий на луч рентгена, проникающий сквозь твердые вещи.

Во время завтрака художница Бродская, бывшая балерина, рассказывала об Улановой, с которой училась в школе. Уланова совсем незаметная с виду и чрезвычайно скромная, вышла замуж... и т. д., и т. д. В конце концов страшно влюбилась в Завадского.

Вечером Аня привезла штукатурку, нашел навоз, научился обтягивать колючую проволоку.

Аня всей своей девичье-деревенской силой стремится в город (это колхоз сделал). Мечтает научиться «западным танцам». Я ей обещал это устроить, и она обещалась мне завтра весь день таскать навоз.

В здравнице сегодня танцевали «западные танцы» и вдруг испортилась радиола, что делать? Пришел пожилой человек и предложил поиграть в старинные игры, в свои

соседи, в колечко, в кошки и мышки. Тогда началось необычайное веселье, хохотали, как дети, с заливом, даже и матери, уложившие спать своих младенцев. После двенадцати в умывалке я сказал молодому человеку:

— Какая была скука смотреть на танцующих западные танцы и слушать весь день радиолу, и какая радость участвовать и даже слушать со стороны это веселье. Так вот предоставьте людям самим...

Он не дал мне договорить и сказал:

— Это будет вразрез.

5 Мая. Утром несколько теплее, но все еще свежо и пасмурно, после обеда ветрено и солнечно. Майские холода все продолжаются.

Раиса кончает мой портрет. Вчера она мне говорила, что очень любит меня и уже давно, с первой встречи. Я и глазом не моргнул от этого признания, понимая в этой любви художника особое пристрастие к своему материалу. Сегодня она продолжила этот разговор и объяснила, что чувством ко мне она компенсирует свое сложное чувство к отцу. И мне стало понятно, что она действительно питает ко мне хорошее бескорыстное чувство.

Чувство любви содержит в себе возможность рождения и роста нового человека, и если у любящих и не родится [физическое] дитя, все равно мы измеряем любовь по делам их, направленным к счастью нового человека. В таком понимании любовь называется браком. Скорее всего, творчество определяется таким же гармоническим соотношением мужских и женских элементов души человека, как и в браке, и рождением долговременных произведений искусства и их влиянием на потомство.

6 Мая. Тоже все холодно утром, и ветер все тот же холодный, но яркое солнце с утра начинает греть, и березки вдруг стали не коричневыми с намеком на зелень, а золотисто-желтыми от расцвета сережек.

Сегодня яркое солнце. Раиса с утра глядит на меня влюбленными глазами, и я знаю, это от солнца: я лучше освещен сегодня, и она влюблена в меня как в модель. Но все равно — в меня или в модель, если женщина красивая, талантливая, умная, ласковая будет глядеть на тебя влюбленно, то пусть ты даже кирпич, и то позеленеешь. И я тоже из всех наших женщин выбрал ее, изучаю ее, предпочитаю ее, и меня к ней что-то тянет. Но когда я поймаю себя на этом «что-то» и вспомню о Ляле, то все становится на свое место, и Раиса превращается в мой этюд, как, наверно, и у нее бывает — когда солнце померкнет, я, все-таки живой человек, не лишенный остроумия и насыщенный жизненным опытом, превращаюсь просто в модель.

Педро Браво влюбился в Таню Соснину, он бегает за ней, как собачка. Тане это забавно, она берет еловую шишку, бросает вперед. За шишкой бросается собака моя спаниель Нора и испанец Педро. А она, высокая русская красавица, хохочет и радуется, особенно если шишку принесет раньше испанец, чем спаниель.

Береза. Перемена в жизни березы с тех пор, как первый яркий, но еще холодный предвесенний луч покажет девственную белизну ее коры;

когда, теплея, луч нагреет кору и на белую бересту сядет большая сонная черная муха;

и потом дальше, когда надутые почки создадут такую шоколадного цвета густоту кроны, что птица сядет и скроется;

когда в густоте коричневой на тонких веточках изредка некоторые темные почки раскроются, как удивленные птички с зелеными крылышками, появятся сережки, как вилочки о двух и о трех рожках;

и когда вдруг в хороший день сережки станут золотыми и вся береза станет золотая;

и когда наконец выйдешь в березовую рощу и тебя обнимет всего зеленая прозрачная сень...

Тогда по жизни одной любимой березки поймешь жизнь всей весны и всего человека в его первой любви, определяющей всю его жизнь. (NB. Разработать.)

<*На полях:* Свежесрезанные почки, надломленные веточки — березовый сок.>

*7 **Мая.*** С утра +5, но тихо и есть надежда на хороший день. Печник начал ломать печь. Ваня Макридин берется затянуть проволоку. Макрида с Аней таскают навоз. Штукатурку отложил, будем делать при себе.

Портрет выходит, и Раиса уверена в нем. Вчера Татьяна Сергеевна сказала, что Елена взялась писать ее портрет, и Раиса на это ответила: — Она может написать, но только женский портрет. — Это значило, что она сама может написать мужской и уже его написала.

С интересом слежу, как Раиса, влюбляясь в меня для портрета как художник, подводит в своих высказываниях под это чувство более глубокое основание. То она сказала недавно, что мною она заменяет утраченное чувство к отцу («а это у женщины очень сложное чувство»), то при разговоре о конце портрета и отъезде вздыхает и т. п. Мне кажется, что я ее правильно понимаю: она очень способный художник, очень кокетливая женщина и позволяет себе всякую игру у порога драмы, но через порог не перейдет, как Ляля: она богатая — семья и талант — а богатым трудно войти в Царствие Божие, отчего она охотно называет себя «язычницей». Она такая красивая, несомненно талантливая, из хорошего университетского общества, так дешево себя расценила... И еще удивительно, что когда я, желая проверить себя самого, вызываю на помощь образ Ляли, то как будто крест беру в руку, и моя язычница Раиса вся исчезает, как дым от лица огня.

День прошел теплый довольно и светлый. На вечерней заре было тихо и холодно. Вальдшнепы не летали, дрозды не пели, но зато наконец прилетела кукушка, и со всех сторон раздавалось: ку-ку!

Кукушка прилетела, значит, кончилась та неодетая, тревожная весна, когда каждая птичка вся трепещет, неустанно поворачивая голову в разные стороны с вопросом: не там ли, не он ли? А когда прилетает кукушка, тревога неодетой весны кончается. Теперь самки тетеревов и многих других птиц будут садиться на яйца. Но зато свободные самцы теперь между собою еще пуще будут драться и петь. Кукушка прилетела — это как у нас девушка замуж вышла, и теперь «ку-ку!» ее девичья жизнь.

Раиса сказала, что книгу о женщине еще никто не написал, но напишет ее только мужчина <*приписка:* и я о мужчине подумал: это, конечно, я>.

Коровенки вышли в поле, измученные, голодные, кожа да кости. Травы еще взять негде, но сам майский воздух питает и пробуждает жизнь. Одна коровенка, взлохмаченная, с проваленными боками, с торчащими кострецами, с зажмуренными глазами стояла неподвижно и будто на солнце оттаивала. Огромный, тяжелый черный бык ее заметил и подошел. Он успел поколоть ее, еще стоя на задних ногах, а когда после опустился на нее, то коровенка так и рухнула на землю. Но дело было уже сделано, коровенка встала, оправилась, подняла хвост вверх, согнула его колечком, и так он у нее остался, а бык поднял мокрый нос вверх и вдыхал в себя этот коровий воздух, как насос.

Раиса рассказывала о какой-то своей родственнице, девушке за 30 лет, начинающей вянуть. Ей надо было во что бы [то] ни стало найти жениха. Но как его найти, как подойти к этому девушке, если это до смерти надо. На семейном совете решили ее отправить в Крым: там будто бы в какой-то здравнице делается это очень просто. Так поехала девушка. С ней там познакомился пожилой инженер, стал ухаживать и весь месяц очень корректно всюду ее сопровождал. Когда приехали домой, оказалось, у инженера большая семья, но он продолжал иногда [приходить] в гости пить чай. Тем все и кончилось.

Помню, как в Берлин приехала и поступила в университет молодая, белокурая, гибкая, живая девушка. Русские студенты ее сразу заметили, и она объявила всем открыто, что ей досталось от родителей хорошее имение, и теперь она приехала не учиться, а искать себе жениха. Мы все, и я, конечно, помчались за ней. Это был месяц какой-то вихревой гонки, только и помнится, что лифт неустанно то поднимался, то опускался. Не прошло и месяца, как из этого собачьего гона вышла белокурая помещица под руку с очень красивым и стройным новым помещиком. А мы все возвратились, поджав хвосты и облизываясь, в свои аудитории. Теперь через полстолетия думаю, что у этой девицы, скорее всего, даже и не было никакого имения. Но какая смелость! такой девице и не нужно никакого имения.

8 Мая. Золотой день. Заметно зеленеют березы. Художник сказал, что Золотой день в полном смысле слова бывает у березки только один.

Таня красива, но так высока, что казалась недоступна: где найдется мужчина выше ее, а если не выше, то какая тут пара, а без пары во внешнем виде поди-ка еще найди там внутренний лад: ведь каждый будет нарушать его мыслью про себя: «Какая это пара!» Но испанец Педро хотя и маленький, но такой живой и смелый бегает возле нее, стараясь чаще и чаще наклоняться к земле и вовсе снижаться до положения четвероногого. Забавляясь, Таня кидает еловые шишки моей собачке, спаниелю. Нора бросается, и умный Педро, стараясь выйти из сравнения с человеком, бросается за Норой, и Таня, высокая русская красавица, милостиво хохочет, загадывая, кто первый словит ее шишку, испанец или же спаниель.

Вспомнились Краевские, поле ржи, озорная тропа и мы с Людмилой. — Ваш двоюродный брат Игнатов бездарен, а вы? — Что я? — Вы талантливый...

9 Мая. День победы.

Вчера художник сидел за этюдом от завтрака до обеда и на глазах его куст оделся — вот какой вышел день. Сегодня березовая свадьба (вчера девишник): ветер поднял золотую пыльцу, и роща стала как в тумане.

Я опустил свои вожжи, и мой конь пришел в общество гуляющих во главе с испанцем Педро.

Помню, на этом самом месте, где мы сегодня сидели, лежали, пели (в девишнике березовом), я спрятался весной от группы отдыхающих в кусту можжевельника в паническом страхе за свое одиночество в лесу, в глубочайшем презрении к стаду этих баранов, нарушающих божественную тишину леса.

Теперь же, когда я сам вышел к ним, мне стало так спокойно, так светло и просто на душе, что я сам стал своим хриплым голосом подпевать испанцу и любоваться пучком фиалок в волосах моей художницы. Испанец тренькал голосом, подделываясь под гитару, и ни он сам, и никто из нас не думал о его трагическом вопросе: почему он, революционер, перенесший пытки от врагов с подгоном щепок под ногти, потерявший семью, не может поехать к себе на родину в Испанию?

Мы шли в полнейшем равновесии душевных сил человека и обнимали собою природу, и природа ответно обнимала нас.

Вечером тоже я присоединился к игре моих врагов, так долго не дававших мне работать, стал играть с ними в детские игры, и враги мои превратились в друзей.

И еще мы играли в короли, и милые женщины называли меня Мишей.

После, ночью, мне вспомнилась вся моя жизнь в такой же борьбе одинокого человека с обществом за свою личность с последующим признанием: признают тебя, и ты чувствуешь себя победителем.

Так и теперь: это что я мог сегодня в майский день подпевать гуляющим — это моя победа, а когда в ужасе прятался от них в кусту можжевельника, — это была моя борьба за себя.

Я даже и больше понял: понял я самое трудное, как это можно любить врагов своих. Для этого нужно победить в себе темные силы, мешающие утверждению собственной личности, своему творчеству, — победил, выразил это понятно, и прежние враги поют вместе с тобой испанскую песенку.

10 Мая. Раиса говорила, что все романы ее кончаются юмором, что из-за этой способности к юмору она их и не кончает (влюбилась в пальцы хирурга и страстно пожелала, чтобы он взял ими баранку автомобиля: он взял — и у нее все кончилось; еще человек, который дергал щекой и увидел ее голую в душе, после чего и ему и ей запало что-то, и начался роман, и все кончилось портретом: она стала писать портрет, и он почувствовал при работе нечто противоположное страсти, отстал, и все кончилось тем, что она написала портрет: портрет поглотил ее страсть). Она бы и детей рожала, но художество поглощает страсть: искусство движется за счет рода. В этом отношении откровенности Раисы замечательны: муж естественно отпадает... ему она желает восхищенной жены, сама для себя оставляет возможность грозового разрешения страсти (увы! комический конец предрешен, опера́ коми́к).

У отца ее две дачи. Она хочет выслать мальчика своего в день именин и сказать: — Дедушка, подари нам дачу.

Я вспомнил, как меня травили мои дети, и спросил:

— Почему же, когда отец ваш был явно брошен из-за увлечения матери (Кузьмина-Караваева) музыкой, и он был так одинок, вы, дочка в 22 года, не стали ему Корделией?

— Я тогда была очень глупа.

— Пусть! но тогда откуда же у вас берутся теперь претензии на дачу и зависть отцовскому благополучию?

Ничего она не могла мне ответить: она не Корделия и отца своего проиграла. Какой это был ей страшный экзамен, и как это похоже на любовь Левы ко мне.

Так вот насквозь разобрал я свою «язычницу» и даже представил себе, что было бы, если бы семь лет тому назад

не Ляля пришла ко мне, а она. Была бы, конечно, тоже опера́ коми́к, потому что у Раисы нет, как у Ляли, духовного центра и, как художник, она эгоцентрична. Вот, наверно, оттого и боролись святые отцы с искусством, что художнику нельзя забрить голову, как барану, что искусство требует признания личности. Но в таком случае как же выходит у Ляли, разве Ляля-то не «художница» в своем роде? Тут вышло, что я подчинился ее Богу и она в Боге уже и мне подчинилась и стала служить... Впрочем, тут особенности, не применимые ни к кому: наш брак с ней — это крепость, единственная в своем роде...

И все-таки я очень люблю свою язычницу, она и красива, и довольно умна, и главное, чувствует юмор. Но нашего дела она никогда не поймет. Я сказал ей:

— Ваш муж целый день в лаборатории, вы целый день пишете. Если бы вы вместе могли работать?

— Я бы от него ушла.

— Вместе бы думать, быть с человеком в единомыслии?

— Это невозможно, и нежелательно.

— Значит, вы андроген.

— Пусть андроген, но... Ему бы <*не дописано*>...

Сегодня сборы. Завтра еду в Москву.

Быть или не быть? (Решение повара.)

Сидел в кресле, погруженный в свои мысли, и вдруг вижу наискось через свое окно кухню. Стоит в белом повар над кастрюлей, чикает ножом по яйцу, подносит его, нюхает и, разломав пальцами, выливает в кастрюлю. Бросив куда-то скорлупу, он берет другое яйцо, чикает ножом, подносит, выливает в кастрюлю. И третье точно так быстро от носа в кастрюлю, и четвертое, и пятое. Вдруг, понюхав какое-то чуть ли не двадцатое яйцо, он останавливается на мгновенье и не выливает в кастрюлю. Понюхав еще, он думает, наверно, лить это яйцо или не лить, как Гамлет думал: быть или не быть? Понюхав

яйцо в третий раз, он решает: быть! и тухлое яйцо выливает в кастрюлю.

Если бы у Ляли было в руках искусство, хотя бы театр, она бы принесла его Богу и стала бы непременно большим художником. Но она поверила в меня как в художника и, охватив все мое творчество, отдаваясь ему вся целиком, как отдается обыкновенная женщина служению своему мужу, стала направлять найденное ею самой и завоеванное жестокой борьбой богатство Богу. И так наша необыкновенная жизнь сложилась по образу и подобию обыкновенной, в которой женщина действует в кухне и детской, а обожаемый супруг на службе, и вместе они по праздникам ходят в церковь и при удаче приглашают к себе в дом друзей. Так если бы у Ляли было искусство в руках, она бы принесла его Богу. А Раиса, как женщина, находит в своем искусстве силу борьбы за свою личность, она искусством освобождает себя от семейной зависимости, ее искусство эгоцентрично...

Среди дня приехал Ваня с Солодовниковым на моей машине, и завтра я буду опять на Лаврушинском (с 15 Апр. по 11 Мая).

Дела в Москве: 1) Купить мел и краски. 2) Проявить пленку. 3) Охрана природы. 4) Кукольный театр. 5) Материал для географического сборника.

11 Мая. Погода майская, дни райские. Выехали в 11 дня с Раисой в Москву. По пути она рассказала мне, что в первые дни беременности она начинает чувствовать тошнотворное отвращение к любимому ею запаху красок и что это отвращение служит ей первым и вернейшим признаком беременности. Значит, мое предположение о [том, что] искусство Раисы идет за счет нерождаемых ею детей, что искусство ее в существе своем губительно для деторождения, что оно исходит не из женских (родовых) элементов природы <*зачеркнуто:* что Раиса как художник есть андроген, находит подтверждение>...

В общем, я разобрал хорошо Раису и в Москве сдал ее мужу и детям: при нем я поцеловал ей руку, она поцеловала меня в лоб и сказала: — Все в порядке!

При одном взгляде на Лялю Раиса и все женщины из Поречья возвратились к своим семьям и делам, а Ляля, выслушав все о моих похождениях, заключила: — Но как же ты с ними скоро успел поглупеть!

Воскресенье мы провели с моей подругой в горячем споре о ремонте дачи, и завтра будем просить Моссовет о помощи.

12 Мая. Погода чудесная, но в Москве, и Ляля взяла меня в переплет...

Явилась старушка на костылях, и это оказалась Людмила Александровна Кулакова, акушерка, работавшая с братом Сергеем. Я ее видел году так примерно в 1902, т. е. 45 лет тому назад. Она племянница Глеба Успенского и до сих пор пронесла народнический дух (этика интеллигента-болельщика, как Глеб Успенский, породившая, в конце концов, большевиков). Она и сейчас сказала Ляле: — Народ наш чудесный, а вот... и т. д.

У нас все общество тогда было пропитано этим духом, и нам, «разночинцам», даже в голову никак не могло прийти разделять людей на имеющих право пользоваться земными благами и на обреченных просто на борьбу за существование. Мы тогда все думали, что неправда бытия происходит от дурного правительства и что если свергнуть его, то будет всем хорошо.

Так что нынешний марксистский коммунизм вырос из факта народного быта, заключенного в узкие рамки первобытного крестьянства. Русский крестьянин при наличии необъятной страны страдал от безземелья так же, как германский рабочий при необъятной индустрии страдал от безработицы.

Русский мужик был творцом нынешнего коммунизма, и «жалость» Глеба Успенского к мужику была почвой, на которой выросла жестокость большевика (это жалость, обращенная в жестокость).

Противоположно этому «демократизму» миросозерцание, назовем самоутверждение, которое тайно держится и у нас в потомственных остатках дворянской и промышленной аристократии, а также и у даровитых людей нынешнего времени, получающих лимит и могущих избежать картофельной повинности. Это самоутверждение есть тайная оппозиция официальному коммунизму, это особый отбор интеллигенции советского строя, имеющей внутри себя особую трещину (к примеру, взять Симонова, поэта-спекулянта, имеющего миллионные месячные доходы).

NB. Это смутные наметки мыслей, навернувшихся от встречи с Людмилой Кулаковой, племянницей народника Успенского.

<*Зачеркнуто:* Написать о России и ее утверждении барства в связи с появлением Кулаковой Людмилы Александровны.>

Дорогой Александр Александрович,

я получил от Вас приглашение принять по-новому участие в охотничьей секции клуба Союза писателей, где я числился председателем по недоразумению и никогда почти там не бывал. Дело в том, что моя охота, которой пользовался я в путешествиях как средством добывать себе пищу и материал для поэтического изображения природы, ничего не имеет общего с охотой спортивной, в которой убийство птиц и зверей служит забавой.

Кроме того, в последнее время я был избран председателем Общества охраны природы, и такого рода деятельность гораздо больше отвечает моему возрасту и положению, чем далекое от меня занятие охотой спортивной. Очень извиняюсь в том, что должен отказаться от участия в охотничьей секции ССП, но если она хорошо сложится, то готов потом организовать внутри ее подсекцию Общества охраны природы.

15 Мая. Последние дни в Москве стоят прохладные. Мы вчера достали в совхозе «Отрадное» (Министерство пищевое) 20 кил. семян картофеля Лорх и 15 кил. ранней

Эпрон. Имеется наряд на материалы строительные из Моссовета, и 17-го надеемся выехать в Дунино.

Вчера приходила Нина Емельянова со своей книгой об Уссурийской тайге, и мне стало ясно из разговора с ней, что ССП есть учреждение небывалое и нельзя к нему подходить с точки зрения этики старого русского писателя. Это министерство слова, своего рода фабрика, перерабатывающая сырой материал слова, нечто вроде хл пка, в полезную для государства материю вроде ситца, или короче — ССП есть фабрика переработки свободного слова в полезное для государства дело. Значит, надо покончить с этим постоянным раздражением в отношении писательской общественности. Надо помнить, что личность писательская прежнего времени ничего не имеет общего с «инженером душ» нашего времени: вот Симонов — это типичный инженер. Сейчас время литературы для детей, и я думаю, что тут можно делать и что-то полезное. Так будем же писать дневники для себя и книги для детей.

Написал Фадееву отказ от участия в охотничьей секции в ССП с обещанием впредь организовать подсекцию охраны природы.

Доложил Лоцманову о создавшемся беспомощном положении Общества охраны природы вследствие ухода Протопопова.

Наличие 59.601 р.30 к	Печнику сейчас 1500
Советск. писатель 30.000	За печку, штукатурку 3000
Географ. 30.000	Побелка сейчас 2000
Сценарий 20	119.601 р.
139.601	Окраска дома и полов 2000
	Навоз Шуре и Макриде 500
	10.000
Взято сегодня 9.600	
Послано Е. П. 500	

Шахов сказал мне, что «Черный араб» сейчас бы не напечатали. — Даже, — спросил я, — и при моем нынешнем положении? — Пожалуй, да. — Но я не предлагаю теперь такие вещи, я пишу теперь, учитывая современность: пишу «Кладовую солнца». А если возвращаться к «Черному арабу», то лучше возвратитесь к Пушкину: явись сейчас Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов, никого бы не напечатали. И теперь классиков печатают с учетом их времени: учитесь писать у них, но пишите из нашего времени. Итак, суд неудачников — не суд. Судить надо человеку лично не заинтересованному.

На телеграф прошел инвалид, и кто-то кому-то сказал о нем: — Жив остался. И больше ничего не было сказано, а я подумал и спросил себя: — Почему же он остался? Не что «жив» остановило меня, а что к «живому» приставили глагол «остался». Все просто живут себе и живут год за годом, вперед и вперед, а он, этот инвалид, остался, он не движется — нет! он именно остался, хотя все его товарищи, убитые, куда-то ушли, и может быть, и теперь где-то идут там в другом мире, а инвалид остался и держится теперь среди живых, им подражая, с ними участвуя в жизни, не ушел дальше за героями в другую страну, а просто остался в живых. Как это страшно! С площадки телеграфа я даже поглядел в ту сторону, куда ушел инвалид, и в толпе узнал его: среди нарядных мужчин, среди рабочих, женщин, детей и стариков он шел с трудом на двух костылях: герой остался в живых.

Вечером первая гроза.

Приходил Родионов. Звонил министру Зотову: в воскресенье он приедет ко мне в Дунино устраивать пчельник.

Пришел поэт Яшин. Он считает себя моим другом, но не понравилась мне в нем подстерегающая, снисходительная к моему политическому сознанию улыбочка. Я привязался к чему-то и разнес его в пух и прах. Вспомнилось! он высказал свое мнение о моей эволюции от «Жень-шеня»

до «Кладовой солнца», от одиночества до <*зачеркнуто:* коллектива> демократизма. Я ему доказывал, что одиночество в «Жень-шене» есть только литературный прием, как в «Робинзоне» кораблекрушение, а что сущность «Жень-шеня» есть жизнеутверждение.

16 Мая. И хорошо же, наверное, на воле после грозы и дождя! Завтра едем!

17 Мая. Увожу от Вани машину в Дунино. Завтра туда к нам в гости приедет министр Зотов. Решаем вопрос, отдавать низ дома под пчеловодство Родионову или монашкам для коровьего дела. Ляля бушует, и шум от нее ужасный.

Доехал до Кунцева, сломалась полуось. Безвыходное положение: на месте нельзя разобрать задний мост, нет дефицитных частей, и на буксире ехать нельзя без колеса. К счастью, дорога (Минское шоссе) на особом положении. Автоинспектор прислал мастеров из военкомата, на место колеса подвязали бревно. Два великолепных шофера работали до ночи, сменили два подшипника, полуось, два чулка, и все стоило 1000 рублей (недорого). Поняли все грехи Вани, и решено с ним покончить, а иметь дело с Игорем (Кунцево). Пассажиров своих, Мар. Алекс. с Агашей, отпустили, они сели на железную дорогу и отправились смотреть мою дачу. Ночевали у Игоря. У него ночевал его гость, который приехал из Баку покупать радиоприемник.

18 Мая. Липы распускаются. Поет соловей. Приехал благополучно в Дунино.

Дела с печником, штукатуром и жестянщиком.

Вместо министра приехал Родионов. Дал ему согласие на устройство пчельника у себя.

После обеда часок вздремнул и проснулся как будто в Хрущеве: сколько в жизни ездил, искал, а в конце концов оказалось, искал то, что у меня было в детстве и что я потерял.

«Надо» есть то самое, что требуется для получения права на личное «Хочется». Так мне постоянно говорят: — Вам это можно, вы заслужили.

(Раиса даже говорила, что я заслужил брать от женщин все, что мне хочется. И я, грешный человек, подумал об умирающем царе Давиде.)

19 Мая. Майские холода продолжаются, ночью был мороз. Рожь растет и не смотрит на мороз, остальное все замерло. Липы только-только распускаются.

Трясогузка — холодная птичка, кокетливая француженка с черным фартучком на сиреневом платьице, худенькая, стройная. Любит котенка дразнить. Прошлый год играла с Жулькой (Жулька воду не любит), топила ее в реке. Нынче играет с Норкой и «водит ее за нос» по пашне, пока не высунет язык: вероятно, у нее гнездо, летает возле самого носа собаки. Раиса, художница, вылитая трясогузка, так играет со своими моделями.

Однажды я пошел, а Ляля осталась дожидаться меня на дровах. Норка пошла за мной и оставила Лялю. Я подумал, что Норка больше привержена ко мне. Сегодня Ляля пошла, а я стал дожидаться ее на бревне. Норка пошла за ней, и я понял, что Норка не меня предпочитает и не Лялю, а любит движение и за тем уходит, кто из нас движется. И я подумал еще, что нечего винить женщину, которая оставляет застойного мужа и выбирает себе того, кто скорей движется.

Вчера Конст. Серг. Родионов выбирал у меня в усадьбе место для пчельника и одно время хотел остановиться на площадке, примыкающей к детскому огородику Раисы. — Детям Раисы, — подумал я, — невозможно будет заниматься своим огородом. — Но это мелькнуло у меня только на одно мгновенье, в следующее мгновенье это препятствие, детский огородик, исчезло при сопоставлении такого пустяка с большим делом пчельника пищевого

министерства, и мне опять вспомнилась, как детский садик, личность Евгения в «Медном всаднике» и все другие бесчисленные подобные случаи, возбуждающие в нас чувство жалости к личной судьбе людей, приносимых в жертву «большому делу».

Наше народничество было культурой жалости к мужику, обреченному на пассивное страдание. И это именно культура жалости сама собой перешла в марксизм, определивший культуру жалости в развитии своем как активное страдание народа (у народников активная жалость рождала героя, личность, у марксистов — героический народ).

Может быть, не только культура, но и сознание человеческое коренится в переходе пассивного страдания в активное. Может быть, и власть в существе своем происходит на почве активного страдания. Ляля ответила мне на мою мысль:

— Это центр моего нравственного сознания: переносить страдание от необходимости действовать; просто пассивно страдать — это, может быть, даже и сладко, а страдать активно, действовать, брать власть в борьбе со злом — вот это настоящее христианство.

Два противоположных типа, Агаша (верую и держусь) и Аня (движусь, лечу). У Агаши это сила земли, центростремительная сила, у Ани — центробежная сила.

На восходе хвойный лес еще был черным, а березки на опушке из черного вышли одетые светящейся зеленью, как зеленый дымок.

Психология Валютина (Аня) и кулака Никольского (Агаша).

Семь сестер берез в одной кучке. (Раненый был в таком состоянии, что его приняли за мертвого и выкопали ему могилу на опушке леса. Но раненый, когда копали, пока-

зал признаки жизни, и санитары его унесли. Могила осталась раскрытой, в нее полетели семена берез, и потом из множества уцелело и выросло семь сестер.)

Мы заказывали столяру переносную уборную, и он, подумав, спросил: «Двухместную?» Очень смеялись.

Как весною сухая хвоя сверху падает и осыпает, колючая, мягкий зеленеющий мох, так и эта колючая женщина взялась за своего доброго мужа...

Отдыхающие медленно, как сонные, бродят по зеленеющему лесу, и я слышал сегодня, один сказал другому: — Наконец-то, кажется, я начинаю приходить в себя. Мне хотелось спросить его: — А где же ты был до сих пор? И, подумав, ответил за него: — Я был до сих пор в распоряжении чужой воли.

Наверно, потому мы так и радуемся, попадая в природу, что тут мы приходим в себя.

20 Мая. Ранним утром, в четыре часа, проснулся в своем доме, и мне показалось, что, пожалуй, теперь дом мой лучше, чем был в Хрущеве.

(Игорь, один из множества представителей Запорожской Сечи шоферов, сказал, что было время, когда он из отцовского дома все тащил вон, а теперь тащит все в свой дом. Что это?)

В $7^1/_2$ выехал в Кунцево к Игорю, потом с Игорем поехали в Москву. Наконец-то запер машину новым, недоступным Ване замком. Предстоит разговор с Ваней.

21 Мая. Москва. Солнечное и, наверно, холодное утро, пора бы кончиться майским холодам. А если они не кончатся? Теперь каждый горожанин думает так по-крестьянски и все надежды свои уповает на свою картошку. В полном смысле осуществляется крестьянское верование: «приро-

да науку одолевает». Будет урожай — оживем, будет засуха — мы пропали.

Родионов. Бывает часто, встречаешь человека и не знаешь, куда его отнести, как его понять, увидать изнутри и установиться. Бродишь, бродишь по нем глазами, слушаешь, слушаешь его слова, разбираешь его поступки, и вдруг мелькнет: он похож на такого-то, и сразу по-другому начинаешь его всего понимать, как будто искал, искал аршин или метр, наконец нашел его, прикинул и понял: столько-то вершков, столько-то сантиметров.

Так я уже с год смотрю на Родионова и не могу понять: человек образованный, порядочный, говорит часто неглупо, а под острым взглядом как-то вянет и разбегается. Вчера он пришел убитый, ему отказали в министерстве перевезти ко мне пчельник, и я вспомнил внезапно Коноплянцева, великого читателя-мечтателя и неудачника на службе, в семье и всех общественных делах. Коноплянцев был читатель, и Родионов, конечно, читатель, в этом его сущность: женственное восприятие книг и совершенное личное бесплодие.

Но что это значит, почему так необходимо было вспомнить Коноплянцева, чтобы понять Родионова? Почему-то же и критики не могут встретить нового писателя без того, чтобы не сравнить его с его предшественником? Почему вообще в человеке ищут тип, а не личность, единственный раз показавшуюся на земле? Почему стремятся уложить новое в бывалое, в тип, а не встретить, не возвысить, не узнать в нем небывалое? Наверно, потому, что небывалое в себе только сам можешь знать, только можешь показать людям делами своими. Если же ты этого не можешь показать, то ложись в тип, как в гроб, как лег читатель Родионов в читателя Коноплянцева.

К Христу мы приходим, сбросив свой тип, в Христе мы находим свое Небывалое.

Не машину я запер, не гараж, а всего Ваню узнал и запер себя от него. Пусть теперь походит возле меня. Я буду улы-

баться ему по-прежнему, буду хлопать по плечу, но теперь он в моих руках, а не я в его. И весь этот плен мой вышел от Ляминой жалости, она хотела иметь шофера, чтобы освободить меня от любимого труда по машине. Теперь, когда Ваня оказался плутом, и машина попала опять, к моей радости, в мои руки, она сама хочет сделаться шофером и возить меня. Боже, избавь меня от этой новой беды.

22 Мая. Москва. На земле мороз. Начинается хозяйственная тревога, все еще очень холодно и сухо: май холодный — год голодный, и все надежды только на урожай.

Вчера начал читать «Царя» — хорошо. Объяснился с Ваней, выдержав час «активного страдания».

Тагор в «Воспоминаниях» говорит о принудительной добродетели, горшей, чем самое зло, и после того непосредственно начинает рассуждать о полиции, как будто полиция и есть очаг принудительной добродетели. Мне же после того пришли в голову наши чекисты, наша «ежовщина», и, наконец, вспомнились стихи Сологуба о палаче:

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача,
Не взял бы даже в руки
Тяжелого меча.

Тогда еще читал это без понимания и вот как за это время поумнел, как поумнел! Теперь только понимаю атмосферу скуки, окружающую принудительную добродетель палача, и что это ужаснее зла, и что <u>это</u> любить нельзя.

При думе о палаче нависает еще угрюмость, сопровождающая жизнь «кулака» и вообще дельца вроде агронома Шахова в Отрадном: эти люди содержат в себе, как младенца во чреве, принудительную добродетель, противоположную детской радости жизни.

Вот, наверно, за то и признают потом мою жизнь, что в эпоху неистовства принудительной добродетели я умел заступиться за радость жизни и говорить: будьте как дети!

И вот это я должен сказать тоже в «Царе», делая на все четыре стороны реверансы принудительной добродетели. Боже, помоги мне сделать это труднейшее дело!

Кулаки: Шахов, Никольский, продавец в продовольственном магазине. Необходимо создать этот тип рядом с паханом и Сергеем Миронычем.

23 Мая. Солнце, сухо и холодно.

Вчера заседание Оргбюро. Стала задача о преодолении неловкости в положении шефа. Средство для этого — ввести своих. Ввел Пелевина и Елагина. В среду приедет Пелевин, пишем воззвание.

Идея воззвания: комары переносят с человека на человека малярию, и мы боремся с комарами, а комары — это агенты природы, это природа сама. Такую природу мы уничтожаем, и дело уничтожения этой природы есть такое же человеческое дело, как дело охраны природы.

Итак, если мы приступим к делу охраны природы, мы должны знать, что же такое природа, которую мы хотим охранять.

Не будем долго раздумывать. Каждому понятно, что все будущее наше зиждется на здоровье физическом и нравственном наших детей. И под природой, требующей нашей охраны, мы будем понимать среду, благоприятствующую здоровью наших детей, здоровью в глубоком и широком смысле: в здоровом теле — здоровая душа.

Природа, как и жизнь, не поддается логическому определению, и спросите любого, что он понимает в слове «природа», никто не даст всеохватывающего определения: одному это дрова или стройматериалы, другому цветы и пение птиц, третьему небо, четвертому воздух, пятому охота, шестому дача, и так без конца. В то же время каждый из этих потребителей, произнося свой интерес, знает, что это не все.

Недавно это нечто большее, чем свой личный интерес, мы почувствовали в природе во время войны, и как мы это

почувствовали! <*Приписка:* Все почувств[овали], общий интерес: это родина, дом наш.> Природа явилась нам как родина, и родина-мать обратилась в отечество <*зачеркнуто и не дописано:* к делу наших отцов мы присоединили дело нашего времени>.

24 Мая. Дунино. Суховей. Холодно. Цветет черемуха. Развертывается дуб. Среди дня пришел легкий ветер с запада, стало тепло. Надвинулась туча и ушла. Запел комар.

Выехали в Кунцево для ремонта машины и просидели там с 10 утра до 3-х вечера. Егор Иванович понравился Ляле, она его спросила:

— В церковь ходите?

Егор Иванович ответил:

— Нет!

Ляля смутилась: «Такой хороший человек, а безбожник». Хотела помолчать, но не могла выдержать и спросила с пристрастием:

— Почему же вы в церковь не ходите?

Егор Иванович ответил просто:

— Не хожу почему? Церкви нет.

И все мы засмеялись, а Ег. Ив. подробно стал рассказывать, как разрушали церковь. А после того перешел на суховей и что как хорошо жилось при НЭПе. — Когда это? — С 24-го года. — И по какой? — Да вот когда заперли.

В Дунине строительство очень продвинулось, и очень все хорошо, пока мы вдвоем. Но когда приедет теща с фрейлинами и начнется непрерывная болтовня, наверно, придется перебраться от них вниз или в кухню. Эта женская болтовня что-то вроде мотора, и без нее они жить не могут, как не может двигаться мотор без газа.

25 Мая. Дунино. С утра облачно с просветами. Воздух туманится. Синеют леса. Поет комар. Ждем дождя.

Учился вчера ездить на резиновой лодке. Облюбовал песчаную косу, лежал на горячем песке и записывал хорошо. Учился ловить рыбу «на тюкалку». Слышал рассказы о том, как гоняются за шереспером (отрезают от глубокого места и гонят по мелям). Посетил карьеры возле Ершова. Кипят работы по внутренней отделке дома. Вечером поили Доронина, и председателя, и «капитана» (соседа). Решили купить две козы.

26 Мая. Первый раз в жизни простудился, будучи в природе. Страшный насморк, шум в голове. Бросился в машину и кое-как довел ее в Москву.

27 Мая. Москва. А это что-то в природе, намекающее на возможность дождя осталось: пусть солнце, но что-то чувствуешь.

28 Мая. Москва. Был Пелевин. Крепко взялся за статью о природе. Грипп легче, насморк перешел в кашель. Выходить боюсь.

29 Мая. Все утро работал и написал программную статью в «Большевик». Кажется, очень хорошо.

Мелькнула мысль о юбилейном издании собрания моих сочинений.

Вчера был у нас Удинцев, о котором нам стало известно, что саркома открылась у него и во втором глазу и что он обречен. Мы его принимали слишком по-дружески, и если мы не одни, он может догадаться. И даже, может быть, уже догадался и скрывает от нас, а мы от него.

Катя рассказывала, что ее родственница Марина, красавица 22 лет, так страдала за своего ребенка, что покончила с собой, а ребенок живет и растет как ни в чем не бывало.

30 Мая. Хватил вчера проливной дождь, и тем наконец кончилось холодное майское суховейное время.

Грипп почти кончен, сегодня начну выходить.

Завтра в 7 вечера заседание Оргбюро с чтением моей статьи.

Стал выходить на воздух. Увидел какое-то дерево с густой темно-зеленой кроной, по-летнему законченной в развитии листьев. Знакомая вспышка радости в сопровождении упрека: «Как там чудесно, а что ты?»

31 Мая. Всегда радуюсь, когда, сообразив, сколько дней в месяце, узнаю, что этот месяц «со днем». Этот лишний день дается человеку во свидетельство таящейся в нем радости жизни, а радость жизни, питаемая каждым из нас по-своему своими чувствами, этими корешками жизни, нам дана великим педагогом. Радость жизни заманивает нас в глубину свою, как охотника заманивает удаляющийся зверь или птица. Заманит эта свобода в глубину, а потом по необходимости выбирайся. По этому плану и мы должны заманивать молодежь чувством свободы, а не пичкать ее необходимостью добродетели.

Вчера опять Лева был, плакал, молил о помощи. Придется дать ему денег опять.

Позвонили в КУБУ узнать о здоровье Удинцева, и вдруг воскресла и заговорила по телефону служащая в КУБУ Клара Яковлевна Левина. Ужас, как живуч человек!

Сегодня читаю в Моссовете доклад свой и не сомневаюсь в успехе (честно написал). Прочитал его Леве, он сказал: — Хорошо, только зачем тебе это председательство? Мне трудно было ему ответить. Предложил идти Ляле со мной в Моссовет на мое чтение. — Зачем я пойду, — сказала она, — раньше я рассчитывала достать там семена, а теперь картошку посадила. — Я думаю, — ответил я, — что ты уж очень мелко плаваешь: ты как хохол представляешь себя в раю с куском сала. Общественная деятельность во всех отношениях человеку полезна, и встреча человека с человеком сама по себе

есть «дело». — Это правда, — ответила Ляля, — я, пожалуй, пойду. Лева тоже понял и больше не спрашивал меня, зачем я хочу быть председателем Общества охраны природы.

Умирающая теща находится в постоянной тревоге за дочь и все силы своего бездеятельного положения напрягает, чтобы выдумать какой-нибудь страх и навязать его дочери. Природа эгоизма и состоит именно в том, чтобы собою заражать жизнь другого. Только теперь я наконец-таки понял, почему с самого начала нашей жизни я не мог почувствовать симпатию к теще.

Сомнение. Сомневаться в глубине себя надо во всем, даже в существовании Бога, не говоря уже о достоинствах любимого человека.

Знаю, что Ляля во мне иногда сомневается. Ночью сегодня она спросила меня:

— Любил ли ты кого-нибудь, когда-нибудь, кроме меня?

— Мать свою любил.

— Да, ты мать любил. А еще?

— Мне кажется, брата Николая любил.

— Да, Николая ты, конечно, любил. А еще?

— Сына Леву.

— Конечно, ты Леву любил, а еще?

— Вот тебя люблю.

— Да, меня ты любишь, а еще кого?

— Будет с тебя. Ты-то кого любила?

— Папу любила.

— Ну, папу, да, а еще?

— Олега.

— Это не знаю: в Олеге ты любила себя, так я любил и свою парижскую невесту. Это я не считаю.

— А правда, у всех нас было в жизни так мало любви, а ты любил вполне достаточно.

Так она уверилась во мне и вышла из сомнения в том, что я вообще неспособен любить и ее полюбил только для себя: за то, что она мне удобна.

К утру она совсем вышла из своего сомнения и была из-за этого со мною очень нежна.

Так и надо, сомневаться во всем, особенно же полезны человеку его колебания веры: возвращение к Богу всегда так хорошо!

1 Июня. Троица. Москва.

Рано утром прошел дождь. У нас в доме живут люди, которые за нас молятся, и в праздник мы это чувствуем.

Заседание с чтением моего доклада не состоялось, доклад передал Лоцманову и побеседовал с ним в кабинете. Он рассказывал, что еще мальчиком (ему теперь 41 г.) «напал» на мои книги и сделался моим учеником, а когда в Моссовете стали выбирать в председатели охраны природы подходящего человека, то Лоцманов предложил меня.

Появился в Москве С.И. Аникин, спасавший нас во время эвакуации. Мы его встречаем сегодня с честью и благодарностью: тоже, как и Лоцманов, мой «культурный читатель», о котором говорят: конечно, он человек партийный, но...

На пути в Моссовет подхватила меня под руку Раиса. Ляля говорит: — Я не знаю, чего она от нас хочет.

Со мной она ужасно кокетничает, и меня это немного забавляет: мне же все-таки скоро будет 75 лет, а она женщина красивая, талантливая и ужасно похожа на трясогузку.

Начало статьи в охотничий сборник: Первым моим охотничьим оружием была «шибалка»: так почему-то назывался у нас кривой сук вроде бумеранга. <*Приписка:* Шибалка от «подшибать».> Однажды этой шибалкой я подбил молодого вялого галчонка, и он попал мне в руки. Он был в таком состоянии, что какое положение ни придашь ему, в таком он и остается. Это меня смутило, потому что было против всякого охотничьего естества, в котором одно живое существо убегает, а другое его догоняет. Что

тут делать! Я взял галчонка и посадил его на сук липы. После обеда посмотрел — сидит! После чая посмотрел — сидит! после ужина — сидит! Вероятно, я очень мучился за галчонка этого ночью, если через всю свою жизнь, как через тысячу лет, пронес это воспоминание. Утром я встал, поглядел туда — галчонок лежит на земле мертвый. Я со слезами вырыл ямку и похоронил галчонка, но охотиться не перестал и до сих пор охочусь, сочувствуя всякой симпатичной живой твари нисколько не меньше, чем те, кто сам не охотится, но охотно кушает дичь в жареном виде. И всю-то, всю-то жизнь я, как охотник, слышу от этих лицемерных людей одни и те же слова: — Как вам не стыдно охотиться и убивать. — И всю жизнь я отвечаю одни и те же слова: — Как вам не стыдно кушать то, что для вас убивают.

Дело в том, что моралисты обыкновенно не обладают охотничьим чувством, и я знаю из них только одного Льва Толстого, который как моралист проповедовал вегетарианство, а как охотник бил зайцев до глубокой старости (см. дневник С.А. Толстой). Но Л. Толстой нам тоже не пример: мы все знаем так хорошо, что Толстой-моралист и Толстой писатель-охотник — это два разных человека. Каким же образом педагогически разрешить это невозможное противоречие?

Возвращаюсь к «Царю природы» и отныне, с 1-го Июня, хоть час да посвящаю этой работе и заношу сюда о ней отчет в две-три строки.

<*Зачеркнуто:* Во время войны <*приписка:* отрезанный в глуши Усольских болот от всего мира> мне было очень тяжело обращаться в учреждения за продовольствием для себя лично. Председатель Переславского Райисполкома истинно культурный человек С.И. Аникин всегда умел устранить эту неловкость и доказать свою уверенность в том, что помощь писателю есть дело общественное. Я рад этой книжкой, получившей всестороннее признание, отблагодарить за доверие.>

<*Позднейшая приписка в копии рукой В.Д. Пришвиной:* Надпись на книге, подаренной Аникину.>

Во время войны, отрезанный в глуши Усольских болот от всего мира, Я не раз обращался к Вам, председателю Переславского Райисполкома, за помощью. Вы всегда умели устранить неловкое чувство при таких обращениях для себя лично и уверить в том, что помощь писателю есть дело общественное. Теперь я очень рад этой книжкой о Переславском крае, всеми признанной, отблагодарить Вас, честнейшего культурного работника, за доверие.

А.А. Фадееву.

Дорогой Александр Александрович,

<*Зачеркнуто:* в 1948 году 5 Февраля мне будет 75 лет от роду и вместе с тем 50 лет литературной деятельности.>

<*Зачеркнуто:* В 1934 году <зачеркнуто: т. е. 13 лет тому назад> я к Вам лично обратился с просьбой помочь издать собрание моих сочинений, к которому А.М. Горький прислал известное свое предисловие. По Вашему предложению Госиздат за эти 13 лет выпустил из пяти книг четыре. Очень прошу Вас побудить Госиздат издать пятый том, в котором собраны лучшие мои вещи. Гонорар мне за этот том уплачен, но мне очень хочется удовлетворить читателей, купивших уже четыре тома и ожидающих пятый.

Но главная моя просьба состоит в следующем.>

В 1948 году 5 Февраля мне исполнится 75 лет от роду и 50 лет литературной деятельности. Мне бы хотелось <*не дописано*>...

<*Зачеркнуто:* Обращаюсь к Вам со следующей просьбой.>

В 1948 г. 5 Февраля мне исполнится 75 лет от роду и 50 лет литературной деятельности. Я хочу подобрать к дате этой <зачеркнуто: золотой свадьбе> моей с читателями сто листов на пять книг из лучших написанных мною вещей. Вы хорошо знаете, что и читатели мои существуют и растут, и я не прекращаю писать. Значит, это издание будет никак не благотворительное. Но и с этой стороны, т. е. помощи мне как писателю, издание это будет очень полезным. Я бы мог, не отрываясь для заработка <*не дописано*>...

2 Июня. Духов день. Москва.

1) В 10 утра позвонить Игорю.
2) В Союз писателей о Фадееве.
3) В «Советский писатель» о сборнике.
4) Бензин.

Аникин — это мужицкая метаморфоза в чистом виде.

Он убежден в том, что русский народ может терпеть без конца и нет ему равных в мире в этом отношении. Теперь он знает, что мир готовится к новой войне, значит, и мы будем готовиться. Значит, если будет даже высокий урожай, нам лучше не будет: все пойдет в резервы войны. И что нет никаких надежд на лучшее в будущем для нас, и живи тем, что у тебя есть. Ляля на это ответила:

— Мне все равно, я знаю, что мы долго не проживем.

— Этого знать мы не можем, — ответил я, — сколько мы проживем. Но я знаю, что если в таком безнадежном состоянии буду долго жить, то после смерти перевоплощусь в лягушку.

Мораль сей басни: необходимо войти душою (для меня душа в писательстве) в моральный смысл этой войны. Для ближайшего времени это надо выразить в моей работе «Царь природы».

Что-то вроде Страшного Суда надвигается, и я — подсудимый, а общество — судит.

На этом суде «я» божественное в человеке должно восторжествовать.

И какое, значит, должно в личности пробудиться усилие, если она восторжествует даже на этом суде, страшном своею правдой.

Потому-то суд и называется «страшным», что Бог не будет распят, как в первом пришествии, а восторжествует даже перед судом страшной человеческой правды.

Вот почему у нас коммунист и отвращается от религии: коммунист собирает вокруг себя суд человеческой правды и вызывает личность человека на суд. Быть может, вокруг

божественной личности человека собралось слишком много обмана, и таящийся в личности Бог должен заявить о себе перед судом человеческой правды. И вот вам будущее: захочет ли Бог выйти и заявить о Себе на суде человеческой правды?

Патриотизма у нас нет никакого, но есть что-то гораздо большее, чем патриотизм: господствующая над нами сила внеличная. «По совести» человека нашего об этом нечего спрашивать: совесть, т. е. чувство своей личности, остается «запечатленной» и человек определяется не в личности, а в отличии («отличники и герои»). В том-то и дело, что совесть (личность) связана с Богом, и какая же тут совесть, если все личное в человеке должно предстать перед лицом правды.

— Эх, М. М.! вы такой идеалист! <*Вымарано:* Просто-напросто зашла над русским народом [шайка разбойников] и ведет народ на разбой: хотели всех капиталистов ограбить в пользу своей шайки. Но видели мы, когда своих ограбили, лучше ли стало? Так точно и когда всех имущих ограбят. Пусть будет плохо, но надо всех имущих грабить. Может быть, они бы и рады теперь отступить, да куда же от себя отступишь. Русский народ сам по себе ни во что такое не верит, о чем вы пишете, о богоборчестве и всем таком. Универсальности нет никакой. А идея ... коммунизма — это просто шкура змеи: придет время, и змея, т. е. сама жизнь, сбросит эту шкуру.*>

Когда я приходил в деревню (в 1919 г.) — в избу родителей какого-нибудь моего ученика, сидел на лавке прилично и долго в ожидании, когда хозяйка отрежет мне кусок хлеба или сала — это теперь вспоминается мне как состояние наиболее достойное, в каком только я в жизни бывал.

---

* Расшифровка по зачеркн. в подл-ке В. П. — примечание В.Д. Пришвиной в машинописной копии.

Правда есть только орудие истины, и если мы правду ставим вместо истины, то мы этим служим кумиру.

Героизм — это трата жизни для скорого достижения цели. Герой, достигнув цели, остальную жизнь существует или калекой, или удовлетворенной свиньей. Немцы были героями (все возьму!), американцы взяли расчетом (все куплю!), русские — «глупостью»... <*Приписка:* (Иван дурак!).>

«Человек много больше того, что он может потерять в этой жизни» («Дом и Мир» Р. Тагора).

Нам почему-то кажется, если это птицы, то они много летают, если это лани или тигры, то непрерывно бегают, прыгают. На самом деле птицы больше сидят, чем летают, тигры очень ленивы, лани тоже пасутся и шевелят только губами. Так и люди тоже, мы думаем, что жизнь людей наполняется любовью, а когда спросим себя и других, кто сколько любил, и оказывается вот как мало, вот как мы тоже ленивы!

3 Июня. Москва. С утра мелкий окладной дождь. Это на урожай, но из ума не выходит, что и урожай не поможет: все спрячется в резервы войны. И пусть эта мысль не уходит из головы, и пусть не дает спать, пока не появится свет на этом темном пути.

Фадеев, Симонов и Горбатов были у Сталина, он остался доволен руководством Союза, одобрил «Молодую гвардию» и «Русский вопрос» и утвердил смету с большими гонорарами. Спасибо им, создающим возможность работать писателям с совестью. Не будь этих ловких и умных людей, попали бы мы опять под шкрабскую совесть какого-нибудь Поликарпова, и вышла бы кутерьма.

Совесть не должна быть разменной монетой, она должна таиться в глубине личности и показываться прелестным румянцем на творческих плодах художников или тем

ароматом цветов, о котором вспоминаешь что-то чудесное и не можешь вспомнить, где это было, когда это было. А было-то оно у себя самого, на самом дне, в той почве души, из которой вырастают все наши лучшие творения.

Спасибо же нашим молодцам-политикам Фадееву, Симонову и Горбатову, обратившим себя почти что в столбы от забора с колючей проволокой политики, ограждающей зеленую травку нашей совести. И кому, как не мне, счастливому козлу от русской литературы, не благодарить за травку эти дубовые столбы нашего забора. Этим полагаю конец всему моему ворчанию: пусть они пишут и гонят монету, пусть их славят: возле богатых и бедняк проживет.

В юности меня очень удивляло, почему в революционизированно-либеральном обществе низший работник министерства внутренних дел, жандарм, информатор, полицейский пользуется безусловным презрением, а губернатор или министр измеряются каким-то другим аршином. То же самое думаю теперь о преступниках маленьких и больших: тут как будто количество переходит в качество <*приписка:* маленький — это все равно, что неудачный, а большой — удачливый, и ему все прощается>, и кто совершил преступлений больше всех — возвеличивается, как герой, как будто очень большое преступление есть уже для всех нужное и для выращивания наших цветов совести необходимо пользоваться удобрением из этого общего нужника.

Нет большей тайны жизни, как то, что из навоза вырастают цветы. И ты, художник, помни всегда, что и у людей навоз необходим и тоже так пахнет: ты зажми себе нос и выращивай благоуханные цветы.

Надо понимать силы, одолевшие Гитлера. Мы у них теперь на очереди, и они о нас все знают.

4 Июня. Москва. Сутки целые шел мелкий питающий дождь и сегодня, на вторые сутки, не останавливается. Дождь и снег с бурей, беда тем, кто посадил помидоры.

— Нет, — сказал В., — если будет урожай, то, конечно, будет лучше: первое, сам производитель будет с зерном; второе, таинственный распределитель (воры?) сумеет отстоять сколько-то зерна от резервов.

Тагор и Шаляпин: Тагор — это дитя индусской древней культуры, Шаляпин — дитя русской природы. Шаляпин как водопад, Тагор как вечерний луч, позабытый солнцем на вершине высокого дерева.

Маленького преступника судят за то, что он переступил черту закона, ограждающего права другого человека, имея в виду свой личный интерес.

Если же преступник не для себя перешел за черту, а чтобы создать новый, лучший закон, отменяющий старый, и победил, то победителя не судят: победитель несет с собой новый закон.

Маленький человек старого закона или несправедливо погибает при этой победе (Евгений и Медный всадник), или, широко открыв глаза, прозревает будущее и становится на сторону победителя (апостол Павел).

Евангелие и есть книга о величайшем Преступнике, Победителе старого закона, охраняющего естественное размножение.

Законы природы — это законы размножения, а законы человека — это законы личности.

Евгений жил, как природа, в естественных законах размножения (у него была невеста).

Пришел Медный всадник, строитель, и его вода затопила невесту Евгения.

Жили милые люди Филемон и Бавкида, пришел Фауст строить канал, и невинные люди погибли.

Розанов хочет сказать, что Христос в отношении природы (размножения) как божественная личность был величайшим обобщением жестокого и несправедливого начала — и Медного всадника, и Фауста, и миллиардера в отношении кустаря.

Тут заступничество за невинную жизнь, за обывателя.

А на другой стороне, ницшеанской, право на жестокость, несправедливость.

Эти два течения — одно в защиту родовой жизни против Христа (Достоевский, Розанов), другое — выявление сверхчеловека в Христе, имеющем право распоряжаться родовой жизнью, и составляют нравственное содержание общества перед великой войной.

Мой «Царь природы» потому и застрял, что имеет претензию вместить в свое поэтическое содержание

1) законы природы как законы размножения: песня свободы, заманивающая в необходимость рождения,

2) законы общества с их Надо и Хочется, борьбой личного начала с родовым,

3) законы личности человека — царя природы.

Созидание Личности человека совершается на материалах природы, смерть природы (материи) есть одна сторона, и рождение человека (личности) — другая.

И так бого-человек в своей человечески-материальной основе должен быть распятым и умереть, чтобы воскрес и явился Бог.

Так и семя умирает, предшествуя в смерти своей рождению нового растения, и тут в этом воз-рождении присутствует Бог (жизни).

Итак, Царь природы есть личность человека, т. е. монада сознания, высшего добра. На пути завершения сознания царь природы обретает силу (делать орудия) познания добра и зла. Этот путь мы знаем по книжкам, его называли «прогрессом».

Но теперь оказалось, что вместе с ростом сознания прогрессирует и зло, во всяком случае, не меньше, чем добро, и что личность человека вовсе не определяется степенью развития сознания как познания добра и зла.

Значит, в повести надо непременно изобразить то качество Царя, которое дает выбор силы, действующей в сто-

рону добра. В этих целях следует пересмотреть позиции наших коммунистов, понимающих свое дело именно как дело добра. Нравственное самоопределение коммуниста в мире именно в том и состоит, что он в борьбе добра и зла (борьба классов) определяет себя как борца за добро. И в атомной энергии он является рыцарем добра против разрушения.

Женщина достаточно знает слабости мужчины, но совсем неспособна понять его в том, в чем он силен.

<*Приписка:* Есть исключения, редкие, как редко наше прочное счастье. Наши отношения с Лялей — такое исключение.>

Мужчина для Женщины такая же загадка, как и она для него. (Тагор «Дом и Мир».)

— Я сам для себя — тайна, и потому-то меня так влечет к самому себе. Узнай я себя когда-нибудь до конца — я бы со всем покончил и нашел блаженство покоя («Дом и Мир»).

— Ибо мужчина когда получает — дает; а женщина когда дает — получает.

5 Июня. Мои именины. Москва.

Ветер не утих, но небо ясное с утра. Ночь плохо спал: первое, это что Ляля расстроилась на ночь из-за матери... Второе, начитался Тагора «Дом и Мир», нечто вроде «Мир как воля (зло) и представление» Шопенгауэра. А еще мучила меня моя неудачливость: сценарий провалился (а сколько работы!), попробовал удариться в охрану природы — уверен, что провалюсь. И «Канал» теперь надо писать в упор на тему советского оптимизма...

Надо помнить, что личность может теперь пробиваться лишь в условиях коллектива, каждому теперь надо освоиться со своим коллективом, как осваивается корешок семени в темноте почвы. Это вовсе не значит, что «с волками жить — по волчьи выть», освоиться надо лишь внешне,

развить этим себе осязание летучей мыши, которая может летать в комнате с частыми проволоками, не задевая их. Так все живут, все летают, но увы! — летают только внутри этой комнаты. Вот в том-то и «увы!»: летать научишься, но из комнаты заключения не вылетишь, и руки опускаются, и начинаешь подумывать, не покончить ли с мечтой о вылете из круга принудительной добродетели и не заняться ли обработкой конца своего (жизнеописание) и сборами в последнее далекое путешествие.

Молюсь на крест купола, с которого ветер давно унес все железные листы и осталась только сетка из проволоки. А там налево за баней виднеется крыша какого-то дома, и от нынешнего ветра на ней шевелится каждый листик, время от времени даже дыбом встает и так держится, падает, гремит и гремит, повторяя: Господи, дай кончину живота моего...

Дальше мои именины пошли неожиданно хорошо, благодаря Барютиным: устроили великолепный пирог и, самое главное, наполнили сами праздником время. Посыпались шоферы, подготовили машину, и даже ужасная погода стала к вечеру улучшаться: ветер стих и потеплело. Какая молодец Ляля! Такая мать на руках! и такую выдержать борьбу за своего Михаила и завоевать таких друзей, как Барютины, пожалуй, даже и такую прислугу, как Мар. Вас. Любуюсь ею и горжусь.

Вчера знакомился со Спириным, чувствую в нем парня неглупого и очень современного, но с какого конца ни затрону современную беду — все не по нем. Наконец, говорю ему:

— А этот круг коллектива, обнесенного тыном с колючей проволокой, и сам на колу на короткой веревочке. Кажется, что бы только ни сделал для того же коллектива, но попробуй! и сразу вырастут вокруг тебя штаты, и все начнут твою идею трепать до того, что тебе самому она опротивеет, и ты сам рвешь на себе волосы, что пожелал всем добра...

В этот раз мой прицел был верным, в самую точку. Спирин сказал:

— На это я вам скажу... Раз уж мы решились быть откровенными: да, да! Я вам удивляюсь, как вы решились на это, но я готов ответить вам.

И он рассказал историю своего комсомольства, т. е. воспитания себя в духе жертвы собою для общества.

— Так нас воспитали, а подите вот с этим теперь жить.

— С этим чувством жертвы, с готовностью все отдать для других.

— Да, да! вот с этим самым. И не проживешь! Время переменилось, и ты уже отстал, и смотреть на других, как они успевают, противно.

На этом разговор оборвался. Спирину теперь лет тридцать.

После с Володей я стал развивать мысль Спирина на своем опыте. Я ведь тоже был коммунистом в XIX веке и за границей от этого родного угара стал приходить в себя и мало-помалу сделался тем самым, чем должен сделаться Спирин после своего комсомольства. И так стало понятно нынешнее время после жертвы народа в войне: время жажды личной жизни, раскрытия своего жертвенного опыта в образе личности.

Володя мне тоже говорил:

— Вы-то разве в этом один?

Ум животных. Коза.

Елагин рассказал, что раз читал книгу и когда отрывался от чтения, то видел перед собою козу, привязанную за кол на траве возле картофеля. Коза выщипала траву, и ей захотелось попасть на картофель. Натянула веревку — не рвется. Вернулась к колу и бац в него лбом. Кол тронулся. Натянула веревку — стало поближе. Она еще раз — бац! Еще стало ближе, и так раз за разом — вытащила кол. Наелась картофеля. А дача стояла под огромной ветлой, и крыша дачи с одной стороны, покрывая тоже и сарай, спускалась до земли. Коза, когда наелась, залезла на крышу и под ветлой наверху улеглась. Пришли хозяе-

ва — нет козы... Стали искать — нет нигде! Стали ждать, и как в сказке — нет козы с орехами, нет козы с калеными. И когда уже спать ложились, слышат с крыши: — ме! ме! У меня толкование: она виноватая спряталась, а когда люди стали жалеть, то явилась.

— Коза, известно, умное животное, — сказала Катя. — А вот кто поверит, что тоже и блохи умные, да какие еще умные-то.

Рассказ, как она выискивала блох у Васьки и замечала: он их выгрызал, а лапами сделать не мог ничего.

— Так поверите ли, блохи стали жить у него на щеках и особенно ближе к носу. Когда я начинаю вычесывать их — найду на всем коте одну, две, а на щеках по десятку, и всегда около носа кучкой штук по пять. Какие умные!

— Никакого ума у блохи: нос — это остров спасения.

Гусь.

— А вот тоже Гусь. Читаю Глеба Успенского. Очень скучное чтение, читаю, больше листаю. <*Приписка:* Есть такая привычка, листая, рвать страницы. Вредная привычка.> Это листание услыхал гусь, обошел меня, и как только я листану — он: га, га! Никогда я так резко не встречался с природой, как если читаю рассеянно: тут паучок какой-нибудь в булавочную головку, и как он интересен. Гусь же очень меня заинтересовал, я уже нарочно стал листать, и чем больше, тем все ближе, листану, и он: га! га! Но мне надо было прочитать Успенского, я принудил себя и про гуся забыл. И вот опять началось, опять листал — вдруг: га! га! и прямо из-под руки гусь вырвал целую страницу из Глеба Успенского.

— Чем же не ум?

— Ум замечательный, только дурно направленный.

— Чем дурно? Гусь же не нарочно рвал страницы, он играл.

<*Зачеркнуто:* Мои рассказы — игры: 1) Жулька и бабочка (опасная игра). 2) Трясогузка: трясогузка и котенок.

3) Трясогузка и Жулька. 4) Трясогузка и Нора. — Так это игра? — Значит, игра тоже ум.>

<*Зачеркнуто:* Сочиняю для музея Горького.

Бабушка в «Детстве» Горького мне кажется самым удачным в русской литературе образом нашей родины. Думая о «Бабушке», понимаешь по ней, почему родину представляют себе в образе матери, и хочется вспомнить, кто в русской литературе нашу землю родную понял так же хорошо, как землю наших отцов, как наше отечество.>

6 Июня. Москва. Погода налаживается: и ветер кончился, и тепло подходит.

Теща очень плоха, и Ляля очень тускнеет. — Ты, Ляля, мучишься? — Да, я мучусь тем, что не могу мучиться: устала.

И еще бы! уже при мне, на моих глазах восьмой год умирает! Сколько уже раз было, что Ляля приходит в торжественное состояние для проводов матери в иной мир. А она опять отживает и продолжает существовать уже на более низкой ступени бытия (в том-то и ужас для Ляли, что бытие становится не сложнее, не духовнее, а все проще, все материальнее). И если теперь придет новый удар, лишит языка и остатков мысли, то дело наше будет совсем плохо. И вся надежда останется на добрых людей, которые теперь у нас поселились.

7 Июня. Москва. С утра натягивает облака, возможен дождь, но уже теплый. Возрастают надежды на урожай. И, конечно, при урожае будет наверно лучше.

В деле охраны природы делает себе карьеру никому неизвестный, поганый человек Галицкий, и с этим ничего не поделаешь: он ставленник Лоцманова, и мы тоже: нас Лоцманов ставил («я напоролся на вас» и т. д.). Вчера видел список членов совета, не выбранных, но уже утвержденных, среди них и Галицкий. Мой доклад, видимо, очень не понравился Лоцманову, и он направил его в «Большевик».

Если не напечатают, у меня будет хороший повод отказаться. И надо это сделать, потому что мне уже поздно мечтать овладеть машиной советской общественности. Так, если бы я не научился управлять автомобилем лет 15 тому назад, теперь бы не ездить мне по Москве. А впрочем, мы еще поглядим, так или иначе, а скоро должны быть какие-то перемены... Не будем вперед забегать.

После обеда постараемся выехать в Дунино.

Сандип («Дом и Мир» Тагора) — вероятно, влияние все того же Ницше: попытки оправдания добра жизнеутверждением зла: «Бесы», Раскольников, Марк Волохов. Из всех этих попыток наиболее удачная вышла у Тургенева в «Базарове».

Я сказал Спирину (шоферу): — Прошлый год, передавая Ване машину, я сказал: «Подтекает задний мост, и несколько тавотниц не работают, мост откати, а тавотницы замени». Прошел почти год: мост подтекает, и те тавотницы все не работают, значит... это свинство? — Это зависит от ваших с ним отношений. — Мое отношение к нему было как к сыну. — А он к вам? — Он, я думаю, при случае мог бы отдать жизнь за меня, но это ему не помешало в жизни обыкновенной залезть мне в карман. Спирин, бывалый русский человек, сам шофер, очень это понял, улыбнулся и сказал: — Да, понимаю, у нас бывают такие отношения.

8 Июня. Дунино. Теплый пар продóжженной, намученной холодами земли даже и в Москве можно было понять. После обеда мы выехали и на полпути, поставив машину к обочине, сели на опушке леса. Все летние птички пели, и все пахло.

Мне было так, будто вся природа спит, как любящая мать, а я проснулся и хожу тихонько, чтобы ее не разбудить. Но она спит сейчас тем самым сном, как спит любящая мать, спит и во сне по-своему все знает про меня: что вот я запер со стуком машину, перепрыгнул через канаву

и теперь вот молча сижу, а она встревожена: куда он делся, что с ним. Вот я кашлянул, и она успокоилась: где-то сидит, может быть, кушает, может быть, мечтает. — Спи, спи! — отвечаю я потихоньку, — не беспокойся.

Кукушка далеко отозвалась. И эта кукушка, и зяблики, и цвет земляники, и кукушкины слезки, и все эти травки так знакомы с детства — все, все на свете, все — сон моей матери.

Василий Иванович не-Качалов, кот мой, запертый в машине, глаз не спускает с меня: не он ли это доносит туда, к сердцу матери-природы, что ее маленький Миша проснулся и ходит. А кукушка, и зяблики, и подкрапивники, и все это, что собралось около меня, разве все это не уши, не глаза, не чувства моей спящей матери.

— Матушка моя дорогая! спи, спи! еще больше, еще лучше, тебе так хорошо, ты улыбаешься, начался теплый июнь, травы подымаются, рожь колосится, довольно, довольно всего ты мне дала, спи, отдыхай, а мы позаботимся.

NB. Рассказ об уме животных (коза) нужно сделать, чтобы все другие рассказы о животных (о блохах, о Жульке, о трясогузке, о гусаке) были деталями рассказа о козе для раскрытия ума козы.

Когда хочется сойтись, то кажется: до чего мы похожи! А когда дело к тому идет, чтобы расходиться, то говорят: мы не сошлись характером.

Я думаю, что выступающие теперь довольно уже ясно различия между мной и Лялей относятся не к нам самим, а к полу, который мы с ней представляем: она Женщина, я Мужчина, у нее — забота, у меня — что-то вроде охоты.

Коршун набирал высоту, махая крыльями, как всякая птица, а набрав, стал парить и царствовать там в синеве высоты.

Пристрастие к морали и учительству, какое было у Л. Толстого, это было у него формой влечения к власти. Но, может быть, в тайне души все заинтересованы властью, и анархисты, может быть, — самые ярые властолюбцы.

У Кондратьева среди его сада-огорода возвышается необыкновенно прекрасная туя, не дерево, а, может быть, десять их сошлись, и сложилась великолепная пирамида, как одно дерево. — Какое прекрасное дерево! — говорит каждый посетитель. А хозяева при этом молчат. Гость выспрашивает, вдается в историю: кто сажал, когда. Хозяева очень неохотно поддерживают разговор. — В чем дело? — говорит наконец удивленный гость, — вы как будто не рады этому чудесному дереву? — По правде сказать, нет, — отвечают хозяева, — тую сажали давно, для красоты, а теперь посмотрите, сколько она у нас земли отнимает: картошка нужна, не до красоты нам теперь.

Для хозяев это дерево — горе, а для гостей радость. И сколько на свете такой красоты: кому она даром — восторг! а за ней ходить — страда.

9 Июня. Дунино. Третий роскошный день после холодов и того двухдневного дождя. Вода в реке после тех дождей все еще прибывает и мутная: щука не ловится.

Спали с открытым окном. Для утешения Ляли я сказал ей, что теперь нам остается соорудить маленький домик на нашем участке, а дачу продать.

— Так или иначе, — сказал я, — мы скоро останемся вдвоем и упростим жизнь: в Москве оставим для приезда только одну комнату, все продадим и будем в маленьком домике жить на проценты.

— Это мой идеал! — воскликнула она радостно, — а писать ты будешь тогда совсем независимо.

И мы стали вместе мечтать в своем новоотделанном прекрасном доме о том нашем маленьком.

Под утро мне привиделся кошмарный сон, будто собираюсь я из Ельца идти в Хрущево. Под ногами у меня

скользко, я пробую катиться вниз к Сергию, в Черную Слободу, на ногах, как на коньках. Чувствую, что сзади прицепилась к руке моей девочка и катится вместе со мной и дружески болтает. А потом оказывается, это не девочка, а девушка или молодая женщина, похожая и на Тамань, и на жену Сологуба Чеботаревскую. Она меня завлекает куда-то, мы едем на тройке с чужими людьми, поляками или евреями, но я не оставляю мысль уйти сегодня же домой в Хрущево через Черную Слободу. Мы где-то сходим, я спрашиваю кишащих вокруг меня людей, поляков и евреев, где дорога на Черную Слободу и где мы теперь. — Это, — говорят мне, — слобода номер 131-й. И ведут меня проходными дворами через развалины, заселенные поляками и евреями: там поют Ave Maria, там в карты играют, там по-еврейски молятся раввины, там купают детей. — Где же моя дорога? Мне в Черную Слободу... — всех спрашиваю я. — Вот, вот! — показывают мне дорогу. На мгновенье показывается настоящая шоссейная дорога, а потом я опять попадаю в проходные дома и лачуги. И мало-помалу начинаю понимать, что меня заманили плуты и вот-вот начнут снимать мое хорошее пальто, отбирать вещи.

Проснулся насильно, хватаясь за действительность как за спасение, и начинаю понимать, что теща моя именно так и считает нашу с Лялей жизнь, как кутерьму и суету, закрывающую простой и ясный путь в Черную Слободу и домой в Хрущево.

И дальше я подумал, что в кутерьме внешних событий с войной, с голодом, с атомной энергией и раздвоением пути человека: один к великому богатству и счастью, другой к гибели чуть ли не всей планеты — мы-то сами, наша сокровенная личная жизнь находится разве не точно в таком же положении умирающей тещи.

Тогда вспомнился мне преподаватель музыки Мутли, как вчера я его видел с огромным мешком вещей, который он тащил на себе с вокзала в хижину Макриды Егоровны. Он-то мне и сказал вчера, что он достал в Москве грузовик и привезет рояль, чтобы Наташа его летом могла играть

свои упражнения. — Где же поставите рояль? — спросил я. — Снял сарай в даче Ульмера.

И это делает бедняк, существующий на гонорар от своих учебников музыки. — Разве, — подумал я, — это не прямой простой путь домой, в Хрущево, как я это видел во сне?

Сон свой я рассказал, не вставая, Ляле, и она поняла его как упреки моей совести за усложнение жизни, за отклонение от прямого пути.

— Ты бы взял пример с Барютиных, как они просто живут.

— Чем же это просто, — ответил я, — одна молится и учит детей, всегда голодная, насыщается молитвой, другая живет тоже полуголодная на ее иждивении. Спасают душу свою тем, что хоронят с утешением старушек. Им это дано: хоронить старушек, а нам дано утверждать у детей радость жизни. И если мы свою сложность, свое богатство отдадим за эту простоту — это будет тот же самый акт гордости и падение в ад.

Ляля ничего не сказала. А я подбавил еще:

— Выход из мировой кутерьмы, моя милая, для старушек умирающих, да! это выход через похоронное бюро твоих чудесных Барютиных. Но меня гораздо более увлекает пример нищего героя музыканта, переправляющего для своей любимой девочки рояль из Москвы. Вот это да, это путь. И я тоже тебе, моей девочке, обещаю устроить маленький домик. — Все-таки, — сказала она, — не такой уж очень маленький: у нас будет стоять пианино. — Конечно, и дворик небольшой, в нем будет коза...

А между тем и коза уже заказана, и пианино Замошкина ждет нашего грузовика, и дом наш совсем не велик.

Все уже есть, и огород с овощами, салат уже едим, картошка показывается. Но пусть к этой прекрасной действительности в дополнение остается мечта именно об очень маленьком домике для жизни только вдвоем и без всяких хлопот.

Для моей маленькой девочки и по-моему, но никак не по Толстому и не по Исааку Сириянину.

Этот рассказ и есть ответ на исповедь шофера Спирина (Николая Владим.): что их, комсомольцев, воспитали на идее жертвы собой для общего дела и они это показали на войне. А вот теперь с этой жертвой нельзя выйти, все переменилось, и маяк стоит другой и в другой стороне. Этот новый маяк есть Царь природы, манящий нас к себе заповедью: «Будьте как дети».

Природа может обойтись и без культуры: родился Шаляпин, артист по природе, с таким голосом и пользуется для своих высоких целей культурой, как автомобилем. Так бывает в природе, но культура без природы быстро выдыхается. В этом смысле «природа науку одолевает».

Большой хозяин если увидит непорядок и в чужом хозяйстве, вступится: у него духу хватит и на чужое. А хозяин мелкий думает только о себе: смотреть на чужое у него духу не хватает. Искусство наше словесное, живопись, зодчество, скульптура и все другие виды являются в мелкой жизни маяками, светом большого, единого духа.

Сегодня рано, часа в четыре, прилетела кукушка к моему окну, разбудила нас, и я смело решился спросить ее, сколько остается мне жить. — Пятнадцать! — ответила она и улетела.

— Ты слышала? — спросил я.

— Слышала: пятнадцать.

— Помни! и не повторяй на каждом шагу: «много ли нам жить остается». А пчел слышишь? — Слышу. — Это акация цветет.

В жаркий парной день войдешь в хвойный лес, как под крышу великого дома, и бродишь, бродишь глазами внизу. Со стороны посмотрит кто-нибудь и подумает: — Он что-то ищет — что? Если грибы, то весенние грибы, сморчки, уже прошли. Ландыши? еще не готовы.

— Не потерял ли ты что?

— Да, — отвечаю, — я мысль свою в себе потерял и теперь вот чувствую, сейчас найду, вот тут, в заячьей капусте найду.

<*Приписка:* Я ищу свою мысль, луч солнца проник. И как-то сделать, что я нашел свою мысль.>

Свежие ростки брусники, бледно-зеленые на темной зелени, перенесшей под снегом всю зиму, теперь похожи на цветы, радостно торжествующие победу жизни.

Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дожидалась увидеть младшую сестру свою землянику, и та поспешила: обе встретились рядом, весенняя сестрица, бледно-голубая фиалка о пяти лепестках, и земляника о пяти лепестках белых, скрепленных в середине одной желтой пуговкой.

Часто бывает, обрадуешься пустяку, и так, что даже совестно станет перед людьми. У нас и русские люди все больше так: радуемся всякому пустяку, потому что ничего настоящего, большого, хорошего не было.

Перепел. Рожь подымается, ударил перепел. Боже мой! это ведь тот самый, какой мне в детстве в Хрущеве кричал: у них же нет нашего «я или ты», у них перепел весь один и един: семьдесят лет и все «пить-полоть!». Как Бунин любил крик перепела, он восхищался по телефону моим рассказом о перепелах. Ремизов, бывало, по телефону всегда начинал со мной разговор перепелиным сигналом: «Пить-полоть!». Шаляпин так искренне по-детски улыбался, когда я рассказывал о перепелах, и Максим Горький... Сколько нас прошло, а он и сейчас все живет и бьет во ржи: пить-полоть! Не один он, а един, весь перепел в себе самом и для всех нас проходящих. И думаешь, слушая, вот бы и нам тоже так, нет нас проходящих: Горький, Шаляпин, Бунин, тот, другой, третий, а все это один бессмертный человек с разными песнями.

<*Приписка:* Мы поодиночке проходим.>

10 Июня. Дунино. Вчера после обеда начался летний теплый дождь, к вечеру собралась гроза и дождь стал тропическим ливнем. Гроза гремела без перерыву всю ночь, и дождь перестает только сейчас, в девятом часу. Теперь наш домик обстрелян, и я постараюсь из него никуда не уходить (если опять не выгонят).

Постараться устроить жизнь так, чтобы не отрываться от Дунина и привыкнуть к заботам, как привыкаю к заботам о машине.

После грозы в лесу вдруг открылись ландыши, но гроза и дождь еще будут: парит ужасно.

Между людьми жить — как между волнами плыть, только волнам лодку надо ставить вразрез, а с людьми — чтобы и им, и тебе ветер дул в зад.

Ум животных. Разработка темы, записанной уже на днях. (О козе, съевшей картошку, гусе, съевшем страницу, и т. д.) — Когда я был совсем маленький и меня только начинали учить, я, бывало, по глупости подумывал даже, что это нарочно учат нас скучному, чтобы нам потом для себя интересней жилось. — Я сидел на лавочке, — сказал Володя, — и читал скучную книгу. А это, наверно, все замечали, что когда на воздухе делаешь усилие читать, глаз невольно открывает в природе замечательно интересное. Вот так и тут, готовился я по литературе и читал Глеба Успенского: ужас как скучно было! И вот гляжу, стоит недалеко от меня коза и тянется к картошке. Веревку она натянула, как струну, и еще бы ей подвинуться шага на два-три: там картошка. Так читаю я Глеба Успенского «Растеряеву улицу», а нет-нет и погляжу на козу и так замечаю: она что-то задумала. Так и есть! Вдруг она обернулась, бросилась и с разбегу лбом бац! по колу, за который привязана. Я изумился и книгу опустил на колени. А коза, ударив по колу, снова натянула струну и подвинулась к картошке на полшага. И опять она лбом на кол, и еще от этого поближе, и

совсем близко, и вдруг пошла вместе с веревкой и колом на картошку. — Это ум! — сказали мы. — Нет, погодите еще, дайте мне кончить. — Это ум! Ничего особенного. — Да погодите же, дайте мне кончить. — Ничего особенного, таким умом вся природа богата. Взять хотя бы блоху (рассказ о блохах на носу у кота). — Ну, какой это ум: это просто блохе жить хочется, и она на носу кота находит убежище. Но погодите немного, дайте мне кончить рассказ о козе. — Слушаем. — Эта коза побыла на картошке час-два, наелась. На крышу под ветлу. И когда люди измучились, бог с ней с картошкой, пришла бы коза, тогда она с крыши: бе-е! я тут. Вот это ум! — И опять для себя, все равно, что блоха. А вот было со мной, тоже скучал за книжкой, а возле меня гусак ходит. Гусак вырвал страницу. Вот это ум! — Гусь не для себя: не порть книгу. Кругом зайдет, я листану, он: га-га-га! не порть книгу! Я-то не знал, что он меня учит, мне было просто смешно. И вот я листанул с шумом, одна страничка отлистнулась, но не легла, и вот гусь га-га-га! — раз! и носом своим красным оторвал и унес. — Ну так чем же это ум человеческий. — Тем человеческий, что не для себя одного. Этот гусь был учитель, мне казалось, он «га-га-га!» — а он говорил: «Не порть книгу, дурак!» И когда я не послушался... сам как-то выдрал. — Пусть даже если: я так понимаю гуся, что вот ум человеческий не для одного себя, как у козы: наелась картошки. А гусю на что страница. Он научил меня, и я больше теперь не листаю».

11 Июня. Дунино. Вчера природа привыкала к событию ужасной грозы, до обеда страшно парило, и казалось, вот-вот опять сорвутся дождем облака. Но мало-помалу обошлось, к вечеру запрохладнело. А сегодня день встал умытый, сияющий.

Полный расцвет земляники, и ландыши начались.

Мар. Вас. привезла помидорную рассаду и с Лялей посадили 150 кустов.

Приехал А.Н. Раттай и сразу обиделся на здравницу: за черный хлеб. Нашему строительству и не рад, ему это, как и теще, «суета». У таких людей вся оценка жизни происхо-

дит с точки зрения покоя, это покойники. Меня покойники эти, конечно, не собьют, но Лялю мне жалко и страшно за нее и за себя.

Ездили в Иславское покупать козу. Хозяев не застали. Купили рассаду капусты и посадили.

12 Июня. Дунино. Приходила Клавдия из Иславского продавать козу: у нее четверо детей, муж инвалид, козу продают, чтобы хлеб купить, ездят за хлебом в Эстонию. Просили 1700 р. Поехали в Звенигород узнавать цены. Оказалось дорого. Купили рассаду брюквы.

Первый раз в жизни понял, что торговать — это все равно, что воевать, в торговле сказывается весь характер человека и весь его опыт. И думать, что в торговле можно идти наразрез — это значит быть или очень молодым, или глупым. Торговля движется между двумя полюсами: 1) Выдержка (спокойствие). 2) Риск упустить покупателя или покупку.

Был в Земельном отделе: Ник. Ник. Полетаев и Серг. Мих. Буров. Рекомендовали нам меры к подготовке закрепления моего участка. Идея охраны природы на местах.

Утро жаркое. В обед гроза, и потом дождь до ночи.

NB. Стал читать Ляле, ей не хотелось слушать, но она перемогла себя и сказала: — У тебя дурное французское произношение.

— У тебя-то хорошее! — ответил я. — Я-то хоть в Париже бывал.

И, прочитав «Mouche», больше не стал ей читать и ушел, получив небольшой (полезный) ожог.

Бывает, черненькая мушка летает перед самым твоим глазом. Махнешь рукой — и не отмахивается, потому что это своя мушка, в своем глазу Mouche Volant.

А бывает, махнешь — и она отвяжется, и это уже не своя мушка, а настоящая. Вот тогда обрадуешься: это настоящая мушка! и тогда свою мушку не видишь, потому что уверишься в настоящей и свою мушку забудешь.

Новый квартальный столб стал в лесу, и рядом лежит старый поверженный, трухлявый, разъедаемый насекомыми.

Новый столб в лесу утвержден в трех лицах: с тремя разными цифрами. На всех просеках все переходящие животные, пролетающие птицы столб сразу заметили, некоторые даже отпрыгнули, пока трясогузка не села на его макушку. Когда увидели трясогузку, как она трясет хвостиком и капает на лысинку нового посланника от человеческого мира, то мало-помалу привыкли: стоит столб и стоит, нам-то какое дело!

Мой дом над рекой Москвой — это чудо! Он сделан до последнего гвоздя из денег, полученных за сказки мои или сны. Это не дом, а талант мой, возвращенный к своему источнику: дом моего таланта — это природа, талант мой вышел из природы и слово оделось в дом. Да, это чудо, мой дом!

Для иных природа — это дрова, уголь, руда или дача, или просто пейзаж. Для меня природа — это среда, из которой, как цветы, выросли все наши человеческие таланты. Я думаю, каждый человек, способный войти в себя, в свою природу, может найти там свой талант, таящий в себе и назначение, и повеление («Надо»). И еще больше! он может там найти оправдание своей воли, своего «Хочется», отвечающее движению своего таланта. И это движение есть общее движение всех цветущих растений: вверх! к Солнцу!

С детства на зеленый росток нашего таланта, как сухие листья в осеннем лесу, наваливаются чужие мысли, и их мы должны усвоить, чтобы наш личный зеленый росток мог выше подняться. Но как это трудно, среди тлеющих мыслей других людей находить свою собственную!

Вот почему, наверно, когда я вхожу летом в лес, я так внимательно, так искательно смотрю вокруг себя и особенно вниз, на цветы и на травы. Нет еще ни грибов, ни

ягод, а я это сам не знаю, что ищу, ищу и как будто где-то даже и знаю, чего я ищу, но только слов не нахожу, чтобы это назвать.

Вот я вижу сейчас между огромными елями внизу, покрытую тесно стоящими самыми нежными травками, о трех листиках с формой заячьей губы, заячью капусту. На моих глазах солнечный луч пробивается узкой стрелой через темные ели и ложится в заячью капусту. И как только луч касается заячьего трехлистника, все эти три листика опускаются, и капуста стоит зонтиком. Там где-то высоко за елью движется солнце, луч переходит, и вся заячья капуста на свету обращается в заячьи зонтики.

И я счастлив, я радуюсь: я что-то видел, что-то нашел, и даже я знаю теперь, что я искал, что я нашел: я искал свою мысль и нашел ее в участии своем личном в деле солнца, и леса, и земли. Я участник всего, и в этом находит меня и радость моя, и мысль!

Скребет что-то возле души, и от этого душа скорбит. Или это душа скорбит, и оттого по телу скребет? По-моему, и так бывает, и так. Случалось не раз — вдруг нечаянная радость придет, какое-нибудь письмо с предложением издания собрания книг — и как только скорбь с души сошла, по телу перестало скрести. Это, конечно, верно говорили в древности, что в здоровом теле — здоровая душа. Но у меня лично чаще бывает наоборот: в здоровой душе — здоровое тело. Бывает, напишу что-нибудь, и прямо прыгать хочется. Но и то, древнее, тоже верно. И, пожалуй, если вспомнить знакомых людей, то можно их распределить по шкале, на одном конце душа, на другом тело, одни люди располагаются от души к телу, другие — от тела к душе.

А может быть, вся природа вокруг меня — это сон: это кто-то спит... Везде и всюду и все в лесу, на реке, на полях и на дороге, и в звездах, и на заре вечерней, и на утренней, все это — кто-то спит, и я всегда как «выхожу один я на дорогу». Но спит это существо не «тем холодным сном могилы», а как спит моя мать, спит и слышит меня. Такая вся

наша мать-природа, и я — ее младенец: меня она чувствует и слышит во сне и по-своему все про меня знает. И тоже бывает, вдруг привидится ей, будто я попал в страшную беду. Тогда мать моя подымается, и в природе начинается гроза.

13 Июня. Дунино. Весь день дождь.

Наше с Лялей чувство природы есть чувство нерукотворного ее существа, религиозное чувство, или прямо сказать — чувство Бога.

Культура (искусство), напротив, есть поведение человека в отношении такой природы.

(Притча о талантах. Тот, кто вырастил свой талант и принес Господину больше — и есть человек культурный.)

Культура как поведение.

Искусство как борьба за первенство, т. е. за совершенное развитие природного таланта.

Было два человека, оба героя, один западный (привез для девочки на дачу рояль), другой восточный (найти соответствие и показать вещь со стороны внешней и внутренней).

Душа Ляли самое ясное зеркало души женщины с ее тайной борьбой за первенство и выходом в послушание.

Не успели мы отстроить домик свой в четыре комнаты, как она уже мечтает о маленьком домике в две комнаты: ей страшно всего большого, требующего для управления от человека власти, и она, почуяв обязательства бытия, стремится убежать в маленькое, где обязательств меньше. Отсюда и все ее «странности» (теща говорила, что в сундуке своем долго хранила сшитое и ненадеванное белое подвенечное платье и тоже не употребленный черный монашеский подрясник). На мне оба устремления, к первенству и к служению, сошлись, как сходятся они в чувстве матери: я — ее ребенок, и во мне ее чувство первенства, а она — как

мать, и госпожа, и слуга.

Первое, что включается в понятие природы, — это ее нерукотворность,

второе — ее категорический императив («Надо») с неминуемой смертью,

третье — возрождение (воля, радость, «Хочется»).

Таковы «Законы природы».

Генеральному Секретарю ССП А.А. Фадееву

Дорогой Александр Александрович!

Через полгода (5 Фев. 1948 г.) исполнится мне 75 лет от рождения и 50 лет моей литературной деятельности. Вы знаете, что я не инвалид и если пишу маловато, то это только потому, что хочется покрепче писать. Первое, что мне надо сделать к моему юбилею — это, конечно, сколько-нибудь удовлетворить моих читателей изданием хотя бы пяти книг по 20 листов собрания моих сочинений. Я напомню, что обращался с такой же просьбой и тоже к Вам лет 15 тому назад к моему 60-летнему юбилею. За эти годы из 5 книг издано четыре, а пятый том, где собраны мои лучшие вещи, вполне подготовленный к печати (и оплаченный), до сих пор консервируется «Гослитиздатом».

Итак, я очень прошу Вашего содействия в решении ко дню моего 75-летия издать в «Советском писателе» новое (сокращенное) издание моих книг, 100 листов в 5 томах, а также продвинуть издание 5-го тома в «Гослитиздате». К этому я хочу Вас уверить, что неустанно, изо дня в день мне нужно спешно работать над своими архивами, чтобы облегчить работу литературоведов после меня. Издание «собрания» создало бы материальную базу такой необходимой работы. Решаюсь напомнить Вам, что мою просьбу к Вам об издании книг к прежнему моему юбилею А.М. Горький, дело которого Вы теперь продолжаете, поддержал известным Вам предисловием. С тех пор я довольно написал новых вещей и знаю, что будь бы жив А. М., он бы наверно так же горячо поддержал настоящее мое ходатайство.

14 Июня. Дунино. Дождь моросил всю ночь, и утро хмурое, вот-вот опять пойдет, если уже и не идет: да! (посмотрел на темную ель) — моросит.

Вчера ночью вернулась Аня, и сегодня Ляля уедет к матери, и я поеду за ней, когда дожди перестанут и обдует дорогу.

Это разные вещи — как Бог утверждается в личности или как именем Его связывают людей и пользуются «для общего блага». Нам это показала история, мы это видим сейчас. Большевики борются с именем Бога, которым пользуются для политических целей. Что же касается веры личной, то скажет большевик: «Веруй, нам нет до этого дела, потому что вообще тут дела нет, а только мечта. Дело начинается, когда "собрались два-три во имя Мое", тут мы вынуждены послать информатора, и если окажется от этой веры нам польза, окажется, что за нас молятся, то мы не мешаем: пусть молятся».

Итак, и если кто-нибудь лично верует — пусть! и если «два-три соберутся» — пусть! Нам вредно и мы преследуем личное влияние на людей, мы убиваем мечту в момент ее воплощения, превращения в общественную силу.

Слово, переходящее в дело, сопровождается у человека особым чувством, похожим на свет: «Верую!». И как только такой человек произнес это «верую» — тогда кончается его воля, и его «Хочется» превращается в «Надо». Тогда все равно, какая будет среда, природа или общество — если природа, то на пути к свободе надо вынести борьбу на своих плечах, все, что выносил до сих пор человек в природе; если общество — то взять на себя бремя борьбы за достойное поведение в отношении самого человека.

Философский рисунок «Царя природы»: человек в отношении природы — это «я сам», т. е. мой талант как некое Данное, как планета в отношении всего человека: тут что

ни человек, то царь, их много, таких царей, как много на дереве разных листиков.

Так борьбой Зуйка за себя как царя обрисуется Природа. Параллельно с этим Общество — как борьба за единство всего человека, как в дереве борьба каких-то сил за единство движения всего дерева вверх к солнцу (ствол).

Человек в обществе должен расти, согласно своей природе, быть самим собой и единственным, как на дереве каждый лист отличается от другого листа. Но в каждом листе есть нечто общее с другими, и эта общность или общественность перебегает как-то по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева.

Противоречие: по начальной мысли природа есть родник талантов, по следующей — источник общественности.

Выходит, что природа есть все, но чем же отличается от нее человек, «царь»?

Человек как царь природы, весь человек — ствол дерева.

Человек задан в природе как держава единая, его движение, его рост, его борьба за единство.

Оправдание государства как ствола дерева и служащих его как сосудов...

Чувствую, что и сейчас уже здесь душа очищается от Москвы.

Муза Пришвина от хулигана мальчишки получила удар кирпичом. Раиса, прижав к груди собачку, прошла по всей деревне с истерическим криком обезумевшей матери, с резкими криками в сторону «мужиков» и хваленого русского народа: «Хваленый русский народ, скоты!» и т. п. Последняя борьба интеллигенции с мужиками в Дунине.

Разговор с Мартыновым о политике и на тему о том, что делать тому, кто приготовился отдать жизнь за общество и теперь, когда война взяла столько этих жизней, вынужда-

ется фактом мирного строительства предстать перед этим обществом как личность, как фактор творчества.

<*Приписка:* Когда войдешь в Эрмитаж или в Лувр, то Третьяковская галерея становится чем-то маленьким, какой-то мерой великого на свой аршин. Вот современное чувство, а было раньше, наверно, иначе.>

15 Июня. Очень тепло, жарко и влажно от недавних дождей. Поднимаются травы, на днях, вчера или третьего дня, желтые цветы начали переделываться в одуванчики.

Мартынов дал мне понять, что мы имеем в обществе перед собой грубый человеческий материал. За границей к обработке этого материала применяются грубейшие средства. Мы хотим быть в отношении их другими. Но ведь растет интеллигенция, для которой эта политграмота («Закон Божий») становится все более невыносимой. Эта двойная бухгалтерия невыносима. Что же делать? Приходится выносить.

NB. Канал как путь к единству природы и человека, и Бога (образ дерева: листья как творческие личности, ствол как единство всех, рост как движение к Богу).

Мой путь был, как у нас было теперь до войны, путь жертвы: идеалом было отдать себя для общества. Смущенным я жил в Германии после тюрьмы, до Парижа. И тут эту мечту — отдаться — перенес на Ину*.

Оказалось, что женщина сама ищет, чтобы кто-нибудь взял ее «в жертву», и так вышло, что две жертвы друг у друга просили своего поглощения: костер просил у Авраама огня, как Авраам просил [огня] у Бога, и Он ему ответил зарей.

Так вот теперь это состояние жертвы, просящей огня, стало не удовлетворяющим всех; как будто Авраам, увидав эти сырые поленья, не захотел для них просить у Бога

* Ина — имя главной героини автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь», прототипом которой стала Варя Измалкова.

огня — не захотел и отвернулся. И каждое сырое полено задумалось, как быть ему теперь, чтобы стать достойным костра для жертвы Авраамовой.

Вот именно это чувство своей личной недостойности костра Авраамова заставило меня взяться за личное дело...

Самое главное, самое необыкновенное в моей жизни было, что я, рядовой, необразованный, претенциозный русский парень, мог выйти из состояния жертвы для общего дела и подготовиться к той заре, которая зажигает костер Авраамовой жертвы.

Если не забылось, то в Евангелии выражена любовь так: «нет большей любви, как отдать душу свою за други своя». Но мы все сейчас чувствуем, что это не вся мораль, что этого теперь мало.

И вот пришло время — хочу жертвовать собой, но сырые поленья моего костра такие сырые, что явись сам Авраам и помолись, так и то не взошла бы заря, от которой когда-то загорались жертвенные костры.

Друг мой! просуши сначала свои поленья, а потом подходи к жертвеннику.

16 Июня. Дунино. Ляля уехала в Москву со случайной машиной.

В одиночестве хорошо читалась работа.

Вечером ужасно болтал у Мартынова.

Ночью шел дождь и гремела гроза.

17 Июня. Дунино. «Миссия писателя сливается с миссией журналиста, который стал теперь — особенно во Франции — отбросом интеллигенции» (Повель).

Диалектика преломляется в голове простого человека в том смысле, что вечного ничего нет, вечно только мгновение своей личной жизни, и его надо ловить.

<*На полях:* Партчеловек Мартынов на мой отказ идти на пленум сказал мне в утешение:

— Трудно учесть значение такого поступка: сейчас кажется нехорошо, завтра об этом не вспомнят, а послезавтра окажется — очень хорошо, что не пошел. (Диалектика.)>

Ходил пешком на лесопилку (с 9 утра до $1^{1}/_{2}$).

После ночной грозы в лесу как в теплице. Влажный ветер играет с одуванчиками. Ландыши и земляника цветут. Пахнет рожью: она зацветает, и показались васильки. Облетает акация.

18 Июня. День встал из речного тумана, сияет теперь и жаркий и влажный. На акации показались стручки.

Вечность и диалектика сигнализируют простому народу противоположно разное поведение. Напр., вечник смотрит на своего начальника в смысле «несть власти, аще не от Бога», а диалектик смотрит разве только на дела: от начальника он зависим в деле, сам же по себе начальник как человек — что-то вроде «легавого».

Две таких «философии», впрочем, были от начала веков, Платон — вечник, Аристотель — диалектик.

Необходимость держать машину в порядке и в то же время самому не работать заставила меня наконец-то понять современного администратора, способного на всякое дело: администратор действует главным образом силой внимания своего. У него внимание, собранное на частности, напр., кожа, так одна только кожа. Этой силой наживали капиталисты свои миллионы. (Рассказ Волкова.)

Итак, для порядка в машине нужно не доверять ее шоферу и не самому работать: нужно знать состояние ее механизма, т. е. быть внимательным (знание есть накопленное внимание), и направлять рабочую силу на слабые места. Организация производства есть организация внимания всех. (Производственное внимание.)

Начинается все с того, чтобы самому физически не работать (работает мотор), а управлять работой силой сосредоточенного производственного (рабочего) внимания.

Раскрылась тайна гонений на мою «Фацелию». Какая-то гнусная баба работала у Ставского в редакции «Нового мира». Мой очерк «Пауки» она поняла в подтексте как апологию кулаков, написала доклад в ЦК и отсюда все пошло. Мартынов, зная об этой гнусности, не имел права, как партийный, сказать мне о ней, а посоветовал написать Сталину.

— Чем это лучше, — сказал я, — чем удар кирпичом деревенского мальчишки по чудесной собачке?

— Хуже, много хуже! — ответила Анна Ивановна, жена Мартынова.

— Тогда почему же вы так смотрите на строительство Беломорского канала, будто зло собралось только туда: везде кругом нас зло, и радость наша состоит в борьбе по расчистке жизни от мусора зла: расчистил немного, и является радость жизни... И чем труднее дается в борьбе этой победа, тем она слаще.

И так дознано, что мученичество и блаженство сходятся иногда в одном «прекрасном мгновенье» (как вышло это у Фауста). Итак, друзья мои, не бойтесь страданий за веру свою: верьте! и страдания ваши станут пылающими дровами огня вашей любви.

Весь народ наш стал мучеником на пути к добродетели (добрыми намерениями устлана дорога в ад). Пророков нет, ведут экономисты. Дорога сама выходит из тумана.

<*Вымарано:* Раньше праведника мучили, и он умирал в блаженстве, и народ чтил свою жертву. Правда нашего времени в том, что не личность делается жертвой, а весь народ.>

Двойная бухгалтерия.

Не забыть, что из разговора с Мартыновым выяснилось — наша несвобода людей культурных выходит из государственной необходимости регулировать влияние культуры на массы <*вымарано:* напр., вся наша молодежь,

если ей окажешь свободный доступ к культуре, не станет заниматься политграмотой (соврем. «Закон Божий»)>.

Где-то в лесу невидимые существа ожидают от меня большого добра, и я иду для них, как богатый дядя. Слава Богу, желудок у меня хороший, я оставляю им хороший подарок, и они все начинают слетаться, сбегаться, сползаться. Тогда начинается великий пир и наслаждение ароматом моего подарка.

А ведь это верно. И как это ужасно, что все на свете живет и ценит жизнь «со своей точки зрения», между тем как человек — на то он и человек, чтобы заставить всех и на все смотреть с единой его человеческой точки зрения, чтобы для всех говно пахло говном, а роза пахла розой. Тут, конечно, бессмысленно действовать прямо, а [надо] хитрить, облекаясь в мудрость или в диалектику (мудрость — это мир с точки зрения вечности, диалектика — тот же мир с точки зрения его становления).

19 Июня. Вчера после жаркого дня, вечером, Раиса попросила меня проводить ее «до ржи». Дошли, убедились, что она зацветает. Стало прохладно, мы повернули назад. Она мне рассказывала о своих снах: как она ехала на коне и с ним разговаривала и сладко засыпала в меру движений коня. Вдруг ее обступили нечистые духи, она подняла руку и стала их заклинать, и они стали опадать вниз, а добрые духи пришли и навеяли на нее сладкое забытье.

Восхищаюсь личностью Савонаролы, понимаю его как Христа из «Великого Инквизитора» и ничего подобного не могу найти в русской истории, и так эта наша история мне кажется бедна. Но при свете итальянского Возрождения ярко встает время конца нашего царизма с расцветом искусства. Такая яркая вспышка и потом «голые годы», и как их одевали и создавали текущие годы принудительной добродетели.

В «голые годы», помню, бульвары были усыпаны презервативами, и маленькие дети их находили и наду-

вали. А теперь художникам даже запрещено выставлять голое тело, и при похоронах какого-нибудь писателя статуя Венеры Милосской на лестнице завешивается простыней.

Много скромной и трогательной добродетели в нашей истории, много вмешанных в нее «мертвых душ», но нет ничего яркого, и все выдающееся не выдается из высокой травы поповской и революционной добродетели.

Смотрите на одуванчики: каждая шапочка круглая и каждый зонтик в шапочке ждут своего ветерка, но когда дунул ветер и взял с собой зонтики, тут уже воля ветра, куда ему нести одуванчик.

Начинается все на свете с того, что самому хочется. На горе навис снег, и ему, конечно, хочется упасть... Одуванчик ждет ветра, и ему хочется разлететься в зонтики. Мальчику хочется...

Так все на свете у всех начинается с того, что «хочется». Но только свалился снег с вершины горы — прощай «хочется»: снег собрался в огромную массу, и лавина летит, как ей надо лететь, и одуванчики по ветру летят, куда им надо лететь, и мальчику захотелось уйти — пошел, и теперь больше нет ему своей воли: ему надо идти.

К «Царю»: если человек поднимается — ему это Хочется, но ему Надо поднять за собой и то, что называется природой (землей): ему надо быть внимательным для этого и милостивым. Такое самое широкое понимание отношения Хочется и Надо.

20 Июня. Днем жарко, к вечеру немного прохладно. Люди купаются. Подготовляю распиловку леса. Впускаю силу внимания, как жало, в «Царя», и мед во мне собирается. Так пусть и установится: пусть цветет, наливает и спеет рожь, во мне будет вырастать своя собственная рожь, и не уеду, пока не выращу.

Природа показывается в своем волшебном виде, когда сам чем-нибудь стиснут — книгу ли читаешь трудную — голова ломается, в машине скрюченный что-нибудь подвязываешь, или в постели, замученный кошмарным сном, — выглянешь из себя и страшно обрадуешься: какая там, в природе, волшебная жизнь! Хочется все бросить и бежать туда. И что же? Брось, иди, но только помни: бремя твое с тобою пойдет, и чем лучше, чем волшебней впереди там будет твое Хочется, тем труднее тебе будет нести свое Надо.

Калинин, слесарь — президент; Мартынов, научный сотрудник — монтер, и вообще «добрый коммунист» из рабочей среды является. Еще вот Полетаев, и много, много их! Это все «тело» нашего коммунизма, то, что выстаивает (Сутулов), выдерживает: это средний необходимый человек. Это естественное Надо, это «само собой» является в народе в решающий момент войны или строительства, это чувство всего человека: это весь человек в совесть приходит, а что «я» — «это не важно».

(Такой был Киров и мой рабочий в Хибинах.) Тут и вера в науку (как мой дядя учил энциклопедический словарь).

Оргия у Коненкова: все стараемся проиграть хозяину на вино, а Горский ведет в игре тонкий расчет (образ глупого кулака). Детская наивность и жестокость детская.

Лариса Леонидовна Мутли рассказывала с горечью о своей женской доле: муж ее Андрей Федорович на одном конце сочиняет учебник музыки, на другом конце она чистит картошку. Она ведь тоже преподаватель музыки, она бы тоже могла вести молодых людей вперед, но она женщина, она прибита гвоздями к земле и должна чистить картошку — «вот откуда истерика».

— Но ведь картошку-то вы покупаете на средства, выручаемые за учебники?

— Вот тут-то еще больше, тут-то вся истерика: ему нельзя мешать сочинять, и так я должна сидеть на одном

конце стола, молча чистить картошку, молчать и молчать, потому что на другом конце он сочиняет.

На этой же почве у Ефр. Павл. вырастало недоброе чувство ко мне как к сочинителю, к самому моему делу. На той же почве у Ляли бывают минуты холода в отношении моих писаний и некоторая претензия на мое признание ее женского героизма (истерику она признает распущенностью).

Вот пример. Она заметила, что скрещивание колючей проволоки на заборе надо закрепить узелками из проволоки. — Поговори с Ваней, — сказала она. И потом после: — Поговорил? — Да, — ответил я, — он согласился. — Сделает? — Закончит скрещивание и сделает. — Бесплатно? — Думаю, что бесплатно. — Ты поговори с ним, чтобы бесплатно. Через некоторое время: — Ты поговорил? — Я соврал: — Поговорил. — Бесплатно? — Какие это пустяки, наверно, он не возьмет. Разговор замялся в неудовольствии. Вскоре приходит Ваня: — Я кончил. — И узелки сделал? — Нет, об узелках мы не договаривались. Вот тогда и началась истерика, т. е. Ляля вся красная, взволнованная в течение долгого времени жаловалась мужику на жадность мужика и на непонимание интеллигентного труда и т. д. После того она ночью сама с собой каялась, мучилась. Все понятно! Но вот что плохо: я принял истерику всерьез и повел свое раздумье о нашей жизни, о даче, о теще и т. п. Между тем мужчине никогда нельзя всерьез считаться с истерикой, всегда стоять выше. В сущности истерика и есть искушение мужества, есть требование женщины от мужчины силы. Мужчине нужно успокоить ее, в этом все. И конечно, еще и профилактика: не довести до истерики, имея в виду не очень-то и баловать и потакать, и главное, понимать, что есть на свете прекрасные женщины, которые отлично справляются и с семьей, и с профессией, и что, конечно, истерика в существе своем есть лукавая распущенность.

21 Июня. Дунино. Царственное утро после грозы и дождя. В лесной тени нашел последние пышно расцветшие ландыши.

Приехал Ваня проститься со мной (получил место шофера на родине). Я сейчас же его простил, дал ему всякие рекомендации и послал на машине за Лялей. Завтра рано он их привезет. Пишет Ляля, что теща слаба. И вот все-таки она ее везет! Причина сложная, и думаю, что Ляля в конце концов делает правильно: верю ей, радуюсь и горжусь в себе тому, что верю...

— Вы почему же сами не поехали за тещей? — спросил Василий Ив. (столяр).

— Слаба она очень, — ответил я, — мало ли что в дороге бывает, в ямку попадешь, встряхнешь, а с ней что-нибудь случится плохое.

— И скажут: нарочно! — заметил Вас. Ив.

Я ничего не мог возразить, потому что теща в народе существо недоброе, а лично Нат. Арк. он никогда не видал и отношений наших не знает.

Раиса дописывала мой портрет одна, без модели. Я подвинул стол под лампу, постелил чистую скатерть, поставил букетик ландышей, принес из других комнат стулья, симметрично расставил. Стало очень хорошо, и гостей своих я мог теперь встречать спокойно. Раиса сделала последний мазок, села к столу и зарыдала.

С ней было почти то же, когда она заканчивала Лялин портрет. Тогда она говорила, что чувствует себя опозоренной, брошенной на проезжей дороге.

Теперь я спросил: — Почему? — Она сквозь рыдания ответила: — Из-за скатерти, что вы стелете, ждете, что вы уютный человек...

Вероятно, она по отцу тоскует, и что ее личная семья не вполне соответствует тому чувству гармонии, какая у нее была когда-то, у единственной дочери, с отцом и матерью... В том и другом случае при конце работы, при последнем мазке является чувство невозвратимой утраты или позора бытия.

Вот как движутся женщины в творчестве.

Обедал у Мартынова Ивана Андреевича. Он честный коммунист, не имеющий в совести своей (отчасти тоже,

может быть, и от страха) права открыто высказывать <*вымарано:* свои сомнения>. Но само его симпатичное внимание при выслушивании сомнений моих в области литературы показывает, что сомнения в нем существуют. Я их хорошо понимаю, этих коммунистов, привлеченных к литературной работе: они в литературе как телята, привязанные на колах экономики («usher liegt schöne grüne Weide»* — вспомнилось из «Фауста»).

Мартынов спросил меня, кого из писателей я теперь считаю ведущим...

— Я сейчас, — ответил я, — делаю последние усилия сказать свое слово погромче, чтобы меня и глухие услышали. Мне некогда смотреть по сторонам, разбираться в том, кто ведет, кого ведут. На вопрос ваш, кого я считаю ведущим, отвечаю: себя.

А надо бы так ответить:

— Видите ли, Иван Андреевич, я еще юношей, комсомольцем XIX века, переживал этот детский вопрос, переходил этот первый овраг сознания, имя которому «почему?». На вопросы юношеской души о любви, о семье, героизме, романтизме, поэзии мне был дан ответ:

— Все это надстройки экономического базиса, ищи во всем экономику.

Смысл этого требования только теперь делается ясным: всем людям в борьбе за существование свойственно первичное непреодолимое [стремление] к материалам питания, к этому «экономическому материализму», и весь люд, если захватишь в свои руки весь его хлеб, может быть обращен в материал на перековку разрозненных индивидуумов, сословий, каст, классов в единого всего человека, в общество, где каждый будет за всех и все за каждого. Создание идеи «экономического базиса» произошло, вероятно, на почве подмены законов духовных личности (веры) законами знания (как делал Базаров: человек умрет, ло-

* «Usher liegt schöne grüne Weide» — зеленый лес разросся и шумит.

пух вырастет). Произошло в человечестве то самое, что в искушении Христа — обращение камней в хлеб.

И вот теперь во всем мире стал вопрос: как и чем связать всего «простого» человека. У нас решили его хлебом связать, у них, на другой половине мира — на словах Христом, на деле же грубыми средствами, обманом, подкупом, страхом и т. д. (чего стоит газетная молитва Рузвельта!).

Там говорят: — Не о едином хлебе жив человек!

Тут говорят: — Будет хлеб — будет все. Покажите нам человека вне зависимости его от хлеба.

И вот этого не могут показать там.

Но мы, культивируя «экономический базис», вот уже 30 лет не можем создать даже мысленную «надстройку» над «экономическим базисом» и не создадим никогда, пока не забудемся от этой зависимости, не преодолеем непосредственное влияние на свой дух извне чувства голода, грубого страха за жизнь.

<*Приписка:* Нужно забыться, чтобы запеть.>

Всем сразу «забыться» нельзя, может забыться личность и как таковая влиять. Вот это влияние личности и является, с точки зрения «экономического базиса» («правды»), иллюзией, вредным обманом, и эти личности у нас систематически уничтожаются, и с ними уничтожается творчество, и через это самый-то и хлеб плохо рождается.

(К этому: удивительно серая история нашего социализма, и как жалки эти фигурки Ленина на площадях, как совсем ничего мы не знаем о Сталине: его нет среди нас как личности: он — это мы все. Страшно!)

Но я утверждаю, что каждый из нас, сделавший хоть что-нибудь от себя для Советского Союза, непременно забывался от влияния «экономического базиса» и сознательно или бессознательно действовал в духе, как искушаемый Христос: «Отойди от меня, сатана!». И так, создавая, делался «царем природы».

Итак, мы не отвергаем существа «экономического базиса» (природы, хлеба), но мы утверждаем, что это не все в человеке, что, утверждая базис хлеба, мы сосредотачиваем мысль свою на частном существе человека, хлебе, мы ограничиваем всего человека до того, что для творчества своего он должен забываться от «базиса». Нет, он не забывается, он только входит в себя, в свой дом Царя природы, Христа.

Мы разделяем всего человека и властвуем, но мы здесь со своей «правдой» противопоставлены обману там. Шестерня наша здоровая, целая, но ведущая там шестерня истерлась, мы взываем ко всему миру: дайте нам ведущую часть здоровую, крепкую на место истертой. Делайтесь там, а мы вас здесь подождем!

NB. В другой раз записать по своему опыту, как я забывался от «экономического базиса».

Конечно, Шаляпин для того, чтобы жить и петь на весь мир, должен был хорошо кушать, но соберите тысячу людей, кормите, учите их с утра до ночи, и Шаляпина этим не выходите, потому что талант Шаляпина от природы и нерукотворный: он дан, и нельзя его сделать.

И все так на свете нам основное дано, наш талант нам дан от природы, и наше дело человеческое — вознести наш талант к Богу умноженным. У нас же безбожники стремятся, напротив, узнав законы природы, взять их в свои руки с тем, чтобы заменить творчество Божие творчеством человека.

По одному пониманию Царь природы является представителем Бога, рабом Его, занятым умножением божественного Добра. По другому пониманию Царь природы есть человек, умножающий и потребляющий природное Данное для себя самого, для такого же человека, как сам, эфемерного существа, похожего на искру в прерывателе электротока.

«Весь человек», как я о нем думаю, и есть Бог. И вот тоже то самое, о чем марксисты (рядовые) думают как о «надстройке», есть Бог. Возможно, что «хлеб» («экономи-

ческий базис») соответствует движению существа Божия, как соответствует облаку тень его на земле.

Тоже похожа эта подмена причины следствием в движении Земли вокруг Солнца: не Солнце вокруг Земли, а Земля, шар. Но самому человеку, в его сердечном и существенном обиходе, земля остается плоскостью и солнце «всходит и заходит». Итак, знание законов движения планеты не исчерпывает всего факта бытия человека. Так точно и знание закона «экономического базиса» (хлеба) не исчерпывает и не заменяет нам самой «надстройки» и, главное, вовсе не дает нам в руки ключа к управлению человеческой этикой, как не дает ее открытие атомной энергии: знание это не дает нам уверенности в том, что пойдет эта новая сила в сторону добра или зла.

22 Июня. (Кажется, что в этот день солнце повертывает на зиму.)

День «божественный». Ваня привез тещу с Лялей и Катериной Николаевной. Нашу радостную встречу (7 лет борьбы за счастье!) начинает поглощать умирание тещи, и от этого очень тяжело. Но не надо смотреть туда, в сторону умирания, надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, и рождать его, воплощать — значит творить.

Эти дни мысль моя не покидает Сталина: он, конечно, тем гениальный и единственный, что совершенно скрыл лицо свое человеческое в делах общества: для нас всех Сталин — не человек, а какая-то центральная сила нашего времени. Он и Ленин-то к этому шел (как, может быть, и вся наша довоенная революция, а может быть, история вся), но Сталин все собой завершил и, как грузин, в своем усердии идейном, воздвиг на пьедестал безликое имя в мраморной шинели.

Небо безоблачное, травы достигли всей высоты, дошли до своего предела и все зацвели. Кипит жизнь пчел, шме-

лей. Шиповник цветет. Но я, все зная, не смотрю на меру. Я царь природы и делаю больше, чем все они.

23 Июня. Какие дни! Вот бы сюда Троицу. И все еще кукушка кукует.

Горе мое, горе мое, Ляля больна. Стала такая нервная, глаза в темных кругах. Восьмой год все мечтаю убежать от умирающей тещи. И куда ни побегу — теща за мной. Но все-таки я не оставляю мечты освободить когда-нибудь Лялю от тещи. <*Зачеркнуто:* Но если расстроится Ляля, то даже и мечта не придет от нее убежать. Тогда останется только самому стать на путь умирающего. Тяжело думать об этом, скорей писать «Царя»!>

Весь день перечитывал «Царя» и напитался радостью, чувствую, что сделаю «Царь природы» — это выражение ее движения к единству, это ствол и держава, это кто душу свою отдаст за други своя, это личность человека, растворенная в деле собирания всей природы и всего человека в единство. (Вспомнить последовательно в своей удивительной внешней скромности деятелей нашей революции начиная от декабристов и кончая Сталиным, о котором как личности никто ничего не знает.)

Надо Сутулова изобразить как Сталина и Сталина понимать как предел ухода личности в дело (общество). В конце через портрет на воде намек на Сталина и в самом конце через появление Зуйка, ребенка-наследника, намек на разрешение русской революции: является радостный дух, рожденное дитя, завершающее радостно муки родов.

24 Июня. Проходят дни, в которых содержания больше, чем могут вместить наши человеческие сосуды, а потребительское, дачное отношение к природе неприемлемо. (Перцов ходит в сиянии — а какая страшная рожа! — и восклицает: какая природа, какой край! и т. п.)

Был лесничий Антонов и напомнил о необходимых хлопотах по закреплению участка.

Ляля хворает почками и все дергается: то косить траву возьмется — и скондрится, то вдруг заленится сходить за молоком.

25 Июня. Встречал на лавочке зарю наступающего дня, и «равнодушная» природа охватывала наш человеческий мир. Это не равнодушие, а большая жизнь, большой великий путь, предоставленный и муравью: иди этим путем, и ты, муравей, станешь тем же самым царем природы, каким показал себя человек.

Долго смотрел я туда, и душа моя, расширяясь, восходила, как на гору, и внизу открывался человеческий муравейник, жизнь людей «промеж себя». Это не равнодушие, а большой широкий путь человека.

И вот это «большое» мне и нужно изобразить в последнем плавании Зуйка на плавине со зверями. Канал показать как разрешение борьбы между «Надо» и «Хочется» на большом пути всего человека.

NB. Моя молитва ежедневная будет о том, чтобы на этом пути моем (работа моя) я преодолел то жалкое мелкое чувство, исходящее от неумирающей тещи.

Что делать, если Ляля не хочет помогать мне или не может: все мы с какой-нибудь стороны ограничены. И может быть, сама Ляля потому и не помогает мне, что верит в меня: Михаил выбьется сам.

Мартынов, коммунист, электромонтер, достиг положения научного сотрудника в музее Горького, и уже, конечно, у него, как и у Калинина, и у всех таких людей, танцующая балерина есть категория нравственная и к ней надо относиться с благоговением.

Первые ягоды земляники.

Какая-то птичка, бывает, откуда-то со стороны явится перед окном, подержится в воздухе трепетанием крыльев на одном месте против окна, как будто только за тем, чтобы заглянуть в комнату и улететь.

Помню, мать моя была иногда с большими мрачными, черными глазами как потерянная, и нам было тогда страшно. Такие дни внутреннего расстройства и у меня бывают, и их Ляля знает. В эти дни обычная любовь к ней и чувство гордости покидают меня, и как злая сила, отнявшая у меня Лялю, выступает теща. Когда это настроение проходит, мне за него бывает стыдно. Сейчас оно проходит, и мне за себя уже стыдно. Хорошо, что Ляля не читает моих дневников.

25 Июня. И еще такой жаркий тихий день. Кукушка напела мне 50 лет жизни. Увидел первую землянику и поднес ее теще. Работа по «Царю» все еще сводится к усвоению написанного, собиранию в себе единства всей вещи. Теперь остается написать, имея в виду свободу в письме, легкость в чтении, доступность всем, как в «Кладовой солнца».

26 Июня. Утро, как и вчера, золотое. Болезнь маленького человека, слава Богу, прошла; проснувшись, почувствовал прежнюю любовь к Ляле, обнял ее сонную и со стыдом отказался от своего маленького человека, ведущего смешную войну с тещей. Это «маленький человек» дается в наказание всем, кто способен шириться душой. Ясно вижу его в моей матери, в брате Саше, в Сереже. Вероятно, в том или ином значении он живет в душе каждого человека и вполне отвечает тому, что называется «самолюбием», с той разницей, что какая-то доля самолюбия признается необходимой («никуда человечек: у него совсем нет самолюбия»), а «маленький человек» в лучшем случае признается как необходимость, как факт: «все мы люди, все мы человеки, ничего не поделаешь!».

Ездил по жаре в Звенигород, привез землеустроителей и, кажется, обошел истинного «маленького человека», представителя Академии наук Шахновского (самолюбивый трус).

По этому случаю явились размышления о природе власти. С двух сторон я подошел к этому. Началось с земле-

устроителя Сергея Александровича Бурова: у него 12 лет тому назад умерла жена, и сколько-то лет до ее смерти он уже должен был делать всю женскую работу, стирать белье и т. д. Дочь 12-ти лет умерла от менингита. Во время войны Буров пошел добровольцем, партизаном и после войны остался стариком без дома с сердечной астмой и отдался службе всей душой.

Так, утратив свой личный дом, он полезно для общества превратился в землеустроителя, стал орудием власти, и можно сказать, что личность его, душа его стала властью, он стал жить не как ему Хочется, а как ему Надо.

Взять моего любимого физика Реомюра, который, утратив себя, свою живую душу, превратился в полезный обществу термометр, орудие власти человека над здоровьем, отчасти погодой и т. п. Такого рода переход от личного человека к общему выражается евангельским «нет большей любви, как отдать душу за други своя». Таким образом, личная душа человека, накопляясь, обращается в общественное богатство, называемое властью.

Два года тысяча рабочих на моих глазах делала Каменный мост и сделала: мы их не знаем, кто делал, а мост стал орудием власти человека над водой реки Москвы. И так все строители лично умирали, чтобы в Москве объявился Каменный мост.

<*Вымарано:* И миллионы людей умирали, чтобы создать Сталина («за Сталина!»), представителя всей власти СССР.>

Таков и естественный, и божественный порядок образования власти. Но есть и какой-то другой порядок, назовем его порядком демоническим. Это порядок не образования или производства, а потребления власти, не жертва личностью, душой, а напротив, захват власти для себя лично, для своего индивидуального пользования. «Нет власти, аще не от Бога» есть боевой клич истинной власти с демонами-похитителями... И вот рабочие дома отдыха Академии не потому ненавидят Шахновского, хитрого еврея, что он им каждому естественно неприятен,

как представитель власти, т. е. общего начала, общего Надо, в которое, умирая, должно войти каждое Хочется, каждая личность; они, учитывая это естественное обстоятельство, судят его как похитителя власти, чувствуя в существе своем, что при другом, настоящем представителе власти их работа была бы полезнее.

(NB. Бодров сегодня сказал: — Если какие рабочие моют руку директора, то значит, они идут против товарищей.)

Итак, борьба за власть есть борьба тех, кто отдал душу свою за общее дело людей, с теми, кто похитил ее для себя. Путь Ленина — Сталина есть сплошь путь жертвы личной для общего дела.

Вспомнить: начало этой религии марксизма было в проповеди Плеханова о коренном превосходстве «экономического фактора» и второстепенной роли личности в истории. И в конце концов практическая демонстрация этого в поведении Сталина, увенчавшего аскетическое направление всей революционной интеллигенции. Между прочим, характер этого поведения революционной интеллигенции почти сливается с характером православного духовенства, если сравнивать его с католичеством.

Надо еще вспомнить, как сурово все эти 30 лет революции пресекалось всякое личное выступление, как поощрялось выступление от лица коллектива, Стаханов, Островский и подобные — сплошной Максим Максимыч, капитан Тушин, толстовский Кутузов. И все революционеры (Савинков резко выскакивает из этой цепи, как авантюрист), народовольцы, народники, марксисты выступают с жертвой своей личностью в пользу копилки власти.

27 Июня. Продолжается жара. Днем подходили тучи с громом и разошлись. Природа показывается... Так много всего сейчас стало на лугах, на воде, на коре старого дерева, так это больше всего, что можешь увидеть, глядя в упор, что в общем только чувствуешь — хорошо! а... вот когда книжку читает человек или сам сочиняет книжку

и вдруг выглянет из себя, он может застать, захватить врасплох... Вот коршун взмыл и парит над лугом, а над письменным столом паучинки спустились и, пользуясь легким сквозняком, парят над моим письменным столом. (Тема.)

28 Июня. Начинает хотеться дождя.

Визит Фриды и разговор о климаксе директора, мужчины в 48 лет, что он больной, до того нервный, что боится часто выходить к людям, приходится управлять людьми из-за угла. Притом же он еврей, и так вот выросла эта угрюмая, надменная фигура, похожая на дьявола, взятого рабочими в плен. И только я сказал Вас. Ив-чу, что он «больной», тот сразу же начал крыть его и выкладывать по пальцам преимущества его жизни перед нами всеми. Вас. Ив., многосемейный, какой-то неутихающий червь труда, ненавидит директора не за то, что он директор, а что чужой трудовому человеку и живет не для дела, а для себя. С этим прицелом на ведущих людей, взявших на себя «Надо» и живущих для своего «Хочется» (для себя), и выступает русский коммунист против всего мира. Варварская сила, очищающая мир от клопов, убивает и те невидимые существа, без которых невозможно устроить хорошую жизнь.

Вчера Ляля при Раисе вспомнила, что Магницкий говорил о культуре администраторов нетрудовых: администратор не должен работать. Раиса обрадовалась: — Чудно, чудно! — Я вспомнил, как мать моя, сама работая с утра до ночи, стыдилась чай пить на виду у рабочих и нас, детей, учила такому стыду. — Неверно! — сказала Раиса, — надо было учить не стыдиться.

Раиса родилась в университете, и ей дороги не преимущества богатых, а неприкосновенность идей.

Таким образом, у нас и во всем мире теперь борются не два класса, капиталистов и рабочих, а и третий класс, промежуточный, класс людей, оберегающих свободу идейного творчества.

Итак, значит, такому писателю и человеку, как мне, требуется провести личную линию в неприкосновенности от нападений, упреков, подкупов и ударов с той и другой стороны.

В лесу. У хороших коммунистов из рабочих (вроде Калинина) есть своя классовая притупинка, подобная притупинке аристократов и вообще всякой «породе».

Если сделать рукой козырек от солнца и смотреть на лесную полянку, то нити паука бывают от солнца радужными, а колечки паутинной сети, подвешенные над поляной, колышутся с перемещением радужного сектора.

Пришло время голубых колокольчиков.

Чудо происходит из личной веры, и его происхождение должно быть окружено такой же совестливой тайной, как и все наши лично-интимные отношения. Но если чудо явилось как факт, то на него, как мухи по запаху, летят все и потребляют, не задумываясь о его происхождении, как будто само собой понятно, что Бог до ветру ходит чудесами и надо спешить за Ним подбирать. Таким чудом является вся природа нерукотворная и то, что создает человек: его мосты, города, каналы, книги, картины, музыка. Так на свете творятся чудеса, неустанно мы их порождаем и неустанно их потребляем.

Надо оставить дома заботы, исполниться внутренним желанием радости, не торопясь идти, размышляя, внимать. Тогда все отвечает твоему вниманию, какой-то голубой колокольчик кивает, какая-то моховая подушка под сосной приглашает присесть, и белка, заигрывая, пустит сверху прямо в тебя еловую шишку.

Нужно смотреть в природу внимательно и мыслить по-человечески. И вот когда в мыслях заблудишься, тебе в поправку, в помощь показываются чудесные существа и,

улыбаясь, сверкая росой и красками, радуясь, возвращают тебя на верный путь.

Я этому верю, я это знаю наверно, что так бывает, и потому позволяю себе думать о всем, что только захочется, и даже о всем недозволенном. Я мыслю, как мне только Хочется, уверенный в том, что природа поправит меня и покажет, как Надо мыслить всему человеку.

Есть такие травки — метелочки, их как увидишь, так сама рука, приученная к этому в детстве, сдергивает метелочку с загадом: курочка выйдет или петушок? Совсем маленький мальчик удивляется, а тот, кто постарше, кто учит и лукавит уже, тот знает секрет: если, сдергивая метелочку, прищипнуть кончик, выйдет хвостик — и это петушок, а если сдернуть до конца — курочка.

Композитор слышит какие-то звуки, расстанавливает их в порядке на бумаге, обозначая крючками, и с трепетом передает исполнителю. И вот эту музыку мы слышим, с волнением узнавая в своей собственной душе друга своего, композитора.

Так, наверно, религиозные люди, вникая в нерукотворную природу, узнают в душе своей друга своего, <*зачеркнуто:* Бога> Творца видимого. Так и книги пишутся, и картины, и дворцы строятся, и возникают богоподобные фигуры. Все такое начинается тем, что одинокая душа ищет своего места в Целом, переполняется желанием, как грудь женщины молоком, и на желание приходят...

29 Июня. Рожь цветет. Бывает, ляжет вода — ни рябинки! И облака тоже не изменяются, и что так редко-редко бывает: сама душа человека спокойна, праздник и мысли, и сердцу.

Есть в природе борьба за существование, где каждый борется за свою собственную жизнь, а у человека сверх этой общей со всей природой борьбы есть еще борьба за первенство. У нас мало того, чтобы самому выжить, нам

хочется и людям помочь. Мы это делаем невольно, как мучится невольно женщина, рождая нового человека, и ей кажется, будто этот новый человек у нее будет лучше всех. Так и мы в борьбе за первенство, за свое представительство в лучшем получаем власть вести за собою людей и спасать их. Конечно, и маленький Зуек, как только явились намеки на победу в борьбе за существование, тоже почувствовал приближение желания кому-то помочь, кого-то спасти. Но вокруг людей не было, и ему оставалось лишь первенство среди зверей. В борьбе за первенство рождается власть, и он чувствовал в себе эту власть... Один из планов «Царя» — это представление власти в своем происхождении как борьбы человека за первенство. «Имеющий власть» есть представитель борьбы человека за свое первенство. NB. Указать где-нибудь в «Сказании о венике», что не в одиночестве сила прежних пустынников, а в наличии такой крепкой связи между людьми, что можно было и в одиночестве жить, как будто с людьми. И что «слабость» пришла не оттого, что люди вместе сошлись, а что подчинились. Мы спрашивали бабушку: — Выходит, что парить веником грех? — Глупенькие вы, — отвечала Мироновна, — париться своим веником нет никакого греха, а из рук нечистого веник — это соблазн. Я же вам сказала, что веник был у отцов искушением: они пошли на него и обрели слабость.

Теща и Катерина Николаевна — это совершенно как две куклы, одна (теща) кукла — царица без подданных, другая — просто курочка.

30 Июня. Роскошно знойный весь июнь кончается, на небе беспокойно, ветерок, к вечеру похолоднело.

Ходил пешком на лесопилку и думал о своей работе «Царь».

Ясно складывается, что будут три части: 1) От начала начал до ухода старухи. 2) От приезда рабочих до прихода воды последней весны. Посвящено раскрытию сущности

власти как необходимости (Надо) и образованию личности, преодолевающей необходимость (свободы). 3) Царь природы: показать это самое в приключениях Зуйка. Запевка.

Какое наследство получает, рождаясь на свет, каждый из нас? Люди это знают, люди этим жили и нажили, а ты, мой мальчик, уходишь от наследства тысячелетий миллионов людей и хочешь весь труд их в борьбе за свободу взять на себя. Ничего тебе не сделать, ты пропадешь, если только особенное счастье не пригонит и не поставит твою лодочку на волну великого движения и твое личное «Хочется» не определится в океане «Надо» всего человека.

Так ли я думаю?

Вокруг меня лес и могучие стволы столетних деревьев, и цветы внизу, и папоротник, и мох, и ручей, и птицы сверху глядят на меня, и белка играет еловыми шишками. Все там правильно, все понятно, все подтверждает и выговаривает: ты правильно мыслишь.

Прихожу и становлюсь на работу среди людей и смотрю на их дело и на свое: все правильно!

Нам остается только положиться на случай или на счастье в судьбе нашего маленького, обреченного на гибель героя.

NB. Топи, топи, Михаил, все эти мысли в действии, держись простоты «Кладовой солнца», всем понятной, пусть у тебя будет разговор со всем народом, с людьми образованными и необразованными, старыми и малыми, русскими и нерусскими.

1 Июля. У Норы течка.

Прохладно. Еще изредка слышишь кукушку. Рожь налила до половины. И вот как бывает в Январе, вскоре после солнцеворота выпадет такой денек, с такой зорькой, что напомнит о том, что впереди весна. Так и теперь перед самым жарким временем вспоминается осень.

Мы с Лялей ходили на базар (за 5 километров) в Звенигород, купили $^1/_2$ кило мяса, $^1/_4$-ку чая и 5 стаканов земляники по 5 р. за стакан.

Ляля быстро начинает врастать в нашу дачу и почти каждый день говорит, что это лучше Кавказа, Крыма и всего на свете. — Ляля, — спросил я, — а не тревожит тебя мысль о нашем благополучии? — Вот еще! мало ли мы мучились: мы заслужили.

Правда, ее жизнь как музыка с бегущими звуками без пауз: в нее надо внедрить паузы. И мне кажется, я мог бы это сделать для нее, если бы мы жили вдвоем.

2 Июля. То ясно, то пасмурно. Холодно.

Собираю усердно своего «Царя», свинчиваю совершенно как машину. Топить Марию Уланову раздумал, а то непременно наши хитрецы поймут ее как искусство, которое при нашем добродетельном правительстве теперь погибает. Ударение будет сделано на том, что она бросается в воду и увлекает за собою Рудольфа с урками.

Общественный деятель, перед которым непрерывно проходит человек массовый, в конце концов должен обрести полное презрение к человеческой особи и становиться к ней в деловое отношение ведущего, ведомого или промежуточного вала.

Приехал Мартынов из Москвы, и мы узнали, что он ждал прихода Марьи Васильевны с продовольствием 5 часов и не дождался. Мы остались без продовольствия. Ляля уехала с Мартыновской машиной и за продовольствием, и на завод за коробкой скоростей.

3 Июля. Вчера к вечеру стал ветер (северный) стихать и потеплело. Утро безоблачно-тихое. Нужен дождь.

Нас, стариков, разделяет от молодых коммунистов завеса прошлого, которая так висит, как, бывает, кисейная

занавеска в комнате: от нас изнутри к ним наружу видно, а от них к нам в комнату ничего видеть нельзя. Так они начинают мысль свою пока с Ленина и все реже и реже с Маркса. Необразованные даже думают, что и радио, и кино, и самолет, и даже самое электричество выдумал Ленин. У образованных же сохраняется в голове особая приступинка, через которую они не позволяют себе свободно переходить мыслью в прошлое. Черчилль думает, что занавесь эта железная, но мы нет: это кисейная занавеска, для разделения мысли совершенно достаточная.

Начал вырабатывать вторую часть «Царя».

Коробка скоростей вскрыта: вся не годится, Ванька подлец.

4 Июля. Вчера после обеда потрусил слегка дождь, и нынче ясное теплое утро насыщено влагой. И весь день был очень жаркий и тихий, сено отлично сохло, и половину его убрали в подполье.

К вечеру приехала из Москвы Ляля, привезла шестерни.

Читал доклад Фадеева, и по обыкновению ущемило меня, когда я не нашел свое имя в числе писателей, представляющих советскую литературу. По всему вижу, что Фадеев не принимает меня, как и многие, конечно. Эта ущемленность с одной стороны, с другой стороны имеет какую-то лысинку свободы от стыда. Фадеев в конце доклада процитировал из иностранной прессы оценку Пастернака как героя — борца за индивидуальность.

В сущности, я тоже борец за индивидуальность, сохраняемую в личности, и за личность, включающуюся в общество. «Кладовая солнца» была таким моим достижением, доказательством того, что и в наших трудных условиях художник может сохранить свою независимость, и, значит, моя борьба больше Пастернаковской и означает борьбу не за индивидуальность, а за первенство.

В «Царе» предстоит мне сделать следующий шаг, т. е. как делали такие шаги борцы в церковной истории: при отстаивании единства церковного (у нас государственного) отстоять себя как личность, имея перед собой в виду не кардинальскую шапку, а крест. Вот теперь только начинаю понимать, как могли совмещать в себе, в своем текущем дне церковные борцы одновременно и сохранить в себе чувство всеобщего стремления к «быть» и необходимость креста: в синтезе этих двух тезисов «быть» и «не быть» и получается христианская радость жизни и мудрость.

Фадеев привел из иностранных газет: «Работа Шолохова, Эренбурга и т. д. в лучшем случае является образцом хорошей журналистики... Поэтому все написанное Шолоховым национально ограничено масштабом и целью... Только Пастернак пережил все бури и овладел всеми событиями. Он подлинный герой борьбы индивидуализма с коллективизмом, романтизма с реализмом, духа с техникой, искусства с пропагандой».

Все так, но... есть еще герой, Михаил Пришвин, которого ни национальность, ни масштабы, ни цели, ни самый индивидуум не ограничивают.`

Борьба за первенство. Самое трудное место в борьбе за первенство приходит в борьбе со своей индивидуальностью: ее надо побороть так, чтобы люди на нее не обращали никакого внимания и видели одно только дело. Такую борьбу за первенство в древние времена называли смирением: святые отцы, смиряясь, величали церковь. Так и <*зачеркнуто:* Ленин и Сталин> наши большие революционеры, как бы даже стыдясь своей индивидуальности, показывались только в делах. <*Вымарано:* И даже в победе над немцами Сталин, надев маршальскую форму, совсем ею закрылся, как победитель, Сталин.>

5 Июля. Идет новая серия, июльская, жарких дней. Превосходная уборка сена. Купаемся всласть.

Работа над «Царем» перешла в стадию уверенности: я уверен, что выйдет вещь, только не уверен, что попадет в цель, т. е. [что] «Царь природы» будет признан».

Каждый человек по природе своей мученик, потому что каждый в конце концов так или иначе должен умереть, и большей частью в мучениях. К этому еще надо прибавить мучительную борьбу за существование и борьбу за первенство.

Начало главы: о первенстве. Разве у каждого человека нет своего особенного места, и не борется ли он за него, как борются животные только за одно свое существование? Это место есть свое собственное, где человек не может быть заменим другим, как заменяется одна изношенная шестерня другою. И так мы боремся в этом за свое место, за свое человеческое первенство, как борются животные за свое обыкновенное существование.

Привез пиломатериалы. Завтра посылаю Мар. Вас. в Москву на завод за коробкой.

6 Июля. Очень жарко. Вечером подходила туча, но дождь не вышел. Приходил К.С. Родионов, ворошил сено. Договорились с Макридой о карауле дачи. Ляля училась спиннингу. Я два раза купался. Вечером со стороны Козина, как всегда по воскресеньям, заревел Утесов по радио. Бедный Утесов! он пел на маленькую московскую известную аудиторию обыкновенных и ему понятных людей. А тут слушают и поля, и луга, и река, и особенно над рекою высокие деревья, такие высокие, будто хватает до неба. Всем этим существам природы вместо слов дана форма, и между ними посредством этой формы бывает такой же разговор, как у нас на словах. Все эти формы внимали Утесову, этому маленькому человечку, как бы ему было бы стыдно, если бы он знал, что он поет тут на всех, на эти формы неба и месяца, и полей, наполненных пахучей рожью, и цветистых лугов, и главное, этих величественных

деревьев на высоком берегу реки с отблеском месяца. Бедный маленький Утесов!

7 Июля. Где-то идут дожди, и у нас при солнце прохладно стало. К вечеру, как и вчера, опять пронеслась туча, видно, как лился недалеко дождь, а нас туча и не задела.

Ходили к Перцову поглядеть, как он устроился в Салькове. Говорили о Хлебникове, Ремизове (он пишет о Маяковском «монументальную» работу). Перцов сказал, что в доме отдыха живет теперь академик физиолог Каштаньян, будто бы величайший приверженец моих писаний. Мы пошли с ним познакомиться. На пороге дома отдыха мне бросилась в объятия молодая красивая еврейка, моя читательница, успела мне сказать, что она была очень больна, ей попалось в руки мое «Избранное», она прочла и выздоровела. Каштаньян, маленький, серьезный, изящный армянин, мало улыбается, правдиво и сердечно сосредоточен, чрезвычайно просто и хорошо расположен. Пригласил в Армению, обещает рай. Я отвечал, что как только закончу работу, охотно приеду. Ляля в восторге.

8 Июля. Дожди где-то недалеко охлаждают воздух, и купаться не хочется. С каждым днем обретаю уверенность в том, что «Царь» у меня выйдет.

9 Июля. Наконец дождь к нам пришел и ночью побрызгал, а утром обложило все небо и моросит туманом.

Известно, что стручки акации, как только определятся в конце весны, так висят и висят зелененькие, полные семян все лето, пока не потемнеют и не растрескаются, напрасно выбрасывая свои бесчисленные семена. Да и вся растительная природа и низшие животные отличаются обильной и напрасной тратой семян, жизненной силы, образуя со всей жизнью основание пирамиды, на вершине которой — монах проповедует бессеменное зачатие и новую жизнь в свете незримом.

<*Приписка:* «Да умирится же с тобой»: Природа мирилась и начинала думать, как ей дальше жить, и Мария Мироновна зарыдала.> Надо бы показать примерами, как, когда, при каких условиях борьба за существование, присущая и водяной крысе, и мальчику, переходит в борьбу за первенство. (Разве что крысиный разум спасает себя, а Зуек спасает зверей, и он делается царем природы в тот момент, когда занимает первое место на острове, как вождь и спаситель.)

У Норки, моего спаниеля, течка. Мы ее поместили на балконе, и наша испанка там залезла на балюстраду, сидит там и ноет, если завидит, что внизу в траве сидит, мучится какой-нибудь ее кавалер. Сегодня пришел к ней Бобик из дома отдыха Академии, маленький подхалим, провожающий в лес за корочку всех отдыхающих. Увидев нас, подхалим прилег в траву, а Недоступная сильнее заныла.

— Мне жаль маленького подхалима, — сказала Ляля, — какая жизнь! там любовь ко всем за корочку, тут же любовь для себя — и еще хуже! Недоступная не дает ему даже корочки хлеба.

— Милая, — ответил я, — ты жалеешь собаку, а мой друг, хороший человек, большой поэт, всю жизнь свою был в таком положении: 20 лет писал стихи за корочку славы, и Недоступная не дала ему даже корочки хлеба.

— Что же он, умер от голода?

— Да, конечно, в конце концов от этого голода, от Недоступной он и застрелился.

Если бы знать в то время, что Недоступная мучится желанием сама не меньше подхалима и что не от нее самой зависит все, а от балкона высокого. И еще бы, и еще больше бы надо было знать, что и балкон разделения создан самим поэтом, что если бы не было балкона, поэт бы его выдумал: недоступность.

Перцов — это осколок дьявольской компании вокруг Маяковского, какой-то вид окаменевшего черта.

10 Июля. Влажное, солнечное, насыщенное парами утро, внизу везде собираются и поднимаются над лесами голубыми серые сплошные облака.

Вчера приехала Зинаида Николаевна. Обещают в субботу привезти коробку скоростей. В работе подошел к необходимости дать картину аврала.

Бывает момент у художника-портретиста, когда свое собственное представление, окрепнув, успешно борется с тем, что дает от себя натура, и художник уже не может сам сказать, похоже ли его изображение на модель. Ставлю вопрос, всегда ли такое расхождение правды и выдумки есть признак неудачи. Сейчас я думаю, что это да, что раз художник ищет, как опоры, суда со стороны, он сбился с пути. При полной удаче художник сам лучше всех знает о своем произведении.

11 Июля. Проходят жаркие и парные дни. Во второй половине дня собираются тучи, брызнет чуть-чуть дождик. Вчера даже гремела гроза, но дождь вышел опять слабый.

Появился Атос, гордон (1 год 6 мес.). Художник Лучишкин Сергей Алексеевич предлагает мне его, чтобы отделаться и поместить собаку в хорошие руки.

С Ляли нечего и взыскивать литературу, ее надо понимать женой великолепной, каких бывает на свете очень немного.

Липы цветут. Липы цветут, и пахнет липовым медом. Между липами в луче солнца стоит в воздухе на своих крылышках та знакомая с детства золотистая мушка. Найдешь на нее, — посторонится; пройдешь, оглянешься — стоит в воздухе на прежнем месте; и, бывало, спросишь себя: — Зачем она, имея крылья, стоит на одном месте? Так этот вопрос и остался без ответа, и мушка забылась. А вот теперь опять вспомнилась, и ответ пришел в голову такой,

что всем бескрылым лететь хочется, а у кого есть крылья и он всегда может летать, то, наверно, в праздник, когда липы цветут, хорошо и постоять.

Кончаю «Царя», остается немного, и 14-летний труд оправдается, нет — так пропадет, никто не разберет, о чем я писал и чего я хотел. Так вот и сходится жизнь к кончику, будто я рыба и вхожу в узкую мотню. А раньше, бывало, не только людям дивился, но и собакам, кончающим жизнь на гону. Это самая славная смерть, на гону, только лучше, конечно, чтобы успеть зайца нагнать на охотника.

12 Июля. Петров день.

Вчера ходил первый раз с гордоном Атосом, совсем дикая собака. Кое-как справлялся. Сегодня он искусал Лялю, и приходится возвратить хозяевам. Так вот с тех пор, как Ляля появилась в моем доме, так охотам моим пришел конец. Началось с удаления Лады, потом Джони (теща капризничала), и так охоты мои кончились и начались заботы. И, конечно, все так и надо, и я поднимаюсь выше, и вообще прежняя моя жизнь — это глупая жизнь, но... она была беззаботная: хочется это что-то вольное вернуть, и не выходит. Так старики вспоминают время старое, когда в Москве по утрам все ели горячие Филипповские калачи и стоили они большие по пятачку, а поменьше — по три копейки.

Вечером приходил Мартынов и <*вымарано:* в присутствии моих христианок> искренно излагал сущность своего коммунистического Credo и природы власти. Во время войны коммунисты организовали мужиков на почве чувства родины, агитируя примерами германского зверства...

Исток веры... Народовластие... Власть народа. Власть Советов. Партия. Неколебимая вера...

13 Июля. Один день лучше другого, только для огородов хотелось бы больше дождя.

Иду по лесной дорожке и встречаю наравне с лицом, в луче света в воздухе на невидимой паутине висит хвоин-

ка. Знаю, что случайно запуталась хвоинка, а скорее всего, паук наверху, создавая себе путь, выпускал паутину, чтобы она оттягивала нить...

К «Царю»: Предпоследняя глава. Солнечный луч в лесу на острове разделял все живое: светолюбивые потянулись к лучу и оставались в нем, перемещаясь с ним, как двигалось солнце, а тенелюбивые прятались в тени, одним радость был свет, другим — тень. Как только луч света согрел корни дерева, выступающие на поверхность земли, на это теплое место выползли три маленькие ящерицы, северные наследники древних гигантов. Когда солнце стало склоняться и солнечное пятно, малиновое на темной коре, стало подниматься выше, светолюбивые наследники древних гигантов стали подниматься, чувствуя тепло, вверх. NB. Кончить: началась ночная жизнь. Ночь для всех: победа тьмы. Зайцы обрадовались, летучие мыши, сова. Но человек на острове наследник разума всего соединенного человека. Костер... и опять как солнце рождало всю жизнь на острове: светолюбивые стали подвигаться к огню человека, и огни глаз животных засверкали в кустах. И маленькие ящерицы, наследники древних гигантских [ящеров], утратив солнце из вида, почуяв тепло, стали спускаться к огню человека, и огонь человека им стал как солнце. И маленький царь природы, получивший дары от солнца, герой, ты, овладевши, поклонись своим предкам.

Рано утром привезли части из Москвы, пришли шоферы, принялись за работу. С утра до ночи работали, но машина у них не пошла.

Посетил меня Вас. Вас. Казин с женой Анной Ивановной. Приехал монахообразный пчеловод К.С. Родионов.

14 Июля. Постоянство в погоде. Черника поспела. Мята цветет. Огурцы цветут, горох и картофель. Хорошо купался.

Утром в лесу увидел, молодая белка спиралью спускалась по дереву и другая, а на другом дереве еще две,

и там дальше вверху, и на самой высоте тоже листва шевелилась.

Я замер на месте, и одна маленькая, задрав хвостик, как большая, чувствуя мою близость, замерла. Вот, подумал я, пришел бы охотник и грохнул... ведь это ужас! Но только я-то ведь сам охотник и могу себе ясно представить, что охотнику и можно и нужно греметь и стрелять и что это ничуть ему не мешает тоже в неохотничье время расположиться для мирного поэтического наблюдения зверьков. Так вот у нас и с политиками в литературной среде: громыхают они — и пусть! незаметно потихоньку надо от них отойти, авось, придет время, и им тоже захочется пописать, и тогда они тоже бросят громыхать и стрелять.

15 Июля. Вчера вечер был холодный, ясный и крепкий. Утро вышло безоблачное...

Два человека рядом — монахообразный К.С. Родионов (мать Трубецкая) и бывший электромонтер, потом директор издательства «Академия», теперь инвалид войны Мартынов Иван Андреевич. Мартынов — это капля воды на листике в утренний час перед тем, как солнцу взойти: еще немного, и капелька под горячим лучом испарится и войдет в состав туманов, образующих изменчивые формы облаков. Мартынов — это капля рабочей воды на земле, воды, в слитности своей образующей силу, размывающую камень и намывающую нам плодородную землю. Монах Родионов в состоянии радости освобождения радуется жизни всей вместе, в то же время обособляясь и отходя от людей. Мартынов живет будущим, для людей, принимая на себя бремя и муку настоящего. Девизом его должно быть: «Нет выше любви, как ежели кто душу свою отдаст за други своя». А девизом у Родионова: «Дух веет, где хочет».

Ляля представилась мне как актриса, бессознательно разыгрывающая передо мной, как перед своей признательной публикой, любовь; актрисой, которая в свою игру поверила, как в действительность. Ее любовь — это пьеса, где она то

царица, то нищенка, где она, в сущности, все она, и она, и она. У нее как у женщины нет детей, нет ремесла. Но если бы у нее были дети, они бы не удовлетворили ее, и всякий муж, особенно верный, был бы кем-то при ней. Меня, свою «публику», она долго переживала и, мне кажется, теперь подходит к концу, потому что начинает понимать, что мое положение есть мое, а не ее, что служебным своим положением в отношении меня и моего творчества она не удовлетворится.

Актриса! но она актриса, которая все делает, чтобы роль ее стала жизнью («слово плоть бысть»), а в конце концов, если смотреть со стороны, ищет новой публики, перед которой она бы снова и снова могла играть свою пьесу и черпать из публики веру в возможность воплощения игры своей в жизнь.

А может быть, и я в этой любви тоже был только актером, и мы действительно любили друг друга тем, что вместе в двух ролях на старости играли пьесу о любви Ромео и Джульетты. Но что делать, если последний акт этой пьесы подходит к концу? Что делать, если мы перед Богом над собой и людьми перед собой честно и самозабвенно играли мистерию любви, но играть всегда невозможно, и последний акт неминуемо должен тоже окончиться?

Очевидно, надо снять с себя костюмировку, грим, взять свои чемоданы и выйти из театра в частную жизнь, где все настоящее и Бог каждому просящему вручает свой дар. И так, если снять гримировку, то в наших чемоданах или в руке останется: 1) Теща как реальность и жизненная необходимость. 2) Мой талант и слава. 3) Лялин ум и доброта. Для странствующих актеров совсем-таки даже неплохо.

Но ведь в какой-то степени мы, люди, все актеры, и весь вопрос, перед какой публикой мы играем: одни участвуют, имея публикой Всевидящее Око, другие — людей, и дальше пойдет только разница в том, каких людей.

Раиса завернула новый портрет на большой холст. Мне нравится, что Ляле нравится эта «язычница», пробиваю-

щая себе живописью путь к свободе. — Идешь к свободе, — сказала Раиса, — а попадаешь в неволю, куда б льшую, чем раньше было. — Знаю, — ответил я, — но ведь так все: девушка выйдет замуж и начнет рожать детей: неволя какая! а выходит все-таки лучше, чем если бы осталась вековухой. Вот и я когда-то взялся за перо, думая попасть в край непуганых птиц, а попал в тиски советского писателя, и все-таки, все-таки рожаю и торжествую, рожая. — Вам-то все-таки ничего, а вот нам, бабам, в искусстве только что не говорят вслух: зачем лезла сюда, рожала бы детей.

Читал Мартынову первую часть «Царя» и привел его в восторг неописуемый. Оно и правда здорово написано, и с огромным размахом. Вот бы все так удалось! И, конечно, удастся, если буду выжидать и делать не спеша. Но срок поставлен, и... выйдет если, и тогда я завершу большой путь: гг. 1905 — 1947 = 42 года писал одну вещь!

16 Июля. Сушь! Угроза огородам. Председатель колхоза требует принять экстренные меры для поддержки людей, аргументирует не жалостью к человеку, а тем, что опухшие от голода люди (в Белоруссии) не в силах собрать урожай, о самом нынешнем человеке и слов нет, речь идет о будущем человеке, отцы приносятся в жертву детям. И вот, думаю, первый источник социального чувства: жалость к отцам. (Зуек этим чувством пробуждает в себе жалость к животным и героизм.)

Теща ожила. Подозреваю, что сущность тещи — властность домашней хозяйки и вообще та «власть» в дурном смысле слова, то, с чем боролся русский интеллигент (что-то от немцев в этой власти), чему противопоставлена «власть народа» (т. е. власть русского народа).

Есть у меня догадка, что теща пользуется своим умиранием, чтобы подчинять дочь, уходящую из-под ее власти, и думаю, что в сознании этого и своей беспомощности для борьбы с этим и рождается раздраженность дочери, когда мать поправляется. Во время болезни это чувство

нельзя проявлять, оно и подавлено, но как только она поправляется и угрозы нет, Ляля встречается с той властью и сопротивляется. Теща, напр., представляется, что ей не хочется есть, этим она привлекает внимание дочери, хочется, чтобы Ляля ее покормила и вообще занималась ею только одной. Тогда Ляля болезненно раздражается и очень похожа бывает на муху в паутине из жалости (попалась в жалости своей, как в паутине).

Послал с Аней вызов Борису Прасолову.

17 Июля. Сушь! Решено косить рожь: шесть дней косить, шесть молотить, потом сдать государству и выдать колхозникам аванс: через две недели люди получат хлеб.

Весь день прошел пасмурный и прохладный, приходила и уходила большая туча; было и так, что вот-вот пойдет окладной дождь, но к вечеру разгулялось и обошлось без дождя.

Приезжал Петя, увез с собой Атоса. О Жульке хорошие вести, она скоро будет у нас. А вот о Леве плохо: ему надо поскорее и поумнее помочь.

Помогать людям нужно, имея в виду мое последнее заключение о борьбе каждого из нас за человеческое первенство в борьбе всех за существование. Пусть животный и растительный мир ведут борьбу за существование, ее законы обязательны и для нас, поскольку мы — тоже природа. Но человек нашел в борьбе за существование особое свое первенство, состоящее в том, что там, в природе, борьба идет за существование рода без особого внимания к каждому в роду. А у человека борьба за человеческое первенство происходит в борьбе каждого за всех и всех за каждого.

18 Июля. Как и вчера, весь день хмурилось и ветер очень шумел, и в этот раз все-таки пришел дождь, и, кажется, вообще пришло время дождей.

Писал последнюю главу, но глава расщепилась, и на завтра осталась еще глава заключительная, после которой останется поставить черту и подвести итоги в эпилоге. Теперь является просвет на конец всей работы.

В Июле надо постараться записать большой пробел, это где Зуек странствует среди урок.

В Августе спокойно выработать педагогические и строительные главы, насыщая их конкретными материалами так, чтобы у читателя явилось представление о канале. Вместе с тем будет прорабатываться пером все написанное на машинке.

Сентябрь — переписка окончательная другим лицом и окончательная выправка.

Радость жизни — это богатство, с которым родится человек. Потом эта непосредственная радость утрачивается и распадается на языческую радость на земле и христианскую на небе. Язычники выступают в большинстве в одежде красоты, христиане — добра.

Люди некрасивые, ущемленные, спасаясь, прячутся, создавая культуру уединения. Люди красивые, мощные собираются в общества, находят радость в пирах, балах («Плаксы» и «Озлобленные» во Флоренции). Между этими двумя полюсами, питаясь тем и другим, как река в берегах, проходит история человечества.

Социальное движение является синтезом «плакс» и «озлобленных»: от «плакс» у нас обязательное добро, от «озлобленных» — обязательная радость жизни. Вот эта обязательность и добродетели, и радости жизни, обязательное «Надо», является следствием вовлечения массы в историю как действующего героя. Это складывались до сих пор в социальном движении берега, а в дальнейшем наполнит эти берега вода, в которой береговое «Надо» растворяется, как личное «Хочется». Так принудительно на моих глазах строился Каменный мост, а когда он построился, «Надо» строительное было отброшено вместе с лесами, и люди-потребители по нем свободно пошли, не думая ни на одну минуту о том, что над ним мучились люди.

За столом сидела Раиса, прекрасная мать, красивая женщина, талантливая художница, веселый человек. И тут же за столом сидела «праведница» Зина, усушенная в добре и молитве девственница. Раиса — женщина для встречи человека на земле, Зина — для проводов. Выбирать из них не приходится: Раиса рождает, Зина хоронит, пока хорошо — Раиса, пройдет твое время — схватишься и за Зину.

Одно только смущает: есть великая заповедь «Будьте как дети», и пусть некто достигнет этого детства — спрашивается, на кого ему смотреть, на Раису или на Зину? Я уверен, что даже св. Серафим, встретив их двух, предпочел бы сначала весело заняться с Раисой, а потом, придя в себя, одумавшись, сделав лицо такое, когда люди деловые переходят к очередным делам, обратился бы и к Зине.

Лялечка дорогая, вот и ты тоже знаешь в себе веселую Раису, тебе тоже родить очень хочется. Но, бедная, это тебе не далось, и ты свое нерожденное дитя увидела распятым на кресте. Нет, это не ты пережила такой ужас, а так тебе это передалось при рождении, как передается от отца музыкальность ребенку. Тебя радует Раиса, но ты сама остановлена в движении к этой радости: тебя останавливает видение Распятого. Впрочем, созерцая Распятие, почему бы и не сблудить, если это будет не во вред другим, ведь это же себе ничего не стоит и только на короткое время может затуманить образ Распятого. Вот за то я и держусь тебя, я, смиренный художник, все-таки и за то, что ты не пренебрегаешь Раисой, и мне, как художнику, в твоей священной материнской утробе содержится сколько-то воздуха с нашим земным кислородом.

Петя сказал, что женщин на производствах начинают стеснять и предпочитать мужчин. Не знаю, исходит ли это на пути к перемене политики в отношении к женщине из-за необходимости охраны семьи, или же это есть бытовое явление, подобное антисемитизму.

Вопрос об увязке принципа природы «борьба за существование» с человеческим принципом «борьба за первенство» решен евреями.

19 Июля. Пасмурно, прохладно, порывами небольшой дождь.

Явились шоферы, принесли новую кулису, и коробка стала включаться. Завтра приработаем шестерни, и с машиной будет все.

20 Июля. Днем переменно, вечером гроза и небольшой дождь.

Ездили в Голицыно окатывать машину, оставил Курковой Анне Васильевне записку о своих делах.

Вечером вел большой разговор с Мартыновым о «Медном всаднике», что нельзя брать эпиграфом «Да умирится», потому что в нашем строительстве не может быть Евгения. Он в пример привел строительство г. Комсомольска-на-Амуре, где строители (рабочие) сделались все начальниками. Я возразил тем, что это утопия, но в действительности государство и личность состоят в диалектическом противоречии. На это он взял в пример себя, как его гоняла по стране партия, а он это «Надо» делал всегда с радостью.

Мы сошлись на том, что решение вопроса отношения личности и общества решается творческим участием в жизни каждого из нас, личность в своем «Хочется» преодолевает тяготу общественного «Надо».

В разговоре имел пользу для себя в том, что тема Евгения из «Медного всадника» никак не в плане нашем и ее надо из работы устранить, а развить больше тему творческого участия в жизни (Хочется то, что Надо).

В следующей беседе надо проанализировать начало истоков коммунизма, сличая биографические моменты и мотивы уверования в марксизм у него и у себя.

Надо помнить, что (наверно, это так...) государственность (или как назвать это «Надо») рождается или осаждается из веры (вспомни Савонаролу) и что, значит, истоки коммунизма надо искать в личности человека (мотивы), а государственность скрывает все личное, как скрывает это личное Каменный мост, как сгоревшую в плавильном кот-

ле Машу скрывает в себе автомобиль, как любимый мой термометр Реомюр скрывает в себе личность Реомюра.

21 Июля. День за днем с дождиком с грозой. Грозовые дожди. Рожь в Козине полегла. В Дунине начали косить и бросили: зелена.

Приезжал Борис Прасолов, проверил машину.

Как будто книгу читаю, смотрю на своих женщин: 1) теща 2) Ляля 3) Зина 4) Катерина 5) Лариса 6) Раиса. Есть слухи о том, что выпирание рабочей женщины в обществе стараются приостановить в пользу семьи.

Ляля завтра пытается уехать в Москву: покупать «Москвича» и др.

Решил не показываться на конференцию о природе: если имя мое им нужно, все равно выберут — пусть! и если кто-нибудь станет на мое место — пусть! Из своей общественной деятельности я вынес понимание чувством сам й силы власти: выберут председателем, и будь ты глуп, как пробка, все тебя приветствуют и слушаются.

22 Июля. Припаривало сильно, и парами все было насыщено. День все-таки простоял, просверкал без грозы и дождя. Лучший день лета.

Ляля уехала в Москву. Раиса двинула портрет. Я вернулся к началу и отлично насытился работой.

23 Июля. День жаркий и очень паристый, к вечеру дождь. Писал отлично «по нотам», т. е. придерживаясь черновика. Третий раз позировал Раисе, и у нее уже теперь намечается красивая картина кого-то в голубом свете (холодном) с собачкой, но не портрет. Так в красивости мы спасаемся от правдоподобия. К вечеру приехала измученная тяжелой дорогой Ляля.

Теща очень поправилась в Дунине и весь день болтает глупости в стиле «занимать гостей». Так, напр.: «А пого-

да что-то изменяется, в хорошую или в дурную сторону?» Если ответишь — в дурную, она, помня, что противоречие есть двигатель болтовни, скажет, что в хорошую. Если, наоборот, скажешь — в хорошую, она скажет — в дурную. И никак не отвяжешься. Плохо, что ни о чем серьезном в присутствии ее нельзя ни с кем говорить. Я научился молчать за столом, беспрерывно чувствуя себя грешником: тошнит глупостью. А что Зинаида Николаевна выносит и поддерживает весь день с ней разговор, то жаль становится умную хорошую женщину в такой роли. Грешником, грешником чувствую себя, но где жизнь без греха?

24 Июля. После ночного большого дождя усталое небо с трудом оправилось, стало ясно и не жарко, а к вечеру холодно.

Созвали невозможно нелитературных людей, и я читал «Царя» при их тупом внимании. Но вышло все с большой пользой для меня, потому что их наивные высказывания мне очень открыли глаза на работу. Я попал в психологическую толчею (утонченность), нарушающую желанную простоту «Кладовой солнца». Надо: 1) скорее, смелее выйти на путь развития сюжета, на большую дорогу. 2) Писать, не оглядываясь на сделанные ошибки, которые сами собой ясно покажутся, когда все будет написано.

25 Июля. Прохладный и ясный день, жнут рожь, пахнет началом осени. Сделал прогулку в Чигасово (километров 5 туда).

У края дороги среди лиловых колокольчиков цвел кустик мяты. Я захотел сорвать цветок и понюхать, но небольшая бабочка, сложив крылышки, сидела на цветке. Не хотелось расстраивать бабочкино дело из-за своего удовольствия, и я решил подождать несколько <*зачеркнуто:* секунд> и стал записывать, стоя у цветка, одну свою мысль в книжечку.

Вышло так, что я забыл о бабочке и долго писал. А когда кончил и опомнился, оказалось, бабочка все сидела на цветке мяты в том же самом положении. «Но так не бы-

вает!» — <*зачеркнуто:* подумал я> и чуть-чуть кончиком ноги толкнул стебелек мяты. Бабочка сильно качнулась, все-таки не слетела. Неужели она умерла на цветке? Осторожно я взял бабочку двумя пальцами за сложенные крылышки. Бабочка не рвалась, не билась в пальцах, не двигала усиками. Она была мертва. А когда я стал ее тянуть с цветка, вместе с ней оттянулся скрытый в цветке светло-желтый паук с большим зеленоватым шариком. Он всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал ее. А мимо проходили дачники и говорили: — Какая природа! Какой день! Какой воздух! Какая гармония!

Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человек порождает чувство гармонии, радости, счастья. Так, может быть, в каком-то неведомом мире и наша человеческая [жизнь] с постоянной войной и всяким грабительством порождает чувство гармонии.

Вечером сам почти что пережил беду бабочки. Мне показалось, что Мартынов — честный, убежденный и очень расположенный ко мне коммунист. Я давно искал случая найти среди коммунистов такого, чтобы ему вполне можно было довериться, предоставить себя, художника слова, для эксплуатации <*зачеркнуто:* современностью> политикой. И так из положения «живого классика» выйти на большую дорогу современности. Перцову я даже прямо сказал, что одним из планов «Царя природы» будет признание этой вещи в ЦК партии. Так я работал вполне уверенный, что через определенное время, уже к 1-му Октября, работа будет сделана.

После чтения первых глав Мартынов пришел в восторг, и я окончательно уверился в том, что выйду на большую дорогу. Вчера вздумалось мне прочитать в глухой аудитории с Мартыновым еще несколько глав. Чувствуя, что слушатели мои не захвачены, я, чтобы раззадорить их, рассказал им о судьбе своих героев. Замечательно, что не написанное мною, восхитившее его, а именно беглый хаотический рассказ о судьбе героев подействовал так на коммуниста, что он сегодня, на дру-

гой день, мне сказал: он находится в тяжелом сомнении о моем «Канале». Старуха моя в гробу — это слишком жутко. Уланова умирает — ей не надо умирать, тяжело. Чекист Сутулов, вынужденный стрелять в человека, — нельзя. Мальчик, вовлеченный в действие, неминуемо обратится в символ. А изображение стихии, которая мирится с человеком, то какое нам дело до нее. «За 30-то лет сколько мы всего наворотили, неужели нам интересно знать, что какая-то старуха-раскольница умирилась с советской властью» и т. д.

Напрасно я защищал своих героев и мысли свои, каждый раз требуя согласия, и, главное, согласия в том, что судить художника нужно по его работам, но не по тому, что он сам о себе говорит. Я в самый разгар творчества, когда всякий пустяк может все опрокинуть или все создать, я трепетал, как бабочка, захваченная в цветке пауком. Я так доверился этому честному коммунисту, воину-инвалиду, хорошему человеку, 30 лет имевшему дело с таким хрупким материалом, как душа художника. Я даже сказал ему, что, может быть, один из планов этой вещи — признание в ЦК, этот путь на большую дорогу есть не цель моя как художника, а предмет моей гордости или тщеславия... Он и это горячо отвергал и даже сказал: кому же написать такую книгу, как не мне? А когда мы вышли, то он, прощаясь, сказал: — И все-таки я сомневаюсь. — Тогда паучиное жало вошло в меня... И вот сейчас я как будто мертвый сижу на своем цветке, а паук сосет и сосет из меня кровь.

Так вот растил, растил себе цветок Дунино, и только сел на место, паук тоже устроился.

С решением подожду, но сейчас чувствую так, что вот 14 лет думаю, пишу и каждый раз, сличив написанное с требованием нашего времени, откладываю работу в понимании, что время мое еще не пришло. В этот раз я был так уверен! И опять, вероятно, соберу денег, уеду, забуду «Царя» и вернусь к нему узнать, не пришло ли, наконец, мое время.

26 Июля. Устойчиво солнечный день. Утро прохладное, в обед почти жарко.

Завтра устраиваю пирушку для Чагина. Мартынову не покажу виду. Но если сам он начнет, то скажу так: — Ваше сомнение породило во мне тоже сомнение в том, нужно ли спешить с этой вещью к 30-летию выходить на большую дорогу, и вообще для устранения сомнений и путаницы не лучше ли исключить политический план и положиться на себя как на художника. Тогда не будет сомнений и обидной зависимости.

Ходил с Зин. Ник. в «Госбанк»* за козой и не купил. По пути завел разговор с З. Н. о теще и удивился ее решительному и бесповоротному осуждению ее невозможного эгоизма. Только теперь уверился в том, что я за правду страдал, т. е. за любовь к Ляле мучился. Я ей сказал, что и Пушкино, и Дунино создал только для того, чтобы от тещи убежать, но Ляля неизменно ее привозила ко мне. И еще я сказал, что чувствую к теще физическое отвращение, никогда с ней не говорю и не смотрю. З. Н., по-видимому, и это поняла и не осудила. Но она тоже сказала, что Ляля, наконец, берется за ум и теща ее начинает немного бояться. Думаю так, что если не придется работать над «Царем», то в конце сентября, устроив все дела, уехать с Лялей в Армению, а тещу поручить З. Н. Весь вопрос в деньгах.

27 Июля. Тепло и пасмурно, жду из Москвы Чагина и собираю для него здешний пьющий ансамбль.

Скоро мне 75 лет, а еще к этому всего +25, и выйдет дата письма Белинского к Гоголю, о котором сегодня пишет в «Лит. газете» Шкловский. Вспомнить только, как Гоголь был пришпилен Белинским! <*Вымарано:* И разве не теми же [методами] работает теперь советская цензура, пришпиливая художественную литературу к политике.>

---

* В «Госбанк» — имеются в виду дачи Госбанка недалеко от Дунина.

Были Чагин с женой, Мартынов с женой, Казин с женой, Перцов. Чагин был великолепен, всех радовал, всех веселил, забавлял. Шахновский, несмотря на личное приглашение Ляли, не пришел. Под вечер мы все во главе с пьяным Чагиным пришли к нему. Дома никого не было, прислуга нас впустила, мы стали ждать. Хозяин, когда вернулся и увидал нас, пустился удирать, Чагин с ним. Через короткое время Чагин вернулся и махнул нам рукой — уходить. Так литераторы всех жанров с дамами своими не были приняты директором дома отдыха. Так началось мое знакомство при помощи Чагина, так и кончилось тоже при его содействии, и последнее слово Чагина было к нему: подлец!

Одновременно с гостями работали землемеры, на этой неделе обещаются привезти готовый план.

28 Июля. Грибной дождь. Найден масленок. Кто-то нашел белый. С этих дождей грибы пойдут.

Бродил все утро под дождем в лесу, выжимая из себя «доктринера» Мартынова, и достиг снова уверенности в том, что рано или поздно работа «Царь» будет сделана. История с Мартыновым принесла ту пользу, что я подберу себя в отношении простоты и ясности изложения.

В лесу много дубов, но каждый дуб окружен березками и осинками. Любо смотреть, какой независимый и самостоятельный стоит дуб среди покорных березок и осинок. Только липа не умаляется дубом и стоит рядом с ним женственная, как осина с березой, но независимая, самостоятельная и ничего не уступающая рядом с дубом.

Завтра едем в Москву (29-го). В среду (30-го) едем в Пушкино за козою и Жулькой.

29 Июля. Серое, теплое, малонадежное утро после суточного дождя. Едем к Пете за козой.

Почему и надо быть осторожным, что причина больших перемен в душе часто бывает сама по себе ничтожна и незаметна. Так вот каким пустяком казалось прочитать несколько глав и рассказать сюжет какому-то Мартынову, а между тем какой-то Мартынов когда-то убил Лермонтова. И этот Мартынов своим «сомнением» разрушил весь мой план работы.

Я вдруг понял, как легкомысленно включил я в план работы выйти с ней «на большую дорогу» литературного влияния через путь «умирения» стихии с Медным всадником.

Мой прицел был неверный: какое дело победителю стихии до ее готовности «умириться»: для него это факт, а поэт этого факта — обычный рядовой подхалим.

Когда же я Мартынову выкладывал свою политическую платформу: о падении индивидуализма в капитализме и торжестве социализма, в его лице мелькнуло какое-то возражение. И я подумал даже: существует ли нетронутым теперь и этот багаж моей юношеской марксистской веры, и что не вера, не мысль, не Маркс, не Ленин в основе дела, а сама партия; что самая возможность «прицела» определяется близостью не к себе, не к мыслям вождей, а только к партии; и что в партии нет атмосферы, через которую может передаться ее влияние в даль. Партия требует близости, постели. И все эти канонизированные литературные произведения постельные («Молодая гвардия», «Русский вопрос»).

NB. Необходимо проверить Шолохова, он кажется исключением, опровержением «близости».

Работа над «Каналом» зашла так далеко, что бросить ее нельзя: она требует ясности, упрощения, близости к «Кладовой солнца».

На неделю, на две я отхожу от нее и возвращусь непременно с благодарностью Мартынову.

Москва. Сумрачно и тепло с утра. Потом дождь до вечера.

Выехали с Зелинскими в Москву и в Пушкино за козой и Жулькой. Зелинская уселась на козье сено.

В Москве был в «Советском писателе». Ярцев дает под «Мои тетрадки» 15 тысяч и через два месяца обещает дать под «Избранное». Итого — имеется 25 тыс. + 15 = 40 тыс.

На эти деньги кончить «Канал».

Разговаривал с Иваном Федоровичем Трусовым и Н.П. Смирновым плотно и вывел заключение такое. Грозное международное положение всех больших коммунистов пригвоздило к политике, и они понимают только в текущем, преходящем, писатель от них может получить не больше того, что получил Симонов. Маленькие верующие коммунисты, наверно, сбились с толку и кнаружи стоят на своем, а внутри себя уязвленные и обманутые (инвалидная психология).

30 Июля. Москва. Утром солнце.

Смирнов говорил, что из всех писателей только я единственный сохранил себя, что это чудо. — Никаких тут нет чудес, — ответил я. — Шопенгауэр сказал, что с последним диким зверем исчезнет у людей последнее чувство свободы и независимости. Так вот я последний зверь.

Итак, разобравшись, возвращаюсь к своей работе: никто ничем не может мне помочь, и я тут один- единственный. Отстраняю от себя всех советчиков и пишу «Царя» до конца, как мне хочется, не пугаясь того, что «Царь» ляжет в ящик, как «Мирская чаша»*. Во всяком случае из «Царя» потом можно будет сделать легко великолепную приключенческую повесть для детей и так получить если не славу «большой дороги», то те же деньги.

А о «большой дороге» говорил, что на нее выйти легко: взять, напр., написать книгу против «Пастернака». Но «большая дорога» — это очень временное, на ней проходящие и проходимцы...

— Но если я выйду? — спросил я.

— Вы можете, у вас это может выйти.

---

* Речь идет о «Повести нашего времени».

Нет! возвращаюсь к своей тропе и буду писать, как раньше.

«Мои тетрадки» будет отличная книжечка, и она сильно увеличит расхождение моих ножниц народного признания и бюрократии.

В природе то, что у человека считается постыдным, борьба за существование, пол, бешеная злоба и все прочие прелести бытия, обнажено. Спрашивается, почему же мы, входя в природу, чувствуем радость <*зачеркнуто:* такую, будто мы вышли с друзьями на пир. Почему?>.

Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это какое-то чисто и единственно человеческое чувство или мысль, соприкасаясь с природой, вспыхивает, оживляется, сам человек встает весь, происходит какое-то «чаю воскресения мертвых»: это «чаю» и есть восстановление нарушенной гармонии... «И жизни будущего века!»

Итак, милые люди, усталые горожане и дачники! вы правы тем, что не хотите видеть в природе ту самую борьбу, от которой вы так устали в городе. Вы в природе восклицаете только свое «Чаю!», и самые наивные из вас начинают сажать деревья и цветы... парки... Эти попытки дают картину наивных достижений разумных существ, но это, конечно, только наивные попытки выразить то необъятное «Чаю!», которое человек вносит в природу.

Географический сборник*

1) В краю непуганых птиц	3 листа
2) Царь природы	2 листа
3) Колобок	2 листа
4) Черный араб	1 лист
5) Жень-шень	4 листа
6) Кладовая	
7) Капель	

* Имеется в виду сборник «Моя страна» (1948).

31 Июля. Вчера мы поехали к Пете в зверосовхоз за козой и Жулькой. У него грязь и вонь (не везет ему и с этой женой). Коза, оказалось, с отелу дает 7 кружек, а теперь только три. Но мы ее почему-то взяли. Встреча с Ниной Трофимовной Портновой.

Осмотр лисиц: «монс»*. А ведь от 1-й моей поездки в Пушкино прошло 18 лет! Итак, ничего не увез от Пети, кроме дорогой козы с малым молоком и Жульки своей.

На другой день с утра поехали на свою дачу в Пушкине, где поселились Игнатовы и Сыроежка с Евгенией Барютиной. У них хорошо.

1 Августа. И сегодня ясно, хорошо убирается хлеб. Даю обет до конца работы не курить, соединяя с этим решением благоговейную сосредоточенность в работе, осторожность в разговорах о ней, постоянство без внешнего принуждения и сознание своей греховности, т. е. ограниченности своих возможностей и вытекающей из этого разумной экономии своих сил.

В Августе поохотиться с Петей. Починить сапоги.

В Сентябре посадка.

2 Августа. Ильин день. Вчера только к вечеру подождило, после того как Зорьку и Жульку водворил в Дунине. Вчера дал обет не курить и сегодня силой внушения чувствую к табаку отврат. Утро пасмурное с нависшими тучами, временами между тучами в матовые окошечки проникает свет, и все оживает.

Чувствую скопление сил для «Царя» и твердость в решении ко всем прислушиваться и никого не слушать.

Из виденных людей понравилась Нина Трофимовна Портнова, яркий тип беспризорницы, воспитанной партией и ныне потерявшей до конца свою комсомольскую

---

* Порода появилась в 1933 г. в Норвегии на ферме серебристо-черных лисиц; по кличке первого самца платиновых лисиц часто называют «монсами».

веру. Все прошло! а теперь реальность — дочка и некоторая надежда на мужа, который вернется этим летом, через десять лет разлуки, из лагерей.

<*Приписка:* Мартынов струсил и свой страх выразил своим «сомневаюсь». Такой страх и создает <*вымарано:* из партии> барьер вокруг личности («дикого зверя»).>

Мне кажется, что если принципы нашего времени свести в единство, то желанный свет нашего времени — это радость матери в первый момент после освобождения от мук рождения, как будто свет только сейчас и начинается. Это и есть жизнерадость (жизнерадостный).

В этом свете и должен быть написан мой «Царь»: этот свет и был царем моего таланта. Я думаю, что вот такого рода жизнерадость и есть основная черта нашего русского народа: радость рождения. И очень может быть, что эта жизнерадость внутренняя народа стоит к его страданиям (церковь) в том же отношении, как радость матери к перенесенным мукам. (Вот эту мысль вменить в Марию Мироновну и тем осветить всего «Царя». Ее конец: перемена от чувства смерти к рождению.)

А ребенок, рождаясь, тоже кричит и смолкает только, встречаясь с грудью матери. Мы знаем, что чувствует рождающая мать, но мы ничего не можем знать, что чувствует рождаемый. Это рождение в недрах природы-матери и предстоит дать в Зуйке. Но к символу корректив — наждачный песок жизни с такой убеждающей силой, чтобы никто не мог позволить себе догадаться о лесах постройки, этих символах-планах.

Все произведение — в оправдание жизнерадости, совершенно совпадающей и в родах, и в творчестве.

Итак, коммунисты — это акушеры, призванные к операции при мучительных родах. Россия — это мать рождающая, а я — «рождаемое» (Зуек). Вот почему мне и представляется во все эти 30 лет, что если меня убьют, то и мать не родит. А что я как-то цел остаюсь — остается надежда

на радость рождающей матери и на встречу младенца с ее грудью.

Что это, символ? Да! но это не символ «символического искусства», а символ веры русского человека, обнимающий партию как акушерство, партию как pars*.

3 Августа. Вчера в Ильин день под сильным долгим дождем набрал маслят на жареное. Приходил лесник Доронин, переметил деревья сухостойные. И самое главное, принесли план моего владения, и я теперь стал владельцем имения в 0,72 га.

После большого вчерашнего дождя и сегодня утро вышло пасмурное. Рожь наполовину не сжата и мокнет.

Хватился писать «Царя» — нет рукописи. Переискали весь дом с ужасным волнением: хватит ли духу восстановить по памяти, если пропало? И вдруг у Марьи Васильевны увидали мою страницу. Туда, сюда, откуда, как? И оказалось, рукопись моя лежит в Москве на столе и ею, как негодной бумагой, пользуются все для обвертки, для уборной! Как она попала в Москву? Думаю, что рукопись была в газетной бумаге, а Ляля приняла ее за старые газеты, забрала в Москву и там бросила. Марью Васильевну сейчас же бросили в Москву.

14-й год работаю, чего только не пережил, и вот какой конец! И все произошло, конечно, от неудачи последнего чтения с заключением «сомнения» Мартынова: в сомнении все дело, сомнение сбило меня с толку, и я несколько дней не думал о работе своей. В этот промежуток моей рассеянности мои добрые близкие люди и обошлись с моей рукописью как с негодной бумагой.

Так бывают случаи приятные и бывают неприятные. А с «Царем» мне прямо-таки не везет.

Теперь все зависит от того, сколько сохранилось листиков.

---

* Pars, part (*англ.*) — часть.

4 Августа. День простоял во всей красе. Рожь медленно жнут (а кому жать-то? люди как мухи). Учил Жульку на горохе, и вообще собака безоговорочно возвращает меня к моему детству (не физическому, а тому, чем держится всякий охотник). Ляля сажает клубнику.

Вчера Мар. Вас. привезла мою рукопись в целости без $1^1/_2$ страницы, которые можно легко восстановить. Не только «сомневаюсь» Мартынова, но даже и этот страшный урок расставания с рукописью пошел мне на пользу потому, что гонят меня от личного углубления темы и стиля (символизм) к простоте, ясности, убедительности: от избранного читателя к натуральному.

Что же это за натуральный читатель?

А это ты, мой приятель и друг, кого я знаю по себе в русском народе.

5 Августа. День ясный с набегающими и проходящими тяжелыми тучами. Начинаются прохладные зори с горячими жаркими полднями. Ляля уехала в Москву на договор с «Советским писателем». Раиса медленно движет портрет, измучила. Зина отлично ладит с прислугой Аней. У Ляли это основная болезнь, что боится управлять прислугой и часто обращается ко мне, чтобы я приказал: — Миша, прикажи Ане принести дров!

И все-таки чувствую, что никакое разумнейшее существо не могло бы мне заменить неразумную Лялю, потому что все на свете она делает с мечтой и в центре мечты ее, как солнце, любовь ко мне. Вот почему все ее недостатки надо терпеть и ждать: она привыкнет и переборет.

6 Августа. Красный день родился в тумане.

Читаю своего несчастного «Царя». О, как трудно писать, и бросить нельзя, как-то жутко остаться так и жить без «Царя».

Рожь в Козине еще не жнут.

Начал писать «Царя».

Ляля приехала из Москвы.

7 Августа. Точно как вчера, погожий день вышел из тумана, а ночь была лунная.

Погода и благодарность — родные: одна родилась в природе, другая — в душе человека. И чувство гармонии в душе человека вышло из благодарности, и в этом открылся человеку Бог.

И вот в это чудесное утро благодарю тебя, Боже, за чудесные темнеющие стручки акации с ее маленькими птичками, и нагруженные подарками для белок еловые вершины, и за всякую вещь, переданную человеку от человека, за стол, за табуретку, за пузырек с чернилами и бумагу, на которой пишу.

Человек — это мастер культурной формы вещей. На низшей ступени лестницы этих мастеров стоят те, кто ничего не вносит своего, а возвращает талант свой в том виде, в каком он его получил от хозяина. На высших ступенях располагаются те, кто всю душу свою вкладывает в творчество небывалого, и очень возможно, что об этих-то людях и говорится в Евангелии, что они полагают душу за других и что нет на свете большей любви, и всякая любовь, не имеющая такой благодати, есть принудительная добродетель.

Я живу в условиях принудительной добродетели, а ищу благодатного творчества — вот все мое положение.

Приезжал Лева перед своей командировкой в Астрахань и, как полагается, выпрашивал на дорогу денег. Удержался и не дал: не все же давать.

Маленькие вещи у нас давно пропадали, а тут вдруг все разом: пропал спиннинг, пропал бидон с автолом, все гвозди, штаны. Открылись глаза на Аню, и очень похоже, что она хочет удрать от нас с отъезжающим капитаном (ему нужен автол). Остается и тут порадоваться тому, что догадались и вещей украдено не так уж много.

8 Августа. Ночью немного моросил дождик, днем жарко. Липы так рано начали желтеть.

Закончил и прочитал Ляле «рассказ о вечном рубле» из «Царя». Было хорошо, а главное, впервые начал показываться Зуек, каким я его знаю в себе, и является полная надежда, что удастся вполне утопить символ в воссоздаваемой жизни (т. е. воплотить «будьте как дети» в жизнь).

Вижу грех мира, как в зеркале, в лице каждого ребенка и только в себе самом знаю и люблю то дитя, о котором сказано: «будьте как дети».

Раиса кончает четвертый мой портрет, и я точно заметил момент, когда у нее поэтический свободный вымысел уступает место живописной необходимости. Это случилось в четверг, когда я сидел подавленный и напряженный, а она вздумала на портрете открыть глаза. И как только она открыла глаза, появилась в лице моем жесткость, та внешняя моя жесткость, не соответствующая внутренней мягкости. С этого момента живопись пошла неверным путем и портрета не будет и быть не может, потому что «жизнь» пропущена.

Чувствую и знаю большую силу воли в себе относительно себя, но совсем нет у меня воли относительно прямого воздействия на других (могу себе все приказать, но людей могу только или просить, или орать на них). Вот «пустыня» и есть лаборатория личной морали.

А «партия» есть начало, противоположное «пустыне», она есть лаборатория морали общественной.

Пустыня питает «я должен» (ich soll) в отношении себя, партия «я должен» (ich müss) — в отношении общества.

Отсюда и расходятся исторические линии власти церковной и власти государственной («пустыни» и «партии».)

Пустынник в долине <*приписка:* Олег>, и к нему спустился с гор член партии <*1 слово вымарано*>, и они беседовали всю ночь. Вот где концентрация смысла нашего времени.

Тезис — партия — это muss, антитезис — пустыня — soll. Синтез: личность общественная, т. е. ich soll — то, что ich muss, т. е. я должен сознать необходимость, поступить в партию и таким образом сделать ее своей пустыней.

Ляля правду сказала сегодня: — Тебя, Миша, только за одну детскую правдивость твою пустят в Царство Небесное.

Вот эта детская правдивость и заключена в мотивах, движущих моего «Царя». Мне лично самому хочется превратить партию в свою пустыню, и сомнения мои, напишу или не напишу, именно и относятся к возможности войти в партию (т. е. в комплекс общественно-моральных требований нашего времени), оставаясь личностью (художником слова и христианином).

Я поставил этот вопрос на обсуждение, и оказалось, что все наши христианки тоже, как и я, способны приказывать себе и бессильны в отношении ближнего и что культура личного начала в такой мере, скорее всего, свойственна именно православной церкви (Востоку).

Ляля сказала, что такой уклон религии в сторону личного начала не отвечает Евангелию, где «погубить душу за ближнего» считается высшей моралью. Этим она бросила камень в дело Зины, которая отделалась от «погибели» души своим молитвенным даром (т. е. тем, что у Пушкина в отношении дела декабристов было поэзией и у меня «сушением сырого полена для Авраамовой жертвы»*).

Зина отвечала, что и она сама на пути к обретению молитвенного дара, и Пушкин в поэзии, и Миша в сушении полена не избегают пагубы души за друга, они всегда готовы, но спасаются исключительно «милостью Божией».

Вопрос: — Зинаида Николаевна! скажите, положив руку на сердце, Вы сознательно укрылись от костра Авраамова (жертвы)?

---

* См. запись от 15 Июня.

Вопрос: — Михаил Михайлович, раньше скажите мне сами, почему вы-то не сгорели на этом костре?

Ответ: — Не загорелся, Зинаида Николаевна! В то время как Авраам сложил костер и я лег в него, как сырое полено, на небе была вечерняя заря. По молитве Авраама огонь сошел от зари, костер загорелся. И Авраам, увидев, что я сырое полено и не горю, выбросил меня из костра. Никаких сознательных мер избежать костра я не принимал: просто не загорелся и скорбел об этом. А вы?

Она пробовала мне доказать, что, конечно, костер (жертва, Голгофа) есть самая сущность христианства, но воля Божия назначает, кому надлежит душу свою погубить за друга, кому, как Пушкину, талант души своей сделать светом для всех.

Я очень боюсь, что Ляля, восставая на свою Зину, присоединяется к тому хору болельщиков жертвы, к тому дыму жертвенного костра, который временно способен закрыть даже солнечный свет.

Но в существе своем Ляля живет, конечно, милостью Божией и никак не тянет всех на костер.

9 Августа. Жаркий день с грозовым дождем при солнечном свете.

Праздновали у Мутли рождение его 7-летней девочки Ани. Был музыкант Белов. <Вымарано: Разговаривали о генетике <нрзб.>, по которой можно видеть негодную муштру.>

Мне мелькнула мысль, что главу «Аврал» следует построить на противоположном начале: скажем, обратном той связи, в которой сливаются капли воды; пусть связь образуется под давлением (оно — давление — не морально, а стихийно).

<*Вымарано:* У нас и давление, и власть, и муштра, и самое государство, и весь советский быт вызывает мысль о том, что бытие определяет сознание в обратную сторону.>

Фактически происходит разделение земного бытия, «здесь» и по ту сторону: здесь государство, там коммуна, здесь по способностям, там по потребностям. Каждый, однако, знает, что сам он лично не успеет заслужить, достигнуть идеала и люди достигнут после его смерти... т. е. не все ли равно, если сказать «в царстве небесном». Но, скорее всего, теперь уже нет никаких твердых идей, и остается только сила государственного давления под воздействием международного положения.

По всей вероятности, для капиталистов опыт наш раскрывает глаза на рабочую ценность социализма, точно так же, как и нашим социалистам раскрылась уже рабочая ценность свободы индивидуума <вымарано: в капитализме>. Дай Бог, чтобы не война определила сочетание той и другой силы, а мирная жизнь.

10 Августа. Утро божественное или чудесное во всем смысле слова. Приехала Мар. Вас., привезла приглашение Ляле на свидание с Фадеевым. Надо сочинить письмо Фадееву в том смысле, чтобы издать собрание сочинений.

Дорогой Александр Александрович!

5-го Февраля 1948 года мне будет 75 лет от роду (р. 1873 г.). И мне хотелось бы воспользоваться этой датой, чтобы иметь возможность сосредоточить все свои силы только на творческой работе, а не на борьбе за существование. Я напомню Вам, что 15 лет тому назад я обратился лично к Вам ко дню моего 60-летия с просьбой издать мои книги. Вы с Горьким устроили мне это издание в пяти томах, и все 15 лет это собрание издавалось и до сих пор не кончилось: 5-й (и лучший) мой том консервируется <*приписка:* перед войной> «Государственным издательством», и я удовлетворился и существую изданием «филейчиков» (т. е. «Избранных»), которые разные издательства, помогая мне и себе, вырезают из моих сочинений.

Теперь я прошу Вас по случаю 75-летия начать новое издание моих сочинений, хотя бы листов на 100, в «Советском писателе». Пусть и на этот раз издание будет продол-

жаться не один год, но зато это уже наверно будет последним изданием при моей жизни, и при поддержке [финансовой] я могу сделать следующие <*зачеркнуто:* важные> работы:

1) Закончить <*зачеркнуто:* не озираясь на нужду> роман, который пишу урывками 14 лет.

2) Привести в порядок свои живые архивы, живые в том смысле, что из них можно выкроить несколько современных книг.

3) Дать возможность самому автору описать свою жизнь, какая она была, а не <*зачеркнуто:* тратить потом огромные деньги на легенды, создаваемые литературоведами> затруднять потом литературоведов легендами [построенными] на догадке.

Как видите, предложение мое имеет некоторый смысл и с финансовой стороны, если, как я надеюсь, писания мои после смерти не сразу будут забыты.

10 Августа. Стоят дни как величайшие праздники, на которые у людей не хватает силы благодарности.

Читаю газеты и думаю о следах политиков на бумаге, как о заячьих следах на снегу: кажется, следы как следы, а оказывается, у зайцев на следах задние ноги впереди. Так и политиков надо понимать: передние мысли прячутся позади. Когда этому научишься, то можно с интересом читать газету.

Понимаю, что Америка хочет создать капиталистический интернационал, а мы — социалистический. Там и тут национальному суверенитету подписан смертный приговор. Но цари наши всю землю нашу собрали в одном куске, и вопрос о колониях совершенно исчез... А в общем, время, конечно, работает на славянские страны, и когда время за нас, то все хорошо.

Вот это самое именно, что время за нас, и создает такое положение, что, будучи отрезан от движения мировой философской мысли, не чувствуешь своего личного падения.

Вечером пришел столяр Василий Иванович и сказал нам, что в Иславском продается хорошая коза. Я сел в машину с Лялей, в Иславском нашли бедного человека, мечтающего о собственном доме: хочет купить за 10 тыс. в Звенигороде полдома, продает козу, картошку и все, только бы жить в своем доме. Я дал ему, не торгуясь, сколько он просил, 1600 р., и увез Катю, молодую козу с большими рогами, домой. Теперь у меня две козы — Зорька и Катя.

11 Августа. Думал, не может быть дня лучше вчерашнего, а вышло, кажется, еще лучше, вышло то, о чем говорят в ектении: дня всего совершенна, свята, мирна и безгрешна.

Сомнение — это чисто личное свойство. Так вот, про себя, конечно, каждый должен сомневаться в существовании даже и Бога, и религиозный процесс в душе человека протекает как борьба с отрицанием, приводящая к победе утверждения вроде: «нет Бога, кроме Бога». Но этот процесс борьбы выходит из недр своей личности к другому человеку как утверждение, исключающее всякое сомнение. Простой, наивный человек, потребитель религиозного творчества, принимает готовое утверждение.

<*На полях:* Душа трепещет, как листик на паутине.>

Пророк говорит: — Нет Бога, кроме Бога! — И так, отклоняя путь своих сомнений, сам верит, конечно, в свое утверждение и тем самым освобождает других от необходимости переживать сомнения: так образуется пастырь и его стадо.

И у нас в Сов. Союзе этим самым путем были связаны массы. Их жизнь «на веру» таит в себе огонь какой-то внутренней энергии, и около этой-то энергии ходят политики наши, понимая силу ее по прошлой революции.

Наши политики гасят сомнение в массах идеалами «культурной жизни», устраняя из поля зрения все дурное как случайно переживаемое. «Мещанина» они понимают в массах и его «ширпотреб» объединяют понятием «культурной жизни».

Спасая собственную жизнь, убивает на войне человек человека, и так же в мирной жизни, спасая себя от страшного долга палача, он приказывает другому человеку быть палачом. Скажут нам: есть приказы добра и есть приказы зла. Пусть! но все эти приказы, перемежаясь в зле и добре, сводятся к тому основному приказу основного человека, который вышел из тайных своих сомнений в утверждении: «Нет Бога, кроме Бога» и пр. Это утверждение и есть родник всех приказов.

Итак, в основе пророк, победитель сомнений, предлагающий свою веру в приказе для масс как готовое блюдо.

И рядом с пророком — исполнитель его приказа, первый палач, Великий Подхалим, человек, понимающий дело (наверно, еврей), исполненный всяких сомнений, но знающий цену утверждения пророка, связывающего безумную, хаотически разрушительную волю масс.

И ты, Михаил, помни, что твоя задача — обойти Великого Подхалима чистотой твоей веры... NB. Оставим на будущее, зная вперед, что все разрешается в «будьте как дети», имея в виду дитя в собственной своей душе.

NB. У меня это дитя в творчестве рождается: я действительно, как мать, рождаю это дитя и им убеждаю людей, своих читателей; и Ляля содержит это дитя в чреве своем, и думаю, что это самое чувство святости нерожденного является ее внутренним критерием всего, что в церкви можно назвать Великим Подхалимом (попом).

В этом и есть тайна и очарование моей богородицы, и ее такая неувязка с добрыми делами старых дев христианства, и какая-то близость особенная и сходство со мной.

Доктору Топчияну. Дорогой Сергей Захарович,

у меня есть два сына, Петр, благополучный биолог, и Лев, известный Вам мученик литературы и фотографии. Сын Петр, не видав Льва больше года, когда свиделся с ним, то ужаснулся деградации его общего вида, приехал ко мне и создал в моем воображении картину катастрофы.

Вы, Сергей Захарович, как врач, а может быть, тоже как отец, поймете это болезненное чувство ответственности

личной в слепом родовом воспроизведении человека. Никаким размышлением тут не отделаешься от этой ответственности. Я бросился к доброй Александре Николаевне, и она, в свою очередь, бросилась к Вам за помощью и наделала Вам столько хлопот.

Между тем этот самый Лев <*приписка:* мученик и мучитель>, собрав силенки, достал себе фотографическую командировку от журнала «Искусство» в Астрахань на рыбные промыслы. И, ничего не сказав мне, позвонил Вам и отказался от путевки.

Если бы я знал о решении сына путем личного усилия выйти из состояния болезни, я бы непременно бросился к Вам на радостях все объяснить и поблагодарить Вас. Но я сижу в деревне под Звенигородом, погруженный в свою работу.

Я знаю, Сергей Захарович, что Вы меня поймете и простите. Но я затрудняюсь в том, как и чем я могу отблагодарить Вас за бескорыстное человеческое Ваше отношение.

Разве вот что в Октябре поеду в Армению и напишу книгу о Вашей родине. Давайте на этом остановимся: напишу книгу, и чудесный Арарат спасет меня в Ваших глазах так же, как однажды спас Ноя Праведного с его ковчегом, наполненным всякими животными.

Прочитал это письмо Ляле, и на том месте, где Ной, она оборвала меня: — Что ты, что ты! он коммунист, а ты ему о Ное Праведном.

12 Августа. Рассветает в тумане, и только к семи утра из тумана выходит жаркое солнце. Лето в зените!

В профессии нам дается задача преодоления необходимости и средство к этому — поведение, т. е. отношение к своему таланту с прилежанием и вниманием.

У Раисы движение в профессии идет за счет служения семье, причем формальное служение в смысле борьбы за существование остается, а душевное прикосновение исчезает. В душе торчит вечное «как?» художника, а дети,

перекидываясь с предмета на предмет, требуют непрерывного внимания к себе. Остается, как она говорит, найти гувернера, сдать ему черновую работу воспитания, свои же встречи с детьми делать праздниками. В моей жизни было просто: мать работала, мы росли... В церковь таскали, погнали в гимназию. Но были праздники...

Ляля уехала на свидание с Фадеевым.

В мыслях у людей бывают сомнения, предваряющие утверждения: человек сомневается лично, а к людям приходит уже со своим утверждением. Так точно и в жизни у людей бывают постоянно несчастья, и сильные люди переносят их легко, скрывая от людей, как сомнения. Но когда после неудачи приходит радость, то кажется всегда, что эта радость нашлась не только для себя, а годится для всех: и радостный, счастливый человек бьет в барабан.

Так, сомнения, неудачи, несчастья, уродства — все это переносится лично, скрывается и отмирает, а утверждения, находки, удачи, победы, красота, рождение человека — все это сбегается, как ручьи, и образует силу жизнеутверждения.

Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека радостный выход в люди, в свет. Это открытие и легло в основу жизнеутверждения, которому посвящены все мои сочинения.

Покупка двух коз определила мое сознание. Огород, ягодный сад и две козы с травосеянием на половине участка могут вполне дать минимум средств существования и создать минимальные условия независимости от литературных гонораров.

Второе утверждение — это что я могу теперь устроить жизнь свою с Лялей, как ее надо было устроить с самого начала, и больше для нее, чем для себя. Надо было взять одну Лялю, а тещу оставить, где она жила, на Тишинском, и помогать ей. Теперь я это сделаю: теща будет жить на

Лаврушинском, в санаториях, но здесь будем жить только мы с Лялей, и если она не захочет, то пусть живет с матерью, я же здесь буду с Макридой и козами. Но я знаю, Ляля захочет.

Ближайшие дела:

1) Добыть дрова на зиму. <*Приписка:* Сделано 25 Августа.>

2) Отеплить летнюю кухню и весь дом.

3) Проверить страхование.

4) Осенью сделать посадку ягодных кустов и плодовых деревьев.

5) Подготовить участок для травосеяния.

6) Осенью спилить сухие деревья и подготовить материал для маленькой летней дачки на берегу реки (или ремонта у Домаши).

7) Навязать для коз 400 веников. <*Приписка:* Сделано.>

8) В Москве достать сухой штукатурки на кухню.

Лялина ужасная нервозность исчезнет, как только она будет жить здесь одна со мной.

9) Поехать в Москву с Вас. Ив. и купить все столярные инструменты.

13 Августа. Серия жарких солнечных дней, выходящих по утрам из тумана, продолжается.

В глазах честного коммуниста Мартынова я увидел пионерскую линейку и пошел (вчера) смотреть спартакиаду в пионерском лагере. Увидел множество детей и смотрел долго в их глаза. В этих глазах большею частью я узнавал родителей этих детей, чаще мать, но иногда и отца, узнавал невиданных мною людей в законченно-бытовом обличии на фоне щемящего чувства греха. Редко встречались глаза у детей свои, без отношения к родителям, и тогда становилось радостно и приходило в голову, что все искусство наше образуется вне рода, неожиданно вразрез с наследством родителей

Пионерский парад был зеркалом всей нашей жизни, представляющей на поверхности общественно выучен-

ного, механизированного человека с глубоко спрятанными в себя личными чувствами. Мы, взрослые, научились хорошо жить про себя, и русскому человеку, может быть, и полезно пройти эту школу. Но раздвоенный ребенок в механизированной общественности с затаенной личной жизнью — явление тяжелое и даже страшное, и душа вопит: отпустите из плена наше дитя!

С другой стороны, когда разумно подумаешь, то детям в пионерском лагере предоставлено все, о чем мы когда-то мечтали в гимназиях, и даже больше, чем мечталось тогда!

Вот и разберись теперь!

В связи с этими впечатлениями встает мой Зуек, ребенок, пришедший в разум «Царя природы». Ясно, что дальше нашего немца-пионера в этом не пойдешь. И если надо изображать «Царя», то этот Царь будет тем нашим внутренним ребенком, о котором сказано: «будьте как дети».

14 Августа. Вчера к вечеру день замутился, солнце закрылось, ветер подул, стало прохладно. И казалось, кончились роскошные дни с утренними туманами. Но сегодня опять пришло солнечное утро. На западе, однако, растет полоска облаков, и чем кончится это?

<*Приписка:* Кончилось по-вчерашнему, ветром и холодом.>

Вчера приехала Женя Барютина и отнеслась скептически к портрету «молодой художницы». Но пусть! Раиса все-таки ближе к правде со своим портретом, чем Женя со своей добродетелью. Раиса борется всей личностью за свой талант, а Женя заменяет его <*зачеркнуто:* церковной> добродетелью.

Лялю Фадеев примет в Москве только сегодня, и она приедет вечером. Надо полагать, что, скорее всего, ничего не выйдет. Но если пойдет «Избранное» 24 × 3 = 72 + «Тетрадки» 9 × 3 = 27, т. е. всего почти 100, да еще есть 25 = 125

в перспективе + «Географический сборник» 20 = 145 или 150 окончательно. Итого по 10 тыс. = 15 месяцев. Чего же лучше!

Газеты редко читаю, но зато вижу в них больше.

1) Борьба каждого за себя: борьба за существование.
2) Борьба за свой род: общество.
3) Борьба за свое первенство в обществе: личность.

Ночью приехала из Москвы Ляля. Она видела Фадеева, и он обещал свою помощь. Но вообще это только начало хлопот.

15 Августа. Итак, в полдень 13-го с высокого летнего стиля природа шагнула к осени, стало вдруг прохладно, слабый накал электричества дает о себе знать: начались вечера.

Не понимаю, почему писатели и поэты всего мира так мало уделили внимания постоянству болтовни прекрасного пола во всех классах общества. Никто еще не посмотрел серьезно на эту форму общения, на этот непрерывный водопад слов, в котором факты плывут, вращаются, сталкиваются, как бревна сплавного леса. Полжизни женщина проводит во сне, $^1/_4$ — в болтовне и на $^1/_4$ — не больше! находится в рабочем сознании. Женское движение, между прочим, направлено в сторону осушения болтовни, и тут происходит что-то похожее на осушение болот.

16 Августа. Заосеняло. Прохладно. Моросит дождь. Вот уж неделя прошла, как оборвался в руке чайник и обварил ногу. Ляля по приезде своем уложила меня в кровать.

У нас стал бывать пианист Владимир Сергеевич Белов. Вчера пробовал ему рассказывать о философии своей работы, и он очень понял меня в мыслях о «давлении».

Я говорил, что в стихии под давлением частицы сливаются, как, напр., в стакан воды дождевые капли, падая, на-

жимая одна на другую, сливаются. Мы не можем сказать, как в слитой воде ее молекулы, все ли одинаковые или, может быть, тоже отличаются между собою. Мы берем такие сложные формы, как дождевые капли, и видим, что они, образуя силу воды, просто сливаются. А люди, как все мы замечаем, под давлением жизненных обстоятельств не сливаются, а, напротив, каждый, имея со всеми общую цель, начинает борьбу за свое первенство.

Мы считаем безоговорочно человека царем природы, может быть, только потому, [что] человек нам ближе и доступнее для наблюдения, что человека мы можем понимать «по себе», а природа «в себе» нам недоступна. И, приспособляя богатства природы в пользу себя, еще неизвестно, господствуем ли мы над природой или, напротив, природа заставляет нас подчиняться своим законам.

Так вот и атомная сила теперь открыта, может быть, в том же порядке, как ручей подмывает скалу, чтобы она на него же и обрушилась.

NB. На моем веку совершилась огромная перемена в сознании человека: в мое время еще верили просто в науку, что человек овладевает законами природы себе на добро, и такое победное шествие человека, царя природы, вперед называлось прогрессом.

Тогда люди, верящие в прогресс, назывались прогрессивными, а идущие в хвосте и не верящие в прогресс — ретроградными.

Мой дядя И.И. Игнатов читал энциклопедический словарь последовательно от буквы «А» как единую книгу, посвященную добру прогресса. Мало того, его племянник И.Н. Игнатов, доктор медицины Парижского университета, сотрудник «Русских ведомостей», неустанно школя себя чтением новых книг, гоняясь за временем, в сущности, ничего другого не делал, как читал энциклопедический словарь, единую книгу, посвященную добру прогресса.

И дочери его, тоже уже старушки, Таня и Наташа, представительницы остатков арбатской интеллигенции с ее

фанаберией знания — тоже читают до сих пор словарь добра прогресса.

Вот почему, может быть, эта интеллигенция так и ненавидела марксизм, свергающий с божеского престола Энциклопедический словарь и определяющий ему, как всей науке, скромное место в служении творческому коллективу в добре всего человечества.

В науке есть чары не меньшие, чем в искусстве, отвлекающие личность человека от конкретных условий добродетели (творчества добра) в том смысле, чтобы служить лучшему всех людей, как себе самому. Так мы долго жили в чарах науки, создавшей нам мираж прогресса.

Идол прогресса как добра вырастал как стимул экспансии, удовлетворением себя движением вширь. Теперь этому идолу верят разве только люди, ограничивающие себя каким-нибудь делом: больше сделал, значит, больше в карман положил, и значит, стало лучше.

Больше людей, больше потребностей, больше дела, и так все лучше и лучше. В этом и теперь вера Америки. Но что-то случилось, что-то потрясло эту веру, какая-то причина вызвала в свет коммунизм как ограничение чувства лучшего в движении. Машина человечества остановилась перед какой-то преградой.

17 Августа. Со вчерашнего дня на сегодня передался «осенний мелкий дождичек». Сижу и лежу с ожогом ноги. Весь извелся.

18 Августа. День в ночь и ночь в день передают дожди. Сижу прикованный к стулу или кровати. Заботы, охоты, печали и радости — все прошло. Болтнул Ляле с горя:

— Вот и радость жизни, благодаря которой я <*вымарано:* и при большевиках> как писатель получил всеобщее признание. Кто знает? А может быть, я невольно являлся провокатором: завлекал людей в жизнь, и они от жизни

получали одну скорбь. Я им обещал радость, они же получали страдание.

— А я всегда так говорила, всегда так думала: жизнь есть скорбь, я об этом молчу теперь только из-за тебя.

Она это сказала на ходу и вышла укладывать мать.

Тысячи мыслей пронеслись у меня в голове, и о смертной печали человека, и о радости любви и рождения, и о буддизме, и о прекращении рода человеческого, как в «Крейцеровой сонате» Толстого, и о «Черном лике» православия, и о светлом христианском Воскресении, и о силе внутреннего человека, которой предстоит теперь сделать выбор между атомной энергией на уничтожение жизни и на ее восстановление, и о своем романе, где 80-летняя старуха Мироновна для жизни встает из гроба, и о бедной моей Ляле, прикованной к постели матери и мечтающей о путешествии в солнечную страну Армению. Все, все, чем живу в своих писаниях, промелькнуло, и когда Ляля вернулась, я ей ответил:

— С твоим пониманием жизни можно только определить себя на уход за старухами.

Таким людям, как Ляля (и то же ее мать), не хватает профессии, определяющей жизнь в ее необходимости и в ее смысле, и в радости. Лялина любовь ко мне на $^3/_4$ держится тем, что в уходе за писателем, в дело которого она верит, она возомнила или открыла себе профессию мастера любви. Так выходило раньше огромное большинство женщин в профессию жен, домохозяек и матерей. Ляля возвращается к этой «профессии» при условии выхода своего из женского стада матерей в небывалое (она служит во мне небывалому).

Усадьба Дунино пришла ко мне в точности как замещение Хрущева.

И общество собирается вокруг усадьбы, как в Хрущеве.

Соседи мои, семья проф. Кондратьева в даче Беера, семья Ульмер, удивительные антиподы Белов и Мартынов, семья Мутли, «мать Раиса».

Какие тысячи, а может быть, и миллионы семян выклюют птицы в природе, пока одно-единственное из них станет деревцем!

А люди хотят, чтобы у них не только бы все выживали, но еще чтобы все вырастали хорошими! И мало того, чтобы все выживали, хочется еще долголетия и в будущем даже бессмертия...

Где-то в Крыму среди древних желтых пещер, вблизи Караимского кладбища Чуфут-Кале я видел дерево тис, которому тысячу лет было считанных и еще много неизвестных, несчитанных. Дерево было все очень черное, в корявых запутанных сучьях. Были, конечно, и зеленые листики, но, скорее всего, маленькие или редкие: зеленая куща в памяти не осталась. Напротив, из черного выходило из памяти что-то красное, похожее на красные веки восточных глубоких старцев. Но дерево это на желтом фоне было единственное уцелевшее из множества.

А мы, люди, хотим, чтобы все так уцелели и были бы все молодые.

Капитализм выходит из природы, как выход из множества: из всех выходит, как тис, и остается единственный.

Социализм ищет добра всем, он хочет создать борьбу между единицами в равных условиях: доступность образования всем, равенство законов для всех.

Таким образом, в социализме дело идет не о сущности жизни, а об условиях жизни, равных для всех, и в этом есть все добро социализма. В этом «добре» у нас все мужики стали умными, и женщины по нужде, равняясь с мужчинами, забросили семьи и омужичились.

Хорошее и плохое, меняясь местами, равняло условия жизни, и вырос по всей стране кустарник.

А ты, древний тис, все стоишь...

Царь природы.

Если спросить Мартынова, коммуниста-доктринера, о том, как он понимает «царя природы», то он ответит: это

человек, овладевший всеми богатствами природы и ведущий в ней свое разумное хозяйство в смысле ее эксплуатации для себя.

Если же второго моего соседа спросить <*зачеркнуто:* Влад. Серг. Белова>, то он в деле эгоистической эксплуатации человеком природы никак не увидит в человеке ее «царя». Он скажет, что, напротив, человеку надо отказаться от природы и тогда вся она, вся земля со всеми своими богатствами и зверями ляжет у ног его и скажет: «Я твоя, мой царь!» Он скажет, что таким царем природы был преподобный Серафим.

Такие два «царя» живут возле меня, один под горой, Мартынов, самолюбивый калека, и другой на горе <зачеркнуто: Белов>, замечательный музыкант, отлично играющий на плохом инструменте каждый вечер во славу Господа.

Если позвать всех — это значит выкликнуть худших, потому что жулики проворнее честных и скорее добегут. Вот почему людям дают имена и потом в опыте жизни, заключив сырого человека в имя, вызывают не сразу всех, а именами, Петр или Настасья, Иван или Марья, по очереди.

Кроме литературных вещей, в жизни своей я никаких вещей не делал и так приучил себя к мысли, что высокое удовлетворение могут давать только вещи поэтические.

Впервые мне удалось сделать себе дом как вещь, которую все хвалят и она самому мне доставляет удовлетворение точно такое же, как в свое время доставляла поэма «Жень-шень».

В этой литературности моего дома большую роль играет и то, что вся его материя вышла из моих сочинений и нет в нем даже ни одного гвоздя несочиненного.

Так мое Дунино стоит теперь в утверждение единства жизни и единства удовлетворения человека от всякого рода им сотворенных вещей: все авторы своей жизни, и всякий радуется своим вещам.

Я очень хорошо помню, что при выборе места для дома учитывал близость к дому отдыха, где люди живут незанятые. Теперь благодаря этому в моем доме гости бывают, как в наше далекое время: это просто настоящие гости, а не люди, оторванные от дела, похожие на растения, выдернутые прямо с землей.

Вчера у меня были Штейнгауз Лавр Николаевич и Елена Васильевна, была доктор Анна Ивановна Михеева и еще, и еще кто-то, забыл.

19 Августа. Спас Преображенье.

Сегодня утром я заметил почему-то с удовольствием легкий налет от внутреннего нашего дыхания на холодной поверхности стекла. Через некоторое время солнце пробилось через серые тучи, и я понял, что удовольствие мое от пара на стекле было предчувствием солнца, как это бывает при начале осени.

Четвертый том Шолохова начал читать с той радостью, которая так прекрасно побеждает тревогу перед встречей соперника. У меня эта тревога связана отчасти и с тревогой за свой образ мыслей: есть какое-то поведение в основе моего писательства, и оно мне до того ясно, что навертывается тема: искусство как поведение.

Но в советских повадках писателей есть что-то враждебное этому поведению, и я это враждебное считаю препятствием росту настоящего таланта. Если же, однако, случится, что талант явится в этих условиях, то может оказаться, что я просто отстал от времени и не могу понять нового времени. Конечно, я могу себе представить, что талант какой-нибудь прорвется и, как скакун, перелетит препятствие. Но чтобы при общем рукоплескании, как триумфатор вроде Фадеева, мог явиться настоящий писатель — этого я не допускаю. Вот почему я был очень доволен, когда, просмотрев «Молодую гвардию», понял, что это не искусство.

Когда же я начал читать Шолохова, то радость встречи с талантом победила мою тревогу. Я уже начал было радо-

ваться, как вдруг пошли скучные страницы и вскрылась вся литературная стряпня, и я понял, что Шолохов от природы — талантливый человек, но некультурный, и нет в нем и не может быть ни старого, ни нового поведения, а только естественное счастье доброго сына своего донского народа.

В дальнейшем будет, вероятно, так.

Мы, русская интеллигенция, наученные нашими великими учителями, духовную культуру предпочитали материальной и ставили ее на высшую ступень. Этим духовно-сектантским отношением к жизнетворчеству мы отличались от европейцев и американцев, неспособных даже понимать Достоевского.

Теперь же, когда жизнетворчество будет скоро предоставлено всем, то, конечно, поэтические вещи отступят на дальний план сравнительно с обыкновенными жизненными вещами, вроде того, как случилось это со мною при устройстве своего дома: я почувствовал дом как вещь, ничем не уступающую вещам литературным, с той разницей, что вещь «Жень-шень» существует для всех, а вещь «усадьба Дунино» для меня и для моих немногих гостей.

При такой материализации общества писатели новые никогда не могут занять высокого положения наших учителей, если только мир не вступит в какие-то новые условия и не создастся новая культура. Она и создастся, только нескоро, мы же пойдем пока по пути материализации, и Бог благословит этот скромный путь нашего, быть может, и всеславянского жизнетворчества. Итак, поклонившись нашим великим умершим, тронемся в путь, втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых.

Шофер, увидев хозяев, отложил в сторону газету, завел машину ногой, рукой открыл дверцу.

Усевшись, плотный гражданин сказал:

— Ну, поезжай с Богом!

Другой повторил:

— Поезжай, Бога нет!

Оба засмеялись и несколько раз повторили:
— Поезжай, Бога нет!

20 Августа. Серое, но тихое задумчивое утро. Нога заживает, но двигаться не дает. Раиса уезжает в Москву. Сегодня должна приехать Перовская (и еще женщина!), которая в виде опыта возьмет на себя все, что делает Ляля, и ее освободит совсем для меня.

Ночью представилось ясно движение вспять нашей народной политики: 1) возвращение женщины в дом, 2) ограничение приема в вузы, 3) еврейский вопрос, 4) религия и т. д. В особенности страшным предстал еврейский вопрос (в связи с погромами в Англии).

По нашему опыту создается не тело интернационала или, скажем, этика, а спекулятивная величина, вроде бесконечно малой, логарифма и т. п.

Так, напр., на Каменном мосту долго висела искусно нарисованная колоссальная вывеска, изображающая сыр, в то время как гражданин самого сыру купить нигде не мог. <*Вымарано:* Точно в этом же роде висят у нас и права гражданина.>

В то же время нельзя сказать уверенно, что вывеска «Сыр» вовсе не имеет никакого значения. Эта вывеска, сохраняющая в себе, так сказать, принцип сыра, идеал его, возможность достижения, таит в себе будущий сыр, потому что нельзя же ежедневно смотреть на вывеску сыра и не раздражаться желанием покушать. Дело евреев — посредством подобной спекуляции выводить нацию из состояния покоя, удовлетворенности в раздражение, движение. Евреи — это мешалка, фермент брожения, грибок вечной революции. Попадут в нацию — будут разлагать нацию, в монархию — разложат монархию, в коммунизм — разложат коммунизм и социализм. Так вот и будут их бить при наступлении реакции, покоя, отдыха, мирного строи-

тельства, и опять [будут] искать этот грибок, когда понадобится <*вымарано:* революция>. При нашем истощении и при необходимости устройства жизни евреев у нас скоро начнут выгонять: и уже начали.

Еврейский вопрос — и сколько их, таких вопросов, живет в нашей душе именно как «вопросы», к которым в данный момент мы не можем подойти с решением: в жизни решается, и мы сами решить не можем головой, а только раскинуть мысли по жизни, спросить, в каком это теперь положении. Вот эта готовность, эта настороженность к степени разрешения основных вопросов культуры и являются составом души современного культурного человека.

Кто-то поставил вопросы культуры, кто-то подошел к их решению, но автор должен сам их поставить себе и сам разрешить.

Вот это сам в природе и в человеческом творчестве является одною и тою же силой жизни, условием жизнетворчества.

И разве такого рода творчество в искусстве не может быть образом творчества самой жизни, жизнетворчества, и образом поведения?

Радость жизни, жизнерадостность, жизнетворчество — и во что обращаются все эти прекрасные понятия, когда возьмешь эти слова в понимании бытового современного еврея, понимающего жизнь как дачу для своего семейства и племени.

Евдокии Костромской-Павловой.

Уважаемая...

Стихи Ваши судить не берусь, но только чувствую, что они одеты не в современное платье и в новых журналах их печатать не будут.

Рассказ «Трое» — хороший. И одежда его была бы приемлема в современном обществе (пусть в толстом журнале), если бы не был он так мал для большого журнала. Се-

рия в пять-шесть-семь таких рассказов могла бы показать лицо автора.

Остается попробовать дать рассказик в такой журнал, как «Дружные ребята», в расчете, главным образом, на то, что хорошо и честно написано. В письме своем к ним я отнесу рассказ к теме дружбы. И, может быть, Вам повезет. Попрошу их Вам ответить, а не ответят — напишите, и я еще попрошу.

Ваше одиночество и неувязка биографическая с литературным миром создают у Вас о нем неверные представления: литературный мир — это не субъект, подлежащий нравственному суду, а среда, через которую надо пробиться, как пробивается каждый, кто создает себе профессию: крестьянин идет в лес с ружьем, писатель в журнал с хитростью.

Когда строили Каменный мост, разве те, кто стоял в холодной воде в Москве-реке или нырял между бревнами, думали о счастье тех, кто будет ходить потом по новому мосту? Или тот, кто после пошел по замечательному мосту, может вспомнить имена тружеников, получивших на строительстве вечные ревматизмы конечностей? Нет, ни потребители не вспомнят, ни рядовые строители не найдут облегчения в радости будущих людей.

Конечно, я могу то и другое сделать, как мог бросить курить, мог написать книгу, мог выстроить дом в невозможное время, мог добыть себе Лялю, и еще мало ли что я могу. Мне иногда кажется даже, что я все могу, если мне дадут и сам я себе дам полную свободу, обеспеченную невозможною ленью. Вот в этом-то тесте ленивом приходит такое мгновенье, когда вдруг захочется взяться за него и, не отпуская, действовать с огромным риском поломать себе ноги и руки.

Да, я могу дать себе обет и начать, и все довести до конца, но вот решиться на обет очень трудно, и непременно требуется, как условие для разбега самолета, тоже совершенно свободная площадка для разбега личности.

21 Августа. Вчера весь день простоял серый, задумчивый, тихий и глубокий. Сегодня солнце борется с туманами и облаками.

Ночью вспоминал лукавого царедворца А.Н. Толстого — до чего он был талантливый, поверхностно-легкий и плут. Редкое сочетание способностей в русском литераторе. Что-то купеческое было в плутовстве Толстого. А у Горького плутовство особое — людей прежней мещанской слободы. И тому и другому легко было с нашими властями: оба в своем отношении к ним были свободны, Горький наигрывал в себе веру в социализм, Толстой устраивал свои делишки неплохо. Я же и сейчас несвободен от личного раздражения и происхождение этого раздражения понять в себе не могу. Думаю, что <*вымарано:* это от глупости:> я все еще стараюсь видеть идею в нашем движении простодушно.

В Ляле я стерегу никак не хозяйку, не жену даже. Она была мне последнею дверью, которая раскрылась передо мной в общество. Первая дверь была в Париже: приоткрылась и захлопнулась. Последнюю Ляля открыла, и я почувствовал себя наконец человеком. Вот и надо понять, что же именно во мне самом было такое, что вывело меня в люди: ведь мои успехи в литературе, Ляля и проч. были в результате чего-то — чего? Если, как говорят, талант, то это само по себе ничего не говорит: талант — это сила добра и зла, но что же именно создает поведение?

NB. Чем была улыбка царя для какого-нибудь Володи Трубецкого? Разве он думал, какой это царь, какие его дела, и отчего все, и как. Царь улыбнулся, и для Володи это было то же, что солнце вышло. Так и мне какой-то царь улыбнулся и определил мое поведение. Володя был наивен и чист сердцем. Я тоже был чист и в таком себе узнаю свою мать. Вот тут-то, в матери, и таится мое «поведение», а ум пришел постепенно с годами.

Самоограничение является источником силы: «Откажись от земли, — сказал праведник, — и она ляжет у ног твоих».

Я отказался когда-то с болью сердечной от любви к женщине, и любовь с радостью жизни в виде поэзии явилась ко мне в мое распоряжение.

Спрашивается, от чего должен отказываться человек, если он желает получить власть над людьми? Вероятнее всего, он должен отказаться от радости жизни.

Вот нет у меня ни малейшего желания властвовать, и за то мне дана радость жизни. И, скорее всего, за то меня и не принимают к себе, сторонятся и т. п. невольники власти, что я в ней совсем не нуждаюсь. И тоже терпят меня и не срамят, как Пастернака, Ахматову и Зощенку, за то, что в тайне самим очень хочется недоступной им радости жизни.

Организаторский талант, в котором каждый иной талант подчинен воле организатора, по всей вероятности, и есть та сила зла или греха, которая противопоставляется как необходимая ограничительная власть нам, жизнелюбцам. Скорее всего, именно это мертвящее организаторское начало революционных подпольных кружков от какого-то первого Ефима до последнего Мартынова, от <*вымарано:* Радищева до Сталина> сатирического негодования Радищева до всеобщей принудительной добродетели <*вымарано:* Сталина> и является той необходимостью, которая противопоставляется искусству как выражению свободы или радости жизни.

22 Августа. Тоже, как и вчера, задумчивый теплый день, думаешь — дождь, выглянет солнце, ждешь солнца — слегка брызнет дождь. Поля опустели, и по ним во множестве люди собирают колосья. Старики говорят: — Раньше люди колосья не собирали, и после жатвы на полях были только птицы да зайцы. <*1 строка вымарана.*>

Раньше! И в будущем! И там и тут хорошо: старикам «раньше», молодежи «в будущем», а середина — настоя-

щее: год голодный провели как замаринованные в лимитах селедки.

Ляля сегодня идет в Райисполком за дровами на зиму.

Нога остановилась в заживлении и ходу не дает мне.

— Он, может быть, и совсем не работал.
— А как же?
— Ему пришло в голову.
— А это бывает?
— Ну, как же... Придет такое что-нибудь в голову, ты напишешь, тебя расхвалят. А потом утвердишься в своем положении и всю жизнь будешь кормиться, разрабатывая этот вопрос, как оно пришло тебе в голову и как нужно складывать свое поведение каждому, чтобы оно само собой приходило в голову и всем, кому захочется, можно было бы тоже так хорошо написать.

23 Августа. Из легкого сизого тумана вышел красный день.

Ляля вчера вывихнула ногу по пути в Звенигород, и сегодня решается вопрос, едет она в Москву за деньгами или Катя.

Вчера приходили с сочувствием (нога так все и болит) доктор Михеева Анна Ивановна, Елена Васильевна Штейнгауз (жена Лавра Никол.), доктор Фрида Ефимовна Шуб, Анна Евдокимовна Каштаньян (жена Хачатура Сергеевича), Анна Ивановна Казина, Андрей Фед. Мутли.

Умные женщины потеряли всякий интерес к политике и ограничиваются своим женским миром.

Однако, не произнося слов, все живут какою-то своей жизнью с учетом если не всего течения, то всего ближайшего: так щепочка плывет по быстрине, ныряя, сворачивая, крутясь, проталкиваясь.

Ясно, что равнодействующая общественных сил теперь направлена в сторону реакции, что вообще в нашей

стране революционные идеи изжиты. И еще ясно, что и во всем мире теперь реакция, направленная в лоб против нас. Предстоят вообще большие перемены, и затея моя выйти на большую дорогу, по-видимому, построена тоже неверно, как неверно я выпалил статьей о постановлении ЦК и сценарием. Думаю, что, скорее всего, «Царя» надо отложить, а то получится как со сценарием: скажешь, а тебя сто языков поправляют.

У нас живут два быка, советский бык Мартынов («честный коммунист») и норвежец Мутли (тоже «честный»). Их можно послушать, но, конечно, это только две волны от плывущего, правая и левая: самого же пловца не видать.

Относительно «Царя» вывод такой: я запутался из-за «большой дороги», на которую меня поманила «Кладовая солнца»; и бык Мартынов, взяв меня на «сомнение», как на рога, принес мне великую пользу. Я теперь не вернусь к «Царю» до тех пор, пока не вытравлю из себя до конца мысль о «большой дороге».

Есть во мне большое, чистое чувство природы, которому надо верить, отдаваться и не загрязнять его мыслями о «большой дороге». Ведь не возьму же я славу Фадеева в промен на свою, и даже путь Шолохова ничего мне не подсказывает, потому что я много впереди его: он мог написать только о родной земле хорошо, а я могу написать о чужой земле, как о своей.

Есть в моей природе личной чувство вечности, и я говорю о нем, когда пишу даже о собаках, и вот почему я создаю прочные вещи и моему «Колобку» уже за сорок лет. А «Кладовую солнца» будут читать как новое и через сто лет.

А на большой дороге вечности нет... Там люди проходят, и хочется выйти на нее только по старой памяти: там Пушкин шел, и Грибоедов, и Гоголь, и Тургенев, и Достоевский. Конечно, их бы теперь не пустили. Но кажется иногда, что, может быть, и не внешние условия виноваты,

а мы сами такие, перевелись большие. Вот и хочется другой раз попробовать.

Тут соблазн, который может быть оправдан при условии самому не соблазняться большой дорогой и выбросить о ней из головы всякую мысль. Несколько лет я в раздумии жил между «Надо» и «Хочется» — и в последнее время долго жил в оправдание «Надо» (т. е. за государство и против разнузданного «Хочется» революции). В этом настроении я и «Царя» писал: показать «необходимость» природы. Теперь же, наверно, не зря настроение мое переменяется в пользу «Хочется», и к «Надо» я делаюсь более равнодушным.

Сейчас в воздухе вообще пахнет полузабытым временем, когда ждали хорошего от перемены правительства <*вымарана 1 строка*>. Война смела эти волнообразные настроения. Теперь же от начала войны уже проходит семь лет, запахло новым урожаем.

— Неужели, — сказал он, — когда-нибудь настанет время, и человеку можно будет обойтись на земле без помощи Карла Маркса?

— Вы это говорите точно с тем же выражением, как мы мечтали когда-то жить без царя. В нашем обществе тогда жила такая флюида, благодаря которой всякую личную неудачу при общем сочувствии можно было сваливать на царя. <*Зачеркнуто:* И какое это воображаемое бремя свалилось тогда в то утро, когда вошли в комнату люди и сказали, что царь Николай отказался от трона в пользу брата Михаила, а Михаил отказался в пользу народа. Стало прямо физически легко где-то у себя за ушами, на шее...

А теперь вы мечтаете остаться без Маркса? <*4 строки вымарано*> Не пора ли вам, немолодому человеку, понять, что сам человек в своей свободе независим <*1 строка вымарана*> ...

То, что некоторая доля свободы распоряжаться собой есть одна из прирожденных способностей человека, мож-

но видеть по чудакам, которые не хотят жить как все, и еще по концам: иногда под конец жизни иной таких чудес натворит, что молодому даже и не приснится.

И вот тоже чувство бессмертия – тоже прирожденное чувство, иначе как бы мы жили беспечно до невозможности и безумно жестоко или отдавали бы иногда совсем даром другому свою короткую жизнь...

24 Августа. Утро богатое, холодная седая роса на капусте, и тугие завернутые кочаны раскинули вокруг себя, как седые бороды, нижние, покрытые росой листья.

Я успел памятью подхватить этот источник счастья, откуда оно льется мне в душу при начале каждой осени. Это было на хуторе графа Бобринского (Балахонском, где я был управляющим еще в 1903 году (44 года тому назад)). Душа моя была взорвана до самого дна, до самой природы и соединялась свободно со внешней природой: отсюда потом стало во мне это чувство природы нарастать.

Боже мой! какой я был бедный, никаких средств, никакой профессии, марксистское образование и никакого умения, ничего, ничего! И все-таки, несомненно, я мало-помалу справился с собой и вышел в люди. Широкое *ничто* во всех отношениях и какое-то *нечто*, подлежащее ныне определению.

Для сравнения беру Леву, который тоже ничего не знает, ничего не умеет и тоже держится каким-то «нечто». Скорее всего, это заразительное для всех наивных жизнелюбие, Лева получил его от меня, размотал по мелочам и когда хватился, то богатство уже утекло и остался ни с чем.

Я же получил это наследство от матери и вместе с тем тоже получил какой-то страх Божий, оберегающий мое наследство, как железный сундук. Из этого железного сундука я ничего не взял для себя и прямо свою радость жизни переложил в словесный несгораемый шкаф. Вот отчего и получается, что все почти написанное мною не

стареет и почти через полстолетия остается свежим для читателя, равно как и доступным для читателя всех возрастов и всякого образования.

Вчера Раиса представила, как она меня понимает: ей кажется, будто я получил в жизни все, о чем она мечтает: я видел замечательных людей, замечательные страны и теперь могу быть спокойным.

А между тем в то время я был так глуп, что не видел посещенных мною стран, не сходился вовсе с замечательными людьми: жил я за границей на студенческие гроши, что я мог видеть! Ну, просто положа руку на сердце, я должен сказать теперь, что нечем было гордиться и не на что. И вообще надо и теперь не забывать, что такого особенного чего-нибудь и сейчас нет во мне...

...Так я понимаю, что, наверно, и настоящие великие люди, если к ним близко подойти, такие же мелкие и дробные, как мы, и их величие происходит от того, что они стоят возле великого и нам на него собою указывают. Если с той мерой к ним подойти — они и велики, а если с нашей, то и они все точно такие, как мы, и живут мелочами. И вот, наверно, и мое неведомое «нечто» такого же происхождения: я тоже чувствую то великое рядом с собой и выражаю эту близость чувством радости жизни.

В этом чувстве богатом так мало того, что называют «умом», а межу тем имеющий ум, если бы ему предложили за его худой ум это богатое чувство, обрадовался бы и просиял, как самовар, и [это] наводит на ум, что мое «нечто» получено мною из запаса национальных богатств.

Ночью думал о том, как наши «массы» отстранены были от непосредственного участия в управлении путем партийного отбора. Долго нам казалось, что это происходит в обиду истинно демократического чувства, пока нам не доказали, что истинной демократии нет и она везде делается точно <*вымарано:* как и у нас> посредством отбора: <*вымарано:* итак, значит, демократия есть не кратия масс, а кратия отбора (элиты), заключающего массы в рамки за-

конов и правил. Элита живет и растет, как всякий живой организм. Элита живет и ползет, как и улита, принципом отбора всего полезного себе, и все полезное, понимая свою безвыходность, само ползет навстречу элите. И так она ползет, все толстея.>

Долгая жизнь при здоровом сознании позволяет на себя самого поглядеть как бы со стороны и подивиться переменам в себе самом. Так вот я себя раньше помню в постоянном движении и как будто я все время стремлюсь достигнуть и открыть небывалое. И теперь прежняя радость жизни не оставила меня, но только уже не я сам движусь, а вокруг меня все движется.

Раньше, мне кажется, я ходил вокруг какого-то центра, теперь я стал центром и мир ходит вокруг меня.

Раньше мне казалось, будто я могу опоздать, и я очень спешил догнать Небывалое.

Теперь, напротив, привлекает мое внимание все то, что постоянно бывает и повторяется тут где-нибудь у себя под рукой.

Согласно этой перемене, распределяются во времени и мои литературные работы, имеющие отношение к географии нашей родины.

Раньше я был в поисках края непуганых птиц и описывал все незнакомое.

Теперь я наконец дома и хочу заниматься микрогеографией, т. е. как будто я сам сижу на месте, а мир ходит вокруг меня и по знакомым близким предметам я постигаю его движение.

25 Августа. Вчера под вечер была гроза, и дождь остался на ночь, мелкий, но теплый. Утро пришло хмурое, с задумчивыми синеющими уголками в лесах.

Вчера начал ковыряться в географической книге. Охотно бы отдал редактору географу-педагогу, но боюсь, провозится долго и деньги скоро не получишь. Раскачаюсь и сделаю сам.

Вообще пора выбросить тревожные перспективы, пусть все само делается, а я буду смотреть и понимать «мир в себе».

Мне очень дорого, что у Ляли вообще, кроме дурацких правил домашнего поведения, ничего в голове не застревает, ничего не торчит колом или столбом. Ей можно смело высказывать любую мысль, любое сомнение, даже в существовании Бога, если только это сомнение есть своя личная новая мысль. Нет! что я говорю: межевые столбы и колья изгородей, конечно, и в ней тоже имеются, но эти столбы никому не мешают.

Ляля вернулась из Москвы и Голицына: с деньгами в «Советском писателе» все не вяжется, с дровами кончено: привезут на дом 20 кубометров.

26 Августа. Вчера, перемежаясь, шел самый теплый летний дождь. Вечером все было насыщено теплой влагой, как на Дальнем Востоке. Пришло теплое утро и опять с теплым летним дождем.

Нет, это не дождь был, а как роса: обрызгал кусты, и стало разъяснивать. После этих теплых дождей, наверно, маслята пойдут.

27 Августа. Туманы за рекой вчера вечером вставали, как кисейные занавеси, и стелились по лугу. Утро пришло золотое и теплое, но, как и вчера, наверно, будет за день все, и дождь, и ясно. Говорят, грибы начинаются.

Ночью добром вспоминал Трубецких и против них, детей, видел людей с умыслом принудительной добродетели. Вспоминались любимые коммунистами марксистские сентенции о том, что «мы, изменяя природу, сами изменяемся. Мы теперь уже не те!».

Пусть так, изменяемся, но почему мы — в лучшую сторону, если природа изменяется в худшую? Все это умысел,

и «будьте как дети» именно и сказано против умысла. А принудительная добродетель и есть порождение гордого умысла, неметчина.

28 Августа. Успенье. Дни проходят теплые с перепадом дождей днем и ночью. Сегодня что-то совсем хмурое утро, ветреное и чуть-чуть похолодней.

Делаю книгу «Моя страна». Ляля обирает с капусты червей, поднимает на палочки тяжелые помидоры.

Рассказ о собаке и ее хозяине. Сверху если смотреть, то все так понятно и просто: сидит внизу собака, а я наверху за столом пью чай, и она протягивает ко мне лапку, и я понимаю: просит кусочек хлеба. Сверху так просто, но когда войдешь в положение собаки <*зачеркнуто:* и сам станешь протягивать лапку, то становится все чудесно и непонятно> и себе представишь, что сам очень мало можешь и все у тебя тоже от хозяина, и что хозяин тут возле тебя. Разве что вот положение крепостного человека, вроде Савельича в «Капитанской дочке». (Найти сюжет. Материал, напр., натаска Жульки: как в мире образуется центр.)

29 Августа. Вчера с утра до ночи моросил дождик, и я под этим пахучим дождем ходил за грибами в Чигасово. Все пахло осенью: стволы деревьев, ветви, листья, падающие с берез, какие-то вянущие травы. Набрел на просеку и возле нее искал по холмам. Тут были высокие редкие березы, между березами низенькие елочки, между елочками там и тут березовые грибы, а изредка и подосиновики. Набрал на жареное. Выхожу на опушку, вижу, стоит не то пень, не то громадный гриб, не то старичок. Стал приглядываться и понял, что старичок. Подошел поближе, понял, что живой старичок. — Чего ты стоишь? — спросил я. — Дожидаюсь хорошей жизни, — ответил он.

Сегодня хмурое, ветреное, прохладное утро. Но дождя пока нет.

Вчера в Успенье глупенькая Катерина Николаевна упрекнула Лялю в том, что она заставляет в праздник Аню работать. Так и сказала: — Не все же, милая, в свой карман. Боже мой! что тут было. Ведь это самое слабое место у Ляли, впрочем, как и у всякой интеллигентной хозяйки — понуждать человека к работе. Это гораздо хуже, чем голыми пальцами давить капустных червей... Точно так же, как и я в таких случаях, Ляля вывалила ей в ответ все самое обидное.

Я бы не мог никак пальцами подавить несколько тысяч капустных червей, я не мог бы целое лето каждый день назначать грубой девке работы... Надо об этом подумать, как организовать хозяйство: 1) Если в расчете на себя, то нужно сделать маленький огород, садик и все остальное засеять для коз травой. 2) Найти подходящих людей, чтобы работали сами, без понуждения.

30 Августа. Хмурое, но не холодное утро. Чуть моросит грибной дождь. Прямо по дорожкам лезут грибы. Ляля едет в Москву подготовлять комнату теще.

Пишу «Наша страна». Не дают работать домашние. Клянусь, что не пущу тещу в Дунино с ее штатом, и в то же время чувствую, что не обороть мне Лялю, не хватит необходимой жесткости. А надо, надо для моего дела. Бросил же курить я так великолепно, неужели нельзя бросить тещу? Может быть, и одолею, и может быть, процвету, и все станет мелочью, а может быть, и умру. Видно будет!

31 Августа. Хмурое, но теплое утро, как и вчера. Моросит грибной дождь. Вчера принес корзину всяких грибов и ни одного белого. Очень натрудил ногу, и дело, наверно, не в ране, а в мускулах, неправильно работающих из-за раны. Все дачники уехали из Дунина, и вечером стало светло (их электрические печки уехали). Пишу «Моя страна». Ляля вчера уехала в Москву.

1 Сентября. Ниже дома над всей рекой, над всеми лугами и полями морем улегся туман. Солнце поднимаясь,

принялось за него и он полез наверх, редея. Я в восторге шептал «дня сего совершенна».

Ляля в Москве устраивает комнату теще. Я устраивал машину, чтобы увезти, наконец, старух. Катерина Николаевна без Ляли великолепно хозяйствует, отлично ладит с Аней. Куда Ляле! Но вечером вышел с ней на веранду и как начала она описывать красоты природы, не знал куда деваться. Не дай-то господи! Видно, прошли времена таких жен хозяйственных, комнатных и лучше Ляли не может быть на свете жены для меня. Только дай Бог ей здоровья!

Пишу великолепно «Моя страна», главу о Кавказе.

Сбегал в лес по грибы. Поднимая березовик, что-то разглядел в папоротнике. Смекнул, не смея довести до сознания, и когда раздвинул папоротники, увидел гигантский белый гриб. Ножка его была толще моей руки, шляпа — как большая тарелка. Рядом с этим отцом стояла во всей красе дочь — тоже взрослая, в малую тарелку, и от нее недалеко внук — тоже в ладонь. Я хотел уже уходить, как вдруг разглядел за березой, прислонившись к ней, стояла громадная — больше всех — мать семейства. Много было маслят и моховиков, были маленькие красноголовики и березовики. Едва донес корзину.

Ляля приехала усталая, без новостей. Проглядел газету и что-то царапнуло душу: чего-то я в нашей политике и насыщенной ею общественности недопонимаю. И страшно, что не могу уже больше понять.

2 Сентября. Туман не лежит, как вчера, а стоит, и все заслоняет. А солнца не видно и чем все кончится? Думаю, что рано или поздно солнце придет.

Ляля, приехав из Москвы, что-то болтала о политике. Какое-то слово, сам не знаю какое, ранило меня, и меня охватила тоска внешняя: как будто я, собственник своей индивидуальности, как барин живу, всем виден, опознан, учтен и заключен в клетку. И даже эта работа моя о родине

кажется невозможной: ведь я о родине говорю по примеру своей личности.

3 Сентября. Хмурое утро. Моросит. Голова не свежа. И на сердце вековечное чувство то же самое, как только начал помнить себя еще мальчиком. Чувствуешь, что у тебя дома не как у настоящих людей, не так мы живем, как следует.

Чтобы убить тоску, пошел за грибами и шел в лесу до обеда. Собрал корзину подосиновиков, моховиков, подберезовиков и нашел семью белых. Проходил четыре часа и убил усталостью и мысль свою, и тоску, и весь ушел в чувство «экзистенс» точно такое же, как и всего существующего.

Ляля говорит, что упадок мой объясняется недостатком творческой среды. Это правда. Но я никогда раньше и не имел такого соприкосновения. Я только знал, что такая среда существует.

А сейчас я сомневаюсь в том, что она существует, и в то же время сомневаюсь в себе: может быть, это я теряю свой талант, свою раздумчивую остроту восприятия, свои дальние туманы возможностей.

И опять вспоминаю время РАППа, очень похоже на наше: я тоже тогда сомневался в себе и замышлял себе конец в Бельских лесах, но потом оказался способным написать «Жень-шень».

То и другое возможно. Скорее всего, однако, что это новый РАПП виноват, и тоже как и тогда этому РАППу не видно конца (РАПП — результат воинствующего напряжения, и ему воистину не видно конца).

Время господства политики над всеми духовными силами.

Для политика всякое понятие условно и принимается в расчет лишь в учете его рабочей ценности в политике.

Так, например, церковь в существе своем содержит идею вечности («и врата ада не одолеют ее»), а для поли-

тика нашего рабочая ценность церкви состоит в удовлетворении требований иностранных держав.

Точно также и родина — для меня это родина нашего языка, нашего слова и с этим словом всего лучшего.

Для политика понятие родины ценно, поскольку этим понятием укрепляется в народе социалистическая власть (социалистическая родина).

Но каждый политик, поскольку он тоже человек, непременно в глубине души содержит и попираемую по необходимости идею вечности.

Он тоже хотел бы настоящей родины и даже может быть настоящей церкви.

Ради своей политики он готов убить любого верующего, любого патриота.

Но когда верующие патриоты, имеющие в себе идею вечности, ради своего существования подделывают ее под временное, тогда он набрасывается на таких людей решительней, чем на своих врагов.

И потому именно, что сами как люди живые, в глубине души содержат идею вечности или, проще говоря, веруют.

А.Н. Толстой. Благодаря своему таланту и такту был так укреплен, что сквозь пальцы посмотрели на его «Хлеб», но гадливое чувство все-таки осталось. А напиши я — меня бы в клочки разорвали.

Изумительная удача с «Кладовой солнца» привела меня к соблазну выйти на большую дорогу. И скорее всего Мартынов, видя меня идущим по канату, и сказал свое «сомневаюсь». Так лунатик идет по карнизу и прошел бы, но кто-то, увидев, крикнул «ах!» и лунатик упал. Так вышло с моим «Каналом».

Мартынов как коммунист в нашем времени, изверившийся в том коммунизме, с которого все началось, понял меня как лунатика, крикнул «ах», и я перестал писать свой «Канал».

Скажи я такому же дураку о своих планах перед «Кладовой солнца» — он бы тоже крикнул свое «ах», и я бы тоже не мог написать.

А чем занимаются теперь пишущие руководители агитации и пропаганды — только тем, что честно всем хором кричат всему искусству «ах»! И никто не может рискнуть написать о том, что мерещится ему и чего именно все ждут и что именно надо. Мне лично говорят, что я только один теперь могу так написать, что от меня этого ждут...

И так я, пожалуй, что и выведу необходимость своего поведения: конечно, я никогда, с расчетом выйти на большую дорогу, не напишу своего «Канала». Я могу написать его только, если совершенно забуду о большой дороге и пойду за своею звездой. Для этого, может быть, надо поступить как при РАППе: уехал я тогда на Дальний Восток, а приехал, и РАПП отменили. Так надо и теперь уехать в Армению куда-нибудь.

Два понятия: творчество и рождение («рожденна, не сотворенна»).

Оба эти образа действия разделены между собой полами: Мужчина творит, Женщина рождает, и то, что мы в искусстве называем творчеством, носит характер то в собственном смысле творчества (Моцарт), то рождения (Сальери).

С одной стороны мы признаем в творчестве муки. С другой — творчество, как «дух веет, где хочет», т. е. мы ценим в творчестве освобожденность от мук (рождения).

Христос — это мужество, но христианство все женственно и сосредоточенно вокруг рождения.

(И самое Воскресение, как освобождение от мук, от родов.)

Сосед Шильдкрет заболел в Москве. Ляля обежала весь дом за подписями, всех обзвонила, подала в Союз, и Шильдкрету выдали значительное пособие. — Вы поступили, — сказал Ш., — как настоящая христианка. — Ляля, помню, ты говорила, начиная это дело с Ш., что тебе оно выгодно и все в доме будут знать о тебе, как общественном человеке, и сосед будет благодарен. Как же теперь понимать это добро, если ты действовала с расчетом личным? — А как

же, мы вообще существа порочные, не склонные к добру, нам нужно принуждать себя к добру, обманывать себя, завлекать себя в добро личным интересом. Вот я себя и завлекала — добро от этого не стало меньше. — Но ведь если ты себя в добро завлекаешь личным интересом, то каждый, преследующий личный интерес, может ссылаться на добро. — Мне-то какое дело, пусть ссылаются, я говорю о себе, о своем личном интересе сделать личное добро для несчастного Шильдкрета.

Маргарита, увидев шкатулку с драгоценностями, конечно, подумала, что Фауст добрый человек и хочет ей добра. Если бы невинность не портилась и не была бы годна только для одного раза, можно бы так и жить Маргарите с верой в такое добро. От такой веры и злые люди наверно бы добрели. Но невинности хватает только на одного человека. В дальнейшем Маргарита должна обманывать невинность: краситься, пудриться, кокетничать и вообще быть проституткой. Вот почему, жалея невинность, Мефистофель и поет свою серенаду.

4 Сентября. Вчера к вечеру стало сильно холоднеть. Бросились убирать помидоры. Набрали двадцать три ведра. Сегодня утро прохладное, медленно на западе и на востоке и вокруг всего неба свертывается снизу ночное тяжелое одеяло облаков.

Уметь переносить свою старость — это великое геройство.

Возвращаюсь к мелькнувшему когда-то порыву сделать старуху героем.

А счастье личной благодарности и есть чудесное собачье состояние души: собака видит непосредственно бога. Нищий, живущий счастьем в благодарности, — тоже, как и собака, соприкасается с богом.

И вообще, искренняя восторженная благодарность происходит от соприкосновения с Богом и в этом сопри-

косновении — хлеб наш насущный. Не отсюда ли философия времени «экзистенс?»

Почему, наверное, мы с Лялей так и любим собак: Мы с ней сами собаки, исполненные жажды благодарности. И вся моя поэзия питается этой благодарностью и доверием. И все наши горя и страдания происходят... Ах, вот отчего я так удивительно в «Кладовой солнца» описал Травку: это я сам свою благодарность в отношении к Богу изобразил. Ну так чего же ты, Пришвин, сейчас унываешь? Благодари и благодари постоянно Бога, что удалось тебе понять себя в этом и написать. Больше, больше благодари! Может быть, тебе в твоем «Царе» удастся изобразить благодарность животных своему «Царю», и сам Царь в этом явит свою милость, потому что откуда же может у царя явиться милость, как не через благодарность своих подданных?

После походов в лес за грибами и муки удерживать четыре-пять часов Жульку вблизи себя, сегодня на лугу пожинал лавры за свое терпение. Жулька, сдерживаемая, стала ходить с чутьем, стремясь достигнуть дичь, если не бегом, то чутьем. В сущности, и мы, люди, умнеем тем же путем. Она стала делать стойки по птичкам, а не гоняться, и я так стал уверен в этом, что пускал ее на широкий поиск. Уверен, что если теперь пойдем на болото, будем отлично охотиться. Очень был рад возвращению своей охотничьей самости.

Три главных ведущих писателя. Эренбург, Фадеев и Симонов. Тройка: коренник — Фадеев и пристяжные.

— Ляля — сказал я, — как мне отделаться от личного чувства неприязни к этой тройке и презрения? — Вот именно, что в этой неприязни много личного. Ведь стоит этой тройке выразить тебе свое восхищение, прислать кардинальскую шапку и... — Правильно и гнусно. А что для этого? — Отказаться от литературы. Это правда, но не совсем. Я должен отказаться только от выхода на большую дорогу и вернуться, например, к детской литературе, как было при РАППе.

Итак, детская литература, Пименова летопись (дневники) и ферма с козами. На этой базе надо вырастить целый букет оградительных чувств, способных погасить во мне вышеназванное чувство к «тройке» и т. п. Думаю, что для этого надо и показываться в Союзе, и выступить, чтобы стушеваться.

5 Сентября. Сверкающее сентябрьское утро на границе мороза. Еще немного к Ивану Постному и на восходе сзади кочек в тени можно будет застать белый мороз.

С утра Ляля толкует мне о том, что среди писателей я самый счастливый: от всех ничего не останется, а Травка из «Кладовой солнца» будет жить вечно. — Это раз, — сказала она. — Второе у тебя — это я. Третье — у тебя есть дом.

Может быть, окружить ее животными в Дунине? Древний человек начал приручать животных. И женщина, конечно, женщина, начала это дело. Вот отчего такое спокойствие и удовлетворение охватывает, когда соприкасаешься с уходом за домашними животными. Приходишь в связь со всем человеком от начала культуры. Является радость существования: «природа науку одолевает».

А нас теперь хотят переделать так, чтобы наука, т. е. не прошлое владело нами, а будущее: перекинуть мост из прошлого в будущее, минуя настоящее. Вот именно, минуя настоящее, т. е. минуя себя самого, свое я, в его эгоистическом радостном и жадном ощущении жизни.

Так все эти пионерские линейки и комсомольские походы делаются за счет детства: родители вопят — возвратите нам наших детей. Но только ослабьте чуть-чуть вожжи, бросьте кнут — и сейчас же явится настоящее, и в настоящем непременно то, что называется капитализмом.

Наши теперь отлично понимают, что такое капитал (не по Марксу), понимают, что в какой-то степени он необходим, что дело политика не уничтожить его, а оградить движение его от вредных последствий и т. д. Но ослабить

вожжи нельзя. И вот тут-то вся наша беда и запрет мысли. Бьется, бедная, как рыба об лед.

Прислали печатное предложение за 25 тысяч написать очерк, показывающий иностранцам, что у нас хорошо (конкурс).

Приехали благополучно в Москву. На дворе подошел генерал Крюков (муж Руслановой) и пригласил меня на охоту.

Москву перемазывают к празднику 800-летия: вонь и пыль.

6 Сентября. По небу, только по небу вижу, какой день пришел золотой. Отлично писал «Моя страна». Наполовину кончил с машиной. И вообще все хорошо.

7 Сентября. 800-летие Москвы. Солнечное утро, на крышах Москвы чуть заметны белые следы утренника.

Дела мои: 1) утро до обеда — смажут машину, 2) после обеда Елагин.

8 Сентября. Именины тещи (Натальи). И еще такое же утро, как вчера золотое. Иллюминация Москвы удалась на славу, роскошные огневые фонтаны, переходящие столбы, портрет Ленина в виде луны и настоящая природная луна в виде Ленина. Все небо дрожало в электрических лучах, весь простой народ, пьяный и трезвый, был на улице. Вот про иллюминацию ничего нельзя плохого сказать — это удается.

Узнал от Елагина, что в Обществе охраны природы выбрали Мантейфеля, и вся затея превратилась в очередной жульнический трюк, и я был доволен, что вовремя сумел от них сбежать. Подозреваю, что и в кино у Еремина тоже вроде этого и что такой выход из трудных положений есть повседневное явление, какая-то перманентная иллюминация. Вопрос должен стоять так: где этого нет?

Читал Елагиным «Моя страна». Супруги во мнениях разошлись относительно Колумба: жена говорила, что открытие Америки Колумбом не может быть поставлено в число примеров расширения нашей физической родины, а муж не соглашался, говорил, что можно. Мы не сразу поняли, почему нельзя говорить о Колумбе и только уж через какое-то время поняли, что это из-за Америки: Колумб открыл враждебную нам страну капитализма.

Переживаю РАПП в кубе, и надо привыкнуть к этому и учиться смотреть правде в лицо.

9 Сентября. Утро серое. Собираемся ехать в Дунино.

Сколько уже лет лист за листом отрывали от купола церкви и, наконец, остался голый каркас из проволок. На каркасе луковица и на луковице крест. Над крышей нашего флигеля против моего окна виднелся этот каркас с крестом, сколько уже лет! И вот за два дня до 800-летия Москвы Сталин в бинокль из Кремля увидел ободранный купол, распорядился, и в два дня каркас был обтянут железом. Я молился на этот крест 8 лет и так сжился с куполом, что незаметно и сам себя стал понимать, как ободранный купол, и когда вдруг купол починили, я подумал, а что если так и меня Сталин заметит? И пора бы!

Вот вчера сидели за столом Попов и Саушкин. Попов говорил, что убедился в большой моей славе: Пришвина знают все, и мужчины говорят об охотничьих рассказах, а женщины – о «Жень-шене». – Это верно, – ответил Саушкин. – Но только есть одна категория людей, где Пришвина не знают. Я недавно одному профессору литературы назвал имя Пришвина, а он ответил: «Знаю, знаю, он написал историю Пугачевского бунта».

И это верно, народ меня знает, но профессора литературы не знают. Администраторы литературы знать не хотят. Вот почему и хочется, чтобы хотя бы в бинокль кто-нибудь из них поглядел на мой ободранный купол с крестом.

Вчера беседовал с Саушкиным и утвердился в решении собрать книгу «Моя страна». Ввести главу «Борьба за первенство». А в «Черного араба» — «Адама и Еву».

Саушкин вчера осторожно критикнул все мои попытки выступить из области вечного и коснуться современности в духе политики. И так вообще у коммунистов: имеют право говорить о политике только они. Это отчасти от ревности, а отчасти по тем же причинам, как бывало шофер Ваня отстранял меня от соучастия в ремонте машины, «не грязнитесь, Михаил Михайлович, дело это...» и сплюнет.

Доехали хорошо, с нами Елагин. У самого дома небольшая новая авария, так тряхнуло, что радиатор попал на крылья вентилятора. Посадили цветы. Володя нарезал прутьев и сплел корзины. Он устойчиво называет плохое плохим, но не делает из этого обобщения. Благодаря первому он имеет успех у правых, а благодаря второму держится у левых и сам коммунист. А может быть, как было и с Катынским, молчит потому, что «состоит»*.

10 Сентября. Тепло, мягко, солнечно. Ходил с Володей за грибами. Сел отдохнуть. Возле меня стояла береза на обнаженных корнях как на шести ногах: две впереди, две назади с той и с другой стороны раздваивались, и росла наполненная водой белая сыроежка.

На земле уже были всюду разноцветные осенние листики, и часто среди них показывался гриб, исчезающий, когда к нему приближался, чтобы поднять. Всюду в лесу между желтеющими листьями и травами виднелись крупные красные ягоды ландышей: где весной была белая душистая чашечка, теперь висела на той же цветоножке крупная красная ягода. Год обернется и опять будут у ландыша белые цветы. И у нас, у людей, ведь тоже теперь осень. И наши красные ягоды начинают чернеть, и в тайне уже каждый ждет жизни белой, душистой.

---

* Так и оказалось (примечание В.Д. Пришвиной).

Вспоминаю разговор за столом. Попов говорил: «Я не знаю, что это сон: утро — это рождение, а сон — это как смерть, каждые сутки я рождаюсь и умираю. — И каждый год, — сказал Саушкин, — земля обернется и у нас новый год. — Но меня мало интересует вращение природы: там свое, а у меня свое. — Нет, — ответил я, — там и тут одно и то же — день и ночь в природе — день и ночь в душе человека. Там весна — и у человека весна, там зима — и у человека зима. — Но человек стремится выйти из этого круга. — Похвально! Только, значит, в кругу же он сам, если стремится выйти из круга: мы об этом говорим, о единстве с природой. А что человек ночь в день превращает, а день в ночь, и еще мало ли что, это особый вопрос.

Вечером рано стемнело. Заморосил самый мелкий дождь. Уехала Екатерина Николаевна и Елагин. Мы, наконец-то, остались с Лялей вдвоем. Наконец-то я вышел свободно на веранду. И вдруг появляется Иван Федорович, плотник из Пушкина, и опять все зашумело. Завтра надо поставить его на работу, найти сапожника, сходить за шофером на завод, к Доронину за сеном.

11 Сентября. С утра моросит мелкий теплый дождь. Иван Федорович стал на работу. Вышло солнце. После обеда к вечеру собрались синие тучи и слышен был гром. Наверное, это будет последний гром. Все бросились за грибами.

В лесу навстречу моему глазу на невидимой паутине висели уголком две сосновые хвоинки. Паутина спускалась с самого верха высокой сосны и хвоинки служили подвеском. Я потянул хвоинку вниз на вершок, отпустил и хвоинка прыгнула вверх. Я так до аршина натягивал и все она прыгала. И после того оборвалась паутинка и хвоинка упала на землю. Я подумал о том, как в природе все одно с другим связано и нет в ней ничего случайного, и если выйдет случайное явление, ищи в нем руку человека.

В лесу было тихо и только наверху волнами шумело. Только изредка невидимыми путями внизу проходил сквознячок и шевелил какой-нибудь желтый листок, спущенный сверху паучком.

Итак, если явится случай в природе — ищи в нем руку человека с его небывалым, с его личностью, с его борьбою за первенство. Такой случай есть тоже и грех, как условие нравственного сознания.

Вечером после грома ходил к Доронину-леснику за сеном для коз. По пути учил Жульку на клевере. После дождя и грома косые лучи падали на зеленый лес под тяжелой синей тучей так резко, что издали виднелись шишки на елках. К вечеру похолоднело. Ночь началась урожаем звезд с тоненьким золотым серпиком месяца.

12 Сентября. Строгое, холодное, яркое утро, дело чуть не дошло до мороза, а возможно где-нибудь он и был. Вот картошка везде стоит уже черная, а у нас еще зеленеет. По окнам ручьи бегут. Ужасно болит спина и не могу идти за дупелями. Но может быть, и пересилю себя: охотник это может. Охота, работа, забота — вот моя троица. Охоте я подчинил свою заботу и работу. А Ляля вся во власти заботы и, что самое удивительное, заботой и вдохновляется. «Охоту» она признает лишь в том случае, если она является как право таланта: начинается в себе, а выходит делом для всех. Но если нет таланта, и охота является для себя, то она не признает и отдается заботе, которая исключает жизнь для себя.

13 Сентября. С утра ветер и дождь. Вчера явился Василий Иванович и вставил двойные рамы. Иван Федорович строгает щиты на окна. Аня копает картошку. Отдал в починку болотные сапоги. Катька-коза не приняла козла (опоздали) и т. д., и т. д. Теперь видно становится, что из этого дома уже не уйти, что этот дом — последний.

В Пушкине в прежней моей даче живут «сестры» — Игнатовы и Барютины. Игнатовы — родственники, Барютины — близкие через Лялю. Игнатовы хотят установить свое первенство в силу родства, Барютины — через близость к Ляле. На самом же деле, что больше — то родство или это? Отвечаю: с какой женщиной я сплю — тут и мое родство.

14 Сентября. Серое, грибное утро. Тишина. Неподвижная серая зелень. Потом явился матовый свет и «весь день стоял "как бы хрустальный"». Я собрался пешком в Иславское болото, расположенное между Аксиньиным, Иславским и Николиной Горой. Наслаждался видом с берега в Аксиньине. В болоте встретил лося. Жулька сделала отличную стойку по бекасу, но вырвался заяц и она умчалась. Точно также вышло со стойкой вдали по перепелу. Вообще собака пошла и охотиться можно. Только надо отучить далеко отходить и работать без себя. Надеюсь, что с третьего поля она начнет остепеняться. На будущий год надо найти обильное дичью болото и непременно в июне (в конце) — поработать.

Радость жизни на охоте вливается в душу широкой струей, как вино из кувшина в рот.

Был Н. Душой и телом честный немец. Он говорил, что немцы растратили себя на войну, что американцы это учтут, что в мире господствует идея мирового единого правительства. Он еще говорил, что явление капитала является частным уклоном широкого понятия личной инициативы <*дальше зачеркнуто*>.

Трудно вывести что-нибудь из такого настроения. Но для себя я уже вывел с Мартынова: «Канал», как задумано в теме «да умирится же с тобой», нельзя написать и надо переждать. Еще я чувствую, что каждый человек во всем огромном народе переживает время и думает тайно по своему, начиная с того лесника: «что-то есть».

Еще я чувствую, что Черчилль в своем национализме отстал, что нацию надо утверждать в творчестве мира, а не войны, что Бога Вседержителя надо поставить во главе интернационала, а deus для каждой нации пусть будет deus caritas.

Приезжал морской майор с женой — владелец сына Норы* Денди.

Приходил Мутли — прямой телом и духом.

15 Сентября. Гром. Утро полупрозрачное. Ходил в лес за грибами. Набрал подосиновиков, маслят, опят и несколько белых. В покрове из разноцветных листьев становится все труднее высматривать грибы. Во второй половине дня брызнул теплый дождь и слышен был гром.

16 Сентября. Дождь моросил такой мелкий, что я за пять часов ходьбы в Аксиньино не промок. Вскочил заяц. Жулька по приказу легла, но заяц стал завертывать во все лопатки. Отлупил. По второму тоже пустил. Тоже отлупил. И по птичкам, если далеко бегает. Остается переждать до следующего лета и тогда непременно перед охотой в июне-июле отработать по тетеревам и бекасам.

Иван Федорович сделал все ставни, три полки, две скамейки. Завтра сделает погреб.

17 Сентября. Тепло и сумрачно. Серые потные окна в ручейках. Где-то в лесной тишине над разноцветным ковром...

Люблю я свой дом и природу, и Лялю послал мне Бог, и так чувствую себя, будто в крепости я, и все прежние упреки себе я отпустил.

Правда? Не знаю. Остается зуд от необходимости пережидать время. Другой раз так заточит в душе, что взял бы пистолет, раз, раз! раз! и всех бы перестрелял. А потом оду-

---

* Нора — собака Пришвина.

маешься и обрадуешься, что можешь сам лично, всей своей особой, встречать и обнимать новый день в росе и тумане.

Кличку Жизель я дал своей собаке после спектакля с Улановой. Из этой «Жизели» мало-помалу вышла Жулька и так осталась, Жулька и Жулька.

Много собак я за всю жизнь проводил, но такой светлой души как у Жульки я не встречал никогда...

Эта собака меня обожает в полном смысле этого слова: обожает, значит, делает из меня своего бога.

Можно восхищаться выходной древесиной, какая чудесная и сколько ее вышло из леса! Но можно восхищаться лесом и без мысли о его полезности для наших печей.

Вот и поэзия подобна лесу: сложена в строфы, как древесина в кубометры.

Или то поэзия, которая живет в нашей душе и образует нашу душу...

Забыл запереть машину, сел аккумулятор и снова началась возня: аккумулятор сел.

18 Сентября. Какая погода стоит! Теплая, тихая, ароматная, солнце дремлет: то глянет, то опять уснет. Так хорошо, так чудесно, так слава Тебе Господи!

От всего московского празднества мне в памяти осталась электрическая луна из головы Ленина. Случилось, что как раз тут и вышла настоящая луна с обычным своим дураком в рисунке. Размеры того и другого светила были одинаковые, но Ленин выходил до смешного маленьким. Конечно, над морем огней месяц потерял свое обычное влияние, но все-таки дурак от природы выходил больше умного от людей, пре-восходил его.

Не думаю, что и Маяковский передурачил луну: истинная поэзия города состоит лишь в обострении и необычайном расширении чувства природы...

Вода бывает на службе у человека, но везде и всюду остается водой, силой безграничной в своих возможностях. Так и поэзия заключается в метр, работает на тему и остается поэзией, неисчерпаемой силой души человека. Скорее всего, эта самая сила души, поэзия, уводит молодых людей, «поэтов в душе», далеко от родины, открывать неведомые страны, и она же, эта самая сила, приближает к человеку видение мира и открывает всюду невидимое.

Есть мысли, которые можно вызывать, а есть, которые сами приходят. Вот когда мысль приходит сама, человек теряется, как будто это волна пришла и за первой волной — целое море. Тогда чувствуешь, что рядом с тобой плечо, идет другой человек, и он тоже с тобой все понимает и все разделяет, и ты, чувствуя, что ты не один, а двое сходятся в одной мысли, укрепляешься в ней и начинаешь верить себе. И так создается действительность.

Сколько труда вкладывает человек около хлебного зернышка и все-таки оно прорастает само, и вся природа в себе тоже нерукотворна. Также где-то возле хлебного зернышка и зарождается поэзия: зерно идет в хлеб, а эта какая-то сила питает души.

Наука, искусство, поэзия вытекают из одного родника и только потом уже расходятся по разным берегам или поступают на разную службу.

Наука кормит людей, поэзия сватает.

Я чувствую себя упавшим семенем с дерева в этот поток в том месте, где наука и поэзия еще не расходятся на два рукава.

Наука делается кухаркой, поэзия — свахой всего человечества.

19 Сентября. Золотое, теплое, ароматное утро. На огороде успокоительно торчат остатки огорода: кончились наши хлопоты! И готово овощехранилище, и все, все доделал на зиму спокойный и дельный человек Иван Федоро-

вич. Вчера вечером я отвез его на вокзал и, возвращаясь в темноте (света нет — аккумулятор заряжается), вывернул буфером огромный пень на своем участке.

Появились на одном окне несметные полки маленьких мух в какую-то часть настоящей мухи и среди них изредка была муха огромная, как будто одновременно Гулливер находится и среди великанов, и среди карликов.

Помню золотые дни бабьего лета на Балахонском хуторе графа Бобринского (Вадима). Я тогда был влюблен и вкладывал любовь свою в эти золотые дни, в росу, в мух, в тугую капусту, в морковь. И вот к этому всю жизнь стремился вернуться и, пожалуй, вот теперь и достиг. Дело, конечно, не в капусте, не в мухах, а в том, что дает мне Ляля: в самоутверждении (не знаю, как это назвать).

Конечно и социализм, как и все на свете, в детстве своем начинается поэзией. И только к старости его здание, поднимаясь все выше и выше, обрастая лесами...

Вот этот вопрос надо себе поставить на разрешение окончательное.

А пока надо установить, что я перебрал все поэтические материалы социализма моей юности, чтобы сделать из них бесспорную вещь на показ индивидуалистической Америке.

И перебрав их, убедился, что в действительности, скорее всего, этого нет, что в отношении поэзии от социализма остались только леса: самого здания нет. А еще больше похоже на какой-то дырявый сосуд, в который наливается и опять из него выливается народная жизнь, и опять, и опять подхватывается черпачком, и опять наливается и выливается...

Так совершается борьба в мире двух творческих начал человека: частной инициативы как силы первенства человека в его лице (свободы) и социализма как силы всего человека в его необходимости или послушании.

Капитализм, может быть, есть односторонний уклон борьбы за лицо (первенство), как и наш большевизм есть уклон от борьбы за организм всего человека (необходимость).

Голос борьбы за лицо говорит: «Хочу быть самим собой».

Голос борца за организм всего человека говорит: «Слушаться надо».

Вот и вся тема моего «Царя». Я могу вернуться к нему, расширив свой кругозор вниманием к происходящей в мире борьбе.

Говорили о том, что за время войны женщины забрали власть в семье, и обрадованные вначале встречей с мужьями, женщины потом в них разочаровались. «Вот даже и моя Поля, — сказал Иван Федорович, — забрала себе что-то в голову, ворчит и не остановить ее. Другой раз даже о палке подумаешь».

Рассказать, как наши христианки стали бороться с «палкой» Ивана Федоровича

20 Сентября. Ночь была светлая, звездная, утро пришло прохладное, хмурое. Вычитал в Б[ританском] С[оюзнике] из статьи «Прогресс науки», что некий ученый практические успехи науки во время войны приписывает тем великим берегам прогресса, в которых совершалось движение науки. Он говорил, что за 6–7 лет войны ученые потеряли это знамя, и движение науки теперь находится в опасности.

Продолжая мысль, можно и так сказать, что ценою жертвы прогрессом науки люди получат спасение от войн и голода (коммунизм).

Теперь думаю о всей русской революции, о декабристах, о Писареве, о Бакунине, о народничестве и о Ленине — разве в том самая сущность революции, что чечевичная похлебка человечества, его насыщение и размножение возвеличивается против борьбы человека за первенство.

Но почему же 30 лет, Михаил, ты мог жить собачьей жизнью со своими собачьими рассказами и отгонять от себя мысль о борьбе чечевичной похлебки против борьбы человека за его первенство?

Потому что ты очень веришь в русский народ, что он выйдет на широкий путь борьбы всего человечества за его первенство в природе (личность, как явление первенства человека в природе).

И сейчас я в это верю. И если даже погибнет Россия в борьбе за чечевицу, то какие плодородные берега будут созданы движением человечества на пути его к первенству.

А теперь, определившись в истории, посмотри на действительность и на свою мысль о «да умирится же с тобой»...

Как ясно теперь, чего я боялся: я боялся, что умиренность стихии с человеком, т. е. гармонию, (победу), я подменю сдачей первенства за похлебку, что я предам этим наше первенство. Ясно тоже, что при моем чтении «Царя» все одинаково боятся подмены первенства, равно как и враги коммунистов, так и сами коммунисты.

Борьба за чечевицу содержится в богоборчестве. В этой борьбе за чечевицу предполагается, что второй Адам про себя знает лучше о первенстве, чем первый Адам, что первый Адам не создает первенства, а только им пользуется, тогда как второй Адам бьется за чечевицу и с головой ушел в эту борьбу за необходимый насущный хлеб, чтобы освободить для всех захваченное отдельными людьми первенство в пользу себя. Тут-то и возникает идеал коммунизма для всех, а не для себя.

(Возвращаюсь к своему «Царю». В нем великолепно разработана идея борьбы человека за первенство в природе. Но нет еще ясного оправдания необходимости борьбы за чечевичную похлебку в положении второго Адама. Война заставила взяться человека за ум, т. е. из идеальной области перейти в область материально-практическую —

технику — и тем самым взяться за чечевичную похлебку. Эта доля выпала не нам одним, но только у нас одних это вызвало революцию. У нас взялись за ум не на время, а навсегда, т. е. вступили в борьбу за страдающего человека с самим Богом.)

Пришло в голову — «Мою страну» для географического издательства сделать просто, подобрав примеры. А «Чувство родины» сделать юбилейным сборником.

Значит, финансы мои такие:

На книжке сейчас	20 т.
Переведут за «Мои тетрадки»	25 т.
«Избранное»	55 т.
Всего	100 т.

<*Зачеркнуто:* Ничего, так жить можно!>

Почти до полудня мрачное небо готовило непогоду и уже начался было дождь, как вдруг стало прояснивать, «спящая красавица» открыла глаза и на поляне в лесу, где мы собирали опенки, среди темных елей просиял золотой клен. Можно было и час целый глядеть и не наглядеться, как по-разному слетали совсем золотые светящиеся листья и заметно оголялась макушка. Мы набрали по большой корзине опенков и, возвращаясь, счастливые, с тяжелой ношей домой, встретили Раису с Федей.

Небольшая стычка у Раисы с Лялей произошла при разговоре о празднике Москвы. Раиса приняла праздник всей душой, как народный, а Ляля окрысилась: «После всего, что было в Москве после войны, разве можно чему-то в ней радоваться?» Тоже, после обсуждения жизни Михалкова с достойнейшей Наташей Кончаловской, Ляля сказала: «Разве можно любить Михалкова?» После Раиса мне назвала Лялю: «Пуританка какая! Почему нельзя любить Михалкова?» И недвусмысленно пожелала мне в дом ребеночка, своего или внука — «а то у вас не хватает чего-то».

Она молода, жизнерадостна и чуть-чуть глуповата. Я очень рад, что у меня в доме нет детей и счастлив с Лялей

совершенно. Во всех детях, кроме того, что живет в душе моей и у моего друга и некоторых мне близких людей, я вижу в лице грех прошлого и мрак будущего. После всего испытанного я не могу уже быть таким наивным, чтобы в живых детях узнавать своих нерожденных.

21 Сентября. Ночь была очень холодная, звезды сияли на шелке. Мы ждали мороза, но как раз в то время, когда перед восходом солнца рождался мороз, явился туман и не дал морозу окрепнуть, и потом пробились солнечные лучи и обняли всякую травину. (А все-таки трава побелела.)

Начал опять думать о «Царе», что борьба за первенство должна в нем сплестись с борьбой за организм (общественность), противопоставляемой борьбе за существование.

22 Сентября. Дунино — Москва. Утро точно как вчера, тоже встает солнце в тумане. Но вчера я ошибся: мороз приходит позднее и держится в тени, когда солнце довольно высоко. Однако туман мешает, наверно, ходу мороза (проверить).

Пришла речь Вышинского. 19/20 сентября. Пришло сомнение...

Чуть ни с детства я загипнотизирован мыслью о том, что войну делают дурные люди, капиталисты, кому она выгодна. Казалось это безнравственным.

Но война есть расчет, прежде всего расчет, ведомый не мошенником, а необходимо безнравственной (т. е. безличной) силой общественной, силой улья, подобной стихийным силам.

Бесчисленны и трагичны попытки сделать эту силу личной силой радости, счастья, любви, попыткой распространить свое жизнелюбие на всех. Влюбленный вокруг своей любви гармонически располагает весь мир, но той силе нет никакого дела до этой личной любви.

Может быть, эти две силы, личная и общественная, вырастают из двух естественных потребностей человека: общественная из необходимости питания, личная —

из свободного размножения. Может быть, даже и наша советская идеология улья есть революционное требование ввести питание в берега общественной необходимости. И оно понятно: при недостатке питания человек совсем не может существовать. Размножение, любовь зависимы от питания и провозглашенная христианством независимая любовь — есть любовь в пределах личного решения (аскетического): все умирают, а я... «Нет, весь я не умру!»

23 Сентября. Такой же чудесный день, как и вчера.

Кажется, ни разу еще не приходилось так быстро перелетать из деревни в город: утром решал вопрос — мешает ли туман, предшествующий восходу солнца, росту мороза, а в обед смотрел на реставрацию купола нашей церкви над солнечной Москвой.

Сколько бы ни праздновали 800-летие Москвы — это не Москва: Москва есть нечто устойчивое, а это — пыль и вонь строительства будущего, но никак не Москва!

Мысль о народном чувстве земли: мужики и Курымушка*, Адам и Ева, белый перепел: везде не самая земля, а чувство земли, во всякой идее в то же время чувство тела земли.

В воскресение на базаре в Звенигороде исчезла картошка, а что привезли — продавалось не по 100 рублей, как раньше, а по 200. Мы подумали, не есть ли это результат паники от речи Вышинского в Америке? (Наш председатель — радио.)

Вчера в Москве спросил я Ивана Федоровича из Пушкина — мужика-середняка («я — как все»):

— Что в народе говорят о речи Вышинского?

— Болтают везде, — ответил он.

И я думаю, что наше предположение правильно.

---

* Курымушка — детское прозвище Миши Пришвина — см. автобиографический роман «Кащеева цепь».

Тогда это чувство было только у нас. Теперь это (от речи Вышинского) выходит на весь мир.

Как удивительно последовательно вырастает коммунизм, не отступая ни перед чем, не сдаваясь ни в чем. Речь Вышинского <*вымарано 3 строки*> по-видимому непобедима и личное упорство мысли этому движению по-прежнему похоже на встречу упрямого быка с поездом.

<*Зачеркнуто:* Скандальное выступление в зажиточном обществе (вспоминается матрос у нотариуса Шубина, горбатого старика. У матроса револьвер в вытянутой руке: оружие! И нотариус подает свою форменную шпажонку.>

Ходил к N проверить себя, и все, чего я боялся, так оно и есть: война возможна в каждый момент, а смелость Вышинского — это «vas bank» (как мне сказали). И еще: «Ф. знает больше нас, но от этого ему не легче», «и что знает, нам он не может сказать».

24 Сентября. И еще золотое утро. Но какой воздух даже на балконе шестого этажа — смрад!

Переспал ночь после разговора и не могу расстаться с чувством встречи начала конца.<*Вымарано 2 строки.*> После разговора убедился, что я не один, и даже больше: что я счастливейший из мужиков и, как мне сказали, экстерриториальный и неприкосновенный; и что это сделала поэзия, только поэзия.

— Моя поэзия, — ответил я, — в том виде, как я ее даю людям, есть результат моего доброго поведения в отношении памяти моей матери и других хороших русских людей. Я совсем не литератор и моя литература является образом моего поведения. Мне думается, что поэзия есть важнейшая душевная сила, образующая личность и свойственная огромному большинству людей, и каждый из них мог бы сделаться поэтом сродного ему дела. И не делается им, потому что находятся в плену у злых сил. Однако освободить внутреннюю душевную силу человека невозможно действием извне: к этому благоприятному действию извне силой общественной необходимо соответственное внутреннее поведение каждого в отношении

себя самого. Может быть, то, что мы называем «поэзией», и является образом нашего личного поведения, освобождающим творческую силу.

25 Сентября. Там где-то в природе дивный день, золотой чудесный день сухого сентября. Тут на балконе, над городом, в пыли, дыму, хаосе крыш, стоит человек в халате и посылает к восходящему солнцу молитву: «Отче наш!».

Вася Веселкин живет под машиной с девяти утра до пяти. Восемь часов плюс сверхурочные от семи до двенадцати — пять часов, всего тринадцать, а говорит, бывает и семнадцать, и все под машиной. Ему 31 год — советское дитя. Ляля хочет его удивить Большим театром. Не удивишь! Он был на «Евгении Онегине». Человек — творец под машиной и женщина — богородица: от женщины что-то остается: может родить, а от Васи — ничего, все пропивает. И эта худая женщина (домоуправ) тоже покончила: сделала последний аборт.

Личное творчество превратилось в капитализм, служение ближнему — в социализм.

(Бого-человек и баптизм.)

Размышление о человеке под машиной на ВАРЗе.

А ведь у нас и природа, и поэзия, и любовь, и творчество, и слава.

Два типа современных ребят: Ваня Пшеничный, деревенский парень, обработанный временем в плута, и Вася Веселкин, фабричный, взращенный заводом.

Директор еврей Соколин (голова!), сексот Умнов, бандит Солодовников, худая женщина, немец Коль (честный немец, экстерриториальный, всеобще признанный рабочими, и нет ордена. «А все от директора» (как у меня от Фадеева)).

Дела: 1) Бензин. Завтра, в пятницу, с утра залить машину бензином и поставить в гараж. Сегодня: колесо, масло, прибор в машине. 2) Деньги: а) сколько б) Ефр. Павл.

Зашел к Чагину. — Войны не будет лет на пятнадцать. Дней через пять Сталин скажет авторитетное слово. — И картошка опять с двухсот упадет на сто за мешок! — На пятьдесят!

Вот и все.

Мы-то особенно знаем, какая тут халтура; но и весь свет, наверно, догадывается и, значит, какая же и там пустота, если с этим считаются.

Чагин взялся проталкивать к юбилею «Собрание». Так и сказал: орден и сочинения. Левин звонил, что «Избранное» в производстве. Так все наладилось, и незачем стало идти к писателям.

Вечером явился Лева из Астрахани. Совершенно поправился и опять в конце концов попросил у меня увеличитель: без просьб не является. И все было хорошо. Я дал ему увеличитель на месяц. Он простился, поцеловался, но под конец сказал: — Недаром Андрюшина мать говорила, что Мария Ивановна (мать моя) была скуповата и что ты вышел в нее.

Это я слышу не первый раз и меня это обидело: это мать-то моя, это я-то скуповат! Я ответил ему, что все хорошее получил от матери и молюсь за нее каждый день благодарно, а он неблагодарный сын, и в этом упреке его я узнаю свое худшее, когда я тоже понимал мать свою, как скупую, но я ей даже и намекнуть об этом не смел, а он никогда не приходит без просьбы, хоть бы раз ко мне из-за дружбы пришел. Тогда Лева, припертый к стене, вскочил и сказал:

— Я, отец, жалею тебя и не хочу говорить правду. Если бы я сказал ее, то убил бы тебя, но я жалею.

— Ты глуп, — ответил я, — уходи, уходи!

Он ушел и аппарата не взял, а я, расстроенный, лишился правильного суждения и всю ночь думал о тайне, которая могла бы меня убить. Не умерла ли Ефросинья Павловна, подумалось. Но когда я высказал это Ляле, она

ужаснулась моему душевному состоянию и уверяла меня, что Леве больше и сказать было нечего, что она преувеличивает в одну сторону, я преувеличиваю в другую. Но, думаю, что он был бы несколько вправе заступиться за мать свою, когда я выставил любовь к своей матери, что вообще помириться мы с ним никогда не сможем.

Итак, в дальнейшем поставлю ему ультиматум, что помогать ему буду только в том случае, если он не будет приставать ко мне и угрожать. Сам буду решать.

Дела мои: 1) взять бумагу и книги у Чагина сегодня в 12 ч. дня 2) купить клею 3) уложить все для книги «Моя страна».

26 Сентября. С утра было пасмурно, а после опять золотой сентябрь. Когда люди уходят в иной мир и умирают, то там, в ином мире, это понимают, как мы понимаем, когда человек раздевается и становится голым. Так и там, только не телом голым делается, а душой: умереть — это значит раздеться душе и стать на то место, где она необходима в составе творящего Бога...

Скорее всего, истинный прогресс, движение культуры и есть всеобщее умирание, раздевание душ, и кончится свет, когда все разденутся. (Это и есть: «чаю воскресение мертвых», т. е. тех, кто деятельно не участвовал [при] жизни в творчестве культуры.)

NB. Когда я взвесил на глубоких весах золото моей славы, то увидел Зуева, который, подражая мне, тоже прославился. Кто-то может быть так и на меня глядит, как я на Зуева. Да, на эту славу надо смотреть, как на богатство, обязывающее к определенному поведению или охране его. Недаром сказано, что раздать богатство и войти в царство небесное до крайности трудно. Тут-то вот и является еще и третий Адам: первый — это кто был изгнан из рая для труда на земле, второй — был изгнан с той же заповедью, но без земли и, наконец, третий — кто от земли своей (богатства) творчески освободился, претворил в духовные ценности и тем самым раздал.

Итак, слова о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное — это относится ко всякому творцу культуры: создать что-нибудь — это значит отдать себя и как раз вот это-то и есть самое трудное.

Первым Адамом был тот, кого Бог в самом начале бытия человечества изгнал из рая и осудил в поте лица обрабатывать землю. Этот Адам, размножаясь, постепенно богател и захватил всю землю. Может быть, Богу стало скучно глядеть на богатого Адама с его мещанскими идеалами и он создал второго Адама, но тоже неудачно, и второго пришлось выгнать с той же самой заповедью о земле, которую всю уже занял первый Адам. Вот тогда в тесноте началась борьба между людьми за землю, и от смешения этих двух рас произошел третий Адам: богатый человек, задумавший благотворно распределить свое богатство между бедными. В этот стремлении раздать богатство и произошли все искусства.

27 Сентября. Воздвижение. Тепло как летом. Вчера забежали на минутку к Ивану* (день встречи Ляли с Олегом). Ночью думал о том же, что...а! Чепуха! Если хочешь хоть что-нибудь сделать, то будь как на войне: на падающих не гляди, это логика дела.

Сегодня выезжаем в Дунино. По дороге в Дунино заехали к Яковлеву (Николина Гора). Дома в Дунине наша Мария Васильевна достала в Госбанке (дом отдыха) козла и он прыгал неудачно на Катьку.

28 Сентября. Дунино. Пасмурно и очень тепло — хорошо. Продолжаю горевать о Леве. Мучусь тоже мыслью, что Ляля растворяется в хозяйственных заботах, и вспоминается, как она до меня возмущалась Наташей Ростовой в «Войне и мире»: что Наташа так пала в заботах. Вспоми-

* Церковь Ивана Воина на улице Ордынке, недалеко от Лаврушинского переулка.

наю в Москве на этих днях встречу с Аллой Макаровой. Вот тоже одна забота о сыне — одна беготня и вся женщина как одна жи́ла. Достойна полного уважения и в то же время слушать ее почему-то неинтересно. Вероятно, потому что знаешь: у нее все о себе.

29 Сентября. Очень тепло. Небо на рассвете золотисто-кремовое. Облака серо-голубые отрываются снизу от кольца, прилегающего к горизонту. Рваные облака мчатся как дым, быстро на восток — там буря, а здесь деревья тихонько шумят и листики, отрываясь, поминутно улетают на юг. Там на восток, тут на юг. Сегодня Ляля уезжает в Москву, и я остаюсь с Марией Васильевной. Вчера написал предисловие к «Избранному» в «Советский писатель». Сегодня возвращаюсь к географическому сборнику.

Кончается чудесный сухой сентябрь, дни мои отрываются от меня как с деревьев листики и улетают. Я слегка опускаю поводья и моя лошаденка сама трусит, освобождая меня от забот.

Через день — октябрь, а листики на акации еще совсем зеленые. И пустые стручки темного цвета все еще не отрываются. Очень сухо в природе — все хочет пить.

Девственная природа, существенным признаком которой служит то, что она нерукотворно создалась и живет сама собой, независимо от человека, вполне совпадает с той областью души человека, которую мы называем поэзией. Многие из нас слышали соловья, но не каждый из нас слышал своего соловья. В жизни своей своего соловья слышал я один только раз: вся душа моя, вся моя личность пела вместе с этим соловьем, и весь сад, и вся роса, и весь мир. Какой-то наивный немец попробовал записать соловья этого на пластинку...

30 Сентября. Вчера с обеда начался мелкий, упорный и теплый дождь. Шел всю ночь, и сейчас по серому небу

сбегают всюду, как поземка, облачка, и уже кое-где через дырочки в небе показывается свет. Вообще все вышло по-летнему и не перешло еще в мрачную осень.

Ляля вчера уехала в Москву за плодовыми деревьями: будем сад сажать великодушно в чувстве: помирать собирайся — рожь сей!

Если бы меня спросили, чем отличается прозаический очерк от поэтического, я ответил бы так: отличается направлением к тому или к другому читателю. Так вот «Адам и Ева» были направлены к читателю газеты «Русские ведомости»: тут поэзия подчинена определенным служебным законам. В поэтическом очерке «Черный араб» тот же самый материал был направлен к читателю толстого журнала «Русская мысль» под редакцией Брюсова. Тут поэзия не ограничивалась требованиями переселенческой темы «Русских ведомостей» и без оглядки на какое-либо практическое дело направлялась прямо к сердцу читателя.

Так что прозаический очерк в моем опыте — это служебный, деловой, поэтический, свободный и, осмелимся сказать, праздничный. Но все равно, поэзия или проза, они исходят одинаково от «поэта в душе», если же <*зачеркнуто:* поэзия не участвует> и нет этого центра, то все равно, ни стихи, ни очерки литературой не будут.

С большой радостью перечитав теперь, через двадцать восемь лет после первого напечатания, служебный очерк «Адам и Ева» и праздничный «Черный араб», напечатанный в 1909 году в «Русских ведомостях» и «Русской мысли», я с чистой совестью «поэта в душе» могу теперь ими иллюстрировать мысль и, может быть, даже сказать: моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком и в ней мое поведение: пишу — значит люблю.

Можно, конечно, еще найти такой девственный ландшафт, что захочется шапку снять и постоять с непокрытой головой. Но скоро безлюдье станет томить и захочется вернуться туда, где будут слушать рассказ об этом

величественно-девственном ландшафте. В большинстве же случаев в каждом обыкновенном ландшафте содержится упрек человеку в порче природы.

Составляя книгу «Моя страна», перечитал о Беломорском канале и понял, почему его отвергли составители сборника о канале. Сборник был задуман как улей: чтобы пчел не было видно, а был бы мед. Напротив, у меня сама пчела на показе, а мед скрыт.

— Как вы живете? — Живу, как гриб на муравейнике: мурашки по мне бегают, а не кусают.

Моя поэзия есть акт дружбы моей с человеком и отсюда мое поведение: пишу — значит люблю.

1 Октября. Вчера в полднях вырвалось солнце и, справляясь с тучами, мало-помалу овладело всем небом, и к вечеру начало сильно холоднеть. Но что-то ночью случилось, небо закрылось и так земля убереглась от мороза. К утру на западе были шелковые облака с синими полосками, но с востока пришли дождевые серые сплошные тучи и брызнул дождь. С востока бывает ли дождь серьезный? Посмотрим.

Вчера я ходил с Норкой в лес и спугнул двух или трех вальдшнепов. За Марьиным было очень красиво. В поле бушует ветер, а в опушке тесно сошлись тяжелые ели и среди них тишина. Тихое место в лесу во время бури дает похожее чувство, как если когда в бурю стоишь на берегу моря и смотришь, как кланяются на волнах корабли. Лучи солнца, вступая в тихое место, еще хорошо нагревали и теперь, осенью, смола так сильно пахла, что как будто невидимый священник кадил и служил осеннюю панихиду. Солнце показывалось то там, то там переходящими лучами. Вдали виднелись золотые воротца и за ними зеленели вокруг холмы, озими густо зеленели. На холм пришло солнце и он весь засиял золотом, а дальше над озимью шел дождик и повисла короткая радуга.

Вспомнилось, что в Риге среди студентов марксисты вели пропаганду о ненужности учения: выучишься на инженера и будешь служить капиталу. И теперь из такого пустяка какая глубина открывается: теперь не какой-нибудь студентик [ведет] такую пропаганду, а подобные... как это можно за идею социализма бросить отечество!

Стояла на красивом месте лавочка. От нее теперь остались только два столбика довольно толстых и на них тоже можно присесть. Я сел на один столбик. Мой друг сел на другой. Я вынул записную книжку и начал писать. Этого друга моего вы не увидите, и я сам не вижу, а только знаю, что он есть: это мой читатель, кому я пишу и без кого я не мог бы ничего написать. Бывает, прочитаешь кому-нибудь написанное и он спросит:

— Это на какого читателя написано?

— На своего, — отвечаю.

— Понимаю, — говорит он, — а всем это непонятно.

— Сначала, — говорю, — свой поймет, а он уже потом и всем скажет: мне бы только свой друг понял, свой читатель, как волшебная призма всего мира. Он существует, и я пишу. Моя поэзия есть акт мой дружбы с этим волшебным читателем, с человеком: пишу, значит люблю.

Люди смеются тому, что повторяется, и боятся всего, с чем встречаются в первый раз. И больше всего боятся заглянуть в себя, потому что каждый из нас содержит в себе небывалое.

<*Зачеркнуто:* Улыбаются новорожденному — это повторяется. И когда имя дают ему при обряде крещения, священник говорит восприемникам: <*нрзб.*> И это понятно: в имени содержится небывалое и это страшно.>

Всего два дня без Ляли, а кажется, месяц.

В доме нет предмета, возникшего без участия ее. Везде и во всем она, и я, незаметно только, а ведь и я — в ней, и меня теперь нет без нее...

На днях мне представилось, что все умершие существуют с нами рядом и видят нас, но не могут дать знать о себе, вернее же мы не можем их понимать: они могут, мы не можем. Вот как и среди живых тоже: живут вместе, а друг друга до того не могут понять, что уже и не пробуют...

О ком ни подумаешь теперь и все оказывается нет его: умер. Столько мертвых собралось вокруг меня и так мало близких живых, что то общество «родителей» пересиливает. И уже кажется, будто можно видеть путь в то бытие. Но останавливает только одно, что все мои покойники так неинтересны, что если они и там как духи такие же, то... нет!

Вот, наверное, именно в том-то и дело, что после смерти каждый личный дух находит смысл свой в схождении со всем цельным духом, ему соответствующим... И тем самым кончается жизненное томление.

А явление искусства, скорее всего — это явление связи: это сигналы цельного духа.

Рассудка бояться — это просто смешно! И, однако, если только рассудочные решения подменяют собою решения всей цельной личности, — тут надо бояться.

За все полвека литературной работы эта опасность подмены всей души частностью не покидала меня, все мои ошибки происходили и сейчас происходят только от этого. И только от страха этой подмены я не вышел весь в люди, а только частью вышел и значительной частью остался в себе.

Отсюда длительность моей литературной жизни и черепашьим ходом нарастающее лучшее: чем дольше пишу, тем лучше, потому что, постепенно умнея в слове своем, выхожу с этим опытом в люди.

2 Октября. Утро славное. Мороз и солнце (а ночью какая высокая луна!).

Такой же точно день моей жизни (и даже дни) был у меня на Балахонском хуторе графа Бобринского в 1902

году, сорок пять лет тому назад. Ах, какие дни, и прекрасные и ужасные, и радостно, и стыдно, и больно. Горячая лошадь несла меня, и я держался за гриву.

Белая изгородь вся в белых иголочках мороза пересекает красные и золотые кусты. Тишина такая, что ни один листик не тронется с дерева.

Но птичка пролетела и довольно было взмаха крыла, чтобы он сорвался и кружась полетел вниз.

Какое счастье было ощупать золотой лист орешника, опушенный белым кружевом мороза.

И вот эта холодная бегущая вода в реке, и этот огонь от солнца: вот уже расплавились иголки мороза на крыше, и крупными редкими сверкающими каплями стала падать вода из желобов.

Но и этот огонь весь в своем сиянии, и эта вода, и тишина эта, и буря, и все, что есть в природе и чего мы даже не знаем, — все входило и соединялось в мою любовь, обнимающую собой весь мир.

Вчера вечером луна была высоко, я вышел из дому и услыхал тот звук в небе: «ау!». Я услыхал его на северо-востоке и скоро пошло движение его на юго-запад, и вспомнил по прошлому: это цапля улетела от нас в теплые края. А грачи еще здесь. Дай бог услышать журавлей и гусей.

Не могу сказать о себе, чтобы все гладко шло с моими писаниями и все, что началось у меня полстолетия тому назад, можно было бы читать и теперь. Далеко не все!

Но есть вещицы, которые и теперь такие же свежие, как и тогда, и когда я их нахожу, то как будто начинаю понимать появление крупинок драгоценного металла в золотоносном песке.

Поэтическое золото порождается всегда цельной личностью: то, что остается надолго, то рождается от цельной личности в муках и радости, совершенно так же, как в природе рождается жизнь.

Добраться бы в себе до этого синтеза рождающейся личности, как ученые добираются до синтеза белка — вот соблазнительный и опасный путь творчества.

Соблазнительный, потому что хочется власти над этим, хочется занять первое место в природе и управлять своим творчеством как механизмом. И в то же время это страшно опасно, потому что рассудок становится врагом твоей личности. Смешно человеку бояться своего рассудка. И, однако, если только рассудочное решение подменяет решение всей целой личности — тут надо очень бояться.

За все полвека литературной работы эта опасность подмены всей души частностью не покидала меня. Все мои ошибки происходили и сейчас происходят только от этого. Вот только от страха этой подмены я не вышел весь в люди и значительной частью тоже остался в себе. Отсюда и длительность моей литературной жизни, и черепашьим ходом робко нарастающее мое лучшее: чем дольше пишу, тем лучше, потому что, подпираясь опытом, смелею, умнею и не так боюсь выходить в люди, как раньше.

Далеко позади себя я оставил гордые попытки управлять своим творчеством как механизмом.

Но я хорошо изучил, при каких условиях мне удаются прочные вещи: только при условии цельности своей личности.

И вот это узнавание и оберегание условий бытия целой личности стало моим поведением в отношении творчества.

Я не управляю творчеством как механизмом, но я веду себя так, чтобы выходили из меня прочные вещи: мое искусство слова стало мне как поведение.

Мне кажется, величайшую радость жизни, какая только есть на свете, испытывает женщина, встречая своего младенца после мук рождения. И я думаю, эта радость включает в себя ту радость, какую частью испытываем и все мы в своем счастье: хочется всем этого счастья. Так вот и хочется мысль, найденную для своего обихода в искусстве о поведении, распространить на всех.

Но я могу быть цельным только на восходе солнца, когда все еще спят, а другой, бывает, утром спит и цельным бывает глубокой ночью. И мне скажут, что Сальери был в поведении, а у него ничего не выходило в сравнении с Моцартом, человеком без поведения.

В том-то и дело, что поведение в моем смысле не есть школьное поведение, измеряемое отметками. Мое поведение измеряется прочностью создаваемых вещей и, с моей точки зрения, Моцарт вел себя как следует, как творец цельной личности, и не подменял ее рассудочным действием.

Так вот я хотел бы сказать и о себе, что моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком и отсюда мое поведение: пишу, значит люблю.

3 Октября. Вчера утром, прямо после славного восхода солнца и значительного мороза, небо закрылось и насел мелкий дождь. Он скоро перестал, но остался мозгливый холод, и в доме стало неуютно.

Сегодня серое неопределенное утро и как вчера совершенная тишина.

Холодная, мертвая тишина вошла в людей. Моим соседям нет до меня никакого дела. Они присмотрелись, привыкли и забыли меня. Я для них не существую и они для меня, их просто нет, я живу совершенно один.

Ночью было продолжение мысли о возвращении героев в себя и перешло на всю поэзию: что поэзия, погуляв на людях, может вернуться к себе, в свой дом и служить себе самому, как золотая рыбка.

Тогда все, что было в мечте, как дружба, любовь, домашний уют, может воплотиться: явится друг, явится любимая женщина, устроится дом и все выйдет из поэзии, возвращенной к себе.

Я могу об этом свидетельствовать: в моем доме нет гвоздя, не возникшего в бытие из моей мечты, и нет ни одного предмета, не тронутого рукой любимой женщины.

Так может быть со временем и весь желанный мир, вся природа войдет в меня и будет со мной.

Еще я ночью чувствовал властолюбцев, людей как нечто чуждо-бесспорное, что-то вроде черных скал, на которых и мох не растет. Через тысячи лет, может быть, и отмоет вода от них и унесет в поля плодоносные пески, но сейчас они стоят, погруженные в воду и нет ничего у них с водой, и у воды — с ними.

4 Октября. Вчера холодно и моросило, сегодня опять утро славы и мороз, а потом после славы се-   рость моросливая. Какая-то сила бессильная, слава бесславная. Холодный дождь. И это уже было раза два.

Столяр Александр Лаптев (родился в 17 году, весь советский) приходил стекло вставлять. — Деньги возьмешь, Саша, — сказал я, — или водочки выпьем? Он помялся неопределенно. — Ну, какая тут работа, какие деньги... И вдруг просиял: — Это не секрет, водочки выпить хочется. — Конечно, — отвечаю, — какой тут секрет, всем водочки хочется. Я и сам не прочь. И, нарезав помидор ломтиками, посыпав солью, налил. Выпив, Лаптев начал говорить кругами-руладами, начиная каждый круг и кончая: «Это не секрет, конечно!» Началось с того, что он у тестя живет, и что у тестя нет хлеба, а он достает и дает ему немного, и это не секрет, конечно, только из-за этого хлеба тесть его не выгоняет из дома (это не секрет!). Вторая рулада о том, как он воевал, где был, где ранили и как он соединился с американским фронтом. Это не секрет: они нас хорошо встретили и кормили как! это не секрет! И тут он подружился с одним американцем, и тот восхищался русским народом: какой большой, какой сильный. «Мы не такой народ, зато у нас вот это», — и показал на себя, как он одет, какое оружие, какая палатка и все. И вдруг он меня спрашивает... Это не секрет, конечно, спрашивает меня: — Скажи, за что ты воевал? — Я отвечаю: — За родину. — А что есть родина? — Папаша, говорю, и мамаша.

Правда, это не секрет, говорю, у меня нет ни папаши ни мамаши, а все равно каждый пожилой человек есть папаша и каждая старушка мамаша. Вот я за них воевал. — Да нет, говорит, это у всех папаша и мамаша, а вот что ты им дал, что сам получил? И показывает на себя: вот у меня, а что у тебя? Ну, это не секрет, конечно, я ничего не мог ответить, и сейчас это мне вопрос.

После этого вопроса он подвел, что будет война, и у них оружие, и они нас победят. Как я ни уверял, что войны не будет скоро, как я ни ссылался на наше оружие идейное, он все это принимал как мою политграмоту. И это голос голодного... это не секрет, конечно...

Какой глупый человек этот столяр Лаптев, а между тем его рассказ «Не секрет!» глубоко запал в душу. И тоже вспоминается, как Вася Веселкин намекнул, что все исходит от властных людей и определяется, а массы? массы далеко, далеко...

Кладовая солнца.

Царь природы. Еще когда я был в «краю непуганых птиц» и записывал сказки, меня поразили певцы былин верой в своих героев времен Владимира Святого. Нам это — древняя словесность, а они этим живут.

Но какая же внутренняя связь может быть между человеком того времени и человеком со-временным?

На этот вопрос я отвечал себе образом Надвоицкого водопада: сколько существ всевозможных форм образуют струи воды, падающие на камни, и все-таки водопад един. Так и весь человек, падающий и восходящий, падающий во времени и восходящий, как восходящий «царь природы».

И еще после этой мысли мне приходит всегда другая мысль о себе: что мой жизненный путь в искусстве слова мне представляется прогрессивно восходящим и в каждый данный момент я знаю, куда мне идти. И все-таки я не прямо иду, а возвращаюсь назад домой, как певец былин, и оттуда самому неведомым путем, как будто просто прыжком по воздуху, оказываюсь впереди, в своем времени.

Вот почему и трудно расположить свои литературные опыты по непрерывно восходящей линии своих достижений.

Однако внутри себя эта линия существует, я прямо вижу ее, как лестницу.

На первой ступени этой лестницы мне казалось, что я покидаю свою родину, стремясь найти ее лучшее в какой-то другой стране, в каком-то «краю непуганых птиц», в какой-то земле, где иду я «за волшебным колобком». И всякую новую землю я как бы открывал, роднил, делал то самое, что делают все путешественники всех времен: расширял свою родину.

Мне казалось тогда, что я шел скорее мира и догонял его, и брал из него то, что мне надо было.

Но с некоторого времени, как я правильно где-то записал, у меня переменилось мироощущение, как будто я стал, а мир пошел вокруг меня.

Пусть я далеко спустя после этого куда-то ездил открывать новые страны и, действительно, по-своему открывал, и писал несравненно лучше, чем в юности («Корень жизни»), но все равно я уже пел в этих вещах о старом, как поет певец былин в наше время.

С тех пор, как я стал, моей мечтою было так писать, чтобы все меня понимали, как понимают все народную сказку. Я шел как слепой или человек с завязанными глазами. Чувство природы, сохранившееся в своем чистом виде, без искажения натуральных предметов только у охотников, мне очень помогло.

Успех моих охотничьих и детских рассказов для меня был не тем успех, что их все и у нас, и за границей стали хвалить, а что мог себя, как образованного и сложного индивидуума, утопить и так где-то под водой остаться в живых.

(Пояснить, как тонут совсем и как остаются декаденты поэзии: как ярко и легко можно писать о себе. Хорошо и легко об этом говорить, но как сделать? чтобы это была география, чтобы я мог в ней уснуть, «но уснуть не тем холодным сном могилы».)

Детские рассказы в этом отношении мне были еще показательнее, чем охотничьи, потому что детские рассказы, напечатанные в детских журналах, не попадают в поле зрения большой литературы и в них можно совсем бескорыстно продвигаться вперед.

Мало-помалу, набравшись сил, я дошел до той смелости, что когда был объявлен конкурс на лучшую детскую книгу, я принял его как вызов и получил первую премию. Ни Нобелевская, ни какая другая премия не могла бы мне доставить той радости, какую я получил от этой моей премии за детскую книгу.

Может быть, в несознаваемой глубине души все полвека, начиная с записей сказок в «Краю непуганых птиц», я стремился написать свою народную сказку со свои личным мифом, а не взятым со стороны напрокат у народа, как пишут у нас «сказки».

Но самая главная радость от «Кладовой солнца» мне была в том, что этой сказкой, наконец-то, открылся мой выход от маленьких вещей к большому сказочному роману.

5 Октября. Вчера весь день сыпал осенний холодный дождь и так осталось в ночь. Утро пришло в серых и местами твердо-синих облаках с просветами. Собираюсь ехать за картошкой на базар, но если пойдет дождь, не поеду: не привезут картошку. Не могу даже назвать это паникой (от речи Вышинского), а скорее всего, просто разумным расчетом: ясно, что хлеб будет дорогой, что денег взять негде, значит, картошку надо беречь.

Вчера закончил запевки к шести отделам книги «Моя страна».

Макрида Егоровна вступает в свои права козьей хозяйки. Сквозь эту Макриду я вижу целый ряд женщин. Все они представляют собой женщину, [другую] женщину... В сущности, это глупость и слабость, преодолеваемая особой женско-половой хозяйственно-домашней хитростью,

образующей власть через то, во что мужчина не входит. Женское движение показывает на каждом шагу, что женщина может сохранять свои высокие качества, женственность, совершенно отказавшись от того, что выставлялось как специфически женское. Ляля представляет собой самую яркую иллюстрацию этих двух миров. Страшно подумать, сколько хороших мужиков перемучилось от тех баб и сколько их тоже и били мужики...

Когда думаешь об этом бабьем мире, с какой благодарностью приходишь к Ляле! И так понимаешь по ней, что мужчина, освобождая женщину, освобождал и себя.

Вот Тагор пишет, что индусская женщина, совершенно подчиняясь мужчине, обретает над ним особую власть. Знаем мы эту власть! Князь Голицын дожил до 80 лет и не мог завязать галстук без лакея: лакей завязывал ему галстук и обретал власть, без лакея князь не мог выйти из спальни. Как мне самому казалась таинственна эта власть женщины, и как через Лялю все стало ясно.

Мне так странно стало, когда Ляля уехала и я остался один: казалось невозможно так жить. Но скоро ко мне пришло что-то очень знакомое, что-то очень привычное, с чем я жил всю жизнь, и я узнал его и вспомнил: это мое одиночество.

Жизнь моя с Ефр. Павл. и с моими сыновьями была особой формой одиночества. Как бы мне хотелось сейчас добыть побольше денег и отдать бы их Е. П. и Леве, чтобы я не чувствовал их обиды и они совсем бы от меня отстали. Тысяч бы по десять, и навсегда, и хорош!

Ляля этого чувства не понимает, она не может отказаться совсем от нравственной оценки отношений.

6 Октября. Чтобы настоящим быть художником, надо преодолеть в себе злобную зависть к лучшему и преклонение перед совершенно прекрасным. Зачем мне завидовать лучшему, если лучшее есть маяк на моем пути, и зачем мне падать перед совершенно прекрасным, если я в нем в какой-то мере, пусть даже в самой малейшей, но участвую,

и тем самым даже, что я им восхищаюсь, я участвую, и если даже я кланяюсь, то это значит: я узнаю.

Пишу «Мировую катастрофу». Пробовал пойти в поле, поискать с Норкой зайца. Было солнечно и резкий холодный ветер. Вдруг захотелось есть, и едва добрался домой: очевидно, израсходовал себя на «Мировой катастрофе». Ветер, однако, юго-западный и есть надежда, что завтра будет теплее. Начал колоть дрова. Отправил Мар. Вас. в Москву.

*7 **Октября.*** Утро хмурое и теплое (ветер надул). Ночью из-за чтения «Брусилова» Слезкина (роман посредственный, но тема-то хорошая) перенес на себя с царя Николая мучения за нерешительность и не только понял, а видел явление правды большевиков.

Вспомнилось из истории с Обществом охраны природы: самый поганый приставленный к нам сексот поссорился с Протопоповым и Протопопов не выдержал и ушел. После того Мантейфель, разболтавшись, на заседании характеризовал Протопопова как человека с личным интересом: так вот где-то ему удалось путем участия в общественности хорошо обеспечить себя картошкой. Тут-то вот и следовало бы мне постоять за правду и утереть нос Мантейфелю: сразу бы я этим и за правду постоял, и утвердил бы свое положение. А я, проглотив лягушку, ничего не сказал. Так вот было и в семье моей: все питались моим благодушием, называемым иными «добротой».

Но в двух положениях я оказался настоящим человеком: в моем искусстве слова и в отношении Ляли. Тут мое о-прав-дание, вот почему я так крепко и держусь за них.

Вот почему тоже не мне осуждать всех этих наших Фадеевых и других, захваченных страстотерпцев власти: как-никак, а я все-таки дезертир их фронта, правда невольный (а «Жень-шень», оказывается, — до чего о себе!).

В одном я, может быть, ошибаюсь и распространяю свою ошибку. Я исхожу из поэтического жизнепонимания и при-

нимаю бессознательно, что каждый человек в той или иной мере является непременно «поэтом в душе» и непременно должен что-то в этом смысле пережить лично, чтобы соединиться с другим человеком и войти в общество. Возможно, однако, что есть более короткий путь войти в общество путем простого чувства правды и способности стоять за нее. А скорее всего, может быть и так, что человек может быть одновременно и «поэтом в душе», и правдолюбцем.

Ночью пришла с Марьей Васильевной Ляля и принесла на себе яблоки и груши для посадки. Они с восьми утра доставали эти прививки и доставили их на место к часу ночи. От этой операции она ни жива ни мертва и, наверное, с неделю будет болеть. Не знаю, как отделаться от этого усердия, которое скоро должно кончиться еще одним инвалидом в моем доме. Продать если дачу — она все равно себе еще что-нибудь выдумает трудное. Думаю, что ее надо лечить режимом: та же болезнь, что и у Марьи Васильевны: спех до изнеможения.

8 Октября. Пасмурно, ветрено с севера, моросит. Как все смешано в лесу на дорожке: и шишки, и дубовый лист, и гриб в прутиках, и чего-чего только не брошено без порядка и смысла. Но что-то обратило мое внимание, и этот момент стал началом приведения всего в божественный порядок. Так помнить.

Мы с Лялей из восьми прививок посадили четыре яблони и одну бессемянку. Вот из-за этой бессемянки и вышла беда. Ляля знала, что все мое Хрущево стояло на бессемянке, что это для меня священное дерево. И вдохновляясь этим чувством, она и совершила этот подвиг любви: вчера с восьми утра и до полуночи везла и несла сюда это дерево. А теперь больна.

Решил прямо по приезде в Москву начать с ней что-нибудь делать: показывать, исследовать, лечить.

Лени бы ее своей научить, беззаботности, легкомыслию, глупости, от которых все начинается (инициатива). Это новая моя мысль о тайне всякого начала.

9 Октября. Пасмурно, ветрено. Посадил сегодня последние саженцы. Соберемся — и завтра в Москву, и дальше уже буду на даче наездами.

В «Женихе» хорошо бы раскрыть сущность осмеянной «эмансипации» женщины: показать бы шкуру (т. е. старую женщину), из которой выползает змея (мудрость).

Начало непременно глупо, в том смысле глупо, что оно является преодолением логического разума: нужно мысль свою логически довести до последнего конца, потому что логически мыслить — это значит стареть. И когда эта мысль дойдет до конца и умрет, то из этой старой шкуры змеи выползет молодая живая без-мысленная инициатива. И в этом смысле всякое начало глупо, часто в сказках даже и нарочито глупо: жил-был на свете серенький козлик.

Вот как жить — как серенький козлик.

Стоит припомнить начало любого удачного своего рассказа, чтобы в глупости его почувствовать выползание молодой змеи из старой шкуры.

Господи, давно ли я видел эту высокую осину перед моим окном и любовался светлостью ее золота: светилось все дерево! А сейчас остались редкие темные листики, и последние почему-то отрываются. Прощайте, листики, здравствуйте, наши безлистые саженцы!

Авария с электричеством. Вечер во тьме при свете пожара в Ивановке (две причины пожаров: или ребенок, или злодей, здесь злодей — загорелось сзади).

Разговор с Лялей о суженом.

Итак, завтра Москва! В новый литературный сезон я вступаю с ясной мыслью обыграть свой юбилей в 1948 году — 75 лет. Нужно посредством юбилея столько денег добыть, чтобы можно было несколько лет, не оглядываясь, заниматься литературным трудом.

10 Октября. Солнечное утро. Мороз. В шесть утра встали, в девять выехали и в одиннадцать с половиной разгружались в Лаврушинском.

Сказать на юбилее: 1) что я простой русский человек, 2) что самое удивительное в жизни, что не только человек, но и все животные и растения, обреченные на короткое, иногда до мгновения, существование, живут, не думая об этом, живут как бессмертные боги. Это несомненный факт, а дальше идет разделение мнений: одни понимают жизнь как обман, другие — как личное свидетельство бессмертия.

И смысл бытия и смерти есть личный опыт. Мы оттого и не можем непосредственно общаться с душами умерших, что они существуют в Целом, а мы в Частном: мы с ними противопоставлены. Но мы имеем возможность направлять свое частное к целому, и это направление есть творческое сознание человека, называемое культурой: тут религия, наука, искусство, мораль.

Не очень давно шевельнулось во мне особое чувство перехода от поэзии к жизни, как будто долго-долго я шел по берегу реки, и на моем берегу была поэзия, а на том — жизнь. И что так я дошел до мостика, незаметно перебрался на ту сторону, и там оказалось, что сущность жизни есть тоже поэзия. Или вернее, что, конечно, поэзия есть поэзия, а жизнь есть жизнь, но что поэзию человеку можно сгустить в жизнь, т. е. что сущность поэзии и жизни одна, как сущность летучего и сгущенного твердого воздуха.

Отсюда припомнился «Портрет» Гоголя: художник сгустил зло и оно стало жить. Но ведь так художник может сгустить и добро. Гоголь и это попробовал сделать, но не мог. А я в какой-то, может быть, микроскопической дозе это делаю, это содержится в моем творчестве и это есть в природе русского человека, в его наивном жизнеощущении, что «добро перемогает зло». Вот я думаю, что мои

наивные читатели узнали это мое чувство жизни в моих сочинениях, узнали сами себя в своем лучшем, это они во множестве писали в издательства, и это именно и сохранило меня и сделало «экстерриториальным».

11 Октября. Солнечное морозное утро. Весь день гнал работу, вечером читал газету.

Литература пошла в агитацию и стала интересной: можно читать наоборот.

Особенно интересна была статья против Джулиана Хаксли. Нас ругают за грубую силу, но какая же сила не грубая, если встречает препятствия? Однако чтобы не открыть Америки в идее «борьбы за первенство», нужно ознакомиться с современными теориями.

Например, когда последний луч оставил глаза крысы — ничего и не осталось: крыса, как все крысы, спустилась, переплыла к берегу и скрылась, как все крысы. Но у человека свет остался и после того, как солнце подняло свои лучи. Человек сам пошел за лучом солнца и увидел ящерицу, что ящерицы движутся выше. И когда ящерицы остались без света, человек стал этим светом — свой свет (костер), и ящерицы стали спускаться, и крыса водяная, и все звери. (Вот тогда, когда звери подвинулись, остров перегнулся — и все стало понятно: человек вобрал в себя свет и стал как солнце.)

12 Октября. Еще солнечно морозное утро. Вчера начало теплеть и стало хорошо.

13 Октября. Пасмурно. Гоню «Мою страну».

14 Октября. Тепло, моросит.

Жизнь в диктатуре подводит к мысли, что [такое] человеческая история — усилия человека в ней сводятся к тому, чтобы все небывалое и чудесное сделать бывалым или законом. В искусстве это особенно заметно, когда критик встречается с чем-нибудь новым: он всегда начинает с поисков

родства этого нового с чем-нибудь в прошлом, [чтобы] свести это к чему-нибудь бывалому. А нет того, чтобы [встретить] небывалое как чудесное, как встречает его ребенок — не в оболочке причин, а само по себе. В этом, вероятно, и есть разница между культурой и цивилизацией: культура — это встреча небывалого, а цивилизация — проводы.

Гоню «Мою страну». Два-три дня и кончу.

15 Октября. Пасмурно и большая теплынь, как весной. Надо бы ехать за саженцами, самое время деревья сажать.

Книгу свою «Моя страна» заканчиваю. Остается вывести последнюю запевку «Царь природы» — и все!

17 Октября. Очень тепло и пасмурно. Ляля сказала в мастерской примусника Никитина, что едет сирень сажать.

— Сирень сажать! — сказал Никитин. — Я, конечно, рад, что вы это можете, но нигде не говорите об этом — делайте тихонько, а то до того ли людям теперь. Сирень сажать!

И начинается в душе не то спад, не то разлив, известные всякому русскому... И так у нас каждая возникающая личность, как «сирень»: совестно и хочется поскорее закрыть себя от людей. А на Западе сейчас <*приписка:* под водительством Бердяева> возникло движение среди интеллигенции — «персоналисты».

18 Октября. Продолжается очень теплая и пасмурная погода. Вчера написал и послал в Лит. газету «Золотой портсигар» и купил, наконец, приемник «Урал» за 1700 рублей. Краткое руководство управления огромным неизвестным посредством пяти регистров дает возможность каждому через четверть часа усвоения правил превратиться в собаку, потому что только собака может так спокойно быть в обществе такого неизвестного, как человек. И то особенно интересно, что чем ближе становишься к делу управления аппаратом, тем дальше отходишь от сущности его, и специалист, конечно, всех дальше: тот весь целиком поглощен техникой.

Великолепная мысль привлечь Михайлова к моему юбилею. Ляля начинает его обзванивать.

Заканчиваю «Моя страна». Сегодня услали Мар. Вас. за сиренью и жасмином. Вот где, кажется, самый центр неизвестного: человеку 75 лет, жизнь его на волоске, вокруг него люди мрут от голода как мухи и ждут худшего, только худшего: новой войны. А он сажает сирень! И мало того — он не один и, может быть, не было времени, когда бы так страстно не хватались люди за растения: все кто может сажают сады. Это значит, во-первых, что люди живут как бессмертные, презирая свое знание смерти. Во-вторых, это значит, что лучшее у человека есть действительно сад (рай).

Саша Яковлев помог мне установить приемник «Урал».

19 Октября. Москва — Дунино. В предрассветный час тепло (очень!) и моросит дождик. Собираемся сегодня ехать в Дунино сажать сирень. «Мою страну» закончил, осталось пронумеровать и прочитать.

20 Октября. Дунино. К вечеру холоднело над рекой и постепенно исчезало во тьме. Осталась только холодная река и на небе ольховые шишечки, те самые, что остаются на всю зиму висеть на голых ветвях. Мороз на рассвете не побоялся теплого неба, плотно закрытого облаками, и держался долго. Ручьи от колес автомобиля подернулись прозрачной корочкой льда, с вмерзшими в него дубовыми листиками, кусты у дороги стали белыми, как цветущий вишневый сад. Так и дождался мороз, пока не одолело солнце, тут он получил поддержку, окреп, и все стало на земле голубым, как на небе, и в природе было, как в словах молитвы человека: «Да будет воля твоя на земле, как на небе».

Как быстро мчится мое время! Давно ли я сделал эту калитку в заборе, и вот уже паук связал верхние концы решетки паутиной во много рядов, и мороз паутинное сито переделал

в белое кружево. Везде в лесу эта новость: каждая сетка паутины стала кружевной. Муравьи уснули, муравейник обмерз и его засыпало желтыми листьями. Последние листья на березах почему-то собираются к макушке, как у лысого человека иногда последние волосы. И вся облетевшая белая береза стоит как рыжая метелочка. Эти последние листики, бывает, так и остаются в знак того, что и те листья, которые опали, недаром опали и снова воскреснут новой весной.

Просека длинная, как дума моя, и поздней осенью жизнь не мешает моей думе: грибов уже нет и муравейник уснул.

Дума моя была теперь...

Мы-то с вами только думаем так, а народ потом этим жить будет: вставать, трудиться, отдыхать, родить, далеко уходить из дому, возвращаться. И так от человека к человеку, из поколения в поколение, пока, наконец, не изживет народ это самое, о чем мы говорили, и не станет говорить: в таком-то веке этим люди великие жили.

Или наоборот — мы с вами о чем сейчас говорим, этим уже люди живут, и в словах мы закрепляем пережитое. (Писал, думая о Ницше и германском народе: кто был впереди, философ или народ?)

Время пришло: мороз перестал бояться теплого неба, крытого тяжелыми серыми облаками.

Вечером сегодня я стоял над холодной рекой и понимал сердцем, что все в природе кончилось, что, может быть, в согласии с морозом на землю с неба полетит снег. Казалось, последнее дыхание исходило от земли. Но вдали показалась крепкая, бодрая зелень озими и вот нет! Пусть тут — последнее дыхание, там, несмотря ни на что, утверждается жизнь: помирать собирайся, рожь сей!

21 Октября. Царственный восход при морозе. Собираемся в Москву с некоторым упреком совести за то, что обходим Москвою неизбежные трудности жизни в природе.

22 Октября. И в Москве, как вчера в Дунине, такое же утро, золото в белом.

Ясно мне теперь, что успех общественной карьеры содержится в замысле борца: нужно все обдумать вперед, надо знать предмет и тогда будешь бороться свободно. Вот почему я и теряюсь в собраниях, что по натуре я вождь, а попадаю в положение пасомой овцы, потому что прихожу без знания предмета. Впрочем, требуется не собственно знать, а сделать волевой охват предмета, как я это делаю, когда бросаю курить, что-то вроде обдуманного усилия, того, что было в Ленине.

Милостивый государь и товарищ начальник — вот два полюса огромного отрезка истории.

Всякий истинный вождь является непременно и товарищем ведомого: Суворов, Петр Первый, вероятно, и Цезарь, и Александр Македонский. Но это в существе дела, в процессе борьбы. А в мирное время начальник исключает товарища.

В социализме нашем и есть главная тема для нас — это раскрыть... весь социализм наш есть усилие [сделать] начальника товарищем — это революция, а контрреволюция — начальнику укрыться от ока товарищей.

Мысль началась с упрека Умнова мне в том, что я распустил Ваню, т. е. держался с ним как товарищ, забывая себя как его начальника. После того я вспомнил, что и семью свою распустил, и свои попытки в общественной деятельности, и многое, многое. И в то же время в своей специальной области я поступил правильно. Эта специальная область определяется не государями, не начальниками и товарищами, а друзьями, где каждый является вождем себя самого и тем самым товарищем другого. Есть вот какая-то такая страна, откуда нисходит к людям искусство.

23 Октября. После рассвета, очень тяжелого и долгого, повалил снег и падал густо часа два, как дождь: стало бе-

леть, таяли снежинки, касаясь земли. К обеду снег пересилил, крыши стали белеть, в скверах легла пороша. И так снег валил весь день и на ночь остались крыши белыми и углы на улицах, и посередине неслись черные потоки.

В «Лит. Газете» напечатали «Золотой портсигар». Чувствую по воздуху, что этот пустячок имел успех и должен иметь, потому что и заострен политически верно, как стрела, и совершенно лишен той наигранной злобы, которая считается в нашей практике непременно условием политической статьи.

Приглашают в Белоруссию на 30 выступлений по 1000 р. за раз ($1^1/_2$ часа). Если после проверки окажется, что не обманывают, то поеду, может быть, и, кроме заработка, книжку устрою.

Слышал по радио из Лондона, что англичане придают значение нашим соблазнам: что будто бы Восточная Европа может взять на свое попечение Западную — в отношении питания. Вот это я понимаю, это политика! Так оно и будет...

Все больше и больше укрепляюсь в мысли о том, что любить врага — это значит бороться с его злой одержимостью, бороться за плененного злом человека. И вообще любить — это значит бороться за любимого человека.

Вот бы взять эту мысль куда-нибудь в «Канал» или разбросать в мелких вещах вроде «Золотого портсигара». (В деревне у нас росли два мальчика и постоянно дрались между собой и на улице, и в школе. Когда выучились, один остался дома помогать отцу, а другой ушел и стал на стороне достигать.)

24 Октября. Снег на крышах, на карнизах, в углах перележал ночь и остался. Окончена «Моя страна». Сегодня-завтра сдаю.

Тарасова сделала с меня офорт, мало похоже, но хорошо. Сегодня в 5 вечера свидание с Карасевой по «Дружным ребятам». Звонить Михайлову, звонить Саушкину. Переписать «Мировую катастрофу» в «Огонек».

25 Октября. Мороз, ветер, пятна снега на крышах и коегде на земле. Проходят те редкие дни, когда нет никакой охоты и только заботы, когда умирают старики и молодые празднуют Октябрьскую революцию. Снег идет, идет.

Вот еще где очень плохо: это ученье в новых республиках: никто не хочет учиться в национальных школах, все лезут в русские.

26 Октября. Вчерашний снег удержался, и с утра снежная метель. Итак, значит, первый зазимок, выпавший в среду 23-го, частично уцелел и теперь все крепнет.

Какой пустяк «Золотой портсигар», а напечатал и как орден получил: звонят и звонят по телефону и поздравляют. Это показывает, что люди, принужденные лгать, в душе своей чувствуют правду и хотят ее и ждут. Вот почему и я так рад.

Дети, все дети — и все настоящие наши физические дети, и те взрослые, пожилые и вовсе старые люди, кто сохраняет в душе себя самого как своего ребенка! Все мы когда-то вышли на свет из темной утробы нашей матери. Все мы вышли из тьмы и все мы движемся к свету, и вместе с нами совсем рядом из темной земли поднимаются к солнцу деревья, былинки, соломинки, цветы, и вместе с нами поднимаются, живут.

Там, где человек — это я.

Там, где каждый из нас выступает за себя <*зачеркнуто:* там и рождается собственность>, там след ноги на песке — остается собственность. Хорошо это или плохо? Это неплохо и нужно, если нога собственника ступает по неза-

нятой земле. Но как только по этой земле другие прошли, надо глядеть, чтобы не поставить ногу свою в чужой след. Вот почему нас всех так манит к себе девственная природа, земля, по которой еще не ступала нога человеческая. Вот почему иной раз мы даже и вовсе землю бросаем — нам тесно становится, и мы летим на путь искусства, и там ищем путей, по которым никто никогда не ходил.

Падает дубовый лист осенью, и навсегда падает, и удобряется почва там, где он упал. Вся жизнь его была от весны и до осени, а мы, люди, тоже ведь листья от всего человеческого дерева, каждую осень падаем и знаем, что весной мы снова будем жить. Мы тем только и отличаемся от листьев древесных, что это знаем, а живем как бессмертные и не хотим вовсе считаться с тем, что и нам, как листьям, когда-то придется тоже лететь. И мы все упадем и удобрим ту почву, где нас < *зачеркнуто:* закопают>.

27 Октября. Утром снег еще лежит, но мягко, и возможно, что среди дня будет таять.

Не есть ли «тоталитаризм» то самое, чему я ищу имя свое и пока называю его «весь человек?»

Тоталитаризм есть война против всего человека без различия положения, возраста, пола.

А то, что у меня — это весь человек, во всем своем составе, в различии и совокупности, в процессе творчества мира.

Оптимизм рождения: не гео-, а гено-оптимизмом...

28 Октября. Вчера весь день пробыл на нуле и все было как Великим постом: тепло, тихо и не таяло. Мар. Вас. ездила на дачу и говорит, будто там лежит в $^1/_2$ метра снег (поменьше, конечно, но лежит).

Женщина в своих разговорах высказывается о мужчине приблизительно как великие державы о колониях, в

том смысле, что колония сама по себе совершенно пассивна и ее забирают как вещь. Так и мужчина в этих высказываниях представляет из себя пассивный предмет борьбы женщин между собою. Вот Ефр. Павл. с детьми всю вину за меня перекладывает на Лялю, и даже Игнатовы понимают все так, что я влюблен и забран.

А как у Алексея Толстого было тоже: все легло на Людмилу.

Жизнь переела гордость, и так бывает у всех, и оттого мы делим людей уже после борьбы и в победе над жизнью, в их состоянии смирения и мудрости.

28 Октября. Зазимок держится при легком морозце вот уже пять дней, и некоторые думают даже, что это зима.

«Женщину будущего» приняли в «Огонек», только просят другого заглавия. Почему? Назову «Наша юность» (из биографической книги «Моя страна»). Посмотреть, не годится ли из «Канала» рассказ Волкова. Надергать книгу «Дорогие звери» для издания в Зоопарке?

В Белоруссию решено не ездить: необходимо в этот зимний сезон в Москве впитать в себя современность. А то, как ни странно, произошло с поворотом в «Лит. Газете»: полное неприличие и даже безобразие, и между тем хорошо.

«Основная свобода есть свобода слова» (сказали на Ассамблее).

Раздумье: свобода слова наверно родилась от французской революции или раньше, когда родилась личная инициатива, мать всех свобод. На этой почве и началась борьба личности с жуликами жизни (борьба «Марсельезы» с «чижиком»). В конце концов, «чижик» победил Фауста и мир заполнили чижики цивилизации.

Все привело к войнам и выдвинуло коммунистов, как борцов за мир в мире. В этом и есть сила коммунистов, и это они блестяще демонстрировали на Ассамблее. Сколько мы ждали, чтобы коммунизм вышел на суд мира, и вот он вышел.

Мы думали тогда, что это у нас нет слов против коммунизма по нашим личным грехам («мы просрали Россию»). Но теперь оказывается, что и там, в большом мире, тот же грех не дает веса слову, и защита свободы слова есть прямое посрамление слова.

Становится понятным свое постоянное смятение за все тридцать лет вплоть до последней записи о каком-то следе, встречающем на земле везде другой след (запись 26 окт.). Ведь это все борьба за себя, за свою инициативу, за личность, за... свободу слова. Так я в своем тяжком испытании подошел к самой грани нового начала (т. е. старая инициатива, сбросив с себя все шкуры, выползет из них, как змея: шкуры будут сброшены, но сама змея, мудрость, начало начал, должна сохраниться).

Жулики давно это поняли и действуют, живут, но сама змея мудрости еще не вышла на свет.

Задача та же самая, что богатому (верблюду) пролезть через игольное ушко.

29 Октября. Вчера после обеда стало теплеть, и за ночь, к утру, белые крыши стали черными. Зазимок кончился.

«Большая звезда» пришлась по вкусу «Огоньку», и, кажется, очень.

Сегодня: 1) Позвонить Кочеткову. 2) Ждем звонка Михайлова. 3) Надергать для Зоопарка зверей. 4) Книжку для «Огонька». 5) Прочитать рассказ о вечном рубле. (Вот хорошо: «рассказ о вечном рубле».)

30 Октября. Ночью подморозило немного, морозик поддержал, и теперь крыши беленькие.

Вчера пришла весть, что умерла в Москве Домаша и так освободила мою избушку в Дунине. Все подумывал, кто раньше рухнет, старуха или изба. И вот все, умерла,

Царствие ей Небесное, хорошо, что не обижал ее, да и она держала себя молодцом.

Читаю и слушаю политику. Пусть у нас все ведется грубо, нелепо и, вероятно, часто и неграмотно политически, но «цивилизация» вся как взбаламученное море... Хорошо!

Вчера отправил в «Огонек» «Звезду». Вероятно, сегодня кончается моя запойная полоса и я кончаю курить.

Вчера был учитель-писатель-охотник с Урала, сосед Бажова. Рассказывал, как ловят у них язей на пареную пшеницу.

Читаю Шахова «По оленьим тропам». Это подражанье «Колобку», взято худшее — «литературность» — и нет лучшего моего: это опасение самолюбования и через это выход из себя и самоутверждение в другом чем-то (напр., в «Колобке» «юровщик», «Соловки», т. е. самореализация или выход из себя). Писатель, не обладающий этой возможностью «выхода из себя», обречен на самолюбование, потому что всякая радость от природы, направляемая в себя, приводит к самолюбованию в зеркале природы. Должно произойти то «перевоплощение», о котором спрашивал меня Блок.

Когда читаешь речи англичан, то речь Вышинского кажется лишенной всякой красоты, грубой, часто неверной, и только очень дерзкой. Но какая сила у Вышинского, и не у него лично, а у тех, представителем кого он является. И пусть этот Вышинский — все равно! — является исполнителем воли русского народа. Так вот и у нас в литературе теперь Симонов — не в поэзии, не в искусстве дело, даже не в личности, а все в народе, в нации, в социализме, в новой грядущей жизни всего человека.

Вот тропинка возле большой дороги. Валом валит по большаку народ, машины, лошади. А ты по тропинке спо-

койно иди себе, не торопясь, пусть обгоняют — не ускоряй шага, не суйся туда на большак, береги свой режим на тропе и не тужи, если все пройдут и ты останешься, медленный, на своей тропе. Возможно, к тебе еще подойдет кто-нибудь отставший, спросит тебя, и ты укажешь путь, куда все прошли. Учись же теперь держаться своего пути.

31 Октября. Миросозерцание. Если уничтожить разделение на богатых и бедных, то останется предпоследнее разделение всех людей на владельцев таланта и на бездарных. И когда многочисленные бездарные сожрут талантливых, то останется последнее разделение людей на умных и глупых. Тогда, конечно, умные, сколько бы их ни было, возьмут всю власть и будут управлять дураками, диктуя им определенное поведение. И все кончится тем, что дураки превратятся в машину.

Гено-оптимизм (Евгеника*).

Последнее слово науки не атомная бомба, уничтожающая жизнь (пессимизм), а кастрация слабых и разумное оплодотворение сильными: евгеника или гено-оптимизм, освобождающий будто бы плененное полом чувство любви.

Это до того умно, что застигнутые врасплох думают: «Но почему же до сих пор так не сделали?» <*Зачеркнуто:* Немцы хотели этого — управлять размножением, но не могли справиться.> Вероятно, кастрация и применяется в крайних случаях. Узнать. Боятся касанья. И правда, это страшно.

В «Детиздате» вышла «Кладовая солнца» в роскошном издании. К юбилею готовят тоже роскошное издание моих детских рассказов в 20 листов (36 рассказов). Рассматривал иллюстрации Рачева, сказал художнику, что его пей-

---

* Евгеника — в начале XX в. евгенические теории получили широкое распространение в научных кругах разных стран, а в некоторых евгеника утвердилась и на государственном уровне: правительства этих стран стали применять ее для «улучшения человеческих качеств» (в частности, нацистская Германия в годы Второй мировой войны).

зажи очень хороши, но нет равновесия с человеком: лица не сходятся.

— А это, — ответил он, — вопрос общего характера. Над этим работал Иванов всю жизнь в «Явлении Христа» и тоже пейзаж вышел, а Христос не пришел.

— Но ведь в «Кладовой солнца», — ответил я, — дети вполне согласованы с природой?

Зав. отделом иллюстрации Алокринский на это ответил: — Это удивительно, но поймут это нескоро.

Вспомнилось, как меня называли «бесчеловечным писателем» (З. Гиппиус).

Надо понять все так, что коренной вопрос в живописи, гармоническое сочетание человека и природы, каким-то образом стал и моим коренным вопросом в моей литературной живописи.

И очевидно, в «Царе природы» я и занимаюсь этим вопросом: снять человека с места главного хищника и поставить на место царя (милостивого и мудрого).

Святые географы.

Смотрел на портрет Пржевальского и как-то через подбородок и усы узнал в нем С.А. Бутурлина и через Бутурлина понял в нем рыцаря-аскета, разрешающего напряжение пола не молитвой, а географической поэзией. Бутурлин жил с какой-то полудикой латышкой и через это был девственно чист в отношении к женщине, был вечным 16-летним юношей. Он писал, будучи седым, стихи какой-то даме:

Твоя походка, милый друг,
Движенью лебедя подобна,
Когда он плавает вокруг,
И совершенно бесподобна.

Такие люди были на Руси, и я этой же породы, я жил с Е. П. тоже как гимназист и тоже стал святым географом.

Но благодаря встрече с Лялей вышел из этого круга святых охотников. И не жалею, как не жалеет человек вскрыть, в конце концов, консервную банку свою.

Задача: написать к юбилейному сборнику «Детгиза».
Начать: Родился я 23 января (5 февраля нов. ст.) 1873 г.

1 Ноября. Морозики самые легенькие остаются даже и днем. Ветер. Порхает снег.

2 Ноября. Мороз и бесснежно и ветрено, неуютно. Англия заступается за М. (в Румынии) и поощряет исчезнувшего Миколайчика. Этот суд не в духе Англии и его называют судом смерти, потому что человеческое обобщение, мертвящее исходное начало, цель оправдывает средства, будто бы лежат в основе такого суда.

Мертвой материей мы называем комплекс неразличимых частиц, а живой такую, где одна частица различима от другой.

И чем живее материя, тем больше дифференциация, тем сложнее индивидуум, имеющий в человеке завершение в личности.

Таким образом, жизнь есть образование личности.

Это одно понимание жизни.

Другое — наше советское, это что жизнь есть служение, т. е. раскрытие личного начала в коллективе всего человека, т. е. не личность является представителем всего человека, а образ всего человека представляет собой жизненную цель всякой личности.

Вот почему английский суд и наш советский не сходятся, а противоречат друг другу.

Жизнь есть дифференциация, завершенная Фаустом.

Жизнь — коллективизация, завершаемая жертвой Христа: нет выше любви, как если кто положит душу свою за други своя.

Интимный пейзаж боится свидетеля, и потому так трудно дать гармонию человеческого образа с природой (мне удалось в «Кладовой солнца», а художнику нет).

3 Ноября. Вчера и сегодня тихая погода с легким морозом. Начинается праздничный базар.

Толстый английский министр Бевин понимает Октябрь, как рождение нации. Если это верно (а скорее всего так это и будет считаться) и если так всякая нация рождается (а это тоже, скорее всего, так), то, конечно, рядом тут где-то и Голгофа: нация рождается и за жизнь ее распинают человека.

Все понятно: Октябрь есть и Голгофа.

А ведь я хорошо помню ту страшную ночь, когда подошла «Аврора» и против [6] линии Васильевского острова грохнула из пушки по Зимнему дворцу <вымарано несколько строк>. Но как это люди могут такие дни отмечать пирогами — это непонятно.

Как это можно было дождаться дня Воскресения Христа и в этот день обжираться — непонятно.

Но и все на свете рождается в муках и все-таки мать, отмучившись, радуется рожденному.

Вот и нам тоже надо увидеть рожденное.

4 Ноября. Вчера ночью подбелило крыши и мороз поддержал так, что можно сказать: зазимок первый был разделен от второго одним днем. Написал «Моя родина» как предисловие для юбилейной книги «Детгиза» и как запевку для страницы о природе в «Дружных ребятах».

5 Ноября. Вчера среди дня стало как весной: явилось солнце, все потекло, и так в солнечном сиянии прошел весь день. А вечером, конечно, стало морозить и сегодня утро солнечное и ледяное.

Сходить в Третьяковку с раздумьем о «царе природы». (Пересмотреть Иванова, пейзажи к «Явлению», Левитана, Нестерова и др.) А может быть, «явление» царя и нельзя дать в согласии с природой, и если нельзя, то надо понять характер естественно-человеческого нарушения. Даем же мы в пейзажах характер мира в природе (согласие частей).

Почему же нельзя дать характер нарушения, связанного с приходом человека в природу?

Оправдание нарушения — вот наша нынешняя тема человека, и взять ее из себя в своем недостатке: труднее всего мне бывает нарушать мир обывателя правдой и в этом должно быть «явление».

В живописи труднее врать, чем в литературе и в жизни — вот почему и трудно в живописи дать согласие прихода человека в природу, как согласуется в жизни Голгофа с ветчиной и пирогами (Пасха).

Художник уступает природе человека с тем, чтобы сама природа взяла слово и рассказала нам о человеке: такие люди рассказываются природой, у Нестерова — святые существа и т. д. Вот почему живописцам и трудно согласовать пейзаж с человеком: пейзаж берет всего человека в себя и остаются бездушные фигурки.

Человек должен быть разделен: одна часть его остается в природе, о ней скажет сама природа, а «явление человека» должно выйти из самого человека (вспомнить больших людей в быту: С.П. Ремизову, Блока, Мережковского и греческих «богов»): об этой стороне человека природа не может рассказать.

6 Ноября. Какой золотой день вчера простоял! Как в апреле: легкий морозец при солнце. Галя Каманина вышла за поэта Шубина. Шубин — поэт талантливый и, кажется, образованный. Он говорил Ляле, что Каверин, автор «Двух капитанов», говорил ему, что за одну страницу — написать бы как Пришвин — он отдал бы и все свои сочинения, и все свои доходы. И еще он говорил, что будто бы поэты его круга почитают Пришвина как единственного во всем мире.

Ляля поверила искренности Шубина, я же думаю, что какое-то зерно правды таится в этих словах и оно в том: первое, что я, как создатель литературного жанра поэтической географии, действительно в своем роде первый, как все равно каждый настоящий мастер есть в своем роде

первый, второе, что при общем моральном упадке в литературе на меня начинают где-то обращать внимание.

Из этого сделать вывод поведения: 1) ни в коем случае не поддаваться искушению охоты за славой, минуя способ обыкновенного своего мастерства, 2) бороться с суетой посредством старости и шутовства, 3) доставать деньги и царствовать.

Узнал через радио (купил приемник), что за границей теперь хорошо знают практику нашей политики. По-видимому, нам остается теперь мало-помалу, а то и поскорее изменять форму агитации и пропаганды. Необходимо вызывать к делу из населения самодеятельные элементы.

Ляля спрашивает: — Но откуда же взялась эта гениальная мудрость, сумевшая прибрать к рукам всю страну?

Это Ляля-то. Все прошлое очень похоже на муку родов (тридцать лет рождалось дитя).

Неужели мы дождемся того времени, когда мать обрадуется, увидев своего ребенка?

<*Зачеркнуто:* Плохо, что пока не видно ничего такого...>

Жалкая истерика Леонова... и все выкрики, еврейская спешка, подтасовка. Посмотрим, как завтра пройдет...

7 ***Ноября.*** Суточный мельчайший дождь. Газеты без речи Сталина. Иллюминация без пушек. Что-то случилось?

Из Англии: «Агрессивный коммунизм хвалится силой и достижениями, зачем бы ему хвалиться, если бы эти силы были в действительности, зачем бы ему натравливать своих граждан на иностранцев?»

А я столько думал, откуда и почему взялся у нас небывалый дотоле стиль государственного хвастовства? (Началось с журнала «Наши достижения».)

И тоже Англия отмечает, что Октябрьская революция есть величайшее событие в мировой истории.

«Литературная газета» вспыхнула и умолкла. Очевидно, новое направление (поддержанное мною) было осуждено. Впрочем, я же поддерживал не симоновский разбой, а художественное выявление действительных достоинств русского человека. Так вылез суслик из норки на заре, посвистел немного и скрылся. Крик происходит, конечно, от неуверенности и равносилен подхлестыванию.

Борьба за первенство как фактор прогресса в истории человека психологически есть факт неопровержимый.

На этом основано все движение в неведомые страны, в девственную природу и открытие новых стран.

Каждый из нас стремится ощупать ногой свое место, где не ступала еще нога другого человека.

Возможно, что борьба за первенство и создала ту систему, которую мы теперь называем капитализмом. И развитие капитализма неминуемо должно привести к социализму. (Мысль Ленина: сближение людей на войне есть предпоследняя ступень лестницы к социализму: следующая ступень есть социализм.)

Но борьба за первенство как основной фактор культуры должна остаться и в социализме.

И все недружелюбие к социализму вызывается необходимостью его тоталитаризма, т. е. уничтожения всех достижений в борьбе за первенство и в начале новой борьбы в иных условиях. Изменение происходит в форме связи между людьми: раньше была связь родовая, человек вкладывал достижения своего первенства в свой род, теперь он вкладывает в общество, как вкладывает в общество непосредственно художник. Социализм есть обязательное разрушение того, что называется «дом». Итак, в борьбе за первенство препятствием делается дом.

8 Ноября. С утра валом валит мокрый снег. Прошлое наше — это вечерняя заря, наше будущее — заря утренняя, а настоящее — это наш день труда и борьба за наше прошлое в свете будущего, это наш рычаг, которым наше прошлое мы поднимаем и спасаем, поднимая его в будущее.

Не забыть, что сказал Вася Веселкин, человек проводящий жизнь свою под машиной, когда он вылез на свет и выпил стакан: «Массы этого не касаются, и к ним путей нет, а жизнь определяют те, у кого в руках власть».

NB. Как он выразился в точности не помню, но его «массы» были похожи чем-то на мир матерей из «Фауста».

9 Ноября. Мокрый снег вчера к вечеру растаял, да и сверху моросило.

К моей праздничной тоске прибавился визит молодого поэта Шубина, профессора развязного слова и всякого мыкания (он женился на Гале Каманиной). Это он напел Ляле, что я первый в мире писатель («а кого вы еще назовете?»), и она этим была покорена и позволила ему придти ко мне.

Еще к тоске прибавило радио: каких-то частных владельцев в Австрии наши ограбили в пользу «бедных».

Дело в том, что одна оценка действию в пожаре революции у себя дома, другое дело, когда экспроприация является простым холодным расчетом и даже методом, распространяемым на чужие страны. Коварство этого метода состоит в том, что он предлагается как добро для бедного: соблазненный бедняк, тощая корова пожирает жирную, а в конце концов сам остается ни с чем, и даже еще гораздо более тощим, чем был. В результате этой операции, однако, человек работает не на частного собственника, а на государство, и в далеком будущем, когда коммунизм победит во всем мире, труженик будет получать целиком весь продукт своего труда.

Мы на этом пути уже тридцать лет, выдержали полный разгром собственности, выдержали мировую войну и нам нет путей отступления.

Тут остается остановиться только на том, что дело это больше России, больше Америки, больше всего мира и, конечно, нас сущих...

И если тебе лично на земле есть еще место, куда можно поставить ногу, то будь доволен, ставь ее и гляди вперед, куда бы можно и вторую ногу поставить.

Пимен Карпов, воскресший и живущий ныне в углу где-то с маленькой железной печкой — тут он себе все готовит и пишет: что он пишет? Никто не знает и не интересуется. Может быть, Пимен Карпов писал о родах человека в России, о муках этих ужасных в надежде дожить, как доживает в муках своих мать до встречи своей с новорожденным, до такой радости, когда старец шепчет: «Ныне отпущаеши».

Катаев Валентин написал, что доблести советских людей так велики, что все христианские добродетели меркнут перед ними, как мелочь. До чего можно дописаться!

В книжном деле такое диво, что чем больше их издают, тем труднее до них добраться читателю. Тут возможно происходит то же, что с письмами в начале революции, когда переписка граждан была объявлена бесплатной и марки уничтожены. Тогда письма перестали доходить, потому что почтальоны их сваливали, как бесплатные, под мосты. Так и с книгами происходит что-то в этом роде. Книга, как и письма должна быть оплачена хорошо, трата денег читателем создает личное усилие на пути к обладанию книгой, пусть потрудится для этого чтения читатель, хоть отчасти как трудился автор, как трудится, стоя, верующий в храме, как трудится странник на пути в Мекку свою. У нас же нет теперь таких богатых, кому книга попадает за деньги, полученные в наследство: мы все работники. Книга бесплатная — это учебник и пропаганда. Книга художественная должна быть дорогая и доступная тем, кто готов за нее жертвовать.

Прошел праздник, и солнце явилось, к вечеру вслед за солнцем явился мороз, потом ночью снег и...

10 Ноября. Все беленькое, чистенькое. День простоял в белой шапочке, но с крыш среди дня понемногу все капало и капало.

В этот раз как будто и сами коммунисты были недовольны собой, своим праздником, и сам Сталин спрятался, и речь Молотова вышла тусклая и беспросветная.

Записки простого человека.

Почти месяц я слушал выступления иностранцев по радио. И не могу понять, маскировка это у них или благодушие, понимаемое русскими как глупость.

Так, бывает, комментатор трудится, излагая долго содержание какой-нибудь пьесы, и вдруг под конец выскажется, что автор изображает свободного человека, не нуждающегося ни в какой чистке. И тут только по этому слову «чистка» понимаешь, что бедный комментатор, какой-то русский человек по имени Назаров, свою речь направляет к заключенному в коммунизм своему же русскому человеку и так прельщает его американской свободой.

Или другой какой-нибудь Набоков трудится с изложением каталога ширпотреба с 12 000 предметов, от стиральной машины до складного домика. Долго не понимаешь, зачем это, и вдруг под конец объясняется, что таких фирм в Америке много и все они, конкурируя, стараются угодить потребителю, которому стоит только вносить деньги и все ему будет доставлено на дом, и, значит, как должна быть соблазнительна русскому человеку жизнь рядового американца.

А у русского слушателя в голове начинает что-то чесаться от глупости — того ли он ждет? И он спрашивает себя: что это, простодушие или особый какой-то непонятный подход к человеку?

В конце концов, думается, что ни то и ни другое, и выходит, от надменной уверенности в том, что простого человека можно соблазнить, как дикаря, простым видом, как соблазнил Миклухо-Маклай папуасов осколками разбитой бутылки.

Милые комментаторы, Набоков, Нащекин, Назаров, вспомните наших русских простых людей, они и тогда были умнее этого воображаемого «простого» человека, а

если вы сейчас его возьмете, проверенного, прочищенного, повидавшего все ваше прекрасное хозяйство на войне, вы необходимо поднимете запас своей домашней философии в защиту от наступающего на вас со своими задушевными вопросами простого человека.

Не хватит вам домашней философии — обратитесь к той, какая ни есть, вне вашего обихода — не хватит этого? И тогда вам неминуемо причудится в руках простого человека нож с острием, направленным в ваше сердце, и услышите вокруг себя голоса тех, кто тоже не справился с философией и тоже схватился за нож.

Весь секрет глупости иностранца заключается в том, что он, как ребенок, разобрал живого простого человека, понял его в потребностях и заключил всего в каталог ширпотреба, и тем ограничил его, и свободу его определил предметами своего каталога. И он действительно существует, такой мальчик в штанах.

Хожу, брожу без дела целые дни и никак не могу ухватиться за какой-то канат, чтобы подняться наверх и там, определившись, плыть по тому морю в своих меридианах к своей звезде. У меня не пропала еще эта надежда, что возьмусь, поднимусь туда, где не страшно и не больно и нет никаких обид. Смотрю на Лялю, что и у нее дух вышел: занимается пустяками весь день, что-то перешивает, покупает какие-то мелочи и в таких заботах жалуется на сердце, на нервы и хочет отдыхать в санатории. Но она в точности я — я опустился, и она опускается, поднимусь, и она поднимается, она женщина любящая и обнимает всего меня, всю мою форму заполняет, как вино заполняет сосуд.

Это большая разница — дури́т человек или же он постоянно такой, как говорят, просто дурак. И тоже простой человек, как теперь часто говорят большие политики, — что это значит? Простой человек — дурак ли он или умный — есть постоянное состояние его или он только простит или дури́т, а на самом деле умнее нас с вами? Во

всем этом очень бы надо разобраться и начать с того: я-то сам простой человек, куда себя отнести?

Итак, я начинаю с того, что я, простой русский человек, начинаю разбираться во всем меня окружающем, записывать, выяснять, опровергать, надеяться с тем, чтобы выяснить, кто такой, вообще, простой человек и какое должно быть к нему отношение людей непростых, сложных и умных.

Я начал с того, что купил себе шестиламповый радиоприемник, чтобы послушать, о чем говорят умные люди: Голос Америки в Советский Союз.

Когда садишься в чужой автомобиль — то это еще ничего, но в своем автомобиле всегда немножко глупеешь, и вообще я замечаю, что если сходу приходишь в покой, то чего-то лишаешься, и если окружить себя множеством своих вещей, то вместе с обладанием их...

11 Ноября. День рождения Ляли. 48 лет. Капало, капало с крыш, но к вечеру хорошо подморозило и белые шапочки вчерашнего дня удержались.

Вчера в «Советском писателе» выяснилось, что книги мои в 100 листов будут изданы в «Госиздате». И надо немедленно действовать:

1) созвониться с Ярцевым о гонораре за «Избранное».

2) Свидание Ляли с Головенченко — (паршивое дело).

3) Разведка в Союзе о «Москвиче» — сделано.

4) Ремонт машины — сделано.

5) Ремонт гаража (не забыть: на заводе с Петей Козловым в субботу).

После всех этих дел является возможность планомерной ежедневной работы.

Речь на юбилее. В основе литературного поэтического дела заложено чрезвычайное усилие жизни продлиться к бессмертию.

Если медицина заметно расширяет границы физической жизни, то поэзия делает это с другой стороны: она свидетельствует о бессмертии души.

Медицина как черепаха ползет, но в ту сторону, куда молчит поэзия — к бессмертию.

Поэзия — это сверхусилие жизни, концентрация силы жизни, называемая личностью.

(Поэт — раздерганный неврастеник, пьяница, беспутник.)

С обеда потекло, к вечеру дождь и растворились все хляби небесные.

С утра возился с машиной и к обеду сдал ее в ремонт на завод.

Генерал сказал, генерал рассердился, генерал, генерал, генерал, повторяла намазанная девица, шофер на заводе. Я указал ей место в своей машине.

— Кто же нас повезет? — спросила она.

Я молча сел за руль.

— Кто вы такой? — спросила меня.

— Маршал! — ответил я, и мы поехали.

Без философии можно обойтись в жизни, но без юмора живут только глупые.

После обеда заседание редколлегии в журнале «Дружные ребята»: Григорьев, Катаев, почетный учитель: на левой стороне орден Ленина, на правой десять значков отличника.

Поднял мысль свою о родине и никакого отклика не получил.

Редактор Ершов, отсталый партчиновник, очень типичен тем, что заключен в круг и в кругу все хорошо. Зато вспомнился начальник авторемонтных заводов Косенков, коммунист из стада Христова. И правда! Христос был «прежде всех век», и время церкви и коммунизма — это

мелочь по сравнению с тем состоянием мира, где и времени нет. Так почему бы и Косенкову не быть христианином и коммунистом: земное положение — коммунист, общее — христианин.

К вечеру пришла праведница Нина и началась у них с Лялей бесконечная праведная болтовня.

Читал о <*2 слова вымарано*> всей кухне истории. Повара показаны прямо в колпаках и передниках так просто, что ясно понимаешь историю: они только повара, где-то внизу, а история, пир ее сам по себе больше их бесконечно... И так, может быть, все, что мы делаем, больше нас, и все мы не знаем, что творим. <*2 строки вымарано.*> [Мы видим] у повара особенную простоту в обращении с человеком, для него человек есть человечина — [это все равно] что мясо или дичь.

Там наверху сидят господа, произносят тосты за гуманность, осуждают охотников за убийство, а сами едят куропаток. Повар все это хорошо знает: его дело внизу, возле мяса. Но вот его вызвали наверх, посадили рядом с пирующими, и нечего удивляться, если он произносит тост за казнь 50 тысяч военных преступников.

Весь русский нигилистический цинизм, называемый «правдой», исходит от этой соприкосновенности с человечиной и последующей встречи с гуманной личностью. (На этих дрожжах выросла философия Плеханова, направленная против «личности» в истории.)

И это самое написано на вратах Дантова ада.

И вот это самое теперь и высказывает «господам» Вышинский.

Вот это «Надо» и требуется воплотить в личности Сутулова. Это «надо» рождается на пороге ада: тут один путь — в самый ад, в распыление, в жизнь для себя (наши беспризорники). Другой путь — это познать сердцем ад и вернуться к людям: нет уже больше веры в личность человека, видится одна человечина, как мясо. (Вспомнить

Виктора Ивановича Филипьева, который говорил, что весь человек в двух глаголах — есть и е-ь.) Но это не пессимизм — напротив! — это есть начало религии, отсюда и оптимизм: человечина вся связанная у жертвенного костра, и жрец обращается к заре, и Бог от зари посылает огонь, и костер загорается. Вот Сталин у нас и вяжет людей в коммунизм для костра жертвенника.

Итак, я должен знать о себе, что в мои годы непременно, как у всех таких людей, в голове собирается перенакопление мыслей и отсюда судороги речи, стремление их выбросить из себя. Отсюда происходит и непонимание другими написанного.

Вот почему «Кладовая солнца» должна быть моим маяком и я никогда не должен соблазняться «старшим возрастом».

Мой девиз: «мыслить о всем», но писать понятно для всех.

12 Ноября. Ночь прошла мокрая. На рассвете опять как вчера пошел снег. И потом таяло.

Раскрыть понятие «простой человек». Вся политика сейчас вертится около понятия «простой человек», составляющий демократию, и даже вопрос о колониях, угрожающий империализму, сводится к защите прав простого человека.

Лева письменно потребовал 2000 рублей. Совсем потерял совесть. Послал тысячу. Разговор Ляли с художницей Верой Яковлевной Тарасовой. Ляля спросила: дают ли ей, то есть ее личности, что-нибудь дети.

— Нет, — ответила она. — Они живут своим будущим и для меня они — мое прошлое: мне от них теперь ничего не поступает. Они для меня как живые вещи, которые я должна охранять, я забочусь о них, радуюсь, когда им хорошо, и только.

Ляля успокоилась. Еще был у них разговор об аскетизме. Тарасова усвоила себе вульгарный аскетизм в смыс-

ле отказа от жизни. И Ляля передала ей, как новость, наш православный аскетизм, как систему личного творчества жизни.

Кинопьеса «Воспитание чувств» есть замечательное решение вопроса о единстве революционной морали: учительница всегда была носительницей передовых идей в деревне и это ее необходимое, естественное положение без всякой натяжки слилось с большевизмом. Получился очень русский фильм и в то же время очень советский. Сделано то самое, [что] я мечтаю сделать в своем «Канале»: новое время представить как новорожденное дитя (Зуек), а все старое и древнее как мать в ее радости после мук рождения.

NB. Только надо теперь, усвоив себе крепко тайну родов, писать в увлечении ходом простых событий, не думая о «тайнах».

В политике мы все крепнем в оппозиции, а там складывается и налаживается основательно блок против коммунизма. На одной стороне демократия в аспекте свободы личности («хочется»), на другой демократия из-под диктатуры («надо»). На одной стороне «все куплю», на другой стороне «все возьму». (Мальчик в штанах и мальчик без штанов.)

13 Ноября. Утром снег, вечером дождь.

Написал предисловие к «Охотничьему сборнику».

Были на «Ромео» с Улановой.

Ляля была у Головенченко, с собранием сочинений все благополучно.

14 Ноября. С утра все течет. Думаю о «простом человеке».

Норка и Жулька. Норка до того ревнует ко мне Жульку, что когда я позову к себе Жульку — бежит с большой быстротой, чтобы раньше успеть, а Жулька, само собой,

ревнует Норку и тоже спешит, если я позову Норку. Теперь у них так и пошло. — Норка! — кричу я. Появляется Жулька. — Жулька! — появляется Норка.

Жульке ночью иногда бывает скучно и она выразительно ноет с просьбой пустить ее в спальню, и мы ее пускаем спать у нас на ковре. Утром рано я встаю и ухожу пить чай. Жулька встает вместе со мной и во время чая кладет голову мне на коленку. Для нее отрезаю ломоть хлеба, разрезаю на четыре кусочка и через промежуток времени даю ей по кусочку черного хлеба. Сам я мажу для себя свой хлеб маслом. И когда даю Жульке сухой хлеб, она отвертывается, и это для нее значит — помажь! Тогда сухим ножом с остатком запаха масла я провожу по куску и говорю: — Ладно, помажу! После этого она ест очень охотно. То же если и не помажешь, а прямо положишь на пол, через минуту она и так съест. Понимаю так, что она вовсе не отказывается, когда ей даешь сухой хлеб, а по-своему просит — помажь! И когда потрешь хлеб ножом с запахом масла — это не значит, что она обманывается, нет! Она просто хочет сказать: помажь немного — спасибо и за это, хозяин!

15 Ноября. Мороз на бесснежье. Солнце. Иван Федорович поехал в Дунино рубить деревья.

Разговор на Варзе с главным бухгалтером. Я рассказал ему о нашем книжном голоде при наличии чудовищных тиражей. И что, например, в Вене в книжном магазине книги только на витрине, а внутри торгуют папиросами: книги мало покупаются. Разобрали мы это и выяснили причину нашего устремления в книги: жизнь очень тяжела и в книгах все надеются найти лучшее, чем в действительности. Напротив, там человек живет в определенном укладе, ему надо беречь копейку на будущее, и сейчас ему нужно одеться, нужно растить семью, нужно, может быть, и наследнику своему что-то оставить. И явился вопрос: верно ли понял и описал «простого человека» в двух его выражениях: там и у нас.

Тема для долгого размышления: тот человек и наш человек. Начинаем с себя: а я-то сам ведь тоже в крайнем горе взялся за перо. Напротив: оформление в собственника чувствую всегда как поглупение.

И понятно: наш человек заботу о себе, о своем материальном быте отдает государству: этим там занимаются, а он сам работает и мечтает.

Тот человек «свободный», занимается собою сам.

Аналогия в женщине, которая занята собой, или женщине, обращенной в общее дело.

Вторая тема для «Канала»: «Бетал». Соприкасаясь в деле со множеством людей, Бетал входит в чувство всего человека и особенность <u>каждого</u> видит на фоне <u>всего</u>. Он такой же, как мы, <u>простой</u>, но в <u>каждом</u> видит <u>всего</u> человека (человек и человек, и ничего особенного). Мы же каждого человека (особенного) переносим на всего человека и, конечно, обманываемся. Вот эту особенность каждого Бетал превращает в пользу всего человека, заставляет особенного (каждого) служить всему. Это будет тема «Бетал».

16 Ноября. Легкий мороз по бесснежью. Тихо и безразлично в природе. Потом пошел снег.

Собственность рождается в борьбе человека с природой. Если природа победит, то человек становится единицей в борьбе за существование, но если победит человек (душевный), то он делается царем природы (хотя можно остаться зверем на месте царя).

Итак, собственность есть власть над вещами, и все мы боремся за эту власть и все мы во власти над вещью погибаем под стрелами забот: заботы это стрелы собственности, «бесы», которые попадают только в голову: вот почему человек, делаясь собственником, всегда глупеет. Он умнеет, если обращает эту собственность на пользу (служение) царю природы (Богу).

NB. Анализировать роман человека с вещью — как она его пленяет и как он в одном случае ее побеждает, в другом делается ее рабом.

Слава — есть одна из форм собственности?

Или, напротив, сама собственность есть путь к славе?

Собственность есть материал в утверждении личности — это низ человека, а слава — это лицо и смысл.

Собственность, власть и слава.

Но все эти понятия раскрываются только динамически, т. е. в борьбе показываясь то как добро, то как зло.

17 Ноября. В Москве держится снег. В Дунине сошла дорога, легенький мороз, и оба эти дня 15 и 16 тихо и чудесно.

Чем больше, и дальше, и глубже прохожу свою жизнь, тем становится все яснее, что «Ина» моя необходима мне была только в ее недоступности: необходима была для раскрытия и движения моего духа недоступная женщина как мнимая величина.

Как будто это было задание набраться духа в одиночку, чтобы малый слабый ручеек живой воды мог налить большой бассейн, и эта скопленная сила воды потом могла вертеть большую мельницу.

Недоступность была как свидетельство моей жизненной слабости и стыда перед собой, это была любовь для себя, как условие роста: хочешь жить — расти, нет — убирайся!

Но в какое положение была этим поставлена девушка, искавшая себе мужа! Она не могла даже располагать собой как жертвой, потому что это ему и не нужно, ему нужна недоступность.

18 Ноября. Продолжается тихая погода с легким морозцем. Потом валил снег и вечером дождь.

Рождение есть всегда движение, так же как смерть — остановка.

Мечта о perpetuum mobile — есть мечта механика о бессмертии.

Материя и дух, составляющие жизнь, подчиняются одному и тому же закону движения (рождения) и остановки (смерти).

Ребенок — в физическом плане соответствует личности в духовном.

Труп животного и растения есть материал для возрождения...

Личность в Распятии есть путь к бессмертию, выход человека из законов природы, смысл жизни. Высший закон личности — сознательно пожертвовать своей жизнью для других.

(Все это я перебираю в голове на Ордынке по пути в ВАРЗ, где ремонтируется моя машина.)

И еще думал: всякий «изм», всякая попытка включить живое существо в схему семени, вида, класса — есть попытка механизации жизни, исходящая из врожденного стремления всех живых к бессмертию. И мысль о perpetuum mobile заключается в направлении всего человека к бессмертию.

Черновик рассказа «Золотой портсигар».

<*Зачеркнуто:* Простой человек> (о простом человеке).

< *Зачеркнуто:* Рассуждение.>

Представьте себе, что из дорогого автомобиля вышел мальчик в отличных штанах и, как это бывает при неполадках с машиной, из ближайшей деревни подошел поглядеть мальчик в равной рубашке и без штанов. Мальчик в штанах стал смеяться над бедным мальчиком, и тот не отвечал, но только застенчиво улыбался. Но когда мальчик в штанах задел мать и отца, не одевших оборванного мальчика, он стал драться и разорвал у богатого мальчика штаны в клочки. Старшие пришли, стали судить ребят.

— Ты за что дрался? — спросили мальчика в штанах.

— За свои штаны, — ответил богатый.

— А ты? — спросили бедного. И мальчик без штанов ответил:

— Я дрался за свою мамашу и за папашу.

Сказка о мальчике в штанах и мальчике без штанов сделана из моего рассказа «Золотой портсигар».

Вот маленькая сказочка, похожая на папироску, вынутую из моего «Золотого портсигара».

Вот пересказ на иной лад моего рассказа «Золотой портсигар», напечатанного в «Литературной газете». Этот маленький и простой рассказик вызвал множество откликов, писем и мне и в редакцию.

Большинство читателей радовались вместе со мной за выступление бедного мальчика и тому, что он изорвал у богатого его дорогие штаны. Но некоторые читатели, особенно чуткие и ревнивые советские патриоты, приняли положение оборванного мальчика к сердцу и возражают мне в том смысле, что у нас теперь мальчики одеты, если родители его не могли подняться в своем материальном положении, чтобы прилично одеть своего мальчика, то они действительно виноваты. (Я отвечу на это: что мальчик наш одевается, но еще ... не совсем оделся. И не в том дело... А что это, простой человек? — спросил я себя и стал разбирать.)

На все возражения подобного рода я отвечаю теперь этим рассуждением о простом человеке, потому что в рассказе в образе мальчика без штанов представлял себе именно простого русского человека подобно тому, как в образе Иванушки-дурачка тот же простой человек является победителем умных и богатых. Что же надо понимать в этом русском любимом народном слове «простой»?

Однажды на реке я застрелил утку.

— Это русская утка! — крикнули мне с того берега.

— Как так? — спросил я.

— Простая, — ответили мне.

— Что ты говоришь! Домашняя?

— Простая русская утка!

Оказалось, я убил не дикую, а домашнюю утку, не какую-то залетную дикую, а простую русскую.

Вот это один из смыслов слова «простой».

Так, может быть, и заяц, скорей всего не за то, что он русый, а что ложится на гумнах, бегает прямо по дорогам,

свертывая под самыми ногами лошадей, называется русак или простак.

Про человека иной раз скажут «простой» в смысле хороший, простой.

А то бывают люди с простинкой, с пыльцой в голове, и в этом еще новый смысл слов простой человек — значит, глупый и разиня.

Иван-дурачок тоже, конечно, простой, но в этой своей простоте побеждает своих умных и богатых братьев, как победил русский простой человек недавно немцев.

Много, еще много можно найти оттенков этого гибкого и подвижного слова, [один] из которых, между прочим, употребление слова простой в смысле душевный, умный, в согласии с сердцем.

С некоторого времени, и мне думается со времени великой войны, поднявшей на бой народы всего мира, слова «простой человек» стали повторяться часто за рубежом, так и президент США очень часто стал употреблять в своих речах обращение к простому человеку как элементу европейской и американской демократии.

И каждый внимательный к языку читатель чувствует, что в том зарубежном значении слово простой получает какой-то новый смысл, и непременно укорительный, весьма отличный от нашего, потому что у нас простой неотъемлем от русского: утка простая, значит и русская, заяц простак — и русак.

Мне пришло в голову попробовать раскрыть зарубежное понятие простого человека во время ночного слушания по радио американского журнала «Голос Америки». Литературный комментатор излагал содержание одной модной американской пьесы, в которой герой достигал материальной свободы и, в конце концов, счастливо ее достиг. Такая пьеса бывает и у нас, у русских, но в американском понятии <*2 нрзб.*>. Комментатор делает вывод: — И обошлось без всякой чистки.

Вот тут-то мне и пришло в голову, что вся передача была направлена к простому русскому человеку с целью

показать ему, как такой же простой американский человек может обойтись в достижении своего счастья без необходимости давать отчет перед обществом о путях своих достижений (чистки).

Один простой человек оплачивает счет без чисток: он может убить...

Развить: оплатить счет: деньги [скрывают] и любовь, и смерть, и разбой, и воров... Все пути открыты простому свободному человеку... Один простой человек должен подвергнуться чистке, дать отчет в своем труде... Другой должен потрудиться и доказать свое право обществу.

Мне представилось, что в этот момент, где-то в эфире вдруг встретились две демократии, американская и наша в столкновении разного смысла одинаковых слов: простой человек.

И вдруг начался невозможный шум, треск и лязг в приемнике, и на фоне этого шума послышались слова нового комментатора о том, что шум происходит от машин огромной типографии, печатающей каталог одной из фирм ширпотреба. В этом каталоге будет названо на двадцати печатных листах пятнадцать тысяч названий предметов ширпотреба.

И дальше перечисляются наиболее соблазнительные для простого человека предметы ширпотреба от золотого портсигара, от скатерти самобранки до ковра-самолета, а потом — о способе доставки их потребителю прямо на дом в любой и самый даже глухой уголок Америки. Стоит только любому гражданину опустить открытку, и он получает даром книгу ширпотреба в двадцать листов. Стоит ему только послать перевод с оплаченным счетом...

И вот тут-то, как раз на этих словах, и происходит в эфире встреча двух простых людей, один оплачивает счет и обходится без всякой чистки, другой подвергается чистке, но счета не оплачивает...

Тогда-то и раскрывается новый смысл простого человека в его идеалах: он похож на фигуру манекена, обвешенного предметами ширпотреба, совершенно свободного в своем манекенстве, счастливого и не подвергаемого никакой внешней и нравственной чистке. У нас еще Щедрин

назвал такого зарубежного манекена мальчиком в штанах, а русского — мальчиком без штанов, с явной симпатией к нашему бедному и умному мальчику и, конечно, не за то, что он без штанов, а что он простой, значит душевный, и обижается за папашу и мамашу, но не за свои штаны.

Я об этом именно и хотел сказать в своем рассказе «Золотой портсигар», а не то, что наш мальчик и сейчас гол и не может одеться. Это и слепой видит, что мальчик наш надевает штаны.

Я хотел выразить свою мысль о русском простом человеке в традиции всех русских писателей, наших учителей. Мне хотелось писать просто, понятно, доступно всему народу, а народ русский понимает это стремление к простоте как к душевности. И если бы воскресить теперь извозчика, возившего Тургенева, и спросить его, какой был Тургенев, наш самый изящный писатель, этот извозчик обернулся бы к седоку и сказал бы: –Тургенев? Простой!

Одно время в идеале простоты видели пассивность русского человека в отношении зла и что эта простота имеет отношение к душе, к доброте, но не годится для целей борьбы со злом.

В борьбе с немцами простой народ показал, как он может быть активным.

Нет, простой никак не значит пассивный и этого быть не может: мы же все писатели знаем, как трудно, какую борьбу должен вести художник слова, чтобы вещь его стала проста и всем понятна. Пожалуй, в этом смысле слово «простой» значит законченный, совершенный. Все русские писатели стремились писать просто, понятно, доступно всему народу. И мне кажется, в народе определение простой человек содержит в себе значение нравственного законченного человека, хорошего человека в отношении своего ближнего. Если бы можно было встретить извозчика, возившего Тургенева, и спросить его, каким человеком был тот самый изящный писатель, он сказал бы: простой. Можно бы подумать, как раньше многие думали о нас за границей, что в нашем слове «простой» содержится восточное понимание жизни в смысле непротивления,

что простой русский человек — есть пассивный человек, и русские — женственная нация.

Но именно как раз кто так думал и строил на этом политику, на своей шее испытал силу кулака простого человека. Нет, простой у нас никак не значит пассивный. И я даже помню, спросил при первой своей встрече с егерем Алексеем Михайловичем Егоровым, провожавшим на охоту Ленина: какой, Алексей Михайлович, Ленин? И егерь, не думая, сейчас же о самом активном нашем человеке сказал: простой!

19 Ноября. Вечером вчера половодье, утром, кажется, подмерзло и улицы стали катком. Но, думаю, за Москвой снег удержался и так зима ляжет на ледяную основу.

Мы обыкновенно смотрим на людей и природу, в то же время ощущая свое личное присутствие, и только очень редко забываем себя, и это состояние называем: «вышел из себя». Но иногда мы все видимое узнаем в себе: и человека этого вот, идущего навстречу, и мальчика, и девушку, и небо, и дома, и луг — все, все в себе и я во всем. У нас это бывает минутами, редко часами. Но такие, как Сталин, раз навсегда взяли человека в себя, и он у них окатался, как в реке камень, и катится вместе с водой. Такие люди, общественные деятели, знают человека в себе и распоряжаются им, как самим собой, и он у них, этот весь-человек, живет в душе, как у нас живет наше я.

(Это чувствую, но ясно выразить еще не могу. А нужно для изображения Сутулова при распределении работ. Думаю, что явится само собой, как фон при рассказе.)

Пишу второй «Золотой портсигар» о простом человеке. Начало вчера читал Замошкину. Оказалось, что «мальчик в штанах» можно сказать в нашем обществе, а выразиться по-щедрински «без штанов» грубо и неприлично. Замошкин приехал и привлекает в юбилейную комиссию Кассиля.

Раньше, действуя, держал в душе, чтобы вышло непременно по-моему, так! а не так выйдет, это все равно, что я бы пропал. Между «так» и «не так» не было никакого

промежутка и оттого было трудно править собой, как автомобилем, когда нет в руле люфта. Теперь, когда у меня что-нибудь не выходит, я откладываю работу в полной уверенности, что через какое-то время за ней придут, и тогда я спокойно доделаю.

Стыд перед людьми держится в моей душе гораздо дольше, чем люди живут сами. И вот если бы знать это, то зачем бы стыдиться: жил бы и жил. И даже все же есть такие люди, бесстыдные.

20 Ноября. Вчера явилось солнце к обеду и подморозило к вечеру, утро сейчас безоблачное. Москва — сплошной каток.

Вчера был у Игнатовых. Мне сказали о многих видных в том смысле, что если сыновья не удались, то, может быть, внуки утешат. А я не нуждаюсь в таком утешении, ответил я. Меня утешают...

Я им рассказал, какие у меня читатели. Ляля про себя прыгала от радости.

Говорили о Жене, что какая бы из нее вышла игуменья, и красивая, и деловая. Ляля ответила: слишком деловая, и занимает собою и наполняет все место: Богу некуда у нее поместиться, все это она собой вытесняет, все заполняет собой во имя Божие. Сектантка она...

Моя известность растет, и вместе со славой, чувствую, растет моя недоступность людям маленьким. Говорят, что Шолохова даже и невозможно найти, а добиться приема у Фадеева... на это, сказал кто-то из смертных, мне рассчитывать нечего! А какой был Алеша Толстой в Детском Селе и какой стал в Москве. А Горький, а всякий, кому вышла доля выйти в боги!

А Сталин! Давно ли, я помню, он ходил по земле как простой человек.

Что значит, как подумаешь — какие-то две тысячи лет! так давно ли и Сам живой Бог ходил простым человеком

между людьми, а теперь едва теплится вера в то, что Он когда-нибудь снова на землю придет.

Мои предки верили, что книга создается не человеческими руками, а падает с небес к людям на землю. Я это время еще застал. Россия тех времен еще была неграмотная, и я даже сейчас вижу и могу по имени позвать тех, кто верил и говорил об этом: книга падает с неба. Как хорошенько подумаешь, то и сейчас народы нашего Союза <*зачеркнуто:* относятся благоговейно к книге> ждут от книг чего-то лучшего и большего, чем можно сделать тут возле себя своими руками.

А наши писатели, полиграфы и всякие [книжные люди] до того усердны и старательны в создании хорошей книги для людей, что богу некуда на этих новых небесах ни стать, ни руку приложить. И с новых небес книга тоже буквально падает, как читатель ищет книгу.

В заключение: не скрою — мне приятно быть сыном народа, который когда-то верил, что книгу делают боги на небесах. Еще приятнее мне быть сыном нынешнего народа, стремящегося к знанию. Мне только не хотелось бы попасть в положение старого бога, пожелавшего в нынешних условиях поучиться: книг печатается в тысячу раз больше, книгами завалены, а ту книгу, которую хочется почитать и самому богу, ни за что не найти.

Вероятно, мальчиком и сам бессознательно рос в этой вере, а то почему же теперь, когда эта вера стала для меня только фольклором, я, слушая слова сельской учительницы в кинофильме «Воспитание чувств», не могу удержать слез, когда учительница говорит народу простому, погруженному в дело свое понятное:

— Я научу вас мечтать!

В том самом театре, где бывала сомнительная молодежь с уличными повадками, теперь тихо, та же молодежь — как один-единый человек.

Какая смелость, какая сила в этих словах на весь мир, когда мечта стала непризнанным всеми словом:

— Я научу вас мечтать!

Что это за прекрасные слова новой веры, и какая это вера прекрасная в сравнении с тем фольклором о книге, падающей с неба.

Мало-помалу приходит счастливое время, когда смотришь в себя как в природу и понимаешь, что мысли твои растут в тебе самом, как все растет в природе, выходя из темной утробы семени на солнечный свет.

«Сыроежка» похожа на собаку, все может и ничего не может сказать. Все, за что она ни возьмется, все выходит у нее хорошо, она все может сделать и ничего не может об этом сказать.

Наташа Игнатова — обратно: все может сказать, очень умная и образованная и тем только и славится, что умная, а в существе ее, как в пустыне — только песок.

Мы сейчас работаем на юбилей и постараемся, как говорят, этот юбилей обыграть, т. е. чтобы не себя отдавать юбилею, а наоборот, использовать его для себя.

21 Ноября. Подобные дни, Москва — каток.

Вчера был Каманин Федор Георгиевич. Говорил о «Я-честве» (первый раз слышу). Литератор-собака: может с мыслью бежать, оставляя чернильные следы на белой бумаге, а думать не может. При этом сплетник в своем маленьком кругу маленьких литераторов — Григорьева, Кожевникова, Замойского, Громова.

22 Ноября. Темное время года, самое темное, а у нас литературный сезон. Подморозило. В 8 часов чуть-чуть рассветает.

В том-то и дело, друзья, что при всех своих добрых намерениях нельзя просто деловым отношением выполнить свой жизненный долг. Надо в жизни какое-то время оставить и Богу, а самому отойти, поразмыслить и помолиться.

Надо в эти минуты, часы или дни даже прямо отказаться от самой желанной своей цели. Как это сделать — отказаться? Тут нужна целая школа жизни: не так нужно отказываться, как учил Толстой, из гордости оборвать связь с жизнью. Так надо отказаться самому, чтобы дело свое (продолжавшее делаться само собой) передать Богу, а Он бы за тебя делал, пока ты отдыхал. Тогда ты, возвращаясь к делу, получаешь готовое и радостно доделываешь и приходишь к желанной цели.

Беллетристику как таковую нельзя перечитывать, а можно повторять только поэзию и мудрость. Но читается беллетристика и пишется легче всего. Вот почему Алексея Николаевича Толстого, кажется, уже и нельзя больше читать: он читается и распространяется еще только на поверхности. Раз прочел человек и передал другому, и так все прочтут по разу и забросят автора навсегда. Беллетристика — это поэзия легкого поведения.

Настоящее искусство диктуется внутренним глубоким поведением, и это поведение состоит в устремленности человека к бессмертию. Никто не свидетельствует так о назначении живого существа к бессмертию, как все живущее в природе и дети. «Будьте как дети» — это значит живите как бессмертные!

Аскетизм и язычество противопоставляют друг другу в том смысле, что аскетизм есть отказ от своего свободного Хочется ради необходимого Надо, и наоборот — язычник живет, как ему хочется. Таким образом, у нас теперь есть по два понятия: аскетизма и язычества.

Один аскетизм — это когда отказываешься от своего святого назначения, от своего Хочется ради общепринятого Надо.

Другой, когда ради своего главного назначения, своего истинного творческого Хочется отказываешься от помехи своих низших страстей — творческий аскетизм.

Так точно есть у нас и два понятия язычества: одно трафаретно-церковное, другое творческое.

Но не будем много разбираться в этом.

Мы равно принимаем и аскетизм, и язычество, если они поддерживают в нас естественное устремление наше к бессмертию.

В природе нам дорого, что жизнь в смысле бессмертия одолевает смерть, и человек в природе подсказывает существование бессмертия и на том торжествует.

В природе осенью все замирает, а у человека в это время рожь зеленеет.

В природе жук просто жундит о бессмертии, а у человека — Моцарт и Бетховен.

Когда я один уезжаю на машине, я останавливаюсь где-нибудь в перелеске и выйду на опушку леса и сяду, а мотор молчит, то сердце свое я понимаю тогда, как мотор, и всего себя, как машину. И окруженный пустой тишиной знаю, что в глубине ее недоступной ведет мою машину неведомый мотор. Я его чувствую, как себя чувствую своими частями, и угадываю его желания, поступки.

23 Ноября. Тяжелое серое небо, легкий мороз. За городом лежит настоящая зима. В доме готовятся к встрече Шаховых, Раисы и Гронского. У Ляли грипп.

Начинаю только теперь понимать Чехова, он тоже, как майский жук, летел без-мысленно по назначению к бессмертию, но летел и как человеческий ракетный снаряд, ударил силой своего личного движения по неподвижному воздуху старого мира. У нас только теперь, когда видишь уцелевшую барыню в старомодной шляпке или что-нибудь такое из старого мира, по-чеховски сжимается сердце тоской. У него же это было тогда, и в этой тоске он летел вперед, и этим он был тоже пророком, хотя не пророк ничего.

Я понимаю, что жизненные силы, выходя из темной утробы земли, движутся к свету в пространство бессмер-

тия. И майский жук, тоже вырываясь из тьмы, летит... Но вот он с разлету в саду наткнулся на колючку проволоки и теперь напрасно шевелит всеми ножками, напрасно надеется, собравшись с духом, пустить с гудением в ход свои крылышки. Майский жук, назначенный к полету в бессмертие, теперь сидит на гвозде.

Иногда кажется, что и человек, тот настоящий большой весь-человек, тоже так летевший в бессмертие, был пронзен, и мы, все люди, во все времена сражаясь, и теперь, и в будущем — это все частицы частиц, летящие от взмаха крыльев пригвожденного бессмертного существа, летящие во все стороны времени тоже в бессмертие.

Если бы все было благополучно в природе, то зачем же жуку в его брачном полете быть пронзенным колючкой? Другой пролетающий жук не придает этому значение и летит, как бессмертный, но человек, проходящий по дороге, рассеянно взглядом попав на жука, вдруг остановился, задумался, осторожно и мягко, сжав его двумя пальцами, снял с колючки, подбросил высоко в воздух, и когда жук полетел, улыбнулся. Человек этот был бог и царь природы, он вернул жуку назначение и жук опять полетел, забыв свой род, полетел по назначению как бессмертный.

Зуек среди животных должен быть представлен как бог, как Цезарь, представленный Б. Шоу, царем среди обыкновенных людей, но мысль эта должна утонуть в приключениях и повадках зверей.

Хороши наши скромные пиры, когда хозяин за столом рассказывает, как он покупал эти сосиски сам и укладывал в свою авоську, как не хватило у него денег и он экономил и т. д. Я, поднимая тост за наших женщин в борьбе их с семейственностью, вспоминал Лидию, как жука на колючке. Прекрасное мгновенье, остановись! (И жук садится на гвоздь.)

24 Ноября. Мороз, снег и ветер — метель! Все крыши в Москве белые — зима! И если это зима, то почти можно

сказать, что первый зазимок до конца не растаял и постепенно, то убывая, то усиливаясь, перешел в зиму.

Ходил в Союз спросить юрисконсульта, не будет ли плохо, если к юбилею просить о прибавке пенсии. Он это одобрил и просил подождать с этим до своего [возвращения] после отпуска в конце декабря.

Завтра в Министерство за «Москвичом». После ремонта М-1* — запрятать ее в Дунино. «Москвич» поставить в Москве и ждать пока за М-1 дадут «Победу».

Прошлый год строил дом. Нынче строим юбилей.

Сегодня в метро понял, наконец, почему эта старая прежняя поднимается в душе тоска и даже неприятность. Ехал человек старый в большой седой бороде.

— Хороша борода! — сказал мальчик с острыми глазами.

— Чем хороша? — простодушно спросил старик.

— На швабру годится! — ответил дерзко мальчишка и на всякий случай отошел в сторону. В вагоне засмеялись. Тут-то вот и решилась загадка о тоске. Раньше седая борода значила личную старость человека: умирал человек — исчезала эта борода, но тут рядом была другая, третья, все старики тогда носили седые бороды. А теперь с этой бородой исчезает вся борода всего человека, время проходит и старики больше не носят бород. Причина тоски в появлении безвозвратного, могилы не на кладбище, а на улице.

В этом чувстве уходящего в могилу времени воспитал Чехов свою поэзию.

Когда, с каких времен, в каком столетии началось освобождение русской женщины? Психологически всю эту историю можно понять в отношениях, например, моей сестры Лидии к маме или Ляли к своей матери. Только у нас

* Имеется в виду машина Пришвина «Эмка».

пассивным лицом была Лидия, дочь, а тут мать: Ляля тянула мать за собой в новое время, а та не шла, топырилась, и счастье ее со мной не хочет до сих пор признать.

Лидия должна была ехать на курсы, но поддавшись влиянию матери, осталась при ней в невестах и потом всю жизнь мстила матери за свою ошибку.

У Ляли наоборот, мать мстит за то, что Ляля тащит ее и хочет вырвать из прошлого.

В случае с Лидией я стою за мать: деятельный старый хороший человек почему-то должен отвечать за молодого и тащить его на своей спине. В случае с Лялей жалею Лялю: она должна тащить бессмысленное прошлое.

Игнатовы, как родственники, дали понять Барютиным, что у них права на дачу больше, чем у Барютиных: они родственники. А Ляле они предоставляют все права: «Миша в Лялю влюблен».

А что значит «влюблен»?

Это значит, что человек начинает новое родство.

А если поэт только тем и занят, что всюду, везде и во всем начинает родство, то разве можно этому новому, сияющему родству противопоставить старое, не им начатое, изношенное? Так, в Средневековье изжитое духовно ложилось, подобно старой шкуре родства, на молодую жизнь Возрождения и до сих пор эта мрачная туча изношенного «аскетизма» висит над нами, подменяя собой усилие творчества (это усилие и есть живой аскетизм).

Возможно, что тот аскетизм, старый, и новый творческий аскетизм вполне соответствуют степеням родства: то родство дальнее, это родство близкое, и по существу происходит борьба между тем, что было родством и висит теперь сзади нас, как туча, и молодым родством, т. е. тем, что начинает жизнь, влюбляясь, завязываясь.

Приходил Пелевин, идеалист, и сказал:

— Рано или поздно начнется возрождение.

Я ответил:

— Оно уже началось.

На Арбатской площади метелица подсыпает снежок.

— Михаил Михайлович, вам бы теперь русаков тропить, а вы, что вы делаете?

Это говорил профессор Формозов Александр Николаевич. Он шел на лекцию. Он говорил, что поэты много посвятили весне и мало осени. Я вспомнил озимь осеннюю, ту озимь, куда собираются как на пир птицы, куропатки, вальдшнепы, зайцы. И тут рука человека. Наши отцы думали, что человек только портит природу, а вот озимь...

Кажется, начинаю работать. Условие: 1) вставать в шесть утра, 2) не курить.

25 Ноября. С утра дождь и все растворилось, на улице лед, на тротуаре льет с крыш. Небо рыжее село на город.

26 Ноября. На дворе оттепель, льет, Бог знает что творится. Перечитывал утром вчерашнее письмо, очень нравится. Вот Бог послал! Чувствую, читая, что с годами враждующие области государства и мира, заключенные во мне, приходят к единству моего центрального управления, и мой разум приходит к милости. И мне кажется, чего я ищу больше всего и в чем боюсь себя: это стремление болтать, «метать бисер перед свиньями» — это безудержное стремление к общению само собой входит в твердые берега.

По радио из Америки передают о чрезвычайно воодушевленном сборе помощи продовольствия Европе. А из Англии, что забастовка в Италии и Франции объясняется влиянием коммунистической партии.

27 Ноября. Белый снег. Не тает и не морозит или наоборот: часом ранним морозит, часом поздним тает. Пишу «Сельскую учительницу». Вечером передавали по радио много о моем так называемом творчестве. Слушал с удовольствием, но без волнения.

28 Ноября. Утром подморозило, сильный ветер. Пишу «Сельскую учительницу». Кончил и отдал на квартиру Ермилова. Этим надо и кончить роман с «Литературной газетой», а то скоро поймут [меня] в моем ограничении родиной и раскулачат.

29 Ноября. Ветер в зад и человек сразу глупеет. Так сейчас у меня, и я это чувствую по ослаблению участия и внимания к другому человеку. В то же время и совестно, и хочется выдумать компенсацию и противоядие своему «счастью», и тем самым, может быть, и оправдать его. Так возникает благотворительность и так благодушие приводит к благотворительности. И вероятно, милосердие есть такой же выход из тесноты власти.

Видел медведя во сне. Мальчишки подняли его и погнали в коровник, а я трусом шел в стороне. Тут в этом и дело было, что я в одиночку трус, а на людях герой, и что есть храбрец, зависимый от общества герой, и есть у нас идеал личности независимой.

Шоу в своем «Ученике дьявола» дал нам в Ричарде образ первого героя и в пастыре Андерсене — второго.

На памяти у меня Валентин как Ричард (для Рудольфа), а личное начало приходится утопить в Косенкове, простеце — апостоле коммунизма (государства).

У Шоу Ричард рисуется даже в смертный час свой.

Если я сейчас возомню себя богом и посмотрю на себя назад и пересмотрю свою жизнь с того дня, когда в первый раз сказал свое «мама», то за кого мне, богу, считать то существо? Буду считать его человеком в своем начале от «мамы» до сознания в себе бога.

Но если я теперь буду понимать себя не богом, а только человеком, то мое отношение нынешнего человека к тому прежнему будет приблизительно подобным отношению доброго человека к другу своему собаке.

И зачем особенно вглядываться в себя, в свою биографию. Вот моя Жуля сейчас спит под столом, приваливу

шись к моей ноге: пусть это я прежний в чувстве своем к человеку-богу: буду смотреть и на себя, и на нее.

Сюжет: Сережа догнал меня в гимназии. (Самолюбия не было — оно было помещено в драку.) Учитель математики ставил ему четыре, мне три. (Самолюбия не было.) Но раз он поставил мне четыре, ему три. Я обрадовался, я схватился, учил математику, выучил: я всегда буду на четыре. (Самолюбие явилось.) Но учитель понял ошибку свою и начал урок с того, что вытер мою четверку и поставил тройку. (Самолюбие вернулось назад.)

30 Ноября. Небо в тумане, на земле небольшой мороз.

Звали выступать в Политехническом перед детьми с Михалковым и Ко. Не считаю это приличным для себя и полезным для детей. Для себя потому, что душой я моложе детей и эту душу свою раскрываю в книгах, так для чего же я буду им свою старую шкуру показывать? И себе невыгодно, и им пользы нет.

На это возражают обыкновенно тем, что у читателей есть законная потребность видеть писателя. На это я отвечаю, что у иных может быть потребность съесть его или хватить камнем... Гораздо полезнее будет удержать их от этих потребностей и предоставить им самим создавать образ писателя по его сочинениям.

На это опять скажут, что мы распространяем портрет Пушкина вместо самого его, а если бы он был жив, как бы всем нам захотелось посмотреть на него. Ничего не ответишь, что-то есть в природе вещей, но тоже и в природе вещей удирать автору от своей иконографии.

Значит, писатель! ты удирай, а ты читатель! — лови. Удерешь — хорошо тебе будет, поймают — хорошо будет читателю, а книга будет вашей радостной встречей.

1 Декабря. Опять потекло. Ермилов звонил, что «Сельская учительница» чудесна.

Жажда читателей увидеть писателя глазами в лицо того же порядка, как и в религии жажда увидеть Бога и сделать его своим кумиром.

Написать: Голос Москвы.

У нас был разговор.

— Вот, Ляля, сейчас у меня ветер в зад.

— Тьфу, тьфу, — перебила она меня, — не надо говорить.

— Глупости! буду говорить: когда мне становится хорошо, то я в таком счастье немного тупею и думаю теперь, что настоящие богатые и удачливые люди тоже чувствуют в этом состоянии отупение и помогают себе благотворительностью.

— А у меня, — ответила Ляля, — когда становится лучше, я принимаю как свою заслугу: я заслужила.

— Но если ты видишь, что другой в бедности?

— Я не тревожусь за себя и ему говорю: пойди, тоже потрудись и заслужи.

— А если он не может?

— Не может — я помогу, но только не потому, что робею своего богатства.

— Ну, а если талант у меня, вроде Шаляпина.

— Тогда и будь Шаляпиным, а он пусть тебе помогает.

Теща в очередном умирании. Привели старого священника на всякий случай, причастить. А у священника самого еще хуже, чем у Ляли. У него жена попадья лежит в параличе и в полном сознании, но только веру в Бога потеряла и все говорит, что хочет покончить с собой (семьдесят лет!). Конечно, только говорит, пугает и целый день к нему придирается и уверяет его, что Бога нет, что он и сам в него не верит и людей обманывает. Вот это крест!

Спор ученых биологов о внутривидовой конкуренции.

Те, кто утверждают видовую борьбу, тем самым находят в природе оправдание такой борьбы в капиталистическом обществе, как путь совершенствования вида «homo».

Наоборот, отрицающие внутривидовую борьбу, как средство подбора, тем самым уничтожают оправдание конкуренции.

Формозов оказался среди ортодоксальных дарвинистов.

2 Декабря. Ночью все текло...

Зеркало. Автор великого произведения, кажется, любит всех нас, но каждого больше, и потому каждый находит в нем свой план, и нам всем его открывает, и тем самым произведение великого художника, распространяясь во времени и пространстве, живет. Оно похоже на зеркало, в котором каждый находит отражение своего собственного смысла, который, в свою очередь, делается зеркалом самоузнавания многих. Новые люди, рождаясь и определяясь в обществе как личности, узнают свой новый смысл и привносят его обществу до тех пор, пока великое произведение не окончится в своей отражательной деятельности: зеркало мутнеет.

В природе люди, как и в художественном произведении, видят тоже себя, и это зеркало человеческого смысла только тем и отлично от художественного произведения, что необъятно велико для человека во времени и пространстве.

NB. Спор ученых о внутривидовой конкуренции в этом свете понятен: каждая группа ученых — дарвинисты, марксисты, мальтузианцы — находит в природе свой смысл и выдает его за смысл природы, в которой нет никакого смысла, кроме собственно показывать в своем зеркале смысл человека.

Глупый Нарцисс, увидев свое отражение в природе, залюбовался самим собой.

Но человек достаточно одаренный, увидев свое отражение, узнает в нем смысл всего человека и спешит поделиться этим с другими людьми, и в таком отражении другие видят свое отражение.

Природу надо изучить, как человека, поскольку он в ней отражен, и так это все и делают бессознательно.

И Дарвин, наблюдая в природе происхождение видов, тем самым узнавал движение и развитие самого человека.

Царь природы или смысл ее есть сам человек — творец.

Сохраняя свое прошлое, он отражается в нем и узнает себя самого. Созидая будущее...

Подготовить к юбилею своему мысль об искусстве как поведении и о поведении как борьбе за бессмертие (борьбе за первенство). Борьба за существование есть грубая форма борьбы за бессмертие («вся тварь стенает и мучится, ожидая откровения сынов человеческих»).

Моя политика. Держава (Надо). Из «Сельской учительницы» (очерк)... Ввести в «Канал» обмен Надо и Хочется между Зуйком и Марьей Моревной, «надо» Улановой и «хочется» Зуйка.

<7 строк вымарано.>

И потому надо дать новое понимание свободы, демократии, выборов и всей идеологии прежней.

Итак, «Держава». Необходимое Надо подчиняется еще большей необходимости, чем само. Свобода есть отношение каждого ко всем: каждому что-нибудь хочется и он его выполняет в пределах необходимости быть как все. Свобода есть дробь, числителем которой являются все, а знаменателем каждый.

Искусство как поведение.

Между собой в окончательном истинном суде своем над поэтами мы спрашиваем, разбирая работу такого-то писателя: есть ли у него что-нибудь за душой? И это, конечно, не территориально за душой, а в смысле, как говорят: есть что-нибудь за невестой? Там понимали за невестой приданое, а за душой мы понимаем поведение.

Поэзия тоже как невеста и, принимая ее из рук поэта, мы спрашиваем: а что у него за душой?

Все знают отлично теперь, что за душой у Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, и все мы знаем тоже поэта, стоит его назвать сейчас, и все скажут в один голос: пишет очень легко и понятливо, и забавно, только у него нет ничего за душой.

Можно самому быть пьяницей и вообще с собой можно делать что только заблагорассудится, но если рядом с этим рождается поэзия, мы прощаем поэту его поведение.

Есть поведение, невозможное для поэзии, и есть поведение как путь в поэзию.

3 Декабря. Природа — раскрытая могила, туда в тумане стекает вода, и все туда валится, и все обращается в помойную яму.

Вчера был на юбилее Ник. Дм. Телешева. Не бог весть какой писатель, но почет заслужил и ему 80 лет, а он служит, работает в созданном им музее МХАТа. Юбилей был настоящий, каким он должен быть, почти семейным домашним торжеством. Я отказался от председательства в пользу Маршака, но пришлось выступить.

И я говорил о реке, которая в истоках питается скрытыми родниками. Река — видимая, все ею пользуются, а за рекой родники. Так у писателя пишется-пишется! А питается писатель тем, что у него за душой. И мы все говорим потихоньку, спрашиваем: а что у него за душой? Иногда и очень часто: писатель блестящий, а за душой ничего. И еще я сравниваю поэзию с невестой, у которой бывало раньше приданое: что за невестой, что за поэзией, что у писателя за душой? У Николая Дмитриевича за душой большое приданое. Речь моя, видимо, понравилась, и за спиной говорили: «Не шаблонная речь, хорошо!»

Ляля мне поставила вопрос, почему все эти милые женщины — Женя, Зина, Катя — делят свою жизнь надвое: одна половина — холодная — отдается повседневному

делу, другая — горячая лучшая — приносится Богу в церковь. Особенно тяжело сказывается это раздвоение на деятельности художницы Жени: душой отдается в церковь, а искусство делается без души.

Разве нельзя эту лучшую часть души отдавать своему делу и в этом деле служить Богу, и только в часы отдыха ходить в церковь и советоваться там с Богом о своих делах. Нет ли в том вредной гордости, если человек, вынимая свою душу из обыкновенного дела, относит ее в высшую сферу духа и потом свысока смотрит на свой повседневный труд.

Ляля задала мне этот вопрос, а я себе вопрос задаю, почему Ляля приходит к этому вопросу и когда он возник у нее, теперь в понимании моего дела или он жил в ее душе постоянно?

— А как же молитва, — спросил я, — и слезный дар?

— Слезный дар, — ответила она, — можно легко достигнуть технически: побольше устать, помучить себя, меньше есть. А что касается молитвы, то я об этом и спрашиваю. Они этой молитвой утешаются, потребляют ею Бога и этим отделываются от жизненного дела: жизнь у них остается без души, а душа без жизни.

4 Декабря. Поздней осенью в декабре пришла весна и вот мы сейчас это видим на улицах Москвы, что получается в природе, если весеннее тепло приходит вместо зимнего холода: дождик идет.

Люди выбирают последние товары из магазинов. Там где было мясо — продается только майонез в баночках, а где рыба — мандариновый ликер.

Вчера вышла «Дунечка». Написал главу о власти.

Из «Нового мира» добиваются от меня хоть чего-нибудь. Заключил с ними договор на продолжение «Лесной капели». Так строю свой юбилей, совершенно так же, как дом: в доме жить и в обществе выставить себя как писателя живого, работающего, а то ведь чуть остановился — и не простят, глаза выклюют.

5 Декабря. День Конституции.

Читаю книгу Феофана «Письма монаха к женщине» и начинаю понимать только теперь, что у монаха конечное счастье — покой, т. е. монах является тончайшим эгоистом, враждебным нашему миру, в котором конечной высочайшей любовью считается погубить душу за людей. Надо понять, где и когда возникло такое пагубное учение, заменившее учение Христа. Последствие такого учения есть разделение мира, тогда как по нашей вере мир еди́нится и все люди становятся братьями, и животные постепенно приручаются человеком и входят с человеком в единство.

«Ангельский чин», по-видимому, является трещиной в христианской церкви, и когда интеллигенция стала входить в церковь, тут-то вот и могли вырасти такие цветы, как Ляля и Олег. Я хотел бы, чтобы они стали цветами возрождения.

Выясняется, что нынешняя кутерьма предшествует не девальвации, а перемене денежных знаков для того, чтобы изъять фальшивые деньги и накопления путем спекуляции. Вероятно, обмен будет затруднен и ограничен. <*Зачеркнуто 4 строки.*> Все будто бы отменяется — и карточки и книжки.

Во Франции продолжается забастовочное движение, очень похожее на наш 17-й год. В США высказано, что помощь Европе по плану Маршалла будет прекращена для тех стран, где власть возьмут коммунисты. Значит, эту мысль все-таки и там допускают. Вот какие дела! Но «Тихий человек» (крадется в тревоге сзади, стараясь не попасть в гущу) куда-то ушел или, может быть, перестал бояться гущи и смешался с нею.

Самолюбие.

Я ли не самолюбив! Но когда Сережа, младший брат, догнал меня в третьем классе, я этим не был задет и сидел с ним на одной скамейке. Меня даже не задевало, что учитель математики неизменно ставил Сереже четверки,

а мне тройки. Это спокойствие в отношении самолюбия объяснялось тем, что оно было помещено в геройские дела. Но случилось однажды — нам выдали кондуит, и по математике стояло мне «четыре», а Сереже — «три». Это было поразительно — дома все ахнули, и я, охваченный новым неведомым чувством, схватился за математику и со страстью выучил урок. В классе я ждал с восторгом, что меня вызовут. Но учитель, когда вошел в класс и развернул журнал с тем, чтобы вызвать — кого ему вызвать, вдруг смешался и чуть слышно сказал: «Не может быть!» После того он стал что-то подчищать в журнале резинкой и ножичком. А после того вызвал меня с братом и переправил у нас в книжках: брату «три» на «четыре», мне «четыре» на «три». Тут мое самолюбие снова кончилось, и я поместил его в героическую жизнь сидящих на задней скамейке.

6 Декабря. Продолжается теплая погода в Москве. Слякоть черная с отражением огней.

Письмо от Серовой: Ляля в кривом зеркале.

Материнство как величайшая творческая сила на земле (цепь догадок во сне). «Старец» как блюститель девства.

Сегодня у нас выпивает юбилейная комиссия во главе с Чагиным.

Состоялся вечер — двое Чагиных, Кассиль, Замошкин: состав юбилейной комиссии. Узнал о «падении» Фадеева, Симонова и Александрова и что это делает «сам».

Решаю твердо, что как только закончу юбилей, т. е. будет создана определенная база для уединенной работы, я примусь устраивать в Дунине дом для постоянной жизни и зимой.

7 Декабря. Холодный студящий ветер. Ездили в Дунино на машине Павла Семеновича и Веры Павловны Оршанко — новых друзей. Нашли, что все в порядке, и начался роман с Иваном Федоровичем и Полей, чтобы они переехали к нам.

Сюжет для раздумья: министры, следуя за академиками, вздумали устроить себе дачи в запретной зоне на Москве-реке, под Звенигородом. По закону только Совет Министров мог бы разрешить постройку дач в запретной зоне, как он это разрешил академикам. Но в этом случае Совет Министров не разрешил министрам строить себе дачи (для этого запрета достаточно было одного голоса) потому, что Совет Министров создал запрет и довольно одному только напомнить об этом, чтобы вся затея рушилась.

Есть мысли и чувства, еще не высказанные человеком, есть высказанные, но погребенные под обломками падающего времени, несовременные. И есть тоже высказанные и пережитые, но встающие для всходов нового времени, из-под обломков погребенного прорастающие. И люди есть, подверженные влиянию этих встающих мыслей и чувств. Люди эти слепо идут и попадают в нелепое положение и по- разному разрешают трагедию Дон Кихота. Я разрешаю ее на пути поэтическом, Ляля — религиозном, Серова...

8 Декабря. Вчера в деревне девочка сказала, что передавали по радио о конце теплого времени. С завтрашнего дня наступает зима и пойдут морозы до −20°. Это в деревне! И так оно было. Сегодня, кажется, мороз. А земля талая и над землей ледяной снег, и над этим снегом еще слой и на самом верху корка.

Вечером я лежу иногда у Ляли до ее засыпания, когда я чувствую, что она начинает желать моего ухода.

— Ухожу! — шепчу я. — Уходи, — отвечает она в полусне, — но к утру придешь? — Постараюсь прийти.

Ей хочется, чтобы я ушел, но она боится выдать себя и обидеть меня. Вот почему она говорит на прощанье: — Дай слово, что придешь. — Обещаю. После того я переношу свои подушки на диван и засыпаю. Бывает, однако, после полуночи я просыпаюсь от налетающих бурей мыслей, умиряю их всякими средствами: счетом, путешествием по родным местам и т. п. Последним средством пользу-

юсь — это походом к Ляле в постель. Ложусь возле нее, она бормочет в полусне: — Пришел? — Не спится, Ляля, пришел. — Ну, хорошо, ложись. Только ты ведь уйдешь? — Конечно, уйду. — Дай слово, что уйдешь. Я даю слово, ложусь и обыкновенно засыпаю.

В оценке французской забастовки я применял свой ошибочный метод веры в стихию как в судьбу, в то время как забастовкой управляли мастера этого дела. Так точно и в литературе пора бросить этот метод самотека.

9 Декабря. Вчера и сегодня метели с морозом −5°. Приезжал Дроздов с предложением денег за сотрудничество в «Новом мире». Хорошо бы заключить договор на новую «Лесную капель», но боюсь, что при «Канале» не справиться мне.

10 Декабря. «Царь природы» или «Глазами человека»? А может быть «глазами» будет не название, а тема романа или один из планов: природа глазами человека. И отсюда «Царь природы» — это сам человек, вытекающий из глубочайших родников самопознания в том смысле, что самопознание приводит к познанию всего человека, царя природы.

Достижение славы похоже на достижение смерти, только в могиле покойники просто лежат и лежат, а в славе люди лежат беспокойно, потому что у славного покойника остается одна беспокойная мысль: а что, как слава сойдет?

— Ты говоришь, что слава тебя не интересует? — спрашивает Ляля. — Но твоя победа над обстоятельствами, сделавшая тебя относительно свободным и независимым, — это ты ценишь?

— Это для меня главный план моей жизни: это победа в борьбе за первенство. (Не себя, а человека в себе, царя природы.)

Был на совещании о книге в «Литературной газете». Полный хаос и «донкихотство». (Так называл это Федорович, но только с поправкой, что Дон Кихот знает, что он Дон Кихот, и все-таки <*зачеркнуто:* представляется>. Я сказал глупость о том, что покупатель в отношении книги должен оставаться индивидуалистом, и почему, если я хочу купить икры, я иду в коммерческий магазин и куплю, а книгу ни по какой цене купить нельзя. На это мне сказали, что через три дня коммерческих магазинов не будет — раз, а второе (это Лидин сказал) — что книга должна быть не икрой, а воблой.

Вечером у нас сидел несчастный Шильдкрет и говорил о своих злоключениях и смертных врагах (Фадееве, Замошкине, Бородине).

На мои слова о преодолении врагов, что вот какие враги были у меня в «Новом мире», а теперь они сами едут приглашать меня, он взвился как конь на дыбы и срамил меня моей победой: «Эка невидаль, Дроздов приехал. Да с вашим талантом раньше писатель имел бы два дома в Москве, виллу в Италии и т. п.». Для себя Ш. в этих словах был неправ: именно ему-то бы и надо было унимать врагов: найти в себе противоядие своему самолюбию, потому что самолюбие есть себялюбие плюс сила какая-то «икс». Или так: самолюбие минус «икс» равняется себялюбие.

Этот «икс» надо бы ему найти, а он его не нашел. Я же нашел его в ревнивой охране своего таланта, в отказе от всяких претензий на внешние блага — дома, дачи в Италии и т. п. Я горжусь только внутренней своей свободой, каким-то дурачком в себе. И вот этого никто не понимает, кроме Ляли.

Мои общественные выступления должны совершаться только при большой охране своего «дурачка».

11 Декабря. Все распустилось, и Москва опять черная. Переживаем время с пустыми магазинами. Принимали

Вождаева (хочет о мне писать, выспрашивает) и мужа Серовой. Выправляю «Падун» для «Огонька».

12 Декабря. Крыши побелели и, говорят, подморозило, вот, наверно, каток!

Весь хаос нашей жизни предшествует формированию нового быта (NB тема).

Прекрасное мгновение.

Прекрасное мгновение нельзя остановить, как Фауст хотел, но бедному человеку можно послать ему приветствие. И <*зачеркнуто:* там если заметят> бывает, ответят оттуда, и этот ответ прекрасного мгновения мы, художники, и пытаемся сделать понятным.

Искусство для искусства при поправке на время.

Поведение стариков: нельзя огрызаться.

Жду эксплуататора (вопросы).

13 Декабря. Вчера весь день была метель и не таяло. Со всех сторон сходятся литераторы: кто пронюхал что-то там, другой тут, третий, прочитав какую-то статью, сделал вывод: все сходятся в том, что становится легче и впереди будет лучше.

«Искусство для искусства» у нас осуждено, поскольку такое искусство является побегом от обязанностей автора в отношении своего времени. Но если автор <*зачеркнуто:* добровольно> находится в своем времени, если он современный во всех отношениях человек, то почему ему не стоять за доктрину «искусство для искусства»?

И тоже еще надо помнить при этом, что спор об искусстве для искусства возникает в среде критиков, которые могут ошибаться в оценке художественного произведения. Если бы они не ошибались и не выставляли свое ошибочное мнение за истину, то никогда бы и не поднялся спор «об искусстве для искусства». Сам художник отлично

знает, что без чувства времени невозможно никакое искусство.

Вождаев собирал с меня материал для юбилейной статьи.

— Задавайте вопросы! — сказал я. — Без ваших вопросов рта не открою. Я всю жизнь жду себе эксплуататора и не могу найти достаточно умного: будьте же умником, эксплуатируйте меня для себя. Вот тоже теперь обрушиваются на писателей: тот не так, другой не так, там будто Симонов смухлевал, там Фадеев плохо понял. Уверяю, никто из нас не виноват, а виноваты те, кто задают литературе вопросы.

Теща выждала момент, когда Ляли не было дома, а я раскладывал в столовой пасьянс. Она подсела ко мне в намерении явном разжалобить меня собой, чтобы я стал с ней рассуждать и утешать. Нет сейчас, я думаю, старухи в Москве, у которой было бы такое благополучие в жизни: и квартира, и стол, и утешители, и больницы, и доктора всех пород. Но ей этого мало. Она хочет утешения от писателя и спрашивает меня:

— Михаил Михайлович, меня хотят загипнотизировать. Как вы думаете, позволить им это делать или воздержаться?

Я пересилил свое отвращение и сказал:

— Пусть гипнотизируют, но только вместе с Марией Васильевной.

Она опешила:

— Зачем же Марью Васильевну?

— Видите ли, она слишком много бегает, как Жулька, и пусть ее загипнотизируют Жулькой, а вы лежите, как кот, и вас загипнотизируют котом, вот будет жизнь!

Теща вовсе опешила и пыталась защищать человека в том смысле, что нельзя же человеку спускаться до животного.

— А почему? — спросил я.

И так теща ушла от меня с принужденно веселым видом.

Вот все бы так с ней, а то наши тужилки жуют для нее христианство и она это кушает: в этом отношении она их гораздо умнее.

Юмор тут единственное спасение, а они смеяться не умеют.

Игра и юмор — это две формы или два вида чего-то одного, как живопись, архитектура, скульптура, разные виды изобразительного искусства. Пришло в голову от воспоминания игры трясогузки с котенком и юмора той же птички в отношении Жульки.

Хорошая тема о поведении стариков, например, что нельзя старику: когда сердится — зубы показывать, нельзя огрызаться — зубы плохие, нельзя подглядывать — глаза плохи, но зато можно пронюхать и т. п.

Вчера был в «Новом мире». Заместитель Симонова Александр Юльевич Кривицкий, Александр Михайлович Дроздов, очевидно, по поручению Симонова, зазывали меня в «Новый мир» и просили подписать соглашение. Хорошо, что не подписал. Отвечу им в следующий раз, что благодаря помощи правительства (издание сочинений) могу работать над своими архивами и не участвовать в текущей прессе.

Ляля вчера была у Михайлова и выпрашивала юбилейных благ, обещали подвал в «Комсомолке», орден, книгу «Избранное» в «Молодой гвардии» и забор на даче. Посмотрим! Но, во всяком случае, мы идем к намеченной цели — после юбилея начать пустынную жизнь.

14 Декабря. Уолтер Сиккерт — английский художник.

Вчера весь день и ночью потом летела метель и весь город стал белым, и черный дым нашей бани господствовал над всеми белыми крышами. Когда-то успело отеплиться и подморозить, повисли большие, сильные, частые со-

сульки с балкона к моему окну. Сейчас на рассвете все эти сосульки закапали.

Вчера читал Ляле «Царя» (от проволоки и ухода Мироновны до ночлега Зуйка в лагере). Все развивается стройно и, если иметь в виду будущую картину, блестяще. Только надо с самого выступления Куприяныча сделать его втайне злым соблазнителем. Вообще, поправки, доработку сделаю потом: оно и виднее будет. А сейчас буду развертывать большую картину непринужденно и в радостном подъеме.

Искать постоянную надежную женщину-хозяйку для Дунина (самому). Воспитывать Лялю на том, чтобы она держалась Марьи Васильевны, потому что это единственный, кто может выдерживать тещу. Повторять Ляле, что теща должна быть от нас отдельно в Пушкине, и ни в коем случае не в Дунине. (Главное, самому твердо на этом стоять, и не для себя, а для Ляли: тещу в Дунино не пускать.)

Есть книги для всех и есть книги для каждого, для всех — учебники, хрестоматии и т. п., для каждого книга — это зеркало, в которое он смотрится и сам себя узнает в истине и познает.

Книга для всех учит нас, как нам за правду стоять.

Книга для каждого освещает наше личное движение к истине.

Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте.

К истине человек движется.

Правды надо держаться, истину надо искать.

Быт есть взаимодействие того, что для всех обязательно и что мы называем правдой, и того, что каждый из нас достигает в поисках истины. Это есть дробь, числителем которой является правда, знаменателем — истина.

Остается один только день до огромной перемены нашего быта, а мы ничего не знаем. Только чувствуем, что

все идет к лучшему, и в очередях уже боятся лучшего и говорят, что большевики нарочно хотят дать народу лучшую жизнь перед войной: пусть, мол, остается так, что началась, было, хорошая жизнь, но капиталисты убили ее.

Всякий быт включает в свое понятие и время: современный быт.

Обязанность каждого быть современным и в этом определяется его Надо.

Несовременный человек — значит отсталый. И фанатик — это кто стремится забежать вперед.

Мудрый — это кто яснее других чувствует обязанность свою в отношении настоящего времени, кто наиболее современный человек.

Природа — это материал для хозяйства всего человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своем пути и потом из себя поглядеть на природу, как там непременно увидишь переживание своих собственных мыслей и чувств.

Вот как просто, кажется, бегут, догоняя друг друга, по проволоке две капельки воды дождевой: одна задержалась, другая нагнала ее, обе слились в одну и вместе упали на землю.

Так просто! а если задуматься о себе, что переживают люди в одиночку, пока не найдут друг друга и не сольются. И с этими мыслями станешь исследовать капли в их слиянии и окажется, и у них тоже не так просто капли сливаются.

И если посвятить [время] изучению слияния двух капель, то в этом исследовании откроется, как в зеркале, жизнь человека и что вся природа есть зеркальный свидетель жизни всего человека — царя.

15 Декабря. Еще темно, и знаю только, что вчера капало днем и ночью не развезло. Снегу нанесло много, Москва белая, но это все еще контрасты декабря, но не зима.

Опубликовали по радио декрет о карточках и деньгах.

Нигде ни в каком другом продукте советского производства не близка так, до крику, коллизия между производством для всех и требованием каждого: магазины завалены книгой, но каждый не может найти свою книгу.

В хаосе жизни должна мало-помалу определиться собственность, как законное материальное выражение деятельной личности, т. е. самого человека, души его, и не смешиваться, как теперь, с собственностью, как следствием бездушного накопления.

Горячо взялся за «Осудареву дорогу» и хочу ее кончить до весны.

В переломной главе «Бросить всех на скалу» — выставить старика Волкова главой подрывников, а в главе «Аврал» выставить его как себя (в своих достижениях и победах: мое сознаваемое лучшее). Переворот в душе старухи подскажет нам то, чем силен и чем побеждает Волков. В этой главе легонечко повторить всех своих героев.

Все эти люди в аврале не просто сливались друг с другом для общего дела. Два человека сходились не как две капли дождевые на телеграфной проволоке скатываются, сливаются и падают для общей работы воды на земле. Каждый жизнью своей, цепью сложной личных поступков своих, ошибок, блужданий [невольно] был приведен к общему делу.

Но мальчик Зуек, обманутый своим соблазнителем, должен был умереть или выдержать всю борьбу за существование, пока она не подведет его к борьбе за свое место, за первенство свое в общем деле, потому что свое место у каждого и есть первенство его в творчестве.

Помнить, держать в голове во все время наступления воды, что вода была колыбелью человека и всей жизни, и человек вынес мысль из нее о единстве... Пусть и старуха-

сектантка поймет через воду это единство, и солнечный разум даст крысе и Зуйку одинаково силу догадки, т. е. управления жизнью (царь природы).

16 Декабря. Все эти дни подтаивает, сосульки днем сбегают капельками и ночью, наверное, там, на крыше под снегом, сохраняется талая вода. На воздухе возле сосулек температура, наверное, бывает ночью ниже нуля, и сбегающая с крыши из-под снега вода замерзает и сосулька нарастает. Сейчас у нас над окнами целое войско великолепных сосулек.

Аврал. Это была борьба каждого с самим собой и с людьми за единство всего человека.

Был на президиуме, слушал надменный суд деловых и спорых Ярцева и Резника над текущей русской литературой.

Сговорился с Санниковым, зам. Панферова в «Октябре», о печатании в нем «Царя».

Будет звонить поэтесса Ксения Некрасова.

Приглашает на новоселье Яшин.

Выразительное лицо Ивича. (Помнить — критик.)

17 Декабря. Валом валил суточный снег. Кончил с ремонтом машины и ввел ее с большим трудом в гараж (снег).

Денежная реформа без всяких слов, в полном молчании разделила весь народ на людей, служащих советской власти, и мужиков-спекулянтов, и не материально, а нравственно разделила. Конечно, жаль какую-нибудь Пашу: семейная женщина из картофельных очистков делала котлеты и сама продавала их на базаре. Но Паша — единица. Важно, что в этой реформе каждый получил надежду оправиться вообще, как член своего общества и государ-

ства, — вот что важно. Сам наш прежний мужик разделился на колхозника и спекулянта.

Был Нагишкин Дмитрий Дмитриевич из Хабаровска с «амурскими сказками», умный человек, коммунист, дальневосточный патриот.

Враги, как и любовники, парны. Один враг тенью крадется за другим, а тот глядит на него презрительно через плечо, один — слабая тень человека, другой — могучий, но неизвестно, кто кого убьет в этой вражде: сам человек или тень его.

Честно трудился (Замошкин), приобрел всюду известность в Москве, как работник, и теперь всякое издательство и редакция зазывают его к себе, чтобы надеть хомут. Так мирился человек с жизнью в труде, и жизнь его сделала своей лошадью.

Вот почему мы сразу и отдаемся во власть моральных правил: все они к тому, чтобы сделала жизнь нас своей лошадью. Есть еще таинственный неморальный фактор, свое личное Хочется в постоянной борьбе с общественным Надо.

В субботу в университете географическое выступление о «Моей стране». Все надвое, ночь и день и прочее, и у меня: люди-вопросы и люди-ответы. Себя — к ответчикам: меня спрашивают — я отвечаю, не спрашивают — молчу.

18 Декабря. Каждый день сосульки скапывают, каждую ночь нарастают больше или меньше, длиннеют, толстеют, снежок днем подтаивает, ночью подсыпает, крыши днем чернеют, ночью, к утру, белеют. И так проходит декабрь.

Вся природа содержится в душе человека, но в природе не весь человек. Какая-то ведущая часть человека, владеющая словом, вышла за пределы природы и теперь больше

и дальше ее. Только оглянувшись назад в свое прошлое, человек может теперь видеть природу, вернее зеркало, в котором он видит свою собственную природу.

19 Декабря. Тоже сиротская погода и движение природы видно только по сосулькам — длиннее и короче.

Очень разболелась спина, иду лечиться в Кремлевку.

Вчера открылась борьба с Головенченко за собрание сочинений: он уже не говорит, а отправляет Лялю к упра- виздательством, а тот ничего не знает и отвечает, что никаких договоров не будет, а пришлют прямо верстку. Нашли старого воробья на мякине!

Вчера был на Детской книге. Дети измучили, требуя автограф, едва удалось убежать.

Был у Федина: 1) взял инициативу строить гараж. 2)отменил благополучно вечер.

В субботу выступление на географическом факультете.

Охотничий сборник.

Позировал Раисе.

Ермилов в отчете о деятельности «Литгазеты» сказал, что «мы привлекли даже Пришвина» (между тем как Пришвин писал только чтобы напомнить о своем юбилее).

Начал читать Федина «Первые радости» и сразу же уловил его конструкцию в расстановке образов по теме.

Мысли и слова человеческого нет в природе, но человек, обернувшись назад в природу, может понять каждую тварь в ее напряженном движении к слову. И когда всякая тварь на этом пути займет свое место, человек радуется, понимая во всяком звуке природы свое же усилие на пути борьбы своей за слово.

Долгое время жизни моей попадали пульки и дробинки откуда-то в душу мою, и от них оставались ранки. И

уже когда жизнь пошла на убыль, ранки эти бесчисленные стали заживать. И где была ранка — выросла мысль.

Умысел.

Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом. Тогда без Дарвина и новейших споров о внутривидовой борьбе все будет понятно, потому что человек содержит в себе всю природу. Но если нарочно из природы прийти к человеку, то он предстанет как бог и ничего в нем не поймешь, потому что человек давно ушел от общего пути и, оглянувшись, он видит природу в лицо, а природа видит его только в спину, он идет впереди.

Друг мой, не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца! Терпи! есть конец этому сверлению. Ты скоро почувствуешь, что из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь — это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе.

Наша идея, наше государство живет и держится личной энергией, которая содержится в каждом из нас как сокровенное достояние каждого. Моя маленькая обида является ключом к чувству обиды множества людей, слеза моя падает в море слез, несущее на себе корабль нашего будущего.

20 Декабря. Хорошо подморозило, на окнах легкие узоры, сосульки висят и не действуют. Вчера было у меня заседание редакции Охотничьего сборника — Ларский, Пермитин, Яковлев. Вчера начал процедуры глубокого прогревания спины, и когда пришел домой, нашел извещение, что мой пропуск в Кремлевку аннулирован. Этот укол помог мне соединиться с обиженными людьми в отношении денег.

Наша идея, наше государство держится силой той личной энергии, которая содержится в каждом из нас как запас, как сокровенное достояние каждого. Наше дело в том, чтобы использовать для всех эту личную энергию, и поли-

тика в отношении каждого похожа на расщепление атомного ядра. Политика в отношении всех понятна, но как ведет себя каждый (персонально)? Пример: 1) Замошкин, смиряясь, лезет в хомут, 2) Яковлев, гордясь, строит себе глупую и смешную пустыню (персоналист), 3) Пришвин отдает свою внутриатомную энергию сам своей волей, оберегая свое атомное ядро от расщепления.

Служение общему делу путем своей цельной личности требует подвига не так в отношении самого служения, как в охране своего внутреннего ядра от расщепления, так что эта задача требует одновременно и смирения, и борьбы за себя внутреннего с отмежеванием от гордости, охраняющей лишь внешнего человека.

Персоналисты находятся где-то там, за границей нашей родины — необходимости, и там, где возможно утверждение мысли без дела, идеализм осуществляется утверждением того, что вера без дел мертва. Идеализм в состоянии борьбы с материализмом у нас называют романтизмом.

В Поречье, наконец-то, убрали нашего врага Шахновского.

Работа над «Царем» движется, когда внешние обстоятельства поддерживают мою веру, что я могу служить обществу нашему всей своей личностью, без расщепления внутреннего ядра. Но как только внешние обстоятельства ставят под угрозу самую возможность борьбы за общее дело (коммунизм), так и работа моя останавливается.

Приемы тоталитарного добротолюбия последних времен дают страшное оружие в руки наших врагов.

Трумэн сказал, что современная борьба с тоталитарной системой разрешится не политическим путем, а климатическим, т. е. что природа одолеет науку. Эти слова больше относятся к Европе, чем к нам: голода во всей стране быть

не может, а голод частный не решает у нас судьбы страны, как не решает это он и в Китае.

Дело тоже и в том, что расщепление ядра человеческой личности не является целью коммунизма: напротив, цельная личность есть идеал коммуниста. Это расщепление является лишь средством борьбы совершенно в том же смысле, как на войне.

Сегодня лекция «Моя страна». Всякая вещь и всякая организация содержит в себе вопрос зачинателя и ответ исполнителя. Вот и вы здесь собрались с каким-то вопросом ко мне, и я пришел сюда, чтобы дать вам ответ. Какой же вопрос содержится в вас, собравшихся? Если позволят вам высказать, то окажется, что вопрос этот у одних более ясен, у других менее ясен, и чтобы не произошло хаоса, каждый должен стать на свое место, и кто-то один может поставить ясный и точный вопрос ко мне от всей организации — аудитории географического факультета.

В отношении писателя обыкновенно само время расставляет в порядке вопрошающих. Вот я помню, в прошлый раз вы меня спрашивали хаотически, но просто в какое-то время Юлиан Глебович Саушкин поставил мне ясный вопрос и дал тему: моя страна. И на этот вопрос я ответил ему книгой. В настоящее время эта книга уже сдана в географическое изд-во и скоро будет печататься.

Так все благополучно разрешилось весной в лице Саушкина Юлиана Глебовича, который поставил вопрос и я дал посильный ответ. Теперь я расскажу всем о содержании моей книги «Моя страна».

Родина, моя страна — что тут я сделал.

Родился... предки. Родина — звезда.

Моя родина и нынешнее движение, «Адам и Ева», «Черный араб».

21 Декабря. Никола подмостил и вчера и сегодня −10°.

Вчера читал в университете. Студентов пришло мало, из профессоров только Саушкин. Объясняется тем, что

денежная реформа расстроила личную жизнь, думает человек — как бы только ему не повеситься. Куда уж тут мечтать вместе с Пришвиным о «моей стране».

Конечно, и мои делишки расстроились, но не в этом печаль моя. Конечно, тяжело переносить, например, что тебя, старика в 75 лет, вдруг без всякого повода с твоей стороны выгоняют из поликлиники, обрывают лечение, расстраивают твой рабочий день. И так легко можно бы было предупредить, написать, не убирайся немедленно вон, а хотя бы к Новому году. А то вот празднуй Новый год, когда спину разогнуть не можешь.

«Литературная газета» пять раз в день звонит — написать радостную статью к Новому году «только вы можете». Но все не в том дело, а в том, что слепнет душа на общее дело и не утешает — «не знают, что творят». Нет! Они должны знать, а если не знают, то... ведь, если я даже и просто машина, то надо же за ней ходить, крепить, смазывать. А то вся страна, каждый в страхе плачет о себе и...

Сегодня выборы, которые у нас считаются праздником — радуйтесь, плачущие! Какой-то садизм, чем больше страдают теперь живые люди, тем больше официальной радости о счастье будущего человека.

Письмо Семашке.

Дорогой Николай Александрович! Я не для дела пишу, а чтобы душу свою «отвести», т. е. спустить свою прудовую, зацветшую воду. На этих днях я начал в Кремлевке процедуры по лечению радикулита. Вдруг получаю решение лечебной комиссии — убираться вон немедленно и что даже пропуск мой аннулирован. Как уберешься в другое место, если едва мог найти час для лечения, как доберешься подальше в Гагаринский, если и сюда едва добирался. Но все это лично для меня пустяки. (То ли мы с Вами переносили!) Меня беспокоит тотальность «решения» — почему не поберечь человека в 75 лет, в расцвете творческой деятельности, накануне юбилея пятидесятилетней полезной работы. И, наконец, если признать такую тоталь-

ность необходимой (некогда о старике думать), то почему не предупредить недели за две.

Нет, не пошлю! Все гораздо глубже. Печаль моя не тут.

Я должен стать на новое место, найти новую точку зрения и так вернуться к радости...

Печаль моя временная, я свою точку найду.

А если нельзя утолить боль души своей в противной стороне (как-то чувствуется, что там неправда), то почему бы не замкнуть себя в каменной верности и преданности этой стороне, в которой тоже неправда, но которая ближе и сколько-то позволяет жить и творить самому.

Вчера муж Раисы сказал, думая о миллионах обиженных людей: почему писатели о миллионах не пишут?

Да! Сидящий за общим делом имеет какое-то чувство в отношении к общему (всем миллионам). Он, может быть, и любит по-своему общего человека, и на личность смотрит как на пример общего (всех).

Так, например, выводя декрет о деньгах, он не мог принять во внимание, что некий гражданин получил Сталинскую премию и положил ее в займах в сберкассу на имя маленькой внучки, чтобы обеспечить ее жизнь, и что эти деньги теперь превратились в пятую часть. С точки зрения творца декрета, этот лауреат должен радостно пожертвовать счастьем своей внучки.

22 Декабря. Эти дни держится мороз около — 10° и не растепляется, как раньше. Теща пребывает в состоянии величайшего оптимизма, доходящего до пророчества о том, что все будет хорошо. Так точно она периодически впадает в состояние пессимизма с пророчеством нашей погибели. Это настроение сменяется в зависимости от наших переживаний: нам плохо — ей хорошо, нам хорошо — ей плохо. Но так как нам больше бывает хорошо, мы любим друг друга, нам радостно, то ей большей частью худо. Сейчас

время подошло нам очень трудное, и она в восторге. Она живет и дышит противоречием и за столом всегда ведет разговор от противного, и у них с Лялей вечный спор с утра до ночи. Впрочем, Ляля теперь часто уклоняется, и я молчу месяцами, взрываясь иногда на минуту совершенно. бесполезно, потому что теща только и ждет этого.

Вчера пришла Зина сытая: благодаря денежной реформе, она могла купить себе вдоволь хлеба. Ей реформа — спасение. И вообще все бедные выгадали — как истинные христиане вроде Зины, так и разного рода «пролетарии». Реформа — страшный удар по всем собственникам. Трудно только понять, за что бьют по трудовым договорам. Вот я своего «Царя» писал 14 лет. «Новый мир» накануне реформы предлагал мне сделать на «Царя» договор. К счастью, я не заключил договор, потому что «Октябрь» мне симпатичнее «Нового мира», а если бы я заключил договор, то мой 14-летний труд не был бы оплачен. Политика пауперизма, направленная против персонализма.

Говорят, что у Симонова на книжке 11 миллионов! А Зина торжествует, что может теперь себе хлеба купить. Не отсюда ли, не от Симонова ли начались гонения на трудовые договора?

Смотрю на Зину и думаю, что есть у нас праведники, и не от них ли распространяется поведение русского народа, названное Достоевским смирением, и если не нравится слово — терпением, выносливостью. И не это ли смирение, внутреннее состояние извне, возбуждаемое большевиками, ведет нас теперь на путь спасения?

Я с этими мыслями вчера смотрел на Зину и мало-помалу забывал свои личные обиды и претензии и — мало того! пытался найти в себе доброе сочувствие правительству в его идеализме и донкихотстве, приводящим к политике пауперизма. В сущности, мы с Лялей разделяем эту политику, поскольку она пугает богатого Симонова и гарантирует Михаилу минимум материальных средств для его труда. Научить

бы только это глупое правительство вниманию к личности человека. Тут все дело в этом внимании, тогда как в странах персонализма не хватает узды на персону. Только русский может выдумать персонализм как систему, и, говорят, это сделал... <*Последнее слово вымарано.*>

Это творческое внимание расстанавливает предметы в природе на определенные места, где они в своем взаимодействии принимают личный характер, отвечающий мысли их творца — человека.

Нет, правительство глупо не тем, что у него отсутствует внимание к персоне, а тем, что оно в положении правительства имеет претензию на это внимание. Невозможно, выпуская декрет для всех, угодить каждому. По-видимому, при диктатуре каждый закон должен корректироваться особой палатой жалоб, вроде канцелярии Калинина, задачей которой было спасать человека (персону).

Сейчас обиженный писатель не знает, кому жаловаться. Казалось бы, Фадееву, но секретарь наш сам заинтересован больше всех и ему невозможно за нас ходатайствовать. Скажут — это он под предлогом для всех просит для себя.

Песнь Песней.

Что это за чистота — белое полотно, снег или сахар? Полотно загрязнится — снег разбежится от солнца, сахар растает от воды. Что это за чистота, если, сохраняя ее, самому можно и стареть. Вот чистота, когда сам от нее молодеешь. Я знаю ее, но не смею сказать сам, вспоминая, как сказано о ней в «Песне Песней» царя Соломона.

Приступая к мысли о чем-нибудь, всегда надо помнить, что о том же самом мыслило множество умнейших людей до тебя. Невозможно на каждую эту мысль так подготовить себя в познании сказанного до тебя, и, тем не менее, высказывая свою мысль, человек знает, что мысль эта новая, потому что она исходит от себя самого, существа еще на земле небывалого.

Значит — для того, чтобы высказывать новые мысли и не открывать Америки, и нужно не искать для проверки себя прежние мысли о том же в архивах, а познать самого себя, как существо небывалое, и высказать эту мысль от небывалого человека.

С тех пор, как человек начался и мысли его, скопляясь, передавались из поколения в поколение, они составляют огромное культурное наследство. Но как же среди этого богатства чужих мыслей найти свою и узнать, что эта мысль новая и еще ни у кого не была? Для этого надо понять себя самого, как существо еще небывалое, и когда это поймешь, то среди мыслей чужих узнаешь свои, небывалые.

23 Декабря. Вчера весь день метель. Посмотрим, как будет сегодня. А день по календарю остановился на 7 ч. 2 минуты и больше не уменьшается. Через несколько дней солнцеворот и жизнь пойдет в зиму, а душа на весну.

О нашем <*вымарано несколько слов*>. Установилось молчание, потому что все понимают, что так бы нельзя, и никто бы не посмел так сделать, но раз оно сделалось, то да умалится всякая тварь.

<*Вымарано несколько слов*> академики и виднейшие писатели будут просить сами о снижении гонорара.

<*Зачеркнуто:* Возмущение сменилось глубоким молчанием, и лица мучеников остановились на выражении: «Воля Божья!»>

С самого начала революции устанавливается такое умонастроение, в котором личность как бы виновата тем, что собою закрывает солнце правды.

И начинается борьба правды (Wahrheit*) с «ложью» личности (Dichtung), разрешаемая в Истине.

* Wahrheit — правда, Dichtung — поэзия, творчество.

Две системы теперь господствуют в мире (как я понимаю): одна — персонализм, утверждающая личность, другая — пауперизм с ее оружием раскулачивания.

И вся революция наша за 30 лет в одном своем плане — есть процесс раскулачивания в пользу бедных (пауперизм). Ляля, поняв, что бедным стало хорошо (баба идет по улице, и другой говорит: белый хлеб есть и сахар, чего тебе надо еще!), примирилась с тем, что мы по трем договорам потеряли minimum 70 тыс., т. е. целый год возможности работать, не думая о борьбе за существование.

24 Декабря. Вчера опять висело рыжее небо низко и падал снег.

Был у Чагина по поводу юбилея и заметил в нем оторопь. Что-то произошло наверху в отношении писателей, вроде как в прошлый год с Зощенко, и теперь распространяется на всех.

Жулька спала крепко и, наверно, видела добрый сон.

Жулька крепко спала, но хвостом водила и мела пол возле себя как веником — видно, видела добрый сон. И мы, ее боги в электрическом свете за столом красного дерева, улыбаясь смотрели сверху на хвост и говорили:

— Значит, видят же они сны?

— А почему же им не видеть?

Листья на дереве все разные и в точности ни один не может сложиться с другим. И они все работают, но мы редко замечаем напряженную работу их зеленого вещества хлорофилла под действием солнечных лучей и только любуемся и наслаждаемся красотой дерева. Но придет время — листики пожелтеют, опадут, потемнеют, потеряют форму и станут сплошной удобрительной массой, и тогда мы говорим не о красоте, а только о пользе удобрения.

Так и мысли человеческие рождаются в голове непременно отдельного человека, живут, восхищают, а потом растворяются в человечестве, как удобрение.

У нас теперь добиваются, чтобы наше творчество давало бы прямо навоз для будущего, а мы всеми силами тайно боремся за свою жизнь, чтобы жить и работать, как зеленые листики дерева работают в солнечном свете.

— Увидим ли мы когда-нибудь нашего друга Разумника Васильевича?

— Едва ли.

— А ведь он живет где-то и не так далеко.

— Да, живет! И вот некоторые удивляются, почему души умерших не являются к нам. Как они могут явиться к нам с того света, если мы и на этом свете так живем, что люди с одной зоны земли не могут видеться с людьми другой зоны.

Вчера пришла хаотическая женщина Тарасова и за столом подняла разговор о талантах. Мы с Лялей раскрывали свою общую мысль о том, что у каждого человека есть свой талант и долг раскрыть его действие на материю в возможно высшей силе «изо всех сил!».

— Да, — ответила Тарасова, — но люди не могут раскрыться, они блуждают.

— Сами виноваты, — сказала Ляля.

— Не про вину я говорю: блуждают без вины и без таланта.

— Пусть не то, что мы называем талантом — искусство, наука — их личность должна проявиться в поведении.

— Какое тут поведение можно спрашивать у человека, блуждающего в лесу.

— А как же! — сказал я, — в обществе принято сморкаться в платок, и то осторожно, а в лесу тоже общество и тоже спрашивают поведение. Вот я раз замечтался и заблудился. И когда проблуждал весь день, они мне говорят...

— Кто они?

— Лешие там или кто там говорят: вы виноваты.

— На «вы» в лесу говорят?

— На «вы». Чем же, спрашиваю, я виноват, я только по-человечески замечтался.

— Вот, видите, — отвечают, — у вас в человеческом обществе нельзя сморкаться без платка, а у нас — нельзя мечтать, вы замечтались — значит, ушли от нас, заблудились.

— С колыбели и до сих пор чувствую в себе устремление в какую-то простую жизнь, чтобы обходиться без прислуги во всем, самому.

— Это толстовство?

— Не совсем. Это устремление куда-то в поисках себя самого, к своим собственным мыслям, как устремляется свежий бледно-зеленый росток сквозь опавшие листья вверх, к солнцу.

— Это стремление к независимости?

— Да, но независимость есть только одно из средств. Я бы сказал, что в основе своей это есть устремление к истине.

— А в чем истина?

— Она в себе самом, но для истины мало, чтобы познать себя, ее, истину, нам надо увидеть в вещах, как в зеркале, как я вижу теперь своего человека в зеркале природы. Вот откуда это движение к упрощению жизни: хочется сначала найти свою независимость, ощутить себя самого, а потом выйти из себя и отразиться в вещах и природе. И это отражение себя нужно людям: они смотрят на это отражение и себя самих узнают, и не всех сразу, а каждый себя отдельно видит, как в зеркале.

«Царь природы». Второстепенные лица (масса) показываются: 1) при регистрации Улановой, 2) ночь в бараках, 3) все на скалу, 4) все на борьбу с водой, 5) аврал, 6) финал.

Значит, надо собрать больше людей. II. Усилить мотивы побега Зуйка в главе «Все на скалу». Почему бы тоже не провести уход Зуйка в «я» (обиду) как у урок и всех красноармейцев? NB. Не углубить ли роль Падуна и не связать ли побег с потерей Падуна? Основная же мысль, что устремление в край непуганых птиц есть устремленность к себе самому и что на этом пути каждый так проходит

свой путь через Надо. NB. III. Преобразовать и реализовать Волкова. IV. Дать образ канала.

25 Декабря. Спиридон — солнцеворот. Морозило с метелью вчера.

Вот вопрос — обнажить «путь к истине» (как рассказано в диалоге 24 декабря) — путь в себя и к вещам.

Или продолжать показывать вещи, как будто они такие и есть, и я не художник-творец, а ребенок, открывающий испорченным или незрячим людям мир как он есть.

Или может быть третье решение, я сам в себе по завету «будьте как дети» нахожу (доискиваюсь) то радостное дитя, которое наивно радуется жизни.

А из этого является поведение каждому: устранить с пути роста людей помехи естественной радости жизни.

В сущности, такое поведение и вытекает из учения и действий партии: это ее сокровенная вера. И то, что меня, несмотря ни на что, признают, свидетельствует о правде сказанного и объясняет, почему Пришвин «экстерриториален».

Итак, положительные элементы веры большевиков: все сходятся в идее священного материнства. Отрицательные элементы — это аксессуары всякой религии, распространяемой насилием, войной против войны («последней войной»). NB. Замечательно, что в декрет о финансах, сказанный по радио, нечаянно и удивительно вкрались слова о «последней жертве», хотя прямо после этого был объявлен новый заем.

Би-би-си сообщает, что повстанцы в Греции объявили свое правительство и что это будто бы сделано через Коминтерн, равно как он же, Коминтерн, руководил парижской забастовкой.

Солнцеворот. Сегодня хороший мороз, чистое небо, тело просит шубы, душа ждет весны.

Есть в незримой среде, окружающей каждого, тон времени, и кто слышит его, как будто получает крылья и может лететь... и летят... но это не все, что нужно человеку: человеку нужно слышать тон времени и идти по своей тропе.

Закончил, переписал и послал в «Литературную газету». Посмотрим.

26 Декабря. День мягкий, к вечеру на улицах при электричестве блестели проталины. Вчера написал и отправил в «Литгазету» новогоднюю статью — тем и заполнился день.

27 Декабря. Рано. Еще не знаю, что на дворе. А денек на одну минуту прибавился. Опять сосульки закапали.

Все собаки в народе разделяются на умных и глупых: умные собаки злые, любят только одного хозяина, а других людей к себе не подпускают. Глупая собака любит всех людей, всем доверяется и предпочитает хозяина другим только потому, что она ему отдана, как Татьяна своему генералу.

Подбор таких собак, по-моему, происходит неслучайно, сужу по себе: все мои собаки были «глупые» не случайно, а потому что я таких предпочитаю, как Цезарь предпочитал возле себя только воинов.

И у меня есть основание, почему я предпочитаю собаку, любящую не одного меня, а всего человека: я сам тоже точно так веду себя в отношении моих близких — глупо — и требую то же от них: чтобы моя персона не заслоняла им собой всего человека и они бы тоже не застили мне собой свет солнца.

Мало того, только в таких отношениях я понимаю свободу и эгоистов с их злыми собаками считаю убийцами творческого духа.

Вот почему я бессознательно подбираю себе собак благороднейших, способных возвышаться над собачьими инстинктами и не обращать никакого внимания на то, что их считают шалавами. И наша дружба с такими собаками, вообще, является как бы следствием общего великого душевного переживания, радости не дома, а в полях и лесах.

И потому всех собак я разделяю не на умных и глупых, а на домашних злых и чисто охотничьих добрых, с раскрытой душой ко всему человеку. Мои любимые собаки были все с раскрытой душой, все добрые, но романы бывали у меня и со злыми собаками (Осман и Никишин).

Какая-то мушка невидимая летает во мраке над спящими людьми и проникает в их души и ранит. Иной спящий, чувствуя боль, ищет во сне, ищет врага и с размаху ударяет кулаком по краю скамейки. Тогда оказывается, что и врага нет, и даже не мушка невидимая укусила, а обида жалом своим колет душу, и проснувшийся долго лежит и в полусне сам с собою говорит. — Знаю тебя, матушка, — говорит своей мушке Волков, — было время твое, теперь уходи, не укусишь, вся моя душа бетоном залита. И сделав усилие, отгоняет свою обиду и вспоминает, как он сам, когда бедным был, научился делать бетон и сам своими руками сделал себе кладовую. — Это мне тут пригодится, — сказал он. И так, проводив обиду бетоном, заснул. Иван Дешевый видит... Иван Дешевый встретил быка и тут обида укусила, а он подумал — это блоха, снял рубаху и подавил, стряхнул рубаху, надел и уснул. Зуек впервые почувствовал укус и, еще не открывая глаз, стал обживать эту первую боль. Он не виноватый ни в чем, а все говорят и ведут себя будто он виноват. Вспомнилось, как Сутулов сказал: убирайся! как Уланова ему раз сказала: ты чего уши развесил? Так вот оно что! — они все о чем-то своем думают, каждый свое. И у меня тоже свое! Мушка обиды продолжала раскрывать Умысел у каждого против него и тайный Сговор против него. Вот в чем дело. Больше всего укололо, что тайно, и надо от них уйти. Он попробовал уснуть, но как только стал терять сознание, вдруг его прямо подкинуло — такая боль. И тут картина: молящиеся и Куприяныч. Сон Рудольфа: голод и дикое болото — не убежать. Тропинку не найдешь. Дунет ветер и унесет. И так малиновые петлицы войдут в сюжет первой книги.

Многие меня любят как собаку, и считают меня собакой, и не представляют себе, какое жало таит эта собака в себе.

28 Декабря. Вчера с утра лил дождь. Сегодня с утра только что не капает. Крыши не белые, не черные, а серые, а сосульки растут.

В наше время каждый писатель в какой-то мере хочет угодить собою и раскланяться, как будто он входит в незнакомое общество и старается в нем определиться в приемлемой форме. Очень похоже, когда новичок входит в общую камеру... и все стараются сделать ему какую-то гадость за то, что он новичок. У нас еще к этому бывает так, что за отсутствием новичка берут кого-нибудь из засидевшихся в камере и его разоблачают.

29 Декабря. Вчера мы съездили с Оршанко вдвоем в Дунино. Погода была мягкая (плюс 2°), таяние снега было малозаметно. Видел своих коз — толстых, белых, распушенных. Видел у т. Дуняши мать ее 85 лет, у нее 28 внуков и 12 правнуков. По годовым праздникам собираются вместе. Мечта о золотой полосе — как работали для себя и как работают в колхозе.

— Какая была полоса! сколько людей вырастили на своей полосе!

— Бабушка, никто не виноват, что время переходит: весь мир сейчас голодный. И везде наступают коммунисты. Видно, нельзя больше так жить, чтобы думать только о своей полосе. Вам полоса, другому миллион — все о себе. Нужно служить не себе, а собой служить, и не своей семье, а всему обществу.

Ей 85 лет, но она из Введенского сама пришла и теперь слушала внимательно, стараясь вникнуть в смысл слов. И вникла, но чем больше вникала, тем ярче выступала прежняя счастливая жизнь.

Материализм — это средство существования в руке властного человека, идеализм — это слова. А в общем, в точности искушение в пустыне. И с этой точки зрения каждый, изменивший Слову, — изменяет Христу.

Так ясно было вчера в разговоре со старухой, что это мы спорили с Библией, что в этом спор времени: служение роду (своему) сменяется служением обществу, что коммунисты держатся, сами того не зная, за чисто христианскую идею универсализма и борются с родовым эгоизмом, что сами христиане исторически уступили христианство свое роду.

30 Декабря. Сиротская зима продолжается. Вчера был у меня Шахов с хвалебным рассказом обо мне.

Он — самовлюбленный Нарцисс, глядится в природу и это свое обезьянье отображение противопоставляет идеям коммунизма. Конечно, он и глуп, но раздражает меня тем, что я в нем, как в обезьяне, вижу себя: ведь я тоже и такой как он, тоже что-то такое самобытное, личное хотел противопоставить советской власти и тоже так ходил петушком, пожиная похвалы подобных себе.

Но к счастью, талант мой включает способность выходить из себя до такой степени, что после я сам дивлюсь, как я, вот такой, какой я существую, глупый, робкий и неугодливый, мог так красиво, и умно, и хорошо написать. Так и в природе, в уединении, как в зеркале, я благодаря этой способности вижу не себя, а того большого человека и, может быть, всего человека, идущего все вперед и вперед.

Впрочем, все поэты содержат в себе глупого Нарцисса, он почти обязателен для каждого, но талант, наверно, и содержит в себе непременно то самое поведение, которое спасает нас от Нарцисса, и, может быть, именно это поведение мы и называем талантом: талант остается при себе, но людям показывается в лицах, какие только ему ни вздумаются.

Вот эти лица сотворенные называются образами и отвлеченно формой, а тот сам, остающийся при себе, творец, представляется нам как «содержание» вещи.

Итак, почему Нарцисс обязателен для каждого? Потому что нельзя догадаться о другом, не поглядев на себя: по себе люди спервоначалу судят другого, мерят на свой собственный аршин. Только потом, меряя, в долгом опыте научаются прикидывать к своему аршину или отбавлять, те, кто больше меры — умнее, кто меньше — дураки.

Нарциссы — это глупые, ограниченные собой, своей мерой, люди, вот и теща моя такая, а Ляля, меряя людей, как и все, сломала давно свой аршин и куски зашвырнула. Сущность таланта, его «поведение» именно и заключается в отстранении и утрате своей меры, в выходе из этого времени и

пространства и замене их новыми мерами сказочными: в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе.

Куда же причислить такие таланты, как Михалков, Зубакин? Скорее всего — это промежуточные люди, которые недалеко отходят от себя и возвращаются с ношей к себе, и у себя дома все поедают.

В понятие поведения, исходящего из таланта, включена воля, отличная от обычной разумной, логической воли.

В Моцарте и Сальери и показано столкновение этих двух поведений: обычного логического у Сальери и поведения из таланта — сверхлогического.

31 Декабря. Вчера весь день лило с крыш и все сосульки сорвались и погибли. Сегодня морозно. Две неприятности: 1) выход сборника «Охота в Подмосковье» без меня; 2) провал новогоднего фельетона «Хитрый пятачок».

Мне в «Пятачке» хороший урок: я начал зазнаваться в мечте, что будто бы могу силой своего таланта, индивидуальности обороть силу условий обезлички. Мне удавалось это делать в маленьких скромных вещицах, но в этом случае я размахнулся пошире и мне сейчас же утерли нос. А если бы не утерли и напечатали, то, может быть, для меня было бы хуже: соблазн вырастания из обыденщины увлек бы меня и, может быть, потом утерли бы нос, и публично, как непременно утирают всем, и Фадееву, и Симонову.

Остается мне отступить и писать роман, и добиваться издания книг. Помнить, что «Кладовая солнца», крупнейшая вещь, могла появиться, никого не раздражая яркостью индивидуальности, и что, значит, индивидуальность свою можно укрыть в позволительной форме, и что нечего винить большевиков, если сам сплошал.

Итак, будущий год должен начаться договором на собрание в трех-четырех томах на 120 листов и кончиться созданием «Царя природы». И этого пока довольно, выполнить при строжайшем усвоении правила: внутренне расти при сохранении защитной окраски среды.

Наши старые опрощенцы с толстовством и проч. происходят от заповеди: «Раздай все бедным и иди за Мной».

Когда написано что-нибудь хорошо, то потом, когда остынешь, диву даешься, как это я, вот такой-сякой, мог написать так хорошо, и кажется тогда, что во мне живут два человека, такие же разные душой и близкие к жизни, как Дон Кихот и Санчо, хозяин и работник, Мария и Марфа. И еще вот тоже написанное и напечатанное, когда напечатается, то к написанному что-то прибавляется. Написанное как бы колеблется в битве неравной и страшной. Машинопись проясняет, печать утверждает.

Сегодня в 8 вечера назначил свидание Еголин.

1) Приглашаю на юбилей. 2) Прошу помочь. Содержание помощи в Новом году: а) начать подписанием договора; б) кончить роман. Отстоять свое право на государственную поддержку.

Тезис «Да» и антитезис «Нет». Без этого ничего нельзя разобрать и невозможна никакая общественность, кроме деспотической: «Да!» и пусть все остальное будет помоему.

Но под старость у тещи все тезисы совпали. «Да» атрофировалось и остался один настоящий антитезис «Нет». И так, за что бы мы ни взялись, она говорит нам свое «нет» — и все и во всем «нет» и «нет».

И вся наша жизнь в настоящем все «нет», во всем отрицание, кроме своего стародавнего, почти мифического «да», когда горячие калачи были по 3 копейки и 20 копеек стоил фунт масла.

Тысячу раз предпочел бы, кажется, жить с деспотом, который говорил бы только «Да», а мы бы все слушались и работали. А то «Нет», оторванное от своего старопрежнего «Да» и обращенное на современность, не дает возможности даже просто работать.

В 8 часов вечера с Лялей ходили в ЦК, к Еголину, арестованному человеку-чиновнику. Обещал крепко издать сочинения.

Новый год встречали с новыми друзьями — Оршанки Павел Семенович и Вера Павловна (дочка Наташа).

КОММЕНТАРИИ

Закончилась Великая Отечественная война. Михаил Михайлович Пришвин продолжает вести свой дневник (1905–1954), где философское и политическое перемежается с поэтическим, лирическим, обыденным, где то и дело возникают бытовые зарисовки и разговоры с разными людьми — все это смешивается, переплетается, как в реальной жизни. Дневник насыщен историко-культурными образами и мотивами, отмечен конкретно-вещественным восприятием мира. Годы творческой деятельности писателя (1905–1954) пришлись на один из наиболее сложных и противоречивых периодов в истории русской культуры, когда жизнь человека определялась сломом культурных барьеров. Экзистенциальное отчуждение (чуждость) в той или иной степени свойственно любому художнику в любую эпоху. Однако в его случае чуждость усугублялась не только ситуацией, принципиально исключающей личность как таковую из культурной парадигмы и рассматривающей ее как врага, но и его собственной ролью в культуре — ролью летописца, — которая в эти годы могла быть только его личной тайной. В дневнике прорабатываются десятки идей, обсуждаются проблемы и задачи современной культуры — эмпирическая реальность получает метафизическое измерение (*«**13 Января 1946.** Для человека нет ничего нового в природе: в своей собственной душе он может найти все формы природы: и небо и землю и солнце свое и тьму свою, и поющих птиц, и лягушек — все, все! Но природа не может ответить тем же человеку, сказать ему: ты весь содержишься во мне. Душа человеческая, или вернее не душа, а какой-то основной атом души, вокруг которого вращаются все остальные природные атомы, не содержится в природе, и это есть сам человек. В Нюрнберге сейчас происходит суд над преступлением против этого сáмого человека <...> Нам не хватает одного: какого-то свидетельства современного божественной сущности человека <...> в оправдание засвидетельствованной войной дьявольской сущности просто человека в этом его “новом язычестве”»*).

Одним из важнейших для России уроков и результатов Второй мировой войны писатель считает крайнее обострение двух связанных между собой проблем национальной и культурной идентичности. Первую предстоит решать в ситуации разочарования в образе идеального европейца, устойчивом в русской культуре, традиционно ориентированной на Европу. Для Пришвина, получившего образование в Германии, крах немецкой культуры был и личной трагедией: писатель ее хорошо знал и ценил. Всю войну он раздумывал о том, как все это могло произойти именно в Германии («***8 Ноября 1944.*** *<...> как ни неприятен себе самому большевик, чувствуешь, что немец еще неприятнее, что в немце тупик <...>теперь, после победы и последнего унижения Европы сам чувствуешь, что там действительно уже нет прежнего высшего примера для нас окаянных*»; «***22 Марта 1945.*** *Мы русские, и западники и славянофилы, в истории одинаково все танцевали от печки — Европы, а вот теперь эта печка, этот моральный комплекс не существует. Будем теперь мы танцевать от другой печки (Америки?), или же, наученные, будем танцевать свободно от себя, а не от печки?*» Дневники. 1944–1945. С. 319–320, 473). Тем не менее, независимо от того, как и насколько быстро изживется в русской культуре этот «моральный комплекс», в послевоенные годы Пришвин обращается к иным национальным комплексам отечественной истории: в данный момент перед ним оказывается победивший социализм («русский марксизм») и русское православие. Он полагает, что и то и другое требует переосмысления ряда фундаментальных положений. В первом случае речь идет о роли личности в истории, о соотношении объективного и субъективного, материального и идеального, во втором — о традиционной иерархии религиозно-философских ценностей («***18 Июля 1946.*** *Наш коммунизм имеет одно противоречие: стремясь к конкретному, он сам есть концентрация отвлеченности. Он похож на леса, при помощи которых строится дом: самого дома нет — только леса*»; «***3 Декабря 1947.*** *<...> делят свою жизнь надвое: одна половина — холодная, отдается повседневному делу, другая — горячая лучшая — приносится Богу в церковь.<...> Разве нельзя эту лучшую часть души отдавать своему делу и в этом деле служить Богу, и только в часы отдыха ходить в церковь и советоваться там с Богом о своих делах. Нет ли в том вредной гордости, если человек, вынимая свою душу из обыкновенного дела, относит ее в высшую сферу духа и потом свысока смотрит на свой повседневный труд <...> молитвой утешаются, потребляют ею Бога и этим отделываются от жизненного дела: жизнь у них остается*

без души, а душа без жизни»). В своей жене Валерии Дмитриевне Пришвин ценит свободу, с которой она живет в Боге, двигаясь в мысли, не боясь сомнений и ошибок, — ему интересно идти вместе с ней по жизни, каждое мгновение ощущая эту живую веру («***24 Января 1946.*** *Ляля живет, как всякий бедный человек живет на земле, придавленный к ней тяжестью своего тела, живет и ходит под небом и грозным и ласковым. Бедный человек знает где-то в себе закон, не зависимый ни от тягости земной, ни от грома небесного, ни от ласковых лучей солнца. Этот закон бедный человек носит в себе, не смея его обнаружить, носит и делается отцом и дедом, и сыновья, и внуки, и правнуки молча носят, и никто об этом не знает — разве только чудесные зеленые листики в смоле и росе, или цветы полевые, или птички в песнях своих, и воды шумом весенним и в отражениях открывают нам то, о чем мы промолчали. Вот когда моя религиозная Ляля, иногда вдруг нарушая все нажитое, все установленное, говорит как самая отчаянная революционерка и анархистка, тут я вижу, что она это говорит из себя и того, что в себе, о чем мы все молчим и что носим, не смея обратить это в мысль и слово. А оттуда, если хватит духа, сказать уже все можно, сказать, не считаясь со всеми преданиями, с творениями св. отцов, потому что это уже прямо от Бога. Итак, я думаю, этот закон в себе существует в душах людей, но разно: у одних он поближе к человеческому выражению его, у других подальше, у одних совсем на кончике языка, у других где-то в затылке, а у иных так далеко-далеко, что им нужно озираться, искать, трепетать. У Ляли этот закон на кончике языка и, бывает, соскакивает с языка. У меня это тоже бывает, только, наверно, очень редко и мало. А большие русские писатели этим и жили и этим питали русскую литературу*»). Религиозный опыт православной жизни, привитый Валерии Дмитриевне в юности Михаилом Александровичем Новоселовым, подкрепленный в Институте Слова (1920–1922) изучением основ религиозной философии у Ивана Александровича Ильина, стал личным опытом после встречи с Олегом Полем, который ввел ее в круг кавказских пустынников. Все это определило характер религиозности, не просто понятный и близкий художнику, а осуществленный в той единственной форме, какую он мог принять («***13 Января 1947.*** *<...> область послушания <...> принимается мною лишь как путь от необходимости к личной свободе*»). Проблема современного религиозного сознания в разные годы в дневнике писателя занимает одно из важнейших мест. Речь идет о развитии православной традиции — как он понял после встречи с Валерией Дмитриевной — в

русле идей русской религиозной философии начала XX века, в 1922 году оказавшейся за пределами культурного пространства России (*«**30 Апреля 1946.** Сегодня жду Лялю и думаю о той девушке, которая, по словам Т. В., односторонняя: читает Евангелие, св. отцов и плачет. А вот Ляля не односторонняя, никак! Она и Евангелие читает, и плачет, и в то же время, скосив глаза на земные предметы, узнает в них небесное. Она похожа душой на березу весной, которая, устремляясь всеми своими веточками к небу, распускает корешки свои по земле, чтобы захватить с собой туда и любимые свои камешки»*). В эти же годы Пришвин пересматривает стереотипный образ православного человека как слабого, несчастного, ожидающего божественной помощи и поддержки, — он ставит перед будущим религиозным сознанием поистине революционную задачу оправдания здоровой, сильной, радостной божественной личности, творчески, свободно и деятельно противостоящей ницшеанскому «сверхчеловеку» в его «новом язычестве» (*«**19 Июля 1946.** Для христианина, каким он был до сих пор, весь мир есть больной, за которым надо ухаживать. Такой христианин не знает, что делать, если мир показывается здоровым. Настоящему христианину будущего века надо стать перед лицом здорового мира»; «**25 Июля 1946.** <...> православие учит нас делу строительства души»*).

Для Пришвина годы войны оказались сложными не только в силу военных событий и изменения образа жизни — мужества выдерживать исторические катаклизмы ему было не занимать. За прошедшие с начала писательства сорок лет Пришвин пережил столько событий русской истории XX века, сколько вместил в себя его летописный свод: революция 1905 года, Первая мировая война, две революции 1917 года, Гражданская война, разруха и НЭП с надеждой на возрождение жизни, коллективизация, индустриализация, начало Второй мировой войны и Отечественная война, победа — и сквозь все годы необъяснимо жестокая репрессивная политика власти по отношению к народу, к культуре, беспощадная борьба с личностью (*«**14 Марта 1946.** <...> у нас социалистический тоталитаризм»*). Пришвин не сломился — продолжал работать несмотря ни на что (*«**21 Января 1947.** Не дают мне быть самим собой. — Не может быть! для этого есть время у каждого»*). Понимая масштаб катастрофы в 1941 году, писатель, тем не менее, не планировал уезжать в эвакуацию далеко от Москвы. Он сам выбрал для себя и своей семьи место, которое хорошо знал и любил — село Усолье под Переславлем-Залесским, — и прожил эти годы «как все» (*«**2 Апреля 1947.** <...>*

надо твердо помнить, что дорога наша одна, что люди по ней тесно идут, и ты иди тоже по ней и неси свою котомку, как все»). Как эстетическую категорию — «искусство как поведение» — писатель декларирует собственный, не зависимый от обстоятельств стиль жизни, продиктованный творчеством («*2 Декабря 1947. Можно самому быть пьяницей, и вообще с собой можно делать что только заблагорассудится, но если рядом с этим рождается поэзия, мы прощаем поэту его поведение. Есть поведение, невозможное для поэзии, и есть поведение как путь в поэзию*»).

Военные годы оказались переломными в литературной судьбе Пришвина: начиная с 1940 года ни одно произведение писателя не прошло цензурный барьер с первого захода. Книга «Лесная капель» (1940) была отвергнута как «аполитичная и несвоевременная: война на носу, а он радуется», рассказ «Голубая стрекоза» (1941) — как «не острополитический», цикл «Рассказы о ленинградских детях» (1943) — потому что «нельзя в Англии знать, что в соц. государстве водятся воры», а «Повесть нашего времени» (1945) вообще без всяких объяснений была отправлена в «посмертное будущее» автора. Пришвин понимает, что государство пропагандистски использует понятие родины как культурно-идеологическую конструкцию, которая так или иначе должна быть усвоена каждым воином. А он уверен, что только личное, почти религиозное чувство, интимно и осознанно возникающее в глубине души каждого человека — то ли от знакомого с детства запаха черемухи, то ли от соловьиной трели, — создает необъяснимое, глубокое и ответственное чувство родины, связанное с домом, родной природой, любовью, детством. Это чувство писатель стремится передать во всех произведениях военных лет («*21 Сентября 1946. Мне живо вспоминается время жизни моей на хуторе Бобринского в 1902 году. <...> Помню, записывал тогда, что Бога нужно искать на границе природы, там, где природа кончается и начинается человек <...> и оказывается, что с тех пор я так и не отходил от этой темы и все, написанное мною, было об этом*»). Об этом и его все же опубликованный в 1941 году под заголовком «Моему другу на фронт» рассказ «Голубая стрекоза». В нем нет призывов не отступая, с ненавистью уничтожать противника. В рассказе граница войны и мира (смерти и жизни) проходит через душу раненого бойца. Природа принимает живое участие в происходящем: образ летающей голубой стрекозы оказывается нитью, которая связывает раненого с жизнью, а исчезновение стрекозы переживается им как разрыв

этой связи — смерть. Однако стрекоза, исчезнув из поля зрения в воздухе, возникает в водном отражении, образ зеркально удваивается, цвет в отражении вытесняется светом, видимое совпадает с невидимым, желаемое с действительным: летающая в темноте стрекоза становится знаком победы жизни над смертью (*«**12 Августа 1944.** Получил с фронта еще одну благодарность за “Синюю стрекозу”»* Дневники. 1944–1945. С. 230). Существенно, что свой первый военный рассказ Пришвин пишет по воспоминаниям о поездках на фронт в качестве корреспондента в годы Первой мировой войны, что нисколько не умаляет его актуальности: война как способ жизни и смерти для писателя не имеет временных и пространственных границ. Тайна пришвинского стиля заключается в том, что его текст, как будто бы абсолютно ясный, каким-то образом закодирован. На первый взгляд в нем не обнаружишь ничего подозрительного, «чуждого», из-за чего его можно и нужно было бы запрещать. Но дешифрованный «другом-читателем», к которому он обращен, текст оказывается многозначным, общечеловеческим, направленным к личности каждого, — и потому для читателя спасительным, для цензуры неприемлемым.

Надо сказать, что все отвергнутые цензурой произведения Пришвина и по содержанию, и идеологически, возможно, нейтральны, но отнюдь не враждебны по отношению к власти. Он всегда был в оппозиции к вещам более существенным, чем государственная власть, социализм, Сталин. Он не борется против власти, но стоит на страже своего дела, писательства — и именно это оказывается борьбой, так как государство как раз стремится подчинить себе и самого писателя, и его дело. Пришвин никак не вписывается в общепринятые нормы, в современный агитационно-пропагандистский канон: его произведения военных и послевоенных лет оппозиционны по стилю (*«**12 Января 1947.** <...> может быть, в основе профессии писателя и природы поэта лежит чувство свободы, и встреча этого личного Хочется с государственным Надо, какого бы ни было оно происхождения, монархического или социалистического, все равно есть борьба (как борьба воды с берегами)»*). Тексты Пришвина отличает своеобразный способ изложения мыслей, слог, вызывающий из глубины культуры вечные смыслы и на них опирающийся, обходящий как казенный прямолинейный стиль современной ему литературы и публицистики, так и нормы «большого стиля», каким он окончательно сложился в послевоенные годы, с его парад-

ностью, героикой, эпическим размахом. Власти противостоит, по сути, сам стиль его произведений — как и его друг-читатель, «избранный, окликнутый по имени» (Мандельштам), которого Пришвин всю свою писательскую жизнь ищет и ждет. Пришвин уверен, что его читатель не только тот, кто получает удовольствие от чтения. Он стремится втянуть читателя в поток мысли, понимая, что самим процессом чтения человек со-участвует в творчестве («со-творчество»). Он подталкивает читателя к личному выбору, заставляя его остановиться и заглянуть в себя. Стремясь понять истинное значение и проблемы современной культуры, писатель обращается к человеческой душе, к личности (читателя!), существующей независимо от идеологии и государственного строя, неуничтожимой, ибо именно она и есть жизнь. И в послевоенные годы Пришвин утверждает те фундаментальные ценности человеческого бытия, которые цинично своими «постановлениями» попирает власть, но которые никакая власть не в силах упразднить («***2 Апреля 1946.*** <...> *сейчас, в наше крепостное время, свобода делать что хочется — кажется чудом. И те, кто это может делать, являются тайными вождями народа. То, что я могу писать свои сказки, — есть чудо. Все, что затрудняет мою работу, — необходимо, так как иначе не было бы и чуда. И вот только дал бы Бог с этим чудом в душе умереть, а не сдать его в руки смерти*»).

В эти годы в дневнике актуализируется важнейшая для писателя тема: судьба искусства в культуре послевоенного времени («***24 Сентября 1946.*** <...> *ЦК требует справедливо от искусства агитации и пропаганды своих идей. Это правильно, это надо. Но неправильно ограничение искусства одной только сферой агитации и пропаганды. Необходимо признание авторства, то есть служения художника искусству для искусства. При ограничении же сферы искусства ЦК отнимает себе авторство, как в крепостное время помещик отнимал себе у девушек jus primae noctis (право первой ночи). Тут мы на ножах, а [так]как художники лишены ножей (и не надо их! Боже сохрани!), то приходится верить в тайную жизнь слова (форму), похожую на жизнь ручья под упавшей на него скалой: рано ли, поздно ли скала будет размыта, и ручей придет в океан*»). В разгар нового репрессивного наступления на литературу, в ситуации истощения как содержания, так и формы художественного произведения («соцреализм»), Пришвин реабилитирует «искусство для искусства», восстанавливая в культуре нарушенную «связь времен». По Пришвину, именно форма — словесная

организация, словесный ряд — способна одухотворить произведение, включить его в поток жизни, проникнуть в душу читателя, уподобляясь воде, по пути в океан размывающей берег, скалу, любую преграду («***18 Сентября 1947.*** *<...> поэзия заключается в метр, работает на тему и остается поэзией, неисчерпаемой силой души человека. <...> Сколько труда вкладывает человек около хлебного зернышка и все-таки оно прорастает само, и вся природа в себе тоже нерукотворна. Также где-то возле хлебного зернышка и зарождается поэзия: зерно идет в хлеб, а эта какая-то сила питает души*»; «***3 Августа 1944.*** *Чудо в том, что слово проходит через железо и камень*». Дневники. 1944–1945. С. 218). Как и всегда, в эти годы художественному творчеству писателя присущи не официоз и парадность, а глубина и интимность, открытый, доверительный тон, не героика, а обыденность, не эпический, а лирический жанр. Его философская лирика заражает читателя любовью к жизни, восстанавливает связь человеческой души с миром природы, каждый миг свидетельствующей о том, что жизнь пронизана смыслом. Меньше всего похож Пришвин на «певца природы»: когда в человеческую жизнь приходит беда («***18 Июня 1947.*** *Правда нашего времени в том, что не личность делается жертвой, а весь народ*») и человеку не на что в ней опереться, герои его произведений — как и сам писатель — находят в природе реальную, ощутимую поддержку и опору («***13 Июня 1947.*** *<...> чувство природы есть чувство нерукотворного ее существа, религиозное чувство, или прямо сказать — чувство Бога*»; «***3 Сентября 1947.*** Ч*тобы убить тоску, пошел за грибами и шел в лесу до обеда. <...> Проходил четыре часа и убил усталостью и мысль свою, и тоску, и весь ушел в чувство “экзистенс” точно такое же, как и всего существующего*»). Природа всегда помогала ему вернуть простое чувство необходимости жить, обновляла душу. Понимание мира как творения и реальное ежедневное чувство присутствия Творца его любимой «зеленой» природы уже с другой стороны обращает писателя к современному религиозному сознанию — он восстанавливает связь христианской и языческой традиции в русской культуре. Мир как целое существует и только в таком понимании соответствует человеческой душе во всей ее полноте, а не какой-то одной ее части («***17 Мая 1943.*** *Оправдание язычества и есть истинное христианство*». Дневники. 1942–1943. С. 490).

Писателю крайне важно быть включенным в современную культуру, уловить тенденции, определить вектор разви-

тия послевоенного мира. Содержание и характер дневника* 1946–1947 годов, как всегда, в первую очередь, определяется контекстом социальных и культурных установок современности, которые не дают никакой надежды на возрождение страны (*«**13 Января 1946.** <...> трудно понять, почему "гитлеризм" не разбирается у нас в журналах философски, со всех сторон, спокойно и убедительно <...> это потому, что наша частная "философия" вообще боится общей философии. Не говорят, потому что нужно новое слово какой-то личности, дерзающей выйти за пределы "диамата". Но такая личность не появляется»*). Сам он не устает анализировать и сравнивать идеологические принципы двух тоталитарных государственных образований (*«**4 Марта 1946.** <...> чем отличается в большом моральном плане коммунизм от фашизма? Фашист стремится к господству над миром во имя расы, коммунист — пролетария»*), а также утверждает продуктивность взаимодействия двух общественно-экономических формаций, которые оказались по одну сторону фронта перед лицом общего противника (*«**5 Сентября 1947.** Наши теперь отлично понимают, что такое капитал (не по Марксу), понимают, что в какой-то степени он необходим, что дело политика не уничтожить его, а оградить движение его от вредных последствий и т. д. Но ослабить вожжи нельзя. И вот тут-то вся наша беда и запрет мысли. Бьется, бедная, как рыба об лед»*; *« <...> перекинуть мост из прошлого в будущее, минуя настоящее. Вот именно, минуя настоящее, т. е. минуя себя самого, свое я, в его эгоистическом радостном и жадном ощущении жизни. Так все эти пионерские линейки и комсомольские походы делаются за счет детства: родители вопят — возвратите*

---

* Ср.: «Экзистенциальный дневник имеет одну отличную от других дневниковых форм особенность – это не жанр литературы, но способ письма, фиксирующий "живую" речь и тем самым позволяющий человеку сохранить свою личность. Экзистенциальный тип дневниковых записей возникает только в экстремальных ситуациях (перед лицом вины, смерти, тяжелых жизненных испытаний, стрессовых ситуаций, в том числе тотального страха быть уничтоженным, стертым с лица земли), подводящих человека к границам существования, к "последней черте", выход за которую меняет, как положительно, так и отрицательно, конфигурацию жизненных пристрастий, личностных оценок, ценностных ориентиров». *Щедрина Т.* Куда уходит сфера разговора... По дневникам Густава Шпета и Михаила Пришвина. Вопросы литературы. 2009. № 4. http://www.litsnab.ru/literature/736.

нам наших детей. Но только ослабьте чуть-чуть вожжи, бросьте кнут — и сейчас же явится настоящее, и в настоящем непременно то, что называется капитализмом»). Через тридцать лет после революции Пришвин в который раз возвращается к «рабочей ценности» права собственности, связанного с существованием личности, свободы, ответственности и патриотизма, о котором в годы войны было сказано так много слов (*«**9 Августа 1947.** <...> для капиталистов опыт наш раскрывает глаза на рабочую ценность социализма <...> нашим социалистам раскрылась уже рабочая ценность свободы индивидуума <вымарано: в капитализме>. Дай Бог, чтобы не война определила сочетание той и другой силы, а мирная жизнь»; «**18 Ноября 1946.** Думаю, что в прогрессе человека <...> чувство собственности должно перерождаться в служение. И у нас в мире сейчас идет спор американцев с нами: они за собственность (личность), мы за служение (общество). Мы впереди. Но вот вопрос: не пережив чувства собственности, не воспитав себя на служение ей (т.е. себе), можно ли перейти к служению обществу?»*). Пришвину удается, минуя идеологические полюса, с какой-то иной, более глубокой точки зрения понять и противоположную — государственную — сторону (*«**19 Сентября 1946.** Сила собственности состоит в том, что она есть творчески-организующее начало жизни, а слабость — что ее свободное развитие (свободная конкуренция) возвращает нас в действие круга стихийных сил (войн). <...> И значит, над естественным влечением жить хорошо и с охотой, называемым чувством собственности, следует поставить высшее руководство, подчинить это чувство чему-то высшему»*). Советское государство не могло справиться с подобной задачей: «высшие» цели никак не вписывались в советскую парадигму, так же как стремление человека «жить хорошо и с охотой» — так замечательно определяет писатель чувство собственности. Между тем изменение внешней политики СССР в сторону международной напряженности в течение 1947 года постепенно приводило к углублению конфронтации двух систем — все возвращалось на круги своя, о чем Пришвин пишет одновременно и с юмором, и всерьез (*«**22 Февраля 1944.** Способность к юмору помогала моему юродству»*. Дневники. 1944–1945. С. 38). Юмор обнажает двойственность политической ситуации, снимает ее серьезность, выявляет абсурдный смысл конкретного случая, позволяет перевести дух (*«**8 Сентября 1947.** Мы не сразу поняли, почему нельзя говорить о Колумбе, и только уж через какое-то время поняли, что это из-за Америки: Колумб открыл враждебную*

нам страну капитализма»; «***28 Февраля 1946.*** *Все чувствуют, что война не кончилась, и, вообще, не так кончаются войны*»). При этом он, не обольщаясь действительностью, продолжает думать о задаче создания новых моделей общественного устройства для будущего управления мировым хозяйством («***14 Марта 1946.*** *Названы и показаны источники общественного зла: у них капиталистический индивидуализм, у нас социалистический тоталитаризм. И оба эти зверя исполнены самых добрых намерений: там личность в идеале, тут общество*»).

Амбивалентность послевоенной культуры и как следствие раздвоенность сознания художника — даже такого цельного, каким кажется, да и на самом деле является Пришвин — в эти годы усугубляется. С одной стороны, героическая, жертвенная народная победа в Отечественной войне в массовом сознании не только в СССР, но и во всем мире отождествляется со Сталиным, социализмом и советским государством, внутренняя политика которого не обещает никаких перемен («***11 Февраля 1946.*** *Переживается суровая речь Сталина: и после такой-то войны, таких-то страданий, такой победы все те же пятилетки, все те же колхозы и гонка вооружения*»). И без того трудная ситуация осложняется голодом («***22 Августа 1947.*** *<...> год голодный провели как замаринованные в лимитах селедки*»). С другой стороны, вопреки действительности, в которой происходит возвращение к довоенной авторитарной бюрократической сталинской модели управления государством, в первый послевоенный год атмосфера в стране определяется и духом надежды победившего народа на смягчение политической и улучшение экономической ситуации — на изменение жизни («***15 Февраля 1933.*** *<...> сущность пролетария и состоит в лишенности благ*». Дневники. 1932–1935. С. 253); «***9 Августа 1946.*** *Коммунизм уничтожил личную жизнь, но теперь личная жизнь, напрягаясь, вступает в борьбу с коммунизмом: коммунизм не может обеспечить работника, и он после казенного дела должен работать на себя (налево). Коммунизм готовил людей к войне, а личная жизнь, ныне возникающая, создает то, что называется "мирной жизнью". Выходом из этих "ножниц" может быть только установление законных (а не "налево") форм личной жизни... На очереди вопрос формирования личности в условиях коммунизма (возрождение)*»).

Советский человек прошел страшное испытание войной, во время которой впервые с момента революции слово и дело («хочется» и «надо») означали одно и то же. Каждый действо-

вал как личность, поступая как надо, и теперь важнейшей задачей и условием возвращения в лоно мировой культуры стала проблема существования личности в СССР. Культурный феномен жизнетворчества как осознанного стремления к преобразованию повседневной жизни в эти годы осознается писателем как общенародный и естественно возникший путь развития общества (*«**5 Июня 1947.** <...> так стало понятно нынешнее время после жертвы народа в войне: время жажды личной жизни, раскрытия своего жертвенного опыта в образе личности»*). Вместо этого в СССР поднимается новая волна, связанная с переоценкой сложившихся морально-этических установок в обществе. Советская идеология требует от представителей «культурного цеха» утверждать связь победы в войне исключительно с достижениями советской власти, то есть участвовать в создании искаженного образа мира, соответствующего идеологическим установкам. Пришвин чувствует, что подспудно в обществе нарастает разочарование в политике государства и в то же время понимает, что советская жизнь стала реальностью для миллионов людей, молодых, искренних, не связанных с прошлым, а «рожденных революцией». Они прошли войну и теперь вкладывали в строительство новой жизни свое «лучшее», часто не осознавая, в каком государстве живут. Риторика власти оставалась прежней и понятной: борьба с вражеским окружением. Ясность фронтовой военной парадигмы вытеснялась на периферию истории, уходила в прошлое как упущенная возможность; «слово» и «дело» снова были разведены по разным полюсам: слово не предполагало соответствующего дела — ни самой властью, ни народом (*«**4 Марта 1946.** Александров <...> сказал, что ни в каком журнале невозможно хорошо работать из-за делячества и администрирования. Есть и рукописи, есть и люди, но деляги и администраторы забивают все пути. — Но позвольте, — ответил я, — вы это вообще говорите, а в частности всегда имеется какой-нибудь люфт. Возьмите в пример меня: я весь в люфте <... > он думает, что все на свете движется общими мерами, и верит в возможность применения какой-то такой меры, что вдруг станет всем хорошо <...> И в то же время мы узнаем, что "люфт", т. е. личное сознание необходимости, есть основная тайная сила движения»*). Кажется, в эти годы Пришвин расстается с последними иллюзиями и все больше уверяется в том, что нечего и думать о движении к какой бы то ни было свободе, — власть, отбросив все сложности и нюансы, творит нужную ей историю. И един-

ственная возможность продолжать жить и работать «неоскорбленной душой» по-прежнему заключается в тайной свободе личности. Однако свободу теперь, после войны, писатель понимает несколько иначе (*«**2 Ноября 1946.** <...> человек, понявший необходимость давления, становится свободным»*. На этой волне в 1945 году Пришвин написал сказку-быль «Кладовая солнца», которая вернула его к писательству.

Пришвин пытается понять точку зрения победителя и то, что, кажется, не поддается ни человеческому пониманию, ни художественному осмыслению: власть, продолжая оставаться такой же, какой была все эти годы, становится народной властью. После победы не только в стране, но и во всем мире советское, социалистическое превращается в реальность, которая в значительной степени определяет дальнейшее развитие мировой истории (*«**18 Января 1947.** Но ведь большинство же так! <...> А какое мне дело до большинства. — Почему вы такую склонность имеете к большинству? — спросил я»*). Победная эйфория никак не повлияла на миросозерцание Пришвина, но не замечать перелома в народном сознании он, конечно, не мог. Тем не менее, Пришвин видит молодого советского человека в его сомнениях, которые понимает и разделяет (*«**5 Июня 1947.** — Так нас воспитали, а подите вот с этим теперь жить. — С этим чувством жертвы, с готовностью все отдать для других? — Да, да! вот с этим самым. И не проживешь!»; «**15 Июня 1947.** <...> растет интеллигенция, для которой эта политграмота („Закон Божий") становится все более невыносимой»*).

Между тем усиление контроля за развитием интеллектуальной жизни в стране начиная с лета 1946 года разворачивается все шире, захватывая новые и новые области науки и культуры (*«**9 Августа 1947.** У нас и давление, и власть, и муштра, и самое государство, и весь советский быт вызывают мысль о том, что бытие определяет сознание в обратную сторону»*). Пришвин видит: все лучшее, что проявилось в народной душе в годы войны и определило победу, что изменило сознание народа и социально-психологическую атмосферу в обществе, вновь становится невостребованным (*«**11 Мая 1946.** Художник <...> сказал: — Я пишу для народа, я верю в народ. — Гитлер, — сказал я, — тоже верил в народ свой как высшую расу. А вы тоже так верите? Он понес ахинею. — А вы? — спросил он. — Верю, — ответил я, — в то, чего сейчас нет в народе. — А было? — Было и будет, — ответил я»*). Постановление ЦК о журналах «Ленинград» и «Звезда» стало

не только водоразделом между недавним военным прошлым и новым временем, но, по Пришвину, и началом системного кризиса революционного сознания в обществе («*15 Сентября 1946.* *Постановление ЦК — это последний этап революционной этики, направленный против личности, реализующей себя в искусстве <...> эта тема о поглощении личности и есть основная тема истории русского народа и его интеллигенции*»; ***16 Сентября 1946.*** *<...> удар от постановления ЦК выбил самую душу <...> революция не выход, и в этом безутешная новость нашего положения <...> Серьезная революция <...> бывает один раз в таком-то народе, после чего складывать свою обиду в копилку новой революции пропадает и охота, и смысл. Такое состояние духа у нас впервые, и мы должны к этому привыкнуть, и образовать свое новое гражданское поведение*»). Так писатель формулирует задачу современной культуры: явление личности «с новым гражданским поведением», мыслящей «за пределами диамата» («***10 Сентября 1946.*** *История с Зощенко — Ахматовой мало-помалу превращается в чувство щемящей безнадежности. Никакое личное усилие, никакое счастье больше не отстраняют зрелище бедности, озлобленности, уродства жизни всего русского народа*»; «***19 Сентября 1946.*** *Постановление ЦК о Зощенко в своей моральной оценке уничтожается откровенным безобразием, издевательством грубым и почти мальчишеским над моралью еврея-интеллигента*»).

Сразу после революции, в начале 1920-х гг., Пришвин отмечает идейно-культурное размежевание в среде интеллигенции: интеллигенция, борющаяся за власть, соединяется с низшими слоями общества («***9 Января 1920.*** *<...> нужны были особые условия для отвлеченной мысли, чтобы русский интеллигент подал руку уголовному*». Дневники. 1920–1922. С. 9), а творческая интеллигенция вынужденно замолкает («***25 Февраля 1920.*** *<...> ни одной песенки не спето, ни одного стиха*». Дневники. 1920–1922. С. 32), но становится единственным героическим хранителем духовных основ жизни — хранителем культуры. За прошедшие с 1917 года тридцать лет в двух ключевых поворотах истории — революция и война — народ («сфинкс») дважды был цинично использован интеллигентами-большевиками для получения и сохранения власти и обманут («***19 Сентября 1946.*** *Большевик хочет быть интеллигентом высшим, сверхинтеллигентом, способным привести в разум и самого «Сфинкса». Он обманул сфинкса «землицей» замечательно: земля стала наша, но не моя (а сфинкс хотел землицы именно себе). И*

второй раз обманул его родиной: родина наша, а я на костылях и с орденом, а в кабак идти не с чем. Сфинкс остался в совершенных дураках! Можно себе представить, какой напряженный момент войны нашей русской, нашего интеллигента с нашим сфинксом, мы сейчас переживаем. (Но удары судьбы неизменно должны ложиться на голову Сфинкса.)»). День за днем и год за годом в дневнике складывается субъективная и, может быть, именно поэтому подлинная картина эпохи: в глубине коллективной народной души совершается невидимая миру трагедия («***26 Октября 1939.*** *Если ты себя считаешь сыном своего русского народа, то ты должен вечно помнить, в каком зле искупался твой родной народ, сколько невинных жертв оставил он в диких лесах, на полях своих и везде. Наш долг перед потомством помнить о них и до того допомнить, чтобы наше сознание получило наконец-то понимание*». Дневники. 1938–1939. С. 458).

В эти годы Пришвин впервые отмечает трансформацию стратегий жизненного поведения советского человека («***18 Ноября 1946.*** *<...> пока мы видим на каждом шагу рост неуважения к государственной собственности (массовое воровство, "блат"*»); работа «налево», массовое воровство и «блат» никак не согласуются с советским образом жизни и свидетельствуют о признаках разложения социалистического государства («***22 Февраля 1946.*** *<...> потому-то и водят нас учреждения за нос, что все делается по блату*»; «***2 Июля 1946.*** *Устройство личной жизни в Советском Союзе называется блатом*»). Сколько раз в течение его жизни все вокруг менялось — теперь все снова изменилось, и этот новый мир казался ему уже абсолютно чуждым («***1 Сентября 1947.*** *Проглядел газету и что-то царапнуло душу: чего-то я в нашей политике и насыщенной ею общественности недопонимаю. И страшно, что не могу уже больше понять*»). Писателю все труднее и труднее справляться с самим собой («***29 Октября 1946.*** *Душа моя сморщена и в мешочке грязном завязана мертвым узелком <...> ничего делать не хочется, и тускло в себе <...>. Люблю только Лялю, и это очень хорошо: значит, могу же любить, а ведь это не мало*»). И все же успех сказки-были «Кладовая солнца» выводит Пришвина из творческого кризиса — он возвращается к работе над романом о Беломорско-Балтийском канале, начатой в 1934 году сразу после поездки на строительство.

Роман-сказку «Осударева дорога» не так просто датировать. Если иметь в виду годы непосредственной работы над романом, то получится 1934–1948. Однако сохранилось свидетельство

писателя о том, что первой вехой на пути к роману он считает идею повести о мальчике, заблудившемся в лесу, которую предложил редактору детского петербургского журнала «Родник» в 1906 году, собираясь в свое первое путешествие на Север. Кто же мог предположить, что он попадет в то самое место, где еще не поросла быльем «государева дорога» Петра Первого, и сфотографирует ее для своей первой книги «В краю непуганых птиц» (1907). И в ней, и на страницах Раннего дневника (1905–1913) появляются темы, ведущие к будущей «Осударевой дороге» (*«**10 Апреля 1947.** Хочется и Надо — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь»*). Сюжетные линии, сомнения, раздумья, новые персонажи — все это появляется на страницах дневника. Постепенно записей о романе становится так много, что в 1939 году у Пришвина возникает идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина): роман, включенный в структуру дневниковых записей, которые писатель теперь называет «лесами» к роману и считает крайне важными для его понимания. Именно в контексте дневника становится очевидной связь пришвинского текста с текстами предшествующих культурных традиций: «Медный всадник» Пушкина, «Фауст» Гете, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте. И наконец, самое интересное — биографическая подоплека романа: сама история структурирует биографию писателя начиная с раннего детства (*«**24 Июля 1951.** Моя гражданская жизнь началась 1-го марта 1881 года в тот день, когда была брошена в царя Александра II бомба, и он умер от ран. Мне тогда было 8 лет и 36 дней <...> царь был хороший, освободил крестьян. Из-за этого ведь и начинается моя гражданская жизнь, что в 1881 году в моем сознании встал вопрос: царь Александр II называется царем-освободителем <...>И вот этого хорошего освободителя-царя убили тоже, как нам говорили, очень хорошие люди»*. РГАЛИ), определяет его творческий путь, с неотвратимостью ведет к самому главному — неважно, удачному или неудачному, — но к его главному роману (*«**6 Августа 1947.** Читаю своего несчастного "Царя". О, как трудно писать, и бросить нельзя, как-то жутко остаться так и жить без "Царя"»*). Роман становится его биографией, его судьбой.

«Осудареву дорогу» не принял никто: ни современники, ни потомки; ни критика, ни читатели, ни друзья. В лучшем случае, уже в наши дни роман получил признание как первая попытка затронуть эту неподъемную тему XX века — «лагерную» (А. Варламов). И в настоящее время читатель станет искать в

нем художественную анафему происходящему — и не найдет, крамолу — осуждение режима или ужасы лагерного быта — и тоже не найдет. И не потому что Пришвин оправдывает режим, а потому, что военные и послевоенные годы стали для него поворотными: он осознал, что в действительности есть только личность, участвующая в общем «надо» (*«**4 Марта 1946.** <...> личное сознание необходимости <...> есть основная тайная сила движения»; «**28 Января 1947.** <...> сущность свободы Фауста состояла в тайной жажде необходимости. А то если бы Фауст действительно был бы предназначен к свободе, то зачем бы ему искать помощника в Мефистофеле»*). Он не может на каком-то другом жизненном материале думать о свободе личности — он живет здесь и сейчас, и пишет о том, чем живет: «пишу как живу» (*«**11 Июля 1947.** Кончаю “Царя”, остается немного, и 14-летний труд оправдается, нет — так пропадет, никто не разберет, о чем я писал и чего я хотел»*). К тому же Пришвин не обличитель, он ищет выход из безвыходного положения, в котором оказался его современник и он сам: к чему писать о горе, когда оно в порах народной жизни, когда им пропиталась, сознавая это или не сознавая, каждая живая душа в огромной стране? И неважно, как сейчас иногда говорят, что многие не знали или не понимали, в каком мире они жили. Не знали, и не понимали, и не виноваты, что верили и принимали ложь за правду («виноватая правда»), но воздухом вся страна дышала одним. У Пришвина была в этой жизни другая культурная задача (*«**3 Марта 1946.** Ездили в Пушкино. <...> За столом у доктора читалось письмо его сына из лагеря. Он пишет, что искал случая повеситься, но не смог найти: в камере тюремной человек к человеку. Но нашлась книга Пришвина о весне света <...> и вдруг дверь тюрьмы как бы открылась ему. <...> И он не один такой, а очень много. И, значит, вот есть же такие веселые души, от которых раненые и замученные радуются, а не чувствуют себя еще хуже, встречаясь с обыкновенным счастьем. Это заражающее раненых людей веселье происходит из души, которая перемогла свое личное горе и обрадовалась тому, что по назначению своему должно радовать всех — свету неба и цветам земли»*).

И все же не только литературный успех «Кладовой солнца», личная опора в лице Валерии Дмитриевны и даже не только это письмо помогают Пришвину выбраться из очередного душевного и творческого кризиса. В первые послевоенные годы писатель уверяется в том, что его мысли последних лет о новом соотношении личности и власти («хочется» и «надо») и есть выход из

тупика* («*2 Декабря 1947.* <...> *обмен Надо и Хочется* <...> *дать новое понимание свободы, демократии, выборов и всей идеологии прежней* <...> *Необходимое Надо подчиняется еще большей необходимости, чем само. Свобода есть отношение каждого ко всем: каждому что-нибудь хочется и он его выполняет в пределах необходимости быть как все. Свобода есть дробь, числителем которой являются все, а знаменателем каждый*»). Его роман совсем не то, что власть демонстрирует миру — к примеру, в сборнике «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934) — и что находится на государственном полюсе идеологического поля, но и не то, что на противоположном полюсе, где страдающий и погибающий в этой государственной машине человек лишен даже минимальной возможности на протест. Вместе с романом писатель проходит огромный путь, пробираясь сквозь сомнения, ошибки, соблазны, в попытках следовать бесконечным цензурным требованиям. Работа над романом становится картиной того, как художник в борьбе со временем стремится это время понять («*23 Февраля 1946. Мне кажется, я мог бы написать без подхалимства, разве только с маленьким расчетцем. Но вот этого-то расчетца я и боюсь* <...> *никто еще [при] сов. власти без ущерба себе места такого не занимал, и если одолел время, то сам трагически в нем погиб (Маяковский, Есенин). С другой стороны, почему же не написать без расчетца: мог же я написать "Кладовую солнца". Почему, глядя на нее, не написать и "Канал" независимо от расчетца, и большую победную вещь*»). С большой долей вероятности можно предположить, что продлись его жизнь дольше, роман прирастал бы новыми и новыми «лесами» и продолжался. Между тем Пришвин оставил противоречивые записи о романе: неудовлетворенность («*Без даты. Это не кристалл подобный "Жень-шеню" или "Кладовой солнца"*». РГАЛИ), а рядом уверенность в том, что получилось: роман найдет своего чита-

* Развитие идей в процессе работы над романом идет в полемике с Ницше. Ср.: «Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? "Ты должен" называется великий дракон. Но дух льва говорит "я хочу". Чешуйчатый зверь "ты должен", искрясь золотыми искрами, лежит ему на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, "ты должен!". Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: "Ценности всех вещей блестят на мне"» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Перевод Ю. М. Антоновского // *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. / Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 18–19. (Филос. наследие.)).

теля. Пришвин завещает Валерии Дмитриевне опубликовать его в первой редакции с библейским эпиграфом «Аще сниду во ад — и Ты тамо еси»*. («***Без даты.*** *Свидетельством моего художества остается непереработанный экземпляр*». РГАЛИ).

До последнего дня жизни Пришвин перерабатывал свой многострадальный роман по замечаниям рецензентов, только все ухудшая. Он прошел искушение «большой дорогой» («***28 Октября 1946.*** *Надо немедленно раскаяться в "Берегах" и вернуться к "беззаботному" образу мысли и жизни*»), снова вышел на свою тропу, но по четырем редакциям романа можно судить о том, до какой степени писатель готов был «прогнуться»: даже последнее заглавие «Новые берега» несет на себе груз десятка «новых» советских романов и фильмов («***29 Октября 1946.*** *"Берега" во всяком случае не принесут мне вреда, напротив, от критики их я поумнею. Но дело не в пользе или вреде, а в тех тайных помыслах, кружившихся возле этой работы. Я, гордый Пришвин, мечтал кому-то угодить этими "Берегами", мечтал перехитрить всех и, расчистив себе дорогу, расширить свое влияние. А вместо всего этого надают мне щелчков по носу и возвратят на прежнее место гражданина 2-го разряда, где мне и пребывать до конца дней моих. <...> С этим состоянием души надо покончить и возродиться. Жизнь покажет, как это сделать, потому что я буду держать это в уме постоянно — никогда не тратить красивого слова, подставляя его <...> взамен правды*»). Как всегда, если и получалось у Пришвина, то только честно, по правде и без оглядки. Так в начале 1930-х гг. появилась поэма «Жень-шень» (писал в разгар рапповской неволи, а написал — и сам РАПП исчез), так из небытия возникла «Кладовая солнца». А теперь ему позарез нужно высказать то, что он понял («***3 Ноября 1946.*** *Говорили о продовольственной катастрофе*»; «***4 Ноября 1946.*** *Я даже не думаю больше о том, как бы пережить, я думаю, написать бы только "Канал"*»). Пришвин — государственник, но гораздо важнее, что он глубочайший личник. Он не может быть на стороне этого государства во главе с «механическим роботом», подминающим под себя всю страну и каждого человека («***16 Марта 1946.*** *В словах Сталина вовсе нет личного человека <...> Сталин говорит безлично, как механический робот*»); «***22 Июня 1947.*** *<...> для нас всех Сталин — не человек, а какая-то центральная сила нашего времени <...> воздвиг на пьедестал безликое имя в мраморной шинели*»). Он

* Псалом 138. Впервые в соответствии с авторской волей: Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Терра – Книжный клуб, 2006. Т. 3. С. 229–460.

уверен, что на самом деле государство гораздо больше нуждается в личности, чем личность в государстве — без личности (как и без народа!) ничего невозможно создать, начиная от хлеба насущного («*21 Июня 1947. Но мы, культивируя "экономический базис", вот уже 30 лет не можем создать даже мысленную "надстройку" над "экономическим базисом" и не создадим никогда, пока не забудемся от этой зависимости <...> Нужно забыться, чтобы запеть. Всем сразу "забыться" нельзя, может забыться личность и как таковая влиять. Вот это влияние личности и является, с точки зрения "экономического базиса" ("правды"), иллюзией, вредным обманом, и эти личности у нас систематически уничтожаются, и с ними уничтожается творчество, и через это самый-то и хлеб плохо рождается. (К этому: удивительно серая история нашего социализма, и как жалки эти фигурки Ленина на площадях, как совсем ничего мы не знаем о Сталине: его нет среди нас как личности: он — это мы все. Страшно! Но я утверждаю, что каждый из нас, сделавший хоть что-нибудь от себя для Советского Союза, непременно забывался от влияния "экономического базиса"*»). Пришвин написал роман о строительстве канала, потому что понял, что только героическим трудом личности, освобождающей саму себя в действии, жива страна («*20 Декабря 1947. Наша идея, наше государство держится силой той личной энергии, которая содержится в каждом из нас как запас, как сокровенное достояние каждого*»). Ему необходимо сказать, что если каждый здесь и сейчас почувствует себя личностью, канут в небытие все эти «жалкие фигурки на площадях», эта власть с постановлениями, тюрьмами и лагерями, которую «мы допустили» и сами теперь должны изгнать ее из себя («*2 Июня 1947. А идея ... коммунизма — это просто шкура змеи: придет время, и змея, т. е. сама жизнь, сбросит эту шкуру*»). Пришвин ставит целью выйти «на большую дорогу» не потому, что вдруг становится «политкорректным» или неожиданно в конце жизни решает добиться признания ценой продажи «первенства за чечевичную похлебку», чего никогда не делал. В контексте русской трагедии он пересматривает сам библейский миф о «похлебке», представляя русского человека вторым Адамом, лишенным революцией всего данного по рождению, казалось, навечно («*20 Сентября 1947. В этой борьбе за чечевицу предполагается, что второй Адам про себя знает лучше о первенстве, чем первый Адам, что первый Адам не создает первенства, а только им пользуется, тогда как второй Адам бьется за чечевицу и с головой ушел в эту борьбу за необходимый насущный хлеб, чтобы освободить для всех захваченное отдельными людьми первенство в пользу*

себя. Тут-то и возникает идеал коммунизма для всех, а не для себя. <...> Эта доля выпала не нам одним, но только у нас одних это вызвало революцию. У нас взялись за ум не на время, а навсегда, т. е. вступили в борьбу за страдающего человека с самим Богом)».

Пришвин не пишет анти- или про-сталинский роман о строительстве Беломорско-Балтийского канала. Пафос строительства получает в романе совершенно иное — не идеологическое — измерение, ориентиром является не пафос построения социализма, а труд сам по себе, в котором все оказываются вместе («аврал»), не полезность сооружения, а сопровождающее сооружение столкновение идей. Славословящий канон отсутствует, произведение социалистического реализма не складывается («***23 Августа 1947.*** *Несколько лет я в раздумии жил между "Надо" и "Хочется" — и в последнее время долго жил в оправдание "Надо" (т. е. за государство и против разнузданного "Хочется" революции). В этом настроении я и "Царя" писал: показать "необходимость" природы. Теперь же, наверно, не зря настроение мое переменяется в пользу "Хочется", и к "Надо" я делаюсь более равнодушным*»). Продолжая традицию классической русской литературы, взявшей под защиту «маленького человека» (личность), Пришвин строит в «Осударевой дороге» альтернативную господствующей модель общества, в котором личность вступает в неотвратимое государственное «надо» со своим «хочется» и тем самым, вопреки действительности, разрушает сложившийся образ безответного запуганного исполнителя, отстаивает свое достоинство и делается непобедимой («***24 Февраля 1946.*** *<...> мне надо, как автору, подчинить себя, свое мнение, свое "хочется" творимому единству мнений, называемому у меня в "Канале" именем "Надо". Словом я сделаю с собой то самое, что сделают с собой все мои герои — строители Канала. И вообще "Канал" надо писать так, что мы, находящиеся на свободе, в сравнении с каналоармейцами только очень относительно свободны, что все мы освещены одним светом этого "Надо" и что это "Надо" несет нам ветер истории, но не партия, не Сталин*»). Пришвин и сам лучше других сознает, что никто не поймет, о чем это он пытается сказать, не поймет, «за» он или «против» («***23 Октября 1946.*** *Симонов сказал <...> прочитав мою работу, что его мутит*»). Пришвин «против», только он понимает, что в этом нет ни силы, ни проку, есть только невидимая миру победа личности, которая дает уверенность в том, что время придет («***25 Июля 1947.*** *<...> сейчас чувствую так, что вот 14 лет думаю, пишу и каждый раз, сличив написанное с требованием нашего времени, откладываю работу в понимании, что время мое*

еще не пришло. В этот раз я был так уверен!»). В каком безвыходном лабиринте бродит писатель в поисках выхода («***23 Октября 1946.*** *Чтобы жить для будущего человечества, нужно самому жить и, значит, тем самым, не стесняясь, давить другого. А по христианству этого нельзя.* <...> *Какой же выход? В мыслях нет выхода: выход есть в жизни*»). Может быть, Пришвин только потому и выдерживает, что всегда живет общей жизнью вместе со всеми — в той истории, культуре, повседневности, что и весь народ: «не хочу быть человеком особенным, хочу быть как все хорошие люди», «писать, как бабы друг с другом у колодца шепчутся», «пишу как живу», «я сам со своим романом попал на канал — на канале вся Россия» — все это рассыпано в разные годы в дневнике. Через трупы, голод, ненависть, злобу — вот из чего приходится искать выход, а дилемма пушкинская: умириться или бунт, ведущий в безумие (Евгений и Медный всадник). На таком перепутье, по Пришвину, находится советский человек. Пришвин спасается дневником, куда он «отводит свои мысленки», в котором он, как каждый писатель, думает за всех («***21 Октября 1946.*** *Видите, мои милые люди, есть вера в жизнь и в свое назначение сделать для этой жизни что-то лучшее — такая крепкая вера, что упавший с коня садится на корову и на ней тихонько продолжает свой путь. Вот такое преодоление гордости почетнее и труднее, чем бытие с кукишем в кармане*»). И он продолжает работать.

В 1946 году Пришвин решается на покупку дачи. Несмотря на то, что он провел в Дунине лишь последние восемь лет жизни, именно этой небольшой подмосковной деревеньке и дунинскому дому суждено было сыграть очень большую роль в его судьбе.

Как ни удивительно, архетип Дома в художественном мире Пришвина, известного охотника и путешественника, занимает одно из важнейших мест. Пришвину чужда бездомность, беспредметность мира — сквозь идею дома писатель видит, как в обществе меняются приоритеты: концептуальная неприкрепленность к дому, месту и революционный аскетизм исчерпали себя («***21 Января 1938.*** *Вспоминаются большевики, у которых нет дома (спят на диване): эти честные люди стали мешать своей правдой, штурмами, авралами, потребовались устойчивые люди, стал необходим для госуд-ва их дом, семья, начались хорошие квартиры, автомобили, колхозная частная собственность. Люди "без дома" стали опасны, потому что это люди власти*». Дневники. 1938–1939. С. 20). В культуре вновь актуализируется идея дома как естественного места обитания человека, освоенного, структурирован-

ного пространства, в котором все знакомо и привычно, стоит на своих местах, связано с прошлым и будущим («***22 Октября 1938.*** *Я в своем писательстве есть человек, вернувшийся в свой дом <...> я писатель потому современный, что это мое стремление соответствует бессознательному стремлению всего народа <...> к центру, к Дому*». Дневники. 1938–1939. С. 198). Для Пришвина образ дома вырастает из воспоминаний детства: дом в Хрущеве под Ельцом, где писатель родился, куда на протяжении всей жизни постоянно возвращался в мыслях и снах, был связан с матерью, очень близким для него человеком, с кузинами, оказавшими на него большое влияние, с образом рано умершего отца, с хрущевским крестьянином-охотником, с садом, деревья которого вспоминались ему как «святые». Расставание с родным домом, домашней жизнью при поступлении в гимназию (1883 г.) не только стало серьезным переживанием, но и ознаменовало начало совершенно новой, самостоятельной жизни: кончалось детство, начиналось отрочество.

Впервые мысль о покупке дома появляется у Пришвина в 1914 году и связывается не столько с устройством быта, сколько с задачей внутренней жизни и с рабочими планами («***Без даты. 1914.*** *Хочу дом купить, зачем? Время приходит собираться в точку. Много, много сделать всего*». Дневники. 1914–1917. С. 47). Спустя два года на земле, полученной в наследство от матери, Пришвин впервые в жизни строит дом. Однако жить долго в нем не пришлось: хотя дом был небольшим, а равный крестьянскому надел земли Пришвин обрабатывал своими руками, в 1918 году он был вынужден покинуть родные места. Крестьяне «представили» ему «выдворительную», и под угрозой расправы он уходил из Хрущева, «стыдясь и страшась» встречи с людьми («***8 Октября 1918.*** *<...> я клянусь себе, сжимая горстку родной земли, что найду себе свободную родину*». Дневники. 1918–1919. С. 254). Отныне представление о родном доме оказалось раздробленным на фрагменты-воспоминания, которые он собирает, не давая погибшему «старому миру» исчезнуть. В сновидениях образ разрушенного дома подчас обретает черты метафизически-бытийного пространства, живого, любимого, неуничтожимого («***12 Марта 1919.*** *Я видел сон, будто я в дороге, еду <...> неизвестно куда <...>и вижу я, будто нахожусь во дворе перед нашим старым домом <...>Вокруг меня все родное: вот направо от входа лимон, посаженный еще покойницей няней, вот по двору по траве-мураве тропинка к леднику... А стекла в доме все выбиты, дом пустой, внутри, видно, разломано,*

как теперь. Но мне удивительно и радостно видеть все свое, родное во всех подробностях, мне сладостно впиваться чувством во всякую мелочь, всякий камешек, всякую мертвую для всех безделушку природы». Дневники. 1918–1919. С. 367).

Удивительно, но суровые жизненные обстоятельства, заставившие его сняться с места, отнюдь не противоречили его личным планам. В эти годы Пришвин прежде всего путешественник, и не с домом («дом-корабль»), а с путешествием связаны его книги и мечты (*«**22 Января 1915.** Мелькает мысль все чаще и чаще о бездомье и одиноком странничестве (с палочкой)»*; *«**26 Июня 1917.** Жизнь есть путешествие. Немногие это сознают. Я всегда был путешественником, и все, за что я брался, было для меня только опытом: нужно что-то узнать для какого-то плана. Россия была всегда для меня страной неизвестной, где я путешествую. Семья — опыт. Дом, который выстроил, часто мне представляется кораблем, вечером, когда я сижу на террасе, весной, летом, осенью, зимой, кажется мне часто, будто я куда-то плыву в страны разного климата».* Дневники. 1914–1917. С. 139, 455). Сквозь идею дома проступают глубинные пласты мироощущения писателя. Дуализм коллективной русской души, отмеченный Г. Федотовым*, выразился в личности и творчестве Пришвина с почти классической чистотой. Связь с домом стала для писателя связью с родиной, как непосредственной родовой, по материнской линии, так и идеальной, духовной, по линии отцовской (отечество). Укорененность в национальной традиции через любимый дом детства была для него так же важна, как и тяга к странничеству, характеризующая его художественную натуру. Пришвин стоит перед извечной проблемой художника: дом как семейный очаг или «дом-корабль», оседлость или скитания (*«**Без даты.** Скончалась она [мать — Мария Ивановна] семидесяти пяти лет в 1914 году и оставила мне на горе 30 десятин. Собрался я с силами, выстроил себе дом на своем клоке, завел хозяйство, но тут подошла революция, пришлось все бросить, говорят, теперь на моем клоке новая деревня сидит. Но я не горюю, оттого что любил я у себя только сад, а жить хотелось отчего-то в лесах».* РГАЛИ). К тому же строительство первого дома осложнялось трудностью его семейных отношений, то и дело грозивших вылиться в жизненную драму *«**[16 Марта 1916].** Стало много хуже в отношениях. Там жили мы где-то в лесу, в стороне, здесь становимся в цепь семейных отношений <...> Там свободно, необязательно, как-нибудь, никто не*

* *Федотов Г.П.* Русский человек – в сб. «Киносценарии – Рим». 1989. № 4. С. 168 –181.

увидит. Здесь необходимо основательно (дом!) и все на виду, и как-то всей жизни конец <...> не то что я устроюсь и буду здесь жить — так мне кажется внутри, устрою их, а сам буду где-то жить»; ***«29 Декабря 1916.*** *Пусть живут, а я отправлюсь странствовать»*. РГАЛИ; Дневники. 1914–1917. С. 127). Свой путь в литературе Пришвин определяет как «тележный» и «этнографический». В Хрущеве он больше никогда не бывал.

Революция не просто разрушила жизнь – произошло уничтожение духовно-географического пространства России со всеми реалиями русской жизни, сопровождавшееся трансформацией образа родного дома. Между тем судьба русского человека в дневнике соотносится с евангельской притчей о блудном сыне, а возвращение домой – с жизнетворчеством. Социальный срыв привел к первобытной картине мира, затронул корни коллективной души народа, основы народного духа (***«9 Февраля 1920.*** *Радость русского человека самая первая, что можно было постранствовать <...> Богу помолиться или <...>попытать счастья на новых местах <...>Теперь будто частая сеть накинута на все это необъятное пространство, и странно, как нет в нем страннику места. <...> Нет, куда тут странствовать, вернуться бы в дом блудному сыну — вот вторая половина русской радости: из большого пространства вернуться в дом родной, к родному уюту и сесть на доброе дело. Но где же этот дом, где домашний уют? Вдали стоит желтый дом в родном городе, в нем побывали, видно, солдаты: окна выбиты, двери растащили на растопку соседи и бросили; один прохожий остановился на углу, помочился, пошел, и другой за ним остановился — удобное место; и так все, кому есть нужда, подходят к этому месту только за этим — поганое место»*. Дневники. 1920–1922. С. 23–24). Один из важнейших признаков дома – наполненность бытием – меняет знак на противоположный: наполненность небытием (***«7 Марта 1922.*** *Бог! мне какое дело! Черт! мне какое дело. Я уверен, что и они мною не интересуются и обойдут меня, я останусь сам по себе, светопреставление пойдет по своей законной орбите. Ну, вот и мои ворота. Греми, железо, мчитесь, облака, мой флигель стоит в глубине двора по-прежнему: ничего ему не будет, и он есть ничто»*. Дневники. 1920–1922. С. 35). Оппозиция бытия и небытия выявляет метафизическую подоплеку происходящего. Вслед за чувством дома как места в пространстве человек теряет ощущение связи земли и неба – своей причастности ко всей Вселенной (***«11 Октября 1919.*** *Дребезжит благовест единственной позволенной колокольни с разбитым колоколом.<...> Нет никому дела до природы, разве только*

вспомнят о ней, когда холодно и через недостаток дров. Я шел сегодня мимо церкви, и когда услыхал пение, заметил возле себя красивый облетающий клен и подумал: "Единственное место, где сохранился уют, — церковь, вот почему и заметил я при церковном пении облетающий клен". Так наше представление о космической гармонии сложилось под влиянием строительства нашей жизни (а может быть, наоборот: мы создавали уют, созерцая гармонию космоса). Так или иначе, а не до космоса людям, потерявшим домашний очаг. Когда бушует вьюга на дворе, а дома уютно с лампой, вокруг стола, то и пусть себе бушует — дома еще уютнее. Но когда дома все расстроено (государство — дом), то какое нам дело до луны и звезд. Сейчас нет ни у кого дома, но церковь осталась, и кто верит, у того в душе — дом». Дневники. 1918–1919. С. 407). В разрушенном мире церковь и надтреснутый колокольный звон сохраняют смысл жизни, вбирают в себя землю (природа и дом), небо (гармония космоса), восстанавливая связь, нарушенную человеческой историей.

Проходит еще три года, и в 1922 году, когда покинуть Россию пришлось многим русским людям, Пришвин, лишенный дома и в Хрущеве, и в России, приходит к ясному для себя пониманию, что родина — вот такая, какая она теперь есть, все равно его дом (*«**30 Августа 1922.** Возле Кремля. Казалось, я пролетарий, у которого нет ничего, и вдруг представилось, что не добровольно, а насильно я должен покинуть родину, и оказалось, что родина — дом мой, и мне предстоит новое разорение»*. Дневники. 1920–1922. С. 263). Теперь поиск дома связан с исторической судьбой России. Речь идет не о доме, данном человеку в обжитых пространствах своей родины, как было прежде, а о доме соз-данном — жизнь поставила задачу обретения, а в конечном счете, быть может, спасения дома, природы, родины (*«**2 Мая 1926.** Невозможно строить жизнь, уповая только на мировую войну и революцию, мало-помалу каждому начинает хотеться жить своим домом»*. Дневники. 1926–1927. С. 54).

Жизнь продолжает вести Пришвина по разным местам обитания, он много работает: появляются новые произведения — «Мирская чаша» (1922), «Башмаки» (1923), «Родники Берендея» (1925), «Кащеева цепь» (1927), многочисленные очерки и рассказы. Именно в 20-е годы единственным домом становится для Пришвина литература, а его дело — служение Слову — той сферой, в которой писатель начинает новую жизнь на своей разоренной родине, по крупицам восстанавливая утраченное. Пришвин берет на себя незаметный и мало кому понятный подвиг: довольствоваться малым и оставаться самим собой. И то и

другое снискало ему репутацию почти юродивого в советской литературе, но зато творило не иллюзию жизни, а подлинную жизнь, давало возможность создавать не литературу социалистического реализма, а подлинную литуратуру. С этих пор идея дома до конца остается одной из главных составляющих пришвинской концепции искусства (*«**20 Марта 1923.** Остановись на минутку, присядь записать свою мысль, свои чувства, и этот стул или пень, куда ты присел, — уже есть твой дом, ты сидишь, ты оседлый, а та мысль, то чувство, которое ты записал, уже покоятся на основании том самом, где ты присел, будь это стул или пень. И вот почему источником искусства бывает прошлое: ведь каждого из нас судьба ведет в конце концов в свой дом, вот когда бегущий остановился, оглянулся — в этот момент он стал поэтом, и судьба повела его в свой дом»*; *«**11 Марта 1938.** Да не будет у меня места моего ни в городе, ни в деревне, а место мое будет там, где я создаю свою сказку»*. Дневники. 1923–1925. С. 9; Дневники. 1938–1939. С. 42). При всех житейских трудностях такая жизнь — не налаженная, непостоянная — соответствует строю его души (*«**1 Ноядря 1924.** По-моему, все зависит от вкуса, от начальной заправки. Я живал в Париже — все было. Но моя заправка, основное: люблю слушать ветер в трубе и оставаться тем, кто я есть. Я беру устроенное: лес, поле, озера. Лес, перо, собак»*. Дневники. 1923–1925. С. 235). Дом, по Пришвину, собственно, и создается писательством — его единственным делом на земле (*«**2 Декабря 1941.** “Жень-шень” <...> был свидетельством зрелости мужа, могущего создать дом»*. Дневники. 1940–1941. С. 713). Потому-то так труден для писателя путь к устройству реального дома, что он должен во что бы то ни стало быть «домом искусства».

В июле 1926 года Пришвин (ему уже 53 года) покупает дом под Москвой, в Сергиевом Посаде, предприняв вторую попытку устроить себе постоянное жилище. Но колебания между «домом» и «бездомьем» только углубляются (*«**27 Июля 1926.** Я, однако, только допускаю себе дом, а в душе, в затаенности, выжидаю момента, чтобы взорвать эти наседающие на меня привычки, “образ дома” и вдруг, обманув кого-то, вырваться на свободу, в бездомье общего всем дома природы. С точки зрения “государства” я ненадежный человек, и эта какая-то коренная неоформленность, способность перемещения из формы в форму, как во сне, есть главное мое свойство и вместе с тем свойство вообще русского “коренного” человека»*. Дневники. 1926–1927. С. 111). В дневнике одна за другой появляются записи, связанные с покупкой дома, который Пришвин в это

время осознает как «точку опоры» («*6 Сентября 1926. Собственный домик возле Москвы и Дубенских болот, очень хорошо! Не думал, что это меня так превосходно устроит*». Дневники. 1926–1927. С. 134). Постепенно чувство реального дома концентрируется на чувстве собственности, которая предстает как универсальная связь всего живого («*2 Сентября 1926. Каждый день в свой дом я приношу какую-нибудь вещь, подвешиваю полку, гвоздик и чувствую наслаждение в этом, я, наморенный скиталец. И я чувствую в эти дни, что корни собственности погружены в почву любви, я готов объявить эту мою собственность "священной", потому что она связана с той частью моей личности, которая соприкасается со всеми живущими в мире — от червя до сложнейшего человека. Мне кажется, что этой силой коренной любви и процветает земля*». Дневники. 1926–1927. С. 132).

Тем временем осложняются отношения в загорском доме. Пришвину становится все труднее не только жить, но и работать, он утверждается в необходимости расставания с семьей — Ефросиньей Павловной и уже взрослыми сыновьями. Записи об этом поражают своей трезвостью — по-видимому, потому что на другой чаше весов оказалось его дело («*24 Августа 1932. Ефросинья Павловна предана дому, а не лицу. Из этого понятно ее подчас пренебрежение к моему личному быту*»; «*15 [Сентября] 1932. Отдать ей тут все, пусть тут будет у нее царство, а самому прочно устроиться в Москве*». Дневники. 1932–1935. С. 180, 197). Образ домашнего очага всегда ассоциировался у Пришвина с ролью женщины, но раньше то был романтический образ, не связанный с действительностью и реальным домом («*11 Февраля 1919. Любовь — это свой дом; я дома, зачем мне смотреть куда-то в сторону, я достиг всего, и ничего мне больше не нужно. Мой дом не такой, как у вас, бревенчатый, мой дом воздушный, хрустальный, скрытый в сумраке голубеющего утра... Милый друг мой живет рядом со мною, которому я писал о голубом доме всю свою жизнь — рядом со мною, мне говорить больше нечего*». Дневники. 1918–1919. С. 337). Теперь дом с необходимостью включает присутствие человека, внимательного к его личности, к его работе, к его внутреннему миру («*2 Июля 1932. Чего бы я хотел? Чтобы у меня для занятий была совершенно отдельная комната, и чья-нибудь рука в ней наводила порядок*». Дневники. 1932–1935. С. 146).

Образ дома присутствует в дневнике постоянно на протяжении всей жизни Пришвина — усложняется, обрастает новыми смыслами, но не исчезает. Противостоящее дому бездомье окру-

жающего мира природы также требует обживания, культурного освоения — архетип Дома расширяется до планетного масштаба: вся земля — дом («***14 Апреля 1937.*** *Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птицы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям <...> человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со всей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем и всем населением как свой собственный дом*». Дневники. 1936– 1937. С. 534–535). А несколько месяцев спустя, в том же 1937 году, мечта о доме звучит как мечта о мире, «где все друг друга любят», с резким отделением от мира, где Каин убивает невинную жертву, — смысл записи бесконечно усиливается трагизмом жизни русского человека на своей родине («***12 Июля 1937.*** *Статья Розанова "Амнистия" <...> "Мой дом, где меня все любят". Это возвращает меня к вечной мысли о моем перевороте: от революции к себе, и это (свой дом, где любят меня) как идеал, к которому революционеры должны прийти и начать творчество от неоскорбленной души. <...> "Мой дом, где все меня любят" — почему бы нельзя его расширить до всей земли, всей природы, всего мира как органического целого: все это ведь "мой домик", а вне его царство Каина*». Дневники. 1936–1937. С. 674).

К концу 30-х гг. окончательно определяются важнейшие для Пришвина архетипические черты Дома: дом — Вселенная, космос; дом — родина, государство, Россия; дом — чудом сохранившаяся церковь, вера; дом — любое место (пень), где писатель может работать; дом — любимая понимающая женщина; дом — вся планета Земля; дом — место, противостоящее «царству Каина». И поскольку мыслимый идеал писателя сложился, возникает естественный вопрос: возможен ли соответствующий этому идеалу реальный дом, стены которого не нарушают любовной связи человека «со всей землей, со всеми ее стихиями и друг с другом». В 1937 году после долгих хлопот Пришвин получает квартиру в Москве, в Лаврушинском переулке, куда и переезжает из Загорска один («***5 Августа 1937.*** *Вот наконец желанная квартира, а жить не с кем*». Дневники. 1936–1937. С. 702).

Итак, дом в Сергиевом Посаде, о котором Пришвин пишет теперь как о своем «настоящем доме», остался позади. И это был действительно его дом в физическом мире повседневной жизни. В этом замкнутом мире он не может жить, но и вне его он жить тоже не может («***24 Ноября 1938.*** *Когда я покупал этот домик в три окошка на улицу, я покупал его по недостатку квартир. Мог ли я тогда*

думать, что мне такой домишка достанется в удел, что это и будет мой настоящий дом. Но проходил год за годом, и теперь за двадцать-то лет больших советских, наполненных борьбой неустанной за все, что любил, во что верил, в маленьком домике не осталось квадратного вершка, на который бы не ступила много раз моя нога. И домик оказался моим настоящим домом, стал необходимым основанием того большого дома, о котором я думал всю свою жизнь». Дневники. 1938–1939. С. 222). Квартира не заменяет писателю дом — поиски дома продолжаются («***Без даты.*** *Я начинаю это одиночество, которое будет вступлением к будущему одинокому житию в деревне.* РГАЛИ»). Однако в 1940 году жизнь Пришвина неожиданно и круто меняется: Пришвин соединяет свою судьбу с Валерией Дмитриевной Лебедевой, с нею переживает войну, эвакуацию, с нею после войны устраивает свой последний дом в Дунине. Валерия Дмитриевна стала для него воплощением неумирающей традиции русской православной жизни, которая сохранилась в ее душе, несмотря на труднейшие испытания: в 1918 году гибель отца, в 1930-м гибель любимого человека, с 1932 по 1938 годы ссылка в Нарымский край, затем на Дмитровский канал. Она была человеком не только свято хранившим духовные основы жизни, но и стремившимся к их воплощению в повседневную жизнь («***Без даты.*** *В Ляле я встретил первого человека*». РГАЛИ). Так или иначе, но через несколько дней после встречи с нею (16 января 1940 года) Пришвин впервые осознает, что его бездомье и поиски дома связаны с общими путями и поисками всей русской интеллигенции: с трагедией эмиграции, со страданиями на родине, с поисками своего места в этой изменившейся жизни. Встреча с Валерией Дмитриевной стала подтверждением истинности его творческого пути. Важнейшая культурная задача русской интеллигенции (и всего народа в ее лице), по Пришвину, связана теперь с обретением дома, с идеей жизнетворчества — дом вписан в культурный контекст эпохи, метафизический смысл которой состоит в возвращении «блудного сына» домой («***28 Января 1940.*** *Загорск. Меня эта мысль, что мы к концу подошли, не оставляет. Наш конец есть конец русской бездомной интеллигенции. Не там где-то за перевалом (за войной, за революцией) наше счастье, наше дело, наша подлинная жизнь, а здесь, и дальше идти больше некуда, тут, куда мы пришли, ты и должен строить свой дом*». Дневники. 1940–1941. С. 26). Сквозь призму любви в ином свете предстает и мечта о доме, и мечта о друге, и природа, и творчество. То, что было в течение всей жизни предметом мучительных раздумий,

встает перед Пришвиным с небывалой ясностью («***29 Января 1940.*** *Разглядывая фигурки в заваленном снегом лесу, вспомнил, как в молодости Она исчезла и на место ее в открытую рану, как лекарство, стали входить звуки русской речи и природы. «Она» была мечтой, на действительную девушку я не обращал никакого внимания. И после понял, что потому-то она и исчезла, что эту плоть моей мечты я оставлял без внимания. Зато я стал глядеть вокруг себя с родственным вниманием, стал собирать дом свой в самом широком смысле слова. И, конечно, Павловна явилась мне тогда не как личность, а как часть природы, часть моего дома. Вот отчего в моих писаниях "человека" нет <...> и дальше я понял, что не избушку я искал, а большую любовь*». Дневники. 1940–1941. С. 27–28).

Одна из религиозно-философских интуиций Пришвина связана с реальностью другого, в дневнике часто возникает воображаемый диалог Я и Ты. После встречи с Валерией Дмитриевной универсальная связь Я — Ты приобретает новое качество: «мы с тобой», или «вся вселенная как мы с тобой». Всего через несколько месяцев Пришвин абсолютно уверен, что путь к дому стал для них общим, ибо единственный и подлинный Дом они оба обрели в своей встрече («***13 Июня 1940.*** *Какими бы ни были мы бездомниками и очарованными странниками жизни, но горлинка сейчас нам верно воркует: сейчас мы именно в доме, и некуда и незачем нам ехать, сейчас мы друг друга нашли*»; «***17 Августа 1940.*** *Ляля со мной работает, и наша дружба растет, и любовь наша святая, чистая растет, и создается новое детство и настоящий Дом*». Дневники. 1940–1941. С. 190, 245). Повесть «Жень-шень» и встреча с Валерией Дмитриевной превратили мечту о настоящем доме в реальность («***1 Сентября 1940.*** *Чудилось в тонком сне первом, весной из-под снега вытаяла первая кочка и на кочку села перелетная ранневесенняя птичка Пуночка. Ей так было хорошо на этой кочке, как мудрой и спокойно-уверенной царице весны: с этой кочки царица начала управление движением весны. В тонком сне я догадывался, что снится о нас: это мы с Лялей должны себе найти точку мудрого спокойствия и управления жизнью своей, направленной к бесспорной радости. Замечательно, что в тот же день явилась мысль об устройстве постоянного жилья на реке*». Дневники. 1940–1941. С. 261–262).

В октябре 1940 года в поисках дома Пришвин впервые побывал в деревне Дунино, куда привезла его Валерия Дмитриевна — она здесь однажды провела свой отпуск («***2 Октября 1940.*** *Дача делового человека (Николина Гора) и дача вольная (Дунино)*». Дневники. 1940–1941. С. 281). Во второй раз Пришвин ока-

зался в Дунине уже после войны. И деревня, и окрестности, и полуразрушенный дом ему очень понравились (*«**9 Мая 1946.** И буду строить дом второй раз в жизни: первый построил в 1917 году (нужно же!) и теперь без года через 30 лет опять! Не знаю, хватит ли духу устроить дом в полном смысле слова, но дом как ценность — это можно сделать и надо»*). Так именно в связи с покупкой дунинского дома Пришвин с определенностью отмечает отличие дома «в полном смысле слова» от дома как ценности – места работы, отдыха, общения с природой. В феврале 1947 года, спустя почти год после покупки дома (май 1946 г.), Пришвин называет свою дачу «великолепным творением». А в течение лета и осени 1946 года дунинский дом, в котором самым реальным образом устраивается жизнь – идет ремонт, одновременно и довольно стремительно в сознании Пришвина перемещается в другую реальность. Дом становится вехой его творческого пути, воплощает в себе его представление о доме – и это чувство до самого конца жизни не уменьшается, а нарастает. Поэтическая интерпретация архетипа Дома и реальный дунинский дом писателя совпали. Дунино с самого начала чем-то неуловимым напоминает Пришвину Хрущево. И дело тут не во внешнем сходстве, хотя и оно было: общий вид старой усадьбы, липовая аллея, фруктовый сад (*«**18 Мая 1947.** <...> проснулся как будто в Хрущеве: сколько в жизни ездил, искал, а в конце концов оказалось, искал то, что у меня было в детстве и что я потерял»; «**18 Августа 1947.** Усадьба Дунино пришла ко мне в точности как замещение Хрущева»*). Однако, возвращая детское, хрущевское состояние души, ее гармонию и полноту, Дунино в то же время включало и весь долгий жизненный путь писателя, его духовный опыт. Соединяясь, все это превращало Дунино в тот единственный дом, из которого не нужно было никуда уходить: шло время, а сказка не исчезала. Дунинский дом в дневнике писателя осмысляется художественно и получает поистине необычайные характеристики (*«**12 Июня 1947.** Мой дом над рекой Москвой — это чудо! Он сделан до последнего гвоздя из денег, полученных за сказки мои или сны. Это не дом, а талант мой, возвращенный к своему источнику: дом моего таланта — это природа, талант мой вышел из природы, и слово оделось в дом. Да, это чудо, мой дом!»; «**18 Августа 1947.** Кроме литературных вещей, в жизни своей я никаких вещей не делал и так приучил себя к мысли, что высокое удовлетворение могут давать только вещи поэтические. Впервые мне удалось сделать себе дом как вещь, которую все хвалят и она самому мне доставляет удовлетворение точно такое же, как в*

свое время доставляла поэма "Жень-шень". В этой литературности моего дома большую роль играет и то, что вся его материя вышла из моих сочинений и нет в нем даже ни одного гвоздя несочиненного. Так мое Дунино стоит теперь в утверждение единства жизни и единства удовлетворения человека от всякого рода им сотворенных вещей: все авторы своей жизни, и всякий радуется своим вещам»; «***3 Октября 1947.*** *Поэзия, погуляв на людях, может вернуться к себе, в свой дом и служить себе самому, как золотая рыбка. Тогда все, что было в мечте, как дружба, любовь, домашний уют, может воплотиться: явится друг, явится любимая женщина, устроится дом, и все выйдет из поэзии, возвращенной к себе. Я могу об этом свидетельствовать: в моем доме нет гвоздя, не возникшего в бытие из моей мечты, и нет ни одного предмета, не тронутого рукой любимой женщины»*). В Дунине Пришвину удалось создать дом и поэтически обжить его, сделать его предметом художественного преображения действительности. Здесь ему удалось создать образ жизни, в котором жизненное поведение становилось поэтическим: «слово оделось в дом», «не дом, а талант мой», «литературность моего дома», «вся его материя вышла из моих сочинений»; дунинский дом, само существование которого стало для писателя доказательством единства жизни, превращался в дом «в полном смысле слова». Пришвин уверен, что это не случайность, совпадение или везение, признавая только предельный смысл жизни («***3 Января 1948.*** *Думал о том, что все хорошее в нас — и наше настоящее счастье, и талант, и близость людей и природы, любимые собаки и кот, и наш дом в Дунине — средоточие всей этой радостной жизни есть действие Бога и, может быть, в этом сам Бог»*. РГАЛИ).

Автомифология, которую писатель строит в течение всей своей творческой жизни и на страницах дневника, и в художественных произведениях, основана на утрате Невесты и поиске любви, ранней потере отца (Отца) и поиске Бога, изгнании из сада (рая) и поиске Дома — непременно с садом. И как удивительно все в его жизни стало на свои места — все воплотилось («***18 Октября 1947.*** *<...> человеку 75 лет, жизнь его на волоске, вокруг него люди мрут от голода как мухи и ждут худшего, только худшего: новой войны. А он сажает сирень! И мало того — он не один, и может быть, не было времени, когда бы так страстно не хватались люди за растения: все кто может сажают сады. Это значит, во-первых, что люди живут как бессмертные, презирая свое знание смерти. Во-вторых, это значит, что лучшее у человека есть действительно сад (рай)»*). В дунинские годы кардинально меняется отношение

Пришвина к природе. Его внимание переносится с природы в ее бесконечном многообразии (путешествия) на природу в очень близком и соразмерном для человека качестве («микрогеография»). Природа Средней России под Звенигородом оказалась близкой его душе и так же быстро превратилась в реальность его внутренней жизни, как и дом. Дунинский хронотоп стал хронотопом жизни писателя: раньше — далекое, теперь — близкое; раньше — ощущение бега времени («спешил, боясь опоздать»), теперь — ощущение вечного во времени («того, что постоянно бывает»). Меняются пространственно-временные характеристики художественного восприятия как следствие принципиального изменения положения человека в мире («***4 Октября 1947*** *<...> с некоторого времени <...> у меня переменилось мироощущение, как будто я стал, а мир пошел вокруг меня*»). И это означало обретение «свободной родины», сотворенного дома, где все ощутимо свидетельствует о целом мире («***11 Ноября 1946.*** *Вижу из Москвы сейчас нашу реку в Дунине, широкие забереги с мысиками, на мысики намерзают плывущие льдинки, проход между мысами все сужается, но все еще пропускает плывущее сало. И вижу — это не река, а душа моя, не вода, а радость моя, и не частые льдинки это, а душа это моя покрывается заботами. Но я собираюсь подо льдом с силами и верю, что придет моя весна и все мои заботы-льдинки обратятся опять в радость*»). Приметы ледостава в Дунине с такой естественностью превращаются в образ души писателя, что граница между душой и природой исчезает — весна грядет общая («***10 Октября 1947.*** *Не очень давно шевельнулось во мне особое чувство перехода от поэзии к жизни, как будто долго, долго я шел по берегу реки, и на моем берегу была поэзия, а на том — жизнь <...> так я дошел до мостика, незаметно перебрался на ту сторону, и там оказалось, что сущность жизни есть тоже поэзия)*». Дунинский дом как символ единства жизни — прошлой, настоящей и будущей — находится в центре мира, ощущается как модель Вселенной, приспособленной к жизни и потребностям человека («***Без даты.*** *Творчество Дома есть творчество бессмертия*». РГАЛИ). В середине XX века Пришвин восстанавливает разорванную цепь культуры, вновь связывая метафизическое и материальное, и картина будущих культурных метаморфоз проступает на страницах его дневника (« ***19 Августа 1947.*** *В дальнейшем будет, вероятно, так. Мы, русская интеллигенция, наученные нашими великими учителями, духовную культуру предпочитали материальной и ставили ее на высшую ступень. Этим духовно-сектантским отношением к жизнетворчеству мы от-*

личались от европейцев и американцев, неспособных даже понимать Достоевского. Теперь же, когда жизнетворчество будет скоро предоставлено всем, то, конечно, поэтические вещи отступят на дальний план сравнительно с обыкновенными жизненными вещами, вроде того, как случилось это со мною при устройстве своего дома: я почувствовал дом как вещь, ничем не уступающую вещам литературным, с той разницей, что вещь "Жень-шень" существует для всех, а вещь "усадьба Дунино" для меня и для моих немногих гостей. При такой материализации общества писатели новые никогда не могут занять высокого положения наших учителей, если только мир не вступит в какие-то новые условия и не создастся новая культура. Она и создастся, только нескоро, мы же пойдем пока по пути материализации, и Бог благословит этот скромный путь нашего, быть может, и всеславянского жизнетворчества»).

Яна Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Собр. соч. 1982–1986. – *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: В 8 т. — М.: Художественная литература, 1982–1986.

Собр. соч. 2006. – *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: В 3 т. — М.: Терра — Книжный клуб, 2006.

Ранний дневник. – *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905–1913. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2007.

Дневники. 1914–1917. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2007.

Дневники. 1918–1919. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2008.

Дневники. 1920–1922. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1920–1922. — М.: Московский рабочий, 1995.

Дневники. 1923–1925. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2009.

Дневники. 1926–1927. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. — М.: Русская книга, 2003.

Дневники. 1928–1929. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1928–1929. — М.: Русская книга, 2004.

Дневники. 1930–1931. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1930–1931. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2006.

Дневники. 1932–1935. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2009.

Дневники. 1936–1937. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1936–1937. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2010.

Дневники. 1938–1939. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1938–1939. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2010.

Дневники. 1940–1941. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1940–1941. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Дневники. 1942–1943. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1942–1943. — М.: Российская политическая энцикло-

педия (РОССПЭН), 2012.

Дневники. 1944–1945. – *Пришвин М.М.* Дневники. 1944–1945. — М.: Новый Хронограф, 2013.

Личное дело. – Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2005.

ЛН. – Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Мы с тобой. – *Пришвин М.М., Пришвина В.Д.* Мы с тобой. Дневник любви. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2003.

Невидимый град. – Пришвина В.Д. Невидимый град. — М.: Волшебный фонарь, 2009.

Пришвин. – *Варламов А.Н.* Пришвин. — М.: Молодая гвардия, 2003.

Путь к Слову. – *Пришвина В.Д.* Путь к Слову. — М.: Молодая гвардия, 1994.

РГАЛИ. – Российский государственный архив литературы и искусства.

Хлыст. – *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). — М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Цвет и Крест. – *Пришвин М.М.* Цвет и крест. — СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2004.

Быт. – Бытие.

Втор. – Второзаконие.

Екк. – Книга Екклесиаста.

Иак. – Послание Иакова.

Ин. – Евангелие от Иоанна.

Ис. – Книга пророка Исайи.

Исх. – Исход.

Лк. – Евангелие от Луки.

Мк. – Евангелие от Марка.

Мф. – Евангелие от Матфея.

Откр. – Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

Пс. – Псалтирь.

Рим. – Послание к римлянам.

3 Цар. – Третья книга Царств.

С. 5 *«Мирскую чашу» готовит к печати.* — Имеется в виду «Повесть нашего времени» (1944–1945, впервые полностью опубл. в 1957), которая в процессе работы сменила несколько заглавий: «Победа», «Странник», «Ключ правды», «Мирская чаша» и, наконец, «Повесть нашего времени». Это уже четвертое произведение писателя, которое не проходит цензурный барьер, или проходит его не сразу: в 1940 году была приостановлена начатая, было, публикация «Лесной капели», неожиданно для писателя осуществленная в 1943 году, в 1941 году — рассказ «Голубая стрекоза», также вскоре опубликованный, в 1943 году были отвергнуты «Рассказы о ленинградских детях» (впервые полностью опубл. в 1957). С тех пор и до конца жизни Пришвина (1954) ни одно его большое произведение, за исключением «Кладовой солнца» (1945), опубликовано не будет.

... перечитать Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо». — Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (публиковалась по главам начиная с 1866 г., далее в 1869, 1870, 1873, 1874 гг. и через три года после кончины поэта, в 1881 г.).

С. 6 *... беру «Октябрь» на себя...* — главным редактором ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Октябрь» с 1932 года (с перерывами) был Ф.И. Панферов.

С. 7 *... в какую ловушку попал он.* — Начиная с 1926 года Пришвин живет в Сергиевом Посаде (с 1930 года Загорск) и дружески общается с Владимиром Сергеевичем Трубецким и его семьей. Возможно, речь идет о поездке, которая упоминается в дневнике Пришвина. Ср.: *«**1 Декабря 1931.*** Князь говорил, что за границей к цивилизации привыкаешь в три дня, значит, с этой стороны удовольствия за границей хватает всего на три дня, а потом мало-помалу начинает казаться, что у нас хорошо. А теперь во время кризиса, когда столько недовольных, все поддерживают стремление выбраться из СССР, даже и жандарм сочувственно

глядит на красный паспорт. И только вернулся домой, сразу же тысячи неприятностей, к которым никак не привыкнешь, неожиданностей самого низменного порядка... И все это как будто в наказание за то особенное чувство советского патриотизма, охватившее за границей под диктовку кризиса и всеобщего неудовольствия» (Дневники. 1930–1931. С. 569).

... Тихонов пишет о «темах», ожидающих писателей...– ср.: «Огромная тема, ждущая писателя, — о человеке, вернувшемся с Великой Отечественной войны» (*Тихонов Н.С.* Темы, ждущие писателей // Литературная газета. 1946. №1. 1 января). Указано А. Медведевым.

... предстало в непонятной сложности ее падение... — по-видимому, речь идет о том, что в 1929 г. Валерия Дмитриевна вышла замуж за друга Александра Васильевича Лебедева и до конца жизни не могла простить себе этой ошибки. Ср.: Невидимый град. С. 383–422.

С. 8 *... «не простить» в отношении к церкви...* — речь идет о расколе в Русской православной церкви в июле 1927 года, после того, как митрополит Нижегородский Сергий, исполнявший в то время обязанности Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола, обнародовал свою Декларацию о солидарности церкви с советской властью. Об этом в своих воспоминаниях пишет В.Д. Пришвина: «[1928] Вокруг шли аресты священников и мирян, не признававших митрополита Сергия. Михаил Александрович [Новоселов] приходил к нам усталый, грустный, часто напоминал он зверя, измученного преследованиями охотников. Люди, дававшие ему кров, начинали его побаиваться: и правда, у всех была трудная жизнь, семья, нужда... Вокруг исчезали все лучшие. Церковь обнажалась. Скоро, возможно, и не останется преемников благодати, которыми, как мы понимали, были священники, не примкнувшие к митрополиту Сергию. Об этом я как-то спросила Михаила Александровича: — Как нам быть, если не останется священника старого посвящения? — Не надо создавать новый раскол, — ответил Михаил Александрович. — У нас единая Церковь, внутри которой ведется борьба. Если никого не останется — идите с ними, только не забывайте крови мучеников и пронесите свидетельство до будущего Церковного Собора, который нас рассудит, если только не кончится история и не рассудит уже Сам Господь» (Невидимый град. С. 404).

... в эмигрантском журнале «Встречи < ...> очерк Александра Гефтера «Кило сахара». — Возможно, ошибка: ежемесячный русский литературный журнал «Встречи» выходил в Париже с января по июнь 1934; после Второй мировой войны А. Гефтер сотрудничал в газетах «Русские новости» и «Советский патриот», журнале «Возрождение». Очерк найти не удалось.

С. 10 *Заказали статью для «Красноармейца».* — Имеется в виду литературно-художественный журнал Красной Армии «Красноармеец» (1919–1947). После 1947 года выходил под другими названиями.

С. 11 *Мне было 8 лет, когда был убит царь Александр II...* — убийство народовольцами царя Александра II в 1881 г. Пришвин всегда считал началом своей сознательной жизни. Ср.: «***20 Июля. 1915.*** Матери дома нет, по лестнице бегут, кричат: — Царя убили! — Нянька причитывает: — Пойдут теперь мужики к господам с топорами» (Дневники. 1914–1917. С. 206, 574).

С. 12 *Прочитал впервые <...> Гофмана «Золотой горшок».* — Во взаимодействии и взаимосвязи реального и фантастического в произведении Гофмана «Золотой горшок (Сказка из новых времен)» (1814) Пришвин не мог не обнаружить культурную традицию, в русле которой он только что написал свою сказку-быль «Кладовая солнца» (1945). Писатель задался целью создать современную сказку — со сказочным содержанием повседневной действительности послевоенной жизни, и это удалось ему в полной мере. «Кладовая солнца» стала поворотной точкой в его творчестве — с этих пор в дневнике накапливаются размышления о сказке, а жанр своих последних произведений «Осударева дорога» (1948) и «Корабельная чаша»(1953) Пришвин определяет так: роман-сказка и повесть-сказка.

Наверно за правду-то он и погиб. — Неизвестно, что именно читал Пришвин в эти дни, но с большой долей вероятности можно предположить, что это поздние произведения поэта, свидетельствующие о том, что Маяковский уже отнюдь не «трибун революции»; так или иначе, тексты Маяковского Пришвин по одному-единственному, но важнейшему для него признаку считает идентичными его собственному тайному дневнику: этот признак — «правда», которой, как «оказалось», служил Маяковский, и что, по мнению Пришвина, могло послужить причиной его гибели. Похоже, что Пришвин имеет в виду не самоубийство.

С. 13 ... *Леоновым вывезено из Нюрнберга...* — ср.: *Леонов Л.* Гномы науки (Репортаж с Нюрнбергского процесса). 1945. http://www.leonid-leonov.ru/gnomi-nauki.htm

... *помню время, когда кончился фельетон...* – малая художественно-публицистическая форма, характерная для периодической печати (газеты, журнала), отличается злободневностью тематики, сатирической заостренностью или юмором; история русского фельетона начинается в XVIII веке и завершается в начале 1930-х гг. (В 1960-е жанр возрождается.)

С. 15 ... *отсюда кампания против Маршака.* — Возможно, речь идет о первых признаках усиления партийно-политического контроля над культурой — масштабное наступление государства начнется в августе 1946 года.

С. 19 *Праздник отмороженной ноги...* — ср. «16 Января 1940. −43° с ветром. Устроил "смотрины" (ее зовут Валерия Дмитриевна). Посмотрели на лицо, посмотрим на работу (19-го)», «20 Января 1940. Валерия Дмитриевна в тот мороз отморозила себе ноги и не пришла на работу: вот не везет с дневниками. Не утопить ли их в Москве?» (Дневники. 1940–1941. С. 16, 19).

Начитался «Британского Союзника». — «Британский Союзник» — еженедельная газета на русском языке (издание Министерства информации Великобритании), выходившая и распространявшаяся в Советском Союзе с 1942 года на протяжении войны и в первые послевоенные годы. В газете публиковались сводки с фронтов, репортажи о героизме английских солдат, статьи об англо-русском военном и культурном сотрудничестве, заметки о награждении британцев советскими правительственными наградами, дайджесты свежих номеров английской прессы. Газета знакомила советских людей с военными действиями Британии. Она продолжала выпускаться и после Великой Отечественной войны. В послевоенное время «БС» публиковал статьи, посвященные советско-британским отношениям, рассказывал о визитах представителей английских властей в СССР. Важно отметить, что в газете отсутствовали статьи, восхваляющие Сталина. Таким образом, «БС» был чуть ли не единственной газетой в СССР, не зараженной культом личности. Также «Британский Союзник» был одной из самых свободных газет в Советском Союзе, почти не подверженной цензуре. Немало места в издании уделялось внутренним политическим событиям

в Великобритании и ее отношениям с другими государствами, публиковались стенограммы выступлений английских политиков, материалы о послевоенном восстановлении Европы, экономической помощи Советскому Союзу. Были в «Британском Союзнике» разделы науки, культуры и спорта. Газета печатала познавательные материалы об английской культуре, о повседневной жизни англичан, публиковала произведения британских писателей в оригинале, например Чарльза Диккенса. В 1949 году в связи с ухудшением отношений между СССР и Соединенным Королевством во время холодной войны Сталин распорядился прекратить издание «Британского Союзника». Так перестала существовать уникальная газета, из которой советские граждане получали информацию о жизни в капиталистической стране. http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69315

С. 20 ... *о мотивах ее непризнания сергианской церкви.* — Ср. «С ноября 1917 года вновь, впервые после Петра Великого, находился избранный Патриарх всея Руси Тихон (Белавин)... Патриарх Тихон и не шел на компромисс с новой властью... под конец жизни Патриарх Тихон был под негласным домашним арестом... скончался в 1925 году <...> оставил список пастырей, достойных занять его престол. С 1925 по 1927 год все они... по очереди следовали в заключение, исчезая там безвозвратно... последним по списку вступил на престол епископ Сергий. И вот он-то не последовал за своими предшественниками, а выбрал другой путь и выступил в центральной печати с воззванием... епископ Сергий провозгласил единство Церкви с советской властью, признавая эту власть народной, народом принятой и потому обязательной и для Церкви, которая никогда не боролась с государственной властью и имела свои, чисто духовные, независимые от мирской жизни цели: “Несть власти, аще не от Бога”, и потому “ваши радости — наши печали”» (Невидимый град. С. 365–380).

... *хожу по аллеям...* — имеется в виду имение Хрущево на окраине гор. Ельца Орловской губернии, где Пришвин родился и провел раннее детство.

... *под «Колобок».* — Имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)» (1908).

... *от «Вечерки» за статьей «Шофер».* — По-видимому, статья не была опубликована.

С. 22 ... *как понимал автор «Илиады»...* — в эпической поэме Гомера «Илиада» (IX–VIII вв. до н.э.) действие разворачивается одновременно в земном мире у города Трои и на небесном Олимпе; герои и боги на равных участвуют в войне.

С. 23 ... *американцы молитвой Рузвельта...* – имеется в виду выступление Ф. Рузвельта в связи с началом Нормандской десантной операции («Оверлорд»), начавшейся рано утром 6 июня 1944 г. Вечером Рузвельт возглавил общенациональную молитву, транслирующуюся по радио. Сначала молился «за наших сыновей, гордость страны... Пусть они идут прямым, верным путем; пусть прибавится мощи их оружию, стойкости сердцам, твердости вере. Они нуждаются в Твоем благословении. Их путь долгий и трудный — ведь враг еще силен. Он способен отбросить наши силы. Успех может не прийти быстро, но мы будем продолжать борьбу». Президент молился за то, чтобы его соотечественники дома выдержали страдания и беды, которые еще придут. «Укрепи нашу веру в Тебя, в наших сыновей, друг в друга, в наш объединенный крестовый поход...» http://read24.ru/fb2/djeyms-berns-franklin-ruzvelt-chelovek-i-politik/

С. 25 ... *Леонов выступает в «Правде» с торжественным словом Сталину...* — имеется в виду очерк Л. Леонова «Слово о первом депутате» (1946): «<...> давай оглянемся, товарищ, на наши прежние свершенья. Давно ли гремела сталинградская канонада и танки с двух сторон смертно сшибались на Курской дуге? Давно ли волчьи стаи безнаказанно промышляли на дорогах двух смежных материков, а вот уже и клока не осталось от главного фашистского поганца <...> И есть у нас нынче время снова созвать со всего отечества знатных людей, достойных по разуму, дарованью слиться в единый мозг государства. Здесь народ мой и совесть велят мне сказать слово о товарище Сталине, первом депутате нашей земли. Не море я, даже не ласковое северное озерко, чтоб отразить хоть в малой доле величие светила, видимого ныне со всех концов вселенной. В большой реке народной жизни я только капля, которой коснулся живительный и острый луч звезды. Люди моего возраста засвидетельствуют правду моих слов: они еще застали старое, помнят жестокую, такую напрасную русскую тоску о несбыточной правде. Мы все были зачаты еще в потемках мира, и нам дано поэтому сравнить недавнюю полночь и нынешний полдень России. У меня также нет возможности перечислить одну за другой все даты сталинской деятельности, потому что

каждою из них обозначена целая полоса нашей общественной мысли. Мое дело сегодня — вычертить на полном взлете поэтическую орбиту звезды, проходящую перед нами... Конечно, моя здравица Сталину пропитана звучаньем лишь великорусского слова, но пусть на всесемейном торжестве и остальные народы устами своих поэтов вырастят во славу его цветы человеческой речи. И чего не доскажет наше перо, про то с избытком восполнит песня. <...> Имени Сталина во всех его делах предшествует имя Ленина, равно как имени Ленина, подобно горному эхо, отзывается в веках имя Сталина. Здесь мы раскрываем далеко еще не полную книгу этой большой жизни; пусть до конца дней, пока движется солнце в поднебесье, полнятся ее увлекательные страницы. Как и книга ленинской жизни, она начата в ту отдаленную эпоху, когда самый помысел о трудовом единстве людей представлялся созданием если не смешной, то во всяком случае отвлеченной мысли. Так ученые создают знание о космическом светиле, изучают его объем и скорость, но какому исполину удавалось дотянуться до него рукой, чтоб сделать достоянием людского племени?.. Это есть прежде всего книга титанического труда, и только наш народ, сам умеющий самоотверженно поработать во имя идеи, даже не доставляющей немедленной политической выгоды, может оценить подвиг Сталина <...> Мы совсем не думаем, что история человечества могла бы закончиться зрелищем нечёсаной нордической твари, обгладывающей в некомфортабельной пещере сырую детскую кость. Внуки побеждённых все равно голыми руками передушили бы одичавших, забывших про огонь добра победителей... Дело в основном замысле фашизма — превратить хотя бы на время всё человечество в стаю борзых собак, и следовательно — в сумме тех усилий, которые впоследствии пришлось бы затратить человечеству для восстановленья утраченного. Кто знает, не потребовались ли бы новые Шекспиры и Ньютоны, Чайковские и Толстые, Аристотели и Галилеи, чтоб втащить на прежнюю вершину тяжёлую колымагу человеческой культуры? А такие люди приходят в мир поодиночке и далеко не каждый век!.. Поэтому, совсем не навязывая своих суждений другим народам, нисколько не нуждаясь в самой элементарной признательности со стороны помянутых мыслителей, советские народы полагают, что это Сталин подарил миру вторично семьи и свободу, этот жгучий и свежий январский воздух, и всё общенациональное достоянье наше, и всё то, из чего составляется великолепное ощущение жизни. Это и есть причина, по которой

мои, русские, велели мне, своему поэту, поднять здравицу за Сталина в дни выборов в Верховный законодательный штаб страны. В благоговейном молчании и с непокрытой головой народ расступается, давая проход первому депутату Родины. Стеснясь в братский круг, все мы смотрим теперь на человека, стоящего посреди своей семьи. Нам хорошо с ним. Он научил нас не щадить мелкого для достижения большого, и таким путём узнали мы нечто дороже жизни. Мы честно прожили эти годы творчества и борьбы, в которые тащили лемеха новой цивилизации по застарелой целине. Мы впрягли в тот плуг всё, что имели, — свою раскованную силу и природные дарованья, и этот Человек шёл первым, шёл там, где не виднелось ни следа, ни борозды. Вместе с ним мы воздвигали нашу стройку, по пылинке складывая одну на другую. И уже просторно и умно в этом доме — мы ощутим его тепло, когда такая же красивая и надёжная крыша возляжет на эти циклопические стены... И опять глядим мы в его лицо — не коснулись ли тяжёлые заботы его душевной молодости. И хотя мы помним, когда прочертилась там каждая морщинка, и при каких условиях побелела каждая прядь его волос, мы спокойны за будущее своей страны и своего вождя. Орлы не стареют, нет таких песен на свете про старость горного орла! С годами лишь уверенней опирается о ветер его широкое крыло. И чем сильней задувает встречная буря, тем стремительней ввысь подымается орлиная стая вслед за своим вожаком. Пусть любовь народная охранит его от человеческих бед! Что ж, посмотрелись, и в дорогу. Хороша, ясна, заманиста снежная даль юности. Много у ней славного пути впереди. Пусть веселит кровь, жжёт нам щёки докрасна морозный ветерок: это и есть наша жизнь. А ну, хлестни своих коней, возница!» (leonid-leonov.ru›news.htm).

... описано у Толстого было с [Николаем] Ростовым... — имеется в виду известный эпизод романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869), в котором Николай Ростов во время смотра испытывает чувство любви, обожания к императору Александру I. Ср.: «***29 Ноября 1909.*** Христианская секция. Спор продолжается о том, связаны ли православие и самодержавие мистическими неразрывными узами <...> Мережковский: мистически или догматически? в развитии церкви оба эти течения. Так, уже в Евангелии есть [Матфей] и есть Иоанн, догматическое и мистическое, законное и пророческое <...> Мережковский: в самодержавии никакого догматического смысла, корни его все в мистике <...> Основание Синода, напр., голос св. Духа: царь объявляется

главой церкви. Самодержавие: миропомазание, архиерейство и главенство в церкви. Соблазн в соединении порядка и свободы, предельный соблазн русского народа в теократии, в идее Царства Божия на земле. Православие есть русское христианство. Хлыстовство есть высшая форма плененности: есть роскошное православие. Вот доломит — горная порода русской души: весь народ становится женщиной. <...> А в «Войне и мире» — изумительная страница: Ростов и царь-солнце. Тут мифология! и чем царь неправедней, тем он слаще <...> Метафизика Отца: отдача себя. Ходынка — гекатомба Отцу. Психология народа, обращенного к самодержцу, есть демоническая — как смещение Нового Завета Ветхим... Христианство лишь потому уцелело и живо, что в нем есть какая-то зацепка за землю. Я сказал Мережковскому: — Весь народ русский внутри круга, весь он склонен. — Нисхождение. — Да» (Ранний дневник. С. 227–228). Мысли о «русской воле к нисхождению», т. е. о смирении, выражены в статье Вяч. Иванова «О русской идее» (ж-л «Золотое руно», 1909).

... что было с дядей моим при проезде царевича по Сибири... – ср.: «По всем рекам Западной Сибири и даже Восточной: по Оби, Иртышу, Лене и Енисею, от парохода на пристань и с пристани на другой пароход, всем на удивление, бежал слух, что могучий и непреклонный Иван Астахов, поднося хлеб-соль наследнику русского престола, струсил, не договорил свою речь и уронил к ногам его серебряное блюдо. — Всей шпаной управлял, — удивлялись сибиряки, — а какого-то Николая струсил. Удивлялись. Другие злорадно смеялись. Только один капитан Аукин сказал: — Ничего нет удивительного: будь я на его месте, тоже бы уронил. Директор сначала не поверил, а когда все заговорили и даже очевидцы приехали, объяснил это странное явление исторически: — Все наши бесстрашные покорители сибирских татар — купцы — с великим страхом потом припадали к стопам царя. Наш весь купец такой и шебаршит только, если царь далеко». Прототипом Ивана Астахова был дядя Пришвина Иван Иванович Игнатов, тюменский пароходчик, который в 1882 году забрал Пришвина после исключения из Елецкой гимназии в Тюмень для продолжения образования в Тюменском реальном училище. Кащеева цепь/Собр. соч. 2006. Т.1. С. 178–179.

С. 26 *... Раскольников, распростертый перед народом на площади...* – аллюзия на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

А «Хозяин и работник»? — Имеется в виду повесть Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» (1895).

Заслужил же Сталин настоящие слова благодарности... — Пришвин поставил вопрос о роли Сталина в только что закончившейся войне как наиважнейший и дал на этот вопрос ясный ответ (« ***24 Января 1946.*** Но как же быть? Заслужил же Сталин настоящие слова благодарности русского человека, прямое слово, как провод прямой от чистой души? Нет, нет! даже и для того, чтобы достойного достойно поблагодарить, нужно самому быть сделанным из металла крепкого и ковкого, "а не плющиться как низменная глина <...> сохраняющая отпечаток последней ноги, которая на нее наступила" (Лесков)»). Этот вопрос Пришвин решает, с одной стороны, в контексте русской культурной парадигмы («***24 Января 1946.*** Есть в русском человеке готовность повергнуться перед каким-то неоспоримым авторитетом, как раньше было: это царь и Бог. <...> Чудится какая-то высшая потребность духа, не вознестись, а отдаться. Не в этом ли "женственность" славянского духа?»), с другой стороны, в полемике с Леоновым («***24 Января 1946.*** <...> думаю теперь прочесть рассказ Леонова о Сталине с хорошим замыслом: что это русский интеллигент-пыжик сбрасывает с себя все нажитое в гордости и как [Николай] Ростов... Если это найду — все прощу, нет — подхалимство»). До наших дней этот вопрос обсуждается в обществе, так и не получив однозначной оценки. Судя по выступлению Сталина («тост за русский народ») на Приеме в честь Победы командующих войсками Красной Армии, который состоялся 24 мая 1945 года в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, он понимал, что победил народ («вдруг обнаружив в себе понимание теории общественного договора, благодарил нацию за то, что она не скинула его, воспользовавшись войной, за скверный кризис-менеджмент (А. Колесников)»): «Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду. Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству» (стенограмма выступления Сталина). http://vvov.shpl.ru/pish7.html. Однако вскоре отношение Сталина к победе и победителям изменится. Ср.: коммент. на стр. 826 к *Переживается суровая речь Сталина.*

... ноги, которая на нее наступила» (Лесков). — Ср.: «Сегодня я говорил слово к убеждению в необходимости всегдашнего себя преображения, дабы силу иметь во всех борьбах коваться, как металл некий крепкий и ковкий, а не плющиться как низменная глина, иссыхая охраняющая отпечаток последней ноги, которая на нее наступила» (*Лесков Н.С.* Соборяне. Хроника. 1872. http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0020.shtml).

С. 27 *«Соборяне» <... > это повесть о хороших людях.* — Ср.: ***«8 Января 1927.*** <...> когда революция разорвала в клочки привычные слова “отечество”, “родина”, явилась потребность найти в хороших людях прошлого опорные пункты для современности», «30 Ноября 1937. Хорошие люди. — Самому написать бы книгу о хороших людях (как я хотел, когда начинал “Кащееву цепь”) или собрать сборник из всемирной литературы» (Дневники. 1926–1927. С. 190; Дневники. 1936–1937. С. 808).

С. 28 *... как семя, должно падать в доброе время на добрую почву.* — Мф. 13–8.

... было мне в Булонском лесу как явление духа... — речь идет о встрече с Варей Измалковой (первая любовь Пришвина) в Париже в 1902 году. Ср.: ***«4 Мая [1908].*** Она ушла и назначила мне свидание на завтра. Я пошел от нее в парк, в поле, в лес, между прудами... Была весна. Пар еще выходил из земли... И вот как все колебалось! <...> Вода поднимается горкой, уходит к небу, а небо странное, большое... и светлое. И где-то там в самой-самой середине растет желтый золотой цветок... Поток множества маленьких искорок-цветков везде, куда ни взглянешь. Эта золотистая пыль от того цветка рассеяна в небе... Да, да, небо... Конечно, небо... Конечно, тут и лежит эта тайна... Она открыта. Вот она, бери смело, бери ее. Да, конечно же, так это ясно: небо бесконечно большое, этот цветок посредине — красота. Значит, нужно начинать оттуда... Красота управляет миром. Из нее рождается добро, и из добра счастье, сначала мое, а потом всеобщее... Значит, если я буду любить этот золотой цветок, то, значит, это и есть мое дело, это мы и будем вместе с ней делать... Ведь так? Так ясно... Конечно, так... Потом вот еще что... Там, в центре всего неба, этот цветок неподвижен... Все остальное вертится и исчезает. Все остальное вращается вокруг этого цветка... Значит, вот какое новое, вот какое огромное открытие: мир вовсе не движется вперед куда-то, к какому-то добру и счастью, как я думал. Мир вовсе не по [рельсам] идет, а вращается... Все мельчайшие

золотые пылинки совершают правильные круги...Каждая из них приходит неизменно на то же самое место, и все в связи с тем главным, в центре всего... Значит, и я, и она где-то вращаемся... И, значит, наше назначение — не определять вперед от себя, а присмотреться ко всему и согласовать себя со всем. Значит, и вопроса о том, чтобы [определять] дело, не может быть никакого. Это ошибка... Нужно не так... Нужно ничего не определять, а вот как эти мелкие искорки — стать в ряды и вертеться со всем миром...» (Ранний дневник. С. 37).

С. 31 *Так обошел родину Хрущево...* — ср.: «***6 Октября 1918.*** Вчера в мое отсутствие (ездил хлопотать, чтобы не выгнали) — пришла "выдворительная"», «***12 Марта 1919.*** Я видел сон, будто я в дороге, еду с поклажей неизвестно где, неизвестно куда и со мною Лева. Останавливается моя лошадь, и вижу я, будто нахожусь во дворе перед нашим старым домом, сижу уже один, без Левы, на семейной нашей старинной линейке. Вокруг меня все родное: вот направо от входа лимон, посаженный еще покойницей няней, вот по двору по траве-мураве тропинка к леднику, работал с покойницей. А стекла в доме все выбиты, дом пустой, внутри, видно, разломано, как теперь. Но мне удивительно и радостно видеть все свое, родное, во всех подробностях, мне сладостно впиваться чувством во всякую мелочь, всякий камешек, всякую мертвую для всех безделушку природы, я смотрю — пью в себя и удивляюсь и благодарю кого-то, что дал мне видеть. И моя часть именья, где я трудился три года, мне видна отсюда, но как видна! Ясени будто всей массой подошли к старой конюшне и всею густелью свешиваются через старую конюшню, и смотрю — вижу, будто одна ветвь с широкими листьями кланяется мне. "Так это мне показалось, или ветер качнул?" — думаю. Но ветра нет, и гляжу, другая ветвь кланяется, третья, весь парк широлапистыми зелеными свежеизумрудными листьями шевелится, кланяется. Под конец выбегает из пустого дома Лева и говорит, увидев меня: — Ну, я так и знал! — Таким тоном: я папочкино знаю, он как сел, так и сидит, он большой чудак, как сел, так и сидит! Родина моя, за сколько тысяч верст сейчас я от тебя! Какое счастье, что хоть во сне удалось повидать тебя. Сын мой, завещаю тебе смело и прямо идти на родину» (Дневники. 1918–1919. С. 367).

С. 36 *... почему бы и не поехать на Псху...*– ср.: «Медовеевка — было поселение монахов, состоящее из нескольких полян с кельями, разбросанными друг от друга на расстоянии "вержения

камня". Она находилась верстах в 30 от Красной Поляны. Там уже издавна обитали несколько уважаемых старцев, и был посредине храм, ничем внешне не отличавшийся от остальных домиков, только в нем никто не жил и туда собирались раза два в год по великим праздникам окрестные пустынники для совместного богослужения и совершения таинства. Это были единственные дни их свиданий. Если кто не приходил — значит, заболел или помер. Тогда шли к нему помочь либо похоронить. Такое же поселение было в районе Сухума, глубоко в горах за несколькими хребтами, называлось оно Псху. Там жили раздельно и монахи и монахини. Псху называлось «Глубокая», устав жизни там утвердился весьма суровый, и о Псху говорили с великим почтением. По рассказам о. Даниила, были в те годы на Кавказе еще более глубокие, уединенные поселения монахов. О местоположении их не знал и сам о. Даниил, только известно ему было, что путь туда, почти недоступный, идет по висячим, спрятанным в тайниках, мостам через пропасти и потоки. И эта «глубочайшая» пустыня была мечтой каждого монаха» (Невидимый град. С. 316–317). В эти места к кавказским пустынникам уехал Олег Поль, там принял постриг с именем иеромонаха Онисима; туда же во второй половине 1920-х годов ездила к нему Валерия Дмитриевна.

С. 39 *Мое рождение и «Гебуртстаг».* — Ср.: Спустя двадцать дней после первой встречи (16 января 1940) Пришвин пишет первое письмо о любви Валерии Дмитриевне: «*5* ***Февраля 1940.*** Мое рождение (1873 г.) Гебуртстаг. <Зачеркнуто: Договор.> После каждой новой встречи Вы чем-нибудь возвышаетесь в моих глазах и чем-нибудь я перед самим собой становлюсь все ниже. Не только архивы мои, дневники и т. п. теряют былую значимость, но и книги мои написанные падают в моих глазах и последние остатки вкуса к славе исчезают. Предвижу, что на этом пути Пришвин, каким он был, может и вовсе кончиться. В присутствии Вашем я лишаюсь даже последнего своего дара остроумно и весело говорить, самоуверенность моя исчезает. Напротив, все, что Ваше, в моих глазах вырастает и даже некоторые, раньше, казалось, некрасивые внешние черты лица преображаются и становятся для меня дороже красивого (родинка отцовская). Мне бы хотелось эту любовь мою к Вам понять, как настоящую молодую любовь, самоотверженную и бесстрашную, и такую бескорыстную. Могу ли? Я хочу понять возвышение Ваше в моих глазах как силу жизни, которая может воскресить меня.

Я хочу быть лучшим человеком и начать с Вами путешествие в неведомую страну не когда-нибудь и в чем-нибудь на поезде или в самолете, а завтра же и не уходя никуда. Мы обдумаем вместе радостно путь нашего путешествия, обсудим все его детали и уговоримся выполнять все, что надо, неуклонно и строго. В Вашем существе выражено мое лучшее желание, и я готов на всякие жертвы, чтобы сделать Вам все хорошее и тем самому выше подняться и [вырасти] в собственных глазах. Все, о чем я говорю, вышло от Вас, и я не хочу лицемерить и спрашивать Вас о том, согласны ли Вы со мной путешествовать в неведомую страну. Это не от меня идет, это я Вам отвечаю, что я согласен и пишу это Вам, как выражение обязательств со своей стороны. И я подписываю договор. Автор «Корня жизни» Михаил Пришвин в день своего рождения (23-го Января 1873 года)» (Дневники. 1940–1941. С. 31–32).

С. 40 ... *за «Милочку».* — Имеется в виду отрывок из «Повести нашего времени» (1945), опубликованный в журнале «Советская женщина» (1946, №1).

С. 41 ... *письмо из Краснодара...* — в дневнике имеется черновик ответного письма Пришвина читательнице: «Дорогая Вера Васильевна! Писем читатели мне шлют, как всякому писателю, но такое письмо, как Ваше, получает не каждый писатель. Обыкновенное хорошее письмо идет во свидетельство личного таланта. Это обыкновенное письмо очень мало удовлетворяет меня, и я даже (да простится мне это) редко отвечаю. Но Ваше письмо идет во свидетельство не моего личного таланта, а того мира, о котором я пишу. Он, этот мир, существует, я его вижу, но его люди не видят, и меня берет иногда сомнение о том, что, может быть, нет этого мира, и я сам жалкий маньяк и талантливый болтун. Но вот приходит другой человек и говорит: — Я тоже вижу! Третий: — И я! Четвертый, пятый...И я получаю уверенность в существовании этого мира и через эту уверенность утверждаюсь в себе. Не всякий пишет, что открывает глаза другим на неведомый мир. Но у меня это с детства было, и еще из 1-го класса гимназии я пытался убежать в страну, существующую, но неведомую. — Нет этой страны — уверяли меня старшие. А вот теперь я сам старший и свидетельствую, что страна эта есть. Очень вас благодарю за письмо. Я хотел бы сказать несколько слов о «Фацелии». Мне пишут многие, что это невероятно: Фацелия есть муза, есть недостижимый идеал. Такая Фацелия не может прид-

ти. Но почему же не может придти она, если все другое приходит: открывается далекая страна чудес благодаря Фацелии, а сама Фацелия, главное чудо, не может придти? Я объясняю себе это тем, что два столетия — весь XVIII и XIX век — были посвящены воспитанию нашего отрицания действительного мира, нашего скепсиса, нашего «Нет». И вот, когда измученный отрицанием поэт дерзает сказать свое «Да», ему не сразу верят. Сначала верят в его «природу», потом начинают верить в людей, но чтобы Фацелия стала женой... В это чудо никто не может поверить. Вот это первое, а вторая причина это, конечно, что о главном чуде не сумел хорошо и ясно написать. Но удалось же мне отчасти открыть глаза людям на истинную нашу природу, так почему бы не верить, что можно открыть глаза в дальнейшем на женщину-мать, на жену и невесту. Для себя я это открыл, это чудо совершилось на 68-м году жизни. Ну, спасибо, и еще раз спасибо, мой друг, будьте здоровы твердой верой, что мы не одни».

«Жених» проясняется... – речь идет о так и не написанном рассказе, к которому в дневнике имеются черновые наброски: «На войне было, как всегда на войне, очень по-деловому, без всяких лишних мечтаний и поэзии. И человек, и животное и, кажется, даже деревья думали об одном: не до жиру, быть бы живу. Так и младший лейтенант Родя Веселкин как раз об этом и думал, и все ему на свете казалось миром в сравнении с тем, что предстояло ему в эту ночь у Днепра. Ему попалась на глаза пачка писем, адресованная его другу Ване Пшеничному, убитому неделю тому назад и похороненному в братской могиле под селом Кукуменко. Вскрыв письмо, Веселкин стал читать его... И вот тут после всего обыкновенного на войне пришел бы досужий человек и взглянул бы на читающего юношу. — Нет, — сказал бы он, — на войне все только плотнее закрывается делом и простотой, а жизнь про себя, эта сила души каждого человека на войне может быть дальше от слова, но ближе к делу и еще гуще и крепче. Как музыка иногда самые обыкновенные лица преображает, вызывая изнутри человека и в глаза, и на рот и на улыбку духовные силы, так и лицо лейтенанта преобразилось от каких-то слов неизвестной девушки. Это был теперь не белокурый русский юноша с голубыми глазами, очень славный, а настоящий Иван Царевич, пускающий стрелы в Жар-птицу. Все знали в этом высоком юноше Родю Веселкина, все любили его, но никто не понимал его тайного Ивана Царевича. И теперь одна только оранжевая птичка Зарянка на веточке против окошка землянки увидала

таким царевичем обыкновенного лейтенанта, вдруг пикнула по-своему что-то и улетела куда-то отдать свою радость другим. Читая письмо, Родион с первых строчек понял, что девушка Зина никогда не видела его друга, что это было одно из тех бесчисленных писем бесчисленных девиц, развлекавших воинов в их пустыне, наполненной всяких лишений, страданий и смерти, стерегущей на каждом шагу. Не Ване Пшеничному было это письмо — нет! Вани на свете нет, теперь письмо это в руках Роди, а завтра Родя будет убит и еще новый жених... прочитает. Один, другой, третий умирает и опять... — Переправляюсь ли я в эту ночь через Днепр? — вдруг мелькнуло в голове у Роди. И все, что было прекрасного в лице Ивана Царевича, что видела одна только птичка с веточки у окна землянки, вдруг слетело. Но Родион тряхнул своими золотистыми кудрями, улыбнулся и на тот страшный вопрос, который задает человеку предчувствие смерти, ответил: "Это не важно". И вернулся к письму. С тем же естественным чувством долга, какой бывает у каких-то далеких народов: у женщины умирает муж, и брат мужа делает ее своей женой... — Дорогая Зина, — писал Родион Веселкин, — это неважно, что вашего жениха теперь больше нет: он герой и ушел от нас как герой, и его все в этом признали и награду он получил после смерти: Герой Советского Союза. Я понял из вашего письма, вы его никогда не видали, но он был мне друг, я становлюсь за него и буду вам тоже писать, и если все сойдет хорошо в нашу сторону, то мы когда-нибудь увидимся. Никого-то никого не было возле, когда Родя писал, и даже птички той не было. Родя был, когда писал, в небывалой стране, без имени, без территории и без времени. Иван Царевич был в некотором царстве, в некотором государстве, где царствовал то ли Додон, то ли Горох. Родя Веселкин никогда в жизни не только не писал таких писем, но никогда не подозревал, что такое чудесное состояние бывает с человеком, и как будто это не он прежний, а совсем другой. И когда ему надо было подписаться, Родион, он вдруг подумал: "Родион! Да это не Я!" — И ему вспомнилось, как однажды, выехав из перелеска в поле с казаками, как раз из того же перелеска, совсем недалеко на белом в яблоках коне показался блестящий молодой германский офицер. Увидав, что он наскочил на казацкую часть, офицер принялся часто стрелять. А казак один, не торопясь, по-русски, спешился, прицелился из винтовки, и офицер повалился с коня. Какой это был красавец, как был одет. И узнали, что имя его было Рудольф. — Пусть это

буду я, — сказал Родя. И подписался “Рудольф”. А для адреса дал только “Р”: Р. Веселкину».

С. 42 *(Памяти В В.Розанова).* — Пришвин отсылает к Розанову как философу пола.

С. 43 ... *для журнала «Семья и школа»...* — журнал для родителей, который выходит в Москве с 1946 г., в настоящее время считается, что журнал восходит к одноименному изданию, выходившему в Санкт-Петербурге с 1872 по 1888 гг.

С. 44 ... *только суету сует.* — Екк. 1–2.

Выборы. — Газетная вырезка вклеена в дневниковую тетрадь 1947 года, название газеты не определяется, но имеется дата внизу статьи: «Советская демократия. Задачи советской демократии принципиально иные, чем демократии в буржуазных странах. Там демократия, как демократия, еще должна завоевать возможности для своей свободной творческой деятельности. У нас эти возможности налицо. Там, в зарубежных странах, господствует принцип индивидуальной наживы. У них личное благо — прежде всего. Советская же демократия имеет в своей основе принципы коллективизма и товарищеского сотрудничества. Мы говорим: благосостояние социалистического государства — прежде всего; хочешь поднять свое личное благосостояние — поднимай благосостояние социалистического общества. Непрерывное укрепление социалистического государства, рост его материальных и культурных богатств, улучшение работы всех его органов ведет к дальнейшему увеличению благосостояния отдельно взятого советского человека, к развитию его интеллектуальных и моральных качеств. Советская демократия имеет глубоко позитивный характер, вследствие чего она предъявляет к советским людям повышенные требования (Из письма М.И. Калинина избирателям Ленинградского городского избирательного округа 5 февраля 1946)».

С. 45 *Переживается суровая речь Сталина...*– по-видимому, имеется в виду речь Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, состоявшемся в Большом театре 9 февраля 1946 года. В этой речи Победа в войне объяснялась уже исключительно преимуществами советского общественного строя, многонационального государства, коммунистической партии и Красной Армии, как первоклассной армии, имеющей самое современное вооружение,

опытнейший командный состав и высокие морально-боевые качества, а также небывалым ростом производства и потому достаточным количеством металла для производства вооружения, топлива для транспорта, хлеба для снабжения армии. Ни единого слова не было сказано ни о народе, ни о солдатах и офицерах, работниках тыла, колхозниках, ни о помощи союзников — о чем с такой безысходностью записывает в дневнике Пришвин. http://www.oldgazette.ru/lib/stalin2/02.html

С. 48 ... *обрадован <...> рукописью В. Смирнова «Открытие мира».* — Речь идет о романе Смирнова В.А. «Открытие мира» (1947), главным героем которого был мальчик, пытающийся разобраться в жизни, что было существенно для Пришвина, который в романе «Осударева дорога» задумал показать строительство канала через восприятие мальчика Зуйка. Ребенок раньше или позже непременно впервые сталкивается с чуждым его обычному окружению миром непонятных взрослых людей, занятых часто также непонятным делом. Реальность предстает через призму его взгляда, как нечто удивительное, подчас таинственное, первозданное, что ребенок часто компенсирует, обращаясь к знакомому сказочному смыслу. В то же время ребенок естественным образом стремится найти свое место в этом мире, понять свое предназначение — он не обременен опытом, предубеждением, у него есть запас времени — он гораздо более свободен на старте. Именно поэтому в трудный момент взгляд ребенка (сродни «первому взгляду») может обнаружить выход в объективно безвыходной ситуации.

С. 49 ... *журнал «Дружные ребята».* — Журнал «Дружные ребята», двухнедельный журнал для крестьянских детей (в 1932 «Журнал колхозных ребят», в 1933–1937 — «Колхозные ребята»), издавался в Москве в 1927–1953 годах как орган ЦБ юных пионеров и Наркомпроса, затем ЦК ВЛКСМ.

... *«инженеры душ»...* — это выражение впервые появилось в очерке Ю. Олеши «Человеческий материал» (1929); считается, что слова «писатели — инженеры человеческих душ» произнес Олеша на встрече литераторов со Сталиным в доме Горького 26 октября 1932 г. Сталин процитировал этот афоризм, который ему позднее и приписывался.

С. 50 ... *Разумнику два года в ссылку деньги посылал.* — Литературный критик Иванов-Разумник, с которым Пришвин поддер-

живал дружеские отношения до его отъезда за границу в 1942 году, автор первой критической статьи о творчестве Пришвина «Великий Пан» (1910–1911). Ср.: «У каждого из нас много друзей-приятелей до черного до дня; но естественно, что на другой же день после моего ареста все эти друзья-приятели забились в кусты — очень напуганы и зайцеподобны стали теперь люди, иной раз носящие весьма громкие имена <...> только два-три (из десятков друзей-приятелей) оказались действительными друзьями, не побоявшимися даже (даже!) переписываться со мною, жителем саратовским. Таков был старый друг еще и гимназических времен А.Н. Римский-Корсаков, но здесь подробнее скажу только о другом старом друге, М.М. Пришвине. Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и в Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-нибудь работе для меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще и существую в сем «физическом плане» — и не могу молчать об этом» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки// М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 264–265, 500–501).

С. 52 *Ремизов жив и пишет воспоминания.* — Источник информации, полученной Пришвиным о Ремизове, в данном случае остался неизвестным. Пришвин познакомился с писателем А.М. Ремизовым и его женой Серафимой Павловной в 1907 г. и был вовлечен в литературную игру Ремизова — его «Обезьянью Великую и Вольную Палату», уникальный жизнетворческий опыт писателя, который стал не только частью его жизни, но и важной составляющей истории русской словесности первой половины XX века. (См.: *Обаткина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. ИД Ивана Лимбаха, 2001). Ср.:«***Б/д.***Я был очень близок Ремизову и не откажусь теперь признать его своим учителем», «***Б/д.*** Через Ремизова я поверил в себя»; «Б/д. Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил»(РГАЛИ); «***9 Февраля 1927.*** Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказик "Гусек", приготовленный для детского журнала "Родник", сказал мне: "Вы сами не знаете, что написали". Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников Аполлона. Его интриговало провести земляной, мужицкий рассказ в "сенаторскую" сре-

ду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу и его напечатали: получился "букет" <...> Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты. Я был не одним из таких "хороших" учеников Ремизова. Знаю, что А.Н. Толстой не откажется признать Ремизова своим учителем. На моих глазах с огромным терпением из первых крайне путаных рассказов В. Шишкова он вылупливал его здоровое сибирское ядро. Было много и других учеников у Ремизова, и все, кто чему-нибудь научился у Ремизова, сделались в писаниях своих почти прямо противоположными его собственным писаниям. Столбовую задачу Ремизова я бы теперь характеризовал как охрану русского литературного искусства от нарочито мистических религиозно-философских посягательств на него со стороны кружка Мережковского, с другой [стороны] — тенденциозно-гражданских влияний не умершего еще тогда народничества»; «*20 Декабря 1928* <...> я люблю людей умных с родственным вниманием в глазах, А.М. Ремизов мне очень нравился» (Дневники. 1926–1927. С. 211 ; Дневники. 1928–1929. С. 342).

... блат/ Вознесся пышно. — Запятая не в том месте изменила смысл известной пушкинской цитаты и устаревшее слово «блат» (болот) получило совершенно другой иронический смысл: знакомство, которое используется в корыстных целях.

С. 53 *... о новой книге Хаксли Юлиана <...> о генетике.* — По-видимому, имеется в виду книга одного из создателей синтетической теории эволюции Дж. Хаксли «Эволюция. Современный синтез» (Evolution: The Modern synthesis, 1942), в которой положения классического дарвинизма пересматриваются с позиций генетики начала XX века. С основными идеями Хаксли Пришвин мог познакомиться по статье: Хэксли Дж. Хэксли о теории эволюции // Британский союзник. 1945. 15 июня. №28 (153). Дж. Хаксли дважды приезжал в СССР (в 1931 и в 1945 гг.). Комментарий А. Медведева.

Мелькает мысль о биологическом состоянии девственности и аскетизма, как рычагов прогресса. — Ср.: размышления Розанова о роли аскетизма в религии и культуре, например, в его статье «Смысл аскетизма» (1897). *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. С. 168–176. Комментарий А. Медведева.

... дневник <...> как писал, например, бывший царь Николай II... — современные исследователи отмечают предельную лаконичность и сдержанность дневника Николая II, но тем не менее рассматривают его как ценный исторический документ. *Михеев Михаил.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) — М.: Водолей Publishers, 2007. С. 164–180. http://yanasedova.livejournal.com/35022.html

С. 54 *... так мой дядя Игнатов прочел подряд весь Энциклопедический словарь Брокгауза.* — Эпизод, описанный Пришвиным в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1927). Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 143–144.

С. 58 *... как медведь с пустынником...* – аллюзия на басню И.А. Крылова «Пустынник и медведь» (не позднее мая 1807 г.)

С. 59 *Это будут Митраша и Настя.* — Сутулов и Анна (позже Мария) — герои романа «Осударева дорога» («Канал»), Митраша и Настя — герои «Кладовой солнца».

С. 60 *Научи мя оправданием Твоим...* – тропарь всенощного бдения.

С. 61 *... моя несчастная «Мирская чаша».* — Имеется в виду «Повесть нашего времени» (1845), которой Пришвин вначале дал заглавие «Мирская чаша». Одно и то же заглавие писатель дает первой повести революционных лет — «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922), которую также не удалось опубликовать (впервые с купюрами в 1978 г., полн. текст в 1991), и первой повести военных лет (впервые в 1957). Чаша, в христианской традиции, евхаристический символ жертвы, сосуд божественного духа, в новой ситуации, с одной стороны, мирская, с другой — это душа художника («***21 Февраля 1919.*** Мирская чаша. Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей — мирская чаша, и все, что было в ней, выплеснули вон и налили в нее щи, и человек двадцать Исполкома — члены и писаря — деревянными ложками едят из нее» (Дневники. 1918–1919. С. 346–347)). Страдающая, опустошенная, но все равно чаша, наполненная щами, — «хлеб насущный» в голодный год; теперь чаша — душа (личность), вопреки всему питающая. В свете истории возникновения заглавия его символическое значение, и без того очевидное, усиливается, а общее заглавие двух разных текстов указывает на общность авторского замысла: в обоих произведениях личность не исчезает в массе, не растворяется, а действует, культурно обживая («питая») новый мир.

«Родники Берендея» и «Рассказы егеря». — «Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции "Ботик"» (1925), произведение, в котором Пришвин вновь (после повести «Черный араб», 1910) обращается к форме художественной циклизации; впоследствии «Родники» входят первой частью в книгу «Календарь природы» («Весна»); «Рассказы егеря» — цикл охотничьих рассказов 1924–1927 гг.

... сказано в «Фаусте»: «В начале было дело». — Ср.: «"Пролог на небе" бессмертного "Фауста" Гете — подражание книге Иоанна (Библия). Заимствование из нее подтверждено самим Гете: "То, что экспозиция моего "Фауста" имеет некоторое сходство с экспозицией Иоанна, верно, — сказал Гете своему секретарю Эккерману <...>". В той сцене, которая предшествует явлению Мефистофеля, то есть за минуту перед тем, как овладела им враждебная сила, Фауст переводит из Св. Писания 1 главу Иоанна. Он хочет поправить и выразить по-своему мысль евангелиста и такою гордостию становится доступен губительному искушению. Недовольный выражением первого стиха из Евангелия от Иоанна: "В начале было Слово", Гёте сперва пишет: "В начале была Мысль" — потом: "В начале была Сила" — отвергает и то и другое, и, наконец, останавливается на выражении: "В начале было Дело", которое кажется ему более точным, нежели Иоанново, но которое столь же достойно отвержения, как и оба первые. Гердер, комментируя этот евангельский текст и греческий богословский термин "Логос" ("Слово"), в своих "Комментариях к Новому Завету" писал: "Слово! Но немецкое "Слово" не передает того, что выражает это древнее понятие "Слово"! "Смысл"! "Воля"! "Дело"! "Деятельная любовь"! Гете в соответствии со своим пониманием бытия, исторического и природного, предпочитает всем этим определениям понятие "Дело": "В начале было Дело — стих гласит"» (http://www.kultura.uz/component/content/article/29-news/1684-2011-11-22-v-nachale-bylo-delo.html).

С. 62 *Прерафаэлиты.* — Течение в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, направленное против условностей Викторианской эпохи, ориентированное на эстетические идеалы Средневековья и раннего Итальянского Возрождения.

С. 63 *... развернулась великой картиной его «Степь».* — Повесть А.П. Чехова «Степь» (1888), его первое большое произведение, которое он считал своим дебютом в большой литературе.

Вот мостик у Левитана... — по-видимому, имеется в виду картина И.И. Левитана «Мостик. Саввинская слобода» (1884).

С. 64 *Горький <...> называл геооптимизмом...* — имеется в виду очерк Максима Горького «О М.М. Пришвине» (1926).

... английский писатель Джефферис... – во вступлении к английскому изданию повести Пришвина «Жень-шень» (Jen Sheng: the Root of Life by Mikhail Prishvin) профессор биологии Джулиан Хаксли (Гексли) сравнил Пришвина с Ричардом Джефферисом («История моего сердца»), что естественно вызвало интерес Пришвина. Пришвин читал книгу Джеффериса «The Story of my Heart» (1883) в немецком переводе (Richard Jefferies. Die Yeschichte meines Herzens. Yena: 1906). Книга находится в библиотеке Пришвина (ГЛМ). На страницах остались пометы писателя и записи на полях; вот некоторые из них: «Итак, "усиление" души = моему "методу" исследования жизни» (с.13), «А это часто бывает, что чувствуешь, насколько больше таится в душе, чем понимаешь. Но редко кто в этом видит наше неизмеримое богатство» (с. 13), «Чудом я называю природное явление в тот момент, когда оно достигает внимания и душевного понимания человеком, таким образом, вся так называемая "естественная история" есть история чудес» (с. 38), «Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее любим и не спрашиваем о взаимности» (с. 62).

С. 65 *Только в городе с такой силой взрывается весна света.* — См. об этом в рассказе «Город света» (1943): «Только в одном-единственном городе Петербурге (Ленинграде) я не испытывал этого отталкивания от себя своего родного, слишком родного. Только не надо думать, что меня, повидавшего европейские города, Петербург привлекал своим внешним европейским порядком. Нет, он привлек меня, как город Петра, своим движением к свету — в этом была его красота, и этим он противостоял неподвижности моей физической родины. И потому этот город стал моей духовной родиной, и свою любовь к нему я так ревниво оберегал, что никто из самых внимательных моих читателей не догадался о происхождении моего чувства природы <...> не порядок европейского города привлек меня в Петербург. Нет, я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты. Везде во всей России, мне казалось тогда, за мною следят, глазеют мои родичи, везде я чувствую как бы родовое насилие над моей личностью, только в одном Петербурге мне было в России свободно.

Для множества людей чувство природы связано с чувством родины непосредственно <...> И только очень немногие понимают: бывает, как, например, у меня, чувство природы с особенной остротой зарождается в городе. Но я это свидетельствую, что мое чувство родины, и лучшие образы, и радость жизни, и признаваемое всеми здоровье моего словесного дела зародились именно в «гнилой» природе Петербурга. И если я, изображая природу на Плещеевом озере близ Переславля-Залесского, ввел в календарь природы первое предчувствие весны и назвал ее «весной света», то, конечно, я вывез эту весну из Петербурга. Удивительно, как много потрудились перья поэтов над изображением петербургских дождей, туманов, липкого мокрого снега и тревоги белых ночей! Но почему, насколько помню, мало кто обратил внимание на весну света в этом северном городе, когда первый небесный свет преображает чудесные, еще обеленные зимним снежком здания? Я не знаю ничего прекраснее весны света в Ленинграде, и всем своим роскошно-прекрасным бродяжничеством по нашей великой стране я обязан этой весне света». В Петербурге Пришвин жил с 1905 по 1918 год, считал Петербург своей «писательской родиной» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 583–587).

С. 66 *... мысль о милостивом самарянине...*– Лк.10:25–37.

Понятен выход Сверхчеловека... – ср.: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что до́лжно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? <...> Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 8–9). В библиотеке писателя (Музей Пришвина, ГЛМ) нет случайных книг, только те, к которым он постоянно обращался («вечные спутники»), среди них — томик Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (СПб.1913).

С. 68 ... *Канон Андрея Критского.* — Великий канон Андрея Критского читается в понедельник, вторник, среду и четверг первой седмицы и в четверг пятой седмицы Великого поста.

С. 72 ... *природа это весь человек...* — ср.: «29 Апреля1945. <...> человеческая личная жизнь есть момент в жизни Всечеловека, и Весьчеловек — это не я и не ты, идущий по улице, и не ты, едущий в трамвае. Это Ты, Господи, наполняющий Собою весь мир» (Дневники. 1944–1945. С. 511). Ср. также: слова св. Григория

Нисского, который наиболее ясно высказывался относительно природы Адама как Всечеловека (пер. архим. Киприана Керна): «Имя сотворенному человеку дается не как какому-либо одному, но как вообще роду»; «В одном теле была сообъята Богом всяческих полнота человечества... поэтому целое наименовано одним человеком». Св. Григорий видит в «Адаме» идею человечества, но это не отвлеченная идея, а конкретная реальность, «универсальная природа. Индивидуумы же являются только ипостасями ее, отличными по своим свойствам» (*Арх. Киприан.* Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950. С. 160. http://www.alexandrmen.ru/books/tom2/2_pril08.html#5).

... воспоминания Ильи Толстого... — имеется в виду книга воспоминаний сына Льва Николаевича Толстого: Толстой И.Л. «Мои воспоминания» (впервые 1914).

... мой Лева тоже — что-то ведь напишет о мне, а что? — Ср.: «***9 Августа 1944.*** Был разговор ночью с Лялей, что если бы... — Эти вздохи, — сказала она, — я чувствую, бывают у меня в минуты паденья. — Мне вспомнилось время далекое, когда я возился с Яшей, ребенком Ефр. Павл., возил его по городу и как счастье принимал, что люди простые обращались к мальчику, как к моему сыну, тем самым делая меня отцом, каким-то настоящим человеком, как все. А потом были свои, и через них мне что-то доставалось от "всех". И они росли возле меня... (что-то вроде опыта в сосудах). И вдруг все провалилось, все рассеялось, как туман, переменилось, оказалось выдумкой. Михаил, будь построже к себе, вспомни все, реши раз навсегда, покрепче подумай и реши. — Я думаю, Ляля, — сказал я, — что у нас с тобой это отталкивание от родных — чувство одинакового происхождения. Именно в падении оно рождается. Посмотри на тех мужчин, кто действительно любит своих детей: преступники любят их больше, для них в этой любви находится камень, на который они опускают ногу и, нащупав, становятся всем телом. И им хорошо, они оправданы. А нам-то что? Бывает, понравится человек, потом полюбишь его, и вдруг к нему приезжает брат: это не тот человек, но внешне похож, и это так неприятно бывает, почти неприлично, как будто он, родственник, низшее физическое существо, предъявляет свои права на нечто высшее, духовное, определившее наши отношения. И вообще, каждый "родственник" похож чем-то отчасти на жида, прокладывающего себе путь в хорошее общество. Мы и теперь носим в себе

это чувство родового отталкивания, принимающего разумную форму закона, независимого от родства. Может быть, именно в этом устремлении общества к идеалу высшей связи между людьми рождается у всехристианских народов неприязнь к евреям. Еврей — это ведь всем родственник» (РГАЛИ).

... рукопись Григорьева о Горьком для детей. — Имеется в виду повесть С.Т. Григорьева «Кругосветка. Повесть о далеком былом. Алексей Пешков» (1945).

С. 73 *... мы — цари.* — Пришвин часто по разным поводам обращается в дневнике к разным эпизодам из жизни Валерии Дмитриевны. В данном случае это жизнь кавказских пустынников, у которых В. Д. бывала. Ср.: «Днем мы работали по нашему несложному хозяйству, читали, помогали о. Даниилу в его небольшом огороде, где стояли колоды пчел. С наступлением вечера, когда солнце пряталось за края нашей чаши, долго еще освещая вершину Ачиш-Хо, мы снова вычитывали все положенные службы, а потом в сумерки разводили костер, и тут начинались увлекательные беседы с участием о. Даниила. Иногда он пек нам на угольях "рябчиков" — так называл он блины на закваске, которые были высшей роскошью наших трапез. Без нас питаньем отца Даниила много лет были овощи и кукуруза, росшие на его огороде, да дикие плоды окружавших лесов: каштаны и груши. Сумерки падали быстро. Последний луч угасал на вершине, и тогда в густых зарослях, окружавших нашу поляну, на сотни километров вокруг начиналась своя ночная жизнь. Ночь в горах так же оживленна и шумна, как день в мире человеческом. Крики, свист, рев, вой, цоканье, трещанье — множество самых разнообразных и непохожих один на другой звуков наполняют леса южной ночью и сливаются в мощный хор. Мы прислушиваемся к дикой многоголосной музыке, время от времени подбрасывая хворост в костер. Тем временем чайник закипает. О. Даниил кидает в него горсть "чая" — сушенной на солнце дикой мяты. У вечернего костра и родилась книга "Близ заката". Рукопись ее не сохранилась, хотя и была переписана нами в нескольких экземплярах. "Мы — цари", любил говорить о. Даниил, угощая нас "рябчиками" и повествуя о трудной, полной жесточайших лишений и опасностей жизни монахов-пустынников» (Невидимый град. С. 313).

... нет утешения. — Пришвин часто вспоминал о. Афанасия, священника в Хрущеве, и слова «нет утешения, нет утешения»,

с которыми он пришел отпевать брата Пришвина Александра Михайловича, Сашу. Ср.: «Б/д. О. Афанасий – центральная личность в Хрущеве. Прошлый год, когда ругали мужиков, он заступился и назвал хороших: все такие же блаженные, как он. Недостроенная церковь – вот его образ»; «Б/д. О. Афанасий был попик блаженный, про себя нес человеческое горе, но людям отвечал улыбкой из-под горя, как бы сочувствуя им в необходимости жить, а мужики по-своему понимали его, говорили: “Самый крестьянский поп”» (Путь к Слову. С. 31–32).

... в Европе было произнесено «совесть — химера»... – ср.: «Недоуменные взгляды Геринга, Розенберга, Шираха, Штрейхера как бы вопрошают: “Позвольте, а мы-то тут при чем?” Эта их “святая наивность” никого, однако, не могла обмануть. Именно они, Геринг и Розенберг, Штрейхер и Ширах, в течение многих лет развращали немецкий народ, внушали ему, что “совесть – химера”, от которой истый германец должен освобождаться, что, кроме немцев, нет в мире людей, достойных существования» (*Полторак А.* Нюрнбергский эпилог. http://lib.rus.ec/b/76485/read).

С. 74 *... разбегаюсь на взлет — писать «Канал».* – Ср.: ниже размышления к роману «Падун»: «<Позднейшая приписка Пришвина: (NB. Заехал!)>: Было ли вполне свободно то первое движение, которым я определился, как раб. Или господин мой сам определен как раб еще более властной рукой, чем рука моего господина? И выше того господина снизу и горшего раба сверху неужели тоже? Но как же иначе: да, конечно, все совершается так, будто единый человек во множестве лиц по необъятной лестнице, внизу исчезающей из нашего зрения во тьме, вверху скрытой в голубом тумане, поднимается вверх. По мере того, как Данте поднимается вверх, темные лица, взятые внизу, лица рабов, уходя вниз, становятся к Данте голубой стороной господина и опускаются. А снизу бесконечная лестница приносит вверх темные лица рабов, обращенные кверху голубыми, а голубые господа возвращаются вверх исподней стороной, темными рабами. И так будто по лестнице идет вверх к свету один человек – голубой стороной господина с лица и с черным лицом раба снизу. И так до последнего наверху, самого высокого, самого сильного господина, который в то же время и самый великий, самый зависимый раб Неизвестного. Неизвестный – это народ, воля которого выходит, распределяя пирамидой свободу и необходимость вплоть до последнего лица, в высоте соединяюще-

го в себе и свободу и необходимость. Каждый отдельный в народе начинает жить, как господин (ребенок), и кончает жизнь рабом (умирает). Так определяется, накопляясь в размножении, основной фонд власти и рабства. Чем многочисленней народ, тем больше фонд восходящей жизни и смерти, составляющие власть на земле (господ и рабов). И значит, вся власть на земле производится силой размножения, причина власти на земле исходит от действия пола. Такое происхождение власти. Возникает вопрос о формировании. Скорее всего и тут действие Мужчины и Женщины — в основе с самостоятельным последствием образованных борьбою мужских и женских групп сословий, каст, классов, наконец, идей, обращенных иногда острием против самого первоначального источника власти. Так в борьбе идей возникает христианство, как власть над жизненной властью, власть Богочеловека над богом-быком и т. п. (На этом пути преобразуется самое существо жены-рабыни в жену-госпожу, в Царицу Небесную и самый меч господина в Слово)».

С. 76 ... *превратилась в соляной столп.* — Быт. 19:26–25.

С. 78 ... *год замужества и где узнала о смерти Олега.* — Летом 1930 г. В. Д. снимала дачу в деревне Дунино на берегу Москвы-реки и запомнила необычный дом с открытой восьмигранной верандой на склоне в глубине усадьбы, в котором Пришвину было суждено провести свои последние годы. Летом 1930 г. Олег Поль (иеромонах Онисим) вместе с другими кавказскими монахами-пустынниками был расстрелян, их общий с Валерией Дмитриевной друг приехал в Дунино с этим страшным известием.

Весна света — это чаяние Жениха (см. Фета). — Аллюзия на стихотворение А.А. Фета «Глубь небес опять ясна» (22 марта 1879). «Глубь небес опять ясна,/Пахнет в воздухе весна./Каждый час и каждый миг/ Приближается жених».

Читал речь Черчилля в Фултоне. — Имеется в виду Фултонская речь (англ. Sinews of Peace) - речь, произнесенная 5 марта 1946 года Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, США; в СССР считалась сигналом для начала холодной войны. http://www.militaryparitet.com/vp/01/

С. 85 ...*«Покойся, милый друг, до радостного утра»...* - неточная цитата моностиха Н.М. Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра» (1792).

С. 92 *... как у Ницше говорится, любовь к Дальнему.* — К антитезе любви к ближнему и дальнему, сформулированной Ф. Ницше в книге «Так говорил Заратустра» (1885), Пришвин постоянно возвращается в разные годы, обнаруживая в современной жизни коллизии, в которых оба моральных принципа актуализируются, то непримиримо сталкиваясь, то взаимодействуя. Ср.: «*7 **Июля 1935.*** Дальний (призрак) — это Бог, ближний — это человек. Любовь к Дальнему (к Богу), любовь к ближнему (человеку)» (Дневники. 1932–1935. С. 746).

... одно семя попало на добрую землю...– Мф. 13:8.

Царь же Соломон эту самую любовь вознес до небес... – 3 Цар. 4:32.

С. 93 *Воля приговоренных к смерти.* – Имеются в виду нацистские преступники — подсудимые Нюрнбергского процесса.

... Пугачева, сказавшего: «Через меня, окаянного, Господь Русь покарал»... – в разных источниках упоминаются слова уже поверженного Емельяна Пугачева: «Видно Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство».

С. 98 *...любовь Магдалины ко Христу...*– Лк. 8:2; Мк. 16:9; Ин. 20:11–18.

С. 102 *... у Горького его жвачка «Клим Самгин».* — Имеется в виду последний неоконченный роман Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936).

С. 103 *... во всякое время, во всяком месте...* – Подвижнические уроки св. Иоанна Лествичника. Гл. 3–1.

... директор з-да «Металлист»... — небольшой завод «Металлист», производящий поилки для птицефабрики, ведра, почтовые ящики и пр., находился недалеко от деревни Дунино.

С. 106 *... Б. Шоу: «Спутник интеллигентной женщины...* — имеется в виду книга Б. Шоу «Путеводитель для интеллигентной женщины по социализму и капитализму» («The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism», 1928).

С. 112 *... в полях сорочье царство (памяти С.А. Клычкова)...* — отрывки из романа С. Клычкова «Сорочье царство» были опубликованы в 1925 году в альманахе «Круг» (№ 5) и журнале «Красная новь» (№ 7).

С. 113 ... *было как будто «Израиль вышел».* — Исх. 13–13:17–18.

(«Учитесь властвовать собою»). — Строка из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831).

С. 116 ... *в Палестину приходят не те, кто вышел из Египта...* – Исх.

С. 122 *(«Смерть Ивана Ильича»).* — Имеется в виду повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886).

С. 125 ... *«зрю» в этом свои прегрешения...* — великопостная молитва Ефрема Сирина.

С. 126 ... *пробовал, будучи мальчишкой, убежать в Азию...* – в 1885 г., будучи гимназистом Елецкой гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майна Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц». В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег в “Америку”», хотя иногда в дневнике называет его “побегом в Азию”». Ср.: «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитанное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град». См.: О двух крайностях // Собр. соч. 1982–1986. С. 781; см. также: Кащеева цепь / Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95–111. Ср.также: *«**16 Мая 1932.*** Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов — индейцах. Мы из-за них бежали в Америку» (Дневники. 1932–1935. С. 132).

С. 127 *Диплом Географического Общества.* — После выхода первой книги Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907) он был удостоен серебряной медали Императорского географического общества и звания его действительного члена.

... судьба <... > привела в «край непуганых птиц» и опять привела в этот край, когда строился канал... – в 1906 году Пришвин совершает свое первое путешествие на Север в Олонецкую губернию, где занимается сбором фольклорно-этнографического материала. Дневник поездки становится его первой книгой «В краю непуганых птиц» (1907). В 1933 году он узнает, что Беломорско-Балтийский канал им. И.В. Сталина проходит по части просеки, которую сквозь болотистые леса прорубил Петр Первый в годы Северной войны, чтобы волоком протащить суда в тыл шведам в Онежское озеро. След «осударевой дороги» — так называли пе-

тровскую колею в народе — Пришвин в 1906 году застал и сфотографировал. Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог. После поездки он приступает к работе над романом о свободе и необходимости (в его терминологии, «хочется» и «надо») и окончательно определяет географическое и историческое пространство будущего произведения.

С. 130 ... *всякое дыхание да хвалит Господа!* — Пс. 150.

... *сидела Софья Павловна Коноплянцева...* – жена Александра Михайловича Коноплянцева, земляка и гимназического друга Пришвина, который в 1904 году содействовал его переезду в Петербург. Ср.: «***3 декабря 1949.*** Коноплянцев был моим другом, и от него веяло на меня славянофилами. От него остались знакомые мне книги от Аксакова до К. Леонтьева и Розанова» (РГАЛИ). Дружба позволила им с честью выдержать серьезное испытание: роман Пришвина с Софьей Павловной Коноплянцевой в 1918–1919 гг.

С. 141 ... *заняться книгой «Моя страна».* — Сборник «Моя страна» вышел в 1948 г.

С. 144 ... *изловить убегавшую от меня невесту.* — Имеется в виду Варя Измалкова, которая, узнав о возможном приезде Пришвина в Данию, запретила ему следовать за ней. Ср.: «***21 Марта [1912].*** Письмо, которое не будет послано. <...> Последние слова, которые меня окончательно придавили и показали невозможность нашей обыкновенной встречи, были в Вашем письме из Стокгольма. Вы писали, что я какой-то средневековый рыцарь и что тюрьма нанесла мне вред... "Не какой-нибудь необыкновенный, а просто физический..." Писали Вы это от страха, что я приеду в Стокгольм изучать маслоделие. И представьте себе, что все было налажено, мне даже была ассигнована какая-то значительная сумма для изучения скота в Дании. Тут получается Ваше письмо, и все мое скотоводство проваливается — да как! И потом много, много таких крушений — оказывалось, я все любил только из-за Вас, но что-то оставалось все-таки: я помню цветы, было какое-то весеннее безумие в цветах, я бросил агрономию и стал ботаником: занимался цветами, жил в какой-то избушке, и вокруг меня были люди с сокрушенными сердцами» (Ранний дневник. С. 142).

С. 145 ... *первый построил в 1917 году ...* – ср.: Впервые мысль о покупке дома появляется у Пришвина в 1914 году и связывает-

ся не столько с устройством быта, сколько с задачей внутренней жизни и с рабочими планами: «***10 Февраля 1914.*** Хочу дом купить, зачем? Время приходит собираться в точку. Много, много сделать всего». Спустя два года на земле, полученной в наследство от матери, Пришвин впервые в жизни строит дом. Жить, однако, долго в нем ему не пришлось: хотя дом был небольшим, а надел земли, равный крестьянскому, Пришвин обрабатывал своими руками, в 1918 году он был вынужден покинуть родные места: крестьяне «представили» ему «выдворительную», и под угрозой расправы он уходил из Хрущева лесом, «стыдясь и страшась» встречи с людьми, а в дневнике в эти дни появляется запись: «***8 Октября 1918.*** И я клянусь себе, сжимая горстку родной земли, что найду себе свободную родину». Самым удивительным остается, пожалуй, то, насколько верными с точки зрения никому не видимой внутренней жизни Пришвина были суровые жизненные обстоятельства, заставившие его сняться с места. Дело в том, что Пришвин в это время более всего путешественник, и не с домом, а с путешествием связаны и его мечты, и его книги. Ср.: «***26 Июня 1917.*** Жизнь есть путешествие. Немногие это сознают. Я всегда был путешественником, и все, за что я брался, было для меня только опытом: нужно что-то узнать для какого-то плана. Россия была всегда для меня страной неизвестной, где я путешествую. Семья — опыт. Дом, который выстроил, часто мне представляется кораблем, вечером, когда я сижу на террасе, весной, летом, осенью, зимой, кажется мне часто, будто я куда-то плыву, в страны разного климата» (Дневники. 1914–1917. С. 47, 455. Дневники. 1918–1919. С. 254).

С. 146 ... *как Гоголь после обращения в православие...* – ср.: «Б/д. Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становиться тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника — ставить на разрешение проблем морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он — не солнце... Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно всем русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что “всего” сказать невозможно никакими средствами,

и если бы кто-нибудь сумел сказать "все", то жизнь человека на земле бы окончилась <...> Претензия на учительство — это склероз великого искусства» (*Пришвин М.* Незабудки. — М.: Художественная литература, 1969. С. 141–142); «***7 Февраля 1935.*** Большой писатель неизбежно принужден строить подпорки для своей тяжелой славы. Вот надо найти в раннем Толстом зародыши его проповедничества и просмотреть, как зародыши дали болезнь толстовства (и у Достоевского, и у Толстого нити этого грибка пронизывают с самого начала худож. творчество, а у Гоголя, кажется, нет, художество отдельно, а «Письма к друзьям» отдельно: и потом сразу как явление черта» (Дневники. 1932–1935. С. 604); «***2 Декабря 1936.*** Читаю Л. Толстого дневник 1910 г. Очень понимаю по себе потребность в таком дневнике: не вынашивать мысли с собой до конца и так незаметно реализовать их в действии, а схватывать в самом начале, заносить в дневник и тут, в процессе писания, дорабатывать. Таким образом, жизнь кончается словами. Я помню, что и В.В. Розанов обратил на это внимание и сказал, что Толстой слишком много пишет. Но может быть, Толстому так и надо, в этом особый подвиг Толстого, чтобы под конец своей жизни думать о самом важном, или вертеться колесу на холостом ходу. Вместо этого я предпочел бы художника, вбирающего в себя, как леса при постройках, и самые важные мысли. <...> Почему Толстой не мог добиться реальности в своем служении Богу посредством своего творчества и должен был вынести этого Бога своего куда-то за границу достижения союза с Ним в своем творчестве? <*Приписка:* Бога... надо как можно меньше рассуждать о Нем, надо это держать в глубочайшей тайне, служить Ему, не называя, пряча Его силу, как прячется ток... Чтобы сам труд твой подводил людей к Богу.> Почему? Это надо будет исследовать. Вот и Гоголь тоже, как будто забирая плугом все глубже и глубже, открывает на пути своего Бога и, обессиленный трудной пахотой, хочет броситься к Нему непосредственно. Или сама природа искусства такая, что нет у нее собственных средств заступить собой всю жизнь, и потому она исчерпывается в душе человека, как в горé золотоносный пласт. Или, наоборот, внутри искусства есть Бог, как и во всяком творчестве жизни, но разного рода попам (о. Матвею, Черткову, нашему, напр., Ставскому и т. п.) боязно упустить овцу из лона своего, и они ловят художника той же самой "реальностью" духа (Бога), как жены ловят на требовании реализации в своей материальной повседневной жизни: тут жены, там попы. Так, забирая плугом все глубже и

глубже, художник устает в поисках реальности, и тут его ловят или жены, или попы <...> ведь и "попы" тоже "обыкновенные". Жена и поп два полюса "обыкновенной" жизни, рассчитанной на "среднего человека". (У Гоголя жена заменяется чертом.)» (Дневники. 1936–1937. С. 376, 378–379. http://gogol.lit-info.ru/gogol/bio/voronskij/poslednie-gody.htm).

С. 147 *На реках Вавилонских...* — Пс. 136.

С. 149 ... *каждая кухарка может управлять государством...* – речь идет об идее В.И. Ленина, выраженной в октябре 1917 г. в работе «Удержат ли большевики государственную власть?»: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка неспособны сейчас же вступить в управление государством. Но мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством в состоянии только богатые или же из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления начато было немедленно, т.е. к обучению этому начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Впоследствии высказывание превратилось в расхожий ленинский афоризм: всякая кухарка может управлять государством.

... *Бог любит всех, но каждого больше...* – Олег Поль (иеромонах Онисим) назвал эти слова Валерии Дмитриевны (тогда Ляли Лиорко) откровением о тайне личности. «***22 Августа 1944.*** ...существует и должна существовать для каждого тайна тайн, которую он открывать не может. Вот эта-то тайна образует из хаоса всех людей — каждого из нас, хранящих эту тайну... Но ведь Христос нас спас. Вы это чувствовали хоть раз в жизни? Если он нас спас, тогда нужно лишь верить и жить верой, любовью. И вот это состояние души остается тайной каждого, образующей его личность»; «***24 Октября 1944.*** Итак, все великое — в исторических лицах, например Наполеона... есть как бы лишь имя тому, что делается всеми. Но что же есть не все, а "я", единственное мое "я", какого не было на свете и не будет? Это "я", эта личность есть не что иное, как явление Бога в каждом из нас. Бог есть любовь, Бог любит всех, но каждого больше: вот это "больше" и чувствуется нами как "я", и это есть личность и Богочеловек» (Дневники. 1944–1945. С. 241, 310–311; Невидимый град. С. 301–302).

С. 150 ... *Что-то вроде свадьбы Подколесина...* — аллюзия на пьесу Н.В. Гоголя «Женитьба, или Совершенно невероятное событие в двух действиях» (1833–1835).

С. 154 *... распоряжался монахами в Белых Берегах...* — речь идет о мужском монастыре Белобережская пустынь (1714, Брянская область), на территории которого в 1919 году была размещена детская трудовая колония Московского отдела народного образования; до 1922 года в монастыре продолжали жить монахи, продолжалось богослужение в храмах. В 1924 году постановлением президиума Брянского губисполкома монастырь был закрыт.

Читаю с восхищением «Записки охотника». — Имеется в виду цикл рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника (1852).

С. 156 *Вера без дел мертва...* — Иак. 2:17.

... как будто в буре есть покой». — Строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» (1832).

С. 157 *... Тушин толстовский, Максим Максимыч у Лермонтова...* — речь идет о капитане Тушине - персонаже романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869) и Максиме Максимовиче — персонаже романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1838–1840).

...«акушеры» у Маркса... — ср.: «Осадное положение Парижа было акушером Учредительного собрания при его родовых муках во время рождения республики» (gumer.info›bibliotek_Buks/History/Article/marx).

С. 158 *... мысль у Достоевского дана в человеке из подполья...* - аллюзия на повесть Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

С. 161 *... (белеет парус) — достижение покоя сопровождается вихрями.* — Аллюзия на стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус» (1832).

С. 164 *... оленей разводить пятнистых?* — Пришвин понимает, что «простецкий» на вид человек — его читатель, знающий повесть «Жень-шень».

С. 165 *... сразу как будто полегчало.* — «Приписка: Валерия Дм.! Мих. Мих. Пришвин просит передать: “Если Катя согласится, приезжай хотя бы дня на три. Я лежу, у меня сухой плеврит, но дела веду хорошо. Скоро будет наплыв отдыхающих, и меня наверно из двойной комнаты погонят. Но пока-то пожили бы хорошо вместе. И я бы отвез тебя в Москву. Захвати с собой на стройку денег. Захвати газеты”».

С. 167 ... *«чти отца и мать»*... — Исх. 20:12

... *край родной долготерпенья.* — Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья» (1855).

С. 168 ... *оставляя мертвым хоронить своих мертвецов...* — Мф. 8:22.

... *читать г-жу Бовари...* – имеется в виду роман Г. Флобера «Мадам Бовари» (1856).

С. 173 *Пожить еще хочется на «Фацелии».* — Так Пришвин иногда называет дачу в Дунине.

... *почему Ляля, болезненно жалостливая <...> когда дело доходит до «священной жертвы», становится такой жестокой...* — ср. «Огромное страдание этой совсем не так легко уязвимой души объясняется размерами ее требований, тем, что она хочет радоваться ли, страдать ли только по великим поводам. Другие люди ходят в миру, ликуют, падают, ушибаются друг о друга, но все это происходит здесь, в средине мирового круга: а вот Ахматова принадлежит к тем, которые дошли как-то до его края — и что бы им повернуться и пойти обратно в мир? Но нет, они бьются, мучительно и безнадежно, у замкнутой границы, и кричат, и плачут. Непонимающий их желания считает их чудаками и смеется над их пустячными стонами, не подозревая, что если бы эти самые жалкие, исцарапанные юродивые вдруг забыли свою нелепую страсть и вернулись в мир, то железными стопами пошли бы они по телам его, живого мирского человека: тогда бы он узнал жестокую силу там у стенки по пустякам слезившихся капризниц и капризников». *Н.В. Недоброво.* Анна Ахматова. Русская мысль, 1915, № 7 // Цит. по кн.: *Ахматова А.А.* Поэма без героя. В 5 кн. — М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 266–267.

... *пусть первый бросит камень.* — Ин. 8:7.

С. 176 *«Бабушка» его — это драгоценность.* — Имеется в виду образ бабушки из автобиографической повести М. Горького «Детство» (1913).

С. 180 *Предстоящая отмена хлебных карточек...* — отмену карточной системы в СССР предполагалось осуществить в 1946 году, но не удалось, по причине засухи в стране разразился голод. Постановление о проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольствие и промышленные товары было принято 14 декабря 1947 г.

С. 182 *... повесть Чертовой «Цветник над бомбоубежищем».* — Произведения Н.В. Чертовой под таким заглавием найти не удалось.

С. 184 *... спасибо за «Милочку»...* — речь идет об отрывке из «Повести нашего времени», опубликованном в журнале «Советская женщина» (1946 г., № 1).

С. 188 *... «на земле, как на небе».* — Быт. 3:15.

С. 190 *... путч де Голля...*– по-видимому, речь идет о знаменитой речи де Голля в июне 1946 года в Байе, где он представил свой проект Конституции.

С. 191 *... более невыносимой, чем теща.* — <Приписка на обороте: Вчера Ляля рассказала Валентину о моих чувствах к теще, и он ответил: «А зачем же их таких соединять?» Простой и мудрый ответ, и в самую точку, потому что Ляля все семь лет пытается соединить несоединимое. Эти две женщины до того различны, что, пожалуй, за все семь лет я у них не слышал ни одного совпадающего мнения. Они совпадают только в болезни — одна болеет — другая жалеет. И так, болея, одна приобретает другую. Значит, надо болеть! И вот такая любовь, а чуть поздоровеет — такая неприязнь, что любящая дочь старается на мать не глядеть. И это любовь, и такая, что если теща серьезно заболеет, станет выбор — я или она, то Ляля, конечно, предпочтет мать. Между прочим, Ляля говорила Валентину, что настоящей любовью своей она считает только любовь к Олегу, потому что в той любви она была бескорыстна, тогда как Михаил приятен ей для себя, от этого она радость для себя получает. — Это и есть настоящая любовь, — ответил В., — а то была просто возрастная мечтательность. Ляля постоянно спрашивает Валентина: — Вы любите? — И он отвечает: — Не могу вам сказать, что именно люблю, потому что не испытал любви и не понимаю, что такое любовь. Если быть абсолютно честным, то другого ответа и дать невозможно, потому что в любовь вмешана ложь, и если очистить любовь от лжи, то остаток нельзя назвать этим же опошленным словом любовь. Валек может быть вполне понят как наивный мужчина, познавший впервые неприятные для мужчины особенности всего женского пола через свою жену. Думал, что это жена плоха, а это все женщины плохи. Валек — это мужчина an sich, это борец за прямую (Лялина кривая).>

С. 193 *После войны началась война с голодом...* — голод в СССР начался в июле 1946 г., достиг своего пика в феврале — августе 1947

г., а затем его интенсивность быстро уменьшилась, хотя какое-то количество голодных смертей еще имело место в 1948 г. Хотя, по оценкам специалистов, несмотря на низкий урожай 1945 г. и засуху 1946 г., запасы зерна, имевшиеся у государства к концу 1946/47 сельскохозяйственного года, с избытком превосходили минимальный уровень, необходимый для поддержания системы нормированного распределения. Характер жертв голода в СССР в 1946–1948 гг. может быть осмыслен в рамках концепции привилегированного доступа, предложенной известным индийским экономистом А.К. Сеном. От голода умирали те, кто в советской системе не имел права на получение продовольствия от государства (сельские жители). Те же, кто имел такое право (преимущественно городские наемные работники – самая привилегированная группа в карточной системе распределения), обычно выживали. Голодные смерти не были прямым следствием природной катастрофы, а были опосредованы советской экономической политикой и советской системой доступа к продовольственным ресурсам; к тому же СССР оказывал значительную помощь продовольствием зарубежным странам. http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/SEM/Ellman.html. Ср. также:. *Зима В.Ф.* Голод в СССР в 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М.: ИИРАН, 1996.

С. 194 *... выгнали из Елецкой гимназии, выгнали из родного угла...* – речь идет об исключении из гимназии в 1889 г. за грубость учителю географии В.В. Розанову и о выдворении из Хрущева крестьянами в 1918 г.

С. 202 *Цветущий сад — это образ покоя...* – сад – одна из важнейших категорий в поэтике Пришвина. Череду образов сада в художественном мире писателя открывает «мартовский» сад, архетипом которого выступает рай – «черный сад» («У стен града невидимого», 1909), далее следует сонный сад («Иван Осляничек», 1912), крымский сад («Славны бубны», 1913), вырубленный яблоневый сад («В саду», 1918), сад детства в Хрущеве и Люксембургский «любовный» сад («Кащеева цепь», 1927), сад художника («Наш сад», 1952) и, наконец, сад – рай в деревне Дунино под Москвой (Дневники последних лет). См.: *А.А. Медведев.* Мотив сада в творчестве М. Пришвина и А. Блока; *Г.Ю. Синицына.* Мотив сада в повести М. Пришвина «У стен града невидимого» и в дневнике 1900–1910-х годов // Сб.: Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С. 173–181.

... («избирательное сродство» у Гете)... — аллюзия на роман Вольфганга фон Гете «Избирательное сродство» (1809).

С. 205 *... трактир «Капернаум»...* — в раннем дневнике Пришвина воспроизводится обстановка религиозных диспутов в новгородском трактире «Капернаум». Ср.: «Капернаум — такое сложное учреждение, с такими разнообразными типами, что нет никакой возможности дать о нем понятие в двух-трех словах. <...> Человек заговорил! Какой глубокий интерес наблюдателю жизни — проследить момент появления слова, момент выхода его из глубины существа, затерявшегося где-то на Сборной улице, приобщения этого существа к человеческому обществу. <...> Чего уже стоит то, что буфетчик "Капернаума" за прилавком, за этим рядом бутылок, держит всегда наготове Библию, и гости временами требуют ее к себе из буфета для справок» (О двух крайностях (К характеристике времени)// Собр. соч. 1982–1986. Т.1.С. 780).

... («принял Христа, как заразу, как сифилис»). — В Раннем дневнике (1905–1913) имеются материалы к задуманному Пришвиным, но так и не осуществленному роману о богоискательстве народа (хлыстовские секты) и интеллигенции (религиозно-философское общество «Начало века»). Ср.: «1908–1909. Кукарин. А я с женой всю жизнь свою по-скотски жил, так и скажу, что по-скотски. Посмотришь другой раз вокруг себя, вспомнишь время: Господи, я ли это и та ли это жена. Бывало, стоишь на клиросе и знаешь, что тут она — и голос, и чувства — все для нее. Отвергла меня, женился зря и всю жизнь прожил, и всю жизнь, казалось, по-скотски с ней жил, а любил ту; умирала жена, и тут вдруг что-то стукнуло в меня: да это она, та самая, моя первая умирает, а я-то и не знал, да как же это со мной случилось — всю жизнь прожил и не знал, с кем живу. Тут я смерть как любовь принял, вот как совокупление со смертью произошло. И голос был: отдайся, отдайся Христу. Смерть меня словно елеем смазала: отдайся, отдайся Христу, это действительность, а то все воображение. Тут принял Христа, как заразу, вот как сифилис принимают, так и я неизлечимо принял Христа, и существо во мне воссияло! двадцать веков существовало, было в затемнении, и тут вдруг воссияло» (Ранний дневник. С. 278–279).

С. 208 *Спасибо Мухиной и Корину за портреты.* - В 1929 году В. Мухина создает один из своих лучших памятников - памятник М. Горькому для города, носящего его имя. А П.Д. Корин, живя у Горького в Сорренто, в 1932 г. написал портрет писателя.

... эпиграф взят из «Медного всадника»). — Мучительная история создания романа «Осударева дорога» связана, в частности, с борьбой противоположных по смыслу идей, которые выразились в двух сменивших друг друга эпиграфах из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». Первым эпиграфом был перефраз угрозы Евгения Медному всаднику: «Ужо тебе, строитель!», вторым: «Да умирится же с тобой/И побежденная стихия». Писатель отказывается от обоих. Дальнейшее развитие идейного замысла приводит его к третьему эпиграфу, который он завещает будущим публикаторам романа. Это библейские слова из книги псалмов царя Давида: «Аще и во ад сниду — Ты тамо еси».

С. 209 *Сцена в скиту Красная Поляна.* — Речь идет о кавказских монахах-пустынниках.

... «не называй имени Бога всуе», «одежды не имам да вниду в онь»... — Исх. 20:2–17, церковное песнопение.

С. 212 *(После чтения «Пионерки».)* — «Пионерская правда», всесоюзная детская газета, основана в 1925 г. в Москве как еженедельная пионерская газета.

С. 213 *... мысль Джеффериса о 15 тысячах напрасно прожитых человечеством лет...* – Пришвин читал книгу Джеффериса «История моего сердца» («The Story of My Heart: an Autobiography» (1883)).

С. 215 *Трагедия Розанова <...> семья, созданная им, вся распалась...* — ср.: «7 Мая 1937. Поэт авраамовой семьи пишет о ней, черпая опыт в своей личной семье, и когда было много-много написано, открывается, что первый муж его жены 30 лет тому назад заразил ее сифилисом и болезнь теперь только явно выразилась... Весь род само собой прекращался, а поэзия авраамовой семьи оставалась в книгах. Это ли не распятие, не крест тому, кто всю жизнь истратил на борьбу с Христом» (Дневники. 1936–1937, С. 563, 931–932); *... дочь удавилась...*– речь идет о Розановой Вере Васильевне, с 1915 г. — монахиня Воскресенско-Покровского монастыря на реке Плюсса близ Луги, в 1916 г. заболела туберкулезом и была вынуждена уйти из монастыря; покончила жизнь самоубийством (*Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В.В. Розанове. М., 1999. С. 115–116; см. подробнее: *Едошина И.А.* Розанова В.В.//Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 815–818). *... сын сбежал и погиб...* — Розанов Василий Васильевич, в 1916 г. задумал сбежать на фронт, на который затем ушел с разрешения Розанова, вернувшись оттуда в 1917 г.

Направляясь на Украину за продовольствием, он с сестрой Варей остановился у М.И. Лутохина в Курске, где заболел испанкой и скончался 9 октября 1918 г. Варя, устроив брата в больницу, уехала из Курска, не дождавшись исхода болезни брата. «Отец тоже винил себя в смерти Васи, считая себя виноватым, что отпустил его легко одетым, почти без денег, и что раньше легко отпустил Васю на фронт. Вася не кончил Тенишевское училище и привык уже к кочевой жизни. Отец страшно изменился после его смерти» (*Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В.В. Розанове. М., 1999. С. 89–90). В октябре 1918 г. свою мечту о всходящих «Зернах Египта и юдаизма» Розанов завершает записью о сыне: «И вот, всего второй день, как я узнал о смерти сына моего, погибшего жалкою смертью в Курске, куда он уехал на работу и пропитание: и сад земной для меня есть все-таки сад. Ибо это всемирно. И да умолкнет всякая частная скорбь. А звали его Васей. Помолитесь о нем» (*Розанов В.В.* Собр. соч.: Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 190; см. подробнее: *Едошина И.А.* Розанов В.В. // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 804). Комментарий А. Медведева.

А Ницше, создавая сверхчеловека, в нем увидел Христа и сошел с ума. — Сверхчеловек (нем. Übermensch) — ключевое понятие философии Ф. Ницше из книги «Так говорил Заратустра» (1883–1885). Ср.: «***25 Октября 1930.*** Думаю о Ницше. Вот человек, взявший на себя бремя двух тысячелетий: такую задачу взял на себя этот человек, чтобы все, постепенно пережитое человечеством, накопить в себе лично, как одно чувство. Немцы» для него значит идеализм или обман. Психологически я примыкаю к Ницше в двух точках: 1) Помню в юности, как я устанавливал ценность только личного («немцы» — это даром через традицию). 2) «Помоги, Господи, ничего не забыть и ничего не простить»: эта молитва относится к тому, что люди устанавливают свой оптимизм — «немецкий идеализм» — на забвении отцов, трагедии и т. п. Розанов, вникнув в меня, сказал: «Это от Ницше». Конечно, я не знал Ницше, но я был Ницше до Ницше, как были христиане до Христа. Сам же Розанов есть Ницше до Ницше. (Это значит, бросив все, начать это же лично, все взять на проверку с предпосылкой «да» вместо «нет», как нигилисты.) Итак, Ницше — это переоценить все на себе, оторвать человека от традиции и вернуть его к первоисточнику. Мережковский сказал, что Ницше под конец в своем Дионисе узнал Христа. Следовательно, и Ницше и Розанов отрицают Христа исторического, церковного. А что

же сам Христос? У Достоевского «Великий Инквизитор» иронически защищал традицию против «самого» Христа. Да, все сводится к тому, существует ли творческое начало (Бог) вне меня или же это из меня только. Принимать «немцев» (традицию) можно лишь в том случае, если она передаст рядом со всякой мерзостью и «спасение наше», и если нет, то, конечно, я [скажу], что я — Бог и при наличии сил изуродую жизнь свою под Христа: и в конце приду к Христу. Вот еще: в состоянии Заратустры в сверхчеловеческом и есть именно то, в чем и Ницше и Розанов обвиняют Христа: «да» за счет отрицания рода. Удовлетворить себя (не впадая в мещанство) можно тем — (не начинать переживать в себе Христа, как Ницше), а признав Его, как Спасителя (не начинать, а причаститься) продолжить творчество мира» (Дневники. 1930–1931. С. 260, 667); «*3 Мая 1939.* Сверхчеловек и Род Розанова — противоположное разрешение вопроса о личности и обществе, данное в Евангелии Христа. Вопрос о личности поставлен для разрешения на тысячи лет, а Я короткое, и все Я проходят, как туман, сопровождающий Необходимость и Надо, и есть поправка к Хочется: то берега, а <зачеркнуто: Хочется>...» (Дневники. 1938–1939. С. 313–314, 572); «*12 Декабря 1943.* Предлагаю гостям своим для ориентации моральной в понимании войны свое толкование и вижу, оно имеет успех. Маркс и Ницше — вот два бога современной войны, вокруг Маркса навертелась вся наша русская революционная философия Ближнего: ради идола Ближнего мы, русские, систематически стараемся уничтожить все, стремящееся к Дальнему (личность). У немцев, напротив, война ведется именем сверхчеловека (Дальнего) с крестовым походом против Ближнего. Оба эти бога — Маркс и Ницше, с религией Ближнего и Дальнего, являются от распада в сердцах людей единого истинного Бога Иисуса Христа: Христос содержит в себе и борьбу, и мир двух этих враждебных начал Ближнего и Дальнего. Повседневно ведется у нас борьба с Дальним, вот хотя бы это спасение книгохранилища (Кн. Палата) упирается в возражение: «людей сейчас надо спасать, а не книги». (Собирать примеры и читать Евангелие с вопросом плодотворной борьбы этих начал.) Напр., еще: любимый цветок, как «бесполезность» коса срезает для сена. — Если будем стремиться только к полезному (Ближнему), то у людей будет сено, но не будет цветов. Причина распада существа Христова на культ Дальнего и Ближнего заключается, по-видимому, в самой церкви: так разлагается Церковь. Выступая против Христа, Ницше ли, Розанов ли и

каждый такой (неудачник быта) по существу выступает против церкви (Розанов в своем протесте начинается в своей биографии неудачного семьянина с обвинения церкви в том, что не давали ему развода). Ницше, как я слышал от Мережковского, на пути своего безумия узнал в своем Сверхчеловеке Христа. А наши революционеры, человекобоги (Достоевский) тоже питаются ненавистью к церкви. Итак, вся наша современная война в корне своем исходит из распада основ христианства: в разделении церквей и разложении дальнейшем каждой из них. Грибок разложения содержится в рационалистической заповеди: человек рассуждает о цветке с точки зрения полезности для сена и лишен непосредственного чувства цветка. Утрата удивления и благодарности» (Дневники. 1942–1943. С. 655–656). Комментарий А. Медведева.

С. 216 *... «крестник» хорошо поправляется...* — в тексте имеется черновик письма в автоинспекцию: «Старшему автоинспектору. Уважаемый т. Калачов, мальчик на обочине шоссе (на правой стороне Ярославского шоссе в направлении к Москве) возле Перловки, увидев, что с какой-то проходящей грузовой машины соскочила покрышка, бросился резко на шоссе (чтобы поймать «колесо») и попал на мою легковую машину. Я успел резко вывернуть руль, и мальчик благодаря этому попал не под машину, а на крыло, и, ударившись головой о фару, был отброшен обратно на обочину. Я его доставил в тяжелом состоянии в больницу, где он теперь, через пять суток, поправился и скоро будет выписан. Я сам лично по своей инициативе нашел автоинспектора Т. Богданова, который составил акт, высказывая в нем все вышеизложенное, кроме того только, конечно, что мальчик выздоравливает. На основании вышеизложенного прошу Вас или возвратить мне права шофера-любителя, или выдать талон, по крайней мере, на месяц, так как я делаю краеведческую работу в районе Звенигорода и по характеру ее не...»

С. 220 *Говорили о Рокоссовском <...> сумел так победить себя в обиде...* — по-видимому, имеется в виду арест К. К.Рокоссовского с обвинением в связях с японской и польской разведкой, а весной 1940 прекращение «дела» и отправка на фронт в распоряжение командующего Киевским военным округом генерала армии Г.К. Жукова.

С. 232 *... «со страхом Божьим и верою»...* — слова, которые произносятся на литургии перед причастием.

... последствием провала его подхалимского романа... — по-видимому, речь идет о романе «Борьба за мир» (1945–1947), первой части будущей трилогии Панферова об Отечественной войне и послевоенном строительстве.

С. 233 *... в хозяйство Военного общества.* — Имеется в виду Заболотское охотхозяйство Генштаба недалеко от Загорска, где работал П.М. Пришвин.

С. 234 *... вспомнить угрозу Евгения в «Медном всаднике»...* – по-видимому, имеются в виду слова Евгения «Добро, строитель чудотворный. Ужо тебе!».

С. 241 *... Травка в моем рассказе...* — речь идет о сказке-были «Кладовая солнца».

...чайного короля Попова...– санаторий «Поречье», где Пришвин жил до покупки Дунина, находится на территории бывшей усадьбы чайных магнатов Поповых.

... «там прошлого нет и следа»... — слова из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

С. 242 *... «родился от Духа Свята»...* — Мф. 1:18.

С. 243 *«Сияй, сияй прощальный свет/Любви последней, зари вечерней».* — Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Последняя любовь» (между 1851 и 1854).

С. 244 *...как лейденская банка электричеством...* — Лейденская банка один из простейших конденсаторов, позволяет накапливать и хранить сравнительно большие заряды.

... всем нам приходится надевать условную маску, личину. — См. коммент. на стр. 899 к *...условием жизнетворчества.*

С. 246 *... нравственные направления, к ближнему и к дальнему...* — на страницах дневника Пришвин ведет постоянную полемику с ницшеанским мотивом «любви к дальнему и разрыва с ближним», идеей, опосредованно использованной в советском государственном проекте новой культуры. С. Франк.

где нет печали и воздыхания...– Откр. 21:4.

С. 250 *«Светлый человек» брата Николая.* — Ср.: «***Б/д.*** Николай Михайлович, брат, был человек очень хороший, но как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою мучился,

что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие — в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования, после в самые тяжелые минуты своей жизни он недоуменно меня спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то Светлый человек?» (Путь к Слову. С. 19–20).

С. 251 ... *привез «Правду» с постановлением ЦК («Наплевизм»).* — Имеется в виду Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. Постановлению предшествовала большая работа, проделанная редакторами и государственными чиновниками, включая Сталина, о чем свидетельствуют следующие документы: 1) Письмо Г.Ф. Александрова, А.М. Еголина Секретарю ЦК ВКП (б) товарищу Жданову А.А. «О неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”», 7 августа 1946 г., в котором кроме М. Зощенко и А. Ахматовой обсуждается целый ряд имен; 2) Стенограмма заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 9 августа 1946 г. (с участием Сталина и Жданова); 3) выступление тов. Тихонова на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 9.VIII.1946 г. по вопросу о журналах «Звезда» и «Ленинград»; 4) Выступление тов. Широкова на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 9.VIII.1946 г. по вопросу о журналах «Звезда» и «Ленинград» (с участием Сталина, членов Оргбюро ЦК ВКП(б) Александрова, Булганина, Жданова, Маленкова, Мехлиса, Патоличева, Суслова, членов ЦК Вахрушева, Поскребышева, Поспелова и др., заместителей начальников управления ЦК Еголина, Павленко, Федосеева и др., помощников секретарей ЦК Ведерникова, Кузнецова, др., секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Широкова; писателей Вишневского, Прокофьева, Тихонова, Фадеева и др.; 5) В.С. Абакумов — А.А. Кузнецову. Министерство государственной безопасности СССР, 10 августа 1946 г. справка на писателя Зощенко Михаила Михайловича; А.М. Еголин — А.А. Жданову, 14 августа 1946 г. Справка о М.М. Зощенко. После принятия Постановления ЦК в Ленинграде состоялось собрание писателей, на котором с разъянением выступил Жданов. Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 191–226. Ср.: «Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности» (там же. С. 223). Хотя в Постановлении упоминался целый ряд писателей

и поэтов, главный акцент был сделан на именах А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко. Ср.: http://www.gornovosti.ru/tema/history/tayna-zhdanovskogo-postanovlenia.htm. Ср. также: «Один из первых ударов был нанесен по отечественной литературе. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. "О журналах "Звезда" и "Ленинград"" эти издания обвинялись в пропаганде идей, "чуждых духу партии", предоставлении литературной трибуны для "безыдейных, идеологически вредных произведений". Особой критике подверглись М.М. Зощенко, А.А. Ахматова, названные в постановлении "пошляками и подонками литературы". В постановлении отмечалось, что Зощенко проповедует "гнилую безыдейность, пошлость и аполитичность" с целью дезориентации советской молодежи, "изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме", а Ахматова является типичной представительницей "чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии", пропитанной "духом пессимизма и упадочничества... старой салонной поэзии". Журнал "Ленинград" был закрыт, а в журнале "Звезда" заменено руководство. Резкой критике были подвергнуты даже те писатели, творчество которых вполне отвечало требованиям партии. Так, руководитель Союза писателей А.А. Фадеев был раскритикован за первоначальный вариант романа "Молодая гвардия", в котором было недостаточно показано партийное руководство молодыми подпольщиками; поэт-песенник М.А. Исаковский — за пессимизм стихов "Враги сожгли родную хату". Критике подверглись драматург А.П. Штейн, писатели Ю.П. Герман и Э.Г. Казакевич, М.Л. Слонимский. Литературная критика перерастала и в прямые репрессии. В ходе борьбы с "космополитами" были расстреляны П.Д. Маркиш и Л.М. Квитко, велось следствие по "делу" И.Г. Эренбурга, В.С. Гроссмана, С.Я. Маршака» (http://allstude.ru/Istoriya/Poslevoennoe_razvitie_SSSR.html).

... ввиду создавшегося международного положения (Китайская война, Иранское дело... – речь идет о гражданской войне в Китае — одну из воюющих сторон (КПК) поддерживал Советский Союз, другую (Гоминьдан) США; по-видимому, имеется в виду осложнение отношений с Ираном в 1945–1946 гг. в связи с требованием Ирана вывода союзных войск, что и было сделано США и Великобританией; Советский Союз отказывался назвать дату вывода войск, и руководство Ирана подозревало, что СССР поддержит сепаратистские движения в Иранском Азербайджане с целью возможного присоединения к советскому Азербайджану;

в марте 1946 г. иранское правительство обратилось с жалобой в СБ ООН по поводу действий советских военных властей.

Разгром «Звезды»... — следующий конспект выступления А.А. Жданова воссоздает атмосферу, в которой жили и работали советские писатели. Ср.: «Тезисы доклада А.А. Жданова на собрании писателей в Ленинграде. Ранее, 16 августа 1946 г. Конспект доклада на собрании писателей. ЦК принял решение о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Мне поручено разъяснить это решение в Ленинграде. Разрешите его огласить. О недостатках журнала “Звезда”. Грубейшей ошибкой является предоставление страниц журнала Зощенко. Зощенко “Приключения обезьяны”. Людей представляет бездельниками, уродами. Копается в быту. Нет ни одного положительного типа. Обезьяна выступает в роли судьи порядков. Читает мораль. “В клетке спокойнее жить”. Кто такой Зощенко? Его физиономия. “Серапионовы братья”. Пошляк. Его произведения — рвотный порошок. В его лице на арену восходит ограниченный мелкий буржуа, мещанин. Возмутительная хулиганская повесть “Перед восходом солнца”. Этот отщепенец и выродок диктует литературные вкусы в Ленинграде. У него рой покровителей. Пакостник, мусорщик, слякоть. Зощенко во время войны. Человек без морали, без совести. Ему не нравятся наши порядки. Он вздыхает по другим. Что же, нам приспосабливать свой строй, быт, мораль к Зощенко? Поворачивать от советского человека назад к Зощенковс[кой] обезьяне. Пусть сам приспосабливается. Если не хочет — пусть убирается прочь из советской литературы. Вторым персонажем, “персона грата”, стала Ахматова. Представитель чуждой советской литературе пустой, безыдейной поэзии. Горький говорил, что десятилетие 1907–1917 гг. заслуживает имени самого позорного и самого бесстыдного десятилетия в истории русской интеллигенции. Ахматова является представительницей буржуазно-дворянской поэзии. Взбесившаяся барыня. Тематика ее поэзии — между будуаром и молельной. Губы да зубы, груди да колени. Тоска. Одиночество. Зоологический индивидуализм. Искусство для искусства. Ковыряние в своих эмоциях. Внутреннее опустошение. Не откликалась ни на одно явление современности и стояла в стороне от народа. Она соратница... Ее поэзия — выражение упадка, заката буржуазной и дворянской культуры. Перепуганные грядущей революцией акмеисты провозгласили своим лозунгом «не вносить никаких поправок в бытие и в критику последнего не вдаваться». Отравляет сознание. Популяризация Ахматовой недопустима.

У нас не частное предприятие. Отравили и других. Пропаганда безыдейности стала равноправной. Зощенко стал руководящей литературной силой в Ленинграде. Неслучайно увлечение буржуазной литературой Запада. Стали рассматривать себя как учеников. Удаление от современной тематики <...> Все это означает, что в "Звезде" и "Ленинграде" свили себе прочное гнездо представители безыдейной литературы, проповедники пустой, бессодержательной поэзии, усталости, пошлости. Ленинизм исходит из того, что наша литература должна быть партийной, что она должна быть могучим средством воспитания советских людей в интересах народа, государства, партии. Советская литература сложилась как самая передовая литература в мире на основе своего служения народу, социализму. За ней признано огромное преобразующее значение. Наши писатели названы инженерами человеческих душ. Ленин о литературе как партийной. Наша литература впитала лучшие традиции русской литературы. Народность. Искусство как служение народу. Белинский, Чернышевский. "Письмо к Гоголю". Добролюбов. Руководители журналов забыли основное положение ленинизма. Мы требуем, чтобы руководствовались политикой.Советский строй не может терпеть воспитания наших людей в духе безыдейном. Если бы мы не воспитали наших людей в духе веры в свое дело, то и немцев не разбили бы. Наши журналы есть журналы народа и не имеют права приспосабливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать задач нашего развития. У нас интересы одни: воспитать молодежь в духе веры в свое дело, бодрости. Приятельские отношения и критика. Либерализм за счет народа. Без критики ничего не выйдет. Без критики можно загнить. Болезнь пойдет вглубь. Только так можно совершенствоваться. Ликвидировать безответственность. Не поймешь кто отвечает. Народ вырос. Изголодался по культуре. Требования повысились. Не всякий товар проглотят. Нажать на качество. Восстановить славные традиции Ленинграда. Расти идейно и художественно. Не отставать. Современная тематика. Когда о ней будут писать? Только еще войну осмысливают, а через два года будут осмысливать восстановление. Роль советской литературы. Наша литература сроднилась с народом. Каждый ваш успех — праздник для народа. Каждая неудача — горька и обидна. Безыдейные люди хотят лишить наше искусство смысла и назначения, отнять у искусства его преобразующую роль, превратить его в самоцель или развлечение. Это — возвращение к каменному веку. Это — возврат

к дикости и варварству. Это — маразм и растление. Вы стоите на передовых линиях идеологии. Где вы найдете такой народ и страну как у нас? Вы призваны развивать у наших людей лучшие качества. Вы призваны показывать нашим людям какими они должны быть завтра. Ведь мы уже не те, что были. Русские стали другими. Утверждение и воспевание социализма. О качестве, о мастерстве, о работе над произведением. Тяжелейший кризис и упадок буржуазной культуры. Гангстеры, герлс. Не учиться, а учить. Наступать, а не обороняться. Мы хотим не удаления литературы от вопросов от современности, а активного вторжения литературы во все сферы формирования общественного сознания советского человека. Чтобы она укрепляла морально-политическое единство нашего народа. Чтобы она выполняла свою историческую миссию. Мы хотим изобилия духовной культуры, расцвета и богатства советской культуры — авангарда общечеловеческой культуры. Мы хотим, чтобы Ленинград восстановил свою роль рассадника передовых идей. Мы уверены, что эта задача вам по плечу. Машинописный текст. Правка в тексте — автограф А.А. Жданова» (Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 227–230).

С. 252 ... *почему тогда напали на «Лесную капель»...* — лирическая книга «Лесная капель» возникла из дневниковых записей и состоит из получивших названия миниатюр, организованных в циклы. Лирико-философские миниатюры о любви первого цикла «Фацелия» определяют настроение, мотивы и смыслы всей книги, в которой любовь к женщине расширяется до природы, родины и мира в целом. Исповедальный авторский монолог переводит субъективный опыт любви в культурный контекст. В 1940 г. в журналах «Новый мир» (№9), «Смена» (№ 9) печатаются отрывки из «Лесной капели». Однако вскоре в «Новом мире» (№11–12) появляется статья С. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова», в которой упреки в аполитичности и несвоевременности писать о «цветочках и листиках» соседствуют с утверждением, что творчество Пришвина является «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства жизнью» (с. 272). Публикация «Лесной капели» была приостановлена, а в 1943 г. неожиданно для Пришвина издана. Ср.: «***4 Ноября 1943.*** Прихожу в “Советский писатель”, там мне го-

ворят, что книжка моя о радости, “Фацелия”, напечатана. “Война на носу, — говорили о ней, — а он радуется”. Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась» (Дневники. 1942–1943. С. 618). Ср.: А. И. Солженицын писал своей жене Н.А. Решетовской из тюрьмы — Марфинской «шарашки» 23 октября 1948 г.: «Прочти “Фацелию” Пришвина — это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, — ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой “Фацелии” очень красиво проведена мысль о том, как автор — поэма автобиографична — самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был несчастлив в любви <...>. Прочти, прочти обязательно. Вообще читай хороших мастеров побольше — ни одна их книга не проходит бесследно для души» (Человек. 1990. № 2. С. 151).

С. 253 ... *идешь к женщине — не забудь кнут.* — Перефраз из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1885). Ср. «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!»

С. 254 ... *«царство Мое не от мира сего»...* — Ин. 18:36.

С. 259 *«Серапионовым братьям» совсем не повезло...* – «Серапионовы братья» — объединение писателей (прозаиков, поэтов и критиков), возникшее в Петрограде в 1921. Название заимствовано из цикла новелл немецкого романтика Гофмана «Серапионовы братья», в которых описывается литературное содружество имени пустынника Серапиона. Идейным и художественным руководителем «Серапионовых братьев» был Евгений Замятин. В своих декларациях объединение в противовес принципам пролетарской литературы подчеркивало свою аполитичность. Наиболее полно позиции «Серапионовых братьев» выражены в статье «Почему мы Серапионовы братья» («Литературные записки», 1922, № 3), подписанной Л. Лунцем, в которой на вопрос «С кем же вы, Серапионовы братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?» прозвучал ответ: «Мы с пустынником Серапионом». Михаил Зощенко прямо заявлял: «С точки зрения партийных, я беспринципный человек... Я не коммунист, не монархист, не эс-эр, а просто русский». Отсутствие единства литературно-политических и творческих принципов «Серапионовых братьев» вызвало резкое недовольство Е. Замятина, заявившего, что почти все «Серапионовы братья» «сошли с рельс и поскакивают по шпалам» («Литературные записки». 1922. № 1). В 1926 г. объединение

прекратило свои собрания, однако не было официально распущено. Часть «серапионовцев» приняла платформу советской власти: произведения К. Федина, Н. Тихонова и др. свидетельствуют о разрыве с иллюзиями о «беспартийности» художника. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SERAPIONOVI_BRATYA.html

Всеволод Иванов провалился с Берлином. — Имеется в виду роман «При взятии Берлина» (1946), который Сталин назвал «слабым» произведением о войне.

С. 264 ... *в превращении себя в «термометр»...* — ср.: «15 Января 1932. Идеологическое расхождение. Спросите любого о Реомюре, все скажут, что это термометр, и только редкий из редких, какой-нибудь узкий специалист — и то из специалистов специалист по термометрам, и тоже из этих специалист по биографиям изобретателей в области физики — скажет, что Реомюр не термометр, а человек, изобретатель термометра... Жив ли теперь этот замечательный физик — едва ли: ведь я был еще мальчиком маленьким, когда мать моя оттаивала занесенное снегом окошко, чтобы взглянуть на Реомюр. В какой стране он жил? Не знаю — ведь все так коварно подстроено на этом кладбище науки, чтобы человек совсем исчезал, а созданная им вещь похищала себе его имя. Но, вероятно, так и надо, и хорошо, и справедливо: разве он сам-то, Реомюр, изобретая термометр, сколько-нибудь думал о человеке, он был просто физик и смотрел на все с физической точки зрения. Человеком в памяти людей остается только тот, кто был человеком тогда при жизни своей, а не физиком или химиком, мы можем вспомнить <зачеркнуто: Гете; приписка: Христа>... Нет, это правильно, вполне справедливо, что какой-то гражданин Реомюр мало-помалу превратился в изобретенный им термометр и стал по-своему вечно жить, то поднимаясь вверх во время теплой погоды, то опускаясь зимой... Так вот, молодые товарищи, вот в чем наше идеологическое расхождение, вы стремитесь к тому, чтобы люди вышли из жизни Реомюрами, а я хочу, чтобы каждый человек осознал себя как сам человек при жизни...» (Дневники. 1932–1935. С. 24–25).

С. 267 ... *Степан Разин: «он княжну свою бросает»).* — Слова из песни о Степане Разине «Из-за острова на стрежень» (слова Д. Садовникова, музыка неизв. автора).

С. 268 ... *враги человеку — домашние его...*– Мф. 10:35–36.

... (будущая повесть «Жених»). — Повесть не была написана.

С. 270 *«Весь день стоит как бы хрустальный!»* — Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» (1857).

С. 273 *... на Псху... ехать.* — Речь идет о кавказских монашеских поселениях в районе Красной Поляны, где бывала в 1920-х гг. В.Д. Пришвина. Ср.: «Медовеевка — было поселение монахов, состоящее из нескольких полян с кельями, разбросанными друг от друга на расстоянии "вержения камня". Она находилась верстах в 30 от Красной Поляны. Там уже издавна обитали несколько уважаемых старцев, и был посредине храм, ничем внешне не отличавшийся от остальных домиков, только в нем никто не жил и туда собирались раза два в год по великим праздникам окрестные пустынники для совместного богослужения и совершения таинства. Это были единственные дни их свиданий. Если кто не приходил — значит, заболел или помер. Тогда шли к нему помочь либо похоронить. Такое же поселение было в районе Сухума, глубоко в горах за несколькими хребтами, называлось оно Псху. Там жили раздельно и монахи и монахини. Псху называлось «Глубокая», устав жизни там утвердился весьма суровый, и о Псху говорили с великим почтением» (Невидимый град. С. 316–317).

С. 279 *Читаю книгу о Беломорском канале...* — имеется в виду сборник «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства». Под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха и С.Г. Фирина, 1934. (Находится в последней библиотеке Пришвина. Мемориальный дом-музей в Дунине.) Известно, что осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломорско-Балтийского канала. Пришвин берется за предложенную ему для участия в сборнике тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина в очерке, предложенном им в сборник, совершенно иное — не идеологическое — измерение; славословящий канон отсутствует («***25 Августа 1933.*** Положа руку на сердце говорю, что слушаюсь и всегда начинаю дело приблизительно так, как мне велят, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <зачеркнуто: и является свидетельством моей личности>»), ориентиром оказывается не полезность сооружения («***25 Августа 1933.*** Пло-

тину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист. странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного»), а сопровождающее сооружение столкновение идей, не «перековка» (*«1 Сентября 1933.*<...> нельзя понимать “перековку” в глубоко моральном смысле») и не пафос построения социализма, а труд сам по себе и присущее человеку в любой ситуации желание участвовать в общем деле — работать (*«25 Августа 1933.* Пришли люди и трудились: не хотели, а надо. Через 500 лет стало свободно, а жили тут, потому что тут человек был покорен, и родина тащила. Такая природа всякой родины. Вот и канал...»; «Родина — это участок моего личного труда в общем деле»). Пришвин привык искать выход из любой ситуации, причем выход созидательный, творческий — ничего нет, а жизнь идет (*«24 Января 1935.* Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту... <... > я припал к народу и пил из него слово, как ребенок пьет молоко у кормилицы, и это дало мне жизнь какую-то... живую, хотя иной раз и страшно думать, что после всего я живу...»). Он всегда понимал, что жизнь все равно продолжается, и все равно человеку придется жить, культурно обживая этот страшный мир, в котором живет весь народ; однажды он запишет в дневнике: *«Б/д.* Весенняя ветка, распуская свои смолистые почки, не помнит, что она умирала осенью» (РГАЛИ). (Дневники. 1932–1935. С. 292, 293, 295, 294, 596) .Текст («Отцы и дети. Онего-Беломорский канал»), подготовленный Пришвиным для сборника был отвергнут и опубликован в журнале «Красная новь» (1934, № 1). Горький в письме к Пришвину от 28 апреля 1934 г. уходит от комментария: «История с рукописью для «ББ канала» — не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании» (ЛН. Т.70. С. 361).

... юношеское уверование в марксизм... — речь идет об увлечении марксизмом, когда, будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин с 1893 по 1896 г. участвует в работе марксистского кружка, за чем в 1897 г. следует арест, одиночное годичное заключение в Митавской тюрьме и высылка на родину в Елец. В летописи жизни, составленной Пришвиным в 1918 г., отмечено: «1896. <...> схожусь <...> с марксистами, перевожу Бебеля. 1897. Попадаю в тюрьму за марксизм. Это один из определяющих моментов жизни <...>. 1898–1900. Высланный на родину в Елец, продолжаю быть марксистом. 1900. В Берлине. Йена,

Лейпциг. 1902. Марксизм мой постепенно тает <...> я учусь на агронома и хочу быть — просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной, после окончания в Лейпциге, еду посмотреть Париж. Встреча [имеется в виду Варя Измалкова и вспыхнувшая любовь к ней] и последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение» (Дневники. 1918–1919. С. 366).

С. 283 *Представить надо себе человека до того актером, что игра для него стала реальностью...* — театрализация жизни — актерство как форма бытового поведения, маскарадность, игра занимает в культуре Серебряного века очень существенное место и выражается в актуализации идеи «жизнь — театр», уходящей корнями в эпоху Возрождения («Весь мир — театр/ В нем женщины, мужчины — все актеры». В. Шекспир. «Как вам это понравится»). Мотив театральности бытия начиная от лирической драмы А. Блока «Балаганчик» (1906), обнажившей проблему, так или иначе возникал в произведениях целого ряда художников начала века. Кажется, что Пришвину скорее присуща противоположная модель поведения, которая традиционно противопоставляется повседневной театральности — естественное поведение человека, живущего реальной жизнью, скорее реалистическая, чем романтическая парадигма. Тем не менее, в той или иной степени можно говорить о влиянии модернистских идей на поэтику Пришвина, которое он и сам признавал. Он участвует в писательской игре А.М. Ремизова — «Обезьяньей Великой и Вольной Палате», где у Пришвина чин «резидента заяшного ведомства», в его любовные сны проникает маска, скрывающая подлинный лик («это нехорошо, снимать маски... но нужно»), мотив, который и в последующие годы не однажды возникает в дневнике; театр в начале века — в эпицентре культуры, драма — в центре художественного поиска, и он отдает дань театру: в 1916 г. появляется «Базар. Пьеса для чтения вслух» — единственный и очень интересный опыт в творчестве Пришвина; но самое существенное, что тема «мы актеры» вновь появляется и переосмысляется писателем в его позднем дневнике. Ср: «***Б/д.*** Ведь жизнь наружная — не моя внутренняя — есть пьеса, в которой меня же разыгрывают. И есть такие тонкие артисты, что только через них я и узнаю себя. Что мне история? Ведь это меня же дурно разыгрывают в лицах» (РГАЛИ); «***6 Сентября 1941.*** Назови кого-нибудь, кто с людьми остается таким, каким он бывает с собой. — Но ведь хорошего в том мало, чтобы показываться

именно таким, какой есть. Что, правда, в этом хорошего? Мы же, вероятно, собой недовольны и хотим сделать из себя нечто более интересное, чем мы есть, стать выше себя. Как ты думаешь? — Я думаю, что... это происходит от... сознания невозможности перед всеми раскрыть свою личность. — Но ведь это и есть глубочайшая причина, почему мы играем и даем легенду вместо самих нас»; «*30 Октября 1943.* Больше всего смущает в Ляле ее вечная игра: в жизни она, как талантливая актриса, вполне верит в то, во что играет. Подчас я, несмотря на весь ее героизм в любви, сомневаюсь, не разыгрывает ли она и эту любовь. Именно героизм-то ее и наталкивает меня на эту мысль: так в природе не бывает, так может любить только Божий актер. Но что это — Божий актер? Может быть, истинная любовь и есть Божья игра? И в этой игре отношения любящих определяются их соревнованием, как и в театре: актер любит такую актрису, какая, играя с ним, больше других помогает ему играть свою роль? Ну, а я сам-то разве тоже не Божий актер? Разве я выбрал ее не для того, чтобы лучше было вместе играть?»; «*21 Июля 1944.* Каждая встреча одного человека с другим есть представление: каждый разыгрывает себя самого перед другим, но непременно бывают двое, один актером, другой зрителем. Точно так же оба Мужчина и Женщина друг перед другом представляются» (Дневники. 1940–1941. С. 571–572. Дневники. 1942–1943. С. 609).

С. 287 *(«не о едином хлебе жив человек»)* — Мф. 4:4, Лук. 4:4, Втор. 8:3.

С. 288 *Читал в признаниях Флобера...* — имеется в виду книга Г. Флобера «Письма» (1887–1893).

«Будьте как дети»... — Мф.18:3.

С. 289 *То же самое говорил Легкобытов Блоку...* — в 1908 г. в Петербурге Пришвин знакомится с З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским и Д.В. Философовым, А.М. Ремизовым, А.А. Блоком, становится членом Религиозно-философского общества, а также знакомится с петербургскими сектантами-хлыстами. Духовное брожение в России начала XX века предстает в Раннем дневнике Пришвина (1905–1913) в виде религиозного поиска и народа, и интеллигенции, в котором Пришвин обнаруживает много общего. В разные годы в дневнике писатель рассматривает русскую революцию сквозь призму сектантской психологии. Ср.: «Когда я раздумываю об отношении нашего общества к власти, я часто вспоминаю жизнь одной секты “Начало века”,

которую лично я наблюдал в Петрограде. Члены этой религиозной общины отдаются в полное рабство одному “царю”, имеющему, по их же признанию, всю бездну человеческих пороков, и терпят его власть над собой, как грех: они работают на него день и ночь, он пьянствует и насилует их жен. Их цель — дойти в своем страдании до такого состояния равенства, единства, чтобы не знать, где мое и где твое, быть как одно существо <...> Это было в годы между двумя революциями и нашего интеллигентского богоискательства. И я видел культурных (без кавычек) людей, которые, приходя на собрание секты “начало века”, спрашивали: — Что делать? — Им отвечали: — Бросьтесь в наш чан и воспрянете вождями народа. Жажда залучить к себе культурного человека у них была велика, потому что они смутно надеялись найти через это выход из теснин секты в общий мир. И у этих культурных людей жажда броситься в чан была велика, потому что им хотелось стать вождями своего народа. Наблюдая теперь вокруг себя жизнь простого народа, бросившего в свой чудовищный чан всякую живую отдельность до полного растрепания, я часто вспоминаю секту “Начало века”. Мне кажется иногда, что не кучка фанатиков предлагает какому-то поэту-декаденту бросаться в чан царя-пьяницы, а целая огромная страна присягнула князю тьмы, и, в ожидании своего воскресения, предлагает светлому иностранцу (кто этот легендарный “пролетарий”?) броситься» (Русский чан (1918)//Цвет и крест. С. 202–204); «***1 Июня 1938.*** Аврал — это Чан» (Дневники. 1938–1939. С. 95). У Пришвина чан — метафора истории, включая строительство Беломорско-Балтийского канала, о котором он пишет свой роман. Ср.: Дневники. 1918–1919. С. 33–36; *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция) — М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 454–486.

Остап у Гоголя образец воина, Андрий — это художник. — Переосмысление повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835, цикл «Миргород», переработанная редакция — 1842) с точки зрения важнейшей для Пришвина культурной проблемы: художник, по определению противостоящий обществу в лице толпы, царя, воина, нарушающий этические и эстетические нормы, отбрасывающий мораль и нравственность во имя творчества, любви, свободы и правды.

С. 290 *Ты забыл <...> о Коньке Горбунке...* — сказка П.П. Ершова «Конек-горбунок» (1856).

... возмущение Крупской на то, что я утенка назвал стахановцем... — имеется в виду критика Н.К. Крупской рассказа «Стахановец» (1938).

С. 296 *... прочитал из Исаака Сириянина...* – творения христианского подвижника кон. VI в. епископа Ниневийского Исаака Сириянина «Слова подвижнические» до конца жизни оставались любимым духовным чтением В.Д. Пришвиной.

С. 299 *... евангельский Лазарь)...* — Ин. 11:1–45.

... миротворцы, которые <...> *Бога узрят.* — Мф. 5:3–12, Лк. 6:20–23.

С. 301 *(«Умом Россию не измерить»).* — Неточная строка из четверостишия Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять» (1866).

С. 308 *... сама бы ей стала служить.* — Аллюзия на сказку А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833).

С. 311 *Какая мысль пробилась в этих совещаниях о постановлении?* — <В тетрадь вклеена газетная вырезка, название и дата выхода не определяются>: Ср.: «"В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть, вообще, индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела..." — писал В.И. Ленин. Этот ленинский принцип партийности литературы составляет основу нашей советской литературы. Он освящен великим служением и писательским подвигом М. Горького, В. Маяковского, Дм. Фурманова, Н. Островского, А. Макаренко, А. Гайдара, трудом многих писателей, составляющих гордость и славу советской литературы. В нем залог ее дальнейшего роста и подъема. Советская литература может жить и развиваться только как часть общегосударственного дела. Литературе в социалистическом обществе предоставлена высокая почетная и ответственная государственная роль. Никто из писателей не имеет права забывать ни об этой роли, ни об ответственности, связанной с ней».

Левиафан питается живыми существами... – чудовищный морской змей, упоминаемый в Ветхом Завете (Кн. Иова), иногда отождествляемый с Сатаной; в переносном смысле — нечто огромное

и устрашающее. У Пришвина — Левиафан устойчивая метафора государства, уходящая корнями в труд Т. Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651 г.). У Гоббса Левиафан — метафора современного государства, в основе которого лежит страх. Ср. у Пришвина: *«26 Мая 1937.* На государство надо смотреть в таком случае как на необходимость, и если даже от поезда надо посторониться, чтобы он тебя не задавил, то от Левиафана надо почтительно посторониться с вежливым поклоном»; *«б/д 1938.* Никогда в истории человечества Левиафан не достигал такой мощи как в СССР» (Дневники. 1936–1937. С. 592. Дневники. 1938–1939. С. 562).

С. 318 ... *«пошла писать губерния»! ...*– слова Чичикова из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

С. 322 ... *«боженька <...> не умер, как у Ницше...* – аллюзия на слова Ницше «Бог мертв», которые впервые прозвучали в книге «Веселая наука» (1882).

... в сочинениях Бонч-Бруевича огромный том «Чемреки»... – ср. Новый Израиль / Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Под ред В. Бонч-Бруевича. Вып. 4. — Современный мир, 1910.

С. 334 ... *матрос в начале революции, стрелявший в актера, говорившего стихи о Христе.* — Ср.: «10 Сентября 1944. — Помните, друг, хаос революционной жизни с выстрелом матроса в актера, который читал стихи о Христе. Это означало, что божественное начало мира берет в свои руки человек, в душе которого открывается отныне беспрерывная борьба кесарева начала с боговым. И вот теперь это опять разделяется и будет разделяться больше и больше». Случай, который произошел в одном из петербургских (петроградских) театров и активно обсуждался в первые послереволюционные годы в обществе. Ср.: *«7 Июля 1935.* Нет ни малейшего сомнения в том, что человек живет не о едином хлебе, но если <зачеркнуто: доведен человек до того, что> кто-нибудь из последних сил добывает хлеб, то как сказать ему это "не о едином хлебе"... Напротив, каждый из нас, испытавших крайнюю нужду, знает момент, когда сильное желание хлеба раскрывает его солнечную природу, в которой исчезает разделение жизни сытых людей на заботу о хлебе и еще о чем-то "высшем". На полях: Это момент рождения всех пролет. революций. Самое ненавистное существо в это время — кто говорит, что "не о еди-

ном хлебе"... (Матрос при слове "Христос" стрельнул в актера.)» (Дневники. 1944–1945. С. 265. Дневники. 1932–1935. С. 745).

С. 335 ... *отверг ее, как Цезарь поэта: уйди, дурак, и не мешай.* — Имеется в виду трагедия В. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599). Ср.: ««29 Ноября 1937. Я как поэт чувствую себя подобно Шекспировскому поэту, которому Юлий Цезарь сказал: "Уйди, дурак, и не мешай!" И вся разница между тем поэтом и мной та, что я учел опыт того несчастного поэта и не сую свой нос в палатку Цезаря. Одним словом, я поэт сознательный и современный» (Дневники. 1936–1937. С. 806, 844).

С. 337 ... *мы изучаем природу в целях ее подчинения...* – в начале 1920-х гг. среди глобальных процессов, которые охватили весь мир и получили в России после революции небывалое ускорение, Пришвин выделяет уничтожение девственной природы. Писатель обнаруживает воспроизведение мифологического сюжета, связанного с представлением о табу на убийство зверя (*«**27 Мая 1921.*** <...> зверь, убитый в природе... переселяется в душу человека»). Он понимает, что зверь был хорош как оппозиция культуре (*«**27 Мая 1921.*** <...> культура вопросы ставила, и мы к зверю шли за ответом — зверь все знает»), однако в контексте русской революционной действительности образ зверя указывает скорее на недостаточность прежней культуры, которая оформляла внешнюю жизнь, забыв о внутренней природе человека. Происходит выплеск животных сил, уничтоживших весь культурный слой, — в дневнике возникает целый ряд образов: свинья, бесы, обезьяна как проекция человека в природу (*«**7 Декабря 1920.*** Горилла вырывается из клетки <...> вопрос поставлен так: быть человеку или горилле»). Сама логика развития культуры приводит писателя к необходимости понять и объяснить причины нарушения гармонии между человеком и природой. По Пришвину, развитие культуры не внесло принципиальных изменений в первобытный характер связи человека с природой (*«**3 Августа 1921.*** Почему наш крестьянин не сажает деревьев — он боролся с лесом и сейчас борется: лес — бес»). Человек продолжает видеть в природе «могучего, страшного противника», в то время как появление машины принципиально изменило соотношение сил в борьбе с природой и означало неизбежность ее уничтожения (*«**27 Мая 1921.*** <...> как давно мы покорили природу, загубили леса, распугали, разогнали птиц и зверей»). Революция стала мощным катализатором этого процесса (*«**5 Апреля 1921.*** <...> в один-два года эта могучая пустыня покрылась паутиной исполкомов "организованного пролетариата",

лес, вода, земля — все изгажено»). Пришвин видит, что происходит не только «поглощение» природы человеком (*«27 Мая 1921.* <...> только в ранние утренние часы еще можно подслушать ее... понять то прекрасное, что осталось еще вне человека»), он обнаруживает параллельный процесс нарастания зла в самой человеческой природе (*«27 Мая 1921.* <...> ты, человек, покоряешь природу и воспитываешь в себе небывалого зверя, имя которому легион»). Новый статус природы (*«27 Мая 1921.* <...> теперь природа умоляет о защите»; «она как малое дитя») требует кардинального изменения в отношении к ней человека — требует культуры. В современной России история идет вразрез с этим требованием (*«23 Марта 1920.* <...> разрыв с общемировой культурой и остановка»), и на этом фоне «европейская мещанская культура» оказывается единственной культурной традицией, противостоящей разрушению. Дневники. 1920–1922. С. 181–182, 112, 196, 160, 42.

С. 342 ... *были на пьесе Катаева «Сыроежки».* — Имеется в виду комедия В. Катаева «День отдыха» (1946), в которой действие происходит в доме отдыха «Сыроежки»; премьера состоялась в Московском театре сатиры в мае 1946 г. Комедия положений, в которой добросовестный работник должен срочно получить резолюцию на важный документ, а махровый бюрократ-управленец не хочет ставить подпись в последний рабочий день перед отпуском.

С. 345 ... *впервые видел «Женитьбу Белугина».* — Речь идет о комедии А.Н. Островского «Женитьба Белугина» (1877).

С. 346 ... *что не стало бы явным.* — Лк. 8:17.

С. 352 ... *вспомнил Горшкова, художника, с его небом...* — дальний родственник по отцовской линии Михаил Николаевич Горшков, которому Пришвин посвятил два рассказа — «Загадка» (перв. публикация 1960) и «Наш сад» (1952), а также две главы — «Золотая книга» и «Италия» — в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1927).

С. 359 *Оправдание Аврааму (жертва сыном)...* — Быт. 22:10.

С. 360 ... *(см. Каифу).* — Иосиф, первосвященник Иудеи с 18 по 37 год, прозванный Каифой. «Иудейские древности», книга XVIII, 2:2.

С. 364 ... *человек не курица...* – в 1937 году в деревне Териброво Пришвин познакомился с человеком, чья жизненная история, облик и образ жизни привлекли его: много лет в глубинах осо-

бой писательской памяти пролежал этот сюжет — и вдруг в 1952 году написался рассказ. Ср.: «*16 Августа 1952.* Рассказ "Василий Алексеевич" не могу пережить, дивлюсь ему и понимаю, что он пришел ко мне как бы свыше. Бывают же такие удачи!» (РГАЛИ). Рассказ был впервые опубликован в 1962 году — Пришвин, кажется, и не пытался публиковать его; но понятна радость писателя, который написал рассказ на самую болезненную, животрепещущую, трагически-неразрешимую тему своего времени — «личность и власть», которую в течение двадцати лет стремился выразить в романе «Осударева дорога». И вдруг родился настоящий «народный» рассказ, простой и понятный каждому, о чем он всегда мечтал, на эту самую тему. Ср.: «Надо сказать, что Василий Алексеевич никогда, как обычные старики, не пускался в критику нового времени, и если критиковал, то очень тонко. Может быть, это было оттого, что оба сына его были на важных должностях <...> — Василий Алексеевич, — спросил я, — вы такой большой хранитель старинного уклада, а сыновья ваши так определенно стоят на новом пути. Наверное, не во всем с ними согласны? — Бывает, мы спорим немного <...> Вам помнятся слова первосвященника Каифы, когда привели к нему Христа? Каифа <...> сказал, что Его необходимо распять, а то придут римляне и разорят и погубят весь народ. Так пусть лучше один невинный погибнет. А народ сохранится. Вот об этом мы с сыновьями и спорим. — Сыновья стоят за народ? — спросил я. — Вы точно сказали <...> сыновья стоят за народ и еще так говорят: в нашей практике приходится десять невинных истратить, чтобы найти и уничтожить одного негодяя, а если только один и за весь народ — то какой тут может быть разговор? <...> Я же простой человек и, конечно, так говорю: "Дети мои! Человек не курица: отруби курице голову — и будет другая взамен, и курица воскреснет, а отруби человеку — и он не воскреснет. Придет, конечно, другой человек, придет, да не тот!" — Что же ваши сыновья? — Молчат» (Собр. соч. 2006. Т 3. С. 603–606). Ср.: «*19 Мая 1939.* Шестерня заменима, но человек должен быть незаменим, а они поступают с человеком как с шестерней и рассчитывают на то, что их много и всякого есть кем заменить» (Дневники. 1938–1939.С. 321).

С. 365... *(фильм Нюрнбергский)...* –. по-видимому, имеется в виду документальный фильм Романа Кармена «Суд народов» (1946). Вышел в широкий прокат в 1947 г.

Пахнуло отдаленнейшими временами марксизма... — ср.: «Первое послевоенное десятилетие (1946–1955) — исключительно неблагоприятное для литературно-художественной критики время. Осуждение произведений некоторых писателей (Л. Кассиля, К. Паустовского, В. Каверина, Б. Лавренева) за надуманность или «красивость» в изображении войны. Возвращение в критику с конца 1943 г. проработочных приемов, закулисное вмешательство Сталина в судьбу ряда произведений и их авторов.Кампания против М. Зощенко по поводу психологической повести «Перед восходом солнца», обвинение его в «самокопании» и отсутствии гражданских чувств. Шельмование неопубликованных произведений А. Довженко («Победа», «Украина в огне»), осмелившегося заговорить о подлинных причинах поражений Красной Армии. Осуждение антитоталитаристской пьесы-сказки Е. Шварца «Дракон», правдивых мемуаров К. Федина о «Серапионовых братьях» — «Горький среди нас» (1944), некоторых стихотворений, в том числе О. Берггольц и В. Инбер — за «пессимизм» и «любование страданием». Резкое усиление догматизма в критике, чисто политический критерий «безыдейности» (отлучение от литературы М. Зощенко и А. Ахматовой, упреки в адрес Б. Пастернака, И. Сельвинского и др.). Новая волна «проработок», отход от некоторых положительных оценок периода войны и первых послевоенных месяцев, продолжение кампании против ранее критиковавшихся писателей. Наставительная критика в партийной печати первого варианта «Молодой гвардии» Фадеева; переделка романа под ее давлением. Слащавая идеализация критиками наличной действительности, сглаживание ими трагизма и противоречий жизни. Неприятие правдивых, глубоких произведений: статья В. Ермилова «Клеветнический рассказ А. Платонова» в «Литературной газете» от 4 января 1947 г. о рассказе «Семья Иванова», обвинение критикой М. Исаковского в пессимизме за стихотворение «Враги сожгли родную хату...», замалчивание поэмы А. Твардовского «Дом у дороги» и т. д. Полная непредсказуемость того или иного остракизма с литературной и нередко даже политической точек зрения. *Кормилов С.И., Скороспелова Е.Б.* Литературная критика XX века (после 1917 года). М.: 1996. http://www.rl-critic.ru/kurs/metodicka.html

... неволя мысли от Ульриха (1898 г.) до РАППа... — неточная дата: увлечение марксизмом и работа в студенческом марксистском кружке («Школа пролетарских вождей») в Риге под руководством В.Д. Ульриха — 1894–1896 гг., арест и одиночное заключение в Митавской тюрьме — 1897 г.

С. 371 ... *похожей на пьесу «Бранд» Ибсена.* — Имеется в виду драматическая поэма Г. Ибсена «Бранд» (1865).

... *в детском кукольном театре на «Аленушке».* — Вероятно, речь идет о спектакле по мотивам русской народной сказки «Аленушка и братец Иванушка».

С. 373 ... *«верую, Господи, помоги моему неверию».* — Мк. 9:24.

... *в притче о талантах?* — Мф. 25:14–30.

С. 374 ... *«да минует меня чаша сия».* — Мк. 14:36, Лк. 22:42.

С. 375 ... *рождается в Вифлееме дитя...* – Лк. 2:1–7.

С. 377 *Читал Асанова «Волшебный камень».* — Имеется в виду роман Н.А. Асанова «Волшебный камень» (1945), посвященный истории открытия первых промышленных месторождений алмазов на Урале.

С. 379 *Вечером на «Король-олень».* — Имеется в виду кукольный спектакль в театре Образцова по сказке Карло Гоцци «Король-олень» (трагикомическая сказка для театра. 1762).

... *собственное творчество его погибает (Гоголь, Толстой).* — См. коммент. на стр. 841 к ... *как Гоголь после обращения в православие...*

... *(почему застрелился Маяковский?).* — См. коммент. на стр. 812 к *Наверно, за правду-то он и погиб.*

С. 385 ... *упирается в «слезу ребенка» (личность)* ... — проблема соотношения цели и средств ее достижения в русской культуре связывается, прежде всего, с романом Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1889, ч. 2, кн. 5, гл. «Бунт»).

С. 388 ... *Распятый с Его словами: «Прости им»...* — Лк. 23:34.

С. 389 ... *на генеральной репетиции «Ромео» Прокофьева...* – имеется в виду балет С.С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» (1935), поставленный в 1946 г. балетмейстером М.Л. Лавровским в Большом театре.

... *«идею» (о Светлом человеке)...* — См. коммент. на стр. 853 к *«Светлый человек» брата Николая.*

С. 397 ... *лепесток от люстры.* — Речь идет о люстре венецианского стекла, которая висела в кабинете Пришвина в Лаврушинском. Ср.: «Б/д. Прелесть живого цветка подчеркнута не-

пременной и близкой смертью его. Своей красотой он как бы обращается ко мне словами: "Возьми меня, человек, я тебе отдаюсь и вверяюсь, возьми и спаси меня от неминучей смерти". И вот какой-то человек взял смертный цветок и создал бессмертный из хрусталя. Пусть он разбит — все равно он не умирает: даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию» (Наш дом//Личное дело. С. 308–309).

Показался конец работы... — здесь и далее речь идет о романе «Осударева дорога», над которым Пришвин с перерывами работает с 1933 года после поездки на Беломорско-Балтийский канал. В процессе работы над романом одно заглавие сменялось другим: «Быль», «Былина», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога» (1948, впервые опубл. 1957).

... Царя Соломона, болеющего гриппом, посетила царица Савская... — 3 Цар.

С. 398 *Происходят выборы в РСФСР нашим способом...* – в феврале 1946 года прошли выборы в Верховный Совет СССР, а в 1947 г. – в Верховный Совет союзных и автономных республик.

С. 399 *...«В краю непуганых птиц» = «что-то», но что?* — Имеется в виду первая книга Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907). Вероятно, «что-то» взятое в кавычки, отсылает к отзыву А. Блока на вторую книгу Пришвина «За волшебным колобком» (1908). Ср.: «***9 Августа 1922.*** Блок, прочитав "Колобок", сказал: — Это не поэзия, то есть не одна только поэзия, тут есть еще что-то. — Что? — Я не знаю. — В дальнейшем нужно освободиться от поэзии или от этого чего-то? — Ни от того, ни от другого не нужно освобождаться» (Дневники. 1920–1922. С. 257).

С. 400 *Мой побег в Азию...* — речь идет об одном из прафеноменов творческой личности Пришвина, когда в 1885 г., гимназистом, начитавшись Майна Рида, Миша Пришвин с друзьями совершает побег «в Америку» (в других записях «в Азию»), «в край непуганых птиц». Ср.: Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 69–82.

... Сталин по поводу какой-то поэмы Максима Горького: «Эта штука посильней "Фауста"». — Речь идет об отзыве на сказку Горького «Девушка и смерть» (1892), после авторского чтения вписанном Сталиным в конец произведения во время посеще-

ния Горького в б. особняке Рябушинского в 1931 г.: «Эта штука сильнее, чем “Фауст” Гете (любовь побеждает смерть)».

С. 401 *Царь природы. Педагогическая поэма.* — На этом этапе работы над романом о строительстве канала Пришвин делает попытку превратить его в роман воспитания, сделав акцент на нравственном и социальном формировании личности мальчика Зуйка в ситуации слома традиционной (архаической) культуры, в которой он вырос, и насильственного, но неизбежного формирования новой культуры в процессе строительства. Традиции романа воспитания развиваются от Гете (Вильгельм Мейстер, 1795–1796) до Диккенса (Дэвид Копперфильд, 1849), Флобера (Воспитание чувств, 1869), Гончарова (Обыкновенная история, 1847), Достоевского (Подросток, 1875) к новому времени до Сэлинджера (Над пропастью во ржи, 1951) и пр. Классическим образцом романа воспитания в Советской России стал роман А.С. Макаренко «Педагогическая поэма» (1933–1935); личностью Макаренко Пришвин готов восхититься, но его мировоззренческие взгляды и принципы воспитания опровергает. Ср.: «3 Декабря 1945. Из “Канала” должна выйти “педагогическая поэма” на основе нравственных вопросов, поднятых поэмой Макаренко»; «4 Декабря. Читаю Макаренко, восхищаюсь и боюсь: восхищаюсь подвигом русского человека, отдавшего свою жизнь воспитанию... а впрочем, какое тут воспитание, нет, отдавшему жизнь свою на утверждение веры в человека. Так издавна отдавали жизнь свою русские революционеры, и до сих пор, до Ленина и Сталина и до Ивана Ивановича Фокина (учитель в Новоселках) отдают ее: отдают не-изведанную жизнь свою в утверждение веры в человека и не “за други своя”, а именно за веру свою. Эта вера похожа на птичку, берегущую кукушкины яйца: вырастают не птички божьи, а кукушкины дети, выбрасывающие из гнезд подлинных детей “птички божьей”. Так, дети Ленина и Сталина делаются чиновниками вроде Поликарпова, пребывающими постоянно в состоянии административного восторга. (Поликарпов — это народный мученик учитель Фокин, попавший в Царство Небесное. Советский Союз наполнен такими заслуженными мучениками.)»; «5 Декабря 1945. Книга Макаренко (“Педагогическая поэма”) напоминает “Письма из деревни” Энгельгардта: там интеллигентный человек является заложником у мужиков, здесь — у беспризорников. Еще, пожалуй, близка к этому книга Миклухи-Маклая о папуасах. Там беспризорники, тут мужики,

там папуасы, но везде заложник со своим подвигом оказания любви к человеку. Макаренко кончает книгу тем, что не поэмы нужны в педагогике, а знание цели и дела» (Дневники. 1944–1945. С. 708).

С. 403 *Победоносцев свою критику парламентского строя основал...* — по-видимому, имеется в виду критика К.П. Победоносцевым основных устоев западноевропейской культуры и государственного строя, главными пороками которых он полагает рационализм и веру в добрую природу человека («Московский сборник», 1896).

С. 405 *... на «Адмирале Нахимове»...* — имеется в виду фильм Вс. Пудовкина «Адмирал Нахимов» (1946).

С. 410 *... любить врагов своих».* — Мф. 5:42–48.

... они не знают, что творят». — Лк. 23:34.

... творити волю Твою». — Канон Богородице.

С. 412 *Закат Европы.* — Имеется в виду работа О. Шпенглера «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории (нем. Der Untergang des Abendlandes), 1918–1922.

С. 417 *... перенести форму эпохи Антигоны в эпоху «Идеального мужа» Уайльда.* — Речь идет о трагедии «Антигона» (442 года до н. э.) древнегреческого драматурга Софокла и о комедии О. Уайльда «Идеальный муж» (An Ideal Husband,1895).

С. 420 *... насилие, которое было при крещении?* — См. о крещении Руси: «Литература Древней Руси IX–XII вв.» М.: 1978. Пер. Б. Кресеня.

С. 421 *... прочее время живота...* — просительная ектения.

... воля Твоя на земле, как на небе... — Мф. 6:9–13.

...« хлеб наш насущный даждь нам днесь»... — Мф. 6:31–34.

С. 423 *... кажется похожим на Хоря в рассказе Тургенева...* — рассказ И.С. Тургенева «Хорь и Калиныч» (1847) входит в цикл «Записки охотника».

... стала мне против жизни православная мысль о смерти, все то, с чем Розанов выходил против Христа...– о христианстве как религии смерти В.В. Розанов говорил в своем знаменитом докладе «О

сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира (По поводу статьи Д.С. Мережковского “Гоголь и о. Матвей”)», прочитанном на заседании Религиозно-философского общества 21 ноября 1907 г.: «Но что такое чистый черный цвет? Это — смерть, гроб, о котором я говорил в одном из предыдущих своих докладов, и коего решительно невозможно вырвать из Христианства. Это его хребет и четыре ноги. “Гробом” оно бежит вперед, на гробе зиждется. <...> Таким образом, во Христе — если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истома. Отшельники, конечно, знают свои сладости. Они томительно умирают, открещиваясь от всякого мира» (Религиозно-философское общество в С.-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 1: 1907–1909. С. 144, 149). Ср. также: «Церковь есть поклонение гробам. <...> Ничто из бытия Христа не взято в такой великий и постоянный символ, как смерть. Уподобиться мощам, перестать вовсе жить, двигаться, дышать, в особенности — волноваться, есть общий и великий идеал Церкви. <...> сущность Церкви и даже Христианства определилась как поклонение смерти, как трепет и ужас, а вместе и тайное влечение к Смерти-Богу» (Розанов В.В. О священстве и «благодати» священства. Об основном идеале церкви. О древних и новых жертвах (В «Религиозно-философских собраниях» в С.-Петербурге 1902–1903 гг.) // *Розанов В.В.* Собр. соч.: Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 474–475). См. запись от 13 декабря 1931 г. (Дневники. 1930–1931. С. 576, 686–687). Комментарий А. Медведева.

Мережковский возражал ему тем, что стрелы его направлены против Церкви, но не против Христа. — Ср. выступление Д.И. Боголюбова в прениях по докладу Д.С. Мережковского «О Церкви грядущего» на заседании Религиозно-философского общества 8 ноября 1907 г.: «В истории христианства были такие периоды, когда во имя служения духу односторонние тенденции давили плоть, мир, жизнь. Но всему христианству приписывать этого нельзя. Христианство есть религия жизни, а не смерти, и дано не для того, чтобы мы в монастырь бежали и там вечные богослужения совершали, а дано, как “закваска”, которой суждено квасить все тесто» (Религиозно-философское общество в С.-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009.

Т. 1: 1907–1909. С. 122). См. записи и коммент. к ним: от 13 декабря 1931 г. (Дневники. 1930–1931. С. 576, 686–687), от 16 ноября 1945 г. (Дневники. 1944–1945. С. 688, 889–890). Комментарий А. Медведева.

Я сам был под влиянием Розанова и освободился от этой тяги к «язычеству» только с прихода Ляли. — Ср.: «22 Ноября 1941. Вчера я Ляле на ночь сказал, что смотрел на Распятие и думал о смерти, а когда смотришь на цветок или на ручей, то чувствуешь радость жизни и думаешь о детях, о будущем, о светлом пути человека в его возможностях. — А я с 12 лет думала о Христе как светлом пути в жизнь и в беспредельность, — ответила Ляля. И, вероятно, ее чувство Христа вернее моего рассуждения, навеянного, вероятно, Розановым и подобными. Распятие, вероятно, не есть образ смерти, а образ творческого усилия личности, сжимающей плоть свою для прыжка в бессмертие. Распятие есть образ творчества личности, пренебрегающей в этот момент радостью жизни» (Дневники. 1940–1941. С. 674–675). Комментарий А. Медведева.

С. 424 ... *человек — это звучит гордо...* — слова Сатина из IV действия пьесы Максима Горького «На дне» (1902): «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека».

... *(«А по краям-то все косточки русские»).* — Строка из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога» (1864).

С. 425 ... *«прости им, они не знают, что творят»...* — Лк. 23:34.

С. 426 ... *Островского: «Правда хорошо, а счастье лучше».* — Комедия А.Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» (1876).

... *иметь в виду в «Сером помещике».* — Речь идет о сценарии по сказке-были «Кладовая солнца», над которым Пришвин работает.

С. 428 *Слушали ектению Шаляпина, вспомнился Горький...* — имеется в виду «Сугубая ектения из “Демественной литургии”» А.Т. Гречанинова. О своей встрече с Шаляпиным и Горьким Пришвин не раз вспоминает в дневнике. Ср.: ***«14 Октября 1917.*** Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шаляпина. Я первый раз тогда видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над ста-

каном вина. Кроме Горького и Шаляпина тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне незнакомых и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шаляпин словно во сне сказал: – Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей. И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о попах, о купцах, о Боге, без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью. Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шаляпина. Я ответил, что бога видел нашего какого-то, может быть, [полевого] или лесного, но подлинного русского бога. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал: — Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем! Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии» (Дневники. 1914–1917. С. 518).

С. 429 *Прочитав мою статью «Школа радости»...* – имеется в виду предисловие Пришвина к миниатюре О.В. Серовой «Пробуждение» в журнале «Смена» (май 1946 г.).

Спектакль «Горячее сердце» в Художественном театре... — имеется в виду комедия А.Н. Островского «Горячее сердце» (1869) в постановке А.Д. Дикого.

С. 431 *... гоголевское ощущение мира через «Страшную месть»...* — повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» (1831, цикл «Миргород») сыграла роль литературного подтекста «Повести нашего времени» (1945). В повести обсуждается и, в конце концов, в споре главных героев, солдата-фронтовика и народного правдоискателя, преодолевается идея возмездия. Ср.: «И в точности мне пересказал мои собственные мысли о том, как связать времена возмездием и правдой. — Помнишь, — сказал он, — мое старинное "не простить" <...> Теперь это "не простить" перешло в страшную месть. Я теперь по земле тенью пойду от войны, от этого страшного всадника. — Но ты помнишь, — говорю я, — всадник с мертвыми очами был наказан за то, что слишком много мести у Бога запросил? — Этот договор с Богом меня <...> не касается.

Ведь я только за правдой иду, как тень от страшного всадника: Бог у меня ни при чем. — Как же все-таки Бог ни при чем? — Времени нет, — отвечает он, — чтобы <...> как раньше было, Бога искать <...> довольно у нас на Руси Бога искали, а я знаю одно, что за правду иду, делать ее иду, а Бог, если он есть, пусть сам найдет меня, у него время несчитанное <...> долго стоял и глядел ему вслед, повторяя про себя: — Пусть <...> Бог найдет тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твое: все понять, ничего не забыть и ничего не простить» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 226). Социокультурный смысл идеи возмездия связан у Пришвина с революцией, когда столкновение культуры, уходящей корнями в христианскую нравственность, и большевистской культуры окончательно определило смысл нового времени. Ср.: «Раньше у меня было всегда, что понять — значит, забыть и простить. Теперь я хотел бы молиться о мире всего мира, а в душе — только бы не забыть, только бы не простить! <...> твержу свою подзаборную молитву, обращенную к неведомому Богу: — Господи, помоги мне все понять, и ничего не забыть, и не простить!» — Подзаборная молитва. Цвет и крест. С. 116–117.

... глас вопиющего в пустыне... — Ис.40:3.

... отказали Маяковскому в приеме в РАПП. — Маяковский вступает в Российскую ассоциацию пролетарских писателей в феврале 1930 г., в рапповском журнале «На литературном посту» появляется следующий комментарий к этому событию: «Вступление в РАПП на московской конференции товарищей Маяковского, Багрицкого и Луговского является очень серьезным социальным показателем. Само собой разумеется, что вступление этих товарищей в РАПП отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того, чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении». А уже в феврале и марте после театральных премьер («Баня» в Ленинграде и «Клоп» в Москве) Маяковского прорабатывают на секретариате РАППа. Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу. http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_1969_lavut.shtml

С. 433 ... *Московского общества охраны природы.* — В тетрадь вклеена газетная вырезка, ни название газеты, ни дата не определяются: «В Московском обществе охраны природы. Первое заседание. Сегодня состоится первое заседание организацион-

ного совета Московского общества охраны природы. В составе оргсовета — писатель М. Пришвин (председатель), профессора П. Мантейфель и С. Туров, начальник Московского управления по делам охоты Н. Кочетков и другие. Московское общество охраны природы создано для выявления и охраны живых памятников природы, моховых дубрав и сосновых боров, их флоры и фауны».

С. 434 *Лемуры (у Гете)...* — лемуры — мелкая нечисть, подвластная Мефистофелю, замогильные призраки, которые роют Фаусту могилу.

«Обыкновенный концерт» в кукольном театре Образцова... — сатирическая пародия на обычный эстрадный концерт тех лет.

С. 436 *... написать по материалу «Кладовой солнца» пьесу <...> предложение сделал <...> Мосфильм...* — интерес к киноискусству для Пришвина не случаен. В 1924 году в дневнике впервые появляется запись об искусстве кино, свидетельствующая о том, что Пришвин понимает: художник в России ощущает не только трудности, связанные с последствиями революции и давлением идеологии, но и сложности самого культурного процесса, связанные со сменой типа культуры (***«17 Августа 1924.*** <...> художник борет скуку обыденности личной волей — в этом и есть чудо искусства и подвиг художника. Художник своей творческой властью преображает жизнь так, что в ней как будто нет ни судьбы, ни экономической необходимости, ни долга, ни скуки <...> Но вот кино, которое без всякого личного героизма, чисто машинным путем вынимает из жизни ноющий нерв времени, заставляет фотографии жизни чередоваться быстрей, чем в действительности, и слушателю передается чувство победы над скукой <...> как мерно жует бычок свою жвачку день и ночь — вык, вык! и так 365 дней вык, вык! и потом еще столько же, и тогда он делается бык, а хозяин за это время и сам вык-вык — привык, из этого вык сделался век, и так стал сам чело-век, т. е. голова, созданная терпеть всю скуку бычьего века. На борьбу с веком выступает художник, и так создается трагическая личность <...> А кино выкинет серые дни... Кино посмеялось над художником») (Дневники. 1923–1924. С. 186–187). В новом, мощно завоевывающем культурное пространство, искусстве кино Пришвин видит, во-первых, эстетическое выражение идеи нового мира, связанной, в первую очередь, с иными пространственно-временными характеристиками (хронотоп нового времени); во-вторых, насту-

пление визуального образа на словесный, что принципиально меняет положение художника, развенчивая традиционную в русской культуре миссию писателя находиться «в борьбе с веком» и быть «трагической личностью». Так в это время понимает Пришвин суть новой культурной ситуации, в которой — хочет он того или не хочет — должен определяться художник. Дневник — это попытка сложившегося в культуре начала века писателя адаптироваться в новой культурной ситуации, сохраняя собственную личность и свое слово. Записи о кино встречаются и позднее (***16 Ноября 1931.*** <...> кинотеатр подготовил широкие массы для восприятия литературы, вызывающей зрительные образы») (Дневники. 1930–1931. С. 565); «***31 Марта 1934.*** Видел "Петербургскую ночь" Рошаля: этот психологизм мне напоминает фотографию, залезающую в живопись: портрет — под Рембрандта, пейзаж под Левитана — так точно жалко кино озвученное, залезающее в психологию Достоевского. Все и так, и не так: что-[то] вроде иллюстраций, существующих лишь потому, что существует основная вещь. Даже придумка такая удивительная, как связь через песню музыканта-творца с каторжниками: все это дается, воспринимается как напоминание о народн[иках], но не народн[ики] ... Надо в кино, как и в фотографии, пользоваться их собственными средствами... И если там в этих ресурсах нет идей, то пусть лучше будет кино без идей, как американские фильмы, чем идеи эти будут доставаться из литературы. Исходить кино должно от документа»; «***3 Апреля 1934.*** Я думаю, что основной признак пьесы для кино должен быть тот, что эта пьеса может быть исполнена только средствами кинематографии. С этой стороны ни "Гроза", ни "Петербургская ночь" не выдерживают критики <...> Почему пьеса "Гроза" в кино как бы сплющивается? Сознание поглощается, пожирается зрением, не остается места домыслам, этическому раздумью: женщина бросается в воду, и человек выходит из кино просто подавленный. И так все: вышел, и все кончено. Задача 1-я: изучить, верней, вызнать изобразительные средства кино как такового, и 2-я: возможности создания сценария без посредства литературы, потому что переделка с литературной всегда понижает вещь»; «***8 Апреля 1934.*** Путь к кино — это путь от сложнейшего к простейшему, но не из кинотехники, как у "гениальных режиссеров"» (Дневники. 1932–1935. С. 372–374).

С. 441 *Бульдожинка.* — Имеется в виду рассказ «Старший судья» (1947).

С. 443 *«Мои тетрадки».* — Имеется в виду очерк «Мои тетрадки» (1940).

Слушал «Да исправится»... — Псалом 140.

С. 445 *Розановой Т.В.* — Татьяне Васильевне Розановой Пришвин стремится объяснить свои взаимоотношения с первой семьей, она одна из тех, чьим мнением он на самом деле дорожит. В 1926 году Пришвин поселился в Троице-Сергиеве (с 1930 г. Загорск), где в 1927 году и состоялось его знакомство с Татьяной Васильевной. Здесь все оказалось важным: и переосмысление отношений с Василием Васильевичем Розановым (гимназия, 1889 г., Петербург, 1908 г.), и радость от духовной близости с глубоко верующим человеком — почти роман, и испытание ее, как церковного человека, на свободу, и трезвое решение расстаться, и, как оказалось пророчески, зарисованный в дневнике план с указанием места могилы Розанова и Леонтьева в Черниговском скиту Сергиева, по которому уже в наши дни это место и было установлено. Ср: «***16 Марта.*** Был у дочери Розанова Татьяны Васильевны. "Хорошо, — говорит, — что вы любите природу, значит, человека не любите, нельзя его любить". Совсем Розановская манера, и лицом, и натурой совсем Розанов. Она говорила, что Вас. Вас. приходил иногда со службы расстроенный, чем-нибудь его обидели, и он долго плакал, ложился в кровать и плакал, как ребенок. И она тоже мучится службой и тоже наверно плачет от нее»; «***21 Марта.*** Встретил вчера Т. Вас. Розанову. Она мне нравится. Я ее причисляю к Берендееву царству»; «***22 Марта.*** Вчера пришла Т.В. Розанова в 7 веч. и была до 1 ч. ночи. Я таких людей еще не встречал, в ней было мне то, чего я ожидаю себе найти в работе над детским рассказом. Это желанный человек, в свете лучей от которого насквозь все мои люди <...> Что же делать, сознаюсь: щупаю каждую женщину на возможность последней близости <...> Тут совсем ничего: полное отсутствие, в голову не приходит. Но, тем не менее, в этом общении, чисто духовном, есть особенная сладость какая-то и столь сильная, что может сравниться лишь с самой игрой, мартовской любовью. Вероятно, это сила религиозно преображенного эроса. Но Еф. Пав. ее не ревновала (как всех) ко мне, к этому не ревнуют. Т. В. рассказывала, что когда ее позвали в ГПУ для допроса и там намучили глупыми вопросами до того, что, когда они зачем-то вышли из комнаты, она легла на диван и уснула. Это ее и спасло: гепеусты образумились и выпустили. И, кажется, это они же способство-

вали ее устройству на службу в музее: "Вам, — говорили, — там хорошо будет с монахами". Еще рассказы ее о какой-то "боли", которая началась у нее после чтения "Людей лунного света" <...> Потом она стала мучительно работать над преодолением "Лунных людей" и когда преодолела, боль прошла. Таким образом, у этой девушки и у меня лучшие силы ушли на преодоление боли, причиненной одним и тем же (впоследствии любимым) человеком, ее отцом и моим учителем. В психофизическом мире ее "православие" вполне соответствует моей "природе": то и другое для спасения себя самого, но не для учительства (ни Боже мой!). Однако и мне, и, вероятно, ей эта найденная самость представляется не индивидуальным достоянием, а общим, назовем это "Христос и Природа": очень возможно, что в моей природе есть тайный руководитель Христос, а в ее Христе — природа. Для меня самое главное, кажется, в том, что оба мы свое мученичество преодолели и стали мучениками веселыми»; «***17 Марта.*** К обеду пришла Т. В. и я читал ей "Курымушку". Т. В. сказала, что Розанов и должен был меня исключить. Она забыла, что это худ. произведение, трагедия, в которой все люди должны делать так, как они делают. Но в действительности ведь было вовсе не так: Розанов был виноват»; «***29 Марта.*** Святые православные люди (как Т. В-а) лишают доверия чувство своего тела, может быть, стыдятся его и достигают умерщвления, а может быть, как пишет Розанов, просто лишены его и действительно "люди лунного света"?»; «***5 Апреля.*** Дочь "гениального" Розанова ("Все, все мне говорят: "Ваш отец был гениальный"") не в 19-м, а в прошлом году получила место курьера при музее, и с ведома заведующего носила дрова по квартирам Музея. Трудно себе представить более слабую физически девушку, чем Т. В-на, и все же на глазах администрации она носила, конечно, не вязанками, а по пяти поленьев, да, по пяти поленьев ½ сажня в день! В этой беде ей помогли не образованные люди, а два простых дворника. И едва ли эта помощь их исходила от того, что они верили в Бога: им было просто жалко, и вот это и есть религия человечества естественная, та самая жалость к человеку, которой страдают и немногие боги, Прометей, Христос...»; «***14 Апреля.*** Меня продолжает волновать Т. В., и все происходит во мне совершенно так же, как бывает у влюбленных. А между тем Т. В. столь непривлекательна как женщина, что даже Ефр. П. не ревнует. Она объясняет мой интерес к ней пережитым с В.В. Розановым. Но мне кажется, не совсем это верно. Я думаю, что моя страсть влюбленности была

от одиночества, от жажды встретиться с понимающим другом. Этот чистый душевный процесс тогда маскировался физической потребностью женщины. Потом все это разделилось, животное было удовлетворено семьей, а духовное писательством. Но писательство, в конце концов, разряжает душу излучением в пространство. Раньше казалось, что кто-то, какой-то друг (читатель) явится вследствие этого писания, но потом оказалось, что он никогда не придет, и не может прийти. И когда явилась Т. В. вне писательства, и все у нее оказалось мне столь близким, что казалось, душа с душой коснулись физически, до сладострастия. Это было удовлетворением одиночества столь уже привычного мне, что я перестал его ощущать, как будто это у всех, и человек с этим рожден» (Дневники. 1926–1927. С. 227–251.

С. 446 ... *(рожденный ползать летать не может).* — Имеется в виду произведение М. Горького «Песня о соколе» (1895).

С. 447 *«Адриенна Лекуврер», драма-комедия Скриба.* — Пьеса Э. Скриба «Адриенна Лекуврер (1849).

С. 448 *Пробовал написать ей...* — <Вклеена машинопись: Алиса Георгиевна! Я никогда не бывал в Вашем театре, первый и единственный раз видел я Вас в Адриенне 16-го Марта. Я даже испугался своей радости и спросил сам себя: «Это актриса. Человека сегодня я видел только с лица: каждый артист имеет и свою «закулисную» сторону, что делается там?» И подумав, вспомнив свою собственную борьбу, ответил себе: «Она столько боролась, столько выстрадала за свое лицо, что у нее и за кулисами должно быть согласие». Не правда ли? Только это согласие, образующее личность человека, и является истинным мерилом таланта. Приветствую Вас>.

С. 454 *Достоевский — <...> за слезу ребенка, за Евгения, за Филемона.* — В контексте дневника очевидной становится связь романа «Осударева дорога» с текстами предшествующих культурных традиций. Это прежде всего «Медный всадник» А.С. Пушкина (Евгений) и «Фауст» Гете (Филемон и Бавкида); а также роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880, ч. 2, кн. 5, гл. «Бунт»).

... (жертва Авраама Богу: заря костер зажгла). — Быт.22:1–19.

С. 457 *(«И влекла меня жажда безумная, жажда жизни, вперед и вперед».)* — Строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860–1862).

С. 458 ... *«Frau» Бебеля...* — имеется в виду книга А. Бебеля «Женщина и социализм» (Die Frau und der Sozialismus, 1879), которую Пришвин переводил, будучи членом марксистского студенческого кружка «Школа пролетарских вождей»; перевод книги Бебеля инкриминировался ему при аресте в 1897 г.

С. 463 ... *рассказ «Золотая медаль»...* — рабочее название рассказа «Старший судья».

С. 465 *Антокольский <...>опубликовал статью, посвященную культурному преодолению «постановления».* — Имеется в виду статья П. Антокольского «О поэзии, о воспитании молодых, о культуре» («Знамя», №1, 1947 г.) и Постановление секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами» от 2 декабря 1943. Ср.: «Однажды, по случайному поводу, Пушкин сказал: “Поэзия, прости господи, должна быть глуповата”. <...> Наша поэзия не должна быть и не будет ни “глупой”, ни “глуповатой”. Это предпосылка для ее верной службы народу <...> Конечно, русский символизм — явление достаточно сложное, тенденции его разнообразны и противоречивы — недаром Блок и Брюсов вышли из символизма, но среди этих тенденций была и такая — “темная”. И впоследствии декларация заумности, “самовитой” поэтической речи идет из того же источника. Пускай циркачество шумевших в свое время «ничевоков» не имело никакого общественного значения, пускай они сгинули в памяти давнишней моды насквозь, как прошлогодний снег — но само их появление было симптоматичным. Это крайний и притом уже насквозь карикатурный отголосок требований глупости, юродивой простоты для жреца муз. Принципиальная глупость откровенно била в балаганный барабан» (http://?magazines.russ.ru).

С. 466 ... *безутешное о Хрущеве...* — на окраине г. Ельца в имении Хрущево Пришвин родился. В течение первых послереволюционных лет имение было разграблено крестьянами, дом сожжен, яблоневый сад вырублен — и до сих пор на этом месте пустырь.

С. 468 *(«Помни день субботний»).* — Исх. 20:8–11.

Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози... — Первая заповедь Божия. Исх. 20:2–17.

С. 473 ...*«Русский вопрос» — смертная скука.* — Имеется в виду фильм М. Ромма «Русский вопрос» (1947), снятый по пьесе К. Симонова «Гульд и Макферсон», следующего содержания: две

великие, противостоящие друг другу супердержавы, война для обеих слишком разорительна и нежелательна, соперника стараются уничтожить информационно; несколько американских газет командируют своего журналиста в Советский Союз для получения свежего материала, дискредитирующего образ СССР, но журналист по имени Гарри Смит по возвращении пишет статью, в которой отвечает на вопрос «хотят ли русские войны?» отрицательно, его увольняют из газеты. См. коммент. на стр. 880 к *...написать по материалу «Кладовой солнца» пьесу...*

С. 474 *(«да умирится же с тобой...»)* ... — см. коммент. на стр. 849 к ... *эпиграф взят из «Медного всадника».*

С. 481 ... *явление Фацелии...* — так иногда называл Пришвин Валерию Дмитриевну: Валерия-Фацелия.

...(детство: Марья Моревна)... — двоюродная сестра Пришвина Марья Васильевна Игнатова оказала большое влияние на формирование личности будущего писателя. В летописи своей жизни (1918) Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)» (Дневники. 1918–1919. С. 519).

С. 485 ... *рожденный Девой сотрет главу змия...* — Быт. 3:15.

С. 491 ... *человек не может сделать того, о чем поет сам соловей <...> петь он будет сам, его не заведешь...* — аллюзия на сказку Г.-Х. Андерсена «Соловей» (1843).

... *как в Голубиной книге...* — стих о Голубиной книге (кон. XV — нач. XVI в.) — одно из произведений славянской духовно-народной литературы, получившее название от слова «глубина», так как в ней содержалась премудрость знаний о происхождении мира, объяснялись сложные явления природы; главная часть стиха заключает в себе ряд вопросов, касающихся происхождения мира, и ответов.

С. 492 ... *(«По краюшку, деточки, ходите»)...* — ср.: Кащеева цепь//Собр.соч. 2006. Т.1. С. 291.

... *через 45 лет Парижскую встречу.* — Речь идет о встрече с Варей Измалковой в 1902 году.

С. 495 ... *чудесный фильм «Погонщик слонов»...* — имеется в виду фильм «Маленький погонщик слонов» (Elefant Boy), Великобритания, 1937, режиссеры Роберт Дж. Флаэрти и Золтан Корда.

Фильм снят по рассказу Р. Киплинга «Тумай слонов» (1893) о дружбе со слоном мальчика-индуса (тумай), мечтающего стать охотником. Фильм вышел в советский прокат в 1945 г. наряду с другими зарубежными фильмами, показ которых начинался со следующего титра: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск под Берлином в 1945 году». Речь идет о публичном показе в кинотеатрах и клубах СССР части киноархива из Бабельсберга (пригорода Берлина), который оказался в зоне советской оккупации и вскоре был вывезен с территории поверженной Германии в подмосковный Госфильмофонд СССР. С 1945 по 1954 гг. в кинопрокат вышло более 120 художественных фильмов, среди которых были не только немецкие шедевры мирового кино, но и ленты других стран — все это впервые увидел советский зритель. http://afisha.tut.by/film.php?fid=1618

С. 500 ... *почему Вольтер предлагал выдумать Бога.* — Вопрос о существовании Бога обсуждается в ряде трактатов Вольтера в связи с комплексом социально-этических проблем: полагая, что нравственность в мире не может существовать без допущения Бога, Вольтер вводит в оборот известный афоризм: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать».

С. 501 ... *началось со смеха над титром в «Балерине»...* — речь идет о фильме «Солистка балета» (1947). Режиссер — Александр Ивановский, в главной роли Галина Уланова.

Я испытал все формы любви... — действительно, любовный опыт Пришвина включает, кажется, все существующие в культуре кон. XIX — нач. XX века варианты любовных отношений — от инфернальных женщин Достоевского (ср.: «В 1902 году в Лейпциге <...> Анна Ивановна Глотова <...> Она была в глазах Пришвина Настасьей Филипповной <...> “Не хочу добра, — говорит красивая женщина. — Добро скучно. Красота рождается из страдания. Она есть просветление страдающего человека (гордого?). Гордость красива, претензия безобразна”» (Путь к Слову. С. 82–83), платонической любви к Варе Измалковой (Прекрасная дама, Невеста, Версальская дева, 1902), женитьбы на Ефросинье Павловне, простой крестьянке, чего так и не простила ему мать — до петербургского романа с Софьей Васильевной Ефимовой (Козочка, 1917) — вариант набоковской «Лолиты», «брака втроем» — роман с женой гимназического друга Софьей Павловной Коноплянцевой (1918–1919) и духовного романа с

Татьяной Васильевной Розановой (1927). Как в дневнике, так и в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1927) Пришвин пытается понять проблему уникальности культурного феномена сексуальности главного героя романа Алпатова (alter ego автора), страдающего от невозможности быть «как все»; писатель рассматривает эту проблему в контексте культуры начала XX века, где парадоксальность решения проблемы «пол – эрос» определялась, прежде всего, разведением полюсов физической и духовной жизни, декларацией приоритета духовной жизни, культом утонченной, подавленной чувственности и драмы, которая разворачивалась под напором человеческой природы в каждой отдельной судьбе. Обостренный инстинкт жизни уводил Пришвина к противоположному – здоровому – полюсу жизни, отталкивал от любых утонченных форм сексуальности, переводил проблему в сферу соотношения духовного и физического в отношениях с женщиной. Всю свою жизнь, начиная с юности, он пытается найти выход из вечного противоречия любви земной и любви небесной – противоречия, которое утверждалось всей культурной традицией кон. XIX – нач. XX века, с креном то в одну, то в другую сторону. Стремление к единству («***12 июля 1942.*** Мне вспомнилась моя вековечная раздвоенность: позор обыкновенной любви и страх перед большой любовью. Еще мальчишкой в 20 лет я в этом сознался Маше [кузине], а она мне на это лукаво, как Джоконда, улыбаясь, ответила: – А ты соедини» (Дневники. 1942–1943. С. 212) и упрямая вера в то, что «настоящая любовь существует», не позволяли легко относиться к любовному опыту – все быстро проходило, оставались только сны о Невесте.

С. 509 *... не стали ему Корделией?* – Аллюзия на трагедию В. Шекспира «Король Лир» (1605–1606).

С. 516 *... как в «Робинзоне» кораблекрушение...* – герой романа Д. Дефо «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим» (1719).

С. 521 *Тагор в «Воспоминаниях» говорит о принудительной добродетели...* – имеется в виду книга Р. Тагора «Воспоминания» (1912).

... стихи Сологуба о палаче... — строфа из стихотворения Ф.К. Сологуба «Нюрнбергский палач» (1907).

С. 524 *... написал программную статью в «Большевик».* — «Большевик» – теоретический и политический журнал ЦК ВКП (б), выходил с 1924 г., публиковались также статьи по философии, экономике, литературе и искусстве.

С. 531 *... избу родителей какого-нибудь моего ученика...* — речь идет о работе школьным учителем (шкрабом) в 1920–1921 гг. в с. Алексино Смоленской губернии. См.: очерки «Школьная Робинзонада» (1924) и «Охота за счатьем» (1926).

С. 532 *... потерять в этой жизни» («Дом и Мир» Р. Тагора).* — Имеется в виду роман Р. Тагора «Дом и Мир» (1915–1916).

... одобрил «Молодую гвардию» и «Русский вопрос»... — речь идет о романе А. Фадеева «Молодая гвардия» (Сталинская премия первой степени в 1946 г.) и о пьесе К. Симонова «Русский вопрос» (Государственная премия СССР в 1947 г.)

С. 535 *Эти два течения — одно в защиту родовой жизни против Христа (Достоевский, Розанов), другое выявление сверхчеловека в Христе, имеющем право распоряжаться родовой жизнью...* — Достоевский как писатель родовой жизни возникает у Пришвина в связи с его размышлениями об образе Алеши Карамазова (записи от 18 апреля 1943 г. (Дневники. 1942–1943. С. 480) и 28 января 1944 г. (Дневники. 1944–1945. С. 26)). Из-за «расположенности к рождению» Розанов предпочитал Новому Завету Ветхий с его культом рода, опираясь на образ «разверзающихся ложесн» (Исх. 13, 2, 12, 34, 19) в «Братьях Карамазовых» (книга пятая «Pro и Contra», гл. II «Смердяков с гитарой»): «Есть какая-то несовмещаемость между христианством и “разверстыми ложеснами” (Достоев.)» (Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 247). См. записи и коммент. к ним: от 25 октября 1930 г. (Дневники. 1930–1931. С. 261, 668–669), от 1 января 1935 г. (Дневники. 1932–1935. С. 587), от 3 мая 1939 г. (Дневники. 1938–1939. С. 313–314). Комментарий А. Медведева.

С. 536 *...нечто вроде «Мир как воля (зло) и представление» Шопенгауэра.* — *Шопенгауэр А.* «Мир как воля и представление» (1839–1843).

С. 540 *Бабушка в «Детстве» Горького...* — имеется в виду персонаж первой части автобиографической трилогии М. Горького «Детство» (1913–1914), «В людях» (1916), «Мои университеты» (1923). Его прототипом была бабушка писателя А.И. Каширина. В процессе работы над повестью Горький хотел озаглавить ее «Бабушка», но затем вернулся к заглавию «Детство». В «бабушке» Горького Пришвин «узнавал черты матери-родины с такой силой, какой не дает даже воспоминание о любимой моей покойной матери». Ср.: «Образ бабушки Горького в великом множестве русских людей вызывает образ любимой родины, радостной и в ее великих прошлых страданиях» (Цит. по: Калустова Н.Г. Сердце матери и правда революции. М.: Просвещение, 1985. С. 126). Воплощение заветного идеала народной религиозности — «Святой Руси» — в образе горьковской Бабушки видел Д.С. Мережковский: «Бабушка — сама Россия в ее глубочайшей народной религиозной сущности. Отречься от Бабушки, значит, отречься от самой России» (Мережковский Д.С. Не святая Русь (Религия Горького) (1916) // М. Горький: pro et contra. Личность и творчество М. Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910-е гг. Антология. СПб., 1997. С. 854). Бабушка выступает у Мережковского «синтетическим символом» любви к миру и любви к Богу: «Бабушка любит землю и небо вместе. Да и как ей не любить земли, когда она сама земля?» (Там же. С. 855). Соотнося «Бабушку» с Востоком, а «Дедушку» с Западом, Мережковский видел в этом соотношении символическое выражение антиномичности России, ее «двух душ»: «У России — две души — азиатская, восточная и европейская, западная. На Востоке господствует религия, на Западе — наука. <...> Может быть, Россия — не Восток и не Запад, а соединение Востока с Западом» (Там же. С. 859, 861).

Воплощение Востока в образе Бабушки видел и К. Чуковский в статье «Две души М. Горького» (1924): «Он хорошо понимает, на что поднимает руку. Ведь он, как и мы, спаян кровью с этим проклинаемым, но милым Востоком. Ведь даже его боготворимая бабушка, и все самое поэтичное в ней, есть в сущности тот же Восток. Запада в ней нет ни кровинки: все ее молитвы, ее песни, ее милостыни, созерцания, скитания, ее светлое страдальчество, ее покорливость — все это воплощение Востока, и не без боли же Горький, прославивший ее, как святыню, отталкивает и ее ради новой святыни, святейшей, — ради не-кроткой, не-смиренной, не-поэтической, позитивной, деловитой России. <...> Впослед-

ствии, словно спохватившись, он сделал попытку отречься от бабушки, осудить ее азиатскую душу, но попытка ни к чему не привела. Слишком уж обаятельна эта медведеобразная, толстая, нетрезвая, старая женщина, у которой нос ноздреватый, как пемза, а волосы — лошадиная грива. Она сказочница, плясунья, у нее каждое слово талантливое и каждое движение талантливое. Не от нее ли у Горького дар к щегольскому, цветисто-нарядному слогу, к ладным и складным словам, к кудрявому словесному орнаменту? — "Я был наполнен словами бабушки, как улей медом", — говорит он в "Детстве" о себе, и этот мед остался в нем поныне, а его публицистические лозунги умирают один за другим, и что за беда, если он сам сегодня не помнит вчерашних, а завтра, быть может, забудет сегодняшние!» (Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2002. Т. 8. С. 185–238).

С. 541 *Сандип <...> вероятно, влияние все того же Ницше...* — Сандип (Шондип) — предупреждение Тагора об опасности радикализма в национально-освободительном движении Индии. Сандип вторгается в традиционный мир индусской семьи как индийский провозвестник ницшеанства: «Все великое жестоко. Справедливыми могут быть только заурядные люди. Несправедливость — исключительное право великих» (http://www.noisette-software.com/glavnyj-personazh-romana-klassika-bengalskoj-literatury-r-tagora-dom-i-mir/)

С. 544 *... преподаватель музыки Мутли...*– ср.: *Мутли А.* Мое Дунино/Личное дело. С. 498–504.

С. 548 *... читаю я Глеба Успенского «Растеряеву улицу»...*– речь идет о серии очерков Г.И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» (1866).

С. 552 *... «выхожу один я на дорогу <...> тем холодным сном могилы»...* — слова из стихотворения М.Ю. Лермонтова « Выхожу один я на дорогу....» (1841).

С. 553 *Притча о талантах.* — Мф. 25: 14–30.

С. 555 *Дунино.* — Ср.: в тетрадь переписано ходатайство ССП: «В Звенигородский Райисполком. Союз советских писателей просит оказать всяческое содействие известному писателю, члену правления ССП, председателю Оргбюро Московского Общества охраны природы М.М. Пришвину в его ходатайстве о за-

креплении за ним на право пользования участка земли возле его дачи в Звенигородском районе вблизи д. Дунино».

... *собрались два-три во Имя Мое...* — Мф. 18:20.

С. 557... *для жертвы Авраамовой.* — Быт. 22:1–19.

С. 558 ... *отдать душу свою за други своя.* — Ин. 15:13.

(Повель). — Имеется в виду французский журналист Луи Повель, одновременно пишущий романы и эссе. Установить источник цитаты не удалось.

С. 559 ... *«несть власти, аще не от Бога»...* — Рим. 13:1–2.

... *(Рассказ Волкова.)* — автобиографические записки под названием «Книга для записывания семейных дел и исторических, общих событий, дневников и проч. Дмитрия Ивановича Волкова» попали в руки Пришвина в 1922 году, когда он жил в деревнях Талдомского района, изучал ремесленный башмачный промысел и работал над книгой очерков «Башмаки» (1925) об известных кустарях-башмачниках. Личность Волкова и его уникальная «книга для записывания» произвели на писателя сильное впечатление; спустя много лет Волков стал одним из героев романа «Осударева дорога» (гл. «Сказка о вечном рубле»). Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 227–461. Ср.: «20 Декабря 1936. Письмо Дмитрию Ивановичу Волкову, бывшему миллионеру, теперь собственнику дневника, который ему много дороже тех миллионов. Это у меня (хранение дневника) вышло настоящее, органическое доброе дело, подобно созданию книжки для детей “Зверь Бурундук”. Выходило так, что я делал для себя, но это “для себя” в то же время значило и для других. Это доказывает, что в душе человека есть такой род собственности, который является одновременно и личной собственностью, и общественной» (Дневники. 1936–1937. С. 416).

С. 560 ... *тайна гонений на мою «Фацелию».* — Речь идет о первой части лирической книги «Лесная капель», которая возникла из дневниковых записей и состояла из получивших названия миниатюр, организованных в циклы. Лирико-философские миниатюры о любви первого цикла «Фацелия» определяют настроение, мотивы и смысл всей книги, в которой любовь к женщине расширяется до природы, родины и мира в целом. Исповедальный авторский монолог переводит субъективный опыт любви в контекст культуры. В 1940 г. в журналах «Новый мир»

(№ 9), «Смена» (№ 9) печатаются отрывки из «Лесной капели». Однако вскоре в «Новом мире» (№ 11–12) появляется статья С. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова», в которой упреки в аполитичности и несвоевременности писать о «цветочках и листиках» соседствуют с утверждением, что творчество Пришвина является «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства жизнью» (с. 272). Публикация «Лесной капели» была приостановлена. А в 1943 г. совершенно неожиданно Пришвин узнает, что «Лесная капель» издана. Ср.: «4 Ноября 1943. <...> прихожу в “Советский писатель”, там мне говорят, что книжка моя о радости, “Фацелия”, напечатана. “Война на носу, — говорили о ней, — а он радуется”. Теперь же понадобилась радость, и книжку напечатали, и в ней о войне ни слова, как будто она давно кончилась» (Дневники. 1940–1941. С. 618).

...(как вышло это у Фауста). — Слова Фауста «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» из трагедии Гете «Фауст» (1808. Ч.1, сцена 4), знаменующие одновременно момент его наивысшего счастья и конец земного существования.

... (добрыми намерениями устлана дорога в ад). — Перефраз афоризма английского богослова XVII в. Джорджа Герберта «Ад полон добрыми намерениями и желаниями».

С. 561 *... понимаю его как Христа из «Великого Инквизитора»...* — имеется в виду «Легенда о Великом Инквизиторе» из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). Ч. 2. Кн. 5. Pro и Contra. Гл. 5.

... статуя Венеры <...> на лестнице — Ср.: «10 Марта 1945. В доме Соллогуба, где теперь Союз писателей, на лестнице вестибюля с давних времен стояла Венера. Во время похорон Шишкова по распоряжению Поликарпова эту Венеру завесили. И так коммунист Поликарпов, закрыв Венеру, обнажил свою мещанскую душу архаического времени» (Дневники. 1944–1945. С. 457).

С. 566 *... (как делал Базаров: человек умрет, лопух вырастет).* — Имеется в виду главный герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1861).

С. 567 *... что в искушении Христа обращение камней в хлеб.* — Лк. 4:3.

... газетная молитва Рузвельта! — В дневниковую тетрадь 1944 г. вклеена газетная вырезка: «9 Июня 1944 г., № 138. Молитва

Рузвельта. Вашингтон, 7 июня. (ТАСС.) Рузвельт вчера опубликовал молитву, которую затем прочитал сегодня по радио в 2 часа по Гринвичу: "Сограждане американцы! В этот час испытания я прошу вас присоединиться к моей молитве: Всемогущий Бог, наши сыновья, гордость нашей страны, сегодня начали великое предприятие — борьбу за сохранение нашей республики, нашей религии и нашей цивилизации и за освобождение страдающего человечества"».

... как искушаемый Христос: «Отойди от меня, Сатана!». — Мф. 16:23.

С. 571 *... «равнодушная» природа охватывала наш человеческий мир.* — Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

С. 578 *... где-нибудь в «Сказании о венике»...* — глава из романа «Осударева дорога».

С. 589 *... Ляля представилась мне как актриса ...*– впервые тема возникает в дневнике писателя в ситуации любовного треугольника — Пришвин переживает роман с С.П. Коноплянцевой, женой друга А.М. Коноплянцева, когда в Елец приезжает жена, Ефросинья Павловна («***25 Августа 1918.*** Мы актеры»). Затем много лет спустя тема появляется вновь и переосмысляется в связи с последней любовью писателя — в 1940 г. Пришвин женится на Валерии Дмитриевне Лебедевой (Лиорко). Ср: «***Б/д.*** Ведь жизнь наружная — не моя внутренняя — есть пьеса, в которой меня же разыгрывают. И есть такие тонкие артисты, что только через них я и узнаю себя. Что мне история? Ведь это меня же дурно разыгрывают в лицах»; «***6 Сентября 1941.*** Назови кого-нибудь, кто с людьми остается таким, каким он бывает с собой. — Но ведь хорошего в том мало, чтобы показываться именно таким, какой есть. Что, правда, в этом хорошего? Мы же, вероятно, собой недовольны и хотим сделать из себя нечто более интересное, чем мы есть, стать выше себя. Как ты думаешь? — Я думаю, что... это происходит от... сознания невозможности перед всеми раскрыть свою личность. — Но ведь это и есть глубочайшая причина, почему мы играем и даем легенду вместо самих нас»; «***30 Октября 1943.*** Больше всего меня смущает в Ляле вечная игра: в жизни она талантливый актер, вполне верит в то, что играет. Подчас я, несмотря на ее героизм в любви, сомневаюсь, не разыгрывает ли она и эту любовь? Именно героизм-то ее и наталкивает меня на эту мысль: так в природе не бывает. Так

может любить только божий актер... Ну а сам-то я разве не божий актер? Разве я выбрал ее не для того, чтобы лучше было вместе играть?»; «***21 Июля 1944.*** Каждая встреча одного человека с другим есть представление: каждый разыгрывает себя самого перед другим, но непременно бывают двое: один актером, другой зрителем. Точно так же, бывает, оба пола, м[ужской] и ж[енский], друг перед другом представляются»; «***12 Сентября 1944.*** Но вот для меня... Но, впрочем, нет: какой может быть вопрос, что и любовь наша — тоже игра, и мы не вправду любовники, а два мастера сцены сошлись, заинтересованные друг другом» (Дневники. 1940–1941. С. 571. Дневники. 1942–1943. С. 609. Дневники. 1944–1945. С. 203. Ср. также: Ранний дневник. С. 709–710).

С. 590 ... *(слово плоть бысть)...* — Ин.1:14.

С. 591 ... *завершу большой путь: гг. 1905...* — в дневнике Пришвина начиная с 1905 года разнообразие и количество записей о личности и власти («хочется» и «надо») с очевидностью доказывают, что постоянный, напряженный интерес к человеческой жизни не менее важен для него, чем интерес к природе. В 1906 г. писатель отправляется в Олонецкую губернию с целью сбора этнографического материала; след просеки, по которой с войсками и двумя фрегатами во время Шведской войны прошел Петр Великий, Пришвин еще застал и сфотографировал; результатом этой поездки стала его первая книга «В краю непуганых птиц» («В Выговском краю мне рассказывали старики, что для устройства дороги согнали крестьян со всей России».) В краю непуганых птиц. Собр. соч. 2006. С. 137. В 1933 г. Пришвин узнает, что Беломорско-Балтийский канал проходит по части петровской просеки — не поехать на канал и не увидеть все своими глазами Пришвин просто не мог («***10 Апреля 1947.*** Хочется и Надо — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь»; «<...> эта тема задана мне с детства»). После поездки начинается работа над романом о строительстве канала.

С. 593 ... *(«Плаксы» и «Озлобленные» во Флоренции).* — Речь идет о партии слезно кающихся «плакс», сторонников Савонаролы, и партии «озлобленных», сторонников олигархической республики и ярых противников как проповедующего покаяние Савонаролы, так и тирании Медичи во Флоренции XV в.

... *на моих глазах строился Каменный мост...* — ср.: «***14 Августа 1937.*** Вчера, имея впервые базу в Москве, решился сделать не-

большую наблюдательную прогулку, как делал это в лесу. И сразу заметил постройку Каменного моста <...> Несколько человек по горло в воде удерживали и закрепляли щит. Один из рабочих с напряженными желваками на всем верхнем теле держал вагу, и от этого зависела работа всех других, но, делая главное дело, он вовсе не думал, что он главный, а только что так надо. И всякий другой в своем деле понимал, что так надо для того дела, которое делают все»; «*11 Марта 1938.* На постройке моста: всякое строительство — здание ли это, в котором будут жить, мост ли, по которому будут ходить, — есть поглощение настоящего будущим. И если все в государстве одно только строительство, то в государстве этом всё в будущем и нет ничего в настоящем»; «*14 Марта 1938.* Мост в Москве зачищают, подметают, и вчера еще я видел тысячи людей, а сегодня метут немногие, заметая остатки индивидуальности, после расплавленных и заключенных в бетон и металл. Будущее, скрывшее в себя столько жизней, стало настоящим, и вот уже, обманывая охрану, врываются на мост первые потребители» (Дневники. 1936–1937. С. 712; Дневники 1938-1939. С. 41, 44).

С. 595 ... *мотивы уверования в марксизм <...> у себя.* — Ср.: «*29 Апреля 1918.* Есть одно, из-за чего у меня руки отнимаются, когда я хочу вступить в бой с большевиками: если бы мне было теперь 20–25 лет, то я был бы непременно большевиком, и могу с точностью сказать, что не эсеровского, а марксистского толка. Есть прямые доказательства этому: в таком возрасте я был уверен, что вот-вот совершится мировая катастрофа, пролетариат всего мира станет у власти и жить на земле будет всем хорошо. Это чувство конца (эсхатология) в одинаковой степени развито у простого народа и у нашей интеллигенции, и оно именно дает теперь силу большевикам, и не как просто марксистское рассуждение. Все тончайшие изгибы этого чувства мне хорошо известны, и оно держалось во мне несколько лет, имея наиболее сильное напряжение в тюрьме и быстро ослабевая в бытность мою в Германии, потому что там мой марксизм я увидел в форме того мещанства, которое так ненавидел Ленин. Но вполне я освободился от большевизма, лишь когда заговорили с другого конца, и был пожаром своим переброшен на другой полюс и вплотную подошел к декадентству. Не я один, конечно, переживал это, и не взялся бы я судить об этом, если бы некоторые черты моей индивидуальности, как я глубоко уверен, не сделали мое переживание особенно типичным, позволяющим

теперь ясно, отчетливо видеть всю картину. Существуют целые тома писаний об этом предмете таких выдающихся людей, как Струве и Булгаков, Бердяев, но именно потому, что они люди исключительно образованные, вожди — и притом умственно загруженные люди, нельзя по ним судить о всех. Я же был настоящим прозелитом, рядовой овцой в этом стаде, и мои замечания должны объяснять психически широкие массы народа. Душевный состав мой накануне уверования в социализм: семейная оторванность, глубочайшее невежество, с грехом пополам оканчиваю реальное училище, смутные умственные запросы, гнавшие меня с факультета на факультет, какая-то особенная ежедневная вера, что чтением какой-нибудь книги я сразу все себе и разрешу <...> Смутное ощущение какой-то своей гениальности: я не такой, как все, вот я пойду, ухвачусь за что-то и покажу себя и все переверну, тайный невыраженный романтизм, страдание оттого, что не могу быть как все (особенно в половой сфере), черты полной дикости (чрезвычайная робость, застенчивость и взвинченное [нахальство]) в отношении к женщине <... > Постепенное разжижение веры за границей, наклонность к родному (агрономия — [земля]) — к эсерству; окончательный поворот: сумасшедшая любовь и поворот мира с умственности на психологичность <... > Жизнь, возрождение... Внимание к человеческой душе» (Дневники. 1918–1919. С. 100–101).

С. 604 ... *«чаю воскресения мертвых»* <...> *«И жизни будущего века!»* — Символ веры.

С. 612 *Разговаривали о генетике...*– вероятно, разговоры возникали в связи с тем, что после войны возобновилась кампания против ученых-генетиков, в результате которой в 1930-е гг. были арестованы такие выдающиеся ученые, как С.С. Четвериков, Г.А. Надсон, Н.И. Вавилов и др. В послевоенные годы развернулась дальнейшая борьба — под руководством Т.Д. Лысенко при поддержке Сталина в 1948 г. завершился разгром генетики в СССР. http://www.medbiol.ru/medbiol/genetic_sk/00057da4.htm

С. 624 ... *в «Крейцеровой сонате» Толстого...*– повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (1889), запрещенная цензурой и распространявшаяся в списках, вызвала бурное обсуждение в обществе.

... *«Черном лике» православия...*– в кон. XIX — нач. XX в. в русских храмах бытовали либо современные, написанные маслом,

иконы, либо древние, потемневшие, на которых лики с трудом угадывались («черные доски», В. Солоухин) — язык иконы был частично утрачен для молодого поколения как в народе, так и в интеллигенции, особенно в русской провинции. Эта ситуация в значительной степени определила мировоззрение молодого Пришвина. «Черные доски», «черный бог», «черный лик» становятся в дневнике и в художественных произведениях писателя знаком глубокого кризиса религиозного сознания в кон. XIX — нач. XX в. Ср.: «*18 Февраля 1918.* Буква Ъ в моем прошлом играла почти такую же роль, как одна страшная черная икона в церкви, перед которой молилась моя матушка. Как только в шестом классе я убедился, что эта икона просто доска, я отверг немедленно все: и Христа, и священника» (Дневники. 1918–1919. С. 36). Ср. также: «Я присматриваюсь к людям на оживленной Архангельской набережной, любуюсь загорелыми выразительными лицами моряков и тут же возле замечаю смиренные фигуры соловецких богомольцев. Если я пойду за ними, думаю я, налево, то приду не на Север за Полярный круг, а в родную деревеньку в черноземной России, я приду в ее самую глубину и вперед знаю, чем это кончится. Я увижу черную икону с красным огоньком, на которую молятся наши крестьяне. На этой таинственной и страшной иконе нет лика. Кажется, стоит показаться на ней хоть каким-нибудь очертаниям, как исчезнет обаяние, исчезнет вся притягательная сила. Но лик не показывается, и все идут туда, покорные, к этому черному сердцу России. Почему это кажется мне, что на этой иконе написан не Бог-Сын, милосердый и всепрощающий, но Бог-Отец, беспощадно посылающий грешников в адский огонь? Может быть, потому так, что кроткий огонек лампады на черной безликой иконе всегда отражается красным, беспокойным, зловещим пламенем». (За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии// Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 177); «По большаку полями идет юноша с раскрытой душой, как поля, и готов всему на свете дивиться и все любить, но чудится ему, будто где-то у горизонта встает безликая икона страшного черного бога, и навстречу ему из оврага Чертова Ступа читает свои страшные пророчества о всеобщем конце, когда загорится край неба-земли, затрубит архангел и все пойдут на этот ужасный суд. Бывало, в раннем детстве божественная няня пугала этим судом, а теперь Чертова Ступа с цигаркой во рту, — такие разные, няня и злая городская мещанка, а бог все такой же черный, безрадостный. Поля пере-

секаются глубокими оврагами, через которые в мареве как будто уходит на небо, складываясь там в свободные облака, дух земли, а сама земля зеленеет нерадостно под вечной угрозой черного бога: "Зеленей, зеленей, а вот придет час, загорится край неба..."» (Кащеева цепь//Собр. соч. Т. 1. С. 222; Базар. Пьеса для чтения вслух// Цвет и крест. С. 339–357).

С. 627 *Четвертый том Шолохова начал читать...* — по-видимому, речь идет о 4-м томе романа-эпопеи «Тихий Дон» (1–3 т. — 1925–1932, 4 т. — 1940). В 1941 г. М.А. Шолохов награждается Сталинской премией в области литературы и искусства за роман «Тихий Дон».

С. 628 ... *втайне радуясь сердцем, что сами остались в живых.* — Перефраз из эпоса Гомера «Одиссея» (пер. В. А. Жуковского, 1842–1849). В «Одиссее»: «Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых//Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти».

С. 629 ... *(в связи с погромами в Англии).* – Речь идет о еврейских погромах в Великобритании в августе 1947 года после убийства еврейской военной организацией Иргун двух британских сержантов в Палестине. Великобритания, с 1920 года управляющая Палестиной, в 1947 году передала ООН ответственность за судьбу страны, в которой шла неутихающая борьба между арабами и евреями.

С. 630 ... *условием жизнетворчества.* — Проблема жизнетворчества, уходящая корнями в традицию немецкого романтизма и актуализированная в России в культуре модерна, для Пришвина наиважнейшая: «творческое поведение», «поведение как путь в поэзию», «искусство как поведение», «пишу как живу» — размышления на тему собственного образа жизни и творчества встречаются у писателя как в дневнике, так и в художественных произведениях на протяжении всей жизни. Ср.: «Философии жизнетворчества, понимаемой в более "широком" историческом ключе как "искусство жить" (жизненный стиль) <...> (Вильгельм Шмидт) <...> Важнейшая тема в данном ключе — это, несомненно, изучение культурно-значимого поведения, его семиотики. Возникает проблема так называемых литературных и жизненных масок, в игровом поле надеваемых на себя автором-жизнетворцем. <...> Как писал Лотман в статье "Литературная биография в историко-культурном контексте. — К типологиче-

скому соотношению текста и личности автора": "Особенно примечательна в этом отношении роль Пушкина, для которого создание биографии было постоянным предметом столь же целенаправленных усилий, как и художественное творчество <...> Завоеванное Пушкиным и воспринятое читателями первой трети девятнадцатого века право писателя на биографию означало, во-первых, общественное признание слова как деяния, а во вторых, представление о том, что в литературе самое важное не литература собственно и что биография писателя в некоторых отношениях важнее, чем его творчество... Такое представление, с одной стороны, как бы обязывая писателя в своей жизни реализовывать то, что он проповедует в искусстве, с другой, связывает весь этот круг проблем с глубокой национальной традицией: выделение именно писателя из всей массы деятелей искусств, утверждение за ним права на биографию и представление о том, что эта биография должна быть житием подвижника, что связано с тем, что в культуре послепетровской России писатель занял то место, которое предшествующий исторический этап отводил святому, проповеднику, подвижнику, мученику...". Лотман цитирует поэта-декабриста Рылеева: "Святой, высокий сан певца/Он делом оправдать обязан". Собственно, это "делом" и указывало на реальную жизнь, на неотъемлемый в своей принципиальной важности "биографический контекст" <...> тема многопланового жизнетворчества была очень актуальна и для других представителей русского символизма — Андрея Белого, Александра Блока, Максимилиана Волошина, Сергея Соловьева, Александра Добролюбова, Эллиса, Зинаиды Гиппиус и некоторых других. Тема жизнетворчества была по-новому развита и преломлена в русском "героическом" авангарде, где известны примеры очень специфического, эстетически-маркированного поведения Маяковского, Хлебникова, Ларионова, Гончаровой (см., в частности, их знаменитый манифест "Почему мы раскрашиваемся") и многих других, шедших на сознательное смешение "жизни" и "искусства", на привнесение эпатирующего и жизнетворческого привкуса в любую бытовую деятельность своего фактурного существования...» (*Иоффе Д.* Жизнетворчество русского модернизма sub specie semioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь — текст. Амстердамский университет, Нидерланды. http://www.nsu.ru/education/virtual/cs8ioffe.pdf). Что касается Пришвина, то в течение всей жизни вновь и вновь вспоминая о детстве, гимназических годах

и побеге в Америку, об увлечении марксизмом и тюремном заключении, об университетских годах в Германии, о первой любви, разочаровании в марксизме, повороте к писательству, — он переосмысляет свою жизнь в свете нового времени. Писатель создает миф Пришвина — и в этом мифе живет. Рефлексия, которая, по определению, вырывает человека из непрерывного потока жизни и заставляет извне посмотреть на самого себя, у Пришвина органично входит в повседневность, определяет его бытовое и творческое поведение: здесь и сейчас постоянно сосуществуют он сегодняшний и вчерашний, на которого смотрит сегодняшний, о чем свидетельствует текст дневника, в котором "какой-то Сам говорит с каким-то Собоем". Пришвин, кажется, неспособен "жить" отдельно от "мыслить", в его практике это единый процесс жизни — получается, что счастливой (*«23 Мая 1937.* <...> горлинка гуркует, уверяя, что каждый человек, если захочет, может взять свое счастье» (Дневники. 1936–1937. С. 588). Это — человек мыслящий (он же «играющий»: охота, машина, фотография) — такого никакая власть не может превратить в управляемый объект. И если жизнь не предполагает свободы, тем более счастья, то дневник, демонстрируя сам мыслительный процесс, как раз и становится пространством свободы и счастья — мысль бродит где хочет... Может быть, писатель и дорожит так своими тетрадками, потому что в них он строит свое поведение и реально становится абсолютно свободным, ведь мысль — единственное, что невозможно ни арестовать, ни расстрелять, ни уничтожить. Но именно к этому, по Пришвину, стремилось государство (*«19 Июля 1937.* <...> государственный Робот механизировал самые души и мало того, что заставил их работать по-своему, но по-своему, как надо, и говорить, и мало того: ночью себе самому так говорить, как велено Роботом» (Дневники. 1936–1937. С. 685). А он улизнул от всевидящего ока этого Робота (замятинского, кафкианского, оруэлловского), создал свое собственное пространство свободы, открытое для читателя (что для него крайне важно), и, похоже, что только это одно-единственное давало ему силу жить и писать — так, как хочется. Пришвин знает, что такое страх, но того страха, который заставил бы его как-то иначе думать или писать, он точно не испытывает (*«7 Октября 1937.* Привык разговаривать с незнакомыми так, что разговариваешь и в то же время представляешь, будто тебя слушает спрятанный здесь же секретный сотрудник (сексот). Никогда это двойственное состояние не покидает... Раз было, подсел

ко мне один какой-то, и я сразу понял, зачем он возле меня. Я тогда сказал ему о Марксе ... что Маркса не было. — Как не было? — вытаращил он глаза. — Вот как с богами, — ответил я, — были боги и не были, так и Маркса не было, его выдумали. Сексот был поражен. А я ему все два часа от Москвы до Загорска доказывал и про себя одновременно думал: “Пусть-ка доложит пославшим его, вот посмеются!”» (Дневники. 1936–1937. С. 761). Какая-то отчаянная и наивная бравада, рискованная и бессмысленная... но по ней видно, что ему невозможно все время с полной, тупой серьезностью относиться к страху. В то же самое время это игра, ма́стерская провокация, построенная по закону жанра: Маркса не было, но как будто не потому, что он против Маркса, а просто потому что это где-то очень высоко или далеко, как боги... и поди тут пойми (***«20 Февраля 1936.***<...> некоторые думают <...> что я старая лисица и беру хитростью. На самом деле я беру откровенностью и простотой <...> может быть, и хитростью <...> это не плохо при цели, поставленной в большой дали и высоте <...> Сам уж не знаю, как о себе думать. Знаю только, что, конечно, меня принимают не за меня, и я играю на своей простоте» (Дневники. 1936–1937. С. 21). В 1930-е гг. Пришвин отмечает как в себе, так и в окружающих людях попытки решить проблему самоидентификации, но понимает невозможность отождествить себя с той единственной социальной группой, которая определяет новую жизнь: ответить на вопрос «кто я в этой новой жизни?» не так просто (***«24 Января 1935.*** Оглянешься на прошлое — что пережито! — и страшно подумать о себе теперь: как я могу после всего жить так обыкновенно и как будто без отношения к страшному опыту» (Дневники. 1932–1935. С. 596). Тема «маски» с начала XX века была в культуре одной из важнейших и интереснейших, но в 1930-е гг. проявился ее социальный подтекст (В 1933 г. вышла книга А. Белого «Маски»). В это время маска становится одним из способов скрыть свою личность за личиной (***«24 Января 1935.*** <...> вечером у Чувиляевых «люди-маски» (Дневники. 1932–1935. С. 596), что, с одной стороны, приводит к однообразию или единообразию, уничтожающему живую жизнь, но часто помогает спасти ее (***«19 Сентября 1935.*** Как в дождик надо взять зонтик, так надо человеку в обществе надевать маску и строить личину. Или двигаться все глубже и глубже в пустыню, или строить личину. Если же строить личину, то лучше всего английскую (искренности, простоты)» (Дневники. 1932–1935. С. 797). Маска, по Пришвину, скрывает и истинное лицо нового государства, жизнь

принимает карнавальный оттенок — все в масках: руководители государства под маской скрывают ложь, рядовые граждане — страх (*«3 Июня 1932.* Социалистическая маскировка достигла самого высокого совершенства, и много людей (из простых) веруют в это все (включая мощи Ильича)» (Дневники. 1932–1935. С. 138)). Маска как способ защиты личности в чуждом или опасном окружении, как свобода в выборе модели поведения — все это Пришвин понимал еще в 1930 г. (*«23 Декабря 1930.* Нельзя открывать своего лица <...> Требуется обязательно мина и маска»; *«20 Ноября 1930.* Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами» (Дневники. 1930–1931. С. 302, 282). Тем не менее, его собственная личина — охотника, человека, ведущего странный на общепринятый взгляд образ жизни, чуждого писательскому сообществу в том виде, в каком оно существовало в столице в эти годы, исключенного из общественной писательской жизни, — определяет его положение. К примеру, его не выбирают в Президиум на Первом съезде писателей, никогда не приглашают вместе с другими в особняк Рябушинского, где обитал Горький и где проходили писательские собрания. Да и представить себе Пришвина на таком рауте невозможно: он человек не только не светский, а напротив, сознательно выбирающий если не маргинальный, то, во всяком случае, полумаргинальный образ жизни (*«23 Августа 1935.* <...> что-то вроде пустынножительства» (Дневники. 1932–1935. С. 773). К тому же писатель обнаруживает, что личина, маска и его полу маргинальная жизнь, его хитрость и юродство уходят корнями в традицию русской литературы и имеют в культуре высокий смысл — борьбы со злом средствами искусства (*«11–12 Августа 1934.* <...> творчество есть великая маскировка, великое скрывание... или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло» (Дневники. 1932–1935. С. 458). Однако маска не безобидна и играет важнейшую роль в процессе перевоплощения (иногда и перерождения) человека. В 1936 г. процесс перерождения, происходящий под маской, достигает апогея — маска вытесняется марионеткой, которая, в отличие от маски, не просто скрывает личность, но и трансформирует ее, демонстрирует такие качества, как изломанность, незащищенность и в то же время абсолютную преданность и подчиненность, послушность кукловоду: маска статична, марионетка управляема (*«13 Ноября 1936.* <...> каждый в крайнем славословии, хлопаньи в ла-

доши как будто сознательно старался заглушить, забить голос собственной личности. Что-то зловещее и небывалое в человечестве чудилось в этих говорящих и хлопающих марионетках»; «Задумчивый рассеянный человек при словах ораторов "спасибо вождям за счастливую жизнь" поднимает руки с колен и легонечко начинает похлопывать. Мне кажется, он придумывает особый аппарат для парадных собраний: чтобы перед каждым гражданином висели механические руки, приводимые [в движение] самим оратором: скажет "счастливая жизнь", нажмет пуговку на кафедре и руки без всяких усилий со стороны граждан сами захлопают» (Дневники. 1936–1937. С. 355)). Так получается, что все внешнее (маска) — яркое и расцвеченное, а живая жизнь под маской не востребована в обществе, не актуализирована, она таится, прячется и вянет на корню. К примеру, машина своей современностью, вписанностью в прогрессивный цивилизаторский контекст — знак всего положительного и передового — в руках чиновника становится маской («*7 Сентября 1937.* Когда наш русский человек, председатель какой-нибудь получает какую-то для своего учреждения машину и, наконец-то, в нее садится, то в существе автомобиля он находит подтверждение и оправдание всем дремлющим в нем порокам: самовластью, заносчивости, самодурству, самомнению» (Дневники. 1936–1937. С. 736–737)). За машиной-маской обнаруживается развернутый текст культуры, уводящий в воронку истории, где «самовластье» или «самодурство» были наихудшей характеристикой какого-нибудь барина-крепостника («*7 Сентября 1937.* И правда, в этих наглых гудках, в этом самохвальстве своей коробки, саморекламе, назойливости, навязчивости, поверхностном всезнайстве — вот все вокруг только мелькает — таится характерная черта современного общества» (Дневники. 1936–1937. С. 737)). И в конце концов, само государство беззастенчиво демонстрирует на весь мир маску, скрывающую его сущность («*23 Сентября 1937.* Переживаем речь Литвинова. Так <...> на весь мир мы либералы дальше Англии, — это мы в гостях; а мы у себя дома это... но ведь это не важно, как мы сами живем. Важно, что живем вот для такой-то идеи» (Дневники. 1936–1937. С. 750)). На самом же деле, по Пришвину, совершается гораздо более трагическая метаморфоза: все возвращается на круги своя в виде кровавой пародии («*20 Января 1937.* Рушится, разлагаясь, демократия, и монарх возвращается в маске сверхчеловека. Это маленькое дело требует миллионы жертв» (Дневники. 1936–1937. С. 452)). И, размышляя о своей маске охотника

в эти годы, он понимает, что скрывать приходится даже самое невинное, но свое собственное личное желание просто жить («*29 Июня 1937.* <...> эта внешняя охота нужна мне лишь для того, чтобы ею маскировать внутреннюю мою охоту жить, такую неловкую, что о ней и стыдно сказать, и неловко: можно ли серьезному человеку, писателю, в такое-то время целый час сидеть наблюдать в бинокль, как тяжелый шмель гнет цветоножку...» (Дневники. 1936–1937. С. 655)).

С. 637 *Душа моя была взорвана до самого дна...* — речь идет о парижской встрече с Варей Измалковой, первой любви и расставании.

С. 641 *... вроде Савельича в «Капитанской дочке».* — Савельич — персонаж повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836).

С. 644 *... вспоминаю время РАППа...* — литературно-политическая организация РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) оформилась в 1925 под названием Всероссийской АПП (ВАПП) и была распущена Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Рапповская критика коснулась и Пришвина. В 1925 г. в журнале «Красная новь» была опубликована книга Пришвина «Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции "Ботик"» (первая часть будущей книги «Календарь природы»). Тогда критика высоко оценила новое произведение: отмечалась «преемственность между исследовательской лирикой Пришвина и пантеистическим раздумьем Кнута Гамсуна или философскою живописью Шеллинга», «записки фенолога» характеризовались как «очаровательная лирическая поэма в прозе» (*Л. Войтоловский.* Печать и революция, 1926, № 8). Однако в 1930 г. книга была подвергнута полному разносу рапповской критикой: «Творимая легенда о берендеевом царстве — это, по-существу, опоэтизация остатков древней дикости, идеализация и идиллизация тьмы и суеверия, оправдания старины, а следовательно, один из способов борьбы против нашей советской культуры» (А. Ефремов. Красная новь. 1930, № 9–10). Ситуация, которая возникла в связи с постановлением, упразднившим РАПП, хотя и не создавала иллюзий («*12 Мая 1932.* Освобождение писателей от РАППа похоже на освобождение крестьян от крепостной зависимости и тоже без земли: свобода признана, а пахать негде, и ничего не попишешь при этой свободе» (Дневники. 1932–1935. С. 128)), но для Пришвина оказалась спасительной — именно в это время им была написана поэма «Жень-шень», или «Корень

жизни», опубликованная в 1933 году. Ср.: *Варламов А.* Пришвин. С. 308–310.

... («и врата ада не одолеют ее»)... — Мф.16:18–19.

С. 645 *... сквозь пальцы посмотрели на его «Хлеб»...* — имеется в виду повесть А.Н. Толстого «Хлеб» (Оборона Царицына) (1937), развивающая сталинский миф о Гражданской войне.

С. 646 *... уехал я тогда на Дальний Восток, а приехал, и РАПП отменили.* — Речь идет о поездке на Дальний Восток от редакции газеты «Известия» в июле — ноябре 1931 г. В результате поездки была написана повесть «Жень-шень». См.: Дневники. 1930–1931. С. 387–561.

... («рожденна, не сотворенна»). — Символ веры.

... «дух веет, где хочет»... — Ин. 3:8.

С. 649 *... Пименова летопись (дневники)...* — Пришвин уподобляет свой дневник летописи персонажа исторической драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1831) монаха Чудова монастыря Пимена.

С. 652 *... в «Черного араба» — «Адама и Еву».* — Сборник «Моя страна» вышел в 1948 г. в Географгизе. Цикл из 3-х очерков под общим названием «Адам и Ева» (впервые с подзаголовком «Сибирские впечатления». Русские ведомости. 1909, 8, 15, 19 ноября) открывает первый раздел сборника, предваряя повесть (цикл очерков) «Черный араб» (впервые с подзаголовком «Степные эскизы». Русская мысль. 1910, кн. 11).

С. 655 *... «Канал», как задумано в теме «да умирится же с тобой», нельзя написать...* — ср.: «***10 Октября 1945.*** Если по себе взять, то я должен оправдать вторую природу, которая на моих глазах проглатывает первую. В этом процессе проглатывания для множества людей происходит безвыходная драма: цивилизация замещает культуру. Но я думаю иначе: я понимаю это как трагедию, т. е. что умирает то, чему надлежит умереть, как семени, которое, умирая, дает новую лучшую жизнь. Создавая сказку, я должен иметь веру в новые берега, в новую географию, в новую сказку <...> Я должен написать о мире в смысле: “да умирится же с тобой и покоренная стихия”» (Дневники. 1944–1945. С. 646).

... каждый человек во всем огромном народе <...> думает тайно по своему <...> «что-то есть». — Ср.: «***26 Апреля 1945.*** Есть люди, которые живут без понимания высшего закона и остаются сзади,

составляя хвост человечества. Можно истратить всю свою жизнь на спор с ними о необходимости высшего закона <...> — Нет, — отвечал Сергей, — все эти слова <...> висят на нашей шее, все эти писатели <...> — Я тогда был глуп, — сказал теперь тот же самый Сергей и, опустив голову, как будто внимательно разглядывая травинку, сказал: — Теперь я понял: кроме всего, как нам говорят, электричества, радио и всего прочего, еще что-то есть»; *«29 Апреля 1945.* Любой простак, идущий навстречу, если остановить его и заговорить так, чтобы он не боялся признаться, скажет тебе в конце концов, как бы складывая оружие: — Да, что-то есть. Мы это слышали в Хмельниках от бывшего матроса, когда-то оравшего: нет ничего, не верю ни во что, и в воздух не верю. Теперь он говорит: — Я тогда ничего не понимал, был дурак» (Дневники. 1944–1945. С. 508, 511).

С. 659 ... *золотые дни бабьего лета на Балахонском хуторе графа Бобринского (Вадима). Я тогда был влюблен...* – после окончания Лейпцигского университета Пришвин в 1902 году возвращается в Россию; он работает агрономом у графа Бобринского «в Богородицких хуторах» Тульской губернии и переживает встречу и свою первую «парижскую» любовь к Варе Измалковой. Ср.: «*Б/д.* Утро богатое, холодное, седая роса на капусте, и тугие завернутые кочаны раскинули вокруг себя как седые бороды нижние, покрытые росою листья. Я успел памятью захватить этот источник счастья, откуда он льется мне в душу при начале каждой осени. Это было на хуторе графа Бобринского, где я был управляющим. Душа моя была взорвана до самого дна, до самой природы и соединялась свободно со внешней природой: отсюда потом стало во мне это чувство природы нарастать. Боже мой! Какой я был бедный, никаких средств, никакой профессии, марксистское образование и никакого умения, ничего, ничего! И все-таки, несомненно, я мало-помалу справился с собой и вышел в люди»; «Я вспомнил первое морозное утро на Балахонском хуторе графа Бобринского, когда я записал к себе неумело о какой-то ощутимой материи, где встречается бог с человеком и начинается жизнь... Я думаю, это было почти что первое мое литературное произведение (около пятидесяти лет тому назад)» (Путь к Слову. С. 92).

С. 661 ... *второй Адам...* – легенду о втором Адаме (вторым новым Адамом апостол Павел назвал Христа, противопоставив Его первому, «ветхому» Адаму: «Первый человек — из земли

<...> второй человек — Господь с неба». 1 Кор. 15:47). Пришвин разрабатывает в дневнике и ряде своих произведений (Ср.: «Верно, старому Богу наскучили жалобы сотворенного им из глины Адама, и он создал другого человека и опять впустил его в рай, и опять этот второй Адам согрешил тем же грехом и с тою же старою заповедью был изгнан из рая в поте лица обрабатывать землю. Только, выгоняя второго Адама, Бог забыл, что земля вся занята и новый человек, как забытый, пропущенный на страницах Священного писания, бродит пока с покорным желанием найти землю и выполнить заповедь Божию, ищет везде, по тайге, по степям и по тундрам, но все напрасно, нигде не находит — хорошая земля везде занята» (Кащеева цепь//Собр. соч. 2006. Т 1. С. 154)). См. также: Адам и Ева//Собр. соч. 1982–1986. Т. 1. С. 698–719.

С. 663 *Пришла речь Вышинского.* — По-видимому, речь идет о выступлении А.Я. Вышинского в ООН 18 сентября 1947 г. Речь Вышинского «За мир и дружбу народов против поджигателей новой войны» ознаменовала поворот советской внешней политики в сторону холодной войны с Западом. http://psyfactor.org/lib/fateev4.htm

С. 664 *«Нет, весь я не умру!»* — Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836).

С. 668 ... *«чаю воскресение мертвых»...* — Символ веры.

С. 669 ... *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко...* — Мф. 19:24, Лк. 18:25.

С. 671 ... *к читателю газеты «Русские ведомости»...* — общественно-политическая газета «Русские ведомости» (1863–1918), с 1868 г. ежедневная, в которой Пришвин много печатался.

... *к читателю толстого журнала «Русская мысль»...* — ежемесячный научный, литературный и политический журнал «Русская мысль» (1880–1918, Москва).

С. 673 ... *в Риге среди студентов...* — с 1893 по 1897 г. Пришвин учился в Рижском политехникуме.

С. 679 ... *когда я был в «краю непуганых птиц»...* — речь идет о поездке в Олонецкую губернию за сбором фольклорного и этнографического материала в 1906 г., в результате которой появилась первыя книга Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907).

С. 680 ... *«но уснуть не тем холодным сном могилы».)* — Неточная строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

С. 681 ... *закончил запевки к шести отделам книги «Моя страна».* — См. ниже в разделе «Приложения»: материалы к сборнику «Моя страна».

С. 683 ... *из-за чтения «Брусилова» Слезкина...* — имеется в виду исторический роман писателя Ю.Л. Слезкина, посвященный генералу Алексею Алексеевичу Брусилову, главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта во время Первой мировой войны.

С. 685 *В «Женихе»...* — задуманная повесть так и не была написана.

С. 686 ... *припомнился «Портрет» Гоголя...* — повесть Н.В. Гоголя «Портрет» (первая редакция — 1835, переработанная редакция — 1842) входит в цикл «Петербургские повести».

С. 687 ... *статья против Джулиана Хаксли.* — Английский эволюционист Джулиан Хаксли был одним из членов британской делегации ученых, приглашенных в июне 1945 года на празднование 220-летнего юбилея со дня основания Академии наук, посетивших генетические лаборатории Москвы и Ленинграда и встречавшихся с ведущими советскими генетиками, а также с Т.Д. Лысенко. По возвращении Хаксли опубликовал обзор достижений советских генетиков, а в частных письмах коллегам отмечал, что позиция Лысенко не так прочна, как прежде, что впервые участие западных ученых-генетиков могло бы помочь их советским коллегам, поскольку «в настоящий момент советское правительство определенно расположено серьезно прислушаться к мнению американских ученых». Советские генетики смогли использовать благоприятную послевоенную международную обстановку для укрепления положения генетики в СССР. Однако летом 1947 года правительство Советского Союза резко меняет курс внешней политики от сотрудничества с Западом к конфронтации, что мгновенно привело к новому наступлению Лысенко на генетику и критике западных ученых, в частности Хаксли.

С. 688 ... *под водительством Бердяева> возникло движение среди интеллигенции «персоналисты».* — Ср.: «Христианство есть персонализм... Персоналистическая революция, которой по-настоящему

еще не было в мире, означает свержение власти объективации, разрушение природной необходимости, освобождение субъектов – личностей, прорыв к иному миру, к духовному миру»; «Род всегда представлялся мне врагом и поработителем личности... Поэтому борьба за свободу есть борьба против власти родового над человеком»; «Личность человека более таинственна, чем мир»; «Хеловек – микрокосм и заключает в себе все» (*Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация). Париж, 1947). Идеи персонализма развивали Н.А. Бердяев, Л. Шестов и отчасти Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков.

... послал в Лит. газету «Золотой портсигар»... — рассказ был опубликован в «Литературной газете» 22 октября 1947 г.

С. 689 *... лучшее у человека есть действительно сад (рай).* — Сад — одна из важнейших категорий в поэтике Пришвина. Череда образов сада, архетипом которого выступает рай, в художественном мире писателя проходит через все годы его творческой жизни, начиная с первых страниц дневника и первых книг. Ср.: «***24–25 Марта 1908.*** Далеко с поля слышно, как соловей поет в саду...» (Ранний дневник. С. 12); «Весна запоздала... Соловьи запели в голом саду. Этого старожилы не запомнят. Маркиза брюзжит... Слыханное ли дело, чтобы соловьи пели в голом саду? Но спросить не с кого, нельзя рассердиться, разбраниться, отвести свою душу. И маркиза брюзжит. А соловьи поют. Деревья черные, как мертвые. На зеленом ковре и на голых кривых ветках далеко видны серые, хуже воробьев, птички с булькающим горлышком. Когда поет соловей в одетых деревьях, то трепещет зеленое сердце сада и откликаются соловьи всех времен, потому что все сады и все соловьи одинаковы. В зеленом саду соловью все помогает. Но тут, на голых ветках, он один, поет сам по себе. Подойдешь почти к самому — не слышит. Откуда это пришло? В саду маркизы, мне кажется, соловьи поют о том, что все люди прекрасны, невинны, но кто-то один за всех совершил тяжкий грех. Дни идут. Сад одевается. Фиалки, черемуха, зеленая пыль в воздухе и висячие мостики от дерева к дереву. Но не могу я забыть соловья в голом саду, и все кажется, что в саду маркизы скрыто не простое и не зеленое сердце. Я не могу отвязаться от мысли, что соловей поет о грехопадении. Тоска. Тесно. Весна не ждет, проходит. Хоть что-нибудь удержать для себя!» («У стен града невидимого», 1909, гл. «Черный сад»). И далее: сонный сад («Иван Осляничек», 1912), крымский сад («Славны бубны»,

1913), вырубленный яблоневый сад («В саду», 1918), сад детства в Хрущеве и Люксембургский «любовный» сад («Кащеева цепь», 1927), сад художника («Наш сад», 1952) и, наконец, сад в деревне Дунино под Москвой (дневник последних лет). См.: *А.А. Медведев.* Мотив сада в творчестве М. Пришвина и А. Блока; *Г.Ю. Синицына.* Мотив сада в повести М. Пришвина «У стен града невидимого» и в дневнике 1900–1910-х годов // Сб.: Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. С. 173–181.

... «да будет воля Твоя на земле, как на небе». — Мф. 6:10.

С. 690 *(Писал, думая о Ницше и германском народе: кто был впереди, философ или народ?)* — Ср.: «Не люблю и этих новейших спекулянтов идеализма, антисемитов, которые нынче закатывают глаза на христианско-арийско-обывательский лад и пытаются путем нестерпимо наглого злоупотребления дешевейшим агитационным средством, моральной позой, возбудить все элементы рогатого скота и народе». (*Nietzshe F.* Samtliche Werke. Kritische Studienausgabe, Bd.9, S. 536); ср. также: «Ницше не имеет ни малейшего отношения к тому, что провозгласили нацисты, бесстыдно и нагло ссылаясь на этот великий ум с его трагическим мироощущением <...> если в чем и виновен Ницше, так это в том, что раньше всех заглянул в кошмарную бездну грядущего и ужаснулся от открывшегося ему. И кому же придет в голову <...> обвинять стрелку барометра, предсказавшего ураган, в наступлении этого бедствия? Никто, как Ницше, не призывал с таким отчаянием к бегству в царство свободы интеллекта и никто с такой силой не почувствовал, что наступающий век несет с собою нечто новое и ужасное <...>: “Грядет время, когда будут вести борьбу за господство над землей — ее будут вести во имя фундаментальных философских учений”. Это предсказание Ницше остается в силе. И пока оно будет оставаться в силе, идеям Фридриха Ницше суждено быть не столько философским наследием, сколько ареной политических битв» (http://www.psylive.ru/articles/6242_nicshe.aspx).

С. 695 *... (сказали на Ассамблее).* — Имеется в виду Генеральная Ассамблея ООН.

С. 697 *Читаю Шахова «По оленьим тропам»...* — имеется в виду повесть А. Шахова «По оленьим тропам. Повесть об одной экспедиции» (1947). Ученый-геоботаник А.А. Шахов решил попробовать себя в писательстве после встречи с Пришвиным. В своих

воспоминаниях Шахов опубликовал письмо Пришвина, которое позволяет представить Михаила Михайловича в живом общении с начинающим писателем: «Разговор с писателем о природе вдохновил меня. Недолго думая я принялся за повесть о своем путешествии по лесным безлюдным притокам Печоры. Повесть называлась "За синими птицами". За год перед этим появилась моя научная книга о сельском хозяйстве Печорского края, следовательно, опыт литературной работы у меня был. Я отнес повесть в журнал. Редактор прочитал ее довольно быстро <...> Он отозвался о повести хорошо, нашел ее даже талантливой, но сказал, что в печать она может пойти лишь после значительной доработки. Не все его замечания оказались мне по душе, да и пугала большая работа. Я пошел к Михаилу Михайловичу за советом. "А-а-а... — протянул он неопределенно, когда понял, за чем я пришел. — Значит, и вы собираетесь быть писателем? Да-а... Обычно я читаю только начало и конец рукописи. Для меня этого достаточно, чтобы судить о ней. А вашу повесть прочту всю. — Очень прошу, Михаил Михайлович, укажите все недостатки без стеснения. — О, об этом не беспокойтесь. Я не кривлю душой". Через три дня Аксюша принесла мне сверток. "Посылаю Вам рукопись и книги с благодарностью, — писал Михаил Михайлович. — В Вашем произведении нет моста между вымыслом и правдой. Этим мостом должен быть стиль, на который Вы не обращаете внимания и пишете часто, как Бог на душу положит. Хорошая сторона — это бунт против биолого-очеркового письма, но, как всякий бунтарь, только бунтарь, Вы часто сами приходите к тому, против чего взялись бунтовать, например, Вы пишете всерьез такую фразу: "Печорский край — край огромных возможностей в настоящем и будущем". Таких фраз, не содержащих в себе ни зерна творческого усилия, у Вас множество. Я не считаю удачным это Ваше произведение, пусть оно полежит, и Вы сами скоро это поймете, и когда поймете, то узнаете, что не напрасно трудились, потому что воспользуетесь работой как материалом. В свое время я сам увлекался "Синей птицей" Метерлинка, но уже 30 лет тому назад этот образ был публикой поглощен, и повторять его у себя я не решился, и создал свой образ "непуганых птиц". И так надо всегда писать своими словами, не употребляя их ни одного без особого художественного контроля, приводящего к своему стилю, то есть в конце концов к собственной, единственной и неповторимой личности. Если у Вас еще есть время, то навестите меня, по теле-

фону мы сговоримся, когда это лучше сделать. Желаю Вам всего хорошего. Преданный вам Михаил Пришвин. Москва, 3 мая 1938 г."» (Личное дело. С. 169–177).

С. 699 *Над этим работал Иванов всю жизнь в «Явлении Христа»...* — речь идет о картине Александра Иванова «Явление Христа народу» («Явление Мессии», 1837–1857).

... меня называли «бесчеловечным писателем» (З. Гиппиус). — Ср.: «***2 Ноября 1908.*** Вот что говорят о моем писательстве: человека нет» (Ранний дневник. С.182). Имеется в виду отзыв З.Н. Гиппиус: «... при всей художественности описания сам он до последней степени отсутствует, и это делает его очерки или дикими от безмыслия, или просто-напросто этнографическими» (Русская мысль. 1912, №5. С. 28). В статье «О "Я" и "Что-то"» Гиппиус (псевд. Антон Крайний) назвала Пришвина писателем «без личности», «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца» (Новая жизнь. 1913. № 2. С. 165, 168).

С. 700 *... написать к юбилейному сборнику «Детгиза».* — Далее идет текст статьи: «Родился я 23 января (5 февр. н. ст.) 1973 года в селе Хрущево, Елецкого района Орловской губ. в большом кресле, называемом странным именем Курым, за что и был назван Курымушкой. Это прозвище долго мучило и злило меня, пока я наконец не понял и перестал злиться, и все перестали меня дразнить Курымушкой. Мать моя в 40 лет осталась вдовой в маленьком разоренном имении с пятью малыми ребятами на руках. Я не мог понимать тогда, как теперь, что банк есть полезное учреждение и выдает нуждающимся деньги, которые, конечно, нужно в конце концов отдать. Я понимал этот банк, как страшного злодея, который поработил мою мать и заставил ее на себя работать всю жизнь. Моя мать из-за этого злодея Банка должна была вставать очень рано, до солнца. К этому времени няня моя должна была подготовить самовар и в маленьком круглом глиняном горшочке вскипятить молоко. Как и когда это случилось, что я встал тоже до солнца и попробовал напиться чаю вместе с мамой, я не помню. С тех пор я никогда не пропускал этого часа и так потом привык рано вставать, что ни при каких условиях не изменял этой привычке, и до сих пор неизменно встаю рано и пишу всегда ранним утром. После чая мать моя садилась в дрожки и уезжала в поле. Я же отправлялся на охоту в наш огромный сад, примыкающий к садам других владельцев. За этими садами был дубовый лес. Я и сейчас... (См. первоначальную редакцию

рассказа «Моя родина» в предисловии к юбилейному изданию Детгиза и в «Дружных ребятах» в юбилейном номере.)»

Англия заступается за М. (в Румынии)... — возможно, имеется в виду румынский король Михай, который находился у власти с 1940 по 1947 год, после чего под давлением румынских коммунистов был вынужден отречься от престола. По-видимому, обсуждение происходило в рамках обсуждения Парижских мирных договоров 1947 года, подписанных государствами-победителями во Второй мировой войне с каждой из пяти стран, бывших союзниц гитлеровской Германии: Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией.

С. 703 *(Началось с журнала «Наши достижения»).* — «Наши достижения» — журнал художественного очерка, основанный и редактировавшийся М. Горьким (1929–1937), в котором Пришвин печатался.

С. 705 *... тощая корова пожирает жирную...*– Быт. 41.

С. 706 *... старец шепчет: «ныне отпущаеши».* — Лк. 2: 21–39.

До чего можно дописаться! — Речь идет о статье В. Катаева «Страна нашей души» (1947). Ср.: «Как ничтожны мелкие добродетели христианства и жалкие пороки язычества по сравнению с тем пониманием добра и зла, которому научила нас Советская власть. Мы научились писать Добро и Зло с большой буквы. Мы знаем, что такое мировое Зло и что такое мировое Добро. Советская власть есть благородная и вечная борьба мирового Добра против мирового Зла. И мы знаем: Добро победит. Вот почему все темные силы мирового Зла так яростно ополчились на нашу молодую республику общечеловеческой правды — правды коммунизма. Иногда я думаю: что было бы со мной, что было бы со всеми нами, если бы в мире не было Советской власти — «страны нашей души»? И мне становится страшно» (http://life-in-ussr.ru/valentin-kataev-strana-nashej-dushi/).

Книга художественная должна быть дорогая... — ср.: «Дешевые книги — это некультурность. Книги и должны быть дороги. Это не водка. Книга должна отвертываться от всякого, кто при виде на цену ее сморщивается. “Проходи мимо, — должна сказать ему она и, кивнув в сторону “газетчика на углу”, прибавить: — Бери их”. Книга вообще должна быть горда, самостоятельна и независима. Для этого она прежде всего д. быть дорога (за газетами

утром)» (*Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 329–330). Комментарий А. Медведева.

С. 708 ... *существует, такой мальчик в штанах.* — Здесь и далее аллюзия на пьесу М.Е. Салтыкова-Щедрина «Мальчик в штанах и мальчик без штанов. Разговор в одном действии» (1880) из книги «За рубежом».

С. 711 ... *это самое написано на вратах Дантова ада.* — Имеется в виду выражение «Оставьте всякую надежду, входящие сюда» из поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия» (1307–1321).

С. 713 *Кинопьеса «Воспитание чувств»...* — имеется в виду фильм М. Донского «Сельская учительница» (вариант названия «Воспитание чувств»), премьера которого состоялась 30 октября 1947 г. В эти же дни в «Литературной газете» была опубликована рецензия Пришвина «Фильм о сельской учительнице». *Пришвин Михаил.* Дорога к другу. М.: Молодая гвардия, 1957. С. 339–342.

На одной стороне «все куплю», на другой стороне «все возьму». — Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Золото и булат» (1827).

... с собранием сочинений все благополучно. — Последнее прижизненное Собрание сочинений Пришвина в 4 томах вышло в 1935–1939 гг.; после этого Пришвиным был написан целый ряд произведений, одни из которых были опубликованы, другие нет. Собрание сочинений в 6 томах вышло после смерти писателя в 1956–1957 гг. и было подготовлено вдовой и литературным наследником писателя В.Д. Пришвиной.

С. 724 ... *кто верил и говорил об этом: книга падает с неба.* — Имеется в виду «Стих о Голубиной книге», космогоническом мифе древних славян; первые строки эпического вступления «Стиха» указывают на небесное происхождение («Восходила туча сильна грозная/Выпадала книга Голубиная»). Ср.: очерк «Голубиная книга» (1924) // Цвет и крест. С. 552–561.

С. 728 ... *Цезарь, представленный Б. Шоу...* — имеется в виду пьеса Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» (1899).

С. 731 *Перечитывал утром вчерашнее письмо...* — ср.: черновик ответного письма читателю: «Товарищ Стасенко, письмо Ваше с большим трудом разобрал. Почерк ужасный. Оно, конечно, в

существе своем верное письмо человека, хорошо знакомого с горем, но им не подавленного. У меня два рода читателей: или совсем простецы, дети, охотники, или же вот как вы, и их, задетых горем, немало, мне хватит! Средние, просто деловые, сверенные чужим умом люди, не понимают и поругивают. Годы, с которых вы начинаете письмо, годы мои, хотя и почтенные, пока приносят мне только добро в смысле разумения опыта жизни. Разумею же я больше всего, что все живые существа в природе живут как бессмертные и мы, люди, в этом им должны помогать своим разумом и милосердием и их охранять. Философия не бог знает какая, а хорошая, простая и для моей работы вполне достаточная. Вот вам и все. Благодарю за сочувствие, будьте здоровы, всего Вам доброго. Михаил Пришвин.

С. 732 *Шоу в своем «Ученике дьявола»...* — пьеса Б. Шоу «Ученик дьявола» (1901).

С. 736 *...«вся тварь стенает и мучится...* — Рим. 8:19–23.

С. 738 *Вчера вышла «Дунечка».* — Имеется в виду очерк «Сельская учительница».

С. 739 *Читаю книгу Феофана «Письма монаха к женщине»...* — по-видимому, имеется в виду «Добротолюбие», сочинения великого русского богослова и духовного писателя святителя Феофана Затворника, куда входили и его письма разным людям.

Все <...> отменяется — и карточки... — 13 декабря в газете «Известия» было опубликовано постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

... по плану Маршалла... — имеется в виду американская Программа восстановления Европы после Второй мировой войны.

С. 740 *Письмо от Серовой...* — ср.: черновик письма О.В. Серовой: «Ольга Васильевна! Вы не одна мечтаете о нездешней стране за горами и не у одной вас “нездешний жених” или “муза”, как чаще называют этот творческий агрегат нашей души. Свойство этого агрегата, что он имеет исключительно личный характер, должен тщательно укрываться от других лиц, и как таковой непонятен и странен для другого лица. Вот почему мы эту “музу” или “нездешнего жениха” одеваем в обычную одежду всех людей, и в таком реальном виде не стыдно бывает выпустить и “музу” и “жениха” в люди. Вы это отлично сделали в рассказе “У окна”. После того

вы бросились писать свою книгу не поэтическим методом, а, не знаю как назвать эту растрату поэзии, эту помесь поэзии с арифметикой. Теперь возвратились в присланной вещи снова к поэзии. Но вы не прячете своего "жениха" в одежды ранне-весеннего Байкала, как в рассказе "У окна", а прямо-таки голеньким, вполне Вашим личным, выпускаете в свет. Начало, первые страницы, очень хорошо написаны. Я повторяю, Ваша душа стоит на поэтической природе, у вас есть талант. Но вы им совсем не владеете. То, что Вы написали, есть не поэзия, а сентиментальная мечтательная эротика. Спрячьте же ее в форме: но только не в очерковой, как хотели сделать в книге "О рыбе". Посвятите свой досуг этой трудной и целомудренной работе. Благодарите судьбу, что она дает Вам возможность спрятать свою поэтическую душу от людей в какое-то честное дело (рыбное). Поздравляю Вас с освобождением от обязанностей учить других людей делу, которое сами не умеете делать. Не учите, а работайте не спеша для себя в часы отдыха от своего повседневного труда для дела хлеба насущного. Вся беда, о которой Вы пишете, есть следствие некультурности Вашей среды: они, мучая Вас, не знают, что творят. Но талант редко находит для себя прямой путь и Вы сами виноваты, что неодетая вышли на улицу и позволили улице узнать Вашу музу в каком-то "враге". Благодарю Вас за орешки, я целый вечер сидел и щелкал их, обретая совершенно душевное равновесие. В руках у Вас такие могучие средства борьбы: как только случится беда, садитесь за орехи и отщелкивайтесь. При случае каждый раз непременно присылайте мне эти орехи. Еще раз: соберитесь в себя, работайте с омулями на одной стороне и боритесь за свой истинный мир с помощью кедровых орешков».

Узнал о «падении» Фадеева... — 3 декабря 1947 года в газете «Правда» вышла редакционная статья с критикой романа Александра Фадеева «Молодая гвардия».

... для постоянной жизни и зимой. — В тетрадь вклеена вырезка из газеты «Красное Знамя», органа Елецкого горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся Орловской области от 30 ноября 1947 г. «Передача, посвященная писателю Пришвину»: «Двадцать седьмого ноября Всесоюзный радиокомитет организовал передачу, посвященную писателю-орденоносцу Михаилу Пришвину. В ней принимали участие лауреаты Сталинской премии — народная артистка Советского Союза Турчанинова, заслуженный артист республики Орлов и артист Игнатьев. По-

сле вступительного слова о жизненном пути писателя артисты прочитали ряд его произведений. У микрофона также выступил Михаил Пришвин, прочитавший свой рассказ “Мои тетрадки”. Эту передачу о нашем знатном земляке трудящиеся города слушали с большим интересом».

С. 744 *Прекрасное мгновение нельзя остановить...* — имеются в виду слова «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» из трагедии Гёте «Фауст» (1808), ставшие лейтмотивом повести Пришвина «Жень-шень» и переосмысленные в ней (1933). В повести обсуждаются две модели поведения, соответствующие двум моделям отношения человека к природе: первобытно-родовая («Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим» (Собр. соч. 2006. Т. 2. С. 602)) и сложно-современная, соединяющая поэтическое («Прекрасное мгновение можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками <...>сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда» (Там же)) с прагматично-рациональным — организацией заповедника с целью добычи оленьих пантов для изготовления лекарства. Охотник противостоит поэту — но поэту, способному к осуществлению реального дела, органично соединяющему в отношении к природе традицию (культуру) и современность (цивилизацию).

С. 761 ... *висело рыжее небо низко и падал снег.* — 24 декабря в дневник вклеена газетная вырезка, название газеты и дата не определяются: «Поговорить с ребятами собрались почти все детские писатели, живущие в Москве: М. Пришвин, С. Маршак, Л. Кассиль, Б. Полевой, А. Барто, Р. Фраерман, М. Ильин, Н. Кончаловская, З. Александрова, В. Курочкин, М. Муратов». Подпись под фотографией: «В Доме ученых состоялось первое московское совещание читателей-корреспондентов Детгиза. На нем школьники встретились с писателями и художниками-оформителями детских книг. На снимке: писатель М. Пришвин пишет детям автографы на своих книгах».

С. 767 ... *новичок входит в общую камеру...* — тюремный опыт Пришвина включает два эпизода: в 1897 г. Пришвин, студент Рижского политехникума и участник марксисткого кружка «Школа пролетарских вождей», был арестован, за чем последовало годичное заключение в одиночной камере Митавской тюрьмы; в 1918 г. Пришвин, редактор литературного отдела газеты партии правых эсеров «Воля народа», был арестован вместе с другими членами редакции газеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Материалы к сборнику «Моя страна»)

12 Мая 1947. Моя страна. <*Приписка рукой В. Д.:* Черновик.>

Мысль о возможности поэтического исследования природы, непохожего на обычное наше исследование путем научных методов, пришла мне постепенно вместе с моим ростом. Мне теперь кажется, будто я так и родился с мыслью о какой-то чудесной стране, которую я должен открыть и показать всем. Никакие усилия учителей над этим моим смутным и необъяснимым стремлением открыть существующую и неизвестную страну, никакие попытки самого себя уйти от навязчивой мысли не помогли. В конце концов вся жизнь моя была посвящена исканию этой своей волшебной страны и удовлетворению себя поэтическими находками.

<*Приписка:* Радость этих находок была большая и ни с чем несравнимая. Это было очень похоже, как если что-то видел прекрасное во сне вроде березки с золотыми листиками и когда проснулся, нашел эти листики у себя в кармане. Совершенно с таким чувством я принял первый [гонорар], полученный мною за первую книгу очерков «В краю непуганых птиц». Мало того! я получил от Географического общества медаль как признание моей волшебной страны.>

Мало-помалу с годами, укрепляясь все больше и больше на основе сочувствия общества в реальности моей поэтической страны, я стал приходить к мысли о поэтическом исследовании природы, доступном не мне одному. Скорее всего, если бы вокруг меня с детства была артистическая среда, я бы стал художником в поэзии или возможно бы в живописи. Но мать моя занималась только сельским хозяйством, среда моя состояла из мелких по-

мещиков и крестьян. Среди помещиков не было в нашем Елецком краю людей чутких к поэзии, способных понять мальчика и поднять его в мечте о небывалой стране. Но я очень любил общество наших елецких крестьян, как бы обреченных от рождения до смерти быть мужиками. Многим из них при постоянном дроблении их наделов чудилась где-то в далекой Сибири тоже волшебная страна, какая жила во мне с детства. Многие из наших крестьян пытались переселиться туда, и некоторые достигали своего и где-то там оставались, другие возвращались назад ни с чем. В то мое время характерным явлением для нашей необъятной страны было фактическое малоземелье у наших крестьян. Не отсюда ли, не на этой ли почве фактической бедности с такой же фактической возможностью богатства и выросла моя мечта о стране, которую мне надо открыть? Теперь я понимаю, что прямой путь в эту страну есть искусство, но я этого не знал и, увлекаемый тайными мотивами искусства, в своем бессознательном продвижении тащил на себе все, что ко мне приставало. <*Приписка:* Революционное движение мне предстало как путь в страну собственную.> Поэзия была моим тайным, несознаваемым мною мотивом моего «родственного» внимания к действительности, и это, очевидно, она-то и привела меня динамически к нынешней мысли о возможности поэтического исследования природы. <*На полях:* Никакими силами не удавалось обратить меня из народника в марксиста. Но случилось, нас послали на Кавказ.> Как жаль, как это жаль, что нельзя проверить теперь и сравнить, как было бы лучше и полезнее для людей, — если бы с детства я сел на своего конька, поэзию, или бы, как это вышло, просто жил, бессознательно руководствуясь тайной силой поэзии. Я думаю, что первое, конечно, было бы лучше для литературы, но сила поэзии не единственная определяющая нашу жизнь, и, по правде говоря, мне бы самому не хотелось <*зачеркнуто:* родиться в университете прямо поэтом, как Блок> провести жизнь только поэтом. Начиная с А.М. Горького, многие обратили внимание на особый характер поэтической географии в моих сочинениях. И я получил наконец предложение собрать из моих сочинений книгу, посвященную географии моей страны, сделать что-то вроде географической биографии.

Моя родина. Я родился в 1873 году в селе Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии в огромном кресле Курым, за что и прозван был Курымушкой. Отец мой вышел из разбогатевших елецких купцов и фамилию имел одну официальную, Пришвин

(пришва — это деталь ткацкого станка), и другую, как многие елецкие, уличную, Алпатов. При семейном разделе отец мой Михаил Дмитриевич получил маленькое дворянское имение при с[еле] Хрущеве, и таким образом Курымушке, купеческому сыну по крови, суждено было получить обстановку дворянского быта. В автобиографическом романе «Кащеева цепь» я дал...

II. Непуганые птицы. Детскую поездку в Азию из «Кащеевой цепи» скомпоновать с «Краем непуганых птиц» и с началом «Царя природы» (аналогия побега из гимназии с побегом с Запольской опытной станции); и начало плана Географического общества.

III. Колобок. Предисловие о способности поэтически схватить ландшафт. Колобок, Черный араб. Жень-шень. (Жень-шень: Увидать себя в зеркале природы или увидать природу в зеркале своей души.)

Я теку в океан, а вот речка: она тоже так (не в себя из природы — не я в зеркале, а природа в моем зеркале души).

IV. Микрогеография. Ботик. Календарь природы. Лесная капель. Кладовая солнца.

Мне дали тему «Моя страна» и просили с этой точки зрения собрать в книгу отрывки из моих сочинений, имеющих географическое содержание.

Когда я стал думать о географии моей страны, то мне вспомнилась одна елочка, которую искал я однажды в лесу, чтобы срубить ее в жертву праздника Нового года. Мне очень долго пришлось искать правильную елочку: в лесу были все елки неправильные. С трудом я нашел наконец мало-мальски подходящую и поправил ее: некоторые сучки сделал покороче, а слишком короткие срезал, просверлил в стволе дырочки и вставил в них сучки от себя, новые. Вот так точно вышло и с моей страной, как с елочкой. Мне кажется, я так и родился с мечтой о волшебной, чудесной стране, правильной, как та елочка, и среди других стран я должен был найти ее, как правильную елочку в диком лесу, открыть ее и показать всем. Эта личная страна, с которой я пришел в свет, наверно, и есть то самое, что у людей называется талантом. Разные бывают таланты у людей, мой талант был в мечте моей о какой-то волшебной стране. Вторая моя страна — это была моя родина в селе Хрущево, Соловьевской волости,

Елецкого уезда, Орловской губернии. Эта страна была похожа на тот дикий лес, в котором я искал правильную елочку. И, наконец, третья страна — это...

Моя родина. Автобиография

Поездка в Азию; Гусек - 2 листа; Кавказ; Тюрьма (будто путешествие <*приписка:* из Кащеевой цепи>) — 2 листа; В краю — 2 листа; Колобок — 6 листов; Царь природы — 2 листа; Черный араб — 2 листа; Жень-шень — 4 листа; Кладовая солнца — 2 листа; Микрогеография (Календарь природы) — 2 листа. Всего 24 листа. Заключение.

Выбрать за лето одну неделю и в Москве сделать сборник.

(«В краю непуганых птиц» будет представлен статьей о поездке на канал.)

24 Мая 1947. Охрана природы. Наверно, и сейчас еще живы люди, кто помнит, когда на Тигровой сопке Владивостока маячили деревья, остатки девственной тайги. Лет 15 тому назад, когда я там был, деревьев там не было. Но люди там, наверно, или сажают деревья, или скоро непременно будут сажать. Тоже и на Кавказе по пути от Нальчика вверх на Эльбрус вы видите жалкие леса и пепельные скалы, но снизу эти горы уже начинают обрастать и парками, и садами с большими пасеками. Хорошо ли это, что так резко враждебно разделяются между собой дело природы и дело рук человека? Я думаю, что это очень нехорошо и свидетельствует о некультурности человека. Мы, русские люди из лесной зоны, знаем и по истории, и сами на севере даже теперь можем видеть, с каким трудом вырубается из леса пионер-земледелец и выходит на свет из леса: лес-бес. Мы знаем по истории, что человек выходит из леса индивидуально: выходит человек и расселяется починками (пионерами). Этот навык индивидуального расселения, индивидуальной борьбы наглядно можно видеть в любом дачном поселке под Москвой. Порубка деревьев тут ограждена строжайшим законом, но деревья мешают индивидуальному огороду. Борьба с законом начинается постепенной обрубкой сучьев на соснах, из года в год, пока не останется дерево, похожее на пальму, предоставленное ветру, опаханное, быть может, с подрубленными корнями. Пришла сильная буря и валит такое дерево прямо на провода, на заборы. Так дачник, как предок его на починке, освобождается от леса. Все это понятно, но как происходит «некультурность» при пла-

новых социалистических предприятиях? Особенно это заметно на местах новостроек. Вот недалеко от Переславля-Залесского среди торфяных болот на реке Векса был крутой берег, покрытый на песке вековыми соснами, любимое место отдыха служащих города. Пришло время на этом прекрасном месте устроить поселок для разработки торфа. И строительство началось тем, что все эти сосны срубили. Теперь на этом месте стоят обжигаемые летним солнцем бараки, магазины, ясли и, что особенно обидно, дом культуры (клуб), делом которого, между прочим, является, конечно, насаждение зеленых растений, быть может, тех же сосен, которые срубили по глупости. Но почему же нельзя было раньше при планировании строительства подумать о том, что нужно двести-триста лет, чтобы срубленную сосну на песке заменить новою? Разве Ленин не дал нам урок охраны природы? Наступило время охраны...

26 Августа 1947. Мысль моя в том, что чувство родины обнимает собой географию нашего рождения как нечто постоянное: такой-то человек родился там-то под таким-то меридианом («звездой»). Но рядом с этой географией рождения в чувстве родины есть у многих людей мечта о какой-то небывалой стране, которую надо открыть, куда надо попасть. Одно чувство влечет нас в дом, другое из дому. Но мысль моя в том, что вот именно оба эти устремления, и в дом и вон из дома куда-то вдаль, составляют единое в себе чувство родины. Это я беру из своего опыта и постараюсь показать на образцах своих сочинений.

Взять, к примеру, испанца Колумба. Чтобы открыть Америку, Колумб покинул Испанию, но разве не ясно нам всем, что открытие нового материка, «Америки», было внешней формой деятельной любви Колумба к своей родной Испании. Разве не ясно нам тоже, что Нансен своим подвигом на «Фраме» во льдах Северного океана прославил свою родную Норвегию, а Миклухо-Маклай своим подвигом в Новой Гвинее прославил Россию. Так точно, если сличить жизнь мальчика-охотника в смоленских лесах, Пржевальского, с его дальнейшими работами, то опять-таки ясно окажется, что любовь к родной природе, расширяясь, уводит нашего знаменитого географа далеко за пределы родной географии. Чувство родины похоже, как скрещиваются два противоположных потока, [один поток, несущий] щепочку нашего личного бытия к нашему материнству, к нашему дому, к нашей родной географии и нашему Бывалому, и другой поток, несущий

нас в небывалое, новое, с тем, чтобы и это небывалое сделать родным, своей родиной. Так и наша Россия, расширяясь, дошла до берегов Тихого океана... <*Зачеркнуто:* Эту мысль о двух полюсах чувства родины может каждый увидеть не только в делах известных географов и писателей, но и каждый может списать со своей собственной души, если он только захочет приблизиться к истокам своего чувства родины. Я хорошо помню, что впервые <*не дописано*>>.

Есть в художественной литературе много произведений, посвященных первому пробуждению чувства любви. Таким рассказам обыкновенно предшествует небольшое вступление, в котором кто-нибудь ставит вопрос и другие рассказывают случаи из своей жизни. Пусть же ставится вопрос не о первой любви, а о первом чувстве родины, и я на этот вопрос отвечаю. Мне было восемь или девять лет, когда меня из деревни привезли в город Елец и устроили в классическую гимназию. Мать обняла меня и велела глядеть в окно. Вон, — показала она, гора Черной слободы, я по ней поднимусь: ты гляди, я там поеду. А вон Кладбищенская березовая роща. Там на скамеечке сидит старичок ты его видел с колокольчиком на тарелочке. Он позвонит в колокольчик. Я остановлюсь, положу ему в тарелку копеечку и попрошу его за тебя помолиться, чтобы ты хорошо учился. Ты это все увидишь, гляди и не плачь. Мать уехала. Я с интересом следил из окна за гнедым Соколом, как он поднимался на гору, видел, как подошел старичок, видел, как Сокол скрылся за Кладбищенской рощей. И как только Сокол скрылся, тут и случилось, что я и почувствовал, и в то же время потерял свою родину. Конечно, и телом и душой этой родины была мать, только мать, высокая, загорелая, как мне казалось, всемогущая женщина. Но яблоки в саду, и ягоды, и птицы, и небо, и воля полей, и лесная таинственная тень, и вся природа — это все было в матери. Сокол, гнедой жеребчик, третьяк, запряженный в плетеную тележку, — это мелочь, и Черная слобода, и сад, и мать как женщина тоже не все, а вот это что-то большое, огромное, исчезнувшее от меня, около чего мать стояла — что это? Понимаю теперь в этом первые прикосновения к моей детской душе чувства родины, потому что потом взрослым, вынужденным учиться за границей, испытывал то же самое чувство, так называемую тоску по родине. Собственно говоря, в этом расставании с Соколом в окошке еще не было настоящего чувства утраты родины: это было только предчувствие. Утрата началась, когда я предста-

вил матери дурные отметки и она не приняла моих оправданий и стала на сторону моих врагов учителей. Вот тут-то началась настоящая утрата, отчаяние, запойное чтение американских романов и первые намеки на возможность убежать в такую страну, где нет латинской грамматики. Чувство утраченной родины и вера в новую родину, которую можно найти, открыть совершенно так же, как открыл Колумб свою Америку, пришло ко мне в девятилетнем возрасте с такой силой, что я в эту неведомую прекрасную страну попробовал даже убежать из гимназии. Вот это первое путешествие и определило всю мою дальнейшую жизнь. Приезжая в новую страну, я начинал с того, что искал себе дом. Так давно это было, так это давно во мне началось, что никто бы не стал меня слушать, если бы я не сумел в себе сохранить того мальчугана, и благодаря ему теперь совершенно ясно могу понимать современных мальчуганов, в отношении чувства родины имеющих точно такие же души, какая была и моя. Точно так же и у них у всех родиной бывает некое материнское Данное и то новое Небывалое, к чему мы...

I. Первое путешествие. Конец.

Страна непуганых птиц.

Колобок.

Первой книгой моей в издательстве Девриена была книга о культуре картофеля в полевой и огородной культуре. Ни малейшей мысли у меня не было о литературности книги. Также не было претензии и в этнографической книге «В краю». Но читатели приписали мне особые способности в литературе и высоко оценили ее в декадентское время за простоту. Вот почему в следующую книгу «Колобок», не выпуская из виду географию, я попробовал применить свои способности писателя. <*Приписка:* Может быть, если бы мне удалось, создать себе профессию и определить свое место в иерархии ученых, я тогда мог бы создать... > Плохой вышел из меня ученый, но я не нахожу слов благодарности тем ученым, кто показал мне лабораторный труд и учил пользоваться методами науки. Я видел потом великих людей, имена которых известны всему миру. И в то же время я великих людей не видел: все они были очень скромные люди, и их величие было лишь от того, что они имели способности и возможности стать ближе всех нас к Великому, к делу познания мира. Да, не успел я ничему хорошо научиться в храме науки,

но я вынес из этого храма чувство благопристойности и благоговения великих ученых к предмету своего изучения. Вот это чувство я и старался перенести на природу как на предмет моего поэтического изучения и оттуда на страницы моих книг. Это и было замечено читателями, и это является секретом прочного успеха моих книг о природе. Кроме чувства благопристойности, перенесенного мною как поведение из храма науки в искусство, я обладал еще одним богатством, которым обладает почти каждый человек, но не ценит его и даже не замечает: до того этого богатства много, до того это ничего не стоит себе! На великой войне, когда обладание родиной было утрачено, очень многие люди стали отзываться на это чувство, как отзываются растения на те питательные вещества, которые в почве содержатся в минимуме. <*Приписка:* Я назову это богатство чувством природы, и в природе — любовью к родине, и на родине — любовью к языку своего народа. Любовь к русскому языку я почувствовал в Германии, когда по необходимости должен был там целых два года говорить по-немецки.> Какую-то такую свою родину в своей стране я чувствовал с малолетства, и вот это чувство я понимаю теперь как свое великое богатство, которое было в моем распоряжении, когда я взялся за перо. Людей с этим богатством обыкновенно иронически называют «поэтами в душе». Конечно, и мне было бы стыдно теперь назваться «поэтом в душе», но я столько поработал в оправдание такого призвания, что, мне кажется, имею полное право назвать себя «поэтом в душе», и мало того! я, благодаря своему опыту, теперь имею возможность вскрыть, какие богатства таятся в душах у подобных мне «поэтов». Особенность этих душ, что они обыкновенно еще в детстве чувственно соприкасаются с природой посредством охоты. Наша русская народная охота в значительной степени и до сих пор еще <*не дописано.*> Охота наша, конечно, постепенно будет делаться спортом и будет доставлять здоровье и радость с той же силой, как и всякий спорт. Но в нашей русской культуре охота не была просто спортом. Наша охота была душой экспедиций <не дописано>.

Чувство родины, которое мы все так близко узнали во время великой войны, имеет в своих истоках такие же определенные географические очертания, как и ручей, протекающий из моховых болот в океан. Чувство родины, тоже как и вода в ручье, не стоит, а движется. С одной стороны — точка географии — как будто стоит, с другой — преодоление всяких границ: ручей ро-

дины бежит в океан. И движение к новым неведомым странам, скорее всего, является движением нашего же чувства родины. Иначе как объяснить, что имена всех великих путешественников так определенно связываются в нашем представлении с местом их Родины, Колумба с Испанией, Нансена с Норвегией, Миклухо-Маклая с Москвой, личность Пржевальского в его путешествиях есть рост и прямое продолжение жизни любознательного охотника — мальчика под Смоленском. Но зачем догадываться по другим людям, если сам испытал и можешь о чувстве родины списывать прямо со своей души на бумагу. Моя родина — Орловская область, под Ельцом.

Моя страна. Моя художественная литература («беллетристика») образовалась на переходе от научной деятельности, к которой я готовил себя, к художественной (поэтической). Вот почему все, что я написал, носит характер «исследования» художественного, направленного к характеристике лица края. Частое повторение местоимения «Я» исходит не от горделивого самоутверждения или условного эгоцентризма, обычного в поэзии, но скорее как скромная поправка на личность при поэтическом утверждении факта. Я глубоко убежден, что всякий большой молодой географ, как всякий путешественник, охотник, непременно «поэт в душе» и мог бы эту скрытую энергию очень плодотворно использовать. Как я хотел бы этой книгой быть полезным для всех таких «поэтов в душе». И если в этом сборнике я говорю «моя страна», то я хочу сказать: «так она мне представляется, и я надеюсь, она такой и для многих является, а может быть, она даже такая и есть». В то же время словом «моя» мне хотелось бы отграничить виденное мною от всей страны.

Мне удалось сделать художественные характеристики ландшафта средней России, Севера, Дальнего Востока, Казахстана и еще кое-что, значит, очень немного для всего ландшафта. Гоголь мечтал описать всю страну, но и такой великий талант как мало что мог сделать в отношении ландшафта всей страны, даже и такой великий поэт. Нет! эта задача, наверно, никому не под силу. Значит, остается эту задачу предоставить времени, чтобы время это началось мною, другим кем-то, третьим, а кончилось не моею, не твоею, а нашей страной.

7 Сентября 1947. 800-летие Москвы. Солнечное утро, на крышах Москвы чуть заметны белые следы утренника. Дела мои: 1) утро до обеда — смажут машину, достать электролиту, 2) после

обеда Елагин. К главе «Черный араб». В 1909 году высший слой литературы в Петербурге был насыщен бродячими мыслями, ищущими своей материализации. Чего только ни высказывалось на религиозно-философских собраниях, о чем только ни мечтали люди, одержимые бродящими по свету мыслями. Создавалось в этом хаосе полупризрачное существование, похожее на сказочные души в непоказный час рождения людей: присыпушей, удавушей, заливушей. Среди них были и замечательные поэты, как Александр Блок, но даже и такие почти гениальные люди держались неукрепленно, как держится прямым синим столбом в тихую погоду выходящий из трубы дым. Как хочется вырваться из этого душного Петербурга и укрепить себя где-то в действительности, где люди живые бьются за свое существование день и ночь и радуются по-детски, если выйдет какое-нибудь облегчение. И не все ли равно, где найдешь такую утвержденную жизнь: там, где есть эта жизнь, там и есть твоя родная страна, твоя родина.

Я взял себе работу и заботу описать жизнь переселенцев в Сибири, но как только прикоснулся к земле, к степям Казахстана, растянувшимся [за горизонт], забыл о взятом, и все пошло по-своему, так и найдена была область, где мне можно было определиться себе самому и увидеть то настоящее, о чем думал среди призрачного. Но только это прикосновение к земле, замеченное издревле, мне кажется неизбежным этапом творчества: тут видит человек сам себя. Пусть у великих мира происходит это незаметно, и нам кажется, будто Шекспир легко определяет и на небе, как на земле. Но если вникнуть глубоко, то Шекспир со своей поэзией рос из земли, как и мы растем, скромные «поэты в душе».

Я чувствую теперь в себе корешок, которым я [укрепился] в солончаковой степи за Каркаралинском. Степная низенькая трава «кипец» — и сейчас помню. И пусть «кипец», и пусть бы я узнал от киргиз, что он сладкий и, что его очень любят бараны. Нет, мало того, надо вытащить кипец, поглядеть его корешок, разжевать, как и что. Я сам был корешок и, наверное, мог бы написать большую географическую книгу, но я услыхал от возницы, что Каркара — это значит черное перо и Каркаралинск назван так, потому что красавица Баян-Су на этом месте оставила черное перо.

13 Сентября 1947. Откуда это взялось в человеке, что тянет его как птицу перелетную оставить родное гнездо и уйти искать

небывалое? Конечно, есть много разумных ответов, начиная с нашей догадки о том, что стремление вдаль есть продолжение движения младенца, выходящего из утробы матери. Но все подобные догадки имеют одно общее свойство, что они только догадки. Между тем почти каждый из нас в своем опыте непременно участвует в этом движении, искренне сам всей полнотой своей личности, или, как говорят, душой. Так не лучше ли, чем просто догадываться о происхождении своего чувства родины, обратиться к личному опыту. В моем опыте все радости детства омрачались общим тоном тревоги за прочность этой радости, сомнением в том, что радость эта настоящая, и догадкой о том, что у нас все не так, как у настоящих людей — что где-то там, где-то вдали хорошо. Это было чувство какой-то родовой неуверенности, похожей на трепет осеннего листика, каждое мгновение готового оторваться и улететь. Это самое чувство тревоги не оставило меня до сих пор, и я о нем и теперь говорю еще с большей уверенностью, чем об окружающих меня внешних предметах. Только при большой усталости, болезни или, бывало, в дни празднично сытого довольства, это чувство покидает меня. И тогда, лишенный самого чувства и тем самым возможности удовлетворять себя творчеством, я иногда понимаю немного людей, называющих это состояние скукой. Чувство родины в моем опыте есть основа творчества. А может быть, неизбежно творческий талант открывает мне чувство родины, и каждый одаренный создает свою страну и этим увлекает других? Конечно, и так может быть: звук исходит из разных источников, но мембрана одна и эта мембрана есть родина...

14 Сентября 1947. Еще я думал о том, что же в конце-то концов определяет прочность и сохранность во времени произведений искусства. Первое, какое-то отношение к детству: единственное прочное произведение у Горького «Детство», источник Толстого — «Детство, отрочество и юность», Пришвин — весь в детстве и в родине. Второе — это чувство родины, культ матери. Третье — личность, т. е. слово свое из себя самого, как у царя Давида.

Не лирика ли является в писаниях тем золотом, которое определяет их прочность и ценность. И эпос есть не что иное, как скрытая лирика. Моя сущность есть лирика. Лирика в географии. География, принятая к сердцу. Тема казенная, наша: принять к сердцу общественность, социализм. Почему это-

го нельзя сделать, как делаю я с географией. Потому что своя душа ищет утверждения в вечном. (Пафос царя Давида, Пришвин и его география.) А общественность есть нечто временное, переходящее, и, может быть, общественность в положительном смысле есть форма переживания личности (Выше нет любви, как отдать душу...). И другая общественность (государственная) есть сила греха, т. е. тоже личное переживание. Общественность наша — есть источник принудительной добродетели, гашение личности.

2 Октября 1947. Начало главы «Непуганых птиц». Трудны первые слова во всяком рассказе и сказке, трудно начать самое глупое, какое-нибудь «жил-был на свете серенький козлик». Так точно и профессию поэта или писателя начать трудно именно потому, что уж очень глупо начало, очень стыдно умному человеку взять и написать, что жил-был на свете серенький козлик, и сконфуженно передать эту глупость умному редактору. Вот отчего и принято, наверно, говорить: «дуракам счастье». Но я не был глуп, я начал делать глупые вещи, потому что очень перемучился от умных вещей. Я был почти до 30 лет жертвой слепой веры наших отцов в науку и что каждый, соприкоснувшись с наукой, сделается хорошим человеком и сделает людям много добра.

Начало. [Служение Родине]. В Рижский политехникум я поступил юношей, исполненным веры в науку, но марксисты, начинавшие тогда свою пропаганду, с первых же шагов на этом поприще стали расшатывать мою веру и, я бы сказал, раскулачивать мои те, перенятые из моей среды на веру, убеждения. Они говорили, что наука превратит меня в инженера на службу капиталистам. Как Черчилль до сих пор не может понять Ленина, подчиняющего свою физическую родину динамическому претворению ее в родину социалистическую, так и я не мог подчинить свою веру в науку вере в социализм, пока новая вера в научный социализм не разгорелась во мне пожаром. Конкурентами марксистов были народники, численно во много раз преобладавшие над марксистами. Вождем народников был некий Богомазов, очень типичный для них жертвенный тип, воспитанный на жалости к людям Глебом Успенским. Вождем марксистов видимым был В.А. Горбачев, высокий, широкий в плечах красивый человек с широкой русской бородой. Он был серьезен, в глазах у него был трагический огонек. Он кончил тем, что попал в высылку за границу. Невидимым же для всех вождем этого

кружка был Василий Данилович Ульрих, немолодой уже человек, известный в истории марксистской революции, отец нашего современника советского дельца В.В. Ульриха. Народники увлечь меня не могли, потому что с детства у нас в семье были народники и культ Глеба Успенского. Это было уже у нас в быту и воспринималось с почтением, но не революционно. Марксисты же ежедневно в чертежных и лабораториях задорно и уверенно высказывали нам мысли о роли личности в истории (по Белинскому), и диалектике истории (по Марксу), и философии природы (по Энгельсу), и о золотой куколке, в которую прибавочная стоимость превращает все наши лучшие душевные ценности (по Марксу). Во все это я вникал. И все это волновало меня и нравилось, но я был усердный студент, наивно верующий в науку, они же на мою веру смотрели, как на буржуазный предрассудок: все кончится тем, что я сделаюсь инженером и меня купят на службу себе эксплуататоры рабочего класса, капиталисты. Жизнь потом доказала, что они были неправы: немало инженеров из нашего политехникума работало все тридцать лет при советской власти, и, наверное, два-три есть и теперь из тех, кто были со мною. В этом они были неправы, но эта маленькая неправда исчезала в большой, что близится время мировой катастрофы, и чтобы спасти человечество, надо стать впереди и бросить свое личное дело. Вот в этом «бросить» и был весь нравственный упор: мать моя работала всю жизнь на банк, чтобы дать нам образование — как же это бросить? С другой стороны, основная тревога, перешедшая в мою душу, может быть, через гувернера моего под амбаром, через этих Адама и Еву, а может через *<3 нрзб.>* требование бросить все личное и отдать свою жизнь за какой-то новый идеал передового общества. Марксисты предлагали мне вступить в их тайную школу пролетарских вождей. Я очень колебался. Мне кажется, это было весной перед каникулами 1896 года. К нам в политехникум поступило на химический факультет с Кавказа предложение прислать химиков для борьбы с филоксерой, страшным вредителем виноградников. Вся наша школа пролетарских вождей и народники тоже поехали. Я решил тоже поехать, и это решило мои колебания. Психологически это было очень похоже на побег мой в неведомую страну из первого класса гимназии, те же колебания, тот же трепет перед неведомым будущим, та же самая жалость к тем, кого оставляешь и, в конце концов, появление сурового жестокого «надо», поглощающего всякое личное «хочется». Мы приехали на Кав-

каз и собрались в Гори, не только рижские студенты, а из разных высших учебных заведений, и все больше народники. Нас встретили в Гори — оба организатора филоксерного дела братья Старосельские, старые петровцы. Старший брат Владимир был губернатором на Кавказе, но слетел и теперь от нечего делать взялся спасать виноградники. Оба брата были народники, студентов они себе подбирали, и только наша школа пролетарских вождей явилась нежданно-негаданно. Целый месяц мы должны были под руководством Владимира Старосельского подготовляться к работе на виноградниках. По утрам мы занимались с микроскопами, а вечером до глубокой ночи за большим столом с бурдюком кавказского вина спорили о роли личности в истории и о других подобных вещах. Я не был еще тогда в состоянии спорить, не хватало мне для этого какой-то черты, за которую я не смел переступить. Но эта черточка ко мне приближалась, какой-то поплавок поднимался во мне с каждым днем все выше и выше. Я еще спорить не мог, но я усердно и даже отчаянно занимался в школе вождей: читал трудный «Капитал», изучал спор Энгельса с Дюрингом, переводил с немецкого «Историю социализма» Меринга и с особой страстью «Женщину и социализм» Августа Бебеля. В сущности, я, сам не зная того, был уже активным членом школы, потому что главным делом кружка был транспорт революционной литературы из-за границы, переводная работа и организация рабочих на заводах. Рассматривая теперь свою жизнь со стороны по дневникам и напечатанным сочинениям, я вижу ясно в себе судьбу «поэта в душе», вовлеченного в до крайности несродное ему дело. Начни я с литературы, к которой пришел после стольких лет, кажется, так напрасно потраченного времени на химию, агрономию, политическую экономию, я был бы на своем месте. Так если я ошибался, то какой же пример можно вывести из моих личных ошибок и зачем об этом писать. Вот тут-то, однако, и нахожу возражение. Мне кажется, что «поэтов в душе» гораздо больше, чем думают, что, может быть, в какой-то зачаточной стадии даже каждый из нас является «поэтом в душе». И если у меня столкновение моего личного «хочется» с тем, что «надо» вышло особенно резко, то тем показательней мой пример для тех, у кого поэзии в жизни было немного. Природа Кавказа на меня действовала бессознательно: я ею не любовался, не удивлялся. Помню большую веранду, где мы пили вино и вели свои споры, огромное дерево орех, под которым праздновали с грузинами и пили много вина. Месяц большой красный

между горами, сырая долина, крик гортанный и лязг оружия в близком духане. Но главное было в том, что я не помню, потому что только после Кавказа я стал сознательно понимать и родную природу. И самое главное нельзя было помнить, потому что оно, поступая в меня, тут же и переделывалось в «Женщину», которую я переводил, и в ту бебелевскую мировую катастрофу, которую он в «Женщине» обещал нам еще в наши дни. После, через много лет я читал эту «Женщину», может быть, даже и в своем переводе, и до крайности удивлялся, какую мог я найти в этой книге поэзию. Но мы ездили верхом по горам...

3 Октября 1947. Теперь я помню свое уверование, похожее на мгновенное огненное короткое замыкание: вырвался сноп света, и я поверил, что мировая катастрофа совершится непременно еще при нашей жизни, и мы этому должны служить всей душой, а лично жить, сами, будем уже после того. Я не знаю, как подходили к сознанию необходимости мировой катастрофы наши вожди, Ульрих и Горбачев, они были старше, в ином опыте, или, может быть, иного душевного сложения, но мы, все рядовые овцы их стада, я знаю, подходили к мировой катастрофе тем же, как я понимаю это в себе, поэтическим путем. Разъезжая верхом по горам и долинам от виноградника к винограднику, вместе работая и над книгами, и над филоксерой, мы невольно и сдержанно сближались. Я помню, однажды вечером мы переезжали из одного осмотренного виноградника в другой. Навстречу нам из-за черной горы вышла такая большая звезда, каких в жизни своей после того не видал. Я сказал товарищам, что вот какая звезда, что у нас таких нет, что это наверно, только тут, на юге. Все посмотрели на звезду и все поняли друг друга в том, что каждый в этой звезде увидал свою звезду, и что об этом говорить и очень хотелось бы, и неловко и стыдно раскрываться. Так ехали долго и, объезжая звезду, повертывали на нее головы и молчали. Мне кажется теперь, что мужественное целомудрие входило в состав нашей веры в мировую катастрофу. И что узнавание в этом друг друга, и ежедневный перевод, обсуждение раздумье по канве Бебеля о женщине прошлого, настоящего и будущего постепенно заключало нас в круг единого переживания. Все мы были дети разночинцев, никто нас не воспитывал в каком-нибудь рыцарстве, но все мы были естественные рыцари, и обычные пошлые высказывания в мужском обществе были от нас далеки бесконечно. Мы приехали ночью в очередное по плану поместье, принадлежавшее местной грузинской княжне, по-

сле коротких переговоров служанка привела нас в комнату. Мы разложились, устроились и собирались ложиться спать на широких тахтах, как вдруг в дверь из соседней комнаты раздалось тихое постукивание. Не ошибся ли я? С этим вопросом мы молча поглядели друг на друга, потом все на дверь и вслушались. Тихий робкий стук, видно одним пальцем, повторился, и все мы в один голос ответили: «Войдите!» И вот это на всю жизнь: такое навсегда остается. Вошла та самая звезда, о которой мы мечтали по пути, не смея ничего своего друг другу открыть: трудно теперь по правде сказать, была ли эта девушка очень красива в действительности, но нам она показалась звездой. В бархатной шапочке со звездочками, в прозрачной фате, спадающей на плечи, с не сходящей улыбкой и словами приветствия на смешанном русско-грузинском языке [подошла] к каждому, устроила каждого удобно, сама приносила одеяла, подушки. И мы уснули. Но вот пришло утро. Мы распределились на винограднике, каждый на своем участке. В прохладе там я переводил третью часть книги Бебеля «Женщина будущего», мысли, слова ложились как кирпичи, как камни, но мы знаем теперь, что камень из огня вышел, что в камне огонь. О камень огонь высекали. Время от времени поток моих огненных чувств перебивал рабочий с кусочком подозрительного корешка. Рабочим за находку филоксеры назначалась награда и они потому всякое желтое пятнышко принимали за виноградную вошь. Я взял корешок, посмотрел его в лупу — и первый раз это была филоксера. В то же время у товарищей происходило то же самое. Мы сошлись возбужденные, мы уже начали думать, что нет никакой филоксеры, что все это в области подозрения. Но мало того, что мы нашли филоксеру: весь виноградник представлял собой типичную филоксерную чашу концентрическим положением внутренней жизнедеятельности лозы к центру. Случилось то, чего мы боялись: мы должны были сжечь сероуглеродом виноградник, который мог бы еще лет десять кормить нашу княжну. Что делать? Мы продолжали исследование до вечера, составили план филоксерной чаши, написали акт. И молча улеглись спать, и как тогда о большой звезде, так и о княжне друг другу ничего не сказали: мне кажется, каждый из нас думал про себя, что с княжной [как-нибудь обойдется]. И вот среди ночи что-то меня разбудило, что-то похожее на стук в дверь. Я прислушался и опять услыхал, как тогда, тихий стук одним пальчиком. С тех пор прошло полстолетия, но столько и должно было лет пройти, чтобы я мог

наконец потерять совесть и признаться: не женщина прошлого, не женщина будущего после мировой катастрофы, я понимал в величайшем волнении, что это женщина настоящего вызывает меня. <*Приписка:* Именно меня — не знаю. Нам всем так в жизни кажется, что если уж постучит, то это уж мне.> На счастье рядом лежал мой электрический фонарь. Я нажал на пружинку, и что ж я увидел! Точно так же, как я, все товарищи, там Соловей, там Земляк, там Петр Николаевич, приподняв головы с подушки, напряженно смотрели на дверь и каждый, конечно, думал: это его, именно его, счастливца, вызывает к себе женщина настоящего. Так вот подумать теперь через 50 лет, как бы все обошлось с филоксерой на Кавказе, если бы мы работали на винограднике поодиночке. И вспоминается из Первой мировой войны, как шел в свою часть по насыпи, и как вдруг ахнуло разом спереди, как вдруг засвистели пули, и только-только хотел прыгнуть и залечь в канаву, как вдруг догнал меня офицер, и я ему весело сказал: «Как славно пчелки жужжат!» И он тоже сказал: «Славно», хотя в одиночку, наверно бы, прыгнул в канаву. Так и мы утром, каждый, погасив в себе женщину настоящего, оформили акт и сожгли виноградник во имя женщины будущего. Где была эта долина я не могу теперь точно сказать, и как звали княжну не помню, и товарищи мои по школе пролетарских вождей умерли. Но тут же около этих дней и мест зажглось во мне чувство мировой катастрофы, как движение души от физической географии родины в какую-то новую [жизнь]. Так было в юности, а теперь и стар и мал, хочет, не хочет, а все куда-то идут. И то ли увидишь, если бы удалось еще столько пожить.

24 Октября 1947. Явилась смутная мысль о том, что «Царь природы» можно сделать не единой повестью, а книгой рассказов из эпохи строительства Беломорского канала. Первый рассказ — «Падун», второй рассказ — о «Вечном рубле».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В алфавитный указатель не включены имена мифологических, фольклорных и литературных персонажей, а также Валерии Дмитриевны Пришвиной ввиду частой упоминаемости ее имени на страницах Дневников.

СОДЕРЖАНИЕ

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин

ДНЕВНИКИ
1946–1947

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Иннокентий Гридин*
Корректор *Лариса Касьянова*
Верстка и оригинал-макет *Вера Брызгалова*
Художник *Евгения Васильева*
Технический редактор *Евгений Янович*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

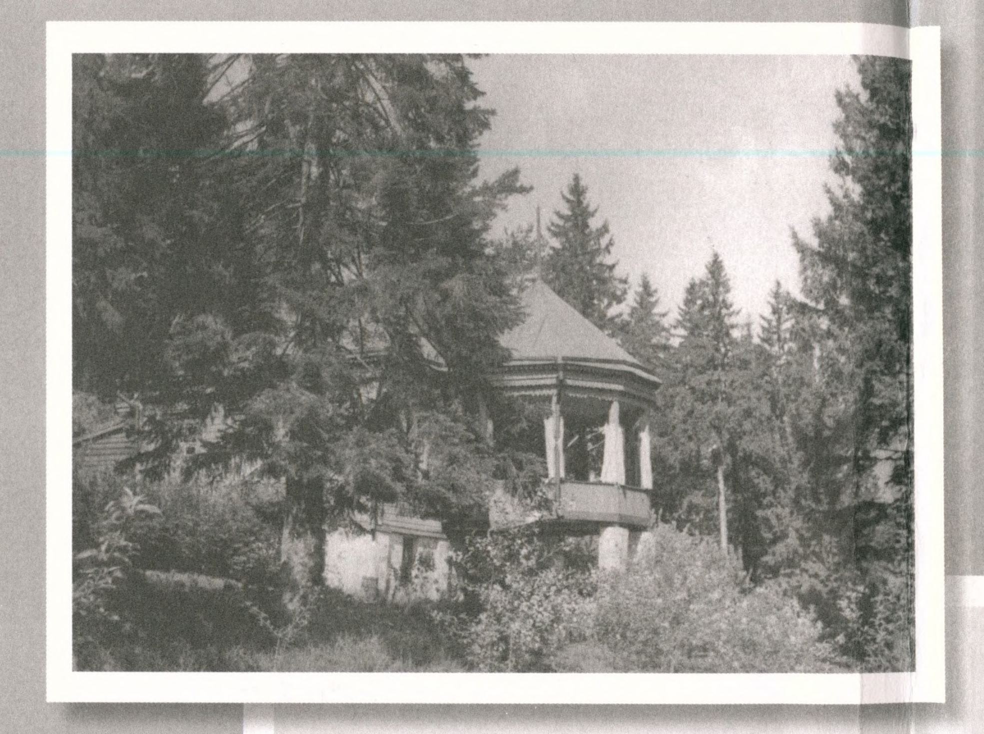
НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
http://www.novhron.info

ISBN 978-5-94881-222-9

9 785948 812229

Подписано к печати 11.10.2013
Формат 84x108/32. Бумага офсетная№ 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,25
Тираж 2000 экз. Заказ № 1437.

Отпечатано в
ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.
Тел.: 8(8352)28-77-98, 57-01-87
Сайт.: www.volga-print.ru

1946

1947